В.П. Марченко

Ватикан – Московия – – Сибирь

XVI–XVII века

ИНСТИТУТ СИСТЕМНО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В.П. Марченко

ВАТИКАН – МОСКОВИЯ – СИБИРЬ XVI – XVII века

Товарищество научных изданий КМК

Москва ❖ 2018

УДК 272(456.31):[94(47).04+271.22(470-25)]
ББК 86.375-12+63.3(2)4-6+86.372.24-3
М30

Марченко В.П. Ватикан – Московия – Сибирь: XVI – XVII века. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2018. 748 с.
Marchenko V.P. Vatican – Muscovy – Siberia: XVI – XVII centuries. Moscow: KMK Scientific Press. 2018. 748 p.

Книга посвящена разведывательно-подрывной деятельности Ватикана против России в XVI–XVII вв. Особое внимание уделено информационным ударам Ватикана по русской православной церкви, а также деятельности ватиканской разведки в Сибири.
The book is devoted to the intelligence and subversive activities of Vatican directed against Russia as early as in the sixteenth and seventeenth centuries. Special attention is paid onto Vatican's information strikes at the Russian Orthodox Church, as well Vatican's intelligence activity in Siberia.

СОДЕРЖАНИЕ

Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно...

А.С. Пушкин

Вместо предисловия

В канун эпохи Великих географических открытий еще не было на нашей планете суверенного государства Ватикан. Оно появилось много позднее, 11 февраля 1929 г., в результате подписания в Риме Латеранских договоров Бенито Муссолини, представителем короля Италии Виктора Эммануила III, и кардиналом Пиетро Гаспарри, представителем папы Римского Пия XI. Сегодня Ватикан — государство в центре Рима площадью 44 га, со своим главой — папой Римским, правительством — курией, гербом, флагом и гимном. В этом государстве —собор св. Петра, апостолический дворец и Ватиканская Библиотека, Ватиканский Архив, хранящий самые сокровенные тайны Европы и мира, дворцы и загородная папская резиденция, гвардия и другие службы, здания и сооружения. Единственное государство такого рода в мире. По оценке специалистов, во всех странах земного шара насчитывается около 968 миллионов католиков[1], и Римская католическая церковь занимает важное и совершенно определенное место на мировой политической сцене.

В то далекое время, на рубеже XV и XVI вв., в центральной части Апеннинского полуострова располагалось государство с названием Папская область. Его главой, то есть высшей светской властью, являлся папа Римский, одновременно являвшийся и высшей духовной властью, главой Римской католической церкви. Столицей государства был «вечный город» Рим, здесь находился Ватиканский дворец, ставший в 1480 г. по воле папы Сикста IV резиденцией Римских пап.

В XIV–XV вв. авторитет папства в Западной Европе катастрофически упал. Процесс объединения раздробленных государств и укрепления королевской власти, возникновение абсолютных монархий привели к созданию крупных независимых государств Англии, Франции, Испании, Португалии и др. Монархи все больше стремились освободиться от политической и экономической зависимости от Рима. Изложенные и некоторые другие обстоятельства в сочетании с так называемым «Авиньонским пленением» пап (1309–1378) вызвали религиозный кризис в Римской католической церкви, Великий раскол. Одновременное существование двух,

[1] Хроника христианства. Пер. с нем. В. Годфрида. М., 1999. С. 450.

а позднее и трех пап не только раскололо католическую церковь, но и существенно повлияло на формирование межгосударственных политических и экономических отношений. Ряд стран, связанных с Францией, группировался вокруг папы Климента VII (1378–1394), англосаксонские и немецкие князья признавали папу Урбана VI (1378–1389). Отношения между папами и их сторонниками носили откровенно враждебный характер. Известен пример, когда папа Урбан VI, заподозрив в своих рядах заговорщиков, приказал зашить в мешки пять кардиналов и сбросить их в море по пути из Рима в Геную.

Реальное положение дел в руководстве католической церкви объективно привело к утрате папами власти и влияния не только на церковь, но и на католических монархов и их окружение. Попытки восстановить былое положение папства заключались в созыве соборов, имевших целью преодоление разногласий среди различных ветвей церкви и избрание одного и единственного папы. Решению этой задачи были посвящены соборы в городах Пизе (1409) и Констанце (1414–1418). В работе последнего собора участвовали папа Иоанн XXIII (1410–1415), а также представители пап Григория XII (1406–1415) и Бенедикта XIII (1394–1417). Собор проходил бурно. Иоанн XXIII попытался направить собор в нужное ему русло, хотел расколоть собор, но не получилось, и он был вынужден тайно бежать, после чего его задержали и заключили под стражу. Папа Григорий XII в 90-летнем возрасте отказался от претензий на папский престол, и для него собор закончился без особых издержек. Собор осудил и низложил папу Бенедикта XIII. Иоанн XXIII и Бенедикт XIII были объявлены антипапами. 11 ноября 1417 г. в Констанце был избран новый папа — Мартин V (1417–1431).

Папы Римские надеялись, что кризисные явления в Римской католической церкви наконец-то будут преодолены. Однако конец XV в. привел к зарождению Реформации, которая в первой половине XVI в. нанесла мощный удар по Ватикану. Из-под духовной власти католической церкви вышло значительное число европейских государств — германские княжества, Англия, Швейцария, Швеция, Дания, Норвегия и др. Идеи Мартина Лютера распространялись в самой Италии, Франции, Польше и Литве. Над Ватиканом нависла реальная угроза.

Открытие Христофором Колумбом Америки, наступившая эпоха Великих географических открытий также в определенной степени осложнили положение папства. Казалось, что новые заморские земли должны немедленно пополнить казну невиданными сокровищами и представить Ватикану огромные стада желающих принять католичество заблудших овец. И Ватикан старался использовать сложившуюся ситуацию с максимальной пользой для себя. Однако не все было так хорошо, как хотелось бы. Монархи зарождающихся колониальных государств лихорадочно старались закрепиться на вновь открытых землях и выкачать как можно быстрее и больше богатств, жестко противодействуя конкурентам в их попытках этому помешать. Все это отвлекало европейских монархов от проблем Ватикана и крестовых походов, не способствовало усилению политической и духовной власти папы Римского и его авторитета. Политика Ватикана, направленная на создание независимого, стоящего выше всех папского государства, потерпела крушение.

Открытие богатых заморских территорий вызвало острое военно-политическое соперничество между крупнейшими колониальными морскими державами того времени — Испанией и Португалией. Чтобы избежать военных столкновений, эти госу-

дарства договором в Тордесильясе в 1494 г. разделили между собой все вновь открытые и даже еще не открытые земли в Западном полушарии, а после первого кругосветного путешествия договором в Сарагосе в 1529 г. разделили такие же земли в полушарии Восточном. Заключение этих договоров проходило при посредничестве пап Римских, в Тордесильясе — Александра VI, и в Сарагосе — Климента VII.

Разделив мир между Испанией и Португалией на две части, Рим полагал, что свой-то урожай он будет без особых хлопот собирать на всех территориях, подведомственных обоим государствам. Вместе с тем любая попытка какого-либо другого государства проникнуть в «закрепленные» договорами зоны означала вступление в бескомпромиссный военно-политический конфликт или с Испанией, или с Португалией. Кому понравится, что кто-то откровенно и бесцеремонно запускает руку в его кошелек? Европейским монархам, не имевшим сильных морских флотов или опоздавшим к дележу обеих Индий и прилегающих территорий, перспектива войны с Испанией или Португалией совсем не улыбалась. Европа стала лихорадочно вспоминать географию и искать альтернативные пути в богатые заморские страны.

С этого момента, который примерно можно ограничить 1494 и 1529 гг., Московия как хозяйка сухопутных путей через свою территорию в страны Востока стала объектом разведывательных устремлений европейских государств. А когда стало ясно, что еще есть северо-восточный морской проход вокруг территории Московии и Сибири, который, правда, еще не был открыт, но, как утверждали географы и картографы, существующий и также ведущий в Китай, Японию и Индию, далекие и малоизвестные Московия и Сибирь заняли прочное место в перечне геополитических интересов стран Европы. Целенаправленная разведка Московского государства и Сибири была организована Священной Римской империей германской нации, Данией, Швецией, немного позже Англией, Голландией, Францией и некоторыми другими европейскими государствами. Рим не остался в стороне, он также организовал разведку Московии и Сибири, одновременно надеясь максимально использовать разведывательные успехи других государств.

Разведка была организована Римом по следующим основным направлениям:

Во-первых, сбор всеобъемлющих сведений о Российском государстве, Русской православной церкви и православии, размерах территории, границах, политической системе, экономической и военной мощи, действующем законодательстве, проживающих народах, их численности, верованиях и социально-этнографических характеристиках. Нужно было знать точно — сильны ли Российское государство и Русская православная церковь или слабы, в чем источник их силы или слабости, как их можно использовать в интересах Рима.

Во-вторых, поиск путей и способов распространения политической, духовной и экономической власти папы Римского на огромную территорию Российского государства с неисчислимыми богатствами, к тому же открывающую свободный доступ для сухопутного и безопасного (по сравнению с морским путем вокруг Африки) проникновения в Персию, Индию и Китай, другие страны Востока.

В-третьих, поиск транзитных путей через Московское государство и Сибирь в богатые страны Востока с целью использования этих путей для разведывательного, торгового, духовного и политического проникновения в эти страны, а затем и закрепления там.

Одновременно Рим старался следить за результатами разведывательной деятельности других европейских государств в этом регионе, надеясь, как мы уже говорили, использовать их успехи в своих интересах.

Книга посвящена этой исключительно интересной теме, не получившей, на наш взгляд, должного освещения в исторической литературе — разведывательно-подрывной деятельности Рима против Московского государства и Русской православной церкви в XVI–XVII вв.

Книга представляет собой научное исследование, проведенное на стыке целого ряда направлений исторической науки, хронологически охватывающее XVI и XVII столетия. В их числе: история Российского государства, история Русской православной церкви, история Римской католической церкви, история отношений между Римской католической церковью и Российским государством и Русской православной церковью; история проникновения миссионеров — членов Ордена иезуитов и других католических орденов — на территорию Российского государства, история образования на территориях сопредельных с Россией государств (нынешней Польши, Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии) территориальных и иных подразделений Ордена иезуитов (провинции, коллегии, резиденции, миссии, пробационные дома, дома профессов, новициаты, конвикты и др.); история папской нунциатуры в Польше; история образования на территории Речи Посполитой Униатской (Украинской греко-католической) церкви, Ордена базилианцев (Ордена св. Василия Великого) и их деятельности; история разведывательной и подрывной деятельности Рима против Российского государства, Русской православной церкви и православия; история отношений между Киевской православной митрополией и Московским патриархатом; история Великих географических открытий и история открытия и освоения Сибири.

Книга состоит из раздела «Вместо предисловия», шести глав, заключения, пояснительного словаря, приложений и указателя источников. Как сказано выше, хронологически книга охватывает XVI и XVII вв., два века тайной войны против Московии и Русской православной церкви (в том числе за поиск и обладание транспортными путями через Московию и Сибирь в богатые страны Востока).

Первая глава — «Ватикан и разведка», рассказывает о сформировавшейся, на наш взгляд, в Риме в эпоху Великих географических открытий «Системе» разведывательного обеспечения геополитических интересов Ватикана, об этих геополитических интересах, целях и задачах разведывательной деятельности, принципах ее организации. Рассказ о «Системе» включает в себя причины ее образования, рассмотрение структуры, распределения функций и задач разведывательной деятельности между различными ведомствами. Мы поговорим об участниках разведывательного процесса, расширении географии, профессионализации и специализации разведывательной деятельности, о требованиях к разведывательной информации, ее носителях и возрастании ее объемов. Расскажем о внешних угрозах геополитическим интересам Рима, степени риска разведывательной деятельности. Существенное место уделено формам и методам разведывательной деятельности, в том числе рассказывается об использовании папской нунциатуры в Польше, направлении Ватиканом в Москву дипломатических миссий, а также использовании дипломатических миссий дружественных Риму государств. Представляет интерес рассказ о попытках Рима взять под контроль российскую дипломатию; о миссии Орде-

на иезуитов в Москве и об использовании ее в интересах разведки. Мы поговорим о направлении в Москву эмиссаров, использовании купцов, различного рода специалистов и военных наемников на царской службе, а также миссионеров католических орденов, следовавших транзитом через Московию, и т.д. Первую главу можно назвать базовой, она вводит читателя в существо рассматриваемой темы и рассказывает об инструменте, которым пользовался Ватикан в организации и осуществлении разведывательной деятельности в XVI–XVII столетиях.

Вторая глава — «Разведка Ватиканом Московского государства». После небольшого вступления в главе последовательно раскрывается содержание разведывательной деятельности и ее результаты по всем информационным разведывательным направлениям — политическому, военному, экономическому, социально-этнографическому и географическому (религиозное направление выделено в отдельную главу).

Третья глава — «Разведка Ватиканом Русской православной церкви». Мы расскажем о задачах разведывательной деятельности, носителях и источниках разведывательной информации. В главе рассмотрены такие вопросы, как изучение и оценка Ватиканом православия, его канонов, обрядов, богослужений, праздников, святых, календаря; отличия православия от католичества; изучение церковного управления и структуры Русской православной церкви, патриарших приказов и архиерейских Соборов, патриархов, митрополитов, архиепископов и епископов, епархиального управления. Мы расскажем о сборе сведений по таким важнейшим темам, как взаимоотношения между патриархами и царями, между светской и духовной властями, между Русской православной церковью и народом (и армией), о материальном положении Русской православной церкви, о ее миссионерской деятельности на территории Сибири, отношениях с Восточными патриархиями.

Важное место среди интересов Ватикана занимали вопросы подготовки православных священнослужителей, сведения о наличии учебных заведений, типографий, издании книг, в том числе сочинений полемического характера, обеспеченности переводчиками и справщиками (редакторами). Не менее важное место отводилось сбору сведений об отношении Русской православной церкви и народа к Римской католической церкви, другим религиям и их приверженцам; об отношении царей и патриархов к установлению и поддержанию дипломатических отношений с Римом.

Четвертая глава — «Разведка Ватиканом Сибири». В главе рассказывается о целях и задачах разведки Сибири и транзитных транспортных путей в страны Востока, об источниках и носителях географической информации, классификации сведений и участниках разведывательного процесса. Мы встретимся с автором одного из проектов открытия северо-восточного морского прохода Бенедетто Скотто; с дипломатом и разведчиком Франческо да Колло и познакомимся с первыми собранными им сведениями об Урале и прилегающей к нему территории Западной Сибири. Узнаем об опросе сотрудником аппарата Ватикана Паоло Джовио российского дипломата Д.Д. Герасимова и получении им сногсшибательных сведений о морском пути вокруг Сибири в Китай и Индию, изготовлении по материалам опроса карты Московии знаменитым венецианским картографом Баттиста Аньезе. Мы расскажем об увлеченном папском легате Паоло Чентурионе и его предложениях открыть транзитный путь из Европы через Москву в страны Востока; о родствен-

нике папы Римского купце Рафаэле Барберини и собранных им сведениях о Сибири. Мы также расскажем о дипломате и разведчике Данииле Принце, папском легате Антонио Поссевино и купце Джованни Тедальди, опробовании последним пути из Москвы через Астрахань и по Каспийскому морю в Персию. В главе рассказывается о масштабных сведениях о Сибири и путях в страны Востока, собранных в Тобольске эмиссаром Ватикана, ссыльным Георгием Крижаничем. Мы увидим, какие сведения о Сибири собрал другой эмиссар Ватикана — Яков Рейтенфельс, а также члены Ордена иезуитов, миссионеры Филипп Авриль, Луи Барнабе, Антуан де Боволье. Мы познакомимся с деятельностью по сбору сведений о Сибири и путях в страны Востока двух миссий Ордена иезуитов — в Китае и Москве.

Пятая глава — «Подрывная деятельность Ватикана против Московии». В главе дается определение понятия подрывной деятельности, указываются ее основные направления. Рассказывается о деятельности против русских царей. Раскрывается содержание, на наш взгляд, трехзвенной акции Ватикана, проведенной в семидесятых годах XV в., включавшей в себя, во-первых, заключение политического брака Зои Палеолог с Иваном III Васильевичем, т.е. внедрение агента непосредственно на царский трон; во-вторых, внедрение агента в ближайшее окружение царского трона (Ю.М. Траханиот); и, в-третьих, продажу Ивану III Васильевичу прав на наследование Византийского императорского престола, то есть фактический запуск в эксплуатацию постоянно действующего фактора (раздражителя), склоняющего или вынуждающего русских царей к войнам с Турцией за освобождение Константинополя от турецкого владычества, на первый взгляд, в интересах Москвы, на самом деле в интересах Рима. В главе рассказывается об участии папского нунция в Польше Андреа Калигари в попытке реализовать малоизвестный проект Андреа Лориха захвата Дании и перераспределения прибалтийских территорий к выгоде Швеции, Испании, Польши и Рима, что могло нанести ущерб интересам Московского государства. Кроме того, рассказывается еще об одном проекте кардинального изменения расстановки сил на Балтийском море и прилегающих территориях в пользу Габсбургов и в ущерб Московскому государству, разработанном в 1626 г. Вильгельмом Леммерманом, членом Ордена иезуитов, духовником императора Священной Римской империи германской нации Фердинанда II. Представляет интерес первая попытка непосредственного масштабного идеологического воздействия Ватикана на русского царя — мы расскажем о диспуте между папским легатом, иезуитом Антонио Поссевино и Иваном Грозным. Глава рассказывает об участии Ватикана в деятельности самозванцев-претендентов на царский престол; об исключительно захватывающей эпопее миссионера-августинца Николая де Мело в Московии, его участии в судьбе Марины Мнишек и некоторых других известных исторических персонажей. В главе под другим углом зрения рассмотрена попытка государственного переворота во главе с царевной Софьей, ее заговор объединен с заговором гетмана И.С. Мазепы.

Шестая глава — «Подрывная деятельность Ватикана против Русской православной церкви», самая большая в книге. В главе даются понятие, задачи и направления подрывной деятельности. Что дало бы Ватикану обращение России в католичество? Мы расскажем о первом в XVI в. эмиссаре Ватикана в Московии Николае Булеве (Любчанине) и его деятельности. Мы вновь встретимся с папским легатом Антонио Поссевино; расскажем о поисках в Москве царской библиотеки и

книг, которыми занимался прибывший в составе польской дипломатической миссии выпускник Греческой коллегии св. Афанасия в Риме эмиссар Ватикана Петр Аркудий. А также поговорим об удавшихся попытках незаконного свержения с патриаршего престола патриархов Московских и всея Руси Иова и Гермогена, о незаконном возведении на престол Игнатия. В главе детально рассказывается о деятельности в Москве и Московии еще четырех эмиссаров Ватикана — Паисия Лигарида, Арсения Грека, Георгия Крижанича, Якова Рейтенфельса, в том числе о роли Паисия Лигарида в низложении и дальнейшей судьбе патриарха Никона, его неудавшейся попытке взойти на патриарший престол, и об участии в расколе Русской православной церкви; о двух миссиях Георгия Крижанича в Москву, написании им сочинений, направленных против православия, склоняющих Русскую православную церковь к унии с Римской католической церковью; по нашему мнению, все его работы о славянском языке не более чем прикрытие для занятия антиправославной деятельностью в период нахождения в Московском государстве. Мы расскажем о еще одной неудачной незаконной попытке низложить патриарха Московского и всея Руси Иоакима и незаконно возвести на патриарший престол Сильвестра Медведева, что, на наш взгляд, было бы в интересах Рима. Определенный интерес представляет краткий рассказ о неудачной попытке иезуита Михаила Яконовича быть избранным на Московский патриарший престол в 1690 г., а также о деятельности миссии Ордена иезуитов в Смоленске.

В главе довольно подробно рассказывается о создании Римом нового мощного оружия для борьбы с православием и испытании его на предмет пригодности к использованию в условиях Московского государства. Речь идет, во-первых, о создании на канонической территории Киевской православной митрополии Униатской церкви и униатской религии, захвате униатами православных монастырей, храмов и всей движимой и недвижимой собственности, принудительном склонении православных к принятию униатства; во-вторых, о запрете королем Польши Киевской православной митрополии; и, в-третьих, об образовании Ордена базилианцев. Мы приведем разработанные в XVII в. проект унии и проект уничтожения православного вероисповедания.

Мы также расскажем о роли отдельных представителей Малороссийского духовенства как в защите православия, так и в ослаблении Русской православной церкви (Лазарь Баранович, Иоанникий Галятовский, Иннокентий Гизель, Сильвестр Коссов, Петр Могила, Иннокентий Монастырский, Антоний Радивиловский, Кассиан Сакович, Арсений Сатановский, Феодосий Сафонович, Георгий Скибинский, Мелетий Смотрицкий, Кирилл Ставровецкий-Транквиллион, Мефодий Филимонович и другие). В главе рассказывается о православных священнослужителях, отступивших за рубежом от православия и вставших на путь борьбы с ним (Петр Артемьев, Палладий Роговский, Георгий Скибинский, Иосиф Курцевич, Афиноген Крыжановский), и мерах противодействия им со стороны Московской патриархии. Здесь же говорится о деятельности и роли миссии Ордена иезуитов в Москве.

Отношения между Русской православной церковью и Римской католической и Украинской греко-католической (Униатской) церквами насчитывают не одно столетие. Написано о них немало. Мы постараемся рассказать в рамках избранной темы о том, о чем не очень охотно говорят труды историков. При этом наш рассказ со-

вершенно не преследует цели как-то осложнить отношения между Церквами, омрачить чувства верующих, вызвать дискомфорт в их духовном мироощущении. Мы хотим, чтобы отношения между Церквами были мирными, чтобы они способствовали укреплению добрососедских отношений между народами и государствами.

Если мы и говорим в нашей книге о конкретных представителях духовенства Римской католической церкви, то только о заказчиках и руководителях разведывательно-подрывной деятельности Ватикана против Московского государства, Русской православной церкви и православия, об организаторах этой деятельности и ее непосредственных исполнителях в XVI–XVII столетиях.

Это рассказ о том, что было. А что было, то было. И мы не хотим уподобляться тем исследователям, которые, говоря о посетившем Московию иностранце, собравшем зачастую самые разноплановые сведения, например, о дороге от границы Российского государства через Смоленск до Москвы, о местах хранения царской казны, о путях в Сибирь и т.д., называют его нейтральным словом «путешественник». Не путешественник он, а разведчик под той или иной «крышей», и сочинение его — это разведывательное донесение своему монарху или отчет, и дорога от границы до Москвы не дорога на пикник, а дорога военного иностранного вторжения, и места хранения царской казны не экзотика, а первоочередные цели захвата, и т.д. Это сегодня нас отделяют от событий того времени несколько столетий, а тогда эти события представляли собой практическое воплощение геополитических интересов целого ряда государств по отношению к Московии.

На наш взгляд, тема книги весьма интересна, деликатна и остра; собственно говоря, отношения между Римом и Москвой в XVI–XVII столетиях и не могли вписываться в формулу «ни на что не влияющие и не представляющие никакого интереса». За этими отношениями стояли два мира — мир католический и мир православный, католики и православные, государства и Церкви: с одной стороны Папская область и Римская католическая церковь с союзными католическими государствами (при заинтересованном внимании других европейских государств), с другой — Российское государство и Русская православная церковь (при поддержке Восточных православных патриархий). За этими отношениями стояли различия между католичеством и православием, различия между Церквами, а также понимание того, что Российское государство отделяло Европу от Азии и в любой момент могло двери в Азию или открыть, что очень хотелось европейцам, или закрыть. Весьма существенным фактором в этих отношениях также являлось и то, что Рим, Вена, Венеция и Варшава рассматривали Московское государство как весомый аргумент в дипломатическом и военно-политическом противодействии Турции и настойчиво стремились столкнуть Москву в военной схватке со Стамбулом.

Безусловно, исследование такой темы должно базироваться на сведениях о реальных событиях, на документах, отвечающих самым жестким требованиям исторической правды, на документах достоверных и объективных, подготовленных как в Риме и союзных ему государствах, так и в Москве, авторами которых являлись как великие мира сего, так и рядовые исполнители и очевидцы событий, как католики, так и православные.

Исходя из этого, в основу книги положены известные исторической науке источники XVI–XVII столетий: папские буллы и бреве, переписка между папами Римски-

ми и царями, декреты конгрегации «Пропаганда Веры», царские указы, переписка царей и патриархов Московских между собой и с патриархами Вселенскими, материалы Поместных Соборов Русской православной церкви и судебных разбирательств по делам церковной юрисдикции; документы дипломатических сношений между Римом и Москвой; донесения папских нунциев в Польше папам Римским и государственным секретарям Ватикана, донесения и отчеты католических миссионеров о Московии и Сибири. В их числе также донесения членов миссии Ордена иезуитов в Москве руководству Ордена и провинциалам, документы о создании и деятельности на входящих в состав Польши территориях Униатской церкви и Ордена базилианцев (Ордена Св. Василия Великого), о борьбе Униатской церкви с Православной церковью, полемические сочинения по этому вопросу. Кроме того, документы о собранных европейскими государствами сведениях о Московии и православии для Рима, опубликованные в Европе различные сочинения о Московии и Сибири, изготовленные русскими и иностранцами карты и картографические материалы. Многие из названных документов в разные годы были опубликованы в сборниках Актов Археографической комиссии, ЧИОИДР, ЧИОНЛ, ДРВ, ЖМНП, ПДС, РИО и др.

В числе ученых, труды которых использованы в работе над книгой, М.П. Алексеев, В.Б. Антонович, Н.Я. Аристов, Н.Н. Бантыш-Каменский, С.А. Белокуров, Ф. Вержбовский, Н.Н. Воейков, Н. Гиббенет, П.А. Гильтебрандт, А.В. Горский, И. Григорович, Т. Гризингер, Д.В. Дубровская, С. Залеский (S. Załęski), Н.Д. Иванишев, Н.Ф. Каптерев, А.В. Карташев, И.П. Козловский, Я. Корытковский (J. Korytkowski), Н.И. Костомаров, М.О. Коялович, Ю.Ф. Крачковский, О.И. Левицкий, Н.П. Лихачев, митрополит Макарий, М. Морошкин, П.О. Пирлинг, С.Ф. Платонов, Д. Райт, Е. Рыкачевский (E. Rykaczewski), Ю.Ф. Самарин, С.М. Соловьев, М.Я. Стельмашенко, Д.А. Толстой, Филарет, Э. Фраттини, Р. Хенниг, Е.Ф. Шмурло, В.О. Эйнгорн, Л.В. Яновский и другие.

В работе над книгой также использованы сочинения, отчеты, донесения и письма, авторами которых являлись члены Ордена иезуитов Ф. Авриль, Я. Берент, И. Берула, И. Броджио, Ф. Вербист, К.М. Вота, И. Давид, Ж.Ф. Жербийон, П.Д. Кампани, Т. Перейра, А. Поссевино, И. Шмидт, Ф.И. Эмилиани и М. Яконович.

В книге приведены несколько выдержек из текстов на польском языке и одна выдержка на немецком языке. Их перевод на русский язык осуществлен автором книги.

Рим, сказочный Рим. В сегодняшних названиях улиц, дворцов, вилл, станций метро мы можем встретить фамилии Барберини, Вителлески, Боргезе, Фарнезе, Альдобрандини, Паллавичини, Лудовизи, Бонкомпаньи и другие. Представители этих и других древних и знаменитых фамилий сыграли в свое время весьма существенную роль в разработке и реализации политики Рима по отношению к Московии и Русской православной церкви в XVI и XVII вв. С некоторыми из них мы встретимся на страницах нашего рассказа.

Сбор материалов для книги и работа над ней потребовали много лет. Без помощи и поддержки родных и товарищей вряд ли книга была бы закончена, за что приношу им свою бесконечную признательность; при этом особые слова благодарности — сыну Игорю, создавшему мне комфортные условия для работы над книгой с использованием компьютера.

Глава 1. Ватикан и разведка

Первые шаги эпохи Великих географических открытий. Положение папства и его политика на рубеже XV–XVI столетий. Периодизация разведывательно-подрывной деятельности Рима против Московии и Русской православной церкви в XVI–XVII веках. Создание Ватиканом «Системы» разведывательного обеспечения реализации своих геополитических задач. Образование папой Павлом III Комиссии кардиналов, преобразованной папой Сикстом V в конгрегацию «Святой римской и вселенской инквизиции». Образование папой Пием V конгрегации «Индекс». Секретная служба «Священный Альянс». Конгрегация «Пропаганда Веры». Другие структурные элементы «Системы». Учебные заведения Ватикана и передовая для своего времени система подготовки кадров. Католические ордена и их место в «Системе». Возрастание роли и значения географов и картографов. Принципы организации разведывательной деятельности. Геополитические интересы Рима, цели и задачи разведывательной деятельности, распределение функций и задач. Участники разведывательного процесса. Расширение географии разведывательной деятельности. Профессионализация и специализация. Изменение требований к разведывательной информации, значительное возрастание ее объемов, носители информации. Степень опасности (риска) разведывательно-подрывной деятельности для Рима. Внешние угрозы геополитическим интересам Рима. Формы и методы разведывательной деятельности: нунциатуры, дипломатические миссии Рима и дружественных Риму государств в Москву, российские дипломатические миссии; попытки взять под контроль российскую дипломатию; образование и задействование миссии Ордена иезуитов в Москве; направление в Москву эмиссаров, использование купцов, специалистов и военных наемников, миссионеров-транзитников, пленных, аналитиков, географов, картографов, астрологов, духовников, советников и воспитателей монархов.

Начиная с первых веков своего существования Вселенская христианская церковь находилась в состоянии постоянной и бескомпромиссной борьбы с другими Церквами, со многими государствами, их монархами и государственными аппаратами, не признававшими духовную власть Рима над ними и свою подчиненную роль. Врагов было много, в их числе некоторые европейские государства, а также Египет, Сирия, Палестина, Османская империя и др. После разделения Вселенской христианской церкви на Римскую католическую и Восточную православную, в которую в то время входила и Русская православная церковь, Восточная православная церковь вышла из подчинения папе Римскому. Ее опорой стали те государства, население которых исповедовало православие, и, конечно же, в их числе оказались Московия и другие славянские государства.

На протяжении нескольких столетий папство проводило политику достижения верховенства духовной власти (власти папства) над светской властью королей и императоров. В «Dictatus papae» от 1075 г. папа Григорий VII (1073–1085) потребовал, чтобы папа и церковь обладали правом универсального первенства:

«1. Римская церковь основана одним только Господом. 2. Только епископ Римский может называться вселенским епископом. 3. Только он может смещать епископов или принимать их вновь в общение церкви... 8. Только он может пользоваться императорскими знаками отличия. 9. Только у папы все князья должны лобзать ноги... 12. Ему дозволено низлагать императоров. 13. Ему дозволено в случае необходимости перемещать епископов с одной кафедры на другую... 18. Его суждение нельзя ставить под сомнение, и только он имеет право отменять приговоры всех... 22. Римская Церковь никогда не заблуждалась и, по свидетельству Писания, не может впасть в заблуждение... 26. Никто не должен называть себя католиком, если он не согласен с католической Церковью...»[2]. Как бы Вы отнеслись к этим требованиям на месте любого императора (короля, князя и т.п.) после прочтения этого документа или хотя бы пунктов 8, 9 и 12? Вот так они и отнеслись. Прошло более ста лет, и в 1198 г. папе Иннокентию III (1198–1216) так пришлось разъяснять монархам претензии папства на светскую власть: «...И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью... Так в католической Церкви, под которой подразумевается небо, два великих правителя: больший — над душами, и меньший — над телами, которые должны относиться друг к другу как день и ночь: это авторитет папы и власть короля. И как луна получает свой свет от солнца и излучает свет, оставаясь незначительной по своему действию, так и королевская власть получает свой блеск от авторитета папы...»[3].

Прошло еще около 100 лет, и 18 ноября 1302 г. папа Бонифаций VIII (1292–1303) издал в Риме буллу «Unam Sanctam», в которой вновь поднял вопрос о господствующем духовном и политическом положении папства. В булле говорилось, что папа Римский «...должен владеть двумя мечами — духовным и светским; этому учит нас Евангелие... Церковь владеет этими двумя мечами — духовным и светским. Один меч принадлежит Церкви, а другой используется от ее имени. Одно принадлежит священнику, а другое должно быть в руках короля или рыцаря, но тогда и до тех пор, пока этого хочет священник. Один меч должен быть подчинен другому. Светская власть должна подчиняться духовной...»[4].

К эпохе Великих географических открытий папство во главе с папой Иннокентием VIII (1484–1492) подошло в зареве костров, на которых «с величайшим рвением» сжигали ведьм. Именно Иннокентий VIII вошел в историю как автор буллы от 5 декабря 1484 г. — «буллы о ведьмах», известной под названием «Summis desiderantes» (по первым словам ее — «С величайшим рвением»)[5]. Среди современников Иннокентий VIII был известен «как невежественный и грубый развратник, мечтавший лишь о женщинах, вине и деньгах. В Риме говорили: он “настоящий папа” Рима (так как улицы столицы мира кишат его детьми и он усердно заселяет землю)»[6]. Но, конечно, не его порочные наклонности определяли политику и положение папства среди других государств.

---

[2] Цит. по: Хроника христианства. С. 139.

[3] Там же. С. 164.

[4] Там же. С. 179.

[5] *Лозинский С.Г.* История папства. М., 1986. С. 208.

[6] Там же. С. 208.

Эпоха Великих географических открытий и, как следствие, кардинальное расширение уровня знаний человечества о Земле, наступили, на первый взгляд, как-то неожиданно. Менее чем за три десятилетия были совершены величайшие открытия, которые изменили не только Европу, но и весь мир.

12 октября 1492 г. каравеллы генуэзца на испанской службе Христофора Колумба открыли неведомую до той поры Европе землю (Америку), лежащую к западу через Атлантический океан. 15 марта 1493 г. Христофор Колумб доложил о долгожданном открытии католическим королям Испании — Фердинанду и Изабелле.

20 мая 1498 г. флотилия под командованием португальца Васко да Гамы открыла морской путь вокруг Африки в сказочно богатую Индию. 18 сентября 1499 г. об открытии, к которому португальцы стремились более 80 лет, было торжественно доложено королю Португалии Мануэлу I.

7 сентября 1522 г. в испанскую бухту Сан Лукар вошел корабль «Виктория» под командованием Хуана-Себастьяна Эль-Кано и с экипажем из 18 человек, которые впервые в истории человечества совершили кругосветное плавание и доказали, что наша Земля есть шар, причем не такой уж и большой. Добавим, что во время этого плавания корабли экспедиции открыли пролив, соединяющий два океана, Атлантический и Тихий, который был назван Магеллановым по имени погибшего руководителя экспедиции Фернандо Магеллана, да и сам Тихий океан также был открыт этой экспедицией.

Плавания Христофора Колумба, Васко да Гамы, Фернандо Магеллана, Эль-Кано, Педру Кабрала, Америго Веспуччи и других не только открыли эпоху познания мира, но и эпоху его раздела между мощными морскими державами. Политическая обстановка в Европе и мире кардинально изменилась, кардинально изменились и геополитические интересы государств, в том числе интересы Рима. Они приобрели планетарный, всеобъемлющий характер.

Уже в самом начале XVI в. папа Юлий II (1503–1513), одновременно глава Церкви, политик и воин, настойчиво, не останавливаясь ни перед чем, проводил политику укрепления духовной и политической власти Рима, упрочнения положения папства в мире, расширения пределов духовно и политически подвластных Риму территорий, увеличения численности верующих. Юлий II стремился сделать Рим столицей христианства. Для организации эффективной борьбы с противниками Риму нужны были послушные монархи с их армиями, нужны были реальные силы, готовые по приказу Рима выступить в крестовый поход против, например, Османской империи, или направиться в далекую и холодную северо-западную и северную Европу для утверждения католичества в Польше, Великом княжестве Литовском, на прибалтийских территориях, в Московии.

Нужны были огромные средства, чтобы финансировать эти религиозно-военно-политические акции. А деньги в виде золота, серебра, драгоценных камней, жемчуга, пряностей, мехов и экзотических товаров могли дать те территории, на которые еще не была распространена власть Ватикана.

Постоянное пребывание в состоянии борьбы за свои жизненно важные интересы, а иногда и за выживание, заставило Рим делать все, чтобы иметь своевременную, а еще лучше — упреждающую информацию обо всех тайно готовящихся и реализуемых злоумышлениях против Римской католической церкви, против папства. В том числе о целях и задачах, времени и месте предполагавшихся или уже проис-

ходящих событий, о конкретных планах, персоналиях, силах, средствах и методах противоватиканской деятельности.

Для решения всех этих задач, как мы уже говорили, папе Римскому и папской курии нужна была информация, информация о реальных (и потенциальных) противниках и союзниках, в том числе как далеко за пределами Ватикана, так и непосредственно в самом Ватикане. Нельзя было решить эти задачи без организации собственной профессиональной разведывательной и контрразведывательной деятельности. И эти два специальных вида деятельности стали для Ватикана штатными, полноправными и профессиональными.

Два столетия — это огромный срок. Разумеется, за это время не раз менялось положение Рима на политической карте Европы и мира, корректировались его геополитические интересы, в том числе его отношение к Московии, цели и задачи разведывательно-подрывной деятельности, возможности для ее проведения; подстраивались формы и методы этой деятельности; совершенствовалась система получения разведывательных сведений. В это же время не раз менялось положение и Московии в Европе и мире, а Московская митрополия, канонически подчиненная патриарху Константинопольскому, стала самостоятельной Московской патриархией. Множество событий произошло за два столетия в жизни Европы, Рима и Московии, Римской католической и Русской православной церквей. Изучая эти два столетия, мы увидим, что в них можно выделить периоды, отличающиеся друг от друга содержанием и направленностью разведывательно-подрывной деятельности против Московии и Русской православной церкви. Такое выделение периодов, то есть периодизация, в свою очередь, поможет правильно понять явные и скрытые пружины многих рассматриваемых нами событий.

Итак, **периодизация** разведывательно-подрывной деятельности Рима против Московии и Русской православной церкви в XVI–XVII столетиях.

1-й период — от 1493–1494 до 1520–1529 гг., то есть от возвращения в Европу Христофора Колумба с известием об открытии Нового Света и Тордесильясского договора до начала Реформации и подписания договора в Сарагосе. Папство имеет ярко выраженную цель установления мирового господства, геополитические интересы приобретают планетарный характер.

2-й период — от 1520–1529 до 1555–1563 гг., то есть от начала Реформации и договора в Сарагосе до заключения Аугсбургского религиозного мира и завершения работы Тридентского собора. Наступление Реформации. Отказ папства от цели установления мирового господства при сохранении планетарного характера геополитических интересов. Московия завоевывает Казанское и Астраханское ханства. Открытие пути по Волге и Каспийскому морю в Персию, Бухару, Коканд, Индию и другие страны Востока, о чем сразу становится известно европейским государствам (и, конечно же, Риму).

3-й период — от 1555–1563 до 1589–1605 гг., то есть от заключения Аугсбургского религиозного мира и завершения работы Тридентского собора до учреждения патриаршества в Московии, принятия Брестской унии и восшествия на Мо-

сковский царский престол Лжедмитрия I. Возведение на Московский патриарший престол угодного Ватикану Игнатия вместо низложенного Иова. Контрреформация. Образование в Польше папской нунциатуры и провинции Ордена иезуитов для Польши и Литвы. Завоевание Ермаком Сибири. Разгром и гибель хана Кучума, открытие Сибири для поиска свободного пути через Сибирь в Китай и другие страны Востока.

4-й период — от 1589–1605 до 1613 г., то есть от учреждения патриаршества в Московии, принятия Брестской унии и восшествия на царский престол Лжедмитрия I до окончания «Смутного» времени и воцарения династии Романовых. Убийство Лжедмитрия I и свержение с патриаршего престола Игнатия. Незаконное низложение и заточение в темницу патриарха Московского и всея Руси Гермогена. Образование Униатской церкви, прекращение деятельности Православной церкви на территории Речи Посполитой.

5-й период — от 1613 до 1658 г., то есть от воцарения династии Романовых до ухода патриарха Никона с патриаршего престола. Вхождение Малороссии в состав Российского государства, установление торговых и дипломатических отношений Московии с Монгольскими ханствами, Китаем и Индией. Образование на территории Речи Посполитой Ордена базилианцев. Направление в Москву священнослужителей из вошедших в состав Московии бывших районов Польши и Литвы, прошедших обучение в католических и униатских учебных заведениях, эмиссаров-униатов. Миссия Георгия Крижанича в Москве. Тридцатилетняя война и Вестфальский мир, поражение Московии в Смоленской войне.

6-й период — от 1658 до 1682 г., то есть от ухода патриарха Никона с патриаршего престола до назначения царевны Софьи правительницей Московии. Раскол Русской православной церкви, суд над бывшим патриархом Никоном. Миссии Георгия Крижанича, Арсения Грека, Паисия Лигарида и Якова Рейтенфельса в Москве. Крестьянская война под предводительством С.Т. Разина. Посольство П.Г. Менезиуса в Рим. Дипломатическая миссия Н.Г. Спафария в Китай и иезуиты. Попытки Ордена иезуитов взять под контроль дипломатические контакты Московии с Китаем.

7-й период — от 1682 до 1689 г., то есть от начала правления царевны Софьи до разгрома ее заговора и прихода к власти Петра I. Образование миссии Ордена иезуитов в Москве, открытие иезуитами школы для детей царских вельмож и чиновников, а также католического храма. Миссия Ордена иезуитов в российском городе-крепости Смоленске. Несостоявшийся патриарх Сильвестр Медведев. Подписание Московией с Китаем Нерчинского договора и иезуиты. Продолжение попыток Ордена иезуитов взять под контроль дипломатические контакты Московии с Китаем.

8-й период — от 1689 по 1700 г., то есть от прихода к власти Петра I до начала Северной войны. Изгнание иезуитов и разрешение им вновь вернуться в Москву. Миссия иезуита Кондратия Терпиловского в Москву. Неудачная попытка иезуита Михаила Яконовича быть избранным на патриарший престол. Посольство Избранта Идеса в Китай и иезуиты. Реформы Петра I, в том числе в Русской православной церкви. Начало Северной войны. Смерть патриарха Адриана, наступление длительного, более чем двухсотлетнего «вдовства» Русской православной церкви.

Понимая под разведывательной службой государственное специализированное ведомство, предназначенное для организации и практического осуществления разведывательной деятельности, мы сразу должны сказать, что наступление эпохи Великих географических открытий Ватикан встретил, такой службы не имея. Да и в XVI–XVII столетиях такая служба создана не была.

Конечно, главная причина заключалась совсем не в том, что создание разведывательной службы требовало существенных административно-организационных, кадровых и финансовых затрат. Главная причина была в другом. В ту пору, в XVI–XVII вв., Риму нужен был не инструмент, каковым в руках каждого монарха являлась разведывательная служба, а уже готовый результат его применения, то есть разведывательные сведения по всем интересующим Рим вопросам. Разведывательные сведения нужны были прямо сейчас, или, как иногда говорят, еще вчера. Создавать инструмент и налаживать его работу было уже поздно, да и некогда. Не до того в то время было Ватикану. Эпоха Великих географических открытий мчалась по планете с огромной скоростью, можно было не успеть, можно было оказаться на обочине. Но если разведывательную службу не создавать, то каким образом можно было устроить регулярное и своевременное поступление разведывательных сведений? Это была задача из задач, труднейшая из труднейших. И, надо сказать, Ватикан эту задачу решил, причем весьма и весьма успешно, несмотря на организационные трудности, длительные временные паузы между отдельными этапами, проблемы внутреннего и внешнего порядка, угрозы самому существованию Римской католической церкви.

По нашему мнению, Ватикану удалось в XVI – первой трети XVII в. создать в своем роде уникальную, иначе не скажешь, «**Систему**» разведывательного обеспечения реализации своих геополитических интересов. Подобной системой не обладало ни одно европейское государство, и ни одно европейское государство не могло даже сравниться с Ватиканом по тематике, объемам и географии поступающих разведывательных сведений, по глубине проработки вопросов. В отсутствие специализированного разведывательного ведомства информационные разведывательные ручейки, потоки и реки связали Рим с теми странами и территориями, которые входили в его сферу текущих и долгосрочных интересов, то есть со всем миром, с его уже вновь открытыми и еще даже не открытыми территориями. Разведывательные сведения стали поступать отовсюду: из католических, православных, протестантских и исламских государств Европы; из стран Востока — Индии и Персии, Сирии и Китая, далекой Японии; из стран и территорий Центральной и Юго-Восточной Азии, Африки, Южной и Северной Америки. Эти сведения шли в Рим через пышущие жаром и безводные пустыни, по узким и неверным тропам преодолевали высокие и страшные горы, их поднимало к небу и бросало в бездну огромными бушующими волнами трех океанов, они пробирались через территории, где велись военные действия или хозяйничали беспощадные разбойники. Конечно, в таких условиях какие-то сведения и не доходили, но, тем не менее, «Система» была создана, и она работала.

Это была многоуровневая и многофункциональная система, позволявшая Риму знать все обо всем и отовсюду, без излишних затрат времени и средств (дополнительные время и средства расходовались на дальнюю и трудную доставку сведе-

ний) контролировать развитие обстановки в мире и решать целый комплекс задач, вытекавших из геополитических интересов Ватикана, в том числе:

– выявление, изучение и по возможности нейтрализация внешних угроз папам Римским, Римской католической церкви и Папской области, исходивших от каких-либо государств;

– обеспечение пап Римских и курии достаточными информационными основаниями для формирования выгодного Ватикану политического курса и принятия политических решений по отношению к государствам и Церквам, а также корректировки (в случае необходимости) геополитических интересов;

– разведывательное проникновение в интересующие Ватикан государства, близкие и далекие заморские территории, Церкви, создание условий для экономического и политического проникновения. Образование и использование т.н. «опорных пунктов»;

– сбор разноплановой разведывательной информации в отношении интересующих Ватикан государств, территорий, Церквей и лиц;

– создание условий для организации и осуществления подрывных акций в отношении тех или иных государств, Церквей, лиц;

– подготовка и осуществление подрывных акций в отношении тех или иных государств, Церквей и лиц, включая войны, военно-политические конфликты, заговоры и государственные перевороты, оказание политического давления на неугодных монархов и глав Церквей; а также распространение католичества на канонических территориях других Церквей, в том числе путем направления миссий и эмиссаров, печатания и распространения католической, униатской и полемической литературы, приобретения и использования агентуры влияния и др.

Подробнее об этих задачах и деятельности «Системы» по их решению мы поговорим в последующих главах.

На самой вершине «Системы» находился **папа Римский**, руководитель и организатор разведывательной деятельности Ватикана, заказчик разведывательной информации и ее главный пользователь (потребитель). Именно папа Римский как монарх государства Папская область и глава Римской католической церкви определял геополитические интересы Ватикана. Интересы, которые концентрировались в церковно-религиозной и светской сферах. На их основе формировались стратегические и тактические цели и задачи разведывательной деятельности, определялись потребности Ватикана в разведывательной информации. В то время папа Римский являлся самым непосредственным участником разведывательного процесса.

На одну ступень ниже стоял глава папского правительства — курии, **государственный секретарь Ватикана**. Собственно говоря, такое название этой должности появилось позже, в понтификат папы Павла V (1605–1621). Непосредственным предшественником государственного секретаря являлся Ближайший или Великий секретарь (secretarius intimus, или major), введенный папой Львом X (1513–1521). А еще до него коллегию апостолических секретарей, образованную в 1487 г. папой Иннокентием VIII (1484–1492), возглавлял т.н. Домашний секретарь (secretarius domesticus). Но как бы государственный секретарь ни назывался, именно через его руки проходили все архиважные, важные и менее важные документы, поступавшие в Ватикан со всех концов света, и затем, после анализа и оценки, докладывались

с конкретными предложениями папе Римскому. Решения понтифика облекались в соответствующую нужную форму и по открытым или закрытым (тайным) каналам усилиями государственного секретаря доводились до заинтересованных лиц, от чужеземных монархов и церковно-религиозных деятелей до рядовых исполнителей, принимались необходимые меры по обеспечению выполнения принятых решений.

Рассматриваемая нами «Система» отразила все те кардинальные организационно-штатные изменения в структуре курии и деятельности Ватикана, которые произошли или были произведены после наступления эпохи Великих географических открытий и прямо связаны с ее политическими, экономическими и религиозными последствиями.

21 июля 1542 г. папа Павел III (1534–1549) буллой «Licet ab initio» образовал Комиссию кардиналов для осуществления контроля за чистотой католического вероучения. Папа Сикст V своей апостольской конституцией «Immensa Aeterni Dei» от 22 января 1588 г. на базе этой Комиссии создал в составе курии конгрегацию «**Святой римской и вселенской инквизиции**» (с 1983 г. она носит название «Конгрегация Доктрины Веры»). Заметим, что инквизиция была создана еще в январе 1231 г. папой Григорием IX (1227–1241) и исполнение ее задач тогда же было поручено Ордену доминиканцев. Но в первые десятилетия XVI в. масштабы борьбы с ересями стали намного шире, Реформация распространялась по Европе и наносила удар за ударом по Римской католической церкви, по могуществу и престижу Ватикана. Доминиканцы явно не справлялись с порученным им делом, нужно было создавать специализированное ведомство, которое занималось бы борьбой с ересями не от случая к случаю, а на постоянной и профессиональной основе и во вселенских масштабах. И такое ведомство, как мы видим, было создано, так же как и подведомственные ему суды (трибуналы).

С целью кардинального повышения эффективности борьбы с распространением книг, не отвечающих требованиям Римской католической церкви (т.е. ереси), по указанию папы Павла IV в 1559 г. был опубликован папский список («**Индекс**») запрещенных Церковью книг («Index librorum prohibitorum»). В «Индексе», в частности, говорилось: «Всем верующим христианам, какого бы они звания и состояния ни были и где бы ни обитали, мы повелеваем, под угрозой подозрения в ереси, лишения всех достоинств, должностей и бенефиций, какими они обладают, и под угрозой всегдашней неправоспособности приобретать эти и другие должности и бенефиции…, а также под угрозой вечного позора и иных наказаний: чтобы впредь никто не осмеливался писать, издавать, печатать или позволять печатание, продавать или под каким-нибудь предлогом явно или тайно давать, принимать, или как-либо сберегать или допускать сбережение хоть какой-либо одной из книг или сочинений, которые отмечены в этом индексе священного суда, или какие-либо другие сочинения, о которых известно, что они составлены еретиком или запятнаны каким-либо лжеучением. Кто не послушается этого приглашения…»[7]. Далее следовал перечень наказаний, который мы опускаем (в 1883 г. боннский профессор Генрих Рейш (Reusch) издал труд «Der Index der verbotenen Bücher, — ein Beitrag zur Kirchen und Literaturgeschichte»[8]. Этот

[7] Цит. по: *Лебедев А.П.* История запрещенных книг на Западе. Итальянское духовенство в одну из средневековых эпох: Исследования по истории Церкви Средних веков и Нового времени. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. С. 36. URL: http://ec-dejavu.ru/

[8] Der Index der verbotenen Bücher, — ein Beitrag zur Kirchen und Literaturgeschichte. Erster Band. Bonn, 1883.

труд был посвящен истории церковного законодательства в книгопечатании до конца XVI в. Российский историк А.П. Лебедев по материалам этого труда подготовил реферат, который был впервые опубликован в 1-м томе журнала «Православное Обозрение» за 1885 г. (из этого реферата мы и взяли приведенную выше выдержку). Списки (каталоги) запрещенных книг время от времени издавались и ранее, в основном различными университетами и императорскими указами. Но эти издания не носили системного, всеобъемлющего характера, где-то они исполнялись, где-то нет. Рим очень желал положить конец распространению ереси, и вот, в 1559 г. и появился названный выше «Индекс». А в 1571 г., чтобы обеспечить надзор за соблюдением и обновлением списка запрещенных книг, папа Пий V создал конгрегацию «**Индекс**». Черное покрывало религиозной цензуры накрыло большую часть Европы и некоторые территории других континентов.

На первый взгляд, обе образованные конгрегации не имеют к теме нашего рассказа никакого отношения. Это не так. В основе деятельности обоих конгрегаций была одна важная общая составная часть — поиск, который, в свою очередь, является составной частью профессиональной разведывательной деятельности; и чтобы названные выше конгрегации эффективно решали поставленные перед ними задачи, этой деятельностью нужно было заниматься настойчиво и профессионально. А в поисковые сети могли попасть и попадали не только еретики и еретические книги, но и агенты разведывательных служб враждебных Риму государств, как, например, агент английской разведки «Фагот», которого мы знаем как Джордано Бруно[9].

2 августа 1564 г. папа Пий IV апостольской конституцией Alias Nos учредил **Священную Конгрегацию по исполнению и интерпретации Тридентского собора** (лат. Congregatio pro executione et interpretatione concilii Tridenti), на которую возлагалась обязанность осуществления контроля за исполнением дисциплинарных декретов Тридентского собора. 22 января 1588 г. папа Сикст V апостольской конституцией Immensa Aeterni Dei расширил функции конгрегации и обязал осуществлять контроль за провинциальными соборами. Фактически это означало установление более действенного контроля за деятельностью католического духовенства. В этот же день папа Сикст V учредил **Священную Конгрегацию обрядов**, которая была предназначена для совершенствования и осуществления процедуры канонизации и беатификации.

В 1566 г. папа Пий V (1566–1572) образовал секретную службу под названием «**Священный Альянс**» (La Santa Alianza), основным предназначением которой являлся поиск и физическое устранение опасных врагов Рима. Можно сказать, что «Священный Альянс» в определенной степени осуществлял и разведывательную работу в других странах. Испанский историк Эрик Фраттини посвятил ей свою книгу «Священный Альянс. Палачи и шпионы Ватикана».

22 июня 1622 г. папа Григорий XV (1621–1623) буллой «Inscrutabili divinae providentiae» образовал конгрегацию «**Пропаганда Веры**» (**Propaganda Fide**), которой подчинил образованную еще в 1573 г. папой Григорием XIII (1572–1585) **конгрегацию по делам Восточных Церквей** (**Congregatio pro Ecclesis Orientalibus**). Инициатива создания конгрегации «Пропаганда Веры» принадлежала, вероятно, его племяннику, кардиналу Лудовику Лудовизи (1595–1632), являвшемуся в 1621–

[9] *Фраттини Э.* Священный Альянс. Палачи и шпионы Ватикана [пер. с исп. В. Штаерман]. М., 2007. С. 69–70.

1623 гг. государственным секретарем Ватикана. Это специализированное ведомство в составе курии было призвано активно и всеми силами распространять католичество везде, где это было нужно Римской католической церкви. В задачи конгрегации входило не только издание нужных религиозных книг, проведение богословских диспутов, образование школ и других учебных заведений, миссионерская деятельность, обращение заблудших овец в католичество и т.п. В эти задачи входила и бескомпромиссная борьба, явная и тайная, с противниками Римской католической церкви, с другими Церквами и даже государствами, на территории которых эти Церкви действуют. Историк А.М. Иванцов-Платонов писал, что конгрегация «Пропаганда Веры» состояла из нескольких отделений, «в которых предположено готовить миссионеров для распространения христианства (католическаго) во всех странах света»[10]. В этой конгрегации «обращено было большое внимание на приготовление миссионеров к распространению латинства между восточными христианами, как православными, так и принадлежащими к различным сектам — между несторианами, армянами, маронитами...»[11]. Ватикан возлагал на конгрегацию большие надежды. В инструкции папскому нунцию в Польше Джованни Баттиста Ланчеллотти от 14 декабря 1622 г. его внимание обращалось на то, что только что образованная конгрегация мало-помалу начинает свою деятельность, со временем ее возможности возрастут и она «сможет совершить великие дела в каждой части мира» («...będzie mogła dokonać wielkie dzieła w każdej części świata»)[12]. 1 августа 1627 г. папа Урбан VIII (1623–1644) буллой «Immortalis dei Filius» основал «**Урбанианскую коллегию по распространению веры**» (Collegium Urbanianum de propaganda fide), предназначенную для подготовки священников-миссионеров, и подчинил ее конгрегации «Пропаганда Веры». Много позднее, 1 октября 1962 г., папа Иоанн XXIII (1958–1963) преобразовал «Урбанианскую коллегию по распространению веры» в **Папский Урбанианский университет**.

Конгрегация «Пропаганда Веры» являлась настоящим штабом, мозговым центром, который планировал, готовил и осуществлял мероприятия по разведывательному проникновению и внедрению своих эмиссаров в Московское государство и Русскую православную церковь. В последующих главах мы расскажем о миссиях Георгия Крижанича при дворе царя Алексея Михайловича; о Паисии Лигариде, его участии в деле патриарха Никона и попытке занять патриарший престол в Москве; о Якове Рейтенфельсе и его предложениях конгрегации «Пропаганда Веры» по проникновению в Московию; о Сильвестре Медведеве; о деятельности в Москве католических миссионеров на рубеже XVII–XVIII столетий и о других весьма интересных исторических персонажах.

В числе префектов (руководителей) конгрегации «Пропаганда Веры» в XVII столетии можно назвать следующих лиц:

Саули Антонио Мария (1541–24.08.1623), префект с 22.06.1622 по 12.11.1622 г. Кардинал с 18.12.1587 г.

---

[10] *Иванцов-Платонов А.М.* О римском католицизме, и его отношениях к православию. Часть первая. М., 1869. С. 123.

[11] Там же. С. 123.

[12] Relacye nuncyuszów apostolskich i innich osób o Polsce od roku 1548 do 1690. T. II. Berlin, Poznań, 1864. S. 158–159.

Лудовизи Лудовико (27.10.1595–18.11.1632), префект с 12.11.1622 по 7.06.1623 г. Кардинал с 15.02.1621 г.

Бандини Оттавио (25.10.1558–1.08.1629), префект с 7.06.1623 по 1.08.1629 г. Кардинал с 5 июня 1596 г.

Барберини Антонио мл. (5.08.1607–3.08.1671), префект с 1.08.1629 по 1645 г. Кардинал с 30 августа 1627 г.

Каппони Луиджи (1582–6.04.1659), префект в 1645–1649 гг. Кардинал с 24.11.1608 г.

Барберини Антонио мл. (5.08.1607–3.08.1671), префект с 1649 по 3.08.1671 г. Кардинал с 30 августа 1627 г.

Альтьери Палуццо Палуцци делли Альбертони (8.06.1623–29.06.1698), префект с 3.08.1671 по 29.06.1698 г. Кардинал с 14.01.1664 г.

Барберини Карло (1.06.1630–2.10.1704), префект с 17.07.1698 по 2.10.1704 г. Кардинал с 23 июня 1653 г.

Секретарями конгрегации в XVII столетии являлись:

Инголи Франческо (21.06.1578–24.04.1649), первый секретарь конгрегации с 22.06.1622 по 24.04.1649 г.

Массари Дионисий, в 1649–1657 гг.

Альберицци Марио (29.12.1609–29.09.1680), секретарь в 1657–1664 гг. Кардинал с 27 мая 1675 г., до этого титулярный архиепископ Неоцессарии.

Казанате Джироламо (13.02.1620–3.03.1700), секретарь в 1667–1668 гг. Кардинал с 12 июня 1673 г.

Балдески Колонна Федерико (2.09.1625–4.10.1691), секретарь с 7.05.1668 по 22.03. 1673 г. Кардинал с 12 июня 1673 г.

Распони Чезаре Мария Антонио (1614–21.11.1675), секретарь в 1673–1675 гг. Кардинал с 14 января 1664 г.

Черри Карло (14.09.1610–14.05.1690), секретарь с 1676 по14.05.1690 г. Кардинал с 29 ноября 1669 г.

Чибо Альдерано (16.07.1613–22.07.1700), секретарь в 1690–1692 гг. (других данных нет). Кардинал с 6 марта 1645 г.

Префекты и секретари конгрегации «Пропаганда Веры» играли ключевую роль в практической деятельности конгрегации, со многими из них мы не раз встретимся в нашем рассказе.

Весьма немаловажным структурным элементом «Системы» являлся образованный в 1612 г. **Ватиканский секретный архив**, торжественно отметивший в 2012 г. свое 400-летие. Его значение и важность переоценить нельзя. Мы знаем, каким исключительно напряженным явился XVI в. с его Великими географическими открытиями и кардинальными изменениями на политических картах Европы и мира, Реформацией и Контрреформацией, войнами и конфликтами, расширением поля деятельности Римской католической церкви до планетарных масштабов. Этот век обрушил на Ватикан такой огромный поток информации, прежде всего секретной разведывательной, что для работы с ней, для ее эффективного использования потребовалось создать специализированное ведомство.

Историк Е.Ф. Шмурло, посвятивший Ватиканскому архиву свой научный труд, писал: «...До 1475 г. Архив (собрание деловых правительственных бумаг) и Библи-

отека (рукописи, а позже и печатныя книги литературнаго, богословскаго и научнаго содержания) существовали нераздельно. С Сикста IV (1471–1484 — *прим. авт.*) первое выделено из второго. За Архивом упрочивается название biblioteca secreta, за Библиотекою — biblioteca publica...»[13]. Отметим, что Библиотека Ватикана была образована папой Николаем V в 1450 г. Но к тому времени кроме Ватиканского архива существовал еще ряд архивов, где хранились Ватиканские документы (архив Замка Св. Ангела, Авиньонский архив, Латеранский, частные архивы-библиотеки и др.). И папа Пий IV (1559–1565) принял решение соединить все архивы в один, Ватиканский, для которого началось сооружение соответствующего помещения. Последующим папам Римским не удалось завершить начатую работу, и только при папе Павле V Ватиканский архив въехал в новое помещение. Е.Ф. Шмурло называет Павла V «истинным основателем Архива». Самым первым префектом Ватиканского секретного архива (Custodi e prefetti) являлся Микеле Лониго (27.10.1610–25.07.1617), в последующем этот важнейший пост занимали Балдассар Ансидей, Николо Алеманни, Феличе Контелори и другие. Первые префекты и их преемники (безусловно, под руководством Римских пап и курии) создали очень важный структурный элемент «Системы», позволивший Ватикану успешно пользоваться плодами разведывательной деятельности.

В Ватиканском секретном архиве концентрировались не только документы, отражающие деятельность Римских пап, курии и Римской католической церкви в целом. Сюда поступали и документы о политической и экономической обстановке в странах Европы и мира, о географических открытиях и богатствах вновь открытых заморских территорий, о политическом и торговом проникновении в интересующие Ватикан страны и по многим другим вопросам. Ватиканский секретный архив по существу являлся подразделением, которое хранило, накапливало, обобщало, совместно с заинтересованными сотрудниками курии анализировало и оценивало поступающие разведывательные сведения, готовило необходимые предложения. Примечательно, что в основе работы с документами уже тогда начал внедряться страноведческий принцип. В то время он (архив) фактически был и аналитическим центром, работа которого, бесспорно, дисциплинировала, придавала плановость и конкретность всей разведывательной деятельности Ватикана.

Мы уже говорили, что XVI в. вызвал настоятельную потребность в дополнительных сведениях по всему интересующему Ватикан информационному спектру. В этом спектре соседствовали политика и религия, история, военное дело и торговля, экономика в широком смысле слова, география и картография, пути-дороги к неведомым землям, этнография проживающих там народов. И эти сведения должны были поступать в Ватикан не от случая к случаю, а постоянно. Вчера, сегодня, завтра и всегда. Соблюдение этого принципа информационного обеспечения позволяло Римским папам и курии опережать других монархов, как дружественных, так и нет, в оценке тех или иных событий и принятии решений. Это давало Ватикану неоспоримые преимущества.

Одновременно с внесением изменений в структуру, полномочия и функции папской курии, в том числе в полномочия и функции государственного секрета-

[13] Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Россия и Италия Т. 1. Вып. 1. СПб., 1907. С. 21.

ря Ватикана, заново выстраивались и настраивались дипломатические отношения с другими государствами; основой для новой настройки являлось то политическое и экономическое положение, какое стали занимать государства с началом эпохи Великих географических открытий. Образно говоря, Рим стал выстраивать государства по ранжиру их значимости. Уже в мае 1504 г. церемониймейстер папской капеллы Парис де Грассис из Болоньи составил «Порядок старшинства христианских королей и герцогов», который впоследствии служил в качестве нормативного документа при решении спорных вопросов приоритета. В этом «Порядке» государства были расставлены в такой очередности:

«Император Цезарь; король римлян; король Франции; король Испании; король Арагонии; король Португалии; король Англии, в ссоре с тремя предыдущими; король Сицилии, в ссоре с королем Португалии; король Шотландии и король Венгрии, в ссоре между собой; король Наварры; король Кипра; король Богемии; король Польши; король Дании»[14]. Далее следовал «Порядок» старшинства христианских герцогов, который мы опускаем.

Определились основные категории папских дипломатов: легат a latere (личный легат, или, как его еще называли, легат «от ребра Апостольского», таким легатом являлся Антонио Поссевино), легат и нунций (в детализацию этих категорий мы не вдаемся). С самого начала XVI столетия Ватикан ввел в практику использование в интересующих его странах своих постоянных дипломатических представителей — **нунциев** вместе с аппаратом сотрудников, обеспечивавших их деятельность. Нунциям были предоставлены полномочия самостоятельно, без предварительного согласования с Ватиканом решать на месте многие вопросы как в области межгосударственных отношений, так и в области деятельности Римской католической церкви в стране пребывания нунция.

Русский историк Ф. Вержбовский, изучавший в Ватиканском секретном архиве материалы польской нунциатуры (nunziatura di Polonia), писал: «...В старину было обычным явлением в папской дипломатии, что дела тех стран, в которых не пребывал постоянный представитель Римской курии и даже временно не находился чрезвычайный посланник ее, подлежали ведению ближайшего по месту нунция или легата. Так как нунциатура в Польше была самым северным постом, то она официально в некотором отношении заведовала или руководила переговорами и сношениями курии с двумя соседними государствами — Швецией и Московским царством. Польские нунции, пребывая обыкновенно при королевском дворе, оказывали содействие командированным папою посланникам в Стокгольм или Москву, давали им советы, отсылали в Рим полученные от них письма. Обыкновенно они посвящены были во все тайны переговоров и очень часто в своих донесениях в Рим упоминают о разных подробностях, бросающих свет на ту или другую сторону дела. Даже если с этими странами не было непосредственных сношений, папские нунции в Польше все-таки не упускали их из виду: докладывали в Рим то о замечательных в них событиях, то об их отношениях к Польше...»[15].

[14] *Сатоу Э.* Руководство по дипломатической практике. Пер. с англ. Панафидина С.А. и Кублицкого Ф.А. М.: Изд-во Института Международных отношений, 1961. С. 32–33. URL: http://scilib.narod.ru/index.html

[15] *Вержбовский Ф.* Отношения России и Польши в 1574–1578 годах, по донесениям папского нунция В. Лаурео // ЖМНП. Август. СПб., 1882. С. 209–210.

В то время, помимо решения возложенных на них папой Римским и курией дипломатических и политических вопросов, нунции фактически возглавляли организацию и практическое осуществление разведывательной деятельности на закрепленной за ними территории. Вот наглядный пример. Уже упоминавшийся историк Ф. Вержбовский нашел в Ватиканском секретном архиве и изучил более 200 (!) донесений папского нунция в Польше Винченцо Лаурео, которые он направил государственному секретарю Ватикана Галлио Толомео, кардиналу Комскому. Нужно заметить, что эти 200 с лишним донесений были направлены в Рим в течение не такого уж большого периода, в 1574–1578 гг. Конечно, не все из них разведывательные. Тем не менее, в них нашлось немало места самым разноплановым сведениям о Московском государстве. В частности, об Иване Грозном, его характере и поведении, планах, приверженцах русского царя в Польше и Литве, о возможных условиях избрания Ивана Грозного королем Польши, о действиях Винченцо Лаурео по склонению польского короля к войне с Московией и др.

Нужно еще раз сказать, что папские нунции и нунциатуры интересуют нас только в той мере, в какой они участвовали в разведывательной и подрывной деятельности против Московии и Русской православной церкви в XVI–XVII столетиях.

На общем фоне расширения и укрепления дипломатических связей Московии со Священной Римской империей германской нации, Англией, Голландией и некоторыми другими европейскими государствами прямые дипломатические контакты между Москвой и Римом не приобрели сколь-либо долговременного и устойчивого характера. Их активизация в первые десятилетия XVI в. сошла на нет к концу XVII столетия. По ряду причин Ватикан вместо прямых контактов перешел к использованию дипломатических возможностей других государств, что и предопределило некоторое снижение роли института папских **легатов** в «Системе» (применительно к Московии) и добывании разведывательных сведений о Московии, Русской православной церкви и Сибири. Несмотря на это, легаты остались полноправным элементом «Системы», и некоторые из них (Паоло Чентурионе, Антонио Поссевино и др.) внесли определенный вклад в информационное (разведывательное) обеспечение политики папства на территории Московского государства.

На наш взгляд, никогда бы Ватикану не удалось создать рассматриваемую нами «Систему», если бы не кадры, принципиально новые кадры, подготовленные Ватиканом в принципиально новых учебных заведениях с учетом происходивших в Европе и мире изменений. Принципиальная новизна этих кадров и учебных заведений заключалась в их специализации и предназначении. Ни в одной европейской стране в XVI–XVII столетиях не было ничего подобного, не было ничего даже близкого той системе образования и подготовки кадров, которая была создана Ватиканом. Эти учебные заведения, сеть которых уже в XVII в. накрыла всю Европу, готовили квалифицированных специалистов для работы не только в католических государствах, но и в странах и на территориях, население которых исповедовало другие религии и верования. Ватикану нужны были не только богословы-теоретики, но еще больше нужны были практические бойцы, священнослужители, миссионеры, эмиссары, руководящий состав Римской католической церкви, специалисты в области дипломатии, разведки и подрывной деятельности. Они должны были быть го-

товы ехать в любую точку мира, за тридевять земель, в тридесятое царство, за моря и океаны. Учебные заведения были специализированы по национальному составу обучающихся, предназначению для направления в конкретную страну или территорию, и выпускной специальности. Все это было архиважным как для Ватикана в целом, так и для организации разведывательной работы, для «Системы» в частности. Необходимо отметить, что существенную роль в открытии учебных заведений и организации их последующей практической деятельности сыграл Орден иезуитов. Еще раз подчеркнем, что образованные Ватиканом в XVI и XVII столетиях учебные заведения являлись, как правило, полноправными структурными элементами «Системы». Что же это были за учебные заведения?

Римский коллегиум, будущий **Грегорианский университет** в Риме, или университет Грегораниум (Pontificia Universitas Gregoriana, Universitas Gregoriana Societatis Jesu), открыт 22 февраля 1551 г. папой Юлием III в Риме по предложению Игнатия Лойолы, генерала Ордена иезуитов.

Германский коллегиум, открыт 31 августа 1552 г. папой Юлием III в Риме по предложению Игнатия Лойолы. Коллегиум готовил специалистов для работы в германских княжествах и других германоязычных территориях, население которых подпало под влияние реформаторов и отошло (или стало отходить) от Римской католической церкви (приняло лютеранство, кальвинизм и т.д.). Выпускники Германского коллегиума должны были стать активными исполнителями, как пишет Г. Бёмер, «знаменитого плана наступления на еретическую Германию», составленного Игнатием Лойолой. Германский коллегиум (устав, структура, учебные программы, требования к кандидатам на учебу, материально-финансовое обеспечение, внутренний распорядок и др.) по существу стал наглядным действующим эталоном для других коллегиумов. Приведем несколько выдержек из документов, относящихся не только к Германскому, но и к другим коллегиумам, в том числе к интересующему нас Греческому коллегиуму св. Афанасия.

В 1553 г. папа Юлий III подписал буллу об утверждении основания Германского коллегиума. В ней, в частности, говорилось, что «ввиду большой нужды в добрых деятелях Господня виноградника учреждается коллегия, в которой юноши немецкой нации будут обучаться под руководством священников ордена Иисуса древним языкам, а также философии и богословию и ими же будут подготовляться к духовным должностям, чтобы они по достижении зрелости по возрасту, а также в науке и добродетели могли в качестве неустрашимых борцов за веру возвратиться в отечество и здесь примером своего поведения приводить других ко Христу, проповедовать слово Божье, наставлять, раскрывать тайный яд еретических учений, опровергать явные заблуждения, наконец саму веру распространять всеми мерами там, где она искоренена, насаждать ее ради спасения душ»[16].

Сразу после подписания буллы Игнатий Лойола подготовил устав Германского коллегиума, в котором в числе других тем для нас интересны требования к воспитанникам. «Воспитанников должно набирать в Германии, Швейцарии и северных странах, зараженных протестантской ересью, они должны знать немецкий язык (в 1584 г. Григорий XIII дополнил устав требованием к кандидатам владеть и латин-

[16] *Лебедев А.П.* История Греко-Восточной Церкви под властью турок. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. URL: http://predanie.ru/

ским языком — *прим. авт.*) и иметь возраст от 15 до 20 лет. Те, кто старше этого возраста, принимаются в коллегию лишь в случае исключительных дарований. Все они должны отличаться гибким характером и восприимчивостью; иметь крепкую организацию, быть благообразным и производить приятное впечатление, иметь хорошие дарования и отличаться правильным взглядом на вещи. Они должны обладать чистым и привлекательным произношением слов, так как сообразно их призванию они обязаны возвещать слово Божье не только на уроках, лекциях, в проповедях, но и в беседах, как частных, так и публичных. Вообще они должны быть благонравны, из которых могли бы выйти люди хорошие и усердные: на этот счет следует иметь удостоверение от лиц, заслуживающих уважение. Все они обязаны дать обет, что в течение всей жизни будут послушны папе, Римской церкви и католической религии... По благополучном прибытии в Рим будущие питомцы коллегии старательно испытывались ректором и принимались в коллегию не иначе, как по отречении от всех заблуждений...»[17]. В уставе подробно расписан внутренний распорядок, учебные предметы и занятия, фасон и цвет одежды воспитанников, порядок их общения с внешним миром, обязанности ректора и многое другое, что было взято за образец другими коллегиумами. В 1592 г. папа Климент VIII дополнил перечень учебных дисциплин за счет введения таких предметов, как полемическое богословие, каноническое право и восточные языки.

Английский коллегиум, открыт в 1573 г. папой Григорием XIII в Риме с целью подготовки специалистов для работы в Англии, Шотландии и Ирландии, на территории которых в то время господствовала Англиканская церковь, не подчинявшаяся Ватикану. Но этим Рим не ограничился. Сразу же после казни Марии Стюарт (1587) и разгрома Непобедимой Армады (1588) английские коллегии были образованы в Вальядолиде (1589), в 1592 г. — в Мадриде, Севилье и Лиссабоне, в 1594 г. — в Сент-Омере. Кроме того, английские коллегии и семинарии были образованы в городах Дуэ, Реймсе, Люттихе и других. По словам Е.Б. Черняка, «...до 1600 г. более 1000 молодых английских священников были посланы Римом в Англию...»[18]. Добавим: не просто священников, а эмиссаров, специалистов в области не только религии, но и тайной войны, подготовленных в этих английских коллегиях.

Коллегиум для армян, в 1574 г. папа Григорий XIII подписал буллу об основании в Риме этого коллегиума. Судя по всему, выпускники этого коллегиума были ориентированы на работу не только в Армении, но и в государствах, расположенных на Кавказе, между Европой и Азией, на транспортных путях между Европой и Индией.

Греческий коллегиум св. Афанасия, открыт 13 января 1577 г. папой Григорием XIII в Риме. Как писал историк Ф. Вержбовский об этом коллегиуме или коллегии, «Сия последняя возникла в силу буллы "In apostolicae sedix", помеченной 13-го января 1577 г., в Риме в том же здании, в котором она находится поныне (на via del Babuino); как и в других случаях, на содержание ее определен был буллою специальный фонд; она была исключена из-под юрисдикции местных властей, освобождена от всех податей и пошлин, получила университетский устав с правом давать научные степени, и отдана была под надзор и покровительство четы-

[17] Там же.

[18] *Черняк Е.Б.* Времен минувших заговоры. М., 1994. С. 209.

рех, назначаемых папою, кардиналов. Касательно же побуждений и цели, ради которых она была основана, в булле говорится, что папа, замечая большой упадок Греков и их науки под владычеством Турок, низкий уровень образования греческого духовенства и заблуждения относительно христианского учения, не только в духовных, но и в их светских учениках, постановил основать эту коллегию, в которой греческие мальчики и юноши, родом из самой Греции и других стран греческого исповедания, обучались бы греческому языку, свободным искусствам и наукам, особенно же богословию и церковным обрядам, чтобы потом, оказав во всем успехи и утвердившись в католической вере, возвратиться на родину, и чтобы затем посвятившие себя монашеской жизни обучали бы своих собратьев и призывали их к соблюдению монашеских правил в католическом духе; поступившие в священники, заботились бы о душах своей паствы, откровенно проповедуя слово Божие, заставляли бы людей отрекаться о заблуждений и раскола и приводили бы их к сознанию правды истинной и спасительной веры; те же, наконец, которые остались бы светскими людьми, предназначались к тому, чтоб учить своих соплеменников языку и наукам и поддерживать в них истинное учение, "дабы таким образом — говорит булла — с Божьею помощью можно было надеяться, что здравое и неповрежденное исповедование веры и учение когда-нибудь будет восстановлено в самой Греции, и кроме того, в странах всего Востока"... Не трудно однако догадаться, что папа имел в виду не провинции, некогда христианские, входившие в состав Восточной Римской империи, а скорее тот ближайший Европе восток, именно восточные части тогдашней Речи Посполитой и Московское государство, население которых исповедовало греко-православную веру»[19]. Из текста папской буллы мы видим, что Греческая коллегия св. Афанасия предназначалась для подготовки специалистов для работы в тех странах, население которых исповедовало православие, в том числе в Московии.

Естественно, что для комплектования коллегиума (коллегии) учащимися нужны были выходцы как раз из тех стран, где исповедывалось православие. «Вскоре после основания коллегии кардинал статс-секретарь послал нунцию в Польше, Викентию Лаурео, следующее приказание: "Угодно было его святейшеству приказать мне писать к вам, чтобы вы заботились и усердно старались отыскать 5 или 6 мальчиков из так называемых польских Греков и Русинов и столько же мальчиков из Московского царства, которые были бы рождены от законного брака, воспитаны в греческом обряде, от 12 до 18 лет, хороших наклонностей и понятливого ума и способны изучить науки и знания, и таких, у которых были бы родные или что-нибудь другое, вследствие чего они охотно возвратились бы в свои родные места; их бы охотнее и скорее (здесь) приняли, если бы они происходили из почетного или благородного сословия и знали первые начатки наук. Но так как сомнительно, чтобы можно было добыть их из Московского царства, ибо в этом будут затруднения, приводится вам на память, чтобы вы со всем тщанием старались добыть их, употребляя средства, которые вам покажутся более удобными; а если бы иначе ничего нельзя было сделать, старайтесь получить их из числа тех, которые когда-нибудь были взяты в плен Поляками, выбирая однако более способных, согласно тому, что

[19] *Вержбовский Ф.* Отношения России и Польши в 1574–1578 годах, по донесениям папского нунция В. Лаурео. С. 236–238.

сказано"»[20]. Римским папой в эти годы был Григорий XIII, государственным секретарем Ватикана являлся кардинал Комо (Галлио Толомео, кардинал Комский). Инструкция, хотя и не такая уж пространная, была вполне достаточна — указаны национальность, вероисповедание, происхождение, пол, возраст, образовательный уровень, требования к личной характеристике, количество кандидатов для направления на учебу. Разве этого было мало? К интересующим его вопросам Ватикан подходил весьма продуманно, ответственно, без лишних слов.

Во всех основополагающих вопросах своей деятельности Греческая коллегия опиралась на опыт Германской коллегии. Историк А.П. Лебедев, на которого мы выше ссылались, довольно подробно рассказал о Греческой коллегии в своей, нами уже упоминавшейся, книге «История Греко-Восточной Церкви под властью турок». Греческая коллегия св. Афанасия нас интересует особо потому, что целый ряд ее воспитанников приложил немалые усилия в подрывной деятельности против православия и Русской православной церкви в XVII столетии.

В нашей книге мы встретимся с выпускниками этого коллегиума, например, с Петром Аркудием, Львом Аллацием, Паисием Лигаридом, Георгием Крижаничем, Палладием Роговским, Георгием Скибинским, протоархимандритами Ордена базилианцев и архиереями Униатской церкви Иосифом-Вельямином Рутским, Рафаилом Евстафьевичем Корсаком, Антонием Александровичем Селявой, Киприаном Александровичем Жоховским и другими. Как писал А.М. Иванцов-Платонов, «В этом коллегиуме получили образование несколько замечательных ученых из греков и русских, которые, сами сделавшись отступниками от православия, стали всячески стараться о том, чтобы распространить латинство между своими единоплеменниками...»[21].

В том же 1577 г. папа Григорий XIII открыл в Риме **коллегиум**, готовивший специалистов для работы в странах, население которых исповедовало **ислам и иудаизм**.

Венгерский коллегиум, открыт в 1579 г. папой Григорием XIII в Риме для подготовки специалистов для работы среди венгров, на территориях, граничащих с государствами со значительной частью православного населения. Так как число воспитанников исчислялось единицами, в 1580 г. он был объединен с Германским коллегиумом.

Гельветический коллегиум, открыт в том же 1579 г. папой Григорием XIII в Милане. Он готовил специалистов для направления в Швейцарию, очень беспокоившую Ватикан в связи с активной деятельностью на ее территории кальвинистов.

Ирландский коллегиум, открыт в 1628 г. папой Урбаном VIII в Риме. Он готовил специалистов для работы на территории Ирландии, против Англиканской церкви.

Успехи папы Григория XIII в деле создания системы образования и подготовки кадров несомненны. Как писал П.О. Пирлинг, «Трудами папы в разных странах было основано не менее двадцати двух коллегий. Чтобы увенчать дело возрождения Церкви, в Риме был создан особый научный центр, управление которым вверено было иезуитам. Изо всех стран все, что было лучшаго в ученом мире, стекалось в грегорианский университет. Там слушатели укреплялись в истинной вере, и в преданности Св. Престолу. Затем, возвращаясь домой, молодые ученые повсюду разносили римские идеи...»[22].

[20] Там же. С. 238.

[21] *Иванцов-Платонов А.М.* О римском католицизме, и его отношениях к православию. С. 122.

[22] *Пирлинг П.О.* Россия и папский престол. Книга 1. Русские и Флорентийский престол. М., 1912. С. 419.

Но это далеко не все. Мы должны обязательно сказать, что образованный в 1540 г. Орден иезуитов сразу же приступил к созданию в Европе своей сети учебных заведений, — **университетов, академий, коллегий, новициатов, гимназий и семинарий**. Все они также являлись полноправными элементами «Системы» и имели совершенно конкретное предназначение. Ряд учебных заведений были открыты в городах на атлантическом побережье, они готовили эмиссаров для нелегального направления на Британские острова. Значительное количество учебных заведений было открыто в непосредственной близости от границ Московского государства, в Польше и Великом княжестве Литовском. Воспользуемся исследованием Генриха Бёмера «История ордена иезуитов» и приведем некоторые данные о численности этих учебных заведений по состоянию на 1679 г. Во Франции — 83 коллегии и 5 семинарий (в 1610 г. было 36 коллегий); в Богемии и Моравии — 20 коллегий и 11 семинарий; в Верхней и Внутренней Австрии и Тироле — 2 университета, 15 коллегий и 11 семинарий. В малонаселенной Венгрии — 1 академия, 10 коллегий и 5 семинарий; в соседней с Московией Польше — 34 коллегии и академии, 3 семинарии. Много ли было в них учащихся? Например, численность учащихся в Мюнстерской коллегии в 1618 г. составляла 1300 учеников[23]. В Вене «...у иезуитов в 1558 г. было 500 учеников; в Кельне в 1558 г. — 360; в 1562 г. — 517; в 1567–1568 гг.— 570; в Трире в 1566 г. — 500; в Майнце в 1565 г. — 400; в Шпейере в 1572 г. — 453; в Мюнхене в 1561 г. около 300...»[24]. И пример из Польши: «...В 1600 г. пултусская коллегия насчитывала 400 учеников исключительно дворянского происхождения, виленская коллегия — 800 учеников, большею частью из среды литовского дворянства, калишская коллегия — 500...»[25]. Мы еще встретимся с ними в последующих главах.

Как и в период до наступления эпохи Великих географических открытий, для решения политических задач (проникновение и закрепление в нужных странах и территориях, миссионерство, борьба с некатолическими Церквами и язычниками, сбор разведывательных сведений по всему спектру интересующих Ватикан вопросов и др.) Ватикан широко использовал те возможности, которые предоставляли ему действующие **католические ордена**. Прежде всего, ордена францисканцев, доминиканцев, бернардинцев, августинцев, кармелитов и др. Однако кардинально изменившаяся обстановка буквально потребовала от Ватикана не только расширения числа католических орденов, но и внесения изменений в их уставы и деятельность, придания ей некой дополнительной специализации. В 1524 г. папой Климентом VII был основан **Орден театинцев**, который в рамках борьбы с реформацией и за чистоту рядов Римской католической церкви готовил кадры для высшего духовенства, то есть командный состав.

Несколько позже, 27 сентября 1540 г., папа Павел III буллой «Regimini militantis ecclesi» утвердил образование **Ордена иезуитов**, сыгравшего (и продолжающего играть) определенную роль в деятельности Римской католической церкви. По оценке исследователя деятельности миссии Ордена иезуитов в Китае Д.В. Дубров-

[23] *Бёмер Г.* История ордена иезуитов. Смоленск, 2002. С. 244.

[24] Там же. С. 234.

[25] Там же. С. 261.

ской, «Орден Иисуса, каким он воплотился в жизнь, можно было воспринимать как государственно-политический орган с четкими политическими задачами. Игнатий Лойола создал его как идеальную для своего времени регулярную "армию", которая послужила образцом для армий Нового времени. При этом орден являлся организацией секретной: в его функции входила разведка и специальные операции. В том и другом качествах он послужил матрицей позднейших секретных служб и тоталитарных объединений. (ЦРУ США, "черный орден" СС). По указанным выше причинам иезуиты вряд ли могли считаться только лишь миссионерами»[26]. К 1556 г., когда умер Игнатий Лойола, «...весь мир был разделен на 12 иезуитских провинций: Италию, Португалию, Сицилию, Верхнюю Германию, Нижнюю Германию, Францию, Арагонию, Кастилию, Андалузию, Индию, Эфиопию и Бразилию...»[27].

Власть. Иезуиты быстро осознали, что власть могут принести не только и не столько армия и пушки, сколько деньги и информированность. Знать все и обо всем — именно это в сочетании с деньгами позволяет управлять не только отдельно взятым человеком, от простого солдата до короля, но и государствами через королей и императоров. А это, в свою очередь, вновь приносит власть и деньги.

Эта задача была решена посредством создания на удивление жизнеспособной и эффективной организационно-управленческой структуры Ордена, практически без существенных изменений сохранившейся и до наших дней; тщательной проработки уставных документов и «Тайных наставлений Общества Иисуса» — очень важной инструкции, обязательной для каждого члена Ордена, обеспечением постоянного и жесткого контроля над ее исполнением; созданием в разных государствах целой сети учебных заведений для отбора, обучения и воспитания новых членов Общества Иисуса.

Орден иезуитов нас интересует лишь в той мере, в какой он участвовал в разведывательно-подрывной деятельности против Московского государства, Русской православной церкви и православия. Первые иезуиты у границ Московского государства появились на территории Польши и великого княжества Литовского в шестидесятых годах XVI столетия, и до 1576 г. они структурно входили в состав австрийско-чешской провинции Ордена иезуитов и управлялись вице-провинциалами. Из-за огромных расстояний и трудностей управления в 1576 г. была образована самостоятельная польско-литовская провинция, которая управлялась собственными провинциалами и просуществовала до 1608 г. В этом году. она была разделена на две самостоятельные провинции — польскую и литовскую, которые в 1756 г. были преобразованы в польскую ассистенцию в составе четырех провинций — великопольской, малопольской, литовской и мазовецкой. Как шло расширение и закрепление присутствия иезуитов на территории Речи Посполитой?

В 1590 г. — Орден иезуитов имел 10 коллегий, 1 резиденцию, 1 дом новициатов (данные о количестве миссий и других заведений здесь и ниже опущены).

В 1600 г. — 11 коллегий, 4 резиденции, 1 дом новициатов.

В 1608 г. — в польскую провинцию входили 6 коллегий, 5 резиденций, 1 дом профессов, 1 дом новициатов; в литовскую провинцию входили 7 коллегий, 2 дома профессов, 1 дом новициатов.

---

[26] *Дубровская Д.В.* Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М., 2000. С. 232.

[27] *Гризингер Т.* Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени. СПб., 1999. С. 85.

В 1640 г., в год столетнего юбилея Ордена иезуитов, польская провинция насчитывала 806 иезуитов, в т.ч. 325 ксендзов, в 29 домах и коллегиях; общая стоимость имущества составляла 1 779 040 польских злотых. Литовская провинция насчитывала 626 иезуитов, в т.ч. 221 ксендза, в 20 домах и коллегиях; общая стоимость имущества составляла 1 245 180 польских злотых.

В 1655 г. — суммарное количество коллегий и резиденций в польской и литовской провинциях составляло: коллегий — 30, резиденций — 16.

В 1671 г. — в польскую провинцию входили 25 коллегий, 1 дом профессов, 1 дом новициатов; в литовскую провинцию — 16 коллегий, 2 дома профессов и 1 дом новициатов.

В 1756 г. была образована польская ассистенция (в составе четырех провинций), на деятельность которой повлияла булла папы Климента XIV от 21.07.1773 г. о запрещении Ордена иезуитов. По состоянию на 1773 г. — в состав великопольской провинции входили 15 коллегий и 5 резиденций; в состав малопольской провинции — 15 коллегий и 7 резиденций; в состав литовской провинции — 16 коллегий и 4 резиденции; в состав мазовецкой провинции — 15 коллегий и 2 резиденции. Динамика развития видна самым наглядным образом (сведения о провинциях, количестве коллегий и других заведений Ордена иезуитов на территории Речи Посполитой см.: Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. I. Część II. Lwów, 1900. S. 704–708; Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. II. Lwów, 1901. S. 540, 560, p. 1; Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. IV. Część IV. Kraków, 1905. S. V, p. 1; Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690. T. II. Berlin, Poznań, 1864. S. 408). В приложении мы привели данные о населенных пунктах и времени, в которых и когда были образованы коллегии. Подробнее о деятельности иезуитов (в рамках темы книги) расскажем в последующих главах.

Со времени образования Ордена прошло более 460 лет, а он не просто сохранился и пережил смены эпох, производственных и общественных отношений, войны, революционные бури, заговоры и перевороты, но и продолжает действовать. По словам А.А. Петровой и С.В. Шершневой, «...в настоящее время “Общество Иисуса” по-прежнему оказывает влияние на основные направления деятельности католической церкви... Территорию земного шара иезуиты разделили на 83 провинции (самые крупные из них — американские). Орден насчитывает по данным 1994 г. 23 500 членов в 122 странах: больше всего иезуитов в США — приблизительно 8000 членов, в Испании и Португалии вместе взятых — чуть более 7000 человек. Во главе каждой провинции стоит “провинциал”. Их назначает генерал ордена. Провинции объединены в 9 ассистенций, охватывающих различные регионы мира. Они управляются ассистентами, составляющими Генеральный совет ордена. Во главе ордена стоит генерал (“черный папа”), избираемый пожизненно Генеральной конгрегацией — съездом ордена иезуитов. В состав провинций входят орденские дома, называемые коллегиями (если в них размещаются учебные заведения) или резиденциями ордена. Иезуиты занимают влиятельные позиции в управлении католической церковью. Штаб-квартира ордена находится на улице Борго Санто Спирито рядом с Ватиканским дворцом. Они занимают важное место в ватиканской дипломатии и разведке, принимают активное участие в составлении папских булл, энциклик, посланий...»[28].

[28] *Гризингер Т.* Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени. С. 16.

6 сентября 1994 г. «Комсомольская правда» под заголовком «Иезуиты снова в России. Где же Иван Грозный?» опубликовала интервью генерала Ордена Петера-Ганса Кольвенбаха, посетившего Россию. Отвечая на вопросы корреспондента газеты О. Шевцова, генерал Ордена не вышел за рамки общеизвестной информации. Он рассказал о целях Ордена, его структуре и эволюции. Относительно знаменитой формулы «цель оправдывает средства» заметил, что «...этика "Общества Иисуса" уже другая. Позволено то, что вдохновлено Евангелием, не позволено все, что бесчеловечно и противно закону Господа...»[29]. Генерал рассказал и о деятельности Ордена в сегодняшней России: «...Что касается остальной бывшей советской территории, то по нескольку иезуитов работают в Белоруссии, Украине, Казахстане, Киргизстане и Таджикистане и, конечно же, в России. Все вместе они образуют так называемый Независимый регион России, который я учредил 21 июня 1992 г. Мы — первый и пока единственный религиозный католический орден, зарегистрированный Минюстом РФ. В российском регионе действуют в настоящее время 34 иезуита, имеющие опыт работы в учебных заведениях ...»[30]. Интересующийся читатель может разыскать нужный номер «Комсомольской правды» и прочитать интервью полностью.

Заметим, что ряд существовавших ранее (до наступления эпохи Великих географических открытий) католических орденов и вновь образованные в XVI в. являлись активными структурными элементами «Системы». (Взглянем в XXI в.: С. Лекарев писал в еженедельнике «Аргументы недели» в феврале 2009 г., что «...на службе у Папы Римского 2 тыс. монашеских орденов, которые нередко называют "внешней разведкой" Ватикана»[31]. Конечно, в XX–XXI вв. кардинально изменилась геополитическая обстановка в мире, как следствие — цели и задачи разведывательных служб, да и сами разведывательные службы, формы и методы их деятельности стали совсем иными. Мы не будем говорить о том, какое место занимают сегодня в разведке монашеские ордена, вопрос этот выходит за хронологические рамки книги.).

Католические ордена распространяли свою деятельность на сопредельных с Российским государством территориях (королевство Польское, великое княжество Литовское, с 1569 г. — Речь Посполитая) активно и уверенно. Обратимся к историку Станиславу Залескому, к его сочинению «Jezuici w Polsce»[32]. На с. 525 он привел следующие данные по состоянию на первую половину XVII в.:

Орден францисканцев конвентуалов в 1625 г. разделился на две провинции — польскую и литовскую, и имел 46 монастырей.

Орден братьев-проповедников (доминиканцев) в 1612 г. разделился на две провинции — польскую и русскую; в 1647 г. была образована и литовская провинция. К середине XVII в. Орден имел 150 мужских монастырей.

Орден бернардитов уже в 1517 г. имел 27 монастырей; в 1628 г. он осуществил структурные изменения, образовав четыре провинции — малопольскую, великопольскую, литовскую и русскую. В 1628 г. Орден имел 57 монастырей.

[29] Газета «Комсомольская правда» от 6 сентября 1994 г.

[30] Там же.

[31] *Лекарев С.* Покушение на Папу Римского — инсценировка ЦРУ // Аргументы недели № 7(145) от 19 февраля 2009 г. С. 12.

[32] *Załęski S.* Jezuici w Polsce. T. II. Lwów, 1901.

Орден кармелитов босых обосновался в Кракове в 1605 г. (в Львове в 1614 г.). В течение 40 лет Орденом было образовано 14 монастырей.

Орден кармелитов тревичковых или обутых (от польского trzewiczek — башмачок) в середине XVII в. имел 30 монастырей.

С. Залеский отметил, что в 1628 г. на территории Речи Посполитой было всего 426 опатств (аббатств) и мужских монастырей, а также 78 монастырей женских, относившихся к четырнадцати разным католическим орденам (с. 536 названного сочинения).

Любопытно сравнить эти данные с данными, приведенными папским нунцием в Польше Галеаццо Марескотти в донесении папе Клименту X по состоянию на 1670 г.

Орден францисканцев имел две провинции, в польской — 29 монастырей и 4 представительства, в литовской и русской — 34 монастыря и 4 представительства.

Орден братьев-проповедников (доминиканцев) имел в польской провинции 46 мужских и 10 женских монастырей, в русской — 34 монастыря (кроме них 24 монастыря перешли в руки, как писал Г. Марескотти, «схизматиков»), в литовской — 19 монастырей.

Орден бернардитов имел 3 провинции; в великопольской провинции 26 монастырей, 4 новициата и 4 женских монастыря; в малопольской — 29 монастырей, 1 новициат и 8 женских монастырей; в русской — 36 монастырей, 3 новициата, 4 представительства и 1 женский монастырь.

Орден кармелитов тревичковых или обутых имел 1 провинцию и в ней 32 мужских и 1 женский монастырь.

Орден кармелитов босых имел 1 провинцию и в ней 12 мужских и 6 женских монастырей, а также 1 новициат.

Орден августинцев имел 1 провинцию и в ней 18 мужских и 1 женский монастырь, а также 2 новициата.

Орден камальдулов имел 1 провинцию и в ней 6 монастырей.

Орден пиаристов имел 1 провинцию и в ней 6 монастырей.

Орден паулинов имел 1 провинцию и в ней 13 монастырей и 1 новициат.

Орден бонифратров имел 1 провинцию и в ней 11 монастырей и т.д.

Всего в 1670 г. было 581 мужских опатств и монастырей, а также 62 женских монастыря. Здесь же отмечается, что по состоянию на 1746 г. число мужских монастырей увеличилось на 226, а женских на 17[33].

И вновь вернемся к сочинению Станислава Залеского. После перечисления всех действовавших на территории Речи Посполитой католических орденов (25 мужских и 16 женских, мы их названия опускаем) он привел такие обобщенные данные по состоянию на 1763 г.: всего было 901 мужской и 140 женских монастырей[34].

Динамика распространения католических орденов на приведенных примерах видна совершенно отчетливо. С представителями некоторых орденов мы еще встретимся.

Возросло значение таких элементов «Системы» **как институты духовников** монархов, наследников престола и вельмож; **воспитателей** детей монархов и, прежде всего, наследников престола, а также детей вельмож; советников монархов из числа

[33] Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690. T. II. Berlin, Poznań 1864. S. 407-408.

[34] Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. III. Część II. 1700–1773. Lwów, 1902. S. 723, p. 1.

высокопоставленных представителей Ватикана. Сохранили свое значение крупные священнослужители — **митропольные кардиналы, епископы** и др. От перечисленных лиц в Рим не только поступала архиважная информация, но они также реально влияли на принятие политических решений монархами, на практике воплощали в жизнь геополитические интересы Ватикана в том или ином государстве.

Весьма и весьма интересной предстает перед нами вторая, если так можно выразиться, светская часть «Системы». И она действительно может называться светской, так как ее участники, представлявшие в Ватикан разведывательные сведения (когда по его просьбе, когда инициативно) не имели прямого отношения к деятельности Римской католической церкви, к папам Римским, курии и католическим орденам. В их числе **монархи** некоторых европейских государств, например, Испании, Португалии, Франции, Польши, Священной Римской империи германской нации и др. В это число также входили многие влиятельные **сановники и вельможи, члены правящих монархических династий, видные дипломаты, несостоявшиеся претенденты на престол, бывшие монархи, самозванцы и представители оппозиции**. Такое положение более чем убедительно свидетельствовало об изменившейся роли Ватикана на европейской политической арене. Не нужно только полагать, что все они являлись платными агентами Ватикана. Это совсем не так. Расширение в XVI в. дипломатических отношений Ватикана с другими государствами и возрастание его роли объективно создали необычайно благоприятные условия для использования в своих интересах названных выше лиц, которые и введены нами в число участников «Системы».

Наступившая эпоха Великих географических открытий сразу же превратила эпизодический и даже дилетантский интерес к **географии (космографии)** и **картографии** в постоянный, профессиональный и острый. Если совсем еще недавно интерес к географическим сведениям был все-таки большей частью вторичен, первичным являлось решение других задач, например, политических, то теперь задачи получения самых свежих и самых точных географических сведений выдвигаются в число приоритетных. Значительно возросли роль и значение географов (космографов) и картографов как участников «Системы». Ватикану нужны были географические сведения о заморских территориях, открытых и захваченных европейскими государствами, о морских и сухопутных путях к сказочно богатым странам Ост- и Вест-Индий и о многом другом. Географические карты давали наглядное представление о расположении материков, океанов и морей, помогали папам Римским формировать политические решения. Карты показывали, где лежат богатства.

Можно привести пример: по словам историка Джустина Уинсора, в конгрегации «Пропаганда Веры» в Риме хранится карта части восточного побережья Северной Америки, составленная в 1529 г. неким Джироламо да Верраццано, братом французского пирата Хуана Флорина (Джованни да Верраццано), грозы испанских морских караванов с сокровищами Нового Света, по результатам его географических открытий: «К счастью для ученых, Иеронимо да Веррацано составил в 1529 г. карту, которая еще и теперь хранится в коллегии Пропаганды в Риме; на эту карту нанесены открытия его брата, Джиованни...»[35]. Историк картографии Багров

[35] *Уинсор Д.* Христофор Колумб и открытие Америки. СПб., 1893. С. 544.

Лео уточнил, что на самом деле карт две — обе ручной работы, одна 1529 г., другая недатированная[36]. В числе других географических объектов на карте изображен тот район восточного побережья, где впоследствии вырос город Нью-Йорк. О плавании Джованни да Верраццано подробно рассказал Ж. Верн в первом томе своей «Истории великих путешествий».

Еще один исключительно интересный пример не только проникновения европейца в Китай морским путем, но и того, как Орден иезуитов хранил сведения разведывательного географического характера. Этим человеком был португалец Фернан Мендес Пинто (1509–1584). Он «...отплыл в Индию вместе с флотом, которым командовал сам Васко да Гама, и пробыл на дальнем юго-востоке около двадцати лет; при этом он пять раз потерпел кораблекрушение и семнадцать раз продаваем был в рабство. Можно считать доказанным, что он был первым европейцем, попавшим во внутренность Китая после открытия морской дороги в восточные моря, и одним из первых европейцев, побывавших в Японии (1542)...»[37]. Повторим, этот человек пережил пять кораблекрушений, семнадцать раз его продавали в рабство! Не правда ли, насколько жизнь романтичнее и фантастичнее приключений, описанных в пиратских и авантюрных романах. Заметим, что свое последнее плавание в Индию Васко да Гама совершил в 1524 г., т.е. Мендесу Пинто в то время было всего 15 лет. В последующие годы он вел далеко не беспорочный образ жизни, занимался пиратскими разбоями в прибрежных китайских водах, за что присуждался китайцами к тяжелым принудительным работам. В сороковые годы он не раз сталкивался с португальским дворянином Симаном де Мело, комендантом крепости Малакка. Совсем не исключено, что этот Симан де Мело приходился родственником другому португальскому дворянину, высокопоставленному члену Ордена августинцев, Николаю де Мело, с которым мы встретимся ниже и о его жизни и делах в Московском государстве поговорим подробно.

Вернувшись в 1558 г. в Португалию, Ф.М. Пинто написал ставшую знаменитой книгу «Путешествие», которая была издана в 1614 г. А теперь обратите внимание вот на что: «... Рукопись ее безнадежно исчезла, как предполагают, уничтоженная иезуитами, вероятно, опасавшимися заключавшихся в ней разоблачений относительно их миссионерской деятельности, зачастую сочетавшейся с грабежами и насилиями; известно, что рукопись “Путешествия” находилась некоторое время в руках иезуита Люцена (биографа “просветителя” Японии Ксавье, сподвижником которого Пинто был в течение нескольких лет), затем попала к Франциску Андраде, умершему в 1614 г., в год ее выхода в свет; Андраде разделил ее на главы, озаглавил их и, по-видимому, сильно проредактировал тот печатный текст, который и поныне заменяет исследователям пропавшую рукопись...»[38].

В своей книге Ф.М. Пинто рассказал о встречах в северном Китае с людьми, которых местные жители называли московитами. «...Они белокуры, хорошо сложены, одеты в широкие штаны, дорожные плащи с широкими рукавами и шапки, по-

[36] *Багров Л.* История картографии. Пер. с англ. Н.И. Лисовой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 268.

[37] *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941. С. 421.

[38] Там же.

добно фламандцам и швейцарцам, которых мы видели в Европе, причем наиболее уважаемые из них были одеты в кафтаны, подбитые соболями и другими мехами. Все они носили большие и широкие сабли...»[39]. Содержавшиеся в книге сведения о Китае, Сахалине, о богатых серебром островах, русском посольстве, собранные и обработанные человеком, непосредственно побывавшим в этой загадочной для европейцев части Земного шара, надо думать, были высоко оценены руководством Ордена иезуитов. Вот что писал он о названных выше островах: «...каких-нибудь двух тысяч человек хватило бы, чтобы захватить и удержать этот остров вместе с другими островами архипелага, и это оказалось бы несравненно более выгодным, чем иметь владения в Индии, и потребовало бы гораздо меньше людей, равно как и всего прочего, ибо купцы уверяли нас, что только три таможни дают в год полтора миллиона золотом, не говоря уже о прочих статьях дохода, которые получает королевство от добычи и выплавки серебра, меди, латуни, железа, стали, свинца, олова, приносящих несравненно больше денег, чем таможни...»[40]. Распространение такой важной информации по Европе вне контроля иезуитов могло нанести Ордену значительный ущерб. Конечно, какую ценность могла иметь информация, которая известна всем? Может, в этом и заключалась главная причина пропажи рукописи и последующие переделки книги, которые, в конце концов, превратили документальную книгу в обычный авантюрный роман.

Поэтому совсем не случайно в Ватикане была введена должность **папского космографа**. В 1580 г. на эту должность был назначен Данти Эгнацио (Пеллегрино Данти де Ринальди, 1536–1586), известный астроном и космограф, автор настенных карт, ранее работавший в Болонье и Флоренции. Историк картографии Багров Лео пишет, что он «руководил изготовлением карт на стенах Бельведерской галереи, теперь называемой Галереей географических карт, в Ватикане. Он руководил также реставрацией более старых карт неизвестного мастера»[41]. Ватикан принимает на работу видных картографов того времени, например, римского картографа Николози Джамбаттиста (1610–1670), «...которому в 1652 г. Propaganda Fide поручила изготовлять карты...»[42]. Напомним, Propaganda Fide — это конгрегация «Пропаганда Веры», о которой мы выше говорили.

Число картографов, выполнявших разовые или постоянные картографические задания Ватикана в XVI–XVII столетиях, возросло по сравнению с XV в. в 2 и более раз.

Особо следует отметить, что миссионеры, члены католических орденов, выполняя в XVI–XVII столетиях свои миссионерские функции в интересующих Ватикан странах, зачастую весьма профессионально занимались и картографированием территорий этих стран. В том числе Японии, Китая, Индии, стран Юго-Восточной Азии, Южной и Северной Америки, Африки и др., то есть тех стран, которые входили в сферу геополитических интересов Ватикана. Уже упоминавшийся историк картографии Л. Багров в своей «Истории картографии» привел список кар-

[39] *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 422.

[40] *Фернан Мендес П.* Странствия. М., 1972. С. 300–301.

[41] *Багров Л.* История картографии. С. 251.

[42] Там же. С. 292.

тографов до 1750 г. (можно только приблизительно представить, каких трудов ему стоило собрать все эти данные). Если мы обратимся к этому списку, то увидим, что таких миссионеров-картографов было несколько. Вот, например, члены миссии Ордена иезуитов в Китае (разумеется, в разные годы): это Джулио Алени (1582–1642); Михаэль Бойм (1612–1659); Мартино Мартини (1614–1661); Маттео Риччи (1552–1610); Фердинанд Вербист (1623–1688); Шалль фон Белл Иоганн Адам (1591–1666) и др. В 1737 г. французский картограф Жан Батист Бургиньон д`Анвиль (1697–1782) издал «Новый атлас Китая» («Nouvel Atlas de la Chine»), в который вошли копии карт Китая, изготовленных иезуитами в период царствования императора Кан-Си[43].

Качественно изменилась практика использования **купцов, различного рода специалистов и военных наемников** для получения разведывательных сведений. Эти изменения, если говорить коротко, сводятся к следующему. Во-первых, возросли масштабы их использования. Во-вторых, значительно расширилась география их использования, она приобрела планетарный характер. В-третьих, не только наметилась, но и стала повседневной специализация их использования в разведывательных целях. Более подробно о купцах, специалистах и наемниках мы поговорим ниже, в разделе о формах и методах разведывателной деятельности, да и в последующих главах.

Завершая схематичный рассказ о «Системе», нужно сказать следующее: «Система» создавалась не как еще одно ведомство курии, не как чиновничий аппарат, не как некий одноразовый акт Ватикана. На ее создание и практическую настройку потребовалось более 100 лет, да еще каких! Более 20 пап Римских, каждый из которых имел свое мнение о содержании геополитических интересов Ватикана, целях и задачах разведывательной деятельности, в той или иной мере приняли участие в создании «Системы», не всегда, правда, даже догадываясь о своем участии в этой работе. Некоторые папы занимали святой престол менее месяца (Марцелл II), некоторые менее года (Урбан VII, Лев XI), что, согласитесь, явно недостаточно для детального изучения обстановки и привнесения чего-то своего в формирование «Системы». Так что вклад того или иного папы Римского в создание «Системы», конечно, если таковой имел место, сугубо персонифицирован.

Кстати, интересно познакомиться со следующей статистикой: всего за период с 1492 по 1700 г. на святом престоле побывали 29 пап Римских, то есть средний понтификат составляет 7,1 года. В то же самое время средняя продолжительность царствования монархов составляет: в Англии — 19,7 лет (11 монархов за 217 лет в 1485–1702 гг.); в Священной Римской империи германской нации — 23,5 года (9 монархов за 212 лет в 1493–1705 гг.); в Польше — 19,5 лет (10 монархов за 195 лет в 1501–1696 гг.); во Франции — 24,1 год (9 монархов за 217 лет в 1498–1715 гг.); и в России — 20,0 лет (11 монархов за 220 лет в 1505–1725 гг., к числу монархов здесь не отнесены регент Елена Глинская, правительница Софья, Лжедмитрий I, Владислав IV). Мы видим, что средний понтификат в три раза меньше продолжи-

[43] Там же. С. 258.

тельности царствования ведущих европейских монархов, да и число монархов в три раза меньше числа пап Римских за этот же период времени. При такой частой сменяемости понтификов и отсутствии у них наследственного подхода в формировании политики, а также с учетом целого ряда крайне острых внешних факторов (Великие географические открытия, Реформация и Контрреформация, кардинальное изменение политической обстановки в Европе, вторжение Турции в Европу и др.) ожидать безусловной преемственности в подходе пап Римских к созданию правительств и разведывательной службы в их составе не приходилось.

Нужно также обязательно отметить, что, во-первых, некоторые структурные элементы «Системы» не были заново созданы в XVI–XVII столетиях, а выросли из ростков того, чем уже располагал Ватикан до наступления эпохи Великих географических открытий. Во-вторых, некоторые структурные элементы «Системы» были созданы совсем не по инициативе Римских пап или курии, а совсем наоборот, по инициативе снизу. Примером может послужить создание Ордена иезуитов. В-третьих, вся «Система» создавалась без какого-либо плана. На протяжении многих десятилетий каждый из создателей добавлял в «Систему» что-то свое, зачастую даже не представляя единого целого и совсем не думая о последствиях. В-четвертых, «Система» представляла собой наглядный пример перехода от двухступенчатой системы организации разведывательной деятельности типа «монарх — исполнитель» к многоступенчатой. И, в-пятых, «Система» по существу являлась предшественницей специализированных государственных ведомств — разведывательных служб, созданных позднее в европейских государствах.

Очень важно при этом подчеркнуть, что ни один из составлявших «Систему» элементов не являлся специализированным государственным ведомством, предназначенным для ведения разведки. И, несмотря на это, суммарный результат участия всех элементов «Системы» в разведывательной деятельности представлял собой именно то, что и нужно было Риму — разведывательные сведения согласно поставленным целям и задачам.

Определенный интерес представляют **принципы организации разведывательной деятельности** Ватикана в XVI–XVII столетиях. Мы знаем, что любая деятельность должна быть надлежащим образом организована, иначе от этой деятельности каких-либо запланированных результатов можно и не дождаться. Ну а сама организация должна подчиняться определенным законам, определенным принципам, соблюдение которых позволяет настроить ту или иную деятельность на достижение результата. При плохой настройке и результат будет соответствующим.

При создании «Системы» в организацию разведывательной деятельности, на наш взгляд, были заложены следующие основные принципы, разумеется, не сразу, не единовременно, а за достаточно большой период времени:

– соответствие целей и задач разведывательной деятельности геополитическим интересам Ватикана. Глобальность географических границ разведывательной деятельности;

– централизация руководящей и организующей роли в разведывательной деятельности в руках папы Римского как главного заказчика и пользователя разведывательной информацией;

– обеспечение непрерывности поступления разведывательной информации по интересующим Ватикан вопросам;

– страноведческий (или территориальный) принцип постановки разведывательных задач и организации разведывательной деятельности, получения, накопления, обобщения, анализа и оценки разведывательной информации и ее реализации;

– использование надежных и компетентных источников разведывательной информации;

– соответствие тематического диапазона разведывательной информации поставленным разведывательным задачам. Всеохватность тематического диапазона;

– достоверность, полнота и своевременность разведывательной информации;

– задействование (в обязательном режиме) разведывательных и информационных возможностей дружественных Ватикану государств для получения нужных разведывательных сведений;

– распределение светских разведывательных функций (функций государства) между церковными (Римской католической церкви) и светскими подразделениями и ведомствами. Наделение светскими разведывательными функциями церковных (Римской католической церкви) структурных подразделений. Например, конгрегации, католические ордена и др.;

– неконфликтное сочетание религиозных и светских целей и задач в организации разведывательной деятельности;

– коллективный принцип сбора разведывательной информации;

– учет и подстройка форм и методов разведывательной деятельности к местным условиям и обстановке (политической и оперативной) в разведываемом государстве;

Подчинение организации разведывательной деятельности приведенным выше принципам позволило, на наш взгляд, в значительной степени обеспечить в XVI–XVII столетиях геополитические интересы Рима разведывательным сопровождением.

Геополитические интересы Рима. Цели и задачи разведывательной деятельности. Совершенно очевидно, что основной причиной изменения геополитических интересов Рима, как и других стран Европы, явились Великие географические открытия. Что касается Рима, то к этой причине следует добавить и Реформацию. Заметим, что Реформация привела к заключению 25 сентября 1555 г. в Германии Аугсбургского религиозного мира между католиками и протестантами, который, в свою очередь, свидетельствовал об изменении геополитических интересов папства. Папство отказалось от создания могучего независимого папского государства, но поставило задачу добиваться духовного руководства всем христианским миром, «господствовать над умами, над волей и сознанием каждого народа, каждого человека»[44]. Папство отказалось от мирового господства политическими средствами, через политическую власть, но взамен поставило задачу добиться мирового господства через власть духовную.

[44] *Лозинский С.Г.* История папства. С. 255.

Планетарность геополитических интересов неизбежно вызвала изменения в целях и задачах разведывательной деятельности. Если до наступления эпохи Великих географических открытий и раздела мира ее целями (и объектами) были, преимущественно, европейские страны и некатолические Церкви, то теперь в число этих целей (и объектов) вошли вновь открытые страны и территории обоих полушарий, а также Московское государство, Сибирь и Русская православная церковь.

Сбор сведений о вновь открытых землях, местах их нахождения, путях к ним и информации о том, к владениям какого европейского государства они теперь относятся, стал приоритетной задачей. Правда, Рим и раньше занимался сбором таких сведений с использованием выезжавших в Китай, Монголию, Индию и другие восточные страны католических миссионеров и купцов. Но только в первой половине XVI столетия разведывательные цели стали реально планетарными, разведывательная деятельность приобрела масштабность, плановость и целенаправленность. Появление в качестве объектов разведки ранее совсем не известных государств и территорий сразу же добавило к обычному перечню задач (политическим и военным) новые — сбор сведений экономического, географического, социально-этнографического и религиозного характера. А это, в свою очередь, как выше мы говорили, вызвало необходимость или создания новых разведывательных служб, или структурно-функциональной реорганизации уже имевшихся.

Изменился характер внешних угроз папству. Реформация вырвала из лона Римской католической церкви целый ряд больших и малых европейских государств, нарушила и обострила бывшие ранее достаточно комфортными отношения Рима с ними. Это заставило Рим, наряду с решением новых задач, вновь вернуться к решению некоторых старых, то есть к организации постоянного контроля за развитием обстановки во всех государствах.

Задачи подразделялись на первоочередные и долгосрочные. К первоочередным задачам, безусловно, относились все те, решение которых, во-первых, способствовало борьбе с Реформацией, во-вторых, гарантировало участие Рима в установлении духовной власти над заморскими территориями и дележе заморских богатств, и, в-третьих, обеспечивало контроль за возникновением и формированием внешних угроз папству, в целом за развитием обстановки в Европе и мире. К долгосрочным задачам относились те, решение которых требовало значительных затрат времени и ресурсов, не могло быть достигнуто какой-либо разовой единовременной акцией. Это были задачи, решение которых давало результат на перспективу, например, реорганизация курии; образование специализированных учебных заведений — коллегиумов — и подготовка в них кадров нового типа. Долгосрочной задачей являлась и задача организации разведывательно-подрывной деятельности против Московии и Русской православной церкви.

Распределение функций и задач разведывательной деятельности между различными ведомствами. Как выше мы уже говорили, Ватикан не располагал своим специализированным ведомством, на которое мог бы возложить организацию и осуществление разведывательной деятельности; для ведения разведки он создал и использовал «Систему» самых различных ведомств, учреждений и организаций, распределив между ними функции и задачи разведывательной деятельности.

Общее руководство разведывательной деятельностью, постановку разведывательных задач, организацию исполнения, включая обеспечение взаимодействия всех элементов «Системы» между собой и союзными Риму государствами, осуществляли понтифик, государственный секретарь Ватикана и курия, конгрегация «Пропаганда Веры». Общее курирование всей разведывательной работы оставалось за государственным секретарем Ватикана. На среднем уровне эту функцию исполняли папские нунции и нунциатуры, провинциалы католических орденов, специальные уполномоченные Ватикана.

Рассмотрение, обобщение, анализ и оценка поступавших в Рим разведывательных сведений, подготовка предложений понтифику возлагались на курию и конгрегации при курирующей роли государственного секретаря Ватикана.

Хранение поступавших в Рим разведывательных материалов, отчетов, донесений, указаний, заданий и др. осуществлял Ватиканский Архив.

Отбор и подготовка профессиональных разведывательных кадров возлагались на специализированные коллегии и другие учебные заведения (для работы в Московии — на Греческую коллегию св. Афанасия в Риме) при курирующей роли конгрегации «Пропаганда Веры». В отборе кандидатов и направлении их в учебные заведения участвовали нунциатуры в Польше, Священной Римской империи германской нации и других странах.

Розыск противников Римской католической церкви возлагался на конгрегацию «Святой римской и вселенской инквизиции».

Розыск авторов печатных изданий, признанных враждебными Римской католической церкви, возлагался на конгрегацию «Индекс».

Розыск и физическое устранение наиболее опасных врагов Римской католической церкви возлагался на «Священный Альянс».

Политическая, военная, экономическая разведка Московского государства во всех ее составляющих возлагалась на папских дипломатов, как приезжавших в Москву, так и на нунциатуры в Польше и Священной Римской империи германской нации, на разведывательные и дипломатические службы союзных Риму государств, провинциалов католических орденов. Для получения сведений широко использовались проживавшие в Москве иностранцы — военные наемники, специалисты, купцы, с 1684 г. — миссия Ордена иезуитов в Москве. Курирующую роль исполнял государственный секретарь Ватикана.

Географическая разведка Московского государства и Сибири, а также разведка транспортных транзитных путей через Московию и Сибирь в Персию, Китай, Индию и другие страны Востока осуществлялась через дипломатические возможности, а также силами миссионеров католических орденов, проезжавших через Московию (францисканцы, кармелиты, доминиканцы, августинцы, иезуиты); сведения по этим вопросам собирали члены миссии Ордена иезуитов в Китае; с 1684 г. в решении этой задачи участвовала миссия Ордена иезуитов в Москве; значительный вклад в сбор сведений о Сибири внес отбывавший в Тобольске ссылку эмиссар Ватикана Георгий Крижанич.

Разведка православия и Русской православной церкви возлагалась на конгрегацию «Пропаганда Веры» и ее эмиссаров, посещавших Москву со специальными миссиями. В этой работе также были задействованы Униатская церковь и Орден базилианцев.

Все элементы «Системы» были ориентированы как по вертикали подчиненности, так и по горизонтали взаимодействия.

В последующих главах мы рассмотрим многочисленные примеры участия в разведывательной деятельности самых различных структурных элементов «Системы», от курии до миссионеров.

Участники разведывательного процесса. К ним мы должны отнести прежде всего: организаторов и руководителей этого процесса, главных заказчиков и потребителей разведывательных сведений — понтификов и государственных секретарей Ватикана, генеральных викариев апостольского престола в странах Вест- и Ост-Индий, генералов католических орденов (иезуитов, доминиканцев, францисканцев, августинцев и других). Кроме того, организаторов и руководителей среднего уровня — папских нунциев и легатов, провинциалов католических орденов, глав католических епархий; эмиссаров, отдельных членов дипломатических миссий, миссионеров (как предназначенных для работы в Московском государстве, так и следовавших через его территорию транзитом); купцов; различного рода специалистов и военных наемников из числа иностранцев католического вероисповедания; географов, картографов, мореплавателей. В их числе мы встречаем писателей, драматургов, актеров, художников, издателей, музыкантов и других. В католических европейских странах Рим использовал духовников, советников и воспитателей монархов, наследников престола и крупных влиятельных вельмож.

Изменились требования к участникам разведывательного процесса. Теперь, когда театром разведывательной деятельности стал весь мир, исполнитель того или иного задания (разового или долгосрочного) мог оказаться где угодно — где ему и не снилось, от Японии на востоке до Америки на западе, от Африки на юге до Московии на севере. Как среди единоверцев, так и среди иноверцев, не всегда настроенных дружественно или хотя бы нейтрально. Исполнитель должен был быть готовым работать далеко от Европы, в незнакомой обстановке, в условиях языкового барьера и зачастую в автономном режиме. Дилетанты, случайные люди перестали устраивать заказчиков и потребителей разведывательной информации. Нужны были специалисты, причем не только в области разведывательной деятельности, но и в области землеведения и страноведения, дипломатии, психологии, обработки, хранения и анализа разведывательной информации, картографы и географы, шифровальщики и другие.

Исполнитель, готовившийся к работе в Московии, должен был знать местные законы, действующие административные и оперативные режимы, условия, особенности взаимодействия царской власти и Русской православной церкви, социально-этнографические особенности народа, его быт, нравы и обычаи, язык и многое другое, что позволило бы ему действовать эффективно и безопасно.

География разведывательной деятельности. С самых первых Великих географических открытий разведывательная деятельность Рима приобрела планетарный характер. Правда, еще в XIII–XIV вв. папы направляли своих дипломатических эмиссаров в Персию, Индию и Китай, которые в этих дальних загранкомандировках решали и разведывательные задачи. Ну а теперь, когда стало ясно, что Земля — это все-таки шар, когда открыты Вест-Индия и Ост-Индия, когда Европа стремилась как можно быстрее привязать к себе сказочно богатые заморские страны политическими и торговыми узами, Рим также стремился привязать к себе эти же стра-

ны, но уже не только узами политическими и торговыми, но и духовными. Разумеется, политические, торговые и духовные узы не просто соседствовали, а практически составляли единое целое с узами разведывательными. Каналы поступления разведывательной информации связали Рим на западе — со странами Вест-Индии; на юге — со странами Африки; на востоке — с Персией, Индией, Китаем, Японией, странами Центральной и Юго-Восточной Азии; на севере — с северной и восточной Европой и Московским государством.

При этом далеко не все народы, населявшие интересовавшие Рим территории, исповедовали католичество. Далеко не все. На этих территориях проживали и католики, и православные, и протестанты, и мусульмане, и буддисты, и конфуцианцы, и индуисты, и язычники, и представители иных вероисповеданий. И Европа, и Рим только-только начали знакомиться с проживавшими тут народами, но купцы и миссионеры, а во многих случаях и колониальная администрация делали все, чтобы покрепче привязать заморские территории к себе. Для этого нужно было как можно больше знать о вновь открытых землях, богатствах, путях к ним, особенностях географических, природных и климатических, народах, религиях и т.д. Нужно было планомерно, целенаправленно вести их разведку, полные и достоверные разведывательные сведения могли существенно приблизить Рим к решению своих геополитических задач.

Профессионализация и специализация разведывательной деятельности. Наступившая эпоха познания и раздела мира кардинально изменила характер и содержание разведывательной деятельности. Она становится таким же профессиональным видом деятельности, как строительство и зодчество, земледелие, мореплавание, торговля, военное дело и другие. Поступление информации от случая к случаю, обо всем сразу и ни о чем, зачастую не о том, что нужно, а о том, что удалось увидеть или услышать, от людей, для которых сбор разведывательных сведений являлся неким побочным занятием, довеском к основной деятельности, перестало удовлетворять ее заказчиков и потребителей. На сцену театра разведывательной деятельности выходят люди, посвятившие этой деятельности всю свою жизнь, профессионалы, специально учившиеся этой новой профессии, создававшие теорию разведки и одновременно проверявшие ее на практике, а если и занимавшиеся чем-то иным, то только для того, чтобы замаскировать, скрыть свои истинные занятия от властей в стране пребывания.

При этом нужно иметь в виду, что профессионализация разведывательной деятельности Ватикана имела существенные отличия от европейских государств. Ведение разведки как довесок к основной деятельности не исчез, а, наоборот, превратился во второй основной и профессиональный вид деятельности у организаторов и исполнителей различного ранга. Например, у дипломатов, эмиссаров, миссионеров и других.

Одновременно происходит специализация разведывательной деятельности: по странам или регионам, по видам и характеру деятельности и так далее. Только специализация позволяла накапливать, систематизировать и учитывать опыт и знания о местных условиях, об особенностях решения разведывательных задач в конкретной стране, избегать повторения ошибок и действовать относительно безопасно и эффективно. Например, разве можно сравнивать миссионерскую деятельность Ватикана в католических странах или на вновь открытых заморских территориях с та-

кой же деятельностью в Московском государстве? Напомним, что мы ведем разговор о событиях XVI и XVII столетий.

В католических странах миссионеры действовали под покровительством и при помощи местных властей, на заморских территориях им покровительствовали и оказывали помощь колониальные администрации (речь идет об администрациях, подвластных католическим монархам). Они могли свободно передвигаться по всей территории, останавливаться и жить в нужных им местах, заниматься не только миссионерством, но и сбором всевозможной разведывательной информации и отправлять собранные ими сведения в Рим. Для Московского государства того времени такая свобода действий католических миссионеров была практически исключена. Если миссионеры, следовавшие транзитом через Московию в страны Востока или оттуда в Европу, могли что-то увидеть, что-то узнать во время дальнего пути от Москвы до Астрахани, то миссионеров, которым было бы разрешено постоянно проживать в Москве, в XVI–XVII вв. практически не было. Они появились только в 1684 г., причем им не разрешалось без царского разрешения выезжать за пределы Москвы (и уж тем более в Сибирь), они действовали под постоянным контролем царского правительства и при неослабном внимании к ним со стороны Русской православной церкви.

Кто-то из исполнителей специализировался для деятельности под «крышей» дипломата, кто-то под «крышей» купца, или военного наемника, или доктора, или какого-либо другого специалиста и т.д. Специализация предполагала отбор и настройку конкретных форм и методов к избранному виду деятельности в конкретной стране, обучение, изучение и знание местных условий в стране пребывания, учет национальности исполнителя (Рим предпочитал направлять в Москву греков, хорватов, чехов, словаков и других).

Требования к разведывательной информации. На рубеже XVI и XVII столетий мир оказался совсем иным, большим и разным, с множеством ранее неизвестных государств, ранее неизвестных народов, исповедовавших ранее неизвестные религии. Скорость жизни, скорость государственной деятельности стала совершенно иной, стала намного выше. Намного выше стала и цена принятых ошибочных государственных решений в результате недостоверной или неполной разведывательной информации. Если раньше на некоторые огрехи в качестве информации можно было как-то махнуть рукой, не обратить внимания, то сейчас это было чревато серьезными негативными последствиями. Рим почувствовал, что его положение на политической карте Европе стало меняться не в его пользу, нужно было принимать меры.

Выстраивая заново свои геополитические интересы, Рим ощутил настоятельную потребность в дополнительной и принципиально иной разведывательной информации. Для решения поставленных задач нужно было знать все и обо всем и как можно раньше. Эта потребность сформировала новые требования к разведывательной информации, ее сбору, накоплению, обобщению, анализу и оценке, перепроверке и уточнению, принятию решений и последующему хранению добытых разведывательных материалов. Теперь разведывательную информацию необходимо было собирать и работать с ней по страноведческому принципу, одновременно распределяя ее по соответствующим информационным блокам (направлениям):

– политический блок;
– военный блок;
– экономический блок;
– географический блок;
– социально-этнографический блок;
– религиозный блок.

Вывод о таком распределении разведывательной информации по информационным блокам (направлениям) сделан на основании анализа содержания использованных нами исторических источников XVI и XVII столетий, о которых мы выше говорили. Без распределения информации по таким блокам любой организатор разведывательной деятельности и пользователь просто утонули бы в огромных потоках информации, и работа в таком режиме потеряла бы всякий смысл.

Примером названного подхода к информации может послужить реляция папского нунция в Польше Джулио Руджиери папе Пию V от 1568 г. об обстановке в Польше и при дворе короля Сигизмунда II Августа. В реляции были следующие разделы: о крае; о народе польском; о языках; о государственном управлении; о правах короля польского по отношению к составляющим Польшу территориям; о власти королевской; о доходах королевских; об особе короля; о голдовниках; о религии; о кафедральных костелах; о правах столицы апостольской в Польше; о войске; о народах соседних и об их сношениях с Польшей; о силе панств и королей, граничащих с Польшей; о торговле польской; о важнейших делах в государстве[45]. В последующих главах мы увидим, что такой подход не был необычным для того времени. Судя по всему, он использовался уже достаточно уверенно, в том числе и в проведении разведывательной деятельности в отношении Московского государства.

В остальном требования к разведывательной информации можно сформулировать следующим образом: соответствие информации целям и задачам разведывательной деятельности, вытекающим из характера геополитических интересов; ее актуальность, своевременность получения и доставки пользователю; достоверность и полнота информации, ее проверяемость, надежность источников информации, применение инструментальных методов получения информации (измерение географических координат населенных пунктов и других географических объектов, расстояний между ними, глубин в прибрежных акваториях северных морей и в устьях рек и т.п.), защита информации от доступа посторонних лиц и т.п. Высоко оценивались подлинные государственные документы (и документы Московской патриархии), картографические материалы и копии с них.

Кардинал Ерминио Валенти, государственный секретарь Ватикана, писал в 1605 г. папскому нунцию в Польше Клаудио Рангони, «что должно разыскивать всеми средствами и вести переписку со многими особами, чтобы иметь верные известия о московских событиях; особенно нужно знать мнение, какое имеют о них люди умные и опытные»[46]. Перечитайте эти слова. По существу, в них заложены основные требования Ватикана к разведывательной информации и ее источникам в рассматриваемый нами период.

---

[45] Relacye nuncyuszów apostolskich i innich osób o Polsce od roku 1548 do 1690. T. I. Berlin, Poznań. 1864. S. 165–216.

[46] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 4. М., 1994. С. 471.

Возрастание объемов поступающей разведывательной информации. Великие географические открытия вызвали информационный взрыв. Информационная лавина обрушилась не только на монархов и понтификов, но и на всю Европу, на весь мир. Информация поступала не сегодня, а затем через неделю или месяц, а ежедневно, круглосуточно. Применявшиеся до этого способы накопления, обработки, оценки и хранения информации в один миг оказались непригодными для использования в изменившихся условиях. Расширение тематики и номенклатуры поступающей информации, рост ее сложности для понимания и оценки вызвали необходимость не только увеличения численности обрабатывающих информацию лиц, но и обязательное привлечение к этой работе соответствующих специалистов — от политиков, экономистов, географов и аналитиков до специалистов в области отдельных религий, переводчиков и хранителей.

Возрастание объемов потребовало выделения или сооружения специальных зданий (помещений) для хранения информации. Но уже нельзя было в одном деле хранить информацию о каких-либо событиях в Китае и тут же о смене патриарха в Москве или войне между Швецией и Данией и т.п. Легко можно было запутаться и даже вообще потерять нужную информацию. В Риме, собственно говоря, так же как в Посольском приказе в Москве, стали внедрять страноведческий подход в хранении документов, и для того времени это являлось прогрессивным. Выше мы об этом уже говорили.

Носители разведывательной информации. Мы отойдем от действующих сегодня всевозможных классификаторов носителей информации и для условий XVI–XVII столетий выделим только два вида носителей — люди и документы.

Итак, люди. Безусловно, носителями самой важной информации государственного уровня являлись монархи, наследники престола, правители и правительницы (великая княгиня Елена Васильевна Глинская, царевна Софья Алексеевна), крупнейшие царские вельможи, сановники и воеводы, руководители правительственных учреждений (приказов). Во-вторых, митрополиты, а с 1589 г. и патриархи Московские и всея Руси, местоблюстители патриаршего престола, архиереи Русской православной церкви, руководители Славяно-греко-латинской академии, царские духовники. В-третьих, дипломаты, члены дипломатических миссий. В-четвертых, купцы. В-пятых, чиновники правительственных учреждений и органов власти на местах (воеводы, дьяки, подьячие, писцы, переводчики и толмачи, таможенники, письменные головы, сборщики налогов и ясака). В-шестых, стрельцы, казаки, мореплаватели и землепроходцы, охотники, рыбаки, представители коренного населения Сибири и русского Севера. И, в-седьмых, различного рода специалисты и военные наемники из числа иностранцев на царской службе, проживавшие в Москве и Московском государстве.

А теперь документы. К ним мы относим, во-первых, сборники важных государственных законодательных актов — Судебники 1497, 1550, 1589 гг., Стоглав 1551 г., Уложение В.И. Шуйского 1607 г., Соборное Уложение 1649 г., Торговый Устав 1653 г., Новоторговый Устав 1667 г., царские указы и грамоты. Во-вторых, государственные дипломатические документы, тексты межгосударственных договоров, царские грамоты иностранным монархам и Вселенским патриархам и их грамоты русским царям, переписка между монархами, статейные списки и наказы российским посоль-

ствам, переписка российских послов с Посольским приказом. В-третьих, важные документы Русской православной церкви — постановления Поместных Соборов, указы и постановления митрополитов и патриархов Московских, судебные документы и решения по делам о священнослужителях (речь идет только о тех делах, которые связаны с обвинением православных священнослужителей в измене православию, самовольном оставлении патриархом Никоном патриаршего престола), переписка митрополитов и патриархов Московских с царями и Вселенскими патриархами. В-четвертых, картографические материалы — карты («чертежи») Российского государства, Сибири и отдельных территорий, описания к ним, «сказки» землепроходцев о походах «встречь солнцу» и приискании «новых землиц», отписки сибирских воевод о направлении экспедиций и их результатах, всевозможные путеводители и «дорожники». И, в-пятых, документы, авторами которых являлись иностранцы, занимавшиеся разведывательно-подрывной деятельностью — их донесения, отчеты, дневники, обзоры, переписка, а также карты Московии и Сибири, изготовленные на основе материалов российского происхождения.

Все эти носители информации, как люди, так и документы, являлись в XVI–XVII столетиях объектами целенаправленного разведывательного интереса Рима (да и других европейских государств), они представляли исключительную информационную ценность, они давали возможность познать еще неизвестное, но уже очень нужное и важное, использовать в планировании и реализации отношений с Москвой.

Степень опасности (риска) разведывательно-подрывной деятельности для Рима в Московии. Непосредственное, прямое соприкосновение посланцев (эмиссаров) Ватикана с русскими царями, русским народом и Русской православной церковью сразу показало, что такие контакты при выходе за пределы неких информационных и поведенческих границ, особенно если они вступают в противоречие с российскими законами и канонами Русской православной церкви, могут представлять реальную опасность. Цари и патриархи Московские не оставляли без внимания ставшие им известными нарушения и меры их пресечения принимали решительно и быстро.

В 1682 г. царь Федор Алексеевич подписал Жалованную грамоту в связи с предстоящим открытием в Москве Славяно-греко-латинской академии, в которой много говорилось о мерах по защите православия и Русской православной церкви от воздействия католиков, лютеран, кальвинистов и представителей других вероисповеданий. В частности: «...А за хуление православновосточныя веры, аще он в таковом хулительстве пребудет, без всякаго милосердия да сожжется...»[47]. И еще: «...Иже в наше православное царствие, из иных стран приходят люди, восточныя веры, и аще кто из оных, ради каковаго ни буди случая, оставя православную веру, и приимет веру Римскую, или Лютерскую, и Калвинскую, или иную какую ересь, или кто из них будет и Римския веры, а в наше царствие пришед, приимет Лютерскую, или Калвинскую, или иную какую ересь; и таковый, аще истинно во оном деле обличится, иже был нашея восточныя православныя веры, и той да сожжется; а иже был Римския веры, и той да накажется градским судом, и в ссылку да

[47] Привилегия Московской Академии // Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е. Часть VI. М., 1788. С. 408.

сошлется...»[48]. Последствия нарушений были очень уж серьезными и даже страшными, на них нельзя было просто махнуть рукой: казнь путем сожжения, ссылка в дальние города, на Терек и в Сибирь.

Только из второй половины XVII в. можно привести ряд примеров: ссылка в Тобольск на 16 лет эмиссара Георгия Крижанича (1661–1676), ссылка в Киев почти на 5 лет эмиссара Паисия Лигарида (1673–1678). К ним нужно также добавить выдворение из Москвы членов миссии Ордена иезуитов Иржи Давида и Тобиаша Тихавского 5 октября 1689 г.; выдворение из Москвы иезуита Кондратия Терпиловского 12 июля 1690 г.; запрет на въезд на территорию Московского государства иезуитов; публичное сожжение в Москве 4 октября 1689 г. Квирина Кульмана и Конрада Нордермана, проповедовавших падение «Вавилонского» царства и наступление «иезуелитского» царства; церковные судебные процессы над бывшими православными священнослужителями, отступившими от православной веры и др.

Это привело к тому, что значительно повысились требования к соблюдению конспирации при проведении разведывательно-подрывной деятельности. Маскируется уже не только сама деятельность, но и сами исполнители. Например, иезуиты в период пребывания на территории Московского государства выступали под видом католических священников; миссия Ордена иезуитов размещалась в Москве не в специально выделенном для этого здании, согласованном с местными властями, а в частном доме; куплен он был не на имя католического священника, а флорентийского купца Франческо Гуаскини, и не на деньги Ватикана, а императора Священной Римской империи германской нации Леопольда I, да и покупку дома производил не миссионер-иезуит или католический священник, а дипломатический посланник императора Леопольда I Иоганн Игнатий Курц.

Чтобы обезопасить себя от риска, разрабатывались настоящие методические рекомендации по разведывательно-подрывному проникновению в Московское государство или для результативного выполнения задания во время разовой дипломатической поездки. Например, наказ кардинала Джованни Мороне послу папы Григория XIII Рудольфу Кленку (Кленхену) в Москву от 1576 г. В 1641 г. подробные рекомендации были разработаны Георгием Крижаничем, через 30 лет, в 1674 г., — Яковом Рейтенфельсом.

Приведем для иллюстрации несколько выдержек из рекомендаций Я. Рейтенфельса. Вот как он советовал отбирать исполнителей: «...Лица, которых угодно будет послать в Московию, должны быть, прежде всего, прирожденными Итальянцами и не только опытны в общении с людьми и всесторонне образованны, но также должны знать хорошо Славянский и Польский языки, а, в особенности, архитектуру, гидравлику и различные применения законов физики, мало того, — они должны также уметь торговать...»[49]. И далее: «...лишь одна скрытность доставит им всюду и всегда полную безопасность... Пусть они по возможности подробнее разузнают от купцов, с которыми им придется совершать свое путешествие, о товарах, привозимых в Московию и вывозимых оттуда, дабы никому не подать повода к заподозрению их... Пусть они ни под каким видом, даже и не пытаются брать с собою свя-

[48] Там же. С. 417–418.

[49] *Пирлинг П.О.* Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса // ЧИОИДР. Книга четвертая. Отдел III. М., 1906. С. 16.

щенные облачения и церковную утварь, или что-либо иное, могущее навлечь подозрение... Ибо тут как на войне, нельзя два раза ошибаться... пусть они неустанно пишут подробнейшие письма, как касательно политики, так и всего того, что будет делаться в Москве, приняв, однако, следующую меру предосторожности, именно: писать скрытно, пользуясь какой-нибудь торговой, или иной какой, тайнописью, дабы не выдать тайны, если письма, по приказанию Царя, будут вскрываться...»[50]. Обратили внимание на фразу — «**тут как на войне**»?

И еще одна важная рекомендация: «...Удобными средствами для сего (тайного приезда в Московию католических священников — *прим. авт.*) могло бы быть: 1) Отъезд туда и пребывание там под видом торговцев. 2) Приехать туда в качестве врачей, аптекарей, зодчих, мастеров рудного дела, художников...»[51]. Как мы видим, в этой рекомендации речь идет о той «крыше», которую целесообразно использовать для безопасного пребывания в Москве.

Эти и другие методические рекомендации сыграли определенную роль в подготовке исполнителей, их инструктажах, обеспечении личной безопасности в период пребывания в Московии.

Интереснейший пример засекречивания переписки относится к 1573–1574 гг., к периоду явной и тайной борьбы за продвижение политическими кругами своих кандидатов на вакантный королевский трон в Польше. Среди кандидатов были француз Генрих Валуа (герцог Анжуйский, будущий король Польши, а затем Франции), представитель Габсбургов эрцгерцог Эрнест и даже царь всея Руси Иван Грозный. Рим склонялся к кандидатуре эрцгерцога, и папский легат в Польше в 1571–1573 гг., кардинал Джованни Франческо Коммендоне, старался решить эту задачу, для чего, кроме всего прочего, нужно было обеспечить устойчивую и безопасную связь с императорским двором в Вене. Это было архиважно, так как предание огласке усилий сторонников эрцгерцога могло не только сорвать все планы, но и нанести ощутимый политический ущерб. Для переписки с канцлером Фогельфедером легат Коммендоне использовал епископа Плоцкого Петра Мышковского, письма пересылались между коллегиями Ордена иезуитов в Пултуске и Оломоуце и затем уже доставлялись адресатам. Для засекречивания содержания писем историческим персонажам, населенным пунктам и народам были присвоены иные имена и названия. Историк Станислав Залеский привел некоторые из этих имен и названий на основании писем, найденных в государственном тайном архиве в Вене. Вот как это все выглядело в письмах 1574 г. Император Максимилиан II скрывался в письмах под именем Basilius (в 1573 г. — padre Vangrovicio); царь Иван Грозный — как padre Emanuele; эрцгерцог Эрнест — как pater Bernardus (в 1573 г. — Tobia); король Генрих — как pater Coelestinus; его брат, герцог Алансонский — как Cirillus; воевода Краковский Фирлей — как Polipinus; епископ Станислав Карнковский — как Olocaccio. Краков называли Natolia, Турцию — Frontini, и т.д.[52]

Конечно, опасность разоблачения, опасность провала в тайной разведывательной деятельности присутствовала всегда, несмотря ни на какие хитроумные мето-

---

[50] Там же. С. 17, 19, 20.

[51] Там же. С. 23–24.

[52] Ks. Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. I. Część I. Lwów, 1900. S. 231–232.

дики. Разве кто-нибудь из разведчиков (эмиссаров) был застрахован от ошибок, от предательства или от того, что его переиграют русские? Поэтому Риму нужно было быть всегда готовым и к возможным фактам предательства и провалам разведывательных акций, а в результате — к возникновению политических конфликтов в отношениях с Московией и другими государствами и монархами. С другими государствами и монархами потому, что как в XVI, так и в XVII столетиях Рим весьма полно и разнообразно использовал для своих целей их дипломатические возможности (подробнее об этом поговорим ниже).

Внешние угрозы геополитическим интересам Рима. В XVI в. внешние угрозы довольно часто превращались в прямые посягательства на папство. Характер внешних угроз изменился. XVI в. напомнил папам Римским те времена, когда папство заботилось о собственном выживании, когда Христианская церковь разделилась на Римскую католическую и Восточную православную. Необходимость реформирования католической церкви стала настолько очевидной, что 10 мая 1512 г. папа Юлий II созвал V Латеранский Собор, призванный решить назревшие вопросы церковной реформы, но 16 марта 1517 г. он безрезультатно закончил свою работу. И после этого удары посыпались на папство как в калейдоскопе. Назовем некоторые из них из первой половины XVI столетия.

1520 г. стал годом начала Реформации, во главе которой встал Мартин Лютер. Именно Реформация и запоздалая реакция на нее Рима, Контрреформация, привели к образованию на территории Европы не подчинявшихся Риму протестантских Церквей; целый ряд государств вышел из-под духовной власти пап Римских; крестьянские и религиозные войны стали сотрясать Европу. Все эти события происходили на фоне обострявшихся столкновений геополитических интересов и представляли для папства не только внешнюю угрозу, а самую серьезнейшую опасность, оставлять которую без внимания было никак нельзя.

1523 г. — Ульрих Цвингли в Цюрихе представил на заседании городского совета с участием священнослужителей свои программные тезисы реформирования церкви и стал одним из руководителей Реформации в Швейцарии.

1527 г. — солдаты императора Карла V захватили и разграбили Рим, папа Климент VII заперся в замке св. Ангела, превратившись фактически в пленника. Климент VII пошел на заключение мира с Карлом V путем женитьбы своего сына на дочери императора.

1529 г. — турецкие войска вышли к Дунаю и осадили Вену, столицу Священной Римской империи германской нации.

1534 г. — английский парламент признал короля Генриха VIII верховным главой Церкви Англии, тем самым Англиканская церковь вышла из-под духовной власти папы Римского.

1536 г. — Жан Кальвин издал «Наставление в христианской вере» и стал руководителем Реформации в Швейцарии, основоположником кальвинизма и новой Церкви.

1537 г. — Дания и Норвегия вышли из-под духовной власти папы Римского.

Все перечисленное — это уже реализованные угрозы, превратившиеся в очень болезненные удары Риму. Но были и другие угрозы. Например, угроза утраты влияния и духовной власти в католических государствах Европы из-за того, что гонка ко-

лониальных захватов не оставляла последним достаточно времени и ресурсов, чтобы уделять должное внимание папству. Или угроза опоздать в установлении духовной власти на вновь открытых территориях и не стать участником дележа заморских богатств. Или вновь возникшие протестантские Церкви — как они поведут себя по отношению к Римской католической церкви и ее собственности, к рядовым католикам?

В XVI в. многократно возросло число точек соприкосновения Рима с европейскими государствами во вновь открытых землях Ост- и Вест-Индий, Китае, Японии, Африке, Ближнем Востоке и Кавказе, в Московии. Причем соприкосновений не только полезных и выгодных для Ватикана, но и опасных и болезненных. Соприкосновения последнего вида, как мы понимаем, представляли собой самые настоящие угрозы.

Чтобы своевременно выявлять формирующиеся где-то внешние угрозы, чтобы их своевременно предотвращать, чтобы не допускать их превращения в реальные удары, чтобы не ждать, а упреждать, Риму нужно было должным образом организовать разведывательную деятельность, особенно в местах их вероятного зарождения.

Формы и методы разведывательной деятельности. Сразу поясним, что формы — это виды организации разведывательной деятельности, а методы — это способы решения разведывательных задач. Итак, формы.

Использование нунциатур. Одним из весьма важных следствий Великих географических открытий явилось перекроение политической карты Европы и раздел мира, усиление одних и ослабление других государств, изменение их геополитических интересов, придание им некоторыми государствами планетарного характера. Ярко выраженный планетарный характер приобрели геополитические интересы Испании, Португалии, Англии, немного позднее в этот ряд встали Голландия и Франция. Что касается Ватикана, то в формировании и реализации планетарности своих геополитических интересов он намного опередил названные выше европейские государства. Пересечение и столкновение геополитических интересов приводило не только к военно-политическим искрам и пожарам, но и потребовало изменения отношения монархов и папства к сведениям о событиях в мире, Европе, соседних государствах, об открытиях новых земель, сказочных заморских богатствах и т.д., то есть ко всем тем сведениям, которые можно отнести к разведывательной информации. Эти сведения нужны были не от случая к случаю, а должны были поступать постоянно, сегодня, завтра и всегда для оценки обстановки и принятия неотложных государственных решений. Совокупность факторов (Великие географические открытия и раздел мира, развивающаяся экспансия Турции в Европе, Реформация и др.) вынудила Рим пересмотреть организацию своей дипломатической и разведывательной службы и начать организовывать постоянные дипломатические представительства в тех странах, которые уверенно входили в сферу его геополитических интересов.

Всего в XVI–XVII вв. нунциатур было 16. Русский историк Е.Ф. Шмурло привел их перечень в сборнике «Россия и Италия»[53]: Бавария, Кельн, Фландрия, Фло-

[53] *Шмурло Е.Ф.* Россия и Италия. Т. 1. Вып. 1.

ренция, Франция, Генуя, Священная Римская империя германской нации, Англия, Мальта, Неаполь, Польша, Португалия, Савойя, Испания, Швейцария и Венеция (Baviera, Colonia, Fiandra, Firenze, Francia, Genova, Germania, Ingliterra, Malta, Napoli, Polonia, Portogallo, Savoia, Spagna, Svizzera, Venezia).

Все нунциатуры были образованы в разное время, в зависимости от потребностей и возможностей папского престола. Например, в Венеции — в 1500 г., в Вене — в 1513 г., во Франции — в 1514 г., в Испании — в 1516 г., в Польше — в 1555 г. и т.д.

Имеющиеся сведения позволяют нам увидеть портрет нунциатуры того времени — во главе ее стоял нунций, облеченный папой Римским всеми полномочиями для самостоятельного разрешения возникающих вопросов по поддержанию (установлению) нужного взаимодействия с местным монархом и архиереями католической церкви. Нунций имел секретаря, иногда и советника; в состав нунциатур входили также гонцы (скороходы), переводчики, охрана, обслуживающий персонал — слуги, повара, лекари, трубачи, конюхи, истопники и другие. В каких помещениях располагалась нунциатура? Например, весной 1632 г. резиденция папского нунция располагалась в Варшаве во францисканском монастыре.

В рассматриваемый нами период нунциатуры представляли собой единый церковный, политический, дипломатический и разведывательный организм. С образованием нунциатур как постоянных (в значительной степени и непрерывных) представительств Рима в других странах кардинально изменились (улучшились) условия и возможности для организации и ведения разведки, возникла необходимость пересмотра имевшихся и постановки новых целей и задач разведывательной деятельности. Коренные изменения претерпел и сам технологический процесс ведения разведки; разведка превратилась в жизненно важную функцию в деятельности Ватикана, призванную обеспечивать папу Римского и курию нужной информацией в нужное время. Принятие государственных решений без учета разведывательных сведений стало просто опасным, могло привести к взрыву внешних и внутренних угроз, к катастрофе. Нунциатура не могла не стать одновременно и разведывательной резидентурой. Не было у Ватикана другого такого инструмента, позволявшего на постоянной основе, практически легально, а зачастую при поддержке монарха и местных властей, то есть в безопасных условиях, целенаправленно и с привлечением необходимого числа исполнителей заниматься сбором разведывательных сведений.

Безусловно, каждая нунциатура сыграла свою роль в истории религии, политики и культуры не только европейских государств, но и всего мира.

Нунциатура в Венеции — ее значение определялось географическим положением Венецианской республики, непосредственно граничившей с подвластными Турции территориями, и ее важностью в общей системе мер борьбы с Турцией. От Венеции до Рима — рукой подать, поэтому нунциатура играла роль и дипломатического, и морального, и мобилизующего, и, разумеется, разведывательного форпоста в этом государстве.

Нунциатура в Кельне — наряду с другими нунциатурами сыграла важную роль в организации борьбы с Реформацией (в Контрреформации) в германских герцогствах и княжествах, в консолидации и поддержке усилий католических епархий и местных монархов по борьбе с врагами Римской католической церкви.

Нунциатура в Париже — была очень важна для Рима как в силу значимости Франции на европейской политической арене и десяти религиозных войн на ее территории во второй половине XVI в., так и в силу того, что Франция поддерживала с Турцией добрые отношения. Последнее позволяло рассчитывать на получение таких нужных для Рима и других стран антитурецкой Лиги сведений о планах Турции и влиять на ее политику.

Нунциатура в Вене — также была очень важна, так как на Священную Римскую империю германской нации приходилось основное давление турецких войск, осада и штурмы Вены являлись постоянным очагом напряженности в Европе. Нунциатура решала в Вене многие уже не только церковные, но и светские задачи по организации взаимодействия и сплоченности европейских государств в их противоборстве с Турцией. В эти задачи входили и разведывательные, а в число стран, которые Вена и Рим хотели бы включить в состав антитурецкой Лиги, входила и Московия. В сферу ответственности Венской нунциатуры входила также и борьба с Реформацией.

Курией было установлено, что если в какой-то стране не было постоянной или временной папской дипломатической миссии и эта страна входила в сферу геополитических интересов Рима, то организацией контактов с этой страной, разумеется, в случае необходимости занималась ближайшая к ней нунциатура. Нунциатура в Польше являлась самой северной, и рядом находились два государства, представлявшие для Рима далеко не рядовой интерес — протестантская Швеция и православная Московия. Швеция — как одна из хозяек Балтийского моря и постоянный раздражитель обстановки в этом регионе Европы; и Московия — хозяйка путей в богатые страны Востока, потенциальный (а иногда и действующий) союзник Рима в борьбе с Турцией и Крымским ханством, и, что очень важно, центр православия в то время (после падения Византии в 1453 г.). Вполне естественно, что именно на польскую нунциатуру и была возложена обязанность решать дипломатические (по мере возникновения необходимости) и разведывательные (постоянно) задачи в Московском государстве (шведскую тему в этом контексте мы опускаем).

Наглядным свидетельством и подтверждением того, что польская нунциатура активно и постоянно занималась и Московским государством, служат документы (указания, отчеты, донесения, переписка и др.), хранящиеся в Ватиканском Архиве. В самом начале XX в. в этом Архиве находился в научной командировке уже упомянутый нами ученый-корреспондент при Историко-Филологическом Отделении Императорской Академии Наук Е.Ф. Шмурло. При содействии администрации Архива ему удалось разобраться с хранящимися здесь томами архивных материалов, уточнить их количество по разным нунциатурам, ознакомиться с содержанием.

Вот как выглядела (под этим углом зрения) деятельность польской нунциатуры в отношении Московии: из 605 хранившихся томов 193, то есть почти треть, имели прямое отношение к Московии и охватывали период с 1560 по 1808 г. По количеству хранившихся архивных документов нунциатура в Польше была одной из самых работоспособных. Большее количество документов относится лишь к Венской нунциатуре — 739 томов за период с 1515 по 1809 г., и нунциатуре во Франции — 655 томов за период с 1527 по 1809 г. Для сравнения скажем — Ватиканский архив хранит в себе (примерно за тот же период времени) 319 томов документов нунциатуры в Кельне, 253 тома документов нунциатуры во Фландрии, 168 то-

мов документов нунциатуры на Мальте, 451 том — неаполитанской и 370 томов венецианской нунциатур, 224 португальской и 482 тома испанской нунциатур и т.д.[54]

Основных способов информирования Ватикана о развитии политической обстановки и результатах своей деятельности у нунциев было два — направление письменных донесений и поездки в Рим для личного доклада. Донесения адресовались, как правило, государственным секретарям Ватикана. Вместе с тем в числе корреспондентов нунциев можно встретить пап Римских, кардиналов, королей Польши, канцлеров и вице-канцлеров, других высших польских сановников, католических и униатских архиереев, видных деятелей польской провинции Ордена иезуитов. Известен пример, когда нунций Джакомо Кантельми направил 6 марта 1688 г. из Гродно письмо фавориту царевны Софьи, фактическому главе российского правительства боярину князю Василию Васильевичу Голицыну, который дал ответ 23 марта того же года. Так что диапазон переписки был достаточно широк. Для засекречивания содержавшихся в донесениях сведений применялось шифрование текста или тайнопись, для обеспечения безопасности доставки донесения на дальнем пути из Польши в Рим использовались особо доверенные гонцы, охрана и специальные контейнеры, куда прятались донесения.

С какой периодичностью направлялись донесения в Рим? Периодичность направления донесений находилась в прямой зависимости от остроты и важности тех событий, которые входили в сферу геополитических интересов Рима и происходили в Польше, Московии и соседних государствах. Чем острей и важней были эти события, тем чаще шли донесения в Рим. К таким событиям можно отнести подготовку и проведение конвокационных и элекционных сеймов по избранию королей, содержание подписанных вновь избранными королями pacta conventa, то есть условий, которые они обязывались соблюдать, войны с Московией и Швецией, бунты и восстания на Украине, борьбу с православием и протестантизмом. Сюда же следует отнести и важные изменения в политической обстановке в Московском государстве (восшествие новых царей на престол, изменение государственного политического курса, реформы в экономике, армии, Русской православной церкви, восстания и бунты, стихийные бедствия и т.д.). Разумеется, Рим интересовали и сведения о направлении дипломатических миссий из Вены, Варшавы и других стран в Москву, приезд из Москвы дипломатических миссий в Варшаву или транзитом через Варшаву в европейские государства и другие. Тематика донесений соответствовала всему спектру интересов Рима в этом регионе.

Основываясь на статистических сведениях, приведенных Е.Ф. Шмурло в книге «Россия и Италия»[55]; Актах исторических, относящихся к России, извлеченных из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым, тт. 1 и 2, 1841 и 1842 гг.; работе Ф. Вержбовского «Отношения России и Польши в 1574–1578 годах, по донесениям папского нунция В. Лауреол»[56] и некоторых других научных работах, можно с известной долей погрешности сказать, что в XVI в. донесения отправлялись в Рим

[54] Россия и Италия. Т. 1. Вып. 1. С. 84–85.

[55] *Шмурло Е.Ф.* Россия и Италия. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1913.

[56] *Вержбовский Ф.* Отношения России и Польши в 1574–1578 годах, по донесениям папского нунция В. Лауреол.

и очень часто, через 1–2 дня, и реже, но в среднем, по очень грубому подсчету, одно донесение уходило примерно раз в неделю.

Польский историк E. Rykaczewski, составитель сборника «Relacye nuncyuszów apostolskich i innich osób o Polsce od roku 1548 do 1690»[57], привел во втором томе сборника донесения папского нунция в Польше с октября 1688 по ноябрь 1689 г. Джакомо Кантельми в переводе на польский язык. Всего за этот период он подготовил 74 донесения, в основном государственному секретарю Ватикана кардиналу Альдерано Чибо. Некоторые из них он отправлял по два в один день, некоторые ежедневно, но в среднем одно донесение уходило в Рим за 5,2 дня. Многие из донесений имеют прямое отношение к Российскому государству, что объясняется пристальным интересом Рима к событиям в Москве. В частности, к участию России в священной лиге европейских государств против Турции, Крымским походам во главе с князем В.В. Голицыным, состоянию верховной власти в Российском государстве (судя по донесению Д. Кантельми, король Ян III Собесский назвал ее в 1689 г. трехголовой), заговору царевны Софьи и его результатам, приходу к власти царя Петра I. С некоторыми из этих интересных донесений мы познакомимся подробнее в последующих главах.

Использование Римом дипломатических миссий, направлявшихся в Москву. XVI и XVII столетия не были богаты дипломатическими контактами между Римом и Москвой. Количество дипломатических миссий, направлявшихся Римом в Москву, можно пересчитать по пальцам.

1520–1521 гг. Чентурионе Паоло, посол папы Льва X к Василию III Ивановичу.

1524–1525 гг. Чентурионе Паоло, посол папы Климента VII к Василию III Ивановичу.

1525–1526 гг. Потенциа Иоанн Франциск де (Джан Франческо ди Потенца), епископ Скаренский, член Ордена францисканцев обсервантов, посол папы Климента VII к Василию III Ивановичу. Назначен послом 14 октября 1525 г., папская грамота подписана 18 ноября того же года. Выехал из Рима вместе с возвращавшимся на родину российским посланником Герасимовым Дмитрием Даниловичем, прибыл в Москву в июле 1526 г.

1581–1582 гг. Поссевино Антонио, член Ордена иезуитов, посол папы Григория XIII к Ивану IV Васильевичу. Выехал из Рима вместе с российским посольством Шевригина Истомы Леонтия 27 марта 1581 г., прибыл в Старицу (царская резиденция под Москвой) 18 августа 1581 г. Отпущен из Москвы 13 марта 1582 г., выехал из Москвы 15 марта того же года.

1595 г. Комулей Александр, посол папы Климента VIII к Феодору Иоанновичу. Папская грамота была подписана 22 января 1594 г., инструкция — 27 января того же года. В Москву прибыл 28 марта 1595 г. Отпущен из Москвы 19 апреля того же года.

1597 г. Комулей Александр, посол папы Климента VIII к Феодору Иоанновичу. В Москву прибыл 22 мая 1597 г. Выехал из Москвы 2 июня (?) того же года.

1606 г. Рангони Александр, посол папы Павла V к Лжедмитрию I. Племянник папского нунция в Польше Клаудио Рангони. Папская грамота была подписана 5 августа 1605 г. Выехал из Кракова 2 октября 1605 г., но по просьбе нунция К. Ран-

[57] *Rykaczewski E.* Relacye nuncyuszów apostolskich i innich osób o Polsce od roku 1548 do 1690. Berlin, Poznań, 1864.

гони сделал остановку в Смоленске. В Москву прибыл в феврале 1606 г. и 19 февраля того же года был на аудиенции у Лжедмитрия I. Примерно в марте 1606 г. выехал из Москвы, 2 мая возвратился в Краков и в июне был в Риме. Заслуживает внимания, что переводчиком в составе этого посольства являлся недавно вернувшийся с учебы в Греческой коллегии св. Афанасия в Риме будущий митрополит Униатской церкви и создатель Ордена базилианцев Рутский Иосиф-Вельямин.

Других дипломатических миссий в Москву в XVI–XVII столетиях не было. Но были еще нереализованные попытки:

1514 г. С папской грамотой (с рекомендациями Латеранского собора) от 29 ноября 1513 г. в Москву должен был выехать протонотарий Яков Пизо, венгр. Он уже добрался до Вильно, но обстановка на польско-российском фронте резко изменилась в пользу Польши, и король Сигизмунд I посчитал, что справится с Московией без папы Льва X и без решений Латеранского собора, и 8 сентября 1514 г. запретил посольству ехать в Москву и вернул его обратно.

1519 г. К поездке в Москву готовился Захарий Феррери, епископ Гардиенский, посол папы Льва X к Василию III Ивановичу. Папская грамота была подписана 26 сентября 1519 г. Переводчиком в это посольство был подобран выросший в Польше родственник знаменитых Медичи — Джованни Тедальди (через несколько десятилетий он будет информировать папского дипломата Антонио Поссевино об известных ему сведениях о Московии). В Москву посольство не было пропущено королем Польши Сигизмундом I, который в январе 1520 г. написал об этом папе Льву X, мотивировав свой запрет опасностями и неудобствами этой поездки.

1550 г. Филипп Еберштейн, граф, посол папы Юлия III к Ивану IV Васильевичу. Папская грамота была подписана 1 августа 1550 г. Как пишет Ф. Аделунг, в Ватиканской библиотеке хранится папский наказ посольству, а рукопись отчета о результатах поездки в Московию хранится в Ватиканском Архиве. Миссия не состоялась в связи с изменением отношений в треугольнике Вена — Краков — Москва, о чем подробно рассказал П.О. Пирлинг в своей работе «Россия и папский престол» (см. указатель источников).

1561 г. Канобио Франческо Джованни Мацца, папский секретарь, посол папы Пия IV к Ивану IV Васильевичу. Папская грамота была подписана 13 апреля 1561 г. Миссия не состоялась, так как король Польши Сигизмунд II Август не пропустил посла в Московию.

1561 г. Маринелла Джованни Джиральдо, посол папы Пия IV к Ивану IV Васильевичу. Папская грамота была подписана 29 сентября 1561 г. Миссия не состоялась, так как Сигизмунд II Август не пропустил и этого посла в Московию.

1564 г. Маринелла Джованни Джиральдо вновь был направлен папой Пием IV в Москву к Ивану IV Васильевичу, но в пути был задержан польскими властями и по приказу короля Сигизмунда II Августа посажен под арест. Король был возмущен попыткой Рима направить в Москву папского посла без согласования с ним. Папский нунций Джованни Франческо Коммендоне писал 3 января 1564 г. в Рим государственному секретарю Ватикана кардиналу Карло Барромео в зашифрованном донесении: «...Перехвачена грамота нашего Государя к Московскому Князю с какими-то цифрами; это событие, перетолкованное в дурную сторону некоторыми еретиками, произвело великую перемену в расположении Короля. Тот, кто вез гра-

моту, был посажен в тюрьму, теперь же свободен и сказал мне, что вся депеша в руках Короля, но не хотел ничего более говорить об этом деле...»[58]. Вскоре Д.Д. Маринелла вернулся в Рим, а затем в Венецию.

1565 г. Папа Пий IV поручил Бонифачио, епископу Станьо (в Долмации), отправиться с дипломатической миссией в Москву и передать Ивану IV Васильевичу папскую грамоту от 10 июля 1565 г. с решениями Тридентского собора. Каких-либо данных о результатах этой миссии не имеется.

1570 г. Портико Виченцо дель, протонотарий, папский нунций в Польше, посол папы Пия V к Ивану IV Васильевичу. Инструкция была подписана 9 августа 1570 г. Миссия не состоялась, так как в связи с поступившими сведениями о жестокости Ивана IV Васильевича она была отложена.

1576 г. Кленке (Кленхен) Рудольф, доктор богословия, посол папы Григория XIII к Ивану IV Васильевичу. Задание и инструкция ему были подготовлены папским нунцием при дворе императора Священной Римской империи германской нации Максимилиана II кардиналом Джованни Мороне 15 января 1576 г. Все было готово, но миссия не состоялась, так как 15 сентября 1576 г. Максимилиан II отменил выезд папского дипломата в Москву в связи с необходимостью дополнительных консультаций с Испанией и Данией, а также подготовки к направлению в Москву и посольства империи. Сведения о том, что поездка Р. Кленке (Кленхена) не состоялась в связи с его преждевременной смертью, не соответствуют действительности, так как он умер 6 августа 1578 г. в герцогстве Брауншвейгском в разгар борьбы с протестантизмом. По словам П.О. Пирлинга, «Так сошел со сцены тот, кто должен был приобщить Ивана Грознаго к римской Церкви, сделав его защитником Св. Престола и грозою оттоманов...»[59].

1579 г. Калигари Джованни Андреа, епископ Бертинорский, папский нунций в Польше, посол папы Григория XIII к Ивану IV Васильевичу. Миссия не состоялась, так как король Польши Стефан Баторий не пропустил посла в Московию.

Какие задачи решал (или пытался решать) Рим в Московии с использованием своих дипломатических миссий в XVI–XVII вв.?

Во-первых, установление и закрепление дипломатических отношений с Московией, подчеркивая свою значимость среди других государств в Европе и указывая Москве на выгоду для нее этих отношений.

Во-вторых, склонение Московии к вступлению в антитурецкую лигу европейских государств или к оказанию участнику лиги, Священной Римской империи германской нации, финансовой помощи для военных действий с Турцией с предложением взамен русскому царю королевской короны и титула. Доведение до Москвы выгодной Риму информации о слабости Турции и турецкой армии.

В-третьих, склонение русских царей к заключению унии между Русской православной церковью и Римской католической церковью с обещанием всяческой поддержки папы Римского и католических монархов Европы. Доведение до Москвы информации, рисующей в невыгодном свете характер взаимоотношений между патри-

[58] Известия о России, извлеченныя из писем кардинала Коммендоне к кардиналу Борромео // Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные К.М. Оболенским. М.: Издание ИОИДР, 1847. С. 7.

[59] *Пирлинг П.О.* Россия и папский престол. Книга 1. Русские и Флорентийский престол. С. 431.

архом Константинопольским и султаном Турции (в надежде нарушить отношения между Русской православной церковью и Восточными православными церквами).

В-четвертых, разведывательно-информационные.

Приведем несколько примеров. Весьма важным пунктом в задании Паоло Чентурионе являлось склонение Василия III Ивановича к вступлению в союз с Римской католической церковью. После первой поездки в Москву он представил соответствующее донесение папе Льву X, содержание которого побудило папу Климента VII сказать следующие слова в своей грамоте Василию III Ивановичу от 25 мая 1524 г.: «...Но особенно приятно нам было слышать и уведать из донесения Павлова (Паоло Чентурионе — *прим. авт.*) о Твоем благомыслии и добром расположении к Христианству, и к Святому Апостольскому седалищу, равно и о том, что Ты не отречешься вступить с нами в союз теснейшаго дружества и взаимнаго благоугождения. А сего-то мы от всего сердца желаем...»[60]. Судя по этим словам Климента VII, его посол П. Чентурионе не совсем точно изложил в своем донесении позицию Василия III Ивановича по отношению к Римской католической церкви, выдал желаемое за действительное.

Находясь в Москве, П. Чентурионе не терял времени даром и собрал сведения географического характера о торговых путях через Московию в страны Востока, на основании которых он подготовил знаменитый проект «об устройстве регулярной торговли между Западной Европой и Восточной Азией через Московию»[61]. Сразу же была сделана попытка проверить проект на практике. Алексеев М.П. пишет: «...в 1522 г. генуэзец Гаспар Чентурионе отправился было на корабле из Италии "в Индию" через Прибалтику, как предполагают для того, чтобы подтвердить предположения Паоло Чентурионе, но был задержан в Нормандии...».[62]

Что же касается задания послу Рудольфу Кленке (Кленхену), то в наказе ему говорилось: «...ты должен будешь искусным образом разведать: с какими силами располагается Государь двинуться на неприятеля; сколь многочисленны, сильны полки Его, и довольно ли имеют воинских снарядов; в каких местах, и в какое время думает напасть на врагов; какой предположен план военных действий, т.е. намерен ли Он с одною сухопутною ратью сражаться против Оттоманов, или двинет на них флот свой... Все сии подробности должно разведать, как мы сказали, с любопытством и осторожностию...»[63]. И далее: «...И так вот главнейшие предметы, на которые должен ты обратить все свое внимание. Во-первых, чтобы Великий Государь... преклонился ко гласу Пастыря, отечески Его призывающаго, и признав первенство Римскаго Первосвященника, согласился присоединиться к западной Церкви, в общение веры. Во-вторых, что составляет последствие перваго, чтобы Его Величество соизволил вступить в теснейший союз дружества и любви с апостольским престолом. В-третьих, чтобы ты, как о желании Великого Князя вступить в союз, так и о намерениях Его, начать с Турками войну, доставил нам самыя верныя

[60] Переписка пап с российскими государями в XVI-м веке, найденная между рукописями в Римской Барбериниевой библиотеке. Сост. И. Григорович. СПб., 1834. С. 9–10.

[61] *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 98.

[62] Там же.

[63] Переписка пап с российскими государями в XVI-м веке, найденная между рукописями в Римской Барбериниевой библиотеке. С. 63–64.

сведения...»[64]. Кроме того, Р. Кленке (Кленхену) поручалось, чтобы он «...внимательно наблюдал народныя обыкновения Московитян, обряды их, богослужение, и совершение Таинств, и возвратился бы к нам с самыми достаточными сведениями о том, что... может способствовать к верному, твердому, неразрывному соединению Церкви, или будет служить в том препятствием...»[65].

Давно уже стали хрестоматийными материалы, рассказывающие о миссии Антонио Поссевино в Москву. Приведем небольшую выдержку из папского наказа ему: «...Приобретя расположение и доверенность государя московского, приступайте к делу, внушайте как можно искуснее мысль о необходимости принять католическую религию, признать главою церкви первосвященника римского... наводите царя на мысль, как неприлично такому великому государю признавать митрополита константинопольского, который не есть законный пастырь, но симониан и раб турок; ...Так как, быть может, монахи или священники московские частию по грубости своей и отвращению к латинской церкви, частию из опасения потерять свое значение будут противиться нашему благочестивому намерению и употребят все усилия, чтоб не допустить государя оставить греческую веру, то старайтесь всеми силами приобресть их расположение; более всего старайтесь приобрести сведения обо всем касающемся веры этого народа... вы должны узнать подробно о количестве и качестве военных сил московских, сколько пехоты, конницы, с какой стороны государь московский думает лучше напасть на турок... вы должны испросить позволение на постройку одной или нескольких католических церквей в Москве...»[66].

Приведенные примеры достаточно наглядно иллюстрируют те задачи, которые Рим стремился решить с использованием своих дипломатических миссий в Москву. В других главах мы с этими персонажами и результатами выполнения ими разведывательных заданий еще встретимся и поговорим более подробно.

Использование дипломатических миссий дружественных Риму государств. Как мы уже говорили, дипломатические контакты между Римом и Москвой не были в XVI и XVII столетиях регулярными и достаточно частыми. Рим категорически не мог быть доволен эффективностью своей дипломатии как в интересах налаживания постоянных дипломатических отношений с Москвой, так и для решения специфических разведывательно-подрывных задач.

Поэтому Рим был вынужден использовать сложившиеся у него отношения с католическими европейскими государствами для компенсирования информационных, дипломатических, разведывательных, организационных и других пробелов путем возложения некоторых своих задач на дипломатические службы дружественных государств. Наиболее часто Рим использовал в этих целях Священную Римскую империю германской нации, Польшу, Великое княжество Литовское, а с 1569 г. Речь Посполитую, и, кроме того, некоторые германские и итальянские княжества.

Какие же задачи решал (или пытался решить) Рим в Московии с использованием дипломатических миссий третьих государств?

---

[64] Там же. С. 65–66.

[65] Там же. С. 69–70.

[66] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 3. М., 1993. С. 698–699.

Во-первых, дипломатические, периодически напоминая Москве о себе, о желании установить (восстановить) дипломатические отношения.

Во-вторых, военно-политические, периодически предлагая Москве вступить в антитурецкую лигу европейских государств, обещая взамен славу и признание христианских монархов, а также королевскую корону и соответствующий титул царю всея Руси.

В-третьих, разведывательно-информационные.

В-четвертых, организационные, заключавшиеся в предоставлении посланцам (уполномоченным) Рима статуса членов дипломатических миссий для достаточно комфортного прибытия в Москву, пребывания в ней и выезда обратно через границу. В этих случаях посланцам (уполномоченным) Рима фактически предоставлялась дипломатическая «крыша» и они, более того, получали возможность действовать «под чужим флагом». Через монархов и дипломатические миссии третьих государств заявлялись ходатайства перед русскими царями и Посольским приказом о даче разрешения католическим миссионерам остаться для исполнения своих обязанностей на жительстве в Москве или на транзитный проезд через территорию Московии в Китай, Персию или другие страны Востока; также заявлялись ходатайства о разрешении строительства в Москве католического храма, о разрешении деятельности в Москве католической миссии, об открытии при католической миссии школы для детей царских сановников и правительственных чиновников, и др.

За двести лет можно найти множество примеров использования Римом третьих государств в интересах решения своих задач. Но для иллюстрации сказанного мы приведем здесь всего лишь несколько примеров, так как более подробно об этом расскажем в последующих главах.

1503 г. 1 января в Москву прибыл посол короля Венгрии Владислава Сигизмунд Сантай. Он привез с собой грамоту папы Александра VI великому князю Московскому Ивану III Васильевичу, в которой папа убеждал его заключить мир с Польшей и примкнуть к антитурецкой лиге. С этим посольством связан пикантный эпизод в истории дипломатических отношений европейских государств с Москвой. Вот что пишет об этом П.О. Пирлинг: «Накануне аудиенции у Ивана Сантай предавался столь обильным возлияниям, что пришел в совершенную негодность. Волей-неволей Дитрих (капеллан посольства — *прим. авт.*) вынужден был его заменить собою. Переговоры кончились тем, что великий князь выразил готовность воевать с турками, а с поляками заключить мир...»[67]. Оказывается, и так бывало...

1519 г. С 9 по 27 марта в Москве находился Шонберг Дитрих, посол великого магистра Тевтонского Ордена Альбрехта Бранденбургского к Василию III Ивановичу. Он передал великому князю Московскому известие о планируемом приезде в Москву посла папы Римского, а также информировал о предложении папы Льва X объединить Русскую православную и Римскую католическую церкви, то есть заключить унию.

1576 г. Москву посетило посольство Священной Римской империи германской нации во главе с Иоанном Кобенцелем и Даниилом Принцем. Наряду с выполнением дипломатического задания, они собирали сведения о Московском государстве и Русской православной церкви, которые представляли несомненный интерес

[67] *Пирлинг П.О.* Россия и папский престол. Книга 1. Русские и Флорентийский собор. С. 285.

для Ватикана. Русский историк Шмурло Е.Ф. обнаружил в Ватиканском Архиве в одном из сборников, содержащих деловые бумаги государственного секретаря Ватикана в 1572–1584 гг. кардинала Комо, «отрывки из донесения Кобенцеля-Принца о Московии (1576 г.)»[68].

1601 г. Прибывший 20 мая в Москву посланник Священной Римской империи германской нации Михаил Шиле подал Борису Годунову грамоту императора Рудольфа II с просьбой разрешить проезд через Московию в Персию папских послов Франческо Коста и Дидака Генриха Миранда (оба — члены Ордена иезуитов).

1647 г. В составе посольства Польши во главе с Казимиром Пацем и Иеронимом Цехановичем в Москву приезжал эмиссар Рима Георгий Крижанич. Свой приезд он использовал для изучения обстановки в стране, взаимоотношений между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Московским Иосифом, между царской властью и Русской православной церковью, искал способы и пути для борьбы с православием и создания условий для заключения унии между Русской православной церковью и Римской католической церковью при главенстве папы Римского. В Москве он находился с 15 октября по 9 декабря 1647 г.

1664 г. 24 июля в Москву по почте пришла грамота императора Священной Римской империи германской нации Леопольда I с просьбой к царю Алексею Михайловичу пропустить через Московию в Китай католических миссионеров, членов Ордена иезуитов Иоганна Грубера, Генриха Ротта и Филиппа Цеферина.

1684 г. 14 мая в Москву прибыло посольство Священной Римской империи германской нации во главе с Жировским Иоганном Христофором и Блюмбергом Себастианом, в составе которого значился Иоганн Шмидт, то как дворянин в свите С. Блюмберга, то как пастор при посольстве. Послам удалось так воздействовать на главу Посольского приказа боярина Голицына Василия Васильевича и правительницу царевну Софью, что они получили разрешение на открытие католической миссии в Москве. Именно Иоганн Шмидт, член Ордена иезуитов, стал первооткрывателем миссии Ордена в Москве. Когда 24 июня 1684 г. посольство выехало из Москвы в обратный путь, Иоганн Шмидт остался и выполнял поставленные перед ним задачи до своего отъезда 11 августа 1688 г.

1685 г. 15 апреля этого года. в Москву прибыл посланник императора Священной Римской империи германской нации Леопольда I Иоанн Игнатий Курц. 10 июня 1685 г. он подал царям Ивану и Петру Алексеевичам грамоту от папы Иннокентия XI. Пребывание в Москве он использовал также для приобретения за счет императора Леопольда I дома в Немецкой слободе на имя флорентийского купца Франческо Гуаскини, хотя фактически дом предназначался (и был использован) для размещения миссии Ордена иезуитов. Все эти предосторожности объяснялись нежеланием Рима вызвать подозрения местных властей с последующими запретительными мерами с их стороны.

1686 г. 4 июня резидент императора Священной Римской империи германской нации в Польше Жировский Иоганн Христофор направил письмо в Москву главе Посольского приказа боярину Голицыну Василию Васильевичу, в котором писал: «...Поедет вскоре с грамотою Е. Цес. Вел-ва к их Цар. Вел-ву почтенный отец Да-

[68] Россия и Италия. Т. 2. Вып. 2. С. 318.

вид, езувит, которого по милости их Цар. Вел-ва вместо покойного отца Дебоя на житие благоумилително высочества вашего милости, не менши якоже и самого себе предаю...»[69]. Давид — Иржи Давид, член Ордена иезуитов, прибыл в Москву 16 августа 1686 г. Дебой — Альберт (Войтех) де Бойе, член Ордена иезуитов, прибыл в Москву 14 мая 1685 г., умер до июня 1686 г.

1689 г. 9 января в Москву прибыли миссионеры, члены Ордена иезуитов, Запольский Игнатий и Терпиловский Кондратий, которые представили царям Ивану и Петру Алексеевичам грамоту короля Польши Яна III Собесского с просьбой пропустить их через Россию в Китай. 9 апреля этого же года они были отправлены в Астрахань.

1689 г. В составе посольства Польши во главе с Иосифом Лядинским в Москву приезжали члены Ордена иезуитов французы Филипп Авриль и Антуан де Бовелье. Находясь в Москве с 11 по 31 января 1689 г., они в этот период пытались получить разрешение на проезд через российскую территорию в Китай и одновременно активно собирали разведывательные сведения о Сибири и путях через Сибирь в страны Востока.

1692 г. 18 ноября в Москву с рекомендательной грамотой императора Леопольда I прибыли миссионеры, члены Ордена францисканцев Франциск Ксаверий Лефлер и Павел Иосиф Ярош. Грамота подана царям Ивану и Петру Алексеевичам 26 ноября того же года.

1698 г. 19 апреля в Москву прибыло посольство Священной Римской империи германской нации во главе с Игнатием Христофором Гвариентом. В составе посольства в «командировку» в Москву прибыли члены миссии Ордена иезуитов Эмилиани Франциск Иоанн и Берула Иоанн, а также католические миссионеры Казагранде Иоанн и Геральд.

Использование Римом российских дипломатических миссий. Таких миссий за два столетия было крайне мало.

1525–1526 гг. Дмитрий Данилович Герасимов, «толмач латынской». Выехал в Рим из Москвы вместе с возвращавшимся папским послом Паоло Чентурионе. Грамота Василия III Ивановича к папе Клименту VII была подписана в апреле 1525 г. В Риме находился, предположительно, летом 1525 г. Вернулся в Москву в июле 1526 г. вместе с папским послом И.Ф. Потенциа.

1526–1528 гг. Тимофей Семенович (Шарап) Лодыгин, дьяк, и Еремей Матвеевич Трусов, ближний человек. Грамота Василия III Ивановича к папе Клименту VII была подписана в декабре 1526 г. Из Рима в Москву вернулись в 1528 г.

1580–1581 гг. Истома Леонтий Шевригин, гонец. Выехал из Москвы в Рим 6 сентября 1580 г., приехал в Рим 24 февраля 1581 г., выехал из Рима вместе с посольством Антонио Поссевино 27 марта 1581 г. Из Рима в Старицу под Москвой вернулся 18 августа 1581 г.

1582–1583 гг. Яков Семенович Молвянинов, посланник, и Тишина Васильев, подьячий. Выехали из Москвы 10 марта 1582 г., в Рим прибыли 13 сентября того же года. Выехали из Рима 16 октября 1582 г. и вернулись в Москву 8 января 1583 г.

1672–1674 гг. Павел Гаврилович Менезиус (Пол Мензис), шотландец, майор на русской службе. Грамота папе Клименту X и посольский наказ были подписа-

[69] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. VI. СПб., 1862. С. 990–991.

ны 11 октября 1672 г. Выехал из Москвы 31 октября 1672 г., приехал в Рим 8 августа 1673 г. Выехал из Рима 20 сентября 1673 г., вернулся в Москву 28 марта 1674 г.

1697–1699 гг.. Борис Петрович Шереметев, боярин, военачальник. Выехал из Москвы 22 июня 1697 г. Приехал в Рим 21 марта 1698 г. Выехал из Рима через Неаполь на остров Мальту 4 апреля 1698 г. На Мальте он находился со 2 по 16 мая 1698 г., в Рим вернулся 11 июня того же года, и выехал из Рима в Россию 15 июня того же года. В Москву приехал 10 февраля 1699 г.

Вот и все российские дипломатические миссии в Рим за 200 лет.

Колоритным примером использования Римом этих миссий может послужить детальный опрос российского посланника Дмитрия Даниловича Герасимова, проведенный в 1525 г. сотрудником Ватикана, аналитиком и географом Паоло Джовио, по заданию Иоанна Руфа, архиепископа Консентийского. Результаты опроса были в том же году изданы в виде «Книги о посольстве Василия, великого государя московского, к папе Клименту VII, в которой с особой достоверностью описаны положение страны, неизвестное древним, религия и обычаи народа и причины посольства. Кроме того, указуется заблуждение Страбона, Птолемея и других, писавших о географии, там, где они упоминают про Рифейские горы, которые, как положительно известно в настоящее время, нигде не существуют». Более того, один из лучших картографов того времени, венецианец Баттиста Аньезе, по материалам опроса Д.Д. Герасимова издал в 1525 г. карту Московии, которая в венецианских рукописях называется «Карта Московии, составленная по рассказу посла Дмитрия так, как он сам узнал от многих, поскольку он сам, по его признанию, всю страну не объехал, год 1525, октябрь»[70]. И книга, и карта произвели огромное впечатление, они впервые рассказали о Московии не со слов иностранца, а со слов российского дипломата, хорошо знавшего предмет своего рассказа. Ниже с этими историческими персонажами мы еще встретимся.

Еще один пример тоже имеет отношение к российскому посольству, правда, оно не посещало непосредственно Рим, а следовало в 1525 г. из Испании через Тюбинген на родину. Речь идет о посольстве во главе с князем Иваном Ивановичем Засекиным-Ярославским и дьяком Семеном Борисовичем Трофимовым. В Тюбингене, в резиденции эрцгерцога Фердинанда и по его заданию, послы при посредничестве посольского толмача Власа Игнатьева были квалифицированно опрошены о православной религии Иоганном Фабри, духовником эрцгерцога и коадъютором венского епископа. По результатам опроса И. Фабри подготовил 18 сентября 1525 г. трактат «Религия Московитов», который в январе 1526 г. был издан в Базеле и сыграл определенную роль в изучении Римом Русской православной церкви и православия. С Иоганном Фабри и его трактатом ниже мы еще встретимся.

Попытки взять под контроль (или использовать) российскую дипломатию. Какое государство не мечтало взять под свой контроль дипломатические каналы интересующего его государства, как соперника, так и союзника, а если это была Московия, хозяйка Сибири и путей в Индию, Китай, Персию и другие страны Востока, то эти мечты не давали спать монархам, понтификам, курии. При этом речь идет не только и не столько о получении доступа к чужим дипломатическим секретам, переписке монархов, государственным документам, планам и т.п. Безу-

[70] *Багров Л.* История русской картографии. Пер. с англ. Е.В. Ламановой. М., 2005. С. 92.

словно, знание чужих дипломатических секретов — это уже большой успех. Но эти знания в определенной степени предсказуемы, они могут быть заранее просчитаны, и в этом случае они уже не несут в себе неожиданности, они ожидаемы, и поэтому не всегда представляют реальную опасность.

Неизмеримо большую пользу заинтересованной стороне могло принести внедрение «своих» людей в высший эшелон власти, в дипломатическую службу «чужого» государства, участие их в качестве посредников (медиаторов) в дипломатических сношениях (переговорах, выработке промежуточных и итоговых документов и т.п.). «Свои» люди в структуре российской дипломатии (вельможи, правительственные чиновники, дипломаты, переводчики) позволяли не только знать дипломатические секреты, но, что много важнее, непосредственно и активно влиять на формирование Московией внешнеполитических и торговых отношений с другими странами. Разумеется, в интересах Рима.

Риму удалось сделать несколько шагов к решению этой задачи, правда, только во второй половине XVII в. и применительно к межгосударственным отношениям России с Китаем. Рим при непосредственном участии миссии Ордена в Китае смог взять под контроль содержание, цели и результаты дипломатических отношений между Россией и Китаем и даже в определенной степени оказывать на эти отношения прицельное воздействие — заблаговременно информируя русских о позиции, планах, границах согласия (несогласия), уязвимых местах китайской стороны, или же отказывая в такой информации; оказывая содействие русским в переговорах или в нем отказывая; доводя до китайцев позицию русской стороны в неискаженном при переводе виде или же подправляя перевод в ущерб русским и т.п. Заметим, что в этот период произошло исключительно важное для истории Китая событие — в 1644 г. манчжурские войска вторглись в Китай, практически без боя вошли в Пекин и Минская империя перестала существовать. К власти в Китае пришла маньчжурская династия Цин, которая правила до 1912 г. Приход новой династии привел к очень длительной, продолжавшейся с 1644 по 1681 г., гражданской войне. В этих условиях новая власть была заинтересована не только в установлении и закреплении порядка в собственной стране, но и дипломатических и торговых отношений с другими государствами, для чего широко использовались возможности членов миссии Ордена иезуитов в Китае.

Первым иезуитом, ступившим много лет назад на территорию Китая, был Франциск Ксаверий (Ксавье), один из сподвижников Игнатия Лойолы и основателей Ордена иезуитов. Это произошло в 1552 г. на острове Шанчуань (вблизи провинции Гуандун). С этого года исследователи и отсчитывают начало деятельности миссии Ордена иезуитов в Китае, хотя в Пекине иезуиты появились много позже, в 1601 г. Так что к середине XVII в. возраст миссии насчитывал почти 100 лет. Первым главой миссии в 1583–1610 гг. являлся Маттео Риччи, затем им стал Николас Лонгобарди, умерший в 1654 г. в возрасте 98 лет; после его смерти бразды правления были возложены на Адама Шалля фон Белла (1654–1666). Следующими руководителями миссии в XVII в. были: в 1666–1688 гг. — Фердинанд Вербист, в 1688–1707 гг. — Жан Франсуа Жербийон. С ними мы еще встретимся не раз.

За этот период иезуиты приобрели при императорском дворе и в науке довольно высокое положение, высшие государственные чиновники считались с иезуитами, прислушивались к их мнениям и советам; иезуиты, владевшие латынью, европейскими и

китайским языками, участвовали в дипломатических переговорах с посольствами европейских государств. Встречи с иезуитами не миновали и российских дипломатов...

Иезуиты во главу угла ставили задачи обеспечения собственной безопасности в Китае, обеспечения комфортности в своей миссионерской деятельности, они никак не хотели осложнять или обострять отношений с китайским правительством. Решение этих задач было для них приоритетным. К решению иных, даже очень важных для Ордена задач, иезуиты подходили осторожно, взвешивая на политических весах все возможные последствия, как позитивные, так и негативные. Следует сказать, что «оседлав» канал дипломатических отношений между Россией и Китаем, иезуиты практически не нанесли этим отношениям какого-либо ущерба, хотя и каких-либо побед с их участием российская дипломатия не одержала. Тем не менее, в определенной степени их действия способствовали развитию этих отношений. Иезуиты работали основательно, на перспективу, их не устраивал какой-то сиюминутный частный успех, они были заинтересованы в активном функционировании канала Москва – Пекин при их, иезуитов, организующей и управляющей роли, когда без них не могли обойтись ни Пекин, ни Москва, ни Европа. Вот тогда Орден иезуитов (Рим) смог бы использовать все выгоды своего положения, прежде всего регулируя устремления европейских государств попасть на этот политический и торговый путь, связывающий Европу с Азией через Москву.

В то далекое время миссия Ордена иезуитов использовала каждую малейшую возможность, чтобы оказаться полезной как Китаю, так и Московии.

Безусловно, иезуиты знали все о российско-китайских дипломатических отношениях второй половины XVII в. Ведь они не только читали и переводили на китайский язык и с китайского языка все дипломатические документы, но и переводили устные выступления дипломатов — представителей сторон на переговорах. Других переводчиков в то время в Китае просто не было. Они же являлись и советниками китайской стороны. Что еще можно было пожелать, если бы даже речь шла только о получении дипломатической информации!

Все, что знали о российско-китайских отношениях иезуиты в Пекине, естественно, знали и в Риме. Но не могли эти знания в то время как-то уж очень повредить Российскому государству. Главное все-таки для иезуитов было не в информации, а в том, чтобы полностью подчинить себе содержание и ход переговоров. Если бы иезуиты этого достигли, то это был бы искомый для Рима результат. Нужно еще обратить внимание на то, что действия миссии Ордена иезуитов в Китае по отношению к Российскому государству и российским дипломатам не были вызваны чьей-то прихотью, не были случайными, а являлись составной частью общего политического курса Ордена и Ватикана.

Первый опыт знакомства иезуитов с российскими дипломатами в Пекине относится к 1656 г., к приезду в Пекин (3 марта 1656 г.) российского посольства во главе с Федором Исаковичем Байковым. Вскоре, 17 июля 1656 г., в Пекин прибыло и голландское посольство, направленное генерал-губернатором Батавии, во главе с Джоном Ньюхофом и купцами Петером де Гойером и Якобом де Кейзером[71]. Сра-

[71] *Дубровская Д.В.* Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). С. 129–130.

зу же начались и китайско-голландские переговоры. Члены миссии Ордена иезуитов в Китае Адам Шалль, Жан Валеа, Лодовико Буглио и Габриэль де Магалхэнс участвовали в переговорах с российской и голландской делегациями как переводчики и советники. Протестантская Голландия, родившаяся на волнах Реформации и национально-освободительной революции против владычества католической Испании, не вызывала никаких симпатий у иезуитов. Контрреформация, конкурентная политическая и торговая борьба, столкновения на фронте раздела мира католических европейских государств с Голландией сформировали у иезуитов отношение к голландцам не как к союзникам, а как к еретикам в религии, соперникам в политике и торговле. Выбирая из двух дипломатических миссий, кому отдать предпочтение, иезуиты выбрали российскую. И хотя миссия Ф.И. Байкова закончилась неудачей из-за его отказа выполнить некоторые требования манчжурского дипломатического церемониала и придворного этикета как унизительные для Российского государства, голландцам также не пришлось праздновать победу над конкурентами, каковыми они считали русских.

Историк Д.В. Дубровская пишет: «...Закрывая глаза на принадлежность русских к православию, иезуиты решили войти с ними в контакт на предмет оказания отпора голландцам... В своем письме Магалхэнс говорит: “Четверо нас, братьев „Общества Иисуса“... решили не оставлять никакого средства неиспользованным, чтобы разрушить намерения этих голландцев, и со всем усердием... ниспровергнуть их предприятия...”... Магалхэнс продолжает, что они с отцом Буглио сделали все, что было в их силах, для того чтобы победить голландцев. Помог им в этом отец Жан Валеа... Существует письмо Шалля, в котором он описывает, как тот вмешался в события в самом начале, предупреждая Шуньчжи (императора Китая — *прим. авт.*), что, если эти люди когда-нибудь получат доступ к коммерции в любом месте, они “немедленно воздвигнут там крепость и будут производить пушки, в чем они большие специалисты”. Услышав описание голландского характера, Шуньчжи спросил, таким же ли нравом обладают московиты? “Я ответил, что совершенно напротив, они очень верные и справедливые люди, несмотря на неверные религиозные воззрения, управляемые могущественным князем, посольство которого не имело никакой иной цели, помимо поздравления императора со счастливым завоеванием своей империи и восшествием на престол...”»[72].

На этом примере видно, как члены миссии Ордена иезуитов в Китае уже в 1656 г., руководствуясь интересами Ордена, сделали попытку стать полезными российскому посольству в его дипломатических отношениях с Китаем и продемонстрировали свое отношение к России и свои возможности.

В 1670 г. Нерчинский воевода Даниил Аршинский направил в Пекин Игнатия Милованова, Антона Филева, Григория Кобякова и других с предложением императору Китая Кан-Си прийти под царскую руку. И не просто прийти, но и регулярно выплачивать дань. Не правда ли, очень даже лихое предложение!

Вот как было сформулировано это предложение в наказной памяти И. Милованову: «...под высокою российскою Царскаго Величества рукою находятся цари

[72] Там же. С. 132–134.

и короли с своими государствами, и Великий Государь жалует их, держит в своем царском милостивом призрении; то и он бы, Богдыхан, также поискал Его Царскаго Величества милости и жалованья, и учинился бы под высокою Его Царскаго Величества рукою; а Великий Государь учнет его, Богдыхана, жаловать в своем царском милостивом призрении и от недругов его в обороне и защищении; а однолично бы он, Богдыхан... дань бы ему Великому Государю давал...»[73]. Предложение это, подписанное воеводой Нерчинска, по своему содержанию было дерзким, вызывающим, не соответствовало ни характеру отношений между Китаем и Россией, ни формировавшейся уже тогда этике межгосударственных отношений, ни уровню знаний о Китае в России, ни представлениям о месте Китая среди других государств у императора Кан-Си и его правительства. Ну а то, что подписано оно было не царем Алексеем Михайловичем, а воеводой, могло только еще больше усугубить негативные последствия дипломатической миссии И. Милованова.

Тем не менее, 11 августа 1670 г. И. Милованов и его спутники вернулись в Нерчинск и сопровождавший их Даурский воевода Монгутей вручил Д. Аршинскому ответную императорскую грамоту. Переводчиком этой грамоты с китайской стороны являлся иезуит Фердинанд Вербист (1623–1688), в то время уже глава миссии Ордена иезуитов в Китае.

Интересно и примечательно, что все члены этого лихого посольства встретили в Пекине хороший прием, все пять недель и три дня их кормили и поили с «изобилием и большой честию», каждый перед отъездом получил подарки от императора.

Возникает вопрос, как же так, почему китайская сторона никак не отреагировала на такое предложение? Н.Н. Бантыш-Каменский полагает: «что или боялись китайские министры доложить о сей наказной памяти Императору, или при переводе оной утаили езуиты огорчительное оной выражение, или наконец предано все сие презрению»[74]. На предположение Н.Н. Бантыш-Каменского можно сказать следующее: раз император Кан-Си подписал ответную грамоту, правда, в адрес царя, то, следовательно, перевод с наказной памяти ему был доложен. А раз каких-либо негативных санкций по отношению к посольству И. Милованова и Российскому государству не последовало, то, следовательно, перевод наказной памяти был, образно говоря, «причесан» переводчиком — иезуитом Фердинандом Вербистом. Для чего он это сделал?

Действия Ф. Вербиста, скорее всего, предотвратили дипломатический конфликт в российско-китайских отношениях, сохранили мирные отношения между двумя государствами, что соответствовало интересам миссии Ордена иезуитов в Китае. Ниже об этом мы скажем несколько слов дополнительно.

Посольство российского посланника Спафария Николая Гавриловича (1636–1708) выехало из Москвы 3 марта 1675 г. и после долгой дороги через всю Сибирь прибыло 15 мая 1676 г. в Пекин. Сразу скажем, что в обратный путь посольство отправилось из Пекина 1 сентября того же года, то есть пробыло в Пекине три с половиной месяца. С первого же дня пребывания Н.Г. Спафария в Пекине с ним установил непосредственный контакт назначенный для участия в переговорах в качестве

[73] Цит. по: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Казань, 1882. С. 18.

[74] Там же. С. 20.

переводчика глава миссии иезуитов Фердинанд Вербист. Последняя встреча была проведена в день отъезда посольства из Пекина, а всего состоялось 16 встреч, то есть в среднем 1 встреча в 6–7 дней. Конечно, эти встречи проводились в рамках исполнения Ф. Вербистом своих официальных обязанностей участника переговоров.

Статейный список посольства позволяет поближе рассмотреть цели, причины, содержание, результаты этих встреч, насколько они помогли российскому посланнику в его миссии и как они были использованы Ф. Вербистом в интересах Ордена иезуитов. Встречи были достаточно информативны. Этому способствовало то, что беседы между Ф. Вербистом и Н.Г. Спафарием велись на хорошо известном обоим латинском языке, в то время как среди китайских дипломатов знающих латынь не было. При этом Ф. Вербист понимал, что воспитанный в европейском духе и владеющий латынью, имеющий представление о Римской католической церкви и Ордене иезуитов Н.Г. Спафарий может стать тем реальным каналом, по которому до Москвы будут доведены нужные Ордену иезуитов сведения, сформировано нужное Ордену иезуитов мнение о нем и его возможностях, заложены основы для последующего участия иезуитов в российской дипломатии.

В первой же встрече 15 мая 1676 г. Ф. Вербист прямо задал тональность этой и последующим встречам с российским дипломатом. Он сказал Н.Г. Спафарию, что «...рад царскому величеству для христианские веры служить и во всяких делах радеть, ведает он, что и бугдыхан станет спрашивать про все, наипаче про титло великого государя и про государство Российское, что сколь велико в чертеже; только ему жаль, что от такого славного государя пришло посольство, а китайские люди варвары и никоторому послу чести не дают, как и в прошлых годех галанцов и португальцев; да и поминки, что придут от иных к ним, называют и пишут что дань, и в листах своих отповедь чинят, бутто господин к слуге своему... И проклинал посланника пред образом, чтоб те речи никому не сказал и не писал бы покамест не выедешь ис Китай, потому что и они иноземцы и многие нужды терпят для Христа и ныне в подозрении суть...»[75] (небольшое примечание: «проклинал посланника пред образом» — это означает, что Ф. Вербист просил Н.Г. Спафария дать клятву перед иконой). Встреча закончилась тем, что Ф. Вербист пообещал прислать посланнику книгу латинскую об обычаях китайцев и порядке приема ими иностранных послов. Многообещающий и очень важный разговор состоялся, и он во многом определил дальнейшее развитие событий.

Нет необходимости приводить содержание остальных встреч; все они позволили сделать следующие обобщающие выводы:

Ф. Вербист неоднократно акцентировал внимание Н.Г. Спафария на том, что он сообщает посланнику исключительно важные и секретные сведения, разглашение которых может стоить ему (иезуиту) головы; это должно было сформировать соответствующее отношение (и повлиять на уровень откровенности) к нему у посланника.

Ф. Вербист в беседах подчеркивал, что он готов помочь и помогает Н.Г. Спафарию, сообщая ему конфиденциально о позиции, намерениях и планах китайской стороны, императора, об особенностях китайского дипломатического церемониа-

[75] Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683. М., 1969. С. 378–379.

ла и протокола, о взаимоотношениях между императором и сановниками, о планах вооруженного захвата Приамурья и русских городов, в том числе Нерчинска и т.д.

Лейтмотивом бесед являлось высказанное Ф. Вербистом мнение, что он и его коллеги-иезуиты отрицательно относятся к китайцам, считают их варварами. В то же время он с уважением относится к русскому царю и Российскому государству, готов и хочет служить и оказывать услуги.

Выполняя свое обещание, Ф. Вербист передал Н.Г. Спафарию два сочинения бывшего члена миссии иезуитов в Китае Мартини Мартино (1614–1661): «Atlas Sinensis hoe est descriptio imperii Sinensis una cum tabulis geograficus»[76]. Это сочинение называют еще «Атлас Мартини». Второе сочинение — «De bello Tartarico»[77]. Эти два сочинения являлись бесценным даром, так как в то время такими сконцентрированными сведениями о Китае в Российском государстве не располагали. Н.Г. Спафарий использовал их при написании своих работ о Китае.

Передавая Н.Г. Спафарию сочинения М. Мартини, Ф. Вербист отчетливо дал понять, как же много он сам знает о Китае, об императоре и его сановниках, как много он может рассказать в Москве в Посольском приказе, какую огромную информационную ценность он представляет.

Всем своим поведением, открытым и ясным для Н.Г. Спафария, но не для китайцев, Ф. Вербист показывал русским — вот он я какой, возьмите меня, используйте меня!

Подтверждая свою готовность служить русскому царю, Ф. Вербист написал и передал Н.Г. Спафарию челобитную на имя царя с просьбой принять его на царскую службу переводчиком, сопроводив это настоятельной просьбой, «...только чтоб было в тайне и никто не знал, ни ево братья езуиты, потому что у них люди подозрительные и он опасаетца...»[78].

Челобитная эта сохранилась, и приведем из нее небольшой отрывок: «...А что мне прилично, паки к ногам Царскаго величества припадаю и молю, дабы впредь мене не яко страннаго иноземца, но яко домашнего и переводника своего благоволил призрети оным паче лицем, которому толикаго имени красоте всех народов языци служити тщатся, хотя латинским языком, или немецким, или голанским, или француским, или гишпанским, или италианским, или хинским, или татарским, естьли который ни есть с сих языков Царскому величеству годен, им же некогда навыкох, охотно того языка употреблю, дабы такова величества имя и благосердие повсюду могл прославити. А понеже Царское величество мене своим латино-китайским переводником поставил есть, грамматику латино-китайскую тем временем поднести желал есмь... езуиты Царскому величеству всякаго благополучия и долговечность государствования лет желают, с которым дабы и мое именно желание благоволил прияти, обратився лицем к западу и преклонив колена, по китайску и трижды в землю преклонив главу, Царскому благосердию паки и паки покорственно челом бью. Царскому величеству покорный служити Фердинанд Вербьест, езуит...»[79]. Согласитесь, не

[76] Atlas Sinensis hoe est descriptio imperii Sinensis una cum tabulis geograficus. Amsterdam, 1665.

[77] De bello Tartarico. Antverpiae, 1654.

[78] Там же. С. 432.

[79] Цит. по: *Арсеньев Ю.* Новыя данныя о службе Николая Спафария в России (1671–1708 гг.) // ЧИОИДР. Книга четвертая. Отдел I. М., 1900. С. 47–48.

челобитная, а прямо апофеоз, апофеоз устремлений главы миссии Ордена иезуитов в Китае Фердинанда Вербиста к России!

Несмотря на помощь со стороны Фердинанда Вербиста, посольству Н.Г. Спафария не удалось решить главную задачу — установить с цинским правительством отношения «приятной дружбы». Пекин откровенно стал готовиться к военным действиям в Приамурье. Ну а челобитная Ф. Вербиста осталась без ответа.

Семидесятые – восьмидесятые годы XVII столетия запомнились повышенной нервозностью в отношениях между Россией и Китаем, в отношениях, которые только-только начали обретать некие очертания. В основе нервозности был целый ряд причин. Прежде всего, неурегулированность линии государственной границы между двумя государствами и строительство русскими городов и крепостей на территории, которую китайцы считали своей. Русские казаки и промышленники не только охотились на этой территории, но и собирали дань с проживавших здесь людей, торговали с ними, уговаривали принять подданство русского царя, не обращая никакого внимания на указы и запреты китайских чиновников. Попытки Пекина добиться от Москвы принятия конкретных решений по китайским претензиям успеха не имели, Москва молчала и не отвечала даже на дипломатические демарши через российского посланника Н.Г. Спафария.

В этой ситуации император Кан-Си решил направить грамоты в Москву самостоятельно, без помощи российских дипломатов, местных воевод и русских пленных. Было избрано 2 канала доставки грамот в Москву: первый — морским путем через Батавию, Голландию, Архангельск и далее в Москву. От Пекина до Батавии грамоту должен был доставить возвращавшийся из Пекина голландский дипломат, а далее — голландские купцы. Грамота была изготовлена на четырех языках — манчжурском, монгольском, латинском и русском, подписана императором 7 сентября 1686 г. и после долгих странствий все-таки оказалась в Архангельске, и голландский купец Авраам Гутман 2 января 1690 г. передал ее в Москве думному дьяку Посольского приказа Емельяну Игнатьевичу Украинцеву.

Второй канал доставки грамоты был не менее любопытен и увлекателен. Доставить грамоту из Пекина в Москву было поручено не манчжуру, не дипломату, не воину и не купцу, а одному из руководителей миссии Ордена иезуитов в Китае Гримальди Филиппу (1639–1712), прибывшему в Пекин в 1671 г. Эта грамота, также на четырех языках, была подписана императором 12 сентября 1686 г., и затем Ф. Гримальди повез ее в качестве дипломатического курьера адресату. Иезуиты были так заинтересованы в благополучном исходе поездки, что глава миссии Ф. Вербист 24 ноября 1686 г. направил письмо в Москву Н.Г. Спафарию, российскому дипломату, с которым встречался в 1676 г. в Пекине. В этом письме Ф. Вербист просил «Спафария оказать Гримальди всякое содействие при проезде через Россию»[80]. Ф. Гримальди доставил императорскую грамоту в столицу Португальской Индии в Гоа, город на западном побережье Индии, где располагался и опорный пункт Ордена иезуитов в этом регионе.

Далее китайская грамота путешествовала одним путем, а Ф. Гримальди другим. Из Гоа грамота была привезена в Исфаган, тогдашнюю столицу Персии, и

[80] Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967. С. 11, прим. 14.

передана здешнему главе миссии Ордена иезуитов. Последний поручил доставить грамоту в Москву иезуиту Кондратию Терпиловскому, который как раз в это время по пути в Персию находился в Астрахани. Он должен был из Астрахани вернуться в Москву по обычному торговому пути, по Волге.

18 марта 1690 г. К. Терпиловский передал в Москве грамоту китайского императора думному дьяку Посольского приказа Емельяну Игнатьевичу Украинцеву. Находясь в Москве, К. Терпиловский в связи с недавним выдворением из Москвы иезуитов Иржи Давида и Тобиаша Тихавского решил исполнять здесь без разрешения властей миссионерские обязанности, так что его пришлось выдворять обратно из Москвы в Астрахань 12 июля 1690 г. Добавим, что впервые К. Терпиловский прибыл в Москву 9 января 1689 г., когда вместе с другим иезуитом, Игнатием Запольским, будущим главой миссии Ордена в Персии, следовал транзитом через Россию в Персию. Отпущен он был тогда из Москвы в Астрахань 9 апреля того же года, так что дорогу он знал хорошо.

Что же касается Ф. Гримальди, то он благополучно добрался до Европы, прибыл в Вену, и 16 марта 1690 г. император Священной Римской империи германской нации Леопольд I подписал ему рекомендательную грамоту царям Ивану и Петру Алексеевичам. В этой грамоте Леопольд I просил принять прибывшего из Китая Филиппа Гримальди: «…мы грамотоносцу сему, отцу Клавдию Филипу Грималдию, из товарищества Иисусова (езувиту) в Китаи обретающемуся, которого иными нашими грамотами заступили Светлостям Вашим, также и настоящими, паки и паки братцки и приналежнейши заступаем Светлостям Вашим… преждереченному отцу Грималду полную веру имети желаем…»[81]. Император просил пропустить Ф. Гримальди через территорию Российского государства в Китай, но тот, узнав в Польше, что въезд иезуитам в Россию запрещен, решил отправиться в Китай другим путем. Поэтому он в Варшаве передал грамоту Леопольда I императорскому резиденту в Польше, и тот отправил ее почтой в Москву, где она и была получена 22 июля 1690 г. Так что вояж Ф. Гримальди оказался очень долгим, он отсутствовал в Китае 7 лет, император Кан-Си был настолько этим обеспокоен, что даже интересовался им у российского посланника Избранта Идеса в 1693 г. Кстати, Ф. Гримальди был не просто иезуитом-миссионером, он еще был главным астрономом китайского двора и картографом.

Иезуиты сделали все, чтобы, во-первых, выполнить поручение императора Китая Кан-Си по доставке в Москву его грамоты; во-вторых, оказать серьезную услугу российскому правительству в налаживании политических и торговых отношений с Китаем; и, в-третьих, убедительно продемонстрировать китайцам и русским свою незаменимость в организации и осуществлении российско-китайских межгосударственных отношений, а также свое согласие и желание и в дальнейшем оказывать содействие в этих отношениях. Иезуиты показали китайцам и русским умение надежно и безошибочно действовать в сложных и опасных политических, природных и климатических условиях. Сроки доставки императорских грамот голландцами и иезуитами практически не отличались — 2 января 1690 г. и 18 марта того же года, но зато какое огромное расстояние лежало между отправителем и получателем!

[81] Цит. по: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. VII (С 1686 по 1699 год). СПб., 1864. С. 607–608.

Пожалуй, это был первый в истории русской дипломатии случай, когда иезуиты исполнили роль дипломатического агента в сношениях Китая с Россией и доставили документ высшего уровня (императорскую грамоту) из Пекина в Москву.

Царское правительство также было обеспокоено ситуацией в российско-китайских отношениях и складывающейся обстановкой в Приамурье. В то время, как император Кан-Си обдумывал текст грамоты в Москву и готовился отправить ее в дальнее путешествие, 26 января 1686 г. из Москвы отправилось посольство во главе с великим и полномочным послом, окольничим и наместником Брянским Федором Алексеевичем Головиным. Целью посольства являлось проведение переговоров с китайской полномочной делегацией и урегулирование, по возможности, мирным путем спорных вопросов.

9 августа 1689 г. посольство прибыло в Нерчинск и уже 12 августа того же года начались переговоры, которые проходили на берегу Шилки, недалеко от Нерчинска. Всего было проведено три встречи — 12, 13 и 29 августа, не считая обмена посыльными с различными предложениями и уточнениями к проекту договора. В переговорах в качестве советников и переводчиков китайской делегации принимали участие члены миссии Ордена иезуитов в Китае португалец Томас Перейра (1645–1708) и француз Жан Франсуа Жербийон (1654–1707).

Переговоры проходили очень трудно. Китайские дипломаты потребовали, «дабы границею поставлено было место, называемое якутскими промышленниками Святой нос, по берегу западнаго моря, лежащее близ реки Уди. Сим средством могли бы они присовокупить к владению своего Богдыхана не только все Охотское море, но и большую часть Камчатки. Четырнадцать дней величайшие о сем происходили споры с непрестанными угрозами нарушения мира и употребления оружия. В таком неприятном положении находившимся российским послам оставалось употребить посредство езуитов, бывших с китайскими послами. И просьбою, и дарами убедили они их склонить китайцев к снисходительнейшим мерам...»[82].

29 августа 1689 г. российско-китайский Нерчинский договор, первый договор Китая с западным государством, был подписан. Он состоял из преамбулы и 6 статей. Чтобы подписание состоялось, Ф.А. Головину пришлось пойти на очень существенные территориальные уступки. Историк Е.Л. Беспрозванных подчеркивает, что договор «был заключен в условиях фактической оккупации цинскими войсками Приамурья, что позволило цинским дипломатам шантажировать русских представителей угрозой войны и разрушения слабых русских острогов»[83]. Е.Л. Беспрозванных привел также небольшую выдержку из доклада государственного совета китайскому императору об итогах переговоров в Нерчинске: «Земли, лежащие на северо-востоке на пространстве нескольких тысяч ли и никогда раньше не принадлежавшие Китаю, вошли в состав ваших владений»[84], хотя «Нерчинский договор ни фактически, ни юридически не определил русско-китайскую границу в При-

[82] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. С. 62.

[83] *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в. Хабаровск, 1986. С. 88.

[84] Там же.

амурье... Огромная территория Приамурья осталась, по существу, в неопределенном положении»[85]. Усилия иезуитов по формулированию благоприятного для Китая текста договора были оценены благосклонным отношением к ним китайского императора.

Участвовавшие в Нерчинских переговорах иезуиты Томас Перейра и Жан Франсуа Жербийон, конечно же, знали о переговорах все. И, скорее всего, это все, включая текст договора, оценку силы (слабости) российской стороны, характеристики российских дипломатов и иные сведения, вошло в их отчеты и было отправлено в Рим. До нас дошли труды Ж.Ф. Жербийона, в том числе о Сибири, о путях из Пекина в Тобольск, которые были опубликованы французским ученым Жаном Баптистом Дюгальдом[86]. С трудами Ж.Ф. Жербийона мы ниже познакомимся подробнее.

Т. Перейра, которого историк Д.В. Дубровская называет «хрестоматийным иезуитом-интриганом»[87], также оставил после себя дневник, который только в 1961 г. был опубликован в Риме[88]. В 1972 г. дневник Т. Перейры был в переводе на русский язык опубликован в издании «Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы»[89]. Дневник посвящен российско-китайским переговорам в Нерчинске, но содержит и иные сведения, представляющие для нас интерес. Мы используем дневник в главе «Разведка Ватиканом Сибири».

Во время переговоров Т. Перейра и Ж.Ф. Жербийон так построили свои отношения с главой российской дипломатической миссии Ф.А. Головиным, что он при прощании заверил их, что доложит царям Ивану и Петру Алексеевичам о весомой роли иезуитов в переговорах и это положительно отразится на отношении царской власти к проживающим в Москве иезуитам. Как писал Жербийон, «Главный московский посол обещал нам довести до сведения великих князей, его повелителей, об оказанных нами им добрых услугах, внушив тем самым нам надежду, что за это они окажут покровительство и благоволение нашему ордену в своей империи»[90]. Об этом же писал в своем отчете и Т. Перейра. Однако события развернулись совсем не так, как надеялись Т. Перейра и Ж.Ф. Жербийон. Еще не успел Ф.А. Головин вернуться в Москву, как там была пресечена попытка государственного переворота во главе с царевной Софьей, и царю Петру I было пока совсем не до пекинских иезуитов. До посольства Избранта Идеса в Пекин и письма Патрика Гордона пекинским иезуитам было еще несколько лет.

---

[85] Там же. С. 89.

[86] *Du Halde J.B.* Description geographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise. Paris, 1735. *Прим. авт.*: кстати, в этой же книге были опубликованы карта и отчет Витуса Беринга о первой Северной экспедиции, которая завершилась в 1730 г. Обратим внимание — книга была издана через 5 лет после завершения экспедиции, а ведь нужно было еще время, чтобы эти важнейшие документы подготовить, доставить с побережья Тихого океана в Санкт-Петербург, оттуда в Польшу, а затем и в Париж! Ничего не скажешь, исключительно оперативная работа!

[87] *Дубровская Д.В.* Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). С. 181.

[88] *Sebes J.* The Jesuits and the Sino-Russian Treaty of Nerchinsk (1689) the Diary of Tomas Pereira, S.J. Roma, 1961.

[89] Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 2. 1686–1691. М.: Наука, 1972.

[90] Цит. по: Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 2. 1686–1691. С. 760.

Так прошли и завершились очередные российско-китайские переговоры, не принесшие российской стороне каких-либо дипломатических побед, но сохранившие хоть и зыбкие, но все-таки мирные отношения между Москвой и Пекином. Как мы видим, иезуиты в ходе переговоров не только выполняли предписания китайского правительства, но и действовали в интересах миссии Ордена иезуитов в Китае, собирая нужные им сведения о Российском государстве и стараясь не допустить военной конфронтации между государствами.

Такое неопределенное положение не могло сохраняться долго, тем более в преддверии Азовских походов и Северной войны. Нужно было принимать конкретные меры, чтобы обезопасить свои восточные границы и освободить руки и средства для решения задач на западном направлении. И 14 марта 1692 г. из Москвы в Пекин выехало российское посольство во главе с голландским купцом Избрантом Эбергардом Идесом (1657–1708), в русских документах именуемым Елизарьем Елизарьевым, сыном Избранта. Целью посольства являлось выяснение намерений китайского правительства по выполнению Нерчинского договора 1689 г. и соблюдению мирных, добрососедских отношений с Российским государством, развитию российско-китайской торговли. Ему была дана грамота от царей Ивана и Петра Алексеевичей к китайскому императору «о дружбе и любви».

3 ноября 1693 г. посольство прибыло в Пекин, и 17 ноября того же года состоялась аудиенция у императора, на которой Избрант Идес познакомился с членами миссии Ордена иезуитов в Китае, принимавшими участие в переговорах в качестве переводчиков и советников. Это были уже известные нам Жан Франсуа Жербийон и Томас Перейра, а также бельгиец Антуан Тома (1644–1707), в отсутствие Ф. Гримальди исполнявший обязанности главного астронома китайского двора. Общению И. Идеса с иезуитами способствовало то, что он имел с собой рекомендательное письмо, написанное генералом на царской службе Патриком Гордоном 10 марта 1692 г. Патрик Гордон, ревностный католик, в юности 2 года. обучавшийся в иезуитской коллегии в Браунсберге, был хорошо известен иезуитам как неформальный лидер находившихся на царской службе иностранцев католического вероисповедания и крупный царский сановник. Его рекомендация имела вес (собственно говоря, объективная ситуация была такова, что обращаться в то время в Пекине за помощью было просто не к кому, только к иезуитам).

Российское посольство находилось в Пекине до 19 февраля 1694 г., дня отъезда в обратный путь в Москву. За это время И. Идес несколько раз встречался с иезуитами и по их приглашению 27 января 1694 г. посетил их храм. Ему удалось решить главную задачу посольства. В статейном списке посольства говорится: «... Елизарей, будучи в царстве, по наказу проведывал. О договоре вечного миру, что как богдыхан принял мир и будет ли ево держать нерушимо, и приятен ли тот мир богдыхан держит, и не будет ли в тех местах, где Албазин был так ж и в ыных местех, которые блиско к Нерчинску и к Даурской земле вновь городов своих строить, и не мыслят ли какова зла впредь над Нерчинским, и надо всею Даурскою землею, и над иными месты, по которым рекам и урочищам и в которых местех по договору чрез горы рубеж к морю не описан... Сказал ему, Елизарью, езувит французженин, что богдыхан принял мир с любовию и с великими государи тот мир вель-

ми желает держать нерушим. И впредь царского величества над городами никакова зла не мыслит...»[91].

Исследователи высказывают разные оценки результатам посольства Избранта Идеса, в том числе отрицательные. Повторим то, что мы сказали выше: по нашему мнению, главная задача посольством была решена. Сведения о намерении цинского двора поддерживать мир с Российским государством, сообщенные Жаном Франсуа Жербийоном российскому посланнику, безусловно, стоили затрат на посольство. Теперь руки у Петра I были развязаны, России с востока никто не угрожал и ничто не грозило, можно было готовиться к грядущим событиям на западном направлении. Устное сообщение Ж.Ф. Жербийона фактически заменило официальный дипломатический документ и сыграло свою позитивную роль.

Добавим, что работавшие с посольством в Пекине иезуиты использовали ситуацию для изучения отдельных членов посольства. В составе посольства находился Христофор Карстенс — «из аптеки лекарь», уроженец Митавы, поступивший на царскую службу в 1688 г. Он был включен в состав посольства «для сыскивания коренья и трав, и семян, и всяких к лекарству потребных в тамошних странах вещей»[92]. И вот что писал 23 июня 1699 г. глава миссии Ордена иезуитов в Москве Франциск Эмилиани провинциалу Ордена в Праге: «...Когда там был послом здешний купец, находящийся теперь здесь, по имени Иренбрандт (Избрант Идес — *прим. авт.*), то его китайцы не пустили бы к себе, если бы не помогли ему наши отцы. Он и бывшие с ним еретики отлично разыграли роль католиков. Впрочем, один из них, хирург (Х. Карстенс — *прим. авт.*), котораго в столь многих странах нигде не могли обратить в католичество, был там обращен в католическую веру нашими отцами. Он возвратился сюда и теперь уехал отсюда в католические земли...»[93].

Нужно сказать, что уже после возвращения из Пекина посольства Ф.И. Байкова, в царском правительстве, в Посольском приказе отчетливо поняли, какую роль играют и могут еще сыграть в дипломатических переговорах иезуиты в Пекине. Причем как в интересах России, так и Китая. С этого времени в российских государственных дипломатических документах стали появляться прямые указания российским дипломатам решать отдельные задачи при непосредственной помощи членов миссии Ордена иезуитов в Пекине. Приведем несколько примеров.

Вот, например, что говорилось в наказе посланнику Н.Г. Спафарию: «...XI. Домогаться, дабы присланные из Китая в древние времена 4 листа на китайском языке переведены были езуитами в Пекине на латинский язык: ибо в чем тогда состояли требования китайскаго двора, российскому Государю доселе неизвестно, поелику в Москве никогда не бывало и ныне нет китайскаго языка переводчика...»[94]. Находясь в Пекине, Н.Г. Спафарий обратился к Ф. Вербисту, и тот перевел требуемые документы. В данном примере речь идет о решении с помощью Ф. Вербиста техни-

[91] Статейный список посольства Избранта Идеса // Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о посольстве в Китай. М., 1967. С. 343–344.

[92] Там же. С. 323.

[93] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904. С. 37–38.

[94] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. С. 25–26.

ческой задачи, переводе документов, хотя фактически Ф. Вербист оказал помощь Н.Г. Спафарию и в решении информационных задач.

Другой пример. 20 декабря 1685 г. из Москвы в Пекин были направлены гонцы — подьячие Посольского приказа Никифор Венюков и Иван Фаворов. Они везли царскую грамоту с предложением решать спорные вопросы мирным путем, в грамоте сообщалось о предстоящем направлении посольства для урегулирования российско-китайских отношений (речь идет о посольстве Ф.А. Головина), высказывалось требование отвести войска от российских острогов. И вот что говорит Н.Н. Бантыш-Каменский: «...В тайном наказе (Н. Венюкову и И. Фаворову. — *прим. авт.*) предписано разведать чрез езуитов: с каким успехом принята будет от Богдыхана их комиссия? К миру ли, или к войне он склонен? На каких он условиях прекратить войну желает? Много ли китайских войск посылано под Албазин и с какими военачальниками и инженерами, природными, или немцами? Какия у них воинския орудия и припасы, и где и от кого оныя получаются? И, наконец, сколь пространно и многолюдно и с кем граничит китайское государство...»[95]. Из содержания наказа складывается впечатление, что Посольский приказ рассматривал миссию Ордена иезуитов в Китае как свое собственное разведывательное подразделение в этой стране и совсем не стеснялся ставить своим дипломатам задачи для решения их с помощью иезуитов. Как и в данном случае, когда Н. Венюков и И. Фаворов получили самое настоящее и не такое уж простое разведывательное задание.

Н. Венюков и И. Фаворов прибыли в Пекин 31 октября 1686 г., а отправились в обратный путь 14 ноября того же года, так что времени на решение поставленной задачи у них было очень мало, вдобавок встречаться с представителями китайской стороны им, как гонцам, не разрешили. А с Ф. Вербистом и Т. Перейра им удалось встретиться лишь 10 ноября 1686 г. на аудиенции у императора, где никаких условий для конфиденциального разговора, разумеется, не было. И только в день отъезда им позволили посетить дом Ф. Вербиста, где от иезуита, члена миссии, им удалось получить следующие сведения: «...что Богдыхан желает иметь с российскими Государями дружбу и любовь и видеть прекращение войны; что городу Албазину в российской стороне отнюдь не быть; что инженеров в Китае нет, а пушки и гранаты вылиты езуитом Вербиестом с помощию двух российских людей; что у Богдыхана пехотных полков малое число и к военному строю не заобычны; что голландцам, приезжавшим просить дозволения производить торги свои в Китае, отказано и впредь приезжать запрещено, и что Богдыхан имел было намерение послать в Россию своих послов, но ближние его люди отговорили для того, что от китайскаго двора никогда и ни в которое государство послы не посылываны, а послал де Богдыхан к Государям лист с езуитом Перейрою...»[96]. И хоть провести разговор с Ф. Вербистом не удалось, поставленная задача практически была решена с помощью другого иезуита, члена миссии в Китае.

Как оценивали сами иезуиты эти тройственные российско-китайские отношения с участием иезуитов? Ответом может послужить выдержка из донесения члена миссии Ордена иезуитов в Москве Ф. Эмилиана провинциалу Ордена в Праге от

[95] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. С. 42.

[96] Там же. С. 48.

23 июня 1699 г.: «...Но возвращаюсь к Китаю. Сами русские признают, что испытали там от лиц нашего ордена великую любовь и отеческое расположение, весьма их хвалят, а что касается купцов, то я достовернейшим образом знаю, что они весьма охотно возили бы с собою туда наших людей, потому что это доставляло бы огромную пользу и им было бы выгодно иметь с собою таких лиц...»[97]. Правда, здесь же Ф. Эмилиан довольно жестко отозвался о царских вельможах, препятствующих, по его словам, участию иезуитов в российско-китайских отношениях. Он писал: «... вельможи прилагают крайнее старание, чтобы здешний краткий путь из Европы в Китай не был доступен иезуитам, потому что русские скорее согласились бы, чтобы их всех изгнали из Китая, нежели дать возможность хотя бы одному иезуиту проникнуть к китайцам. Они говорят, что где иезуиты, там нет над их делами божьяго благословения, а только одни несчастия...»[98]. По словам Ф. Эмилиана, «...ярость еретиков... и теперь заграждает нам дорогу в Китай... Нужно молиться Богу, чтобы выкурить из головы царя те дурныя мнения об иезуитах, которыя возбудил в нем своими внушениями Лефорт...»[99] (Лефорт Франц (1656–1699), крупный царский вельможа, кальвинист по вероисповеданию).

Какую же роль сыграли иезуиты в отношениях между Китаем и Россией? У кого-то может сложиться мнение, что иезуиты делали все, чтобы нарушить и даже разрушить эти отношения. Так ли это? Нужно ли это было Ордену иезуитов, входило ли это в геополитические интересы Рима?

Мы знаем, что война мобилизует государство, выстраивает совершенно особую систему управления, иные административные и оперативные режимы. Что могло дать иезуитам обострение отношений между Китаем и Россией, доведение этих отношений до военного конфликта? Полный разрыв дипломатических контактов, прекращение торговых сношений? Вообще говоря, ничего хорошего. Для XVII в. это означало бы неизбежную активизацию Россией (несмотря на все проблемы на Западе) политики закрепления в Приамурье и Приморье, в целом в Сибири и на Дальнем Востоке, вплоть до вступления в военно-политический союз против Китая с Джунгарским государством; полным ходом шло бы строительство городов и острогов, переброска из европейской части России войск с артиллерией, значительно бы ускорилось разведывательное изучение Китая русскими и, быть может, уже бы тогда русские приступили к строительству своего Тихоокеанского флота...

Нужно подчеркнуть, что эффективное, прицельное и долговременное разведывательно-подрывное проникновение возможно, как правило, лишь в мирное время. Повторим — именно в мирное время, а не во время войны (конечно, могли быть и есть исключения). Решая задачу разведывательно-подрывного проникновения в Россию с Запада или Востока, иезуиты должны были быть озабочены тем, чтобы Россия находилась в мирных отношениях как с восточным (Китай), так и с западным (Польша) соседями. Разумеется, в избранное иезуитами время. Конечно, при этом Рим и Орден иезуитов были заинтересованы в том, чтобы Россия вступи-

[97] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 38.

[98] Там же.

[99] Там же. С. 40.

ла в антитурецкую лигу и выступила против Стамбула, да и война России со Швецией не очень-то помешала бы планам Рима.

Война между Россией и Китаем привела бы к полному разрыву дипломатических контактов. В этом случае роль иезуитов в поддержании и формировании дипломатических отношений была бы сведена к нулю, их возможности по разведывательно-подрывному проникновению в Россию также упали бы до низкого уровня. Поэтому сохранение между Россией и Китаем мирных отношений не было вызвано чьей-то прихотью, а соответствовало как интересам России и Китая, так и интересам Рима и Ордена иезуитов.

Напомним, что в последние десятилетия XVII столетия Россией были заключены Нерчинский договор с Китаем 1689 г. и мирный договор с Польшей 1686 г.; в 1687 и 1689 гг. Россия совершила два Крымских похода, т.е. фактически против Турции, а в 1700 г. объявила войну Швеции. Конечно, все эти события соответствовали геополитическим интересам России в то время, но при этом, отметим, они же отвечали и чаяниям Рима, Варшавы и Вены.

Использование миссии Ордена иезуитов в Москве. Миссия Ордена иезуитов в Москве была образована в 1684 г., через 144 года после утверждения Ордена папой Павлом III. Самым первым иезуитом, прибывшим в Москву для исполнения миссионерских функций, был выходец из Пруссии **Иоганн Шмидт**. Он прибыл в Москву в составе посольства Священной Римской империи германской нации во главе с Жировским Иоганном Христофором и Блюмбергом Себастианом 14 мая 1684 г. В официальных документах, которые послы подали в Посольский приказ, Иоганн Шмидт значился и посольским дворянином в свите Себастиана Блюмберга, и пастором при посольстве.

Именно в этом году правительница Российского государства царевна Софья и глава Посольского приказа боярин и князь Василий Васильевич Голицын согласились с настойчивыми просьбами императора Священной Римской империи германской нации Леопольда I и короля Польши Яна III Собесского о разрешении постоянного пребывания в Москве иезуитов для удовлетворения духовных потребностей проживающих в Москве иностранцев католического вероисповедания. Более того, в процессе дипломатических переговоров 31 мая 1684 г. послы И.Х. Жировский и С. Блюмберг поставили и обсудили вопрос о получении разрешения Москвы на заготовку 60 коп сосновых бревен (1 копа = 60 бревен) для строительства иезуитской коллегии и церкви в Орше, городе, расположенном в соседнем государстве, в Речи Посполитой. В.В. Голицыну и другим российским участникам переговоров понравилось, что послы просили разрешения на заготовку не товарного леса, который шел на изготовление поташа, а обычного соснового, поэтому они выразили надежду, что требуемый царский указ будет подготовлен и подписан. В обратный путь посольство выехало из Москвы 24 июня 1684 г., а Иоганн Шмидт остался в Москве для исполнения своих обязанностей и находился здесь до 11 августа 1688 г.

Как он действовал? Историк Д.А. Толстой писал: «...Миссия Шмидта поставлена была (разумеется, тайным образом) в зависимость от литовской иезуитской провинции, и иезуиты возлагали на нее большия надежды; "если Шмидт сумеет действовать благоразумно, а иезуитские начальники будут осторожны и ловки", писал Вота, "то слава Всевышняго значительно распространится в России". Литов-

ский провинциал Берент думал тогда же усилить русскую миссию присылкою новаго члена ордена, но Шмидт его остановил; "из желания получить больше", говорил он, "мы можем потерять то, что получили; дайте мне время вкрасться в доверенность князя Голицына и других влиятельных лиц, тогда получу дозволение иметь помощника". И действительно, в 1685 г. присоединился к Шмидту приехавший с цесарским гонцом Курцеем иезуит Алберт Дебоа...»[100]. Сказано откровенно — «вкрасться в доверенность». Да и перед кем нужно было стесняться в переписке внутри Ордена? Карло Маурицио Вота был крупный деятель Ордена иезуитов, приезжавший в 1684 г. с дипломатическим заданием от императора Священной Римской империи германской нации Леопольда I в Москву. По выражению Д.А. Толстого, К.М. Вота — это «один из первых и главных сеятелей иезуитизма в Москве»[101].

О разведывательной и подрывной деятельности миссии Ордена иезуитов в Москве и ее результатах мы расскажем в последующих главах.

Направление в Москву эмиссаров. Словари дают следующее определение: эмиссар — это лицо, направленное в другое страну с определенной неофициальной миссией, зачастую политической и секретной. Не так уж много направлялось эмиссаров в Москву в XVI–XVII столетиях; к таковым мы относим **Николая Булева, Петра Аркудия, Паисия Лигарида, Георгия Крижанича, Якова Рейтенфельса** и некоторых других, но подробно о них поговорим в главе, посвященной подрывной деятельности Рима против Русской православной церкви.

Какие задачи решали эмиссары в Москве? Собственно говоря, главная задача была у них у всех одна, но зато какая — склонение православных русских, начиная с царя, к принятию унии с Римской католической церковью. Конечно, были и сопутствующие задачи, например, участие в осуждении патриарха Никона и его окончательном низложении с патриаршего престола; освобождение этого престола для его возможного занятия угодным Риму человеком (П. Лигарид); изучение на месте целого комплекса вопросов о царской власти, Московской патриархии и православии, выработка методических рекомендаций для разведывательно-подрывного проникновения в Московию (Г. Крижанич, Я. Рейтенфельс); сбор (при наличии возможностей) разведывательных сведений по всем информационным блокам.

Особенностью выполнения эмиссарами своих обязанностей являлась большая продолжительность срока их пребывания в Московии. Н. Булев находился в Москве более 25 лет (прибыл в 1508 г., выбыл после 1533 г.), П. Лигарид — около 16 лет (прибыл в 1662 г., умер в 1678 г.). Г. Крижанич — более 18 лет (прибыл в 1659 г., выбыл в 1677 г.), из них 16 лет в Тобольске. Я. Рейтенфельс — его загранкомандировка в Москву была не такой продолжительной, около 3 лет (прибыл в 1671 г., выбыл в 1673 г.).

Такие сроки давали эмиссарам возможность хорошо изучить обстановку в царском и патриаршем окружении (Н. Булеву — в митрополичьем), вжиться в российскую действительность, наметить пути решения поставленной задачи и попытаться ее решить.

---

[100] *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Т. 1. СПб., 1876. С. 112–113.

[101] Там же. С. 150.

Использование эмиссаров являлось кинжально опасной формой разведывательно-подрывной деятельности и при непринятии своевременных и соответствующих контрмер могло нанести определенный ущерб интересам Московского государства и Русской православной церкви.

Использование купцов. В отличие от многих других людей, купцы сугубо конкретны, точны, предприимчивы и решительны; они живут в реальном мире, в котором нет места каким-то фантазиям, необоснованным решениям и пустой болтовне. В лексиконе купца нет таких слов как «примерно» или «приблизительно», «где-то там», «вроде бы», «кажется» и т.п. Осуществляя свои торговые операции в Московии, он обязан был не как-нибудь, а хорошо знать здесь обстановку. Наличие или отсутствие товара, его ассортимент, количество, спрос и предложение, конкуренты, цены и размер пошлин, где, что и сколько покупать, где, что и сколько продавать, насколько безопасны провоз товара по дорогам, его хранение и сама торговля, как царская власть относится к купцам и многое другое. Эти знания купец обязательно должен был увязывать с политической обстановкой в Московии, со всеми действиями или бездействием властей, которые могли или способствовать его торговле, или помешать ей и нанести убыток. Находится ли Московия в состоянии войны (конфликта) с другим государством, или собирается вступать в такую войну (конфликт), существует ли угроза захвата купеческих судов на Балтийском море корсарами Швеции, Дании или Польши, все это для купца было очень важно. За этим стояли не чьи-то, а его личные деньги и его личный интерес. Это заставляло купца в то далекое время быть большим политиком, чем политики, быть большим дипломатом, чем дипломаты, и большим разведчиком, чем разведчики.

В XVI–XVII столетиях иностранные купцы находились в Московии на особом положении по сравнению с другими иностранцами. Им разрешалось иметь свои торговые дома в Москве, Великом Новгороде, Вологде, Архангельске, Казани, Астрахани или других городах, вести торговлю с покупателями, в числе которых могли быть русские, иностранцы и даже другие купцы, выезжать с разрешения властей в другие города или за границу. В числе постоянных клиентов иностранных купцов были наиболее информированные люди в Московии — царь, наследник престола и другие родственники, архиереи Русской православной церкви, влиятельные сановники, дипломаты, воеводы, чиновники правительственных учреждений, проживающие в Москве иностранцы, стрельцы, землепроходцы и охотники.

Заинтересованность Московии в торговле с Западом, потребность в иностранных товарах для развития собственной промышленности, перевооружения армии и строительства флота, все это создавало и укрепляло особый статус иностранных купцов, делало их влиятельными персонами, формировало и расширяло их разведывательные возможности. Причем возможности для сбора самой разноплановой разведывательной информации.

По сравнению с другими государствами, например, с Англией, Голландией, Швецией, ганзейскими городами или германскими княжествами, Рим очень мало торговал с Московией. Слишком далеко и опасно сухопутьем, а морем еще дальше и опаснее. Тем не менее, в XVI–XVII столетиях в Москве можно было встретить и купцов с Апеннинского полуострова. И хоть их было совсем немного, но некоторые из них использовались Римом (по совместительству, как сказали бы сегодня) в ин-

тересах разведки Московии. Мы кратко упомянем о **Джованни Тедальди, Рафаэле Барберини, Франческо** и **Антонио Гуаскини**, так как более подробный рассказ о собранных ими сведениях или их деятельности впереди.

Тедальди Джованни (1503– ?), флорентийский купец, выходец из знаменитого рода Медичи. Еще в юном возрасте, в 1519 г., он намечался к направлению в Москву в составе папского посольства Захария Феррери, епископа Гардиенского, в качестве переводчика. Посольство не состоялось, но сам Д. Тедальди многократно посещал Московию по торговым делам и даже совершил поездку по Волге и через Астрахань в Персию и обратно. Не только торговую, но и политическую обстановку в Московии, ее межгосударственные отношения с Польшей и Великим княжеством Литовским он знал хорошо, не с чьих-то слов, а изнутри. Он был вхож к королям Польши Сигизмунду II Августу и Стефану Баторию, его хорошо знал папский нунций в Польше Д.Ф. Коммендоне и даже рекомендовал его Венеции для организации выгодной торговли с Польшей и Московией, писал о нем государственному секретарю Ватикана кардиналу Карло Борромео. Поэтому совсем не случайно, что посол папы Григория XIII к Ивану IV Васильевичу Антонио Поссевино, следуя из Рима в Москву, по пути сделал остановку в литовском городке Дисне. Здесь он не только встретился со Стефаном Баторием, но и в течение трех дней, 11–13 июля 1581 г., опрашивал находившегося там же Д. Тедальди по интересующим его вопросам о Московии. Фактически Д. Тедальди выступил в роли советника, специалиста по Московии. Сведения и оценки флорентийского купца не только были использованы Антонио Поссевино в его дипломатической миссии в Москве, но были записаны им, и в конце XIX в. эти записи были обнаружены историком П.О. Пирлингом в Ватиканском архиве.

Барберини Рафаэль, выходец из знаменитой в Италии семьи. Его племянник Мафео Барберини 6 августа 1623 г. был избран папой Римским и принял имя Урбан VIII. Другой родственник Рафаэля, кардинал Франческо Барберини, основал в Риме библиотеку, получившую название Барбериниевской, в 1673 г. принимал участие в дипломатических переговорах в Риме с российским посланником П.Г. Менезиусом (П. Мензисом). Еще один родственник, Антонио Барберини (младший), кардинал с 30 августа 1627 г., в 1629–1645 и 1649–1671 гг. являлся префектом (руководителем) конгрегации «Пропаганда Веры». Именно ему адресовал в 1641 г. свою «Записку о миссии в Москву» для оценки и принятия решения будущий эмиссар Георгий Крижанич. Другой Антонио Барберини (старший), кардинал с 7 октября 1624 г., в 1629–1633 гг. являлся секретарем конгрегации «Святой римской и вселенской инквизиции».

Рафаэль Барберини занимался купеческой деятельностью, и, как и венецианский дворянин Джозафат Барбаро, был одержим желанием найти новые транзитные транспортные пути в богатые страны Востока, Индию, Персию и Китай через территорию Московии. В шестидесятые годы XVI в. он проживал в Антверпене. В 1564 г., предположительно через лорда Монтегю, приезжавшего из Лондона в Антверпен для налаживания торговли между двумя государствами, Рафаэль Барберини получил рекомендательную грамоту к Ивану Грозному от английской королевы Елизаветы I, подписанную 23 июня 1564 г. В грамоте говорилось: «...в настоящее время, сею нашею грамотою, мы рекомендуем вашему величеству некоего Рафаеля

Барберини, (хотя природнаго) Италиянца, но нам, по некоторым отношениям, чрезвычайно любезнаго. Поэтому мы просим, чтобы сей муж, по вашей милостивой воле, и, если то нужно будет, по властному повелению вашему, был милостиво принят вашим величеством, и чтобы ваши подданные оказали ему дружелюбие; чтобы как ему, так и находящимся при нем с их имуществами, было дозволено безопасно приезжать в ваши царства и области, проезжать через оныя, в них пребывать сколько он пожелает и оттуда отъезжать и совсем выезжать когда ему или находящимся при нем то можно будет ...»[102]. Обратили внимание, что Р. Барберини брал рекомендацию не у папы Римского, а у королевы Англии, с которой Московия поддерживала хорошие отношения?

Получив рекомендательное письмо, Р. Барберини сразу же выехал в Москву, где получил аудиенцию у Ивана Грозного и даже обедал с ним в грановитой палате, встречался с царскими сановниками, купцами, энергично занимался торговлей. Его торговые операции в Москве вызвали своим размахом серьезное недовольство Англии и даже переписку в этой связи между Елизаветой I и Иваном Грозным.

Дело дошло до того, что английскому послу Антонию Дженкинсону поручалось в ходе переговоров с Иваном Грозным добиться запрета на торговлю в России всех иностранцев за исключением представителей английской Московской компании. По этой причине летом 1565 г. Р. Барберини был вынужден вернуться в Антверпен. 20 апреля 1566 г. Елизавета I в письме к Ивану Грозному написала, что Р. Барберини «осмелился употребить во зло и нашу рекомендательную грамоту и благосклонность вашего вел-ва...»[103]. Короче говоря, не оправдал доверия... О сочинении Р. Барберини мы подробнее поговорим в другой главе.

Выше мы кратко рассказали о двух купцах, которые использовались в XVI в. Римом для получения от них собранных ими очень важных для Ватикана сведений о Московии. Теперь же мы скажем несколько слов о флорентийских купцах Гуаскини — они в восьмидесятых годах XVII в. использовались для содержания в Москве помещения, в котором размещалась миссия Ордена иезуитов, а также для решения других задач. Конечно, главным для них была торговля, но вторым главным было исполнение обеспечивающих функций по отношению к названной миссии.

Первое упоминание о торгующем в Москве купце Гуаскини Франческо относится к 1668 г.[104] 17 июля 1684 г. он подал грамоту от Тосканского герцога Козьмы (Козимо) III Медичи, в которой цари Иван и Петр Алексеевичи поздравлялись с восшествием на престол. В этой же грамоте герцог просил прислать к нему «одного черкескаго татарина», а также ходатайствовал, чтобы Ф. Гуаскини было разрешено провести в Москве переговоры о торговле. Вместе с Франческо Гуаскини в Москве проживал его брат — Ефим Гуаскини, которому по его прошению 16 июля 1688 г. было разрешено выехать на родину. Выше мы уже говорили, что в 1684 г. в Москве начала функционировать миссия Ордена иезуитов, а 1685 г. посланник Священной Римской империи германской нации Иоганн Игнатий Курц на деньги импера-

[102] Первыя сорок лет сношений между Россиею и Англиею. 1553–1593. Грамоты, собранныя, переписанныя и изданныя Юрием Толстым. СПб. MDCCCLXXV. С. 23.

[103] Там же. С. 28

[104] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Часть 2. М., 1896. С. 247.

тора и на имя Франческо Гуаскини купил в Москве дом, фактически предназначенный для размещения этой миссии. Чтобы повысить как-то статус купленного дома, И.И. Курц в 1691 г. обратился в Посольский приказ, чтобы этот дом был записан не на имя купца Ф. Гуаскини, а считался императорским домом в Москве. Для миссии такое решение было бы дополнительной гарантией безопасности, ведь одно дело, если что-то случится с домом какого-то купца, а совсем другое, если с домом императорским. А случиться могло что угодно — от пожара до отнятия дома и выселения жильцов. Для Посольского приказа мотивы обращения И.И. Курца были понятны, и 2 сентября того же года ему был дан отрицательный ответ.

Историк Д.А. Толстой, изучавший вопрос о Римском католицизме в России, говорил о Ф. Гуаскини, что он «был не что иное, как светский иезуит под званием флорентийскаго купца, и служил агентом иезуитскому обществу…»[105]. Точных данных о том, что Ф. Гуаскини являлся членом Ордена иезуитов, нет. Вместе с тем, несомненно, что он и его братья Ефим (выехавший во Флоренцию в 1688 г.) и Антонио (упоминается в дневнике Иоанном Гергом Корбом, секретарем посольства Священной Римской империи германской нации в Москве в 1698–1699 гг. во главе с Игнатием Христофором Гвариентом) являлись легальными глазами, ушами и руками миссии. Они делали то, что в силу своего положения не могли сделать иезуиты, чтобы не вызвать подозрения московских властей. Для миссии это было очень и очень важно.

Более того. Учитывая, что членам миссии было известно о перлюстрации царскими властями входящей и исходящей межгосударственной корреспонденции, они использовали Ф. Гуаскини в качестве «почтового ящика». При этом они полагали, что Ф. Гуаскини давно проживает в Москве, его здесь хорошо знают, и уж его переписка не вызовет никаких подозрений, и ее-то русские перлюстрировать не будут. А им было что скрывать. Член миссии Геральд писал 23 сентября 1698 г. из Москвы иезуиту Франциску Дубскому: «…Сообщаю вашему преподобию три алфавита для того, чтобы вы ими воспользовались, когда вам будет возможно и угодно написать сюда. Такой способ корреспонденции выбран г. послом и считается самым безопасным. Благоволите вложить письмо в конверт и надписать: Славнейшему и милостивому господину Франциску Карповичу, моему милостивейшему покровителю, в Москве, в немецкой Слободе…»[106]. Ясно, что в письме идет речь о применении в переписке шифра, и что этот способ рекомендован И.Х. Гвариентом, о котором мы уже говорили. Франциск Карпович — это Франческо Гуаскини. Через три года, 23 ноября 1701 г., глава миссии Эмилиани Франциск Иоанн напомнил своему корреспонденту, видимо, провинциалу Ордена иезуитов в Вене, о необходимости все-таки скрывать переписку с миссией. Он писал: «…Мы еще замечаем притом, что с нами дурно поступают на почте. Откуда бы это зло ни происходило, но мы видим, что никаких наших писем не доставляют. Всего лучше было бы направлять письма вместе с разменным билетом к здешнему купцу итальянцу Франциску Гаскони, как было сделано в последний раз…»[107]. Франциск Гаскони — это Франческо Гуаскини. Мы видим, что его использование миссией было весьма разноплановым.

[105] *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Т. 1. С. 113.

[106] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 13.

[107] Там же. С. 85.

Ф. Гуаскини удалось занять нужное ему положение в столице Российского государства. В числе его связей были видные государственные деятели и правительственные чиновники, а также крупные царские сановники и военачальники из числа иностранцев и некоторые зарубежные послы. Что он еще мог пожелать? Безусловно, те возможности, какими располагали купцы Гуаскини, в полной мере были использованы миссией Ордена иезуитов в Москве.

Использование различного рода специалистов и военных наемников, поступавших на царскую службу. Не желая отстать от европейского уровня науки и техники, прежде всего военной, градостроительной, рудодобывающей, металлообрабатывающей и медицинской, Московское государство отчаянно нуждалось в квалифицированных иностранных специалистах и постоянно приглашало их на царскую службу. К середине XVII в. тонкий ручеек специалистов стал постепенно превращаться в ручей, а затем и во все более многоводный поток. При этом, что весьма важно, ухудшение межгосударственных отношений с Англией (из-за английской буржуазной революции и казни в 1649 г. короля Карла I) привело к тому, что основная масса специалистов и военных наемников, наряду с Голландией, стала поступать из Священной Римской империи гéрманской нации, а из Англии их число сократилось. Естественно, что католическое государство и католический император направляли в Московию специалистов и военных наемников, преимущественно католического вероисповедания. Из Голландии и некоторых других государств приезжали специалисты кальвинистского или лютеранского вероисповедания, которые также занимали соответствующее место среди иностранной колонии в Москве. Конечно, Рим не мог оставить без внимания такой канал проникновения и даже натурализации в Московии в интересах разведки и подрывной деятельности.

Особенности использования специалистов и военных наемников базировались на том, что они проживали и работали в Москве (Московии) не дни и месяцы, как, например, миссионеры и дипломаты, а годы и даже десятилетия. При этом они не терялись среди других царских подданных, а в силу своей профессии и квалификации всегда были на слуху и на виду царского правительства. Вокруг каждого иностранца со временем формировался его круг постоянного общения из числа царских подданных, причем для врачей и офицерского состава в этот круг могли входить высшие сановники Российского государства и даже сам царь. Поэтому не будет ошибочным назвать этот круг кругом обращения важнейших государственных сведений, в центре которого находился иностранный специалист или военный наемник. Условия для получения нужной информации, даже путем выведывания, не говоря о других формах и методах, были весьма и весьма благоприятные, что, скорее всего, вполне устраивало и Вену, и Рим. С помощью этих иностранцев можно было не только собирать информацию, но и решать иные задачи.

Из числа специалистов назовем лишь нескольких. Это Николай Булев (Любчанин), врач, эмиссар Ватикана в Москве при Василии III Ивановиче в 1508–1533 гг.; Лаврентий Блументрост, врач, прибыл в Москву 24 мая 1668 г. из Саксонии, оказывал содействие французскому разведчику под польским «флагом» де ла Невиллю в проведении тайных встреч с гетманом И.С. Мазепой; Иоганн Костер фон Розенбург, врач, в 1670-х гг. он уже работал в Москве, оказывал покровительство и содействие эмиссару Ватикана (своему племяннику) Якову Рейтенфельсу; Григорий

Мартынович Карбонари де Бизенег, врач, прибыл в Москву из Вены 11 февраля 1689 г., один из активных организаторов деятельности католической общины в Москве, в том числе в русле рекомендаций Рима. В 1690 г. оказывал содействие прибывшему (нелегально) из Литвы члену Ордена иезуитов Михаилу Яконовичу в его попытке взойти на патриарший престол в Москве.

Говоря о переводчиках на царской службе, назовем эмиссара Ватикана Георгия Крижанича, прибывшего в Москву 17 сентября 1659 г. под чужим именем «выезжий сербенин Юрья Иванов сын Билиш» и скрывшего в Посольском приказе свое католическое вероисповедание; а также прибывшего в 1661 г. в Москву «в поисках работы» члена Ордена доминиканцев Семена Лаврецкого, который был назначен переводчиком в Посольский приказ и благополучно проработал там до конца XVII в.

О специалисте другого профиля — приведем интересную выдержку из донесения члена миссии Ордена иезуитов в Москве Франциска Иоанна Эмилиани от 23 июня 1699 г.: «За 6 месяцев до нашего приезда (Ф.И. Эмилиани прибыл в Москву 19 апреля 1698 г.) прибыл сюда из Бельгии отец Лаврентий фон Дугуне, бывший в продолжение 12 лет нашим миссионером в Голландии. Он был здесь химиком в аптеке нашего католическаго аптекаря, но выдал себя, показав в разных случаях в обществе слишком большия знания каноническаго права и проч., и вследствие этого, равно как и вследствие частого приобщения св. тайнам, возбудил подозрение, что он тайный монах, и был бы в большой опасности, если бы одно богобоязненное лицо не разсеяло осторожно этой опасности и не удалило его в Персию с армянами под видом слуги. Нельзя было наверное узнать, по какой дороге это лицо направило его потом в Китай...»[108]. Кто, интересно было бы знать, являлся этим богобоязненным лицом? Другой миссионер, Геральд, писал об этом же человеке в донесении от 23 сентября 1698 г. иезуиту Франциску Дубскому: «Благоразумнее перешел через границу г. Лаврентий фон Дуин, замечательный часовщик и математик...»[109]. Комментировать, видимо, не нужно. О некоторых из иностранных специалистов мы будем говорить подробно в последующих главах.

Много или мало было военных наемников? Предоставим слово Августину Майербергу, профессиональному дипломату и разведчику (21 год на дипломатической службе), послу Священной Римской империи германской нации (в Москве находился с 24 мая 1661 по 3 мая 1662 г.). Он писал о военных наемниках: «...этих иноземцев набралась такая пропасть в Москву на Царскую службу из Германии, Батавии, Англии, Шотландии и других стран: в 1662 г., кроме двух полных Генералов и двух Генерал-Майоров, я мог бы прочитать записанныя в моей памятной книжке имена более ста иностранных Полковников, многих Подполковников и Майоров и назвал бы почти бесчисленное множество Капитанов и Прапорщиков...»[110]. А. Майерберг переписал в свою записную книжку всех иностранных генералов, полковников, подполковников и майоров по состоянию на 1662 г., надо думать, со слов самих же этих офицеров. Ясно, что эти записи в «памятной книжке» делались

[108] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 39.

[109] Там же. С. 6.

[110] Путешествие в Московию Барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, Послов Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, в 1661 году // ЧИОИДР. Книга первая. Отдел IV. М., 1874. С. 177.

не от нечего делать и не из любопытства. Сведения о командном составе российской армии могли рассказать о многом.

В конце XVII столетия, в период Азовских походов Петра I и подготовки к Северной войне, военных наемников стало гораздо больше. Конечно, были среди них и протестанты, были среди них и католики. Разумеется, мы не считаем всех иностранных военных наемников католического вероисповедания тайными агентами Ватикана. Может быть, их не было вообще. Многие ответственно и добросовестно служили Российскому государству, не жалея сил и здоровья. Мы говорим о тех, которые вольно или невольно, иногда сами даже об этом не подозревая и не думая, становились источниками информации о российских вооруженных силах, да и по другим вопросам. Посещая прибывавшие в Москву посольства Священной Римской империи германской нации для удовлетворения своих духовных потребностей у посольских капелланов, да и просто для того, чтобы пообщаться с соотечественниками, офицеры расслаблялись, и охотно рассказывали о своем житье-бытье в Москве и Московии, обстановке, информируя профессиональных разведчиков де-факто по тем самым вопросам, которые интересовали как Вену, так и Рим. Иностранных генералов и офицеров на царской службе было много, примеров с их участием мы здесь приводить не будем, все они в последующих главах.

Использование миссионеров католических орденов, следовавших транзитом через Московию. Миссионеры, проезжавшие через Московию в Персию, Индию или Китай идеально подходили для ведения разведки торговых путей, идущих практически от Балтики до Индийского или Тихого океана. Они могли лично пройти или проехать по всему предоставленному пути (туда и обратно), лично изучить особенности обстановки, благоприятствующие или затрудняющие использование маршрута, собрать сведения географического характера о прилегающих территориях.

В числе миссионеров, следовавших через территорию Московии в XVI–XVII столетиях, мы можем встретить августинцев, доминиканцев, иезуитов, кармелитов, францисканцев. Историк Ордена иезуитов Ж. Губер так писал о миссионерах-иезуитах: «Миссионеры обязаны следовать примеру апостолов, совершать путешествия пешком и, если возможно, вдвоем, соблюдать обет бедности, просить милостыню, останавливаться в домах ордена и посылать своему начальству подробные отчеты о своей деятельности. В чужих краях, где нет епископов, иезуитские миссионеры пользуются всеми их правами. Если исповедники четырех обетов составляют лишь 1/50 всего личнаго состава ордена, то миссионеры составляют лишь 1/100...»[111]. Исповедники четырех обетов — это профессы.

В последующих главах мы подробно расскажем о миссионерах, членах Ордена иезуитов, Филиппе Авриле, Луи Барнабе, Антуане де Бовольe, Кондратии Терпиловском и других.

Использование пленных. В XVI–XVII столетиях государство Папская область ни одного дня не находилось в состоянии официально обьявленной войны с Московией, поэтому никаких пленных из числа российских солдат и офицеров в Риме не было. Такие пленные были в Польше, взятые в плен в ходе польско-российских войн, но они не имели к Риму никакого отношения (известен пример опроса рус-

[111] *Губер Ж.* Иезуиты, их история, учение, организация и практическая деятельность в сфере общественной жизни, политики и религии. СПб., 1898. С. 45.

ских военнопленных в Польше профессором и ректором Краковского университета Матвеем Меховским, написавшим по его результатам трактат «О двух Сарматиях» в 1517 г.). Но не только российские солдаты и офицеры попадали в плен и содержались в Польше или Швеции. Иностранные солдаты и офицеры также попадали в русский плен и содержались в разных городах Российского государства, становясь носителями самой свежей и разноплановой информации. Получив возможность выехать в свою страну, например, в результате обмена пленными, побега и т.д., и оказавшись за рубежами России, все они становились источниками этой информации, представляя ее по желанию заинтересованных лиц (правительственных чиновников, воевод и др.) или инициативно, публикуя свои сочинения о пребывании в плену (хрестоматийными стали сочинения бежавших из плена Иоганна Таубе и Элерта Крузе, Альберта Шлихтинга. Последнее сочинение даже было выслано в Рим папским нунцием в Польше Виченцо дель Портико).

К категории иностранных пленных следует отнести и членов католических орденов доминиканцев, бернардинцев, кармелитов, иезуитов, августинцев и других католических священнослужителей, взятых в плен в ходе войн между Польшей и Россией. Содержались они в Тобольске, Сургуте, Таре, Нарыме, Якутском остроге и других городах. Например, доминиканцы Фабиан Аралский, Езострим Бицкий, Изояш Уркеев, Иван Сурский, Станислав Гренский, Федор Дудин, Богдан Хухар; бернардинцы Фоустел Добролевский, Мелхел Ворона, Якуб Погорельский, Христофор Езоков; кармелит Якуб Готовский; августинец Александр Войский; иезуит Андрей Кавечинский и другие, в том числе попавшие в плен в годы «Смутного» времени (в основном бернардинцы и иезуит Каспар Савицкий). После окончания войн и заключения мирных договоров, они, как правило, обменивались на российских военнопленных, содержавшихся в Польше. Конечно, они обладали такой информацией, какой Европа еще не знала. Чего стоило одно описание пути от Тобольска до Якутского острога на Лене-реке и деятельности там местной администрации и православных священнослужителей. Возвращаясь в свои монастыри, они, как мы знаем по примеру со ссыльным Георгием Крижаничем, подробно докладывали провинциалам обо всем, что интересовало руководство орденов и Рим.

Для получения сведений о неизвестных или малоизвестных странах Ватикан использовал военнопленных и из других театров военных действий. Мы здесь приведем пример, также ставший хрестоматийным, не касающийся Московии, но хорошо иллюстрирующий практику использования Римом пленных.

Человек с христианским именем Лев Африканский, он же Ал-Хасан ибн Мухаммед ал-Ваззан аз-Зайяти ал-Фаси (1493 или 1494–1552), уроженец Гранады, получивший образование в Марокко, дважды участвовал в марокканских дипломатических миссиях в соседние государства. Затем он попал в качестве пленника ко двору папы Льва X и был крещен, стал христианином, приняв имя Джованни Леоне. В период нахождения в плену он работал преподавателем арабского языка в Риме и Болонье. Увидев, что пленник хорошо образован, посетил ряд африканских стран, много видел и много знает, папа Лев X поручил ему составить описание Африки, тогда мало известной Риму. Выполняя поручение, Лев Африканский и написал свой труд под названием «Об описании Африки и о примечательных вещах, которые там имеются». Исследователи высоко оценивают труд Льва Африканского (См.: История Африки. Хре-

стоматия. Изд-во «Наука». М., 1979). Совсем не исключено, что этот труд послужил условием его освобождения из плена (ориентировочно в 1528 г.).

Использование аналитиков, географов, картографов, космографов, астрологов. Любая разведывательная информация должна быть обработана — проанализирована, сопоставлена с уже имеющимися материалами по этой или сходной теме, оценена ее достоверность, актуальность, соответствие ее геополитическим интересам и разведывательным задачам Рима, не содержит ли она дезинформацию, выделены пункты, требующие уточнения и перепроверки, принято решение об использовании этой информации. Именно для профессиональной обработки и оценки разведывательной информации нужны были специалисты аналитики, географы, картографы и т.д. В отличие от тех, кто занимался сбором разведывательной информации непосредственно в Московии, все они работали у себя дома, в Риме, в полной безопасности, имея возможность пользоваться услугами Ватиканского Архива, Ватиканской Апостолической Библиотеки, и в целом лучших умов Европы.

Все изданные в Европе книги и карты о Московии и соседних странах, отчеты дипломатических миссий дружественных Риму государств о поездках в Москву (да и разведывательные донесения) в случае необходимости всегда могли оказаться в Риме у заинтересованного специалиста. Фактически в роли аналитиков в свое время выступали авторы сочинений о Московии Паоло Джовио, Иоганн Фабри, Александр Гваньини, Михалон Литвин, Антонио Поссевино, Георгий Крижанич, Иржи Давид и другие.

О картографах, космографах и географах на службе у Рима и о причинах возросшего интереса к картографической продукции мы выше уже говорили.

Использование духовников, советников, воспитателей монархов и крупных вельмож. Историк Габриэль Моно писал, что иезуиты «...настойчиво и с успехом разрабатывали духовное красноречие. С еще большим усердием и успехом они действовали в качестве духовников. Тайны правительств и почти всех знатных фамилий во всей католической Европе находились в их руках...»[112]. Естественно, что эти тайны становились известными и руководству Ордена, и Ватикану. Генерал Ордена иезуитов в 1581–1615 гг. Клавдий Аквавива разработал специальную инструкцию для иезуитов-духовников монархов. Приведем несколько выдержек из инструкции в изложении историка Ж. Губера: «Духовнику всякаго государя вменяется прежде всего в обязанность постоянно помнить, что он не более, как орудие ордена;... Переписка духовника с государем и его приближенными подлежит строжайшему контролю и, по требованию провинциала, должна быть представлена непосредственному начальнику... Но следует помнить, что римская церковь имеет притязание регламентировать всю государственную и общественную жизнь; а с этой точки зрения ни одно политическое действие государя не может быть свободно от контроля духовника... Что же касается религиозных и церковных дел, то он должен предоставлять решение их самому государю; но это решение непременно будет соответствовать желаниям духовника, успевшаго внушить государю свои воззрения и убеждения... Он должен по возможности скрывать свое влияние и не показывать своей власти над государем, из опасения повредить ордену... Духовник должен стараться приобрести симпатию государя и пользоваться ею не

[112] *Моно Г.* Об истории Общества Иисуса // Орден иезуитов: правда и вымысел: [сб.] / Сост. А. Лактионов. М., 2007. С. 329.

для личных выгод, а для интересов ордена. В сомнительных случаях, духовник обращается за советом к своим начальникам и не обязан соблюдать тайну исповеди. Он может быть отставлен по благоусмотрению своего начальника»[113]. Сказано четко и очень откровенно.

Перечень духовников, если его составить за двухвековой период, окажется намного большим, чем перечень католических монархов, так как у одного и того же монарха за время его царствования духовники могли меняться не один раз.

На первый взгляд, духовники католических монархов не могли оказать какого-либо влияния на положение Московии в Европе, на выработку и реализацию практических мер по борьбе Рима не только с Православной церковью и православием на территории Польши, но и с Русской православной церковью. Но это только на первый взгляд. На самом деле все было наоборот. Приведем два примера, по одному на XVI и XVII столетия.

Большую роль в борьбе Рима с Православной церковью и православием на территории Польши сыграл духовник польского короля Сигизмунда III в 1587–1611 гг., член Ордена иезуитов **Петр Михайлович Скарга (Повеский, Poweski)** (1536–1612). Именно он явился одним из организаторов и участников Брестского собора в 1596 г., на котором ряд иерархов Православной церкви во главе с митрополитом Киевским, Галицким и всея Руси Михаилом Васильевичем Рогозой предали православие и заключили унию с Римской католической церковью. В результате была образована Униатская церковь, а деятельность Православной церкви была запрещена (до 1633 г.). Это событие круто изменило жизнь государств, Церквей и народов на огромной территории от Балтики до Днепра и от Смоленска до Буга. Влияние унии заметно ощущалось и в жизни Русской православной церкви, о чем ниже будем говорить подробнее. К портрету П.М. Скарги можно добавить, что он был организатором и ректором нескольких коллегий Ордена иезуитов, известным полемистом своего времени, автором целого ряда сочинений против православия и в защиту католичества. В 1844 г. П.М. Скарге на его могиле в Кракове был установлен памятник.

В мае–октябре 1626 г. по предложению короля Испании Филиппа IV состоялся Брюссельский конгресс, посвященный мерам по захвату Габсбургами контроля над Балтийским морем и устранению действующих в этом регионе политических и торговых конкурентов — Голландии, Швеции, Англии и других. Разумеется, интересы Московского государства затрагивались самым непосредственным образом. На конгрессе обсуждались различные проекты, и один из них был разработан членом Ордена иезуитов **Вильгельмом Леммерманом** (ок. 1570–1648), вначале ректором Венской коллегии Ордена, а в период работы конгресса духовником императора Священной Римской империи германской нации Фердинанда II. Этот проект хоть и вызвал сенсацию на конгрессе и был оценен как важный, но его приняли всего лишь к сведению, так как Габсбурги не верили в возможность его реализации[114]. Так же как и в реализацию других проектов.

---

[113] *Губер Ж.* Иезуиты, их история, учение, организация и практическая деятельность в сфере общественной жизни, политики и религии. С. 54–55.

[114] См.: *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. II: Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом (30-летняя война). СПб., 1894. С. 229–237, 245.

У русских царей не было духовников из числа членов католических орденов или вообще католиков. Но в 60-х и 70-х годах XVII в., после вхождения Украины в состав Московского государства, в Москву стали все больше приезжать на жительство и работу православные священнослужители с территорий, ранее входивших в состав Польши. В их числе были такие, которые заканчивали не только учебные заведения Православной церкви, но и учебные заведения Униатской церкви, Ордена базилианцев и коллегии Ордена иезуитов. Они представлялись в Москве православными, и внешне все было вроде бы пристойно. Но они приносили с собой и распространяли, вольно или невольно, дух «латинства», и воздействие было еще более сильным, если носитель этого «духа» являлся учителем или воспитателем.

Одним из таких был иеромонах **Симеон Полоцкий**, в миру Самуил Емельянович Петровский-Ситианович (1629–1680). Прибыв в Москву в 1664 г., он вскоре стал преподавателем и руководителем школы в Заиконоспасском монастыре (будущей Славяно-Греко-Латинской академии), воспитателем царских детей (в их числе царевны Софьи Алексеевны), пользовался покровительством царя Федора Алексеевича. Кстати, в этой школе латинскому языку обучали по книге, автором которой был иезуит Эммануил Альварес, а первое издание этой книги вышло еще в 1599 г. Интересно, где взял эту книгу Симеон Полоцкий?

Учеником и духовным преемником Симеона Полоцкого был **Сильвестр Медведев**, игумен Московского Заиконоспасского монастыря. Он сыграл определенную роль в тех кризисных событиях, которые получили название заговора царевны Софьи, и рассматривался как вероятный кандидат на патриарший престол. При этом в случае его избрания в патриархи Московские он, видимо, должен был выйти с предложением в Рим о заключении унии с Русской православной церковью. Подробнее об этом мы поговорим ниже.

Глава 2. Разведка Ватиканом Московского государства

Информационные удары по Европе на рубеже XV–XVI столетий, нанесенные Великими географическими открытиями. Сведения о Московском государстве — составная часть этих ударов.
Политический блок. О личности царя, его возрасте, росте, внешнем облике, состоянии здоровья, образовании, чертах характера, привычках и наклонностях, родословной, составе семьи, наследнике. Отношение царя к православию и Русской православной церкви, к патриарху, Римской католической церкви и папе Римскому, другим религиям и вероисповеданиям. О политической обстановке в Российском государстве, о силах, на которые царь опирается в своей внешней и внутренней политике, об оппозиции. О государственном устройстве, судопроизводстве, действующих административно-правовых режимах. О внешнеполитической деятельности, дипломатическом протоколе. Историческая составляющая.
Военный блок. О численности и состоянии армии, секретах строительства крепостей, о командном составе, в том числе об иностранных офицерах. О создании российского флота с указанием всех строящихся кораблей, численности экипажей, корабельной артиллерии. О реорганизации российской армии и полевой артиллерии.
Экономический блок. Сбор сведений о промышленности, сельском хозяйстве, охоте и рыболовстве, обеспеченности населения и армии продовольствием, о торговле, внутреннем и внешнем рынках. Источники царских доходов, состояние государственной казны, денежная система. О наличии и потребностях в иностранных специалистах.
Социально-этнографический блок. Значение этих сведений. Какие народы проживают на территории Российского государства, места их постоянного расселения, степень оседлости, численность, уровни смертности и рождаемости, род занятий мужского и женского населения, семейный быт, образ жизни городского и сельского населения, степень бедности и грамотности. Жизненные интересы и ценности, привычки и нравы, обряды и верования, положение женщины в семье и обществе, сильные и слабые стороны национального характера.
Географический блок. Важность географической разведки. Краткий исторический обзор. Классификация сведений географического характера о Московии и путях в страны Востока. Основные носители географической информации. Значение карт и картографических материалов.

Великие географические открытия нанесли по Европе целый ряд информационных ударов сокрушительной силы, которые разрушили старые представления о мире, кардинально изменили европейскую и мировую политические карты. Полноправной составляющей частью этих информационных ударов явились поступавшие в Европу сведения о Московском государстве, Сибири, транспортных путях в Китай и другие страны Востока. Уже в первой половине XVI в. на столах монархов, министров, мореплавателей, географов и картографов появились труды, которых

раньше не было. Эти труды, во-первых, были посвящены непосредственно Московскому государству; во-вторых, были подготовлены иностранцами, лично побывавшими в Московии: «там русский дух… там Русью пахнет!»; в-третьих, были подготовлены по результатам профессиональных опросов за рубежом российских дипломатов, купцов, военнопленных, беглецов от царского режима. Появились и компилятивные труды о Московии.

Какие же исторические персонажи и их труды приняли участие в этом информационном ударе по Европе в первой половине XVI в.?

Сигизмунд Герберштейн, барон, дипломат Священной Римской империи германской нации, дважды посетивший Московию в 1517 и 1526 гг., опубликовавший в 1546 г. карту Московии и в 1549 г. «Записки о Московитских делах».

Альберт Кампензе, теолог, дипломат, предположительно в 1523 г. направивший папе Клименту VII письмо с описанием Московии.

Паоло Джовио, сотрудник аппарата Ватикана, историк, географ и аналитик, который в 1525 г. по заданию папы Климента VII опросил российского посла Герасимова Дмитрия Даниловича о Московском государстве, затем написал об этом книгу и в том же году издал ее. В 1537 г. она была переиздана в Базеле.

Иоганн Фабр (Фабри), советник и духовник эрцгерцога Австрийского Фердинанда, который по его заданию в 1525 г. опросил в Тюбингене возвращавшихся из Испании в Москву российских дипломатов князя Ивана Ивановича Засекина-Ярославского и дьяка Семена Борисовича Трофимова о Московии, и в том же году издал книгу «Религия московитов». В 1526 и 1541 гг. книга была переиздана в Базеле.

Дмитрий Данилович Герасимов, российский дипломат, возвращаясь из Рима в Москву, в 1526 г. в Аугсбурге показал ученым и географам карту Московии, из которой следовало, что морским северо-восточным проходом вокруг Московии можно доплыть до богатых стран Востока.

Карта Московских земель 1525 г., деревянная матрица которой хранилась в библиотеке Вроцлавского университета (Польша). Карта приобретена на Лондонском аукционе и в январе 1994 г. передана на хранение в Государственную Архивную службу России.

Баттиста Аньезе, известный венецианский картограф, который в 1525 г. по материалам Паоло Джовио и Д.Д. Герасимова подготовил и издал карту Московии.

Франческо да Колло, дипломат Священной Римской империи германской нации, посетивший Московию в 1518–1519 гг., и который по заданию императора Максимилиана I написал сочинение «Доношение о Московии».

Себастиан Мюнстер, знаменитый германский географ и картограф, издавший в 1544 г. свою «Космографию», в которую вошли описание Московии и ее карта.

Антонио Вид, картограф и художник из Данцига (Гданьск), и Иван Васильевич Ляцкий, русский полководец, представитель древнего боярского рода, беглец от царского режима. В 1542 г. они подготовили рукописную карту Московии, которая была издана в 1555 г.

Джакомо Гастальди, известный картограф, космограф Венецианской Республики, в 1555 г. подготовил и издал карту Московии.

Русский историк Ф.П. Аделунг сделал описание содержания рукописей или копий документов о Московии, хранящихся в библиотеках Рима (см. указатель источников в конце книги). Назовем некоторые из них.

Сочинение неизвестного, посетившего Москву в 1553 г. Рукопись хранится в Ватиканской библиотеке. Еще один экземпляр этой рукописи хранится в библиотеке Валичелли.

Сочинение Франческо Тьеполо, посетившего Москву в 1560 г. в качестве посла Венецианской республики. Рукопись хранится в Барбериниевской библиотеке.

Сочинение Рафаэля Барберини, итальянского купца, посетившего Москву по торговым делам в 1564–1565 гг. Рукопись хранится в Барбериниевской библиотеке.

Сочинение Джерио, венецианца, посетившего Москву в составе польского посольства в 1570 г. Рукопись хранится в Ватиканской библиотеке.

Сочинение Ф.З. Воропая, посетившего Москву в качестве польского посла в 1572 г. Рукопись хранится в Ватиканской библиотеке.

Подлинник донесения М. Гарабурды, посетившего Москву в качестве польского посла в 1573 г. Рукопись хранится в Ватиканской библиотеке.

Сочинение Иоанна Пернштейна, посетившего Москву в качестве посла Священной Римской империи германской нации в 1575 г. Хранится в Ватиканской библиотеке.

Сочинение Иоанна Кобенцеля, посетившего Москву в качестве посла Священной Римской империи германской нации в 1576 г. Рукопись на итальянском языке хранится в Ватиканской библиотеке.

Мы назвали только очень малую часть исторических персонажей, их сочинения и карты, относящиеся к XVI в. Но был еще и век XVII. Были еще отчеты дипломатов, переписка монархов, государственные законодательные акты, частная переписка, устные рассказы очевидцев и многое другое.

Мы уже говорили о тех причинах, которые вызвали интерес Ватикана к Московскому государству и, как следствие, побудили понтификов организовать разведку Московии. В XVI–XVII столетиях разведка велась крупномасштабно, целенаправленно и непрерывно, с задействованием всех структурных элементов «Системы». Разведывательные сведения собирались, концентрировались, обобщались, изучались по таким разведывательным информационным блокам, как политический, военный, экономический, географический, социально-этнографический и религиозный. В сочетании со страноведческим принципом накопления и хранения разведывательной информации такой подход был передовым для условий того времени и обеспечил значительное опережение Ватиканом других европейских государств в познании Московского государства. Итак, разведывательные информационные блоки.

Политический блок. Сведения, входившие в этот информационный блок, имели исключительную ценность, они являлись основой при определении политического курса по отношению к Российскому государству и Русской православной церкви, принятии государственных решений. В рамках этого информационного блока Ватикан интересовали следующие сведения о Российском государстве:

О личности царя, его возрасте, росте, внешнем облике, состоянии здоровья, образовании, чертах характера, привычках и наклонностях, родословной, составе семьи, вероятном наследнике.

Царь-самодержец являлся наиглавнейшим объектом разведывательного интереса Рима. Это понятно. Именно от него зависели все государственные решения в Московии, от установления с каким-либо государством дипломатических и торговых отношений до объявления войны; определение политического курса по отношению к европейским странам и странам Востока; от него зависели и отношения Московии и Русской православной церкви с Восточными патриархиями и с самим Римом. Иметь в Москве царя, послушно выполняющего рекомендации Рима, было пределом мечтаний. Поэтому о царе, его семье и вероятном наследнике нужно было знать все, абсолютно все. Никакие сведения тут не являлись лишними.

В 1525 г. российский посланник Герасимов Дмитрий Данилович (1465–1533), прибывший в Рим с дипломатической миссией от великого князя Московского Василия III Ивановича, по поручению папы Климента VII (1523–1534) и архиепископа Консентийского Иоанна Руфа был опрошен сотрудником Ватикана Паоло Джовио (1483–1522). По результатам опроса Паоло Джовио написал и в том же году издал небольшое сочинение с очень длинным названием, сокращенное — «Книга о московитском посольстве». Сочинение это, ставшее хрестоматийным, представляет собой не хаотичный набор различных сведений о Московском государстве, а собрание сведений, полученных и, расположенных в соответствии с заданной программой. В сочинении отражены те вопросы, которые интересовали в то время Рим и на которые мог ответить Д.Д. Герасимов. Нужно также заметить, что российский посланник должен был довести до Ватикана выгодные Московскому государству сведения, поэтому он не сопротивлялся опросу, результат которого доставил обоюдное удовлетворение как Паоло Джовио, так и Д.Д. Герасимову.

Относительно великого князя Московского Василия III Ивановича в этом сочинении говорилось: «Василий не имеет еще полных сорока семи лет от роду и заслуживает предпочтения пред своими предками особо красивой наружностью, выдающимися духовными качествами, любовью и расположением к подданным и ратными подвигами. Так, он вышел победителем из шестилетней борьбы с ливонцами, которые под предлогом этой войны возбудили против него семьдесят два союзные города... Также и поляков, сряду в начале своего правления, он разбил в бою, а вождя их войск, Константина, русского родом, взял в плен и, сковав цепями, привез в Москву. А спустя некоторое время он и сам побежден был в большом сражении при Борисфене, повыше города Орши, тем самым Константином, которого он отпустил, но все же город Смоленск, занятый ранее московитами, остался во владении Василия... А против татар... московиты сражались с неоднократным успехом...»[115].

Марко Фоскарино, знатный венецианец, посетивший примерно в 1557 г. Москву по торгово-дипломатическим делам, писал в своем донесении: «Наш Князь и великий Император, по имени Иван Васильевич (Givanni di Basilio), имеет от роду 27 лет, красив собою, очень умен и великодушен. За исключительные качества своей души, за любовь к нему подданных и великие дела, совершенные им со славою в короткое время, достоин он встать наряду со всеми другими государями нашего времени, если только не превосходит их. Поэтому за величайшие и знаменитые победы, одержанные его предшественниками, и за свои собственные он стал назы-

---

[115] *Джовио П.* Книга о московитском посольстве // Все народы едино суть. М., 1987. С. 499–500.

ваться “Светлейшим и Славным”»[116]. Речь идет об Иване IV Васильевиче, вскоре ставшем Грозным.

Рафаэль Барберини отметил, что «...государь этой страны считает себя величайшим государем в мире, именуя себя повелителем всея Руси, да притом царем казанским и еще астраханским, хотя в письмах, привезенных мною к нему от королевы английской, титулуют его только повелителем всея Руси и великим князем московским. В гербе своем употребляет он черного двуглавого орла, с коронами, в зеленом поле... Когда выезжает государь на прогулку по городу, то весьма часто видите его одетым просто, в каком-нибудь цветном кафтане без золота; и берет он с собою лишь несколько слуг пеших, без конной свиты; а как по всем улицам бывает там множество народа, то иногда, находясь в толпе, возит он с собою у луки седла небольшой барабан, вроде того, какой имеют у себя на лошади Мавры; и как ударит он по нем рукояткой плети, какую обыкновенно имеют все ездоки, народ тотчас же раздается в разные стороны; впрочем такой инструмент случалось мне видеть и у сыновей его, да и других знатнейших бояр...»[117]. Рафаэль Барберини подчеркнул характерную особенность в отношениях царя Ивана Грозного и народа: «...страх как боится народ своего государя, и гораздо более ему повинуется, чем где-нибудь другие народы своим повелителям. И этот страх так на них действует, что большею частью не смеют они выказывать своего имущества; даже знаю я таких, у которых и довольно есть денег, а одеты всегда чрезвычайно дурно, и деньги свои, письма и другие вещи прячут в доме у кого-нибудь из своих иноземных друзей...»[118].

Папский нунций Винченцо Лаурео сообщал из Кракова 3 августа 1574 г. государственному секретарю Ватикана кардиналу Комо о царе Иване Грозном: «Если б он ради служения христианству, ради собственного спасения и величия готов был и обещал оказать повиновение папе, оставить греческий обряд и принять наш, то его избрание было бы желательно, потому что после присоединения этого государства, которого он вскоре в действительности сделается владетелем, у него были бы средства подавить Турок, тем более, что он, как говорят, 45 лет от роду, воспитан и опытен в военном искусстве, вследствие многих побед привык к наступательным действиям и считается прирожденным врагом не только Турок, но и всех еретиков»[119]. В это время Варшава, Рим и Вена рассматривали возможность (способствующие и препятствующие факторы) избрания Ивана Грозного еще и королем Польши (король Генрих 18 июня 1574 г. тайно выехал из Варшавы в Париж, где стал королем Франции Генрихом III). В том числе и по этой причине донесения нунция Винченцо Лаурео довольно часто содержали сведения о характере и поведении Ивана Грозного. Вот что писал он о сторонниках Ивана Грозного 16 августа 1575 г.: «Московского царя желает вся низшая шляхта, как польская, так и литовская, которая, стремясь высвободиться из зависимости от панов, всеми средствами старается об избрании его, и уже почти все русские воеводства требуют этого, как видно из пе-

[116] Донесение о Московии второй половины 16 века / Пер. В.И. Огородникова. М.: ИОИДР, 1913. С. 11–12.

[117] Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сын отечества. № 7. 1842. С. 23, 26.

[118] Там же. С. 8.

[119] Цит. по: *Вержбовский Ф.* Отношения России и Польши в 1574–1578 годах, по донесениям папского нунция В. Лаурео. С. 214.

рехваченных писем некоторых панов, писанных к царю, как из Руси, так и из других провинций…»[120]. По мнению В. Лауреа, сторонником избрания Ивана Грозного на польский трон был архиепископ Гнезненский Яков Уханский, в связи с чем нунций докладывал 10 октября 1575 г.: «Я полагал бы, что если бы можно было в тайне вести переговоры с его послами, особенно при посредничестве архиепископа… не было бы, может быть, слишком трудно убедить царя подчиниться апостолическому престолу, особенно если обещать ему от имени папы титул Цареградского императора с правом первенства, когда бы он с помощью Божиею завладел этим городом, а архиепископу сан патриарха Цареградского, чтобы сделать венчание более торжественным…»[121].

21 октября 1577 г. он же сообщал из Варшавы: «Не упускаю случая сообщить хотя кое-какие известия о характере Московского царя, о чем мне писал Фабриций Аяцца из Верчелли, рыцарь Мальтийского ордена, который, состоя комендантом одной из крепостей в Ливонии, вследствие недостаточного числа солдат и вынуждаемый жителями этого города, не мог устоять и сдался. Царь весьма настойчиво требовал, чтоб он согласился поступить к нему на службу, обещая ему свободу, хорошее и подобающее с ним обращение; но рыцарь извинялся, что честь не позволяет ему сделать этого, и что он прежде должен возвратиться к королю и дать ему отчет в своих действиях, ибо в противном случае его объявили бы изменником. Царь сказал ему: "Так вот, чтобы ты знал, что я христианский государь, даю тебе свободу», и приказал проводить его к границам Литвы…"»[122].

С донесениями папского нунция Винченцо Лауреа перекликается реляция 1575 г. Венецианского посла в Польше Джироламо (Иеронима) Липпомано (не путать с папским нунцием в Польше Луиджи Липпомано). Венецианский посол уделил личности Ивана Грозного небольшой раздел в своей реляции. Он написал о могуществе московского царя, огромных размерах царства (3000 миль в длину и половина этого в ширину, 15 княжеств, 12 обширных провинций и два королевства); что он имеет богатую казну и множество драгоценных камней. Посол отметил, что у царя два сына, которым 24 и 22 года, и к которым он относится так же жестоко, как и к другим подданным; что Ивану Грозному около 40 лет, что он здоров и силен, и что пишется царем с бесчисленными титулами. Что было очень важно для Рима, Венеции, Кракова и Вены — Д. Липпомано обратил особое внимание на возможные перспективы у Ивана Грозного быть избранным на польский королевский трон, особенно в случае, если бы он склонился к подчинению апостольской столице и на него была возложена корона цесаря или короля московского. В этом случае, по мнению посла, объединенное польское и московское государство стало бы непобедимым и смогло бы противостоять любому неприятелю[123] (здесь приведен сокращенный перевод с польского на русский язык, текст на польском языке из-за своих размеров опущен).

Антонио Поссевино писал о сыновьях Ивана Грозного, в том числе о наследнике престола: «Великий князь московский Иван Васильевич от своей первой жены

[120] Там же. С. 218.

[121] Там же. С. 219.

[122] Там же. С. 230–231.

[123] Relacye nuncyuszów apostolskich i innich osób o Polsce od roku 1548 do 1690. S. 279-280.

Анастасии имел двух сыновей — Ивана и Федора. В первый мой приезд оба они были живы. Ко второму приезду первенец Иван, достигший 20 лет, уже способный управлять государством и любимый московитами, скончался. Говорят, у князя рождались сыновья и от других жен, но впоследствии умирали. Сведения о смерти Ивана имеют большую ценность. Это обстоятельство достойно упоминания потому, что оно оказало большое влияние на смягчение нрава князя, так что во время наших бесед он многое выслушивал снисходительнее, чем, может быть, сделал бы раньше. По достоверным сведениям, сын Иван был убит великим князем московским в крепости Александровская слобода...»[124]. А. Поссевино привел и свою версию причины убийства Иваном Грозным царевича, мы ее опускаем.

Интерес к личности русских царей был так велик, что в Европе о них издавались книги. В 1578 г. в Италии была опубликована статья Паоло Джовио, посвященная биографии великого князя Московского Василия III Ивановича. В 1585 г. Давид Хитрей (1531–1600) издал в Виттенберге книгу «Жизнь великого князя московского Ивана Васильевича». В том же году и в этом же городе Виттенберге пастор Пауль Одерборн издал книгу-памфлет «Paullus Oderbornius. Joannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis Vita» (Жизнь Иоанна Васильевича, великого князя Московии).

Когда умер Иван Грозный, весьма актуальным стал вопрос об информации о новом царе. 10 июня 1584 г. польский дипломат Лев Иванович Сапега прямо из Москвы направил сообщение папскому нунцию в Польше кардиналу Альберто Болоньетти, в котором информировал о новом царе, его облике, телосложении, состоянии здоровья, нраве и т.д. Он писал: «Великий князь мал ростом; говорит он тихо и очень медленно; рассудка у него мало, или, как другие говорят, и как я сам заметил, вовсе нет...»[125]. Получив это сообщение, А. Болоньетти немедленно, 24 августа того же года, направил соответствующее донесение государственному секретарю Ватикана кардиналу Комо. В этом же донесении говорилось о расположении московских вельмож к королю Польши[126]. Согласитесь, Л.И. Сапега представил нунцию очень ценную информацию. Если царь не способен по своему умственному развитию управлять Московией, нужно как можно быстрее искать в его окружении того вельможу, кто реально управляет страной, кто имеет реальную власть, кто принимает политические решения, от кого зависят отношения Москвы с другими государствами.

19 февраля 1585 г., следуя с дипломатической миссией из Москвы к императору Священной Римской империи германской нации Рудольфу II в Прагу, российский посланник Лукьян Захарьевич Новосильцев по пути был приглашен в гости архиепископом Гнезненским, примасом Польши Станиславом Карнковским. В беседе Станислав Карнковский показал свою осведомленность о новом русском царе Федоре Ивановиче и правителе Борисе Годунове. Он сказал, что «слышал от полоненников Литовских, что Государь ваш побожный и милостивый, и Государыня разумна и милостива не токмо до своих людей, и до полоненников милостива, и вязней всех освободил и отпустил даром... сказывали нам вязни наши, есть на Москве

[124] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 50.

[125] Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 4. С. 220.

[126] Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т. II. СПб., 1842. С. 2, 7.

шурин Государской, Борис Федорович Годунов, правитель земли и милостивец великой, и нашим вязнем милость казал, и на отпуске их у себя кормил и поил, и пожаловал всех сукны и денгами, и как были в тюрмах, и он им великие милостины присылал...»[127]. Интерес к личности царя Федора Ивановича был так велик, что в период пребывания в Праге (с 15 марта по 16 апреля 1585 г.) Л.З. Новосильцев был приглашен папским нунцием Джерманико Маласпина к себе в гости, где вместе с Даниилом Принцем (в 1576 и 1578 гг. приезжал с дипломатической миссией в Москву) задал российскому дипломату ряд вопросов о царе. Л.З. Новосильцев писал в статейном списке: «...и спрашивал меня про Государя нашего, Царя и Великого Князя Федора Ивановича всеа Русии, колких Государь лет и женат ли? И яз сказал, что Государю нашему, Царю и Великому Князю всеа Русии двадцать четыре года, а Государь наш, дал Бог, женат. И учал бискуп говорити, что во всех Царствах такой крепкой веры нет, что в вашем Государстве: посты великие держат и заповеди Господни хранят...»[128]. Заметим, что толмачом в посольстве Л.З. Новосильцева был Яков Заборовский, тайно информировавший поляков о событиях в Москве.

В Ватиканской библиотеке в Риме хранятся рукописи донесений Николая Варкоча, в 1589, 1593 и 1594 гг. приезжавшего в Московию с дипломатическими (и разведывательными) поручениями от императора Священной Римской империи германской нации Рудольфа II[129]. В то время Рим выступал организатором антитурецкой лиги, весьма заинтересованным и активным членом которой являлась Вена. Конечно, содержание донесений не частично, а полностью интересовало Рим, давало пищу для размышлений и принятия решений по отношению к Москве. Собственно говоря, вторая половина XVI и самое начало XVII в. отличались высокой активностью Рима как в налаживании и развитии дипломатических отношений с Москвой, так и в организации разведки Московии. Определенную роль сыграл здесь и Николай Варкоч.

Выезжая в 1589 г. в Москву, Н. Варкоч в числе других имел поручение выяснить содержание завещания Ивана Грозного о наследовании престола. Для Рима и Вены это было архиважно. Поручение было выполнено. Н. Варкоч писал в донесении: «Перед своей смертью великий князь Иван Васильевич написал свою последнюю волю, в которой назначил своими душеприказчиками некоторых ближних бояр, но шурину нынешнего великого князя Борису Федоровичу Годунову не завещал ни должности, ни положения. Бориса это очень обидело».[130]. Дальше Н. Варкоч сообщал о немедленно последовавшей реакции на это Бориса Годунова, что он расправился со своими противниками среди душеприказчиков и бояр, и, «говорят, разорвал завещание Ивана IV и велел сжечь. А теперь все главные учреждения и должности, как и управление страной, городами, да и придворные должности Борис разделил между своими сторонниками и родственниками, подавив тех, кто ему противился... Итак, Борис ныне держит всю власть в своих руках, ибо великий князь человек простой и робкий, не разбирается в государственных делах и

[127] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I. СПб., 1851. Стб. 933–934.

[128] Там же. Стб. 956.

[129] *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России // ЧИОИДР. Книга вторая. Отдел IV. М., 1863. С. 253, 266–267.

[130] Донесение австрийского посла о поездке в Москву в 1589 году // Вопр. истории. № 6. 1978. С. 109.

ничего не решает. Особенно же он боится войны, посвящая все свое время молитвам и богослужению. Борис не очень доверяет различным государям, но предан сиятельнейшему дому Габсбургов»[131]. Исключительно ценная информация — в ней говорилось о том, что из себя представляет царь Федор Иванович, и что Борис Годунов является истинным правителем государства и обладает реальной властью, что его ближайшее окружение составляют его сторонники, а представители оппозиции подавлены. Из этого донесения и Риму, и Вене было абсолютно ясно, что все дела в Москве нужно решать именно с Борисом Годуновым. И это было важно даже для такого далекого от России государства, как Испания: «Сокращенный вариант "Донесения" был обнаружен русским историком Е.Ф. Шмурло в Симанском архиве (Испания) в 1908 г. Это… пересказ отчета Варкоча императору, выполненный в 1589 г. испанским послом при императорском дворе Гиллермо де Сан Клементе и высланный им королю Филиппу II»[132].

В Риме, в Ватиканской Библиотеке, хранятся не только донесения императорского посла Н. Варкоча, но и многие другие, в числе которых «Дневник польских послов Николая Олесницкого и Александра Гонсевского», написанный в 1606 г. в Москве. О чем писали послы, можно судить по выдержке из донесения Н. Олесницкого от 8 августа 1607 г.: «Через лазутчика его милости пана Глебовича выслал я отсюда из Москвы 4 марта к ВКМ письмо, которое через руки его милости кардинала до рук ВКМ должно было дойти, а в нем на всякий случай многое шифром писал, который его милость знает… Я дал (в нем) ВКМ достаточные сведения о состоянии дел в этом государстве… сообщаю ВКМ, что эта гражданская война, которая началась у них в прошлом году, и до этого времени со всей силой идет и продолжается с великим кровопролитием, убытком и опустошением того государства»[133]. ВКМ — это сокращенное написание «Ваша Королевская Милость». Кардинал — вероятно, речь идет о Бернарде Мацеевском, кардинале с 9 июня 1604 г., примасе Польши с 1607 г., одном из идеологов Брестского Собора (1596) и Униатской церкви и одном из вдохновителей возведения Лжедмитрия I на Московский престол.

В 1605–1606 гг. в Москву к Лжедмитрию I приезжало посольство папы Павла V во главе с графом Александром Рангони, племянником папского нунция в Польше Клаудио Рангони. Переводчиком в этом посольстве был Иосиф-Вельямин Рутский, только что вернувшийся из Рима после окончания учебы в Греческой коллегии св. Афанасия, будущий митрополит Униатской церкви, создатель и первый протоархимандрит Ордена базилианцев. В Москве посольство находилось в феврале 1606 г. Один из членов посольства (может быть, им являлся И.В. Рутский?) вел во время поездки дневник, предназначавшийся, видимо, для использования в качестве некого путеводителя для иностранных туристов в Московию. (Европа, надо думать, полагала, что Лжедмитрий I пришел к власти надолго). По словам П.О. Пирлинга, более всего поразила неизвестного автора личность Лжедмитрия I: «…Когда он выходил, ему предшествовали до тридцати служителей и подметали улицу перед ним. О том, что Димитрий один прогуливался по городу, как пишут некоторые иностран-

[131] Там же. С. 109.

[132] Там же. С. 96.

[133] Три письма о событиях Смуты // Архивы русской истории. № 3. 1993. С. 166–167.

цы, Неизвестный ничего не знает. Заметил он особенную склонность царя к военному делу. Недалеко от Кремля, за кремлевской стеной, было что-то вроде арсенала и оружейнаго завода. Раза два, три в неделю, Димитрий отправлялся туда, увлекался пушечною пальбою и усердно хлопотал об умножении пушек...»[134].

Сведения об обстановке в Московии того времени, «Смутного» времени, полыхали огнем и пахли порохом, были пропитаны интригами и заговорами, и представляли для Рима исключительную ценность. Всего несколько лет оставалось до восшествия на царский престол династии Романовых.

В XVII столетии, после событий «Смутного» времени, информационные потребности Рима относительно Московии зачастую восполняли дипломатические миссии дружественных Риму государств, например, Священной Римской империи германской нации, Польши. В 1661–1662 гг. Москву посетило посольство Священной Римской империи германской нации (въехало в Москву 15 мая 1661 г., выехало из Москвы 26 апреля 1662 г.) во главе с Августином Майербергом и Горацием Вильгельмом Кальвуччи. В период пребывания в Москве Августин Майерберг усиленно пытался раздобыть сведения о родословной Романовых, чтобы сделать вывод о степени законности их пребывания на троне. Он писал: «Если согласились в том, что реки тем знаменитее, чем неизвестнее их истоки, и так же будем судить и о родах, неизвестность происхождения которых доказывает их древность, то по необходимости должны будем сознаться, что род Романовых самый знаменитый. Я долго отыскивал его родословную, но ни один мало-мальски ясный луч знания, даже и на минуту, не блеснул мне, бродившему впотьмах, так как все Москвитяне стараются оставлять в неведении о том иностранца... если бы Романовы отличались самым знаменитым происхождением, Москвитяне, обыкновенно превозносящие, по врожденному хвастовству, свои дела до небес, не только не захотели бы скрывать это, но еще прожужжали бы этим уши даже и тому, кто их и не спрашивает»[135] (кстати, подобные сведения пытались получить и другие европейские государства, например, Швеция).

Капелланом названного посольства являлся Севастьян Главинич, который по поручению папского нунция при императорском дворе написал небольшое сочинение о Московском государстве. Чтобы соблюсти придворный такт, первый экземпляр сочинения был преподнесен императору Леопольду I, ему же оно было и посвящено. С. Главинич так описывал царя Алексея Михайловича: «Это государь статного роста, пристойно вежливый, получивший от природы необходимые телесные дары и если бы присоединить еще к тому просвещение истинною Верой, то по справедливости и не напрасно назывался бы Государем. Сколько мог заключить я из разных разговоров, какие у меня там бывали, ни одного Государя в свете он столько не уважает, как Ваше Священнейшее Величество, что так и следует. Они (Москвитяне) утверждают даже, что настоящих Государей (Monarcham) в свете только и есть, что Ваше Державнейшее Величество да их Государь и Царь Московский, а за тем Оттоманскую сволочь просто с грязью равняют»[136]. С. Главинич

[134] *Пирлинг П.О.* Из Смутнаго времени. Статьи и заметки. СПб., 1902. С. 109.

[135] Путешествие в Московию Барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, Послов Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, в 1661 году. С. 109–110.

[136] Севастиан Главинич о происшествиях Московских 1661 г. // ЧИОИДР. Книга первая. Отдел IV. М., 1875. С. 5.

также сообщил о времени рождения царя и его вступления в брак, перечислил царских детей.

По словам того же С. Главинича, «Немаловажно для сведения также и то, что, по пресечении законных Московских Государей, избирают они в Цари Главного Начальника конюшни (Suprerum stabuli Praefectum), которого на своем языке называют Конюшим (Koniussel), отчего постоянно случается, что только Подконюший (Vice-Praefectus) исправляет эту должность, когда у Царя есть сыновья, или, по крайней мере, надежда иметь их, если ж придется ему умереть бездетным, тогда Подконюший объявляется Наместником»[137]. Очень важная информация. Она сразу выделяет из ближайшего царского окружения того вельможу, который должен стать объектом самого пристального разведывательного изучения, как потенциальный претендент (при определенных условиях) на царский престол.

Эмиссар Ватикана Яков Рейтенфельс посвятил описанию царя Алексея Михайловича и членов его семьи несколько глав, настолько эту тему считал важной: «Росту Алексей, впрочем, средняго, с несколько полным телом и лицом, бел и румян, цвет волос у него средний между черным и рыжим, глаза голубые, походка важная, и выражение лица таково, что в нем видна строгость и милость, вследствие чего он, обыкновенно, внушает всем надежду, а страха — никому и нисколько. Нрава же он самаго выдержаннаго и, поистине, приличествующаго столь великому Государю: всегда серъезен, великодушен, милостив, целомудрен, набожен и весьма сведущ в искусстве управления, а также в совершенстве знает выгоды и планы чужеземцев. При этом он немало времени посвящает чтению книг (насколько это возможно при отсутствии у них литературы) и изучению наук, касающихся природы и политики. Большую часть дня он уделяет совещанию о государственных делах, немалую также размышлению о вопросах веры и богослужения... Довольно редко выезжает он на охоту в поместья, т.е. в загородные дворцы. Посты он соблюдает строже, чем кто-либо, а пост сорокадневный, перед Пасхой, он строжайше соблюдает, добровольно воздерживаясь от употребления даже вина и рыбы. От всяких напитков, а в особенности водки, он так воздержан, что не допускает беседовать с собою того, кто выпил этой водки. В военном деле он сведущ и неустрашим, однако предпочитает милостиво пользоваться победами, нежели учить врагов миру жестокими мерами. Он занимается и благотворительностью и щедро оделяет нищих... Иностранцам, состоящим за жалованье на военной службе, либо приехавшим в Московию для исполнения какой-либо иной Царской службы, он щедро дарит как бы в залог своей милости платья, коней и иные подарки... Это — государь доблестнейший и справедливейший, равнаго которому имеют немногие христианские народы... Кроме того, Алексей так предан набожному образу жизни, что с ним постоянно духовник, без разрешения которого он не посещает даже никаких игр или зрелищ. По внушению последнего и при содействии также покойной царицы он велел вынести дорогие, прекрасной работы органы, находившиеся в главной церкви Кремля, и удалить вообще всякую музыку из храмов»[138]. Я. Рейтенфельс рассказал о царице, ее внешнем виде, образе жизни, положении при дворе; о царских детях,

[137] Там же. С. 10.

[138] *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии (Падуя, 1680 г.) // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел II. М., 1905. С. 73–74.

их воспитании и обучении, наследниках; о бракосочетании царя; об обряде венчания на царство; о выходах царя к народу и т.д.

Член миссии Ордена иезуитов в 1686–1689 гг. Иржи Давид привел в своем донесении состав царской семьи: «В заключение уместно будет перечислить всю ныне здравствующую царскую семью. Всей империей управляют неограниченной властью Иван Алексеевич и Петр Алексеевич, братья от одного отца, но от разных матерей. Их сестры: 1. Екатерина. 2. Мария. 3. Марфа. 4. Софья, которая недавно царствовала. 5. Феодосия. Шестой в семье — царь Иван. Первые пятеро — сестры этого царя как по отцу, так и по матери. 7. Феодора. 8. Екатерина. 9. Царь Петр, царствующий вместе с Иваном. 10. Наталья. Это здравствующие доныне сестры Петра по отцу и по матери, Ивану же и его родным сестрам они сестры от другой матери. Все они имеют свои дворцы и тратят на свое содержание огромные средства из общей казны. Ни одна не решается выйти замуж. За иностранных государей их не выдают и за своих не отдают из-за неравенства положения. Таким образом они сохраняют свою религию и свое, если можно так сказать, варварство»[139]. И хотя сведения о царской семье были не совсем точны, они свидетельствовали, что Иржи Давид их собирал и включал в свое донесение, потому что они представляли несомненный интерес для руководства Ордена.

Безусловно, личность реформатора России царя Петра I представляла огромный интерес для Рима. Член миссии Ордена иезуитов в Москве Франциск Иоанн Эмилиани писал в донесении от 23 июня 1699 г.: «...Пусть другие думают о царе, что угодно, во всяком случае несомненно, что это государь остраго ума; но, к сожалению, он слишком изменчив и, кроме того, погряз в пороках, которым только и мог научиться у Лефорта, так как в добродетельной жизни он не был воспитан... Царь любит любопытныя вещи, но те лишь, которыя касаются войны и фейерверков; о других же вещах, хотя бы и очень умных... вовсе не заботится. Прежде он показывал большую благосклонность к католикам, пока не отправился отсюда путешествовать по другим странам; после же возвращения мы не видели от него ни милостей, ни немилостей, потому что он возвратился с большим нерасположением к католическим священникам, а особенно к иезуитам... И теперь уже в сердце царя мало-помалу увеличивается искорка уважения к нашим церковным службам...»[140]. Через несколько месяцев, 15 декабря 1699 г., Ф.И. Эмилиани вновь писал о Петре I: «...О царе говорят, что кому вздумается, но несомненно, что у него громадныя дарования... это был бы знаменитейший государь и был бы благосклоннейшим к нам, если бы его не окружало столь много ядовитых лиц, которыя всячески противодействуют нашему благу...»[141].

В этом же 1699 г. описанию личности Петра I и царевича Алексея посвятил немало места в своем «Дневнике» Иоанн Георг фон Корб, выпускник иезуитской коллегии в Вюрцбурге, секретарь посольства Священной Римской империи германской нации во главе с Игнатием Христофором Гвариентом. По его словам, «Царь щедро одарен от природы: обладая доблестными качествами души, он управляет

[139] *Давид И.* Современное состояние великой России или Московии // Вопр. истории, № 1. 1968. С. 93.

[140] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 40–41.

[141] Там же. С. 49.

столь умно, что хорошая о нем слава сделала его имя известным почти всему свету; его нравственныя достоинства, так сказать, в колыбели еще обрекли его на царство, сей верх судеб человеческих. Стройный, отличавшийся высоким ростом и прекрасным телосложением, Петр еще в юношестве с живым сложением соединял разум выше своих лет. С этими свойствами он возбуждал всеобщее внимание и привлекал к себе сердца... Петр до такой степени приобрел всеобщее расположение, что и недовольными голосами открыто был предпочитаем своему брату Ивану Алексеевичу... Петр, гордый сознанием своей силы, презирает смерть и всякия опасности... Царь заботится о том, чтобы распространить образование в Московии, столь упорно чуждавшейся онаго в продолжении многих столетий... Всего добраго можно ждать от такого Государя. Москвитяне должны гордиться своим счастием... Супруга Царя, урожденная Любохина (правильно — Лопухина — *прим. авт.*). От брака с нею родился сын Алексей Петрович; этот Царевич, по его отличным природным качествам и врожденным добродетелям, достоин осуществить надежды отца и ему наследовать по всеобщему бесспорному на то согласию...»[142].

10 марта 1697 г. Петр I выехал с великим посольством в Западную Европу (вернулся в Москву 25 августа 1698 г.). Конечно, такое событие не могло остаться и не осталось без внимания Рима, обросло различными предположениями и слухами, в том числе о якобы имевшемся у Петра I намерении заключить унию с Римской католической церковью. Обеспокоенный этими известиями, патриарх Иерусалимский Досифей с тревогой писал Петру I в 1698 г.: «...приехали люди, посланные из аглинской и галанской земли, благовествуя здешнему властительству, яко римский тиран (папа) чрез некоторых своих езувитов писал к здешним своим папистам, яко преславный царь великие Росии побежал с немногими людьми в Англию, а оттуду будет и у него...»[143]. Говоря о римском тиране, патриарх Досифей имел в виду папу Римского Иннокентия XII. Сведения о поездке Петра I по европейским государствам могли поступить в Рим от самых различных источников, тем более что посещение Рима и аудиенция у папы Римского были включены в официальную программу поездки. В данном случае важным являлось не столько содержание этих сведений, которое не скрывалось, сколько их интерпретация и распространение в ущерб Православной Церкви.

Весьма любопытным представляется мнение иезуита Илии Броджио о способах «овладения» царем Петром I, высказанное в донесении провинциалу Ордена иезуитов Иоанну Миллеру от 2 октября 1705 г. из Гродно. Илия Броджио писал: «...я откровенно заявляю, что для этого нужны такие, так сказать, избранные, наделенные всеми необходимыми дарованиями, какие некогда посылались к китайскому императору, потому что нужно овладеть светлейшим царем, а овладеть им можно таким образом: он любит тех, которые отличные практики, сведущи в богословии, астрономии и проч., ибо, если сказать правду, я стал известен при дворе и любим прежде всего за то, что умею рисовать»[144].

---

[142] Дневник Иоанна Георга Корба во время посольства Императора Леопольда I в Московское Государство в 1698 г. и проч. Перевод с Латинскаго Б. Женева и М. Семевскаго // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел IV. М., 1867. С. 240–242.

[143] Цит. по: *Каптерев Н.Ф.* Сношения иерусалимскаго патриарха Досифея с русским правительством (1669–1707 г.). М., 1891. С. 11 (Приложение).

[144] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 130.

Об отношении царя к православию, Русской православной церкви и патриарху Московскому и всея Руси, Римской католической церкви, папе Римскому, другим религиям и вероисповеданиям.

Важнейшие вопросы, ответы на которые позволяли Ватикану правильно понять ситуацию и принять решение. Царь и царская власть с одной стороны, патриарх и духовная власть с другой — это два самостоятельных и одновременно взаимосвязанных объекта разведывательно-подрывных устремлений. А взаимоотношения между ними являлись самым уязвимым местом, тем местом, прицельный удар по которому мог вызвать крайне тяжелые последствия для Московского государства и Русской православной церкви, разрушить, по выражению Н.Н. Воейкова, «симфонию» властей. Достаточно вспомнить отношения между Иваном Грозным и митрополитом Филиппом (XVI в.), между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном (XVII в.) и другие. Причем такой удар мог быть нанесен не обязательно Ватиканом или каким-либо европейским государством, но и самими русскими без видимого участия иностранцев. Ответы на поставленные вопросы могли помочь Ватикану в планировании и осуществлении попыток склонения русских царей к заключению унии с Римской католической церковью.

В 1571 г. из семилетнего плена из Московии бежал дворянин Альберт Шлихтинг, который в исключительно мрачных красках описал политическую обстановку в Московии и личность царя Ивана Грозного. Прочитавший его «Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича» папский нунций в Польше Виченцо дель Портико, собиравшийся в дипломатическую поездку в Московию, немедленно доложил об этом в Рим своей депешей от 19 сентября 1571 г. И эта депеша произвела такое впечатление, что дипломатическая миссия была отменена. И хотя к содержанию «Краткого сказания» А. Шлихтинга следует относиться весьма осторожно, мы приведем небольшую выдержку о религиозности Ивана Грозного. «По отношению к религиозности тирана и его богопочитанию надлежит заметить следующее. Живя в упомянутом Александровском дворце, словно в каком-нибудь застенке, он обычно одевает куколь, черное и мрачное монашеское одеяние, какое носят братья Базилиане, но оно все же отличается от монашеского куколя тем, что подбито козьими мехами. По примеру тирана также старейшины и все другие принуждены надевать куколи, становиться монахами и выступать в куколях, за исключением убийц из Опричнины, которые исполняют обязанность караульных и стражей. Итак, великий князь встает каждый день к утренним молитвам и в куколе отправляется в церковь, держа в руке фонарь, ложку и блюдо. Это же самое делают все остальные, а кто не делает, того бьют палками. Всех их он называет братией, также и они называют великого князя не иным именем, как брат. Между тем он соблюдает образ жизни, вполне одинаковый с монахами. Заняв место игумена, он ест один кушанье на блюде, которое постоянно носит с собою; то же делают все. По принятии пищи он удаляется в келью, или уединенную комнату... Как только он проделает это в течение нескольких дней и, так сказать, воздаст богу долг благочестия, он выходит из обители и, вернувшись к своему нраву, велит привести на площадь толпы людей и одних обезглавить, других повесить, третьих побить палками...»[145]. Жуткая картина.

[145] Новое известие о времени Ивана Грозного. Л., 1934. С. 27.

11–13 июля 1581 г. посол папы Григория XIII к Ивану Грозному Антонио Поссевино опросил в городе Дисне флорентийского купца Джованни Тедальди по интересующим его вопросам о Московском государстве. Сообщенные Д. Тедальди сведения были оценены папским послом как важные, и А. Поссевино результаты опроса отразил в справке, которая была обнаружена в конце XIX в. П.О. Пирлингом в Ватиканском Архиве. В справке говорилось: «На дальнейший вопрос мой, говорил ли ему этот государь что-либо о римской церкви или его святейшестве, названный Тедальди ответил, что 20 лет тому назад Московит показывал ему те самые письма, которые папа Климент писал его отцу, прося для купцов позволения провозить в Персию через Московию шелковые материи… Тедальди заявил потом, что этот государь относился с уважением к Апостолическому престолу: хотя, может быть, одна уже эта просьба папы о торговых сношениях могла вызвать некоторое подозрение в корыстолюбивых замыслах… Относительно латинского языка, знает ли его государь, как мне сообщили другие; он заявил, что нет, и высказал сомнение, чтобы знал и сын государя»[146]. В этой же беседе, говоря о наличии в Москве священнослужителей других религий, «Тедальди сообщил, что ныне нет ни одного еретического проповедника ни в Московии, ни в Нарве»[147]. Об отношении царя и царского правительства к католикам говорит и следующее известие Д. Тедальди: «…в его время (примерно в 1565 г. и ранее — *прим. авт.*)… в городе Москве существовало нечто вроде маленького городка, называемого Наливка, где жили католики, но без церкви; они приезжали в этот квартал с правом продажи вина, пива и проч., что не дозволено самим москвитянам»[148]. В этом известии речь идет об одной из московских слобод, в которой проживали ностранцы.

Сам Антонио Поссевино в донесении папе Григорию XIII так охарактеризовал отношение Ивана Грозного к православию: «Что касается его схизмы, трудно поверить, насколько он ей предан. Он считает ее приемлемой на вечные времена. Мало того, он скорее что-нибудь к ней прибавит, чем убавит… Предвзятое упорное мнение о своей твердости увеличивает его упорство, он думает, что эта схизма будет без трещин»[149].

Уже упоминавшийся выше неизвестный член посольства Александра Рангони в Москву (февраль 1606 г.) писал в дневнике об отношении Лжедмитрия I к патриарху Московскому и всея Руси и архиереям Русской православной церкви: «…Насчет русскаго духовенства Неизвестный прямо утверждает, будто бы царь назначает патриарха и владык по своему собственному усмотрению…»[150]. Заметим, что относительно Лжедмитрия I неизвестный автор не ошибался.

Член миссии Ордена иезуитов в Москве Франциск Иоанн Эмилиани в донесении от 15 сентября 1701 г. подчеркивал: «…Несомненно, однако, что он при всяком случае выказывает нам всевозможное и даже необычайное расположение…»[151]. В этой выдержке речь шла о Петре I и его отношении к иезуитам в сложные годы начала XVIII в.

---

[146] Известия Джиованни Тедальди о России времен Иоанна Грозного // ЖМНП. № 5–6. 1891. С. 133.

[147] Там же.

[148] Там же. С. 132.

[149] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 63.

[150] *Пирлинг П.О.* Из Смутного времени. Статьи и заметки. С. 109.

[151] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 74.

О политической обстановке в Российском государстве, о силах, на которые царь опирается в своей внешней и внутренней политике, об оппозиции.

Говоря о политической обстановке, мы имеем в виду совокупность факторов, характеризующих политическое здоровье (состояние) Российского государства. Прежде всего, это его международное положение, участие или неучастие в войнах и военных конфликтах, военно-политических блоках или союзах с другими государствами. Сюда же следует отнести устойчивость и законность царской власти, характер взаимоотношений царя с боярской думой и влиятельными боярскими и княжескими родами, патриархом и Русской православной церковью, служилым дворянством и купечеством, армией и населением. Наличие оппозиции, ее состав и сила, взаимоотношения с иностранными государствами. Уровень свободы слова и дела, соотношение разрешений и запретов, жестокость или либеральность царской карательной политики. Наличие (отсутствие) заговоров, крестьянских или стрелецких мятежей, бунтов и восстаний, кризисных ситуаций — эпидемий, неурожаев и голода, крупномасштабных пожаров, других социальных или стихийных бедствий. Все эти составляющие политической обстановки в Российском государстве нашли полное отражение в донесениях, отчетах и обзорах, уходивших в рассматриваемый нами период (XVI–XVII столетия) в Рим и другие европейские столицы.

Уже в самом начале XVI в. о сложнейших межгосударственных отношениях Московии с соседними государствами и ее международном положении писал в своем «Доношении» Франческо да Колло. Рассказав, что на земли Московии часто вторгалось Казанское ханство, он продолжал: «Но Московские границы нарушаются сейчас ханом Полевых татар и татар Чагатайских, которые воздерживаются от набегов, если получают подарки и дары; но часто подарки и дары ему предлагает Король Польский и тогда, пренебрегая обязанностями и обещаниями по отношению к Князю, вторгается в его земли и наносит великий ущерб... Татары Ногайские благодаря их большому числу, и потому, что они между собою объединены, мало считаются со своими ближними соседями и нападают то на одного, то на другого... В особенности хан Крымских и Перекопских татар, тесть султана Селима, повелителя турок, граничит с названным Князем Московским и с Королем Польским и оказывает благодеяния то одному, то другому, — в зависимости от дани, какую получает от них... С Запада сей Князь испытывает беспокойство от некоторых областей Швеции, расположенной около Балтийского моря нижнего и охватывающей многие провинции... Эта враждебность объясняется различием обычаев и веры, так как московиты придерживаются греческого обряда, а шведы — римского, почему почитаются католиками... Финляндия находится в море Финском, то есть Залив Вендский, второй рукав того же Балтийского моря, и часто находится в войне с князьями московскими, и сражения почти всегда происходят на льду, так как сие море почти всегда замерзшее. Наконец, среди врагов Князя находятся также две Ливонии, Северная и Южная с Курляндией, которая зависит от Великой Пруссии...»[152]. Франческо да Колло был одним из тех иностранцев, разведывательные или дипломатические донесения и отчеты которых (что, в общем-то, для того времени было одно и то же) открывали перед Римом и всей Европой Московию,

[152] Итальянец в России XVI в. Франческо да Колло. Донесение о Московии. С. 67–68.

далекую, большую и загадочную. В ряду этих иностранцев Паоло Джовио, Сигизмунд Герберштейн, Иоганн Фабри, Паоло Чентурионе и др.

Об отношении к царю Ивану Грозному его подданных подробно сообщил в своем отчете Паоло Кампани, провинциал Ордена иезуитов в Польше, посетивший Московию в 1581–1582 гг. с миссией Антонио Поссевино. Он писал: «По отношению к своему государю угождение и почтение удивительны. Создается впечатление, что некоторые его мнения считаются чуть ли не божественными: они убеждают себя, что он все знает, все может, все в его власти… Ради своего царя они не отказываются ни от какой опасности и по его приказу быстро отправляются туда, откуда, они знают, никогда уже более не вернутся. Они заявляют, что все является собственностью их государя, своим домашним имуществом и детьми они владеют по милости великого князя. Те же, кого здесь называют князьями, находятся в совершенном рабстве, большое число их князь содержит как при себе, так и в войске. И только для того, чтобы исполнить волю государя, они обычно выполняют самые незначительные поручения. Верность и покорность этого народа делают более понятной жестокость их царей, которые вдруг приказывают убивать самых знатных людей и самого почтенного возраста или наказывать их палками, как рабов… Они настолько привязаны к князю, что не испытывают к нему никакой неприязни и не бранят за глаза; напротив, когда представляется случай, прославляют милосердие князя, пространно хваля его. Столь большого влияния у народа государи добиваются более всего показным благочестием. Нынешний правитель Московии, Иван Васильевич, говорят, еще ночью поднимается, чтобы идти к заутрене, ежедневно бывает на дневном и вечернем богослужениях… Кроме того, ежедневно он кормит около 200 бедняков, которым каждое утро дает по деньге (это четверть динария), а к вечеру дает по два ковша пива. Все это настолько застилает глаза народу, что он либо совсем не видит пороков своих правителей, либо прощает их и истолковывает в лучшую сторону»[153]. П. Кампани находился в Старице (царской резиденции) недолго, и его записи основаны как на рассказах приставов и принимавших посольство бояр и дьяков Посольского приказа, так и на личных наблюдениях за поведением ближайшего царского окружения.

Антонио Поссевино дополнил донесение П. Кампани по всем составляющим, в том числе и по оценке политической обстановки в Московии. Он писал: «…Многих погубила чума, о которой никогда до этого времени не было слышно в Московии из-за очень сильных здешних холодов и обширных пространств. Многочисленные войны, казни многих тысяч людей (даже знатных), постоянные набеги татар, сожжение ими 12 лет тому назад столицы (к этому можно прибавить постоянные победы короля Стефана в течение последних 3-х лет) довели князя до такого состояния, что его силы можно считать не только ослабленными, но почти подорванными. Известно, что иногда на пути в 300 миль в его владениях не осталось уже ни одного жителя, хотя села и существуют, но они пусты. В самом деле, ровные поля и молодые леса, которые повсюду выросли, являются свидетельством о ранее более многочисленных жителях; впрочем области, расположенные к северу от Москвы, имеют весьма значительное число людей, так как не испытывают набегов татар и

---

[153] Сведения о России конца XVI в. Паоло Кампани // Вестн. МГУ. Серия IX. История. № 6. 1969. С. 82.

обладают более здоровым климатом»[154]. И несколько слов об отношении подданных к царю: «Князю все оказывают такой почет, который едва можно представить в помышлении. Они часто говорят (если даже так и не думают), что их жизнь, благополучие и все остальное дарованы им великим князем. По их мнению, все приписывается милости божьей и милосердию великого царя, то есть короля и императора, как они называют своего князя. И под палками, и чуть не умирая, они иногда говорят, что принимают это как милость»[155].

О движении Московии на восток и войнах с соседями А. Поссевино сообщал: «При наступлении на Казань ему (как мне рассказывал польский король Стефан) легко было захватить город при помощи медных пушек, так как татары не знали ни оружия, ни осадных орудий такого рода. Отсюда московский князь начал завоевание Астрахани, известного восточного рынка, расположенного у Каспийского моря в устье реки Волги, которая была столицей второй татарской орды (т.е. царства). Он отодвинул границы своих владений на 300 миль от Астрахани до черкесов. Эти черкесы населяют горы близ Каспийского моря, их владения раньше простирались до границ Персидского царства... С тех пор он хранит с ними такую дружбу, что эти его соседи только его и считают государем, потому что он является для них как бы покровителем... Существуют еще ногайские татары. В этом году, как обычно, они вторглись во владения московского князя, но, умилостивленные подарками, ушли. С союзниками турок, крымскими татарами, населяющими Херсонес Таврический, от которых, как от сильных противников, он терпел много поражений и опасался еще больших, он заключил мир, потому что был занят войной с Польшей. Поэтому, когда я уезжал из Москвы, столицы Московии, он говорил мне, что не сможет поднять оружия против татар вместе с польским королем Стефаном, так как со дня на день ожидает своих послов и великое посольство татарского хана, с которым он заключает мир, уже скрепленный печатью обоих государств. Что же касается Ливонии, то срок перемирия, заключенного с ливонцами на 50 лет (на что предки этого государя согласились из-за того, что их войско было почти все перебито под Псковом при ливонском магистре Плетенберге), был нарушен в 50 г. нынешнего века. Московский князь оправдывает это разными доводами: и тем, что ливонцы не выполнили условий договора, и тем, что храмы, в которых московиты в Дерпте и Ревеле исполняли церковные обряды по русскому обычаю, были разрушены лютеранами (однако это нечестивое дело было приписано католикам). Поэтому он и объявил им войну... Обо всем этом я писал в той записке, которую совсем недавно отослал из этой страны к вашему святейшеству»[156]. Посредническая миссия А. Поссевино заключалась в том, чтобы погасить военно-политический конфликт между Московией и Польшей, между Иваном Грозным и Стефаном Баторием, а затем добиться согласия Ивана Грозного на участие в совместных военных действиях против Турции и Крымского ханства. Поэтому его донесения из Московии и Польши полны сведений о столкновениях польских и российских войск, об обстановке в войсках, о содержании и эффективности дипломатических переговоров и т.д., что давно приобрело хрестоматийную известность, и мы об этом говорить здесь не будем.

---

[154] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 42.

[155] Там же. С. 47.

[156] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 41–42.

14 февраля 1634 г. под Смоленском был подписан позорный для Российского государства договор о капитуляции русского войска и передаче польской стороне русской артиллерии и пленных. Акт подписали командовавший русскими войсками боярин Михаил Борисович Шеин и его заместитель окольничий Артемий Васильевич Измайлов, а от Речи Посполитой великий гетман Литовский Януш Радзивилл. Так бесславно закончилась т.н. Смоленская война 1632–1634 гг., хотя Поляновский мир был заключен только 4 июня того же года Конечно, Рим интересовало развитие военно-политической обстановки в связи с событиями под Смоленском. Об этом 26 февраля 1634 г. из польского лагеря под Смоленском Адам Казановский (подкоморий коронный) направил донесение в Рим кардиналу Козимо де Торрес (в 1621–1622 гг. он являлся папским нунцием в Польше, в 1623–1642 гг. кардинал-протектор в Польше). В донесении говорилось: «U nas wszystko idzie pomyślnie. Sein, najwyższy wojsk nieprzyjacielskiech dowódzca, wyzuty z obozu, prosił o pokój i przyjąć musiał warunki jakie mu król przepisał… 108 dział, wielką moc broni ręcznej, obóz jak był uzbrojony oddał. Chorągwie u stóp królewskich naprzód składali, potem odbierali. Poczem król jako wybrany w. xiąże moskiewski ruszył z wojskiem ku stolicy tego państwa. Słychać że ma za sobą znaczną część ludu moskiewskiego, mówią także że zostawiwszy przy wojsku brata swego Kazimierza, sam na sejm do Wilna powróci. Moskwa ofiarowała Turcyi 200 000 czerwonych złotych węgierskich, i wszystkie koszta wojenne zwrócić obiecała. Mają Moskale swego posła w Turcyi, Turcy podobnież swego w Moskwie…»[157] (У нас все идет как задумывалось. Шеин, наивысший командир неприятельского войска, просил о мире и обещал принять условия, которые ему предписал король… 108 орудий, множество ручного оружия, отдал весь вооруженный лагерь. Знамена сначала сложили у ног королевских, потом собрали. Король, как избранный великий князь московский, тронулся с войском к столице того государства. Слышали, что значительная часть московских людей за себя, говорят также, что, оставив с войском своего брата Казимира, сам повернул на сейм в Вильно. Москва отдала Турции 200 000 золотых червонцев венгерских, и обещала возвратить всю военную добычу. Москали имеют своего посла в Турции, турки также своего в Москве…). Короткое, но емкое донесение, дававшее пищу для размышлений.

Восстание под предводительством Степана Разина (1670–1671) не осталось незамеченным. Очевидец его казни в Москве (6 июня 1671 г.), эмиссар Ватикана Яков Рейтенфельс, писал: «Ужасный образец необыкновенного рода казни мы видели в Москве примененным к Стеньке, т.е. Степану Разину, взбунтовавшемуся казаку. Этого изменника ввезли в город прикованным цепями к виселице, на возвышении, точно в триумфальной колеснице, так, чтобы все его видели. За колесницей следовали беспорядочной толпой солдаты и пленники, улицы все были заполнены невероятным количеством зрителей, которых отовсюду привлекло из домов, одних — необыкновенное зрелище или негодование, а многих даже и сожаление. В темнице его били кнутом, жгли огнем, капали ледяную воду на голову и подвергали еще многим другим утонченным пыткам… Когда, наконец, они (с братом — *прим. авт.*) на четвертый день прибыли оба на место казни, то последний, пообещав указать Царю клад, зарытый им где-то вместе с братом, Стенькою, и которого, де, никто не най-

[157] Relacye nuncyuszów apostolskich i innich osób o Polsce od roku 1548 do 1690. S. 186.

дет, если он его не укажет, получил взамен смерти пожизненное заключение в темнице. А Стенька, выслушав сперва длинный перечень своих преступлений и смертный приговор, во всеуслышание объявленный судьею, перекрестился, лег на смертную плаху… А дабы предупредить волнения, которых Царь опасался со стороны уцелевших случайно заговорщиков, площадь, на которой преступник понес свое наказание, была по приказанию Царя окружена тройным рядом преданнейших солдат, и только иностранцы допускались в средину огороженного места, а на перекрестках по всему городу стояли отряды войск»[158]. Восстание под предводительством Степана Разина и его казнь вызвали большой резонанс в Европе. Газеты печатали многочисленные сообщения, зачастую недостаточно достоверные. Интересно, что некто Иоганн Юстус Марций, находившийся в Москве в 1668–1672 гг., 29 июня 1674 г. в Виттенберге даже защитил магистерскую диссертацию о восстании в Московии под предводительством Степана Разина[159]. Риму и заинтересованным европейским монархам нужна была информация о событиях в Московии, из которой можно было бы сделать вывод о дальнейшем развитии обстановки. Свидетельства Я. Рейтенфельса, очевидца, хоть и немного запоздавшие, представляли интерес.

Неотъемлемым спутником государственной власти во все времена являлась оппозиция, такой же институт государства, как и власть. Есть власть, есть оппозиция ей. Нет власти, нет и оппозиции. В Московском государстве у царей и царствующих династий оппозиция была всегда. И всегда оппозиция ставила своей целью захват высшей власти, не разрушая при этом само государство. Наша история по самую макушку заполнена примерами кровавой борьбы царей с оппозицией. В то время власть не понимала, что уничтожить оппозицию нельзя, и ставила задачу полного и обязательно устрашающего ее уничтожения. Власть тогда не понимала, что исчезновение с политической сцены оппозиции будет одновременно означать и исчезновение власти. Никто из царей уничтожить оппозицию не смог. Именно из оппозиции взошли на царский трон Василий Иванович Шуйский, Михаил Федорович Романов, в недрах оппозиции родились многие заговоры конца XVII–XVIII вв. Оппозиция русским царям всегда интересовала Запад: насколько она сильна (наличие верных войск, финансовых средств и т.д.), кто лидеры, причины их оппозиционности, отношение к европейским государствам (наличие с их стороны поддержки), отношение к православию и католицизму, какова политическая программа. В числе лидеров оппозиции можно было найти подходящие кандидатуры для исполнения тех или иных ролей на политической московской сцене. Конечно, работа с оппозицией доставляла много хлопот, нужно было постоянно лечить оппозиционеров от страха перед властью, поддерживать советами, морально и золотом. Но игра стоила свеч. Собственно говоря, Запад и русская оппозиция — это такая тема, которая заслуживает отдельного тщательного исследования.

Говоря о причинах зарождения оппозиции, Я. Рейтенфельс отметил: «Действительно, относительно Московских Князей мнение таково, что презренная доступность и обилие средств у знати есть та стена, из-за которой ныне сильные борются с царями, и что обилие преимуществ у немногих есть зловредное семя, повод к со-

[158] *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии (Падуя, 1680 г.). С. 118–119.

[159] *Буганов В.И.* Разин и разинцы. М., 1995. С. 316–317.

блазну и источник мятежа, и напротив, если народу по милости Князя предоставляется одна только цель, достигнуть которой никто не может иначе, как через смирение, то всем дается возможность просто и легко идти по правому пути»[160]. Далее Я. Рейтенфельс рассказал о тех мерах, какие принимают цари для предупреждения возникновения оппозиции: «...они не позволяют своим подданным ни путешествовать, ни вступать в брак с чужеземцами, ни, наконец, заниматься науками и искусствами ради умственного развития и нравственного совершенства; в довершение к сему запрещается еще кому бы то ни было спорить о вере или обращаться с речами к народу в церкви. Итак — священники держат в Московии народ в убеждении, что Царь ничего не делает помимо воли Божией, и что повинующийся до конца жизни своей приказаниям Царя непременно будет угоден Богу. С той же целью князьям и боярам московским приказано постоянно пребывать во дворце, а члены наиболее влиятельных семей обыкновенно разлучаются или высылаются в отдаленные области под видом оказания им чести. Наконец, справедливость князя в особенности, частая перемена должностных лиц и расположенные по всему государству военные стражи до такой степени упрочивают московский престол, что всем ясно, в какой степени и Россия опирается на Платоновское благоустройство»[161].

Хрестоматийным событием в истории Российского государства стал стрелецкий мятеж 1682 г., получивший название «Хованщина», и приведший на 7 лет к власти правительницу Софью при малолетних царях Иване и Петре Алексеевичах. «Хованщина» и другие события восьмидесятых годов XVII столетия (например, заговор царевны Софьи) явились грозным политическим водоразделом между старой, боярской Россией, и Россией новой, Россией Петра.

Интереснейшее донесение о кардинальных изменениях в политической обстановке в Москве после смерти царя Федора Алексеевича (27 апреля 1682 г.) ушло 20 сентября 1682 г. из Москвы в Варшаву, к папскому нунцию Франческо Мартелли. Правда, в это время пост нунция занимал уже другой человек, Опицио Паллавичини, титулярный архиепископ Эфесский. Видимо, автор донесения, личность которого, кстати, не установлена, не знал о произошедших изменениях в руководстве польской нунциатуры (это донесение было найдено и опубликовано в 1829 г. во Флоренции Себастьяном Чьямпи). Донесение, видимо, не являлось какой-нибудь очередной депешей в Варшаву, сообщающей о последних событиях в Москве. Судя по содержанию документа, хронологическим границам и историческим отступлениям, его следует отнести к небольшому аналитическому обзору текущей политической обстановки, подготовленному по указанию папского нунция. О чем же сообщал неизвестный автор?

В документе рассказывается о восхождении к власти Артамона Сергеевича Матвеева и женитьбе царя Алексея Михайловича на его родственнице — Наталье Кирилловне Нарышкиной; пребывании А.С. Матвеева на посту фактического главы правительства; неуемном гневе и безграничной зависти бояр в этой связи; смерти царя Алексея Михайловича и восшествии на престол Федора Алексеевича; отправлении А.С. Матвеева в ссылку; смерти Федора Алексеевича и возвращении А.С. Матвеева

[160] *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии (Падуя, 1680 г.). С. 101–102.

[161] Там же. С. 102.

из ссылки; стрелецком мятеже и приходе к власти правительницы Софьи при малолетних царях Иване и Петре Алексеевичах. В конце документа автор сообщал: «Этот бунт продолжался целую неделю. Все Бояре удаляются бегством из столицы за 30 или более миль: имущества и сокровища их перешли в руки бунтовщиков… Хованский избран главою бунтовщиков, он ходит, окруженный ими отовсюду, охраняемый многочисленною вооруженною стражею: они называют его отцом, а он называет их детьми… Князь Василий Васильевич правит всеми Государственными делами. Стрельцы, еще не усмиренные, толпами ходят по городу, врываются в дома, выпивают все, какое там есть вино, с согласия хозяина, не столько произвольного, сколько вынужденного. Оба Царевича, как бы бежавшие из Троянского пожара, с тетками, сестрами и Софиею выбыли из столицы в Коломну, отстоящую оттуда на 7 миль, не возвращаются в столицу, не смея ввериться буйным Стрельцам… Башкирцы и Калмыки разбойничают и грабят под Казанью… За подлинное утверждают, что перехвачены письма от Короля Польского, посланные в Запорожье и Сечу…»[162]. Стрелецкий мятеж начался 15 мая 1682 г., Иван и Петр Алексеевичи провозглашены царями 23 мая, царевна Софья провозглашена правительницей 29 мая, князь и боярин Иван Андреевич Хованский казнен 17 сентября того же года. Так что документ был написан в промежутке от конца мая до середины сентября 1682 г. Заметим, что Модест Петрович Мусоргский посвятил «Хованщине» одноименную оперу.

Донесение, как мы видим, весьма емкое, содержало важнейшие сведения о кризисных событиях в истории России, взаимоотношениях между членами царской семьи и их сторонниками, о непримиримой борьбе за власть. Донесение позволяло ориентироваться в дальнейших событиях, приведших к пресечению попытки государственного переворота в 1689 г. Судя по его содержанию, автор являлся проживавшим в Москве иностранцем католического вероисповедания, он был хорошо информированным человеком, имевшим знакомства в ближайшем царском окружении. Может быть, автором являлся проживавший в Москве в 1682–1684 гг. член Ордена францисканцев, миссионер Шиман (Симон)?

Весьма важными являлись сведения о бывших и действующих фаворитах, об отношении к ним царей. Уже известный нам Августин Майерберг писал в 1662 г. о фаворитах царя Алексея Михайловича: «Любимцы у него непрочны, не только по общему пороку всех Дворов, по которому положение любимцев, следуя непрочности всех человеческих дел, всегда шатко и легко рушится в прах от всякого, хоть бы и слабого, удара, но и потому еще, что это люди без твердых оснований в какой бы то ни было добродетели, укрепившись на которых громоздкое здание Государевой милости стоит прочно, поддерживаемое заслугами»[163]. А. Майерберг собрал подробные сведения о царском тесте, боярине Илье Даниловиче Милославском, об окольничих Федоре Михайловиче Ртищеве и Богдане Матвеевиче Хитрово, о князе Юрии Ивановиче Ромодановском.

Член миссии Ордена иезуитов в Москве Иржи Давид сообщал в 1689 г. об отношении царя Петра I к фавориту царевны Софьи, всесильному в то время боярину и

---

[162] Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича // ЖМНП. Май. СПб., 1835. С. 79–82.

[163] Путешествие в Московию Барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, Послов Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, в 1661 году. С. 167.

князю Голицыну Василию Васильевичу, фактическому главе правительства: «Вернувшегося Голицына царь Петр лишь после многих просьб со стороны вельмож допустил к аудиенции. Он его всегда ненавидел, то ли из-за сестры Софьи, именем которой он правил, то ли из-за пышности, которую тот соблюдал, или из-за зависти его врагов, которые накаляли Петра»[164]. Конечно, получив такие сведения, отношение к В.В. Голицыну нужно было сразу корректировать.

Стрелецкие или крестьянские мятежи, бунты и восстания не были чем-то редким или необычным для России. Миссионер Геральд сообщал 23 сентября 1698 г. иезуиту Франциску Дубскому о тревожном, кризисном событии в политической жизни Российского государства — еще одном стрелецком бунте и его жестоком подавлении. Он писал: «В то время, как мы праздновали наш праздник пятидесятницы, пришло печальное известие о бунте стрельцов, из которых одна часть уже приближалась к Москве, а другие намеревались явиться из Казани и Астрахани, соединившись с Яицкими казаками. Тотчас было послано против них войско, которое однако не решалось далеко отходить от города из боязни, чтобы единомышленники стрельцов не произвели возмущения в городе, за что уже несколько стрельцов и принималось. Накануне св. Троицы (храмоваго праздника нашей церкви) мятежники были разбиты, благодаря, главным образом, разумным и быстрым действиям нашего генерала Гордона. Первейшим намерением стрельцов было истребить совершенно немцев и их Слободу... Теперь можно видеть виселицы, увешанныя мятежниками. Недавно и казаки понесли заслуженное наказание...»[165].

Существенным штрихом к описанию политической обстановки могут служить сведения о положении иностранцев в Немецкой слободе. Упомянутый миссионер Геральд писал в этом же донесении: «...Не говорю о татарах, которых здесь масса, и все это по большей части люди с добрым сердцем. У них в Слободе есть свои идолы, вроде китайских, насколько можно судить по их изображению. Другие из татар почитают шкуру белаго коня, иные говорят, что почитают великаго ламу, о котором разсказывают тоже, что говорится в китайских книгах; иные — магометане, подобно тому, как и живущие здесь турецкие и персидские купцы. Умалчиваю об армянах, которые принадлежат то к несторианам, то к диоскорианам, то к яковитам. Есть здесь даже абиссинцы. Они приходят сюда с товарами через Персию или из Турции по морю. Они также несториане. Не говорю и о других более близких татарских странах. Мордвины, например, хотя и находятся очень близко, но до сих пор остаются язычниками, как и все народы, живущие по северному пути. И при таком изобилии (духовной) рыбы нельзя протянуть рук, чтобы взять ее!»[166].

О государственном устройстве Российского государства, судопроизводстве, действующих административно-правовых режимах. Государственное устройство, судопроизводство, административно-правовые режимы — это тот, образно говоря, корсет, в котором держится и существует любое государство. Если этот «корсет» разрушить, государство в прежнем виде существовать уже не сможет, и станет легкой добычей или внутренней оппозиции, или внешних сил в лице

[164] *Давид И.* Современное состояние великой России или Московии. С. 127.

[165] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 7–8.

[166] Там же. С. 5.

заинтересованных европейских государств. Именно поэтому вопрос о прочности «корсета», следовательно, о прочности государства, так интересовал и Вену, и Варшаву, и Рим, и Стокгольм, и Копенгаген, и другие столицы. Донесения иностранцев, посетивших Московское государство в XVI–XVII столетиях, полны сведениями по этому вопросу.

Рафаэль Барберини включил в свой отчет некоторые сведения об управлении государством: «Часто государь имеет обыкновение посылать своих дворян, которые там называются боярами, на жительство из одной земли в другую, из другой в третью, и так далее; особенно теперь, когда взял он под свою власть столько земель, как то: Литву, Полоцк и Смоленск, куда уже многих он выслал из богатейших бояр, под тем предлогом, чтоб получше радели об этих землях, и хорошенько присматривали, не допуская, чтоб мог быть нанесен какой-нибудь вред тому краю… Везде, по всему своему государству, управлять какою-нибудь страною посылает он одного из упомянутых бояр с титулом воеводы; и они, в обыкновенных делах, какие там встретятся, поступают самоуправно, но чуть дела поважнее, они должны уже доносить о том двору, то есть в Москву. В этой земле шестьдесят восемь домов, называемых у них избами, в которых держится суд и расправа по гражданской части всего края, поэтому каждый из этих домов и имеет в своем ведении столько же приписных городов и селений, которых жители прибегают к ним в своих нуждах, и тягаются без посредничества доверенных или стряпчих, но всяк по себе приучается доказывать свои права…»[167]. Обратим внимание, что Рафаэль Барберини указал на функционирование в Москве шестидесяти восьми домов (изб), тех государственных учреждений, которые уже через несколько десятилетий станут приказами и составят царское правительство.

После возвращения в 1662 г. из Москвы в Вену Августин Майерберг писал об участии царя Алексея Михайловича в управлении государством, о боярской думе и царском правительстве (приказах): «Великие Князья всегда имеют при себе Думу, но многие из них обыкновенно спрашивали ее мнения только для вида, чтобы свалить с себя на нее ненависть за сделанную ими несправедливость. Алексей превосходно идет по следам и распоряжаясь всем по своему произволу или, лучше, думая распоряжаться, потому что, осаждаемый и проводимый своими любимцами, либо совсем не знает положения дел, либо видит его под прикрытием обмана тех же любимцев. В мою бытность в Москве Думу составляли около 13 Бояр, 30 Окольничих, 7 Думных Дворян; все они, принадлежа к знатному сословию, сидели в этой Думе, а трое Думных Дьяков, из простого звания, должны были стоять. По произвольному распоряжению Царя, между этими советниками разделены все заботы о каких бы то ни было делах Царства, относящихся как к общественному, так и частному положению подданных. Потому что, так как в Москве учреждено 33 главных правительственных места, называемых Приказами, то к ним, как первостепенным учреждениям, по предписанному распоряжению, принадлежат все дела, касающиеся правосудия, казны или войны. В каждом из них, а иногда и во многих, председательствует один из этих советников: он заведывает с полною властию делами, подлежащими его судопроизводству, и дает окончательные приговоры с большею или меньшею прибавкою к своему родовому имуществу, так что сам бывает оцен-

[167] Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. С. 8–9.

щиком степени своей благосклонности. Так Царь, сохраняя за собой всю полноту Царской власти, делает вид, что некоторую часть ее передает своей Думе, отсылая просьбы народа на рассмотрение ее членов. В каждом Приказе должность секретарей исправляют особенные Дьяки: каждого из них Великий Князь всегда обыкновенно наряжает в товарищи своим послам к иноземным Государям»[168]. Конечно, эти сведения заслуживали внимания.

Севастьян Главинич подтвердил в своем отчете, что «Царь и Великий Князь Московский, которому имя Алексей Михайлович, правит означенною громадою земель самодержавно, властвует и управляет один, как бы по произволу»[169]. Августин Майерберг дополнил своего секретаря: «...верховная власть Московских Государей скорее власть господ над рабами, нежели отцов семейства над детьми, то подданные не признают отца в своем царе и не оказываются детьми к нему. Их покорность вынуждена страхом, а не сыновним уважением. Потому-то, когда страха нет или он поисчезнет, покорность упрямится и брыкается; хотя немилосердный господин и свирепствует над спинами всех их тем же кнутом, что и над Боярскими, при всем том, если палач уберет кнут, они, точно собаки, встряхнувши спиной после побоев, продолжают по-прежнему упрямиться... Мне думается, что упрямая и непокорная славянская природа, возбуждаемая бурливыми парами ежедневно выпиваемой водки, делает строптивыми Москвитян...»[170].

Яков Рейтенфельс посвятил рассказу о самодержавном образе правления царя целую главу: «Власть Московского Царя до того не стеснена никакими законами и до того самоуправна, что справедливо может считаться равною, если не превосходящей, царской власти древних Ассирийцев и Греков и современных Турок, Персов и Татар... Царь имеет не только полнейшее право издавать и отменять законы, заключать и нарушать союзы и мирные договоры, назначать и удалять чиновников, уменьшать и увеличивать налоги, но располагает вполне жизнью и смертью своих подданных и их имуществом... Самая же Царская власть вполне наследственна и составляет достояние Царской семьи, причем всегда наследуют сыновья, старшие или младшие, смотря по желанию родителей. Прочие члены семьи не могут никоим образом, основываясь на близком родстве, захватить себе власть, так как воле умирающего Царя предоставляется, следуя весьма похвальному обычаю, передать из рук в руки царский скипетр. Из этой власти проистекают и эти многочисленные и пышные прозвания — Великого Государя, Царя, Самодержца, Отчича и Дедича. Единственная цель, к которой единодушно стремится все русское государство, это — исключительно слава Царя, выгода его и благостояние, которая и достигается крайней суровостью и поддерживается строжайшими законами. Поэтому равным образом и все подданные, дабы знали, что меж ними нет никакого различия друг от друга, никогда не допускаются слишком близко к Царю, не пользуются освобождением от повинностей или какими-либо преимуществами, никогда, нако-

[168] Путешествие в Московию Барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, Послов Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, в 1661 году. С. 166–167.

[169] Севастиан Главинич о происшествиях Московских 1661 г. С. 5.

[170] Путешествие в Московию Барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, Послов Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, в 1661 году. С. 116.

нец, не могут разбогатеть»[171]. Эти слова перекликаются с приведенными выше словами Я. Рейтенфельса о способах борьбы царей с оппозицией.

Уже известный нам Иржи Давид сообщал в своем донесении о структуре царского правительства, о главных приказах или, по его выражению, куриях. «Первый приказ — посольский, в котором решаются дела иностранцев. Второй — сибирский, где ведутся дела, касающиеся этого обширнейшего царства. Третий — общий над всеми, назыаемый «разряд», в котором решаются общие дела империи. Четвертый — дворцовый приказ, в котором разбираются дела знати. Пятый — стрелецкий, в котором разбираются главные военные дела. Но поскольку войско очень большое и не все может доходить сюда, этот приказ делится на много других, разбросанных в разных частях города. Шестой — казанский приказ, где решаются дела этого царства. Седьмой — новгородский, где ведутся дела, относящиеся к Великому Новгороду. Восьмой — Устюжской области. Девятый — каменных дел, где разбираются дела кирпичников и камнетесов. Десятый — холопский, где разбираются дела холопов, имена которых здесь записываются. В царском дворце, кроме того, еще есть приказ казны (царская казна), где хранятся все деньги, серебро, золото, драгоценные камни, изделия из камней и все, сюда относящееся. В приказе тайных дел ведутся все секретные дела, которые сохраняются в строжайшей тайне. Приказ сытовный, где принимаются все напитки, отправляемые для царского стола: мед, водка, вино, пиво»[172]. Иржи Давид не смог в полной мере разобраться в структуре правительства, но такая попытка была сделана, и о результатах он доложил.

Но Иржи Давид сообщал не только структуре правительства. Ему удалось составить своего рода «табель о рангах» для 1689 г., ценнейший документ для любой разведывательной службы, который сразу нацеливал разведчика на выбор из общей массы царских подданных тех из них, которые могли обладать нужной информацией. Именно среди этих людей разведчику нужно было искать тех, кто согласится оказывать информационные и иные услуги иностранному государству в ущерб своей Родине. Составляя «табель о рангах», в которуюлоооо вошли 33 позиции, И. Давид проявил завидное терпение и целенаправленность. Далеко не каждый русский мог знать то, что входило в этот документ, и далеко не от первого встречного И. Давид мог получить и получил эти сведения.

Иржи Давид писал: «Степени же достоинства следующие: 1. Великие князья. Они или происходят от царского древа, или имеют свои земли в других царствах, но по известным причинам отдали себя под покровительство Москвы... 2. Бояре и князья. Они происходят от самих царей и занимают высшие должности в государстве. Таковым был князь Голицын. 3. Просто бояре, примерно равные нашим графам. Из них многие стоят во главе городов, войска и занимают другие видные дожности. 4. Малые князья, примерно равные нашим баронам. 5. Царские кравчие, это должность одна из самых высоких. 6. Окольничие, как бы каштелланы. Эти тоже имеют большую власть, и многие из них командуют гарнизонами и городами. 7. Спальники, это как у нас камерарии. 8. Стольники, которые прислуживают царям за трапезой. Для этих двух должностей берутся обычно боярские сыновья. 9.

[171] *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии (Падуя, 1680 г.). С. 100–101.

[172] *Давид И.* Современное состояние великой России или Московии. С. 92–93.

Думные дворяне. Это придворные советники, лица особого достоинства. 10. Младшие стольники. Для этой должности используются сыновья знати. 11. Думные дьяки. Это советники-писари, подобные нашим асессорам трибуналов. 12. Городовые дворяне, примерно равные нашим рейтарам… 13. Полковники, которым подчинено определенное число воинов. 14. Головы стрелецкие — капитаны стрельцов, то есть пешего войска. Достоинство их большое… 15. Стряпчие царского двора — эти ведут все дворцовые дела, примерно таким образом, как наши придворные секретари. 16. Дьяки приказные — писари приказов, которые ведут в приказах дела. Они пользуются большим уважением. 17. Подьячие из приказов, или канцеляристы. 18. Подьячие гостиной сотни. Это купцы и негоцианты, которые ведут торговлю с иностранцами, например, с персами, китайцами, армянами, вывозят к ним товары и другие ввозят. Эти очень богаты. 19. Подьячие всяких чинов. Это всевозможные купцы, ведущие различные торговые дела. Их в Московии очень много. 20. Подьячие всех приказов постоянно занимаются писарскими делами. Их также огромное число. 21. Сотники и пятидесятники. Это офицеры, командующие сотней или полусотней воинов… 22. Солдаты, они среди воинов самые почетные, из них также выходят знать и офицеры. Их несколько тысяч, и живут они в одном месте близ Москвы, называемом Бутырск. Здесь они занимаются ремеслом и земледелием, получая также жалованье от царя. Они его первые стражники. 23. Драгуны — это вторые в ряду воинских достоинств, за которыми следуют рейтары. 24. Протазанщики — это те, которые несут впереди полка копья и иконы… 25. Пушкари, на которых возложена забота о пушках. 26. Стрельцы. Пешее войско, которое между собой делится еще на различные разряды. 27. Сытники царские, ведают царскими напитками. 28. Царские подключники — это царские привратники. 29. Царские повара. 30. Царские истопники — и эти по своей должности пользуются почетом. 31. Подьячие площадные. Эти писари обычно сидят на площадях и на улицах, и приезжие просят у них свидетельств ради безопасности. 32. Приставы, которых придают в качестве провожатых послам при их прибытии и отъезде. 33. Переводчики. Их очень много, более и менее высоких по достоинству»[173]. Конечно, и в этом документе есть свои погрешности, но и такой он являлся прекрасным целеуказателем для разведчика.

Паоло Джовио отметил в 1525 г.: «Законы во всем царстве у них просты и основаны на величайшем правосудии государей и самых справедливых людей, а потому весьма спасительны для народов, так как их нельзя истолковать и извратить никаким крючкотворством стряпчих. Воров, убийц и разбойников они казнят смертию. Производя расследование над злодеями, они обильно поливают на виновных холодной водою, спуская ее с высоты; по их словам, этот род мучения невыносим»[174]. Заметим, что эта запись сделана со слов Д.Д. Герасимова, российского дипломата, который, во-первых, не так уж хорошо был знаком с законодательством, и, во-вторых, он по поручению великого князя Василия III Ивановича доводил до западных слушателей выгодные для Московского государства сведения, то есть о чем-то умалчивал, что-то говорил, а что-то приукрашивал.

[173] *Давид И.* Современное состояние великой России или Московии. С. 93–94.

[174] *Джовио П.* Книга о московитском посольстве // Все народы едино суть. С. 496–497.

Рафаэль Барберини непосредственно побывал в Москве и у него сформировалось иное представление о правосудии в Московском государстве: «Что же касается до правосудия, то не следуют они Бальдовым или Бартолевым законам, но, как угодно государю, так и решается суд; отчего часто бывает, что один за безделицу предается на съедение медведям, и отнимается все у него имущество, тогда как другой, хотя бы и в чем большем провинился, о том даже и не говорится!»[175].

Яков Рейтенфельс писал о законах Московии: «По принятии христианства Владимир первый написал кое-какие законы, и с тех пор по мере того, как являлась надобность, вновь составлялись последующими царями новые весьма полезные законы. Из них весьма важны: собрание законов Ивана Васильевича, разбор постановлений Флорентийского собора с строжайшим осуждением Исидора, правила Иоанна митрополита и вопросы некоего Кирилла к Нифонту, епископу Новгородскому. Все эти отдельные законоположения Алексей Михайлович приказал в 1647 году, значительно добавив, собрать и привести в лучший порядок и напечатать под заглавием Соборное Уложение, т.е. постановления соборов. Здесь все точно изложено: вопросы о вере и о духовных лицах, о судопроизводстве, о должностных лицах, о разграничении земель и о разных сословиях подданных»[176]. Этот основополагающий законодательный акт представлял большой интерес. Обратим внимание, что за десять лет до этого Августин Майерберг (1612–1688), посол императора Священной Римской империи германской нации Леопольда I, в период нахождения в Москве (с 24.05.1661 по 3.05.1662 г.) поступил более радикально — он не стал делать из него выписки, а раздобыл полный экземпляр «Соборного Уложения царя Алексея Михайловича» и вывез его в Вену. Там «Соборное Уложение» было переведено и использовано для последующего анализа и оценки системы управления Московским государством, судейской системы, порядка выезда в другие государства, особенностей комплектования российской армии и т.д.

Адольф Лизек, секретарь посольства Священной Римской империи германской нации, побывавший в Москве с 4 сентября по 7 ноября 1675 г., в своем донесении рассказал и о действовавшем в Московском государстве судопроизводстве. «Для уменьшения и предотвращения преступлений, правосудие преследует виновных со всей строгостью: многим рубят головы, некоторых вешают, ссылают в ссылку и содержат в тюрьме. Положение узников по справедливости стоит сострадания: их сковывают по два, так что правая нога одного сковывается с левой рукой, а левая нога с правой рукой другого, а сзади к ним прикрепляется тяжкая свинцовая гиря. Им не дают ни постелей, ни подушек, а спят они в деревянных засадках, выкопавши для себя берлоги; питаются тем только, что получают от сострадания проходящих, высунув руки через отверстия, или просят милостыни... Государственных преступников в Московии рассекают на части, воров вешают, других преступников наказывают по мере вины. Задолжавших большие суммы секут розгами, и, если не уплатят своих долгов, отдают их кредиторам на отработку. Кто курит или нюхает табак, тому рвут ноздри и наказывают, как преступников...»[177]. Собранные А. Лизеком сведения относились к 1675 г., ког-

[175] Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. С. 8.

[176] *Рейтенфельс Я.* Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии (Падуя, 1680 г.) // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел II. М.,1905. С. 102–103.

[177] Статистическо-географическое описание российского государства в начале XVII столетия. Адольф Лизек. Донесение о посольстве // ЖМНП. № 11. СПб., 1837. С. 383–384.

да по всей стране еще продолжался розыск участников восстания под предводительством С.Т. Разина, а впереди начинали прорисовываться трагические события восьмидесятых годов XVII в.

Огромное неудовольствие иностранцев вызывали действовавшие в XVI–XVII столетиях режимы въезда и выезда через государственную границу, передвижения по Московии и через Московию в другие государства, проживания в столице и других городах. Эти режимы имели преимущественно ограничительный, запретительный характер и относились практически ко всем иностранцам, находившимся в Московии временно. Требования режима по отношению к постоянно проживавшим в Московии иностранцам (купцы, военные наемники, специалисты и др.) были не такими жесткими. Даниил Принц писал: «Никто не въезжает в Московию, чтобы об этом не было донесено Великому Князю; если кто-нибудь прибудет без дозволения, тот подвергает себя величайшим опасностям и некоторым образом задерживается как пленник до тех пор, пока не узнают точнее, какое он имеет намерение»[178]. Он же отмечал: «Итак, хотя нам доставляли все необходимое в довольном количестве, однако так как мы имели в своих домах много стражи, которая от нас никогда не отходила, но была свидетельницею всего, что делалось, так как никоим образом не дозволялось писать что-либо к Императорскому Величеству, или послать кого-либо из своих, то нам казалось, что нас держат как пленников»[179]. Папский легат Антонио Поссевино писал через несколько лет: «...хотя послам, какого бы высокого ранга они ни были, в городе Москве предоставляется обширное помещение, оно огорожено со всех сторон таким высоким забором, что оттуда невозможно ни увидеть каких-нибудь домов, ни вообще с кем-нибудь разговаривать, ни даже вывести коней на водопой»[180]. Подобные негативные суждения о режиме высказывали очень многие приезжавшие в Москву дипломаты, как в XVI, так и в XVII столетиях.

Важной составляющей раздела о действовавших в Московском государстве административно-правовых режимах являлись сведения об оперативном режиме, то есть о тех мерах, которые предпринимались царским правительством для выявления и пресечения разведывательно-подрывной деятельности иностранных государств. Разведчики и агенты Рима, действовавшие в Москве под различными «крышами», эмиссары, члены миссии Ордена иезуитов, как мы увидим, прекрасно понимали, что некая часть их деятельности так или иначе войдет в противоречие с местными законами и руководящими документами Русской православной церкви. А это было чрезвычайно опасно. Можно было оказаться или в какой-либо тюрьме, или в ссылке в Сибири или на Кавказе, самым легким наказанием могло стать выдворение за пределы Московского государства. Подобное развитие событий срывало выполнение поставленных перед ними задач, что было крайне нежелательно, а применительно к миссии и компрометировало саму идею ее размещения в Москве, да еще после таких титанических объединенных усилий со стороны Рима, Вены и Варшавы, чтобы получить разрешение на ее открытие. Кроме того, подобное развитие событий представляло непосредственную угрозу личной безопасности для любого человека, действо-

[178] Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии. М.: ИОИДР, 1877. С. 73.

[179] Там же. С. 51.

[180] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 25.

вавшего в интересах Рима и совершившего противоправные действия. Что касается миссии, то ее при наличии оснований могли закрыть в любое время. Поэтому заинтересованным лицам весьма важно было знать те правовые, информационные и территориальные границы, внутри которых они могли действовать безопасно для себя и своих заданий, и те возможные наказания, которые могли последовать в случае выявления царскими властями их правонарушений, то есть предумышленного выхода за границы допустимого. Заинтересованным лицам было крайне важно знать, и эти сведения были бы бесценными, каким оперативным инструментарием пользуется царское правительство при организации и осуществлении наблюдения за нахождением иностранцев на территории Московского государства и их деятельностью. Эти знания позволили бы придумывать и использовать на практике специальные ухищрения по обходу стороной предпринимавшихся государством мер и введению государства в заблуждение относительно своих планов и действий. Другими словами, знание мер царского правительства находилось в одной связке с разработкой Римом (и их союзниками) контрмер по обеспечению безопасности и эффективности собственной деятельности в Московском государстве.

Весьма показательными и профессиональными являются рекомендации по этому вопросу, предложенные эмиссаром Ватикана Яковом Рейтенфельсом конгрегации «Пропаганда Веры» в 1674 г. Вот как он рекомендовал отбирать исполнителей: «Лица, которых угодно будет послать в Московию, должны быть, прежде всего, прирожденными Итальянцами и не только опытны в общении с людьми и всесторонне образованны, но также должны знать хорошо Славянский и Польский языки, а, в особенности, архитектуру, гидравлику и различные применения законов физики, мало того, — они должны также уметь торговать...»[181]. И далее: «... лишь одна скрытность доставит им всюду и всегда полную безопасность... Пусть они по возможности подробнее разузнают от купцов, с которыми им придется совершать свое путешествие, о товарах, привозимых в Московию и вывозимых оттуда, дабы никому не подать повода к заподозрению их... Пусть они ни под каким видом, даже и не пытаются брать с собою священные облачения и церковную утварь, или что-либо иное, могущее навлечь подозрение... Ибо тут как на войне, нельзя два раза ошибаться... пусть они неустанно пишут подробнейшие письма, как касательно политики, так и всего того, что будет делаться в Москве, приняв, однако, следующую меру предосторожности, именно: писать скрытно, пользуясь какой-нибудь торговой, или иной какой, тайнописью, дабы не выдать тайны, если письма, по приказанию Царя, будут вскрываться...»[182]. И еще одна важная рекомендация: «Удобными средствами для сего (тайного приезда в Московию — *прим. авт.*) могло бы быть: 1) Отъезд туда и пребывание там под видом торговцев. 2) Приехать туда в качестве врачей, аптекарей, зодчих, мастеров рудного дела, художников...»[183]. Как мы видим, Я. Рейтенфельс в своих рекомендациях говорит о подборе исполнителей, чтобы они были итальянцами, владеющими славянским или польским языком, чтобы они были какими-либо техническими специалистами и умели торговать, об эки-

[181] *Пирлинг П.О.* Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса. С. 16.

[182] Там же. С. 17, 19, 20.

[183] Там же. С. 23–24.

пировке, о скрытности в деятельности и применении тайнописи в переписке, о различных «крышах» и т.д.

Вопросы обеспечения собственной безопасности и секретности переписки из-за применения царским правительством перлюстрации корреспонденции присутствовали во многих донесениях членов миссии Ордена иезуитов в Москве.

Миссионер Геральд обеспокоенно писал 23 сентября 1698 г. иезуиту Франциску Дубскому: «Из Москвы (до сих пор) нельзя было писать, потому что это весьма не безопасно, и в перехваченных письмах взвешивается всякое слово»[184]. 23 июня 1699 г. член миссии Франциск Иоанн Эмилиани вновь вернулся к этой теме: «До сих пор ничего нельзя было написать вашему преподобию о нашей миссии, потому что небезопасно было писать. Пакет самого господина посла был распечатан, неизвестно, здесь ли, или в Польше, поэтому нельзя было доверить письма даже и посольской оказии»[185].

Интересное письмо отправил 15 декабря 1699 г. член миссии Франциск Иоанн Эмилиани: «Причиной дальнейшаго затем молчания были козни здешних людей, которые всячески подстерегали мои письма, потому что надеялись, вероятно, открыть в моих письмах к г. Гвариенту Бог знает какия вещи. Согласно уговору, я отправил к сказанному господину три письма (которыя мог бы читать весь свет). Дошли ли они все к нему, до сих пор нельзя было узнать, поэтому я до сих пор не мог решить, можно ли мне было откровенно писать и к вам…»[186]. Приведенные выдержки говорят о том, что члены миссии достоверно знали о перлюстрации их корреспонденции царскими властями и о возможных негативных последствиях, которые могли наступить, если бы в содержании писем было выявлено что-то противоречащее российским законам. Поэтому Ф.И. Эмилиани и провел эксперимент с направлением трех совершенно безобидных писем в Вену к известному царским властям императорскому дипломату Игнатию Христофору Гвариенту (И.Х. Гвариент возглавлял императорское посольство и находился в Москве с 19 апреля 1698 по 12 июля 1699 г.). Эти безобидные письма, с одной стороны, должны были успокоить царские власти, убедить их в благонамеренности члена миссии, и с другой, проверить «проходимость» его корреспонденции от Москвы до Вены. Вторым участником эксперимента (адресатом и получателем корреспонденции) был известный Москве иностранный дипломат, что, с одной стороны, повышало интерес Москвы к этой корреспонденции и переводило эксперимент в режим боевой работы, а с другой, быть может, предостерегало Москву от излишних запретительных действий. Хотя последнее, если соответствовало действительности, попахивало наивностью в размышлениях миссионера, так как в XVI–XVII столетиях в подобных случаях Москва руководствовалась только своими государственными интересами.

Разумеется, для обеспечения секретности содержания корреспонденции члены миссии стали использовать ухищрения — шифрование текста донесений, адресование входящей в Москву корреспонденции не на имя членов миссии, а на имя проживавшего в Москве итальянского купца Гуаскини (в приведенном ниже отрывке он назван Франциском Карповичем). Как мы выше уже говорили, фактически купец Гуаски-

[184] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 1.

[185] Там же. С. 16–17.

[186] Там же. С. 45.

ни использовался миссией в качестве почтового ящика. Обратите внимание на то, что писал миссионер Геральд 23 сентября 1698 г. иезуиту Ф. Дубскому: «Сообщаю вашему преподобию три алфавита для того, чтобы вы ими воспользовались, когда вам будет возможно и угодно написать сюда. Такой способ корреспонденции выбран г. послом и считается самым безопасным. Благоволите вложить письмо в конверт и надписать: Славнейшему и милостивому господину Франциску Карповичу, моему милостивейшему покровителю, в Москве, в немецкой Слободе, и внизу прибавить: в иноземскую Слободу и проч...»[187]. Совершенно очевидно, что миссионер Геральд рекомендовал Ф. Дубскому сразу три различных шифра, предложенных послом И.Х. Гвариентом в период пребывания в Москве. Остальные рекомендации мы уже прокомментировали.

В конце этого же письма миссионер Геральд высказал серьезное беспокойство по вопросу использования полученной из Москвы корреспонденции, опасности ее разглашения перед болтунами: «Я написал здесь много такого, о чем не желал бы, чтобы ваше преподобие сообщали другим без разбору, потому что, вы знаете, есть много болтунов, которые разсказывают дела без всякой осторожности. Сохрани Бог, если что-либо из написаннаго здесь дойдет сюда, хотя бы то в виде слуха, тогда бы моя жизнь была в опасности... написал я вашему преподобию все это потому, что посылаю это письмо не по почте, но с верной оказией, и, так как ваше преподобие будете прибегать к ней с великою осторожностию, то, без сомнения, будете наблюдать и в самых письмах ко мне те предосторожности, о которых я просил прежде, и будете пользоваться вышеописанным алфавитом не иначе, как прилагая всегда ответ, что будто бы вы отвечаете на математический вопрос или сообщаете какое-нибудь искусство... Печатью же пользуйтесь только чужой, а никак не своею, которая бы выдала нас, потому что самая корреспонденция с человеком вашего ордена может причинить немалую беду...»[188]. Из дополнительных мер для обеспечения безопасности канала связи миссионер Геральд назвал избирательное ознакомление заинтересованных лиц с поступившей из Москвы информацией; использование курьеров («верной оказии») для доставки корреспонденции; опечатывание конвертов только печатями лиц, не связанных с Орденом иезуитов.

Супериор миссии Иоанн Берула писал 11 января 1701 г. о мерах по засекречиванию корреспонденции: «Да удостоит ваше преподобие сообщить мне тем же условным языком, каким писано предшествовавшее письмо, новости, какия вы сочтете достойными сообщения»[189].

Тема борьбы с оперативными мерами царского правительства, тема обеспечения безопасности канала связи миссии с иностранными корреспондентами оставалась актуальной в переписке 1701 и последующих годов. Эти примеры мы не приводим, так как они находятся за пределами хронологических рамок нашего рассказа).

О внешнеполитической деятельности Российского государства, дипломатическом протоколе.

Внешнеполитическая деятельность Российского государства находилась в сфере постоянного внимания Рима. Рим интересовало все — союзники и враги Мо-

---

[187] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 13.

[188] Там же. С. 15–16.

[189] Там же. С. 60.

сквы, участие Москвы в военно-политических союзах и войнах, отношения с другими государствами, приезды в Москву иностранных дипломатических миссий и содержание переговоров, направление российских дипломатических миссий за рубеж и с какими целями, копии важных государственных дипломатических документов и т.д. Разумеется, на первом месте стояли отношения Москвы с Польшей, Турцией и Крымом, Швецией и Священной Римской империей германской нации.

Рафаэль Барберини писал о дипломатическом протоколе: «Говоря здесь о послах, не могу промолчать, как вообще дурно поступают с ними в этом крае; подлинное варварство! Во-первых, должно знать, что, когда они прибудут в эту землю, несколько дней задерживают их областные правители, пока не дадут о том знать двору и не получат оттуда разрешения. Потом, когда получится ответ, что можно их представить, придаются им для конвоя разные бояре, которые везут их туда, не дозволяя, впрочем, говорить им ни с кем дорогою. По прибытии в Москву, отводится им особый дом, куда приставляется стража, дабы никто из них, даже последний их служитель, не мог оттуда выйти, и не дозволяется им ничего покупать для их удобства, кроме необходимого для жизни. К тому же не только им самим не дозволяется выходить за покупками, но даже запрещено, чтобы никто и из тамошних жителей не смел к ним приходить на дом, что-нибудь продавать, разве только оскорблять их и делать им всякие неприятности. И таким образом должны они, пока не получат аудиенции, оставаться у себя взаперти с месяц или около того, смотря как заблагорассудится государю. Потом же, когда захочет он дать им аудиенцию, предварительно извещают их о том, за день до приема; между тем государь отдает приказание собраться в назначенный и положенный день всем своим дворянам и боярам, в длинных своих одеждах, наподобие венгерской, с серебряными и золотыми пуговицами, из разных шелковых материй и золотой парчи, подбитых разными, у кого собольими, у кого куньими, горностаевыми, рысьими и другими мехами; в своих высоких меховых, из соболя или серой лисицы, шапках, украшенных пуговицами, жемчугом и тому подобным, и в разноцветных сапогах, на манер турецких, но подкованных металлическими гвоздиками. И вот большая часть этих дворян и бояр наполняют огромнейшую залу, где все они сидят; а подле этой залы находится, еще гораздо обширнее той, другая зала, где восседает сам государь на весьма высоком, о трех или четырех ступеньках, троне, обитом золотою парчою. У самого же его на голове золотая корона, кругом осыпанная драгоценными каменьями, и опушенная, также как у бояр, но самым дорогим и самым черным собольим мехом; одежда на нем, тоже длинная до самых пят, из золотой парчи и с пуговицами, величиною с небольшое яйцо, но из чистого золота, и осыпанными жемчугом и каменьями; сапоги у него, тоже цветные, с острыми, кверху загнутыми носками до половины ноги, и подбитыми сверх того, небольшими серебряными гвоздиками; а в руке у него серебряная вызолоченная трость, наподобие епископского жезла. И в этой же самой тронной, только поодаль от него, сидят везде, кругом, более двухсот человек знатнейших бояр, одетых как нельзя богаче. Когда все таким образом приготовится, несколько назначенных государем придворных отправляются из дворца, в богатых одеждах, верхом на прекрасных конях, в парадных разноцветных сбруях; прибыв в посольский дом, берут послов с собою и везут их, тоже верхом, но на самых скверных и убранных в самую дурную сбрую лошаденках, во дворец; тут шагов за

тридцать или за сорок от дворца и заставляют их, из чванства, слезать со своих кляч и идти пешком. И таким образом вводят их, по одиночке, одного за другим, пред светлые очи государя, к которому приближаются они, делая пред ним поклоны; государь простирает им руку для целования, потом приказывает переводчикам спросить у них, от какого государя присланы. Они отвечают, и удовлетворив на вопрос, подносят привезенные с собою подарки, которыя принимая, он благодарит их, и тогда обращается с вопросом о здравии их государя; наконец приглашает их, того же утра, откушать с ним… Всему, что здесь сказано, я был сам очевидцем…»[190]. Красочный и информативный рассказ, который, надо думать, был с интересом прочитан в Ватикане. Не менее красочно Рафаэль Барберини рассказал и о посещении царем обедни, а затем и собственном посещении званого царского обеда во дворце.

Вокруг вакантного королевского трона в Польше всегда было много желающих его занять. Император Священной Римской империи германской нации Максимилиан II очень хотел посадить на польский трон своего сына эрцгерцога Эрнеста и для получения поддержки в этом вопросе Москвы направил в 1575 г. к Ивану Грозному посольство в составе Иоанна Кобенцеля и Даниила Принца. С 22 по 29 января 1576 г. посольство находилось в царской резиденции в Можайске, после чего вернулось на родину. И. Кобенцель писал архиепископу Николаю Дражковичу: «…не подлежит сомнению, что Московский Государь (как и сам он обнаруживает), весьма желает союза с Цесарским Величеством, с Его Святейшеством, с Королем Католическим (Испанским) и с другими Христианскими Государями, и нет сомнения в том, что к этому желанию подвигло его само Небо. И хотя (что прежде, в самом деле, походило на правду), некоторые писали, что Москвитяне весьма неприязненны к нам, последователям Римской Церкви; тем не менее, могу я сказать, что этого теперь вовсе нет…»[191]. Стефан Баторий, коронованный на польский престол 1 мая 1676 г., крепко запомнил, что Иван Грозный отверг его кандидатуру и поддерживал другого претендента.

В 1574–1578 гг. папским нунцием в Польше являлся епископ Мондовийский Винченцо Лаурео (назначен нунцием папским бреве от 1 июня 1573 г.). Период его нунциатуры совпал с весьма кратковременным пребыванием на польском престоле француза — короля Генриха Валуа (с февраля по июнь 1574 г.), отсутствием короля (1574–1576), избранием короля Стефана Батория (коронован 1 мая 1576 г.). Обстановка была сложная. Учитывая, что царь Иван Грозный предпринимал некоторые дипломатические шаги, чтобы быть избранным на польский королевский престол, Рим интересовало, как будут далее развиваться отношения между Москвой и Варшавой после избрания королем Стефана Батория. Получив ответ на этот вопрос «с собственных слов короля», нунций В. Лаурео писал в донесении от 15 апреля 1578 г. из Варшавы: «…Король сказал мне откровенно, что если или налоги сполна будут утверждены, или состоится общее ополчение, то он не согласится на перемирие, а объявит войну, и что он не думает о непосредственном возвращении Ливонии, так как это было бы труднее, но имеет виды на столицу царства, т.е. город Москву, и доказывал мне, что такое предприятие весьма легко, если только он возьмет прежде две крепости — Полоцк и Смоленск… Взяв, следовательно, упо-

---

[190] Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. С. 13–15.

[191] Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века // ЖМНП. № 9. 1842. С. 130–131.

мянутыя крепости, которыя находятся на небольшом расстоянии от Москвы, он легко успеет овладеть и Москвою... Итак, вследствие этого он завладеет Ливонией и отомстит за жестокость и надменность царя, к которому он чувствует величайшую ненависть, так как этот царь никаким образом не хочет называть короля братом, а только соседом, говоря, что король не происходит, подобно ему, от княжеской крови»[192]. Благодаря В. Лаурео Рим весьма заблаговременно узнал о предстоящей войне между Польшей и Россией (Стефан Баторий объявил войну Российскому государству в июне 1579 г.), которая была закончена через несколько лет с посредническим участием легата папы Григория XIII, видного иезуита Антонио Поссевино. Получив донесение В. Лаурео, Рим не стал вмешиваться в намерения Стефана Батория, не стал предотвращать войну, а занял выжидательно-одобрительную позицию — а вдруг получится. Рим отреагировал только на посольство Ивана Грозного во главе с Истомой Леонтием Шевригиным (о миссии Антонио Поссевино мы еще будем говорить в последующих главах).

13 октября 1585 г. папский нунций в Польше епископ Камеринский Иероним ди Бовио докладывал в своей депеше государственному секретарю Ватикана Джироламо Рустикуччи о прибывшем в Москву посланнике Турции[193]. Это было очень важно — а вдруг Московия заключит какое-либо соглашение с Турцией и все планы Рима вовлечь Московию в военно-политический союз против Турции рухнут. Этого нельзя было допустить, это противоречило геополитическим планам Рима, это было опасно.

В этом же году к императору Рудольфу II в Прагу прибыло российское посольство во главе с Лукьяном Захарьевичем Новосильцевым. Приставом к нему был назначен Даниил Принц (в 1576 и 1578 гг. приезжал в Москву с дипломатическими миссиями), который вместе с Иваном Вацлавом, дворянином эрцгерцога Австрийского Эрнста, и Иоанном Вайсом, императорским секретарем, 15 марта 1585 г. в беседе с российским послом выяснили ряд вопросов о Московии и ее отношениях с некоторыми соседними странами. В частности, об обстановке в Казани и Астрахани, т.е. на путях в Персию и другие страны Востока; о Сибири и реке Оби; об отношениях Московии с Ногайской ордой и Крымским ханством; о заключенном перемирии с Польшей; об отношениях с Персией и Турцией. На все вопросы Л.З. Новосильцев дал ясные ответы, о чем подробно написал в статейном списке посольства. К этому статейному списку мы вернемся в главе, посвященной разведке Сибири и путей в страны Востока. Заметим, что основной интерес был проявлен к отношениям Московии со странами Востока (включая Турцию) и безопасности транспортных путей в эти страны. Любопытно заметить, что в Ватиканском архиве хранятся «Выписки, касающияся до Московскаго народа, из Дневника сейма 1573 г. для избрания Короля Польскаго, писанныя Даниилом Принцом, находившимся при том сейме»[194]. Документ датирован 20 апреля 1573 г. Обратите внимание — в 1573 г. Даниил Принц собирает сведения о Московии и русских в Польше, у поляков, депу-

[192] *Вержбовский Ф.* Отношения России и Польши в 1574–1578 годах, по донесениям папского нунция В. Лаурео. С. 234–235.

[193] Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т. II. С. 7.

[194] Там же. С. 244–247.

татов сейма и непосредственно на сейме. В 1576 и 1578 гг. за этими же сведениями он уже едет в Москву, а в 1585 г. опрашивает прибывших в Прагу российских дипломатов о Сибири и путях через Московию и Сибирь в богатые страны Востока. Перед нами предстает профессиональный разведчик, обеспечивавший собранными разведывательными сведениями как императора Священной Римской империи германской нации, так и Рим.

12 мая 1627 г. папский нунций в Польше Джованни Баттиста Ланчелотти сообщил в Рим кардиналу Антонио Барберини тревожную весть — царь Михаил Федорович и король Швеции Густав II Адольф внесли изменения в договор о российско-шведских отношениях, и эти изменения прямо касались польской короны — царь обещал шведам нарушить договор о перемирии с Польшей. Разве эти сведения не являлись архиважными для Рима и для Польши? Напомним, это были годы общеевропейской тридцатилетней войны, и Россия стояла на пороге своего неудачного вступления в войну с Польшей (составную часть войны тридцатилетней), получившую название Смоленской[195].

Примером постоянного интереса Рима к отношениям между Москвой и другими государствами может послужить также и донесение папского нунция в Польше Джакомо Кантельми от 18 мая 1689 г. В этом донесении он сообщил в Рим об условиях, на которых Москва может согласиться на заключение мира с Турцией: «...Прежде всего, чтобы Порта убрала татар с Крыма и перевела их в Анатолию. Во-вторых, чтобы Москве был уступлен Азов, лежавший в устье Дона. В-третьих, чтобы Турция отдала Москве крепости Асламкермен и Казыкермен, построенные на двух берегах Днепра одновременно с Очаковым, или разрушила их. В-четвертых, чтобы Турция возвратила Москве всех невольников. В-пятых, чтобы Турция возместила Москве военные расходы в сумме 2 миллиона венгерских дукатов...» («...Naprzód, aby Porta wyprowadziła z Krymu Tatarów, i przeniosła ich do Anatolii. Powtóre, aby ustąpiła Moskwie miasta Azowa, leżącego przy ujściu Donu. Potrzecie, aby jej oddała dwa zamki Aslamkiermen i Kazikiermen, zbudowane na dwóch brzegach Dniepru wraz z Oczakowem, lub je zburzyła. Poczwarte, aby jej zwrótiła wszystkich niewolników. Popiąte, aby zapłaciła za koszta wojenna dwa milione dukatów węgierskich...»)[196]. Условия эти были подготовлены Москвой на основе неверной оценки результатов Крымских походов. Тем не менее, донесение представляло для Рима очень большой интерес, так как на некоторое ближайшее время определяло направленность российской дипломатии в отношениях с Турцией и государствами, участниками антитурецкого союза, а также объективно давало возможность без особых погрешностей спрогнозировать дальнейшее развитие российско-турецких отношений.

Член миссии Ордена иезитов в Москве Иржи Давид писал в своем донесении о внешнедипломатическом ведомстве российском: «Самый главный приказ тот, который называется посольским. В нем разбираются все дела иностранцев и все тяжбы первостепенной важности. Здесь иностранцев также судят и подвергают аресту. Во главе этого приказа стоит высший из царских министров. Сюда приходят почти ежедневно многие чиновники-иностранцы, чтобы выразить начальнику свою по-

[195] Там же. С. 208.

[196] Relacye nuncyuszów apostolskich i innich osób o Polsce od roku 1548 do 1690. S. 550.

корность и почтение и высказать, если есть у них какие-нибудь предложения. В этом приказе аккуратно записаны имена всех иностранцев, чтобы никто не мог сбежать. Здесь также от приезжающих требуют подорожную. Тут же хранятся письма иностранных правителей, если их не нужно было непосредственно представить царям, и здесь ведутся дела с послами. Сюда доставляются от почтаря все письма, прибывающие в Москву, до того, как их переписывают и отсылают за ее пределы, и из-за этого получается, что многие письма разглашаются и искажаются... Кроме того, есть еще особый дом для послов, просторный и вмещающий много семей, весь каменный. Туда заезжает всякий, кто прибывает сюда в звании посла или посланника. Здесь разрешено также бесплатно жить резидентам... В нынешнем году там находятся четыре министра иностранных государей. Первый — резидент и посланник пресветлейшего короля Польши. Он теперь живет в посольском доме. Второй — комиссар шведского короля. Третий — комиссар Дании. Эти двое живут здесь уже много лет как местные граждане, занимаются купеческими и другими делами, опекают и поддерживают лютеран, за которых вступаются перед высшим приказом, если в этом бывает надобность. Четвертый — резидент голландцев, тоже здесь уже много лет, имеет свой дворец в Немецкой слободе. Его обязанность — опекать находящихся здесь голландцев и продвигать их дела. Из остальных правителей никто не держит здесь своих министров. Для католического дела было бы большой поддержкой, если бы августейший цесарь, по крайней мере во время войны против турок, имел здесь также своего министра»[197]. Иржи Давид прямо указал на правительственное учреждение, которое осуществляло перлюстрацию корреспонденции — Посольский приказ. Согласно его донесению (на день выдворения из Московского государства), в 1689 г. в Москве находились резиденты следующих государств: Польши — это Юрий Доминик Довмонт; Швеции — Христофор фон Кохен (Кох); Дании — Генрих Бутенант фон Розенбуш; Голландии — Иоганн Вильгельм фон Келлер.

Иржи Давид также писал о царском титуле: «Всякий раз, когда кто-нибудь допускается приветствовать царей или обращается к ним с речью, от своего ли имени или от имени каких-либо правителей, то всегда приветствию или речи предшествует титул. Их два, малый, или более краткий, и большой, или полный... В этот титул вписывалась также Софья, сестра названных царей, таким образом: после Петра Алексеевича, "и благоверная Великая государыня царевна и великая принцесса Софья Алексеевна!". Но поскольку она вследствие недавнего переворота лишена власти, ее вычеркнули и из титула».[198] Текст обоих царских титулов нами опущен. Иржи Давид отметил в донесении только-только происшедшее изменение в титуле — удаление из титула имени царевны Софьи, покровительствовавшей в предыдущие годы католическим миссионерам.

О царском титуле, его изменениях в XVI и XVII столетиях написано много. Напомним только, что в дипломатических сношениях и внутренней жизни Московского государства того времени он играл исключительно важную роль. За отказом Рима или какого-либо европейского государства написать в грамоте полный цар-

[197] *Давид И.* Современное состояние великой России или Московии. С. 94.

[198] Там же. С. 131.

ский титул в установленной Москвой редакции, как правило, следовал отказ царских послов брать такую грамоту (например, отказ Пола Мензиса взять грамоту от папы Климента X в сентябре 1673 г.) с последующим нарушением межгосударственных отношений. Царский титул довольно часто присутствовал в донесениях, но не менее часто или Рим, или Вена (Прага), или Варшава не хотели писать требуемый титул и даже отказывались называть российского царя-самодержца царем или его величеством. Споры на эту тему продолжались даже и в XVIII в. Мы не будем приводить примеры написания царских титулов, обратим ваше внимание только на то, что Рим самым серъезным образом изучал этот вопрос. В частности, в 1670 г. было подготовлено «Разсуждение о титуле Царя, давать ли оный Государю Московскому от Папы Климента X...»,[199] а в декабре 1671 г. аббат Скарлати высказал мнение, чтобы титул царя был все-таки дан государю Московскому[200].

Рим интересовали и изменения в российском дипломатическом протоколе. Миссионер Геральд так сообщал о первой аудиенции у царя Петра I в донесении от 23 сентября 1698 г.: «Светлейший царь возвратился к нам 1 сентября по новому стилю, милостиво дал аудиенцию господину послу, даже снял шляпу, где и мы — императорские и в то же время папские миссионеры сами передали царю (чего до сих пор не делалось) свои верительныя граматы, которыя я завернул в красную шелковую материю; потом мы были допущены к целованию руки. На следующий день царь устроил в нашей слободе большой пир, и пожелал, чтобы на нем присутствовал и господин посол...»[201]. Как мы видим, миссионер Геральд в своем донесении рассказал о существенных изменениях в российском дипломатическом протоколе, касающихся приема иностранных дипломатических миссий.

Историческая составляющая политического информационного блока.

Для Рима, как и для любого другого европейского государства, желавшего иметь более полное представление о Московии, историческая составляющая политического информационного блока имела очень большое значение, являлась необходимой. Уходившие на многие десятилетия назад события и их действительные (или вымышленные) участники позволяли выстроить причинно-следственные связи между прошлым и будущим, попытаться разобраться в настоящем и сделать осторожную попытку спрогнозировать будущее. Сведения о прошедших событиях с минимальной вероятностью ошибки выводили иностранных разведчиков на реальные и мощные оппозиционные царствующей династии силы. И эти силы, то есть боярские роды Курбских, Воротынских, Бельских, Шуйских и другие сразу становились предметом разведывательного интереса европейских государств. Какой монарх не мечтал иметь в запасе (на так называемый черный день) реального претендента на царский трон, претендента послушного и располагающего сильной поддержкой в Московии? Отношения между участниками давних событий находили свое выражение в устных рассказах, летописях и архивных государственных документах. Владевший русским языком иностранец мог почерпнуть из них много

[199] Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т. II. С. 224.

[200] Там же. С. 232.

[201] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 8.

сведений о войнах, жестокой и кровавой борьбе за власть, ее участниках, жертвах и победителях, родословной царей и крупных боярских и княжеских родов.

Иностранный разведчик мог получить сведения исторического характера разными способами: или путем выведывания нужных сведений у информированных царских сановников из интересующих его боярских и княжеских родов; или эти сведения передавались иностранцу кем-либо из царских сановников инициативно, быть может, в качестве доказательства своей родовитости и заслуг перед государством, или претензий на более высокое положение в боярской думе, при царе или даже на царский престол. Известны даже случаи, когда иностранцы допускались к русским летописям, книгам и государственным архивным документам непосредственно по царским распоряжениям.

В своем обзоре «Московское посольство» папский легат Антонио Поссевино сообщил, что по приказу Ивана Грозного он был ознакомлен с архивными материалами об отношениях между Россией и Польшей. А. Поссевино писал: «...великий князь прислал Поссевино все архивные материалы и государственные документы, чтобы тот, хотя и находится как бы на положении слуги, однако имел бы представление о фактах»[202]. В шестидесятых годах XVII в. с разрешения царя Алексея Михайловича эмиссар Ватикана Паисий Лигарид получил для ознакомления несколько старых книг из царского книгохранилища.

Историческая составляющая нашла свое выражение в обзорах, отчетах и книгах, авторами которых были Франческо да Колло, Паоло Джовио, Иоганн Фабри, Сигизмунд Герберштейн, Даниил Принц, Марко Фоскарини, Антонио Поссевино, Паоло Кампани, Яков Рейтенфельс и другие.

Военный блок. В XVI–XVII столетиях Ватикан (Папская область) ни разу не находился в состоянии объявленной войны с Российским государством, но в одни периоды оказывал финансовую и моральную поддержку военному противнику России Польше, в другие, наоборот, выступал посредником в прекращении военных действий между этими же государствами. Тем не менее, преобладающими факторами, влиявшими на отношения между Ватиканом и Москвой, были, пожалуй, следующие: во-первых, неверие в возможность военной победы над Российским государством; во-вторых, стремление использовать именно мирные отношения для склонения русских царей и Русской православной церкви к заключению унии с Римской католической церковью; и, в-третьих, стремление использовать Российское государство, его военную и экономическую мощь, в борьбе с Турцией и Крымским ханством. Поэтому Ватикан постоянно и целенаправленно собирал сведения о вооруженных силах Московского государства, их структуре, численности, командном составе, обученности и готовности к участию в военных действиях, вооружении, обеспечению продовольствием, лошадьми и телегами и т.д.

Как сообщал в 1519 г. Франческо да Колло, «Сей князь может поставить под ружье около 400 тысяч конников, по большей части лучников, а также других — ко-

[202] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 199.

пьеносцев и владеющих саблями, при весьма малых расходах, ибо они воюют не по найму, но из любви, уважения, страха и подчинения, и обильное питание является для них единственной наградой»[203]. Для средневековых европейских государств численность российской армии была фантастической, запредельной. Да и в отличие от европейских армий, российская была не наемная, а воевала «из любви, уважения, страха и подчинения». Франческо да Колло хорошо понимал ценность этих сведений.

Известный нам Паоло Джовио писал в 1525 г. о вооруженных силах Московии: «Что касается войска, то, в случае грозящей войны или объявления ее врагам, оно все собирается как из испытанных уже воинов, так и вновь набранных по областям. Военные начальники осматривают во всех городах молодежь и зачисляют в ряды воинов всех, пригодных к службе; в мирное время им выплачивают из областной казны определенное, но незначительное жалованье. Зато несущие воинскую службу пользуются свободой от податей, имеют преимущество над поселянами и во всех делах сильны царским покровительством»[204].

Рафаэль Барберини, посетивший Москву в 1565 г., несколько дополнил эти сведения: «Весь ее народ, как я уже сказывал, употребляется в государеву службу на время войны; даже, смотря по их происхождению и образу воспитания, они считаются обязанными к тому и полагают еще за счастье, когда государь употребляет их на службу; почему стоит ему только повелеть, и тотчас явятся тысячи охотников исполнить его волю, которых, когда идут на войну, он созывает во дворец, и там раздается всем им казенная одежда: каждый из них получает два кафтана из разноцветного сукна, на меху и без меха, которые только и принадлежат им, когда у них на плечах...»[205]. Упомянул он и о численности войска: «...я сам был свидетелем, в декабре месяце, как Московский государь выступал в поход с сорока тысячами конницы, набранной из Москвитян и Татар, а за ними ехало четыре тысячи саней, нагруженных провиантом и амунициею, да еще позади войска шло триста коней, выбранных из табуна, для подъема усталых...»[206]. Сведения эти представляли интерес.

Прелюбопытное сообщение папе Пию V о секретах строительства крепостей русскими направил в 1568 г. из Польши священнослужитель Фульвио Руджиери. Он ранее никогда не видел, как русские строят дома — сначала в лесу рубят сруб, нумеруют бревна, затем доставляют бревна сруба к месту строительства, заново собирают сруб и все готово. Теперь он это увидел своими глазами. Скорость строительства произвела на него неизгладимое впечатление. Он с тревогой писал, что русские «спускают (бревна) вниз по реке, а когда они дойдут до места, которое намечено укрепить, их тянут на землю, (передавая) из рук в руки; разбирают знаки на каждом бревне, соединяют их вместе и в один миг строят укрепления, которые тотчас засыпают землей, и в то же время являются и их гарнизоны, так что король (Польский) только еще первое известие получает о начале сооружения (крепости), потом они оказываются столь крепки и внимательно охраняемы, что, осажденные

---

[203] Итальянец в России XVI в. Франческо да Колло. Донесение о Московии. С. 60.

[204] *Джовио П.* Книга о московитском посольстве // Все народы едино суть. С. 500.

[205] Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. С. 24–25.

[206] Там же. С. 15.

громаднейшим королевским войском, испытывая храбрые нападения, мужественно защищаются и остаются во власти Московита»[207].

Иоанн Кобенцель сообщал: «Немцы и Поляки, как и сами Москвитяне, уверяли меня, что Государь во всякое время, когда захочет, может в сорок дней выставить тридцать тысяч конных воинов и сто тысяч Стрельцов, что может показаться невероятным; но меня уверяли в этом клятвенно, присовокупляя, что, кроме других, в двух только местах хранятся две тысячи орудий с множеством разнородных машин. Некоторые из этих орудий так велики, широки и глубоки, что рослый человек, в полном вооружении, стоя на дне орудия, не может достать его верхней части»[208]. Конечно, такая армия с такой артиллерией производила впечатление.

Венецианский посол в Польше Джироламо Липпомано писал в своей реляции в 1575 г., что царь московский Иван Васильевич в случае необходимости мог бы собрать 200 000 конницы, что он начал реформировать армию, создает по турецкому образцу пехоту, организованную по типу подразделений янычар, и уже имеет 20 000 стрельцов. Д. Липпомано написал о поражении, понесенном турецкими войсками и крымскими татарами — воюет с турками и татарами удачно, как о том несколько раз слышал, а именно о битве за пять лет до этого, в которой не только разбил неприятельскую флотилию на реке Дунае, но даже разбил и рассеял сухопутное войско, которое хотело захватить Астрахань («...Gdyby ściągnął wszystkie swe siły, mógłby zebrać 200 000 jazdy... Zaczął także formować piechotę na wzór tureckiej, i ma już 20 000 strzelzów płatnych, urządzonych na sposób Jańczarów... Z Turkami i Tatarami pomyślniej wojuje, jak się o tem kilka razy słyszało, mianowicie o bitwie przed pięcią laty stoczonej, w której nie tylko pobił flotyllę nieprzyjacielską na rcece Donie, ale nawet rozbił i rozproszył wojsko lądowe chcące opanować Astrachan...»)[209]. Взятие Казани и Астрахани и присоединение Казанского и Астраханского ханств к Московскому государству вызвало гнев Турции и Крымского ханства, в результате в 1569 г. ими была сделана попытка вырвать вооруженным путем Астрахань и Астраханское ханство из-под власти царя Ивана Грозного.

15 января 1576 г. был подписан наказ Рудольфу Кленке (Кленхену), готовившемуся к поездке в Москву с дипломатической миссией в качестве легата папы Григория XIII. В наказе говорилось: «...ты должен будешь искусным образом разведать: с какими силами располагается Государь двинуться на неприятеля; сколь многочисленны, сильны полки Его, и довольно ли имеют воинских снарядов; в каких местах, и в какое время думает напасть на врагов; какой предположен план военных действий, т.е. намерен ли Он с одною сухопутною ратью сражаться пртив Оттоманов, или двинет на них флот свой, какой именно по силе и устройству, и на каком море. Равным образом надобно узнать и о том, имеет ли Государь у Себя верных союзников... Все сии подробности должно разведать, как мы сказали, с любопытством и осторожностию»[210]. Вот такое разведывательное задание было подготовлено кардиналом Джованни Мороне доктору богословия Рудольфу Кленхену.

[207] *Руджиери Ф.* Донесение папе Римскому в 1568 г. // Иностранцы о древней Москве (Москва XV-XVII веков). М., 1991. С. 77.

[208] Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века. С. 150.

[209] Relacye nuncyuszów apostolskich i innich osób o Polsce od roku 1548 do 1690. S. 279.

[210] Переписка пап с российскими государями в XVI-м веке, найденная между рукописями в Римской Барбериниевой библиотеке. С. 63–64.

Через несколько лет, в феврале-марте 1581 г., папа Григорий XIII в числе других поставил следующую задачу своему легату Антонио Поссевино, направлявшемуся с дипломатической миссией к Ивану Грозному: «Внушайте государю, какие великие следствия будет иметь союз христианских государств против турок, внушайте, что на его долю достанется большая часть славы и выгод, что ему, как соседнему и могущественнейшему владетелю, должны будут достаться многие страны турецкие; вы должны узнать подробно о количестве и качестве военных сил московских, сколько пехоты, конницы, с какой стороны государь московский думает лучше напасть на турок, нет ли какого соседнего народа, с которым бы можно было вступить в союз»[211].

Себастьян Главинич, капеллан посольства Священной Римской империи германской нации в Москве (1661–1662), так писал о вооруженных силах Российского государства: «Силы Московского Царя немаловажны: в происходивших прежде войнах с Польской Республикой, он мог собирать по 200 тысяч войска без ощутительного вреда для крестьян, а если конница и пехота одержат для него какие успехи, то наверное никому не известно, чего добьются войной с ним Польша и соседственные враги... На поход (iter prosequentes) достаточно им мешочка с мукой, из которой, отыскавши поблизости воду и бросивши в нее соли делают кашицу, и ею утоляют голод, после чего до того бодры и веселы, что поют и играют на рожках... Чтобы сообщить что-нибудь и о Московском войске, никто не сомневается, что все оно состоит из собственных подданных, а для обучения и предводительства им определяют иноземных Офицеров, каковы: Полковники, Подполковники, Капитаны и их Штабс-Капитаны... однако ж главное начальство над всем войском всегда вверяется лишь Московскому Генералу. Жалованье выплачивается в точности всем, особливо Офицерам, из коих Полковникам дается каждому около 10 золотых в месяц»[212]. Учитывая, что времена Александра Македонского прошли давным-давно, такая численность армии, ее способность обходиться минимальными финансовыми и продовольственными затратами и находиться в постоянной боевой готовности производила впечатление.

Известный нам Иржи Давид в своем донесении (1689) рассказал о структуре российской армии, ее численности, вооружении, командном составе, финансовом обеспечении, настроениях среди стрельцов. «Все войско делится на три класса. Первый состоит из пехотинцев, второй — легкая конница, третий — конница. Пешее войско делится на солдат и стрельцов. Солдаты выше по достоинству. Солдатами называют тех, которые имеют свои избы, землю и даже деревни. Их большое множество, готовых в любое время идти воевать. Стрельцы — это те, которые живут на царское жалованье, и когда они не на службе, они занимаются механическими ремеслами. Вокруг Москвы их около двадцати тысяч. Одни живут в царском дворе, другие — в разных частях города, третьи разосланы по соседним укреплениям. Никто не носит оружия, кроме тех, кто действительно находится на службе. Последние же имеют на боку копье, ружье, бердыш или романский топор. Когда они на службе или куда-нибудь сопровождают царя, то надевают кафтаны, которые получают в своих куриях, или приказах, а по окончании службы опять сда-

[211] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 3. С. 699.

[212] Севастиан Главинич о происшествиях Московских 1661 г. С. 9–10.

ют их туда же. Кафтанов четыре: белый, зеленый, красный и синий. Стрельцы весьма неспокойны и по любому поводу нагоняют ужас на Москву. Во главе войска, как пешего, так и конного, стоят офицеры, русские или иностранцы. Военных учений либо совсем не бывает, либо лишь кое-где и редко. В своих приказах их судят, там же они получают жалованье, туда же подают челобитные. То же относится и к офицерам. Воинские должности распределяются так: на первом месте — генерал, на втором — генерал-майор, на третьем — полковник, на четвертом — поручик-майор, на пятом — капитан конницы, на шестом — поручик или лейтенант, на седьмом — прапорщик… Офицерам половина жалованья дается деньгами, половина собольими шкурками или какими-нибудь другими, которые сильно обесценены, так что при продаже они едва получают за них половину»[213]. Эти сведения представляли интерес. Они не столько говорили о численности армии, сколько о ее качестве. Пусть не детально, но говорили.

19 апреля 1698 г. в Москву из Вены прибыло посольство императора Священной Римской империи германской нации Леопольда I во главе с Игнатием Христофором Гвариентом (в обратный путь посольство отправилось 12 июля 1699 г.). Посольство было не совсем обычное — его комплектование курировали кардинал Леопольд Карл Коллонич (1631–1707) и местный провинциал Ордена иезуитов; в составе посольства прибыли члены миссии Ордена иезуитов в Москве в лице уже называвшихся нами Ф.И. Эмилиани и И. Берулы (вместо находившихся в Москве францисканцев Франциска Ксаверия Лефлера и Павла Иосифа Яроша), а также еще два католических миссионера, Геральд и Иоанн Казагранде, для работы в Москве и Воронеже. Наряду с другими, посольство планировало решить ряд вопросов в интересах Римской католической церкви, касающихся расширения и закрепления в Москве миссии Ордена иезуитов, пропуска католических миссионеров через Россию в Персию и Китай, получения разрешения на проведение публичных католических богослужений, строительства каменного католического храма и т.д. Это посольство удостоилось внимания самого папы Иннокентия XII — по случаю отправления посольства в Москву он прислал в бреве от 26 апреля 1697 г. свои поздравления послу И.Х. Гвариенту (бреве см. в: Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т. II. СПб., 1842. С. 281). Папа Иннокентий XII был весьма заинтересован в положительном результате дипломатических переговоров в Москве. Секретарем посольства был ровесник Петра I, воспитанник иезуитской коллегии в городе Вюрцбурге Иоанн Георг фон Корб, который в своем «Дневнике» отразил самые разные темы, в том числе о российской армии.

В частности, он привел в «Дневнике» пофамильный список высшего командного состава российской армии из числа иностранцев, но не всех, а, по его выражению, немцев, то есть, видимо, подданных Священной Римской империи германской нации. Всего в списке 96 офицеров и 5 военных специалистов из Голландии, в том числе генералов — 4; полковников, командовавших воинскими подразделениями — 5; полковников, не имевших в подчинении воинских подразделений — 13;

[213] *Давид И.* Современное состояние великой России или Московии. С. 96–97.

подполковников — 13; главных начальников стражи — 9; капитанов — 40; флотских капитанов — 4; поручиков — 8.

«Дневник» отразил важное и крупномасштабное явление в жизни страны — строительство российского военно-морского флота, готовившегося выйти на просторы Балтийского, Азовского и Черного морей. И.Г. Корб составил полный список кораблей флота, в котором указал название каждого корабля (за исключением 13 кораблей, еще не имевших названий), их параметры — длину, ширину и глубину (так в тексте) в футах, число орудий на каждом корабле и численность экипажа. Всего в списке 68 кораблей, корабельная артиллерия насчитывала 2618 орудий и 35 мортир, общая численность флотского экипажа составляла 18 820 человек. В это число вошли корабли, которые уже встали в строй или еще строились на верфях Воронежа по состоянию на 1699 г. И.К. Корб отметил, что в состав флота еще входили 18 галер третьего разряда и 100 бригантин. Мы видим, что на южном стратегическом направлении российский флот должен был располагать огромной суммарной огневой мощью, что не могло не интересовать Запад. При этом сам И.Г. Корб, конечно, на верфи в Воронеж не ездил, по кораблям с линейкой не лазил, орудия и экипажи не считал. Детальнейшие сведения о строящемся флоте он получил от иностранных офицеров на царской службе, с которыми неоднократно встречался в период пребывания посольства в Москве.

И.Г. Корб также не выезжал и в Азов, однако он составил планы и схемы города и крепости Азов и близлежащих крепостей Петрограда, Павлограда (Павлополя), Таганрога и других, предназначенных для защиты российских южных рубежей от военных акций Турции и Крымского ханства. Эти сведения он также получил от иностранных офицеров на царской службе.

Пример с И.Г. Корбом является прекрасной иллюстрацией раздела из первой главы нашей книги, посвященного использованию военных наемников для получения сведений военного характера. Заметим, очень важных и нужных для Вены, Рима и их союзников.

После поражения от шведов под Нарвой (19 ноября 1700 г.) Петр I принял кардинальные меры к реформированию и укреплению российской армии. Эта тема нашла отражение в донесении члена миссии Ордена иезуитов в Москве Франциска Иоанна Эмилиани от 29 февраля 1701 г.: «...Здесь между тем снаряжают в три раза большую, чем прежде, артиллерию. Для нея даже с каждой из здешних церквей берется один или два колокола, и удивительно даже, какое огромное количество колоколов собрано у литейнаго завода»[214]. Конечно, сегодня факт отливки пушек из меди колоколов не просто известен, он давно стал хрестоматийным. Но тогда, 300 лет назад, сведения об этом наводили Рим и европейских монархов на самые пространные и разнонаправленные размышления.

Следует сказать, что во многих донесениях папских нунциев в Польше можно встретить сведения о российской армии, передвижениях войск, сражениях, победах и поражениях, особенно в периоды войн между Россией и Польшей или Швецией.

[214] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 66.

Экономический блок. Даже в то далекое время, 400–500 лет назад, экономика Российского государства являлась предметом самого пристального внимания и детального изучения со стороны разведывательных служб европейских государств, не исключая Папскую область, Ватикан. Причина такого внимания понятна. Чтобы оценить Московию как возможного противника или партнера, уже тогда нужно было лучше знать ее экономику и финансовую систему, нужно было знать, богата ли она или бедна, способна ее экономика противостоять Турции и Крымскому ханству, да и другим враждебным странам, или нет, может ли Московия оказывать финансовую помощь странам — участницам антитурецкой лиги.

Поэтому Ватикан интересовали сведения о промышленности, сельском хозяйстве, охоте и рыболовстве, обеспеченности населения и армии продовольствием (хлебом, мясом, рыбой, маслом, солью и др.), о торговле, внутреннем и внешнем рынке, номенклатуре и объеме товаров, характеризующих экспорт и импорт, спрос и предложения. Весьма важными являлись сведения о государственной казне и месте ее нахождения, действующей денежной системе, пушнине, «рыбьем» зубе и других богатствах, о наличии и потребностях в иностранных специалистах. Конечно, не все эти сведения составляли государственную тайну. Вместе с тем если на Запад уходили сведения о населенных пунктах, местах хранения царской казны и путях к ним, то это означало, что в определенных условиях эти населенные пункты могли стать первоочередными целями и объектами для нападения. Как, например, в Смутное время.

Как подчеркнул в 1519 г. Франческо да Колло, «Сей Князь весьма силен, даже всемогуществен благодаря деньгам, серебру и золоту, ибо постоянно накопляет и мало тратит на войны и охрану своих городов, так как получает ежегодную дань из областей… в огромных размерах, но не в золоте или серебре или деньгами, кои во многих областях неизвестны, но шкурами таких зверей, как Соболи, Куницы, Снежные барсы, Волки, Горностаи, Барсуки, Собаки, и других животных разных видов, медом и воском; равным образом получает не только десятину злаками и плодами земли, но такую часть, сколько он хочет и сколько ему нравится, ибо не позволено противиться его воле. Цена этих шкур велика, есть Соболи, которые стоят по сто дукатов за штуку и которых очень ценят… некоторые приобретают их за деньги, прочие — обменивая другие свои вещи и товары, как делают в особенности граничащие с Балтийским морем, которые доставляют на рынки в город — столицу Ливонии, на берегу реки Двины — бархат, камку, атлас и другие подобные ткани, а московиты привозят Соболей и другие меха, приезжают со знаками и даже с толмачами для обмена товарами. Князь в этих делах более чем ловкий, имея свои места и постоянных представителей, которые настойчиво занимаются этой торговлей… Меда же и воска великое изобилие; из меда приготовляется особый напиток под названием Медовуха, каковой используется в качестве пития всем благородным населением страны. Смею сказать, что видел леса в сто и более миль, полные пчел, которые сами по себе, без помощи людей, производят мед… Что же касается рыб, сия страна имеет их в большом количестве и таких размеров и столь доброго качества, что я не видал и не пробовал ничего подобного ни в какой другой стране. Из костей же и зубов сих рыб производят наручия для оружия, украшения для седел, шахматы и иные изделия, каковые кажутся сделанными из натурального эбе-

на. Имеют сии страны зерна и фуража безмерно... За два алтына можно получить большой мешок с зерном, а алтын, равный примерно шести венецианским сольдо. Из-за великого изобилия зерна имеется здесь и великое изобилие пива — широко распространенный напиток в этой стране, который производится из зерна. Есть здесь и великое изобилие мяса вследствие большого числа волов; самая же большая цена, что платят за лучшего вола, не превышает золотого дуката. Изобилуют здесь также и молочные продукты, птицы дикие и домашние, и звери лесные, кои при столь большом количестве практически ничего не стоят...»[215]. По словам Франческо да Колло, один алтын был примерно равен шести венецианским сольдо (самым мелким венецианским монетам), то есть одна копейка — двум сольдо. Учитывая, что один золотой дукат равнялся 125 сольдо, то в пересчете на русские деньги он был равен примерно 62–63 копейкам. Из донесения Франческо да Колло следовало, что Московия очень богата, в ней есть все, много и дешево. С такой страной лучше было дружить и торговать, чем ввязываться в какие-либо военно-политические конфликты. И его донесение сыграло свою роль в выстраивании Римом отношений с Московией в то далекое время.

Рафаэль Барберини дополнил о финансовой системе: «В этом крае нет ни золота, ни серебра, ни меди, ни свинца, ни олова; но лет тому двенадцать, как Англичане, открыв плавание позади Норвегии, навезли Москвитянам множество вещей, которых им не доставало, и весьма для них полезных. Слышал я, однако ж стороною, будто бы этот государь имеет право чеканить или участвовать в чеканении золотой монеты. Почему все золото, какое туда привозится купцами, поступает тотчас к нему, затем, что он у всякого это скупает и платит хорошо; потом кладет его в сундук, и уже никто больше того не видит. Серебряной монеты у него довольно, а потому, что из Австрии и Польши, когда нет войны, привозится чрезвычайное множество талеров, монетою, для покупки у них товаров, состоящих из всякого рода мехов, воску, льну, пеньки, сала, кож и кожаных изделий, и других тамошних произведений. Эти же талеры, тотчас потом, чтоб уже никогда не могли быть оттуда вывезены обратно за границу, расплавляются и перечеканиваются на их монету, которой идет больше пятидесяти штук на один скудий; а походит она на турецкие аспры и называется деньга (dening). Чеканят ее только на двух площадях, именно же: в Москве, где изображается на этой монете всадник, на коне с мечом в руке; да в Новгороде с изображением на ней Святого Георгия. Ходит же эта монета, как испанские реалы. Таким образом, все золото и серебро, которое чуть только завезено в этот край, никогда уже более не только не выходит оттуда, но, так сказать, все почти остается в руках у самого государя, и никуда не расходится, разве обстоятельства принудят его к тому, как например: беспрерывное ведение больших войн, которые, разумеется, не могут обходиться без значительных издержек...».[216] Относительно продовольственных ресурсов Московии Рафаэль Барберини отметил: «Что же касается до съестных припасов, край этот изобилует всяким зерном, рожью и всякими мясами, мелкою дичью, и на все это чрезвычайная там дешевизна...»[217]. Рафаэля Барберини как купца весьма интересовала соль, дефицит которой ощущался в некоторых евро-

[215] Итальянец в России XVI в. Франческо да Колло. Донесение о Московии. С. 59–61.

[216] Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. С. 23–24.

[217] Там же. С. 25.

пейских государствах. Он писал: «Близ Новагорода, верстах в шестидесяти, есть город, именуемый Русса. Там находятся соляные ключи, из которых вываривают довольно количество поваренной соли… На Северном Море, близ реки Двины, находится остров в сорока верстах от города, где стоит большой монастырь, там вываривается довольное количество соли, и ловится премножество разной рыбы, крупной и мелкой, в ужасном изобилии. Верстах в семидесяти пяти от Москвы есть две крепости на двух озерах, из которых одна называется Переяславль, а другая Ростов; в этих местах добывается довольно соли; а находятся эти крепости на севере от Москвы»[218]. Рафаэль Барберини подтвердил оценку Франческо да Колло о богатстве Московского государства: «Между Окою и Доном есть государево владение, то есть земля, подвластная ныне Руси, где между прочим находится город и княжение рязанское. Страна эта плодородна и обильна рогатым скотом, медом, воском и хлебом, который, как сказывают, родит из одного зерна тридцать, а каждый стебель дает три колоса; сверх того, водится там множество перепелов, которые по тучности своей, насилу могут взлетать; словом — страна изобильная всем!»[219].

В июле 1581 г. Джованни Тедальди сообщил папскому легату Антонио Поссевино сведения о действовавшей в Московии денежной системе. По словам Д. Тедальди, «золотые скуди там не в ходу, ходят же, сверх мелкой серебряной монеты, которую чеканит нынешний государь, одни только талеры и венгерские золотые, или, как они называют их, польские дукаты; и если у кого нет ничего другого, кроме скуди, то приходится или променивать их у тех торговцев, у которых они в ходу, или же продавать золотых дел мастерам на сплав и получить обратно в виде золота»[220]. Сведения эти были весьма важны, так как прямо указывали на то, что Московское государство не производит собственных золотых монет, накапливая, как сказали бы сегодня, золотой запас. Антонио Поссевино дополнил сведения о состоянии экономики Московии: «Великий князь все держит в своих руках: города, крепости, села, дома, поместья, леса, озера, реки, честь и достоинство. На столь обширном пространстве земель, по-видимому, ничто не может быть значительнее тех сил и богатств, которыми он владеет. Они были гораздо больше, когда мир давал возможность шире развиваться торговле, когда процветала Ливония, а плавание по Балтийскому морю было очень оживленным… Считают, что князь обладает огромными сокровищами: сколько бы ни ввозилось в Московию обработанного или необработанного золота, все это, насколько возможно, он собирает и почти никогда не разрешает вывозить. Даже серебро едва ли когда-нибудь вывозится, разве только для выкупа пленных или при наборе иноземных солдат, что, однако, бывает редко. При обмене московиты часто пользуются мехами и шкурами вместо денег… Талеры (германские монеты) они обменивают на «деньги» и «московки» (этими словами они называют свои монеты). Их теперь гораздо реже, чем раньше, чеканят из чистого золота… Если, возвращаясь откуда-нибудь, послы привозят золотые или серебряные дары, московский князь отбирает их в свою казну… Отец его, разграбив ливонские города и храмы, вывез на тяжело груженых повозках сколько мог богатств, золота, серебряных и золотых сосудов, чаш и других

[218] Там же. С. 38.

[219] Там же. С. 37 38.

[220] Известия Джиованни Тедальди о России времен Иоанна Грозного. С. 130.

вещей такого же рода. Поэтому нет сомнения, что у великого князя скопилось огромное количество этих вещей. После татарского набега и сожжения Москвы он разместил их в трех крепостях: Москве, Ярославле и Белом озере... Что касается самих лесов, озер и рек, то, сколько бы ни собирали оттуда дорогих мехов и рыбы (а ее великое множество), значительной частью всего этого владеет князь. Меха предназначаются для подарков и продажи, сушеная рыба для снабжения крепостей и в пищу... Я не слышал о золотых или серебряных рудниках, железные же существуют, но здешние люди, не очень деятельные, их почти не разрабатывают»[221].

В определенной степени о состоянии царской казны могли рассказать царские приемы и обеды. Иоанн Кобенцель, посетивший в 1576 г. с дипломатической миссией Ивана Грозного, писал архиепископу Николаю Дражковичу (письмо это хранится в Ватиканской библиотеке): «Мантия Великого Князя была совершенно покрыта алмазами, рубинами, смарагдами и другими драгоценными камнями и жемчугом величиною с орех...»[222]. Далее он писал, что, когда был на обеде у Ивана Грозного, «...заметил я в передней части покоя так много круглых блюд, кубков, чарок и других золотых и серебряных сосудов, что, говоря без преувеличения, тридцать Венских повозок с трудом могли бы все это вместить в себе, между тем как это еще не составляет всей Государевой посуды, но только принадлежность Дворца, в котором был дан обед. В Московском Дворце Государя так много серебра и золота, что почти невозможно сосчитать всех сосудов. Там же хранится казна, в которой, кроме денег, есть разные драгоценности. Дед Государя, по взятии и опустошении Новагорода, обогатил ее 300-ми фур золота и серебра... К приумножению казны Государь имеет бесчисленные средства»[223]. Нет сомнения, что сведения о 300 фурах золота и серебра произвели огромное впечатление как в Вене, так и в Риме.

Тот же Иоанн Кобенцель писал о российской торговле: «На днях Государь учредил на Ливонской границе большие кладовые для соли, что будет приносить ему миллион талеров ежегодного дохода и причинит великий урон Франции, которая прежде сбывала там свою соль. В Швецию, Данию и в окрестные Государства, также и в земли около Каспийского и Черного морей, отправляет он огромные запасы хлеба и других произрастений. Туда же посылает он железо, воск, сало, пеньку, поташ и разной доброты мягкую рухлядь, имея все это в излишестве. Но сам он в чужеземных произведениях надобности не имеет: все нужное получает он дома. Словом, Московский Государь до того могуществен, что тот, кто не бывал в его владениях, не в силах будет постигнуть его величия»[224]. Безусловно, не учитывать эту информацию при оценке экономики Московского государства было просто нельзя.

По оценке Паоло Кампани, земля в Московии «плодородна, изобилует скотом, хлебом, медом. В большом почете у них соболиные меха, которые из отдаленных областей Московии вывозятся за огромную цену к нам для отделки одежды знатных людей»[225]. По наблюдениям Антонио Поссевино, «Купцы с берегов Помера-

[221] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 46–48.

[222] Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века. С. 145.

[223] Там же. С. 148–149.

[224] Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века. С. 151.

[225] Сведения о России конца XVI в. Паоло Кампани. С. 81.

нии, из Голландии и Англии обычно переправляются в Московию через Балтийское море для покупки воска, кожи и мехов. А некоторые голландские и английские корабли, груженные медью и другими товарами, ежегодно приходят по верхнему Северному океану (его называют «Ледовитым», суровым, жгучим) в порт св. Николая почти в самый Петров день. Отсюда товары перевозятся почти за 100 германских миль в Вологду, оживленный рынок Московии»[226]. При этом Антонио Поссевино отметил: «Пошлины не очень велики. Послам разрешается привозить с собой сколько угодно купцов, которые по приказу князя ничего не платят и получают от него содержание. Когда-то астраханские купцы приезжали с берегов Каспийского моря и из Персии гораздо чаще, но из-за того, что большая часть татар была перебита, и из-за длительной войны с Персией, этот рынок стал менее многолюдным»[227].

Несмотря на коммерческую заинтересованность в торговле с Московией, европейские государства не забывали и о политической стороне этого вопроса. Они, прежде всего, Польша, Швеция, Дания и другие, по дипломатическим каналам, устанавливая на отдельные виды товаров эмбарго или используя каперов, строго дозировали номенклатуру и количество товаров, которые позволили бы Московии экономически окрепнуть, создать свою промышленность и стать сильным государством. Вот что, например, рекомендовал направлять в Московию Рафаэль Барберини: разные драгоценные камни, два конских ожерелья (для продажи государю), пуговицы золотые, серебряные, коралловые и из жемчуга; хорошие вина, курительные духи, душистую туалетную воду и мыло, зеркала; индеек и петухов индейских; бумагу для печатания, различную материю («Разного тряпья или разноцветных образчиков каждой материи») и др.[228] Подготовленный Р. Барберини список довольно большой, но мы ограничились только небольшой иллюстрацией его рекомендаций. При этом нужно заметить, что товаров стратегического характера, оружия и боеприпасов, инструмента и т.п. в списке нет. В Московии иностранцы покупали хлеб, мясо, рыбу, мед, воск, лес, коноплю, меха и прочие товары, а нам предлагали туалетную воду и т.п.

Объемы внешней торговли в значительной степени можно охарактеризовать величиной собранных таможенных пошлин. Член миссии Ордена иезуитов в Москве Иржи Давид писал в конце XVII в.: «...все привозится через Архангельск, этот порт очень знаменит и весьма доходен для царской казны. От него ежегодно в казну прибывает больше ста тысяч золотых. Расположен он на Севере, у берегов реки Двины и Белого моря»[229]. Другой иезуит, Филипп Авриль, активно собиравший сведения о Сибири и путях через Сибирь в Китай, и дважды пытавшийся (безуспешно) проехать по этому пути, также не обошел вниманием объемы таможенных пошлин в восьмидесятых годах XVII в. Он писал: «...один город Енисейск платит ежегодно пошлины в царскую казну 80 000 рублей, то есть почти 120 000 экю на наши деньги»[230]. Кто же дал Филиппу Аврилю такие сведения о Енисейской таможне?

---

[226] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 49.

[227] Там же. С. 47.

[228] Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. С. 40–45.

[229] *Давид И.* Современное состояние великой России или Московии. С. 139.

[230] Цит. по: *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 462.

Знаменитые русские меха немало способствовали формированию в Европе представления о России как о сказочно богатой стране. В те годы меха широко использовались в дипломатической практике в качестве подарков монархам и послам, а также для оказания финансовой помощи в рамках союзнических обязательств, выкупа невольников и пленных.

В самом конце XVI в. Рим и Прага (резиденция императора Рудольфа II находилась в эти годы в Праге) интенсивно работали с Москвой по склонению ее к вступлению в военно-политический союз, антитурецкую лигу, или, в крайнем случае, к получению от Москвы финансовой помощи для оплаты расходов по подготовке военных действий против Турции. Краткая динамика дипломатических событий такова: 1589 г. — приезд в Москву посла Священной Римской империи германской нации Николая Варкоча; 1593 г. — приезд в Москву того же Н. Варкоча; 1594 г. — приезд в Москву цесарских гонцов Михаила Шиле (февраль) и Станислава Хлопицкого (август), посла Н. Варкоча (декабрь). Все они, так же как и приезжавший в 1595 г. в Москву папский посол Александр Комулей, просили финансовой помощи против Турции. В ответ на эти просьбы 12 апреля 1595 г. в Прагу была отправлена «соболиная казна и другая мягкая рухлядь» с российскими послами дворянином Михаилом Ивановичем Вельяминовым и дьяком Афанасием Ивановичем Власьевым. В эту «казну» входили:

- 1009 сороков соболей (40 360 соболей);
- 510 сороков куниц (20 400 куниц);
- 337 235 белок;
- 3000 черных бобров;
- 120 лисиц черных и чернобурых;
- 1000 волчьих шкур;
- 75 лосиных шкур.

Всего на сумму 44 720 рублей[231].

Все-таки некоторые цифры выделим: **40 360** соболей, **20 400** куниц, **3000** черных бобров, **337 235** белок, **120** лисиц черных и чернобурых и т.д. Да и общая стоимость «казны» для того времени была запредельна — **44 720** рублей (сделав по пути остановку в Смоленске, российские дипломаты взвесили меха, и оказалось, что их общий вес составил 1069 пудов, и их разместили на 50 телегах по 22–22,5 пуда на каждой).

Такого изобилия драгоценных мехов сразу и в одном месте в Европе еще никогда не видели. Да, наверное, и не подозревали, что их столько может быть. Чтобы меха разложить и показать, потребовалось 20 палат в императорском дворце, причем белку показывали не поштучно, а «в коробьях». Ошеломленный император Рудольф II, оставив на время свои любимые занятия астрологией и алхимией, поинтересовался у российских послов, где водятся такие звери? Послы отвечали, что «все эти звери водятся в государевом государстве, в Конде и Печоре, в Угре и в Сибирском царстве, близ Оби реки великой, от Москвы больше 5000 верст... После ска-

[231] *Корсак А.К.* Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857. С. 44. Прим.: Сведения об отправке этой «казны» можно найти в следующих изданиях: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. II. СПб., 1852.; Древняя Российская Вивлиофика. Часть XV. М., 1790).

зывали послам, что цесарь велел оценить присылку пражским купцам, и те оценили ее в 400 000 рублей, а трем сортам лучших соболей цены положить не умели по их дороговизне»[232]. Заметим, что, когда российских послов и прибывших с ними специалистов-меховщиков попросили оценить «казну», они отказались. Из-за дороговизны мехов продать их сразу не удалось, так что в 1597 г. Рудольф II через своего посла Авраама Донау просил царя присылать финансовую помощь не мехами, а серебром и золотом.

Конечно, Ватикан как организатор антитурецкой лиги сразу узнал о прибытии к императору в Прагу меховой «казны» из Москвы. Количество и качество мехов, их стоимость без всяких оговорок свидетельствовали о финансовой мощи Российского государства.

Весть о присылке такой богатой соболиной «казны» в Прагу прошла по всей Европе. Проживавший в Венеции некий Бареццо Барецци, под именем которого, как полагают исследователи, скрывался Антонио Поссевино, с завистью писал: «... был слух, что ценность их восходила до миллиона золотом, однако они стоили не более 200 000 скудий»[233].

Ю.Ф. Крачковский (см.: Очерки Униатской Церкви // ЧИОИДР. 1871. Книга первая. Отдел I. М., 1871. С. 145), указывает, что в 1639 г. 1 скуди была равна серебром примерно 140 копеек. В переводе на рубли 200 000 скуди равнялись примерно 280 000 рублей. В те годы действовали скуди простые «in moneta» и скуди золотом «d`oro». Соотношение между ними было таково: 100 скуди золотом равнялись 115 простых скуди. Интересно сравнить стоимость «казны» с зарплатой папских нунциев. Е.Ф. Шмурло писал, что в 1619 г. венецианский нунций получал в месяц 150 скуди, венский — 200 скуди золотом, французский — 300 скуди золотом и т.д. Присланных в Прагу мехов хватило бы, чтобы выплачивать всем 16 папским нунциям зарплату в течение 5 лет из расчета 200 скуди золотом в месяц. З. Моравский отмечал, что «Во времена папы Григория XIII, который правил в 1572–1585 годах, доходы Камера апостолика составили, согласно довольно точному подсчету историков, 1100 тысяч скудо ежегодно»[234] (Камера апостолика — учреждение, управлявшее папским состоянием). Здесь же, в примечании, указывается, что в те годы 1 скудо равнялось 28,75 грамма золота. Так что оказанная Москвой помощь была огромной, соизмеримой с ежегодными доходами Ватикана.

Севастьян Главинич так характеризовал в 1662 г. состояние экономики Московии: «Неизвестно, как много сокровищ у Царя, но нет никакого сомнения, что их у него очень много. Все кружала в Москве — Царские, и никто другой, кроме Царя, не смеет выставлять на продажу напитки. Все роды драгоценных мехов, которыми Московия изобилует всего больше, — Царские же, и доход с них считается наравне с тем, как если бы владел он золотыми и серебряными рудниками; но у него нет ни тех, ни других, также и всякого другого металла, кроме железа; на Царя продается сало, конопля, кожи, называемые юфтью, поташ, употребление которого необ-

[232] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 4. С. 269.

[233] Повествование о Димитрии Самозванце, собранное Бареццо Барецци // ЧИОИДР. Год третий. № 5. Отдел III. М., 1848. С. 7.

[234] *Моравский З.* Ватикан издали и вблизи. М., 1981. С. 215.

ходимо Англии и Голландии для мочки черного сукна, для мыловаренного и стекольного производств; все названные вещи отправляются большею частью к Архангельской пристани, где либо продаются на деньги Голландцам и Англичанам, либо же обмениваются на цену других товаров. Ни в каком другом месте, кроме этой пристани, у Царя нет нигде сбора пошлины, уплатив которую один раз, всякий может развозить товары по всей Московии, равно и вывозить оные. Одна пара превосходных соболей и черных лисиц продается в самой Москве по 100 золотых. И из того также можно заключать о богатстве Царя, что денег в Московию постоянный ввоз, а вывоз небольшой и редкий: всеми жизненными потребностями она богата и не нуждается ни в чем иноземном, за исключением вина, которым они веселят себя мало, а лучше пьют водку, да еще пряностей и шелковых тканей, необходимых для одежды»[235].

По словам Якова Рейтенфельса, «...Московский Царь справедливо считается одним из богатейших правителей на свете, так как ежегодный его доход, по достоверному счету, в общей сложности значительно превышает два миллиона рублей или венгерских червонцев; один Архангельский порт, говорят, доставляет ежегодно 300 000 червонцев... Часть его сокровищ хранится в так называемой Золотой Палате, где возвышаются в порядке расположенные груды драгоценных камней и жемчуга, причем ежедневно несколько искуснейших золотых дел мастеров и других художников заботливо их перечищают и тем увеличивают их ценность. Источники доходов крайне разнообразны и почти бесчисленны. Из наследственных дворцовых поместий, называемых оброчными вотчинами, которые занимают около половины всего государства (другая половина распределена между духовенством и знатью), доставляется Царю не только хлеб, мед, скот и многое другое в этом же роде, но и громадное количество чеканной монеты. Из повинностей, которые он единолично по желанию то увеличивает, то уменьшает, две в особенности приносят Царю доход — тягло, взимаемое по всему государству с каждого четверика муки, и подать — т.е. ежегодный взнос, уплачиваемый всеми подданными без исключения... В немалой степени заменяют сокровища и дорогие разного рода меха, которые, как бы по недостатку денег, одинаково служат вместо денег как во внутренней, так и во внешней торговле... Затем с кабаков, т.е. питейных домов, в которых по всему государству исключительно один лишь Царь продает пиво, мед и водку, получается такой доход, что трудно даже сказать. Не меньший ежедневный доход доставляют и общественные бани, которые также он один повсюду содержит... Но еще более барышей получается с постоянного преимущественного права торговать всякого рода товаром и в присущем Царю праве первому покупать и продавать. То, что казна получает также и половину взысканий по уголовным делам, и десятую часть по всем прочим судебным делам, от продажи лошадей, из Татарии выведенных, и наконец, указ, которым запрещается не ввоз в государство, а вывоз из него денег, — все это приносит громадный доход...»[236].

Последним в XVII в., кто собрал довольно подробные сведения о российской финансовой системе, экономике и доходах царской казны, видимо, являлся Иоанн Георг фон

[235] Севастиан Главинич о происшествиях Московских 1661 г. С. 9–10.

[236] *Рейтенфельс Я.* Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии (Падуя, 1680 г.). С. 108–110.

Корб, секретарь посольства Священной Римской империи германской нации во главе с Игнатием Христофором Гвариентом (1698–1699). Того посольства, которое готовилось и отправлялось в Москву под особым вниманием папы Иннокентия XII. Выше мы об этом говорили. Вот что он записал в своем «Дневнике» о российской финансовой системе:

«У Московских Царей нет никаких рудников золота, или серебра: думают, однако ж, что на границах Сибири, около места, называемаго Камени, нашли жилы драгоценных металлов. Недавно Генерал Фон Карловиц привез в Московию горных инженеров, и скоро можно будет иметь более достоверное известие: действительно ли найдена богатая почва, где бы можно было добывать золото и серебро. Несмотря на неимение у себя благородных металлов, Москвитяне всегда чеканили свою монету из чистаго и хорошаго серебра; теперь, однако ж, Московская монета противу прежней менее чиста и гораздо легче весом; империял стоит пятьдесят или пятьдесят пять копеек, с одного же империяла чеканят сто, иногда даже сто двадцать копеек, в чем мы сами убедились, поверив вес копеек и империяла. Копейка или Московский крейцер не круглая, но продолговатая и овальная видом монета… Москвитяне еще имеют другую меньшую монету, которую зовут деньгой: две деньги составляют одну копейку… две копейки составляют динар, три — алтын, десять — гривну, пятьдесят — полтину, сто — рубль. В бытность нашу в Москве говорили о необходимости начеканить медную монету для уплаты солдатам жалованья, за недостатком серебра и вообще для покрытия военных издержек; но как получено известие о заключении мира, то всю вычеканенную монету сего рода внесли в казну для сохранения… Никто не может вывозить с собою из Московии наличных денег, под страхом, в случае поимки, лишения всего его имения…»[237]. И.Г. Корб собрал конкретные сведения, говорившие о многом, в том числе о возможно грядущих изменениях в финансовой системе в связи с обнаружением на Урале месторождений драгоценных металлов, о государственных мерах по предотвращению утечки национальной валюты за рубеж и т.д. Накануне Северной войны, когда Рим и вся Европа пристально оценивали финансовые и военные возможности Российского государства, сведения эти представляли особый интерес.

Такой же особый интерес представляли сведения о царских доходах. И.Г. Корб отметил: «Первую статью доходов… составляют пошлины с пристаней Астраханской и Архангельской, с которых, говорят, Царь ежегодно получает десять миллионов империялов. Другой источник Царской казны составляют кабаки или питейные дома, так как один только Царь во всех областях и городах Московии может продавать пиво, водку и мед; ежегодный взнос с них в Государеву казну простирается свыше двухсот тысяч империялов… Соболья ловля приносит большия богатства. Мех Сибирских соболей самый лучший…»[238]. К другим статьям ежегодных доходов И.Г. Корб отнес осетровую икру (80 000 империалов), ревень и табак.

Внешней торговле Российского государства И.Г. Корб уделил не так уж много внимания, но, тем не менее, назвал основные товары, которые поставляются на внешний рынок. Это меха, воск, мед, осетровая икра, сало, тюлений жир, шкуры животных, лен, пенька, соль, слюда и другие.

---

[237] Дневник Иоанна Георга Корба во время посольства Императора Леопольда I в Московское Государство в 1698 г. и проч. Перевод с Латинскаго Б. Женева и М. Семевскаго. С. 252.

[238] Там же. С. 250.

Интересно сравнить приводимые И.Г. Корбом размеры пошлин с данными по Иркутской таможне за март 1697 г. В этом месяце в сторону Китая было провезено: «...94 тысячи шкурок белки, 85 тысяч шкурок горностаев, 3342 шкурки соболя, 3240 шкурок корсаков, 11 250 аршин холста, 810 аршин крашенины, 900 аршин сукна сермяжного, 25 фунтов перца, 25 фунтов сахара, 130 топоров, 4 пуда уклада (стальных изделий)...»[239]. В обратном направлении, из Китая, примерно в это же время купцы только одного каравана заплатили в Иркутске таможенных пошлин на сумму 56 640 рублей[240].

Внешняя торговля определяет лицо государства, она говорит, что у государства есть и в чем государство нуждается. Сведения о внешней торговле характеризовали состояние экономики России, подсказывали европейским монархам тот политический курс, которым можно было или усилить Россию, или ее ослабить, разрешить ввоз стратегических товаров или установить морскую блокаду российских портов. Поэтому эти сведения были очень важны. Шведы, например, свои отчеты с характеристикой российской внешней торговли основывали на беседах с таможенниками, ознакомлении с таможенными книгами (мы не говорим, как они получали доступ к таким книгам), наблюдении за разгрузкой и погрузкой судов в Архангельске и других портах, и в их отчетах была конкретика (Иоганн де Родес, Иоганн Филипп Кильбургер). И.Г. Корб, видимо, не пользовался этими источниками информации, и его сведения неконкретны и приблизительны.

Социально-этнографический блок. Сведения социально-этнографического характера являлись весьма и весьма важными и имели большое прикладное и стратегическое значение. Они позволяли ответить на вопросы, которые интересовали и Ватикан, и многих европейских монархов: что представляет собой российский народ, можно ли его покорить или запугать, направить против царской власти или Русской православной церкви? Монархи и понтифики понимали, что есть разные народы. Одни народы воинственные, с богатым опытом участия в войнах, и прежде чем с ними связываться, нужно хорошенько подумать. Другие — не умеют и не хотят воевать, предпочитая войнам занятия торговлей и другим мирным трудом. Их легко запугать и заставить служить более сильным народам. Крестьянские бунты и восстания в Германии, Англии, Чехии, Польше, Нидерландская революция, опыт колонизации заморских территорий Вест- и Ост-Индий заставили монархов смотреть на народ как на реальную силу, с которой надо считаться. Поэтому те, кто намеревался решать свои геополитические задачи на территории Российского государства и за его счет, должны были поставить такие вопросы и с помощью дипломатических и разведывательных служб получить на эти вопросы исчерпывающие ответы.

К сведениям социально-этнографического характера можно было отнести следующие: какие народы проживают на территории Росийского государства, места их постоянного расселения, степень оседлости; численность народов или этниче-

[239] *Шафоростов В.* Ровесница города // Экономика. Право. Менеджмент. № 27 от 13.10.2004 г. С. 5.

[240] Там же. С. 5.

ских групп, смертность, рождаемость, соотношение полов; род занятий мужского и женского населения (охота, рыболовство, земледелие, скотоводство, занятие промыслом или ремеслом, торговля и т.д.); семейный быт, устройство жилищ, образ жизни городского и сельского населения, оценка бедности или зажиточности, степень грамотности. Немаловажным было знать о жизненных интересах и ценностях, привычках и нравах, обрядах и верованиях, о положении женщины в семье и обществе, праздниках и свадьбах, похоронах. А разве не важными были сведения о сильных и слабых сторонах национального характера — патриотизме, стойкости и смелости, умении переносить лишения и длительные физические нагрузки, о степени внушаемости, а также об отношении к чужеземцам, распространении среди населения пороков и т.д.

Чего только не писали в XVI–XVII столетиях иностранцы о российском народе. Далеко не всегда их мнения и оценки соответствовали истине и были правдивы. Заказчики и пользователи этой информации зачастую получали настолько искаженные сведения, что сформировавшиеся на их основе ошибочные представления сохранились не то что на десятилетия, а на века. О наших предках у населения европейских государств сформировалось мнение как о неграмотных, высокомерных, грубых, нечестных и почти всегда пьяных людях, склонных к тому же к воровству и грабежам. Так и хочется спросить — как же в таком случае Россия смогла не только выжить в такое сложное время, но и стать могучим государством? Заметим, что именно в XVI–XVII столетиях Европа осознала, что Россия является уникальным государством в силу многонационального состава населения. Причем населяющие огромную российскую территорию народы не только говорят на разных языках, но и каждый имеет свои национальные особенности и характер, свои верования и традиции, свою неповторимую душу. Не тогда ли во дворцах монархов европейских государств стали зарождаться и формироваться основы той политики по отношению к России, которая была направлена на разжигание и поддержку межнациональной розни, а также противоречий между Русской православной церковью и другими религиями? Той политики, которая должна была не только ослабить Российское государство, но и развалить его на смертельно ненавидящие друг друга мелкие этнические составляющие части.

Вот что записал в 1525 г. Паоло Джовио со слов российского дипломата Д.Д. Герасимова о внешнем облике и быте московитов: «Росту в общем московиты среднего, но отличаются крепким и очень тучным телосложением. Глаза у всех серые, бороды длинные, ноги короткие и животы большие. Они ездят верхом с сильно поджатыми ногами и весьма искусно пускают стрелы даже и тогда, когда бегут, и враг у них сзади. Домашняя жизнь их представляет более обилия, чем утонченности, ибо столы их везде заставлены почти всеми теми кушаньями, которых могут пожелать люди... Не имея местного вина, они обычно пользуются привозным, но только при торжественным пиршествах и при богослужении. Особенно высоко ценится у них сладковатое критское вино... Народ же пьет мед, который варят из меда и хмеля... Кроме того, у них употребляются пиво и водка...»[241]. И далее: «Супруги и вообще женщины не пользуются у них таким почетом, как у прочих народов, а считаются

[241] *Джовио П.* Книга о московитском посольстве // Все народы едино суть. С. 497–498.

почти наравне со служанками»[242]. В то время эти сведения представляли определенный интерес, так как их автором являлся российский дипломат.

Марко Фоскарино, представитель древнего венецианского рода, после возвращения из Московии, куда ездил примерно в 1557 г. по торгово-дипломатическим делам, писал в своем донесении: «Москвитяне среднего роста, плечисты и весьма сильны; у них синеватые глаза, длинные бороды, короткие ноги, длинные туловища; они очень долго могут ездить верхом. Женщин и жен своих они держат не в таком почете, как другие народы: напротив, они обращаются с ними немного лучше, чем с рабынями. Знатные Москвитяне очень ревнивы: они не пускают своих жен ни на пиры, ни на праздники, ни в дальние церкви и едва позволяют им выходить из дома. Другие же [женщины] совращаются за дешевую цену, чрезвычайно расположены к иноземцам, охотно ложатся с ними и отдаются, лишь бы только попросили их»[243]. Заметим, что написанное Марко Фоскарини о русских женщинах, скорее всего, заимствовано им с несущественными изменениями из сочинения Паоло Джовио.

По мнению Даниила Принца, «Дома знатных и городских жителей малы и по большей части крытые соломой. Все комнаты, которые мы видели в целой Московии, печей не имеют. Так как у них печи бывают только для приготовления пищи и хлеба, то все наполняется дымом; а как люди и скот находятся вместе, то все очень грязно. Вместо окна они употребляют льняной холст, пропитанный маслом для того, чтобы туда проникало больше света, либо бычачьи пузыри, потому что стекла у них совсем нет»[244]. Вот так и жили наши предки более 400 лет назад. Д. Принц также отметил: «Невозможно сказать, как этот народ любит наружное щегольство»[245]. А кто не любит?

О том, в каких домах жили русские, писал в своем донесении в 1675 г. и Адольф Лизек: «Дома в Московии строятся низкие и не красивые; на поперечные стены употребляется ель, а на продольные сосна; кроют дранью, березовой корой и дерном: от чего часто бывают пожары. В нашу бытность, Москва горела шесть раз, и каждый раз сгорало до тысячи и более домов. Впрочем, в предотвращение несчастий, Стрельцы содержат постоянный караул в разных местах города... Впрочем, не великая беда, если дом и сгорит. Пожитки у Русских хранятся в яме, вырытой под домом, и остаются целы. Поэтому, у кого сгорел дом, тот на следующий же день может купить себе другой, или выстроить новый. Мы сами были свидетелями, как Русские, сделавши сруб из старых и новых бревен, тотчас ставили стропила, и таким образом постройка была почти кончена... Но вельможи и купцы имеют дома каменные, прочные и великолепные; кладовые и заводы строятся с крепкими сводами и маленькими окошками, которые запираются железными ставнями, и не боятся огня...»[246].

Паоло Кампани докладывал о московитах в 1582 г. в Риме: «О себе московиты имеют самое высокое мнение, остальные же народы, по их мнению, достойны презрения. Они считают, что их страна и образ жизни самые счастливые из всех. Эту

[242] Там же. С. 498.

[243] Донесение о Московии второй половины 16 века. С. 8.

[244] Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии. С. 69.

[245] Там же. С. 53.

[246] Статистическо-географическое описание российского государства в начале XVII столетия. Адольф Лизек. Донесение о посольстве. С. 380–381.

свою спесь они выражают в том, что носят богатую одежду, сверкающую золотом и серебром, и меняют ее часто по несколько раз в день, чтобы показать из тщеславия свое богатство... За женщинами у них самый строгий надзор. Знатным замужним женщинам очень редко, восемь или самое большое десять раз в году, в самые большие праздники разрешается ходить в церковь, в эти дни к ним присоединяются и девицы, в остальное время на народе они не показываются...»[247].

По словам Николая Варкоча, посетившего с дипломатической миссией Москву в 1589 г., «Есть немало людей, считающих московитов варварами и ветрогонами. Кое-кто говорит, что надежнее не иметь дела с этим народом, на который нельзя положиться, от которого нельзя ожидать и помощи. На это я отвечу: хотя у московитов и существуют варварские обычаи, но они люди весьма мягкой души, христиане, в своем роде очень набожные. Нет на свете другого народа, который так строго карал бы клятвопреступников. Я утверждаю, что они не только могут нам помочь, но могут и нанести большой ущерб, стоит им только этого захотеть, нужды нет, что они действительно живут далеко»[248]. Оценка Н. Варкоча, как мы видим, несколько отличалась от оценок других иностранцев.

Себастьян Главинич, капеллан посольства Священной Римской империи германской нации (1661–1662) к царю Алексею Михайловичу, особо отметил: «В Московском народе такая выносливость к труду и голоду, какой нет ни у одного из других народов... Вот главная причина, главное, почему Царь Московский хвалится, что он один из могущественнейших Европейских Государей»[249].

Об интересе Ватикана к социально-этнографическим сведениям о славянских народах говорит и то, что в 1670 г. было подготовлено «Разсуждение Аббата Стефана Гради Рагузнина, о народах языка Славянскаго, поднесенное Кардиналу Распони»[250]. Чезаре Мария Антонио Распони (1614–1675), кардинал с 14 января 1664 г., секретарь конгрегации «Пропаганда Веры» в 1673–1675 гг.; в ноябре 1674 г. он рассматривал документы, представленные в эту конгрегацию Яковом Рейтенфельсом.

Упоминавшийся выше Адольф Лизек сообщал: «Но простой народ, подобно как и в других странах, склонен к порокам, Скифски жесток, в делах торговых хитер и оборотлив, презирает все иностранное, а все свое считает превосходным; в обращении, исключая немногих, груб; к крепким напиткам так пристрастен, что пропивает обувь, верхнее и даже исподнее платье... В употреблении пищи простой народ не знает никакой умеренности. На пиршествах не имеет нужды в музыке, только бы бренчал гудок. Но справедливость требует сказать, что гостеприимство есть общая добродетель Русских, так что ничем нельзя скорее рассердить их, как отказавшись от угощения. Если к ним пожалует гость, то ласковый прием состоит в следующем: прежде всего поздороваются с гостем, а после женщина подносит стакан водки; гость должен выпить, поцеловаться с хозяевами, а часто и отдарить их...»[251]. Адольф Лизек

[247] Сведения о России конца XVI в. Паоло Кампани. С. 82–83.

[248] Донесение австрийского посла о поездке в Москву в 1589 году. С. 110.

[249] Севастиан Главинич о происшествиях Московских 1661 г. С. 9.

[250] Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т. II. С. 236.

[251] Статистическо-географическое описание российского государства в начале XVII столетия. Адольф Лизек. Донесение о посольстве. С. 382.

также сообщил об одежде русских, о стрижке волос, почтительном отношении к бородам, о русских женщинах, их внешнем облике, одежде, занятиях в быту.

Член миссии Ордена иезуитов Иржи Давид так писал о русских в конце XVII в: «По своей природе русские очень способны ко всяким наукам, но безграмотны и темны из-за отсутствия у них обучения и образования. Это нельзя исправить, если не распространять здесь знания. Постигают они все не спокойно, а стремительно, жадно, неистово. Они восприимчивы также к овладению всякими искусствами, как изящными, так и механическими, но изделия их крупные, грубые, непрочные. В том, что они изучают на родине, они очень искусны, но учиться за границу не ездят, а если бы ездили, то могли бы ввести в свое отечество искусства всех стран... Коварны они чрезвычайно, скло́нны к хитрости и обману... К питию они весьма склонны, и мужчины и женщины, и какой бы большой ни поднести им стакан водки или пива, выпивают до дна, даже натощак или будучи уже пьяными»[252].

Этот исключительно сложный для оценки и важный вопрос затронул в 1699 г. и Иоанн Георг фон Корб, секретарь посольства Священной Римской империи германской нации в Москву: «Я думаю, что ни один народ в свете не отличается толиким числом внешних знаков, выражающих истинное благочестие, толиким числом благовидных личин честности, как этот, который в то же время, без сомнения, далеко превосходит народы всего света лицемерием, обманом, вероломством и необузданным дерзновением на всякаго рода преступления. И это я говорю не из ненависти: это правдивое, естественное свидетельство, в истине котораго каждый несомненно уверится, кто только будет иметь случай войти с Русскими в более частые сношения»[253]. И еще: «В праздничные дни Русские только по утрам не занимаются работою, причем отправляют свои празднества на рассвете, и даже по большей части во мраке пред рассветом; днем же, если не занимаются работою, предаются пьянству, так что, когда Русские отправляют праздник или (как они говорят) «бражник», то всегда надо ожидать пожара»[254]. За эти и подобные им оценки сочинение И.Г. Корба вызвало возмущение в Москве, привело к всплеску дипломатической переписки между Москвой и Веной и к извинениям перед Москвой со стороны бывшего посла Игнатия Христофора Гвариента.

23 июня того же 1699 г. член миссии Ордена иезуитов в Москве Эмилиани Франциск Иоанн писал в своем донесении провинциалу Ордена: «...Больше ни о чем нельзя разсуждать с такими людьми, потому что они собственно скоты, совершенно такие же, как любой из диких американских народов...»[255]. Такие люди — это наши с вами предки, уважаемый читатель. Ф.И. Эмилиани был уверен в безопасности канала связи, поэтому писал так, как думал, не особенно заботясь о выборе интеллигентных выражений.

[252] *Давид. И.* Современное состояние великой России или Московии. С. 140–141.

[253] Дневник Иоанна Георга Корба во время посольства Императора Леопольда I в Московское Государство в 1698 г. и проч. Перевод с Латинскаго Б. Женева и М. Семевскаго. С. 271.

[254] Там же.

[255] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 29.

Географический блок. Географическая разведка являлась одной из важнейших и постоянных составляющих частей разведывательной деятельности Рима наряду со сбором информации политического, военного, экономического, религиозного и социально-этнографического характера. При этом географическая разведка включала в себя не только сбор сведений путем опросов информированных лиц из числа чиновников и дипломатов, военных и мореплавателей, купцов и путешественников, охотников и рыбаков, местных жителей и других. Для ведения разведки Рим широко использовал направление в интересующий регион посольств и миссионеров различных католических орденов, францисканцев, доминиканцев, августинцев, иезуитов и других.

Разведывательное географическое направление в деятельности Рима и католических орденов возникло задолго до открытия Христофором Колумбом Нового Света, задолго до наступления эпохи Великих географических открытий. Рим целенаправленно и настойчиво проводил политику проникновения на далекие территории и закрепления там с целью распространения католичества и духовной власти Римской католической церкви. Уже тогда в планах Рима огромными буквами были записаны такие перспективные, на его взгляд, территории, как страна великого монгольского хана, Индия, Китай, Эфиопия и другие.

В середине XIII в., после смерти хана Угэдэя (1241), монголы прекратили свое завоевательное продвижение в Западную и Южную Европу. Проблемы внутреннего порядка помешали монголам двигаться дальше, «к последнему морю». Именно в это время у Рима и ряда католических монархов зародилась идея установления с монголами дружественных дипломатических отношений с далеко идущими целями. Их было несколько, но все они были необычайно важны для Рима. Папский престол надеялся с помощью монголов преодолеть или разрушить те преграды, которые были воздвигнуты мусульманскими странами на торговых путях между Европой и сказочно богатым Востоком. Кроме того, монголы могли явиться тем военным и политическим союзником, тем инструментом, который бы помог Риму решить главную задачу крестовых походов. И, наконец, Римская католическая церковь надеялась, что ей удастся добиться впечатляющих успехов в распространении христианства на огромной, еще плохо известной Европе азиатской территории, населенной разными народами и контролируемой монголами.

Попыток установления дипломатических отношений Римом с монголами было много. Как пишет Р. Хенниг, «...начиная с 1245 г. число таких попыток сильно возросло, причем они растянулись на значительный период. Как в политическом, так и в религиозном отношении результаты этих неоднократных попыток, по правде говоря, были весьма скромными. Но они привели к значительному расширению географических знаний и, что особенно важно, послужили косвенным поводом к открывающим новую эпоху путешествиям на Дальний Восток»[256]. Приведем несколько примеров.

В апреле 1245 г. папа Иннокентий IV (1243–1254) направил из Лиона к монгольскому хану францисканца Джованни Пьяно дель Карпини (Иоанн Плано Карпини, 1182–1252) с задачей установления дипломатических отношений. Миссия закончилась без каких-либо результатов. В ноябре 1247 г. Карпини вернулся в Лион.

[256] *Хенниг Р.* Неведомые земли. Т. 3. С. 37.

В 1249 г. король Франции Людовик IX Святой направил к монголам монаха доминиканца Андре Лонжюмо (Лонжюмель). Вместе с ним в дальнее путешествие отправились еще два доминиканских монаха, Жак и Гильом. Перед ними была поставлена задача установления дипломатических отношений с великим монгольским ханом и ведения миссионерской деятельности. В апреле 1251 г. Андре Лонжюмо со спутниками вернулся в Европу. Цель миссии не была достигнута.

Через несколько лет, в 1253 г., тот же король Людовик IX Святой направил к монгольскому хану Сартаку (сыну хана Батыя) в качестве главы дипломатической миссии монаха францисканца Виллема (Гильома) Рубрука. Несмотря на то, что Рубрук находился в ставке Сартака более 6 месяцев, цель миссии не была достигнута, и в 1255 г. он вернулся в Европу. Вместе с тем после возвращения Рубрук сообщил, что Каспийское море не является заливом океана, как полагали географы того времени.

13 июля 1289 г. папа Николай IV (1288–1292) направил письмо к монгольскому хану Хубилаю, в котором писал: «От Николая Хубилаю (Кобла-хану), великому государю татар, прежде всего привет, да приведет он к грядущей славе!... Мы охотно идем навстречу твоему царскому желанию в этом отношении и хотим к тому же, чтобы ты тотчас приготовился к принятию христианской веры, той, о которой печется и которую хранит римская церковь. И прими ты этого моего представляемого тебе здесь сына, брата Иоанна Монтекорвино, с его спутниками из Ордена миноритов, избранного нами и посланного к тебе подателем сего письма, и пойди ревностно ему навстречу... Он присоединяет к сему просьбу, чтобы встретили его приветливо и чтобы ты для достижения вечного блаженства принял к сердцу его учение»[257]. Первая поездка окончилась безрезультатно, и в 1290 г. Джованни Монтекорвино вновь отправился в дальнее путешествие. Он посетил Персию, Индию и в конце 1293 г. прибыл в Пекин, где прожил 36 лет до своей смерти. Сохранились два его письма-отчета папе Римскому Клименту V (1305–1314), от 8 января 1306 г. и от 5 февраля 1307 г. В этих письмах он сообщал много интересной информации о Китае. Ватикан возлагал большие надежды на миссионерскую деятельность Монтекорвино, и в 1307 г. он был рукоположен в сан архиепископа «всей империи Катай» с местопребыванием в Пекине. Письма и комментарии к ним приведены Р. Хеннигом в III томе книги «Неведомые земли».

В апреле 1318 г. францисканский монах Одорико Маттиусси ди Порденоне отправился в долгое двенадцатилетнее странствие по Азии, Китаю и Тибету. Вернувшись в 1330 г. в Италию, Одорико по заданию главы Ордена Гуйльельмо Соланья подготовил отчет о своем путешествии («О чудесах мира»), который «...служит во многих отношениях очень ценным и полезным дополнением к “Книге Марко Поло”»[258].

По поручению папы Бенедикта XII (1334–1342) в декабре 1338 г. в Пекин в качестве папского легата был направлен францисканский монах Джованни Мариньола. Цели он не достиг и в 1353 г. вернулся в Авиньон. Отчет ему пришлось писать уже папе Иннокентию VI (1352–1362). По оценке исследователей, сообщаемые им сведения о Китае поверхностны и слабы.

---

[257] Там же. С. 136.

[258] *Хенниг Р.* Неведомые земли. Т. 3. С. 190.

Насколько Ватикан был заинтересован в получении сведений географического характера о странах Востока, свидетельствует следующий пример. Один венецианский купец, Николо Конти, совершил в 1419–1444 гг. 25-летнее путешествие по странам Азии и Дальнего Востока, посетил Персию, Индию и другие страны. Путешествовал он вместе со своей семьей. Вот что рассказывал об этом человеке Джованни Франческо Поджо Брачолини (1384–1459), секретарь папы Евгения IV (1431–1447): «Некий венецианец Николо, проникший в глубь Азии, пришел к папе Евгению IV, находившемуся тогда во Флоренции, с намерением испросить отпущение грехов, ибо когда, возвращаясь из Индии, прибыл он на границу Египта к Красному морю, то вынужден был отречься от своей веры, не столько из страха перед смертью, сколько из-за опасности, угрожавшей сопровождавшим его жене и детям. Я жаждал беседы с ним, ибо слышал о нем очень много достойного внимания. Как на собраниях ученых мужей, так и в собственном доме я расспрашивал его очень обстоятельно о различных вещах, которые, на мой взгляд, заслуживали того, чтобы сохранить их в памяти и записать»[259].

Как и следовало ожидать, папа пообещал дать отпущение грехов Николо Конти, но только после того, как тот продиктует подробный отчет о своих странствиях по странам Востока папскому секретарю Брачолини. Что могло быть проще для Конти? И как нужна была эта информация о сказочно богатых странах Востока Риму!

«Сделка», если ее можно назвать таковой, состоялась, отчет продиктован, отпущение грехов получено, заинтересованные стороны остались очень довольны друг другом. История сохранила отчет Николо Конти, который был опубликован Поджо Брачолини в его книге (см.: Bracciolini P. Historia de varietate fortunae, lib. IV // Bellemo V. I viaggi di Nicolo Conti. Milano, 1883). Немецкий историк землеведения Зигмунд Гюнтер писал об этом отчете: «Хотя в нем нет.недостатка в фантастических вымыслах, все же его можно отнести к числу ценнейших произведений средневековой литературы, посвященных путешествиям»[260]. Добавим, что, как пишет Е.Ч. Скржинская в комментариях к книге Иосафата Барбаро «Путешествие в Тану» (М.: «Наука», 1971), Николо де Конти иногда считают вдохновителем картографа Фра Мауро из монастыря св. Михаила, создателя карты мира 1459 г.

И такие примеры, когда Рим, желая получить сведения географического характера, фактически проводил разведывательные опросы купцов, путешественников и других осведомленных лиц, не единичны. Р. Хенниг в своей книге «Неведомые земли» рассказывает о флорентийском купце по имени Бартоломео, который 24 года (1400–1424) странствовал по странам Востока и после возвращения в Италию представил отчет о путешествиях папе Евгению IV. Судя по всему, отчет содержал настолько интересные сведения, что М. Бехайм даже сделал на него ссылку на своем глобусе[261].

Выше мы уже говорили о том, что Европа была практически отрезана от рынков Востока мусульманскими странами, что являлось исключительно действенным стимулом для поиска европейцами иных, безопасных и коротких путей в Индию, Китай

---

[259] Цит. по: *Хенниг Р.* Неведомые земли. Т. 4. С. 44.

[260] Там же. С. 51.

[261] Там же.

и Персию, в том числе и через территорию России. Весьма интересное предложение было сделано неким венецианским дворянином Джозафатом (Иосафатом) Барбаро (1413–1494). В 1436–1451 гг. Барбаро побывал в России и прилегающих странах, в 1474–1478 гг. жил в Персии. Основываясь на собственном опыте путешественника и добытых сведениях географического характера, Барбаро «...указал на то, что можно в сотрудничестве с русскими князьями обойти турецкие преграды и достигнуть пути Аму-Дарья — Инд по Волге и Каспийскому морю»[262]. По мнению Барбаро, такой путь в Индию через Российское государство был бы намного короче и безопаснее морского пути вокруг Африки. О своих путешествиях Барбаро написал книгу «Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина». Спустя несколько десятилетий, в 1543–1545 гг., она была издана в Венеции Джан-Батиста Рамузио. Предложение Барбаро не было забыто. Напротив, XVI и XVII столетия полны примерами, когда по указанному венецианцем Барбаро пути двигались как иностранные купцы, так и миссионеры различных католических орденов. Причем как из Европы в страны Востока, так и обратно, из этих стран через Москву в Европу.

Активность миссионеров, членов доминиканского и францисканского орденов, в странах Востока на рубеже XIII–XIV столетий достигла такого размаха, что они стали мешать друг другу, стали возникать и накаляться межорденские проблемы. И чтобы снять их, 1 апреля 1318 г. папа Иоанн XXII подписал буллу «Redemtor noster», которой разделил сферы влияния между доминиканцами и францисканцами. Если не вдаваться в детали, то францисканцам достался Китай и территория Золотой Орды, а доминиканцы получили Индию, Восточную Татарию (включая Персию) и Эфиопию. Размах разведывательной деятельности производил большое впечатление.

Историк Я.М. Свет привел интересные данные, нагляднейшим образом характеризующие степень внимания одного из пап Римских, Николая IV (1288–1292), к странам Востока: «Из 7652 документов понтификата Николая IV более 2 тыс. посвящено восточным делам — цифра для XIII в. беспрецедентная»[263]. Заметим, что, по нашему мнению, ни одно европейское государство не располагало на протяжении XIII–XVII столетий таким объемом и таким качеством разведывательной географической информации, как Рим. В этой связи исключительно интригующим представляется заявление папы Римского Пия IX, сделанное в 1851 г.: «Когда документы, относящиеся к открытию Колумба, будут доведены до всеобщего сведения, станет совершенно ясным, что Колумб отправился в свое великое путешествие по подсказке и с помощью Святого престола»[264]. Сказано оглушительно четко, только когда эти документы будут доведены до всеобщего сведения?

Поэтому совсем не удивительно, что на заре Великих географических открытий, в 1494 г. в Тордесильясе и в 1529 г. в Сарагосе, папы Александр VI и Климент VII, соответственно, приняли самое активнейшее участие в самом первом разделе мира. При своем посредничестве они руководили дележом уже открытых и

[262] Там же. С. 396.

[263] *Северак Ж. де.* Чудеса, описанные братом Журденом из ордена проповедников, уроженцем Северака и епископом города Колумба, что в Индии наибольшей // После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. М., 1968. С. 69. Прим. 91.

[264] Цит. по: *Черняк Е.Б.* Интриги старины глубокой. М.: РИПОЛ-КЛАССИК, 2003. С. 182.

еще не открытых заморских территорий между двумя первыми морскими колониальными державами в истории человечества — Испанией и Португалией.

Именно в это время, в самом начале XVI в., европейские государства поняли, что любая попытка заняться поиском и присвоением заморских богатств на «закрепленных» договорами территориях неотвратимо приведет к военно-политическому конфликту с Испанией или Португалией. Естественно, никто из монархов связываться с ними не желал. Сразу же начатый поиск альтернативных путей к богатым странам Востока указал на Московское государство и Сибирь как на территорию, связывающую Запад и Восток. Через Московское государство и Сибирь (и вокруг Сибири) лежали еще не найденные и не освоенные пути к шелкам Персии, пряностям, золоту и жемчугу Индии и Китая, к другим невиданным сокровищам и восточным экзотическим товарам. Московия и Сибирь вошли в перечни геополитических интересов европейских государств и Рима, стали объектами их разведывательных устремлений.

История сохранила весьма интересный пример. Живший и торговавший в Севилье английский купец Роберт Торн, обобщив известные ему сведения об успехах Испании в открытии и завоевании богатых заморских земель, как говорит историк В.Н. Берх, «возмечтал», что удобнее всего достигнуть Индии через Северный полюс. И эта идея получила свое развитие в реальной жизни уже в 1527 г. (а ведь только-только было завершено первое кругосветное плавание и было доказано, что Земля — шар). Именно в 1527 г. Роберт Торн обратился с предложением к королю Англии Генриху VIII и английскому посланнику при дворе короля Испании Карла V, доктору Лею, в котором просил разрешения снарядить морскую экспедицию для открытия этого пути. Р. Торн заверял: «1, что путь к Молуккским островам сократится 6000 милями (10 500 верст); 2, что плавания опаснаго только около 9 миль по обе стороны полюса, и 3, что около полюса также тепло, как в Англии; а поелику там солнце не заходит долго под горизонт, то плавание еще гораздо удобнее, нежели на прочих морях»[265]. Король Генрих VIII оценил предложение как стоящее, и 20 мая 1527 г. экспедиция из двух хорошо снаряженных кораблей вышла из Темзы и направилась открывать северный морской путь в Индию. Как писал В.Н. Берх со ссылкой на Ричарда Гэклейта (1557–1616), известного собирателя сведений о географических открытиях, один корабль пропал без вести, другой, «Dominus Vobiscum», вернулся в Англию в октябре того же года без каких-либо ожидавшихся результатов. Экспедиция закончилась печально.

Сведения географического характера о Московии и путях в страны Востока, которые собирали иностранцы, можно классифицировать следующим образом: во-первых, сведения о Московии; во-вторых, сведения о Сибири; в-третьих, сведения о торговых транзитных путях через Московию и Сибирь (или вокруг Сибири) в страны Востока — Индию, Китай, Персию и др. Все эти сведения включали в себя информацию:

– о местонахождении Московского государства, его границах, протяженности территории с запада на восток и с юга на север; соседних (граничащих) государствах с описанием протяженности совместной границы;

[265] *Берх В.Н.* Хронологическая история всех путешествий в северныя полярныя страны, с присовокуплением обозрения физических свойств того края. Часть 1. СПб., 1821. С. 8.

– о местонахождении столицы Московии — города Москвы, ее описание с указанием размеров (как правило, указывался периметр или протяженность по берегу Москвы-реки), характеристика крепости (Кремля), жилых строений, мостов, храмов и других объектов на территории Москвы, численность населения, расстояние до границы;

– о местонахождении главных административных, торговых центров и крепостей Московского государства, их описание, расстояние до столицы, численность населения;

– о реках, их глубине, ширине, основных притоках, судоходности, устьях; озерах; об акваториях морских портов, ширине и глубине фарватеров; горах, лесах, пустынях, их проходимости в летнее и зимнее время;

– о расстояниях между городами и другими географическими объектами в верстах (других единицах длины) или в днях пути;

– об основных торговых путях через территорию Московского государства и Сибирь (или вокруг Сибири) в страны Востока, их описание, протяженность, предпочтительный вид транспорта, наличие населенных пунктов по маршруту, проживающие народы и заслуживающие внимания характеризующие их сведения; предпочтительное время года для передвижения, условия личной безопасности, хранения и перевозки товара и др.

– особенности климатических условий, продолжительность дня и ночи в разное время года.

Перечисленные выше сведения, включая местные названия географических объектов, в той или иной мере нашли свое выражение в обзорах, отчетах, донесениях, картографических материалах и других документах, которые шли в Рим от самых разных участников разведывательного процесса. На некоторые мы уже ссылались, на другие будем ссылаться в последующих главах. Нужно иметь в виду, что уже в XVI в. при ведении географической разведки использовались инструментальные методы измерения географической широты городов и других объектов, расстояний между населенными пунктами (астролябии, мерные колеса, мерные цепи, мерные верви и др.).

Основными носителями географической информации в XVI–XVII столетиях являлись:

– географические карты;

– описания географических карт, т.н. «чертежи»;

– дорожники, или описания транспортных путей между населенными пунктами. Дорожники содержали описания путей через Уральский хребет на реку Обь и дальше через Сибирь до Китая, на реку Амур или до Тихого океана; от Холмогор на реку Мезень, затем на реку Печору до Пустозерска и через Северный Урал на реку Обь; в дорожниках можно было найти описание практически всех транспортных направлений;

– планы, схемы, рисунки и зарисовки городов, крепостей, деревень, других географических объектов;

– «скаски» землепроходцев, отписки воевод и казачьих атаманов;

– статейные списки российских посольств и дипломатическая переписка; отчеты и донесения иностранных дипломатических миссий;

– путевые записки купцов, дипломатов, иностранных военнопленных или ссыльных;

– материалы инструментальных измерений географических координат географических объектов, расстояний между географическими объектами, глубин морского или речного дна, высоты гор и т.п.

– материалы о климатических характеристиках той или иной местности в разное время года, проходимости дорог, количестве осадков зимой и летом, продолжительности дня и ночи и т.п.

– к носителям географической информации о Сибири, о транспортных путях через Сибирь (вокруг Сибири) в богатые страны Востока следует также отнести информированных лиц из числа чиновников правительственных учреждений, воевод, землепроходцев, казаков, купцов, охотников и рыбаков, других категорий царских подданных и иностранцев.

Обратим внимание, что по названиям географических объектов Московии и Сибири и русских товаров Европа того времени начинала изучать русский язык.

Франческо да Колло, дипломат Священной Римской империи германской нации, венецианец, приезжал в Москву с дипломатической посреднической миссией по склонению короля Польши и великого князя Литовского Сигизмунда I Старого и великого князя Московского Василия III Ивановича к миру. В Москве он находился с 25 июля 1518 по 4 января 1519 г.

Франческо да Колло являлся одним из первых, кто (в своем «Доношении о Московии») сообщил очень нужные сведения о Московском государстве: «Имеет сей князь под господством и полною властью своею одну и другую Русь целиком, то есть черную и белую, кои суть царства громаднейшие. Черная, которая именуется Русью Королевской, почти непрерывно ведет войну против Южной Ливонии и весьма часто ведет сражения на замерзшем море. Белая же Русь ведет войну против Ливонии Северной и весьма часто сражается в северном Ливонском море... И одна и другая Русь вместе ведут войну против Короля Польского и Великого Герцога Литовского и против Самогитов, Прусов и Курляндцев. Помимо сих двух Русей и Княжества Московского названный Князь имеет под собою Княжество Володимерское, Княжество Смоленское с областью Смоленскою... Держит под собою также Царство Псковское... Княжество Тверское, Княжество Югорское, Область Сибирь, Царство Новгородское... Княжество Пермское, очень большая область; Княжество Вятское, Болгарское, царство Нижненовогородское... область Черенигова, некогда царство; княжество Рязанское... княжества... Волоцкое, Ржевское, Бельское, Устюжское, Ростовское, Ярославское, Белозерское, Обдорское, Хмельское, Клинское, Зубцовское... Суздальское, Биармия... Владеет еще сей князь областью Казанской, названной Ордой, взятой из рук императора татар Казани, за какую сии татары, даже будучи магометанами, выплачивают ежегодно дань вышеназванному Светлейшему князю...»[266]. Да разве мог Рим иметь такие сведения до получения отчета Франческо да Колло?

Франческо да Колло также писал: «...когда я находился в Москве, я попытался со всем терпением и ученостью установить достоверно, каково расстояние го-

[266] Итальянец в России XVI в. Франческо да Колло. Донесение о Московии. С. 61–62.

рода Московы до Северного Ледовитого Океана, который на большом пространстве служит границей для провинций и областей этого Князя, — и благодаря полученным совпадающим сообщениям, и имея в виду промежуточные области, в особенности Югру, Биармию, Карелию с такими промежуточными отдельными горами Рифейскими и Гиперборейскими, долинами и склонами, расстояние в любом случае должно было бы превышать 400 лиг, к коим надобно добавить 164 лиги, какие я преодолел от границ Литвы до самого города Московы, все по землям Князя; следовательно, от границы с Литвою, которая располагается на юге, вплоть до названного Ледовитого Океана должно было бы быть лиги 564, что составляет 2820 итальянских миль. Из счета исключены острова, которые могли бы покрывать пространство в 240 лиг. Равным образом и ширина этого государства Его Светлости должна почитаться обширнейшей и не менее 400 лиг, — принимая во внимание ширину одной и другой Руси, Черной Королевской и Белой, которые простираются более в ширину, нежели в длину»[267]. Франческо да Колло рассказал о Рифейских и Гиперборейских горах, о русских реках Волге, Доне, Днепре, Северной Двине, Западной Двине и некоторых других, допустив некоторые географические ошибки или неточности. В частности, он полагал, что Волга никак не может впадать в Каспийское море и что она впадает в Черное море. Конечно, его «Доношение», в том числе географические плюсы и минусы, достаточно изучены различными исследователями, и возвращаться к ним нет никакой необходимости.

Пытаясь склонить папу Климента VII к активным действиям, направленным на обращение Московии в католичество, видный церковный деятель **Альберт Кампензе** писал ему ориентировочно в 1523 г.: «Московия, лежащая в дальнем от нас расстоянии, по направлению к востоку, занимает в длину и ширину огромное пространство. Протяжение ее от запада на восток составляет более шестисот миль Немецких, или трех тысяч миль Итальянских, а именно: от Новгорода до Москвы пятьсот Итальянских, или сто Немецких миль (следовательно, Лапландия, лежащая гораздо выше Новгорода, отстоит от Москвы еще далее); от Москвы до Вологды сто Итальянских миль; от Вологды до Устюга столько же; от Устюга до Вятки столько же; от Вятки до Печоры тридцать Немецких миль и столько же отсюда до Вогуличей. Сему последнему народу сопредельны многие Скифские племена, живущие далее к Северовостоку в Азиатской Сарматии и также подвластные Московитянам. В ширину, т.е. с юга на север, Московия простирается от земли Руссов и Литвы вплоть до Океанов Скифского и Северного. С запада она граничит с Ливонией, Балтийским морем и с Лапландией, а с востока не замыкается общими пределами Европы; но простирается далеко за Танаис, составляющий границу Европы и Азии и даже за Ра, величайшую из рек Азиатской Сарматии, вплоть до Гиперборейской Скифии, лежащей на северовосточном краю Азии»[268] (названия географических объектов на латинском языке опущены).

Далее А. Кампензе рассказал о территориях, входящих в Московское государство. Оно «заключает в себе множество обширных областей и Княжеств... На север от Литвы прежде всего встречается Княжество Псковское, имеющее до трех-

[267] Там же. С. 66–67.

[268] *Кампензе А.* Письмо Альберта Кампензе к Его Святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836. С. 14–15.

сот тридцати Итальянских миль в длину и целою третью более в ширину. Столица сего Княжества есть Псков, обширный и укрепленный город... За несколько лет перед сим Василий, нынешний Государь Московский, завоевал это Княжество со всеми принадлежащими к нему землями... Коренных жителей перевел он в свои владения, а Псков населил Московитянами... На восток от оного нахотится Княжество Смоленское, которое по пространству своему гораздо обширнее, нежели Псковское. Главный город его есть Смоленск при реке Борисфен. Василий недавно отнял это Княжество у Короля Польского и уЛитовцев и присоединил к своим владениям... С севера и северовостока Смоленское княжество граничит с Княжеством Можайским, имеющим триста пятьдесят Итальянских миль в длину и столько же в ширину. Предшественник Василия, Иоанн, отнял его силою оружия у Александра, предместника ныне царствующего Короля Польского Сигизмунда. К северозападу от Можайского Княжества лежит Княжество Новгородское, в котором находится знаменитейший и богатейший из всех северных городов — Новгород, отстоящий от Балтийского моря на двести две мили. Он обширностью своею более Рима... В Новгороде встречается столько богатых и великолепных монастырей и столько храмов, изящно и пышно разукрашенных, что для описания одной церкви Св. Николая, весьма уважаемого Московитянами, потребуется не менее целого года. Этот знаменитый город, находившийся прежде под властью Литвы, был взят со всеми принадлежащими к нему землями у Казимира, одного из предшественников Сигизмунда, Великим Князем Иоанном, в лето спасения нашего 1479 и присоединен к Московским владениям»[269]. В этой части письма А. Кампензе говорил о тех княжествах, которые вошли в состав Московского государства «в последние сорок лет».

Затем он дал краткие характеристики таким княжествам, как Московское, Рязанское, Тверское, Ярославское, Суздальское и др., рассказал о подвластных Московии Казанской орде и Скифских племенах. Он их назвал Печоране, Вогуличи, Югры, Карелы, Башкиры и Черемисы. По словам А. Кампензе, все эти племена «находятся под властью Московитян, но доселе еще коснеют в идолопоклонстве»[270]. Письмо содержало подробные сведения о рельефе Московии, русских реках Волге, Днепре, Западной Двине, Доне, их истоках и устьях, протяженности, о Герцинском лесе и произрастающих в нем деревьях. «Московия представляет вид совершенной равнины, усеянной множеством лесов и пересекаемой по всем направлениям пространными реками, наполненными рыбою. Главнейшая из сих рек суть следующая: Борисфен, называемый у Московитян Днепром... Пробежав около трехсот Немецких миль, он впадает, не далее как в десяти милях от полуострова Таврического, в Черное море. Неподалеку от источников Борисфена берет начало свое другая река, называемая Двиною. Она стремится прямо на запад... и при Риге, городе Ливонском, изливается в Балтийское море. Источник Танаиса находится в Московии, в Княжестве Рязанском, в семи днях пути от города Москвы... пробежав около семисот Итальянских миль, впадает тремя рукавами в Меотийское озеро и как бы наполняет его водами своими. Московитяне называют Танаис Доном... река сия изобилует рыбою и обтекает земли самые тучные и плодоносные... Величайшая же из рек

[269] Там же.С. 20–22.

[270] Там же. С. 26.

Московии есть так называемая Волга, протекающая в Азиатской Сарматии и превосходящая величиною своею третью часть всех Европейских рек... разлившись бесчисленными рукавами по обширным Татарским степям, впадает в Каспийское море, в расстоянии двадцати дней пути от Казани. Все эти реки берут начало свое в местах низменных, болотистых и лесистых...»[271]. Учитывая споры в Европе о характере поверхности Московии, местах расположения истоков и устьев русских рек, сведения, которые были собраны А. Кампензе от своих родственников (отца и брата), долгое время проживавших в Москве, представляли бесспорную ценность.

Паоло Джовио. В 1525 г. в Риме принимали российского дипломатического посланника Дмитрия Даниловича Герасимова, и принимали его прекрасно. «А папа велел принять Димитрия в самой великолепной части Ватиканского дворца, где можно было видеть раззолоченные потолки, шелковые ложа и ковры выдающейся работы, и облечь его в шелковое одеяние. Кроме того, папа приставил к Димитрию, для сопровождения его по священным и мирским достопримечательностям города, Франциска Херегата, епископа апрутинского, часто отправлявшего отдаленные и весьма почетные посольства...»[272]. О Московском государстве знали так мало, что по поручению папы Климента VII и архиепископа Консентийского Иоанна Руфа сотрудник Ватикана Паоло Джовио опросил российского посланника Д.Д. Герасимова, выдающегося нашего соотечественника, дипломата и эрудита. Полагают, что он направлялся послом Московии в Швецию, Данию, Рим, Флоренцию, Пруссию и Австрию, был хорошо знаком с видным дипломатом Священной Римской империи германской нации бароном Сигизмундом Герберштейном.

Результаты проведенного опроса были обобщены, и в том же 1525 г. из-под пера П. Джовио вышла «Книга о посольстве Василия, великого государя московского к папе Клименту VII, в которой с особой достоверностью описано положение страны, неизвестное древним, религия и обычаи народа и причины посольства. Кроме того, указуется заблуждение Страбона, Птолемея и других, писавших о географии, там, где они упоминают про Рифейские горы, которые, как положительно известно в настоящее время, нигде не существуют». Повторим, что П. Джовио выполнял прямое поручение папы Климента VII и архиепископа Консентийского Иоанна Руфа, когда записывал рассказ российского посланника «легата Дмитрия» о далекой и такой загадочной для европейцев Московии. При этом П. Джовио не был просто случайно подвернувшимся человеком, которому дали такое серьезное поручение. Совсем не так. П. Джовио давно и целенаправленно по заданию Ватикана занимался сбором географических и иных сведений о заморских и далеких территориях, которые находились в поле зрения святейшего престола. В этом вопросе он был профессионалом географом и профессионалом литератором. В какой-то степени, возможно, и разведчиком-аналитиком. Об этом говорит как содержание текста, так и его расположение в книге в строгой последовательности по информационным блокам. Недаром уже после смерти П. Джовио, в 1575 г., в Базеле вышло в свет его сочинение под названием «Описание стран и островов, а также местностей», и в это сочинение вошла и «Книга о посольстве Василия, великого государя московского, к папе Клименту VII...».

[271] *Кампензе А.* Письмо Альберта Кампензе к Его Святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии. С. 27–29.

[272] *Джовио П.* Книга о московитском посольстве // Все народы едино суть. С. 487.

Безусловно, Ватикан был не просто из любопытства заинтересован в получении достоверной и подробной информации о Российском государстве. Эта информация была весьма нужна для выработки собственной позиции и долгосрочной политики по отношению к России.

Однако нельзя считать, что Дмитрий Герасимов безответственно выбалтывал российские секреты первым встречным иностранцам. На самом деле он выполнял поручение великого князя Московского Василия III Ивановича по целенаправленному доведению до Рима и европейских государств выгодной для России информации. Информации политической, экономической, военной и географической. Успешное решение этой задачи позволило бы непредвзято и компетентно познакомить европейцев с Россией и создать благоприятные условия для установления взаимовыгодных дипломатических и торговых отношений со странами так называемого дальнего зарубежья. В данном случае интересы Ватикана и России совпали: Ватикан хотел информацию получить, а Россия хотела эту информацию передать.

И прием-передача были успешно проведены. Исследователь древних русских карт Московии Б.А. Рыбаков отметил, что «...прекрасное знание латыни позволило шестидесятилетнему ученому и дипломату, “отличавшемуся веселым и остроумным характером”, не только развлекать на пирах папских сановников рассказами о медведях в России, но и продиктовать Павлу Иовию целую книгу о Московии, ее географии, природе, этнографических особенностях разных народов...»[273]. Устный рассказ о Российском государстве Д.Д. Герасимова и показанная им иностранцам карта Московии послужили не только базой или основой для издания П. Джовио книги, но и для издания знаменитым венецианским картографом **Баттистой Аньезе** карты Московии. Не исключено, что оба автора также использовали и те сведения, которые им сообщил Паоло Чентурионе, и которые были собраны во время дипломатических поездок в Москву. Примечательно, что автор карты Московии Баттиста Аньезе указал в заголовке карты имя Дмитрия Герасимова. Конечно, иностранные карты с изображением Московии издавались и ранее, например, карты Ф. Мауро (1459 г.), О. Магнуса (1497 г.), М. Вальдзеемюллера (1516 г.) и другие. Но то были иностранные карты, и Московия изображалась фрагментарно, отдельными частями, вместе с другими государствами, а здесь была карта, основанная на сообщении видного русского дипломата, хорошо осведомленного в том, что он рассказывал. Безусловно, ей можно было верить и на ее основе принимать важные политические решения. Несмотря даже на то, что свои рассказы о Московии Д.Д. Герасимов иллюстрировал русскими охотничьими рассказами, заметьте, на латинском языке. Русский фольклор внушал иностранцам полное доверие к информации. Особенно в исполнении талантливого дипломата и рассказчика. Как пишет историк картографии Л. Багров, космограф Венецианской республики Джакомо Гастальди включил в 1548 г. карту Московии Б. Аньезе в свое издание «Географии» Птолемея[274]. В главе, посвященной разведке Сибири и путей в богатые страны Востока, мы еще встретимся с П. Джовио, Б. Аньезе и П. Чентурионе, а сейчас поговорим о полученных П. Джовио сведениях о Московском государстве.

---

[273] *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV – начала XVI века. М., 1974. С. 71.

[274] *Багров Л.* История картографии. С. 271.

П. Джовио подробно рассказал о соседях Московского государства: «С востока соседями Московии являются Скифы, ныне именуемые Татарами, народ кочевой и во все века славный своею воинственностью. В качестве домов Татарам служат повозки, крытыя войлоками и кожами... Татары разделяются на Орды... Известно, что число орд почти бесконечно, так как Татары занимают весьма широкия и пустынныя местности вплоть до Китая, славнейшего государства на краю восточного Океана. Живущие ближе других к Московитам известны им по торговым сношениям и частым набегам»[275]. Остановимся на мгновенье. Вся Европа ищет пути в богатые страны Востока, в том числе в Китай, на которые не распространялась бы власть Испании и Португалии, а тут приехавший из Московии посланник Димитрий мимоходом говорит, что Московия почти соседка Китая, их разделяют только татарские орды. Причем соседние татары московитам хорошо известны, они с ними торгуют. П. Джовио должен был быть очень доволен. Разве это не ценнейшая информация, указывающая на Московию как на хозяйку путей в Китай?

Рассказав о Крымских татарах, П. Джовио далее продолжал: «За Волгой Казанские Татары свято чтут дружбу с Московитами и заявляют себя их послушниками. Выше Казанских Татар, к Северу живут Шибанские, могущественные множеством стад и людей. За ними живут Ногайские Татары, которые имеют ныне наивысшее значение по своему богатству и воинской славе... За Ногаями, если свернуть немного к югу, в направлении к Гирканскому морю, живут самые знаменитые из Татар, Загатайские. Они населяют города, выстроенные из камня, и имеют царственный город Самарканд, выдающийся по своей величине и славе... Из этой страны к московитам вывозится очень много шелковых одежд. А южные Татары не доставляют ничего, кроме стад быстрых коней и знаменитых белых материй, не тканых из нитей, а свалянных из шерсти...

...У Московитов же Татары берут взамен шерстяныя рубашки и серебряную монету... С юга границы Московитов замыкаются теми Татарами, которые занимают равнину, обращенную к Герцинскому лесу, выше Меотидскаго болота, в Азии и отчасти в Европе, около рек Борисфена и Танаида... Литва таким образом обращена к Московии со стороны дуновения Северо-Западнаго ветра, с запада же средина Пруссии и Ливонии входит в самые Московские пределы там, где Сарматское море, разбиваясь о теснины Кимврскаго Херсонеса, лунообразным заливом изгибается к Северу. На отдаленном же берегу этого Океана, где обширнейшия королевства, Норвегия и Швеция, соединяются с материком как бы наподобие перешейка, живут Лапландцы; дикость и подозрительность этого народа превышают всякое вероятие... С Севера же власти Московитов повинуются бесчисленныя народы, которые простираются до Скифскаго Океана на расстояние почти трехмесячнаго пути...»[276]. Сарматское море — так в давние времена называли Балтийское море; Скифский океан — Северный Ледовитый океан; Меотидское болото — Азовское море. По словам П. Джовио, залив Кимврского Херсонеса находится там, где расположен порт Любек.

Паоло Джовио рассказал также о столице Москве, некоторых городах (Новгороде, Владимире, Пскове, Твери, Устюге и др.), о реках Волге, Северной и Западной

[275] Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. СПб., 1908. С. 257–258.

[276] Там же. С. 258–261.

Двине, Юге, Днепре, Доне, Оке, Москве; о пути от Рима до Москвы (через Равенну, Тревизу, Каринтские Альпы, Вену, Краков, Вильно и Смоленск, протяженность пути две тысячи шестьсот миль); о климатических особенностях зимы и лета, и особенностях сезонного проезда по российской территории; объяснил, почему народ называется московиты и т.д. Паоло Джовио включил в книгу и сведения о том, что из устья Северной Двины можно, двигаясь на восток и «держась правого берега», добраться на кораблях до Китая. Сногсшибательная информация! В главе, посвященной разведке Сибири, мы об этом еще поговорим.

В том же 1525 г., практически одновременно с происходившими в Риме событиями с участием российского посланника Д.Д. Герасимова, через город Тюбинген (ныне город в Федеративной Республике Германии) проездом из Испании в Москву возвращались российские послы князь Иван Иванович Засекин-Ярославский, дьяк Семен Борисович Трофимов и толмач посольства Влас Игнатьев. Воспользовавшись благоприятным случаем, эрцгерцог Австрийский Фердинанд поручил своему духовнику, коадъютору Венского епископа **Иоганну Фабри**, опросить прибывших в Тюбинген дипломатов о Московском государстве и православии. По итогам опроса И. Фабри написал трактат «Религия московитов», опубликованный в январе 1526 г. в Базеле. О Московском государстве в нем можно было прочитать следующее: «Итак, рутены, или московиты, расположены более к востоку, весьма близко от Борисфена, граничат с одной стороны с литовцами и далее с поляками, а с другой с татарами. Эти татары постоянно ведут против них войну, совершая частые набеги. Они терпят почти все время бесчисленные невзгоды войны также от каффского царя, который, несомненно, в отношении военной силы является могущественнейшим среди татар и название [свое] получил от Каффы, живя близ моря в Херсонесе Таврическом. Итак, с севера они окружены Ледовитым морем, коего берег, хотя и весьма обширен, почти весь принадлежит герцогу московскому. Это то самое море, которое древние называли Кроновым озером по причине почти постоянного льда на нем… Море, которое по причине великого холода, господствующего на севере, и особенно большого в той части, которая наиболее удалена от солнца, обычно замерзает на много тысяч шагов… империя князя Московского воистину весьма обширна и протяженна, охватывая немалые территории в Азии, а также в Европе. Град Москва — поскольку иначе мы никак не сможем понять, каков он, то путем следующего сравнения словно бы представим его глазам самым доступным образом — больше Колонии Агриппины (т.е. Кельна — *прим. авт.*), как сообщили [московитские послы], которые, проезжая через этот город, его осмотрели, пожалуй, с большим тщанием, чем остальную Германию. Не меньшей, однако, чем Москва, величины другие города: Владимир, Псков, Новгород, Смоленск, Тверь, застроенные, по рассказам, пышными царскими хоромами, а также хорошо укрепленные стенами, которые сооружены из тесаного камня или из обожженного кирпича. По сравнению с другими особенно сильно укреплен Псков, опоясанный тремя стенами. Прочие же города, коим у них несть числа, не столь знамениты…»[277]. Еще раз отметим, что сам Иоганн Фабри никогда в Московии не был, а все сведения он получил от проезжавших через Тюбинген российских дипломатов в перево-

[277] Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов» // Россия и Германия. Вып. 1. М., 1998. С. 17–18.

де толмача Власа Игнатьева. И хоть эти сведения мало содержали конкретики, они заслуживали внимания, их авторами были не иностранцы, а высокопоставленные русские, жители Московии. Основные вопросы И. Фабри относились к православию, и об этом мы поговорим ниже.

В Ватиканском Архиве хранится «Донесение о Московии» венецианского дипломата **Марко Фоскарино**, посетившего Москву в 1557 г. Он тоже вложил свой вклад в банк географических сведений о Московии (кое-что, правда, он почерпнул из опубликованной ранее книги Паоло Джовио): «Московия — огромная, почти беспредельная страна, ибо тянется в восточном и северном направлениях к Скифскому морю, расположена между Польшей и Татарией и простирается от жертвенников Александра Вел., что у истоков Танаида, до самого края земли. Московия граничит [также] с Рипейскими горами, занимает крайние северные пределы Европы и Азии и простирается от р. Танаида до Гипербореев, где находится Ледовитое море. Обширны пустыни и леса этой страны, значительная часть которой, однако, представляет собою равнину, изобилующую пастбищами, а во многих местах — пшеницей и ячменем, повсюду зеленеющую и весьма богатую воском, медом и скотом. Но, если взглянуть на почву внимательнее, то она, [оказывается], не производит ни винограда, ни фруктов, ни в большом количестве и хорошего овса, потому что вся эта открытая страна весьма необработанна, вследствие северных ветров, постоянных холодов и сильного недостатка в земледельцах. Летом она во многих местах болотиста, потому что вся страна эта орошается большими и частыми реками, которые вздуваются после того, как от летнего солнечного тепла распустятся снега и лед повсеместно растает. Поля повсюду превращаются в болота и все дороги становятся грязными от ила и воды; и так продолжается до [наступления] новой зимы, когда реки снова станут и замерзнут до того, что можно проезжать по льду в повозках, без опасности провалиться. Значительную часть Московии занимает страшный на вид Герцинский лес; теперь, [впрочем], он не так страшен, [ибо] более уже не кажется густым от частых рощ и непроходимых урочищ, и стал реже, вследствие многочисленных строений, расположенных по всем направлениям; в нем живут лютые звери. Этот лес беспредельной величины своей обманывает тех, кто из любознательности захотел бы найти его конец»[278]. Мы видим, что М. Фоскарино отметил в своем донесении и особенности климата.

Далее М. Фоскарино рассказал о границах Московии и соседних с ней странах с востока, запада, юга и севера; о главных реках (Волге, Днепре, Доне, Оке, Москве, Западной Двине); и наиболее крупных городах (Нижнем Новгороде, Владимире, Астрахани, Орде — имея в виду, видимо Казань).

Столицу государства Москву он обрисовал красочно: «Этот город Московии — самый знаменитый из всех других городов этого государства, отчасти по своему положению — потому что, говорят, он находится в середине Области, — частью же вследствие удобного расположения рек, огромного количества домов и красоты своего неприступного кремля. Дома расположены вдоль берегов реки на пять слишком миль; здания обыкновенно строятся из дерева очень хорошо и пропорционально. [Здесь] большое обилие строевого леса, который рубят в Герцинском лесу, обраба-

[278] Донесение о Московии второй половины 16 века. С. 3–4.

тывают по известной мерке и строят из него с удивительной прочностью и быстротой. Почти при всех домах имеются свои сады, что придает городу живописный вид. В каждом квартале есть отдельная церковь благородной архитектуры и [соответствующей] величины; прежде церкви не были такими, но, как говорят, лет шестьдесят тому назад каким-то болонским архитектором им придана была удивительно красивая форма. По главной части города протекает речка, по имени Неглинная, на которой стоит множество мельниц и которая, при впадении в р. Москву, образует остров, где искусством одного итальянского архитектора была воздвигнута крепостная стена, с башнями поразительной стороны. Этими двумя реками омываются почти три части города, а остальная обведена весьма широким рвом, наполненным водою, отведенной из тех рек. Этот город защищен и еще одной рекою, называемой Яузой, которая, протекая несколько ниже города, сливается с р. Москвою»[279]. Приятно читать, как выглядела наша столица 450 лет назад. Архитектор из Болоньи — речь идет, очевидно, об Аристотеле Фиораванти, построившем в 1475–1479 гг. знаменитый и прекрасный храм Успения Пресвятой Богородицы в Московском Кремле.

Рафаэль Барберини, с которым мы уже встречались, уделил в свом отчете немного места и сведениям географического характера. Он писал о климатических особенностях Московии: «...когда наступит Октябрь месяц, тут уже начинаются сильные холода, хотя и в Сентябре видывал я там и снег и лед. Все реки тогда, как ни были б велики, тотчас замерзают и все дороги и поля покрываются глубоким снегом и льдом, так что в это время, уже не иначе ездят, как в санях, делающихся на полозьях и со скамьями; и таким образом повсюду в них разъезжаешь, а тащит их одна лошадь. В этих санях разъезжают зимою и самые почты, делая величайшие концы с неимоверною скоростью. Реки и дороги, покрытые льдом, и все поля, деревья, дома и все прочее, белея под снегом, остается в таком виде обыкновенно до половины Апреля...»[280]. Рафаэль Барберини кратко рассказал об основных городах Московии и местах их расположения — Москве, Новгороде, Вологде, Твери, Торжке, Нижнем Новгороде, Коломне, Рязани, Калуге, Туле, Казани и Астрахани; назвал протекающие по стране реки — Москва, Ока, Волга, Дон, Днепр, Орша, Северная Двина, Сухона, Юг; дал описание пути до Холмогор и далее вверх по Северной Двине, то есть того пути, который соединял в то время Московское государство с Европой; нашел место он и для описания прибытия англичан в Московию, тем более что это случилось всего за несколько лет до прибытия самого Рафаэля Барберини в Москву. Сведения эти не были такими уж конкретными и подробными, но интерес они представляли.

Иоанн Кобенцель крайне скудно сообщал в 1576 г. о географических характеристиках Московии: «Пространство Московии занимает в длину шестьсот, а в ширину четыреста миль и орошается многими великими реками; из них главнейшие: Большая и Меньшая Двина, изливающиеся в Океан и в Ледовитое море; Волга, текущая в Каспийское море; Дон, впадающий в море Азовское или Черное, и Днепр, текущий в то же море; все они судоходны и протекают на значительном пространстве»[281].

[279] Там же. С. 6.

[280] Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. С. 26.

[281] Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века. С. 150–151.

Выше мы уже встречались с **Паоло Кампани**, провинциалом Ордена иезуитов в Польше, приезжавшим в Москву в 1581–1582 гг. в составе дипломатической миссии Антонио Поссевино. В своем отчете он уделил некоторое внимание описанию географических характеристик Московии: «Московия находится между Скифией и Сарматией, за истоками Дона, простирается на огромном расстоянии от Каспийского моря до Ледяного моря. На востоке граничит со Скифией Таврической, на западе — с Ливонией, на юге — с Сарматией, на севере — с Ледовитым океаном. Все пространство насчитывает не менее 1000 лье... Большая часть страны занята болотами, много рек пересекают ее, поэтому она более доступна для проезда зимой, чем летом, так как зимой вода скована морозами и по ней можно проехать даже в повозке... Из всех рек самая большая и знаменитая — Волга, как они сами ее называют, а некоторые считают, что древние ее называли Ра. Она пересекает всю Московию многочисленными изгибами, течет на восток через Казанское и Астраханское татарские царства и 72 устьями впадает в Каспийское море. По этой реке из Персии привозят одежду, затканную золотом и серебром, и дорогие ткани, которые любят московиты»[282]. Сведения достаточно скупые. Даже его давние предшественники давали в отчетах намного более полную информацию. Скорее всего, П. Кампани рассчитывал на то, что его старший коллега, А. Поссевино, в своем отчете напишет гораздо подробнее. Да и находился П. Кампани в царской ставке в Старице совсем уж недолго, прибыл 18 августа 1581 г., но уже примерно 29 сентября того же года выехал в Рим с докладом (1 лье составляло около 4,5 км).

Антонио Поссевино действительно дополнил отчет П. Кампани. Он писал папе Григорию XIII: «Наиболее значительные по многолюдству и известности города по эту сторону Дона следующие: Москва, Смоленск, Новгород, Псков, Тверь и, кроме того, к северу Вологда (а к востоку — Казань и Астрахань...). К городам они причисляют Ярославль, Александровскую слободу и еще несколько городов подобного рода, хотя, пожалуй, их стоило бы называть «городки», если бы не то обстоятельство, что они имеют, по местному обычаю, крепости, не заслуживающие пренебрежения... Что касается царской столицы, которой, как я говорил, является Москва, я сообщаю следующее: в настоящее время в ней не насчитывается и 30 тысяч населения, считая детей обоего пола. И какое бы впечатление ни производил город на человека, подъезжающего к нему, когда приезжий оказывается на небольшом расстоянии (я не говорю уже о въехавшем), открывается картина, более соответствующая истинному положению дел: сами дома занимают много места, улицы и площади (а их несколько) широки, все это окружено зданиями церквей, которые, по-видимому, воздвигнуты скорее для украшения города, чем для совершения богослужений, так как по большей части почти целый год заперты. Конечно, и при нынешнем государе Москва была более благочестива и многочисленна, но в 70-м году нынешнего века она была сожжена татарами, большая часть жителей погибла при пожаре... Однако в двух московских крепостях, одна из которых примыкает к другой, есть нечто более великолепное. Одну из них украшают несколько замечательных храмов, построенных из камня (в то время как остальные храмы города деревянные), и княжеский дворец, другую же — новые лавки, которые расположены каждая на своей улице по характеру представленного в них товара...

[282] Сведения о России конца XVI в. Паоло Кампани. С. 81.

...Я склонен думать, что в Смоленске, Новгороде и Пскове насчитывается одинаковое количество народа — то есть, когда нет войны, они в конечном итоге насчитывают по 20 тысяч жителей каждый... Но уже гораздо малочисленнее народ в Твери, которая издали производит впечатление большого и красивого города. На самом деле, она не окружена стенами, хотя имеет значительное количество разбросанных повсюду домов, она почти не испытала потерь на войне и нападений врагов. По этой же причине Вологда и Казань, но в особенности область, простирающаяся на север, изобилует населением»[283]. В своем документе А. Поссевино сообщил о русских крепостях Москве, Новгороде, Пскове, Порхове, Старице, Александровской слободе, Ярославле, Белом озере, Смоленске, Полоцке; о крепостных стенах, о материале, из которого они изготовлены (камень, кирпич, бревна, земляной вал, плетни), о видах укреплений, башнях и воротах в крепость, о крепостной артиллерии. Дополнение, как мы видим, носило специфический военно-инженерный характер и соответствовало тому заданию, какое было дано папой Григорием XIII.

Разведывательная деятельность А. Поссевино была весьма разноплановой, и чтобы поменьше говорить о ней частями в разных главах, постараемся наш рассказ немного дополнить, хотя тематика его действий и выходила за рамки сбора сведений географического характера. Собственно говоря, А. Поссевино интересовало все, и собранные им данные легко вписываются в разведывательные информационные блоки, содержащие, в основном, сведения политического, военного и религиозного характера. Меньше сведений экономических, географических и социально-этнографических, но все же они есть. Сбором разведывательных сведений он занимался постоянно, причем те из них, которые были нужны польской стороне для использования в переговорах, незамедлительно передавал лично или с посыльными командованию польской армии или польской дипломатической делегации. Было бы ошибочным думать, что эти сведения имели сугубо прикладное значение и их следовало бы отнести к тактическим. Это далеко не так. Да, сведения военного характера использовались сразу же в ходе дипломатических переговоров между польской и российской сторонами, и, как мы отметили, в интересах Польши и Ватикана. Вместе с тем, собранные и обобщенные А. Поссевино сведения политического и религиозного характера, особенно о царе Иване Грозном, его сановниках и Русской православной церкви, имели стратегическое значение. Они легли в основу разработанной им широкомасштабной программы постепенного, рассчитанного не на один год, планомерного обращения населения Российского государства в католичество, духовного подчинения России Ватикану. Безусловно, он в полной мере использовал и те сведения, которые были добыты его предшественниками или современниками, например, С. Герберштейном, П. Джовио, А. Гваньини и другими. Но А. Поссевино не просто повторил то, о чем уже сообщалось когда-то ранее. Сведения, имевшие значение для решения задачи, он перепроверил, обобщил и проанализировал с учетом реальной обстановки в Московии и прилегающих странах. Затем он использовал их в разработке программы вместе с теми сведениями, которые были добыты им самим и членами его миссии.

Собирая разведывательные сведения А. Поссевино активно использовал свое исключительное положение посла папы Римского и посредника в мирных перего-

[283] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 43–44.

ворах. Такое положение обеспечивало весьма благоприятные возможности и условия для получения нужных сведений непосредственно в беседах с главными носителями секретов Российского государства — Иваном Грозным, видными царскими сановниками и воеводами, руководителями и членами русских дипломатических миссий. А. Поссевино эффективно воспользовался представившейся возможностью лично ознакомиться с хранившимися в царском архиве важными государственными документами. Он писал папе Римскому: «...После продолжительных переговоров с его советниками мне были предоставлены документы и дела из наиболее тайных архивов. Московский князь хотел довести их до сведения папского престола для охраны своих интересов от польского короля...»[284].

Важными источниками информации являлись беседы с крупными польскими сановниками и военачальниками, членами польской дипломатической миссии, опросы находившихся в Польше русских военнопленных, и пленных иностранцев, проделавших дальний путь из турецкого плена через Азовское море в Вологду, которым Иван Грозный по просьбе А. Поссевино даровал свободу и отпустил в Италию. По словам А. Поссевино, «...области, расположенные к северу от Москвы, имеют весьма значительное число людей, так как не испытывают набегов татар и обладают более здоровым климатом. Об этом в ответ на мои тщательные расспросы рассказали те итальянцы и испанцы, которым в знак расположения к вашему святейшеству и католическому государю великий князь московский даровал свободу и которых я привез с собой в Италию. Они убежали из турецкого плена через Азовское море, 18 месяцев странствовали на этих обширных землях, проехали огромные расстояния и, наконец, были переправлены в Вологду...»[285]. Хотелось бы обратить внимание на слова — «мои тщательные расспросы».

Неоднократные поездки от польской границы до Москвы (или Старицы) и обратно, личные наблюдения за обстановкой в столице и прифронтовой зоне, постановка разведывательных задач сопровождавшим А. Поссевино иезуитам Дреноцкому, Микелю Мориено и Паоло Кампани — все это использовалось посланцем папы Римского для сбора интересующих его сведений. Например, о политической обстановке в стране, настроениях, планах и намерениях Ивана Грозного и его ближайшего окружения, о причинах и обстоятельствах смерти старшего сына Ивана Грозного — Ивана и других.

Нужно заметить, что, наряду с легальной, А. Поссевино профессионально занимался и агентурной разведкой. В своих сочинениях он неоднократно упоминает переводчика Посольского приказа Якова Заборовского, с которым ему приходилось контактировать весь период пребывания в Московском государстве, и в процессе русско-польских переговоров. Познакомился А. Поссевино с Я. Заборовским в августе 1581 г., когда посольство папы Римского въехало на территорию Московского государства и в соответствии с дипломатическим протоколом было встречено царским приставом, переводчиком и 15 всадниками свиты. После завершения переговоров, в марте 1582 г., А. Поссевино выехал в Рим для доклада о результатах миссии. Одновременно с ним из Москвы выехало посольство Якова Семеновича Мол-

[284] Там же. С. 32.

[285] Там же. С. 42.

вянинова и Василия Тишины, переводчиком в котором и на этот раз был Яков Заборовский. А. Поссевино писал: «Если среди них и есть немного людей, знающих латинский язык, число их, не считая тех врачей, о которых я упоминал выше, не превышает трех, и все они поляки: Яков Заборовский, Ян Буховецкий и Христофор Кайевский. Первые два приехали много лет тому назад из польского города Вредока, а последний был задержан государем три года назад»[286].

Посланец Ватикана времени даром не терял. Ему нужны были источники информации из числа самих русских, причем такие, которые имели доступ к сведениям, представлявшим интерес для Ватикана и Польши. Первым кандидатом в агенты стал сотрудник Посольского приказа, переводчик Я. Заборовский, с которым А. Поссевино мог свободно общаться на своем языке, не боясь, что другие члены русской делегации заподозрят что-то нехорошее. Прошло совсем немного времени, и примерно в конце сентября – начале октября 1581 г., когда посольство папского легата находилось в Новгороде, «переводчик московского князя был обращен из русской схизмы в католическую веру»[287]. Что это означало, совершенно ясно. Приобретя над Я. Заборовским духовную власть, А. Поссевино приобрел власть и право распоряжаться той служебной информацией, которой обладал его агент. Приобрел право давать ему задания и спрашивать о результатах их выполнения.

Очень важно для нас и следующее. Когда по приказу Ивана Грозного готовилось посольство Якова Молвянинова в Рим, А. Поссевино настоял на том, чтобы в качестве переводчика в состав посольства был включен именно Я. Заборовский. Вот что он сам писал об этом: «Во главе посольства стояли два знатных человека, вместе с которыми мне нужно было действовать, чтобы исполнить дела величайшей важности и скрепить дружбу христианских государей. К этому посольству великий князь приставил переводчика, отвергшего католическую веру и принявшего схизму (что он сделал в целях своей безопасности и выгоды). Мы с трудом от него отказались и потребовали себе другого знатного поляка и католика, чего и достигли»[288]. Что еще мог пожелать А. Поссевино, имея «своего человека» не просто в составе русского посольства, а на самом острие дипломатических переговоров? И после отъезда А. Поссевино Я. Заборовский продолжал оказывать информационные услуги тем, кому было указано папским легатом. Когда после восшествия на царский престол сына Ивана Грозного Федора Ивановича европейские государства нуждались в информации об обстановке в Москве, в начале 1685 г. Я. Заборовский, будучи в Польше, «передал полякам исключительно важную информацию о положении в Москве. По его словам, русские окончательно “договорились между собой, и из них только двое держат в своих руках управление всей страной и царством Московским: одного из них зовут Борисом Федоровичем Годуновым… а другой — временный правитель или нечто вроде этого — Андрей Щелкалов…”»[289]. На этом карьера его не кончилась. Он даже вырос в должности, став в 1586 г. секретарем при великих послах в Польшу князе Федоре Михайловиче Троекурове и дум-

[286] Там же. С. 28.

[287] Там же. С. 201.

[288] Там же. С. 57.

[289] *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1978. С. 28.

ном дворянине Михаиле Андреевиче Безнине. Трудно сказать, как много Я. Заборовский передал сведений в ущерб интересам России. Но то, что он был завербован Антонио Поссевино, сомнений практически не вызывает.

Рим отслеживал изменения границ Московского государства постоянно. В какую сторону расширяются границы, как далеко и как быстро, что там есть, каковы отношения новых территорий с Москвой и т.д. Известный нам **Севастьян Главинич**, готовя по поручению папского нунция в Вене отчет о Москве, начал именно с этого. С. Главинич писал: «Какова бы ни была эта столь громадная страна… нельзя, однако ж, оспаривать того, что она разделяется на многие Государства, Княжества и Области, которые в старину повиновались разным Государям, а ныне покорны одному Царю и великому Князю Московскому. Они следующия: Московская, Владимирская, Нижегородская, Казанская, Астраханская, Рязанская, Пирятинская, Сибирь, откуда доставляются собольи меха, Югорская: из этой области некоторые хотят производить Угров, Вятская, Черкасская, Гурия, Северская, Киевская, Бельская, Ростовская, Тверская, Псковская, Область Великаго Новгорода, Белозерская, Ярославская, Ржевская, Суздальская, Вышневолоцкая, Кандалацкая, Холмогорская, Каргопольская, Важская, Вологодская, Мегринская, Кондия, Лукомория, Пермия, Булгария, Грузия, Кабарда, Холмская, Устюжская, Переславская, Витебская, Можайская, Черниговская, Галицкая, Двинская, Архангельская: это морская пристань Москвитян, Удория, Печора, Обдория, Самоедская, Пегая Орда, Тюмень, Калмыкия, Торжок. Все эти Государства, Княжества и Области управляются Воеводами, или Наместниками, для которых не без затруднения бывает продолжать свое правление дольше трех лет, и по прошествии этого срока они сменяются другими. Хотя у всех упомянутых есть свои собственныя имена, но все они называются общим именем Московия, от Царского местопребывания, Москвы, получившей имя от протекающей тут реки Москвы. Их населяют преимущественно два народа: Московский, верховнейший и повелитель всех городских войск (гарнизонов), и Татарский, обитающий в полях и лесах и, кроме других стран, также в Сибири, Югории, Черкасии, Казани и Астрахани, почему и различной Веры и языков»[290]. В приведенной выдержке из отчета все названия географических объектов на латинском языке опущены.

В 1672 г. неизвестный, скрывший имя под монограммами C.M.V.D.C.D.G.[291], подготовил «Начертание Московии» и посвятил его государственному секретарю Ватикана кардиналу Палуццо Палуцци Альтьери делли Альбертони (кардинал с 14 января 1664 г., государственный секретарь Ватикана в 1670–1676 гг., умер 29 июня 1698 г.). Название этого «Начертания» — «Ritratto della Moscovia. Ristretto geografico, historico e genealogico del gran Ducato o sia Jmpero di Moscovia». В этом документе дается краткое описание Московского государства, в том числе его торговли, этнографических особенностей населения, религии.

Обширное описание Московского государства дал известный нам **Яков Рейтенфельс**: «Если считать город Москву серединою страны, то границы ея, широко раскинутыя, суть следующия: Лапландия, Швеция и Дания, Финляндия, Корелия, Эстония, Ливония, Литва, Польская Русь, Украина Казацкая и Польская, Подолия, Черное

[290] Севастиан Главинич о происшествиях Московских 1661 г. С. 1–4.

[291] Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т. II. С. 249.

море и Херсонес Таврический, Крым и Азовское море... далее Кабарда, Черкассия, подошвы Кавказских гор, Узбеки, подвластные Персам, Каспийское море, Казаки-Татары, Тюменцы, Китайцы, Тунгузы, Мангазейцы, река Пясида, Татарское и Ледовитое море, пролив при Новой Земле, Белое море и мыс Мотка. К такому необычайному, обширному пространству земель присоединяется еще то преимущество, что все они до того однородны и тесно связаны между собою, что так как между ними нет владений какого-либо посторонняго властителя, то путешественникам предоставляется во всех направлениях совершенно открытая и свободная дорога. И поистине, это — государство самое обширное и самое могущественное в Европе! В столь широких пределах оно заключает в себе: три пространнейших царства, пятнадцать княжеств и шестнадцать более крупных областей...»[292]. Я. Рейтенфельс подробно рассказал о входящих в Московию областях — Московской, Киевской, Владимирской, Новгородской, о Казани, Астрахани, Сибири, о Пскове, Смоленске, Твери, Югории, Перми, Вятке и Болгарии, о Нижнем Новгороде, Чернигове, Рязани, Ростове, Ярославле, Белоозере, Удории, Обдории и Кандии, об Иверии, Карталинии, Грузии, Кабарде, Черкассии и Горийской области, и других.

В качестве примера приведем его описание Астрахани, российского форпоста на Каспии: «Астрахань, часть прежней Бактрии, протяжением не уступает Казани, с городом того же имени, и расположена по Волге и у Каспийского моря; некогда в ней также властвовали свои особые татарские цари. Город лежит на острове в реке, называющемся Долгим, на склоне холма и, по преданию, основан неким скифским царем Астром. Он хорошо защищен стенами от необузданной ярости татар, которым, хотя и покоренным, не дозволяется ночевать в городе, но по заходе солнца они высылаются в предместье, дабы город мог с большей безопасностью заснуть. В близком соседстве от города озера, от природы доставляют поистине изумительное количество соли, а немного далее пробиваются огненные источники нефти. Жители до того удовлетворены скотоводством, что почти совсем не засевают полей... только несколько лет тому назад там разведены, благодаря заботам и распоряжениям царя, виноградники. Кроме винограда, благоприятная почва в изобилии производит арбузы, дыни и иные подобные им плоды. А так как Астрахань находится на самой границе между Европою и Азиею, то она постоянно посещается многочисленными купцами из Персии, Армении, Татарии, Бактрии и Индии»[293]. Исключительно информационно насыщенное описание: о месте нахождения города, о наличии крепости, об отношениях между властями и коренным населением, о месторождениях соли и нефти, о роде занятий жителей города, о том, что город является местом постоянных торгов с приезжающими из богатых стран Востока купцами.

Я. Рейтенфельс рассказал о морских границах Московского государства, основных гаванях. «На Гирканском море города Астрахань и Тарки обладают довольно хорошими гаванями, хотя оне до сей поры мало посещаются судами. Более частым поездкам по этому морю препятствуют не столько мелководные места, песчаные отмели и почти постоянные бури, сколько неукротимые татарские морские разбойники. Приморский берег близ Северной Татарии, говорят, совершенно из-

[292] *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии (Падуя, 1680 г.). С. 198.

[293] Там же. С. 201.

резан мелководными реками, которыя, хотя и текут сначала в глубочайших руслах, до того утрачивают свою глубину при устьях, что челноки с трудом двигаются по ним, вследствие наносного морскими волнами песка. Лишь в области Печора по реке того же имени Русские довольно часто отправляют небольшие суда ради торговых целей в Верхнюю Татарию, за реку Обь, причем они, будучи плохо снабжены всем нужным для мореплавания, нередко терпят крушения среди льдин и водоворотов. Одно только Белое море — счастливое, как бы уже по одному имени своему, — имеет в Архангельске гавань, более всех остальных ныне прославляемую в России. По причине мелководья суда больших размеров и нагруженные не решаются заходить далеко, даже по реке Двине, но становятся на якорь в море и там выгружают и нагружают товары. Поэтому и гавань св. Николая, которою пользовались прежде, предоставлена лишь небольшим судам, так как место для стоянки оказалось в Архангельске более удобным. Наконец, в Московской Лаппонии небезызвестны город и гавань Кола, недалеко от которых находится датская крепость Вартнин, и мыс Мотка... Сюда именно приезжают корабли с Востока за рыбою, золою, жиром и оленями. По Черному морю русские сами ездят по возможности реже, а чаще всего посылают туда казаков, укрывающихся на островах в реке Борисфен и получающих от них годовое жалованье...»[294]. Разноплановые сведения, представлявшие в то время несомненный интерес.

Заслуживает внимания перечисление и описание Я. Рейтенфельсом крепостей Московии. Мы приведем описание только одной крепости: «Лежащий у Каспия городок Тарки стоит на страже, рядом с Персами и Узбекскими татарами, и как бы хранит у себя ключи от кавказских ворот, ибо Узбеки, союзники мосхов, охраняют знаменитую дорогу в 8000 шагов длиною, проложенную в кавказских теснинах до города Темиркапи, крайне опасную и ведущую в Мидию»[295]. Сегодня рядом с крепостью Тарки расположен город Махачкала, столица Дагестана.

Я. Рейтенфельс рассказал о «знатнейших» озерах, реках, лесах и горах, о природных богатствах, почвах, о климатических особенностях и т.д. Мы не будем вдаваться в детали и приводить другие примеры, скажем только, что собранные им географические сведения о Московском государстве производят впечатление.

В своем донесении **Иржи Давид** постарался доложить о границах Российского государства по состоянию на 1689 г. Он писал: «Что же касается размеров империи, то в нее входят следующие провинции: Московская, Владимирская, Рязанская, огромное Сибирское царство — Сибирью называют всю область от Тобольска, столицы Сибири, до Албазина, у китайской границы, — Бельская, Тверская, Новгородская, Псковская, Двинская провинции, Устюг, Вологда, Белое озеро, Ярославская, Ростовская, Суздальская, Вятская, Пермская, Югорская, Печорская, Обдорская, Кандорская, Поморская, Лапландия, большою частью которой они владеют, Черемиссия, Мордовия, царства Казанское и Астраханское, княжества Северное, Киевское и Смоленское. Каждая из этих областей достойна особого описания. Граничит же эта обширная империя на востоке с татарами — ногайцами, на юге — с крымскими татарами, на западе — с Литвой и Ливонией, Финляндией и Швеци-

[294] Там же. С. 193.

[295] Там же. С. 195.

ей, на севере — с Лапландией, Ледовитым океаном, Новой Землей. Тянется она по долготе от Кольского полуострова на берегах северной Лапландии до Астрахани на юго-востоке на 4260 верст, то есть 852 немецких мили, а по широте от границ Ливонии до пределов Сибири на 4400 верст, то есть 880 миль»[296].

Важнейшей составляющей частью сведений географического характера являлись **карты и картографические материалы** — описания карт, «дорожники», «скаски», путевые заметки и др. В то время карты без каких-либо натяжек можно было назвать результирующей составляющей географической разведки, венцом ее деятельности. В первой главе мы уже говорили, что в наступившую эпоху Великих географических открытий Ватикану нужны были географические сведения о заморских территориях, о морских и сухопутных путях к сказочно богатым странам Ост- и Вест-Индий. Географические карты дополняли отчеты и донесения, дополняли устные рассказы, давали наглядное представление о расположении материков, океанов и морей, о расположении дружественных и недружественных государств, помогали папам Римским формировать политические решения. Карты показывали, где лежат богатства и как туда можно добраться.

Созданная Ватиканом географическая (картографическая) служба прилагала усилия, чтобы увенчать деятельность географической разведки и способствовать курии в решении политических задач. Московское государство не осталось вне сферы внимания Рима. Известны отдельные карты Московии, изготовленные по прямым указаниям Ватикана, другие обнаружены исследователями в Ватиканском Архиве и Ватиканской Библиотеке. Одни карты охватывают всю территорию Московии с указанием границ и соседей, другие посвящены тем или иным эпизодам польско-российских войн и территорию Московии охватывают только фрагментарно.

В первой половине XX в. историк Р. Альмагия обнаружил в Ватиканской Библиотеке карту мира с изображением Московии. Автором карты являлся выдающийся картограф XVI в., космограф Венецианской Республики Джакомо Гастальди (ок.1500–ок.1565). Историк картографии Лео Багров писал, что за свою жизнь Д. Гастальди издал несколько карт мира. «Все эти издания немного отличаются друг от друга, но территория, занимаемая Россией, остается неизменной. На всех этих картах, за исключением уменьшенной копии (т.е. карты 1548 г.), северные реки впадают в Скифский океан…»[297].

Эмиссар Ватикана Яков Рейтенфельс перед выездом из Москвы обращался с вопросами о пути из Москвы в Китай к переводчику Посольского приказа Андрею Андреевичу Виниусу. И тот охотно начертил ему «…в главных чертах, путь из Московии в Китай на географической карте…»[298]. Об этом рассказал сам Я. Рейтенфельс, и мы к нему еще вернемся в главе, посвященной разведке Сибири.

В самом начале XX в. историк Е.Ф. Шмурло обнаружил в Ватиканском Архиве, в 93 томе материалов Германской нунциатуры, рукописную карту «Ливонскаго края

[296] *Давид И.* Современное состояние великой России или Московии. С. 139.

[297] *Багров Л.* История русской картографии. С. 128.

[298] *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии (Падуя, 1680 г.). С. 98.

и прилегающей к нему полосы русских земель с крайними пунктами: о-ва Эзель и Даго; Ревель, Нарва, Копорье, Новгород, Динабург, Крейцбург, Митава...»[299]. Карта предназначалась для государственного секретаря Ватикана кардинала Комо и относилась к периоду войны между Польшей и Московией, примерно к 1580–1581 гг. В 18-м томе материалов Польской нунциатуры Е.Ф. Шмурло обнаружил «План Пскова и его окрестностей, от руки»[300]. План этот также относился к периоду примерно 1580–1581 гг. В 15А томе Польской нунциатуры Е.Ф. Шмурло была обнаружена «Географическая карта, от руки, театра военных действий: бассейн Ловати и Зап. Двины. Крайние пункты: на СВ. — Вел. Луки и еще севернее Raskovicj, тоже на Ловати; на ЮВ. — Витебск; на Ю. — Лукомль; на ЮЗ. — Глубокое; на З. — Друя... на СЗ. — Себеж. Надписи по-польски»[301]. Карта относилась к тому же периоду времени и имела военно-прикладной характер.

В главе, посвященной разведке Сибири и транспортных путей в страны Востока, мы вспомним карту Московии Баттиста Аньезе, составленную в 1525 г. по результатам опроса российского дипломата Д.Д. Герасимова сотрудником Ватикана Паоло Джовио; поговорим о карте Западной России и Прибалтики, составленной Рафаэлем Барберини (1564) и переданной Ватикану по указанию кардинала Марка Антонио Амулио; расскажем о картографических сведениях (и копиях документов), собранных членом Ордена иезуитов, миссионером Филиппом Аврилем, приезжавшим в Москву в 1687 и 1689 гг.

Религиозный блок. О разведывательной деятельности Ватикана и сборе сведений в рамках этого блока мы поговорим в отдельной главе, посвященной разведке Русской православной церкви.

[299] Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1908. С. 220.

[300] Там же. С. 136.

[301] Там же. С. 71.

Глава 3. Разведка Ватиканом Русской православной церкви

Задачи разведки Русской православной церкви и православия. Носители и источники разведывательной информации. Изучение и оценка православия, его канонов, обрядов, богослужений, праздников, святых, календарей. Отличия православия от католичества. Церковное управление, структура церкви, патриархи и патриаршие приказы, архиерейские Соборы, епархии. Патриархи и цари. Боярская и церковная оппозиция царю и патриарху. Православие, Русская православная церковь и народ. Материальное положение Русской православной церкви. Распространение православия в Сибири, на русском Севере и Дальнем Востоке. Взаимоотношения между Русской православной церковью и Восточными патриархиями. Учебные заведения, подготовка кадров, издание книг, полемическая деятельность. Отношение Русской православной церкви к Римской католической церкви, униатизации и католизации. Как относится русский народ к католикам и Римской католической церкви. Русская православная церковь и армия. Положение приверженцев других религий в Московском государстве. Отношение царей и патриархов к установлению дипломатических сношений с Римом.

Разведка Ватиканом Русской православной церкви была начата не с нуля, не с чистого листа. Ватикан уже давно в соответствии со своими геополитическими интересами целенаправленно изучал Восточную православную церковь, в том числе и Константинопольскую патриархию с канонически подчиненной ей Киевской митрополией, и имел некое усредненное представление о структуре, иерархии поместных православных Церквей, их канонических территориях, о православии и его канонах, православных богослужениях и обрядах. Поэтому разведка была призвана выявить те особенности, присущие именно Русской православной церкви, которые отличали ее от Римской католической церкви и других поместных православных Церквей, а также и условия, в которых Русская православная церковь действовала в огромном православном государстве во главе с православным царем-самодержцем и с православным (в абсолютном большинстве) народом.

Разведка Русской православной церкви была для иностранцев (мы говорим о не православных иностранцах) с одной стороны, опасным и трудным занятием, а с другой стороны — ничего опасного и трудного вроде бы в этом и не было. Дело в том, что иностранцам запрещено было посещать православные храмы, присутствовать (не говоря уже участвовать) на богослужениях, поэтому любая такая тайная или явная попытка зайти в храм, поприсутствовать на богослужении, что-то узнать из церковных сведений или заполучить за взятку, например, копию постановления архиерейского Собора, могла закончиться весьма и весьма плачевно. Даже если попытка была легендирована, то есть не вызывала каких-либо явных подозрений и внешне выглядела вполне благопристойно. Хорошо, если требования патриарха Москов-

ского и всея Руси ограничивались только высылкой такого уж очень любознательного иностранца за литовский рубеж. Могло быть и намного хуже. С другой стороны, если удавалось узнать что-то, относящееся к канонам православия, православным обрядам и богослужениям, о событиях в жизни Церкви, то, независимо от того, в каком храме (монастыре) эти сведения получены, можно было с уверенностью сказать, что такие сведения относились и ко всем остальным храмам (монастырям) Русской православной церкви, где бы они ни находились. Как работали храмы (монастыри) в Москве, точно так они работали и на всей необъятной территории Российского государства. Какими основополагающими законами православия руководствовались священнослужители в Москве, такими же руководствовались и все остальные. С этой точки зрения иностранному разведчику совсем не обязательно было ставить перед собой задачу выяснения нужных ему сведений если не во всех, то хотя бы во многих храмах. Зачем? Такое положение значительно оптимизировало сбор нужных сведений, но не превращало задачу иностранца в легкую прогулку по Москве.

Историк Л.П. Рущинский справедливо писал: «Мы мало знали иностранцев, но иностранцы старались заботливо изучать нас, нашу веру и религиозные обычаи. Как обширна литература этого предмета, можно судить по тому, что мы, только на протяжении 2 веков, успели собрать более 50 сочинений, из которых немалая часть исключительно посвящена описанию нашего религиознаго быта и церковнаго устройства... все это несомненно доказывает одно: что иностранцы занимались нами и тщательно собирали сведения о разных сторонах нашего быта и жизни»[302]. Все указанные Л.П. Рущинским сочинения были в разное время опубликованы и стали достоянием всех желающих. Но в сотни и тысячи раз больше было тайных и менее тайных донесений, которые не становились достоянием общества, которые после изучения и принятия по ним решений хранились в недоступных государственных архивах.

Главной задачей разведки являлось выявление и изучение слабых мест в православии, структуре Церкви, вертикали церковной власти, в ее взаимоотношениях с царской властью, слабостей и склонностей к «латинству» у православных архиереев для последующего использования Ватиканом полученных сведений в подрывной деятельности против Русской православной церкви. При этом целью являлось, конечно, склонение Русской православной церкви к унии с Римской католической церковью и последующая католизация России.

Носителями разведывательной информации о православии и Русской православной церкви являлись:

– церковные и богословские православные книги и сочинения, как на греческом, так и на русском (славянском) языках; учебная литература школ, училищ и академий в Москве, Киеве, других городах; литература полемического характера;

– решения Московских Поместных и архиерейских Соборов по вопросам развития и защиты православия, жизни Русской православной церкви, в том числе судебные решения;

– указы и распоряжения митрополитов, а затем и патриархов Московских и всея Руси;

[302] *Рущинский Л.П.* Религиозный быт Русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел I. М., 1871. С. 5.

– переписка царей, митрополитов и патриархов Московских и всея Руси с Восточными патриархами (Константинопольским, Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским);

– царские указы, сборники законодательных актов, имевшие отношение к деятельности Русской православной церкви, защите православия от подрывного воздействия извне;

– архивные государственные документы и материалы книгохранилищ, имевшие отношение к православному вероучению и деятельности Русской православной церкви.

Источниками нужной информации могли стать, разумеется, при соответствующих обстоятельствах, цари, патриархи Московские и всея Руси, архиереи и священнослужители Русской православной церкви, в том числе справщики книг и переводчики; патриархи, архиереи и священнослужители Восточных патриархий, в том числе приезжавшие в Москву по церковным делам, справщики книг и переводчики. А также православные священнослужители, отступившие от православия и принявшие католичество или униатство; царские сановники и правительственные чиновники, российские дипломаты и члены дипломатических миссий; русские и иностранные военнопленные; постоянно проживающие в Москве иностранцы — военные наемники, купцы, специалисты.

Прекрасным дополнительным и наглядным источником информации о православии и Русской православной церкви являлись массовые публичные богослужения в связи с церковными праздниками или важными государственными событиями — крестные ходы, молебны, св. Крещение, св. Пасха, св. Троица и др. Кроме того, посещение православных храмов с разрешения царя и патриарха; проведение богословских диспутов, участие в них или их посещение; присутствие на публичных проповедях. Нужно ведь было совсем немного — знать русский язык и вовремя прийти туда, где проводилось то или иное публичное мероприятие.

В этой и последующих главах мы встретимся со многими важными событиями в жизни Русской православной церкви, православия и Московского государства. А сейчас упомянем лишь о двух событиях, которые, как мы считаем, побудили Рим изменить свое мнение о Русской православной церкви. За четыре десятилетия до наступления XVI в., в 1461 г., без всякого предварительного согласования с Константинопольским патриархом Московский архиерейский Собор избрал митрополитом Московским и всея Руси Феодосия, бывшего перед этим архиепископом Ростовским. По словам А.В. Карташева, «самостоятельное по чину автокефальному поставление митр. Феодосия было весьма важным событием в истории Русской Церкви. С этого момента уже в собственном смысле начинается фактическая автокефалия русской митрополии; русские митрополиты начинают титуловаться “московскими и всея Руси”, отмечая тем самым настоящее начало нового, московского периода русской митрополии... Глава Русской Церкви, митр. всея Руси, утратил свой сверхнациональный церковный характер, при котором он был до конца независимым от московского великого князя, опираясь на происхождение его власти от К-Пльского патриарха. Став всецело зависимым от царя московского, он потерял возможность управлять церковью за московскими пределами, в чужих государствах: литовском и польском. Зависимость митрополита от государственной вла-

сти возросла настолько, что он стал ставиться на митрополичий трон и изгоняться с него по одной воле светской власти. Приобретение в конце XVI в. Русской Церковью патриаршего титула ровно ничего не изменило в этом отношении в ее жизни внутренней. Титул ни капли не прибавил власти главе Русской Церкви и ни капли не ослабил ее полной зависимости от государства»[303]. Русская православная церковь вышла из подчинения Константинопольскому патриарху, стала от него независимой, но при этом стала зависимой от великих князей и царей.

Одновременно с этим проходили процессы политической централизации Московского государства, становления и укрепления самодержавности, объединения с великим княжеством Московским различных удельных княжеств, завоевания и присоединения ряда территорий (например, Казанское, Астраханское и Сибирское ханства). Эти процессы сопровождались войнами на западе, на юге и на востоке, ожесточенной и кровавой борьбой царей с церковной и боярской оппозицией.

В таких условиях столкновения митрополитов с царями вызывали даже не искры, а молнии и взрывы. В 1521 г. митрополит Варлаам сослан в Спасо-Каменный монастырь на Кубенское озеро; в 1539 г. митрополит Даниил сослан в Иосифов-Волоколамский монастырь; в 1542 г. митрополит Иоасаф сослан в заточение в Кирилло-Белозерский монастырь, а затем в Троице-Сергиев монастырь; в 1568 г. митрополит Филипп сослан в Богоявленский монастырь, затем в Старый Никольский, потом переведен в Тверской Отрочь-монастырь, где был удушен; в 1587 г. митрополит Дионисий отправлен в ссылку и т.д.

И хотя Русская православная церковь оказывала царям постоянную неоценимую помощь и поддержку в вопросах политической централизации и построения государства, менее зависимыми от царей митрополиты (а затем и патриархи) не стали. В XVI в. фактически были сформированы принципиально иные взаимные отношения высшей духовной и высшей государственной властей, и с этими отношениями Церковь и государство вошли в XVII в.

Еще одним исключительно важным событием явилось образование в 1589 г. при участии патриарха Константинопольского Иеремии II Московской патриархии и избрание первого патриарха Московского и всея Руси Иова. Учреждение патриаршества повлекло за собой многие изменения в Русской православной церкви. Прежде всего, Русская православная церковь уже официально стала самостоятельной, канонически независимой от Восточных патриархов, равной среди равных. Значительно расширилась церковная иерархия: в 1589 г. были учреждены митрополии Новгородская, Ростовская, Крутицкая и Казанская; архиепископии в Твери, Вологде, Суздале, Рязани, Нижнем Новгороде и Смоленске. Было постановлено дополнительно к епископиям в Чернигове и Коломне образовать еще 6 епископий — в Пскове, Белозерске, в Устюге, в Ржеве, Дмитрове и Брянске. Еще раз подчеркнем — все это произошло в 1589 г.

Деятельность Русской православной церкви, ее укрепление, происходившее одновременно с укреплением самого Московского государства и изменением его положения на политической и торговой европейской сцене, не могло пройти и не прошло мимо внимания Рима.

[303] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 1. М., 2006. С. 465–467.

Московское государство и Русская православная церковь хорошо знали, что оказались в сфере целенаправленного интереса Рима. Источниками таких сведений являлись российские дипломатические миссии, выезжавшие в Рим, Польшу, Священную Римскую империю германской нации и другие государства; дипломатические миссии Рима в Москву; переписка русских царей с папами Римскими; переписка русских царей и патриархов (митрополитов) Московских и всея Руси с Восточными патриархами и духовенством, с митрополитами Киевскими и малороссийским духовенством. Кроме того, представители малороссийского духовенства, приезжавшие в Москву по делам церкви, за милостыней и на службу; издаваемая за рубежом полемическая литература; законодательные акты, указы королей, постановления сеймов и сеймиков на территории Речи Посполитой; беженцы, перебежчики и бывшие русские военнопленные, возвращавшиеся из других государств в Москву; иностранные купцы и различного рода специалисты, приезжавшие в Москву.

Организуя и осуществляя в XVI–XVII вв. разведывательно-подрывную деятельность против Московии, Русской православной церкви и православия, Рим соединил в неразрывное единое целое светскую и духовную власть и задействовал всю мощь и все возможности этого единства (выше мы рассказали о созданной Римом в XVI–XVII веках «Системе» разведывательного обеспечения реализации геополитических интересов). Рим осуществлял свою деятельность непосредственно на территории Московии; с территории сопредельных Московии государств (Речь Посполитая, Китай), а также с территории союзных Риму европейских государств (Священная Римская империя германской нации) и с использованием их возможностей.

Русская православная церковь в то время не располагала такими возможностями как для защиты самой себя и православия, так и для организации и осуществления активного противодействия усилиям Рима. Мы не говорим здесь о том, что Русская православная церковь не организовывала и не осуществляла какой-либо деятельности на территории Рима и Папской области, да и на территории других европейских государств, например, Священной Римской империи германской нации, в Речи Посполитой (если кто-то в Москве и вынашивал в то время мысли о военной акции против Турции с целью возвращения православию Второго Рима — Константинополя (Византии), то это были только мысли). Но между Римом и Русской православной церковью стеной стояло Московское государство, которое взяло на себя осуществление целого ряда функций по защите Русской православной церкви и православия. В частности:

– установление и осуществление пограничного режима въезда-выезда иностранцев;

– установление и осуществление режима передвижения иностранцев по территории Московского государства от границы до Москвы;

– установление и осуществление режима проживания иностранцев в Москве (или другом городе Московии), включая следующие вопросы: правовое положение, наем или приобретение жилья, трудоустройство на работу или государственную службу, занятие купеческой деятельностью, выход из иного вероисповедания и принятие православия, порядок вступления в брак с православными, порядок обращения в правительственные учреждения и т.д.;

– установление информационного режима для иностранцев;

– издание государством законов, царских указов и грамот, в том числе о защите Русской православной церкви и православия, запрете выезжать в Сибирь без царского разрешения, ответственности иностранцев за совершенные преступления. Осуществление судебных полномочий и системы наказаний (направление в ссылку, выдворение за рубеж и т.д.);

– осуществление дипломатических контактов с Римом и другими европейскими государствами, выполнявшими поручения Рима по отношению к Москве;

– осуществление переписки с папами Римскими;

– организация работы Московского Печатного двора и издание книг религиозного содержания (с 1652 г. Печатный двор вошел в подчинение патриарху Московскому и всея Руси);

– осуществление и поддержание контактов с Восточными патриархиями.

Не сразу иностранцам стало известно, что царь-самодержец осуществлял и такие функции, как фактическое избрание из представленных Поместным Собором кандидатур патриарха Московского и всея Руси; утверждение избранных митрополитов, архиепископов и епископов, а также архимандритов и игуменов; назначение (утверждение) времени, места проведения и повестки Поместных Соборов; пожалование Русской православной церкви деревнями, угодьями, лесами, лугами и другой собственностью.

Ниже мы рассмотрим те основные вопросы о православии и Русской православной церкви, которые интересовали Ватикан в XVI–XVII столетиях.

Изучение и оценка православия, его канонов, обрядов, богослужений, праздников, святых, календарей. Отличия православия от католичества.

Эти вопросы являлись коренными для понимания православия и Русской православной церкви. Лишь имея полные и достоверные ответы на эти вопросы, Ватикан мог оценить православие и Русскую православную церковь и как возможного врага, и как возможного союзника, выделить сильные и слабые места, наметить меры по борьбе с православием, включая меры по униатизации и католизации Российского государства.

В 1500 г. католический богослов и Краковский каноник Иоанн Сакран обобщил собранные им сведения о православии и его отличиях от католичества и издал свое сочинение «Elucidarius errorum rithus Ruthenici, Joannis Sacrani, Cracoviensis ecclesiae Canonici, anno Domini 1500 conscriptus», указатель религиозных заблуждений русских. Это сочинение является первым в рассматриваемых нами XVI–XVII столетиях, хотя формально, конечно же, оно было издано за несколько месяцев до календарного наступления XVI в. Историк Л.П. Рущинский так охарактеризовал сочинение И. Сакрана: «Это небольшое сочинение состоит из трех глав, из коих вторая, самая главная, подразделяется на 40 отделов, в которых перечисляются разныя заблуждения Русских, относящияся, главным образом, к церковной практике и вероучению, а некоторыя из них касаются нравов и обычаев нравственно-религиознаго свойства... Сочинение Сакрана проникнуто самою едкою злобою, которую лишь может внушить католическая пропаганда»[304]. И далее: «Перечислив 40 заблуждений Русских... он говорит в заключение, что «Вера Русских наполнена страшны-

[304] *Рущинский Л.П.* Религиозный быт Русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков. С. 8.

ми заблуждениями, и что он даже затрудняется сказать, стоит ли разсуждать о ме-рах и средствах к обращению, и можно ли верить обращению тех, которые иногда обращаются к Папе с притворною покорностию, а потом снова отпадают»[305]. Ниже мы приведем несколько выдержек из сочинения И. Сакрана. Еще раз обратим вни-мание на то, что этому сочинению более 500 лет (развернутую оценку сочинения И. Сакрана дал митрополит Макарий в своем IX томе «Истории русской церкви»).

В этом же году произошло событие, побудившее папу Александра VI напра-вить письмо католическому епископу Виленскому Альберту Войтеху Табору, в ко-тором он не только дал понять, что проявляет целенаправленный интерес к право-славию, но и поставил перед епископом самое настоящее разведывательное зада-ние. Что же произошло? 10 мая 1500 г. митрополитом Киевским был поставлен Ио-сиф I Болгаринович, приверженец унии и решений Флорентийского Собора. Желая продемонстрировать папе Александру VI свое отношение к унии и папскому пре-столу, Иосиф I Болгаринович направил ему 20 августа 1500 г. верноподданниче-ское письмо. Александр VI не стал отвечать митрополиту, но 28 апреля 1501 г. на-правил письмо епископу Альберту Войтеху Табору, в котором, наряду с практиче-скими рекомендациями о взаимоотношениях с митрополитом, сообщил епископу, как выше мы сказали, о своем интересе к православию и поставил перед ним раз-ведывательное задание.

Александр VI писал: «...Мы получили известие, что они ни в символе веры, ни при совершении церковных служб вовсе не исповедуют исхождения Св. Духа и от Сына. Нам также донесено, что таинство евхаристии они совершают на квасном хлебе под формою незаконною и недостойною, и для преложения в кровь употре-бляют не вино, а другую жидкость, и, смешав оба вида тела и крови, под обоими приобщают даже младенцев. Мы слышали, что они не согласны с собором флорен-тийским относительно чистительнаго огня в чистилище и молитв за умерших. Мы узнали еще, будто названные народы дерзко отвергают, что апостол Петр получил от Господа первенство над всею церковию и власть вязать и решить, и что римский первосвященник есть преемник ап. Петра, викарий Христа, глава церкви. Надобно, наконец, внимательно разсмотреть, как совершают они таинства, под какою фор-мою и материею, чрез каких священнослужителей, и не отвращаются ли они поль-зующихся таинствами по обряду римской церкви, не удаляют ли их из своих церк-вей, не избегают ли общения с ними... Под конец своего письма папа... поручал собрать возможно точныя сведения, в чем разнятся русские обряды от латинских и доставить в Рим...»[306] («они» — это православные). Обратите внимание на такие выражения в папском письме, как «мы получили известие», «нам также донесено», «мы слышали», «мы узнали еще», «надобно, наконец, внимательно рассмотреть» и т.д. Эти выражения говорят о том, что Ватикан планомерно собирал сведения о пра-вославии и в процесс их сбора и оценки был включен и папа Римский.

В 1512–1517 гг. состоялся V Латеранский Собор, на котором 5 апреля 1514 г. с тенденциозной характеристикой некоторых православных богослужений и обрядов у русских выступил Иоанн (Ян) Лаский, архиепископ Гнезненский, примас Поль-

[305] Там же. С. 8.

[306] Цит. по: Макарий, архиепископ Литовский и Виленский. История русской церкви. Т. IX. Книга 4. СПб., 1879. С. 103–105.

ши с 6.05.1510 по 19.05.1531 г.[307] Его выступление так и называлось: «Народы Русские и их заблуждения»[308]. Естественно, участники Собора видели в нем знатока этого вопроса и слушали со вниманием. В своем выступлении он сказал: «Русские крестят младенцев в яблочном квасе, или в соке других плодов. Они не считают грехом обмануть Католика и оклеветать его. Они не верят в смертельный грех. Они убеждены, что вор освобождается от греха, если скажет на исповеди семи Священникам, какой он имел повод к совершению воровства и помажется миром. Они не признают действительности втораго и третьяго брака»[309]. Заметим, что эти сведения относились к самому началу XVI в.; уже через несколько лет их качество изменилось в сторону большей достоверности.

Примерно в 1523–1524 гг. католический теолог Альберто Кампензе (он же Альберт Пигиус) направил папе Клименту VII довольно большое и эмоциональное письмо, в котором дал развернутую характеристику Московскому государству, Русской православной церкви и православию, и настойчиво потребовал принять решительные меры для обращения московитян в католичество. В этом письме А. Кампензе писал, что «Все многочисленные племена, подвластные Московитянам… веруют в единого Бога, признают Христа Спасителя и отличаются от нас только тем, что отвергают единство церкви. Существенная же разница между их вероисповеданием и нашим состоит в немногих догматах… Во всем прочем они, кажется, лучше нас следуют учению Евангельскому… Вообще они глубоко почитают Бога и Святых Его, и везде, где только встретят образ Распятого, немедленно падают ниц с сердечным благоговением… Московитяне причащаются весьма часто… и употребляют для сего хлеб кислый, принимая святые дары под двумя видами. Служб у них немного и не по нескольку вдруг… В церквах не заметно ничего неблагопристойного или бесчинного; напротив того, все, преклонив колена или простершись ниц, молятся с искренним усердием»[310]. Как выразился П.О. Пирлинг, «В речах его постоянно изображалась великая северная держава, как нива, уже созревшая для жатвы и обещающая богатый урожай…»[311].

В 1525 г. эрцгерцог Австрийский Фердинанд (1503–1564, с 1556 г. император Священной Римской империи германской нации) поручил своему духовнику, коадъютору Венского епископа Иоганну Фабри (1478–1541), опросить прибывших в Тюбинген проездом из Испании в Москву российских послов князя Ивана Ивановича Засекина-Ярославского и дьяка Семена Борисовича Трофимова о Московском государстве и православной религии. Участие в опросе в качестве переводчика принял толмач посольства Влас Игнатьев. В результате в том же году И. Фабри был написан трактат «Религия московитов», опубликованный в январе 1526 г. в Базеле. Нужно обратить внимание на то, что, во-первых, трактат был написан челове-

[307] *Korytkowski J.* Katalog arcybiskupów Gnieźnieńskich. Poznań, 1881.

[308] *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России / Пер. с нем. А.С. Клеванова // ЧИОИДР. 1847. Книга 03-9. Отдел III. М., 1848. С. 48.

[309] *Тумасов Н.* Дворянство Западной России в XVI веке // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел I. М., 1868. С. 29. Прим. 25.

[310] *Кампензе А.* Письмо Альберта Кампензе к Его святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии. С. 33–34.

[311] *Пирлинг П.О.* Россия и папский престол. Книга 1. Русские и Флорентийский собор. С. 308.

ком, никогда не бывавшим в Московском государстве, и, во-вторых, не в результате собеседований с православными священнослужителями, а со слов светских лиц православного вероисповедания, российских дипломатов. Трактат представляет собой довольно объемную работу, для информационных потребностей Ватикана того времени очень ценную и нужную (наряду с сочинениями Паоло Джовио и Сигизмунда Герберштейна), хотя с ошибками и неточностями.

По словам И. Фабри, «...важнее всего то, что они держатся христианской веры... И таково их смирение, что все, однажды установленное святыми отцами на соборах, никто никогда не осмелился бы подвергнуть сомнению»[312]. И далее: «Итак, [Московиты] признают семь таинств... От нас они несколько отличаются в таинстве освящения [хлеба и вина] и преломления хлеба. Они держатся убеждения точно так же, как и греки, что Дух Святой исходит только от Отца, а не от Сына... Они также торжественно справляют четыре праздника, то есть Рождество Господа, Пасху, Пятидесятницу и день, когда Матерь Господа была взята Сыном на небо. С большим благоговением относятся они к апостолам, но особенно — к святому Николаю, которого они чтят, прославляют и призывают [в заступники]... Знак Христа и Образ Распятого носят они с собой, даже когда выступают [войной] против врага, чая одержать победу благодаря тому, благодаря чему одержал ее Христос. Они верят, что святые могут выступать нашими заступниками перед Богом; и надеются, что те делают это неустанно... Единственное, что нами, разумеется, не может быть одобрено и что нашим установлениям в высшей степени чуждо, — так это допущение детей, едва достигших трехлетнего возраста, к таинству евхаристии, совершение его на кислом хлебе и причащение людей из ложки хлебом, покрошенным в вино, в качестве Тела и Крови [Господа]»[313].

Не только Иоганн Фабри опрашивал российских дипломатов. В том же 1525 г. сотрудник Ватикана Паоло Джовио по поручению папы Климента VII и архиепископа Консентийского Иоанна Руфа опросил прибывшего с дипломатической миссией в Рим Герасимова Дмитрия Даниловича, в том числе и о православии и Русской православной церкви. Паоло Джовио писал: «А в таинства веры Христовой посвящены они были впервые тогда, когда Греческие епископы не с достаточно разумной последовательностью стали выражать свое разногласие с Латинской церковью. Вследствие этого Московиты с теми же самыми чувствами и с самой чистосердечной верою стали следовать тем религиозным уставам, которые они восприяли от Греческих учителей»[314]. Паоло Джовио выяснил содержание расхождений в канонах и обрядах католичества и православия. В частности, что в православии св. Дух исходит только от Бога отца, а не и от Сына; что в православии св. Дары готовятся не из опресноков, а из квашеного хлеба; что православие категорически отвергает существование чистилища (по словам Паоло Джовио, признают его существование «баснословным») и другие. Паоло Джовио рассказал о постах, некоторых особенностях отдельных праздников и богослужений, о погребении и поми-

[312] Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов». С. 20–21.

[313] Там же. С. 31–33.

[314] Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. С. 267–268.

нании усопших и т.д. Паоло Джовио подчеркнул, что «В остальном они придерживаются почти тех же обрядов, которые в употреблении у Греков, гордо и упорно отрицая то положение, что Римской церкви принадлежит господство над всеми прочими»[315]. Конечно, такое отношение православных русских к Римской католической церкви вызывало у папы Климента VII серьезное беспокойство.

Ни Альберто Кампензе, ни Иоганн Фабри, ни Паоло Джовио никогда не были в Московском государстве и имели такое представление о Русской православной церкви и православии, которое требовало дополнения и уточнения.

В 1565 г. в Москве некоторое время находился итальянский купец, католик Рафаэль Барберини. Ему удалось лично посетить православные церкви, и он так написал в своем отчете о Русской православной церкви и православии: «Иностранцев не впускают в свои церкви, разве когда перекрестятся в их веру; мне, однако ж, удалось два раза побывать в их церквах, один раз днем, другой раз ночью; и увидел я там, словом, все те же обряды и обычаи, какие видел в Греции в подобных церквах, то есть свечи, лампады, множество икон и распятий, но на которых Спаситель пригвожден четырьмя гвоздями, то есть каждая нога порознь. Обряд богослужения совершенно греческий; вся обедня, впрочем, совершается на природном их языке, а при совершении даров, вместо облатки, употребляют хлеб; постятся несколько раз в год и то со строгим воздержанием; во-первых, в наш обыкновенный великий пост, потом в Филиппов пост, в Петровский и многие другие, которые доходят до конца года...»[316].

15 января 1576 г. кардинал Джованни Джироламо Мороне подписал наказ папскому послу в Московию Рудольфу Кленке (Кленхену), в котором говорилось: «Излишним также считаем напоминать и о том, чтобы ты внимательно наблюдал народныя обыкновения Московитян, обряды их, богослужение, и совершение Таинств, и возвратился бы к нам с самыми достаточными сведениями о том, что по мнению твоему, может способствовать к верному, твердому, неразрывному соединению Церкви, или будет служить в том препятствием»[317]. Как мы видим, задание сформулировано кратко и четко. В нескольких строках изложено все самое главное, что Ватикан хотел бы знать о православии и Русской православной церкви. По существу это самая настоящая разведывательная программа.

Интересно, что в «Ватиканской Библиотеке находится Итальянская рукопись под заглавием: Ricevimento dell` Ambasciatore Imperiale in Moscovia 1576»[318]. По мнению Ф. Аделунга, эта рукопись является письмом Иоанна Кобенцеля (посол Священной Римской империи германской нации к Ивану Грозному, 1576 г.) архиепископу Колоцкому Николаю Дражковичу. В этом письме И. Кобенцель рассказывает о Св. Таинствах, Крестных ходах, литургии, других богослужениях и богослужебных одеждах священников, о постах. «Святых, как я заметил выше, почитают они с величайшим благочестием и призывают в молитвах, как ходатаев пред Богом

[315] Там же. С. 268.

[316] Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. С. 3–4.

[317] Переписка пап с российскими государями в XVI веке, найденная между рукописями в Римской Барбериниевой библиотеке. С. 69–70.

[318] *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел IV. М., 1864. С. 188.

за человеков. Св. Николай — особеннейший их покровитель, и иконы его пользуются в Москве величайшим почитанием. Великий Князь утром каждого дня посылает в монастырь этого Святого обильный запас пищи: что разделяется между причтом, который непрестанно поет псалмы и молит Бога, да хранит Великого Князя невредимым. Так содержит и покровительствует он другой монастырь, лежащий не очень далеко от того, в котором хранится икона Св. Николая — это монастырь Св. Троицы; в нем считается 200 монахов, а в церкви его погребен Св. Игнатий (ошибочно, правильно — Св. Сергий — *прим. авт.*)»[319].

В начале XX в. русский историк Е.Ф. Шмурло, находясь в научной командировке в Ватиканском Архиве, обнаружил там «Сборник разнородного содержания времени Григория XIII: отрывки из донесения Кобенцеля — Принца о Московии (1576 г.)»[320]. Иоанн Кобенцель и Даниил Принц — послы Священной Римской империи германской нации к Ивану Грозному в 1576 г. Вторая глава сочинения Даниила Принца называется «О религии русских» и полностью посвящена описанию Русской православной церкви, православных праздников, постов, богослужений, обрядов, календаря, кратко упоминаются монахи и монастыри. Целый раздел этой главы посвящен «Заблуждениям Русской Веры», то есть отличиям православия от католичества. В 70-е годы XVI в. эти сведения являлись для Рима весьма и весьма ценными. Раздел «Главные статьи заблуждений Русской Веры» состоит из 36 статей, приведем некоторые из них: «...Во 2-х, отрицают, что Римская церковь есть глава, начальница и учительница всех других Церквей... В 3-х, утверждают, что повинующиеся Римской Церкви не суть истинные Христиане и не могут спастись, а это потому, что отделились от первобытной Церкви. Ибо они только себя считают истинно верующими, которые правильно следуют за Христом и Апостолами. В 4-х, верят, что Папа, вместе с римской Церковью, и все верные это — еретики со времен Ария, и потому называют нас Ариянами. Также проклинают Папу и священнический чин в пятое воскресенье, предшествующее дню Пасхи, и говорят, что Папа не имеет власти вязать и решить... В 5-х, у учителей Латинской Церкви отнимают всякое значение истинности и не принимают их книг... В 6-х, принимают писания Греческих Отцов, доколе они не заключают ничего, противного их заблуждениям... В 7-х, отвращаются от Святых и образов Римской Церкви, которым, говорят, воздается идолопоклонническое почтение, и почитают только те образа, которые писаны ими и находятся в их храме. В 8-х, все наши храмы презирают и не воздают им никакого почтения;... В 11-х, смеются и презирают все таинства Римской Церкви... В 13-х, презирают послушание и власть Римской Церкви и смеются над всеми монашескими орденами, епископством, священством, молитвами, постами, индульгенциями, юбилейными годами и другими церковными обязанностями, все это считая ничего не значащим... В 29-х, учат, что есть только два места душам по выходе их из тел: это — небо и ад, а чистилище совсем отвергают... В 32-х, учат, что Дух Святой исходит только от Отца, отнюдь же не от Сына, что противно величию Св. Троицы...»[321]. Этот раздел давал пищу католиче-

[319] Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века. С. 135–136.

[320] Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. 2. Вып. 1. С. 318.

[321] Начало и возвышение Московии. Сочинение Даниила Принца из Бухова // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел IV. М. 1876 г. С. 43–46.

ским теологам, вносил конкретику и прицельность в их научно-полемические труды по борьбе с православием, в программы подготовки эмиссаров.

Даниил Принц также подробно рассказал о православных праздниках, богослужениях, в том числе совершении Святых Таинств, о постах, иконах, о процедуре перекрещивания католиков при переходе их в православие и т.д. Несколько слов он сказал и о погребении православных: «Под каменными храмами у них подвалы, а под деревянными комнаты, и туда помещают более богатых умерших, заключивши их в склеп, а чрез сорок дней устрояют в честь их поминки. Для погребения простого народа вырывают большой ров и кладут в него, и если кто умер без священных обрядов, совсем не бросают земли, но спустя три, или четыре месяца устраивают там домик, и похороны сопровождаются над умершими большим плачем и воплем всех сошедшихся родственников и соседей, но хоронят по обряду религии…»[322].

Сведения о применявшемся в те годы в Московском государстве календаре были весьма важны. Они позволяли точно назвать дни и время всех церковных праздников, постов, дней святых, богослужений и т.д. Это было важно не только в связи с различиями с Григорианским календарем, но и потому, что календарь давал возможность воочию увидеть направленность православия, его приверженность тем или иным, отличным от католичества, догматам и канонам, святым. Сотрудник аппарата Ватикана Паоло Джовио записал со слов российского дипломата Д.Д. Герасимова в 1525 г.: «Года считаются у них не с Рождества Христова, а с начала мира; начинают их не с января месяца, а сентября»[323]. Даниил Принц также обратил на это внимание: «Год начинают с первого Сентября, и месяцы называют теми же именами, как Латиняне, однако неправильно. В счислении лет от сотворения мира совершенно не сходятся с нами… Итак, этот год от рождества Христова тысяча пятьсот семьдесят седьмой, от сотворения мира по нашему счислению 5537, у них 7085, и первого Сентября у них начнется 86-й…»[324].

В 1581–1582 гг. Москву посетило посольство папы Григория XIII во главе с папским легатом Антонио Поссевино. В составе посольства находился член Ордена иезуитов, провинциал Ордена в Польше Паоло Джованни Кампани (прибыл в царскую резиденцию в Старицу 18.08.1581 г., убыл из Старицы в Рим 29.09.1581 г.). По результатам поездки в Московию Паоло Кампани написал записки, в которых уделил внимание и Русской православной церкви. Он писал: «Летоисчисление московиты ведут от самого сотворения мира. Нынешний год, от рождества Христова 1582, они считают 7091 от сотворения мира. Начало года у них 1 сентября. Этот день они отмечают всеобщим весельем и всяческими развлечениями. На площади воздвигается помост, на который поднимаются митрополит и великий князь, и возвещают оттуда об окончании года Митрополит, по обычаю, святит воду, и этой водой кропит князя и стоящий вокруг народ, осеняя крестом как самого князя, так и его сыновей, молится о их долгой и счастливой жизни…»[325]. П. Кампани также записал сведения о таинстве евхаристии, праздновании Святой Троицы, Вербного

---

[322] Там же. С. 41.

[323] *Джовио П.* Книга о московитском посольстве // Все народы едино суть. С. 496.

[324] Начало и возвышение Московии. Сочинение Даниила Принца из Бухова. С. 42.

[325] Сведения о России конца XVI в. Паоло Кампани. С. 83.

воскресенья, дней святых, о постах и как их соблюдают православные русские, о днях поминовения умерших и др.

Глава этого посольства Антонио Поссевино также активно собирал сведения о православии и Русской православной церкви, докладывал о них в Рим и в обобщенном виде изложил в своих сочинениях. Папа Григорий XIII дал ему совершенно конкретное и точное разведывательное задание: «...более всего старайтесь приобрести сведения обо всем, касающемся веры этого народа»[326]. И Антонио Поссевино исключительно добросовестно стремился это задание выполнить. Вот, например, что он говорил о своих усилиях: «...то, что написал в своих "Записках о Московии" Джовио, именно, что среди этого народа распространены сочинения четырех ученых латинской церкви и других отцов церкви, переведенные на русский язык (он думал, что последний сходен со славянским), этого еще не удалось пока узнать, хотя я тщательно об этом расспрашивал...»[327]. Относительно богослужений А. Поссевино отмечал: «Что же касается богослужения и исполнения церковных обрядов, то все это делается на славянском или, скорее, на русском языке, а он почти таков, как язык, принятый у русских подданных польского короля»[328]. Это очень важное замечание. Ведь все католические богослужебные книги были напечатаны на латинском языке, на этом же языке католики проводили в своих храмах богослужения и совершали обряды. А кто из русских, как священнослужителей, так и мирян, знал в то время латинский язык? Чтобы обращать русских в католичество, нужно было, во-первых, сначала научить их латинскому языку; во-вторых, получить разрешение на проведение в храмах богослужений (и проповедей) на латинском языке; в-третьих, если предыдущие пункты окажется невозможным исполнить, перевести богослужебные книги с латинского языка на русский и распространить их в Московии. Нужны были католические священнослужители, владеющие русским языком, желательно славянской национальности. Все это была огромная проблема, на которую обратил внимание и выделил А. Поссевино. Он писал: «Важно, по-видимому, и то обстоятельство, что было бы очень трудно заставить их отказаться от богослужения на славянском языке и заменить его богослужением на латинском, или добиться разрешения для нас вести его на греческом языке. Если бы это и удалось через некоторое время, нужно было бы тщательно изучить, правильно ли переведено то, что читается у них из Ветхого Завета или Евангелий»[329]. А. Поссевино также собрал сведения о православных иконах, о том, как православные молятся, о святых и др. По его словам, русские пишут иконы, «соблюдая полную благопристойность, и изображают святых как живых, не допуская изображения обнаженных частей тела. Они очень строго придерживаются постов, воздерживаются от молока и мяса, но церковь посещают редко... Молятся они стоя и иногда касаются лбом земли, так же принято у них приветствовать знатных людей и выпрашивать милостыню. Они прикрепляют четыре зажженные свечи к четырем сторонам купели, которые потом гасят, и крестят детей, три раза погружая в воду все

[326] Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 3. С. 699.

[327] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 27.

[328] Там же. С. 27.

[329] Там же. С. 33.

их тело… Между прочим, более всего они чтут святого Николая, епископа Мирликийского. Мы видели его изображение не только на иконах, но почти полное изваяние недалеко от Новгорода Великого… Они называют святого Николая чудотворцом, т.е. творцом чудес. Однако они почитают его не до такой степени, чтобы сравнивать с Христом или считать самым значительным из святых… Они не признают канунов праздников, в отличие от католиков…»[330].

Е.Ф. Шмурло обнаружил в Ватиканском Архиве (том 15А Польской нунциатуры) «Русские святцы на каждый день, с 1-го сентября по 31-е августа. Можно с вероятностью допустить, что святцы эти были составлены, если не самим Поссевином, то для него, по связи с главною задачею его московской миссии»[331].

Во время своего первого посещения Москвы в 1647 г. (с 15 октября по 9 декабря 1647 г.) Георгий Крижанич купил изданную здесь «огромную» книгу под названием «Собрание вещей, изысканных для защиты кафолической веры против богоненавистных латин и прочих еретиков». Книга содержала сочинения о православии, его канонах, богослужениях, по словам Г. Крижанича, «полные клевет и басен против римской церкви». Вернувшись из поездки, Г. Крижанич вышел с предложением изучить книгу, написать опровержение в защиту католицизма, перевести его на русский язык и доставить в Москву для борьбы с православием на месте. Конгрегация «Пропаганда Веры» рассмотрела это предложение в присутствии папы Иннокентия X и 1 сентября 1648 г. направила Г. Крижаничу ответ, в котором говорилось, что «его святейшество повелел вам прислать названной конгрегации сказанную книгу при каком-нибудь удобном случае, о коем вы можете сговориться с местным монс. нунцием…»[332]. Предложение, как мы видим, было одобрено. С Георгием Крижаничем, эмиссаром Ватикана, мы еще встретимся.

Адольф Лизек, секретарь посольства Священной Римской империи германской нации, посетивший Москву в 1675 г., небольшой раздел в своем донесении посвятил Русской православной церкви и православию. Он отметил, что Церковью руководит патриарх, которого утверждает царь; что русские исповедуют греческую веру, происхождение Святого Духа признают только от одного Отца, а не и от Сына, как в католичестве; они не признают верховенства Римской католической церкви. Таинство евхаристии осуществляют на квасном хлебе и вине. В Московии много монастырей и монахов.

О православном вероисповедании писал и Я. Рейтенфельс: «Что касается основных положений веры Московитов, то в настоящее время они исповедывают то же учение, как и греки, и читают чуть ли не все книги последних в славянском переводе… Кроме греческих у них, правда, есть несколько и собственных сочинений… новейшее — приговор Патриархов Константинопольскаго и александрийскаго, которые были призваны в Москву десять лет тому назад и лишили Русского Патриарха, за некоторые его нововведения в делах веры, сана. На этом собрании главным образом, кажется, был обсуждаем вопрос о некрещении вторично христи-

[330] Там же. С. 29–30.

[331] Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. 2. Вып. 1. С. 79.

[332] *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России (Приложения) // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел III. М., 1903. С. 249.

ан, несогласных с Русскими, и о том, чтобы Папа Римский не обзывался бы всенародно, как это раньше делалось из года в год, гнуснейшими, нарочно для сего подобранными именами»[333].

Иезуит Иржи Давид, выдворенный из Москвы 5 октября 1689 г., докладывал провинциалу Ордена: «...москвитяне вместе с греками и другими восточными народами начинают свой год с первого дня сентября... Годы свои они обычно исчисляют, начиная от сотворения мира, иногда от Рождества Христова... Календаря они придерживаются старого, Юлианского. Они говорят, что по приказу папы Григория календарь был реформирован специально для того, чтобы наша церковь и их церковь расходились в праздниках... В нижеследующем календаре указывается для определенных праздников разрешение употреблять вино и масло, и иногда рыбу, но для понимания этого следует знать, что: 1. Под вином подразумевается водка или хлебное вино. 2. Русские по средам и пятницам соблюдают строжайший пост, так что им не дозволено употреблять ни масла, ни вина, ни рыбы, если только на эти дни не падает такой праздник, в который это дозволено. Постятся также по понедельникам, но это по желанию»[334]. Далее И. Давид в своем донесении привел действовавший в России календарь.

23 сентября 1698 г. миссионер Геральд сообщал иезуиту Франциску Дубскому: «...Таким образом, оставив грегорианский календарь, мы стали следовать старому календарю, который соблюдают и соседние георгианцы (армяне-григорианцы) и часть Персии. Однако для уничтожения всякаго сомнения мы теперь хлопочем, чтобы его святейшество (папа) дал нам на это свое согласие, особенно в виду пасхи, которую мы часто должны будем в таком случае праздновать противно (!) никейским правилам...»[335].

Относительно праздников известный нам Иоанн Георг фон Корб записал в «Дневнике»: «В России считают почти столько праздников, сколько дней в году, что не мешает, впрочем, праздновать эти дни поочередно в разных частях города, так, чтобы в продолжении дня, свободнаго от работы в одной части, жители других частей могли заниматься своим делом; но большие праздники, как то: Рождество, Воскресение, Вознесение Господне и проч., празднуют все вместе; торжество сих дней сопровождается беспрерывным и неприятным колокольным звоном»[336].

Русская православная церковь, церковное управление, структура церкви, патриархи и патриаршие приказы, митрополиты, архиерейские Соборы. Епархиальное управление. Очень сложные и опасные для изучения вопросы, особенно в условиях Московского государства. Ведь выяснять ответы на них приходилось приезжим иностранцам, католикам, которым не разрешалось входить в православные храмы и присутствовать при богослужениях. Ответственность могла наступить быстрая и суровая. Да и далеко не каждому православному священнослужителю (или информированному православному мирянину) можно было задать

[333] *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии (Падуя, 1680 г.). С. 165.

[334] *Давид И.* Современное состояние великой России или Московии. С. 144.

[335] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 4.

[336] Дневник Иоанна Георга Корба во время посольства Императора Леопольда I в Московское Государство в 1698 г. и проч. Перевод с Латинскаго Б. Женева и М. Семевскаго. С. 271.

интересующие вопросы, мешал не только и не столько языковый барьер, сколько установленный в Московии для иностранцев административный режим въезда-выезда, передвижения и проживания. Нарушитель режима мог легко нарваться на очень даже серьезные неприятности со стороны Посольского приказа. Гораздо безопаснее нужные сведения можно было получить за рубежами Московского государства, опрашивая российских дипломатов, купцов, военнопленных, то есть православных верующих, но не священнослужителей. Русские православные священнослужители редко выезжали за рубеж, как правило, по указанию патриархов Московских и всея Руси по церковно-богословским делам в Восточные патриархии или с миссионерскими целями в Китай. Со второй половины XVII в., когда численность приезжающих в Московию иностранцев стала расти и отношение к ним стало меняться в сторону постепенного ослабления режима, собирать нужные сведения стало несколько легче. Более свободное (без сопровождающих) передвижение по улицам Москвы предоставило возможность собирать часть сведений визуальным путем; больше возможностей стало для активного использования постоянно проживающих в Москве иностранцев католического вероисповедания (военных наемников, различных специалистов, купцов и др.); значительно расширились контакты иностранцев с хорошо информированными в делах Церкви русскими — от царя и членов царской семьи, царских сановников до офицеров, чиновников правительственных учреждений и купцов.

В 1525 г. Паоло Джовио писал: «Главу священнослужения (cacrorum), именуемаго ими Митрополитом, они испрашивают у Константинопольскаго Патриарха, Архимандриты же и Епископы избираются по жребию, путем бросания в урну имен лучших лиц»[337]. По сообщению Иоганна Фабри, также относящемуся к 1525 г., «У них есть архиепископ (правильно — митрополит — *прим. авт.*), кафедра коего находится во граде Москве, там же, где и престол императора. Имеется также много епископов, один из них в Новгороде, в котором жил Исидор, кардинал при римской понтифике Евгении… другие в Ростове, Суздале, Твери, Смоленске, Рязани, Коломне, Вологде и в Крутицах, каждый из коих имеет свою епархию. Все эти епископы почитают архиепископа своим главой. Сей же архиепископ до того, как патриарх константинопольский попал под тиранию магометан, всегда признавал [власть] этого патриарха над собой. Однако они всегда и по праву признают, что римский понтифик в качестве преемника [апостола] Петра выше константинопольского патриарха. Не забывающий об этом и сегодня император рутенов является столь усердным покровителем религии, что и доселе имеет обыкновение ежегодно посылать константинопольскому патриарху милостыню…»[338].

По словам Иоанна Кобенцеля, «У них есть свой Митрополит, от которого зависят Епископы и все Духовенство и которому они оказывают такое же почтение, какое оказываем мы своему Верховному Первосвятителю. Митрополит, по собственному их убеждению, зависит от Константинопольского патриарха, но известно, что сношения их между собою редки, ибо они живут один под властью Султана, другой под властью Московского государя. Митрополит ежегодно созывает Собор, на

[337] Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. С. 269.

[338] Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов». С. 21.

котором присутствуют Епископы и прочие прелаты. Бывши в Дорогобуже, я видел, как некоторые из них отправлялись на Собор, посылая впереди себя свой пастырский жезл, точно как у нас Апостольские Легаты заставляют предносить себе крест; каждого из них сопровождали монахи и прислужники. Все возводимые в сан Епископский суть монахи и, живя в монастырях, отличаются самым неукоризненным поведением, желая чрез то соделаться достойнее сказанного сана. Великий Князь не предпринимает и не постановляет ничего важного, не посоветовавшись предварительно с Митрополитом»[339]. Выдержка из письма Иоанна Кобенцеля относится ко времени до учреждения патриаршества на Руси. Тогда главой Русской православной церкви являлся митрополит и Церковь находилась (формально) в каноническом подчинении у патриарха Константинопольского.

Паоло Кампани отмечал: «Епископы выбираются из монахов, и им, как и монахам, совершенно запрещены мясная пища и брак. Выбирает их князь, посвящают два или три епископа»[340].

Во второй половине XVII в. личность патриарха Никона, суд над ним, реформа Русской православной церкви находились в сфере пристального внимания Рима и других европейских государств, сведения по этим вопросам были важны. Августин Майерберг так писал о причинах его падения: «Было время, когда Патриарх Никон, которого Царь любил больше всех их, казался у него всемогущим, но, свергнутый силою постигшей его судьбы придворных, уже шесть лет скрывается в построенном им монастыре... О падении Никона разные лица говорят различно. Вернее, приписывают его тому, что Никон очень уж много давал воли своему жадному до новизны уму, почему и впутал своим опрометчивым советом в Шведскую войну Московию, уже замешанную, по его же настоянию, в Польскую. Притом для разогнания Московитянского невежества открыл еще в Москве училища Латинского и Греческого языков, удалил из церквей висевшие на стене против алтаря святые образа, принадлежавшие частным лицам, чтобы не сказывалось неприличное пренебрежение алтарю, когда молельщики станут класть, по обыкновению, земные поклоны сим образам. Оба пола подняли также сильный шум на установление, в видах опрятности, весьма частых омовений, по Турецкому обряду, чем Никон умножил довольно явные доказательства затеянного им новшества в религиозных догматах для подозрительных Московских умов, державшихся упорно старинного обычая. За все это все возненавидели Никона и с общего желания требовали его ссылки...»[341]. Августин Майерберг также подробно написал об иерархах Русской православной церкви и ее структуре: «Все они правят с неограниченною властию, судят всякие дела, относящиеся к духовенству, церковному послушанию и Христианским правам, и никогда не получают у Царя отказа на просьбы об утверждении своих приговоров. После патриарха считаются четыре Митрополита... Затем следуют Архиепископы... За ними идут Епископы... и ряд их заключают Протопопы, Протодиаконы, Попы и Диаконы. Кроме этих духовных лиц, Москвитяне счита-

[339] Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века. С. 137.

[340] Сведения о России конца XVI в. Паоло Кампани. С. 85.

[341] Путешествие в Московию Барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, Послов Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, в 1661 году. С. 170–171.

ют еще Митрополита Киевского, Архиепископа Смоленского и Епископов Мстиславского и Полоцкого. Но так как право на эти области оспаривают у них Поляки и Литовцы, то надобно еще подождать будущего мирного договора между ними или обыкновенного решения войны...»[342].

Севастьян Главинич дополнил сведения А. Майерберга о Никоне: «Глава Русской Церкви, патриарх Никон... сын Протопопа (Protopopi), или Архипресвитера, человек тонкий и по природе острого ума, хоть и не знает никакой другой письменности, кроме Греческой, отведанной им в самой скромной доле... Обыкновенное его пребывание в селе Иерусалиме (pago Hierusalem), где он выстроил великолепный монастырь для себя и неподалеку тоже для монахинь в 8-ми Немецких милях расстояния от Москвы. Этот город обыкновенное местопребывание других Патриархов, но упомянутый Никон, уже больше 10-лет тому, изгнан оттуда по заговору, составленному против него придворною знатью... Некоторые сказывали ту причину, что он оказался первым зачинщиком войны (primus iniciator), предпринятой против Поляков; другие, что он главный виновник чеканки медных денег, из-за чего многих привел в бедность; а некоторые утверждали, что большой был охотник управлять Царским Двором единственно по своей только мысли»[343] (патриарх Никон оставил патриарший престол 10 августа 1658 г. В то время, когда С. Главинич писал свое сочинение, в Москве проходил суд над патриархом Никоном с участием эмиссара Ватикана митрополита Газского Паисия Лигарида и Восточных патриархов — Александрийского Паисия и Антиохийского Макария).

По словам С. Главинича, «Московское Духовенство и Дворянство вообще грубо: из Духовных я знал одного только ученого человека, Епифания, Киевского монаха, который довольно был сведущ в Греческой и Латинской словесности... Духовенство и Дворянство хорошо знают Псалтырь Давида и Священное Писание и могут приводить на родном языке из обоих чуть не наизусть, и весьма строго соблюдают посты»[344]. Епифаний — это Епифаний Славинецкий, известный исторический персонаж, защитник православия, в последующих главах мы с ним еще встретимся.

12 ноября 1674 г. в Риме на заседании конгрегации «Пропаганда Веры» ее секретарь кардинал Чезаре Мария Антонио Распони представил участникам заседания Якова Рейтенфельса, автора записки о возможных путях распространения католичества в Московии. Кардинал особо отметил, что Я. Рейтенфельс два года находился в Московии и наблюдал «...отношение правительства и частных лиц к католической вере...»[345], то есть, как мы понимаем, специально собирал сведения по этому вопросу. К эмиссару Ватикана Я. Рейтенфельсу, находившемуся в Москве в 1671–1673 гг., мы будем в нашем рассказе обращаться не раз. За период своего пребывания в Москве Я. Рейтенфельс смог собрать сведения о церковном управлении, структуре Русской православной церкви и по другим интересующим Рим вопросам. Он писал, что патриархи имеют в своем подчинении административные

---

[342] Там же. С. 47–48.

[343] Севастиан Главинич о происшествиях московских 1661 г. С. 6–7.

[344] Там же. С. 7–8.

[345] *Пирлинг П.О.* Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса С. 16.

учреждения, посредством которых управляют церковью. «Первое из них называется Разрядом и в нем хранятся деловыя бумаги духовенства и список всех церковных имуществ, второе — Судным приказом, где разбираются обыкновенныя духовныя тяжбы, и третье — Казенным, который ведает казну Патриарха и доходы его»[346]. Я. Рейтенфельс постарался перечислить епархии, находящиеся в епархиальном управлении у митрополитов, архиепископов и епископов; по его словам, в Русской православной церкви «едва ли более пятидесяти» архимандритов; в структуре Церкви имеются протопопы и священники, последних только в Москве около четырех тысяч.

Кстати, Я. Рейтенфельс в своей записке в конгрегацию «Пропаганда Веры» настоятельно рекомендовал «стараться добыть» постановления Московских Соборов 1666–1667 годов, на котором были приняты важные решения по делу патриарха Никона и о расколе Русской православной церкви[347].

Член миссии Ордена иезуитов в Москве Эмилиани Франциск Иоанн сообщал в донесении от 23 июня 1699 г.: «Настоящаго патриарха нам нечего бояться. Жизнь его проходит в спанье, еде и питье водки. Он уже с давняго времени не совершает никакого богослужения, по причине постояннаго нездоровья. Его недеятельность, может быть, выполнили бы другие епископы и архимандриты, но не решаются показать своей надменной ярости, потому что царь очень смирил их. Он довольно часто обзывал их ослами. Однако, где только могут, они не остаются без дела»[348]. Здесь речь идет о патриархе Адриане (1690–1700).

Прошло полгода, патриарх Адриан умер, и другой член миссии Иоанн Берула сообщал 11 января 1701 г. провинциалу весьма важные сведения об обстановке в руководстве Московской патриархии: «Здешний патриарх — человек старый и весьма простой, в прошедшем сентябре месяце тоже закрыл глаза, как и наш светлейщий (папа). Его никто не заместил и вероятно не заместит. Так угодно светлейшему царю по причинам, ему одному известным. Обязанности патриарха исполняет какой-то архимандрит, по фамилии Яворский, недавно вызванный из Киева и возведенный в сан митрополита. Он как-то стал известен светлейшему царю своей ученостью (он киевский заслуженный профессор богословия). Он, как слышно, окончил высшия науки в Вильне, притворившись униатом, но, когда там снята была с него маска, то, говорят, он оттуда был удален не совсем почетно. Отсюда у него теперь мало расположения к римлянам. Он нравится, как я сказал, светлейшему царю, но не очень нравится народу, потому что он (обливанец) (так они называют тех, которых крестят, наливая воду сверху на главу, как это делается у киевлян и у нас римлян), и народ боится, как бы он, сделавшись патриархом, не ввел какихлибо новшеств. Вследствие этого народ склоняется больше на сторону другого кандидата, человека не столь ученаго, но и не без образования, мужа честнаго, более преклонных лет и к нам не особенно неприязненного, именно, на сторону новго-

[346] *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии (Падуя, 1680 г.). С. 166.

[347] *Пирлинг П.О.* Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса. С. 23.

[348] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 25.

родскаго митрополита».[349] Яворский Стефан (1658–1722) был назначен 16 декабря 1700 г. местоблюстителем патриаршего престола после смерти патриарха Адриана; он действительно ранее временно принимал униатство с именем Станислава, учился в Киевской академии, иезуитских коллегиях в Львове, Люблине, Познани и иезуитском университете в Вильно. Митрополит Новгородский Иов был известен своей просветительской и благотворительной деятельностью, но не одобрял решений Петра I по установлению контроля за православными архиереями после смерти патриарха Адриана. Обратите внимание — слова И. Берулы, что патриарха, вероятно, никто не заместит, ведь оказались пророческими. Более чем на 200 лет Русская православная церковь осталась без патриарха, «вдовой».

В этом же донесении И. Берула сообщал о московском духовенстве и намерениях царя преобразовать его: «...Я слышал, что светлейший царь имеет сильное желание преобразовать духовенство, что и в самом деле крайне необходимо. Какое великое невежество в пастырях! Какия ошибки при совершении таинств! Все это небезызвестно светлейшему царю; поэтому он много ревнует о необходимом духовном благе...»[350].

В XVI–XVII столетиях Русская православная церковь неоднократно рассматривала на Московских Соборах вопросы, являвшиеся жизненно важными как для Церкви, так и для Российского государства. По результатам рассмотрения принимались соборные постановления. Например, соборное постановление в отношении патриарха Никона; соборное постановление по делу на Сильвестра Медведева и о мерах по предотвращению проникновения «латинства» в православие; соборное постановление по делу на Петра Артемьева и другие. Конечно, документы Русской православной церкви представляли определенный интерес для Рима. Ниже мы познакомимся с некоторыми попытками раздобыть постановления Московских Соборов.

Русская православная церковь, патриарх и царь. Кто из них обладал большей властью в Российском государстве и обществе? В каких отношениях они находятся? Участвует ли патриарх в обсуждении и решении государственных вопросов? Существует ли между ними единство мнений по церковным и государственным вопросам? Для Ватикана это были очень важные вопросы, так как ответы на них по существу позволяли сразу же определить главную цель изучения и последующего воздействия. В предыдущей главе мы об этом уже говорили.

А. Поссевино обратил внимание на узловое место во взаимоотношениях между главами Русской православной церкви и царями. Он отметил, что «Теперь митрополит избирается самим государем и посвящается в сан двумя или тремя епископами. Говорят, он получает годового дохода около 18 тысяч талеров (составляющих около 13 тысяч золотых). Но с него, как и с остальных епископов, даже и не столь богатых, князь иногда берет дань или (как они говорят) "помощь". Без уведомления и разрешения великого князя они не делают ничего, что могло бы иметь хоть какое-нибудь значение»[351]. Напомним, что до 26 января 1589 г. Русскую православную церковь возглавляли митрополиты Московские и всея Руси. Реальная ха-

[349] Там же. С. 57–58.

[350] Там же. С. 59–60.

[351] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 21–22.

рактеристика взаимоотношений между царем и митрополитом заставляла Рим сразу же сделать вывод — не только в государственных вопросах, но и в делах Русской православной церкви нужно начинать с царя.

В 1647 г. Георгий Крижанич докладывал в конгрегацию «Пропаганда Веры» о сведениях, добытых им в период первого посещения Москвы в составе польского посольства Казимира Паца и Иеронима Цехановича (с 15 октября по 9 декабря 1647 г.). Записка называлась «Повествование о нынешнем положении схизмы в Московии». Об отношении царя Алексея Михайловича к православию он писал: «Алексей, который теперь достиг власти в Московии, родившийся в 1629 г., — государь, подающий лучшия надежды: чтобы не говорить здесь об остальных признаках этого, религии он до того предан, что не опускает посещать почти ни одну церковь, где совершается более торжественный праздник. Он посещает даже более отдаленныя церкви: так при нас он ради праздника св. Николая посетил посвященный ему храм, находящийся в 18 верстах от Москвы...»[352].

Яков Рейтенфельс писал: «Высшая забота об охране веры почти поровну разделена между самим Царем и главным Епископом или Патриархом. Хотя верховная власть во всем государстве как в церковных, так и светских делах, принадлежит исключительно одному Царю, все же он оказывает духовенству и Патриарху некоторое уважение... Действительно, дабы показать, как почтительно они относятся к своим Патриархам, Цари всенародно оказывают им, в торжественных случаях, большия почести...»[353]. Процедуру избрания патриархов Я. Рейтенфельс описал следующим образом: «В настоящее время, при избрании Патриарха епископами, Царю одновременно предлагаются два базилианских монаха, из которых он одного, подходящаго, и избирает... Немедленно после сего, такие же свои русские епископы совершают торжественный обряд посвящения. Прочия лица духовнаго звания до архимандритов включительно, также сперва представляются Царю, но утверждаются Царем вместе с Патриархом»[354]. Я. Рейтенфельс верно указал на верховенство царской (светской) власти над властью патриаршей (духовной), на уважительное, почтительное отношение царя к патриарху.

25 августа 1675 г. в Москву въехало посольство Священной Римской империи германской нации (послы Аннибал Франциск де Боттони и Иоганн Карл Терлингер де Гусман, убыли 28 октября того же года). Секретарь посольства Адольф Лизек на основе личных наблюдений во время торжественного празднования Нового года красочно описал в своем донесении отношения между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Московским и всея Руси Иоакимом. Описание очень интересное, мы приведем небольшой фрагмент. «Вся левая сторона у Великокняжеских палат была выстлана Персидскими коврами. Посредине были два возвышения, наподобие тронов. Правое, для Царя, было покрыто драгоценным покрывалом, имело четыре ступени, но без седалища. На левом, назначенном для Патриарха, хотя и было седалище, но ниже первого, только о трех ступенях, и покрытое Персидским

[352] *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России (Приложения). С. 237.

[353] *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии (Падуя, 1680 г.). С. 166.

[354] Там же. С. 166.

шелковым ковром. Загремели колокола, и из храма, с левой стороны Царских палат, вышел церковный клир, за ним Епископы, а позади, между двумя Дьяконами, Патриарх. Он был в богатейшей одежде, наподобие плаща, украшенной золотом, жемчугом и драгоценными каменьями, и в Архиепископской мантии. На голове он имел золотую шапку, наподобие Царской короны, с крестом и диадемой. Архиепископы и Епископы были почти так же облачены, кроме того, что на тиарах у них не было ни крестов, ни диадем, и края оторочены кожей куторы или морской мыши, варварски называемой Ирмелином. Когда Патриарх приблизился к площади, с левого, весьма красивого хода вышел сам Князь, в сопровождении Бояр и Вельмож. Как скоро Царь подошел к ступеням трона, то Патриарх, соразмерявший свои шаги с ходом Царя, приблизился к нему с золотым, драгоценными каменьями осыпанным крестом в руках, и осенил им трижды. В это время Царь был без короны и преклонял главу каждый раз, как Патриарх его осенял. Патриарх сделал еще несколько шагов к Царю, и оба приветствовали друг друга поклонами. Царь три раза приложился к кресту, поднесенному Патриархом, поцеловали один другого в руки, и разошлись — Патриарх на левую сторону, а Царь на правую. Ставши на своих местах, они обратились друг к другу, и Патриарх трижды благословил царя обеими руками, причем Царь почтительно кланялся...»[355]. Приведенный фрагмент из донесения говорит о том, что отношения между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Иоакимом были уважительными, и эти строки, как и все донесение, скоро прочитает император Леопольд I (посольство вернулось в Вену 6 февраля 1676 г.), и, как можно думать, ознакомится папский нунций в Вене.

Об отношениях между царем Петром I и патриархом Московским и всея Руси Адрианом может в определенной степени рассказать и выдержка из донесения члена миссии Ордена иезуитов Иоанна Берулы от 11 января 1701 г.: «Говорят, покойный патриарх жаловался светлейшему царю на мою школу, что она опасна, что ученики совратятся. На это светлейший царь ответил так: “почему же ты не учишь юношей, чтобы они могли в свою очередь учить наших детей”. После этих слов здешний святитель замолк...»[356]. Мы видим, что в этом случае отношения между царем и патриархом оказались выраженными через их отношение к школе, действовавшей при миссии Ордена иезуитов. Заметим, что это отношение к школе было разнонаправленное и иезуитам удалось каким-то образом об этом узнать. Скорее всего, от одного из вельмож, чей сын обучался в этой школе.

Боярская и церковная оппозиция царю и патриарху. В XVI–XVII столетиях эти вопросы интересовали не только Рим, но и многие европейские монархии. Полные и достоверные ответы на них могли свидетельствовать о силе или слабости царской власти, о силе или слабости патриарха Московского и всея Руси и Русской православной церкви, о взаимоотношениях светской и духовной властей, могли дать основу для прогнозирования дальнейшего развития политической обстановки в Московском государстве. Это было очень важно. В предыдущей главе мы отметили, что оппозиция власти, как светской, так и духовной, неизбежно возникает сразу с появлением самой власти. В то далекое время власть, веря в свое все-

[355] Статистическо-географическое описание российского государства в начале XVII столетия. Адольф Лизек. Донесение о посольстве. С. 346–347.

[356] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 60.

силие, не понимала, что уничтожить оппозицию невозможно, она только из более-менее легального положения перейдет в подполье, и тогда ее деятельность станет более скрытой от власти, и отсюда еще более опасной. Власть тогда не понимала, что оппозицию нужно не уничтожать, а ограничивать ее деятельность до таких границ, которые бы позволяли власти уверенно осуществлять свои властные функции.

Учитывая, что цари утверждали патриархами Московскими и всея Руси (до 1589 г. — митрополитами) тех кандидатов, на верность и поддержку царской политики которых они могли всецело рассчитывать, любая оппозиция царю, как правило, сразу же становилась в оппозицию патриарху, и боярская оппозиция практически объединялась с церковной. На первых порах после избрания царя (патриарха) оппозиция не особенно себя проявляла, она находилась в стадии формирования, и обнаружить ее было не так просто не только власти, но и тем более иностранным разведчикам. Но на этапах открытой борьбы с властью, не говоря уже о публичных казнях, расправах, ссылках, оппозиция проявляла себя отчетливо и перед иностранным разведчиком представала полная картина. Эта картина была еще более полной, если иностранный разведчик имел возможность ознакомиться с предшествующими историческими хрониками, летописями.

Широко известны примеры борьбы с боярской и церковной оппозицией Ивана Грозного: его опричнина, массовые казни бояр и правительственных чиновников; низложение и ссылка митрополита Филиппа Колычева в Тверской Отрочь-монастырь, где он был через год убит. Известны также низложение и заточение в монастырь архиепископа Новгородского Пимена; низложение и вечное заточение в монастырь его преемника архиепископа Новгородского Леонида, факты расправы с другими священнослужителями. В этом примере деятельность боярской и церковной оппозиции была направлена против царя Ивана Грозного, против царской власти. Информация о борьбе Ивана Грозного с оппозицией уходила в Рим и в Европу широким потоком как от приезжавших в Московию папских и других европейских дипломатов, так и от папских нунциев в Польше, от польского правительства, иностранных купцов, бывших военнопленных, беглецов от царского режима (папский легат Антонио Поссевино; папский нунций в Польше Виченцо дель Портико; состоявшие на царской службе военнопленные Альберт Шлихтинг, Иоганн Таубе и Элерт Крузе; бывший царский опричник и авантюрист Генрих Штаден; английский купец, разведчик и дипломат Джером Горсей; беглец от царского режима, бывший царский вельможа боярин князь Андрей Михайлович Курбский и другие).

В главе, посвященной подрывной деятельности против Русской православной церкви, мы подробно расскажем о тайной миссии в Москву эмиссара Ватикана Паисия Лигарида, который смог объединить царскую власть, боярскую и церковную оппозицию патриарху Никону для окончательного его низложения с патриаршего престола, лишения святительского сана и направления в далекую ссылку. Паисий Лигарид, используя доброжелательное отнощение к нему царя Алексея Михайловича, на месте изучал не только составы боярской и церковной оппозиции, их взаимоотношения друг с другом, с царем, с патриархом Никоном, но и, что весьма важно, регулировал и управлял этими отношениями и их деятельностью против патриарха Никона в интересах Ватикана. Подчеркнем, что важность именно такой миссии Паисия Лигарида была намного выше, чем если бы он ограничился периодиче-

ским направлением донесений в Рим о текущем ходе разбирательства дела патриарха Никона.

Здесь же назовем основных участников оппозиции. Боярской: бояре и князья Алексей Никитич Трубецкой, Никита Иванович Одоевский, Юрий Алексеевич и Дмитрий Алексеевич Долгорукие; бояре Илья Данилович Милославский (отец царицы Марии Ильиничны), Никита Иванович Романов (дядя царя Алексея Михайловича), Семен Лукьянович и Родион Матвеевич Стрешневы (из ненависти к патриарху Никону он свою собаку назвал Никон); окольничий Богдан Матвеевич Хитрово, стольник князь Юрий Иванович Ромодановский и другие. Церковная оппозиция: митрополиты Новгородский и Великолукский Питирим (будущий патриарх), Казанский и Свияжский Лаврентий, Ростовский и Ярославский Иона, Сарский и Подонский Павел, архиепископ Рязанский Иларион, архимандриты Ярославского Спасского монастыря Сергий, Троице-Сергиевого монастыря Иоасаф (будущий патриарх), Чудова монастыря Иоаким (будущий патриарх), а также протопоп Аввакум и его многочисленные единомышленники и другие. Участники оппозиции очень даже серьезные, и царь не мог игнорировать их мнение.

В этом примере мы говорили о боярской и церковной оппозиции, которая была направлена против патриарха Никона. Царь Алексей Михайлович поддерживал оппозицию, и оппозиционеры против него и царской власти ничего не умышляли. Информация о ходе и результатах суда над патриархом Никоном, о его противостоянии объединенной оппозиции и царской власти также уходила в Рим и европейские государства по самым различным каналам — от самого Паисия Лигарида, иностранных и российских дипломатов, купцов, специалистов и других лиц. В разделе о Паисии Лигариде мы об этом расскажем.

Еще один наш пример посвящен деятельности объединенной оппозиции против царя Петра I и патриарха Московского и всея Руси Иоакима, то есть заговору царевны Софьи и гетмана И.С. Мазепы, и о них мы также подробно поговорим в главах, посвященных подрывной деятельности против Московии и Русской православной церкви. Рассказ о заговоре мы поместили в двух главах потому, что в одной главе мы рассказываем о заговоре против Петра I, о попытке государственного переворота с намерением возвести на царский престол Софью Алексеевну, то есть о заговоре против Московии. В другой же главе мы рассказываем о еще одной важной составляющей части общего заговора, о заговоре против патриарха Иоакима, то есть против Русской православной церкви, с намерением низвергнуть его и возвести на патриарший престол Сильвестра Медведева.

Учитывая, что подробный рассказ об этих событиях впереди, здесь мы назовем основных участников оппозиции. Боярская оппозиция: бояре и князья Василий Васильевич и Алексей Васильевич Голицыны, бояре Иван Михайлович Милославский, Богдан Матвеевич Хитрово, Леонтий Романович Неплюев, окольничий Федор Леонтьевич Шакловитый и другие. Церковная оппозиция: настоятель Московского Заиконоспасского монастыря Сильвестр Медведев, митрополиты Рязанский и Муромский Павел, Псковский и Изборский Маркелл, игумен Московского Симонова монастыря Гавриил Домецкий, игумен Киевского Кирилловского монастыря Иннокентий Монастырский и другие.

В 1680-е гг. информационные возможности Рима и европейских государств в Московии стали значительно более широкими, чем 15–20 лет назад. Информация о

заговоре и его результатах уходила из Москвы не только в Рим, но и в другие столицы европейских государств (Варшава, Вена, Париж, Стокгольм и др.). В числе лиц, собиравших эти сведения, член миссии Ордена иезуитов в Москве Иржи Давид; французский разведчик де ла Невилль, прибывший в Москву под дипломатической «крышей» и под польским «флагом», да еще под другой фамилией, и имевший встречи (в том числе и тайные) с некоторыми руководителями заговора; находившиеся в Москве дипломатические представители (для того времени и разведчики) европейских государств и другие. Подробнее обо всем этом поговорим ниже.

Православие, Русская православная церковь и народ. Отношение народа к православию и Русской православной церкви прямо, без всяких оговорок, характеризовало силу или слабость Церкви. Если народ по призыву Церкви был готов идти и шел в бой в защиту православия, если для народа защита православия сливалась воедино с защитой отечества, то это означало, что Церковь имеет абсолютную поддержку и опору в народе, что война против Церкви будет являться войной против народа и отечества. Знать точно, каково отношение российского народа к православию и Русской православной церкви, сильна или слаба Церковь, в чем заключаются ее сильные и слабые стороны, — это была очень важная разведывательная задача. Решив ее, можно было попытаться создать механизмы для разрушения сильных сторон, и расширения слабых, с последующим использованием в подрывной деятельности против Русской православной церкви.

28 июня 1486 г. приехавший в Милан Георгий Перкамота, грек, дворянин, посол Ивана III Васильевича к герцогу Миланскому Галеаццо Сфорца, был детально опрощен в его канцелярии о Московском государстве. Отвечая на вопросы, посол сказал, что «вся страна Российская придерживается христианской веры, все жители крещены и соблюдают в своих обрядах греческий обычай...»[357]. Интерес к словам Г. Перкамоты был высок — ведь он представил царскую грамоту, опечатанную покрытой золотом печатью, и привез в подарок герцогу два сорока соболиных мехов, двух кречетов и даже несколько живых соболей. Конечно, сведения об огромной и богатой христианской стране заслуживали внимания (предполагают, что послом Георгием Перкамотой являлся грек Юрий Мануилович Траханиот, член свадебного посольства Зои Палеолог, оставшийся в Москве на службе у Ивана III Васильевича в 1472 г.).

Более 500 лет назад, в 1500 г., Иоанн Сакран так характеризовал отношение московитян к православию: «Между всеми народами, говорит он, Москвитяне самые упорные в защите своих заблуждений, так что не уступают никаким истинам слова Божия, никаким церковным определениям, никаким учителям Католической Церкви, упорно противоречат признанной истине и отвращаются даже тех Католических пастырей, которые сохраняют их обряды»[358]. Через несколько лет, в 1523 г., католический священнослужитель из Кельна, Браун, начал издавать свое трехтомное сочинение «Civitates orbis terrarum», в котором нашел место для рассказа о православии и отношении к нему народа в городе Вильно. Он писал: «...религию в

[357] Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Вопр. историографии и источниковедения истории СССР. № 5. М., 1963. С. 653.

[358] Цит. по: *Рущинский Л.П.* Религиозный быт Русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков. С. 296.

этом городе исповедуют особенную, удивительную. Литургию в храмах слушают с великим благоговением; священник, совершающий св. тайны, находится за распростертою завесою, которая его закрывает, и когда эта завеса отодвигается, трудно сказать, с каким усердием и сокрушением предстоящие ударяют себя не только в грудь, но и в лицо (т.е. возлагают на себя крестное знамение). Те, которые в предшествовавшую ночь воспользовались брачными удовольствиями, на следующий день, по религиозному чувству, не входят в храм, но, стоя вне, на паперти, созерцают жертвоприносящаго чрез отверстия храма... В другое время они часто совершают молитвенныя стояния и крестныя ходы с иконами святых; преимущественно носят иконы св. Павла и Николая, которых они особенно почитают...»[359]. Эти сведения вполне могли дать представление об отношении к православию и в соседнем Московском государстве.

Паоло Джовио выяснил у Дмитрия Даниловича Герасимова в 1525 г.: «С превеликой набожностью чтут они храмы, так что в них не дозволяется входить ни мужчинам, ни женщинам, запятнавшим себя любовными утехами, если они прежде не омоются в отдельных банях»[360]. Безусловно, такое чистое отношение русских к православным храмам совершенно однозначно характеризовало отношение народа к Русской православной церкви. Для Рима это было очень важно.

Отправляя в феврале 1553 г. в Рим своего посла Крыйского, король Польши Сигизмунд II Август поручил ему довести до папы Юлия III следующее мнение об отношении русских (московитян) к православию: «Прирожденное же Московитам упорство в схизме и в заблуждениях и легкомысленное отношение к истинным догматам веры всегда служило препятствием к осуществлению их домогательств, так что и доныне они не могли получить желаемаго... Мы сами, имея в соседних с Москвой провинциях множество последователей греческой секты, по опыту знаем и ежедневно наблюдаем, как упорен этот народ в своих обрядах, с каким трудом отстает от них и как непостоянен в римской вере... Нам хорошо известно непостоянство этой нации, нетвердая вера, упорство и нравы, слишком несогласные с искренним уважением к Римской церкви»[361] (под словом «домогательство» Сигизмунд II Август имел в виду требования великих князей Московских и царей, чтобы папы Римские и европейские монархи признавали их равными себе). Разве это не информация? Согласитесь, король Польши Сигизмунд II Август явился для Рима источником очень нужных сведений.

Сведения об отношении русского народа к Русской православной церкви и православию нашли отражение и в отчете Рафаэля Барберини. Он писал: «В обычае этого народа иметь всегда у себя, в дому, иконы некоторых угодников божьих; и потому, когда кто-нибудь из друзей войдет со двора в комнату, по делу или так, повидаться с хозяевами, остановится сперва на пороге той комнаты, гда находятся образа, и прежде чем поздоровается с кем, снимет шапку, три раза перекрестится от головы до пояса, и потом уже, поклонясь домовому хозяину, начинает говорить и объ-

[359] Макарий, архиепископ Литовский и Виленский. История русской церкви. Т. IX. Книга 4. С. 305.

[360] Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. С. 270.

[361] Цит. по: *Успенский Ф.И.* Сношения Рима с Москвой // ЖМНП. Август. СПб., 1884. С. 399.

яснять свое дело. Таким образом поступают и при уходе из комнаты; идут ли также по улице, лишь только увидят где на пути икону, либо церковь, вблизи или вдали, тоже начинают креститься до бесконечности; а также едут ли и дорогою, да заприметят вдруг церковь, как ни была бы далеко, хоть даже одну только колокольню, тотчас слезают с повозки, и тоже до бесконечности крестятся перед нею...»[362].

Иоанн Кобенцель сообщал архиепископу Николаю Дражковичу в 1576 г.: «Во всех делах своих Москвитяне весьма религиозны: не выходят из дома не сотворив трех поклонов, не оградив своего чела крестом и не произнеся трижды Господи помилуй пред Крестною иконою или же пред образом Преблагословенной Девы, которой изображение хранится у них в каждом жилом покое (hypocausto), с возженными пред ним свечами. Не прежде, как совершив все сказанное, вступают они в разговоры с присутствующими или же с отходящими в путь. То же соблюдают они, садясь за обед, и сам Великий Князь, не совершив того же, не прикасается к пище, чему я, будучи очевидцем, не мало удивлялся»[363].

Как писал Паоло Кампани, «Уважение к иконам у них чрезвычайно велико, им они жертвуют из чувства благочестия или по обету золотые монеты, свечи и другие небольшие дары. Но особое уважение воздается кресту господа нашего Христа. Куда ни посмотришь, везде: на перекрестках дорог, над дверями и крышами храмов — видны многочисленные его изображения. Увидя их издали, они, склонив голову, крестятся... И более всего характеризует благочестие народа то, что, начиная всякое дело, они осеняют себя крестом»[364]. А. Поссевино дополнил сообщение П. Кампани: «Простой народ почти никогда не отдыхает от работ, если не считать дня Благовещения. Таким образом они заняты работой в воскресенье и во все другие праздничные дни, не исключая пасхальных. Они убеждены, что только знатные люди должны часто посещать храмы и богослужения. Впрочем, низшее сословие довольствуется этой простотой. Простые люди ограничиваются тем, что часто крестятся и с величайшим благоговением молятся иконам... Знатные женщины и девицы почти никогда не посещают храмов, если не считать пасхальной недели, когда они принимают причастие»[365].

По словам эмиссара Ватикана Якова Рейтенфельса, «И до того свято и ненарушимо соблюдают русские все предписания веры, что никто не смеет, под страхом жесточайшего наказания, вымолвить что-либо не согласное с ними. Этим они одни достигли того, чего лишены почти все остальные христиане, — незыблемого единомыслия в вопросах веры»[366]. Слова эти сказаны в конце семидесятых годов XVII в.; Я. Рейтенфельс здесь прямо указал на единство Русской православной церкви и народа.

Материальное положение Русской православной церкви, ее собственность и богатства, леса и пастбища, угодья, деревни и села, храмы и монастыри. Материальное положение Русской православной церкви являлось наглядной харак-

[362] Цит. по: Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. С. 6.

[363] Цит. по: Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века. С. 134.

[364] Цит. по: Сведения о России конца XVI в. Паоло Кампани. С. 84.

[365] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 28–29.

[366] *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии (Падуя, 1680 г.). С. 165.

теристикой отношения к ней Российского государства и народа. Обладает ли Церковь собственностью и какой, богаты ли храмы и монастыри, как обеспечены приходские священники и архиереи, не бедствуют ли монахи и монахини, — ответы на эти вопросы могли привести к одному выводу: государственная власть и народ всячески поддерживают Церковь, находятся с ней в неразрывной связи и помогают ей в ее церковно-религиозной деятельности. Для Рима это было очень важно. Борьба с Русской православной церковью фактически означала борьбу с Российским государством и народом. Это нужно было знать, это нужно было учитывать.

По словам И. Фабри, «Неподалеку от Москвы находится преогромный монастырь, в коем живет постоянно до трех сотен братии по уставу Василия Великого. В нем — погребение игумена Святого Сергия, поклониться которому приходят люди даже из иных и весьма отдаленных земель, ибо оно прославлено многими чудесами, достойными великого удивления христиан... Все обитающие в монастырях, как монахи, так и монахини, живя по одному и тому же уставу, нося одинаковое, то есть черное, платье, ведут жизнь столь благочестивую, что заслужили не только удивление, но и величайшее почтение... Как и у нас, поступающие в монастырь дают троякий обет, то есть послушания, нищеты и целомудрия»[367]. Здесь речь идет о Троице-Сергиевом монастыре (с 1744 г. Лавра, г. Сергиев Посад).

Паоло Джовио так писал со слов Д.Д. Герасимова о православных монахах в Московии: «Люди, добровольно отказавшиеся от человеческих страстей и посвятившие себя созерцанию божественнаго и священнослужению, разделяются в Московии на два рода; как те, так и другие живут в монастырях, но одни ведут жизнь кочевую и несколько более свободную, как у нас лица, следующия уставу святых Франциска и Доминика, а другие состоят из монахов более святой жизни, чин которой установлен святым Василием. Им нельзя даже переступать через порог иначе, как в случае самой крайней житейской необходимости. Они ведут весьма суровую жизнь вдали от глаз мирян в сокровенных убежищах и слывут за людей, совершенно укротивших свою плоть и отличающихся особо крепким религиозным настроением»[368].

Интересное мнение о монахах высказал Рафаэль Барберини: «Есть еще у большей части этого народа обычай, что когда замечают жизнь свою в опасности и уже не надеются спастись от смерти, поступают в монахи и отпускают от себя жену... Монахов у них множество, и все они одного ордена, по греческому обычаю; но уже монахи эти не могут жениться; равным образом, есть у них и монахини, которые ходят почти в такой же рясе, как и монахи; хотя многие из них весьма богаты, но есть, однако же, и такие, что даже по необходимости, а не по обету, живут одним подаянием...»[369].

Даниил Принц отметил, что «В прежние годы все их храмы были деревянные, ныне там и сям виднеются выстроенные из жженого кирпича. Они по краям закруглены и крыши имеют той же формы, наподобие усеченной пирамиды; крыши по большей части украшаются многими башенками. Пред дверями находится преддверие, в котором остаются те, которые знают за собой какое-либо преступление,

---

[367] Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов». С. 23.

[368] Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. С. 269.

[369] Цит. по: Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. С. 5.

также женщины, страдающие месячными очищениями, равно и те из них, которые в прошедшую ночь были в объятиях мужчин, вместе с ними остаются во время богослужения и не входят в храм, прежде чем не обмоют своего тела и не получат разрешительных молитв… Храмы и монастыри, как и у нас, получают свои имена или от Св. Троицы, или от Христа, или от Святых… Каждый раз, как Русские проходят мимо храмов, или идя завидят их издали, несколько раз знаменуют себя знамением креста и наклоняют голову…»[370]. Д. Принц обратил внимание на то важное обстоятельство, что Русская православная церковь постепенно стала переходить к возведению кирпичных храмов вместо деревянных. Это могло свидетельствовать не только о росте богатства Церкви и добром отношении к ней православных верующих, не только о возрастании искусства зодчества, но и о взаимоподдержке и взаимопонимании между духовной и светской властями, о единстве и согласии государства, Церкви и народа.

Паоло Кампани, с которым мы уже встречались, писал о православных монастырях: «По всей Московии насчитывается огромное количество монастырей, так что в двух городах — Москве и Новгороде, можно насчитать 144 монашеских общин. Одну из них, расположенную на берегу Днепра, мы посетили. К храму ведут ступени, в помещении при входе помещаются кухни и трапезная, тесно заставленная низкими столами, за которые садятся только с одной стороны. К обширному двору примыкают многочисленные кельи, находящиеся друг от друга на определенном расстоянии, впрочем закопченные и грязные. В них нет ни кровати, ни стола, ни стульев, только лишь скамья, прикрепленная к стене печи, ею они пользуются и как столом, и как кроватью. В этих общинах большое количество монахов, в одном 100, в другом 200, в третьем 300. Говорят, в Троицком монастыре, в 20 лье от Москвы, живут 350 монахов. Однако все они настолько погружены в дремучее невежество, что даже не знают, какого устава придерживаются… Одежда у них темного цвета, пища самая скудная, состоит из соли, хлеба и рыбы, которую они сами и ловят. Равным образом им предписано и безбрачие. Многие из монахов, по обычаю, часто отправляются к соседним народам, чтобы проповедывать им евангелие. Московиты некоторых из них, погибших за религию в Скифии и Татарии, чтут как мучеников»[371]. Безусловно, эти сведения представляли для Рима определенный интерес, особенно численность монахов в монастырях и то, что Русская православная церковь активно занимается миссионерской деятельностью. П. Кампани не забыл упомянуть о православных храмах: «Храмы строятся в форме креста, как бы с двумя крыльями, выдающимися с обеих сторон, что мы наблюдали в древних храмах… В середине храма стена отделяет духовенство от публики. Передняя часть этой стены имеет две двери; из них та, что называется “царской”, открывается только во время богослужения, когда выносят хлеб, приготовленный для освящения. В алтарь не разрешается входить никому, кроме духовных лиц. Там, вдали от мирских взглядов, совершается святое таинство. Все пространство между дверями покрыто иконами с изображением святых. В храмах нет ни кафедр, ни органа…»[372]. Существенное дополнение.

[370] Начало и возвышение Московии. Сочинение Даниила Принца из Бухова. С. 41.

[371] Сведения о России конца XVI в. Паоло Кампани. С. 85.

[372] Там же. С. 85.

Себастьян Главинич указал в отчете после посещения Москвы в 1661–1662 гг.: «В одном Великом Новгороде (Novogardia Magna) считается 70 монастырей Василиева Устава (Basilianorum coenobia); некоторые построены на близлежащем озере Ильмене (Ilmen), среди вод, из кирпича, так что иные кажутся похожими видом на Венецию... Царское же местопребывание, Москва, считает около тысячи церквей довольно красивой постройки и часовен, и при всякой церкви, по крайней мере, четыре, или пять колоколов, а много и таких, при которых по 18-ти; один из них огромного веса, лежит в воротах Царского Кремля... наибольшая окружность его составляет около 30 локтей. Я слышал от Голландских Католиков, что в расплавленную медь его прибавлено было 40 тысяч талеров хорошего серебра. От того-то, когда станут звонить в эти колокола, они издают такой звон, что людям, гуляющим по улицам, трудно понимать друг друга»[373]. Риму очень хотелось видеть в русских православных монастырях опору и силу для заключения унии с Римской католической церковью и распространения униатства на территории России (по примеру деятельности Ордена базилианцев в Речи Посполитой). И это желание иногда вводило в заблуждение тех, кто собирал сведения о Русской православной церкви, особенно во второй половине XVII в.

Как писал Яков Рейтенфельс после возвращения из Москвы, «Духовенство владеет по всей Руси весьма обширными и богатыми поместьями, составляющими третью часть всего государства, кои в силу сего освобождены от налогов. Известное количество солдат, впрочем, духовенство обязано поставлять... Монастыри, все без исключения, отличаются богатством и красотою построек. Наиболее знамениты монастыри в Москве: в память чудес Алексея и, недавно освященный, во имя Господа Христа... и самый богатый из всех, Свято-Троицкий»[374] (здесь Я. Рейтенфельс говорит о Чудовом монастыре в Кремле, Троице-Сергиевом монастыре).

О московских храмах и монастырях писал в 1690 г. и член миссии иезуитов Иржи Давид: «Здесь можно видеть главные церкви. Первая — кафедральный собор, который они называют “Соборная церковь” Успения святой Девы. Ее украшают пять башен, купола их целиком позолочены и сверкают изумительным блеском. Вторая — святого Михаила Архангела, в которой погребают царей, украшена одной позолоченной башней. Третья — Благовещения святой Девы, в самом вестибюле царского дома, тоже украшена пятью позолоченными башенками. Четвертая — святого Иоанна, называемая у них “Иван Великий”, на башне которой знаменитый колокол в 66 000 фунтов... Пятая — Очищения святой Девы, в самом царском доме, где сейчас живет царь Иван. Шестая — Воскресения Господа Христа, тоже в царском доме, который теперь занимает Петр. Седьмая — святой Девы и мученика Федора Тирона, который принес сюда ее икону. Эта церковь тоже в самом царском доме. Восьмая — святой великомученицы Екатерины. Девятая — церковь Риз положения, в которой, как говорят, хранятся остатки христовой одежды. Десятая — святых Петра и Павла. Эту церковь постоянно посещает Петр. Он же и позаботился о ее постройке в честь апостола своего имени. Каждая из них имеет своих протопопов, или попов, которые ежедневно по очереди отправляют богослужения.

---

[373] Севастиан Главинич о происшествиях Московских 1661 г. С. 7.

[374] *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии (Падуя, 1680 г.). С. 166–167.

В патриарших палатах есть церковь Двенадцати апостолов и еще другая, трех святых митрополитов Московии, Петра, Алексия и Ионы. В этом же городе есть монастырь Михаила Архангела, в котором похоронен Алексий, митрополит Киевский. Здесь живут сто двадцать монахов. Еще женский монастырь Вознесения Христа Господа. В нем живут почти триста монахинь...»[375]. Мы опустили часть рассказа Иржи Давида о московских храмах и монастырях. На наш взгляд, приведенных выдержек из различных источников вполне достаточно, чтобы убедиться в богатстве Русской православной церкви.

18 декабря 1661 г., как отметил в «Истории русской церкви» митрополит Московский и Коломенский Макарий, Монастырский приказ подготовил «Роспись» количества крестьянских дворов, которыми владели тогда монастыри Русской православной церкви. Таких монастырей, которые владели вотчинами, Монастырский приказ насчитал 476. «Всего же за 476 владельческими нашими монастырями находилось тогда 87 907 крестьянских и бобыльских дворов»[376]. Примерно в это же время, по состоянию на 1655 г., по сведениям того же митрополита Макария, за патриархом Московским и всея Руси «числилось 6432 крестьянских двора». Другие архиереи также имели крестьянские дворы во владении. Наиболее богатыми были шесть монастырей, имевших более двух тысяч крестьянских дворов каждый. Это «троице-сергиев 16 382 двора, кирилло-белозерский 3855 дворов, спасский в Ярославле 3819, симонов в Москве 2192, печерский в Нижнем 2147, чудов 2120»[377]. Повторим, эти сведения относятся к 1661 г., и даже не говоря о других видах собственности и с учетом обязательных отчислений в государственную казну, Русская православная церковь была богата, что и отмечали заинтересованные иностранцы в своих отчетах и донесениях.

Распространение православия среди языческого населения Сибири, русского Севера и Дальнего Востока; учреждение епархий, Тобольской архиепископии и Сибирской митрополии.

Сбор сведений о распространении православия в Сибирском регионе и миссионерской деятельности Русской православной церкви в Сибири и сопредельных государствах был в то время крайне тяжелым и опасным делом. Иностранцам, не находившимся на царской службе, включая купцов, въезд в Сибирь и проезд через ее территорию был запрещен, исключая тех, кто имел персональное разрешение царя. Из иностранцев в Сибирь попадали, правда, не по своей воле, только военнопленные и ссыльные. Причем разного вероисповедания, разной национальности и разной государственной принадлежности. Поэтому миссия Ордена иезуитов в Москве для сбора интересующих ее сведений могла использовать членов российских посольств и купцов, выезжавших в Китай и другие восточные страны; чиновников Посольского, Сибирского и других приказов; иностранцев, посещавших Сибирь по делам царской службы. Кроме того, приезжавших в Москву казаков, промышленников, охотников, землепроходцев, коренных жителей Сибири; иностранцев, возвратившихся за границу после отбытия ссылки в Сибири (таких лиц, видимо, мог-

[375] *Давид И.* Современное состояние великой России или Московии. С. 92.

[376] Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. XI. Патриаршество в России. Книга 2. СПб., 1882. С. 202.

[377] Там же. С. 201.

ли опрашивать прямо в помещении миссии при следовании из Сибири через Москву в Европу или информировать соответствующих провинциалов Ордена иезуитов). Конечно, никак нельзя было исключать и такие возможности, как использование дипломатических миссий союзных Риму государств, выведывание нужных сведений у информированных родителей учащихся школы при миссии, использование миссии Ордена иезуитов в Китае, получение сведений у тех православных священнослужителей, с которыми иезуиты поддерживали тайные контакты. Разумеется, для решения такой задачи возможности были не ахти какие большие, но до образования миссии Ордена иезуитов в Москве они вообще были крайне малы.

Открытие и освоение Сибири, русского Севера и Дальнего Востока сопровождалось практически одновременным распространением на присоединенных территориях православия, строительством церквей, образованием православных приходов, миссионерской деятельностью Русской православной церкви. Уже в 1620 г. была учреждена первая в Сибири Тобольская архиепископия, и первым архиепископом Тобольским 8 сентября 1620 г. был рукоположен Киприан, до этого являвшийся архимандритом Хутынского Спасского монастыря в Новгороде. Через несколько десятилетий, 17 июня 1667 г., была учреждена митрополия Сибирская с резиденцией митрополита в Тобольске. Одновременно были учреждены архиепископия Томская и епископия Ленская. Первым митрополитом Сибирским и Тобольским был поставлен в 1668 г. Корнилий. В 1681 г. в Даурию была снаряжена православная миссия в составе 12 монахов во главе с игуменом Сретенского монастыря (в Темникове, Тамбовской губернии) Феодосием. В Сибири активно возводились церкви, строились монастыри. В конце XVII в., по словам историка Сибири В.К. Андриевича, в Сибири уже было 160 церквей и 37 монастырей[378].

Что касается миссионерской деятельности в сопредельном Китае, то обратимся к С.М. Соловьеву: «Русские выгодно торговали в Пекине, и в 1698 г. Виниус писал Петру за границу, что в Пекине построена русская церковь и многие китайцы крестились. Петр отвечал ему: «То дело зело изрядно. Только для бога, поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привесть в злобу, также и езувитов, которые уже там от многих времен гнездо свое имеют...». Вследствие этого Виниус велел в Нерчинске у торговых людей, которые приедут из Китайского государства, спрашивать и всячески доведываться о новопостроенной часовне в Китайском государстве... и китайцы к той церкви для смотрения или слушания приходят ли, и что говорят... и к которым церквам, греческого ль закона или к езувитскому костелу, они склоннее...»[379] (Андрей Андреевич Виниус в 1697–1703 гг. возглавлял Сибирский приказ). Нет сомнения, что Рим через миссию Ордена иезуитов в Пекине, а в конце XVII в. и через миссию иезуитов в Москве внимательно отслеживал деятельность Русской православной церкви и царского правительства по распространению православия в Сибирском регионе, включая миссионерство. Оставлять без контроля все это было никак нельзя, ведь православие распространялось на тех территориях и среди тех язычников, где мечтали приложить свои силы и католические миссионеры.

---

[378] *Андриевич В.К.* История Сибири. Часть 2. СПб., 1889. С. 330.

[379] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 7. М., 1997. С. 678.

Как же отреагировали на это иезуиты? Член миссии Ордена иезуитов в Москве Ф.И. Эмилиани писал в донесении от 23 июня 1699 г.: «В Сибири, которая все более и более заселяется отправляемыми туда ссыльными, русские имеют уже и свои церкви и своих священников (popas), но священники имеют там меньше значения и менее видны, чем здешние. Несколько лет тому назад здешний купец Филатилов доставил в Китай священника, который получил там разрешение, не знаю, в каком месте, выстроить церковь. В первый же день, как открыта была церковь и он стал совершать литургию, двенадцать китайцев присоединилось к русской схизме. Отцы нашего ордена увидев это, устроили так, что церковь была закрыта, а священник (popas) принужден был удалиться за пределы государства, в соседнюю московскую землю. Так, по крайней мере, разсказывают русские»[380] (речь идет о миссионере Русской православной церкви в Китае Лаврентии Иванове, диаконе Тобольской соборной церкви, который по указу митрополита Сибирского и Тобольского Игнатия от 6 июня 1695 г. был направлен вместе с купеческим караваном из Тобольска через Селенгинск в Китай. В Селенгинск Л. Иванов прибыл 4 февраля 1696 г.[381] Филатилов — это известный гость Евстафий Филатьев, регулярно выезжавший по торговым делам в Китай). Выдержка из донесения убедительно показывает, что миссия Ордена иезуитов в Китае внимательно наблюдала за православным миссионером в Пекине и, узнав о его успехах, незамедлительно приняла меры к закрытию православной церкви и изгнанию православного священника за пределы Китая.

В этом же донесении Ф.И. Эмилиани информировал провинциала о распространении православия среди язычников: «От язычников, я полагаю, будет самый бо́льший успех, потому что большинство из них (как я заметил, разговаривая с ними здесь при разных случаях чрез переводчика) я нашел не неспособными войти в царство Божие; но покамест со вздохами и рыданиями мы принуждены быть праздными зрителями такой великой гибели столь многих народов, столь многих стран, которых зависть диавола держит запертыми с помощью коварства и упорства московитян… Мордвины при деде нынешняго царя были насильно обращены в русскую веру. Туда отправлены были к ним попы; их массами приводили к воде и, когда они переходили через воду, попы читали формулу крещения, затем дали им кресты и русския иконы… В этом и заключалось все наставление в вере. Но, после того, как мордвины, повесив этих богов в своих юртах (?), стали претерпевать необычайныя бедствия, они завязали всех этих богов в мешки и отправили их чрез послов обратно в Москву, говоря, что желают оставаться при прежних своих обычаях»[382] (дед нынешнего царя — царь Михаил Федорович).

Отношения между Русской православной церковью и Восточными патриархиями. Этот вопрос весьма интересовал Рим. Если каких-либо отношений нет и контакты между Москвой и Восточными патриархиями не поддерживаются, это могло свидетельствовать о разрыве единства между православными Церквами, и это обстоятельство нужно было использовать в интересах Рима. Если же эти отно-

---

380 Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 36–37.

381 Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 5. 1676–1700. СПб., 1842. С. 445.

382 Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 36.

шения есть, контакты между Москвой и Восточными патриархиями поддерживаются регулярно, нужно было думать о том, как в интересах Рима использовать уже эти отношения.

Рим, на протяжении веков бескомпромиссно боровшийся с Восточными патриархиями, хорошо знал, что Русская православная церковь уважительно относится к Восточным патриархиям и поддерживает с ними регулярные отношения. Достаточно вспомнить лишь несколько фактов участия Восточных патриархов в жизни Русской православной церкви. 26 января 1589 г. патриарх Константинопольский Иеремия II учредил Московскую патриархию и поставил в патриарха Московского и всея Руси Иова. Патриарх Иерусалимский Феофан 24 июля 1619 г. возвел на патриарший престол в Москве Филарета, чем прекратил многолетнее «вдовство» Русской православной церкви. Патриархи Антиохийский Макарий и Александрийский Паисий в 1666–1667 гг. приняли участие в работе Московского Собора по рассмотрению дела патриарха Никона, в расколе Русской православной церкви и в избрании патриархом Московским и всея Руси Иоасафа II. Патриарх Константинопольский Дионисий 9 мая 1686 г. подписал грамоту о переходе Киевской митрополии в каноническое подчинение Русской православной церкви. И так далее. Разумеется, тесные контакты Русской православной церкви с Восточными патриархиями никак не соответствовали планам Рима. Рим понимал, что с Восточными патриархиями нужно было не только бороться, но и целенаправленно изучать их отношения с Москвой.

Для Русской православной церкви Восточные патриархии являлись по существу единственными верными союзниками в противостоянии униатству и католичеству. Поэтому Рим не только собирал сведения об этих отношениях, но и прилагал усилия, чтобы скомпрометировать Восточных патриархов перед Москвой, разрушить уважительные отношения, лишить Русскую православную церковь ее единственного союзника.

Можно привести несколько примеров таких действий Рима. Вот какое задание имел А. Поссевино от папы Григория XIII: «...наводите царя на мысль, как неприлично такому великому государю признавать митрополита константинопольского, который не есть законный пастырь, но симониан и раб турок...»[383] (симония — получение высших церковных должностей с помощью взяток). А. Поссевино также сообщал об отношениях между Москвой и патриархом Константинопольским: «Несмотря на то, что за утверждением митрополита они не обращаются к константинопольскому патриарху, я слышал, ежегодно князь посылает ему 500 золотых на милостыню»[384].

Отправляя Александра Комулея с дипломатической миссией в Москву, папа Климент VIII поручил 27 января 1594 г. ему довести до царя Федора Ивановича следующие сведения о патриархе Константинопольском: «Тож которой называется Патриархом Константинопольским, совершенно зависит от воли Султана Турецкаго, главнаго врага имени Христианскаго; оный возводится и низлагается по его самопроизволению, и за чистыя деньги незаконное достоинство покупает, и часто случается, что первый покупщик отрешается, если другой более цену даст. Тако не

[383] Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 3. С. 698.

[384] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 21–22.

может непристойным не казаться, что в толь великом деле знатный народ должен требовать наставлений, и быть некоим образом под надзиранием в ваших Священных непримиримейшаго неприятеля, которой может оное исполнять чрез особу, купившую за деньги сию власть...»[385]. Поручение подобного рода можно назвать поручением по доведению до царя (разумеется, и патриарха Московского и всея Руси) целенаправленной информации, призванной скомпрометировать в Москве патриарха Константинопольского и разрушить отношения между ними.

Восточные патриархи, если им случалось проезжать в Москву или из Москвы через территорию Польши или Литвы, находились в поле зрения местных властей (так как патриархам приходилось получать проезжие грамоты), а также католических, униатских и православных епархий. Можно думать, что о событиях такого рода были осведомлены и папские нунции в Варшаве. Вот что, например, писал в 1588 г. католический епископ Луцкий Бернард Мацеевский папскому нунцию Аннибале де Капуа: «В июне месяце, когда я отправился в Подляхию, в другую половину моей епархии, там проезжал в Москву К-Пльский патриарх Иеремия. Сверх моего ожидания он очень скоро проехал тот город, где я находился. Наступившая ночь помешала мне нагнать его. И я поспешил в Брест, где, казалось, он остановится. Но и оттуда он уехал раньше моего прибытия...»[386]. В этом письме не шла речь о насильственном задержании Константинопольского патриарха Иеремии II, о котором мы выше уже упоминали. Бернард Мацеевский вместе с Ипатием Потеем и его единомышленниками намеревались устроить с Иеремией II богословский диспут, победить в нем и обличить патриарха в заблуждениях, т.е. в ереси (в случае, если патриарх будет склоняться к унии, предполагалось предложить ему перенести свою резиденцию из Константинополя на территорию Речи Посполитой, например, в Киев или Львов). Это привело бы к тому, что многие православные, «знатные родом и добродетелями», отказались бы подчиняться патриарху. Бернард Мацеевский и Ипатий Львович Потей — известные исторические персонажи. Б. Мацеевский — один из организаторов Брестского Собора 1596 г. и создания Униатской церкви, один из активных участников возведения на Московский царский престол Лжедмитрия I и Марины Мнишек, кардинал с 9 июня 1604 г., борец против православия. И.Л. Потей — в то время брестский судья, но через несколько лет он также станет одним из организаторов Брестского Собора 1596 г. и создателей Униатской церкви, ее вторым митрополитом и борцом против православия.

Яков Рейтенфельс писал, что царь Алексей Михайлович «с целью показать свою щедрость патриарху иерусалимскому, подарил ему 100 000 рублей, или венгерских червонцев, за частицу Святого Креста, в виде отдарка за столь ценный подарок, причем пообещал, согласно обычаю предков, постоянную защиту и помощь, насколько это ему будет возможно, православным христианам на Востоке...»[387].

Учебные заведения Русской православной церкви, подготовка священнослужителей, российская и зарубежная церковная и полемическая литература; издание книг, типографии, переводчики и справщики. В то далекое время гра-

[385] Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е. Часть XII. М., 1789. С. 457–458.

[386] Цит. по: *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 1. С. 766.

[387] *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии (Падуя, 1680 г.). С. 74.

мотность священнослужителей самым непосредственным образом влияла на общую грамотность российского народа. Школы были только при монастырях и приходских церквях, других просто еще не было. Царские вельможи, правительственные чиновники, купцы и другие богатые люди приглашали к себе домашних учителей для обучения детей грамоте и иностранным языкам, очень ограниченное число молодых людей выезжало на учебу за границу. Вряд ли требует доказательства то утверждение, что степень грамотности священнослужителей прямо влияла на развитие православия, на жизнь и здоровье Русской православной церкви, на общественную активность народа. Поэтому эти вопросы и интересовали Рим, что, зная ответы на них, можно было прицельнее организовывать деятельность против православия и Русской православной церкви.

По словам Иоганна Фабри, «Училища [у московитов] есть, однако весьма малочисленные; в них обучаются дети благородных особ словесности, преимущественно же священным наукам, преподаваемым обычно на рутенском языке. Очень немногие занимаются иноземными языками; изучению же греческого посвящают себя многие ради писаний святых отцов... и для того, чтобы они могли сообразовывать все, перенятое у греков, со своими обыкновениями или религией»[388].

В 1576 г. Иоанн Кобенцель по-иному информировал об учебных заведениях архиепископа Николая Дражковича: «Во всей Московии нет ни одной школы, ни других удобств для обучения, кроме монастырей; потому из тысячи человек едва найдешь одного или двух грамотных»[389]. Через несколько лет эти сведения подтвердил Паоло Кампани: «В Московии нет ни одной гимназии, в которой юношество обучалось бы свободным наукам, также нет и ученых богословов, которые просвещали бы народ проповедями. У московитов чрезвычайно ученым считается тот, кто знает славянские буквы. Молитву господню знают очень немногие... Между тем, понятие о христианской религии каждый получает только дома, где со младенчества впитывает его с молоком матери... У них есть много греческих и латинских сочинений отцов церкви в переводе на русский язык...»[390]. Папский легат Антонио Поссевино, посетивший Московию в 1581–1582 гг., сообщал: «Там нет ни одной коллегии или академии. Существуют только кое-какие школы, в которых мальчики обучаются читать и писать по Евангелию, деяниям апостолов, по имеющейся у них хронике, по некоторым другим авторам, в первую очередь по Иоанну Златоусту, по гомилиям и житиям святых или тех, кого они почитают за святых. Если покажется, что кто-нибудь захочет продвинуться в учении дальше или узнать другие науки, он не избежит подозрения и не останется безнаказанным»[391].

Известный уже нам эмиссар Ватикана Георгий Крижанич с обеспокоенностью сообщал 8 марта 1650 г. из Вены секретарю конгрегации «Пропаганда Веры» Дионисию Массари: «Однако между многим, что я наблюдал там (в Московии — *прим. авт.*), одно обстоятельство показалось мне прежде всего достойным внимания и наименее заслуживающим пренебрежения. Это именно то, что в 1644 г. там издана огромная книга под следующим заглавием: Собрание вещей, изысканных для защиты кафолической

[388] Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов». С. 32.

[389] Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века. С. 136.

[390] Сведения о России конца XVI в. Паоло Кампани. С. 83.

[391] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 25.

веры против богоненавистных латин и прочих еретиков. Она содержит некоторые трактаты греческих схизматиков, переведенныя московитами на свой язык, полные клевет и басен против римской церкви. Кроме того, в ней есть ощутительныя противоречия, заблуждения и невежество, которыя представляют удобнейший случай для плодотворнаго привлечения этого народа к истинной овчарне… До этих пор московиты не печатали никаких книг, кроме тех, которыя требуются в церкви, и нынешний митрополит Иосиф (Г. Крижанич называет патриарха Иосифа митрополитом — *прим. авт.*) есть первый, кто начал заботиться о печатании книг полемических»[392]. В этом же письме Г. Крижанич настойчиво рекомендовал начать издание полемических книг против православия на русском языке и их распространение среди русских. Тревожное сообщение Г. Крижанича было признано весьма важным — конгрегация «Пропаганда Веры» доложила о нем папе Иннокентию X, который сразу же дал указание выслать книгу в Рим для анализа и принятия решения, а папа Александр VII поручил Г. Крижаничу написать опровержение на эту книгу на «московском» языке.

Приведем небольшую выдержку из отчета известного уже нам С. Главинича: «Я слышал от упомянутого выше Епифания, что Москвитяне изучают в Киевском монастыре преимущественно Философию и Богословие, разные Греческие и Латинские творения, привезенные из Константинополя: это легко для усвоения в Польше, у которой прежде Киев находился в зависимости. В Московии не слыхал я ничего ни о какой такой библиотеке, да если и есть там она, то трудно проникнуть Послам, или какому-нибудь чужеземцу, так как природа Москвитян до того неподатлива относительно своих дел, что они не разболтают, а скорее скроют, что умеют и что есть у них»[393]. Епифаний — это Епифаний Славинецкий, прибывший в 1649 г. в Москву из Киева и посвятивший свою жизнь защите и пропаганде православия. Киевский монастырь — речь идет о Киево-Могилянской академии.

Августин Майерберг, глава посольства, капелланом в котором был С. Главинич, дополнил его: «Москвитяне без всякой науки и образования, все однолетки в этом отношении, все одинаково вовсе не знают прошедшего, кроме только случаев, бывших на их веку, да и то еще в пределах Московского Царства… А что Москвитяне изгоняют все знания в такую продолжительную и безвозвратную ссылку, это надобно приписать, во-первых, самим Государям, которые… ненавидят их из опасения, что подданные, пожалуй, наберутся в них духа свободы, да потом и восстанут, чтобы сбросить с себя гнетущее их деспотическое иго… Во-вторых, это следует приписать духовенству: зная, что науки будут преподаваться по-латыни и могут быть допущены не иначе, как вместе с Латинскими учителями, оно боится, чтобы этими широкими воротами, если распахнуть их настежь, не вошел и Латинский обряд, а учители его не передали на посмеяние народу его невежество и не представили бы в полном свете несостоятельность вероучения, которым оно потешается над его легковерием. А в-третьих, виною того старые Бояре по зависти, что молодежь получит такие дары, которых из пренебрежения не хотели брать они сами… и будут устранены от общественных дел в Государстве»[394].

392 *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России (Приложения). С. 250, 252.

393 Севастиан Главинич о происшествиях Московских 1661 г. С. 8.

394 Путешествие в Московию Барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, Послов Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 году. С. 111–112.

Выдворенный 5 октября 1689 г. из Москвы член миссии Ордена иезуитов Иржи Давид писал в своем донесении о Московской типографии и напечатанных в ней книгах: «Типография в Москве одна, разделена на много классов, и в ней принимают печатать книги, которые должны иметь разрешение царя или патриарха. Есть еще другая знаменитая типография, в Киеве, где имеются и русский и латинский шрифты. Но москвитяне не принимают ни одной книги, напечатанной в Киеве, из-за ненависти к киевлянам. Им кажется подозрительным все, что происходит из других мест. Уместно будет здесь перечислить важнейшие книги, напечатанные в московской типографии, которые сейчас имеют наибольшее хождение. Они делятся на два класса. К первому классу относятся церковные книги, которые в определенное время читаются в церкви, ко второму — те, которыми пользуются вне церкви. Многие из них, доставленные мне разными путями, я читал, а некоторые только видел»[395]. Далее И. Давид привел название книг из каждого класса, сопроводив их интересными комментариями: «...Эти тома я дважды прочитал и многое перевел на латинский язык по поручению преподобного отца Папеброха... Кирилла Александрийского Книга десяти речей о вере, полная яда против латинской церкви, — эту книгу я целиком законспектировал; Сборник правил семи вселенских соборов, где также приводятся правила апостольские. Эта книга целиком направлена против нашей церкви, и она одна из главных; Симеона Фессалоникского против латинской церкви — здесь автор много написал против нас;... Памбона Фессалоникского книга против униатов; Большое зерцало церковных историй; другая книга против униатов, очень злая;... Книга о флорентийском соборе, который они называют лживым;... Требник, большая книга, содержит ритуал и церемонии, для руководства богослужением и другими церковными службами — прочитал всю...»[396]. Временно проживающий в Москве иезуит внимательно читает выпускаемые московской типографией православные книги, какую-то книгу (или какие-то?) даже конспектирует — как это понимать? Согласитесь, что из приведенной выдержки ясно видна направленность и заданность действий Иржи Давида, а за ним и его руководства.

По словам Иоанна Георга фон Корба, «В Московии нет даже таких училищ, в которых бы Русские могли изучить то, что взрослому человеку знать и прилично и необходимо для своего спасения... Было бы гораздо полезнее и спасительнее учредить школы, назначить учителей, чтобы обучать молодежь, просвещать невежественных, наводить пропащих людей с дороги заблуждения на путь истиннаго спасения. Поистине замечательно, сколь слабо у Москвитян знание Религии, и с какой гордостью гнушаются они пользоваться какой бы то ни было наукой иноземцев. Таким образом, стыдясь выйти из мрака невежества, они и потомкам своим застилают свет»[397]. Слова эти написаны в 1699 г., на самом пороге XVIII в.

Отношение Русской православной церкви к Римской католической церкви, униатизации и католизации Российского государства. В XVI–XVII столетиях тема обращения России в католичество постоянно присутствовала в различных

[395] *Иржи Давид.* Современное состояние великой России или Московии. С. 143.

[396] Там же. С. 143.

[397] Дневник Иоанна Георга Корба во время посольства Императора Леопольда I в Московское Государство в 1698 г. и проч. Перевод с Латинскаго Б. Женева и М. Семевскаго. С. 266.

документах Ватикана, особенно в инструкциях выезжавшим в Москву папским дипломатам, их отчетах, переписке пап Римских и государственных секретарей с папскими нунциями в Польше и других.

1 октября 1518 г. папа Лев X подписал наказ своему легату Николаю Шонбергу в связи с предстоящей поездкой в Москву с дипломатической миссией к великому князю Московскому Василию III Ивановичу. И хотя вместо Николая в Москву поехал его брат Дитрих (прибыл в Москву 9 марта 1519 г., выехал из Москвы 27 марта того же года), содержание папского наказа осталось без изменения. В нем говорилось: «Продолжай убо, возлюбленный сын, ради Бога, трудиться в сем благом предприятии, и настой всеми мерами, да соединится Его Величество с нами и с апостольским престолом священным союзом любви и приязни…»[398]. Сохранились записи посольских речей Дитриха Шонберга перед князем Василием III Ивановичем. По словам Д. Шонберга, папа Римский убедился в силе и христианской правоверности князя Василия III Ивановича. Поэтому он «…хочет его и всех людей Русские земли приняти в единачство и согласье римские церкви, не умаляя и не пременяя их добрых обычаев и законов, но хочет покрепити и грамотою апостолскою утвердити и благословити вся та предреченная, занже церковь греческая не имеет главы: патриарх константинополской и все царство в турских руках, и он ведает, что духовнейши митрополит есть на Москве, хочет его и кто по нем будет возвысити и учинити патриархом, как было преже константинополской. А наияснейшаго и непобедимейшаго царя всеа Русии хочет короновати в христьянского царя…»[399]. Несмотря на категорический отказ великого князя Василия III Ивановича принять католичество, 26 сентября 1519 г. Лев X вновь подписал ему грамоту, в которой содержались прежние предложения «…о соединении Церквей и общем восстании на Оттоманов, и с обещанием Великому Князю регалий Королевских»[400]. В качестве папского посла с этой грамотой должен был поехать Захарий Феррери, епископ Гардиенский, а на роль переводчика был подобран Джованни Тедальди, с которым мы встретимся в разделе о миссии Антонио Поссевино.

Выше мы уже говорили о направлении примерно в 1523–1524 гг. католическим теологом Альберто Кампензе письма папе Клименту VII. Именно в этом письме он убеждал папу Римского в необходимости категорически отказаться от равнодушия в отношении к Московии, не оставлять ее без внимания как «страну многолюдную, различествующую с нами в самых маловажных догматах и безусловно преданную проклятию за отложение от церкви…»[401]. Здесь же он с укоризной говорил, что предшествующие понтифики «нисколько не заботились о приведении ее обратно в лоно истинной веры»[402]. Самым настойчивым образом А. Кампензе склонял Климента VII к обращению России в католичество. Он писал: «Чем может более

[398] Переписка пап с российскими государями в XVI-м веке, найденная между рукописями в Римской Барбериниевой библиотеке. С. 3. Прим. 1.

[399] Сборник Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 53. СПб., 1887. С. 85–86.

[400] Переписка пап с российскими государями в XVI-м веке, найденная между рукописями в Римской Барбериниевой библиотеке. С. 5. Прим. 4

[401] *Кампензе А.* Письмо Альберта Кампензе к Его святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии. С. 10.

[402] Там же.

обессмертиться имя Ваше в позднем потомстве, как не воспоминанием о том, что в управление Ваше, по Вашей деятельности и Пастырскому попечению, все Московитяне возвратились в лоно истинной церкви и народы отдаленной Скифии прибегли под покровительство Римского первосвященника... Московитян можно, не обнажая меча, без пролития крови и без малейших усилий, приобщить всех до одного к спасительному стаду Христову»[403].

15 июля 1548 г. кардинал-протектор католической религии в Польше Алессандро Фарнезе подписал в Риме инструкцию ксендзу Иерониму Мартиненго, направлявшемуся папой Павлом III с дипломатической миссией в Краков, к Сигизмунду II Августу. В числе других вопросов И. Мартиненго поручалось собрать сведения о возможности склонения Москвы к послушанию Риму, к унии. В инструкции, в частности, говорилось: «...Staraj się dowiedzieć czyby nie można było, za pośrednictwem biskupów lub innych osób a najbardziej przez samego króla, skłonić Moskwę do posłuszeństwa Stolicy apostolskiej i potączenia się z resztą chreściaństwa, jak było przed wieku, co zdaje się teraz tym łatwiej nastąpićby mogło, że jest otwarty sobor powszechny z pomocą tylu chreściańskich narodów...»[404] (...Старайся узнать, можно ли при посредничестве епископов или иных особ, и прежде всего самого короля, склонить Москву к послушанию Столице апостольской и соединению с остальным христианством, как было ранее; сейчас это может быть легче сделать, так как открыт вселенский собор при поддержке стольких христианских народов...). Речь идет о Тридентском соборе, начавшем свою работу 15 марта 1545 г.

Вопрос этот был настолько актуальным, что в середине XVI столетия Рим даже рассматривал в дипломатическом порядке возможность обращения Московии в католичество взамен предоставления царю королевской короны. Узнав об этом, король Польши Сигизмунд II Август пришел в негодование и немедленно отправил в Рим посла Крыйского, которому в соответствии с инструкцией от 15 февраля 1553 г. поручалось сказать папе Юлию III следующее об отношении в Московии к Римской католической церкви. Вот эти слова: «...нам кажется невероятным, чтобы Московиты, для которых нет ничего ненавистнее Римской церкви и имени папы, оставив греческую схизму, искренно и сердечно обратились к Римской вере, или чтобы свойственная им природная гордость допустила их подчиниться чужому авторитету и признать над собою чужую власть»[405]. Весьма авторитетное и однозначное заявление.

Готовившийся к дипломатической поездке в Москву Виченцо дель Портико писал 15 августа 1571 г. государственному секретарю Ватикана кардиналу Джироламо Рустикуччи о таком желанном для Ватикана деле, как о возможном принятии Иваном Грозным католичества: «Я полагаю, если князь московский примет благое решение перейти в католическую веру...»[406]. Рассуждения на эту тему были, конечно, очень приятны и для отправителя, и для получателя.

[403] Там же. С. 10–12.

[404] Relacye nuncyuszów apostolskich i innich osób o Polsce od roku 1548 do 1690. S. 3.

[405] Цит. по: *Успенский Ф.И.* Сношения Рима с Москвой. С. 398.

[406] Цит. по: Россия и Италия. Сборник исторических материалов и изследований, касающихся сношений России с Италией. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1913. С. 231

15 января 1576 г. кардинал Джованни Джироламо Мороне подписал наказ (инструкцию) доктору богословия Рудольфу Кленке (Кленхену), который предназначался к отправлению с дипломатической миссией в Москву к Ивану Грозному. В наказе говорилось: «Намерение Святейшаго нашего Владыки, в отправлении сего посольства, особенно к тому клонится, чтобы Великий Государь Российский не токмо союзом дружбы соединен был с апостольским престолом против всеобщих врагов, Турков, но (что гораздо важнее) чтобы, если возможно, преклонить Его и к соединению с самою Церковию, дабы столь важная и превосходная часть Христианскаго тела, так сказать, соединясь в единый состав с прочими членами, и действовала в совокупности и согласии с ними»[407]. И далее: «Итак, вот главнейшие предметы, на которые должен ты обратить все свое внимание. Во-первых, чтобы Великий Государь, столь знаменитый по благочестию и особенной к вере ревности, преклонился ко гласу Пастыря, отечески Его призывающаго, и признав первенство Римскаго Первосвященника, согласился присоединиться к западной Церкви, в общение веры. Во-вторых, что составляет последствие перваго, чтобы Его Величество соизволил вступить в теснейший союз дружества и любви с апостольским престолом»[408]. В этих словах по существу заключены геополитические устремления Ватикана к Российскому государству и Русской православной церкви.

Об устремлениях Ватикана к обращению России в католичество может говорить и выдержка из письма папского нунция в Польше Альберто Болоньетти своему брату Александру в Болонью от 27 июля 1583 г. Нунций писал: «...папа все еще сильно надеется обратить Московию и прилагает к тому большия усилия, что мне известно из письма его к Поссевину, где он убеждает не бросать начатаго дела, полагая, что Поссевин пользуется симпатиями в Москве и, как таковой, является наиболее подходящим человеком...»[409].

Рим не только собирал разведывательные сведения по этим вопросам, но и целенаправленно формировал нужное ему отношение Москвы к обращению царя и Московии в католичество. Папа Григорий XIII дал такое задание А. Поссевино: «Приобретя расположение и доверенность государя московского, приступайте к делу, внушайте как можно искуснее мысль о необходимости принять католическую религию, признать главою церкви первосвященника римского, признаваемого таковым от всех государей христианских... что гораздо лучше и славнее для него будет, если он вместе с другими государями христианскими признает главою церкви первосвященника римского; с этой целью возьмите с собой изложение веры, составленное на Тридентском соборе, в греческом переводе»[410]. И далее: «...вы должны испросить позволение на постройку одной или нескольких католических церквей в Москве для тех католиков, которые будут приезжать по торговым делам; объясните, что иначе никогда не установятся торговые сношения с католическими народами»[411].

---

[407]. Цит. по: Переписка пап с российскими государями в XVI веке, найденная между рукописями в Римской Барбериниевой библиотеке. С. 39.

[408] Там же. С. 65–66.

[409] Цит. по: Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. 2. Вып. 2. С. 345.

[410] Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 3. С. 698–699.

[411] Там же. С. 699.

В своем сочинении Яков Рейтенфельс с горечью подчеркнул, что «Одним лишь римским католикам до сих пор не разрешено иметь своего священника в Москве, хотя немало католиков всех подразделений занимают у Русских как военныя, так и гражданския должности... До того сильна, исстари, вражда между греческою и латинскою Церковью, что она, по-видимому, не поддается никакому человеческому врачеванию»[412]. Конечно, Я. Рейтенфельс прекрасно понимал, что в то время такое разрешение мог дать только царь с согласия патриарха Московского и всея Руси. Ну а патриархи такого согласия не дали бы, и цари не стали бы из-за этого ссориться с Русской православной церковью.

В 1689 г. патриарх Иоаким направил царям Ивану и Петру Алексеевичам челобитную, в которой прямо высказал свое отрицательное мнение об иезуитах и просил изгнать их из Московского государства. Патриарх писал: «...езувиты живут на Москве многое время без дела, а прежде сего изстари при предках государских римские езувиты в Московском государстве никогда не были и не живали; а ныне живучи они, езувиты, в Москве чинят многую св. соборной апостольской церкви и догматом ея противность печатными письмами и образами на полотнах и на роговой кости, также и иными прелестями, а у св. соборной апостольской восточной церкви с западным римским костелом многие несходства, и чтоб великие государи больше сего им, езуитам, за такими вышеупомянутыми препятствиями в Московском государстве жить не позволили»[413]. Цари Иван и Петр Алексеевичи положительно рассмотрели обращение патриарха Иоакима, соответствующий указ был издан, иезуитам И. Давиду и Т. Тихавскому было дано жалованье и подводы, и они 5 октября 1689 г. «милостиво» отправлены до литовского рубежа. После чего, естественно, в Рим пошла самая свежая информация об отношении в Москве к иезуитам.

Через полтора месяца царским указом от 21 ноября 1689 г. в адрес Астраханского воеводы боярина и князя Никиты Ивановича Приимкова-Ростовского фактически была перекрыта граница в Астрахани для въезда иезуитов. В указе говорилось: «...Да в прошлом же во 197-м году отпущены с Москвы в Астарахань два человека езувитов, а из Астарахани велено их отпустить чрез Персиду или Бухары, куды они ехать похотят, в Китай; и те езуиты которым путем из Астарахани отпущены, о том к нам великим государем не писано и где они ныне неведомо... также езувитов, которые в прошлом году отпущены в Астарахань, велели из Астарахани выслать за море в Персиду тотчас и впредь их и иных подобных им и ксензов из Астарахани в верховые городы к Казани и в иные и к Москве, и на Бухары отпускать отнюдь не велели, а высылали их за море в Персиду...»[414] (в указе речь идет об иезуитах Кондратии Терпиловском и Игнатии Запольском, которые, прибыв в Москву 9 января 1689 г., 9 апреля того же года выехали из Москвы через Астрахань в Персию по миссионерским делам).

Иржи Давид в донесении провинциалу Ордена изложил причины выдворения из Московии, сославшись на чиновника Посольского приказа, объявившего им об

[412] *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии (Падуя, 1680 г.). С. 175–176.

[413] Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 7. С. 536.

[414] Цит. по: Сборник Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранных Дел. Вып. 6. М., 1899. С. 366–367.

этом. По словам этого чиновника, «Единственная причина — наш благочестивый патриарх, который вместе со всем своим духовенством настойчиво просил их царское величество, и они постановили на своем церковном соборе, что вас нельзя здесь терпеть, так как ваша вера нашей православной церкви не подходит и даже противна и враждебна. В этом главная причина»[415] (подробнее о миссии Ордена иезуитов в Москве мы поговорим в последующих главах).

Проезжавший в 1698 г. через Смоленск в Москву секретарь посольства Священной Римской империи германской нации Иоанн Георг Корб отметил: «11 Апреля проведено было еще нами в Смоленске. Эта пограничная крепость Московскаго Государства не более как 40 лет тому назад возвращена от Польши. С прекращением владычества Поляков, Католическое исповедание здесь совершенно упало; Езуиты, Доминикане, Францискане и Августины изгнаны из своих монастырей, коих заменили Русские иноки...».[416]. Безусловно, И.Г. Корб хорошо понимал, что этот пример показателен для всех городов и других населенных пунктов, вернувшихся в состав Российского государства.

Показательным для того времени было и отношение Русской православной церкви к курению, как и ко многому другому западному. В 1698–1699 гг. И.Г. Корб обратил внимание на то, что «Московское духовенство, по суеверию, всеми возможными проклятиями осуждало до сих пор привычку нюхать и курить табак. Привычка эта, по мнению Русскаго Духовенства, есть дело безбожное и дьявольское. Даже и в наше время Патриярх Московский отлучил от Церкви того Русскаго купца, который, до отъезда еще Государя, купил право продавать табак за ежегодную плату в пятнадцать тысяч рублей. Патриярх распространил отлучение от Церкви на жену, детей и внуков купца, прокляв весь род его навеки...»[417]. Заметим, что патриарх Московский и всея Руси Адриан действовал вопреки общеизвестному факту о пристрастии царя Петра I к табакокурению.

Соратник Петра I окольничий Иван Афанасьевич Желябужский записал в своем дневнике: «А на Москве в тех же числах пришли из разных государств немцы, гусары и инженеры, всего их пришло 700 человек. Да с ними пришел из Риму от папы римского митрополит, просился у нашего патриарха, чтоб его велел пустить в соборную апостольскую церковь побывать. И святейший патриарх его в соборную апостольскую церковь пускать не велел. И тот римский митрополит говорил с соборными протопопами и архидиаконами о вере православной христианской, и о законе и о церквах и о службах, чтобы службы служить церковные на одних опресноках, а не как у нас. И иные многие сказывал прилоги, „я де сам лучше вашего патриарха". И такое развращение и мятеж против его слов сказали святейшему патриарху, а он велел ему говорить: „За такой де мятеж и прещение церквам не подобает тебе быть в Московском государстве, за таким де мятежем не велит тебя святейший патриарх и в Кремль пускать, не токмо что по церквам. Ты де стал соборной восточной апостольской церкви противник, а народу мятежник"»[418].

---

[415] *Давид И.* Современное состояние великой России или Московии. С. 128–129.

[416] Дневник Иоанна Георга Корба во время посольства Императора Леопольда I в Московское Государство в 1698 г. и проч. Перевод с Латинскаго Б. Женева и М. Семевскаго. С. 39.

[417] Дневник Иоанна Георга Корба во время посольства Императора Леопольда I в Московское Государство в 1698 г. и проч. Перевод с Латинскаго Б. Женева и М. Семевскаго. С. 251.

[418] Записки Ивана Афанасьевича Желябужского // Россию поднял на дыбы... Т. 1. М., 1987. С. 451–452.

В этой записи говорится о прибывшем в Москву 6 июля 1698 г. католическом архиепископе Анкиранском, викарии Апостольском в «Царствах великого Могола, Голгонде и Идалькане», члене Ордена кармелитов д`Артуа Петре Павле Пальма, следовавшем транзитом через Москву в Персию. Патриархом Московским и всея Руси в это время был Адриан. Следует заметить, что ранее подобного рода попыток публичных полемических выступлений католических священнослужителей против православия в Москве не отмечалось.

23 июня 1699 г. член миссии Ордена иезуитов в Москве Эмилиани Франциск Иоанн писал провинциалу Ордена об отношении православных священнослужителей к иезуитам: «У этих здешних попов в самой большой ненависти иезуиты. О, если бы с самого начала наши отцы пришли в эту страну не под своим, а под чужим видом! Я уверен, что многое тогда было бы в лучшем положении… еретики изобразили иезуитов чернее угля»[419].

Отношение русского народа к католикам и Римской католической церкви. Это один из важнейших вопросов, интересовавших Ватикан в рассматриваемое нами время в контексте разведки Русской православной церкви. Ватикан имел перед глазами свежий пример, когда православный народ Польши (Малороссии, Белоруссии и Литвы) в своей массе не воспринял униатство и униатских священнослужителей, и это привело к бунтам и восстаниям, гражданской войне и потере Польшей громадных территорий Малороссии, Белоруссии и Литвы, вошедших в состав Российского государства. Поэтому сведения об отношении русского народа к католикам и Римской католической церкви нужны были не для утоления любопытства, а для принятия неотложных политических решений.

Выше мы уже встречались с Краковским богословом Иоанном Сакраном. По его оценке, данной более 500 лет назад, русские православные «с напыщенною гордостью считают себя одних истинными Христианами и последователями Апостолов, и анафему Папы вменяют себе в вечное благословение. Они очень порицают обряды Латинской Церкви, все ея уставы, равно как отвергают ея важность… Русские обвиняли Римскую Церковь в Ариянстве, во время Литургии проклинали Папу, отвергали даже его власть вязать и решить. Кроме того, они отвергали сочинения учителей Римской Церкви, признанныя и одобренныя Церковию… они презирали и поносили Католическия церкви и не воздавали никакого почтения совершаемым в них священнодействиям…»[420].

Уже упоминавшийся выше Иоанн Кобенцель писал: «Я убежден… что можно бы без особенных усилий возвратить сей народ на лоно Св. Церкви, потому именно, что он, по-видимому, от нее не отступал, но принял то же учение о Вере, которому последует Греческая Церковь, и нельзя не удивляться усердию и ревности, с которыми он сохраняет это учение до сего времени. Потому есть причина думать, что уразумев свое заблуждение, которое впрочем не существенно, он немедленно приступил бы к духовному союзу с нами; а присоединение его, увеличив наше число, втрое вознаградило бы потерю, понесенную нашей Церковью в минувшие годы в Немецкой земле и во Франции. Потому не следует щадить усилий для привлечения его на нашу сторо-

[419] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 27.

[420] Цит. по: *Рущинский Л.П.* Религиозный быт Русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков. С. 205–206.

ну: такое дело прославит наш век... И потому почел необходимым изложить Вашему Превосходительству религиозный быт Москвитян, что, ознакомившись с ним, вы легче согласитесь со мною, что, при сходстве во многом, переход Москвитян к нашей Церкви не может быть затруднителен, особенно же тогда, когда мы станем воспитывать их, как младенцев, духовным млеком... К такому делу, в числе других, весьма способен Иезуит Варшевецкий, теперешний Ректор Виленского Коллегиума; он знает язык и обычаи Русские и почитается отменно честным и ученым мужем»[421] (Станислав Варшевицкий, член Ордена иезуитов с 1567 г.).

Паоло Кампани подчеркнул, что русские к «латинской церкви относятся с гораздо большей неприязнью, чем к греческой. Среди них не услышишь поношения бога или святых, однако слова „латинская вера" — у них самое сильное проклятие для врагов. Вероятно, это и многое другое московиты вначале получили от греков. А затем пренебрежение и невежество в церковных делах, как это бывает, принесли еще больше ошибок»[422].

Приезжавший в 1661–1662 гг. с дипломатической миссией в Москву Августин Майерберг, наряду с другими, собрал сведения и об отношении русских к католикам и Римской католической церкви. Он отметил: «...Так Москвитяне, хотя и неучи, хоть ничего не видят в густой тьме невежества, большею частию не знают и грамоте; притом и Вера их изобилует очевидными для здравого смысла заблуждениями, но все же осмеливаются еще хвастать, что они одни Христиане, а всех приверженцев Латинской Церкви называть погаными. К Римскому же Первосвященнику питают еще такую ненависть, заимствованную от Греков, что никогда не хотели дозволить свободного богослужения проживающим в Москве католикам, меж тем как без труда дают эту свободу Лютеранам и Кальвинистам, зная, что они отпали от Папы, хотя эти люди осуждают такие вещи, которые в высоком уважении у Москвитян, каковы: образа, крестное знамение и призывание Святых. Тут действует лукавство дъявола, чтобы посредством знакомства с Католической Верой ни один луч здравого вероучения не заносим был в Москву и, рассеивая Русскую тьму, не показывал Москвитянам истинную стезю веры, вступив на которую они освободятся от его дъявольской власти. Здесь следует пожалеть о тех людях Католического Исповедания, которые, в видах незначительных выгод по торговле или по военной службе, перебираются в Москву, да еще с женами и детьми... они в молчании отказываются не только от всякой отрады, получаемой благочестивыми душами от частого отправления богослужебных обрядов их Веры и проповеди их учения, но и от несравненного благодеяния тех таинств, которые внушаются нам как особенно необходимые для нашего спасения...»[423] (первый католический храм в Москве был построен более чем через 20 лет).

В 1682 г. эмиссар Ватикана Георгий Крижанич писал в конгрегацию «Пропаганда Веры» о том, что «открывается удобнейший случай вести с наибольшим успехом переговоры с указанным народом, и удачно распространять в нем като-

[421] Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века. С. 130, 139.

[422] Сведения о России конца XVI в. Паоло Кампани. С. 83.

[423] Путешествие в Московию Барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, Послов Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, в 1661 году. С. 103–104.

лическую веру»[424]. Обратим внимание на то, что Георгий Крижанич не ошибался. Именно в эти годы, годы правления царевны Софьи (1682–1689), в Москве была образована постоянная католическая миссия, точнее говоря, миссия Ордена иезуитов, о чем Риму ранее даже и не мечталось; школа для детей царских сановников и правительственных чиновников; был построен католический храм и т.д. Подробнее о событиях этого времени мы поговорим ниже, в другой главе.

23 сентября 1698 г. католический миссионер Геральд сообщал из Москвы иезуиту Франциску Дубскому: «Теперь народ расположен к нам более, чем когданибудь. Уже русские не гнушаются нами, не заграждают от нас своих храмов, а сами приходят в наш храм, поклоняются нашим иконам и обыкновенно говорят нам: «мы братья, сыны одной матери» и это говорится постоянно»[425]. Член миссии Ордена иезуитов Эмилиани Франциск Иоанн докладывал 23 июня 1699 г. провинциалу Ордена: «Что касается русских, то из них самым большим нашим врагом мы считаем князя Бориса Алексеевича Голицына, вице-короля Казанскаго и Астраханскаго, брата того Голицына, который был отправлен в ссылку в то время, как здесь находились наши отцы... Другой наш враг — великий архидиакон кафедральнаго собора. Это просто фурия по отношению к римлянам. Есть и другие враги: это более старые бояре и купцы, а более молодые не столь ревностны»[426].

18 ноября 1692 г. в Москву прибыл Отто фон Плейер, племянник уже приезжавшего в Москву дипломата Священной Римской империи германской нации Иоганна Игнатия фон Курца (в 1685 г. именно он приобрел в Немецкой слободе дом для размещения и деятельности миссии Ордена иезуитов, решал иные организационные вопросы. Историк Д.В. Цветаев считал, что И.И. фон Курц являлся иезуитом). Вначале целью его приезда было заявлено изучение русского языка, но в 1696 г. он стал поверенным в делах, затем секретарем посольства, в 1711 г. был назначен резидентом Священной Римской империи германской нации, в 1718 г. выдворен из России за противоправную деятельность. В 1710 г. по указанию императора Иосифа I он написал доклад «О нынешнем состоянии государственного управления в Московии», в котором рассказал и об отношении царя Петра I, и русских к иезуитам и Римской католической церкви, о деятельности в Москве лютеранских пасторов.

По его докладу, «...богослужение по католическому обряду вполне дозволяется подлинным письменным царским дозволением на постройку церкви каменной, если угодно, также общественная терпимость для общества почтенных отцов (иезуитов) и открытых училищ; не только дозволено также, но часто и поставляется в обязанность ходить русским детям в училище тех почтенных отцов: так, покойный государственный канцлер граф Головин, ныне правящий г. Головкин, председатель Консистории Мусин-Пушкин, князь Куракин и много других отдали туда своих детей не только для обучения, но и для житья там и содержания... греческие ученые... тоже завели латинское училище, где наши почтенные отцы миссионеры, особливо отец Франциск Эмилиани, снискавшие славу и известность глубокой учености, часто получали в награду прекрасные, обитые позолоченным серебром рус-

[424] *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России (Приложения). С. 278.

[425] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 4.

[426] Там же. С. 24-25.

ские медали. Но что касается преподавания святейших таинств, хоть и нельзя вообще ничего сказать о чем-нибудь вредном для католической веры от царя и тех русских, а, напротив, еще о добром их слове о ней и посещении ими нашей церкви... только бывают огорчения от тех лютеранских, особенно пленных, пасторов из-за вмешательства их в Церковное судопроизводство... Здание Божия храма в Москве, о котором я упомянул выше, выстроено на одни только подаяния, сделанные находящимися в царской службе католическими офицерами... у нас нет ни учителя, ни певца, ни органиста, потому что негде взять на них 16 рублей в год, и за неимением достаточных средств церковь с ее внутренней стороны находится еще более в запущенном и неустроенном положении даже по сие время... почтенные отцы миссионеры заняты ежегодными поездками чуть не за 600 и более миль для исповедания и преподавания Святых Тайн католикам, состоящим при кораблестроении и на галерах, так что училища не так замещены, как бы следовало, и молодые люди опять отправляются в другие места, стало быть и не получается ожидаемых от того плодов последствий...»[427]. Представляется, что эти разноплановые сведения с интересом были прочитаны не только в Вене, но и в Риме.

Русская православная церковь и армия. Исключительно важный вопрос. Каковы взаимоотношения между Русской православной церковью и армией? Представляет ли армия из себя некий православный монолит, не подверженный внешним иноверным воздействиям, или нет? Согласится ли армия с обращением в католичество или униатство, если вдруг такое решение будет принято царем или патриархом Московским и всея Руси?

Находившиеся в Москве иностранцы без особых затруднений могли стать очевидцами внешнего выражения взаимоотношений между Русской православной церковью и армией. Для этого достаточно было в нужное время оказаться в нужном месте — у храма, на площади, на улице. Иностранец мог стать очевидцем публичных богослужений, совершаемых при большом стечении людей и посвященных началу или окончанию войны, благословению русского войска в поход, одержанным победам, панихидам по погибшим и умершим от ран, поминанию жертв сражений и др. Иностранцы-офицеры практически постоянно являлись очевидцами богослужений и обрядов, которые проводили с подчиненными им православными воинами православные священнослужители. Даже наблюдения подобного рода могли дать заинтересованному лицу богатую пищу для размышлений и основу для подготовки донесений за рубеж. Если же источник информации находился недалеко от царского трона и мог быть участником царских и патриарших аудиенций высшего командного состава российской армии, то сведения могли представить повышенный интерес.

С. Главинич, посетивший Москву с дипломатической миссией в 1661–1662 гг., писал в отчете папскому нунцию в Священной Римской империи германской нации: «Чтобы сообщить что-нибудь и о Московском войске, никто не сомневается, что все оно состоит из собственных подданных, а для обучения и предводительства им определяют иноземных Офицеров, каковы: Полковники, Подполковники, Капитаны и их Штабс-Капитаны; однако ж главное начальство над всем войском всег-

---

[427] О нынешнем состоянии государственного управления в Московии. Донесение Оттона Плейера в 1710 году // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел IV. М., 1874. С. 10–12.

да вверяется лишь Московскому Генералу»[428]. С. Главинич указал на очень серьезное обстоятельство — несмотря на наличие в российской армии иностранных офицеров, общее командование всегда вверялось русскому воеводе, русскому генералу, разумеется, православному. Отсюда неуклонно вытекала необходимость детального изучения высшего командного состава российской армии, и не просто изучения, но и оказания воздействия на отдельных военачальников и склонения их к возможному принятию католичества или униатства.

В 1697–1699 гг. с дипломатической миссией в Рим и на остров Мальту выезжал видный военачальник, боярин Борис Петрович Шереметев (1652–1719), будущий генерал-фельдмаршал. В Риме он находился с 21 марта по 4 апреля 1698 г., и с 11 по 15 июня того же года. В Москву вернулся 10 февраля 1699 г. По всему маршруту следования посольства с Б.П. Шереметевым довольно плотно работали иезуиты — в Кракове, Вене, Бадене, Риме, Неаполе. Наибольшую активность в Вене — по поручению императора, как он говорил, — проявлял видный иезуит Фридрих Вольф, являвшийся духовником и советником Леопольда I. Каков же был результат такой плотной работы с российским военачальником? Член миссии Ордена иезуитов в Москве Франциск Иоанн Эмилиани писал в своем донесении от 23 июня 1699 г.: «...Шереметьев, с тех пор как возвратился (от папы), необычайно прославляет нашу веру, хвалит нас и говорит, что теперь он должен притворяться вследствие преследования собратьев; но кто может разгадать, что тут скрывается, правда или ложь?»[429]. В этих словах мы видим не только удовлетворение Ф.И. Эмилиани, не только его озабоченность о степени достоверности этих сведений, но и то, что иезуиты продолжали работать с Б.П. Шереметевым и после его возвращения в Москву. Этот пример не просто интересный, но и достаточно характерный.

Отношение Русской православной церкви к другим религиям и их приверженцам.

Сведения об отношении Русской православной церкви к иноверцам представляли определенный интерес. Они позволяли посмотреть на отношение в России к католикам в сравнении с представителями других вероисповеданий. Результаты сравнений давали пищу для размышлений, подталкивали к политическим решениям. Если говорить о представителях других вероисповеданий иностранцах (об отношении к католикам мы сказали выше), то в Москве и Московском государстве это были лютеране, кальвинисты, приезжие из Персии и других восточных стран купцы мусульмане и некоторые другие. Говоря же о царских подданных, не являвшихся православными, то это были мусульмане, буддисты, на Севере и в Сибири проживали язычники и другие.

Яков Рейтенфельс посвятил этому вопросу некоторое место в своем сочинении. Он отметил, что в Российском государстве, в Самоедии, Обдории и Сибири, проживают идоло- и солнцепоклонники, которым никто не возбраняет осуществлять свои культовые поклонения. У рек Танаиса, Волги и близ Каспийского моря проживает много татар, исповедующих ислам, которые во многих городах России «по необычайному попущению Царя» построили свои храмы. Как мы видим, здесь

[428] Севастиан Главинич о происшествиях Московских 1661 г. С. 10.

[429] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 41.

шла речь о царских подданных, которые не являлись православными, но они были своими. Что же касается иностранцев, то Я. Рейтенфельс заметил, что «…лютеране и кальвинисты не только в самом городе Москве, но и в Архангельске и других городах, открыто отправляют богослужение по-своему, но не употребляют колоколов. Царь, из-за иностранцев-купцов и солдат, так милостиво относится к ним, что даже сам Патриарх не решается присвоить себе какую-либо власть над ними»[430].

Страшное событие произошло 4 октября 1689 г. в Москве. Как писал в донесении иезуит Иржи Давид, «В то же самое время, когда нам приказали уехать, были сожжены заживо и отправлены в иной мир Конрад Нордерман и Квирин Кульман, лютеране, пророки, реформаторы веры, за распространение каких-то пророческих книг. Конрад был здесь некогда известным купцом, Квирин, родом из Силезии, я думаю, был один из лютеран-предсказателей, изгнанных из Венгрии. Они называли себя иезуелитами. Их книги принес нам на цензуру царский переводчик, и в последнем приговоре им было прочитано, что книги их осуждены как еретические и лютеранскими пасторами и иезуитами»[431]. К сказанному следует добавить, что, стремясь оградить проживающих в Немецкой слободе лютеран от воздействия пророчеств К. Кульмана, лютеранский пастор обратился с просьбой о помощи к патриарху Иоакиму, который, однако, не стал вмешивать Русскую православную церковь в разбирательство между лютеранами, а передал это дело на рассмотрение в царское правительство. По словам архиепископа Филарета, «Кульмана и товарища его отослали (в 1689 г.) к допросу в особую комиссию; комиссия спрашивала отзыва о них и их книгах у протестантских пасторов московских и те на бумаге отвечали, что эти книги безумие. После допросов и разысканий определено Кульмана и Нордермана с их книгами сжечь»[432]. Историк А.В. Карташев, однако, считает, что намерение сжечь К. Кульмана и К. Нордермана на костре возникло в самой среде Немецкой слободы и «Правительство молодого Петра не перечило этому самосуду немцев. И при попустительстве властей Кульман был сожжен самими немцами в их слободе»[433].

Как же все происходило согласно официальным документам? 28 мая 1689 г. был подписан царский указ о проведении розыска (расследования) по фактам еретической деятельности иностранцев Квирина Кульмана, Конрада Нордермана и Анании Дикенсона. В указе говорилось: «…и по роспросу про то про все разыскать боярину князю Алексею Васильевичу Голицыну да окольничему Федору Леонтьевичу Шакловитому с товарищи, а буде они в чем учнут запиратися и правды сказывать не станут, и их в том роспросить в застенке и пытать…»[434] (заметим, что А.В. Голицын, сын главы Посольского приказа боярина и князя В.В. Голицына, и Ф.Л. Шакловитый, возглавившие расследование, входили и в руководство заговором царевны Софьи, о котором мы расскажем в последующих главах).

---

[430] *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии (Падуя, 1680 г.). С. 175.

[431] *Давид И.* Современное состояние великой России или Московии. С. 130.

[432] Филарет. История русской церкви. Четвертый период: период патриаршества 1588–1720. Харьков, 1853. С. 196.

[433] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 2. М., 2006. С. 352.

[434] *Цветаев Д.В.* Памятники к Истории Протестантства в России. Часть первая // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел I. М., 1883. С. 126.

На допросе К. Кульман сообщил, что приехал в Москву в апреле 1689 г. «с таким намерением, что великим государям подать письма и книги печатныя, какия напредь сего здесь на Москве не бывали и зело Московскому государству нужныя. А по се де время те письма не подавывал для того, что хотел их готовить и ныне еще не изготовил; а те де письма готовить было из книг розных божественнаго писания о вере и толк на Христово Слово, что будет едино стадо и один пастырь. А он де Квиринус о тайнах Божиих и о новой вере и о всех вещах, что на свете деется, также и о войнах, которыя напредь сего были и впредь деяться будут, пророчествует и повествует по видению и по откровению от Бога во сне и знамениями небесными, которые ему учали являтися, уже тому 19 лет... только де о том он никому не скажет и не объявит и на письме не даст, а объявит де он самим великим государям; а кроме самих великих государей, из бояр никому не объявит. Да о том же его пророчестве есть у него печатныя тетради и книги, а печатаны оне, по его веленью, в Амстрадаме и в иных городех...»[435]. К. Кульман также рассказал, что он «бывал во многих государствах, а имянно: в Турском, в Цесарском, в Аглинском, во Французском, в Датском, и в Кандии и в Польше и в иных во многих местех, и везде проповедывал и объявлял, что от нынешней войны будет великое и главное страшное дело, а имянно: пременение в вере и будет вскоре едино стадо и един пастырь...»[436] (Кандия — так в то время назывался остров Крит).

Конрад Нордерман на допросах также признал свою пророческую деятельность, передачу письменных пророчеств церковным старостам и кравчему князю Борису Алексеевичу Голицыну.

Третий иноземец, Ананий Дикенсон, живший в том же доме в Немецкой слободе, категорически заявил, что он ничего о пророчествах не ведает, ничего не видел и не слышал. Ему комиссия поверила.

К. Кульман и К. Нордерман передали комиссии «Немецкия письма», которые боярин и князь А.В. Голицын приказал перевести на русский язык. Комиссия объявила К. Кульману, что «он еретик и чернокнижник и возмутитель и многие народы ересию своею наполнил, за которую ересь и прелесть и прежние его учители и прелестники кажнены и сожжены и с книгами, о которых и сам он в роспросе своем сказал: и он довелся того ж, потому что и пастор их веры писанием своим его обличает, что он проповедник ереси и чернокнижник»[437]. Вообще, комиссия отнеслась к расследованию добросовестно. В качестве экспертов были допрошены члены миссии Ордена иезуитов в Москве Тобиаш Тихавский и Иржи Давид, лютеранские пасторы Иоаким Мейнке и Бартольд Фагеций, кальвинистский пастор Федор Шондервурт, переводчики Посольского приказа Иван Тяжкогорский и Юрий Гибнер, в качестве свидетелей допрошены живописец Отто Генин, доктор Захария фон дер Гульст, Вильгельм Горцен. 31 мая 1689 г. Кульман и Нордерман были допрошены под пыткой (до этого их несколько раз допрашивали без пытки).

По указанию царя Петра I Посольский приказ подготовил ему обобщенную справку об условиях приезда в Российское государство иностранцев через Псков. В

---

[435] Дополнения к Актам Историческим, собранныя и изданныя Археографическою Комиссиею. Т. 12. СПб., 1872. С. 341–342.

[436] Там же. С. 342.

[437] Там же. С. 343.

этой справке, в частности, говорилось и о К. Кульмане: «А во 197-м году приехал к Москве воровски пролгався во Пскове и имя себе переменя, сказався будто едет для повидания с сродичи из Галанские земли, вор и богоотступник иноземец Квилинко Кулман, и на Москве будучи, чинил многие ереси и свою братью иноземцов прелщал, и выняты у него многие еретические и богомерзские и хулные книги и писма, по которым богомерзским и еретическим книгам прелщал многих людей иноземцов и учил той ереси, а в роспросе и с пытки в тех во всех еретических делах винился, и по его великого государя указу за то воровство он Квилимко с книгами и с писмами богомерзскими сожжен»[438].

Приведенные выдержки из официальных документов прямо указывают на то, что расследование и казнь К. Кульмана и К. Нордермана проведены на основании царского указа. Ананий Дикенсон к ответственности не привлекался.

Так что, судя по изложенному, Русская православная церковь не причастна к смерти этих двух иностранцев, и приведенный пример в определенной степени иллюстрирует отношение Русской православной церкви к другим религиям и их приверженцам.

Сожжение Кирина Кульмана и Конрада Нордермана явилось чрезвычайным событием не только для Москвы. Иностранцы, жители Немецкой слободы, сообщали о нем своим корреспондентам в Европе, и в этом факте европейцы видели яркую характеристику отношения русских к «еретикам и чернокнижникам».

Отношение царей и патриархов к установлению (поддержанию) дипломатических сношений с Римом, Римской католической церковью в XVI–XVII столетиях. Разумеется, в разные исторические периоды это отношение было различным, зависело от целого ряда факторов и определялось реальными потребностями царского правительства в контактах с Римом. Русская православная церковь таких потребностей не имела. Рим же такие потребности имел, как в интересах распространения католичества в Московии и дальше на Восток, так и для вовлечения Московии в военно-политический союз против Турции. Для выяснения согласия или несогласия Москвы на установление дипломатических отношений Рим использовал переписку пап с царями, направление дипломатических агентов в Москву, зондаж через дипломатов союзных с Римом католических государств (Священной Римской империи германской нации, Польши и др.). Весьма полезным могло оказаться приобретение «своего человека» в Посольском приказе или среди царских сановников.

А. Поссевино подробно докладывал в Рим о выполнении папского поручения по закреплению дипломатических отношений с Москвой. По его докладу, членам посольства удалось добиться от царя Ивана Грозного «охранных грамот для католических священников, купцов, и в первую очередь для послов и нунциев апостольского престола, так что, вероятно, впоследствии тем, кто будет приезжать в Московию, не нужно будет просить новых грамот для въезда и выезда. Об этом в свое время папа Климент VII пытался договориться с отцом нынешнего государя Василием, но не довел этого дела до конца. Нынешний государь обещал предоставить право проезда через свои владения и проводников тем, кого святейший отец распорядится послать в Азию, если когда-нибудь решит продвинуть туда через эти

[438] Цит. по: *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев в Московское государство. СПб., 1909. С. 258–259.

области дело религии»[439]. И далее: «В том, что нынешний великий князь московский ищет дружбы с папой и другими христианскими государями, в этом мы также увидели удивительные пути божественного промысла…»[440].

Как писал Д.А. Толстой, «…папа старался возобновить прерванные сношения с Россиею через посредство Польши, с которою русское правительство было тогда в постоянных переговорах; в 1678 году это дело было ведено польским послом в Москве князем Михаилом Чарторижским, но безуспешно; столь же безрезультатно ведено оно было в 1681 году»[441]. Мы помним, что дипломатические сношения Москвы с Римом были разрушены непосредственно в Риме в результате отказа папы Климента X выполнить протокольное условие российской стороны об именовании царя Алексея Михайловича «царем» и его полном титуловании в ответной папской грамоте. Климент X подчеркнул на аудиенции: «Г-ря вашего имянование и титло сполна и имянование "Царь" писать в нашей Папежской грамоте невозможно, потому моя братия прежние Папы того не учинили, и ныне о том юж с Кардиналы сидение было, и они о том мне учинить не позволяют»[442]. По этой причине российский посланник майор Павел Менезиус (Пол Мензис) отказался взять ответную папскую грамоту и уехал ни с чем.

Следующая попытка Рима установить с Москвой дипломатическую переписку была предпринята папой Иннокентием XI, подписавшим 5 августа 1684 г. грамоту царям Ивану и Петру Алексеевичам. Грамота была доставлена в Москву и вручена царям в селе Коломенском 10 июня 1685 г. посланником Священной Римской империи германской нации Иоганном Игнатием Курцем. Но, так как и в этой грамоте Римом были допущены нарушения в написании царского титула, царский ответ Иннокентию XI дан не был, а 13 июня того же года в Рим вместо царского ответа было направлено письмо «за дьячьею приписью», то есть за подписью дьяка. Рим получил конкретный и недвусмысленный ответ на интересующий его вопрос о желании или нежелании Москвы устанавливать с папским престолом дипломатические отношения. Москва не возражала против такого шага, но только на равных и только при условии официального признания Римом царя «царем» и соответствующего обращения в папских грамотах, а также полного и правильного написания царского титула в текстах документов.

Подробные сведения о переписке русских царей с папами Римскими и дипломатических контактах между Москвой и Римом приведены в приложении.

[439] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 26–27.

[440] Там же. С. 36.

[441] *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Т. 1. С. 107.

[442] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. IV. СПб., 1856. С. 1058–1059.

Глава 4. Разведка Ватиканом Сибири

Московское государство и Сибирь. Знали ли в Москве о путях через Московию в богатые страны Востока? Выдержки из «Космографии» XVII в. Подход Ватикана к разведке Сибири. Донесение иезуита Франциска Ксаверия о Японии и губернатора Французской Индии Франсуа Мартена о действиях иезуитов в Индии. Рим — сокровищница опыта ведения географической разведки. Особенности ведения разведки Сибири. Бенедетто Скотто и его записка о поиске северо-восточного морского прохода, составленная до 1519 г. Дипломат Франческо да Колло. Чиновник Ватикана Паоло Джовио со слов российского дипломата Д.Д. Герасимова сообщает о наличии морского пути вокруг Сибири в Китай. Карта Баттиста Аньезе. Паоло Чентурионе и его план установления торговых сношений с Индией через территорию Московского государства. Купец Рафаэль Барберини (дядя будущего папы Урбана VIII) по заданию Ватикана пишет отчет о поездке в Московию, представляет карту. Опрос Даниилом Принцем российских дипломатов в Вене о Сибири и путях в страны Востока. Антонио Поссевино и Джованни Тедальди. Августин Майерберг. Сочинение ссыльного эмиссара Георгия Крижанича «История о Сибири». Племянник царского врача Яков Рейтенфельс. Иезуит-миссионер Филипп Авриль и его спутники, результат двух поездок в Москву. Участие в сборе сведений о Сибири миссии иезуитов в Китае. Работа в этом же направлении миссии иезуитов в Москве.

В истории открытия и освоения Сибири в XVI–XVII столетиях есть события, о которых, предваряя наш дальнейший рассказ, нужно напомнить, так как они в определенной степени оказывали влияние на усиление или ослабление интереса к Сибири и транспортным путям в страны Востока.

Первые серъезные попытки присоединить на рубеже XV–XVI столетий Западную Сибирь к России относятся к 1483 и 1499 гг. В 1483 г. Иван III Васильевич послал в Зауралье отряд под командой князя Федора Курбского Черного и Ивана Ивановича Салтыка Травина. «На устье Пелыми встретили они вогуличей и разбили с потерею только семи человек своих, отсюда пошли вниз по Тавде, мимо Тюмени в Сибирскую землю, дорогою воевали, добра и пленных взяли много; от Сибири пошли вниз по Иртышу, с Иртыша на Обь, в Югорскую землю… и возвратились в Устюг 1 октября»[443]. В конце 1499 г. «более 4 тыс. воинов под руководством воевод Семена Курбского, Петра Ушатого и Василия Бражника Гаврилова двинулись на лыжах в далекий путь. Они шли вверх по притоку Печоры — р. Щегоре. Дойдя до гор, отряд разделился. Одна часть его во главе с Бражником Гавриловым двинулась через Уральский хребет так называемым Югорским переходом. Другая часть рати с Курбским и Ушатым направилась через "Камень щелью"… В общей сложности ратные люди заняли свыше 40 укрепленных угорских поселений, пленили 58 мест-

[443] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 3. С. 81.

ных военачальников и в марте 1500 г. вернулись в европейскую часть России»[444]. Через много лет князь Семен Федорович Курбский в подробностях рассказал о походе приехавшему в Москву дипломату и разведчику Священной Римской империи германской нации Сигизмунду Герберштейну и фактически снабдил его сведениями, которые вошли в книгу «Записки о Московитских делах» под названием «Указатель пути к Печоре, Югре и к реке Оби».

Михаил Шиле, дипломатический гонец императора Священной Римской империи германской нации Рудольфа II (прибыл в Москву 10 сентября 1598 г., выбыл из Москвы 23 января 1599 г.), стал очевидцем важного события в истории Сибири. Он писал в своем донесении императору Рудольфу II, что 14 ноября 1598 г. к нему приходил пристав и «уведомил меня об особенной радости и приятной новости, что несколько дней тому назад прибыл к Великому Князю гонец из Сибири, привезший верное известие, что Великокняжеские полевые Козаки и военная стража в Августе месяце победили Сибирского Царя, по имени Кучума, со всеми его силами, причинявшего каждый год много вреда Великому Князю; его жены, которых у него было шесть, и от каждой по ребенку, взяты в плен, сделана знатная добыча, состоявшая особливо во множестве превосходных мехов; сам Царь бежал и в реке, которую хотел было переплыть, потонул и остался мертвым... В знак радости и в благодарность Божию всемогуществу за одержанную победу три дня сряду звонили по всему городу Москве во все колокола»[445]. Сообщение первостепенной важности, которое свидетельствовало о том, что **теперь, с разгромом хана Кучума, устранено последнее препятствие для организации поиска транспортных путей через Сибирь в Китай и другие страны Востока. Дорога к восточным сокровищам открыта!** Сведения эти были вполне достоверны — Михаил Шиле получил их от правительственного чиновника, и они подтверждались трехдневным колокольным звоном и государственными празднествами. С этого времени Московское государство стало настоящей хозяйкой транспортных путей через Сибирь, и Европа должна была это учитывать в реализации своих геополитических интересов.

С вхождением Сибири в состав Московского государства ее территория стала являться канонической территорией Русской православной церкви, которая уверенно и планомерно начала организовывать и осуществлять здесь свою деятельность. В 1620 г. была создана Тобольская архиепископия, в 1668 г. она была преобразована в Сибирскую митрополию.

В XVI в. Сибирь управлялась Посольским приказом, с 1599 г. — приказом Казанского дворца. Царским указом от 19 февраля 1637 г. был образован Сибирский приказ, который «ведал вопросами административными, финансово-податными, таможенными, военными и в известной мере даже дипломатическими (по сношениям с Китаем, с монгольскими, казахскими и калмыцкими правителями). Сибирский приказ назначал воевод и таможенных голов, выдавал им особые наказы, ведал обороной Сибири и снабжением служилого населения (от вооружения и боеприпасов до продовольствия), судом всего русского и ясачного населения, руково-

---

[444] История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Л., 1968. С. 369.

[445] Донесение о поездке в Москву придворного римского императора Михаила Шиля в 1598 году // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел IV. М., 1875. С. 4.

дил казенной торговлей с Китаем и реализацией сибирской пушнины в Европе»[446]. Сибирский приказ сразу вошел в число очень важных объектов разведывательного интереса заинтересованных европейских государств.

Первым руководителем Сибирского приказа в 1637–1642 гг. являлся князь Борис Михайлович Лыков-Оболенский. Последующими руководителями Сибирского приказа являлись: в 1643–1646 гг. — князь Никита Иванович Одоевский, в 1646–1662 гг. — князь Алексей Никитич Трубецкой, в 1663–1680 гг. — окольничий Родион Матвеевич Стрешнев, в 1680–1697 гг. — князь Иван Борисович Репнин, в 1697–1703 гг. — думный дьяк Андрей Андреевич Виниус.

В 1643–1645 гг. отряд служилых людей и промышленников под командованием письменного головы Якутска Василия Даниловича Пояркова обследовал среднюю и нижнюю части Амура до самого его устья. Правда, это открытие почти на 200 лет оказалось забытым и невостребованным. Добытые В.Д. Поярковым сведения об Амуре были подтверждены лишь экспедициями Геннадия Ивановича Невельского в середине XIX в.

В 1648 г. отряд казаков и промышленников под командованием Семена Ивановича Дежнева, совершая плавание от устья Колымы в Тихий океан, обогнул Чукотский полуостров, открыв тем самым пролив между Азией и Америкой. Это эпохальное открытие сразу изменило взгляд на необходимость и возможность поиска северо-восточного морского прохода к богатым странам Востока.

Вторая половина XVII в. наполнена такими событиями, как строительство в Сибири городов и острогов, размещение в них административных органов власти, военных гарнизонов, развитие землепашества и торговли, направление многочисленных экспедиций для «приискания новых землиц» и приведения местного населения под царскую руку. Эти события свидетельствовали о том, что Сибирь является составной частью Российского государства, находится под его защитой и живет по его законам. Следовательно, всякие враждебные замыслы по отношению к Сибири будут являться враждебными и по отношению к Российскому государству со всеми вытекающими последствиями.

Имело ли само Российское государство сведения о путях в Индию, Китай и другие страны Востока? На этот вопрос можно ответить только утвердительно. Еще в 1466–1472 гг. тверской купец Афанасий Никитин совершил путешествие в Персию и Индию по маршруту Тверь – Москва – Астрахань и далее. И хотя добытые им бесценные сведения в то время остались невостребованными, это путешествие было первым, совершенным русским человеком по названному маршруту.

Персидские, армянские, бухарские и другие восточные купцы достаточно регулярно в XVI–XVII столетиях приезжали в Москву с экзотическими товарами и делились известными им сведениями о путях в Индию с чиновниками Посольского приказа и русскими купцами. Да и русские купцы ходили в Персию и собирали сведения о торговых путях через Персию в Индию. Хрестоматийным является пример поездки в Персию купчины, московского гостя Федота Афанасьевича Котова в 1623–1624 гг. Выехал он из Москвы 6 мая 1623 г. по царскому указу с товарами из государевой казны, по возвращении написал интересные записки «О хоже-

[446] История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Л., 1968. С. 124.

нии с Москвы в Персицкое царство и ис Персиды в Турскую землю, и в Индею, и в Урмуз на Белое море, где на кораблях немцы приходят». В этих записках Ф.А. Котов подробно рассказал о путях из Персии в Индию и Турцию, да и из Астрахани в Персию («Хожение» Ф.А. Котова можно прочитать в издании: Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М.: «Советская Россия», 1988).

Посольский приказ не ограничивался только опросом приезжавших купцов, но и ставил разведывательные задачи перед выезжавшими в страны Востока российскими дипломатами и купцами. Вот что писал в статейном списке о поставленной перед ним задаче Анисим Грибов в июне 1648 г.: «...Да Анисиму ж Грибову с товарыщи по государеву указу велено проведывати всякими мерами накрепко ведущими людьми, в Индейское государство от государевы отчины от Астарахани куда ходити податнее: на Юргенскую землю или на Бухары или на кизилбашские городы, и на которые городы и места, и сухим ли путем или водяным или горами в Индейское государство лежит путь, и на которой украинной город индейского царя приезжают, и сколько от которого города и места до которого города и места дорогою считают верст или милей или днищ, и на одно ль место и городы из Юргенча и из Бухар в Индею дорога лежит или разные дороги, и какие люди от тех городов по дороге до Индейского государства живут, и послушны ль Бухарскому и Балхинскому и Юргенскому государствам, или которые князьки особные живут, и будет особные, и нет ли от них проезжим служилым и торговым людем какие шкоты и хто имяны князьки и кому голдуют...»[447] (голдовать — быть в вассальной зависимости). Из текста понятно, о каких городах и государствах шла речь в царском указе, комментировать нет необходимости. Мы видим, что задание было поставлено четко и профессионально. Задание это А. Грибов выполнил. Он перечислил в Статейном списке города, через которые проходил наиболее удобный путь в Индию, указал расстояние между ними и особенности передвижения, например, наличие в том или ином месте разбойников. Путь выглядел таким образом: Астрахань – Фарахабад – Мешхед – Вазирабад (Балх) – Чарикар – Кабул – Джелалабад – Пешавар – Атток – Рохтас – Лахор – Дели – Агра. Через 30 лет российский дипломат Николай Спафарий описал путь в Индию из Тобольска, которым пользовались бухарские и другие восточные купцы. Так что сведения о путях через Московское государство в Персию и Индию в Москве были, причем не только Ф.А. Котова, А. Грибова и Н. Спафария, но и других российских дипломатов и купцов, и сведения эти были достоверными и достаточно подробными. Хранились они в Посольском приказе.

Что касается транспортных путей через Сибирь в Китай и другие соседние страны, то их разведка была начата задолго до походов Ермака и велась практически одновременно с разведкой и освоением Сибири. Еще в 1567 г. по указу Ивана Грозного были направлены атаман Иван Петров и мурза Бурнаш Ялычев «проведать Китайское государство и Мунгальскую страну, а также великую реку Обь». По объективным причинам экспедиция не смогла достигнуть Китая и вернулась назад. Экспедиции с разведывательно-дипломатическими задачами направлялись в Китай и «Мунгальскую» страну многократно: в 1608, 1616, 1618, 1620, 1634, 1636, 1637, 1638, 1654, 1659, 1665, 1666, 1671, 1675 и других годах. Если члены экспедиции

[447] Русско-индийские отношения в XVII веке. М., 1958. С. 80–81.

были грамотны, они составляли письменный отчет и докладывали его в Посольский приказ. Если же они не знали грамоты, их расспрашивали дьяки в Посольском приказе и составляли «расспросные речи». Вот что говорилось, например, в «расспросных речах» атамана Василия Тюменца и десятника Ивана Петрова, ездивших в 1616 г. в «Мунгальскую» страну к Алтын-хану и собиравших там сведения о Китае: «… Китайское государство на край губы морския, а город, де, кирпичный велик, ехати около его на кони 10 ден. А посреди города — великая река. Ходу до Китайского государства от Алтына-царя — месяц. А Китайского же государства люди им разсказывали, что у них государство великое, а царь у них — Тайбын. А бой, де, у Китайских людей — пищали и пушки. А под Китай, де приходят морем суды великия на парусах со многими дорогими товары; а из которых государств приходят, того именно не сказали. А на судне, де, приходят человек по двести и по триста. А товары в Китаех: атласы, бархаты, камки. А золото, де, в Китайском государстве делают (то есть, обделывают), а руду, де золотую и серебряную привозят в Китайское государство из Китайских уездов. А хлеба, де, в Китайском государстве пашут много: пшеницу, ячмень, овес, просо. Платье Китайские люди носят с Бухарские стати всякое: бархатное, и атласное, и камчатное, и киндячное, и зенденинное. А рек, де, больших и гор к Китайскому государству нет: место пришло ровное…»[448]. Заметим, что когда российский посланник Николай Спафарий готовился к дипломатической поездке в Китай, Посольский приказ составил для него (примерно в феврале 1675 г.) информационную записку о границах Китайского государства, в которой говорилось о местонахождении Японии и ее богатствах (месторождениях золота и серебра); об острове Формоза и захвате его голландцами; о наличии сухопутного пути из стольного града Китая Канбалыка в стольный град Индии Агру и продолжительности этого пути с вьюками в 214 дней, и другие сведения. Можно сказать, что и о Китае, и о других восточных странах и путях к ним в Москве знали. Сведения эти хранились в Посольском и Сибирском приказах, так что разведывательным службам европейских государств было что разведывать и где.

Любопытно сравнить информированность Московского государства о странах Востока с информированностью европейских государств в XVII в., которая находила свое выражение в издававшихся в то время «Космографиях». Здесь только нужно сделать небольшую оговорку — речь идет об общедоступной информированности европейцев, а не о тех сведениях, которые докладывались монархам в форме донесений и для общего сведения не предназначались. Познакомимся с выдержками из одной такой «Космографии», перевод с которой на русский язык был сделан где-то во второй половине XVII в.

В этих выдержках говорится о Сибири, Персии, Индии и Китае. «…Земля Сибирь нарицаемая зверообразных и диких людей, потому что живут по лесам и по рекам великим, и питаются зверем и рыбою кроме хлеба, едят кровавое и сырое, веры же и грамоты не имат, добывают же и продают драгие звери соболи и куницы и бобры и лисицы и белки множество, простирается широко и долго, и под данию державы Московского Царя… Земля Кизилбашская, ныне же стало царство

[448] Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии. Т. X. Вып. 1. СПб., 1882. С. 12.

славно… иже нарицаются Шах, потому что овладел великим царством Перситским и Вавилоном и Мидцким; что те ныне страны опустели, вера же Татарская в них, имеет тот Шах всегда бой с Турским Царем, понеж человецы храбры к войску и легки; и богат зело златом, златоковаными ризами и шелковыми поставами и бумажными ризами разных цвет; нравы же крепки и от пиянства воздержательны, а к телесным похотем слабы. Земля Перская издавна многонародная и царство славное, власть имеяше над вселенною, тут же был Навходносор Царь и Дарий Перский, и в том бе град Вавилон и Мицкое царство; человецы же к воинству щательны и легки, яко и девицы на ратех восприемлют мужескую крепость, ныне же те страны под Кизилбашским Царем; нравы же ко звездочестию прилежат и к волхвованию, и веруют в огнь и в солнце и древу… Страна Индея великая, издавно царство славное, пространство же имеет много и всюду зело широка, градов и сел безчисленно, даже простирается и до Китайскаго царства и з другую страну и до моря восточного; вера же в них: служат солнцу и звездам и огню… изобильно же камением драгим и бисером, и сладким корением и благоуханием; нравы же в них варварские, но пиянства многаго отвращаются… Царство Индея малая, лежит подле моря восточнаго, владеют же и островами морскими многими, под данию же лежит, покорны Царю великия Индеи, изобильно же поморскими узорочьи всякими… Царство Китайское между востоки и полунощем в Симове же части, стоит на углу от моря Окияна, и ездят к нему торговати Немцы в короблях, понеже богат всякими товары шелки и бумагою и бумажными цветными понявами и соболями и куницами и лисицами, велбудь же и скота много, хлеба же мало; грады же имеют каменныя, вера же в них Татарская и Арменьская, войны же не имеют ни с кем, потому что удалено от стран…»[449] (вельбудь — это верблюд). Другие комментарии к приведенным выдержкам, видимо, не нужны.

Организуя разведку Сибири, Ватикан не только не делал различий между разведкой Сибири и вновь открытых заморских территорий, но и старался, хотя без особого успеха, использовать приобретенный на этих территориях опыт. Поэтому представляется не лишним сначала привести несколько примеров, как действовали в XVI и XVII столетиях католические миссионеры по изучению Японии и Индии, торговому, политическому и духовному проникновению в эти страны. Конечно, наибольший интерес для нас представляют свидетельства современников, участников и очевидцев этой деятельности. Безусловно, все оценки авторов субъективны и зависят от множества факторов, что обязательно нужно иметь в виду при прочтении этих важных исторических документов — свидетельств той далекой от нас эпохи.

Перед нами донесение о японцах от ноября 1549 г., автором которого являлся известный исторический персонаж, сподвижник Игнатия Лойолы и один из основателей Ордена иезуитов Ксаверий Франциск.

«Из того, что мы узнали, живя в Японии, я могу сообщить следующее: прежде всего, люди, с которыми мы здесь познакомились, гораздо лучше всех тех, с кем до сих пор нам доводилось сталкиваться, и я считаю, что среди язычников нет нации, равной японцам. У них хорошие манеры, в подавляющем большинстве они добро-

[449] Книга, глаголемая козмография сложена от древних философов, преведена с Римскаго языка // Временник Императорскаго Московскаго Общества Истории и Древностей Российских. Книга 16. Отдел III. М., 1853. С. 6–8.

порядочны и незлобивы. Достойно удивления их представление о чести, которую они ставят превыше всего. В основном они бедны, но ни среди дворян, ни среди других слоев населения бедность не считается чем-то постыдным. И бедные дворяне, и богатые простолюдины высказывают столько же почтения бедному дворянину, сколько и богатому, — подобного отношения не встретишь ни у одной христианской нации. И дворянин никогда не женится на девушке из другого сословия, какие бы деньги ему за это ни сулили, поскольку, по его мнению, женившись на представительнице низшего сословия, он тем самым унизит свое достоинство. Это, несомненно, свидетельствует о том, что честь для них превыше богатства. Они невероятно учтивы друг с другом, очень ценят оружие и во многом полагаются на него. Независимо от положения с четырнадцатилетнего возраста никто из них не расстается с мечом и кинжалом. Они не выносят оскорблений и пренебрежительных слов. Люди незнатного происхождения с большим уважением относятся к дворянам, которые, в свою очередь, считают для себя за честь верой и правдой служить своему сюзерену, которому они безоговорочно подчиняются. Мне кажется, подобное повиновение обусловлено не страхом перед наказанием за непослушание, а недопустимостью для них запятнать свое доброе имя недостойным поведением.

Они мало едят, но много пьют, причем употребляют исключительно рисовую водку, поскольку обычных вин у них нет. Они никогда не играют в азартные игры, так как считают это бесчестным. Ведь игрок стремится получить то, что ему не принадлежит, значит, он вор. Японцы редко дают клятвы, а если все же и клянутся, то Солнцем. Многие здесь умеют читать и писать, что немало способствует быстрому запоминанию ими молитв и вообще восприятию истинной веры. В этой стране лишь в некоторых провинциях, да и то крайне редко, можно услышать о воровстве. Это достигается благодаря суровым законам правосудия, которое жестоко наказывает виновных, — вплоть до смертной казни. Поэтому к такому пороку, как воровство, они испытывают особое отвращение.

Японцы отличаются доброжелательностью, общительностью и тягой к знаниям; любят слушать рассказы о Христе, особенно если они им понятны. Я за свою жизнь объездил немало стран, но нигде: ни в христианских государствах, ни в языческих странах — не встречал таких честных людей, как японцы. Большинство из них почитают древних мудрецов, которые (насколько я понимаю) вели жизнь философов; многие поклоняются Солнцу, некоторые — Луне. Они любят слушать о том, что не противоречит разуму; вполне допускают, что грешны и порочны, и когда указываешь им на то, что является злом, — соглашаются... Эти люди ведут очень здоровый образ жизни и доживают до весьма преклонного возраста. Японцы представляют собой убедительный пример того, как человеческая природа может довольствоваться малым, даже если это малое не слишком приятно...».[450]

Ко времени написания своего донесения Ф. Ксаверий прожил в такой архидалекой от Рима стране Японии всего лишь несколько месяцев, но успел собрать, обобщить и проанализировать самые разноплановые сведения о японцах. Его донесение является примером исключительно профессионального подхода к сбору информации о почти неизвестном в то время в Европе государстве и народе, при-

[450] Цит. по: *Роджерс Ф.Дж.* Первый англичанин в Японии. История Уильяма Адамса. М., 1987. С. 26–28.

мером исключительно ответственного отношения к решению поставленной перед ним задачи.

Второй пример — это донесение человека, непричастного к Ордену иезуитов или к миссионерской деятельности какого-либо католического ордена. Оно интересно тем, что в нем рассказывается о деятельности миссионеров Ордена иезуитов в Индии в конце XVII в. Оно позволяет взглянуть на деятельность миссионеров 300 лет назад под совершенно другим углом зрения.

Автором этого донесения являлся Франсуа Мартен, главный администратор (губернатор) Французской Индии. Он писал в Париж в 1697 г.: «... Известно, что после голландцев самую обширную торговлю ведут иезуиты, так что в этом отношении им уступают англичане, датчане, французы и даже сами португальцы, которые водворили их в здешнем краю. Я допускаю, что некоторые члены общества Иисуса приезжают в Ост-Индию, руководимые искренним религиозным чувством; им и предоставляется обращать язычников; но таких немного, и притом они-то именно и не посвящены в тайны ордена. Это простые миссионеры, но не доверенные лица. Зато есть другие, по-видимому, вовсе не принадлежащие к ордену, потому что носят светское платье; в Сурате, Агре, Гоа, всюду, где они живут, их считают, как они сами себя называют, просто купцами. Но я знаю, что это иезуиты и притом глубоко посвященные в тайны ордена. Они набраны из всевозможных наций, так что между ними есть даже армяне и турки, но преданы исключительно интересам своего общества. Эти замаскированные иезуиты вмешиваются во все и все знают. Между собой они ведут тайную переписку, уведомляют друг друга обо всех торговых делах и своими сведениями приносят ордену громадную пользу.

Замечательно также оказываемое им доверие; по-видимому, за ними никто не надзирает и никто не спрашивает у них отчета, кроме нескольких иезуитов, странствующих в жалком рубище со смиренным видом из города в город. Но эти нищенки — очень важные особы, пользующиеся полным доверием генерала и других европейских начальников ордена; они получают из Европы предписания, которым тайные иезуиты обязаны повиноваться. Последние повинуются совершенно точно и без всяких возражений, потому что с них, кроме обычного обета послушания, берут клятву в том, что они никому не выдадут сообщенных им тайн и посвятят все свои силы единственно на служение ордену. Друг друга они узнают по тайному знаку. Они многочисленны и рассеяны по всей задней Азии; но тем не менее следуют общему плану и действуют дружно и согласно. Дух иезуитов никогда ни в чем себе не изменяет, и еще ни разу не видано было, чтобы кто-нибудь из них сделал непоследовательный поступок.

Но они не довольствуются барышами, которые наживают в Ост-Индии, и получают еще большие выгоды, переправляя множество товара контрабандно из своих миссий в Европу. Они посылают эти товары не в коллегии свои, а другим тайным иезуитам, имеющим в Европе торговые дома и извлекающим из торговли тем больше выгод, что получают товары из первых рук. Несмотря на обширность своей торговли, иезуиты ведут ее так скрытно, что в Европе никто и не подозревает в них торгашей. Однако торговля их наносит чувствительный вред торговле всех народов, особенно Франции и ее французско-ост-индской компании. Поэтому я часто и подробно писал об этом правлению этой компании. Но директоры не только

не предпринимали никаких мер для прекращения этих злоупотреблений, но неоднократно приказывали мне во всем потворствовать иезуитам и даже по их требованию давать им взаймы.

Они нередко прибегали ко мне за деньгами, так что, например, один о. Ташар должен компании 150 000 тяжелых пиастров, т.е. 750 000 ливров, без всякого залога и даже расписки. Что касается обширности иезуитской торговли, то на большой эскадре, прибывшей в 1690 году из Франции в Азию, было привезено иезуитам 58 тяжелых тюков, из коих самый маленький был больше самого большого компанейского. В тюках были не розовые венки, не Agnus Dei и не реликвии, а дорогие европейские товары, могущие иметь в Ост-Индии хороший сбыт. И вообще из Европы не приходит сюда ни одного корабля, на котором не было бы какой-нибудь клади для иезуитов.

Кроме того, нельзя умолчать и о том, что многие иезуиты ходят переодетые по стране с индийскими купцами, именуемыми банианами, и собирают брильянты и жемчуг, чем наносят крайний убыток ост-индской компании и большой позор христианскому имени. Они одеваются совершенно так же, как баниaны, говорят так же, как они, едят и пьют с ними и соблюдают все их обычаи. Кто их не знает, примет за настоящих банианов, тем более, что они поклоняются языческим божествам наравне с туземцами. Правда, они говорят, что делают это для обращения язычников; но в сущности водятся с ними только для торговых целей, чему лучшим доказательством может служить то, что они еще не обратили ни одного баниана. Один баниан, сделавший с иезуитами три отдаленных путешествия, уверял меня, что ни разу не слыхивал от них ни слова о христианстве и не видывал ни малейшей попытки обратить его...»[451].

Это писал человек, без малого 30 лет проживший в Индии и хорошо знавший не только страну, но и осведомленный о деятельности миссионеров Ордена иезуитов. Конечно, автор не мог не быть субъективным в оценке этой деятельности. Скорее всего, причина негативной оценки иезуитов кроется в том, что они мешали Ф. Мартену извлекать доходы из сказочной Индии в интересах Франции и, быть может, для себя лично. Как бы там ни было, современник и очевидец свою оценку дал, написав приведенное выше донесение. Нужно ли его комментировать? Более подробно с Франсуа Мартеном и его деятельностью в Индии можно ознакомиться в книге: Каплан А.Б. Путешествие в историю. Французы в Индии. М.: Изд-во «Наука», 1979.

Выше мы уже говорили, что к началу XVI в. Рим накопил уже некоторый опыт ведения географической разведки самых далеких от Европы территорий — Китая, Монголии, Индии, с первыми Великими географическими открытиями была начата разведка Вест- и Ост-Индий, Африки. Географические знания, которыми располагал Рим, намного превышали все те знания, которыми обладали европейские монархи. Вызванные Великими географическими открытиями кардинальные изменения геополитических интересов европейских государств и политической обстановки в мире имели самое непосредственное отношение и к Риму. Если Испания и Португалия стремились политически и экономически закрепить за собой те необъятные территории, которые достались им по договорам в Тордесильясе и Сара-

[451] Цит. по: *Гризингер Т.* Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени. С. 312–314.

госе, то Рим стремился закрепить эти же территории духовно. Когда остальные европейские государства, не допущенные Испанией и Португалией к богатым заморским землям, устремились искать альтернативные пути к этим землям через Московское государство и Сибирь, Рим также не остался в стороне и приступил к географической разведке Сибири, имея в виду последующее торговое и политическое проникновение. И хотя Сибирь в начале XVI в. еще не входила в состав Московии, но реально вести ее разведку можно было только через Москву. Других возможностей Европа и Рим тогда не имели. Но искать альтернативные пути к богатым странам Востока через Московию и Сибирь нужно было обязательно, поэтому и нужно было вести целенаправленную разведку как Московии, так и Сибири.

Повторим, что Ватикан не делал каких-либо организационных и практических различий между разведкой Сибири и вновь открытых заморских территорий. А различия были, и были они весьма и весьма существенными. Ведя разведку заморской территории, разведчик пользовался полным содействием местной колониальной администрации, мог лично посетить любой населенный пункт или географический объект, воспользоваться услугами вооруженной охраны, транспорта, проводников и переводчиков, мог беспрепятственно опрашивать информированных местных жителей и вести сбор нужных ему сведений. Любая попытка помешать ему влекла за собой суровую кару. С разведкой Сибири все было не так. И до вхождения Сибири в состав Московского государства, и после вести ее разведку можно было практически только с территории Москвы и некоторых городов, где иностранным купцам было разрешено иметь торговые дома (Астрахань, Казань, Архангельск, Вологда, Великий Новгород и некоторые другие). Непосредственно в Сибирь въезд иностранцам был категорически запрещен, за исключением тех, кто направлялся в Сибирь по делам царской службы, военнопленных и ссыльных. Царское правительство и администрация на местах не оказывали и не собирались оказывать содействие заинтересованным иностранцам в сборе сведений о Сибири и путях через Сибирь в страны Востока.

Поэтому организовывать разведку Сибири нужно было совсем по-другому, ориентируясь на то, что поездка в Сибирь или через Сибирь разрешена не будет; для получения сведений, в том числе проведения инструментальных измерений, использовать придется военнопленных, ссыльных, иностранцев на царской службе, купцов, миссионеров, падких на злато чиновников правительственных учреждений. Именно в правительственных учреждениях в Москве, в Посольском и Сибирском приказах, можно было найти и раздобыть карты и «чертежи» Сибири, «сказки» землепроходцев, российские дипломатические и другие документы.

Разведку Сибири нужно было вести одновременно с разведкой Московии и русского Севера, где предполагалось нахождение еще не найденного северо-восточного морского прохода вокруг Московии и Сибири к далеким и сказочно богатым Китаю, Японии, а далее и к Индии. Цели разведки вытекали из геополитических интересов Рима — найти транспортные пути (сухопутные или морские) в страны Востока, совместно с купцами и миссионерами осуществить торговое, а затем политическое и духовное проникновение в эти страны и закрепление там. Важность достижения этих целей была очевидна. Хорошо, если искомые пути удастся найти самому Риму или какому-либо католическому европейскому государству; в

этом случае можно было договориться о достойных союзнических гарантиях по использованию этих путей. А если они будут найдены англиканской Англией, кальвинистской Голландией или протестантской Швецией, или другой недружественной страной? И при всем при этом огромной занозой был еще один вопрос — что делать с православной Московией? Как получить в Москве разрешение католическим купцам и миссионерам на беспрепятственный проезд через территорию Сибири в страны Востока? Сразу скажем, что за 200 лет (XVI–XVII вв.) Риму не удалось сделать что-либо кардинальное с православной Московией, как не удалось получить и разрешение на проезд через территорию Сибири. Конечно, католическим купцам и миссионерам был разрешен проезд по Волге до Астрахани и затем по Каспийскому морю до Персии и далее (и обратно транзитом через Москву в Европу), но эта территория не являлась Сибирью.

Выше, в главе, посвященной разведке Московии, мы подробно говорили об источниках и носителях сведений географического характера, о классификации этих сведений, поэтому вновь возвращаться к этому вопросу не будем. Перейдем к рассказу о непосредственных участниках разведывательного процесса, их деятельности и результатах.

Бенедетто Скотто, генуэзец, земляк Паоло Чентурионе, примерно в период до 1519 г. «...придумал обогнуть Европу с северо-востока, чтобы добраться до Индии вдоль берегов Китая. Его записка, составленная по-итальянски и по-французски, не имела ни малейшаго успеха...»[452]. Бенедетто Скотто подготовил свои предложения по отысканию северо-восточного морского прохода и пути к богатым странам Востока за несколько лет до возвращения в Испанию корабля «Виктория» во главе с Хуаном-Себастьяном Эль-Кано и экипажем из 18 человек (7 сентября 1522 г.), которые первыми в истории человечества совершили кругосветное плавание и доказали, что Земля имеет форму шара. Безусловно, предложение Б. Скотто заслуживало внимания, но совершить в то время практическое открытие северо-восточного морского прохода в условиях Крайнего Севера на легких парусных суденышках было невозможно.

Франческо да Колло (1480?–1571), кавалер и дворянин, итальянец, приезжал в Москву в качестве посла императора Священной Римской империи германской нации Максимилиана I. Вторым послом был кавалер и дворянин из Падуи Антонио де Конти. Сведения о Сибири были собраны Ф. да Колло именно в период пребывания в Москве (с 25 июля 1518 до 4 января 1519 г.). Заметим, что в эти годы не только Европа и Рим, но и тогдашний сосед Сибири — Российское государство — имели о Сибири поверхностное представление. До похода Ермака через Урал в Сибирь еще оставалось более 60 лет.

Ф. да Колло писал в донесении: «Он [Московский князь] владеет еще двумя обширнейшими северными областями — Югрой и Корелой, которые состоят из высочайших гор, обширнейших полей, долин и лесов, простираются до ледовитого моря и населены народами, совершенно лишенными всякой культуры, образования и торговли. Они оказывают повиновение и почтение только упомянутому государю и ежегодно платят ему дань шкурами соболей, барсов и других зверей, медом и

[452] *Пирлинг П.О.* Россия и папский престол. Книга 1. Русские и Флорентийский собор. С. 314.

воском, которые имеются у них в изобилии, так как не имеют никакого представления о золоте и других металлах. Они не имеют [над собою] ни крыш, ни каких-либо иных жилищ, кроме лесов и особых лачуг, построенных из ветвей; они не умеют ни пахать, ни сеять и не знают, что такое хлеб, питаются мясом зверей, добытых на охоте, и одеваются в их шкуры... Поклоняются они солнцу, Венере, лесам и змеям, как святыням...»[453]. Собирать эти сведения дипломату помогали «достойные доверия лица, в частности, маэстро Николо Любчанин, профессор медицины и астрологии, весьма искусный во всех науках... Угрим Баграков и его брат, с которыми я, по милостивому соизволению государя, имел длинные беседы...»[454] (Николо Любчанин, он же Николай Немчин, он же Николай Булев, он же Николай Люев — мы подробно будем говорить о нем как об эмиссаре Ватикана в главе, посвященной подрывной деятельности Рима против Русской православной церкви и православия. Угрим Баграков — княжеский сановник, находившийся в то время в опале, которая была снята по представлению Ф. да Колло. Очевидно, за информационное обеспечение в отношении Сибири).

В документах Посольского приказа сохранилась интересная запись о том, как Ф. да Колло просил снять опалу с У. Багракова. Случилось это событие 2 ноября 1518 г., после аудиенции у Василия III Ивановича и завершения великокняжеского обеда. Ф. да Колло ударил челом великому князю: «...присылал к тебе к Великому Государю Маистр Ливонской бити челом о твоем человеце о Угриме Багракове, чтоб ты, Государь, его пожаловал, опалу свою ему отдал. И ты бы и ныне, Государь, пожаловал, для маистрова челобитья и нашего челобитья, Угрима пожаловал, опалы ему своей отдал и продажи, и очи свои велел ему видеть»[455]. За 2 и 3 ноября того же года Василий III Иванович отменил казнь У. Багракова, снял с него опалу, и разрешил ему «видеть свои очи», то есть дал ему аудиенцию.

На первый взгляд, Ф. да Колло не сообщил каких-либо существенных сведений о Сибири. Но не нужно забывать, что его донесение было написано до письма Альберто Кампензе папе Клименту VII, до сочинений Иоганна Фабри, Сигизмунда Герберштейна и Паоло Джовио, до донесений Паоло Чентурионе и карты Московии Баттиста Аньезе. По мнению исследователей, собранные Ф. да Колло сведения заслуживали внимания.

Паоло Джовио. Выше, во второй главе, мы уже рассказывали о приезде в Рим в 1525 г. российского посланника Дмитрия Даниловича Герасимова с дипломатической миссией от Василия III Ивановича к папе Клименту VII. Мы также говорили, что по поручению Климента VII и архиепископа Консентийского Иоанна Руфа он целенаправленно был опрошен о Московском государстве сотрудником Ватикана Паоло Джовио, который по результатам опроса написал и в том же году издал небольшое сочинение с сокращенным названием «Книга о московитском посольстве».

По существу в XVI в. Д.Д. Герасимов был первым хорошо информированным и знающим латинский язык источником, с которым можно было спокойно рабо-

---

[453] Цит. по: *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 87–88.

[454] Там же. С. 88–89.

[455] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I. Стб. 433.

тать далеко за пределами Московского государства, в самом Риме, в безопасных и комфортных условиях. До этого собирать сведения о Московском государстве и Сибири приходилось непосредственно в Москве, в условиях действовавших в Московском государстве жестких административных режимов, под контролем Посольского приказа, зачастую от малоинформированных лиц, вдобавок не знающих какого-либо иностранного языка. Напомним, что Д.Д. Герасимов не собирался таить каких-либо сведений о Московии и не выбалтывал их по каким-либо низменным причинам. Он имел поручение от Василия III Ивановича довести до папы Римского выгодные сведения о Московии, чтобы побудить Рим и другие европейские государства к дипломатическим и торговым отношениям с Москвой. Так что интерес между римлянами и российским посланником был взаимным.

В «Книге о московитском посольстве» любой европеец мог прочитать очень много для себя интересного и о Сибири, и даже о морском пути вокруг Сибири в Китай! В частности: «...достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в стремительном течении к Северу, и что море там имеет такое огромное протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли».[456] П. Джовио также написал, что соседи Московии, татары, «занимают весьма широкия и пустынныя местности вплоть до Китая, славнейшаго государства на краю восточнаго Океана...»[457]. Подчеркнем — сказано это было в 1525 г., почти 500 лет назад. Эти слова произвели на европейцев ошеломляющий эффект. Еще бы! И понтифик с кардиналами, и монархи с членами правительств, и обычные читатели сами могли прочитать, что далекий и такой желанный Китай с его сказочными восточными сокровищами можно достичь морем вокруг северных берегов Московского государства! И этот путь представлялся более безопасным и менее длинным, чем южный путь вокруг Африки. И что Московия через татар граничит непосредственно с Китаем! Напомним, что книга П. Джовио вышла в свет в период, когда Европа еще пребывала в состоянии радостной эйфории от открытия Нового Света и морского пути в Индию, когда из европейских портов ежедневно отходили корабли с искателями приключений на поиски богатых заморских территорий. И тут еще такая сенсационная и очень приятная весть!

Кроме того, в книге также говорилось, что в г. Устюге местные жители и «... более отдаленные народы привозят драгоценные меха куниц, соболей, волков, рысей и черных и белых лисиц и обменивают их на разного рода товары. Наиболее превосходны собольи меха с гладкой шерстью и легкой проседью; они служат ныне для подкладки царского одеяния и для защиты нежных шей знатных женщин, воспроизводя собою как бы облик живого зверька. Такие меха доставляются жителями Пермии и Печоры, но они сами получают их, передавая из рук в руки, от еще более отдаленных народов, живущих у океана»[458]. На первый взгляд, о Сибири сказано мало, но зато что сказано! Только через несколько веков корабли смогут прой-

[456] *Джовио П.* Книга о московитском посольстве // Все народы едино суть. С. 491.

[457] Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. С. 258.

[458] *Джовио П.* Книга о московитском посольстве // Все народы едино суть. С. 490.

ти северо-восточным морским проходом (ныне Северный морской путь) из устья Северной Двины через Берингов пролив в Тихий океан, омывающий берега Китая, Японии и других восточных стран.

П. Джовио обещал, что в этой же книге будет воспроизведен и печатный чертеж, однако этого не случилось. Но в том же 1525 г. в октябре месяце в Венеции была издана карта Московии, автором которой являлся знаменитый картограф того времени, венецианец **Баттиста Аньезе**. Примечательно, что в заголовке своей карты Баттиста Аньезе поместил имя Д.Д. Герасимова: «Moscoviae tabula relatione, Dimetrii legati descripta sicuti, ipse a pluribus accepit...»[459]. Какое отношение имел российский дипломат к венецианскому картографу?

Книга и карта детально проанализированы в замечательных трудах Б.А. Рыбакова «Русские карты Московии XV – начала XVI века», М.П. Алексеева «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей» и Лео Багрова «История русской картографии». На основании анализа карты Б. Аньезе, книги П. Джовио и русских карт того далекого времени Б.А. Рыбаков пришел к такому выводу: «Посол Василия III привез ко двору Климента VII новейший чертеж Русского государства, изготовленный примерно в 1523 г. На этом чертеже были отражены все успехи русского оружия, закрепленные миром с Сигизмундом 1523 г. Демонстрация чертежа в Риме подтверждена как интересной ошибкой Павла Иовия (об истоках Волги), так и наличием 30 дополнительных (по отношению к тексту записей) объектов на карте Аньезе. Вполне вероятное отсутствие на общем русском чертеже северных земель было компенсировано дополнительным чертежом, автором которого следует считать самого Дмитрия Герасимова... Все это объясняет нам помещение имени Дмитрия Герасимова в заголовке карты Баттисты Аньезе 1525 г.»[460]. Исследователи также отмечают, что посольство Великого князя Василия III Ивановича по пути в Рим проезжало через германский город Аугсбург, и Дмитрий Герасимов «...показывал там в 1525 г. местным ученым карту, доказывающую, что в Индию можно попасть через Ледовитый океан...»[461]. Представляете, какой интерес вызвало это сообщение в Европе?

Издание книги Паоло Джовио послужило тем толчком, который побудил, а, может быть, и заставил европейских монархов, оставшихся вне возможности выкачивать богатства с вновь открытых заморских территорий, организовать тщательную разведку морского и сухопутного путей в Индию и Китай вокруг Московского государства или через Сибирь. Разумеется, одновременно был активизирован сбор разведывательной информации и о России в целом по самому широкому спектру вопросов. Хотя, нужно сказать, идея поиска сухопутных путей в Индию и Китай витала в Европе задолго до выхода в свет книги П. Джовио. Вспомним хотя бы Джозафата Барбаро.

Еще раз обратим внимание на то, что именно после издания книги Паоло Джовио и карты Баттиста Аньезе вся Европа со сладостным замиранием сердца неожиданно почувствовала, что Индия и Китай с их сказочными богатствами совсем

---

[459] *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV – начала XVI века. С. 71–74.

[460] Там же. С. 77–78.

[461] Там же. С. 71.

близко, нужно только пройти вокруг северных берегов России или найти сухопутный путь через ее территорию.

Паоло Чентурионе. Паоло Чентурионе, знатный генуэзец, представитель знаменитого торгового дома, в котором одно время капитаном судна служил сам первооткрыватель Нового Света Христофор Колумб, приезжал в Москву с дипломатическими миссиями дважды — в 1520–1521 гг. с грамотой папы Льва X и в 1525 г. с грамотой папы Климента VII. Уже знакомый нам Паоло Джовио был лично знаком с Паоло Чентурионе, хорошо знал о его дипломатических миссиях в далекую Москву и подробно рассказал о нем в своей «Книге о московитском посольстве». Этот рассказ стоит того, чтобы привести с незначительными сокращениями.

П. Джовио писал, что в первый раз капитан Павел «прибыл в Москву ради торговли, с одобрительною грамотою от папы Льва X, и лично от себя повел переговоры с близкими к государю Василию людьми о соединении обрядов той и другой церкви. На самом деле Павел, человек с безумной и ненасытной душою, искал нового и невероятного пути для добывания благовоний из Индии. Именно, занимаясь торговыми делами в Сирии, Египте и Понте, он узнал по слухам, что благовония можно подвозить верх по реке Инду из отдаленной Восточной Индии, откуда по непродолжительному сухому пути, перевалив через горный хребет Паропанисидский, их можно перевезти в реку бактрианов Окс; эта последняя берет начало почти из тех же гор, как и Инд, и в противоположном с ним направлении изливается при порте Страве в Гирканское море, приняв предварительно в себя много рек. Далее, по разведкам Павла, от самой Стравы, представляется безопасное и легкое плавание вплоть до торжища Цитрахи и устья реки Волги; оттуда же, поднимаясь непрестанно вверх по рекам, а именно: по Волге, Оке и Москве, можно добраться до города Москвы, от Москвы же сухим путем до Риги и в самое Сарматское море, а также во все западные страны.

Павел сильно и превыше меры рассержен был на несправедливость лузитанцев, которые покорили значительную часть Индии оружием и, заняв все рынки, скупали затем все благовония и отправляли их в Испанию, после чего обычно продавали их всем народам Европы за более значительную, чем раньше, цену и с огромную выгодою. Мало того, они с таким тщанием и старанием держали под неусыпной охраной своих кораблей берега Индийского моря, что, по-видимому, совершенно прекратились и были оставлены те торговые сношения, которые происходили в изобилии по всей Азии и Европе через Персидский залив, вверх по Евфрату, по узкому Аравийскому морю, а затем по течению Нила и по нашему (Средиземному) морю, хотя при этих сношениях товары стоили гораздо дешевле. Кроме того, Павел жаловался, что товар лузитанцев был гораздо хуже, так как, по-видимому, от неудобств весьма дальнего плавания и от недостатков нижней части корабля, благовония портятся, их сила, вкус и душистый запах от продолжительного пребывания в Олизиппонских торговых кладовых исчезают и выдыхаются; затем лузитанцы постоянно приберегают более свежие товары, а продают только старые и притом заплесневелые от долгого лежания. Но хотя Павел с великим ожесточением рассуждал со всеми об этих делах и, стараясь возбудить сильную ненависть против лузитанцев, указывал, что в случае открытия этого пути пошлины с товаров значительно приумножат государеву казну, а кроме того, сами московиты могут гораздо де-

шевле покупать благовония, которые употребляются ими в огромном количестве во всех блюдах, однако он не мог ничего добиться в отношении этих торговых сношений, так как Василий отнюдь не считал возможным открывать человеку иноземному и неизвестному те страны, которые представляли доступ к Каспийскому морю и царствам персидским.

Ввиду этого Павел, не видя исполнения ни одного из всех своих мечтаний, из купца стал послом и, так как Лев тем временем умер, передал уже папе Адриану грамоту Василия, в которой тот в самых почтительных выражениях изъявлял свое отменное расположение к римскому первосвященнику... Меж тем скончался папа Адриан VI, и смерть его помешала Павлу, собравшемуся было уже во второе путешествие в Московию, но преемник Адриана, Климент VII, видя, что Павел все еще помышляет в своем безумии о путешествии на восток, отправил его в Москву с грамотою, в которой с самыми благосклонными увещаниями приглашал Василия признать величие римской церкви и заключить в религиозном единомыслии вечный союз, который, по свидетельству папы, будет весьма полезен и почетен для государя московского; при этом папа, по-видимому, обещал, что если Василий, отвергнув догматы греческой веры, обратится к покровительству римской церкви, то, папа, на основании святейшей власти первосвященника, назовет его королем и дарует ему королевские отличия... Итак, Павел, привыкший с юности странствовать по свету с значительно болшим счастьем, чем с особой выгодою, несмотря на свою старость и страдания от застарелой каменной болезни, благополучно и быстро совершил путешествие в Москву, где ласково принят был Василием. Он оставался при его дворе два месяца и, не доверяя своим силам и страшась трудностей неизмеримого путешествия, совершенно оставил всякие надежды и неизъяснимые мечтания о торговых сношениях с Индией и вернулся в Рим с послом Дмитрием...»[462]. Несколько пояснений: Понт — Черное море; хребет Паропанисидский — Гиндукуш; Окс — Амударья; Гирканское море — Каспийское море; Цитрахи — Астрахань; Сарматское море — Балтийское море; лузитанцы — португальцы[463]. Посол Дмитрий — Дмитрий Данилович Герасимов.

Торговый путь из Индии, Персии и кавказских стран по Каспийскому морю до Астрахани, а затем по Волге, Оке и Москве-реке до стольного града Москвы был известен давно. Им ходили еще во времена Тамерлана и раньше среднеазиатские, персидские и армянские купцы, во второй половине XV в. им прошел тверской купец Афанасий Никитин. В Европе про этот путь практически ничего не знали. Но в те годы путь по Волге контролировали Казанское и Астраханское ханства, сама торговля и ее обьемы зависели от их отношения к Москве, согласия или несогласия пропускать купцов с товарами вверх или вниз по Волге. Европейцы смогли начать эксплуатировать этот путь к странам Востока только после присоединения Казани и Астрахани к Московскому государству в царствование Ивана Грозного. Первыми из западноевропейцев по этому пути пошли купцы английской Московской компании, затем к ним добавились католические миссионеры, купцы из Шлезвиг-Голштинии, Швеции и другие.

[462] *Джовио П.* Книга о московитском посольстве // Все народы едино суть. С. 484–487.

[463] Там же. С. 657.

Интересно, что земляк (может быть, и родственник) Паоло Чентурионе — Гаспар Чентурионе, вдохновленный замыслом и примером Паоло, в 1522 г. отправился из Италии на поиск северо-восточного морского прохода к берегам Индии и Китая, но попытка успехом не увенчалась. Он смог доплыть только до Нормандии.

Рафаэль Барберини. В первой главе мы уже рассказали о Рафаэле Барберини и обстоятельствах его поездки в Москву. Напомним, что Рафаэль Барберини являлся дядей папы Урбана VIII, родственником целого ряда кардиналов, но сам занимался купеческой деятельностью и страстно желал найти и использовать новые транзитные транспортные пути в богатые страны Востока, Индию, Персию и Китай через территорию Московии. В Барбериниевой библиотеке в Риме хранится его сочинение о поездке в Московию и карта Западной России и Прибалтики, переданные им через графа Леонарда фон Нугарола кардиналу Марко Антонио Амулио (возглавлял Ватиканскую библиотеку, курировал дела антитурецкой лиги и Московию, кардинал с 26 февраля 1561 г., умер 17 марта 1572 г.) по просьбе последнего. В этом сочинении нашлось немного места и сведениям о Сибири, которая интересовала Рим и Европу.

Р. Барберини писал: «...За этими же горами находится царство сибирских татар; народ этот покорен Московиею и находится у нее в подданстве — поклоняется истукану какой-то старухи, которую зовут Златою бабою... нет у них домов или постоянных жилищ, но всегда разъезжают они повсюду в санях, по снегам и лесам, промышляя звериною ловлею. Но преимущественно вывозят оттуда богатейших соболей, и когда наступит пора собственно для ловли этих зверьков, что бывает весной, когда природа одевает их самым пушистым мехом, звероловы отправляются на охоту... Я разговаривал и даже ел с двумя такими звероловами, которые были при дворе по случаю привоза своей обычной дани государю. Дань эта вся состояла в разном пушном товаре в большом количестве... Они были высокого роста, но без румянца в лице и без бороды, почему, собственно, походили более на старух...

В этом царстве протекает всего одна река, но кажется, как утверждают, чрезвычайно широкая, так что с трудом можно переехать через нее в один тамошний день; называется она — Обь (Obi) и говорят, что вытекает она из одного большого озера — Катая (Cattajo) в том месте, где находится и главный каттайский город, именуемый Конбулик»[464]. За этими же горами — это значит за Рифейскими (Уральскими).

На первый взгляд, Р. Барберини удалось собрать не так уж много сведений о Московском государстве. Но вот что он сам писал 21 июня 1568 г. из Антверпена в Рим своему старшему брату Франческо: «...Я отыскал множество прелюбопытного, чего не найти у писателей, и для собственного удовольствия записал все это, как виденное самим мною, так и слышанное от других, о всем достопримечательном около Сибири и Китая, куда сам я не мог добраться; сведения же эти собирал я от тех, которые там были... получив от московского государя свободный проезд по его землям и охранительные грамоты, как для себя, так и для моих людей, я ожидаю много хорошего впереди; потому что собрал такие, говорю, сведения, которые мало кому известны...»[465].

---

[464] *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 134.

[465] Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. С. 49.

Когда в Риме узнали о благополучном возвращении Р. Барберини из Москвы, кардинал Марко Антонио Амулио через графа Леонарда де Нугаролу (посещавшего Москву с дипломатической миссией в 1526 г. вместе с Сигизмундом Герберштейном) попросил его сделать описание Московского государства. Эта просьба была выполнена, им было подготовлено сочинение под названием «Реляция о Московии». Напечатана эта «Реляция» была только через сто лет, в 1658 г., его внуком Николаем Барберини.

Но не только «Реляцию о Московии» оставил после себя Р. Барберини. Как пишет М.П. Алексеев, «В бумагах Рафаэля, хранящихся в Барберииевской библиотеке, посреди разнообразных исторических материалов о России XVI века, нашелся еще один интересный документ: рисованная от руки карта Западной России и Прибалтики с указанием границ и городов, посещенных Рафаэлем во время его путешествия; она относится, повидимому, к 1564 г.»[466]. По поводу этой карты историк картографии Багров Лео отмечает: «Трудно сказать, сделал ли он ее сам или кто-то другой... Подробнее всего изображены территории, расположенные южнее Балтийского моря, но севернее р. Дуны — от побережья моря до р. Нарвы, Чудского озера и р. Великой. За пределами этой области показаны только крупнейшие города и самые важные географические объекты. Эти подробности, весьма немногочисленные и схематичные, тем не менее, представляют большую ценность...»[467]. Лео Багров добавляет, что эта карта, «начерченная от руки и раскрашенная (29 х 39), хранится в Библиотеке Барберини в Апостольской библиотеке Ватикана, Рим. Она включена в отчет Рафаэля Барберини о его путешествии в Москву в 1564 г.»[468].

М.П. Алексеев подробно прокомментировал сочинение Рафаэля Барберини в части, касающейся описания Сибири, и сделал следующий вывод: «Хотя заключительные слова Барберини и могут дать повод к мысли, что сообщаемые им данные о Сибири собраны им в Москве непосредственно от лиц, там бывших, но следует думать, что они заимствованы им все же, главным образом, из печатных источников...»[469]. Что касается «заключительных» слов, то вот они: «собирал я такие сведения со всею точностью, чтоб как-нибудь доискаться истины, и таким образом передаю теперь все виденное или слышанное мною»[470].

Даниил Принц. В начале XX в. русский историк Е.Ф. Шмурло, находившийся в научной командировке в Ватиканском архиве, обнаружил в нем отрывки из донесения двух дипломатов Священной Римской империи германской нации Даниила Принца и Иоанна Кобенцеля о результатах дипломатической миссии в 1576 г. в Московию, а также о собранных там сведениях. Миссия состоялась в то время, когда атаман Ермак еще не ходил за Каменный пояс против Сибирского хана Кучума, когда сами русские о Сибири знали еще мало (Иван Грозный дал дипломатам аудиенцию 22 января 1576 г. в Можайске, 29 января того же года они отпущены за рубеж).

Но сведения о Сибири были очень нужны, и мы читаем в донесении: «А из областей более отдаленных, каковы: Пермь (Permia), Сибирь (Sibiria) и Устюжна

[466] *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 133.

[467] *Багров Л.* История русской картографии. С. 148.

[468] Там же. С. 173. Примечание 17.

[469] *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 133.

[470] Там же. С. 136.

(Ustyusia), где родится дерево кедр (Cedrus), ему доставляют в величайшем множестве драгоценные меха, употребляемые для опушки одежды Князей, которые он чрез купцов продает в разные страны, и копит серебро с великою жадностью. Маленькие животные, которых шкуры мы зовем собольими (Zebellinas), питаются кедровыми орехами. Эти области населяют люди дикие и даже совершенные варвары. Занимаясь одной только охотой, они добывают диких зверей посредством метательных копий, и в этом искусстве так опытны, что очень редко промахнутся на расстояние более самого носа; сняв мехи, они сшивают их и передают Воеводам (Praefectis) Великого Князя. Не зная никакого земледелия, они питаются одним только мясом диких зверей, а вместо лошадей употребляют оленей, которых запрягают в телеги, и собак, на которых ездят верхом… как это мы узнали от многих достойных веры людей»[471] (речь идет о царе Иване Грозном и выплате ему дани).

По мнению М.П. Алексеева, для 1577 г., когда Даниил Принц писал свое донесение, «…в нем заключались все же некоторые свежие данные, напр., о соболях, образ жизни и способ ловли которых весьма интересовал тогда европейцев, благодаря сбыту русских мехов за границу»[472]. Донесение было подготовлено по распоряжению императора Максимилиана II, но так как он умер 12 октября 1576 г. и на престол вступил Рудольф II, то, видимо, уже при нем копия донесения Д. Принца была выслана в Рим.

15 марта 1585 г. в Прагу к императору Рудольфу II прибыло российское посольство во главе с Лукьяном Захарьевичем Новосильцевым и приставом к посольству был назначен Даниил Принц. В первый же день пребывания в Праге Л. Новосильцев был опрошен о Сибири и путях в страны Востока Д. Принцем и его коллегой, императорским секретарем Иоанном Вайсом.

Записи об этом сохранились в статейном списке посольства: «Да спрашивал Данило Принц про Казань и Астарахань: таки ли в послушанье у Государя вашего люди Казанские и Астараханские? Да дьяк цесарев Ян Вайс спрашивал Лукьяна про Сибирь; и Лукьян говорил: преж сего на Сибирском Государстве Цари бывали из рук Государей наших и дань давали Государем нашим, а нынешней Кучюм Царь посаженик отца Государя нашего, учал быти в непослушанье, а которые данщики государевы к нему по дань ходили по соболи, и тех высылал, ограбя; и Государя нашего отец за это непослушанье велел на него идти с Перми казаком своим Волским и Казанским и Астараханским с вогненным боем, и те казаки, пришед, Сибирское Царство взяли и людей многих побили, а Царь побежал в Козацкую орду. И ныне Государь наш послал в Сибирь воеводу своего, и сидят в Сибири государевы люди и Сибирская земля вся, и Югра, и Кондинской Князь, и Пелымской Князь, и Вогуличи, и Остяки, и по Оби великой реке все люди Государю добили челом и дань давать почали; и ныне те все земли с Сибирью Государю нашему добили челом и учинились послушны в службе. Да Иван же Вайс спрашивал про реку Обь: сколь велика Обь река и сколько на ней городов? И Лука говорил: Обь река великая, в ширину есть верст на пятдесят, а города по ней Государь наш велел поставити, а ныне поставлено городов с семдесят… Да Данило же Принц говорил про Перситское Госу

[471] Начало и возвышение Московии. Сочинение Даниила Принца из Бухова. С. 30–31.

[472] *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 150.

дарство, про Кизылбаши: как живут с Государем вашим и с Турским Царем?»[473] (конечно, посол государев очень даже прилично «загнул» с городами. Не было их тогда еще на Оби. Интересно, сколько сейчас, в XXI в., городов на Оби реке великой?). В отношении Персии Л. Новосельцев ответил: «А со Государем нашим, Царем и Великим Князем Кизылбашской живет дружно, и послов своих и посланников ко Государю нашему присылает с великими поминки и с почестьливостью. А которые Государи живут промеж Государя нашего Царства Астарахани и меж Кизылбашского земли: Царь Бухарский и Юргенский Царь, и Тюркменский Царь, и Грузинской Царь, и Зюрской Царь, и Колматской, и Шамахейской и Шевкальской, и те все ныне с Кизылбашским промеж себя мирны с докладу и совету Государя нашего… а о чем к ним Государь наш отпишет или прикажет, и они в том во всем перед Государем послушны бывают»[474]. Интерес к Сибири, к Оби реке, к Казани, Астрахани и Персии (пути из Москвы в Персию) был высказан исключительно четко. Полученные Д. Принцем и И. Вайсом сведения прямо говорили, во-первых, что Сибирь уже подчинена царю (хотя это было еще совсем не так) и можно думать о транспортных путях через Сибирь в Китай; во-вторых, что транспортный путь Москва – Астрахань – Персия чист и надежен, можно его эксплуатировать. Даниил Принц должен был быть доволен.

Антонио Поссевино. Вспомним, что в XVI в. Европа очень мало знала о России, еще меньше о Сибири и путях через Сибирь в Китай и другие страны Востока. Следовало бы ожидать, что сибирская тематика займет не последнее место в том перечне сведений, которые собирал Антонио Поссевино. Тем более что он хорошо знал то, что писали о Сибири С. Герберштейн, П. Иовий и другие.

Однако в своих сочинениях А. Поссевино о Сибири практически не упоминает. Почему? Скорее всего, потому, что по сравнению с задачей обращения России в католичество задача разведки Сибири обьективно отодвигалась на второе место. Разумеется, речь при этом идет о миссии Антонио Поссевино. Ватикан понимал, что, духовно подчинив Россию, он сможет успешно решить и все остальные задачи. И Сибирь в этом случае вместе с сухопутными путями в Индию и Китай никуда бы от Ватикана не ушла.

Вместе с тем заметим, что в процессе трехдневного целенаправленного опроса **Джованни Тедальди**, о котором мы говорили выше, Антонио Поссевино дважды возвращался к теме проезда через территорию Московии в Персию. В своей справке папский посол написал, что Джованни Тедальди по Волге достиг «…Астрахани, порта у Каспийского моря; порт этот принадлежит названному великому князю; здесь бывает большое стечение народа и прославленная торговля. Далее Тедальди вступил в страну черкесов; это славные люди, христиане-якобиты. В семь дней они провели его верхом на вьючных лошадях до границ Персии. От названных границ понадобилось 15 дней, чтобы доехать до Тавриза по местности вполне безопасной; в этом городе он беседовал с царем персидским и нашел там разных представителей различных европейских национальностей, как, например, французов, итальянцев и др. Продавши здесь свой суконный товар, привезенный из Данцига, Тедаль-

[473] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I. Стб. 938–939, 941.

[474] Там же. Стб. 943–944.

ди вернулся обратно туда же. Он говорит, что повсюду встречал деревянные строения, людей, достойных уважения, но всего более черкесов и татар, живущих в самой глубине Азии; с ними, по его мнению, не трудно было бы достигнуть кой чего хорошего во славу Божию...»[475]. Да, «тщательные расспросы» могли дать много интересной информации...

Аллегретти де Аллегретто. С 7 октября 1655 г. по 26 мая 1656 г. в Москве находилось посольство императора Священной Римской империи германской нации Фердинанда III во главе с францисканцем Аллегретти де Аллегретто и Иоанном Теодором Лорбахом. Приставом при иностранных послах, встречавшим их на шведско-российской границе и сопровождавшим в дальнейшем пути, являлся Богдан Тихонович Ододуров. В те годы Священная Римская империя германской нации поддерживала дружественные и союзнические отношения с Римом, и удовлетворяла его информационные потребности о Московии, Сибири и Русской православной церкви. В соответствии с царским указом и дипломатической практикой того времени Б.Т. Ододуров изложил в отписке на царское имя сведения о тех вопросах, которыми у него интересовались иностранные дипломаты.

В числе этих вопросов были и вопросы о путях в страны Востока и Сибири. Вот что написал об этом в своей отписке Б.Т. Ододуров: «...спрашивал у меня холопа твоего, болшой посол Дон Алегрет про Асторохань, сколь далеко от Москвы? И я, холоп твой, сказал ему: далеко. И он спрошал, которая де река под Астороханью? И я, холоп твой, сказал: Волга. И спрашивал про Татар Нагайских; и я, холоп твой, ему сказал: во всей В.Г. нашего Ц. и В.Кн. Алексея Михайловича... в Его Цар. Велва воле и служат В.Г. нашему по-прежнему и отступны от Царские милости николи не бывали; а В.Г. наш, Ц. и В. Кн. Алексей Михайлович... их жалует, как и прежние Великие Государи... Да спрашивал у меня, холопа твоего, где де у вас соболи родятца? И я, холоп твой, сказал ему: в Сибири. И он спросил, долго ль де ехать от Москвы до Сибири? И я, холоп твой, сказал, что до первых городов Сибирских, до болшого города Тоболска от Москвы ехать три годы, а вдаль туды за Тоболск гораздо далеко, и ведать мне про то немочно. И он спросил у меня, холопа твоего, какие де там живут люди и кто де владеет тем Сибирским Государством? И я, холоп твой, сказал ему, что в Сибири православная християнская вера наша, церкви и монастыри многие, как здесь же в Великом Новегороде, и живут там Государевы всякие служилые и жилецкие люди, у В.Г. нашего, Е. Цар. Вел-ва, пожалованы, пашни устроены великие, и живут в тишине и в покое и В.Г. нашему... служат и дань идет с них многая: соболиная казна и мягкая всякая рухлядь...»[476]. В.Г. — великий государь; Ц. и В. Кн. — царь и великий князь; Е. Цар. Вел-во — его царское величество.

Мы видим, что дипломат францисканец задавал вопросы совсем не случайные, не из вежливости и не для того, чтобы занять время. Другое дело, что пристав Б.Т. Ододуров, связанный инструкциями, боялся сказать лишнее слово, и вряд ли Аллегретти де Аллегретто получил что-либо полезное для себя из его ответов. Но в нашем рассказе важны не только ответы, но и вопросы. Представляется, что выдержка из отписки Б.Т. Ододурова в комментариях не нуждается.

[475] Известия Джиованни Тедальди о России времен Иоанна Грозного. С. 128.

[476] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. III. СПб., 1854. Стб. 335–336.

Августин Майерберг. В 1661–1662 гг. в Москве находился Августин Майерберг, посол Священной Римской империи германской нации. В интересы А. Майерберга входили все информационные разведывательные направления, в том числе его интересовали сведения о Сибири и транспортных путях в страны Востока.

Он писал: «...Главный город Сибири Тобольск, построенный Москвитянами на высокой горе при самом впадении Тобола в реку Иртыш, под защитою тут же пристроенной деревянной крепости. Город пользуется почестию Архиепископства и мужского монастыря; населяют его одни Москвитяне, а для всех других пришлецов отведен подчиненный Тобольску городок на берегу Тобола. В известное время года в Тобольск со всех сторон стекаются Татары из своих Царств для торговли, однако ж они никак не хотят отдавать своих товаров за деньги, а только меняют на другие, привезенные из Архангельска. К Тобольской области принадлежит и большой город Тюмень... обнесен деревянным острогом и тоже населен одними Москвитянами, так как Татары должны довольствоваться своими жилищами на другой стороне реки. Также и Верхотурье, деревянный город, не уступающий обширностию Тюмени... Между ним и Тюменью поднимаются очень высокие горы, поросшие множеством кедровых лесов, откуда Великий Князь ежегодно получает огромный доход с этого обширного Царства в разных очень дорогих мехах. Природные жители Татары — идолопоклонники и говорят собственным наречием, и даже до сих пор не знают употребления хлеба... Впрочем, Московские поселения, заведенные там, также ссыльные воины и Воеводы обрабатывают для своего употребления самые плодородные поля, особливо у Тюмени, и в свое время собирают с них вверенное им семя с самой богатой для себя прибылью...»[477]. А. Майерберг также собрал сведения о Вологде и Двинской области, где сосредоточен выход российской внешней торговли через Архангельск в Европу. Кроме того, о северных регионах — Югории, Удории (или Обдории), Кондинии, Печоре, Лукомории, о самоедах и лапонцах; рассказал о реке Волге, Казанском и Астраханском царствах, по которым проходит торговый путь из Москвы через Астрахань в Персию, Индию и другие страны Востока. А. Майерберг детально описал реку Днепр с указанием населенных пунктов на его берегах и впадающих в него рек до самого устья. По его мнению, если бы не помехи со стороны Турции и Крымского ханства, Днепр мог бы послужить интересам торговли Москвы со странами Причерноморья.

Конечно, для того времени, когда русские землепроходцы уже давно вышли на берега Тихого океана, обошли Чукотский полуостров и открыли пролив между Азией и Америкой, основали Охотск и проплыли по реке Амуру до самого устья сведения эти не дышали новизной, но, тем не менее, они были собраны и были нужны. Ведь до появления подробного сочинения Георгия Крижанича «История о Сибири» еще оставалось 18 лет. М.П. Алексеев назвал Августина Майерберга «очень внимательным и осведомленным наблюдателем».

Георгий Крижанич. Одна из последующих глав подробно рассказывает об эмиссаре Ватикана Георгии Крижаниче и его деятельности в Российском государстве, направленной на подрыв Русской православной церкви и склонение ее к унии с Римской католической церковью. В этой же главе мы рассмотрим действия

[477] Путешествие в Московию Барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, Послов Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, в 1661 году. С. 135–136.

Г. Крижанича по сбору сведений о Сибири, транзитных путях через Сибирь в Китай и другие страны Востока, познакомимся с его сочинением «История о Сибири».

Находясь в ссылке в тогдашней столице Сибири Тобольске (1661–1676), Г. Крижанич нигде не работал, жил на то жалованье, которое было ему установлено царским указом при отправлении из Москвы в Сибирь. Все эти годы он не только писал сочинения, направленные на склонение русских царей к заключению унии, против православия и Русской православной церкви, но и целенаправленно собирал сведения о Сибири. Правда, направляя в 1680 г. свое сочинение Гильдебранду фон Горну (1655–1686), датскому дипломату и разведчику, способствовавшему выезду Г. Крижанича из России в 1677 г., в сопроводительном письме Г. Крижанич отметил, что «Во время пребывания моего там я не заносил на бумагу ничего из нижеследующаго. Того, что до сих пор было описано другими, я также не касаюсь; говорю лишь о том, чего сам был очевидцем и что удержала моя слабая память»[478]. В то же время сочинение содержит множество географических названий, особенностей местности, фамилий, указаний на те или иные события, например, географические открытия, походы русских землепроходцев и пр., так что в эти слова как-то не верится, хотя одновременно и не хочется думать, что Г. Крижанич просто кокетничал перед молодым датчанином. Судя по всему, он все-таки делал записи и они были им использованы при доработке своего сочинения после прибытия в 1678 г. в Вильно (ниже мы приведем слова Н.Г. Спафария о том, что в период его временной остановки в Тобольске Г. Крижанич давал ему «преписать свою книгу, которую издавна о Китайских делех из всяких повестей собирал…»). Первый экземпляр своей «Истории о Сибири» Г. Крижанич преподнес в дар королю Польши Яну III Собесскому, а второй — Гильдебранду фон Горну.

О чем же писал Георгий Крижанич в «Истории о Сибири»? Свое сочинение Г. Крижанич начал знаменательной фразой: «Сибирь есть самая последняя, по направлению к востоку, область Скифии и Московского царства; она оканчивается у Восточного океана и граничит с царством Китайским»[479]. Этой фразой всему миру было громко объявлено, что Сибирь входит в Российское государство и граничит на востоке с Китаем и Восточным (Тихим) океаном; заблуждениям многих западноевропейских географов и политиков относительно государственной принадлежности Сибири, о месторасположении Восточного океана и Китая был положен конец.

Важное место отведено рассказу о реализации Россией политики продвижения на восток, за Урал, об атамане Ермаке и хане Кучуме, именитых людях Строгановых, о новых сибирских городах Мангазее, Березове, Туруханске, Верхотурье, Тюмени, Таре, Тобольске, Томске, Красноярске, Кузнецке, Енисейске. «Москвитяне, постепенно распространившись к востоку, подчинили своей власти и остальные области, воздвигая в некоторых местах по берегам рек укрепления и оставляя в них гарнизон. Самая восточная река Сибири Лена; от нее получили имя и город, и область. Из этой области получаются лучшие шкуры соболей и чернобурых лисиц. Я лично видел того, кто первый воздвиг крепость на берегах Лены и обложил эту об-

[478] *Крижанич Ю.* История о Сибири // Титов А. Сибирь в XVII веке. М., 1890. С. 162.

[479] Там же. С. 163.

ласть податью именем своего царя»[480] (Ленский острог был поставлен в 1632 г. енисейским сотником, сыном боярским Петром Бекетовым. Но он умер в 1655 г. Кого же видел Г. Крижанич?). Перед человеком, прочитавшим эти строки, представала уже не какая-то совершенно неизведанная и далекая территория, вдобавок неизвестно какому государству принадлежащая, а российская территория, на которую в полной мере распространялась власть царя, где строились остроги и города с воинскими гарнизонами, назначалась и действовала администрация, где население исправно платило подати и т.д.

В сочинении говорится о попытке голландцев проникнуть в Китай морским путем по Северному Ледовитому океану через пролив между Новой Землей и материком; подробно рассказывается о калмыках, их нравах и обычаях, быте, местах кочевок, их отношении к русскому царю, вооружении и участии в боях. «Калмыцкие степи простираются от границ Астраханской области до самого Китая; пространство это может быть пройдено лишь в несколько недель»[481]. Заметим, что за несколько десятилетий до написания Г. Крижаничем «Истории о Сибири», в 1616 г., тарский атаман Василий Тюменец по приказу тобольского воеводы вышел с отрядом казаков из Томска «проведывать» Китайское царство. Им удалось достичь владений Алтын-хана и даже склонить его под высокую руку русского царя. Однако, эти отношения или не получили дальнейшего развития, или их не удалось закрепить. А вопрос остался и продолжал интересовать царское правительство. Далее Г. Крижанич писал: «Один из главных московских вельмож, Борис Морозов, спрашивал меня: известно ли мне из разговоров или из чтения что-либо об Алтынецаре, Коне-тайше, Аблае-тайше, Везурте-тайше или о других калмыцких тайшах или князьях, живших ранее или в наше время. Я отвечал, что имена эти до сих пор оставались мне неизвестны; Морозов же удивлялся, что столь многочисленный и воинственный народ, каковы Калмыки, пройден молчанием у европейских историков»[482]. Борис Иванович Морозов — ближний боярин, глава царского правительства в период пребывания Г. Крижанича в Москве до отправления в ссылку (1659–1661).

Г. Крижанич показал хорошую осведомленность о российско-китайских отношениях в тот период, строительстве на Амуре Албазинского острога, военных стычках и конфликтах с китайцами, направлении тобольским воеводой Петром Ивановичем Годуновым купеческого каравана с сибирскими товарами в Китай. Кстати, стольник и воевода П.И. Годунов по указу царя Алексея Михайловича изготовил в 1667 г. первую карту Сибири, сразу же ставшую объектом устремлений разведок некоторых европейских государств. Совсем не исключено, что Г. Крижанич был знаком с этой картой. Весной 1675 г. через Тобольск проезжало российское посольство в Китай во главе с Николаем Спафарием, который, нуждаясь в свежей информации о наиболее удобных и безопасных путях через Сибирь в Китай, обратился к Г. Крижаничу и практически все дни проводил у него, получая нужные ему сведения. Посольство находилось в Тобольске с 30 марта по 2 мая 1675 г. Крижанич кро-

[480] Там же. С. 168.

[481] Там же. С. 179.

[482] Там же. С. 181–182.

ме того дал ему «преписать свою книгу, которую издавна о Китайских делех из всяких повестей собирал, а наипаче от себя по философии придумал; а в ней об заводу много корыстного с Китайским кралевством торга, и как можно чрез таков торг и чрез иные изрядные промыслы государевой казне значну прибыль учинить». «Спафарий усильно просил Юрия написать ему особо все касавшееся сибирских путей и Китая, безпрестанно спрашивая — готово ли дело». Крижанич исполнил желание посла, «сообщил ему свои заметки и все необходимое для Сибири и Китая», которое «в двух рукописях и увез с собою»[483]. Заметим, что Г. Крижанич оказал российскому посольству весьма существенную помощь как в выборе пути в Китай, так и в информационном обеспечении поездки.

Не обошел вниманием Г. Крижанич поход русских на реку Селенга: «Найдя, что река эта богата рыбой, а почва в изобилии приносит плоды, они основали здесь крепость и, по прошествии нескольких лет, послали к царю гонцов с дарами (в числе их находился и сам виновник предприятия, с которым я лично виделся и беседовал) и просили принять их под свою власть, обещая выплачивать дань. Царь и на их ходатайство благосклонно согласился»[484]. В те годы Селенгинский острог (наряду с Иркутском) был очень важен для Российского государства — через него осуществлялись торговые и политические контакты с Монголией и Китаем, а также проходило южное направление, по которому продвигались отряды землепроходцев на Дальний Восток, к Тихому океану.

Для европейских политиков, географов и купцов того времени необычайно жгучим являлся вопрос о наличии пролива между Азией и Америкой. Г. Крижанич писал: «Было и другое сомнение: соединено ли Ледовитое море с Восточным океаном, омывающим с востока Сибирь, затем южнее области Даурию иНиканию и наконец царство Китайское; или же моря эти, то есть, Ледовитое море и Восточное или Китайское, отделены друг от друга каким-нибудь материком, простирающимся от Сибири на восток? Сомнение это в самое последнее время было разрешено воинами Ленской и Нерчинской области: они, собирая с туземцев дань, прошли всю эту страну до самого океана и утверждают, что к востоку нет никакой твердой земли, и что сказанные моря ничем друг от друга не отделены, но что Сибирь, Даурия, Никания и Китай (или Сина) с востока омываются одним сплошным океаном»[485]. Сведения об этом выдающемся событии в истории Великих географических открытий были так глубоко запрятаны в правительственных учреждениях в Москве, что про него быстро забыли и уже в XVIII в. экспедиции Витуса Беринга пришлось открывать этот пролив вновь. Безусловно, Г. Крижанич был хорошо осведомлен о результатах похода Семена Дежнева «со товарищи» и открытии ими пролива между северо-восточной оконечностью Азии и Северной Америкой. Далее он высказал мнение о возможности достижения Индии «по берегам Даурии или Никании, мимо устьев Шингала, Абазина, [Амура], Селенги и других рек, которые изливаются в Восточный океан»[486]. Эта информация обладала такой силой, что сразу сбива-

[483] *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России. С. 143.

[484] *Крижанич Ю.* История о Сибири. С. 214.

[485] Там же. С. 214–215.

[486] Там же. С. 216.

ла с ног. Через посредство Г. Крижанича она вошла в Европу, но в силу своей значимости широкого распространения не получила, монархи предпочитали ее не разглашать до лучших времен. Но в конце XVII в. голландец Николаас Витсен, настойчиво занимавшийся сбором сведений о Сибири и путях в Китай и другие страны Востока, каким-то образом получил копию сочинения Г. Крижанича, переданного королю Польши Яну III Собесскому, и весьма полно использовал его при написании своей книги «Северная и Восточная Тартария», изданной в 1692 г. в Амстердаме. По просьбе С.А. Белокурова, работавшего над трудом «Юрий Крижанич в России», историк и переводчик С.И. Соколов выделил из книги Н. Витсена все те места, в которых упоминался Г. Крижанич и перевел их на русский язык. Таких мест оказалось не одно. Голландец называл Г. Крижанича польским монахом Фредериком Крижаничем, много лет прожившим в Тобольске и погибшим в составе польского войска при обороне Вены.

Для конца XVII в. сочинение Георгия Крижанича представляло большую ценность. В нем были сконцентрированы самые свежие и самые важные сведения о Сибири, ее протяженности и границах, об открытии пролива между Азией и Северной Америкой, о путях через Сибирь в Китай и другие страны Востока, о нахождении Сибири в составе Российского государства.

Яков Рейтенфельс. В марте 1680 г. в Падуе вышла в свет книга «Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии». Автором книги являлся Яков Рейтенфельс, сын вельможи короля Польши Яна II Казимира и уроженец Курляндии. В России он находился в 1671–1673 гг., правда, сказать трудно, в качестве кого. По мнению исследователей, он «вообще никогда и нигде не занимал никакой официальной должности»[487]. Известно, что Яков Рейтенфельс приходился племянником врачу царя Алексея Михайловича Иоганну Костеру фон Розенбургу, и это в определенной степени обеспечивало ему доступ ко двору. В 1672 г. И.К. фон Розенбург ходатайствовал о разрешении Я. Рейтенфельсу выехать на учебу в город Вильно (может быть, в иезуитскую академию?), такое разрешение было дано, но выезжал ли он, неизвестно.

Первое впечатление о Я. Рейтенфельсе было как о довольно-таки второстепенном историческом персонаже, не сыгравшем какой-либо заметной роли в политических событиях семидесятых годов XVII столетия. Однако изучение его «Сказаний», а тем более его записок в конгрегацию «Пропаганда веры» заставило кардинально изменить это мнение. Перед нами предстал не молодой бездельник, путешествующий от нечего делать по странам Европы, а целеустремленный, образованный, с аналитическим складом ума человек, владевший несколькими европейскими языками, который был знаком не только с формами и методами тайной войны, но и с целями и задачами деятельности Ватикана в Российском государстве, в том числе и против Русской православной церкви.

Сразу же после возвращения из России Я. Рейтенфельс оказался в Риме, где несколько лет трудился для папской курии, составляя доклады о своем пребывании в Московском государстве. Одновременно он работал над той книгой, о которой мы сказали выше.

---

[487] *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 384.

В России только что было погашено пламя крестьянской войны под предводительством Степана Разина, Москва направила ряд дипломатических миссий в европейские страны для организации коалиции против Турции, картографы подготовили целый пакет картографических документов о Сибири. Что могло интересовать Орден иезуитов, Ватикан и европейские государства в России в этот период? Таких вопросов, безусловно, было много. В их числе и вопрос об оценке политической, военной и экономической обстановки в России после разрушительной крестьянской войны, насколько прочна царская власть, какие внешнеполитические акции, включая вступление в наступательные или оборонительные союзы с другими государствами, планируются. Не менее важным был и вопрос о продвижении русских через Сибирь на восток, к Тихому океану. За Сибирью располагался Китай, тот благословенный Китай, пути к которому через Россию уже много лет интересовали западноевропейские государства.

Поэтому Я. Рейтенфельс и уделил Сибири некоторое внимание в своем сочинении. Правда, по оценке М.П. Алексеева, собранные им сведения не отличаются ни обстоятельностью, ни особой достоверностью, и не могут представлять собой что-то самостоятельное. Тем не менее, приведем несколько выдержек из сочинения Я. Рейтенфельса, которые говорят о том, что в период пребывания в Москве он действительно занимался сбором сведений о Сибири и русском Севере. И мы говорим здесь не только о качестве собранных им сведений, но и о самом факте сбора.

Он писал: «Сибирь, некогда царство Гуннов, а ныне обширнейшая Русская область, широко раскинулась около реки Яика… Сюда отправляются для охоты, особого рода тупыми стрелами, на Скифских соболей, в ссылку и заключение преступники со всей Московии, и здесь находится единственный во всем мире рынок драгоценных мехов. Зато хлеб или какие-либо плоды здесь почти нигде не растут, кроме разве тех, которые Русские с величайшим трудом выращивают на небольших полях. Городов и населенных укрепленных мест в настоящее время, говорят, имеется здесь до сотни, тогда как столько же лет назад таковых не было ни одного. Главнейшие из них суть: Тобольск, столица и местопребывание наместника, Верхотурье, Пелымь, Тина, Березов, Манган, Шуйск, Тара, Нерчинск на реке Оби, Новинск и Томск, уже с более мягким климатом и очень короткой зимою. От этих мест Русские в самое недавнее время, как мы слышали в Москве, доходили до реки Пясиды, очень широкой, которую они, однако, не отважились перейти, хотя с противоположного берега они, по их рассказам, слышали звон колоколов, а на самой реке видели корабли, очень похожие на индийские или китайские. Те же лица гораздо раньше, иным путем, ведомые Татарами и Тунгузами, перешли реку Енисей, более крупную, нежели Обь… что Енисей, затопляя ежегодно, наподобие Нила, землю, делает ее плодородною и производящую все новые породы цветов и плодов. Раньше всех открыл Сибирь некий разбойник, содержавшийся в Москве, который, дабы заслужить себе свободу и сохранить жизнь столь важным открытием, поддерживаемый только шестьюстами солдат повел Русских туда»[488]. Эти сведения были уже известны Европе, и ничего такого, совсем уж нового, не содержали.

А вот что он писал о Новой Земле: «…Новая Земля тянется по ту сторону Вайгачского пролива на двести германских миллиариев, а отстоит от мыса Табина, или

[488] *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии (Падуя, 1680 г.). С. 201–202.

Восточно-Татарского, на двести двадцать. Едва ли можно еще долее сомневаться — остров ли это, лишь проливом от Гренландии или другой какой северной страны отделенный и более населенный дикими зверями, нежели людьми, по причине крайне суроваго неприветливаго климата. Русские, по счастливой случайности, впервые увидев его, назвали его Новой Землей и в настоящее время ежегодно отправляются туда летом, когда солнце обогреет его, на кораблях, а зимою, когда пролив замерзнет, на санях, за рыбьим жиром и зубом или за звериными шкурами. Большая часть его лишена деревьев и трав, и только кой-где виднеются кое-какие кустарники. Датчане, Англичане и Батавы много лет тому назад весьма отважно, но до сей поры тщетно, искали дороги на Восток в обход этому острову, и с северной и с южной стороны его, и убедились в том, что и с той и с другой стороны им без всякой надежды отрезан путь, благодаря непреоборимому препятствию — вечному льду, хотя находятся многие, которые убеждены в том, что в удобное время года морской путь через Северные страны на Восток — открыт. Мне недавно сообщил некий, заслуживающий полного доверия, муж, что немного лет тому назад какой-то очень богатый гражданин города Амстердама, занимаясь ловлею китов около Шпицбергена, послал корабль ради сего и тщательно исследовал таковой путь, преодолев все северныя преграды до 82 градуса, и, наконец, достиг открытаго моря, по которому и спустился, приблизительно градусов на десять, по направлению к Востоку. Вокруг Новой Земли расположены, почти без конца, острова океана, ненаселенные и неустроенные...»[489].

О Вайгачском проливе он добавил: «...А от Вайгачскаго пролива, разделяющаго область Самоедов от Новой Земли до Татарского мыса, по словам Русских, пять дней пути, и в известное время года можно это место переплыть на корабле... из сего уже ясно можно видеть, что Мосхи владеют областями, примыкающими к самому полюсу и крайним пределам земли»[490]. Кстати, русские, Семен Дежнев «со товарищи», еще в 1648 г. прошли вокруг этого мыса и открыли пролив, отделяющий Азию от Америки. Но, судя по всему, Яков Рейтенфельс этого не знал.

Из текста «Сказаний» также видно, что племянника царского врача весьма интересовали пути в богатые страны Востока вокруг Московии и Сибири или через ее территорию. Он писал: «...Нет сомнения, что многия области Московии могли бы с великою выгодою пользоваться этими многочисленными торговыми сношениями, если бы можно было в точности разследовать тот северный путь в Китай вокруг Новой Земли, которым тщетно до сей поры пытались проплыть Англичане, Батавы и Датчане. Совершить это дело может всего легче сам Царь, у которого оно, так сказать, всецело в руках: ибо ему известна и подчинена вся та северная полоса, простирающаяся далеко по ту сторону Оби до самого Татарского моря (котораго еще никогда не бороздили Европейские корабли). Весьма легко было бы, посему, изследовать положение тех мест, как на суше, так и на море, начиная с реки Оби и Вайгачскаго пролива, и свойства самой почвы, лишь бы Бог внушил Царю мысль приступить к сему, или кто-либо из Европейских Государей, одушевленный теми же, как и он, намерениями, прислал в Москву план образа действий и людей, хорошо знающих это дело.

---

[489] Там же. 213–214.

[490] Там же. С. 211.

Таким образом, была бы, так сказать, распахнута новая дверь не только для того, чтобы могли сойтись купцы с той и другой стороны, но и к лучшему изучению учеными этой, далеко не заслуживающей презрения, части мира, а также и к распространению среди многочисленных невежественных народов священнослужителями Христа, Бога нашего, Евангельскаго вечнаго света.

Если бы это не увенчалось успехом, то желательно было бы, чтобы, по крайней мере, плавание по Каспийскому морю было, наконец, сделано удобным для торговых сношений с Персией и Индией, или же, чтобы Царь согласился на то, чтобы дорога сушею в Китай и Персию, через Московию, гораздо более короткая, нежели указанная знаменитым иезуитом Афанасием Кирхером в его книге о Китае, была бы открыта и для европейцев…»[491].

В этой связи серьезного внимания заслуживает то, что Яков Рейтенфельс обращался с вопросами о пути из Москвы в Китай к переводчику Посольского приказа Андрею Андреевичу Виниусу. И тот охотно начертил ему «…в главных чертах, путь из Московии в Китай на географической карте…»[492]. Да, это именно тот самый Виниус, который впоследствии стал руководителем Сибирского приказа. По собственной ли инициативе Я. Рейтенфельс собирал географические сведения, или он имел такое задание? Более чем вероятно, что в Москве он находился по заданию Ватикана, являясь его эмиссаром и занимаясь сбором политической информации, одновременно, возможно, решая «технологические» задачи по улучшению использования в названных выше целях находившихся там иностранцев, католиков по вероисповеданию. Ниже с Яковом Рейтенфельсом мы еще встретимся.

Николай Нармунт. Этот член Ордена иезуитов, профессор схоластической теологии Виленской академии, мечтал отправиться с миссией в Китай. В 1686 г. (9 февраля) он в составе польского посольства в качестве капеллана в свите посла Марциана-Александра Огинского, великого канцлера Литовского, прибыл в Москву, где находился до 6 мая того же года. Наряду с выполнением миссионерских обязанностей и оказанием помощи миссионеру Иоганну Шмидту, Николай Нармунт собирал в Москве сведения о дороге в Китай. Историк иезуит Станислав Залеский кратко упомянул об этом факте в своем многотомном исследовании: «R. 1686 O. Mikołaj Narmunt, który, będąc kapelanem poselstwa polskiego do Moskwy, zbadał drogę do Chin, doprasza się w 4 listach o misyę w tym kraju…»[493]. Собранные сведения он поместил в 4-х страничном предложении о направлении его с миссией в Китай. Содержание этих сведений неизвестно. В 1690–1697 гг. Н. Нармунт являлся ректором Варшавской коллегии Ордена иезуитов, а в 1698–1701 гг. — коллегии в Решеле.

Филипп Авриль. Весьма интересный и познавательный пример участия миссионеров-транзитников в сборе разведывательных сведений о Сибири и путях через Сибирь в Китай связан с именами иезуитов Филиппа Авриля, Луи Барнабе и Антуана де Боволье.

События, о которых пойдет речь, произошли в восьмидесятые годы XVII столетия. Россия переживала сложное время. В Москве было два царя, Иван и Петр

[491] Там же. С. 132–133.

[492] Там же. С. 98.

[493] Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jesuici w Polsce. T. III. Część II. Lwów, 1902. S. 892. P. 1.

Алексеевичи, фактической правительницей государства являлась их сестра, царевна Софья, главой правительства был ее фаворит, князь и боярин Василий Васильевич Голицын (1643–1714). С 1684 г. в Москве действовала миссия Ордена иезуитов, и сведения о благосклонном отношении царевны Софьи и В.В. Голицына к иезуитам уверенно достигали Рима, Варшавы и Вены и радовали папу Иннокентия XI, монархов, генералов и провинциалов Ордена иезуитов. Выше мы говорили, что в 1680 г. эмиссар Ватикана Георгий Крижанич, проведший в сибирской ссылке в Тобольске 16 лет, преподнес написанную им книгу «История о Сибири» королю Польши Яну III Собесскому и датскому дипломату в Париже Гильдебранду фон Горну. Собранные в ней сведения производили впечатление и вселяли надежду. Все это вместе взятое побудило Рим использовать благоприятно складывающуюся ситуацию в своих геополитических интересах, как для разведки Сибири, так и поиска транспортных путей через Сибирь в Китай и другие страны Востока.

Именно в это время «...Общество Иисуса задалось мыслью отыскать сухопутное сообщение между Францией и Китаем. Цель была при этом практическая. Христианская вера вместе с европейскою наукою проникла в Небесную империю и распространялась в ней, а добраться до нея, при тогдашних условиях океанскаго плавания, было весьма затруднительно, и многие миссионеры погибали, не достигнув своего назначения. Можно было надеяться, что на суше путешествие подвергалось бы менее опасностям, чем на море. Вот почему орденское начальство поручило Филиппу Аврилю заняться этим вопросом и попытаться найти желаемый путь»[494]. Заметим, что, говоря о цели, П.О. Пирлинг несколько отошел от истины: он умолчал, что Сибирь уже в то время являлась составной частью суверенного Российского государства, и интересоваться дорогами в Китай через Сибирь нужно было официально, по дипломатическим каналам, в российском правительстве в Москве, а не решать эту задачу тайно, с помощью миссионеров. П.О. Пирлинг также умолчал, что Рим интересовался Сибирью давно, уже много десятилетий, и этот интерес, как выше мы говорили, был целенаправленным и постоянным.

Получив в конце 1684 г. задание, Филипп Авриль (1654–1698) 13 января 1685 г. отплыл из Ливорно на Ближний Восток, встретился в Диарбекире с назначенным ему в спутники иезуитом, французом **Луи Барнабе**, и вместе с ним и группой армянских купцов через Курдистан, Персию и по Каспийскому морю прибыл в Астрахань. Луи Барнабе был одержим мыслью найти и опробовать сухопутный путь в Китай и даже написал об этом записку своему руководству, так что, как выразился П.О. Пирлинг, от задания он был в восторге, впрочем, как и Филипп Авриль. Сразу же по прибытию в Астрахань они стали активно собирать сведения о пути в Китай, тем более что тут было очень много купцов из самых разных стран и некоторые из них неоднократно бывали в Китае. При этом оба иезуита, чтобы не выделяться из общей массы людей, скрывали свою принадлежность к Ордену, были одеты в восточную одежду, а Луи Барнабе, кроме этого, оказывал при случае помощь больным и прослыл за врача (было бы очень интересно посмотреть, как бородатые французы, одетые в полосатые и цветные халаты, выдавали себя за персов). Один «...бухарский купец, посетивший четыре раза Китай, уверял, что для поездки из Бухары

---

[494] *Пирлинг П.О.* Французский иезуит в Москве в XVII столетии // Русская Старина. Т. 111. СПб., 1902. С. 473.

в Пекин не требуется более двух месяцев, а какой-то монах, имя которого не приводится, сообщил Аврилю дневник трех купцов, дошедших из Астрахани в Пекин, чрез Бухару и Самарканд, в сто одиннадцать дней»[495]. Заметим, что в то время морской путь из Марселя в Пекин вокруг Африки занимал два года, а тут речь шла о всего-то нескольких месяцах. Воодушевленные Филипп Авриль и Луи Барнабе решили добираться до Пекина через Бухару и Самарканд вместе с русскими купцами, которые обещали доставить их до Самарканда. Однако политическая обстановка на запланированном маршруте не позволила им отправиться в путь, нужно было искать другие варианты. П.О. Пирлинг писал: «Очень кстати пришло известие, что китайские купцы находятся в Москве и что в конце зимы они пускаются в обратный путь, в свое отечество. Казалось, лучшаго случая и желать было невозможно. Стоило только пробраться в Москву, а там уже можно было бы устроиться с китайским караваном»[496].

Получив с большими трудностями разрешение Астраханского воеводы на выезд в Москву, они отправились в путь и с немалыми приключениями в середине января 1687 г. въехали в столицу Московского государства. В Москве в этот период находились два иезуита — члены московской миссии Ордена иезуитов — Иоганн Шмидт и Иржи Давид. Они помогли приезжим устроиться, посоветовали обратиться к боярину Василию Васильевичу Голицыну, но другими возможностями помочь они просто не располагали. По мнению П.О. Пирлинга, Филипп Авриль и Луи Барнабе не имели с собой никаких грамот от французского короля, но это не совсем так. У прибывших в Москву иезуитов с собой была грамота от французского короля Людовика XIV, в которой он просил «высочайших, превосходительнейших, державнейших и великодушнейших князей Иоанна и Петра Алексеевичей пропустить иезуитов чрез Россию в Китай»[497] (вспомним, что Людовик XIV за заслуги перед Орденом был удостоен звания светского коадьютора).

Несмотря на наличие королевской грамоты, решить поставленную перед ними задачу иезуитам не удалось. В.В. Голицын, всесильный в то время фаворит царевны Софьи, благосклонно принял иезуитов, но, несмотря на свое расположение к ним, ничем помочь им не смог. Как пишет С.М. Соловьев, «…иезуитов призвали в Посольский приказ и объявили волю великих государей: «Королевское величество французский в грамоте своей, которую вы объявили, писал противно и необыкновенно, и для того великие государи этой грамоты принять у вас и чрез города Великороссийского царства в Китай пропускать вас не указали, а указали грамоту отдать вам назад и отпустить в свою сторону тою же дорогою, какою вы приехали. Д и для того великие государи вас пропустить не указали: когда у короля вашего были царские послы, тогда государь ваш во время посольства их показал многую противность с бесчестием на сторону их царского величества…»[498].

Причина отказа вроде бы указана и лежит прямо на поверхности, тем более что в Посольском приказе было заведено «Дело о высылке из России приехавших и

[495] Там же. С. 474.

[496] Там же. С. 474–475.

[497] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 7. С. 463.

[498] Там же.

Персии двух иезуитов Барнабасова и Ф. Авриля», где указана именно эта причина (дело это хранилось в бывшем царском Главном архиве Министерства иностранных дел России). По мнению же М.П. Алексеева, в действительности «невыдача просимого разрешения объяснялась обычной подозрительностью Москвы к иезуитам и нежеланием допускать иностранцев в оберегаемые от посторонних взоров восточные окраины государства»[499]. Заметим, во-первых, что одно другому не противоречит, и, во-вторых, что «обычная подозрительность» царского правительства не могла возникнуть просто так, ниоткуда. Для этого были основания, формировавшиеся на протяжении многих десятилетий.

Между прибытием иезуитов в Москву и объявлением им царского решения прошло почти полтора месяца. Даром это время они не теряли. Как писал П.О. Пирлинг, «Иезуиты отыскали упомянутых выше китайских купцов, которые оказались пограничными с китайцами татарами. Хорошо зная дорогу в Москву и Пекин, куда попеременно хаживали, они сообщили ценныя показания, подтвержденные потом русскими купцами и склоняющияся к тому, что сибирский путь в Китай самый краткий и самый удобный. Еще важнее и гораздо обстоятельнее были сведения, добытые неизвестно каким образом, из посольскаго или другаго какого-либо приказа: Авриль глухо ссылается на «канцелярию». Официальныя сношения с правительством оставались на строго законной почве; но тайком делались послабления, ибо Аврилю доставили из этой «канцелярии» записки Николая Спафария, умнаго и сметливого валаха, переводчика посольскаго приказа, котораго правительство посылало в Китай в 1675–1677 годах. Эти записки содержали сведения двоякаго рода. Первыя касались смежных с китайцами народов, за которыми русские зорко следили. Эта часть поразила Авриля своим сходством с китайскими, недавно изданными во Франции источниками, и вообще с отзывами путешественников. Он не усумнился назвать ее достоверною. Другия сведения относились к дорогам из Москвы в Пекин. Таких дорог оказалось шесть, некоторыя из них пролегали чрез Сибирь. Все это, по московским понятиям, должно было бы оставаться государственною тайною»[500].

Какие конкретно сведения о Сибири и путях через Сибирь в Китай получили на этот раз Филипп Авриль с Луи Барнабе, мы скажем ниже. Сейчас же зададим вопрос, кто обладал в то время такой властью в Москве, чтобы тайно делать послабления иезуитам, кто мог отдать распоряжение, чтобы из Посольского приказа приезжему иностранцу были доставлены для ознакомления важнейшие государственные дипломатические документы о посольстве Н. Спафария в Китай? На наш взгляд, таким человеком мог быть только один — боярин и князь Василий Васильевич Голицын, возглавлявший царское правительство и Посольский приказ. Почему он это сделал?

Царское решение, не разрешающее Филиппу Аврилю и Луи Барнабе ехать в Китай через территорию Сибири, было им объявлено самим В.В. Голицыным. Им было предложено покинуть Московское государство и выехать во Францию вместе с российским посольством во главе с князьями Яковом Федоровичем Долгоруким и Яковом Ефимовичем Мышецким, чтобы на месте в Париже уладить протокольные вопросы, получить письма к царям и затем вернуться в Москву (россий-

---

[499] *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 453.

[500] *Пирлинг П.О.* Французский иезуит в Москве в XVII столетии. С. 477.

ское посольство выехало из Москвы 27 февраля 1687 г., вернулось в Москву 15 мая 1688 г.). Иезуиты отказались ехать вместе с отправлявшимся посольством во Францию, предугадывая, что его результаты будут отрицательными. Поэтому они выехали из Москвы в Варшаву, куда прибыли 12 марта 1687 г. Луи Барнабе оттуда отправился в Париж решать вопросы с документами, а Филипп Авриль продолжил сбор сведений о Сибири и путях в Китай и подготовку к повторной поездке в Москву.

Будучи в Варшаве, т.е. практически как у себя дома, Филипп Авриль заручился поддержкой французского посла в Польше Франсуа-Гастона маркиза де Бетюна (1635–1693) и короля Польши Яна III Собесского, после чего собрал там всю известную полякам информацию о Китае и дорогах туда из Москвы. Эти сведения стали известны полякам и через них Филиппу Аврилю благодаря словоохотливости «московского думного дьяка Протасия Никифорова, бывшего недавно в Варшаве, и перед тем посещавшего Китай»[501]. С.Б. Веселовский в своей книге «Дьяки и подьячие XV–XVII вв.» упоминает Протасия Ивановича Никифорова, бывшего в 1688 г. думным дьяком в Поместном приказе. До этого он был подьячим в Приказе тайных дел, направлялся с дипломатическими поручениями в Англию и Флоренцию, являлся дьяком Приказа Большого дворца и др. Судя по всему, был он весьма и весьма информированным человеком, хотя и не лишенным человеческих слабостей и недостатков[502]. Кроме того, с разрешения Яна III Собесского Филипп Авриль снял «копию с карты китайских дорог, составленной д`Абланкуром по указаниям Никифорова. Эту карту Авриль напечатал впоследствии в своей книге, сознаваясь, однако ж, что она не точна, и жалея, что не мог ее проверить»[503].

Пока Филипп Авриль в Варшаве занимался сбором сведений о Сибири, Луи Барнабе на обратном пути из Парижа погиб во время кораблекрушения, тогда же были утрачены королевские письма и математические приборы, предназначавшиеся для поездки в Китай.

Филиппу Аврилю пришлось заново провести подготовку к поездке, в ходе которой он был назначен королевским математиком в Пекине, ему были вручены письмо Людовика XIV русским царям и рекомендация Франсуа-Гастона маркиза де Бетюна боярину В.В. Голицыну. Вместо погибшего Луи Барнабе его спутником был назначен француз иезуит **Антуан де Боволье** (1657–1708). Более того, польскому послу графу Сири, следовавшему через Москву в Персию, официальным письмом было поручено довезти до Пекина «королевскаго математика из иезуитскаго ордена». П.О. Пирлинг писал, что Филипп Авриль «намеревался ехать в Астрахань, а оттуда чрез Тибет в Пекин»[504].

В сентябре 1688 г. Филипп Авриль и Антуан де Боволье выехали из Польши, но так как примкнуть к посольству графа Сири им не удалось, им пришлось застрять на польско-российской границе, ожидая разрешения на пересечение границы от смоленского воеводы. В это время из Польши в Москву следовало другое польское посольство во главе с Иосифом Лядинским, который любезно включил обоих иезуитов

---

[501] *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 454.

[502] *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 373–374.

[503] *Пирлинг П.О.* Французский иезуит в Москве в XVII столетии. С. 478.

[504] Там же. С. 479.

в состав своего посольства, причем Филиппа Авриля в качестве капеллана. Обратите внимание: французу-иезуиту, в первый раз посетившему Москву с грамотой Людовика XIV, во второй раз Польским государством при содействии французского посла (заодно и разведчика) в Польше маркиза де Бетюна и польского дипломата И. Лядинского по существу была предоставлена дипломатическая «крыша». Разведчик-француз получил дипломатическую неприкосновенность как член польского посольства для проведения разведывательной работы, да еще «под чужим флагом», в Российском государстве в интересах Ордена иезуитов. Заодно и Франции с Польшей.

11 января 1689 г. посольство благополучно прибыло в Москву, но тут начались трудности. «Это неожиданное появление Авриля возмутило правительство, и немедленно приняты были решительные меры. Графу Сири предложили удалиться и продолжать свой путь, а иезуитам Аврилю и Бовольe отдали приказ выехать из Москвы без всякаго замедления»[505] (граф Сири со своим посольством прибыл в Москву ранее иезуитов, и узнав об их затруднениях, пытался оказать им помощь). По совету польского резидента в Москве Доминика Довмонта (с 10.12.1687 по 1.01.1694) Филипп Авриль заявил в Посольском приказе, что он привез с собой письмо короля Людовика XIV на царское имя, что приостановило отъезд иезуитов. В.В. Голицын пригласил их к себе на беседу, на которой присутствовал Д. Довмонт, иезуиты передали королевское письмо, но, несмотря на это, разрешения на проезд через Российское государство в Китай дано не было. «Московское правительство согласилось лишь на одну уступку: на отсрочку отъезда до конца масленицы, во время которой путешествие не считалось безопасным. Авриль воспользовался этим временем, чтобы собрать материалы для намеченнаго им особаго сочинения о России»[506]. По одним данным, Филипп Авриль и Антуан де Бовольe выехали из Москвы в Варшаву 31 января 1689 г., по другим — после масленицы, в конце февраля – начале марта того же года.

Постигшая иезуитов неудача в Москве побудила их выбрать другой путь в Китай — через Константинополь. При содействии польских вельмож они благополучно добрались до Константинополя, но тут Филипп Авриль тяжело заболел и был вынужден вернуться во Францию. 30 ноября 1689 г. он высадился в Тулоне.

Находясь, как бы мы сказали сегодня, «на больничном листке», Филипп Авриль проанализировал собранные им сведения, взялся за перо и написал книгу о своих поездках в Российское государство. Для этого, можно полагать, он использовал свои донесения орденскому начальству и заметки, сделанные в России и Польше. Книгу он издал в 1692 г. в Париже: Voyage en divers Etats d` Europe et d`Asie, entrepris pour deconvrir un nouveau chemin a la Chine. Paris, 1692[507]. М.П. Алексеев, правда, привел несколько иное название, чем П.О. Пирлинг — «Voyage en divers etats d`Europe et d`Asie. Avec une description de la grande Tartarie et des differens peuples qui l` habiten, В ней говорится об Азиатской Турции, Армении, Персии, Поволжье, Сибири и о путях из Москвы в Китай…»[508].

---

[505] Там же. С. 480.

[506] Там же. С. 480–481.

[507] *Пирлинг П.О.* Французский иезуит в Москве в XVII столетии. С. 473.

[508] *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 455.

Книга быстро приобрела известность, через 2 года она была переиздана в Утрехте на голландском языке, а в 1705 г. в Гамбурге была издана и на немецком. «В голландском или немецком переводе книга попала и в Москву, где очень взволновала генерала Гордона и обидела царя Петра I»[509]. Что же было в этой книге, что она вызвала такую реакцию? Оказывается, Филипп Авриль написал, что через несколько дней после свадьбы Петр I заболел «падучею болезнью», которая «будто бы наследственна в его семействе». По словам П.О. Пирлинга, «Молодой царь так вознегодовал и так оскорбился, что генерал Гордон не на шутку перепугался... Сгоряча он стал уверять, что книга, пожалуй, подложная, целиком или в некоторых местах. В то же время он обратился для объяснения к своему старому знакомому, отцу Шмидту. Первый учредитель иезуитских школ в Москве пребывал тогда в Браунсберге и переписывался с Гордоном, сын котораго, Федор, воспитывался в тамошней коллегии. И вот, 6-го апреля 1694 года, генерал Гордон пишет Шмидту о своих семейных делах и влагает в письмо особую записку приблизительно такого содержания: два года тому назад вышла в Париже книга иезуита Филиппа Авриля, бывшаго проездом в Москве, в которой есть много обиднаго для русских. Всего хуже да и ложно, то, что автор пишет о младшем государе и о его якобы наследственной болезни. Царь Петр из-за этого сильно разгневался не только на иезуитов, но и на всех католиков, так что полагаться на его благосклонность уже нельзя»[510] (о первом члене миссии Ордена иезуитов в Москве Иоганне Шмидте выше мы говорили. Генерал Патрик Гордон, соратник Петра I, известная историческая личность).

Конечно, благосклонностью царя к католикам, заметим, впервые в истории нужно было дорожить, ее нужно было обязательно восстанавливать. Поэтому И. Шмидт, сам не читавший книги Филиппа Авриля, поверил на слово П. Гордону и 8 мая 1694 г. направил свои соображения по разрешению возникшей проблемы генералу Ордена Тирсу Гонзалесу. Генерал отдал соответствующие распоряжения руководителю восточных миссий в Париже, в числе которых были и такие: опубликовать опровержение Филиппа Авриля о том, что он был введен в заблуждение «посторонними рассказами», и прежде чем печатать вторую книгу Филиппа Авриля о России, провести ее «пересмотр» в Риме. Вторая книга так и не была написана и напечатана, а были ли опубликованы опровержения, неизвестно.

Конечно, эта книга взволновала и членов католической миссии в Москве, ведь можно было ожидать самой жесткой реакции властей. «Прибавилась еще новая причина ненависти к вашему ордену, — писал 23 сентября 1698 г. миссионер Геральд из Москвы иезуиту Франциску Дубскому, — вышла в свет на французском языке книга, написанная неким отцем Филиппом Аврилем из иезуитскаго ордена, в которой он описывает свое путешествие в Китай и высказывает весьма дерзкие суждения о москвитянах. И о царе он говорит, будто у него падучая болезнь... Эта книга была сейчас переведена женевскими еретиками на русский язык. Господин императорский посол защищал ваш орден и говорил, что это подложное сочинение, потому что на нем нет одобрения иезуитских властей. Мы с католиками удерживаемся давать свое мнение и молча удивляемся: если это так, то каким образом могла

[509] Там же. С. 455.

[510] *Пирлинг П.О.* Французский иезуит в Москве в XVII столетии. С. 481–482.

быть издана эта книга членом столь осторожного ордена, каков ваш»[511]. Господин императорский посол — Игнатий Христофор Гвариент, посол Священной Римской империи германской нации, прибыл в Москву 19 апреля 1698 г. Женевские еретики — кальвинисты, к которым принадлежал и царский генерал швейцарец Франц Яковлевич Лефорт (1656–1699). Заметим, что Филипп Авриль, конечно же, ни в какой Китай из Москвы не ездил, так как ему в этом было категорически отказано, а в книге рассказывал о путях в Китай.

Наибольший интерес для нас представляет все то, что написал Филипп Авриль о Сибири, о транспортных путях в Китай, так как этот рассказ основан на собранных им сведениях, и представляет, как нам понятно, литературную обработку его донесения о результатах выполнения задания руководству Ордена.

«...Как тщательно ни старались древние географы передать нам сведения об обширном пространстве между Обью и Великою Стеною Китайскою, надобно признаться, что они весьма мало в том успели. Одни не говорят почти ничего, а другие, желая сказать многое, сообщают нам догадки и предположения в качестве положительных истин. Новейшие описатели были не более счастливы, ибо, дополняя сведения своих предшественников, они ничего к ним не прибавили, кроме упоминания о дремучих и бесконечных лесах и множестве ужасных пустынь, наполняющих будто бы эти обширные и необитаемые пространства...

...Сибирь постепенно заселялась москвитянами с тех пор, когда они начали обладать ею, ибо они усердно посылали туда своих яшучиков или соболиных промышленников, беспрерывно умножая число их препровождением в места, где соболей ловят, не только государственных преступников, но и офицеров и бояр, которыми были недовольны или которые казались им подозрительны. Так как именно звероловство заставляло москвитян подвигаться далее и далее в надежде отыскать наилучших соболей, то и нашли они наконец полное удовлетворение желанию своему на острове, который образует река Амур и которым завладели они несколько лет назад, построив там крепость, сделавшуюся причиной начатой ими войны с китайцами...

...Кроме соболей, добываемых на всем пространстве обширных земель, находящихся между Московией и Китаем, есть еще род зверей, не менее драгоценных и не менее превосходных; таковы, напр., черные лисицы, которых нигде более не находят, кроме Сибири и Китая. Их стараются добывать с тем большим усердием, что сбыт их всегда верный, а цена весьма большая. Не знаю, редкость ли сего зверя или необыкновенный цвет его шкуры заставляет так дорожить им; но если бы кто вздумал купить черную лисицу, то он может сделать это только со следующим условием: дать столько денег, сколько поместится в шкуре лисицы...

...До открытия соболей в Сибири и во всем государстве довольствовались мехами обыкновенными, и, кроме горностаев, каких употребляли только знатнейшие люди, почти не знали других дорогих зверей. Но со времени открытия, более случайно нежели искусством, зверей, столь требуемых всюду, москвитяне прилагают такое старание удовольствовать свою жадность обогащения на счет тех, кто тщеславится украшением драгоценными мехами, что, не взирая ни на какие опасности, пускают-

[511] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 3.

ся они в дикие северные страны, одушевляемые надеждою прибылей. Посредством своих, хотя и весьма беспорядочных, странствований проложили они множество новых путей, которые незаметно довели их до самого Китая. Все ведущие туда известные дороги совершенно различествуют одна от другой, однако же мы узнали, каких именно надобно придерживаться, дабы безопаснее и скорее совершить путь…

…Из описания различных татар, обитающих в стране между Обью и Китаем, мною изложенного, можно легко понять, что москвитянам, поддерживаемым казаками, не трудно было проложить себе путь от Сибири до великой империи Китайской, ибо не находили они никого, кто бы мог или хотел оспаривать у них власть над землею, и так как первые, покоренные ими кротостью или оружием сибирские народы имели сношения со всеми ордами, рассеянными далее, то посредством их производили они свои открытия и различными дорогами приблизились, наконец, к пределам Китая, где построили даже несколько крепостей, дабы вернее упрочить свои завоевания.

Самая отдаленная из этих крепостей называется Албазин. Она отстоит от Пекина не далее трех недель пути, а от Москвы до нее путь продолжается более трех месяцев. Находится она на реке Амуре, подавшей повод к войне, которую ныне ведут москвитяне с китайцами. Те и другие присваивают себе право добывать жемчуг в упомянутой реке и ловить соболей, находящихся в величайшем множестве на острове, образуемом этой рекою. Так как великое расстояние этого пограничного места от Москвы препятствует москвитянам посылать достаточное количество войска для поддержания войны, которую близость Китая делает легкою татарам, там властвующим, то цари московские рассудили, что лучше предложить мирные условия, нежели подвергать войско всяким опасностям, которые необходимо испытать ему, проходя до границ Китайской империи. Китайцы не отвергли сделанных им предложений. Они выслали посольство далеко за Великую Стену, разделяющую владения их от земель западных татар, и присоединили к этому посольству даже двух французских иезуитов из числа тех, которых его христианнейшее величество послал шесть лет тому назад в эти отдаленные страны, дабы они служили толмачами…

…После всех этих изъяснений, о которых я счел необходимым особенно распространиться, не сомневаюсь, что оставят, наконец, ложные понятия, какие составляют себе у нас в настоящее время касательно расстояния между Европою и Китаем, и убедятся, что из всех путей для достижения этой цветущей империи дорога, по коей ездят москвитяне, несомненно самая краткая и самая верная из всех существующих…»[512].

Филипп Авриль достаточно подробно и профессионально описывает 6 различных сухопутных дорог в Китай: первая — «через Индию и Моголовы земли, которой ездят татары астраханские и бухарские»; вторая — «через города «Самарканд, Кабул, Кашмир, Турфан и многие другие города узбеков»; третья — «из Тобольска едут сперва вдоль озер, из коих добывается соль, подле Иртыша и Камы (?). Потом следуют несколько времени по течению первой из названных рек до города, именуемого Синкаме, откуда продолжают ехать сухопутьем через земли Кокутана, отстоящего не более как на восемь или десять дней пути от знаменитой стены, отделяющей Китай от Великой Татарии»; четвертая — «предполагая, что сперва проехал

[512] Цит. по: *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 456–460.

до Тобольска и потом по р.р. Оби и Селенге до города Селенгинска идет сухим путем до земли Монгольской. Потребно восемь недель на проезд от упомянутого города до места, где обитают тайша или хан Бешроесаин и Хутухта-лама. Легко получают от этого хана, посредством некоторых подарков, проводников и необходимые телеги со стражей до самого Китая. Этой дороги держатся московские купцы с тех пор, как началась война между московитянами и китайцами на Амуре; кроме того, она вообще самая безопасная и самая удобная из всех»; пятая — «та, по которой из Москвы в Китай ехал Н. Спафарий»; шестая — «ведет через Нерчинск на реке Шилке, затем в Монгольскую землю, откуда едут к озеру Далаю. Из Нерчинска до этого озера достигают в неделю. Там обитают подданные китайского императора, которые обрабатывают все окружные земли; отсюда в три недели можно доехать в Китай на телегах, везомых быками»[513].

Филипп Авриль привел описание проживающих по соседству с Китаем народов и, как пишет М.П. Алексеев, сопроводил его таким замечанием: «Его сообщил нам человек весьма надежный, получивший его из московской канцелярии, и ему тем более можно верить, что оно совершенно согласно с летописями китайскими, находящимися в конце философии Конфуция, недавно напечатанной иезуитом о. Куплэ, а также со всеми известиями путешественников»[514] (Филипп Купле (1622–1693) являлся видным членом миссии Ордена иезуитов в Китае; последние годы проживал в Бранденбурге, давал уроки китайского языка советнику Бранденбургского курфюрста Кристиану Менцелю, имевшему прямое отношение к передаче для издания на Западе материалов российской дипломатической миссии Избранта Идеса в Китай).

Как много стратегически важной информации содержится в приведенных кратких выдержках из книги Филиппа Авриля! Далее он писал:

«...Так путешествуют ныне большею частью московитские купцы, торгующие с китайцами. Из этого можно видеть, что все эти земли, прежде известные в общем под именем Великой Татарии, не суть ни степи, ни пустыни, как доныне воображали. Весьма жаль, что ими не пользуются, ибо они орошены большим количеством прекрасных рек и доставляют множество драгоценных товаров, беспрерывно все более и более умножающихся. Не говоря о ревене, ляпис-лазури, бобрах, находимых у монголов и узбеков, соболях и черных лисицах, коих ловят по течению Оби, Тунгуски и Ангары, корне жень-шене, жемчуге и бадьяне, доставляемых Амуром, серебряных и свинцовых рудах на Аргуни, москвитяне нашли, особенно в странах далее к северу, много драгоценных редкостей, которыми ведут выгодный торг. Кроме мехов всякого рода, оттуда вывозимых, добыча коих бывает столь велика, что один город Енисейск платит ежегодно пошлины в царскую казну 80 000 рублей, то есть почти 120 000 экю на наши деньги, там открыт еще особенный род кости, белее и глаже слоновой, получаемой из Индии.

Кость эту доставляют не слоны, ибо северные страны слишком холодны для этого рода животных, любящих тепло, но особенный род водоземных зверей, которых называют «бегемот» и обыкновенно находят в реке Лене или на берегах Татарского моря. Нам показывали в Москве много зубов этого чудовища, которые были

[513] *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 469.

[514] Там же. С. 469.

10 дюймов в длину и 2 дюйма в ширину в корне... Персияне и турки весьма охотно покупают их и так дорожат ими, что саблю или кинжал с рукоятью из бегемотовой кости предпочитают сабле и кинжалу с серебряною и даже золотою рукоятью...

...Открытие бегемотовой кости сделано было жителями острова, откуда вышли, по словам москвитян, первые колонии, населившие Америку. Вот что мы узнали о том от смоленского воеводы Мусина-Пушкина, одного из умнейших людей, каких только я видел, в совершенстве знающего все земли за Обью, ибо он долго был интендантом в канцелярии Сибирского Департамента. Спросивши нас в разговоре, какой мы с ним имели, каким образом, по мнению нашему, населилась Америка, когда мы сказали ему все, что обыкновенно о том думают, он отвечал нам, что по его мнению есть догадка правдоподобнее нашей. За Обью, — продолжал он, – находится огромная река, называемая Кавойна, в которую впадает другая, именуемая Лена. В устье первой из них, впадающей в Ледовитое море, есть большой и весьма населенный остров, весьма замечательный ловлею бегемотов, животного водоземного, зубы коего весьма дорого ценятся. Островитяне часто приезжают к берегам моря за ловлею бегемотов, и так как ловля их требует много труда и времени, то обыкновенно привозят они с собой свои семейства. Часто случается, что захватывает их здесь вскрытие моря и бедняков уносит неизвестно куда на огромных кусках льду, отделяющихся один от другого.

Не сомневаюсь, что многие из охотников, таким образом захваченных, доплывают на льдинах к северному мысу Америки, весьма недалекому от этой части Азии, оканчивающейся Татарским морем. Меня убеждает в мнении моем то, что американцы, обитающие на выдавшейся далее других в море в сей стороне части Америки, одинакового вида с островитянами, которых ненасытная жадность прибытка подвергает погибели или опасному переезду в чужую сторону». К тому, что говорил нам воевода, можно прибавить еще и то, что на американском берегу находят многих животных, которые также водятся и в Московии, особенно бобров, которые могли перейти туда по льду... Надобно бы, для удостоверения в деле столь важном, разведать об языках, коими говорят два упомянутые, похожие один на другой народы, живущие один в Азии, другой в Америке, ибо если бы открылось сходство в языке, то и сомнения в сходстве их более никакого не оставалось бы.

Весьма много любопытного могли бы мы узнать от упомянутого смоленского воеводы, который, без сомнения, может быть назван одним из самых просвещенных москвитян, но мы боялись вопросами навлечь на себя подозрение. Заметив из ответов его, что он опасается причинить себе откровенностью какие-нибудь неприятности при дворе, где и без того его редкие достоинства навлекли ему много врагов, мы не смели докучать ему нашим любопытством.

Может быть удивятся, вспоминая о множестве превосходных рек, текущих столь близко от Китая, почему москвитяне не извлекают себе из них выгод, повидимому, предоставляемых ими, и не заведут торговли с китайцами, и даже с японцами, вернее и легче производимой ими сухим путем. Но, мне кажется, нельзя винить москвитян, что они поступают иначе, ибо кроме того, что они имеют малые сведения в мореплавании, самые реки, имена коих едва известны в Европе, представляют для плавания непреодолимые препятствия. Чтобы понять это, надобно знать, что в стране, лежащей за Сибирью, находятся четыре главные реки, текущие

в море, которое мы называли Ледовитым или Татарским, и в море Японское, не говоря о множестве других, которые можно видеть на Карте Сибири, верно списанной с той, которую сохраняют в московской канцелярии…»[515].

Прокомментируем деятельность капеллана польского посла, французского иезуита Филиппа Авриля в столице Российского государства Москве и собранные им сведения. Сразу отметим, что, хотя Филипп Авриль находился в Москве недолго, ему удалось собрать очень даже обширную и разноплановую информацию, в частности:

О географическом положении Сибири и Китая, вспомним тайно снятую копию с карты Сибири, которую Авриль увез из Москвы в Париж. Об основных водных артериях этого огромного региона — реках Обь, Енисей, Лена, Ангара, Колыма (в тексте — Кавойна), Амур и Аргунь с их характеристиками; о местном населении, его обычаях, образе жизни и занятиях, отношениях с русскими и китайцами; упоминается и «море Японское»;

О движении русских на восток, закреплении в Сибирском регионе, строительстве городов и крепостей, торговле с местным населением и Китаем, направлении посольства Н.Г. Спафария в Китай. О военно-дипломатическом конфликте между Россией и Китаем, его причинах и принимаемых мерах со стороны обоих государств;

О природных богатствах Сибири: пушнине, так называемой «бегемотовой» кости, жемчуге, женьшене и ревене, наличии месторождений свинца и серебра, и т.п.;

О шести дорогах из европейской части Московского государства в Китай с указанием маршрутов через конкретные населенные пункты. Например, Тобольск, Енисейск, Нерчинск, Селенгинск, Албазин и др., и характеристикой каждого из них, о расстояниях между населенными пунктами, в том числе в днях пути, видах транспортных средств и т.п.;

О наличии пролива между Азиатским и Американским континентами, сходстве проживающих на берегах пролива людей и природных условий (вспомним про подвиг Семена Дежнева и других русских землепроходцев, добытые ими необычайно важные географические сведения);

Для Европы того времени в книге Филиппа Авриля были опубликованы весьма ценные сведения о Сибири. Можно полагать, перед поездкой в Москву он прошел довольно хорошую подготовку в Париже и достаточно свободно ориентировался в целом перечне проблем, в которых ему предстояло разобраться в России. Не исключено, что Филипп Авриль тщательно изучил труд Г. Крижанича «История о Сибири», который был в 1680 г. преподнесен королю Польши Яну III Собесскому.

Нет сомнений, что собранные Филиппом Аврилем (и его спутниками Луи Барнабе и Антуаном де Боволье) сведения соответствовали тому разведывательному заданию, которое они получили в Париже и, может быть, скорректировали в Варшаве с учетом рекомендаций французского посла маркиза де Бетюна. Именно в этом случае отчетливо видна прямая логическая связь между настойчивостью иезуитов по проникновению в Российское государство, их действиями по сбору разведывательной информации в Москве, на маршруте из Персии в Астрахань и из Астрахани в Москву, из Москвы в Варшаву, а также содержанием итогового отчета о результатах выполнения задания.

[515] Цит. по: *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 462–465.

Обращает на себя внимание высокая осведомленность Филиппа Авриля об обстановке в Московском государстве. Прежде всего, о российско-китайских отношениях и посольстве Н.Г. Спафария в Китай в 1675–1677 гг., маршруте движения посольства из Москвы в Пекин; движении русских к Тихому океану и строительстве крепостей в сибирском регионе и на Амуре; о направлении Орденом иезуитов и королем Франции Людовиком XIV в Китай французских иезуитов и их участии в российско-китайских переговорах при заключении Нерчинского мирного договора. Являлась ли такая информированность обязательной для священнослужителя в его поездке в Москву? Для священнослужителя, согласитесь, конечно же, нет, но для разведчика — да.

Особо нужно остановиться на источниках информации Филиппа Авриля. Сразу же скажем, что в это время в Москве находились иезуитские миссионеры Иржи Давид и Иоганн Шмидт (до 11 августа 1688 г.), которые оказали помощь прибывшим в их размещении, и, разумеется, рассказали все, что знали о России и Сибири, обстановке в Москве. Среди источников Филиппа Авриля правительственные чиновники — уже упоминавшийся думный дьяк Протасий Иванович Никифоров, а также переводчик, дипломат и богослов Николай Гаврилович Спафарий, он же Милеску, рукописные документы которого о посольстве в Китай были переданы кем-то из чиновников Филиппу Аврилю для ознакомления. Вспомним, что некий чиновник Сибирского приказа снял для него копию с хранившейся в приказе карты Сибири. Мы уже говорили, что Филипп Авриль пытался получить разрешение на поездку в Китай через князя и боярина Василия Васильевича Голицына. Не исключено, что какая-то информация об обстановке в России была получена и от В.В. Голицына. Заметим, что в этот период в Москве проживали два видных царских сановника, Патрик Гордон и Павел Гаврилович Мензиус (Пол Мензис), которые являлись католиками по вероисповеданию и ранее обучались в иезуитских коллегиумах. К источникам информации следует также отнести короля Польши Яна III Собесского, польских сановников и дипломатов, французского посла в Польше маркиза де Бетюна.

В своем донесении Филипп Авриль рассказал о беседе со смоленским воеводой Иваном Алексеевичем Мусиным-Пушкиным (1649–1699), боярином, за заслуги перед Отечеством получившим титул «графа Смоленского», сенатором, начальником Монастырского приказа, а затем Монетного двора. Умер в ссылке в Соловецком монастыре. Безусловно, И.А. Мусин-Пушкин был весьма и весьма информированным царским сановником и если бы захотел, мог рассказать очень много интересного. В качестве источников информации Филипп Авриль также использовал московских, персидских, армянских, среднеазиатских, китайских и других иностранных купцов.

По оценке М.П. Алексеева, «...Авриль, несомненно, проявил большую настойчивость, собирая в Москве интересующие его сведения; он расспросил не только купцов, но нашел доступ также к сановникам (ряд сведений сообщил ему Мусин-Пушкин, смоленский воевода) и к архивам приказов; так, из одной "канцелярии" ему доставили записки Николая Спафария, переводчика посольского приказа, ездившего с официальным поручением в Китай в 1675–77 гг.; здесь он нашел сведения о народах, живущих в пограничных с Китаем областях, а также подробное опи-

сание шести дорог из Москвы в Китай...»[516]. По мнению П.О. Пирлинга, эти сведения в тот период в Московском государстве являлись «государственной тайной»[517].

Представляют интерес и способы получения информации. В их числе — тайное копирование государственных документов, хранившихся в правительственных учреждениях. Конечно же, получение сведений от тех, кто по заданию Ордена иезуитов прибыл в Москву задолго до приезда Филиппа Авриля и его спутников. Опросы информированных лиц, в числе которых были как русские, так и иностранцы; выведывание информации в беседах с видными царскими сановниками. Сюда же следует отнести и попытки Филиппа Авриля со спутниками проехать по маршруту Москва – Китай. Подчеркнем, что таких способов был далеко не один, и все они профессиональные, рассчитанные на исполнителя — специалиста. Только в какой сфере деятельности? Священнослужителя или разведчика?

Как оценить собранные членом Ордена иезуитов Филиппом Аврилем сведения? Мы уже приводили мнение историка П.О. Пирлинга о том, что эти сведения считались в тот период в России государственной тайной. Ну а как тогда характеризовать действия Филиппа Авриля и его коллег Луи Барнабе и Антуана де Боволье по сбору таких сведений? Их можно характеризовать только одним образом — все они в период пребывания в Российском государстве занимались самой непосредственной разведывательной деятельностью по заданию Ордена иезуитов в ущерб интересам России.

Как сложилась дальнейшая судьба наших персонажей? Филипп Авриль все-таки попытался достичь морем Китай, но в октябре 1698 г. погиб неподалеку от острова Формоза (ныне остров Тайвань). Антуан де Боволье погиб 20 января 1708 г. в морском кораблекрушении у берегов Бразилии. Луи Барнабе, как мы уже сказали, погиб при кораблекрушении в Балтийском море у Данцига (ныне Гданьск), возвращаясь из Парижа в Польшу.

Миссия иезуитов в Китае. Выше мы уже говорили о деятельности миссии Ордена иезуитов в Китае, о направлении королем Франции Людовиком XIV иезуитов в Китай с титулами «королевских математиков». Одним из этих «королевских математиков» был Жан Франсуа Жербийон (1654–1707), уроженец города Вердена в северной Франции. В Орден иезуитов он вступил в шестнадцатилетнем возрасте, в 1670 г. В 1685 г. он вместе с тремя другими иезуитами был направлен Людовиком XIV в Пекин ко двору императора Цинской династии Кан-Си. В Китай они прибыли только в 1686 г.

Как пишет М.П. Алексеев, «...император Кан-Си, известный своим покровительством иезуитам и своим интересом к европейской науке, удержал при себе Жербийона вместе с патером Иоахимом Бувэ. В 1688–1689 году, следовательно, вскоре после своего приезда в Пекин, Жербийон был назначен представителем с китайской стороны при заключении Нерчинского мирного трактата и при определении границ между китайским и русским государствами и перевел с китайского языка на латинский ряд официальных документов (обменные грамоты, самый текст договора и т.д.)... благоприятный для Китая смысл этого трактата доставил Жер-

[516] *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 456.

[517] Там же. С. 456.

бийону еще большую благосклонность китайского императора… Жербийон умер в Пекине в 1707 г. в звании генерал-супериора миссий в Китае, совершив ряд поездок вглубь страны и на окраины ее и оставив целый ряд трудов…»[518]. Вполне вероятно, что именно Жану Франсуа Жербийону и было адресовано написанное Патриком Гордоном рекомендательное письмо для российского посланника Избранта Идеса.

Участвуя в российско-китайских переговорах, иезуиты преследовали вполне конкретные цели. Во-первых, они стремились заслужить благоволение китайских властей и гарантировать дальнейшую миссионерскую деятельность в Китае. Во-вторых, им нужно было представить в самом выгодном свете свои заслуги в заключении Нерчинского мирного договора и перед русскими для того, чтобы «облегчить положение католической церкви в России и оказать покровительство их ордену…»[519]. Кроме того, Ордену иезуитов было крайне важно обеспечить возможность беспрепятственного пользования безопасной сухопутной дорогой из Москвы в Китай через Сибирь и обратно, что позволяло поддерживать устойчивую и постоянную связь между Орденом и его миссиями в Москве и Китае и использовать эту возможность для разведывательной деятельности и торговли. Причем с намного меньшими затратами времени и средств по сравнению с морским путем вокруг Африки. Поэтому для Ордена иезуитов такая позиция являлась единственно верной и стратегически оправданной.

Вот как, например, действовал предшественник Жана Франсуа Жербийона на посту главы миссии иезуитов в Китае, Фердинанд Вербист, принимавший самое непосредственное участие в приеме российского посольства Н.Г. Спафария и его переговорах с китайской стороной.

Чтобы заслужить благоволение и доверие российского посланника, Ф. Вербист неоднократно использовал латынь (и незнание латыни китайцами) для передачи владеющему латынью Н.Г. Спафарию конфиденциальной информации о позиции китайской стороны, условиях переговоров, дал «…весьма детальное описание военных и финансовых проблем, стоявших перед манчжурским правительством в Китае. В передаче этих сведений Вербисту ассистировали иезуиты Буглио и Магалхэнс, словно всегда готовые к интригам против манчжурского правительства в Китае. Казалось, сами иезуиты были поражены мощью и размерами того государства, которое представлял Спафарий… Они желали бы, чтобы царь когда-нибудь послал в Китай войска, чтобы наглядно продемонстрировать разницу между собой и манчжурами…»[520].

По мнению Д.В. Дубровской, Фердинанд Вербист «…владел информацией обо всем спектре мнений, пересекающихся течениях и интригах, которые окружали трон и имели место в среде государственных советников и в палатах. Никогда до него или после не было влияние иезуитов в Китае настолько глубоким…»[521]. Это еще одно подтверждение того, о чем мы говорили выше — об исключительно ответственном подходе Ордена иезуитов к отбору кандидатов для направления в ка

[518] Там же. С. 475.

[519] *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 471.

[520] *Дубровская Д.В.* Миссия иезуитов в Китае. С. 157.

[521] Там же. С. 150.

честве миссионеров (эмиссаров) в другие страны. Под строжайшим секретом Фердинанд Вербист рассказал Н.Г. Спафарию, что «...император собирался при определенном развитии событий пойти на Россию войной, а также был намерен захватить крепости Албазин и Нерчинск, потому что манчжуры знали, что гарнизоны указанных крепостей невелики, а Москва далеко...»[522]. Не правда ли, что это была очень важная информация, имевшая для России стратегическое значение.

Г.Ф. Миллер пишет, что Н.Г. Спафарий «...привез с собою значительный запас полезных известий, которыя хранятся в Архиве иностранных дел в Москве и для подробного описания сего посольства могли бы служить обильными источниками. Между теми известиями есть письма иезуита Фердинанда Фербиста к царю Феодору Алексеевичу, в коем Фербист обещается всеми силами содействовать русскому интересу и вместе хвалит ловкость и действия посла...»[523].

Определенное место в трудах Жербийона занимала Сибирь. Французский иезуит собирал сведения о Сибири во время поездок по Китаю и южной части Сибири (на российско-китайских переговорах при заключении Нерчинского мирного договора); получал эти сведения от информированных китайских чиновников, а также в результате опросов находившихся в Китае пленных «москвитян» и русских купцов.

Он описывал населяющие Сибирь народы, города, например, о Тобольске он писал, что этот город «величиной примерно с Орлеан». Дал характеристику местности, сибирским рекам и озеру Байкал. Со ссылкой на две карты Сибири, показанные ему во время российско-китайских переговоров «московскими уполномоченными», деловито рассуждал о возможном наличии пролива между «Ледовитым» и «Восточным» морями, описывал транспортные коммуникации. Вообще, информация о Сибири была собрана, скомпонована и изложена на профессиональном уровне.

Жербийон писал: «...то, что я дальше буду излагать, я узнал от нескольких москвитян и нескольких татар, которые [там] жили и совершали различные путешествия; в особенности от одного москвитянина, который поселился в Пекине и был там младшим мандарином... рассказ его мне был подтвержден свидетельствами нескольких других столь же осведомленных лиц... Тобольск или, как говорят москвитяне, Тобольской, — большой и весьма торговый город: это столица Сибири и главное средоточие всех меховых товаров. Окрестные сельские местности производят разнообразные зерновые продукты, овощи и плоды... Нужно много меньше времени на переезд из Селенги в Тобольск, чем из Тобольска в Селенгу или Селенгинск. Селенга — собственно река, на которой москвитяне поставили острожек в стране халхасцев, в расстоянии около 250 лье на север от Китая, и дали этому острожку имя реки. Здесь должны были происходить в 1688 году мирные переговоры между уполномоченными китайского императора и московского царя.

Озеро, называемое Байкал, отстоит на юг от этого места на четыре небольших дневных перехода. Это самое большое озеро Татарии и одно из самых больших в мире. Затрачивают три дня пути на то, чтобы из Селенгинска достичь Байкала, куда впадает река [Селенга]. Проезжают через маленький острожек по имени Удинск, который расположен также на реке, в одном дне пути от озера. Затем в

[522] Там же. С. 157.

[523] *Миллер Г.Ф.* Сочинения по истории России. М., 1996. С. 352.

один день переправляются через озеро, так как в этом месте оно не особенно широко. Затем входят в другую реку, называемую Ангара... Примерно в 10 лье от озера, вниз по реке, встречают другой острожек, который зовется Иркутское, по имени небольшой реки, впадающей в этом месте в Ангару. Оттуда в десять или двенадцать дней достигают Енисейска...»[524]. Жербийон рассказал об особенностях дороги между Селенгинском и Тобольском, о Нарыме и Сургуте, Нерчинском и Якутском острогах, Албазине, о реках Лене, Аргуни, Енисее, Иртыше, Оби, проживающих там народах и роде их занятий. Вот как он писал об орочонах: «...орочоны, о которых я уже упоминал, занимаются постоянно охотой и рыболовством, Они охотятся на соболей, горностаев, черных лисиц и на лосей: мясом этих животных питаются...»[525]. По мнению Жербийона, «...вся страна к северу от Шилки до Ледовитого моря между меридианом Пекина и Восточным морем — совершенно необитаемая пустыня...»[526].

Что имел в виду Жербийон, давая такую оценку региону? Что направлять туда иезуитов-миссионеров не нужно, бесперспективно, так как некого обращать в лоно католической церкви? Или что, наоборот, нужно скорее прибрать эту богатую территорию к рукам? Ведь за констатацией факта, что здесь «необитаемая пустыня», должна была прятаться мысль, мысль, рождающая планы и конкретные действия?

Как мы уже рассказывали, члены миссии Ордена иезуитов в Пекине Томас Перейра и Жан Франсуа Жербийон приняли самое непосредственное и деятельное участие в китайско-российских дипломатических переговорах в Нерчинске, закончившихся подписанием Нерчинского мирного договора 1689 г. Чтобы попасть в Нерчинск, китайской дипломатической делегации и в ее составе иезуитам пришлось проделать довольно дальний путь. Отправившись из Пекина 3 июня 1689 г. (даты указаны по юлианскому календарю), делегация 6 июля переправилась через реку Керулен примерно в 125–150 км от места впадения ее в озеро Далайнор и 21 июля прибыла в Нерчинск. На протяжении всего пути и в период пребывания в Нерчинске оба иезуита вели ежедневные дневники (отчеты). По территории России (в ее современных границах) делегация прошла от границы до Нерчинска около 250–300 км. Перейра и Жербийон описали все реки и озера по маршруту движения, дали характеристику территории — наличие (отсутствие) гор, холмов, рек и озер, лесов и степей, пригодна ли почва для земледелия, имеются ли источники питьевой воды и ее качество. Подробно охарактеризованы климатические особенности региона в период прохождения делегации (июнь–август). Жербийон ежедневно отмечал в своих записях, какая была погода, шел ли дождь или было пасмурно (ясно), было ли тепло или холодно и т.д. Не менее подробно описаны места скопления диких животных, птиц, рыб, облавные охоты на животных и ловля рыб сетями. Населенных пунктов по пути встретилось весьма мало, но каждая встреча с местными жителями нашла свое место в записях. Иезуиты описали, когда и где им встретились местные жители, их внешний вид, рост, одежда, обычаи, род занятий, от-

[524] Цит. по: *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 478–479.

[525] Там же. С. 481.

[526] Там же. С. 482.

ношение к китайскому императору, дипломатической делегации, русским властям, как китайские послы отнеслись к встретившимся местным жителям и их подаркам.

Нужно отметить, что Жербийон неоднократно производил инструментальные астрономические измерения (6 июля, 25 июля, 29 июля), указал в записях географическую широту Нерчинска и места впадения Амура в Тихий океан. Он писал: «Сахалян-ула, как ее называют татары, то есть Черная река или по-русски Онон-Амур, это река, берущая свое начало в горах между Селенгой и Нерчинском. Она течет с запада на восток, и по ней могут ходить крупные суда на протяжении более чем 500 лье до Восточного моря, куда, обогатившись водой многих притоков, она впадает на широте примерно 53 или 54 градусов; меня заверили, что в устье ширина ее равна 4 или 5 лье»[527] (лье — это французская мера длины, равна длине дуги меридиана в 1/25 градуса или 4,445 км. В расчетах, не требовавших высокой точности, 1 лье принималось равным примерно 5 км). Если обратиться к справочникам и сверить приведенные данные по Амуру, мы увидим, что они практически соответствуют друг другу (за исключением места истока и ширины устья Амура), и невольно возникает вопрос — откуда мог Жербийон узнать их в 1689 г.? Жербийон также указал место расположения у российского побережья Тихого океана промыслового района по добыче «рыбьего зуба».

Из содержания отчетов Т. Перейры и Ж.Ф. Жербийона складывается впечатление, что они значительно лучше знали сопредельную с Китаем территорию Российского государства, чем полномочные члены китайской дипломатической миссии на Нерчинских переговорах.

Миссия иезуитов в Москве. Прежде чем говорить об участии миссии Ордена иезуитов в Москве в разведке Сибири и поиске транспортных путей в страны Востока, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Желательно их учитывать.

Во-первых, как мы уже говорили, миссия Ордена иезуитов существовала в Москве с мая 1684 г. с перерывом с 5 октября 1689 г. до 19 апреля 1698 г. Такое продолжительное пребывание миссии в Москве определяло ее преимущества в организации разведывательной работы в сравнении с разведчиками, приезжавшими в Москву под дипломатической или иной «крышей» на 2–3 месяца. Трудно сказать, сколько было всего написано и отправлено донесений в 1684–2000 гг. В сборнике «Письма и донесения иезуитов конца XVII и начала XVIII века» (СПб., 1904), помещены 3 донесения за 1698–1699 гг., 9 донесений за 1701 г., 7 донесений за 1702 г. Дальше в XVIII в. постараемся по возможности не углубляться.

Во-вторых, численность миссии в среднем составляла два человека, что, с одной стороны, ограничивало ее возможности, но с другой, позволяло московским властям достаточно комфортно контролировать ее деятельность. Члены миссии это понимали и старались действовать осторожно.

В-третьих, в отличие от работы подобных миссий на других территориях, члены миссии Ордена в Москве вели разведку Сибири, не выезжая за пределы Москвы, их ноги никогда не ступали на сибирскую землю. Им это не было разрешено. Они не имели возможностей проехать нужным маршрутом, лично посетить те или

[527] Цит. по: Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 2. 1686–1691. С. 751.

иные населенные пункты, например, Тобольск, Иркутск, Нерчинск и другие, произвести инструментальные измерения на местности (измерить координаты географических объектов, расстояния между ними, ширину и глубину рек и т.д.), побеседовать с землепроходцами и другими информированными жителями Сибири и т.п. Они не имели возможности получить нужное содействие от царской администрации на местах в отличие от миссионеров, действовавших на колониальных заморских территориях.

В-четвертых, членам миссии приходилось использовать в качестве источников информации москвичей, хорошо знавших, как правило, безопасные пределы передачи сведений о Сибири иностранцам, или приезжавших в Москву по служебной надобности лиц (купцов, возвращавшихся из Сибири военнопленных и ссыльных, католиков по вероисповеданию и других).

И, в-пятых, миссия не ограничивалась только разведкой Сибири; поиск транспортных путей через Сибирь (или вокруг Сибири) или по Волге и Каспийскому морю в богатые страны Востока также входил в круг ее разведывательных интересов. Конечно, на наш взгляд, главные задачи миссии все-таки были другие — разведка Российского государства и Русской православной церкви, подрывная деятельность, но разведка Сибири (уже в рамках разведки Российского государства) и поиск путей в страны Востока занимали в перечне задач последующие места.

Приведем несколько выдержек из донесений членов миссии.

Из донесения миссионера Геральда от 23 сентября 1698 г. иезуиту Франциск Дубскому: «...Отец генерал Вашего ордена писал к нашему господину послу, прос его похлопотать, чтобы дозволен был проезд вашим отцам в Китай. На успех этог дела большая надежда, ибо добрый господин посол весьма предан Вам и для этог дела не жалеет никаких издержек, которые здесь составляют самый могуществе ный рычаг для достижения чего-либо. Сегодня я был в городе у одного из наибо лее богатых купцов на обеде, на который был приглашен им. Он человек доволь но большаго ума и занимается охотно геометрией и пр. Он ведет торговлю в Кита и имеет там своего агента. От этого агента он получил письмо, в котором тот, меж ду прочим, говорит, что находящихся там римских отцов начинают подвергать пр следованию и препятствиям в деле крещения, но не объясняет, за что и как? Это человек (купец) для меня весьма дорог, так как через него я могу проводить и по лучать, то, что хочу; но все это я должен делать осторожно, чтоб он этого не заме тил. В октябре придет оттуда другой караван и с ним люди этого купца. Я надеюс что они принесут какое-нибудь письмо от отцов иезуитов с известиями. В феврале Китай отправятся другие купцы...»[528]. Судя по содержанию письма, члены миссии создали устойчивый канал связи Европа – Москва – Пекин. Таким каналом нужно было очень дорожить из-за его большей безопасности по сравнению с морским пу тем из Европы вокруг Африки в Китай, да и времени он занимал намного меньше.

23 июня 1699 г. Франциск Иоанн Эмилиани сообщал в своем донесении о со бытиях в Сибири и на российско-китайской границе: «...В Сибири, которая все бо лее и более заселяется отправляемыми туда ссыльными, русские имеют уже и сво церкви и своих священников, но священники имеют там меньше значения и мене

[528] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 11–12.

видны, чем здешние... В то самое время, как мы уже здесь, сюда приведен в цепях воевода той русской земли, которая граничит с китайскими владениями. Он посылал своих людей на грабеж. Они наделали разнаго рода убытков китайцам, которые и потребовали от этого воеводы удовлетворения. Испугавшись китайцев, воевода одним из своих людей отрубил головы, другим отрезал носы и уши. Такой поступок возбудил сильный мятеж в том народе, который не мог выносить, чтобы воевода наказывал за то, что сам приказывал делать, и хотел этот народ отдать себя и свою землю китайцам. Но этому воспротивились наши отцы и возстановили нарушенное спокойствие, как удостоверяют в этом известия, полученныя здесь прошлою зимою. Я имел все это дело из канцелярии (за деньги, ведь, можно иметь все), но у меня не было переводчика, который бы мог списать это»[529]. Спрашивается, зачем члену миссии Ордена иезуитов, иностранцу, так нужно было ознакомиться с делом арестованного русского воеводы, что он даже пошел на риск, на дачу денежной взятки чиновнику Сибирского приказа?

Далее в этом же донесении Ф.И. Эмилиани кратко вспомнил о подписании в 1689 г. Нерчинского договора между Россией и Китаем: «Равным образом немного лет тому назад русские перешли за свои границы и присвоили себе часть китайской земли, на которой была более богата ловля соболей, и не хотели возвращать назад ту землю китайцам. Китайцы выступили против русских с 300 тысяч солдат, тогда как у русских было не более двенадцати тысяч, и китайцы совершенно истребили бы их, если бы не вмешались наши отцы и не выпросили для русских пощады... Головин, чтобы оправдать себя в том, что потеряна эта земля, не постыдился свалить всю вину на иезуитов...»[530]. О российско-китайских переговорах Ордену иезуитов было известно практически все, так как советниками китайского императора по вопросам российско-китайских отношений и участниками этих переговоров были члены миссии Ордена в Китае, в частности, Томас Перейра и Жан Франсуа Жербийон. Выше мы о них уже говорили.

В донесениях членов миссии нашлось место как сведениям о путях в Китай и другие богатые страны Востока, так и желанию лично этими путями пройти.

Миссионер Геральд писал в донесении от 23 сентября 1698 г. иезуиту Франциску Дубскому: «Хороший наш друг из Польши получил известие, что, когда царь проезжал через Замостье, то там уже находился папский нунций, господин Паулуччи, которому царь подарил весьма драгоценный крест; а нунций, заметив, что царь к нему весьма расположен, обратился с просьбой, чтобы царь дал позволение свободно проходить в Персию и Китай труженикам (во Христе) и чтобы сделал это исключительно для вашего общества. Царь ответил на это: "из наших земель изгнаны евреи и иезуиты". Когда же нунций стал настаивать, то царь наконец ответил: "... по мне все равно, пусть идут, но я не хочу дать ручательства за их безопасность от разбойников..."[531]. Фабрицио Паолуччи, кардинал с 22 июля 1697 г., государственный секретарь Ватикана с ноября 1700 г. Конечно, царская позиция никак не устроила миссию.

---

[529] Там же. С. 36–37.

[530] Там же. С. 37.

[531] Там же. С. 14–15.

23 июня 1699 г. член миссии Ф.И. Эмилиани продолжил эту тему: «Сами русские признают, что испытали там от лиц нашего ордена великую любовь и отеческое расположение, весьма их хвалят, а что касается купцов, то я достовернейшим образом знаю, что они весьма охотно возили бы с собою туда наших людей, потому что это доставляло бы огромную пользу и им было бы выгодно иметь с собою таких лиц; но диавол и тут занял дорогу вельможами, которых подстрекнули кальвинисты. Так как здешняя страна вступила в большия торговыя сношения с голландцами, а теперь даже и с англичанами, то вельможи прилагают крайнее старание, чтобы здешний краткий путь из Европы в Китай не был доступен иезуитам, потому что русские скорее согласились бы, чтобы их всех изгнали из Китая, нежели дать возможность хотя бы одному иезуиту проникнуть к китайцам. Они говорят, что где иезуиты, там нет над их делами божьяго благословения, а только одни несчастия. Когда же в разговоре затрагивалась та мысль, неужели никакой купец не мог бы взять с собою, по крайней мере, иного католического священника, то мне был дан такой ответ, что всякий (латинский священник), который бы покусился пройти туда через Сибирь, непременно будет заподозрен, что он иезуит, и что тогда такой купец будет в опасности подвергнуться смертной казни и лишению всего своего имущества. Это мне подтвердил и славнейший г. посол. Он сказал, что русские считают тайными иезуитами тех отцов францисканцев, которые весьма недавно пытались пробраться в Китай через Сибирь, и еще недавно русские спрашивали посла, ушли ли уже его иезуиты?

...Здесь я познакомился с неким армянским купцом, знающим итальянский язык, который мне разъяснил, что есть другая дорога в Китай, более краткая, чем через Тобольск и Сибирь, — это именно через Самарканд; но так как принципал этого купца вдруг решился уехать, то я и не мог с ним больше видеться и получить более полныя сведения об этой дороге. Я желал бы переслать вам те сведения, какие уже получил, но у меня неверная карта. Бог даст другой удобный случай. Конечно, я мог бы узнать и побольше, но неудобно было, потому что нужно выведывать, как бы мимоходом, и как бы сетью вылавливать, чтобы не обратить внимания. Однажды в разговоре было сделано такое заявление: так как иезуиты богаты, то, принося подарки, быть может, могли бы открыть себе эту дорогу серебряным или золотым ключом. На это один человек из здешних, хорошо знающий дело, ответил: «Конечно, их провели бы до Тобольска, но дальше нужно было бы опасаться, что их убьют частным образом и распространят слух, что они или убиты варварами, или погибли от болезни, потому что для русских сделать так — пустяки...»[532].

В этом донесении четко изложена позиция царского правительства по отношению к иезуитам и их попыткам проникнуть в Сибирь и через Сибирь в Китай. Ф.И. Эмилиани подробно рассказал о предпринятых им мерах по решению поставленной перед миссией задачи, не стесняясь говорил о таких методах своей работы, как выведывание и подкуп, направление «своих» людей в составе купеческих караванов в Китай и из Китая в Москву и пр. Обратите внимание — Ф.И. Эмилиани сам сказал, что для сбора географических сведений о Сибири у него есть карта, правда, «неверная».

[532] Там же. С. 38–40.

Ф.И. Эмилиани упомянул о неких францисканцах. Коротко о них. И.Г. Корб пишет в своем «Дневнике», что 15 февраля 1699 г. в Москву прибыли «...четыре Францисканца, Итальянские Апостолические Миссионеры, направляющиеся в Китай; с ними приехал один Поляк, Терциарий ордена Св. Франциска, служивший им переводчиком вплоть до Москвы. Они привезли с собой письма к его Царскому Величеству от Цесаря, Польского Короля и Венецианской Республики, имея в виду добиться больших удобств при проезде через Сибирь и воспользоваться этим сокращенным путем...»[533]. Этими францисканцами являлись: Иоанн Баптист Селицет, Габриэль Антоний Иоганн де Санто, Карло Костарани и Викентий Ароате. Ехать в Китай через Сибирь францисканцам не разрешили, и 12 мая того же года они отправились в Китай через Персию. При этом Петр I распорядился обеспечить францисканцев кораблем по Волге и продовольствием вплоть до Каспийского моря. Что же касается терциария, то ими назывались люди, носившие монашескую одежду, подчинявшиеся уставу и правилам Ордена францисканцев, но еще не принявшие священного сана. В нашем случае терциарий выполнял функции проводника и переводчика.

Когда в 1692 г. в Китай из Москвы отправилось посольство Избранта Идеса, члены миссии целенаправленно собирали сведения о целях и задачах посольства, результатах переговоров, о персональном составе посольства. Не исключено, что собранные ими в Москве сведения были переданы в Китай членам миссии Ордена для использования в работе с участниками российского посольства. Вот, например, что писал Ф.И. Эмилиани в своем донесении от 23 июня 1699 г.: «...один из них хирург, котораго в столь многих странах нигде не могли обратить в католичество, был там обращен в католическую веру нашими отцами. Он возвратился сюда и теперь уехал отсюда в католические земли»[534]. В донесении речь идет о члене российского посольства Христофоре Карстенсе, «из аптеки лекаре». Судя по приведенной выдержке, вряд ли будет ошибочным предположить, что сведения о «перспективном кандидате» Карстенсе были переданы из Москвы в Пекин и там эффективно использованы в интересах Ордена. Мы не будем подробно рассказывать о посольстве Избранта Идеса и деятельности миссии иезуитов в Москве по его изучению, потому что, во-первых, наиболее полными сведениями располагали работавшие с ним члены миссии Ордена в Пекине, они же и докладывали о результатах своей работы; во-вторых, вскоре после возвращения посольства в Москву (1695) официальный отчет о поездке (статейный список) был опубликован в Европе, и Рим мог приобрести нужное ему количество экземпляров этого важного российского государственного дипломатического документа (это уже не выведывание. Это официальный документ, который докладывался царю. Об этом можно было мечтать). Вдобавок, посольство выезжало из Москвы в Китай тогда, когда иезуитов в Москве не было, им разрешили возобновить свою деятельность только в апреле 1698 г., а посольство выехало в марте 1692 г.

Члены миссии не оставили без внимания народы, проживавшие на транспортных путях в Китай и богатые страны Востока. 23 июня 1699 г. Ф.И. Эмилиани пи-

---

[533] *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). Пер. с нем. СПб., 1906. С. 125.

[534] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 38.

сал: «Кроме русских у нас есть дела с армянскими и персидскими купцами, но дела весьма приятныя, потому что они имеют обыкновение часто ходить в нашу церковь и дружески с нами разговаривают. Не все они римскаго исповедания, или униаты, многие из них евтихиане и несториане, но так как русские не пускают вообще армян в церкви, то все они обыкновенно идут в нашу церковь. Обыкновенно через них пишет к нам отец Иоанн Баптист Ламаччи, миссионер нашего ордена в Шемахе, за Каспийским морем, ближайший наш сосед, живущий от нас на разстоянии двухмесячнаго пути или 540 миль. Через них-то он сообщает нам о ходе своих дел… Здешние татары разделяются на два вида: во-первых, пленные из Крыма, Очакова, Буджака и с берегов Чернаго моря, из населяющих Армению и Трапезунд до берегов моря… Во-вторых, татары, которые живут от Астраханивверх до изгиба Волги, а также в другую сторону до Джагатая и Тибетскаго царства. Все они магометане. Но есть еще татары язычники… Живущие у реки Оби, как мне разсказал один родственник господина сибирскаго канцлера, каковы, напр., остяки, тунгузы, тингоесты и проч., почитают тех животных, которыя более всего вредят им. Остальные преданы великому ламе из Баранталы. Из них есть некоторые и в Москве. У них есть и здесь свои идолы, весьма удивительные. Самогиты (самоеды), живущие близ Архангельска, почитают вместо Бога сделанный с удивительным искусством из теста рог барана, Этого бога мы имели в своих руках… Что делается в Югрии… ничего я не мог узнать… Я познакомился также с одним купцом, который знает Тибетское царство (отсюда можно дойти до Тибета или, как обыкновенно говорят русские, в Девет в два месяца), но также ничего не мог узнать или они не умели мне сказать, есть ли там следы св. веры, которую занес туда около 1626 года почтенный отец Андрат и затем некоторое время распространяли ее наши отцы…»[535]. Заслуживает также внимания упоминание о родственнике сибирского канцлера. Главой Сибирского приказа (сибирским канцлером) в это время являлся Андрей Андреевич Виниус, принявший православие голландец, прошедший путь от подъячего и переводчика до царского сановника, главы Приказа. Этот исторический персонаж активно участвовал в реформах Петра I, но одновременно и передавал иностранным дипломатам и разведчикам русские картографические материалы о Сибири и путях через Сибирь в Китай. Рассказ о нем выходит за тематические рамки нашей книги.

Рим не только собирал географические сведения о транспортных путях из Москвы в богатые страны Востока — в Китай, Индию, Персию, Бухару. Один из этих путей — из Москвы по Волге через Астрахань и по Каспийскому морю в Персию был многократно пройден в XVI–XVII вв. в принципиально разных условиях. В частности, купцами, дипломатами и миссионерами; в мирное и совсем не мирное время (накануне и в самый разгар «Смутного» времени, после подавления восстания под водительством С.Т. Разина, в завершающий период подготовки заговора царевны Софьи, сразу после подавления стрелецкого мятежа 1698 г., сразу после объявления Россией войны Швеции в августе 1700 г. и др.); в одиночном порядке и группами; представителями различных католических орденов — августин-

[535] Там же. С. 34–35.

цем, кармелитами, францисканцами, доминиканцами, иезуитами; зимой и летом; из Европы через Москву в Персию и из Персии через Москву в Европу. С письменными ходатайствами (грамотами) к российским царям о пропуске этих т.н. «транзитников» через территорию Росийского государства в Персию или Китай обращались папы Римские или по их поручению императоры Священной Римской империи германской нации и короли Польши, а также король Франции Людовик XIV. О некоторых из них мы уже выше подробно рассказывали, о других расскажем в последующих главах.

Транспортный путь Москва – Астрахань – Персия и обратно был детально исследован в обоих направлениях. Причем внимание уделялось не только сведениям географического характера, но и выяснению отношения царского правительства и властей на местах к различным категориям «транзитников» — купцам, дипломатам, миссионерам; в отношении миссионеров сразу требовал разрешения вопрос, члену какого католического ордена легче получить разрешение на проезд. Изучались и такие вопросы, как вид транспорта, стоимость и продолжительность проезда, условия безопасности, особенности климата, условия питания и проживания в пути, одежда, способы и возможности преодоления языкового барьера и т.д.

Более чем вероятно, что в процессе изучения транспортных путей через Московию в страны Востока Рим также использовал время от времени издававшиеся в Европе книги о проследовании этими путями граждан других государств. Например, посла Священной Римской империи германской нации в Персию Георга Тектандера фон дер Ябеля, проследовавшего туда через Москву с 6 ноября по 7 декабря 1602 г. и обратно из Москвы в Вену 24 августа 1604 г. (отчет о поездке был доложен императору Рудольфу II 8 января 1605 г.). Рим вполне мог заполучить копию этого отчета или добыть книгу о поездке, изданную в 1609 г. в Альтенбурге. Или «Описание путешествия в Московию и Персию» члена посольства герцога Шлезвиг-Голштинии Фридриха III, известного Адама Олеария (из Москвы в Персию посольство выехало 1 июля 1636 г., вернулось из Персии в Москву 2 января 1639 г.), книга издавалась в 1647 и последующие годы. Издавались и другие книги. По маршруту Москва – Астрахань – Персия ездили также английские, голландские и шведские купцы и дипломаты. Какие-то сведения могли становиться известными Риму и от них.

Глава 5. Подрывная деятельность Ватикана против Московии

Понятие подрывной деятельности и ее основные направления в XVI–XVII столетиях. Попытки склонения русских князей в католичество и к отступлению от православия. Ватикан и русские цари. Попытки вооруженного свержения русских князей и царей, организация крестовых походов. Антонио Мария Грациани, Винченцо Лаурео, Альберто Болоньетти, Антонио Поссевино. Зоя Палеолог и Иван III Васильевич, политический брак между Римом и Москвой. Ю.М. Траханиот — вероятный агент Рима при царском дворе. А.Ф. Палеолог и концепция «Москва — III Рим», папский наказ послу Александру Комулею. Папский нунций Андреа Калигари и проект захвата Дании с ущемлением интересов Московского государства. Проект иезуита Вильгельма Леммермана. Диспут с Иваном Грозным — первая прямая попытка склонить русского царя в католичество. Ватикан и самозванцы, претенденты на царский престол. Захватывающая эпопея по Руси члена Ордена августинцев Николая де Мело. Заговор царевны Софьи и гетмана Мазепы.

Под подрывной деятельностью Ватикана против Российского государства мы понимаем деятельность, направленную на подрыв, ослабление, дискредитацию институтов государственности, ослабление обороноспособности, экономики и финансовой системы Российского государства, нарушение его суверенитета и территориальной целостности, устранение или замену царя всея Руси и царской власти.

К основным направлениям подрывной деятельности можно отнести:

– попытки склонения русских Великих князей, а затем и царей всея Руси отказаться от православия и принять католичество и корону из рук папы Римского как первый и решающий шаг обращения всего русского народа в католическую веру;

– попытки насильственного (вооруженного) свержения неуступчивых русских царей и возведения вместо них на Московский престол угодных Ватикану монархов. Организация Ватиканом антироссийских военных и военно-политических союзов и акций, привлечение к вооруженной борьбе против России не только католических, но и протестантских и исламских государств, использование русской оппозиции царю;

– создание вокруг Российского государства зоны политической и экономической изоляции от Европы, фактической блокады, направленной на его политическое, военное и экономическое ослабление.

В 1589 г. в Венеции член Ордена иезуитов, священник, дипломат, политолог и поэт Джованни Ботеро (1544–1617) опубликовал свой трактат «Государственный интерес». И вот как названные выше цели и методы подрывной деятельности звучали в документе, которому сегодня 425 лет: «Известным видом предосторожности является сеяние наибольшего количества раздоров во вражеских или сосед-

них странах. Необходимо поддерживать связи с советниками, вельможами, военачальниками и людьми, имеющими влияние у правителя. Цель состоит в том, чтобы убедить их не поднимать оружие против нас и обратить его в другом направлении, сделать их безвредными вследствие медленного осуществления их намерений или даже побудить помочь нам, сообщая о своих планах. Ведь удар, который ожидаешь, когда он обрушится, причиняет меньше вреда. И если интриги оказываются настолько смелыми, что придают действиям в другой стране характер восстаний, измены или мятежа, то тем лучше. Мы можем быть более уверенными в мире у себя, если нарушим мир у наших врагов...»[536]. В подрывной деятельности «против врагов веры» Д. Ботеро призывал использовать тот метод, который использовало правительство королевы Англии Елизаветы I против Испании, Франции и др. Интересно и важно, что методы подрывной деятельности Ватикана, как мы видим, имели теоретическое обоснование уже в конце XVI столетия.

Многовековая история отношений России с Ватиканом включает в себя организацию и финансирование крестовых походов против России, свержение неугодных русских царей и патриархов Московских и всея Руси, поддержку самозванцев — претендентов на царский русский трон. При этом Ватикану ни разу не удалось решить принципиально важную для него задачу — склонить русского монарха к принятию католичества. Среди русских Великих князей, царей и императоров (императриц) нет ни одного, который бы предал Русскую православную церковь и принял бы католичество. Это было бы предательством не только церкви, но и фактическим предательством Родины и своего народа. А история этих отношений насчитывает почти 900 лет, если начинать отсчет со времени отделения Римской католической церкви от Восточной православной в 1054 г. до свержения династии Романовых в 1917 г.

Почему такое большое значение придавалось обращению в католичество русских монархов? Ватикан хорошо понимал особенности российской государственности и, прежде всего, то, что только русские монархи, обладавшие абсолютной самодержавной властью, могли принять нужное Ватикану решение, обязательное для всех своих подданных. Пример князя Владимира I, крестившего Русь, стоял перед глазами у пап Римских и вселял некую надежду на повторение, правда, в другой редакции.

Вот, например, что писал Иоанн Кобенцель в семидесятых годах XVI в. архиепископу Николаю Дражковичу: «Они видят в нем причастника верховной благодати и исполнителя Воли Божественной, и потому без ропота исполняют все его повеления, и можно быть уверену, что если бы этот Государь захотел приступить к соединению ее с Апостольским престолом, подданные его последовали бы его примеру»[537]. Здесь идет речь о народе и царе Московии.

Несколько попыток склонения русских князей к принятию католичества было сделано Ватиканом задолго до образования централизованного Российского государства. 800 лет назад, в 1203 г., папа Иннокентий III направил своего легата в Западную Русь к князю Роману Мстиславовичу Волынскому (Галицкому), хорошо известному в Европе своими победоносными походами. По поручению папы легат

---

[536] Цит. по: *Черняк Е.Б.* Интриги старины глубокой. С. 289–290.

[537] Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века. С. 152.

объявил князю, что «взамен обращения в латинство Иннокентий готов даровать ему многие города и земли; «мечом св. Петра папа сделает тебя великим королем»[538]. Как и следовало ожидать, попытка оказалась неудачной, и в 1207 г. папа Иннокентий III направил письмо уже ко всем русским, призывая «дочь вернуться к матери, а член к главе»[539]. Эта попытка также оказалась тщетной. Затем папа Григорий IX направил послание с предложением принять католичество великому князю Владимирскому Юрию II Всеволодовичу, который погиб в 1238 г. в сражении с войсками хана Батыя.

23 января 1248 г. папа Иннокентий IV подписал послание к Александру Невскому и отправил его с чрезвычайным посольством. В этом послании папа настойчиво предлагал Александру Невскому принять католичество: «...ревностно увещеваем, дабы ты матерь Римскую церковь признал и ее папе повиновался, а также со рвением поощрял твоих подданных к повиновению апостольскому престолу, чтобы вкусить тебе от неувядаемых плодов вечного блаженства. Да будет тебе ведомо, что, коль скоро пристанешь ты к людям, угодным нам, более того — Богу, тебя среди других католиков первым почитать, а о возвеличивании славы твоей неусыпно радеть будем...»[540]. Александр Невский категорически отверг предложение Рима. Этот же папа Иннокентий IV дважды безуспешно пытался склонить к принятию католичества князя Даниила Романовича Галицкого (1246–1249 и 1253–1255).

Ватикан и русские цари. На протяжении XVI–XVII столетий Ватикан рассматривал склонение русских царей к унии с Римской католической церковью как важную задачу, решение которой могло кардинально изменить ситуацию в его пользу на огромной территории Московского государства. По этой причине русские цари находились в сфере не только постоянного интереса Ватикана, но и зачастую его целенаправленного воздействия с использованием различных возможностей (в зависимости от реальной политической обстановки в Московии и характера отношений между Москвой и Римом в конкретный период времени). О разведывательном изучении русских царей мы выше уже рассказывали. Пришло время поговорить о воздействии на царей как форме подрывной деятельности против Московского государства.

Воздействие на русских царей осуществлялось, как правило, по нескольким направлениям. Во-первых, через направлявшихся в Москву папских дипломатов, а также дипломатов дружественных Ватикану государств; во-вторых, путем письменного обращения пап Римских к русским царям; в-третьих, путем заключения политических браков, использования эмиссаров, своего рода агентуры влияния (если так можно выразиться) из числа царских подданных и иностранцев в царском окружении. Разумеется, воздействие это было целенаправленным, но назвать его постоянным или непрерывным нельзя. За два рассматриваемых столетия полити-

538 *Воейков Н.Н.* Церковь, Русь и Рим. Джорданвилль: издание Свято-Троицкого монастыря, Н.И. США, 1983. С. 241.

539 Там же. С. 242.

540 Послание папы Иннокентия IV князю Александру Ярославичу от 23.01.1248 // Крестоносцы и Русь. Конец XII – 1270 г. М., 2002. С. 264–265.

ческая обстановка в Московии так менялась, что иногда она способствовала, а иногда препятствовала осуществлению этого воздействия на царей. Было бы только неправильно оценивать это воздействие как акт прямого обращения к царю с предложением принять католичество взамен королевского титула, или короны, или признания других европейских монархов. Любой контакт папского (да и вообще иностранного) дипломата с царем (на аудиенции, на торжественном обеде и др.) содержал в себе множество различных факторов, воздействовавших на царя подчас самым неожиданным образом. Здесь все имело значение в сравнении с русскими национальными и православными обычаями и законами: внешний вид — побрит, пострижен, надушен (запах), одежда, обувь; манеры поведения, представительность и воспитанность, соблюдение дипломатического этикета, умение производить и внушать нужное впечатление, осанка, речь, обращение к царю, боярам, дьякам и переводчикам, членам дипломатической миссии; компетентность, образованность, знание обстановки в Московии, Европе и мире, знание проблем католичества и православия и т.д. На наш взгляд, воздействие носило комплексный характер, содержало в себе, как минимум, несколько составляющих, но эффективность его была достаточно низка из-за ошибок в оценке личности царя, степени приверженности его к православию и отношения к католицизму, слабого знания роли Русской православной церкви и политической обстановки в Московии.

Проиллюстрируем этот вопрос схематично и применительно к каждому царствованию, имея в виду, что о наиболее существенных эпизодах мы будем говорить отдельно и намного подробнее.

Иван III Васильевич (1462–1505): приезжали папские послы Юрий Мануилович Траханиот (1469, 1472), Антонио Бонумбре (1472), венгерский посол Сигизмунд Сантай (1503) с поручением папы Александра VI; царю направляли грамоты папы Павел II, Сикст IV, Александр VI. Именно в это царствование был заключен политический брак — воспитанница Рима Зоя Палеолог была выдана замуж за Ивана III Васильевича, но связанные с этим браком планы Рима реализованы не были (подробнее об этом ниже).

Василий III Иванович (1505–1533): приезжали папские послы Паоло Чентурионе (1520–1521, 1525), Иоанн Франциск де Потенциа (1526), посол великого магистра Тевтонского ордена Альбрехта Дитрих Шонберг (1517, 1518 и 1519) с поручением папы Льва X; царю направляли грамоты папы Лев X и Климент VII. В царствование Василия III Ивановича в Москве действовал эмиссар Ватикана Николай Булев, он же Николай Любчанин (подробнее об этом ниже). Вот что писал о миссии П. Чентурионе очевидец тех событий Паоло Джовио: «...Климент VII, видя, что Павел все еще помышляет в своем безумии о путешествии на восток, отправил его в Москву с грамотою, в которой с самыми благосклонными увещаниями приглашал Василия признать величие римской церкви и заключить в религиозном единомыслии вечный союз, который, по свидетельству папы, будет весьма полезен и почетен для государя московского; при этом папа, по-видимому, обещал, что если Василий, отвергнув догматы греческой веры, обратится к покровительству римской церкви, то он, папа, на основании святейшей власти первосвященника, назовет его королем и дарует ему королевские отличия...»[541].

[541] *Джовио П.* Книга о московитском посольстве // Все народы едино суть. С. 486–487.

Дитрих Шонберг передавал великому князю Московскому Василию III Ивановичу от имени папы Римского Льва X следующее: «Папа хочет великого князя и всех людей Русской земли принять в единение с римскою церковью, не умаляя и не переменяя их добрых обычаев и законов, хочет только подкрепить эти обычаи и законы и грамотою апостольскую утвердить и благословить. Церковь греческая не имеет главы; патриарх константинопольский в турецких руках; папа, зная, что на Москве есть духовнейший митрополит, хочет его возвысить, сделать патриархом, как был прежде константинопольский, а наияснейшего царя всея Руси хочет короновать христианским царем. При этом папа не желает себе никакого прибытка, хочет тлько хвалы Божией и соединения христиан. Известно, что Литву не надобно оружием воевать: время ее воюет, потому что король Сигизмунд не имеет наследника, после его смерти Литва никак не захочет иметь над собою государя из поляков, а поляки не захотят литвина, и оттого оба государства разорятся. А если великий князь захочет стоять за свою отчину константинопольскую, то теперь ему для этого дорога и помощь готовы»[542]. Альбрехту Бранденбургскому был дан следующий ответ: «Государь наш с папою хочет быть в дружбе и согласии; но как прежде государь наш с Божиею волею от прародителей своих закон греческий держал крепко, так и теперь с Божиею волею закон свой держать крепко хочет»[543].

Иван IV Васильевич (1547–1584): приезжал папский посол Антонио Поссевино со свитой из пяти членов Ордена иезуитов (1581–1582); царю, царице и двум царским сыновьям направлял грамоты папа Григорий XIII. Он писал в грамоте от 15 марта 1581 г.: «...посылаем до величества твоего книгу собору Флорентинского... просимо, чтоб ты ее чел и своим дохтором велми прикажи, чтоб ее чли, великую против того Божию милость и мудрость и разум возмешь; а яз от тебя только одного хочу так, чтоб Святая и Апостольская церковь с тобою в одной вере была и милостью и божеством, а иные твоему величеству от нас и ото всех хрестьянских князей все будет готово»[544]. Между Антонио Поссевино и Иваном Грозным состоялся религиозный диспут (подробнее об этом ниже).

Интересно познакомиться с подготовленным в Риме в середине XVI столетия (т.е. в период царствования Ивана Грозного) схематическим проектом обращения Московии в католичество: «1) Московский князь, имеющий получить сан короля обязывается послать в Рим послов, которые дадут присягу на верность и послушание папе и Римской церкви. Коронация совершёна будет Московским архиепископом, который назначается примасом королевства и примет от короля присягу на верность папе. 2) Примас избирается местным духовенством, но утверждается папой, который посылает ему паллий. Избранный в примасы должен или сам лично или через прокуратора принести папе присягу на верность. 3) Король и примас дадут присягу и примут все меры, чтобы Московская церковь в возможно скорейшем времени соединилась с Римскою. 4) Принять меры к заключению мира между Москвой, Польшей и Ливонским орденом, дабы эти государства могли вступить в во

[542] Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 3. С. 307–308.

[543] Там же. С. 308.

[544] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. X. СПб. 1871. Стб. 83–84.

йну с Татарами иТурками...»[545]. Четкий и откровенный документ, который, правда, реализован не был. Паллий (или паллиум) — принадлежность архиерейского облачения в католической и униатской Церквах, выдавался папами Римскими вновь назначенным митрополитам, архиепископам и епископам.

Федор Иванович (1584–1598): приезжал папский посол Александр Комулей (1595, 1597); царю направляли грамоты папы Григорий XIII, Сикст V, Климент VIII. Александру Комулею «было наказано склонять царя к войне с турками, склонять внушением страха перед могуществом турок, указанием выгод, которые могут получить русские от приобретения счастливых южных стран в сообществе с народами, искусными в деле ратном, напоминанием, что Византия есть наследственное достояние государей московских, что народы, угнетаемые турками родственны русским по языку и вере. Комулей должен был также хлопотать о соединении церквей; внушать, что один папа может утверждать государей в королевском достоинстве, что истинная церковь в Риме, а не в Константинополе, где патриархи рабы султана. Ход переговоров и следствия их нам неизвестны»[546]. Судя по развитию дальнейших событий, дипломатическая миссия А. Комулея окончилась безрезультатно для Рима — царю Федору Ивановичу из-за болезни было не до войны с турками. Да и принимать католичество он не собирался, свои земные дела он заканчивал в православной вере (умер царь Федор Иванович 7 января 1598 г.).

Борис Годунов (1598–1605): его царствование прошло без приездов в Москву папских послов. Борису Годунову направлял грамоты папа Климент VIII (1601) с просьбой оказать покровительство и помощь папским послам, направляемым через Москву в Персию, и (1604) с просьбой разрешить проезд через Московское государство миссионеров-членов Ордена кармелитов. В этом же году государственный секретарь Ватикана кардинал Альдобрандини повторил в своем письме просьбу разрешить проезд через Московское государство миссионеров-членов Ордена кармелитов.

Федор Годунов (1605): после полуторамесячного пребывания на троне убит сторонниками ставленника Ватикана Лжедмитрия I во время мятежа в Москве 3 июня 1605 г.

Лжедмитрий I (1605–1606): приезжали посланец папского нунция в Польше Луиджи Пратиссоли (1605) и папский посол Александр Рангони (1606); Лжедмитрию I направляли грамоты папы Климент VIII и Павел V, а также король Польши Сигизмунд III. В царствование Лжедмитрия I был заключен политический брак — католичка Марина Мнишек была выдана замуж за Лжедмитрия I, но связанные с этим браком планы Рима реализованы не были, 17 мая 1606 г. самозванец был убит (подробнее об этом ниже). С Лжедмитрием I как с претендентом на царский трон и царем активно работали папский нунций в Польше Клаудио Рангони, кардинал Бернард Мацеевский. А также член Ордена иезуитов, духовный отец самозванца Каспар Савицкий (1552–1620), члены Ордена иезуитов, наставники самозванца Андрей Лавицкий (ок. 1571–1631) и Николай Чировский (супериор миссии), претендентка в русские царицы, а затем и царица Марина Юрьевна Мнишек, ее отец (тесть самозванца), видный польский сановник и воевода Юрий Мнишек.

---

[545] *Успенский Ф.И.* Сношения Рима с Москвой. С. 402–403.

[546] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 4. С. 272.

Василий Шуйский (1606–1610): его царствование прошло без приездов в Москву папских послов и переписки с папами Римскими. Он был насильственно свергнут членами пропольской оппозиции в Москве и передан польским властям. Фактически с ним были сведены счеты за свержение с трона и убийство Лжедмитрия I. Василий Шуйский откровенно мешал захвату русского трона поляками.

Михаил Федорович (1613–1645): уроки «Смутного» времени не прошли даром для Москвы, Рима и Варшавы; в его царствование не было приездов в Москву папских послов и переписки с папами Римскими.

Алексей Михайлович (1645–1676): его царствование прошло без приездов в Москву папских послов и переписки с папами Римскими. Одно письмо о заключении унии между Римской католической и Русской православной Церквами было направлено в Москву 25 марта 1668 г. королем Польши Яном II Казимиром. В царствование Алексея Михайловича в Москве активно действовали эмиссары Ватикана Георгий Крижанич, Арсений Грек, Паисий Лигарид и Яков Рейтенфельс. С царем и его детьми начал работать пролатински настроенный священнослужитель, учитель и воспитатель Симеон Полоцкий (подробнее об этом ниже).

Федор Алексеевич (1676–1682): его царствование прошло без приездов в Москву папских послов и переписки с папами Римскими. С царем и его сестрой Софьей продолжали работать пролатински настроенные священнослужители и учителя Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев (подробнее об этом ниже).

Правительница Софья (1682–1689): транзитом в Персию проезжал папский посол Себастиан Кнабе (1684), с дипломатической миссией от императора Леопольда I приезжал видный член Ордена иезуитов Карло Маурицио Вота. Царевна Софья участвовала в царских аудиенциях в качестве правительницы. Иоганн Игнатий Курц, посол императора Леопольда I, доставил в Москву и 10 июня 1685 г. вручил грамоту папы Иннокентия XI правительнице Софье и царям Ивану и Петру Алексеевичам. Пролатинское влияние на нее оказывали Сильвестр Медведев и фактический глава правительства боярин и князь Василий Васильевич Голицын. В этот период по ее разрешению в Москве открыта миссия Ордена иезуитов и школа при ней, начато строительство католического храма (подробнее о царевне Софье и ее заговоре ниже).

Петр I (фактически 1689–1725): папские послы в рассматриваемый нами период (по 1700 г. включительно) в Москву не приезжали, кроме следовавшего транзитом в Персию Петра Павла Пальма д`Артуа (1698), члена Ордена кармелитов, выступившего без всякого разрешения с публичной проповедью в Москве (подробнее об этом ниже). Царю направляли грамоты папы Иннокентий XI и Иннокентий XII. Изменение дипломатического протокола и режима пребывания иностранцев в Москве позволило вступать в контакты с царем (разумеется, в определенных условиях) членам миссии Ордена иезуитов в Москве Иоанну Франциску Эмилиани, Иоанну Беруле, а в самом начале XVIII в. — дипломатическому эмиссару по связи Петра I с Римом, Веной и Варшавой иезуиту Илии Броджио (он же Петр Иоганн Брогги). Вот что докладывал из Москвы в Лондон государственному секретарю Роберту Гарлею английский дипломат и разведчик Чарльз Витворт 5 марта 1707 г.: «Я из хорошаго источника получил известие, что некто Петр Ио-

ганн Брогги, иезуит, бывший духовник генерала Огильви в Гродно, в последнее время два или три раза ездил от Царя к венскому двору и обратно...»[547].

В ближайшее царское окружение входили выпускник иезуитского коллегиума в Дуэ генерал Пол Мензис (Павел Гаврилович Менезиус) и лидер московской католической общины, прошедший два года обучения в иезуитском коллегиуме в Браунсберге генерал Патрик Леопольд Гордон (Петр Иванович Гордон).

Еще одно направление подрывной деятельности Рима хорошо видно на примерах многочисленных попыток насильственного (вооруженного) свержения неуступчивых русских князей и царей и возведения вместо них на Московский престол угодных Риму лиц. Сюда же можно отнести поиск в России, да и на Западе оппозиционно настроенных по отношению к царской власти сил и организацию работы с ними для решения поставленной задачи.

История таких попыток уходит далеко в глубину веков. Еще в самом начале XII в. епископ Краковский Матфей, озлобленный твердым нежеланием русских быть обращенными в католичество, попытался организовать крестовый поход на Русь и направил послание вдохновителю крестоносцев Бернарду Клервосскому (1091–1153). В этом послании епископ писал: «Русские многочисленны как звезды, и живут как бы в ином мире: им знакомо лишь имя Спасителя... Смягчите сердца этих варварских народов, и вы станете вторым Орфеем, новым Амфионом... Русский народ не желает сообразовываться ни с латинской, ни с греческой церковью, но, отделяясь от той и от другой, не пребывает ни в одной из них в общении таинств»[548]. Очень откровенно, не правда ли? Тогда этот поход не удался, Русь была сильна, и крестоносцы рисковать не захотели. Но с той поры Рим не раз организовывал крестовые походы против Российского государства, против Русской православной церкви, каждый раз представляя перед всем миром участников походов, бандитов и наемников в непорочных белых одеждах и заранее отпуская им все грехи (см. также: Послание епископа краковского Матвея Бернарду Клервоскому // Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1990).

Очередной крестовый поход против прибалтийских народов и северо-западной Руси был организован папой Целестином III в 1193 г. Его преемник, папа Иннокентий III, одобрил передислокацию из Палестины в район предполагаемых боевых действий рыцарей и из их числа, а также авантюристов разного рода из европейских государств в 1202 г. утвердил устав нового Ордена воинствующих монахов — Ордена меченосцев. Немного позже, в 1225 г., с разрешения Рима в Прибалтику перебрался и тевтонский Орден, образованный в 1192 г.

Покорение прибалтийских народов оказалось делом трудным, и в 1237 г., чтобы консолидировать усилия, папа Григорий IX объединил оба Ордена. Одновременно папа своей буллой вновь объявил крестовый поход. Магистром нового об-

---

[547] Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 39. СПб., 1884. С. 376.

[548] Цит. по: *Воейков Н.Н.* Церковь, Русь и Рим. С. 241.

разования был назначен Герман Балк. Ватикан очень торопился, он хотел успеть захватить лакомую территорию до прихода на берега Балтийского моря конных орд хана Батыя. И вот, в 1240 г. в Новгородское княжество одновременно вторглись шведские войска, рыцари и литовцы. 15 июля 1240 г. князь Александр со своей дружиной нанес шведам жестокое поражение на реке Неве, став с этого дня Александром Невским. Наконец, 5 апреля 1242 г. русские войска под водительством Александра Невского вдребезги разбили на льду Чудского озера рыцарей, надолго отбив у них охоту нападать на русские земли. Ледовое побоище вошло в историю. Как мы видим, эти нападения не были прихотью каких-то банд наемников или удельных князей, а тщательно спланированной военно-политической акцией Рима.

Прелюбопытная и очень непростая политическая ситуация сложилась в Польше в самом начале семидесятых годов XVI столетия. С 7 июля 1572 г. королевский престол был вакантен, и только 15 мая 1573 г. королем Польши был избран Генрих Анжуйский Валуа (1551–1589, будущий король Франции Генрих III), который 2 декабря того же года выехал из Франции в Польшу. От Франкфурта на Одере до Кракова нового польского короля сопровождал Антонио Мария Грациани, секретарь папского легата в Польше, кардинала Джованни Франческо Коммендоне. Конечно, король Генрих хотел как можно скорее и как можно лучше познакомиться с Польшей и соседними с ней странами, поэтому он дал поручение А.М. Грациани подготовить ему соответствующую записку. Примерно сразу же после въезда Генриха в Краков и его коронации (18 февраля 1574 г.) А.М. Грациани представил королю требуемую записку, в которой, чтобы вывести Польшу из затруднительного положения, рекомендовал ему самое верное, по его мнению, радикальное средство — войну с Московией: «Московиты, говорит он, природные враги Польши; борьба с ними не только обеспечит ей достижение политическаго преобладания, но и даст королю в руки прекрасное средство осилить враждебныя ему партии среди самих поляков»[549]. Король Генрих не успел воспользоваться подстрекательскими рекомендациями секретаря папского легата — через 4 месяца, 18 июня 1574 г., он тайно выехал в Париж, чтобы вступить на французский престол уже как Генрих III.

Не только А.М. Грациани склонял короля Генриха к войне с Московией. Папский нунций в Польше Винченцо Лаурео также приложил немало усилий для развязывания войны между Польшей и Московией. Он так докладывал об этом в Рим в донесении от 21 апреля 1574 г. из Кракова: «Перемирие с Московским царем оканчивается в половине августа, и он столь горд, что не захочет (как по крайней мере говорят) заключить ни перемирия, ни мира, а так как всегда следует возбуждать войну только по законным причинам, то король будет иметь при этом позволительный повод взяться за оружие против него, тем более, что он обязался присягою пытаться снова приобресть часть Ливонии, Смоленск и Полоцк, завоеванные царем. Чтоб однако такое предприятие перед Богом и людьми показалось более справедливым и благоприятным, следует, собирая пока войско, требовать от царя через посланца возвращения вышеупомянутых земель, занятых им, а если он не согласится, объя-

[549] Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. 2. Вып. 1. С. 52–53.

вить ему войну. Король, — продолжает нунций, — оказал себя очень расположенным к такому предприятию...»[550]. Такие примеры не единичны.

В 20-м томе материалов Польской нунциатуры Ватиканского Архива хранится донесение папского нунция в Польше Альберто Болоньетти от 14 октября 1583 г., в котором он «вспоминает, как в свое время ему удалось поднять Литву и толкнуть ее на войну с Москвою...»[551]. В 21-м томе того же архива хранится его же донесение от 31 октября 1584 г., рассказывающее о его «хлопотах убедить шляхту идти войною на Москву...»[552].

Понятно, что не только А.М. Грациани, В. Лаурео и А. Болоньетти занимались самым непосредственным подстрекательством польских королей и шляхты к войне с Московией. Были и другие исторические персонажи, среди них и некоторые папы Римские, кардиналы и папские нунции. Можно привести и такой пример: «В начале 1586 г. Поссевино вместе с племянником польского короля Андреем Баторием отправляется в Рим, где ему удается выхлопотать у папы Сикста V субсидию в 25 тыс. скуди для завоевания Московии. Только неожиданная смерть Стефана Батория помешала началу военных действий»[553]. Заметим, что Антонио Поссевино только-только по заданию папы Григория XIII завершил свою посредническую деятельность по заключению мирного договора между Польшей и Московией и буквально через 3 года развернул свои усилия в обратном направлении.

Особенно откровенно действовали подстрекатели войны в пору Смутного времени. Как писал П.О. Пирлинг, «...воцарение Сигизмунда на московском престоле казалось кардиналу самым верным залогом обращения русских людей к истинной вере. Тем же настроением были проникнуты и папские послания. В ночь на Рождество Христово в 1609 г. Павел V, по обычаю, благословил меч и шлем; затем он отослал эти предметы Сигизмунду. Это значило, что римский первосвященник благословляет рыцаря церкви Христовой на победоносную борьбу...»[554]. То есть на победоносную войну с Московией. Кардинал — это Сципион Каффарелли Боргезе, государственный секретарь Ватикана с 3 сентября 1605 по 25 июня 1609 г. Король Польши Сигизмунд III писал папе Павлу V в своем письме от 30 октября 1610 г.: «...Я не сомневаюсь, что Вашему Святейшеству известны побуждения, вынуждающие меня начать войну против русских. Тем не менее для полной ясности я считаю необходимым в немногих словах напомнить их здесь. Мотивы мои таковы. Я намерен содействовать распространению истинной христианской веры. Я стремлюсь к благу моего государства, защищая его исконные земли...»[555]. Сказано четко. Каких-либо впечатляющих успехов в войне с Московией король Сигизмунд III не добился, и в 1613 г. папа Павел V все-таки решил оказать ему финансовую помощь: «По случаю торжественнаго

---

[550] *Вержбовский Ф.* Отношения России и Польши в 1574–1578 годах, по донесениям папского нунция В. Лаурео. С. 212.

[551] Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. 2. Вып. 1. С. 147.

[552] Там же. С. 149.

[553] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 15.

[554] *Пирлинг П.О.* Дмитрий Самозванец. Ростов-на-Дону, 1998. С. 401–402.

[555] Цит. по: *Пирлинг П.О.* Дмитрий Самозванец. С. 400.

посольства Житомирскаго епископа Павла Волуцкаго, в 1613 г., он согласился на осо
бый побор между польским духовенством и сам выдал королю 40 000 червонцев н
военные издержки…»[556]. Обратим внимание на то, что выделению денег на военны
расходы предшествовали достаточно длительные усилия короля и его уполномочен
ного, надворного маршала Николая Вольского. Уже в начале 1610 г. Н. Вольский бы
направлен в Рим, встречался с папой Павлом V, произвел на него благоприятное впе
чатление. Но в деньгах пока было отказано. Для духовной поддержки короля в вой
не Н. Вольскому было поручено доставить в Варшаву и вручить Сигизмунду III упо
мянутые выше и благословленные папой меч и шлем. Но так как Н. Вольский забо
лел, ему пришлось отправлять меч и шлем королю под Смоленск через королевског
секретаря. В дальнейшем Н. Вольский настойчиво вел переписку с Павлом V и кар
диналами, склоняя их к удовлетворению финансовых потребностей Сигизмунда III
Историк П.О. Пирлинг предполагает, что Рим пошел на выделение средств, имея
виду их использование для утверждения на московском троне Владислава, сына Си
гизмунда III, и борьбы с его противниками (из Польши в Рим поступали донесения
что сторонники Владислава в Москве присягнули ему как московскому царю).

Заметим, что для вдохновления польских королей на крестовые походы проти
Московии папы Римские и раньше направляли им освященные в ночь на Рождеств
Христово шлемы и мечи: в 1513 г. папа Лев X королю Сигизмунду I, в 1579 г. папа
Григорий XIII королю Стефану Баторию[557].

А разве не в интересах ставленника Ватикана Лжедмитрия I было осущест
влено в 1605 г. насильственное свержение с царского трона и убийство царя Федо
ра Годунова? Причины ведь очевидны — нужно было освобождать трон для Лжед
митрия I, нужно было ликвидировать действующую царскую власть, чтобы она н
мешала. Правда, не каждая очевидная причина является причиной действитель
ной. Но в нашем случае причина является и очевидной, и действительной. А раз
ве не в интересах Ватикана было осуществлено в 1610 г. насильственное сверже
ние с царского трона царя Василия Шуйского, его арест, вывоз в Польшу и заклю
чение в тюрьму, где он умер? Ведь он категорически мешал королю Польши Си
гизмунду III установить нужный ему порядок в Московии и посадить на царски
трон сына Владислава или сесть на него самому, создав тем самым благоприятны
условия для распространения католичества в Московии (претендент на Москов
ский царский трон Владислав является широко известным историческим персона
жем, и поэтому мы о нем не говорим).

Приведем еще один пример, относящийся к самому концу XVII в. В 1692 г. не
кто Попара, член Львовского православного братства, жаловался на усиление го
нений в Польше на православие и выражал крайнюю обеспокоенность реально
угрозой обращения епархии в униатскую церковь. Главную причину этого Попар
видел в том, что «…позволено быть католикам в Москве: все государство иезуит
вызнали, описали все города и обычаи; и трое французов были недавно в Москв
для того же. У папы, цезаря, королей французского и польского положено: если во
йна с турками и у цезаря с французами прекратится, то всем сообща войной и вся

556 Переписка Николая Вольскаго с Римом // Пирлинг П.О. Из Смутнаго времени. Статьи и заметк
С. 246.

557 *Пирлинг П.О.* Россия и папский престол. Книга 1. Русские и Флорентийский собор. С. 295, 445.

кими вымыслами ввести в Московское государство католическую веру; многие иезуиты, которые в Москве были, предложили к тому способы, и многие охотники собираются о том радеть и присягают, что это дело могут в Московском государстве свершить в краткое время. Нам — православным — от этого великая опасность. Верно знаю, что поляки, через иезуитов, папу, цезаря и француза уговорили вводить в Москву католическую веру»[558]. Иначе, чем криком страдающей души, эти слова не назовешь. И в этом крике очень важная стратегическая информация. Польша явно не выполняла условия «Вечного мира» 1686 г., а Россия была еще слаба, чтобы реально заставить польского короля выполнять договоренности и тем самым защитить православных за пределами Российского государства.

Попытки насильственного свержения русских царей были непосредственно связаны с организацией всевозможных военных и военно-политических блоков и союзов против России. Для XVI и XVII столетий нередкими были случаи, когда Россия была вынуждена вести войны практически одновременно с католической Польшей, протестантской Швецией, исламской Турцией и Крымским ханством. Заслуживает внимания также, что папы Римские направляли к русским князьям свои послания или легатов, как правило, после впечатляющих побед русского оружия и духа над иноземными захватчиками, зачастую приходившими с мечом на русскую землю по воле святейшего престола. И это далеко не случайное совпадение.

Зоя Палеолог. Весьма интересная и многообещающая акция была задумана и осуществлена Римом в конце шестидесятых – начале семидесятых годов XV в. На начальном этапе акция разрабатывалась папой Павлом II и кардиналом Виссарионом (2.01.1403–18.11.1472, бывший митрополит Никеи, участник Флорентийского Собора. За заслуги по принятию на этом Соборе унии папа Евгений IV удостоил его 18 декабря 1439 г. сана кардинал. Очевидец взятия турецкими войсками Константинополя в 1453 г., после чего бежал в Рим).

На наш взгляд, акция эта состояла из трех взаимосвязанных составляющих частей: во-первых, организация политического брака великого князя Московского Ивана III Васильевича с воспитанницей Рима Зоей Палеолог, то есть внедрение «своего» человека непосредственно на царский трон. Так, во всяком случае, планировалось; во-вторых, внедрение «своего» человека, а если говорить прямо, то агента из свиты Зои Палеолог в ближайшее царское окружение, то есть к подножию трона; в-третьих, передача Москве формальных прав на наследование Византийского престола с перспективной, по мнению Рима, целью — направить все силы Московского государства против Турции (в то время опаснейшего врага Рима) для овладения Византией и установления там власти Москвы. Тогда родилась концепция «Москва — Третий Рим», которая, в понимании Москвы, заключалась в том, что Москва после падения Византии (Второго Рима) стала столицей всего христианского мира, а в понимании Рима в том, что Москва должна доказывать свои права на Византийский императорский престол в войне с Турцией. Теперь по порядку.

---

[558] Цит. по: *Воейков Н.Н.* Церковь, Русь и Рим. С. 435–436.

Как мы знаем, после падения Византии племянница последнего Византийского императора Константина Зоя Фоминична Палеолог (1448–1503) оказалась в Риме. Там она получила соответствующее ее положению образование и воспитание в униатском духе под наблюдением кардинала Виссариона. Идея выдать Зою Палеолог замуж за Ивана III Васильевича возникла не на пустом месте. Европе были известны политические, военные и экономические шаги Москвы по расширению и централизации России. Огромная территория лежала вне сферы влияния Рима, и это вызывало беспокойство. Было принято решение использовать Зою Палеолог как действенное оружие по склонению своего будущего мужа — русского царя — в католичество.

Разумеется, идея была не нова, политические браки заключались в Европе задолго до этого. Но момент был выбран очень удачно. Иван III Васильевич недавно стал вдовцом (1467), был еще относительно молод (разве 27–30 лет — это возраст?), физически здоров и полон сил, да и государство Московское успешно противостояло внешним врагам и прирастало территориально.

Этот брак «…отвечал извечной жажде римского престола к расширению сферы своего идеологического влияния, стремлению подчинить себе русскую церковь, вовлечь Русское государство в свои политические комбинации, и, прежде всего, главную из них — войну с Османской империей…»[559]. Предполагалось, что Зоя Палеолог, став великой княгиней Московской, сможет постепенно не только подвести своего мужа Ивана III Васильевича к мысли о необходимости перейти в католичество, но и принять меры к масштабному последующему обращению в католичество всего российского народа. Интересно, что в середине XVII в. английский государственный деятель и поэт Джон Мильтон в обзоре о Московии, подготовленном по заданию руководства Английской республики, написал так об этом событии: «Говорят, что она получила свое приданое из Папской казны за обещание обратить Великого князя в Римскую Веру»[560].

Реализуя разработанный замысел, который казался беспроигрышным, кардинал Виссарион направил в Москву со специальной миссией грека Траханиота Юрия Мануиловича (прибыл в Москву 11 февраля 1469 г., убыл из Москвы в Рим 20 марта того же года), и он сделал соответствующее предложение Ивану III Васильевичу от имени папы Павла II. Предложение было рассмотрено. Великий князь Московский направил в Рим работавшего в Москве и принявшего православие итальянца Ивана Фрязина (Джанбатиста Вольпе), который заключил с папой Римским предварительное соглашение о выдаче Зои Палеолог за Ивана III Васильевича. Одновременно Иван Фрязин выяснил, что цели сватовства со стороны папского престола связаны с намерением «…восстановить Флорентийскую унию с Москвой и добиться союза против турок…»[561]. Затем другой итальянец, Антон Фрязин (Антонио Джислардн), по поручению Ивана III Васильевича привез из Рима (10 сентября 1471 г.) портрет Зои Палеолог, и положительное решение было принято, несмотря на истинные цели, которые преследовал Рим и которые были хорошо известны и понятны Москве, и несмотря на возражения против этого брака митрополита Московского Филиппа.

[559] *Алексеев Ю.Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 71.

[560] Московия Джона Мильтона. М.: ИОИДР, 1875. С. 19.

[561] *Воейков Н.Н.* Церковь, Русь и Рим. С. 287.

6 января 1472 г. в Рим было направлено посольство за невестой, а 12 ноября того же года Зоя Палеолог торжественно въехала в Москву в сопровождении легата, епископа Аяччо (главный город Корсики), Антонио Бонумбре (доверенного лица папы Сикста IV), Юрия Мануиловича Траханиота, его брата Дмитрия Мануиловича, других членов посольства. А. Бонумбре имел задание и полномочия «...направлять заблудших на путь истины, укреплять власть папы... налагать церковные кары на виновных и распределять награды между достойными»[562]. Папа Сикст IV так определил главную цель миссии: «Мы ничего не желаем горячее, как видеть вселенскую церковь объединенной на всем ее протяжении»[563]. Во время официального приема у Ивана III Васильевича легат А. Бонумбре настойчиво пытался убедить великого князя в необходимости соединения церквей в рамках Флорентийской унии с конечной целью установления в России католичества, но не смог удовлетворительно выступить на диспуте с «книжником» Никитой Поповичем, организованном митрополитом Филиппом, и был вынужден безрезультатно покинуть Россию (26 января 1473 г.). Историк П.О. Пирлинг не смог найти в Ватиканском Архиве отчета А. Бонумбре о миссии в Москву и диспуте, поэтому выражает сомнение, действительно ли папский легат потерпел поражение в этом диспуте с Никитой Поповичем.

12 ноября 1472 г. в Успенском соборе (еще временном, деревянном) Московского Кремля был торжественно совершен обряд венчания Зои Фоминичны Палеолог, она приняла имя Софья Фоминична и оказалась достойной женой русского монарха, царицей и дочерью Русской православной церкви. Джон Мильтон называл ее «княжной ума весьма горделивого». Ожидавшихся Римом результатов политический брак не дал.

О второй составляющей части акции: Юрий Мануилович Траханиот был особо доверенным лицом папы Павла II; именно ему было поручено ехать в далекую Москву и вести предварительные переговоры о браке византийской царевны Зои Палеолог с великим князем Московским Иваном III Васильевичем (то есть сватовство), он же возглавлял свадебный кортеж и участвовал в праздничных торжествах. И его поведение на первом этапе соответствовало общепринятым представлениям — после успешного завершения в Москве своей миссии и венчания Зои Палеолог он вернулся в Рим. Вроде бы все. Но вдруг он опять приезжает в Москву, остается здесь на постоянное жительство и поступает на царскую дипломатическую службу. Почему же он, доверенное лицо папы Римского, вдруг поменял Рим на Москву? Вряд ли стоит относиться серьезно к объяснениям того рода, что Ю.М. Траханиот не мог оставить свою подопечную Зою Палеолог одну в чужой Москве. Он не дедушка, она не внучка, да и всякие бытовые причины в межгосударственных отношениях, да еще при заключении политического брака, должны были оставаться за кадром, если только они не использовались для маскировки истинных причин. Скорее всего, переезжая в Москву, Ю.М. Траханиот выполнял поручение Рима, чтобы быть там глазами и ушами папы Римского, как, например, Николай Булев (Любчанин) при Василии III Ивановиче.

---

[562] *Алексеев Ю.Г.* Государь всея Руси. С. 92.

[563] Там же. С. 92.

О третьей составляющей части акции: у Зои Палеолог был брат Андрей Фомич Палеолог, католик по вероисповеданию, проживавший в Риме. Он считал себя законным наследником Византийского престола, но, не видя никаких перспектив для восшествия на него, стал продавать свои наследственные права тем европейским монархам, кто больше заплатит. Вот что писал П.О. Пирлинг: «6 сентября 1494 г. он (кардинал Раймунд Перальт, доверенное лицо французского короля Карла VIII) отправился в церковь Св. Петра in Montorio и там отслужил обедню Св. Духу. По окончании богослужения на том самом месте, где по преданию был замучен глава апостолов, в присутствии двух нотариусов, Андрей Палеолог уступил все свои права на империю Константинопольскую и Трапезундскую, равно как и на Сербию, французскому королю Карлу VIII. От имени своего государя кардинал обещал Палеологу ежегодную пенсию в 4300 золотых дукатов, начальство над сотней копьеносцев, и земельную собственность, приносящую 500 дукатов. Кроме того, Андрею посулили — военный союз для возврата Мореи и нравственную поддержку для регулярнаго получения пенсии, назначенной Сикстом IV из фонда крестовых походов»[564] (Раймунд Перальт, кардинал с 20.09.1493, умер 5.09.1505). Продав империю французскому королю за 4300 золотых дукатов, А.Ф. Палеолог на этом не остановился. Своим завещанием «от 7 апреля 1502 г. наследник кесарей передает те же самыя права Фердинанду Испанскому и Изабелле...»[565]. При этом нужно заметить, что Зоя Палеолог, великая княгиня Московская София, от своих прав на Византийский престол никогда не отказывалась.

Спросим себя — разве не мог Андрей Палеолог все это делать по заданию Рима? А вдруг нашелся бы монарх, который купил бы эти права и ввязался в войну с Турцией за Византию? Разве это не было бы хорошо для Рима? Полагают, что в 1480 и 1490 гг. А.Ф. Палеолог приезжал в Москву и продал свои наследственные права и титул Ивану III Васильевичу. И в самом деле, почему бы не купить, если продают? С той поры для Европы русские цари являлись наследниками Византийского престола, что побуждало Рим и отдельных европейских монархов использовать это обстоятельство в своих интересах.

Как возникло выражение «Москва — Третий Рим», которое затем Москва и Рим наполнили своим собственным содержанием? В 1516 г. старец Псковского Елеазариевского монастыря Филофей написал Василию III Ивановичу письмо, в котором говорил, что Москва как наследница Византии должна стать Третьим Римом, и что Четвертого Рима не будет: «...Стараго убо Рима Церкви падется неверием и Апполинариевой ересью, Второго же Рима Константинова града Церкви агаряне внуци секирами, оскордами разсекоша двери. Сии же ныне Третьяго Новаго Рима державнаго твоего царствия Святая Соборная Апостольская Церковь, иже в концах вселенныя в православной христианской веры во всей поднебесной паче солнца светится... Един ты во всей поднебесной христианский царь... вся христианская царства снидошася во твое едино, яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти...»[566].

---

564 *Пирлинг П.О.* Россия и папский престол. Книга 1. Русские и Флорентийский собор. С. 271.

565 Там же. С. 271.

566 Цит. по: *Воейков Н.Н.* Церковь, Русь и Рим. С. 285.

Выше мы уже говорили, что Рим и Москва рассматривали концепцию «Москва — Третий Рим» совершенно с различных точек зрения и понимания. Для Рима она представляла собой идею вбрасывания Москвы в войну с Турцией под неотразимым предлогом освобождения Византии (Второго Рима, Царьграда, Константинополя) с христианскими святынями и проживавшими там христианами от турецкого владычества. При этом, как бы война не закончилась, для Рима она означала ослабление Турции и передышку в решении собственных проблем. Для Москвы же она олицетворяла то утверждение, что после падения Византии столица Московского государства стала одновременно и столицей христианского мира. При этом вопрос о войне с Турцией в Москве так уж остро не стоял (практически до конца XVII в.), хотя при царе Алексее Михайловиче витал в воздухе. Война с Турцией не представлялась чем-то крайне необходимым, и Москва стремилась защищать православие и православных на территории Османской империи прежде всего дипломатическим путем, поддерживая с Турцией (практически до конца XVII в.) нормальные мирные отношения, что никак Рим и его союзников не устраивало.

Рим пытался ввести в действие свой вариант концепции разными способами: непосредственным воздействием через папских дипломатов и эмиссаров или дипломатов дружественных Риму государств; через Восточных патриархов и священнослужителей Восточной православной церкви, включая Киевскую митрополию.

27 января 1594 г. папа Климент VIII подписал наказ отправлявшемуся в Москву послу Александру Комулею. Посол должен был склонить царя «...распространить свое владычество... на вышеупомянутом Черном море...могут россияне укрепиться тут и основать надежду распространить свою славу и владычество в сии благораствореннейшаго и счастливейшаго воздуха страны и отверсти себе путь приобрести и самый Константинополь, по древним требованиям россиян, которые мнят, что сия империя им по наследству принадлежит»[567]. Нужно ли комментировать эту выдержку из инструкции? Приезжая в Москву, практически все папские послы пытались склонить русских царей к вступлению в антитурецкий союз (лигу) и войну с Турцией. Такую же задачу Рим пытался решить и через послов Священной Римской империи германской нации и Польши, а в 1503 г. через венгерского посла Сигизмунда Сантая.

Восточные патриархи откровенно склоняли русских царей к освобождению Константинополя от турок, кто-то, наверное, по наущению Рима, кто-то, наверное, искренне считая войну Московии с Турцией средством освобождения православных от турецкого владычества. Патриарх Иерусалимский Паисий говорил в 1649 г. в Москве царю Алексею Михайловичу: «Пресвятая Троица да утвердит Вас и умножит лета во глубине старости, благополучно сподобить Вас восприяти Вам превысочайший престол великого царя Константина, прадеда Вашего, да освободит народ благочестивых и православных христиан от нечестивых рук, от лютых зверей...»[568]. В 1653 г. приехавший в Москву бывший патриарх Константинопольский Афанасий Пателар написал в своей челобитной, что русский царь для православных греков есть «столп твердый и утверждение вере, и помощник в бедах, и

[567] Цит. по: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Часть 2. С. 236.

[568] Цит. по: *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 2. С. 170.

прибежище нам и освобождение...»[569]. Он же пожелал в этом документе патриарху Никону освятить Софийский собор в Константинополе, имея в виду предварительное освобождение его от турок в результате войны Московии с Турцией (после падения Константинополя в 1453 г. собор был превращен в султанскую главную мечеть «Ая Суфия»).

Нужно сказать, что концепция «Москва — Третий Рим» не оставляла Москву и Рим на протяжении всего рассматриваемого нами периода в XVI и XVII столетиях (мы говорим о событиях в хронологических рамках книги).

Папский нунций Андреа Калигари, Рим и проект захвата Дании Андреа Лориха. Интереснейшие события разворачивались в самом конце семидесятых годов XVI столетия в Варшаве и Риме. 10 февраля 1579 г. папский нунций А. Калигари направил в Рим шифрованное донесение о проекте шведского посланника при польском дворе Андреа Лориха. Проект предусматривал вооруженное завоевание Дании с захватом Копенгагена. Исполнителями и участниками проекта должны были стать Польша, Ватикан, Швеция и Испания. «Во главе всего предприятия Лорих ставил себя, в надежде получить содействие кавалеров Мальтийскаго ордена. Папу манили возможностью успехов католичества на севере Европы; захват же Копенгагена должен был обеспечить испанскому королю обладание Фландрией; король шведский получал датския владения в Норвегии, Швеции и Готии. Польше отдавался Данциг... План свой Лорих держал в строжайшем секрете, не желая выдавать его даже Поссевину... Проект встретил одобрение со стороны Калигари...»[570] о чем нунций и доложил в Рим. Сам же Лорих, проинформировав нунция Калигари о заманчивом проекте, отправился в Рим, чтобы лично добиться у папы Григория XIII и курии согласия на его реализацию.

Но в Риме отнеслись к проекту Лориха сдержанно. «В успех его предприятия там не верили и ограничивались любезностями, советуя обратиться за содействием к Испании, иначе говоря, вежливо сплавляли его с рук...»[571].

В случае реализации проекта обстановка на Балтийском море и в Прибалтике кардинально менялась. Юг Балтики и проливы из Балтийского в Северное море оказывались под контролем Испании (Габсбургов), а полновластным хозяином Балтийского моря и прибалтийских территорий становилась Швеция. Обладание портом Данцигом позволяло Польше существенно расширить объемы своей внешней морской торговли, разумеется, с разрешения нового хозяина проливов — Испании. Что же касается Московского государства, то о нем в проекте не говорилось. Для Московии, поддерживавшей с Данией доброжелательные отношения, такие изменения обстановки могли иметь тяжелые политические и экономические последствия. И без того полуоткрытая балтийская дверь в Европу была бы прочно захлоп-

[569] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 2. С. 170.

[570] Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. 2. Вып. 1. С. 102.

[571] Там же. С. 103.

нута, польско-шведско-испанский барьер стал бы стеной перед внешнеполитическими и внешнеэкономическими планами Московии, оставив ей для связи с Европой Архангельск, и для связи со странами Востока Астрахань.

Трудно поверить, что два опытных дипломата, шведский посланник А. Лорих и папский нунций А. Калигари, не представляли всех последствий реализации проекта. Скорее всего, именно эта часть последствий держалась ими «в уме». Ватикан к проекту отнесся более вдумчиво и взвесив все, отклонил его.

Проект Вильгельма Леммермана. Еще один проект был разработан в XVII в. Вильгельмом Леммерманом (ок. 1570–1648), членом Ордена иезуитов, духовником императора Священной Римской империи германской нации Фердинанда II Габсбурга. Этот проект произвел, по словам Г.В. Форстена, большую сенсацию на Брюссельском конгрессе (конгресс состоялся в мае–октябре 1626 г., интересы габсбургской Испании и испанских Нидерландов представляла дочь короля Испании Филиппа II, инфанта Изабелла (1566–1633). Сразу заметим, что от ознакомления с проектом складывается впечатление, что его автором являлся совсем не священнослужитель, а самый настоящий профессиональный военачальник (Вильгельм Леммерман никогда не был военачальником. До занятия должности духовника императора он являлся ректором Венской коллегии Ордена иезуитов). О чем же говорилось в проекте?

В преамбуле проекта В. Леммерман указывал, что первой задачей Габсбургов является повсеместное распространение католичества, то есть, как мы можем полагать, Габсбурги намерены установить свое владычество на Балтике именно с этой целью. В. Леммерман отметил трудности приведения к покорности приморских городов, так как они могут получить помощь морем от Швеции, Дании, Англии и Голландии. При этом особые хлопоты могли доставить Гамбург, Любек и Бремен, способные оказать друг другу поддержку в случае необходимости. «...Если нам посчастливится, говорит он, захватить Кремпе и Глюкстад, да три или четыре крепости на Эльбе, которыя мы вооружим большими крепостными орудиями, то мы без сомнения легко овладеем Гамбургом. Одно только пугает меня, как бы население Гамбурга, понимающее прекрасно свои интересы, не проведало о наших намерениях и не предупредило их, отказав снабдить нас провиантом и другими необходимыми для вооружения крепостей принадлежностями, без которых мы не можем ни удержать Кремпе и Глюкстада, ни даже овладеть ими. Все наши планы тогда пойдут прахом...».[572]. Небольшая справка: Глюкштадт — небольшой город примерно в 40 км от Гамбурга вниз по Эльбе; Кремпе — небольшой городок примерно в 10 км к северу от Глюкштадта. 400 лет назад они, видимо, выполняли функции крепостей на подступах к Гамбургу.

Затем предполагалось разъединить приморские города путем устройства воинских лагерей между ними, чтобы они не могли оказывать другу другу помощь, и захватить Штральзунд (город в устье Одера). Чтобы предотвратить оказание помощи приморским городам иностранными государствами, на этом этапе планировалось привлечь эти города на сторону Габсбургов императорскими обещаниями вольностей и привилегий. После этого, обеспечив себе поддержку приморских го-

[572] *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Том II: Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом (30-летняя война). С. 231.

сударств, необходимо было вынудить Данию подписать мирное соглашение, тем более что, по словам В. Леммермана, «и датский сенат, и знатнейшие классы единодушно желают мира и король будет вынужден усмириться»[573]. Автор откровенно писал, что для реализации этой части проекта необходимо найти подходящего исполнителя, «...который сумел бы втереться в доверие к советникам Датскаго короля и влезть ему самому в душу и, ловко обманув всех, действовать в пользу католиков, прикинувшись лютеранином...»[574]. Одновременно с этим курфюрст Саксонский, герцог Голштинский, инфанта Изабелла и другие будут обещать королю Дании «золотые горы», склоняя к принятию выгодного для Габсбургов решения. Обеспечив нейтралитет со стороны Дании, намечалось захватить приморские города, включая Гамбург и Любек, а также соседние государства.

На следующем этапе предполагалось подготовить войска вторжения в Скандинавию численностью в 50–60 тысяч человек с необходимым количеством морских судов для их перевозки. При этом королю Швеции император должен будет высказывать все признаки дружбы, но одновременно и очень тайно император же будет стараться направить против Швеции Польшу. Предполагалось также организовать такое давление с запада на Голландию, чтобы она забыла об иноземных делах и была занята исключительно собственными.

Очень важной частью проекта являлось стремление столкнуть в военном противоборстве Англию и Францию. Серьезных трудностей здесь не ожидалось, так как герцогу Джорджу Вильерсу Бэкингему (1592–1628) король Испании Филипп IV и император Священной Римской империи германской нации Фердинанд II пообещали за это английскую корону. И герцог уже пошел навстречу и вывел английский военный флот против Франции. И вот теперь, когда подготовительные мероприятия закончены и границы империи в безопасности, Испания должна будет врасплох напасть на Данию и захватить все проливы, ведущие в Балтийское море. Империя использует подготовленные войска и суда для удержания захваченных проливов в руках Габсбургов, а также приведения к покорности скандинавских приморских государств.

Проект, несмотря на всю свою привлекательность, принят не был. В самом разгаре была тридцатилетняя война, деньги и армия нужны были для других насущных государственных нужд. Тем не менее, заметим, что в случае реализации проекта для Московского государства могли наступить негативные политические и экономические последствия.

Антонио Поссевино — диспут с Иваном Грозным. В конце XVI в. в Москве состоялся единственный в своем роде за два века (XVI и XVII) религиозный диспут с русским царем-самодержцем. Участниками диспута являлись, с одной стороны — член Ордена иезуитов, папский легат в Москву Антонио Поссевино, с другой стороны — русский царь самодержец Иван IV Васильевич Грозный (прения о вере Ивана

[573] Там же. С. 232.

[574] Там же.

Грозного с пастором Яном Рокитой 10 мая 1570 г. мы опускаем). Оба — широко известные исторические личности, о которых написано немало страниц исследователями той эпохи, исследователями их жизни и деятельности. За кулисами не только этого диспута, но и в целом поездки Антонио Поссевино в Москву, стоял не менее известный человек в истории Европы и мира, папа Римский Григорий XIII. Будучи человеком целеустремленным и уверенным в себе, он полагал, что его планы, его задания, которые он кому-либо поручал, могут быть и будут исполнены.

Скажем несколько слов об Антонио Поссевино (1534–1616) и причинах его приезда в Московию. Он был весьма и весьма незаурядной личностью. Видный религиозный и политический деятель, дипломат, разведчик, ученый-теолог и писатель. Родился в Мантуе, в Риме получил духовное образование и некоторое время являлся секретарем кардинала Гонзага. В 1559 г. стал членом Ордена иезуитов, но не всегда действовал с крестом в руке. Ему приходилось брать в руки и меч, чтобы привести в лоно католической церкви «заблудших овец». Одним из центров реформации в южной Европе в то время являлась альпийская Савойя. По поручению папы Пия IV, крайне озабоченного этим обстоятельством, генерал Ордена иезуитов Иаков (Диего) Лайнес направил в 1560 г. в Савойю для борьбы с реформацией именно А. Поссевино. Т. Гризингер писал: «Для Савойи настало время неописуемого горя и бедствия... Поссевин во главе 2000 человек войска напал на местечко Сен-Жермен в Лаперузской долине и велел истребить все мужское население его, хотя оно и не думало браться за оружие; двое протестантских священников, найденных здесь, были сожжены на медленном огне, а женщин побоями принуждали носить дрова на костер. Такая участь постигла десятки протестантских общин, и в самых глухих закоулках свирепствовали мечи и пылали костры»[575].

В шестидесятых годах XVI в. он основал во Франции несколько иезуитских коллегий, в 1572–1578 гг. являлся секретарем генерала Ордена иезуитов, был допущен к архиважным секретам Ватикана, что свидетельствует о полнейшем доверии к нему папы Римского и генерала Ордена. В 1578 г. папа Григорий XIII назначил А. Поссевино «апостольским легатом и викарием всех северных стран» и направил его в Швецию для борьбы с реформаторами. Здесь он и еще несколько иезуитов полностью духовно подчинили сына шведского короля, будущего короля Польши Сигизмунда III Ваза. На обратном пути, в Вильно, А. Поссевино познакомился с тогдашним польским королем Стефаном Баторием и в 1580 г. вернулся в Рим. Вот как характеризовал папа Григорий XIII А. Поссевино в письме к Ивану Грозному от 1 октября 1582 г.: «Ведь среди тех, кого у нас очень много, выдающихся своей ученостью и благочестием, он — единственный, верность, искренность и ревностность которого мы ценим выше всего»[576].

Именно в этот период Российское государство находилось в очень трудном положении. В 1576 г. на польский королевский трон вступил Стефан Баторий, который, пытаясь решить в интересах Польши важнейшую геополитическую задачу — удержание в рамках польского государства прибалтийских земель, неизбежно вступил в острейший военно-политический конфликт с Россией. Этому способствова-

[575] *Гризингер Т.* Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени. С. 145.

[576] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 149.

ли и прямо противоположные геополитические интересы Москвы, да и особенности личности как Стефана Батория, так и Ивана Грозного. В самый разгар обострения отношений между Москвой и Польшей Иван Грозный направил к папе Григорию XIII посланника Истому Леонтия Шевригина с грамотою, в которой жаловался на Стефана Батория и предлагал союз против «бесерменских всех государей». Разумеется, в обмен на приемлемые для России условия перемирия. 24 февраля 1581 г. русское посольство прибыло в Рим.

Такое предложение Ивана Грозного явилось для Ватикана неожиданным подарком судьбы. На протяжении нескольких десятилетий Ватикан пытался склонить Московию к участию в крестовом походе против Турции, но как-то не получалось. Так что Ватикан был безмерно рад приезду русского посольства. Папа Григорий XIII писал 15 марта 1581 г. Ивану Грозному: «Мы исполнились радостью и возблагодарили бога, побуждением которого свершилось то, что столь великий государь из столь отдаленных областей приветствует нас в своих письмах через своего посла»[577]. Да, складывались исключительно благоприятные условия для решения сразу нескольких задач. Упустить такую возможность было просто непростительно.

Поэтому вопрос о направлении папского легата в Москву был решен необычайно быстро. Послом и посредником на мирных переговорах между Россией и Польшей был назначен Антонио Поссевино, положительно зарекомендовавший себя в Риме, Савойе, Франции и Швеции. Уже 27 марта 1581 г., т.е. почти через месяц после прибытия Истомы Шевригина в Рим, посольство выехало обратно в Россию. Вместе с русским посольством следовал и А. Поссевино с сопровождающими его лицами. 18 августа 1581 г. посланец папы Римского прибыл в Старицу, где в это время находился Иван Грозный.

В наказе папы Григория XIII А. Поссевино говорилось: «Приобретя расположение и доверенность государя московского, приступайте к делу, внушайте как можно искуснее мысль о необходимости принять католическую религию, признать главою церкви первосвященника римского, признаваемого таковым от всех государей христианских; наводите царя на мысль, как неприлично такому великому государю признавать митрополита константинопольского, который не есть законный пастырь, но симониан и раб турок; что гораздо лучше и славнее для него будет, если он вместе с другими государями христианскими признает главою церкви первосвященника римского; с этой целью возьмите с собой изложение веры, составленное на Тридентском соборе, в греческом переводе.

Так как, быть может, монахи или священники московские частию по грубости своей и отвращению к латинской церкви, частию из опасения потерять свое значение будут противиться нашему благочестивому намерению и употребят все усилия, чтоб не допустить государя оставить греческую веру, то старайтесь всеми силами приобресть их расположение; более всего старайтесь приобрести сведения обо всем, касающемся веры этого народа. Внушайте государю, какие великие следствия будет иметь союз христианских государств против турок, внушайте, что на его долю достанется большая часть славы и выгод, что ему, как соседнему и могущественнейшему владетелю, должны будут достаться многие страны турецкие; вы

[577] Там же. С. 88.

должны узнать подробно о количестве и качестве военных сил московских, сколько пехоты, конницы, с какой стороны государь московский думает лучше напасть на турок, нет ли какого соседнего народа, с которым бы можно было вступить в союз.

Но после всех этих разговоров, воспламенивши желания государя к славным подвигам, вы обратитесь опять к главному — к духовному союзу. Если встретите затруднения, не теряйте духа, делайте что можете, употребите все средства, чтоб получить от вашего посольства хотя какой-нибудь плод; вы должны испросить позволение на постройку одной или нескольких католических церквей в Москве для тех католиков, которые будут приезжать по торговым делам; объясните, что иначе никогда не установятся торговые сношения с католическими народами»[578].

Как мы видим, папа Григорий XIII поставил перед А. Поссевино очень важные задачи. Во-первых, склонить Ивана Грозного к принятию католичества и признанию папы Римского главою церкви. Во-вторых, добиться согласия России на участие в крестовом походе против Турции. В-третьих, собрать разведывательные сведения о политической обстановке в России, о Русской православной церкви и вере русского народа, о вооруженных силах и военно-политических планах Ивана Грозного, о соседних государствах, которые бы могли присоединиться к антитурецкой коалиции. В-четвертых, получить разрешение у царя на постройку в Москве католических церквей. Ни много ни мало А. Поссевино должен был «воспламенить» Ивана Грозного на подвиги во славу Ватикана, то есть решить задачу, которую безуспешно пытался решить папский престол уже несколько веков.

А. Поссевино тщательно подготовился к поездке в Московию, посреднической миссии и беседам на религиозные темы с Иваном Грозным. Он исключительно ответственно отнесся к решению поставленной перед ним задачи. За непродолжительное время пребывания российского посольства в Риме он изучил (или освежил в памяти ранее прочитанные) донесения предыдущих папских послов к русским царям, сочинения Альберто Кампензе «О делах московских» с проектом введения на Руси католичества, Паоло Джовио «О московитском посольстве». Кроме того, книги Иоганна Фабра «Описание религии Руссов», Александра Гваньини «Описание европейской Сарматии», Сигизмунда Герберштейна «Записки о московитских делах», Роберто Франческо Беллармино «Рассуждения о контроверсиях христианской веры против еретиков нашего времени» и другие (кстати, кардинал Р.Ф. Беллармино являлся членом трибунала инквизиции по делу Джордано Бруно).

Более чем вероятно, что он посмотрел карты Московии Баттиста Аньезе, Антония Вида – И.В. Ляцкого. Не исключено, что он ознакомился и с картой Московии англичанина Антония Дженкинсона. Конечно, если только Ватикану удалось заполучить экземпляр карты в Лондоне после ее издания. Уже в пути он провел беседы с Иоанном Кобенцелем, послом императора Священной Римской империи германской нации Максимилиана II к Ивану Грозному, посетившим Россию в 1576 г., королем Польши Стефаном Баторием и его сановниками, другими лицами, включая католических священнослужителей. Особо следует отметить трехдневную беседу Антонио Поссевино с прибывшим из Данцига в городок Дисна флорентийским купцом Джованни Тедальди. Беседы проходили с 11 по 13 июля 1581 г. Фло-

---

[578] Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 3. С. 698–699.

рентиец был весьма примечательной личностью. Он неоднократно бывал по торговым делам в Московии и даже проезжал по ее территории в Персию и обратно. Его хорошо знали в Ватикане и привлекали к выполнению дипломатических поручений папы Римского в Москве и при дворе польского короля. Несмотря на свой 78-летний возраст, Джованни Тедальди сохранил в памяти такие нужные папскому послу сведения о Московии, причем эти сведения заметно отличались по тональности от других, например, от компилятивного обзора, подготовленного А. Гваньини. Беседы проходили в таком режиме: вопрос Антонио Поссевино — ответ Джованни Тедальди. Посланец папы посчитал полученные сведения такими важными для себя, что по результатам бесед даже составил, как бы мы сказали сегодня, справку, которая вошла в историю под названием «Известия Джиованни Тедальди о России времен Иоанна Грозного». Антонио Поссевино подчеркнул в справке: «Названный Тедальди заявил, что многое из того, что в Польше и Ливонии обыкновенно распространяют про Московита, он нашел несправедливым»[579].

Одна из целей поездки А. Поссевино в Москву заключалась в склонении царя Ивана Грозного к принятию католичества и получении от него согласия на введение католичества в Московии. Антонио Поссевино приложил немало усилий, чтобы решить эту задачу, проявляя изобретательность и настойчивость, применяя в необходимых случаях лесть, давая заманчивые обещания, демонстрируя царю и его сановникам благочестие и бескорыстие, эрудицию и знание истории религии. Но ни грамота папы Григория XIII, ни попытки А. Поссевино во время аудиенций как-то дипломатично повлиять на Ивана Грозного в нужном плане результата не дали. По поручению папы Римского он даже пообещал «цесарскую» корону и признание всех христианнейших государей в обмен на переход в католическую веру, но Иван Грозный отверг это предложение, как, впрочем, и его предшественники на российском троне, которым подобные предложения делались ранее. А. Поссевино с раздражением писал по этому поводу Григорию XIII: «Что касается королевского или цесарского титула — тот, кто сам себе их присвоил, ничего не хочет получать из другого места. Он привлекает на свою сторону некоторых могущественных государей тем, что называет себя в грамотах братом цезаря, царем, т.е. государем и повелителем казанским и астраханским. И то, что ваше святейшество в своих грамотах не называет его подобными именами, этим он не очень доволен... Может быть, ваше святейшество подумает, нельзя ли к этому что-нибудь прибавить, принимая во внимание обширность владений этого государя и надежду приобщить его к лучшему: ведь перо от лишних взмахов не сотрется»[580]. А ведь как хотелось «приобщить к лучшему» все обширные владения русского царя одним «лишним взмахом пера»!

Требовались иные, быть может, сильнодействующие меры. А. Поссевино понял, что прежде чем решать эти важные вопросы, нужно сначала более жестко прощупать устойчивость царя в православной вере, нет ли здесь каких-либо уязвимых точек, за которые можно было бы ухватиться и использовать в выгодном плане, нужно раскачать царя так, чтобы он схватился за предложение папского посла как за спасительное равновесие. Нужна была разведка боем, и такой развед-

[579] Известия Джиованни Тедальди о России времен Иоанна Грозного. С. 129.

[580] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 32.

кой мог быть публичный религиозный диспут. Таких диспутов ранее не было (был, правда, религиозный диспут, устроенный в 1472 г. в Москве, в котором участвовали папский легат Антонио Бонумбре, прибывший в составе свадебного посольства к Ивану III Васильевичу, и представители московского православного духовенства. Сам Иван III Васильевич в диспуте не участвовал, а только на нем присутствовал. Для А. Бонумбре тот диспут окончился неудачей). Так что этот диспут был первым в истории отношений Московского государства и Рима, в котором участвовал не просто какой-либо царь, или очень молодой, или больной, или недостаточно образованный, а самый настоящий царь — стойкий в православной вере, волевой государственный деятель, хорошо образованный человек, имевший библиотеку, до сих пор занимающую умы исследователей. При этом нужно обратить внимание еще на одно очень важное обстоятельство: инициатором проведения религиозного диспута выступил А. Поссевино. Ивану Грозному его предложение пришлось не по душе, так как царь не хотел, «чтоб от того вражда не воздвиглась». Поэтому он вначале отказал папскому посланцу, но потом уступил его настойчивым уговорам и дал согласие с условием присутствия на диспуте «ближних людей».

Говоря с точки зрения форм и методов подрывной деятельности, нужно сказать, что выбор такого прямого, непосредственного воздействия на самодержавного царя в форме религиозного диспута, с одной стороны, был опасен для А. Поссевино и Ватикана в силу непредсказуемости реакции Ивана Грозного. Ватикан здесь указан потому, что А. Поссевино выступал не от себя лично, а как дипломатический представитель папы Григория XIII. С другой стороны, диспут с тем самым лицом, от которого в Московском государстве зависело все, в том числе и заключение унии между Церквами, позволял надеяться решить вопрос положительно, или же, если не убедить царя, то разобраться в причинах его вероисповедной стойкости и наметить иные меры достижения желаемого результата.

Диспуты состоялись 21 и 23 февраля и 4 марта 1582 г. Российская сторона вела запись всего того, о чем и как говорилось на диспутах; материалы эти опубликованы в «Памятниках дипломатических сношений древней России с державами иностранными» (т. X, СПб., 1871). Историк С.М. Соловьев использовал эти материалы при подготовке своей «Истории России с древнейших времен». Записи вела не только российская сторона, но и члены дипломатической миссии Антонио Поссевино; впоследствии эти записи были включены Антонио Поссевино в свое сочинение «Московия», раздел «Беседы о религии». Так что у нас есть два взгляда на ход и результаты диспута — взгляд дьяков Посольского приказа и взгляд А. Поссевино. Но если дьякам незачем было что-то в их записях приукрашивать или изменять (да и царь мог заметить эти изменения), и они писали так, как все и происходило, то А. Поссевино хотелось лучше, весомее представить свою роль на диспуте перед Григорием XIII, да и содержание диспута изложить как-то приятнее для папской курии и Ордена иезуитов.

Результат диспута общеизвестен. А. Поссевино не удалось одержать победу над Иваном Грозным, не удалось убедить его в преимуществах католичества и необходимости соединения Церквей, т.е. заключения унии между Русской православной и Римской католической Церквами. Перед опытным папским дипломатом и искушенным политиком, видным членом Ордена иезуитов, являвшимся в 1572–

1578 гг. секретарем генерала Ордена, предстал не какой-то малограмотный и несведущий в богословии монарх, а широко образованный российский государственный деятель, царь-самодержец, стойкость которого в православии поколебать иезуиту не удалось.

Заметим, что миссия Антонио Поссевино вызвала оживленный интерес в польском военном лагере. Станислав Пиотровский (секретарь канцелярии Стефана Батория, ксендз) писал в своем донесении: «Как только Держек приедет из Москвы и привезет известие об условиях московского князя, Поссевин тотчас отправится туда договариваться о мире и, говорят даже, попытается обратить князя в латинство. Вот будет чудо, если ему удастся обратить его!»[581]. Эта запись сделана, как мы видим, перед диспутом. Но чудо не случилось.

Попытки А. Поссевино склонить Ивана Грозного к принятию католичества во время диспута были такими острыми и настойчивыми, что в конце концов царь не выдержал и вот что ответил папскому легату: «Говоришь про Григория папу слова хвастливые, что он сопрестольник Христу и Петру апостолу, говоришь это, мудрствуя о себе, а не по заповедям господним... Нас пригоже почитать по царскому величеству, а святителям всем, апостольским ученикам, должно смиренье показывать, а не возноситься превыше царей гордостию. Папа не Христос; престол, на котором его носят, не облако; те, которые его носят, не ангелы; папе Григорию не следует Христу уподобляться и сопрестольником ему быть, да и Петра апостола равнять Христу не следует же... а который папа не по Христову учению и не по апостольскому преданию станет жить, тот папа — волк, а не пастырь»[582]. В своем донесении папе Григорию XIII А. Поссевино не решился дословно привести эти резкие слова Ивана Грозного. Посланец папы смягчил их, написав так: «Он высказал следующие свои четыре упрека (хотя и в более сдержанных выражениях), внушенных ему все теми же еретиками: 1) что папу носят в его кресле, 2) что он носит крест на ногах, 3) что он бреет бороду, 4) что он мнит себя богом»[583]. Да, что тут скажешь, к начальству нужно относиться бережно и поменьше его нервировать...

Иван Грозный положительно отнесся к предложению папы Римского установить мирные отношения между христианскими государями, но категорически отверг просьбу об устройстве в Москве католической церкви. А. Поссевино был дан вполне определенный и ясный ответ: «Венецианам в наше государство приезжать вольно с попами и со всякими товарами, а церквам римским в нашем государстве быть непригоже, потому что до нас этого обычая здесь не бывало, и мы хотим по старине держать»[584].

В заключение скажем несколько слов о результатах дипломатической посреднической миссии А. Поссевино. 15 января 1582 г. в деревне Киверова Гора послы России и Польши в присутствии А. Поссевино подписали перемирные грамоты сроком на 10 лет. Многолетняя борьба России за Ливонию и свободный выход к Балтийскому морю завершилась для России очень тяжелым договором. Чтобы в этом убедиться, достаточно прочитать перемирную грамоту, по которой Польше от-

---

[581] Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков., 1882. С. 24.

[582] Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 3. С. 707.

[583] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 81.

[584] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 3. С. 700.

ходила практически вся Ливония. Н.М. Карамзин писал: «В первый раз мы заключили мир столь безвыгодный, едва не бесчестный, с Литвою»[585].

Формально посредническая миссия дала нужный результат, перемирие было заключено, и А. Поссевино мог об этом доложить папе. Однако следует отметить, что, выполняя посреднические функции и регулярно находясь то на территории Московского государства, то в Польше, то в месте ведения переговоров российской и польской делегаций, и хорошо зная обстановку, А. Поссевино по существу умело дезинформировал Ивана Грозного о действительном положении дел в зоне боевых действий. В том числе о якобы превосходящих силах и возможностях польской армии, о бедственном положении русских войск и т.п., что в определенной степени побудило Ивана Грозного согласиться с крайне невыгодными для России условиями мира. Сохранившиеся письма А. Поссевино королю Стефану Баторию, канцлеру Яну Замойскому и Ивану Грозному подтверждают это мнение.

Да и не только эти письма. В период выполнения Антонио Поссевино посреднической миссии Станислав Пиотровский регулярно направлял письменные донесения о положении дел в королевской ставке и подразделениях польской армии, о наличии боеприпасов, продовольствия и фуража, моральном духе жолнеров и наемников, о военных действиях и по другим вопросам коронному маршалу Андрею Опалинскому. Через 300 лет (в 1882 г.) эти донесения были опубликованы на русском языке под названием «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию». Конечно, когда С. Пиотровский готовил и направлял свои конфиденциальные донесения коронному маршалу, он и не думал, что они со временем будут опубликованы. Можно полагать, что содержавшиеся в донесениях сведения отражали истинное положение дел в королевской ставке и в целом в польском лагере. Вот несколько выдержек из донесений С. Пиотровского. От 9 сентября 1581 г.: «После вчерашнего штурма мы немного смущены; главное же, (о чем пишу одному только Вам) хотя мы стреляли только два дня, а уже чувствуем недостаток в порохе»[586]. Или, например, от 26 сентября 1581 г.: «Нам уже не хватает ни сена, ни овса, ни другого продовольствия; с большою опасностью должны посылать за 10 миль»[587]. А вот что писал С. Пиотровский 11 ноября 1581 г.: «Войско дойдет до положительной нищеты и никогда столько не переносило, как теперь. Продовольствия нет почти никакого, да не откуда и привезти; сено едва получаем за 20 миль от лагеря. А сколько тут неприятностей и трудностей с перевозкой! Одежды и денег положительно не откуда взять»[588]. И еще одна запись от 20 декабря 1581 г.: «Боже, какие наступили страшные морозы! Хаты наши трещат от них; несколько пахолков, свалившихся от холода с лошадей, совсем замерзли. Один Бог знает, что будет далее; отовсюду на нас беды; голод, болезни, падеж лошадей»[589] (Пахолик — оруженосец). Приведенные выдержки убедительно иллюстрируют сделанный выше вывод об использовании А. Поссевино дезинформации в переговорах с русской стороной.

---

[585] *Карамзин Н.М.* Предания веков. М., 1987. С. 616.

[586] Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. С. 119.

[587] Там же. С. 136.

[588] Там же. С. 225.

[589] Там же. С. 256.

Нужно заметить и следующее. Совсем не исключено, что обе воюющие стороны, обессиленные военными действиями, и сами могли заключить мир, и, может быть, его условия не были бы такими тяжелыми для России. Папский нунций в Польше Альберто Болоньетти писал в своем донесении в Рим: «Поссевину не следовало бы приписывать себе успехов там, где результат и без того можно было предвидеть заранее, как, например, в примирении короля польского с князем московским... Этого перемирия обе стороны желали настолько сильно, что если бы даже стараться нарочно создавать помехи в заключении мира, последний все равно был бы заключен»[590]. Заметим, что слова эти написаны человеком, который никак не может быть отнесен к числу сторонников России. Так что роль А. Поссевино в подписании Ям-Запольского мира нельзя назвать беспристрастной, она явно была негативной и заранее заданной по отношению к России. Его позиция в мирных переговорах полностью соответствовала планам Ватикана по распространению католицизма в России и прилегающих территориях. Поэтому А. Поссевино был заинтересован в переходе как можно большей территории Ливонии и других подвластных Ивану Грозному земель в состав Польши. Он писал в письме канцлеру Яну Замойскому в декабре 1581 г.: «Я позабочусь, чтобы и некоторые крепости, взятые в предыдущие годы, остались во власти короля»[591]. Мы видим, что папский легат действительно «позаботился» и свое обещание польскому канцлеру выполнил.

Желал ли А. Поссевино установления мирных отношений между Польшей и Россией? Факты говорят совсем о другом. Уже в 1583 г., когда еще не успели остыть поля сражений, А. Поссевино с согласия Стефана Батория пытался добиться у Ватикана выделения денег Польше для продолжения войны с Россией. Эти попытки тогда не увенчались успехом. Но позднее, в начале 1586 г., бывшему посреднику все-таки удалось добиться у папы Сикста V выделения 25 тысяч скуди для возобновления войны с Россией. Смерть Стефана Батория сорвала эти планы[592].

С эмиссаром Рима Антонио Поссевино мы еще встретимся в следующей главе, когда будем говорить о его участии в подрывной деятельности против православия и Русской православной церкви.

Самозванцы — претенденты на царский престол и Ватикан. Для действующей царской власти появление на политическом небосклоне самозванца – претендента на царский престол представляло непосредственную и весьма опасную угрозу. Угрозу самому царю, династии и царской власти, угрозу всему государству. Внешнюю угрозу, если самозванец объявлялся где-то за рубежом, и внутреннюю, если самозванец проявлял себя на территории Российского государства. Соответственно, и относиться к такой угрозе следовало очень ответственно, меры ее предотвращения и пресечения нужно было предпринимать немедленно и продуманно. Внутренняя угроза, не подкрепленная вооруженным вторжением какого-либо ино-

[590] Цит. по: *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 15.

[591] Там же. С. 120.

[592] Там же. С. 15.

странного государства на территорию России, как правило, сопровождалась крестьянскими бунтами и восстаниями в пользу самозванца. Внешняя угроза, подкрепленная вооруженным вторжением какого-либо иностранного государства на территорию Россию, подрывной деятельностью оппозиции царской власти и сопровождавшаяся крестьянскими бунтами и восстаниями, представляла не меньшую, а еще большую опасность.

Какие основные факторы способствовали появлению самозванцев в Московском государстве в XVII в.? Их несколько. Во-первых, реальная слабость, неустойчивость в определенные периоды царской власти как в центре, так и на местах (царь болен, слабоумен, слабоволен, не достиг совершеннолетия, решений не принимает, вместо него страной управляет регентский совет или правитель), потеря властью контроля за развитием обстановки. Неверие архиереев Русской православной церкви, боярства и служилого дворянства, армии в способность власти руководить страной. Во-вторых, нелегитимность действующей царской власти (опять же, в определенные периоды). Русская православная церковь, боярство, служилое дворянство, армия и народ знают это и не верят в способность власти удержать страну от политического и социально-экономического кризиса, да и не предпринимают для этого действенных мер. В-третьих, более или менее длительная потеря царской властью управляемости страной, контроля за развитием обстановки вследствие масштабных кризисных явлений — восстаний, мятежей и бунтов, массовых недовольств на обширных территориях, сильных морозов и наводнений, неурожаев, голода, эпидемий и др. В-четвертых, нечетко или несвоевременно объявленные народу и оставшиеся сомнительными причины и обстоятельства смерти царских наследников и других царских детей.

На все эти факторы накладывалась характерная и непременная составляющая — вера народа в доброго, справедливого и хорошего царя, который все исправит в лучшую сторону.

Была ли информация о появлении самозванца – претендента на царский престол важной для Ватикана? Почему? Безусловно, такая информация была для Ватикана весьма важной. При ее подтверждении возникал шанс возродить и даже попытаться реализовать давние планы и мечты Ватикана о возведении на царский престол в Москве послушного царя с последующим подчинением Русской православной церкви Риму. Такая перспектива не только согревала, но и диктовала порядок и содержание дальнейших действий.

Какие задачи решал Ватикан, получив сведения о появлении самозванца – претендента на царский престол? Сразу же нужно было выяснить следующее:

– действительно ли такой самозванец существует, каковы его подлинные фамилия и имя, степень родства с правящей царской династией, происхождение, где находится, возраст, состояние здоровья, образование, вероисповедание;

– обоснованность претензий на царский престол. Степень вероятности признания самозванца другими европейскими монархами в случае его восшествия на престол;

– какие силы стоят за самозванцем внутри Московского государства — наличие оппозиции в окружении действующего царя, в армии, среди духовенства, в гражданском обществе. Соизмеримы ли эти силы с теми силами, которыми располагает действующий царь;

– какие силы стоят за самозванцем за пределами Московского государства – монарх и правительство какого государства, входят ли в эти силы армия, дворянство, духовенство;

– имеет ли самозванец реальные возможности для устранения действующего царя в Московском государстве и своего восшествия на царский престол, то есть для фактической смены власти;

– отношение самозванца к Ватикану и Римской католической церкви, согласен ли он и готов ли он осуществить заключение унии между Русской православной и Римской католической Церквами в случае восшествия на царский престол;

– согласен ли самозванец после восшествия на царский престол действовать в русле рекомендаций тех сил, которые обеспечили ему это восхождение на вершину власти, прежде всего Ватикана, заинтересованного монарха, других союзников, оппозиции внутри страны и др.

Нужно заметить и следующее: Ватикан всегда стремился сохранить свое лицо как перед Римской католической церковью, так и перед европейскими государствами и их монархами. Ватикан не мог себе позволить, чтобы в результате каких-либо ошибочных или непродуманных решений и действий он стал объектом недружественных политических акций или даже насмешек. Поэтому для него очень важным было, во-первых, знать, действительно ли самозванец-претендент находится в родственных отношениях с царствующей династией, и каких. Разумеется, эти сведения должны были быть максимально возможно достоверными. Во-вторых, имеются ли реальные шансы возведения самозванца на царский престол при содействии Ватикана и военно-политической помощи со стороны какого-либо европейского государства.

Организовав сбор сведений для решения перечисленных выше задач, получив эти сведения и изучив их, Ватикан принимал соответствующее решение. Если это решение заключалось в согласии и желании Ватикана оказать прямое или косвенное содействие самозванцу в достижении им своих целей, то за ним следовали реальные шаги по его духовной, политической, военной, финансовой и моральной поддержке. Учитывая, что самозванцы проявляли себя, как правило, в кризисное для Московского государства время, их опасность была исключительно высока.

Только в XVII в. можно насчитать более десятка самых разных самозванцев. В их числе были и претенденты на царский трон (например, Лжедмитрий I), были и обычные авантюристы с большим или меньшим (впечатляющим или зачаточным) уголовным прошлым и настоящим. Нас интересуют не все самозванцы, а только те, с которыми работал или контактировал (в той или иной форме) Ватикан. Таких самозванцев всего три — Лжедмитрий I, Лжедмитрий II (Тушинский вор) и Тимофей Иванович Анкудинов.

Лжедмитрий I и Лжедмитрий II давно стали хрестоматийными историческими персонажами, широко известными в исторической научной и художественной литературе.

Останавливаться на них мы не будем, схематично отметим только то, как с ними работал Ватикан: Лжедмитрий I еще в период пребывания в Польше был тайно обращен в католичество, с ним был заключен политический брак, взамен за его обещания исполнить все пожелания Рима и Варшавы ему была оказана по-

литическая, военная, финансовая и моральная поддержка. С ним постоянно работала папская нунциатура в Польше, эмиссары — члены Ордена иезуитов и других католических орденов, тесть — польский вельможа и воевода Юрий Мнишек и другие. На царском троне Лжедмитрий I пробыл недолго — 17 мая 1606 г. во время московского восстания он был убит. Нельзя не сказать о том, что политическому браку 1606 г. предшествовало предложение папского нунция Джерманико Маласпины, сделанное папе Клименту VIII в 1598 г., о целесообразности заключения политического брака между королем Польши Сигизмундом III и дочерью царя Бориса Годунова Ксенией. Цель брака оставалась прежней — склонить Московское государство и Русскую православную церковь к соединению с Римской католической церковью. Д. Маласпина писал: «Король польский теперь молодой вдовец, имеет одного сына и два королевства, которые управляются с трудом быть может из-за того, что имеют одного господина. Поляки желают ему новой женитьбы, и не осуждают тех, которые считают, что наилучшим был бы супружеский союз с дочерью в. князя московского, имеющей около 14 лет, полагая, что этим способом можно бы склонить Москву к соединению с церковью латинской, и войти в близкие отношения с государствами христианскими, особенно если ей дать надежду освобождения Греции из-под ига турецкого, чего Москва очень желает. Но так как дочь князя московского является схизматичкой, нунций запросил мнение папы» (Król polski jest młodym wdowcem, ma jednego syna i dwa królestwa, które z trudnością rządzone być mogą przez jednego pana. Polacy życzą sobie aby się znowu ożenił, i nie brakuje takich którzy utrzymują, że najlepszy związek małżeński byłby z córką w. xięcia moskiewskiego, mającą około lat czternaście, sądząc że tym sposobem możnaby skłonić Moskwę do połączenia się z kościołem łacińskim, i wejścia w bliższe stosunki z państwami chrześciańskiemi, zwłaszcza jeżeli jej się uczyni nadzieja uwolnienia Grecyi z jarzma tureckiego, czego sobie Moskwa bardzo życzy. Lecz że córka xięcia moskiewskiego jest schizmatyczka, zapyta nuncyusz o zdanie papieża)[593]. Ответ папы Климента VIII на предложение Д. Маласпины нам неизвестен. В следующем разделе мы расскажем о попытке Бориса Годунова выдать свою многострадальную дочь Ксению за шведского принца Густава и том, что из этого получилось.

Лжедмитрий II уже не вызывал такого доверия и сверкающих надежд, как Лжедмитрий I; сведений о нем было совсем мало, никто не знал тогда и до сих пор, видимо, не знает, как его звали на самом деле. Государственный секретарь Ватикана кардинал Сципион Каффарелли Боргезе писал папскому нунцию в Польше Франческо Симонетта: «О делах московских теперь нечего много говорить, потому что надежда обратить это государство к престолу апостольскому исчезла со смертию Димитрия, хотя и говорят теперь, что он жив...»[594]. Прошло не так уж много времени, и надежда стала появляться вновь. В августе 1608 г. кардинал С.К. Боргезе писал нунцию Ф. Симонетта: «Димитрий жив и здесь во мнении многих; даже самые неверующие теперь не противоречат решительно, как делали прежде. Жаждем удостовериться в его жизни и в его победах»[595]. В очередном письме нунцию

[593] Relacye nuncyuszów apostolskich i innich osób o Polsce od roku 1548 do 1690. S. 96–97.

[594] Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 4. С. 530.

[595] Там же. С. 530.

Ф. Симонетта от августа того же года С.К. Боргезе подчеркнул: «Если справедливо известие о победе Димитрия, то необходимо должно быть справедливо и то, что он настоящий Димитрий»[596]. Очень уж хотелось Риму верить, что Лжедмитрий уцелел во время московского восстания, что он жив и с ним можно продолжать иметь дела, но скоро эта вера потухла. В Риме и Варшаве поняли, что вместо Лжедмитрия I на политической сцене появился другой самозванец — Лжедмитрий II, с которым, тем не менее, желая решить геополитические задачи в Москве, нужно было работать. С ним также был заключен политический брак, его женой (почти как по наследству) стала вдова Лжедмитрия I Марина Мнишек. В ближайшем окружении самозванца появились католические священнослужители.

Интересно, что в Польше был подготовлен план заключения унии между католической и православной Церквами при главенствующей роли Лжедмитрия II, хотя эту самую роль не предполагалось афишировать. Дело собирались представить так, что предложения о заключении унии возникли у «разных лиц и сословий государства; для чего в царские телохранители и придворные набрать католиков, а из русских приближать только расположенных к соединению церквей, должности раздавать приверженным к унии, наводить русских, но с большою осторожностию, на разговоры о делах церковных, и при этих случаях намекать на пользу устройства латынских семинарий и коллегий, на постройку, для соревнования, латынской церкви в Москве, на дурное употребление духовенством церковных имений, а духовенству обещать разныя льготы; русских же привлекать присутствовать при латынском богослужении. Вообще имелось в виду так расположить умы, чтобы уния вышла как бы из самых потребностей народа и по желанию духовенства, для чего на высшия духовныя должности назначать приверженцев унии, что всегда во власти правителства. Сам же царь должен был оставаться, по-видимому, в стороне;… все дела, до этого предмета относящияся, вести в совершенной тайне, в особенности же переписку с Римом… Для достижения соединения обрядов предполагалось иметь при царице (той же Марине Мнишек) одного или двух униатских священников, которые отправляли бы службу по обрядам восточной Церкви и могли беседовать с русскими о вере. Далее, полагалось необходимым удалить из России все враждебные латынству элементы, именно запретить пребывание в ней лютеран, выгнать приезжавших из Константинополя православных монахов, даже перенести, хотя на время, столицу из Москвы, центра православия, куда-нибудь поближе к польской границе, где легче было бы заводить иезуитския коллегии, насылать пропагандистов и вообще вводить унию всеми изведанными уже в Польше безцеремонными средствами. Русских же намеревались отправлять для обучения, т.е. для совращения, в Вильну, или еще лучше в Рим и другия страны Италии, где не было лютеран и кальвинистов…»[597]. Прелюбопытный план, основанный на руководящей роли монарха-марионетки, выполняющего, в свою очередь, все указания иезуитов. Уже в этом плане, подготовленном в самом начале XVII в., говорилось о применении в Московии тех методов униатизации населения, которые были апробированы в Польше за полтора десятка лет, истекших со времени образования Униатской

[596] Там же. С. 531.

[597] *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Т. 1. С. 84–86.

церкви (1596). О подобных планах, об унии и униатстве мы подробно поговорим в следующей главе, в том числе и об использовании граничащих с Московией территорий Польши в качестве полигона для испытания новых методов борьбы с православием и униатизации населения.

Марина Мнишек вместе с отцом, матерью и некоторыми соратниками из числа поляков попыталась пробудить угасший интерес Рима к Лжедмитрию II, но им это не удалось. Как раз в это время Лжедмитрий II фактически лишился поддержки и польской короны, так как король Польши Сигизмунд III вознамерился посадить на московский трон своего сына Владислава, и в этих условиях Лжедмитрий II уже просто мешал ему (командующий польскими войсками, напольный коронный гетман Станислав Станиславович Жолкевский, сам справился с правительственными войсками Василия Ивановича Шуйского и вошел в Москву без посторонней помощи). В конце концов попытка Лжедмитрия II взойти на царский престол окончилась неудачей, 11 декабря 1610 г. он был убит.

Еще один самозванец, Тимофей Иванович Анкудинов, не так широко известен, да и не так колоритен. Его самозванство проявилось в тяжелые для Московии годы — смена царя (1645), соляной бунт в Москве (1648), хлебный мятеж в Пскове и Новгороде (1650), объявление войны Польше (1653). До 1644 г. он служил подьячим приказа Новой Четверти вместе со своим единомышленником Константином Конюховым (Конюховским). В 1644 г. они оба через Тулу и Новгород-Северский бежали в Литву и затем оказались в Кракове, у короля Польши Владислава IV. Здесь Т.И. Анкудинов выдал себя за Ивана Каразейского, воеводу Вологодского и наместника Великопермского. Из Кракова они направились в Стамбул (Царьград), правда, К. Конюхов по пути остался в «Болгарской» земле, и Т.И. Анкудинов прибыл в Стамбул один. Здесь он уже выдал себя за внука бывшего царя Василия Ивановича Шуйского (у которого никаких детей не было и внуков он иметь не мог) и принял мусульманство. К. Конюхов говорил 10 июня 1652 г. в Москве на пытке: «Как Тимошка был в Царе-городе, и он у султана помощи себе просил, ратных людей, хотел идти под Астрахань и Казань, да хотел ему в том помогать астраханский архиепископ Пахомий и дворовые его люди, потому что архиепископ ему давно знаком и дружен, с тех пор как были на Вологде вместе»[598]. Из Турции он бежал в Рим, там вновь сменил вероисповедание — принял католичество, был удостоен аудиенции у папы Иннокентия X. Как мы видим, в Риме с ним отработали на самом высшем уровне, а вдруг действительно он царских кровей? Но, более чем вероятно, несмотря на обращение его в католичество, он в Риме совершенно не понравился, ему не поверили и каких-либо планов с его использованием в качестве козырной карты даже не стали строить. Затем Т.И. Анкудинов и К. Конюхов уже вместе через Венецию и Седмиградскую землю добрались до Запорожского войска к гетману Богдану Хмельницкому. На следующей пытке 14 июня 1652 г. К. Конюхов показал: «Как был Тимошка у Хмельницкого и послышал о псковском смятенье, то начал просить гетмана, чтоб отписать об нем к шведской королеве, и Хмельницкий отказал, потому что у него ссылки с шведскою королевою нет, а напишет об нем к Рагоци. А мыслил вор Тимошка упросить у королевы, чтоб ему позволили жить в Швеции

[598] Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 5. М., 1995. С. 655.

подле русской границы, чтоб ему, спознався и сдружась с пограничными немцами, ссылаться чрез них с псковскими мятежниками»[599]. Т.И. Анкудинов пытался (безрезультатно) получить поддержку у Крымского ханства, лично прибыл в Стокгольм для переговоров со шведскими властями и даже стал протестантом, но положительного результата не добился. Принятые царским правительством меры привели к тому, что он был задержан 27 ноября 1653 г. в Голштинии и отправлен под охраной в Москву, где уже с 28 мая 1652 г. находился его сообщник К. Конюхов. Через месяц, 26 декабря 1653 г., Т.И. Анкудинов был доставлен в Москву, и после допросов и пытки 28 декабря 1653 г. он был казнен. К, Конюхов же был сослан в Сибирь.

Т.И. Анкудинов и К. Конюхов явились причиной резкой активизации дипломатической переписки между Москвой и Стокгольмом. Шведскому резиденту в Москве Иоганну де Родесу пришлось не раз докладывать в своих донесениях королеве Христине о ситуации с Т.И. Анкудиновым и его сообщником, да и давать объяснения в Посольском приказе о причинах бездействия, по мнению Москвы, шведских властей.

Повторим, как в Риме, так и в столицах других государств лжевнуку В.И. Шуйского никто не поверил (хотя он был обращен в католичество и удостоен аудиенции у папы Римского), никакая существенная помощь ему оказана не была, его передали московским властям в обмен на документы о торговле Голштинии с Персией.

Николай де Мело. Мы расскажем о человеке, судьба которого в последние годы жизни была теснейшим образом связана с судьбой Марины Мнишек. Об этом человеке не так уж много известно, зачастую сведения о нем отрывочны и даже противоречивы, но его судьба могла бы стать сюжетом для увлекательного приключенческого романа без каких-либо авторских добавлений. Этот человек являлся самым непосредственным участником необычайно интересного и увлекательного эпизода тайной войны на рубеже XVI–XVII веков. Эпизода, в котором, как в поединке на шпагах, пересеклись интересы России, Швеции и Польши, Ватикана и Ордена иезуитов. События, в которых он участвовал, охватывают период Смутного времени в Московском государстве, от Бориса Годунова до Михаила Романова.

Этим человеком был Николай де Мело (1548–1614), португалец, уроженец небольшого городка Белмонти, представитель известной дворянской семьи. В молодые годы он некоторое время служил при дворе короля Португалии Себастьяна (на троне в 1559–1578), затем отправился в Америку, где в 1577 г. в августинском монастыре в Пуэбла-де-Лос-Анджелесе постригся в монахи. В 1582 г. он перебрался на Филиппины и начал тут миссионерскую деятельность как член Ордена августинцев. Как пишет Накамура Ёсикадзу в книге «Японец в Московии», в 1596 г. местная конгрегация Ордена августинцев избрала Николая де Мело своим представителем на открывавшийся в Риме капитул Ордена. Вместе с ним должен был ехать японец Николай, монах-августинец (постригся в монахи в 1594 г.), познакомившийся с Николаем де Мело в августинском монастыре в Маниле. В 1597 г. Николай де Мело

[599] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 5. С. 656.

и его спутник отправились из Манилы в дальний и оказавшийся для них трагическим путь. Прибыв в Гоа (порт на западном побережье Индии), они узнали, что в этом году кораблей в Европу уже не будет, и решили добираться дальше до Европы через Персию[600].

Персидский шах Аббас I; русский царь Борис Годунов; русский царь Лжедмитрий I; русская царица Марина Мнишек; претендент на Московский трон Иван Заруцкий; русский царь Василий Шуйский; русский царь Михаил Романов; двоюродный брат шотландского короля Антони Ширли; шведский королевич, претендент на трон короля Ливонии, жених царевны Ксении Годуновой принц Густав Ваза — каждый из них не только сыграл отведенную ему роль в истории России и Смутного времени, но и все вместе они сыграли ключевые роли в судьбе Николая де Мело.

Местом, где развернулись главные события, стали Москва, Волга, Астрахань и Яик, хотя были еще Соловецкий и Ростовский Борисоглебский монастыри и Нижний Новгород. Давайте вспомним, чем же был характерен этот период, какие события столкнули в жестком противоборстве разведывательные службы названных выше стран.

В 1598 г. умер царь Федор Иоаннович и пресеклась династия Рюриковичей, на московский трон взошел Борис Годунов. Европа, уже привыкшая к Годунову как к фактическому правителю России, увидела его на царском троне полновластным самодержцем. Означало ли это приход к власти новой царской династии? Как долго она будет царствовать, насколько прочной будет ее власть? Как отразится царствование Бориса Годунова на усилении или ослаблении России, на расстановке политических сил в Европе и мире? Безусловно, эти и другие вопросы интересовали как европейских монархов, так и Рим.

За несколько лет до этого произошло еще одно событие, которое крайне обеспокоило Ватикан, так как прямо свидетельствовало о качественном организационном укреплении Русской православной церкви — в 1589 г. была учреждена Московская патриархия. Русская православная церковь больше уже и де-факто, и де-юре не зависела от Восточных патриархий и могла более решительно противодействовать Ватикану.

Такой шаг Москвы не остался без ответа. В 1596 г. усилиями Ватикана, Ордена иезуитов и короля Польши Сигизмунда III на Брестском Соборе была образована Униатская церковь, на которую Ватикан возлагал огромные надежды. Заметим, что Униатская церковь была образована на каноническом пространстве Православной церкви.

В это же время сложилась весьма пикантная ситуация вокруг шведского королевского трона. Претендентов на престол было несколько. Во-первых, сам польский король Сигизмунд III, отпрыск шведского королевского дома Ваза. Во-вторых, его двоюродный брат, шведский принц Густав (1568–1607), сын шведского короля Эрика XIV (1533–1577, находился на троне в 1560–1568). И, в-третьих, шведский герцог Зюдерманландский Карл (будущий король Швеции Карл IX в 1604–1611).

Вполне естественно, что все претенденты самым внимательным образом следили друг за другом, за политической обстановкой в Швеции и тех странах, где

[600] Беловодье или Приключения августинцев в России. По материалам книги Накамуры Ёсикадзу «Японец в Московии». URL: http://japanesedolls.ru/

претенденты проживали или куда приезжали. Не менее пристальное внимание уделялось Польше и России, то есть тем странам, которые реально могли повлиять на то, кто из претендентов взойдет на шведский королевский трон. Конечно, главную роль в отслеживании ситуации вокруг претендентов играли разведывательные службы Швеции, Польши, России и других заинтересованных европейских государств. Именно в этот период произошло обострение отношений между Персией и Турцией, что в определенной степени отвлекало турецкие силы от европейского театра военных действий и вполне устраивало Европу, Россию и Ватикан.

Герцог Финляндский Иоанн (Юхан, 1537–1592), свергнув в 1568 г. и заключив в тюрьму шведского короля (своего старшего брата) Эрика XIV, захватил престол под именем Юхана III. Опасаясь растущего конкурента на королевский трон, он приказал утопить незаконнорожденного сына Эрика XIV (от Карины Монсдоттер, дочери солдата) и своего племянника принца Густава. Но Густава спасли и переправили в Польшу, где обучением и воспитанием королевича занялись иезуиты. Он стал убежденным католиком, получил хорошее образование, «успешно постигал многие науки, прекрасно владел итал., нем., польск., рус. и лат. яз., отлично знал химию и медицину, за что его прозвали «вторым Парацельсом», интересовался астрологией»[601]. И хоть он до приезда в Москву проживал в Польше, итальянских княжествах, Священной Римской империи германской нации, в Прибалтике, он познал большую нужду и жил совсем не как королевич.

Борис Годунов, которому стало известно о шведском принце-изгнаннике Густаве, нашел его кандидатуру вполне подходящей для использования в планах усиления российского присутствия в прибалтийском регионе в противовес интересам Швеции и Польши. Первая попытка пригласить Густава в Москву была сделана еще в декабре 1593 г. через посла Священной Римской империи германской нации Николая Варкоча (Н. Варкоч находился в Москве с 17 сентября по 8 декабря 1593 г.). Борис Годунов послал тогда с Н. Варкочем принцу Густаву в Прагу меха и грамоты, в которых обещал его «устроить... на твоем дедичном королевстве»[602]. В другом месте это обещание было выражено более определенно: «А будет ты похочешь доставать своего дедичного королевства Свейского и великий государь... во всем тобою промышлять будет по твоей воле»[603]. Мы видим, что уже тогда Москва откровенно предлагала принцу Густаву стать претендентом на шведский королевский трон и обещала свою всяческую поддержку. Но случилось так, что на границе с Польшей посол Н. Варкоч во избежание неприятностей сжег адресованные принцу Густаву грамоты, поэтому они до него не дошли. Эта попытка не увенчалась успехом, правда, и Борис Годунов в то время еще не был российским самодержцем и не обладал всей полнотой власти для принятия важных государственных решений.

Прошло 6 лет, Борис Годунов был уже на Московском троне, и он вновь вернулся к планам использования принца Густава в геополитических интересах России в Прибалтике. Речь шла о создании в Ливонии зависимого от России государ-

[601] *Богуславский В.В.* Правители России: Биографический словарь. М., 2006. С. 249.

[602] Цит. по: *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М., 1973. С. 53.

[603] Там же. С. 53. Прим. 125.

ства, с помощью которого Борис Годунов мог к выгоде России регулировать отношения между Россией, Польшей и Швецией. Принц Густав предназначался на королевский трон в этом государстве, поэтому он и был нужен. И нужен был именно он, так как он приходился двоюродным братом королю Польши Сигизмунду III и племянником правителю Швеции герцогу Карлу (будущему королю Карлу IX). Разве мог принц Густав забыть и простить, как дядя Юхан III (отец Сигизмунда III) приказал его еще в младенческом возрасте утопить, и что другой дядя — Карл — считал его незаконным претендентом на королевский трон, и что двоюродный брат Сигизмунд также считал его своим конкурентом на шведский престол, и поэтому не оказывал ему никакой финансовой и моральной поддержки? Такие или почти такие рассуждения и привели Бориса Годунова к мысли о целесообразности использования именно Густава. Для этого нужно было заключить самый настоящий политический брак между принцем Густавом и дочерью Бориса Годунова — царевной Ксенией (1582–1622).

Как мы уже сказали, предполагавшийся брак преследовал совершенно определенные и очень важные для России цели — создать на балтийском побережье полностью зависимое от России королевство Ливонию во главе с зятем Бориса Годунова, принцем Густавом. Положительное решение этой задачи позволило бы существенно изменить расстановку и соотношение сил между Россией, Польшей и Швецией в пользу России. Ставленник Москвы на вновь созданном ливонском троне мог доставить много неприятностей и хлопот не только Польше, но и шведской короне. А если бы еще удалось посадить принца Густава на королевский трон в Швеции? От царского посла Власьева Афанасия Ивановича, направленного 28 июня 1599 г. к императору Священной Римской империи германской нации Рудольфу II, Борис Годунов узнал о нахождении принца Густава в Гданьске и сразу же к нему был отправлен переводчик Посольского приказа Ганс Англер с приглашением приехать в Москву. Приглашение было благополучно доставлено, и 16 августа 1599 г. принц Густав был торжественно принят Борисом Годуновым.

Переговоры с принцем, которые вели сначала тайные посланцы Бориса Годунова, а затем и он сам лично, стали известны королевским дворам в Польше и Швеции, а также Ватикану и Ордену иезуитов, и очень их обеспокоили. Намечавшиеся признаки усиления России, укрепления царской власти, наряду с организационным укреплением Русской православной церкви, никак не устраивали соседние королевства и Ватикан, так как серьезно затрудняли реализацию задач в отношении России.

Узнав о намерениях Бориса Годунова, Ватикан решил использовать складывающуюся ситуацию в своих интересах. Если русские хотят приблизить принца Густава к царскому трону, сделать его королем в Ливонии или Швеции, то не нужно этому мешать, так как принц Густав уже давно был убежденным католиком, и можно было рассчитывать, что он не оставит без внимания интересы Ватикана. Можно предположить, что иезуиты сделали из него человека, готового выполнять поставленные перед ним задачи в Москве. По крайней мере, они, видимо, так думали.

Шведский принц-изгнанник, возвращенный иезуитами из протестантизма в лоно католической церкви, а затем поднятый из политического небытия на самую вершину власти — на трон (лучше, конечно, в России, но неплохо и в Ливонии, и в Швеции), стал бы слугой Ордена на все годы царствования, что обещало весьма

заманчивые перспективы для Ватикана. Появилась возможность наконец-то реализовать те заманчивые планы, которые вынашивал Ватикан уже несколько столетий. А именно, при благоприятном стечении обстоятельств посадить пусть и не на московский трон, а совсем рядом с ним человека, который был бы всем обязан Ватикану и беспрекословно выполнял поставленные перед ним задачи.

Шведы тоже внимательно следили за развитием обстановки вокруг принца Густава, в том числе и за действиями Ордена иезуитов. Активное участие в этом, сначала на территории Польши, а затем и непосредственно в Москве, принимал шведский разведчик Петр Петрей де Ерлезунда. В своих донесениях в Стокгольм он писал о деятельности иезуитов: «Не они ли устраивали заговоры и строили козни, дабы ввести в России ложную папскую веру и искоренить греческую? Не они ли намеревались ранее и теперь подчинить Россию папе и польским дворянам? Да, они делали это и прежде, сговариваясь с сыном бывшего короля Эрика XIV, короля шведов, готов и венедов по имени Густав. Чем только иезуиты не прельщали его, чтобы он поехал в Россию, и все, чему он научился и узнал у иезуитов, и все свои богатства, не скупясь на подарки, должен был он направить на то, чтобы подчинить Россию, чего бы это ни стоило и как бы это ни было трудно, и за это он будет вознагражден и станет могущественным властелином»[604].

Существуют разные мнения относительно намерений Бориса Годунова устроить брак принца Густава с царевной Ксенией. По-разному пишут и о событиях, происшедших после его приезда в Москву. Сохранились сочинения современников принца Густава и очевидцев тех событий: Исаака Массы, голландского купца, дипломата и агента трех разведок (голландской, шведской и российской); Жака Маржерета, француза, царского телохранителя, агента французской и английской разведок; Петра Петрея де Ерлезунда, шведа, агента шведской разведки, действовавшего в Москве под крышей лекаря; Конрада Буссова, немца, царского телохранителя; Мартина Бера, немца, учителя в Немецкой слободе, а затем пастора. Они считали, что Борис Годунов пригласил принца Густава для того, чтобы предложить ему участие в своих планах усиления прибалтийского присутствия России и в случае согласия покрепче привязать его к Москве, женив на царевне Ксении. Историки Г.В. Форстен (Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 2. СПб., 1894), Д.В. Цветаев (Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел II. М., 1890) придерживаются этой же точки зрения. Историк Б.Н. Флоря (Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М., 1973) не согласен с их мнением. Он считает, что Борис Годунов пытался использовать принца Густава в своих интересах и без его вступления в брак с царевной Ксенией, для которой Борис Годунов искал более знатного жениха.

Участник событий «Смутного» времени Конрад Буссов писал о принце Густаве: «...Царь через тайных послов пригласил его в свою страну, приказал с пышностью встретить его на границе, почтить многими подарками и подношениями. Он хотел дать ему в жены свою единственную дочь. Он показал ему и предоставил в его распоряжение все свои военные силы, чтобы при помощи их он напал на сво-

[604] Достоверная и правдивая реляция Петра Петрея // Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. М., 1989. С. 193.

их неверных шведов... отомстил им за свое горе и постарался вернуть себе отцовский наследственный трон...»[605]. Конрад Буссов был одним из тех, кому Борис Годунов давал поручения конфиденциального характера, в том числе такие, исполнение которых предполагалось за пределами Российского государства. Не исключено, что Конрад Буссов выполнял поручения и в отношении принца Густава и хорошо знал обстановку вокруг него.

Жак Маржерет отмечал: «Во второй год своего правления он сумел заманить в страну Густава, сына шведского короля Эрика (который был низложен своим братом, шведским королем Иоанном), пообещав дать ему в жены свою дочь, если тот оправдает его надежды. Он действительно был принят с большим великолепием и удостоен больших подарков от императора, именно: серебряной посуды для своего двора, многих тканей — золотой и серебряной персидской парчи, бархата, атласа и других шелковых тканей для всей его свиты, драгоценностей, золотых и жемчужных цепей, многих прекрасных лошадей с полной сбруей, всевозможных мехов и суммы денег, которая поистине не соответствовала дарам, именно десяти тысяч рублей. Он въехал в Москву как принц»[606]. Жак Маржерет служил в царской охране, видел и слышал многое, что делалось и о чем говорилось в окружении Бориса Годунова.

Заметим, что принц Густав был на 16 лет моложе своего будущего тестя и на 14 лет старше царевны Ксении. Ему было более 30 лет, он много поездил по Европе, повидал всякую жизнь, имел уже устоявшиеся привычки. В Москве он вел довольно беспорядочный образ жизни, вызвал к себе в Москву не только целую толпу жадных нахлебников, составивших его двор, но и даже свою любовницу. И это в самый канун вступления в брак, который сулил так много. В брак с царевной Ксенией, которую так описывал ее современник Кубасов: «Царевна Ксения, отроковица чудного домышления, зольною красотою лепа, бела и лицом румяна, очи имея черны, велики... бровью союзна, телом изобильна, млечною белостию облиянна; возрастом, ни высока, ни низка; власы имея черны, велики, аки трубы по плечам лежаху; воистинну, во всех женах благочиннейша»[607]. Нетрудно представить, что думала юная красавица, дочь Бориса Годунова, о предстоящем браке с каким-то проходимцем, и каково было ее настроение.

В это время Москва предприняла ряд шагов — дипломатических и оперативных, направленных на подготовку условий для последующего введения в действие плана с участием принца Густава. Уже 8 октября 1599 г. принц Густав направил письмо правителю Швеции герцогу Карлу с изложением условий русско-шведского соглашения о Прибалтике, в котором «шведскому королю предлагалось уступить всю шведскую часть Прибалтики московскому ставленнику, вокруг которого уже собиралась в Москве обширная военная свита из выехавших прибалтийских дворян, готовая поддержать военной силой притязания нового претендента на ливон-

---

605 Московская хроника Конрада Буссова // Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. М., 1989. С. 248.

606 *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XV – XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С 259.

607 Цит. по: *Бер М.* Летопись московская с 1584 года по 1612 // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 2. СПб., 1859. С. 49. Прим. 67.

скую корону»[608]. Практически одновременно, с 26 ноября по 31 декабря 1599 г., в Стокгольме проходили переговоры российских дипломатов Сукина и Дмитриева с герцогом Карлом, на которых шведской стороне было предложено заключить союз против Сигизмунда III и соглашение о разделе присоединенных территорий с образованием вместо шведской Прибалтики государства принца Густава и передачей Нарвы России. Б.Н. Флоря отмечает, что уже в ноябре 1599 г. был подготовлен проект условий перехода Риги под российский протекторат, а 30 ноября для ведения переговоров с рижанами в Псков выехала специальная делегация в составе царского ювелира Клауса Бергена и купца из Любека Андреяна Меллера[609]. В том же ноябре воеводам пограничных городов были даны указания подобрать «добрых людей боярских», которые должны были тайно распространять на сопредельной территории сведения о практических шагах принца Густава по вооруженному возвращению под свою власть Ливонии и поддержке его Борисом Годуновым.

Эти факты приведены для того, чтобы показать, что Борис Годунов к реализации своих планов с участием принца Густава относился, по крайней мере в 1599 г., весьма серьезно. Но политическая ненадежность принца Густава высветилась довольно скоро. Как писал Б.Н. Флоря, «В начале мая 1600 г. королевич попросил уже известного нам Андреяна Меллера отвезти "колпак" к одному из знакомых принца в Ригу. Меллер распорол подкладку на "колпаке" и нашел в нем грамоту "латинским и полским писмом, а писал тое грамоту королевич сам". Грамота была адресована Сигизмунду, о чем Меллер не замедлил сообщить Василию Щелкалову»[610] (Василий Яковлевич Щелкалов — в 1594–1601 гг. думный дьяк Посольского приказа). Согласитесь, факт чрезвычайный, достаточный для царской опалы. Но, скорее всего, приведенный факт отправления принцем Густавом писем за рубеж был не первым. И нас будет интересовать другой факт, к которому имел непосредственное отношение Николай де Мело, и за что он попал в Соловецкий монастырь.

Итак, как же развивались дальнейшие события после прибытия Николая де Мело и его спутника в Московию? Лучше всего об этом расскажет он сам, правда, устами человека, который в трагические для Московского государства дни вел дневник, получивший позднее название «Дневник Марины Мнишек». Давайте не пожалеем времени и прочитаем запись в этом «Дневнике» от 12 июля 1607 г. Итак, читаем: «...Отдали нам тайные письма для вручения пану воеводе от одного испанского монаха ордена святого Августина, по имени Николай, а по прозвищу де Меллло, который, будучи послан в Новую Индию, 20 с лишним лет проповедовал слово Божье тамошним народам и стал генералом всей Америки. Оттуда же, отправившись по приказанию папы и испанского короля, был он у короля персов, у которого очень хорошо был принят, и взял письма с некоторыми поручениями к отцу папе и к королю Испании. А так как упомянутый Николай не мог ехать морем из-за опасностей войны, он, имея паспорт от короля персов и других монархов, пустился сушей через границы Московии.

[608] *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. С. 92–93.

[609] Там же. С. 95–96.

[610] Там же. С. 100. Прим. 106.

Но „москва", увидев этого монаха и будучи неприятельницей веры римской и таких особ (еще при Борисе Годунове это случилось), отобрала у него все те письма и все, что было при нем. Увидев, что из писем и поручений ему данных могли воспоследовать великие достижения римской религии в королевстве персидском, а также, с другой стороны, заметив большое расположение короля персов к вере католической и ко всем католикам, и поэтому боясь, чтобы тот находящийся у их границ могущественнейший король, став католиком, не захотел в государствах своих приумножить эту веру, они задержали Николая и заключили в суровую тюрьму в крепости Соловках.

Но по смерти Бориса, когда вступил на царство Дмитрий и узнал о том Божьем муже, он приказал его немедленно освободить и проводить, как можно учтивее, к себе в Москву, желая отослать со своими поручениями к королю испанскому. А в это время случился несчастный погром. Так как Николай уже был в дороге, его, по приказанию Шуйского, привезли в Москву, где он рассказывал о своем деле устно, через английского толмача, царю и думным боярам. После чего Николай, по приказанию царя и происками тех находившихся в Москве англичан, главных неприятелей католической веры и испанского народа, снова был отослан в монастырь Борисов, в 3 милях от Ростова, и заключен в тюрьму. Оттуда он и написал те письма на французском языке и дал знать о положении своих дел.

В своем большом письме он свидетельствовал всему свету о том, что он делал в Америке, Новой Индии, в Персии, на границах Китайского королевства ad emolumentum (к пользе, перевод с латыни) католической религии. Сделал он это из-за того, что отчаялся в своей eliberacyi (освобождении, перевод с латыни) и надеялся, что, если пана воеводу соблаговолил бы Господь Бог освободить, то известие о нем могло бы дойти как до его королевской милости и папы, так и до короля испанского. Свою стойкость и неизменную любовь к вере он доказывал, заботясь об одном мальчике, индийце, который, будучи сыном знатного и лучшего в Индии человека, пустился вместе с ним ко двору короля испанского, как и он, попал в сети и был посажен в тюрьму. Этого мальчика всякими жестокими муками пытались насильно привести к тому, чтобы, отступившись от католической религии, он пристал к их обману. Чего из него никаким способом вымучить не могли...»[611].

Не правда ли, очень интересная запись, так ярко характеризующая автора писем Николая де Мело. Несколько примечаний: пан воевода — это Юрий Мнишек, отец Марины Мнишек, супруги Лжедмитрия I. Монастырь Борисов — это Ростовский Борисоглебский монастырь. Титул «генерал всей Америки» мог означать, что Николай де Мело являлся главой провинции Ордена августинцев в Северной Америке.

С.Н. Марков в своей замечательной книге «Земной круг» сообщает примерно те же сведения, что и Накамура Ёсикадзу. А именно, что Николай де Мело с 1578 г. проживал в Мексике, где и вступил в Орден монахов-августинцев. Он быстро выдвинулся среди нищенствующих монахов и примерно в 1583 г. был направлен на Филиппины, где продолжал свою деятельность до 1598 г. (историк Б. Семянников считает, что де Мело являлся членом Ордена иезуитов, «двадцать лет прожил... в Индии, где "дорос" до начальника католических миссий»[612]). По словам

---

[611] Дневник Марины Мнишек. М.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 91–92.

[612] Новости разведки и контрразведки № 15 за 1996 г. С. 16.

С.Н. Маркова, на Филиппинах де Мело сблизился с японцем, принявшим католичество под именем Николая, и решил привезти его в Европу. Может быть, планировалось подготовить японца для возвращения в Японию в качестве эмиссара? Нашего внимания заслуживает любопытное известие, которое сообщал Фернан Мендес Пинто в своей книге «Путешествие», изданной в 1614 г. в городе Коимбра (Португалия). Пинто писал, что, странствуя по Юго-Восточной Азии в конце сороковых годов XVI в., он встречался с португальским комендантом порта-крепости Малакки Симаном де Мело. Может быть, этот комендант приходился родственником (отцом, дядей) Николаю де Мело? Может быть; поэтому Николай де Мело и занимался своей деятельностью в этом регионе? Кстати, Фернан Мендес Пинто (1514–1583) прожил удивительную жизнь — в юношеском возрасте он отплыл с португальской флотилией в Индию, занимался мореплаванием, пиратством, 5 раз терпел кораблекрушения, 13 раз его брали в плен, 17 раз продавали в рабство. Он был сподвижником Франциска Ксаверия, одного из основателей Ордена иезуитов, в 1551 г. посетил с ним Японию, в 1552–1558 гг. сам состоял в этом Ордене, в 1558 г. вернулся в Португалию после более чем двадцатилетних приключений. Книга Фернана Мендеса Пинто «Странствия» издана на русском языке в 1972 г. в Москве издательством «Художественная литература».

Появлению де Мело в России предшествовало прибытие в 1598 г. в Персию английского посланника Антони (Энтони) Ширли (1565–1635, аристократ, выпускник Оксфорда, умер в Мадриде) со свитой около 30 человек. Во время аудиенции у персидского шаха Аббаса I (1571–1629) А. Ширли «...объявил, что он двоюродный брат шотландского короля и что, будучи хорошо известен всем христианским королям, отправлен ими в качестве посланника вести переговоры с государем Персии о заключении с ними союза для войны против общего врага, турецкого султана...»[613] (Антони Ширли происходил из знатного рода и действительно являлся двоюродным братом короля Шотландии Иакова VI, через несколько лет, в 1603 г., взошедшего на королевский трон Англии под именем Иаков I). Отношения между Персией и Турцией, как мы уже говорили, в тот период времени были враждебными, и шах Аббас I сам намеревался направить посольство к королю Испании с предложением о союзе против Турции. В результате переговоров было принято решение направить посольство к папе Римскому, императору Священной Римской империи германской нации, королям Испании, Франции и Польши, Венецианской синьории, королеве Англии и королю Шотландии.

Во главе посольства был поставлен посланник Байат Хосейн Али-бек. По решению Аббаса I вместе с посольством должен был отправиться в дальний путь и Антони Ширли с половиной своей свиты. Вторая половина вместе с братом Антони-Робертом (1581–1628) оставалась в Персии. Одним из секретарей посольства являлся Орудж-бек Баят, который после прибытия в Испанию перешел в католическую веру и принял имя дон Жуана (Хуана) Персидского. Именно он написал сочинение о посольской миссии, в котором мы встречаем Николая де Мело.

Когда подготовка посольства уже заканчивалась, как пишет дон Жуан Персидский, ко двору персидского шаха прибыли два португальских монаха: «Один доми-

613 Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг. // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 168.

никанец, другой — францисканец. Доминиканец назывался фра Николай де Мело. Эти монахи, весьма радушно шахом принятые, еще больше побуждали его отправить посольство: шах называл их отцами и оказывал им большое внимание, так что они попросили у него рекомендательных писем к его святейшеству и к католическому величеству королю Испании, и шах велел написать для них письма и дать отдельно от других...»[614]. Как мы видим, дон Жуан Персидский называет де Мело доминиканцем. По его же словам, 9 июля 1599 г., в четверг пополудни, посольство покинуло столицу Персии и отправилось в дальний путь. В составе посольства были посланник, 4 знатных людей и 15 слуг, 2 монаха (де Мело и его спутник), Антони Ширли, 5 переводчиков и 15 англичан. Посольство имело лошадей и вьючных животных, 32 верблюда были нагружены подарками.

Но не только Жуан Персидский описал путешествие персидского посольства по Каспийскому морю и по Волге, а затем его пребывание в Москве. В свите двоюродного брата шотландского короля Антони Ширли состоял англичанин Вильям Парри, который также описал это путешествие и его участников и рассказал о событиях в Москве, но с совершенно иных позиций. Если Жуан Персидский явно симпатизировал Николаю де Мело, а Антони Ширли изобразил чуть ли не разбойником с большой дороги, то Вильям Парри уже Николая де Мело изобразил распутным и бесчестным человеком и клеветником, а Антони Ширли честным и порядочным человеком, не всегда, правда, сдерживающим свою горячность. Да и о событиях в Москве, приведших Николая де Мело на Соловки, они писали по-разному.

Рассказывая об отъезде из Москвы, Жуан Персидский рассказал о прощании с некоторыми членами посольства: «Нас покинули 4 служителя, которые вернулись в Персию, и доминиканец, о котором при всех стараниях мы ничего не смогли узнать: подозреваем, что его спровадил дон Антонио Шерли, ибо, когда мы плыли на галерах по реке Эдер, дон Антонио заключил его в каюту в трюме, намереваясь умертвить, но мы, персияне, освободили его оттуда. Монах сказал нам, что он дал взаймы дону Антонио тысячу червонцев и 90 мелких бриллиантов и что, когда стал требовать уплаты, тот хотел убить его»[615]. Монах-доминиканец — это Николай де Мело, Эдер — это Волга. Согласитесь, картина впечатляющая — нищенствующий португальский монах-августинец дает в центре России, на Волге, матушке-реке, в долг двоюродному брату шотландского короля 1000 червонцев и 90 мелких бриллиантов, а последний, чтобы не отдавать долг, делает попытку убить монаха, но персидские дипломаты его спасают. Жуан Персидский дополнил характеристику Антони Ширли следующими словами: «Дон Антонио — человек великого ума, хотя мал телом, и любит роскошь на чужой счет, ибо собственных доходов фортуна не дала ему. Как потом оказалось, он постоянно старался нас обманывать»[616].

Мы помним, что спутником Николая де Мело в этом дальнем путешествии был монах-августинец, японец Николай. Вильям Парри называет его монахом-францисканцем по имени Альфонс, которого во время поездки Николай де Мело возненавидел. Этот Альфонс «сообщил сэру Антонию, что брат Николай вел в Ин-

[614] Там же. С. 168.

[615] Там же. С. 182.

[616] Там же. С. 184.

дии крайне распутную жизнь, и в подробности об этом рассказал. Кроме того, сообщил ему, что вследствие его беспутной жизни, король испанский прислал за ним, так как он приносил гораздо больше вреда, чем пользы в тех местах, но что до сих пор он отнюдь не хотел ехать и только теперь едет по вызову. Монах сообщил также сэру Антонию, что подарок, представленный братом Николаем шаху персидскому от своего имени, был послан одним из друзей шаха из Ормузда чрез другое лицо, которое имело при себе еще письмо к шаху; этого посланца, своего знакомого, он улещал и убеждал ласковыми словами и подкупом в 50 крон отдать подарок вместе с письмом ему, чтобы отвезти к шаху, и под конец успел склонить его к этому; а по прибытии в Персию, уничтожив письмо, представил подарок, как выше сказано, от своего имени. По обнаружении таковых подлостей, сэр Антоний взял монаха под стражу и вез далее с собою как человека, лишенного прежней свободы»[617].

Персидское посольство прибыло в Москву в ноябре 1599 г. На это прямо указывает Жуан Персидский, и этот месяц получается, если произвести подсчеты времени в пути согласно сочинению Вильяма Парри — два месяца от резиденции шаха Аббаса I по Каспийскому морю до Астрахани и 10 недель от Астрахани до Москвы. Если к дате отъезда — 9 июля 1599 г. — прибавить 4,5 месяца, как раз и получится вторая половина ноября 1599 г. Для наших рассуждений очень важно, что посольство прибыло в Москву в то время, когда принц Густав уже находился в Москве и Борис Годунов начинал готовить условия для реализации своих прибалтийских планов с его участием.

Персидское посольство остановилось в Москве в помещении, выделенном для этого Посольским приказом, а Николай де Мело и его спутник японец Николай разместились, как пишет Накамура Ёсикадзу, в доме придворного врача царя Бориса Годунова, миланца Паоло Цитадини. Как раз в это время у Паоло Цитадини родилась дочь, и Николай де Мело крестил ее по католическому обряду. Дело это было крайне опасным, так как совершение католических таинств в Московии того времени было запрещено. Сведения об этом стали известны Антони Ширли и через него московским властям. В доме Паоло Цитадини был проведен обыск, письма шаха Аббаса I к папе Римскому и королю Испании были обнаружены и изъяты[618] (Паоло Цитадини не является неким вымышленным лицом. Историк Н.П. Загоскин писал о нем: «Мы узнаем о существовании этого врача лишь из письма к царю Федору французскаго короля Генриха IV-го, в котором король просит отпустить на родину врача Павла Цитадина, давно уже служащаго в Москве…»[619]).

Как же развивались события в Москве дальше? По словам Жуана Персидского, он ничего не знал о том, что случилось с Николаем де Мело. Напротив, Вильям Парри оказался более информированным. Как он рассказал, Антони Ширли отказался выполнить подготовленный Посольским приказом порядок следования на царскую аудиенцию, посчитав предусмотренное для него место в процессии не соответствующим его знатности и положению в посольстве. «Этим отказом он навлек

---

[617] *Парри В.* Проезд чрез Россию персидского посольства в 1599–1600 гг. // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел III. М., 1899. С. 5.

[618] Беловодье или Приключения августинцев в России. По материалам книги Накамуры Ёсикадзу «Японец в Московии». URL: http://japanesedolls.ru/

[619] *Загоскин Н.П.* Врачи и врачебное дело в старинной России. Казань, 1891. С. 27.

на себя неудовольствие царя, которое выразилось прежде всего в том, что царь взял от сэра Антония монаха и предоставил ему свободу отправиться, куда угодно».[620] Аудиенция у Бориса Годунова проходила на десятый день после прибытия посольства в Москву. Следовательно, в конце ноября – начале декабря 1599 г. Николай де Мело был царским решением освобожден от зависимости от Антони Ширли и ему было дано разрешение «отправиться, куда угодно». Однако «отправиться» куда нужно он пока не смог, так как «Персидский посланник в то же время под рукою подстрекал монаха вымышлять против него (Антони Ширли — *прим. авт.*) всевозможные позорные вещи, напр., говорить, что он знает сэра Антония за человека низкого рода, а также, что сэр Антоний явился в эту страну как шпион с целями, клонящимися к его собственной выгоде, а не к выгоде Персии и христианства, как он сам утверждает. Вследствие этого у сэра Антония отобрали все письма шаха и вскрыли их, чтобы узнать их содержание»[621].

Долго так продолжаться не могло. Николай де Мело и Антони Ширли были вызваны на очную ставку в Посольский приказ, где страсти накалились до того, что Антони Ширли публично ударил Николая де Мело. «Тут монах начал опровергать сэра Антония, у которого кровь кипела чрезмерным пылом гнева, его обуявшего, и при дальнейших нападках этого злого и неблагодарного монаха, он, не будучи в состоянии сдержать свою горячность, — хотя бы ему тотчас же пришлось поплатиться за это жизнью — нанес толстому монаху такой удар по лицу… что монах грохнулся на землю, как пораженный молнией»[622]. После этого очная ставка была сразу прекращена, и через несколько месяцев (в середине мая — по словам Вильяма Парри, на Пасху — по словам Жуана Персидского) персидское посольство вместе с Антони Ширли и его свитой выехали из Москвы в Архангельск, куда все они прибыли 23 июня 1600 г. (отплыли из Архангельска в Европу 9 июля 1600 г.).

А как обстояли дела у Николая де Мело после отъезда посольства из Москвы? Вильям Парри писал, что, когда англичане еще находились в Архангельске, «приехал из Москвы один купец, г. Мегрич, и привез с собою два письма монаха, причем сообщил, что канцлер, в удовлетворение несправедливости и обиды, причиненной им сэру Антонию, послал вдогонку за монахом к границе, и у него отобрали оба его письма и все его добро, добытое им обманным и бессовестным образом за несколько лет перед тем в Индии, и оставили ему только его монашескую рясу. Велел ли канцлер перерезать ему горло, неизвестно, но не невероятно»[623]. Из этого отрывка следует, что, во-первых, Николай де Мело получил разрешение выехать за границу и выехал туда до отъезда персидского посольства с англичанами из Москвы в Архангельск; во-вторых, канцлер Василий Яковлевич Щелкалов распорядился (видимо, по царскому указу) задержать Николая де Мело на пути к границе и доставить его в Москву уже после отъезда персидского посольства и англичан из Москвы. Следовательно, арест Николая де Мело, доставка в Москву и отправка его в Соловецкий монастырь произошли после отъезда персидского посольства и англи-

[620] *Парри В.* Проезд чрез Россию персидского посольства в 1599–1600 гг. С. 6.

[621] Там же.

[622] Там же. С. 7.

[623] *Парри В.* Проезд чрез Россию персидского посольства в 1599–1600 гг. С. 10.

чан из Москвы, но до отплытия их из Архангельска. То есть между серединой мая и 9 июля 1600 г., о чем по существу и сообщил Антони Ширли купец Мегрич (он не упомянул только об отправке Николая де Мело на Соловки, о чем, видимо, не знал).

Историки И.Х. Гамель, Ю.В. Толстой и И.И. Любименко в своих трудах в числе английских купцов, проживавших в Москве в конце XVI – начале XVII в., Мегрича не называют. Скорее всего, речь идет об агенте английской Московской компании в те годы в Москве, Джоне Меррике. Летом 1600 г. он прибыл из Москвы в Архангельск для последующего отплытия в Лондон и находился в Архангельске практически в одно время с персидским посольством и Антони Ширли со своей свитой. Он вполне мог привезти известия о Николае де Мело, тем более что еще по жизни в Англии был знаком с Антони Ширли, а в Москве неоднократно общался с ним. Если это так, то нужно будет добавить, что Джон Меррик был не просто купцом, а одним из руководителей английской Московской компании, активно занимался сбором разведывательных сведений о Московском государстве, Сибири, путях в богатые страны Востока, поддерживал контакты как со своим агентом с Жаком Маржеретом, являлся одним из авторов установления Англией вооруженного протектората над русским Севером.

Одновременно с этими событиями в Москве происходили и другие, связанные уже не только с Николаем де Мело, но и с принцем Густавом. Он начал искать тайные каналы связи с Европой и даже со своим двоюродным братом Сигизмундом III, о чем свидетельствовала попытка тайно переправить письма королю Польши с помощью купца из Любека, Андреяна Меллера, в начале мая 1600 г. Совсем не исключено, что в это же время и европейские связи принца Густава, например, представители Ордена иезуитов, предпринимали попытки восстановить с ним контакт. Именно в это время было завершено разбирательство с персидским посольством, Антони Ширли и Николаем де Мело, им всем был разрешен выезд за границу. Конечно, обращаться с тайными просьбами к персам или англичанам было весьма рискованно, а вот католик Николай де Мело, намеревавшийся выезжать из Московского государства не морем, а через Польшу, подходил для этой цели в самый раз. И письма принца Густава были переданы Николаю де Мело, тот согласился их тайно переправить за границу и отправился в путь к границе, но русские, узнав, что Николай де Мело выступает в роли тайного курьера принца, задержали его в дороге, обыскали, нашли доказательства вины и сразу же отправили его на Соловки.

Шведский разведчик Петр Петрей сообщал об этом событии: «…А так как иезуиты не могли получать известий от него и даже не знали, что с ним и что он исполнил, они послали к нему испанского монаха окольным северным путем с письмами, которые он получил от пилигримов, и так как никто не заметил, откуда пришел монах, то ему разрешили отправиться своим путем обратно домой. Но когда он пошел, его выследили русские и нашли несколько иезуитских писем, которые Борис приказал прочитать, после чего монах, несший эти письма, был отправлен уже другим путем к Белому морю в монастырь, который называется Соловецким, где он содержался до тех пор, пока Гришка не освободил его…»[624] (упомянутый в тексте «Гришка» — это Лжедмитрий I). Не правда ли, что в «испанском монахе», о ко-

[624] Достоверная и правдивая реляция Петра Петрея. С. 193–194.

тором писал в своем донесении шведский разведчик Петр Петрей, мы сразу узнаем Николая де Мело? И хотя Петр Петрей не назвал имени «монаха», все говорит именно за этот вывод — полное совпадение времени, места и содержания исторических событий, их последствий, да и действующих лиц. Вряд ли нужно приводить развернутую аргументацию. Конечно, кое-что в этом сообщении искажено, но в целом сюжетная линия события изложена верно — монах, принц Густав, письма, Соловецкий монастырь.

В 1437 г. на Соловецких островах в Белом море был основан монастырь, названный по имени островов Соловецким. В 1584 г., в целях усиления защиты северных рубежей Российского государства он был обнесен мощной крепостной стеной с башнями и несколько веков «...был не только местом монашеских молитв, но и ужасным местом заточения врагов православной церкви, государственного строя, уголовных преступников и жертв всякого рода произвола»[625]. Заточение в Соловецком монастыре было далеко не сладким.

Долгих шесть лет Николай де Мело и его спутник провели за холодными и толстенными каменными стенами Соловецкого монастыря, вспоминая экзотические и жаркие страны. В перечне документов архива Соловецкого монастыря историк С.А. Белокуров нашел следующую запись за № 2456: «Государева грамота Соловецкого монастыря игумну Сидору з братьею, 7108-го г., Шпанские земли о чернце Николае; — велено ево держат под началом»[626] (7108 г. — это 1600 г. Игумен Исидор 6 февраля 1603 г. стал архиепископом Новгородским, а вместо него игуменом стал Антоний).

Прийдя к власти, Лжедмитрий I узнал о нем, приказал его освободить и отправить в Москву. Самозванец в это время активно налаживал связи с другими государствами и собирался отправить подвернувшегося кстати «гишпанского чернеца» с дипломатической миссией в Мадрид к испанскому королю.

Но в жаркую Испанию Николай де Мело так и не попал. Пока он ехал в Москву, Лжедмитрий I был убит, на трон взошел Василий Иванович Шуйский. Его люди схватили кандидата в полномочные дипломаты и японца Николая и опять без долгих разбирательств водворили в тюрьму, на этот раз в Ростовский Борисоглебский монастырь. Надо было что-то делать и как-то выбираться из темницы. Мело удалось установить тайную переписку с вдовой Лжедмитрия I Мариной Мнишек и ее «двором», которые находились под надзором в Ярославле.

Надо заметить, что письма Николая де Мело были весьма информативны, хотя он и содержался в это время в монастырской тюрьме. Например, в дневниковой записи от 25 октября 1607 г. говорилось о тайном получении от «испанца» письма на испанском языке, содержавшего сведения о восстании И.И. Болотникова, его сражениях с войсками В.И. Шуйского, о других событиях политического и военного характера. Здесь же говорилось, каким храбрым человеком является Николай де Мело, и в какой жестокой нужде он находится. Письмо свидетельствовало, что, даже находясь в тюрьме, Николай де Мело продолжал заниматься сбором разведывательной информации. Датой 7 февраля 1608 г. отмечена еще одна запись в «Дневнике» о получении очередного письма от Николая де Мело, в котором он продолжал сообщать последние, ставшие ему из-

[625] *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. Т. 1. М., 1960. С. 267.

[626] Цит. по: *Белокуров С.А.* Материалы для русской истории. М., 1888. С. 66.

вестными, сведения о событиях в Московии. В этом же письме он вновь просил, «...чтобы пан воевода, если Господь Бог поможет, постарался, чтобы его из того заключения вызволил своими стараниями. На это ему отписано и деньги в помощь, милостыня послана...»[627]. Канал связи, как мы видим, был двухсторонний, и Николай де Мело пользовался полной поддержкой Марины Мнишек и ее двора.

В 1610 г. Николай де Мело и японец Николай были переведены в Нижний Новгород, где 30 ноября 1611 г. японец Николай был казнен. Высказывается мнение, что причиной казни был его отказ перейти из католичества в православие. Николаю де Мело удалось избежать этой участи. В 1612 г. (по другим данным — в 1613) Николай де Мело был освобожден и вместе с Мариной Мнишек и Иваном Заруцким бежал в Астрахань, а оттуда на Яик. Из Астрахани Марина Мнишек отправила своего капеллана, члена Ордена кармелитов, в Персию, чтобы просить помощи от шаха Аббаса I. С этим кармелитом Николай де Мело отправил руководству Ордена августинцев свой отчет о четырнадцати годах пребывания в Московском государстве, который был благополучно доставлен в Исфахан.

На свободе Николай де Мело пробыл недолго. В 1614 г. он был пойман царскими властями и закован в кандалы. Вот как описывает это С.М. Соловьев: стрелецкие головы «Пальчиков и Онучин осадили козаков в их городке, и те, видя крайность, принуждены были бить челом, целовать крест государю Михаилу Федоровичу и выдать Заруцкого с Мариною, сыном и чернецом Николаем. Это было 25 июня...»[628] (стрелецкие головы — Гордей Афанасьевич Пальчиков и Севастьян Тимофеевич Онучин). Как пишет Накамура Ёсикадзу, Николай де Мело был сожжен на костре на острове в нижнем течении Яика[629].

Скажем несколько слов о принце Густаве: «...так как Густав не делал ничего по воле великого князя, а также не сделал ничего, чтобы отблагодарить его и сделать ему приятное, а думал только о том, чему его научили иезуиты, то от этого он пришел в большую немилость, и дела его стали плохи...»[630]. Вместо вступления в брак с дочерью Бориса Годунова царевной Ксенией, принц был сослан в Углич, а после смерти Годунова переведен в Ярославль, а затем в Кашин. И даже в таком состоянии он представлял опасность для заинтересованных монархов. Еще бы, живой претендент на трон, к нему надо было относиться очень серьезно. 23 августа 1605 г., в Кракове, король Польши Сигизмунд III подписал инструкцию своему послу Александру Корвину Гонсевскому, направлявшемуся в Москву к Лжедмитрию I. В инструкции говорилось: «...В Москве находится Густав, называющий себя сыном Шведского короля Эрика. [Посол пусть похлопочет], чтобы его не окружали уважением, на которое он вызывает, выдавая себя за Шведского королевича, но чтобы держали под хорошим присмотром...»[631]. Беспокойство Сигизмунда III

[627] Дневник Марины Мнишек. С. 105.

[628] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 5. С. 27.

[629] Беловодье или Приключения августинцев в России. По материалам книги Накамуры Ёсикадзу «Японец в Московии». URL: http://japanesedolls.ru/

[630] Достоверная и правдивая реляция Петра Петрея. С. 193.

[631] *Борша С.* Поход московского царя Димитрия в Москву с сендомирским воеводой Юрием Мнишком и другими лицами из рыцарства 1604 г. // Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб., 1872. С. 407.

по поводу надлежащего содержания принца Густава под охраной нашло свое выражение и в других документах, в частности, в письме Лжедмитрия I королю Сигизмунду III, переданное через папского посла в Москву графа Александра Рангони весной 1606 г.

Принц Густав умер и захоронен 22 февраля 1607 г. в Кашине. Николай де Мело пережил Густава на 7 лет.

Да, хитросплетения жизненных судеб людей бывают иногда просто фантастическими. Разве мог предполагать уютно проживавший в жарких странах португальский дворянин, монах-августинец Николай де Мело, что ему придется скитаться по русской матушке-реке Волге и прикаспийским степям вместе с бывшей русской царицей Мариной Мнишек и претендентом на царский престол Иваном Заруцким? Или что русский царь Лжедмитрий I захочет сделать его дипломатом, полномочным послом Российского государства в Испанию к королю Филиппу III? Или что двоюродный брат шотландского короля и одновременно персидский дипломат Антони Ширли чуть-чуть не убьет его в каюте судна на русской Волге-реке, а затем нанесет сильнейший удар по его лицу в здании Посольского приказа в Москве? Или что ему предстоит сделать попытку переправить за границу письма от несостоявшегося короля Ливонии шведского принца Густава? Или что ему предстоит отсидеть несколько лет за толстенными стенами тюрьмы Соловецкого монастыря, совсем рядом от Северного полярного круга?

Вот ведь какая удивительная судьба у Николая де Мело, да еще на фоне таких ярких исторических событий.

Заговор царевны Софьи и гетмана Мазепы. Заговор царевны Софьи 1689 г. давно стал хрестоматийным событием, так же как и заговор гетмана войска Запорожского Мазепы Ивана Степановича, осенью 1708 г. открыто изменившего Российскому государству и перешедшего на сторону короля Швеции Карла XII. Принято считать, что эти два события не имеют никакого отношения другу к другу. Заговор царевны Софьи сам по себе, а заговор гетмана Мазепы сам по себе. Во всяком случае, не приходилось встречаться с какими-либо аргументированными суждениями о наличии взаимосвязи между этими заговорами. Полная тишина. И в общем-то понятно, почему. Подходя формально, рассматривая только внешние признаки, мы увидим, что цели у этих заговоров были совершенно разные, центры заговоров территориально находились друг от друга на весьма значительном расстоянии, да и разница во времени составляла почти 20 лет. Скорее всего, именно поэтому практически вне сферы пристального внимания исследователей остались события и признаки, указывающие на наличие уже в 1687–1689 гг. антироссийского заговора гетмана Мазепы и его прямой, как мы думаем, связи с заговором царевны Софьи.

После смерти царя Федора Алексеевича (27 апреля 1682 г.) правительницей России стала царевна Софья при малолетних царях Иване и Петре. Именно в эти годы развернулась ожесточенная, тайная и явная борьба за власть, за царский трон между царевной Софьей и ее приверженцами с одной стороны, и приверженцами

Петра с другой. И за этой борьбой самым пристальным образом наблюдали разведывательные службы заинтересованных европейских государств — Польши и Священной Римской империи германской нации, Турции и Швеции, Англии и Голландии, Дании и других. Особое внимание к этим событиям проявлял Рим. От того, кто придет к власти, зависело многое, и, прежде всего, куда пойдет Россия и какого политического курса она будет придерживаться в Европе и мире.

Расстановка сил в Москве в то время была далеко не в пользу малолетнего Петра и его сторонников. Царевна Софья и ее фаворит князь и боярин Василий Васильевич Голицын (1643–1714) обладали всей полнотой политической, военной и экономической власти в стране. За ними стояли могущественные боярские роды Милославских, Голицыных и другие, в их руках были правительство и армия. Ярыми приверженцами царевны Софьи и князя и боярина В.В. Голицына являлись окольничий, начальник Стрелецкого приказа Федор Леонтьевич Шакловитый (163?–1689) и игумен Заиконоспасского монастыря и духовный писатель Сильвестр, в миру Симеон Медведев (1641–1691). Противостоящий лагерь возглавляли царица Наталья Кирилловна Нарышкина (1651–1694) и ее братья Лев Кириллович (1664–1705), Федор Кириллович (1666–1691), Мартемьян Кириллович (1665–1697). Приверженцами Петра также являлись боярин Тихон Никитич Стрешнев (1644–1719), князь Борис Алексеевич Голицын (1641–1713), Андрей Артамонович Матвеев (1666–1728). Какой-либо реальной силы, как политической, так и военной, этот лагерь до конца восьмидесятых годов практически не представлял. Вместе с тем главной опасностью для царевны Софьи являлся умный и физически здоровый Петр, который быстро двигался к своему совершеннолетию и вступлению на царский престол, что означало для нее неминуемую политическую гибель.

Поэтому царевна Софья, одержимая стремлением стать полноправной царицей и сохранить за собой самодержавную власть в стране, вместе с В.В. Голицыным разрабатывала различные планы достижения цели, рассматривая, в том числе, и такой вариант, как физическое устранение Петра и его старшего брата Ивана.

Вот что писал об этих планах французский дипломат и разведчик, очевидец событий того времени де ла Невилль, прибывший в Москву «под флагом» Польши и под другой фамилией: «...царевна более не сомневалась в удаче своих замыслов. Трудность была в том, чтобы заставить Голицына согласиться на убийство двух царей, на которое она твердо решилась, считая, что этим обеспечит власть себе, своему будущему мужу и их детям. Князь, более опытный и менее влюбленный, представил ей весь ужас этого замысла, и заставил ее принять другой план, более благоразумный, и, очевидно, более надежный. Он состоял в том, чтобы женить царя Ивана, и ввиду его бессилия, дать его жене любовника, которого она полюбила бы на благо государству, которому она дала бы наследников. А когда у этого монарха появятся дети и у царя Петра не станет больше ни друзей, ни креатур, в этом случае они (царевна Софья и В.В. Голицын. — *прим. авт.*) повенчаются, и, чтобы их брак был признан всем миром, они добьются избрания патриархом отца Сильвестра, польского монаха греческой веры, человека очень опытного, который тут же предложит направить посольство в Рим для обьединения церквей...Затем они принудят Петра сделаться священником, а Ивана — громко сетовать на распущенность его жены, чтобы показать, что дети рождены не от него, потом постригут ее в мона-

стырь и добьются, чтобы Иван женился вновь, но так, чтобы они были уверены, что у них не будет детей. Этим путем, без убийства и без боязни Божьей кары, они станут во главе государства при жизни этого несчастного и после его смерти, так как в царской семье больше не останется мужских наследников.

Царевна, находя равно выгодными эти замыслы, охотно согласилась и предоставила Голицыну заботу о том, чтобы добиться их осуществления. Она не предвидела, что у этого князя были другие планы, отличные от ее собственных. Присоединив Московию к Римской церкви, он, надеясь пережить царевну, не сомневался в том, что добьется от папы того, чтобы его законный сын унаследовал его власть, предпочтительно к тем, кого он прижил от царевны при жизни своей жены...»[632].

Цели заговора. Развитие событий в 1682–1689 гг. убеждает нас в том, что заговор фактически существовал и имел своей целью свержение законных царей Ивана и Петра Алексеевичей и восшествие царевны Софьи на Московский царский трон в качестве самодержавной царицы, заметим, впервые в истории Российского государства. То есть, осуществление государственного переворота. Еще одной, но последующей целью, призванной обеспечить и закрепить восшествие на царский трон царевны Софьи, являлось низложение действующего патриарха Московского и всея Руси Иоакима и замена его новым патриархом Сильвестром Медведевым.

Но осуществить государственный переворот недостаточно; уже в те далекие времена заговорщикам нужно было думать, как воспримут их действия не только в своей стране, но и в европейских государствах, чтобы эти государства признали заговор и его результаты, как сказали бы сегодня, легитимными. Но ведь никто признавать даром не будет, это факт, за признание нужно было чем-то платить. А платить было чем. Уже много даже не лет, а десятилетий Рим, Вена и Варшава настойчиво добивались от Российского государства заключения мира с Польшей, вступления в Священную Лигу (военно-политический союз европейских государств против Турции), реального участия в военных действиях против Турции и Крымского ханства, положительного разрешения вопроса о деятельности католических миссионеров в Москве, выполнения и некоторых других условий. Подробнее об этом скажем ниже, а сейчас обратим внимание на следующее. А если всего перечисленного будет мало? Не исключено, что именно на этот случай царевна Софья и В.В. Голицын стали разрабатывать дополнительный вариант оплаты признания Софьи царицей передачей Польше Малороссии. Для этого руководителям заговора нужен был не просто послушный, а близкий Польше по духу гетман войска Запорожского, который мог бы своей властью обеспечить эту передачу взамен за удовлетворение его политических, территориальных и экономических амбиций. Фактически это означало, что в определенных условиях заговор царевны Софьи на государственный переворот был бы дополнен реальным посягательством на территориальную целостность и суверенитет Российского государства, то есть цели заговора были бы существенно расширены. Конечно, в этом случае на возвращенной территории была бы продолжена деятельность Римской католической и Униатской церквей против православия и Православной церкви. Рим, Вена и Варшава такое развитие событий только бы приветствовали.

---

[632] *Де ла Невилль*. Записки о Московии. М., 1996. С. 160–161.

Руководство заговором осуществлял некий, хотя официально и не оформленный, руководящий штаб по подготовке и проведению в жизнь планов и намерений заговорщиков во главе с царевной Софьей. Между руководителями заговора роли были распределены, видимо, следующим образом:

– царевна Софья Алексеевна — общее руководство, государственная гарантия защиты участников от различных обвинений в будущем, гарантия личной безопасности и безнаказанности, карьерного роста, получения титулов, званий, постов, поместий и т.п.;

– боярин и князь Василий Васильевич Голицын — руководство штабом заговора, преимущественно той частью его деятельности, которая заключалась в установлении и поддержании дипломатических контактов с соседними влиятельными государствами (Священная Римская империя германской нации, Польша, Франция, Швеция, Рим и др.) и Восточными патриархами. Получение их предварительного согласия на приход в Москве к власти царевны Софьи, а затем и на ее признание в качестве самодержавной царицы всея Руси. Налаживание контактов с боярскими и княжескими родами в интересах поддержки Софьи;

– окольничий, глава Стрелецкого приказа Федор Леонтьевич Шакловитый — руководство военной составляющей заговора, подготовка стрелецких полков и начальствующего состава к возможным вооруженным действиям против царя Петра, патриарха Иоакима, членов семьи Нарышкиных и поддерживающих их боярских и княжеских родов. Организация охраны стрелецким караулом Сильвестра Медведева как кандидата для избрания на патриарший престол;

– игумен Заиконоспасского монастыря Сильвестр Медведев — руководство духовной составляющей заговора, обеспечение духовной поддержки (поддержки церкви, поддержки будущего патриарха) планов, намерений и действий руководителей заговора, начальствующего состава отдельных стрелецких полков; пропагандистское обеспечение восшествия на престол царевны Софьи — участие в изготовлении портрета Софьи в виде полноправной царицы-самодержицы государства Российского, написание текста к нему и стихотворного восхваления Софьи. Роль Сильвестра Медведева, основную часть которой он должен был сыграть на завершающем этапе, действительно была очень важной, а не какой-то второстепенной, фоновой, от исполнения которой ничего ровным счетом не зависело. Именно Сильвестр Медведев в соответствии с планами должен был взойти на патриарший престол вместо подлежащего свержению патриарха Иоакима. Именно он должен был сделать все возможное для признания Церковью и населением страны царевны Софьи и В.В. Голицына законными государями. Именно он должен был обратиться к папе Римскому с предложением обьединить Церкви, именно он должен был заключить унию от имени Русской православной церкви.

– гетман войска Запорожского Иван Степанович Мазепа — обеспечение контроля за обстановкой в Малороссии, поддержание спокойствия, предотвращение силами подчиненных полков возможных бунтов и восстаний православного населения в период обратной передачи Малороссии в состав Польши, то есть после восшествия на царский престол в Москве царевны Софьи (в качестве платы в случае необходимости за признание царевны Софьи царицей). Осуществление тайных контактов с королем Польши Яном III Собесским, великим канцлером Литовским

князем Марцианом-Александром Огинским и епископом Львовским, Галицким и Каменец-Подольским Иосифом Шумлянским, тайным униатом, видевшим себя митрополитом Киевским.

Иосиф Шумлянский, боярин и воевода в Севске Леонтий Романович Неплюев (друг В.В. Голицына), князь и боярин Алексей Васильевич Голицын (сын В.В. Голицына), окольничий Василий Саввич Нарбеков также участвовали в заговоре, хотя и не являлись членами руководящего штаба.

Каждый заговор включает в себя несколько стадий, и, не вдаваясь в теоретизирование, обратим внимание в нашем случае на следующие три: зарождение и формирование умысла заговора; подготовка заговора; реализация заговора. Для нас очень важно рассмотреть их, так как именно на этих стадиях мы можем увидеть прямую взаимосвязь между заговорами царевны Софьи и гетмана Мазепы.

Зарождение и формирование умысла заговора. Главным побуждающим мотивом зарождения и формирования умысла заговора являлось ярко выраженное стремление царевны Софьи стать выше законных царей Ивана и Петра Алексеевичей, стать полноправной царицей – самодержицей Российской. Такое стремление у царевны Софьи возникло сразу же после смерти царя Федора Алексеевича (27 апреля 1682 г.). Обстоятельства были весьма благоприятными — царю Ивану Алексеевичу еще не было 16 лет, он был болен и, по мнению современников, абсолютно непригоден к царствованию, а его брату, царю Петру Алексеевичу, было только 10 лет. В этот период времени они никак не могли стать реальными соперниками царевне Софье, которая была умна, хитра, одержима жаждой самодержавной власти, которая хотела жить светской жизнью, которой в 1682 г. (17 сентября) исполнилось 25 лет, и которая, судя по ее письмам к В.В. Голицыну, испытывала к нему самые нежные чувства.

Мотивацию царевны Софьи дополняли, расширяли и обостряли неприязненные и даже ненавистные отношения между нею, Василием Васильевичем Голицыным, Федором Леонтьевичем Шакловитым и Сильвестром Медведевым с одной стороны, царицей Натальей Кирилловной Нарышкиной, царем Петром, их родственниками, боярским родом Стрешневых, другими сторонниками царя Петра, а также с патриархом Иоакимом и поддерживающими его архиереями Русской православной церкви с другой. Заметим, отношение патриарха Иоакима к участникам заговора было взаимным. Историк А. Прозоровский отмечал, что «Позднее патр. Иоаким отлучил даже от церкви царевну Софью “за заступничество о некоих, противящихся царству”»[633]. В своей «Истории Русской Церкви» А.В. Карташев прямо говорит: «Надо понять психологически сопротивляемость патр. Иоакима возвышению С. Медведева, ибо явно было желание западнической или польской группы около трона с В.В. Голицыным во главе провести в патриархи, по смерти Иоакима, Сильвестра Медведева»[634]. Под возвышением С. Медведева здесь имеется в виду возможное его назначение сначала главой создаваемой в Москве Академии, а затем и поставление в патриарха Московского и всея Руси.

Имея в своем ближайшем окружении, в составе руководства заговором, Сильвестра Медведева, царевна Софья всегда могла рассчитывать на его духовную под-

[633] *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев (Его жизнь и деятельность). Опыт церковно-исторического исследования // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел IV. М., 1896. С. 300.

[634] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 2. С. 355.

держку, на понимание им ее целей и движущих мотивов, на его содействие в решении посильных для него задач, на духовную поддержку Сильвестром Медведевым других руководителей заговора, а также его участников из числа стрельцов и начальствующего состава стрелецких полков. В основе таких отношений было то, что и царевна Софья, и Сильвестр Медведев были учениками и воспитанниками Симеона Полоцкого, приверженца латинского богословского направления в православии, сторонника западного направления в культуре, литературе, во вкусах и моде. Они были духовно близки. Очень важно здесь и то, что они оба стремились к высшей власти в Российском государстве, она — к светской власти, он — к духовной. Она хотела стать самодержавной царицей Российской, он патриархом Московским и всея Руси. В значительной степени это их объединяло и взаимно поддерживало.

При этом мы должны учитывать в наших рассуждениях следующие очень важные обстоятельства: царь Петр I и назначенное им следствие фактически полностью вывели из процедуры расследования руководителей заговора царевну Софью, гетмана Ивана Степановича Мазепу, князя и боярина Василия Васильевича Голицына и его сына князя и боярина Алексея Васильевича Голицына, боярина и воеводу Леонтия Романовича Неплюева. Все они (исключая И.С. Мазепу) без всяких допросов, очных ставок и пыток были направлены в ссылки (царевна Софья в Новодевичий монастырь). Расследование участия в заговоре еще одного из его руководителей Федора Леонтьевича Шакловитого было проведено в беспрецедентно короткие сроки: задержание осуществлено 7 сентября 1689 г., а 12 сентября ему уже был объявлен приговор, и он был казнен. Тем самым следствие лишило себя возможности более детально исследовать весьма важные вопросы, в частности, о зарождении и формировании умысла; участии в заговоре какого-либо иностранного государства, и если да, то в какой форме это участие выражалось и какова была его роль. В четырех томах «Розыскных дел о Федоре Шакловитом и его сообщниках» нет документов, которые бы указывали на участие в заговоре (или неучастие) иностранного государства. Есть только слова Ф.Л. Шакловитого, сказанные перед казнью 12 сентября 1689 г.: «А чтоб великой государыне венчатца царским венцом, тому делу начаток учинился не от него Федки и не от боярина князя Василья Васильевича, а чаят, что от иноземцов, — а подлинно не ведает»[635]. Понятно, что здесь речь шла о царевне Софье. Что это за иноземцы? Скорее всего, если предположение Ф.Л. Шакловитого верно, то это не находившиеся на царской службе иностранцы (специалисты, военные) или иностранные купцы, а иностранцы, приезжавшие в Москву с дипломатическими миссиями. Прежде всего, дипломаты Священной Римской империи германской нации, Польши, члены Ордена иезуитов. Заметим только, что, на наш взгляд, «тому делу начаток» учинился не от иностранцев, а первопричиной являлась сама царевна Софья, ее безудержное стремление стать самодержавной царицей. Роль иностранцев же сводилась к одобрению, поддержанию и укреплению ее в этих намерениях, передаче и согласовании с заинтересованными монархами тех или иных условий и обязательств, то есть уже к формированию умысла. Можно предположить, что главную роль в этом сыграли члены Ордена иезуитов, начавшие активно посещать Москву с 1684 г. с рекомендательными грамо-

[635] Розыскныя дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1884. Стб. 203.

тами из Вены, Варшавы и Парижа. Вряд ли бы государства захотели рисковать отношениями с Россией, направляя в Москву своих дипломатов с предложениями царевне Софье взять власть в свои руки при живых царях, разумеется, в случае огласки. Но, тем не менее, каких-либо точных дополнительных сведений об этих иноземцах в «Розыскных делах» нет.

Из материалов «Розыскного дела о Федоре Шакловитом» видно, что допросы остальных участников заговора, включая и его духовного руководителя Сильвестра Медведева, сводились в основном к получению показаний о преступных намерениях конкретных лиц (преимущественно стрельцов) в отношении царя Петра I и его матери, царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной. Имена Голицыных и Неплюева в документах следствия встречаются в основном в материалах об их ссылке и челобитных на имя Петра I с различными просьбами о смягчении участи. Имя гетмана Мазепы как государственного преступника в документах следствия не упоминается. Если кто и мог указать на него как на далеко не последнего участника заговора, то только сама царевна Софья, отец и сын В.В. и А.В. Голицыны, Л.Р. Неплюев и Ф.Л. Шакловитый, но все первые не допрашивались, а последнему спешно отрубили голову, так и не задав нужных вопросов. Царю Петру I и следствию даже в голову не приходило, что такой далекий от Москвы гетман войска Запорожского И.С. Мазепа мог быть причастным к заговору.

Следствие прошло мимо таких важнейших вопросов, как участие (или неучастие) в заговоре в той или иной форме войска Запорожского во главе с гетманом Мазепой, а также Польши, Священной Римской империи германской нации, Ватикана, Ордена иезуитов, Униатской церкви и Ордена базилианцев.

В результате сам заговор был низведен до некой, извините, разборки между родственниками, братом и сестрой, до родственного столкновения в борьбе за царскую власть и место на самодержавном престоле внутри одной семьи.

Подготовка заговора. Подготовка заговора, учитывая высочайшее положение его руководителей в Российском государстве, велась целенаправленно, масштабно и в нескольких направлениях.

Во-первых, в сфере государственной власти и управления государством. Первые же шаги царевны Софьи как руководителя заговора были направлены на захват власти: она добилась избрания ее правительницей Российского государства (29 мая 1682 г.), при этом мать Петра — Наталья Кирилловна Нарышкина и члены рода Нарышкиных фактически были оттеснены от управления государством. Но еще ранее царевна Софья сделала так, что избрание ее основного конкурента Петра царем (27 апреля 1682 г.) было признано недействительным, и только 23 мая того же года он вновь был провозглашен царем, но уже вместе с братом Иваном. Для царевны такой вариант был тоже опасен, но все-таки не так, как если бы царем был один Петр из враждебного рода Нарышкиных. Немного позднее царевна Софья стала принимать непосредственное участие в государственных мероприятиях, приемах иностранных дипломатических миссий и подписании важных государственных документов вместе с царями. В этой связи были внесены необходимые изменения и дополнения в ее титул и форму государственных документов.

Своего фаворита и одного из руководителей заговора Василия Васильевича Голицына царевна Софья возвысила до фактического главы царского правительства.

С 20 декабря 1682 г. В.В. Голицын стал одновременно главой еще двух приказов – Иноземного и Рейтарского.

Его сын, князь и боярин Алексей Васильевич Голицын, в 1686 г. был назначен судьей Иноземного, Рейтарского и Пушкарского приказов, а в 1687 г. — судьей Посольского приказа.

Гетман войска Запорожского Иван Самойлович, преданный Российскому государству и враждебно относившийся к Польше, в 1687 г. был оклеветан бывшими соратниками и отрешен от должности гетмана, так как оставление его в этой должности при некоторых вариантах развития событий могло помешать заговорщикам реализовать свои планы.

Бывший генеральный есаул войска Запорожского Иван Степанович Мазепа, по всем статьям удовлетворявший требованиям заговорщиков, в 1687 г. избран на должность гетмана войска Запорожского и стал фактическим главой Малороссии (подробнее о нем ниже).

Во-вторых, в сфере дипломатии и в целом внешнеполитической деятельности. Совершенно очевидно, что в правление царевны Софьи должен был произойти и реально произошел резкий поворот российского государственного политического курса в сторону всяческого ублажения (как сказать иначе?) Рима, Польши, Священной Римской империи германской нации. Что означал этот поворот? На наш взгляд, смена политического курса в этом направлении означала открытую демонстрацию царевной Софьей и ее правительством полного согласия следовать внешне- и внутриполитическим рекомендациям Рима, Вены и Варшавы. В том числе, может быть, и по такому острому и непростому вопросу, как заключение унии с Римской католической церковью. А что взамен? А взамен, видимо, царевна Софья надеялась на ее признание (в соответствующее время) самодержавной царицей Московской и всяческую поддержку католических европейских государств. Безусловно, зафиксировать в дипломатических документах такие обоюдные обязательства при живых царях было очень опасно и поэтому практически невозможно. Но вот передать и согласовать эти же условия и обязательства устным путем через дипломатов Священной Римской империи германской нации и членов Ордена иезуитов было возможно и уже не так опасно. Скорее всего, так все это и происходило.

17 мая 1682 г. на самый главный пост в государстве, главой Посольского приказа, по инициативе царевны Софьи был назначен ее фаворит, боярин и князь Василий Васильевич Голицын (заметим, что в то время Посольский приказ координировал работу и Малороссийского приказа). 19 октября 1683 г. он же был назначен «царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегателем». Все дипломатические сношения России с зарубежными государствами были переданы в его руки. В.В. Голицын активно использовал дипломатические контакты со Священной Римской империей германской нации, Римом, Польшей и другими странами для формирования за рубежом выгодного представления о царевне Софье, о себе и других руководителях заговора, для зондажной проработки реакции Запада в случае положительного исхода заговора.

Надо сказать, что на этом поприще он преуспел. Иностранные дипломаты в один голос рассыпались перед ним в любезностях, а император Леопольд I даже прислал ему с иезуитом Тобиашем Тихавским 11 февраля 1689 г. благодарствен-

ную грамоту за проявленную заботу о католиках. В грамоте, в частности, говорилось: «Сиятельный, истинно нам любезный! Что веры нашей римляно-католицкой действование, на Москве поволенное, по се время спокойно вземлется, то премогущим вашим наипаче причитаем служениям, и тем имянем вам усугубленное воздаем благодарение»[636]. Шведский резидент в Москве Христофор фон Кох в донесении от 30 января 1686 г. отмечал в В.В. Голицыне «желание сделаться популярным у иностранцев; он дает им самыя широкия обещания, но, к сожалению, не всегда в состоянии бывает их исполнить, любит ссылаться на свою забывчивость… Голицын очень охотно посещал иностранцев, вступал с ними в беседы о политике и сам при этом обнаруживал большия знания»[637]. Член Ордена иезуитов и разведчик Филипп Авриль очень похвально отзывался о В.В. Голицыне: «Этот первый министр, происходивший из знаменитого рода Ягеллонов, без сомнения, был самый достойный и просвещенный вельможа при дворе московском: он любил иностранцев, и особенно французов, потому что благородные наклонности, которые он в них заметил, совпадали с его собственными; вот почему его упрекали, что у него и сердце такое же французское, как и имя. Если б дело зависело от него одного, то, разумеется, все наши желания были бы исполнены; если б он был полным хозяином, если б он не должен был вести себя осторожно относительно других бояр, то с удовольствием открыл бы нам путь в Сибирь и облегчил нам доступ в Китай из уважения к Людовику Великому, которого он был страстный поклонник; меня уверяли, что сын его носил портрет его величества в форме Мальтийского креста, что отец считал для себя великою честию»[638].

Говоря о В.В. Голицыне, нельзя пройти мимо мнения царского сановника Андрея Артамоновича Матвеева, сына погибшего во время стрелецкого бунта в 1682 г. Артамона Сергеевича Матвеева. В своих записках он писал о В.В. Голицыне, что тот «приглашал иностранных учителей; истреблял с ужасом ересь Кульмана; беседовал с иезуитами и думал тогда ввести свободное вероисповедание… Иностранцы говорят, что он советовал Царевне Софии бежать в Польшу; решался на соединение Греко-Российской церкви с Римскою, с назначением будто в посредники Сильвестра Медведева»[639]. А.А. Матвееву в 1689 г. уже было 23 года, он был очевидцем многих событий, и сообщаемые им сведения весьма важны для общей оценки ситуации.

Серьезного внимания заслуживает попытка руководителей заговора договориться с Восточными патриархами о поддержке ими восшествия на самодержавный царский престол царевны Софьи. Положительное решение этого вопроса в определенной мере обеспечило бы ей поддержку в православном мире. Для исполнения этой дипломатической миссии был подобран архимандрит Афонской горы Георгиевского Павловского монастыря Исайя, прибывший в Москву 13 сентября 1688 г. с грамотой бывшего патриарха Константинопольского Дионисия от 11 июня того же года, в которой выражалась настойчивая просьба к царям «поднять оружие

---

[636] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. VII. С. 390.

[637] *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648–1700) // ЖМНП. СПб.,1899. Сентябрь. С. 64.

[638] Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 7. С. 488–489.

[639] Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева // Записки русских людей. События времен Петра Великаго. СПб., 1841. С. 88. Прим. 25.

против турок». Подобная же грамота была адресована и царевне Софье. В обратный путь из Москвы в Грецию архимандрит Исайя выехал в феврале 1689 г., но перед отъездом он получил от боярина и князя Василия Васильевича Голицына архиважное и тайное задание — получить у Вселенских патриархов поддержку притязаниям царевны Софьи на царский трон. Случилось так, что свои показания об этом задании он смог дать только после освобождения из Венской тюрьмы и повторного приезда в Москву в ноябре 1691 г.

На приеме 15 ноября 1691 г. в Посольском приказе он сообщил думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву весьма важные и даже опасные сведения: «Как в прошлом де во 197 г. (1689) приехал он, по жалованной великих государей грамоте, из монастыря своего бити челом о милостыне, и тогда, при отпуске его с Москвы, призвав его, князь Василей Голицын говорил ему, чтоб он, быв у святейшаго патриарха и взяв благословение в путь свой, пришел к нему князь Василью для некотораго тайнаго дела, о котором прикажет он с ним ко вселенским патриархом; и по приказу де князь Васильеву он, архимандрит, у святейшаго Иоакима патриарха был, и о том патриарху, что князь Василей ему говорил, известил, и патриарх де ему сказал: “я де то дело знаю, о котором князь Василей хощет с ним приказать, и от великих патриархов домогается”, — и говорил: “чтоб де святейшие вселенские патриархи прислали благословенную грамоту такову, чтоб царевна София Алексеевна могла носити царскую корону, и вкупе с великими государи во всяком правиле ей поминатися”, — и то де ему святейший патриарх сказав, запретил судом Божиим с клятвою, чтоб он о том деле не ходатайствовал, и в то не вступался, и того дела не чинил... а патриарших слов ему, князь Василью, он архимандрит не открыл и поехал с Москвы. А как приехал в Севск, и его де призывал к себе Леонтей Неплюев и, разговаривая с ним о иных делех, велел притти поутру. И как он поутру пришел, и он де Леонтей ему архимандриту говорил, что приказала великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна и князь Василей Голицын ему, архимандриту, чрез Леонтья сказать, чтоб он грамоту исходатайствовал святейших вселенских патриархов о ней, государыне царевне, дабы она могла носити царскую корону и в правилах церьковных поминовение имети вкупе с великими государи...»[640]. Архимандрит Исайя сказал в ответ севскому воеводе боярину Леонтию Романовичу Неплюеву, что такое благословение следует испросить у патриарха Московского и всея Руси. «И Леонтей де на то слово так ему сказал, что мы от сего нашего патриарха ни благословения, ни клятвы не ищем (плюнь де на него!)»[641].

Решить поставленную перед ним архиважную и архитайную задачу архимандрит Исайя не смог. Благополучно выехав из Севска, он был арестован на территории Священной Римской империи германской нации. Сначала его держали в тюрьме в городе Себине, а затем в Вене, откуда через императорского переводчика Адама Стиллу и российского резидента в Варшаве Ивана Михайловича Волкова он умудрялся передавать в Москву не только письма с просьбой о помощи, но и сведения о последних политических событиях в империи. Цари Петр и Иван направили 21 марта 1691 г. грамоту императору Леопольду I с требованием освободить архи-

[640] Цит. по: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 3. СПб., 1888. С. IV.

[641] Цит. по: *Аристов Н.* Московския смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Примечания. Варшава, 1871. С. XXXV–XXXVI. Прим. 112.

мандрита Исайю и вернуть изъятые у него деньги, подарки и имущество. 11 августа 1691 г. Леопольд I своим указом освободил Исайю и отправил его с ответной грамотой царям в Москву, куда он и прибыл 5 ноября 1691 г. К этому времени заговор уже был пресечен, царевна Софья находилась в Новодевичьем монастыре, В.В. Голицын, А.В. Голицын и Л.Р. Неплюев — в ссылке. И хотя показания архимандрита Исайи не повлияли на результаты следствия в отношении заговорщиков, но они наглядно иллюстрируют действия руководителей заговора по дипломатической подготовке нужной реакции Восточных патриархов.

А такая реакция, как мы уже говорили, была очень важна для заговорщиков, ее нужно было заблаговременно готовить. Ситуация была для этого благоприятной. Достаточно было даже не отменить, а «забыть» об указе царя Федора Алексеевича от 10 сентября 1676 г. о запрете грекам въезда в Москву и высылке из Москвы всех греков в «свою землю». О том, как это происходило, Н.Ф. Каптерев писал: «...Во время управления царевны Софии не только не издавалось никаких распоряжений, стеснительных для просителей (речь идет о приезжавших в Москву священнослужителях из Восточных патриархий — *прим. авт.*), но их всегда встречали в Москве особенно радушно и щедро одаряли. Это объясняется тем, что Софья хотела явить себя Востоку действительно православною царицею, пекущеюся о поддержании и процветании святых мест, столь дорогих для каждаго христианина; она хотела своим широким покровительством угнетенному на Востоке православию сделать свое имя славным и популярным среди восточных христиан, приобрести их симпатии, чтобы при случае воспользоваться ими для своих честолюбивых целей...»[642].

Рим, Вена и Варшава через свои дипломатические и разведывательные возможности видели, что царевна Софья с ее правительством следуют «верным» курсом. Поэтому они особенно и не вмешивались в происходящие в Москве события, не желая раньше времени афишировать свое участие и свою заинтересованность, возбуждать оппозиционные Софье настроения в Кремле и в руководстве Русской православной церковью, чтобы не провалить сам заговор. И то, что в Преображенском (резиденция Петра I) узнали о заговоре в ночь выступления заговорщиков, говорит именно об этом, а также о том, что заговорщики старались хранить свои планы и намерения в тайне.

В 1682–1689 гг. значительно возросла дипломатическая активность в сношениях между Москвой и Веной, Варшавой и Римом. Папа Иннокентий XI даже обратился в Москву с предложением о возобновлении переписки (грамота от 5 августа 1684 г.), а император Священной Римской империи германской нации Леопольд I прислал, как выше мы говорили, 11 февраля 1689 г. с иезуитом Тобиашем Тихавским благодарственную грамоту В.В. Голицыну за оказание всяческого содействия иезуитам в их деятельности в Москве. Обратите внимание: в 1684–1689 гг., то есть за 5 лет, Москву посетило 13 членов Ордена иезуитов (кроме того, в Нерчинск приезжали в составе китайской дипломатической миссии иезуиты Т. Перейра и Ж.Ф. Жербийон), в то время как за весь период после «Смутного времени» и до 1684 г., то есть за 70 лет, всего 1 — это Франциск Шлегель, член посольства Священной Римской империи германской нации во главе с А.Ф. Боттони и И.К. Терлингером де Гусманом, в Москве на-

---

[642] *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885. С. 270.

ходился с 25 августа по 28 октября 1675 г. Правда, были еще и иезуиты Андрей Качинский, взятый в плен в 1659 г. во время российско-польской войны и отправленный в ссылку в Сибирь (Нарым), и Вацлав Еленевич, взятый в плен в 1655 г. во время этой же войны и направленный в ссылку в Астрахань, но они побывали в Москве и Российском государстве не с дипломатической миссией, не по своей воле и не по воле Ордена, так что считать их не будем. Подробнее о находившихся в России иезуитах расскажем в следующей главе.

В 1682–1689 гг., т.е. именно в период правления царевны Софьи, российским правительством под руководством В.В. Голицына был принят целый ряд весьма ответственных решений, которых очень желали Рим и некоторые европейские государства, о которых они неоднократно просили русских царей взамен за признание.

Прежде всего, это заключение «Вечного мира» с Польшей (1686); вступление Российского государства в Священную Лигу, во главе которой с 1684 г. стоял папа Иннокентий XI; организация и осуществление в рамках обязательств перед Священной Лигой первого (1687) и второго (1689) Крымских походов. Кроме того, в этот же период правительством было принято такое кардинальное решение, как разрешение членам Ордена иезуитов въезда на территорию Российского государства, их проживания в Москве и исполнения обязанностей католических священнослужителей по отношению к находящимся в Москве иностранцам католического вероисповедания. В 1684 г. в Москве фактически начала функционировать миссия Ордена иезуитов, с разрешения правительства при ней была открыта школа для детей царских вельмож и правительственных чиновников (1684); в это же время было дано разрешение на строительство в Москве католического храма, и он был построен. Отметим, что в июне этого же 1684 г. Москву с дипломатическим поручением от императора Леопольда I и с миссией от Ватикана посетил известный иезуит Карло Маурицио Вота, который во время аудиенции у В.В. Голицына, получил от него обещание склонить царей и московское духовенство к принятию унии! Основываясь на архивных документах, историк и иезуит Станислав Залеский писал об этом: «...Kanclerz, mąż europejskich manier, mówiący kilkoma językami, a nawet po łacinie i po grecki, udawał, że jest przekonany wywodami Voty, i przyrzekał, że starać się będzie dwór i kler moskiewski do przyjęcia unii nakłonić...»[643] (Канцлер, имея европейские манеры, разговаривал на нескольких языках, и даже на латинском и греческом, притворился, что убежден доводами Воты, и пообещал, что постарается склонить двор и московское духовенство к принятию унии). По мнению С. Залеского, К.М. Вота не знал хитростей московских и принял слова канцлера за чистую монету. Но, на наш взгляд, обещание В.В. Голицына, данное летом 1684 г., не являлось хитростью, он совсем не собирался обманывать дипломата иезуита; зачем это было ему нужно, делать такое ответственное заявление на весь белый свет. Другое дело, что исполнять или не исполнять это обещание он стал бы только в зависимости от обстановки в Кремле и оценки собственного положения во власти. В том же 1684 г. В.В. Голицын разрешил оршанским иезуитам (на территории Речи Посполитой) заготовить на территории Российского государства 3600 бревен для строительства здания иезуитской коллегии в Орше. Добавим, что в 1686 г. В.В. Голицын дал разрешение Марциану Александру Огинскому, великому

[643] Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. III. Część I. Lwów, 1902. S. 237.

канцлеру Литовскому, на открытие еще одной миссии Ордена иезуитов на территории Российского государства, в Смоленске, и эта миссия была открыта и действовала (ниже мы об этом расскажем подробнее).

Как мы видим, руководителям заговора было чем расплачиваться за признание и поддержку, а в случае крайней необходимости можно было вспомнить и про Малороссию с гетманом И.С. Мазепой. Кстати, именно В.В. Голицын содействовал избранию И.С. Мазепы гетманом войска Запорожского в 1687 г., на наш взгляд, с дальней целью возможного использования его в заговоре (как своеобразного гаранта возврата Малороссии Польше в качестве платы за признание царевны Софьи царицей самодержицей. Разумеется, в случае крайней необходимости).

В-третьих, в сфере вооруженных сил Росийского государства. Нет сомнения, что подчинение вооруженных сил и возможность использования их в нужный момент в интересах заговора являлись одним из необходимых условий успеха. Царевна Софья прекрасно это понимала, и поэтому уже 27 июля 1682 г., сразу после стрелецкого бунта в мае того же года, она назначила своего ярого сторонника Федора Леонтьевича Шакловитого думным дьяком Разрядного приказа, а 10 декабря 1682 г. судьей (то есть главой) Стрелецкого приказа, подчинив ему все стрелецкие полки.

Для нас представляет интерес мнение о Ф.Л. Шакловитом историка Н.Г. Устрялова: «Окольничий Шакловитый, после казни Хованскаго управлявший Стрелецким приказом, явно и безстрашно подговаривал стрельцов к венчанию царевны на царство, к избиению Петровых бояр, к умерщвлению царицы-матери, посягал на жизнь самого Царя. С князем Голицыным он был в самой тесной дружбе, впрочем до поры, до времени, питая надежду, и кажется не без основания, занять его место при царевне»[644].

Кроме того, сама царевна Софья лично установила и в последующем постоянно поддерживала и закрепляла контакты с начальствующим составом стрелецких полков и рядовыми стрельцами как с силой, намеченной к использованию для вооруженного обеспечения ее прихода к царской власти.

Царевной Софьей были приняты самые решительные меры для привлечения на свою сторону представителей влиятельных боярских и княжеских родов, занимавших, как правило, командные посты в российской армии. Для укрепления положения и авторитета В.В. Голицына среди командного состава он дважды, в 1687 и 1689 гг., назначался главнокомандующим российскими войсками во время Крымских походов. И хотя походы закончились не так, как планировалось, они произвели в Европе положительное впечатление, а сам В.В. Голицын поближе познакомился с командным составом российских войск (включая генеральную и полковую старшину войска Запорожского) и наверняка выделил тех, на поддержку которых можно было рассчитывать в перспективе.

Как мы уже говорили, В.В. Голицын и его сын А.В. Голицын были поставлены во главе Иноземного, Рейтарского и Пушкарского приказов, и с учетом должностей и полномочий Ф.Л. Шакловитого и И.С. Мазепы это позволяло им реально контролировать и управлять жизнедеятельностью российской армии. В их руках было назначение, перемещение и отстранение командного состава, пополнение солдатского состава, обеспечение войск вооружением и боеприпасами, продовольствием, де-

[644] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великаго. Т. 2. СПб., 1858. С. 32.

нежным содержанием, лошадьми, телегами и фуражом, установление дислокации воинских подразделений, определение порядка мобилизационной готовности, учеба и подготовка войск.

В-четвертых, в сфере Русской православной церкви. О подготовке заговора в этой сфере и Сильвестре Медведеве мы подробно поговорим в следующей главе.

В-пятых, в сфере Малороссии и войска Запорожского. Главным действующим лицом здесь, несомненно, являлся Иван Степанович Мазепа-Колединский, гетман войска Запорожского. И выбор его руководителями заговора на эту роль был совсем не случаен. Для того, чтобы в случае необходимости сыграть отведенную роль, им нужен был человек, занимавший высший пост в Малороссии, родившийся и выросший в Польше, всеми своими корнями и духом прочно связанный с Польшей, готовый в нужное время изменить России и провозгласить передачу Малороссии в состав Польши (напомним, что Малороссия вошла в состав России в 1654 г., всего за несколько десятилетий до рассматриваемых событий). По мнению руководителей заговора, таким человеком и был Мазепа. Почему же был выбран именно он?

Родился Мазепа в 1629 г. в селе Мазепинцы близ города Белая Церковь (на территории тогдашней Польши, сегодня — это Республика Украина) в дворянской (шляхетской) семье. Энциклопедический Словарь (М., 1963) указывает, что Мазепа родился в 1644 г., но эта дата никак не вяжется с последующим ходом событий. Исследователь истории Малороссии Н.И. Костомаров считает годом рождения Мазепы 1629. Польский историк, член Ордена иезуитов Станислав Залеский также называет именно этот год рождения Мазепы. Как писал С. Залеский, в 1640–1641 гг. Мазепа обучался в иезуитской школе в Киеве, в 1644–1645 гг. в такой же школе в Варшаве. Получив шляхетское воспитание и иезуитское образование, будучи физически здоровым и красивым юношей, Мазепа был рекомендован иезуитами королю Польши Яну II Казимиру (1609–1672, на троне в 1648–1668) и назначен королевским пажем. В 1654 г. по королевскому указу он был направлен за границу на учебу математике и воинскому делу, после возвращения в 1657 г. он служил королю в качестве подкомория и поручика гвардии, выполнял разовые поручения короля к гетманам Ивану Остаповичу (Евстафьевичу) Выговскому, Юрию Богдановичу Хмельницкому и Павлу Ивановичу Тетере.

Уже в эти годы, в дополнение к таким качествам как властолюбие и высокомерие, себялюбие и зависть, лживость, доносительство и жадность, проявилась основная сущность Мазепы — предательство. В результате его нескромного поведения по отношению к женщинам, клеветы на своего сослуживца придворного Пассека, вокруг него при дворе возникла такая атмосфера, что он, воспользовавшись прибытием 30 октября 1663 г. короля Яна II Казимира с польским войском под Белую Церковь, в разгар военного похода предал его и ушел к гетману Тетере. Примерно через два года Мазепа предал и Тетерю, перейдя на службу к другому гетману — Петру Дорофеевичу Дорошенко. Вначале он был ротмистром, а потом, учитывая его образование, он был назначен писарем. В 1670 г. гетман Дорошенко перешел в подданство Турции со всей правобережной территорией и казаками, включая и Мазепу. Так Мазепа стал в 1670 г. подданным Турции, еще раз предав польскую корону. Когда в 1673 г. гетман Дорошенко направил Мазепу в Крым к Крымскому хану за военной помощью против гетмана войска Запорожского Ивана Самойлови-

ча, русских войск и поляков, Мазепа уже именовался в документах войсковым товарищем, то есть был повышен в должности. В марте 1674 г. Мазепа уже генеральный писарь правобережного войска Запорожского и по поручению гетмана Дорошенко участвовал в переговорах с гетманом Самойловичем и командующим российскими войсками боярином Григорием Григорьевичем Ромодановским. В мае того же года гетман Дорошенко направил Мазепу к командованию турецких войск и другим сановникам с письменными просьбами о помощи, при этом, обратите внимание, он вез с собой в дар туркам 15 христианских невольников! 11 июня 1674 г. казаки кошевого атамана войска Запорожского Ивана Дмитриевича Серко перехватили это посольство, в схватке порубили охрану и освободили невольников. Они же хотели в ярости зарубить и главного в этом посольстве, Мазепу, но по настоянию атамана Серко и гетмана Самойловича после почти пятинедельного пребывания у запорожцев Мазепа был доставлен в резиденцию Самойловича, где в его допросах принял участие и боярин Г.Г. Ромодановский. Затем, 15 июля 1674 г., Мазепа под охраной был направлен в Москву в Малороссийский приказ. Здесь он рассказал все, что знал, предав очередного гетмана Дорошенко и заодно Турцию. В Москве Мазепа произвел положительное впечатление и его направили к гетману Самойловичу, где он поступил на службу в войско Запорожское в качестве войскового товарища, принеся очередную присягу на верность уже царю Алексею Михайловичу.

Начался новый этап в жизни будущего гетмана Мазепы, в сорокапятилетнем возрасте он стал подданным русского царя, вошел в командный состав войска Запорожского, стоявшего на страже Малороссии и в целом Российского государства от возможных военных посягательств Польши, Турции и Крымского ханства. Думал ли он о таком повороте судьбы тогда, когда являлся придворным польского короля Яна II Казимира?

15 января 1677 г. гетман Самойлович направил в Москву знатного войскового товарища Мазепу с материалами войскового суда об осуждении Нежинского протопопа Симеона Адамовича, полковника Стародубского Петра Рославца, бывшего войскового писаря Карпа Мокриевича, полковника Переяславского Дмитрашка Райча и полковника Прилукского Лазаря Горленко (заметим, что в работе войскового суда участвовал представитель архиепископа Черниговского Лазаря Барановича архимандрит Черниговского Елецкого монастыря Иоанникий Галятовский. В следующей главе мы с ними еще встретимся). 6 февраля 1677 г. в Малороссийском приказе Мазепа доложил привезенные материалы, ответил на вопросы. Эта поездка добавила ему знаний о московских порядках и знакомств среди царских сановников и чиновников правительства.

В 1677–1678 гг. Мазепа в составе войска Запорожского принял участие в Чигиринских походах по обороне Чигирина от турецких войск. Вместе с гетманом Самойловичем участвовал в военных совещаниях с главнокомандующим российскими войсками Г.Г. Ромодановским, другим российским военачальником, князем и боярином Василием Васильевичем Голицыным, одним из руководителей обороны Чигирина, полковником Патриком Гордоном. Как мы видим, именно здесь Мазепа более тесно познакомился с будущим фаворитом царевны Софьи и руководителем заговора В.В. Голицыным и произвел на него впечатление. В 1688 г. в одном из писем В.В. Голицыну, отвечая на жалобу полковника Переяславского Дмитрашка Рай-

ча, Мазепа писал: «...Вы десять лет меня знаете, способен ли я кому-нибудь завидовать и чинить козни...»[645]. Заметим, что на одном из совещаний гетман Самойлович не согласился с предложением В.В. Голицына, предпочтя ему предложение Г.Г. Ромодановского, что сразу сделало самолюбивого В.В. Голицына врагом гетмана на всю оставшуюся жизнь. Через десять лет В.В. Голицын сведет с ним счеты.

В 1681 г. возникла необходимость согласовать с Москвой вопрос о местах расселения в Малороссии беженцев с правобережной Украины. Для решения этого вопроса по распоряжению гетмана Самойловича в Москву были направлены знатный войсковой товарищ Мазепа и гадяцкий полковник Михаил Василевич, племянник Самойловича. «Мазепе и гадяцкому полковнику поручено было сообщить чрез боярина Василия Семеновича Волконскаго словесную просьбу о том, чтобы скитающихся «межи дворы в малоросийских местах» правобережных прочан поселить на белогородской черте в слободских полках, потому что в Малороссии негде селить их»[646]. Не в эту ли поездку между ними возникли такие ненавистные отношения, которые заставляли Мазепу даже через много лет клеветать на Василевича, обвиняя его в измене, порочить его перед Москвой, просить его ареста и наказания.

В 1682 г. по предложению гетмана Самойловича Мазепа был избран генеральным есаулом войска Запорожского и вошел в генеральную старшину. В этом же году Мазепа выезжал от войска Запорожского в Москву на бракосочетание царя Федора Алексеевича с Марфой Матвеевной Апраксиной (14 февраля 1682). В январе 1686 г. Мазепа вместе с сыном гетмана Григорием Ивановичем Самойловичем выезжал в Москву с предложениями войска Запорожского к проекту договора о мире с Польшей. Неоднократные собеседования в Посольском и Малороссийском приказах по проекту договора и другим вопросам позволили В.В. Голицыну и его сыну А.В. Голицыну поближе познакомиться с Мазепой и закрепить с ним отношения. Находясь в Москве, Мазепа и Г.И. Самойлович получили аудиенцию у патриарха Московского и всея Руси Иоакима и после этого в феврале выехали в резиденцию гетмана в Батурин.

26 апреля 1686 г. в Москве был заключен российско-польский договор о «Вечном мире», в содержание которого был внесен вклад и войском Запорожским. В этом же году, 19 июля, король Польши Ян III Собесский подписал универсал «Литовско-Польским сановникам, отчинникам и державцам, о повсеместном освобождении православного духовенства от всяких повинностей, поборов и военных постоев, наравне с духовенством веры Римско-католической»[647]. Чем было вызвано подписание королем Яном III Собесским такого универсала? На первый взгляд, издание универсала имело прямое отношение к условиям договора о «Вечном мире». На самом же деле в тексте договора говорилось только об утверждении норм веротерпимости в отношении православного населения на территории Польши. А в универсале говорилось не о православном населении, а о льготах православному духовенству и уравнении его с духовенством католическим. Опережая события,

[645] Цит. по: *Костомаров Н.И.* Историческия монографии и изследования. Т. 16. СПб., 1885. С. 21.

[646] Костомаров Н.И. Руина // Вестник Европы. Т. 85. СПб., 1880. С. 21.

[647] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том пятый. 1633–1699. СПб., 1853. С. 195.

предположим, что не хотел ли король Польши и польское правительство расположить к себе православное духовенство в преддверии таких желаемых событий, возвращения Малороссии и отдельных территорий правобережной Украины в состав государства Польского? Разумеется, такое событие в то время было возможно при его полной поддержке со стороны гетмана войска Запорожского, казачества и православного духовенства. Не начинало ли польское правительство готовить почву для такого события уже тогда, сразу после подписания договора о «Вечном мире»?

Выполняя союзнические обязательства, российские войска под командованием князя и боярина Василия Васильевича Голицына осуществили в 1687 г. 1-й Крымский поход против Крымского ханства. В походе приняло участие и войско Запорожское во главе с гетманом Иваном Самойловичем. Поход окончился неудачей, и вина за нее была возложена именно на гетмана Самойловича. Полагаем, что это было сделано по следующим причинам: во-первых, нужно было заранее снять все возможные обвинения в неудаче с главнокомандующего, руководителя заговора князя и боярина В.В. Голицына. Вооруженные силы и общество должны были видеть в нем настоящего полководца, всесильного командующего и главу правительства, а не неудачника. Нужен был козел отпущения, и им стал Самойлович. Во-вторых, гетман Самойлович в силу своей преданности Российскому государству и царю, а также враждебного отношения к государству Польскому не устраивал заговорщиков; в случае необходимости (в день «Х») он никогда не согласился бы на возвращение Малороссии в состав Польши, чем разрушил бы планы руководителей заговора. К этому следует добавить враждебное отношение к гетману Самойловичу со стороны В.В. Голицына, и сразу станет ясно, что дни его гетманства были сочтены. В-третьих, как мы уже говорили, руководителям заговора нужен был другой гетман, который бы активно способствовал реализации их планов. В качестве кандидата на пост угодного заговорщикам гетмана был подобран генеральный есаул Иван Степанович Мазепа. Прошедшие со времени Чигиринских походов 10 лет дали возможность поближе с ним познакомиться и прийти к выводу, что он тот, кто нужен.

Наступил день 7 июля 1687 г., когда, уже после возвращения из похода, Мазепой была подготовлена и направлена в Москву царям Ивану и Петру Алексеевичам челобитная со страшной вестью об измене гетмана войска Запорожского Ивана Самойловича. Об измене, которой на самом деле не было. Заметим, Мазепа в очередной раз совершил акт предательства по отношению к человеку, который буквально спас его от суровой ответственности за службу гетману Дорошенко, Турции и поставку туркам христианских невольников, который доверил ему службу в войске Запорожском. Челобитную подписали: генеральный есаул Иван Мазепа, генеральный обозный Василий Борковский, генеральный писарь Сава Прокопович, судья Михайло Воехович, полковники Константин Солонина, Яков Лизогуб, Григорий Гамалея, Димитрашко Райча, Степан Забела. Ниже всех челобитную подписал Василий Кочубей. Через две недели, 20 июля того же года, как и следовало ожидать, гетман Самойлович был низложен. А еще через неделю, 25 июля, гетманом войска Запорожского по рекомендации и по воле В.В. Голицына был избран Иван Степанович Мазепа.

Н.И. Костомаров привел выдержку из записки Мазепы, свидетельствующую о даче им взятки В.В. Голицыну за избрание гетманом. В записке, адресованной

В.В. Голицыну, говорилось: «...посылаю вашей княжой вельможности милостивому благодетелю моему в червонных золотых пять тысяч осьмь сот рублей в копейках три тысячи рублей и в талярах битых тысячу и двести рублей, всего десять тысяч рублей. Якое мое приношение изволь ваша княжая вельможность приняти милостиво...»[648]. 10 000 рублей за должность первого лица в Малороссии и войске Запорожском! И тогда это была огромная сумма, а в пересчете на сегодняшние деньги ее можно было бы назвать архиогромной.

Начался очередной новый этап в жизни и деятельности Мазепы, уже гетмана войска Запорожского. Как долго он шел к этому посту, высшему посту в Малороссии, дававшему ему почти неограниченную власть, богатство и собственность, высочайшее положение в Малороссийском обществе и уважительное отношение православного духовенства. Почти 24 года прошло с того дня, когда он безвестным придворным бежал из стана короля Яна II Казимира к Павлу Тетере. Как же он хотел вернуться в Польшу, как же он мечтал об этом возвращении, но совсем не в качестве «блудного сына», не в качестве просящего прощения и милостыни человека. Нет, нет и нет. Он хотел вернуться не к обвинениям и претензиям, не к оскорбительным насмешкам, не к бойкоту со стороны двора и всей шляхты. Он не хотел просить прощения и милостыню у кого бы то ни было, даже у короля. Он хотел вернуться в Польшу на крыльях славы, полновластным и богатым. И не просто гетманом, человеком с должностью; по Европе того времени достаточно много бродило неприкаянных выходцев из различных монархических родов, и на них уже никто не обращал внимания, разве только разведывательные службы в поисках подходящей кандидатуры для своих планов. А гетманом, за спиной которого стояло войско Запорожское с десятками тысяч послушных сабель, и Малороссия с Киевом со всеми городами, с казаками, крестьянством и городскими жителями, с полями, пастбищами, лесами и прочими богатствами, то есть целое государство. Вот в этом случае он поднялся бы почти до одного уровня с королем Польши и мог рассчитывать на исполнение самых сокровенных своих мечтаний. Разве это не мотив для измены?

Ко дню избрания его гетманом Мазепа мысленно уже несчетное число раз возвращался в Польшу, возвращался на вершине власти, славы и богатства, возвращался не для последующего забвения, а для продолжения властвования. Эти грезы, эти видения были настолько сладостны и желанны, что в реальных условиях Малороссии и Запорожского войска заставляли его действовать точно, выверенно, осторожно и конспиративно, так, чтобы не переторопить события и не совершить смертельно опасную ошибку.

Прошедшие годы изменили его. Он прочувствовал, испытал и понял, что такое власть, что такое богатство, он побывал в сражениях, он зачастую жил в условиях, очень далеких от условий королевского двора и шляхетства. Но внутренняя сущность его, о которой выше мы говорили, осталась, и теперь, оказавшись на гетманском фундаменте, она должна была расцвести во всей ее красе и действительно расцвела. Теперь, наконец, появилась возможность перевести свои мечты о возвращении в Польшу в практическую плоскость, появилась возможность начать предварительную подготовку.

---

648 Цит. по: *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Т. 16. С. 38.

Наступили очень насыщенные дни, месяцы и годы в жизни и деятельности Мазепы. Они включали в себя как явную, в интересах Российского государства, так и тайную жизнь и деятельность, но уже в личных интересах свежеиспеченного гетмана.

В марте – августе 1688 г. Мазепа вместе с окольничим и воеводой Леонтием Романовичем Неплюевым (пожалован в бояре 21 декабря 1688 г.) и воеводой Григорием Ивановичем Косаговым руководил строительством на реке Самаре города и крепости Новобогородска (ныне — Новомосковск в Днепропетровской области Украины). Вскоре, 1 августа 1688 г., крепость была освящена, и 18 августа того же года Мазепа направил в Москву донесение о завершении строительства. Напомним, что Л.Р. Неплюев являлся другом, соратником и соучастником руководителя заговора В.В. Голицына. Другой воевода, Г.И. Косагов, также являлся сторонником В.В. Голицына и, естественно, царевны Софьи. У них было несколько месяцев непосредственного общения с Мазепой в служебной и застольной обстановке, что, можно полагать, позволило существенно дополнить имевшиеся в Москве сведения о гетмане в интересах заговорщиков.

19 сентября 1688 г. был издан указ царей Ивана и Петра Алексеевичей о подготовке ко второму Крымскому походу весной 1689 г. Получив указ, Мазепа незамедлительно, уже 28 сентября, направил в Москву свои предложения относительно назначенного похода.

В октябре 1688 г. в гетманскую ставку в Батурин приезжал один из руководителей заговора Федор Леонтьевич Шакловитый с весьма деликатным и одновременно чрезвычайно важным заданием — «прощупать» Мазепу, уточнить его отношение к Польше и Москве. Н.И. Костомаров писал: «В октябре отправился к гетману в Батурин любимец царевны Софьи и князя Голицына, Шакловитый, с милостивым словом к гетману, а вместе с тем и с тайным поручением проведать о верности самого гетмана и о степени расположения и доверия к нему подчиненных малороссиян. Шакловитый сообщил в Москву, что хотя в поступках гетмана не замечается наклонности к измене, но малороссияне его не любят, не доверяют ему, твердят, что он весь душою поляк и ведет тайные переписки с польскими панами. От таких известий в Москве не поколебалось доверие к гетману...»[649]. Сначала о «милостивом слове»: гетман Мазепа и войско Запорожское были награждены специально изготовленным знаменем, которое изображало «на белой камке с обеих сторон Российскаго орла с крестами из звезд и Спасителев образ. Писано 1688 в правление Царевны Софии Алексеевны и дано было Гетману Мазепе»[650] (В 1730 г. это знамя «за ветхостью» было прислано тогдашним гетманом Даниилом Апостолом в Коллегию Иностранных Дел). Заметим, Мазепа был награжден «милостивым словом» накануне самых важных событий в истории заговора, Мазепу с его войском нужно было держать рядом, царевне Софье и другим руководителям заговора нужно было постоянно ощущать его готовность поддержать заговор и действовать согласно указаниям из Москвы. Поэтому, несмотря на уже имевшиеся сведения и на то, что всего-то чуть более года назад Мазепа по рекомендации и по воле В.В. Голицына был избран гетманом, и был послан к нему Ф.Л. Шакловитый с тайной мис-

[649] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Т. 16. С. 26–27.

[650] Сборник Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел. Вып. 1. М., 1880. С. 71.

сией. Видимо, фигура Мазепы все еще вызывала некоторую озабоченность у руководителей заговора, нужно было накануне решительного выступления еще раз все проверить и принять решение. В этой связи донесение Шакловитого о степени верности Мазепы заговорщики должны были рассматривать не со знаком «минус», а со знаком «плюс». Именно такая оценка вполне устраивала царевну Софью и руководство заговора. Миссия Шакловитого преследовала еще одну цель — он привез из Москвы на рассмотрение малороссийским священнослужителям сочинение духовного руководителя заговора Сильвестра Медведева «Манну».

19 октября все того же 1688 г. войско Запорожское во главе с Мазепой и царские войска во главе с Неплюевым Л.Р. совместными действиями нанесли поражение туркам и взяли крепость Очаков. Событие это было настолько неожиданным и ошеломляющим, что 23 ноября цари Иван и Петр Алексеевичи направили письмо королю Польши Яну III Собесскому о победе русских войск под Очаковым. Мазепа предстал перед польским королем не только как гетман, но и как полководец. А Ян III Собесский, сам не только король, но и полководец, победитель турецких войск под Веной в 1683 г., знал, что значит выиграть сражение, поэтому такое письмо добавило к характеристике Мазепы изрядную долю лаврового цвета и запаха.

В марте 1689 г. начался второй Крымский поход под главнокомандованием князя и боярина В.В. Голицына. Гетман Мазепа и войско Запорожское приняли в нем самое активное участие; примерно 20 апреля войско Запорожское соединилось с основными силами царской армии.

В апреле – мае 1689 г. князь и боярин Алексей Васильевич Голицын, оставшийся в Москве за своего отца, В.В. Голицына, отправил из Москвы к Мазепе, прямо в его походные порядки, некого чернеца Соломона, который должен был стать тайным связующим звеном между гетманом Мазепой и королем Польши Яном III Собесским. Как мы видим, подготовка заговора вступила в завершающую фазу. В это же время Мазепа направил чернеца Соломона с изменническими предложениями к Яну III Собесскому в Жолкву, где король тогда находился. Подробнее об этом мы расскажем чуть ниже.

20 мая 1689 г. русские войска дошли до Перекопа, а на следующий день повернули назад, и 12 июня они уже были на реке Самаре. 24 июня Мазепа с войском Запорожским покинул стан русских войск и вернулся в Малороссию.

Обратим внимание на следующее: все время с момента избрания его гетманом Мазепа прилагал усилия к тому, чтобы расширить число своих сторонников в войсковой и полковой старшине. Он под разными предлогами, чаще под предлогом выявления изменнических намерений по отношению к Москве и царской власти, добивался отстранения неугодных ему лиц от должностей, предания их суду и отправления в ссылку. Он сортировал командный состав войска Запорожского, присматривался к нему, отбирал тех, с кем мог пойти на реализацию своих личных планов; ему нужно было демонстрировать свою преданность Москве, чтобы никакие случайности ему не помешали. Одновременно он должен был заниматься установлением тайных контактов с Польшей и укреплять свое положение в войске Запорожском и Малороссии. Такое состояние дел руководство заговора в Москве до поры до времени устраивало, тем более что до выступления оставалось совсем немного.

Трудно точно установить время, когда у Мазепы сформировался умысел изменить Российскому государству и вместе с войском Запорожским и Малороссией вернуться в состав Польши. Как правило, о таком умысле вслух не говорят, его держат в тайне, посвящая по мере надобности только самых преданных сторонников. Мазепа в данном случае совсем не исключение, поэтому и мнения на этот счет самые разные.

Н.И. Костомаров писал, что «Не следует допускать тайной измены в 1690 г. на том только основании, что этот человек оказался изменником через 18 лет. Обстоятельства позже были совсем иные, чем ранние. Мазепа действительно был истый поляк по своему польскому воспитанию и шляхетскому происхождению, но, раз отступивши от Польши к козачеству, он сделался гетманом, получил в козачестве такую высокую степень, которая ставила его, как он сам о себе выражался, мало-меньше польскаго короля; обласканный московским правительством, не имея притом повода опасаться прекращения к себе доверия, Мазепа ничем не мог быть побуждаем к измене: польская сторона не была могущественна, а московская слишком слаба. Мазепа не был еще тайным врагом русскаго царя и русской державы, потому что это не представляло ему никаких выгод»[651]. В этой же монографии Н.И. Костомаров уточнил: «Мазепа, как все эгоисты, был труслив за свою шкуру, крайне осторожен и не твердо уверен в осуществимости своей цели, в действительности избранных средств. Да и времени у него было мало, так как и замысел изменить Петру возник у него не раньше года до события. Мазепа в свои планы посвятил только немногих, почему-либо стоявших близко к нему, преимущественно своих родственников и свойственников. Многие старшины генеральные и полковые не знали о его замысле»[652]. Мы привели мнение человека, посвятившего многие годы изучению истории Малороссии, истории гетмана Мазепы и его соратников — мазепинцев (говоря о «событии», Костомаров имел в виду октябрь 1708 г., когда Мазепа открыто перешел на сторону шведского короля Карла XII).

Уже после Полтавской битвы по требованию Петра I в Гамбурге был арестован Андрей Янович Войнаровский, племянник Мазепы и его любимец, участник событий того времени, и передан царским властям. Он сообщил на допросах, что «...умысел дяди его возник в 1705 г., когда он был с козацким войском близ Дубна и виделся с княгинею Дольскою, матерью по первому браку князей Вишневецких, сродницею Станислава Лещинскаго. Она-то уговорила его дядю поступить снова в подданство польскаго короля, прельщала его милостями от Станислава, обещала ему сама выйти за него замуж. С того времени стал Мазепа вести с нею корреспонденцию, и Станислав к нему писывал: одно письмо Станиславово нашел Войнаровский по смерти дяди в шкатулке, показывал его Орлику и другим, но не знает, куда оно делось. Войнаровский отозвался незнанием — кто из генеральных особ знал в самом начале о замыслах его дяди...»[653] (Станислав Лещинский, 1677–1766, — ставленник шведского короля Карла XII на польском троне, избран королем 1 июля 1704 г. в Варшаве, в 1709 г. из Польши бежал. Филипп Орлик — сподвижник Мазепы, некоторое время являлся генеральным писарем, после Полтавской битвы и смерти Мазепы король Карл XII

[651] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Т. 16. С. 66.

[652] Там же. С. 601–602.

[653] Там же. С. 678–679.

назначил его гетманом Малороссийским, скитался по Швеции, Франции, Турции, принял ислам, умер в Бендерах около 1736 г.). Арест А.Я. Войнаровского не остался незамеченным дипломатами европейских стран. Комиссар Франции в Петербурге де Лави писал в своем донесении от 25 ноября 1718 г. в Париж государственному министру, архиепископу Гийому Дюбуа (1656–1723): «...Войнаровский, племянник Мазепы заключен в здешней крепости. Он арестован в Гамбурге полтора года тому назад и неизвестно, какова будет его судьба...»[654]. Сохранилось письмо А. Войнаровского Петру I из Гамбурга от 2 октября 1716 г., в котором он писал: «...как скоро я указ вашего царского величества получил, то тогда я, без всякой противности, посереди улицы как шпагу мою, так и себя в руки резидента вашего царского величества господина Бетхера отдал...»[655]. Так что арестован А. Войнаровский был в конце сентября – начале октября 1716 г. Само же письмо заполнено уверениями, что об измене своего дяди гетмана И.С. Мазепы он ничего не знал, не видел и не слышал, и что надеется на милость царя.

Историк Н.И. Павленко утверждает, что «Изменнические намерения Мазепы имели давнюю историю. На путь предательства он вступил еще в конце 1680-х годов. В 1690 г. он в письме польскому королю Яну III выражал намерение вернуть Украину под власть панской Польши. Тогда осуществить это не удалось, но тайные связи продолжались. Они усилились после того, как шведский король посадил на польский престол Станислава Лещинского»[656].

Н.Г. Устрялов, посвятивший жизнь исследованию истории Петра I и его времени, писал, что Мазепа, «Поляк в душе, уже вскоре по избрании своем в гетманы, навлек на себя подозрение в излишней привязанности к Польше, не скрывшейся и от Шакловитаго, во время поездки его в Малороссию в 1688 г. Князь Голицын успел оправдать Мазепу, и во всех донесениях своих из втораго Крымскаго похода величал его верным и преданным России гетманом, между тем как он, уже замыслив мрачную измену, вел тайную переписку с двором Варшавским. Сношения были так часты, что король очень хорошо изучил слог и обороты Мазепиных писем. Не знаем в точности, о чем они переписывались; во всяком случае Мазепа нарушал и постановленныя, при избрании его в гетманы, статьи, и данную им присягу. Так было уже в правление царевны Софии...»[657]. К письмам мы еще вернемся.

Выше мы говорили, как долго зрело у Мазепы желание (намерение) вернуться в Польшу на крыльях славы, полновластным и богатым. И вот, долгожданное время наступило, он стал всевластным гетманом, и, по нашему мнению, именно тогда у него окончательно сформировался умысел совершить предательство по отношению к Российскому государству.

О его подготовительных действиях в 1687-1689 г.х могут свидетельствовать не только челобитные на царское имя, но и сохранившиеся документы из переписки Мазепы с Яном III Собесским, епископом Львовским, Галицким и Каменец-Подольским Иосифом Шумлянским, письма Яна III Собесского полковнику Васи-

---

[654] Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 34. СПб., 1881. С. 390.

[655] Архив князя Ф.А. Куракина. Книга 3. СПб., 1892. С. 31.

[656] *Павленко Н.И.* Петр Первый. М., 1975. С. 150.

[657] *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. 2. С. 196–197.

лию Михайловичу Искрицкому и другие. Об этом же говорят материалы следственных дел на чернеца Соломона и шляхтича Доморацкого, документы дипломатической миссии польского посланника Яна Окрасы (в Москве находился с 15 августа по 27 сентября 1691 г.), и другие.

Названные выше документы стали известны московскому правительству большей частью после провала заговора царевны Софьи, с конца 1689 г. и в начале 90-х годов. Приход к фактической власти в Москве царя Петра, розыскные и следственные действия в отношении заговорщиков, приговоры, казни и ссылки виновных вызвали у Мазепы и его польских корреспондентов стремление тщательно замаскировать свои связи от московских властей, придать им вид сугубо частных действий неких лиц, к которым ни король польский, ни Мазепа, не имели никакого отношения.

Историк Н.Г. Устрялов разыскал в фамильном архиве полковника Российского генерального штаба А.А. Искрицкого несколько писем, адресованных королем Яном III Собесским полковнику В.М. Искрицкому, в том числе от 20 ноября 1689 г. из Олеска, от 6 мая 1690 г. из Виланова, и от 20 июля 1690 г. из Варшавы. «Василий Искрицкий, как видно из других документов в тех же фамильных бумагах, сын Михаила Искрицкаго (шурина Заднепрскаго гетмана Тетери), в 1659 г. получил нобилитацию, впоследствии звание королевского дворянина и пользовался особенною доверенностию короля Яна III, который чрез него преимущественно тайно переписывался и вел изустные переговоры с Мазепою. «Дошли до нас слухи», пишет король к полковнику Искрицкому от 20 ноября 1689 г. из Олеска: «что благородный Мазепа гетман Запорожский в столице (в Москве) с большею вежливостью и почестями был принят, чему очень рады и желаем ему вожделеннаго здравия и счастия; о чем, при удобном случае, можешь ему передать, и уверить, что всегда имеем в респекте нашем особу его доброю памятью и почтением»[658]. Из этого небольшого отрывка видно, что между королем Польши Яном III Собесским и гетманом Мазепой уже длительное время существовала устойчивая связь, посредником и курьером в которой использовался полковник В.М. Искрицкий. Связь эта была тайная, она тщательно скрывалась от московских властей и вообще от посторонних. Король был заинтересован как в поддержании этой связи, так и в том, чтобы Мазепа продолжал оставаться на своем посту.

Заметим, что В.М. Искрицкий прибыл в правобережную Украину в 1682 г. по указанию короля Яна III Собесского для склонения командного состава и рядовых казаков войска Запорожского в ряды польской армии. Примерно в одно время с ним в Киев из польских владений прибыли несколько чернецов, направленных епископом Иосифом Шумлянским. «Чернецы эти приходили с целию распространять между малороссиянами неудовольствие к Москве и склонять их к Польше, уверяя, что Речь Посполитая стала совсем иная, что теперь там уже не будет гонения на православие... Привезенные ими писания были отысканы одно в узелке, положенном в ведро с дегтем, а другия вдолблены в край телеги. Чернецы имели поручение обещать именем короля денег и почести знатным козацким лицам, если покажут склонность к королю»[659]. Обратили внимание на живописный местный коло-

[658] Там же. С. 369–370.

[659] *Костомаров Н.И.* Руина. С. 33.

рит в мерах конспирации? Этих чернецов задержали в Киевском Кирилловском монастыре и отправили в Москву, откуда препроводили в Троице-Сергиев монастырь.

Особого внимания заслуживает письмо Яна III Собесского Искрицкому В.М. от 6 мая 1690 г. Вызвано было оно обеспокоенностью, чтобы сведения о наличии тайной связи между королем, гетманом и епископом Шумлянским и об использовании чернеца Соломона как связника между ними не стали достоянием Москвы и не повредили тем самым контактам и интересам Польши. Фактически письмо представляет собой инструкцию Мазепе о линии поведения в случае допросов его московскими представителями о чернеце Соломоне и его действиях. В.М. Искрицкому предстояло доставить (или организовать доставку) эту инструкцию Мазепе. Важно было, чтобы и король, в случае вопросов московских послов, и гетман, в случае приезда к нему московских представителей, отвечали о Соломоне согласованно, не вызывая никаких подозрений. Речь здесь идет о том чернеце Соломоне, который был направлен к Мазепе еще весной 1689 г. (во время 2-го Крымского похода) князем и боярином Алексеем Васильевичем Голицыным именно для осуществления тайной связи с Варшавой. К моменту написания письма чернец Соломон по приказу короля был задержан в Варшаве и содержался под стражей.

В самом начале письма король указал: «Постарайся наипоспешнее исполнить то, что ниже в письме сем значится. И как ты имеешь случай к пересылке писем к благородному Мазепе гетману Заднепрскому, то пошли к нему тотчас с этими предостережениями, которыя ему очень нужны»[660]. Далее король писал, что Соломон приехал в Жолкву и «отдал нам письмо от благор. Мазепы за его подписью и печатью к вельможному воеводе Русскому и к преп. епископу Львовскому... Получив и прочитав эти письма, мы тотчас узнали, что то не был слог и манер гет. Мазепы; задержав Соломона в монастыре Креховском в миле от Жолквы, тотчас послали мы в Могилев за письмами, откуда дано знать, что чернец действительно там был, безпрестанно пьянствовал и, напившись, болтал вздор... Подложное письмо благ. гет. Мазепы писано глупо, без всяких осторожностей и тайны: в нем он просит нашей протекции, видя измену Москвы против казаков, и требует универсалов наших, чтобы поднять все Заднеприе на Москву, присовокупляя, что Татары с ним в союзе и один мурза Селемез у него уже аманатом в Батурине. Мы, видя дело похожее более на выдумку, чем на правду, отправили его только с проезжим листом, что тот чернец приезжал за милостынею и что назад в Заднеприе возвращается... Через несколько недель тот же изменник возвратился с такими же письмами за печатию и подписью гетмана, которую выучился хорошо подделывать; но не нашед нас, вручил их преп. епископу Львовскому, который письма прислал к нам, а чернеца задержал. Негодяй однакож ушел к нам сюда, в Варшаву. Второе мнимое письмо гетмана было еще глупее: он удивляется, что мы не посылаем универсалов и не даем ответа, и просит скорее отправить чернеца с универсалами, потому, что Заднеприе начало уже бунтовать. Видя, что он или сумасшедший или архизлодей, хочет гетмана погубить и нас с царями поссорить, мы приказали его задержать и строго за ним смотреть... Испуганный пыткою, злодей во всем признался, и если г. гетман пожелает, пусть пришлет за показаниями его доверенное лицо... Вкратце изложив эту историю, требуем, чтобы так как можно скорее

[660] *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. 2. С. 483.

послал к бл. Мазепе вернаго, исправнаго и прилежнаго человека, и донес бы ему все это, как можно скорее, дабы, упаси Боже, не вышло для него чего худаго из этих клевет, так неблагородных и низких...»[661]. Заметим, что гетман Мазепа, не дождавшись возвращения из Польши чернеца Соломона, 15 марта 1690 г. отправил королю Яну III Собесскому повторное письмо, в котором писал: «Дайте нам подлинную ведомость чрез нашего Соломона, то уже сами будем с Ордою бить Москву; початок мы учиним, а ваша королевская милость давайте помочь в то время своих жолнеров сколько тысяч присылайте на назначенное место чрез Днепр на Канев»[662]. И далее: «Сами разсудите, ваша королевская милость, что то страшное дело зачали есмы, и будем его сколько мочно доканчивать, на Божию милость надеемся и на вашу королевскую милость, понеже уж мы совсем тайно прибрались, только ожидаем от вашей королевской милости совету»[663]. Написано весьма откровенно. Так пишут тогда, когда участники переписки давно и хорошо знают друг друга, и переписка осуществляется уже длительное время по надежным каналам связи.

Ян III Собесский был настолько обеспокоен ситуацией с чернецом Соломоном и угрозой безопасности гетману Мазепе и отношениям с Москвой, что через два с половиной месяца, 20 июля 1690 г., он вновь отправил полковнику В.М. Искрицкому письмо. В нем говорилось: «Что же касается до изменника Соломона, то мы должны задержать его при себе до получения ответа из столицы (т.е. из Москвы) от нашего резидента: ибо после таких упреков и клевет, какие там делали резиденту нашему, мы не могли иначе поступить, как открыв измену подосланнаго сюда злодея, котораго сознание мы послали туда же, не могши дождаться никакого по этому делу от благороднаго Мазепы гетмана ответа и объяснения»[664] (под словом «сознание» имелись в виду признательные показания). Совершенно очевидно, что в словах «открыв измену» скрыт весьма печальный и даже трагический для чернеца Соломона смысл — им было решено пожертвовать во имя сохранения мирных отношений Польши с Москвой и безопасности гетмана Мазепы.

Обязательно нужно подчеркнуть, что мы привели выдержки из действительных писем короля Яна III Собесского своему эмиссару полковнику В.М. Искрицкому, они не готовились и не фальсифицировались специально для дезинформации Москвы. Они не выдуманы. Выше мы уже сказали, что стояло за этими письмами. Заметим, что читать их целесообразно вместе с материалами следственных дел на чернеца Соломона и шляхтича Доморацкого, что мы ниже и сделаем.

Москва знала о полковнике В.М. Искрицком, старце Гедеоне Одорском, о шляхтиче Доморацком, чернеце Соломоне (до пострижения в монахи — Семен Троцкий), что они вроде бы являются связниками в тайных изменнических контактах Мазепы с королем Яном III Собесским и епископом И. Шумлянским. Но Москва никак не хотела верить в предательство гетмана и рассматривала поступавшие на него сведения, челобитные и доносы только как попытки неких злоумышленников (завистников) очернить Мазепу перед московским правительством.

---

661 Там же. С. 483–485.

662 Там же. С. 480.

663 Там же.

664 Там же. С. 485.

Первый донос на Мазепу объявился в Киеве практически сразу после избрания его гетманом войска Запорожского. Автором доноса являлся «какой-то поп-разстрига из Путивля». Он сообщал, что «гетман сносится тайно с поляками, дружит с ними и тайно покупает себе в Польше маетности»[665]. Киевский воевода направил доносчика с соучастником в Москву, но в Москве доносу не поверили и вернули их назад, в Батурин, а Мазепа посадил их под караул, уверяя одновременно в письме В.В. Голицына «в своей простоте, незлобии и неизменной верности престолу»[666].

Часть доносов, что объяснимо, поступила уже после того, как до Киева и Малороссии дошла весть о провале заговора царевны Софьи и отправлении в ссылку московского покровителя Мазепы князя и боярина В.В. Голицына. Один из таких доносов был поднят 9 марта 1690 г. стрельцом в Пятницких воротах Печерского местечка в Киеве, доложен по команде киевскому воеводе и отправлен последним в Москву. В доносе припоминалось, «как этот Мазепа когда-то людей православных русских — подольских и волынских — хватал и продавал бусурманам, обдирал в церквах с икон серебряные оклады и отдавал туркам, как после того своего пана гетмана задал в вечное безславие и безчестие и завладел его достоянием, с которого потом покупал сестре своей маетности в польских владениях, а на остаток, что горше всего, стакался с Голицыным, хотевшим жениться на царевне Софии и изгнать с престола и со света царя Петра, с тем и приехал в Москву, чтоб, устранивши Петра, устроить на свой счет свадьбу Голицына с Софиею. Они вместе затевали «искоренить, погубить и в ничто обратить престол, от века сияющий и страшный всем гонителям на благочестие»[667] (говоря «своего пана гетмана», автор доноса имел в виду гетмана Ивана Самойловича). Далее говорилось, что если Москва сохранит Мазепу в занимаемой должности, «то уж подлинно управляемый им край злою хитростию своею отдаст в нашу сторону (то есть в правобережную Украину, в Польшу — *прим. авт.*), где все церкви Божии и людей вера благочестивая скончаются под игом польским, и вашей власти упадок, и нам кончину, и благочестию православному конец учинит прелестник Мазепа. Доколе же вы этого злодея губителя будете держать?»[668]. Донос был написан так, чтобы его автором считали человека, проживающего в принадлежащей Польше правобережной Украине. Говорилось в этом доносе и о епископе И. Шумлянском: «Вот и Шумлянский наш униат, а на самом деле римлянин (папист), изъявляет желание поддаться под власть патриарха московскаго, а все это для того, дабы, чрез свою волчью покорность, вступивши под власть святительскую, мог вместе с злодеем гетманом учинить пагубу вашему престолу. Мы сердечно скорбим о таких изменнических видах против вашего престола и не желаем, чтобы цел оставался враг...»[669].

Для разбирательства по этому доносу 8 апреля 1690 г. из Москвы в Батурин прибыл дьяк Борис Михайлович Михайлов. Собственно говоря, не столько для разбирательства, сколько для розыска автора и уверения гетмана в «неизменной к нему

[665] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Т. 16. С. 22

[666] Там же. С. 22

[667] Там же. С. 50

[668] Там же. С. 50

[669] Там же. С. 51

царской милости». В беседе с Мазепой Михайлов сам назвал ряд лиц, подозреваемых Москвой в авторстве: старца Гедеона Одорского (дьяк предложил арестовать его и привезти на допрос в Батурин), полковника В.М. Искрицкого, «недавно приезжавшаго в Малороссию и желавшаго видеться с гетманом»[670]. Дьяк предложил гетману вызвать Искрицкого в Батурин и в разговоре с ним выяснить, кто его посылал (Мазепа направил к Искрицкому посланца с приглашением, но тот категорически отказался ехать в Батурин к Мазепе). Дьяк напомнил, что «еще прошлый год (то есть, в 1689 г. — *прим. авт.*) была к гетману подсылка львовскаго епископа Шумлянскаго, принявшаго унию. Приезжая к Мазепе, польский шляхтич Доморацкий привез от Шумлянскаго письмо такого содержания, что всяк, прочитавши его, мог подумать, что между униатским архиереем и малороссийским гетманом ведутся какия-то секретные сношения в пользу Польши и в ущерб царской власти. В этом письме говорилось о прежней посылке к гетману пана Искрицкаго (Н.И. Костомаров привел выдержку из этого письма: «Ваша милость уже имеешь ведомость от пана Искрицкаго, но Искрицкий нас еще ни о чем не извещает, чему мы удивляемся. Авось либо новый посланец наш, вручитель настоящаго письма, будет счастливее и принесет нам добрыя вести»). Гетман тогда же сообщил об этом в Москву, подверг Доморацкаго пытке и вместе с пыточными речами отправил его самого в Москву»[671]. В Москву шляхтич Доморацкий был доставлен 10 мая 1690 г. На первом же допросе «без всякаго принуждения, он сознался, что подослал его в Малороссию с письмом, по королевскому указу и по листу короннаго подскарбия Марка Мотчинскаго, Львовский епископ Иосиф Шумлянский, наказав ему словесно обещать на помощь гетману 30 хоронгвей жолнеровых с региментарем Искрицким и объявить, что сам Шумлянский для окончательнаго соглашения приедет в Батурин»[672] (примерно в это же время, в июле 1690 г., в Москву прибыл бывший Переяславский полковник Леонтий Артемьевич Полуботок, который настойчиво пытался добиться царской аудиенции и раскрыть факты, свидетельствовавшие об измене гетмана Мазепы, но бояре его не стали слушать (как врага гетмана) и под стражей отправили назад в Малороссию). Небольшое пояснение — «30 хоронгвей жолнеровых» — это примерно 6000 солдат-пехотинцев (жолнеров).

Не дождавшись ответа, 19 января 1690 г. Шумлянский направил повторное письмо Мазепе, в котором, в частности, писал: «А как надежны будем вашей милости приятства, того же часа работати начнем: что годно будет вашей милости ко опасению, как и всему войску Запорожскому, его королевское величество, государь мой милостивый, и с речью посполитою промыслит. Подлинно дожидаемся с великим хотением возвращения господина Доморацкого»[673]. Согласитесь, что мы привели выдержки из очень даже опасных для гетмана Мазепы документов.

Поэтому обсуждение этих лиц не вызвало у Мазепы какого-либо интереса и активности; он боялся разговора на эту тему и не хотел обсуждать кандидатуры из числа представителей Польши и правобережной Украины; он старался перевести

---

[670] Там же. С. 52

[671] Там же. С. 55.

[672] *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. 2. С. 204.

[673] Там же. С. 479.

разговор на обсуждение других лиц, своих врагов. Мазепа высказал мнение, что авторами доноса являлись Михаил Василевич Галицкий, бывший полковник гадяцкий и племянник бывшего гетмана И. Самойловича, Димитрашко Райча, полковник Переяславский и Леонтий Артемьевич Полуботок, бывший генеральный есаул и бывший полковник Переяславский, близкий друг И. Самойловича. Все они находились с Мазепой во взаимных ненавистных отношениях, и он при удобном случае старался очернить их, представить перед Москвой как изменников. Пользуясь случаем, Мазепа постарался набросить тень подозрения и на князя Юрия Святополк Четвертинского, племянника скончавшегося накануне (6.04.1690) православного митрополита Киевского Гедеона Святополк Четвертинского, жениха дочери бывшего гетмана И. Самойловича. Дьяк Михайлов пробыл в Батурине всего несколько дней. Так и не прояснив до конца вопрос об авторе доноса, он вернулся в Москву.

Как мы уже говорили, одновременно с этим значительно более напряженными стали отношения между Москвой и Варшавой: Москва, обвиняя чернеца Соломона в измене, требовала его незамедлительной выдачи; в отношении епископа Иосифа Шумлянского Москва выдвинула обвинение в его враждебной деятельности против Российского государства и требовала проведения над ним суда и наказания; Варшава, в свою очередь, никакие обвинения не признавала, но требовала возвращения шляхтича Доморацкого.

Что же было дальше? 15 августа 1691 г. в Москву прибыл польский посланник, королевский дворянин и ловчий Новогрудский, Ян Окраса, которому, наряду с такими вопросами, как обсуждение совместного похода против Крымского ханства и просьбы о выделении русскими вспомогательного войска, поручалось рассмотреть и погасить претензии русских в отношении чернеца Соломона, шляхтича Доморацкого и епископа И. Шумлянского. С российской стороны в переговорах с польским посланником участвовали ближний окольничий, наместник Муромский Иван Иванович Чаадаев и думный дьяк Посольского приказа Емельян Игнатьевич Украинцев. Первое заседание по этому вопросу состоялось 3 сентября 1691 г. На этом заседании Ян Окраса сделал следующее заявление: «...Король желает быть с Российскими Государями в непременной братской дружбе и любви, и никаким наветам не верит. Между тем, в прошлом году явился в Польше чернец Соломон с воровскими составными письмами и поддельными печатьми, и подал его величеству именем гетмана Мазепы лист. Король, заметив подлог, приказал чернеца задержать и под строгим караулом отправить на рубеж к межевым судьям; а воровския письма и две поддельныя печати, для братской дружбы, прислал к Российским Государям. Причем посланник вручил Чаадаеву и Украинцеву три листа, писанные Белорусским почерком от имени гетмана, один к королю, другой к Шумлянскому, третий к чернецу Соломону, да две печати, одну войсковую из свинца, другую, гетманский герб, из меди. После того продолжал: некоторой человек Польской породы с такими же письмами схвачен на Украйне, а ныне в Москве: король просит выдать его»[674]. Ян Окраса вручил российским дипломатам три письма гетмана Мазепы, все от 15 марта 1690 г., адресованные Яну III Собесскому, епископу Иосифу Шумлянскому и чернецу Соломону (письма эти приведены Н.Г. Устряловым: Истории цар-

[674] *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. 2. С. 206.

ствования Петра Великаго. Т. 2. СПб, 1858). Под «некоторым человеком Польской породы» имелся в виду шляхтич Доморацкий. Как мы видим, польский посланник придерживался той же линии поведения, которая была рекомендована королем Яном III Собесским в письме-инструкции полковнику В.М. Искрицкому.

Через несколько дней, 9 сентября 1691 г., переговоры были продолжены, и российские дипломаты сказали: «Великие государи указали объявить, чтобы король, по братской дружбе, велел Соломона отдать нашим межевым судьям на границе, для подлиннаго розыска и для очной ставки с Доморацким, который после того будет королю возвращен. Что же посланник говорил о присылке королем составных писем и поддельных печатей, в доказательство его искренней братской дружбы, в том сомнение не малое. Присланы листы самые последние, третьи, которые составил Соломон под Варшавою, коротко, без точнаго объявления дела, ссылаясь на первые и вторые, где пространно описывал о приеме гетмана Ивана Степановича под оборону Польскую. Тем первым листам при дворе королевском поверено и Доморацкий к гетману подослан; чем задана немалая причина к недружбе»[675].

Ян Окраса пытался возражать, говоря, что король никаким письмам не поверил, поэтому они затерялись, и никого к гетману не посылал. И.И. Чаадаев и Е.И. Украинцев на это привели письменные доказательства недружественных действий Польши: «Подослал Доморацкаго к гетману Ивану Степановичу, по указу королевскому, Иосиф Шумлянский: вот его подлинное письмо, вот и расспросные речи Доморацкаго! Не только воровским письмам, но и подлинным, за рукою самого гетмана, королю верить не довелось, и как скоро в первый раз явился чернец с письмами, следовало его тогда же, на основании договоров, отправить в Москву. То была бы сущая братская дружба и любовь его королевскаго величества»[676]. Попытки Яна Окрасы как-то смягчить ситуацию и придать действиям епископа И. Шумлянского благопристойное содержание успехом не увенчались.

Российские дипломаты речам польского посланника не поверили, и 27 сентября 1691 г. Ян Окраса выехал из Москвы в Варшаву. Москва по-прежнему доверяла гетману Мазепе, а все письма, доносы и челобитные относила к недружественным акциям польской стороны, направленным на склонение Мазепы к измене. После возвращения Яна Окрасы в Варшаву по королевскому указу чернец Соломон был передан московским властям и после проведения следствия направлен в Батурин, где и казнен 7 октября 1692 г. Шляхтич Доморацкий был передан польским властям на рубеже подстаросте Могилевскому 1 июля 1693 г.

Не раз и не два у исследователей возникал вопрос, почему чернец Соломон, знавший о предательских переговорах Мазепы с Польшей, был передан Москве, почему Варшава не боялась его возможных откровений. Н.Г. Устрялов высказал мнение, что, по всей вероятности, «злосчастный чернец, не стерпев мучений пытки, и желая положить конец своим страданиям, объявил при розыске то же самое, что впоследствии, в подобных обстоятельствах, скажет равно злополучный Кочубей: сам себя обвинил в клевете на гетмана»[677]. Н.И. Костомаров не был согласен

---

[675] Там же. С. 210.

[676] Там же. С. 211.

[677] Там же. С. 212.

с Н.Г. Устряловым, он считал, что «Дело чернеца Соломона осталось неразъясненным и загадочным… Невозможно, чтобы Мазепа, доверивши Соломону такое страшное для себя дело, сам потом добивался, чтобы Соломона выдали в Москву и допрашивали его там, а не в Батурине»[678]. Вместе с тем, мнение Н.Г. Устрялова подтвердил сам Соломон, после расстрижения из монахов ставший расстригой по имени Сенька. Когда его привезли из Москвы в Батурин, войсковая и полковая старшина устроила ему суд, на котором требовала, чтобы он сказал правду. «Я уже все сказал на Москве, — отвечал подсудимый, — никаких не было соучастников. Если бы кто в сем деле был со мною, я бы еще в Москве все сказал, не стерпел бы таких жестоких пыток с огня»[679].

На наш взгляд, приведенные выше документы, да и вся жизнь гетмана Мазепы свидетельствуют о том, что он действительно после избрания его гетманом войска Запорожского утвердился в намерении изменить Российскому государству и передаться вместе с Малороссией и войском Запорожским в состав Польши и приступил к практической подготовке реализации своих намерений. Для решения этой задачи он установил тайную связь с королем Польши Яном III Собесским и епископом Львовским, Галицким и Каменец-Подольским Иосифом Шумлянским и начал переговоры, а в качестве курьеров и посредников использовал названных выше чернеца Соломона, шляхтича Доморацкого, иеромонаха Гедеона Одорского, полковника В.М. Искрицкого и других.

Реализация заговора. 21 июля 1689 г. гетман Мазепа со свитой (304 челове ка) выехал из Батурина в Москву по вызову царя Ивана Алексеевича, то есть царе ны Софьи и В.В. Голицына. О причинах вызова высказываются разные предположе ния — от награждения за участие во втором Крымском походе до участия в брако сочетании царевны Софьи и В.В. Голицына, разумеется, после прихода их к власт (по Н.И. Костомарову, свиту составляли: генеральный обозный Василий Борковски генеральный судья Савва Прокопович, генеральный писарь Василий Кочубей, гене ральный асаул Андрей Гамалея, генеральный бунчужный Евфим Лизогуб. При каж дом из них состояло по пяти казаков; полковники: черниговский Яков Лизогуб, пол тавский Федор Жученко, нежинский Степан Забела, миргородский Данило Апосто лубенский Леонтий Свечка. С каждым из них был полковой писарь, а при некоторы и полковой судья. При полковниках состояло по пяти казаков, при писаре и судье п два казака; войсковые товарищи старшие, 9 человек, в их числе Павел Герцик, тест полковника В.М. Искрицкого; войсковые товарищи младшие, 17 человек; канцеляри сты, 8 человек. При каждом из войсковых товарищей и канцеляристов состояло п одному казаку; дворяне гетманские, 8 человек, при каждом по одному казаку; дворо вые гетманские люди, 70 человек; 50 драгун; 12 музыкантов).

В это время, когда Мазепа подъезжал к Москве, в ночь с 7 на 8 августа 1689 г. в Кремле были собраны верные заговорщикам стрельцы и была совершена попыт ка государственного переворота. Узнав о событиях в Москве, в эту же ночь Петр I бежал из Преображенского и около 6 часов утра прибыл в Троице-Сергиев монастырь.

[678] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Т. 16. СПб., 1885. С. 66.

[679] Там же. С. 64–65.

10 августа 1689 г. Мазепа со свитой прибыл в Москву. После небольшого отдыха на следующий день состоялась аудиенция у царя Ивана Алексеевича и царевны Софьи, а также встреча с В.В. Голицыным. В этот же день состоялась аудиенция у патриарха Московского и всея Руси Иоакима. Еще ничего не было ясно, кто победит, царевна Софья или молодой Петр, поэтому Мазепа ждал, и ждала вся его свита, не выходя никуда из подворья. Именно в эти дни, между 17 и 23 августа, Мазепу посетил Ф.Л. Шакловитый. Зачем? В ходе расследования заговора 2 сентября 1689 г. был допрошен живописец Оружейной палаты Алексей Филиппович Пуминов, который показал, что примерно через неделю после прихода царя Петра Алексеевича в Троице-Сергиев монастырь он отпросился у начальства на поездку в Москву к семье (в это время Пуминов находился в монастыре в служебной командировке). Приехав в Москву, он решил посетить на дому Ф.Л. Шакловитого, чтобы получить у него плату за сделанную ранее работу. В сказке Пуминов написал: «И его Федки в то число дома не застал: ходил к гетману. И он де с Москвы поехал, не видався с ним Федкою»[680]. Повторим вопрос — зачем Шакловитый приезжал к Мазепе? Ответа только нет, его можно лишь предположить.

Интересно, что в эти же дни, в конце августа – начале сентября 1689 г., в Москву прибыл уже упоминавшийся нами де ла Невилль, французский дипломат и профессиональный разведчик, действовавший в этот приезд «под флагом» польской короны. Вместе с ним в ранге польского дипломата прибыл граф Габриэль Ромен. Исследователи не раз пытались разыскать документы о пребывании де ла Невилля и Г. Ромена в Москве, но розыски успехом не увенчались, и поэтому было высказано предположение, что они оба находились в Москве под другими фамилиями. Из Варшавы они выехали 19 июля 1689 г. Совсем не случайно, что поездка совпала с пиком борьбы за царский трон, с попыткой царевны Софьи реализовать заговор. Для заинтересованных европейских государств крайне важно было знать, кто займет царский трон, по какому пути пойдет дальше Россия, какие отношения она будет выстраивать с Варшавой, Веной, Стамбулом, Парижем, Римом и другими столицами. Поэтому можно предположить, что приезд в Москву де ла Невилля имел прямое отношение к заговору, и не исключено, что даже был с ним связан. Де ла Невилль успел до отправления В.В. Голицына в ссылку (9 сентября) встретиться с ним и поговорить о политической обстановке в Москве и России, о провалившемся заговоре царевны Софьи (откуда бы он взял те сведения о планах царевны Софьи и В.В. Голицына, которые мы привели выше, если бы не беседа с В.В. Голицыным).

Следует отметить, что в это же время, то есть до отправления В.В. Голицына в ссылку, де ла Невилль ночью, переодетый, в сопровождении царского лекаря Лаврентия Алферьевича Блументроста (1619–1705) несколько раз тайно встречался с гетманом Мазепой. Этот факт станет намного интереснее, если мы вспомним, что Л.А. Блументрост (прибывший в Москву 24 мая 1668 г.), являлся одновременно лечащим врачом и самого В.В. Голицына, и что Л.А. Блументрост попал в поле зрения конгрегации «Пропаганда Веры» по крайней мере в 1674 г. через эмиссара Ватикана Якова Рейтенфельса. Вырисовывается такая схема: де ла Невилль, зная о пребывании в Москве гетмана Мазепы, обращается к В.В. Голицыну с просьбой

680 Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. С. 68.

разрешить с ним встречу, В.В. Голицын разрешает и поручает Л.А. Блументросту сопровождать де ла Невилля к И.С. Мазепе. Разумеется, тайно, ночью и с применением ухищрений. Безусловно, такая встреча — дело довольно рискованное, но де ла Невилль чувствовал за своими действиями поддержку В.В. Голицына. Зачем ходил де ла Невилль к Мазепе? Ведь не просто так, засвидетельствовать свое почтение, а у него были какие-то причины для тайного и опасного визита, была какая-то цель? И, видимо, за этой целью стояла не только Франция, но и Польша? В этом случае также нет какого-либо аргументированного ответа, а только одни предположения. Но так как де ла Невилля в Москву из Варшавы направлял Ян III Собесский, а он от Мазепы (или от своего резидента в Москве, Юрия Доминика Довмонта, или от других источников) мог знать о предстоящей поездке гетмана в Москву, то их встреча в Москве, вероятно, готовилась и обсуждалась в Варшаве.

События сентября 1689 г. развивались со стремительностью выстрела.

7 сентября 1689 г. — один из руководителей заговора Ф.Л. Шакловитый выдан царю Петру I и следствию.

9 сентября 1689 г. — еще одному из руководителей заговора В.В. Голицыну и его сыну А.В. Голицыну объявлен приговор, и они оба отправлены в ссылку.

9 сентября 1689 г. — Мазепа отчетливо понял, что заговор царевны Софьи провалился и самодержавную власть взял в свои руки царь Петр I, поэтому он вместе со своей свитой прибыл к Троице-Сергиевому монастырю в надежде получить царскую аудиенцию и высказать поздравления и верноподданнические чувства. Однако, в этот день в аудиенции ему было отказано.

10 сентября 1689 г. — аудиенция Мазепы у Петра I. Н.И. Костомаров так ее описывал: «На Троицком посаде малороссияне встретили великолепный шатер, поставленный для приема их гетмана. В тот же день, после полудня, гетман был допущен к царю. Он вошел, одетый в богатый кафтан, окруженный старшинами; за ним козаки несли блестящие дары; то были: золотой крест, осыпанный драгоценными каменьями, сабля в дорогой оправе, стоившая 2000 рублей, и 10 аршин золотнаго аксамиту для царской матери — царицы Натальи Кирилловны, а для царицы Евдокии — золотныя ожерелья с алмазами. Молодой царь, статный и красивый, сидел одетый в бархатный кафтан, окруженный боярами, одетыми в байберековые кафтаны. Думный дьяк Украинцев объявил гетману и всем старшинам похвалу за военные походы с Голицыным. Таким образом давалось знать, что немилость царя к Голицыну за его крымский поход не падает на участников этого похода — Мазепу и все войско запорожское»[681]. После этого Мазепа дал обещание верно служить царю и бил челом, чтобы великий государь держал его всегда в своей милости со всеми старшинами и со всем народом малороссийским. Речь Мазепы понравилась Петру, и он принял гетмана и всех старшин очень милостиво и ласково. «Ласковый прием придал гетману смелости и он тут же подал государю челобитную, чернившую Василия Васильевича Голицына и товарища последняго Леонтия Неплюева. Он доносил царю, что Леонтий Неплюев угрозами вынудил у него дать князю Голицыну отчасти из пожитков отрешеннаго гетмана Самойловича, а отчасти из собственнаго своего «именьишка», которое по милости монаршей нажил на гетманском уря-

[681] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Т. 16. С. 37.

де, 11 000 рублей червонцами и ефимками, более трех пудов серебряной посуды, на 5 000 рублей драгоценных вещей и три турецких коня с убором»[682]. Обратим внимание — в этот день гетман Мазепа совершил очередное предательство, на этот раз своего бывшего благодетеля В.В. Голицына. Теперь у Мазепы не было никакого выхода — если вскроется его измена, царь Петр I его не помилует, если же случится так, что из ссылки вернется к власти В.В. Голицын (разве такое раньше не бывало?) и узнает о его челобитной, то ему также не сдобровать. Возникла и тяжелой удушающей глыбой нависла над головой еще одна немаловажная составляющая психологического состояния гетмана — постоянный смертельный страх.

12 сентября 1689 г. — указом Петра I имя царевны Софьи исключено из царских титулов и подписей. В этот же день после объявления приговора был казнен Ф.Л. Шакловитый.

13 сентября 1689 г. — состоялась отпускная аудиенция Мазепы у царя Петра I в Троице-Сергиевом монастыре. Мазепе и старшинам было выдано много жалованных грамот на маетности, и тогда, по словам Н.И. Костомарова, был заложен фундамент будущего малороссийского дворянства.

22 сентября (по другим источникам — 19 сентября) 1689 г. — отъезд Мазепы из Москвы в Малороссию, прибытие в Киев 10 октября.

28 сентября 1689 г. — царевна Софья удалена в Новодевичий монастырь.

Таким образом, попытка государственного переворота была полностью пресечена, его руководители и наиболее активные участники наказаны (о Сильвестре Медведеве мы расскажем в следующей главе), хотя последствия этой попытки еще долго отражались на государственной деятельности царя Петра I и его правительства.

Давайте вернемся немного назад, ко времени приезда Мазепы в Москву, и вместе порассуждаем. Первое. Как мы уже говорили, он выехал из Батурина 21 июля, а в Москву прибыл 10 августа 1689 г. За эти двадцать дней можно было не только доехать до Москвы, но и вернуться назад. Тем не менее, он спокойно посвятил эти двадцать дней поездке только в одну сторону. Это говорит о том, что в вызове Мазепы в Москву не было ничего архиспешного, чрезвычайного. Он был оповещен заранее, имел достаточно времени для сборов и поездки, ехал не торопясь, сообразуясь только с назначенной датой приезда — 10 августа. Второе. Это же говорит и о том, что московское руководство заговора уже в июле определилось с датой государственного переворота — ночь с седьмого на восьмое августа, и к планируемой дате приезда Мазепы имело в запасе два–три дня, чтобы в случае необходимости придать политической обстановке в Москве благопристойный внешний вид. Это же объясняет и то, почему царевна Софья и В.В. Голицын назначили именно 10 августа днем прибытия Мазепы в Москву (день «Х» + 2 дня). Мог ли Мазепа прибыть в Москву на несколько дней позже? Думаем, что нет, так как в этом случае он оказался бы вне участия в торжественном праздновании прихода к самодержавной власти царевны Софьи, и для него это могло кончиться плохо. Да и раньше приезжать не следовало — можно было увидеть и услышать то, чего лучше было не знать совсем. Прикосновение к высшим тайнам царствующей династии смертельно опасно.

---

682 Там же. С. 38.

Третье. Мазепа прибыл в Москву не с полками запорожских казаков, а с пышной свитой из 304 человек, состоявшей из генеральной и полковой старшины. Это говорит о том, что руководство заговора было уверено в своих силах и надеялось само, силами своих стрельцов осуществить государственный переворот, и дополнительные воинские формирования ему не были нужны. Ну а такая пышная свита была нужна, по нашему мнению, для демонстрации верноподданнических чувств новой царице Софье при венчании на царство от имени всей Малороссии и войска Запорожского. Казацкая экзотика должна была произвести впечатление.

Четвертое. На следующий день после приезда в Москву, то есть 11 августа, Мазепе была дана аудиенция царем Иваном Алексеевичем и царевной Софьей, он также был принят В.В. Голицыным. В тот же день ему дал аудиенцию и патриарх Московский и всея Руси Иоаким. Но, обратите внимание, ни тогда, ни в последующие дни (до 10 сентября), Мазепа и не попытался получить аудиенцию у царя Петра I.

Пятое. Мазепа прибыл в Москву без войска и пушек, но с подарками, с подарками для мужчины и женщины. Следовательно, он знал, в связи с чем его вызвали в Москву, он знал, к кому и зачем он ехал. В контексте событий июля – августа совершенно очевидно, что эти подарки предназначались царевне Софье и боярину и князю Василию Васильевичу Голицыну, и только им, а не Петру I, его матери и жене, которым они были фактически вручены в сентябре. Выезжая из Батурина, Мазепа был уверен, что государственный переворот будет успешно завершен и у власти в стране станут царевна Софья и В.В. Голицын. И разве можно было их не поздравить! Выше мы говорили о доносе на Мазепу от 9 марта 1690 г., в котором утверждалось именно это.

Какой можно сделать вывод из наших рассуждений? На наш взгляд, Мазепа знал, не предполагал, а именно знал, о государственном заговоре в Москве; он полностью поддерживал цели заговора и готов был приветствовать его благоприятный (для заговорщиков) исход, то есть приход к самодержавной власти царевны Софьи и насильственное устранение от власти царя Петра I. Зная по крайней мере с июля месяца о готовящемся государственном перевороте, Мазепа и пальцем не шевельнул, чтобы заблаговременно предупредить Петра I о заговоре и реально грозящей ему смертельной опасности. Мазепа сделал ставку на царевну Софью и ее фаворита В.В. Голицына. Петр I был ему не нужен.

Пресеченный в 1689 г. заговор имел продолжение. В 1698 г. несколько стрелецких полков подняли мятеж и двинулись на Москву. Как писал в «Дневнике» Иоанн Георг Корб, после его подавления мятежные стрельцы давали на следствии такие показания: «Овладев верховной властью, мы бы разсеяли в народе письма, в которых бы уверяли, что Его Царское Величество, выехавши, по дурным советам Немцев, за границу, за морем скончался. В них народ читал бы также следующее: нужно предпринять меры, чтобы Государственный корабль не носился по морю без кормчаго, через что мог бы легко подвергнуться опасности, попасть на какия-либо скалы, претерпеть крушение, а потому Царевна Софья Алексеевна будет временно посажена на престол, пока Царевич не достигнет совершеннолетия и не возмужает. Василий Голицын будет возвращен из ссылки, чтобы помогать своими мудрыми советами Софье»[683]. Добавим, что царевна Софья поддерживала связь с мя-

[683] Дневник Иоанна Георга Корба во время посольства Императора Леопольда I в Московское Государство в 1698 г. и проч. Перевод с Латинскаго Б. Женева и М. Семевскаго. С. 215.

тежниками. Петр I знал это, и по его распоряжению часть стрельцов были казнены под Новодевичьим монастырем, где содержалась царевна Софья (по свидетельству И.Г. Корба — 230 человек, по официальным данным — 47). При этом три зачинщика были повешены прямо на стене монастыря под самыми окнами ее кельи, и один из них держал в руках челобитную о том, чтобы она «приняла кормило правления».

Развитие политической обстановки в Москве в 1686–1689 гг. находилось под пристальным вниманием Рима. Будет ли Москва выполнять обязательства, взятые ею на себя договором о «Вечном мире» с Польшей (1686) в части, касающейся участия России в антитурецком союзе государств и в совместных с Польшей военных действиях против Крымского ханства и Турции? Как долго будет продолжаться и чем закончится то странное для XVII в. положение, когда власть в России принадлежит не царю и не братьям царям, а царевне? Сможет ли царевна Софья реализовать свои намерения (мы считаем, что Рим и заинтересованные монархи знали о ее намерениях) и захватить самодержавную власть в государстве, когда, каким образом и с каким результатом? Эти и другие вопросы не только интересовали, но и серьезно беспокоили Рим, Варшаву, Вену и Венецию.

Основной канал поступления в Рим информации о событиях в Москве проходил через папского нунция в Варшаве Джакомо Кантельми (13.06.1645–11.12.1702). Выходец из знатного княжеского неаполитанского рода, он имел богатый практический опыт, в том числе работы инквизитором на острове Мальта и папским нунцием в Швейцарии. Кардинал с 13.02.1690 г. В Польше он проработал недолго, но с 31.10.1688 по 20.11.1689 г. отправил в Рим 74 донесения, большинство из которых имели отношение к ответам на сформулированные выше вопросы. Источниками его информации были разные исторические персонажи. Среди них король Польши Ян III Собесский, польский резидент при российской армии в Крымских походах полковник Стефан Глосковский, польский резидент в Москве с 10.12.1688 г. Юрий Доминик Довмонт, вернувшиеся из поездок в Москву польские дипломаты, известный иезуит и дипломат Карло Маурицио Вота, член миссии Ордена иезуитов в Москве (или Тобиаш Тихавский, или Иржи Давид), московские резиденты в Варшаве Прокофий Богданович Возницын и Иван Михайлович Волков и другие. Он обменялся письмами даже с боярином и князем Василием Васильевичем Голицыным. Донесения Д. Кантельми представляют несомненный интерес. Это взгляд на события того далекого времени не из XX или XXI в., а современника, причем современника заинтересованного, собиравшего сведения не от нечего делать, а для доклада в Рим. Заказчиком и получателем сведений являлся государственный секретарь Ватикана кардинал Альдерано Чибо, а с ноября 1689 г. новый государственный секретарь кардинал Пиетро Оттобони. Донесения отправлялись из Варшавы, Львова и Жолквы. Не все донесения равноценны по информационной нагрузке и значимости, своевременности получения и достоверности сообщаемых сведений. Но, как мы уже сказали, они представляют несомненный исторический интерес. Ниже мы познакомимся с несколькими выдержками из его донесений в переводе на русский язык.

13 апреля 1689 г. Д. Кантельми писал в донесении из Варшавы: «...Вчера у меня был московский резидент с известиями от князя Голицына, ставшего с многочисленным войском над рекой Самара, откуда вторгнется в Крым. В доверительной беседе он рассказал, что большая часть крымских и бессарабских татар осталась

с самим ханом в Буджаке, и что хан намерен там задержаться до тех пор, пока не узнает о результатах переговоров в Вене и о решении польского сейма, но сейчас он уже двинулся к Крыму с намерением выйти на фланг московскому войску. Поэтому Голицын просил короля, чтобы согласно обещанию помощи и совместных действий он направил войска к Буджаку, куда князь Голицын также пошлет 20 000 пехотинцев, на что имеет разрешение от царей и заранее договорился с польскими гетманами...» («...Był u mnie wczora rezydent moskiewski dla udzielenia mi wiadomości że xiąże Galizyn stanął już z licznem wojskiem nad rzeką Samarą, zkąd ma wkroczyć do Krymu. Gdym mu powiedział iż zdawało się wszystkim dziwną rzeczą, że przy tem zamyślanem wkroczeniu większa częśċ Tatarów krymskich i bessarabskich zostaje ciągle z samim hanem w Budziaku, odpowiedział mi że han zapewne tam się dotąd zatrzymał, żebu się prędzej mógl dowiedzieć jak się skónczą układy o pokój wiedeńskie, tudzież jaki koniec weźmie sejm polski, lecz że teraz ruszył już do Krymu z zamiarem może uderzenia z boku na Moskwę. Dla tego prosił usilnie króla aby stosownie do przyrzeczenia pomocy i wspólnego działania posłał jak najprędzej wojsko do Budziaku, dokąd xiąże Galizyn wyprawi także 20 000 piechoty, na co ma pozwolenie od carów, byle tylko ułożył się wprzód o to z hetmanami polskimi...»)[684]. Далее Д. Кантельми сообщил в донесении о реакции короля Польши Яна III Собесского на сведения о действиях и намерениях князя В.В. Голицына, о которых его проинформировал московский резидент в Варшаве стольник Иван Михайлович Волков. Ясно, что И.М. Волков информировал папского нунция по распоряжению В.В. Голицына, не только командовавшего российским войском, но и главы Посольского приказа и фактического главы российского правительства. Ясно, что эта информация была направлена не во вред российским интересам, а для обеспечения лучшего взаимодействия польских и российских войск. Но все это совсем не умаляет значения переданной И.М. Волковым информации нунцию Д. Кантельми. Риму нужна была информация о Крымском походе, и он ее получил, это главное, а сама ли Москва ее передала, или она поступила от какого-либо оперативного источника, это уже другой вопрос.

Следующие донесения ушли в Рим 18 и 20 апреля 1689 г., а 24 апреля Д. Кантельми со ссылкой на известия, привезенные в Варшаву резиденту И.М. Волкову гонцом от В.В. Голицына, практически повторил содержание приведенного выше донесения от 13 апреля. Нунций только уточнил, что В.В. Голицын намерен двинуться с войском к Перекопу сразу после окончания празднования Пасхи, и что хан со всеми ордами вышел с Бессарабии навстречу войску московскому для обороны Крыма («...a po świętach wielkanocnych pójdze obledz Perekop na wejściu do Krymu... że han ze wszystkiemi hordami wyszedł z Bessarabii na spotkanie wojska moskiewskiego i obronę Krymu...»)[685]. Очень важное уточнение.

Весьма информативное донесение ушло в Рим 2 августа 1689 г. В нем говорилось и о результатах Крымского похода, и о торжественной встрече В.В. Голицына в Москве, и о наградах участникам похода, и о недовольстве казаков своим подданством Москве и желании вернуться в подданство Польши, о набеге крымских татар на правобережную Украину и захвате многих людей в неволю. Д. Кантельми пи-

---

[684] Relacye nuncyuszów apostolskich i innich osób o Polsce od roku 1548 do 1690. S. 532.

[685] Там же. С. 538.

сал кардиналу А. Чибо: «Недавно узнал из уст польского резидента при войске московском, который вернулся на несколько дней, о подробностях похода в Крым. Неожиданный поворот москалей, отнявший всякую надежду на их дальнейшее участие в той кампании, причинил беспокойство и опасение, как бы они не заключили отдельного мира, хотя резидент московский, который был вчера у меня, клялся, убеждая в неизменности воли царей и всего народа не заключать мир без согласия Польши, и свято выдержать союз, доказательством чего являются последние действия, которые, если не дали задуманного результата, то причиной является задержка польского войска, из-за чего огромные силы татар свалились на Москву. Отход с берегов Самары оправдывается трудностями долгого похода, начатого еще в феврале месяце, который так истощил войско, что неудивительно, что князь Голицын посчитал нужным дать ему отдохнуть на квартирах. Когда его спросили, можно ли надеяться на помощь хотя бы запорожских казаков, он ответил, что они также устали и нельзя ожидать от них эффективных действий. Эти его слова подтверждают полученные недавно с Украины известия, что казаки недовольны московским управлением, названный же князь приказал казнить трех из их старшины, замышлявших бунт, который, если бы произошел, им бы оказали помощь татары... Резидент польский в Москве пишет 1 июля, что до того места (места вступления князя В.В. Голицына в Москву — *прим. авт.*) прибыло 200 стольников, посланных до князя Голицына в знак радости и благодарения Богу за воображаемую победу; ударили все колокола около двух тысяч церквей, это продолжалось два дня; на третий день радость сменилась печалью, занялся пожар в городе (Москве — *прим. авт.*), который обратил в пепелище 16 000 дворов и нанес огромный ущерб. Для завоевания веры той победе цари указали изготовить золотые медали со своими портретами с одной, а царевны Софьи с другой стороны, из которых одну, стоимостью 200 червонцев золотых венгерских послали князю Голицыну, иные стоимостью по 100 генералам московским и казацким, и так далее в соответствии с рангом всем офицерам, даже простым солдатам, которым каждому достался золотой медальон. Этот же (польский резидент в Москве — *прим. авт.*) доносит шифром, что москали потерпели значительное поражение, что вся их артиллерия попала бы в руки татар, если бы ее не смогли защитить казаки; что в Москве скрытое возмущение именно между лучшими боярами против князя Голицына; что царь Петр сейчас необычайно на него разгневан, но его защищает царевна Софья; что казаки недовольны управлением, хитростью и вероломством Москвы, жаждут вернуться под власть Польши; что калмыки взбунтовались и соединились с крымскими татарами; что наконец двор склонился до мира кроме исполнения условий, выдвинутых татарами, которые ожидают выплаты задолженной дани за 7 лет, разрушения построенной крепости над рекой Самара, увольнения калмыков и татар, состоящих под властью Москвы... Татары в 150 конях разбежались на этих днях аж до Волыни, где забрали много людей и скота, которых не смогли продать в Каменце, вернулись до Буджака, где их настигли несколько хоругвей польских и волошских, большая их часть побита, остальные взяты в плен и трофеи отбиты...»[686]. Польский резидент при московском войске в 1687–1689 гг. — полковник Стефан Глосковский; польский ре-

[686] Relacye nuncyuszów apostolskich i innich osób o Polsce od roku 1548 do 1690. S. 575–576.

зидент в Москве с 10.12.1688 г. — Юрий Доминик Довмонт; значение слова «хоругвь» приведено в пояснительном словаре. Текст приведенной выдержки на польском языке опущен из-за ее большого объема.

16 октября 1689 г. Д. Кантельми направил из Львова донесение, содержавшее сведения о вступлении заговора царевны Софьи в решающую стадию: «...Только что полученные с Украины письма доносят, что царь Петр недоволен князем Голицыным и его действиями в последней кампании, и удалился до места в 30 милях от Москвы (Троице-Сергиев монастырь — *прим. авт.*), где собрал против него сильную партию, не имея возможности свергнуть его власть, опиравшуюся на царицу Софью и царя Ивана, своего старшего брата. Если бы то осуществилось, то вызвало бы немалые беспорядки в том государстве...» («...Że listy świeżo odebrane z Ukrainy donoszą, że car Piotr niekontent z'xięcia Galicyna i jego działań w ostatniej kampanii, usunął się do pewnego miasta o 30 mil od Moskwy, gdzie zbierał przeciw niemu silną partyą, nie mogąc inaczej obalić jego władzy wspieranej przez carycę Zofią i cara Iwana starszego swego brata, co gdyby się ziściło, sprawiłoby niemałe zamieszanie w tem państwe...»)[687]. В этом же донесении нунций сообщил о том, что король Ян III Собесский «послал нарочного в Киев, чтобы узнать от Мазепы, гетмана запорожских казаков, своего задушевного друга, о намерениях Москвы в будущей кампании...» («...Ze król posłał umyślnego do Kijowa, w celu dowiedzenia się od Mazepy, hetmana kozaków zaporozkiech, swego powiernika, o zamiarach Moskwy w przyszłej kampanii...»)[688]. Факт направления королем Польши посланца к гетману Мазепе для выяснения планов Москвы весьма примечателен. Очевидно, что король не посчитал достаточными сведения, полученные из Москвы по официальным каналам от царского правительства, или от своего резидента в Москве, или от своего резидента в российских войсках, или от монархов союзных государств, или от разведывательной службы. Он, видимо, полагал, что Мазепа сообщит ему что-то такое важное для Польши, что не попало в содержание официальных донесений. Почему? Почему король был уверен в получении от Мазепы втайне от Москвы нужных ему сведений? Выше мы об этом подробно говорили.

Через несколько дней, 2 ноября 1689 г., Д. Кантельми отправил из Жолквы исключительно важное донесение о полном провале попытки государственного переворота в Москве. Нунций писал: «...Донесения из Москвы, которых мы не получали около четырех недель, пришли все одновременно, самое позднее от 8 октября. В них докладывается о великой революции, совершенной в управлении того государства с оказавшимся открытым давним интриганским заговором на жизнь царя Петра, который, укрепившись сильной партией, приказал казнить несколько бояр и послал князя Голицына в Сибирь. Некоторые письма добавляют, что и он также погиб от руки палача, иные что умер от огорчения, видя все свои имения забранными в казну... София, царская сестра, главная опора Голицына, осталась лишенной титула царицы и власти, которую имела в государстве, и говорят, что пострижена в монашки. Старший брат Иван сумел остаться с голым титулом царя, но без никакой власти, которую присвоил себе младший брат Петр, имея за собой

---

[687] Там же. С. 594.

[688] Там же

многочисленную партию. Опираясь на войско, словно градом выбил всех советников, благосклонных к царю Ивану и князю Голицыну, а на их места назначил своих сторонников, среди иных хотел также вернуть к старой власти Самойловича́, славного гетмана казаков запорожских...» («...Listy z Moskwy, których nie odbierano przez cztery tygodnie, doszłi wszystkie razem, najpożniejsze z 8 października. Donoszą w nich o wielkiej rewolucyi dokonanej w rządzie tego państwa z okazyi odkrytego a oddawna knowanego spisku na życie cara Piotra, który wzmocniwszy się silną partyą, kazał stracić kilku bojarów i posłał xięcia Galicyna na Syberyą. Niektóre listy dodają że i on także zginął z ręki kata, inne że umarł ze zgryzoty widząc wszystkie swe dobra na skarb zabrane... Zofia siostra carów, główna podpora Galicyna, została pozbawiona tytułu carycy i władzy, którą miała w rządzie, i mówiono że będzie postrzyżona w mniszkę. Starszy brat Iwan miał pozostać z gołym tytułem cara, ale bez żadnej władzy, którą przywłaszczył sobie młodszy brat Piotr, mający za sobą licziejszą partyą. Chcac się oprzeć na wojsku, podegradował wszystkich dowódzców przychylnych carowi Iwanowi i xięciu Galicynowi, a na ich miejsce powyznaczał swoich stronników, między innymi miał także przywrócić do dawnej władzy Samoilowicza, sławnego hetmana kozaków zaporozkich...»)[689]. Конечно, каналов поступления информации из Москвы в Рим было несколько, и информативные донесения нунция Джакомо Кантельми были одним из них.

Вернемся к заговору 1689 г. Он был направлен на совершение государственного переворота, свержение законных царей Иоанна и Петра Алексеевичей и возведение на царский престол в качестве самодержавной царицы Софьи Алексеевны. Но это далеко не все. За поддержку и признание иностранных государств ведь нужно было расплачиваться. Но чем? В качестве платы (видимо, в случае очень уж крайней необходимости) предполагалось возвратить всю Малороссию в состав государства Польского, а здесь без гетмана Мазепы и его войска Запорожского обойтись никак было нельзя. Много позже, уже вне связи с царевной Софьей, за предательство России и Петра I, самому гетману королем Польши Станиславом Лещинским (избран 1.07.1704 г.) было обещано выделить два воеводства (кстати, далеко за пределами Малороссии) и образовать на их территории что-то вроде герцогства Курляндского с герцогом Мазепою во главе. Подчеркнем — отторжение от России огромной Малороссийской территории — это не что иное как нарушение суверенитета и терриориальной целостности Российского государства, которое могло нанести непоправимый вред России. К этому следует добавить, что на отторженной территории вновь развернулась бы деятельность по распространению униатства и борьбе с православием. Этой стороной вопроса активно занимался еще один далеко не рядовой участник заговора, православный епископ Львовский, Галицкий и Каменец-Подольский Иосиф Шумлянский, тайно принявший униатство еще в 1677 г. в Варшаве в присутствии короля Яна III Собесского и папского нунция Франческо Мартелли, идеолог второго этапа распространения унии, уже заранее именовавший себя митрополитом Киевским (в следующей главе мы поговорим о нем более подробно). Кроме того, Российское государство должно было продолжить свое участие в антитурецкой лиге вместе с другими заинтересованными госу-

[689] Relacye nuncyuszów apostolskich i innich osób o Polsce od roku 1548 do 1690. S. 597–598.

дарствами — Священной Римской империей германской нации, Польшей, Венецианской республикой, Папской областью и другими.

Так что заговор царевны Софьи и гетмана Мазепы имел целью не только государственный переворот, но и прямое посягательство на суверенитет и территориальную целостность Российского государства. Кроме того, цели заговора предусматривали свержение действующего патриарха Московского и всея Руси Иоакима и возведение вместо него на патриарший престол Сильвестра Медведева, о чем мы подробно будем говорить в следующей главе.

Заговор был один, но состоял он, как мы видим, из нескольких составляющих частей, с центрами в Москве, Батурине (резиденция гетмана Мазепы) и Варшаве (вместе со Львовом). При этом за ходом подготовки и реализации заговора пристально наблюдали в Вене и Риме.

Наличие нескольких центров с необходимостью требовало постоянного обмена текущей информацией для ее совместного анализа и внесения вытекающих из обстановки изменений в планы и действия. Но не было в то время современных нам средств связи и транспорта. Поэтому руководителям и участникам заговора для доставки информации из одного центра в другой приходилось использовать курьеров (гонцов), преимущественно из числа монахов и шляхтичей. Наибольшую трудность для курьеров представляла доставка информации из Варшавы (Львова) в Батурин (Киев); курьерам приходилось передвигаться по территории Польши, правобережной (контролируемой польскими властями) и левобережной (контролируемой российскими властями вместе с войском Запорожским) территории Малороссии. На каждой территории действовали свои законы, вероятность задержания и разоблачения курьера была весьма высока, последствия могли быть самыми разными, в зависимости от содержания переносимых документов и личностей отправителя и получателя. Руководителям и участникам заговора это обстоятельство нужно было учитывать в обязательном порядке и заранее готовить правдоподобные объяснения на случай возникновения конфликтных ситуаций и поступления запросов от заинтересованного государства.

При оценке порядка расследования, судебных процедур и приговоров в отношении участников заговора необходимо иметь в виду, что все это в то время осуществлялось в соответствии с Соборным Уложением царя Алексея Михайловича 1649 г. И хотя заговор был пресечен в 1689 г., а розыск, расследование и суды продолжались еще несколько лет, Соборное Уложение полноправно действовало, и даже в 1714 г. Петр I своим указом повелел продолжать им руководствоваться и дальше. Приведем несколько статей Соборного Уложения. Статья 1 главы II «О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать» гласила: «Будет кто каким умышлением учнет мыслити на государьское здоровье злое дело, и про то его злое умышленье кто известит, и по тому извету про то его злое умышленье сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслил, и делать хотел: и такова по сыску казнить смертию»[690]. Эта статья впервые в Российском уголовном законодательстве установила наказание за «голый умысел», не за конкретное противоправное деяние, а за «умышленье злого дела на государьское здоровье». И мера наказания была наивысшая — «казнить смертию».

[690] Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. М., 1907. С. 8.

Статья 2 той же главы говорила о тех, кто предпринимал шаги по захвату царской власти в государстве: «Также будет кто при державе царьского величества, хотя Московским государством завладеть и государем быть, и для того своего злово умышления начнет рать збирать, или кто царьского величества с недруги учнет дружитися, и советными грамотами ссылатца, и помочь им всячески чинити, чтобы тем государевым недругом, по его ссылке, Московским государством завладеть, или какое дурно учинить, и про то на него кто известит, и по тому извету сыщетца про тое его измену допряма: и такова изменника по тому же казнити смертию»[691]. Статья 19 той же главы определяла ответственность за недонесение о готовящемся государственном преступлении: «А будет кто сведав, или услыша на царьское величество в каких людех скоп и заговор, или иной какой злой умысл, а государю и его государевым бояром и ближним людем, и в городех воеводам и приказным людем, про то не известит, а государю про то будет ведомо, что он про такое дело ведал, а не известил, и сыщется про то допряма: и его за то казнити смертию безо всякия пощады»[692].

Эти статьи, так же как и глава I Соборного Уложения «О богохулниках и о церковных мятежниках», как мы видим, имели самое непосредственное отношение к участникам заговора царевны Софьи и гетмана Мазепы. Приходится только удивляться тому, что всего лишь несколько человек были казнены смертью (Ф.Л. Шакловитый, С. Медведев, О. Петров, К. Чермной, А. Кондратьев, А. Стрижов), а остальные отделались относительно легко — были биты кнутом или батогами, у некоторых были вырваны ноздри и все отправлены в ссылку. А ведь статья 19 главы II, предусматривавшая смертную казнь «безо всякия пощады» за недонесение о заговоре на царское величество, действовала и могла быть применена ко многим заговорщикам. Может быть, царь Петр I не хотел омрачать начало своего фактического царствования казнями?

Несколько слов о том, что и как происходило дальше. Выдержав небольшую паузу, гетман Мазепа продолжил налаживать контакты с королями Польши, согласовывая выгодные для него условия, на которых он мог бы совершить измену Российскому государству. События Северной войны в определенной степени способствовали намерениям Мазепы. Король Польши Фридрих-Август II писал ему 22 октября 1703 г. в письме: «...Так как мы удостоверились и глубоко запечатлели в уме Нашем, сколь во многих случаях засвидетельствовали Вы совершеннейшую Нам преданность, то Мы за должное почли сею грамотою изъявить Вам благодарность Нашу и, в ознаменование оной пред всеми самым делом, жалуем Вас Нашим Орденом Белаго Орла...»[693]. Понятно, что за награждением стояли не только «совершеннейшая Нам преданность», но и желание угодить своему союзнику Петру I, и, что не менее важно, напоминание самому Мазепе, что король ждет продолжения отношений.

После провала заговора царевны Софьи, разоблачения связников и курьеров чернеца Соломона, иеромонаха Гедеона Одорского, шляхтича Доморацкого и полковника В.М. Искрицкого гетман Мазепа от своих планов не отказался, но стал

---

[691] Там же.

[692] Там же. С. 10.

[693] Цит. по: Источники Малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышем-Каменским и изданные О. Бодянским. Часть II. 1691–1722 гг. // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел II. М., 1859. С. 41.

осторожнее. Для связи с королями Польши он стал использовать некого низложенного болгарского архиерея, который, видимо, был неизвестен старшине, а также иезуита, по словам Н.И. Костомарова, ректора иезуитской коллегии в Виннице Заленского (заметим, что в эти годы в Виннице действовала миссия Ордена иезуитов, а не коллегия, и ее супериором, то есть руководителем, с 1702 по 1733 г. являлся Томаш Залеский. Миссия была преобразована в резиденцию в 1733–1734 гг. Видимо, Н.И. Костомаров не располагал в свое время точными данными о характере подразделения Ордена иезуитов в Виннице. Так что речь следует вести не о Заленском, а о Залеском). Историк С. Залеский в своем труде «Иезуиты в Польше» отметил, что в эти годы иезуит Томаш Залеский являлся также капелланом в войске воеводы Иозефа Потоцкого, сторонника шведов. Поэтому на встречи с царским подданным гетманом Мазепой Томаш Залеский приходил, скорее всего, не из Винницы, а прямо из расположения войск прошведски настроенного подданного польской короны Иозефа Потоцкого. Не исключено, что именно Томаш Залеский участвовал в выработке и взаимном согласовании договоренностей между гетманом Мазепой и королями Станиславом Лещинским и Карлом XII.

Об этих контактах, о тайных встречах Мазепы с иезуитом Залеским сообщал в челобитной царю и на допросах бывший генеральный писарь войска Запорожского Василий Кочубей, но ему тогда не поверили. Любопытно, что в эти же годы Петр I также использовал иезуита Илию Броджио (он же Брогги Петр Иоанн) для тайных дипломатических сношений с императорами Священной Римской империи германской нации Леопольдом I и Иосифом I. Для связи с турецкими военачальниками Мазепа использовал некого Згуру, то ли грека, то ли молдаванина: «Мазепа выставлял его московской власти, как человека сметливаго, ловкаго и преданнаго царю. Но втайне Згура пристал к замыслу Мазепы и тогда исполнял такия поручения, о которых сам не посмел бы нигде заикнуться»[694]. Связник этот умер в 1708 г. во время нахождения Мазепы в стане короля Карла XII.

К реализации своих заветных планов Мазепа вплотную приблизился в период царствования короля Польши Станислава Лещинского, ставленника короля Швеции Карла XII. «Со Станиславом, находившимся вместе с Карлом, было заключено еще такое условие. Вся Украина, с Северским княжеством, с Черниговом и Киевом, а также и Смоленск присоединялись к польской Речи Посполитой, а Мазепе, в вознаграждение за такую услугу, обещан был титул княжеский и предоставлялись ему во владение воеводства Полоцкое и Витебское на таких правах, на каких владел герцог курляндский подвластным ему краем. Заранее предполагался день, когда Мазепа созовет своих полковников, объявит им договор и постарается уговорить их добровольно принять его, так как этот договор дает им средства возвратить себе прежнюю вольность, от которой москали оставили одну тень»[695]. Обратите внимание, Мазепа боялся Украины, боялся казаков и посполитых, которые его ненавидели, поэтому и выбрал для себя воеводства в Белоруссии, подальше от Украины. Историк С. Залеский подтверждает содержание договоренностей между гетманом Мазепой и королем С. Лещинским, добавляя при этом, что Мазепа в рамках этих же договореностей обещал шведскому королю Кар-

[694] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Т. 16. С 603.

[695] Там же. С. 399.

лу XII открыть шведским войскам ворота городов Новгорода-Северского и Стародуба на пути в Москву и обеспечить шведское войско провизией. По словам С. Залеского, эти договоренности в первую очередь были согласованы с Карлом XII[696]. Мазепа прекрасно понимал, кто в то время являлся фактическим главой Польши.

Что происходило дальше — общеизвестно, и мы скажем только несколько слов. После разгрома под Полтавой Мазепа бежал вместе с Карлом XII и остатками шведских войск, 22 августа 1709 г. он умер в Бендерах. Вначале его похоронили в Галаце, а затем тело было торжественно перезахоронено в Яссах в присутствии Карла XII и соратников покойного гетмана. По словам Н.И. Костомарова, Мазепа оставил после себя 160 000 червонцев; все его имения, другое имущество и денежные суммы были конфискованы.

Мазепа и вера. Вопрос о том, какого вероисповедания являлся Мазепа, на наш взгляд, как-то не прояснен до конца. Какое-то молчанье. В литературе об этом пишут мало или не пишут вообще. При этом в юности он был придворным у короля Польши Яна II Казимира, члена Ордена иезуитов и даже 28 мая 1646 г. избранного кардиналом, который в день своей коронации «дал обет — не предоставлять ни одного места в сенате, ни одной должности, ни одного староства некатолику»[697]. Разве мог Ян II Казимир допустить к себе, в свой дворец, дать придворную должность для обслуживания себя на постоянной основе некатолику? На наш взгляд, такое предположение нужно просто исключить.

Выше мы уже ссылались на слова историка и члена Ордена иезуитов С. Залеского, что Мазепа учился в иезуитских школах в Киеве и Варшаве. Мы знаем, что король Ян II Казимир направлял молодого Мазепу на трехлетнюю учебу в учебные заведения за пределами Малороссии и Украины. Нет сомнений, что король направлял Мазепу на учебу в католические учебные заведения, куда представители других вероисповеданий, как правило, не принимались.

С. Залеский писал, что Мазепа «...значением своим и властью пользовался превосходно, строил костелы и госпитали, потому что был католиком латинским, несмотря на то, что “оказачившись”, исповедовал греческую веру... При расквартировании в походе охотно братался с поляками, а где находились иезуитские коллегиумы, навещал отцов, принимал у них подарки и оберегал, где мог, их имения. Ожил в казаке старый шляхтич, в царском слуге сын вольной Речи Посполитой» («...Znaczenia swego i władzy używal wspaniale, budował kościoły i szpitale, był bowiem katolikiem lacinnikiem, acz “zkozaczywszy się” wyznawał grecka wiarę... Na kwaterach chętnie bratał się z Polakami, a gdzie znalazł kolegium jezuickie, odwiedzał Ojców, przyjmował u nich gościnę i oszczędzał, o ile mógł, ich dobra. Odżył w Kozaku stary szlachcic, w slużalcu cara cyn wolnej rzpltej...»)[698]. Как мы видим, С. Залеский считал, что Мазепа был и остался католиком, хотя в определенный период жизни довольно успешно выдавал себя за православного.

Н.И. Костомаров привел мнение шведского историка А. Фрикселя, автора монографии о Карле XII (Lebensgeschichte Karl XII. T. 1–5. Braunschweig, 1861), кото-

---

[696] Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. III. Część I. Lwów, 1902. S. 431.

[697] *Антонович В.Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. Киев., 1885. С. 271.

[698] Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. III. Część I. S. 430.

рый утверждал, что «Мазепа был склонен на сторону Станислава преимущественно иезуитами, которым он поддался, потому что с юности был привязан к римской церкви, и хотя впоследствии из видов казался православным, но на самом деле он только притворялся и внутренно не терпел православнаго исповедания. Подобное качество в Мазепе признается в манифестах царя Петра и в универсале гетмана Скоропадскаго, где обличают Мазепу в намерении отдать Польше Малую Россию с целью ввести римскую веру и унию. Такое же намерение приписывается Мазепе в истории Петра Великаго до Полтавской битвы Феофана Прокоповича»[699].

Выше мы говорили, что в начальный период Северной войны Мазепа действительно поддерживал тайные контакты с королем Станиславом Лещинским через иезуита, супериора миссии Ордена иезуитов в Виннице Томаша Залеского. К чему вели и привели эти контакты, также общеизвестно. Не исключено, что в своей монографии Фриксель имел в виду именно Залеского.

О вероисповедании Мазепы косвенно может говорить выдержка из его письма Станиславу Лещинскому от 5 декабря 1708 г. Мазепа настоятельно советовал королю принять неотложные меры, чтобы «...усмирить дракона (т.е. Московское государство — *прим. авт.*), а найпаче ныне, когда начала Москва грамотами своими простой бунтовати народ и гражданскую сочиняти войну... для чего, яко овцы, в Лимби (сиречь в притворе адском или чистце) ожидаем пришествия Вашей Королевской Милости...»[700]. Мазепа говорит здесь о «чистце», т.е. о чистилище, в котором он с единомышленниками ожидает пришествия короля. Напомним, что православие отрицает наличие чистилища, в то время как католичество наличие чистилища признает. Вряд ли православный привел бы такое сравнение в письме. Так кто же писал письмо королю польскому — православный или католик?

Приведенные выше мнения не дают прямого ответа об истинном вероисповедании Мазепы в период его службы в войске Запорожском в 1674–1708 гг. Можно только с большой степенью вероятности предполагать, что, приняв в 1674 г. царское подданство, Мазепа объявил себя православным, каковым его и считала Москва (цари и патриархи), генеральная и войсковая старшина, казаки и православное малороссийское духовенство. Иначе быть просто не могло, войско Запорожское не приняло бы католика в свои ряды. Не исключено, что Мазепа объявил о своем исповедании православия еще в период службы у гетмана П.Д. Дорошенко (с 1665 по 1674 г.) и демонстрировал православие по крайней мере до Полтавской битвы, иначе православные казаки, ушедшие вместе с ним к шведам, давно бы вернулись с повинной в Малороссию. На самом же деле, как мы предполагаем, Иван Степанович Мазепа от своего рождения и до смерти оставался католиком, когда явным, когда тайным.

[699] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Т. 16. С. 400.

[700] Источники Малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышем-Каменским и изданные О. Бодянским. Часть II. 1691–1722 гг. // ЧИОИДР. Книга первая. Отдел II. М., 1859. С. 196.

Глава 6. Подрывная деятельность Ватикана против Русской православной церкви

Основные направления подрывной деятельности против Русской православной церкви, ее характерные особенности. Рекомендации Альберта Кампензе и Иоанна Кобенцеля. Первый эмиссар Ватикана в Москве в XVI в. Николай Булев. Миссия Антонио Поссевино и его предложения. Эмиссар Петр Аркудий и охота за царской библиотекой. Незаконное низложение патриарха Иова и лжепатриарх Игнатий. Заточение в темницу патриарха Гермогена. Эмиссар Паисий Лигарид и его миссия в Москве. Ватикан и раскол Русской православной церкви. Справщик русских книг эмиссар Арсений Грек. Эмиссар Георгий Крижанич, его деятельность в Москве, в сибирской ссылке и после ссылки. Яков Рейтенфельс и его записки в конгрегацию «Пропаганда Веры». Сильвестр Медведев — претендент на патриарший престол, участник заговора царевны Софьи и гетмана Мазепы; попытка низложения патриарха Иоакима. Миссия Ордена иезуитов в Смоленске. Попытка миссионера иезуита Михаила Яконовича взойти на патриарший престол. Ватикан и Восточные патриархи.

Униатская церковь и Орден базилианцев. Брестский Собор, образование Униатской церкви и униатства, запрещение Православной церкви и православия. Участие нунция Д. Маласпина и легата Э. Каэтани. Последствия Брестского Собора. Тайное восстановление иерархии Православной церкви патриархом Иерусалимским Феофаном, реакция на это Ватикана и короля Польши Сигизмунда III. Изучение обстановки в Западной и Южной Руси, донесение нунция Козимо де Торреса, инструкция нунцию Джованни Баттиста Ланчелотти, рекомендации папы Урбана VIII. Попытка Урбана VIII склонить православного митрополита Петра Могилу к принятию унии. Ограничение прав православных братств. Второй этап распространения унии, Иосиф Шумлянский и Киприан Жоховский и их программа, ее одобрение нунциями Франческо Мартелли и Опицио Паллавичини. Пример присяги униатского митрополита. Структура Униатской церкви и ее иерархическая лестница. Униатские митрополиты конца XVI–XVII столетий. Присяга униатского митрополита Антония Александровича Селявы. Создание в 1617 г. Ордена св. Василия Великого, Ордена базилианцев. Протоархимандриты, конгрегации, иерархическая лестница. Монастыри Ордена, отношение к ним Ватикана. Орден базилианцев и Ватикан, Орден базилианцев и иезуиты, Орден базилианцев и Униатская церковь. Подготовка кадров. Направление униатами эмиссаров в Москву. Полемическая деятельность униатов. Организация и осуществление борьбы с православной церковью и православием. Проект уничтожения православного вероисповедания. Соборы Униатской церкви.

Миссия Ордена иезуитов в Москве.

Малороссийское духовенство и его роль в ослаблении Русской православной церкви в XVII столетии. Митрополиты. Распространение изданных в Малороссии книг в Москве, их авторы. Малороссы — справщики богослужебных книг. Проповедническая деятельность. Угроза проникновения «латинства» в православие.

Папская нунциатура в Польше.

Под подрывной деятельностью Ватикана против Русской православной церкви мы понимаем деятельность, направленную на подрыв, ослабление, дискредитацию, раскол и разрушение Русской православной церкви, ее иерархии и структуры канонов православия, устранение или замену патриарха Московского и всея Руси и его духовной власти.

К основным направлениям подрывной деятельности в XVI–XVII столетиях можно отнести:

– попытки ослабить, дискредитировать, расколоть и разрушить Русскую православную церковь, ее иерархию и структуру, каноны православия; стремление духовно разоружить православных верующих, тем самым разрушить духовное единство народа и лишить православное государство его источника существования и могущества; попытки разрушения (уничтожения) основанной на православии и национальных традициях духовности русского народа, его патриотизма, преданности Родине и православию. Навязывание (внедрение) новой духовности, духовности католического образца. Попытки духовного подчинения русского народа;

– попытки дискредитировать, устранить или заменить патриарха Московского и всея Руси и возвести на патриарший престол угодное Ватикану лицо с последующими шагами по замене всего руководства Русской православной церкви, ее иерархии и структуры;

– проуниатская деятельность Ватикана, направленная на заключение унии с Римской католической церковью;

– инициирование и последующее разжигание противоречий между светской и духовной властью, между царем и патриархом. Расшатывание единства властей;

– попытки изолировать Русскую православную церковь от Восточных патриархов, оставить ее в одиночестве, без союзников и без поддержки перед лицом внешних угроз.

Из характерных особенностей подрывной деятельности можно выделить следующие: ее планетарный характер; непрерывность; всесторонность; сочетание явной и тайной составляющих подрывной деятельности; целенаправленность и системность; наступательность и агрессивность; жестокость и беспощадность; бескомпромиссность; взаимосвязанность усилий Ватикана и монархов европейских католических государств.

Подрывная деятельность практически всегда присутствовала и присутствует в межгосударственных отношениях, если хотя бы одно из государств, участников этих отношений, враждебно другому.

Главными объектами подрывной деятельности в то время (в общем плане) являлись государственное и политическое устройство России, Русская православная церковь, православие, идеология, мораль, нравственность и духовность народа, экономика, армия, кредитно-банковская и валютно-финансовая системы.

В отношениях с Российским государством в XVI–XVII вв. Ватикан считал одной из основных задач ликвидацию самостоятельности Русской православной церкви и подчинение ее через заключение унии Ватикану, что позволило бы со временем распространить католицизм на всей территории России. А затем? А затем рисовались такие радужные перспективы, что захватывало дух, их даже трудно было оценить.

Что же дало бы Ватикану обращение России в католичество? Появление в XVI в. на северо-востоке Европы нового и огромного католического государства мгновенно и неизбежно изменило бы расстановку сил на европейском континенте, а затем и в мире, в пользу Ватикана. Ликвидация протестантизма в своевольных германских княжествах, Англии, Швеции, Голландии и других больших и малых странах уже не представляла бы никакого труда и потребовала бы совсем немного времени и сил. Не возникало бы никаких проблем и с уничтожением остатков православной церкви в Польше, великом княжестве Литовском, Прибалтике, на Балканах и везде, где католическая церковь посчитала бы необходимым это сделать.

В пользу Ватикана улучшились бы отношения с некоторыми европейскими католическими государствами, например, с Францией. Появлялась реальная перспектива организовать и осуществить объединенными силами успешный крестовый поход на извечного врага — исламскую Османскую империю и взять под полный контроль Средиземное и Черное моря с проливами. А это означало контроль над межгосударственными отношениями, торговлей и мореплаванием в этом очень важном для Европы регионе.

Католическая Россия неизмеримо увеличила бы богатства Ватикана за счет, во-первых, результатов труда вновь обращенных в католичество послушных овец во главе с не менее послушным монархом. Во-вторых, за счет тех богатств, которые имелись в России и были хорошо известны голодной Европе того времени. Это лес, пенька и полотно, хлеб, мясо и сало, рыба, птица, мед и воск, «рыбий зуб», драгоценные меха и ловчие кречеты, и многое другое. В-третьих, владение территорией Российского государства обеспечивало беспрепятственное установление прямых и весьма выгодных торговых (а затем и политических) отношений с такими труднодоступными странами как Персией, Индией, Китаем, а далее с Японией и даже с Новым Светом. Огромные прибыли сулила и торговля с самой Россией.

Совершенно иной геополитический статус не просто приблизил бы Ватикан к заморским сокровищам, поступающим в Европу с обеих Индий, но превратил бы его в полноправного, а, может быть, и главного участника дележа богатств. Решение задачи обращения России в католичество могло дать Ватикану все, или почти все, о чем пока только мечтали папы Римские. Ватикан мог действительно приобрести власть над миром, власть политическую, духовную и экономическую, власть над монархами и государствами, власть над душами и поступками людей.

Эти возможности и перспективы и определяли цели внешней политики Ватикана по отношению к Российскому государству и Русской православной церкви в XVI и XVII вв., цели стратегические и тактические, цели явные и тайные, равно как способы их достижения.

В двадцатые годы XVI в. Альберт Кампензе настойчиво рекомендовал папе Клименту VII обратить особое внимание на решение задачи католизации населения Московского государства. В своем письме он писал Клименту VII: «...я не могу довольно надивиться равнодушию, с которым предшественники Вашего святейшества оставляли досель без всякого внимания Московию... и нисколько не заботились о приведении ее обратно в лоно истинной веры, тем более что исполнение сего требовало самых незначущих усилий...»[701]. Как мы видим из этих строк, Альберт

[701] *Кампензе А.* Письмо Альберта Кампензе к Его Святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. С. 9–10.

Кампензе не видел каких-либо трудностей в деле обращения в католичество населения Московского государства.

И далее: «Исследуя с другой стороны пользу, могущую произойти от приведения в действо предприятия столь высокого, мы увидим, что эта польза яснее самого солнца представляется взору. Она гораздо важнее и гораздо достойнее имени Христианского, нежели все выгоды, которые доставило бы нам покорение оружием Азии и Африки… Московитян можно, не обнажая меча, без пролития крови и без малейших усилий, приобщить всех до одного к спасительному стаду Христову. (Не говорю уже здесь о том, что пособие их будет для нас весьма важно противу ярости Мусульман…)…»[702].

Иоанн Кобенцель, посол императора Священной Римской империи германской нации Максимилиана II, посетивший Москву в 1575–1576 гг., писал одному из австрийских вельмож (архиепископу Колоцкому Николаю Дражковичу): «…Я убежден, как Вы уже могли заметить из моих прежних писем, что можно бы без особенных усилий возвратить сей народ на лоно Св. Церкви… присоединение его, увеличив наше число, втрое вознаградило бы потерю, понесенную нашей Церковью в минувшие годы в Немецкой земле и во Франции. Потому не следует щадить усилий для привлечения его на нашу сторону: такое дело прославит наш век…»[703]. В этой выдержке из письма речь идет о населении Московского государства. Не правда ли, сказано очень коротко, но зато как емко.

По мнению Барецци Бареццо, «В продолжение нескольких лет мысли Его Святейшества были заняты желанием приобрести пособие Московии, как крайняго Государства в Европе, простирающагося и во внутренность Азии до Каспийскаго моря… Григорий не оставлял этой мысли, как по желанию блага Москвитянам, так и потому, что он предвидел, что, по соединении их с Апостольским Престолом и по умирении с Польским Королевством, этих двух Государей будет достаточно для поддержания Христианства; вместе с тем он понимал, что когда получится от Великаго Князя Московского позволение (которое и было получено) посылать людей сухим путем чрез его Империю к Персидскому Государю и в Индию, то будут открыты весьма обширные врата для блага всей Церкви Христовой»[704]. Исследователи отождествляют Барецци Бареццо с Антонио Поссевино, о котором мы выше говорили, видным членом Ордена иезуитов, послом папы Григория XIII к Ивану Грозному. А. Поссевино хорошо знал предмет наших рассуждений, и его мнение заслуживает внимания.

Николай Булев (он же Николо Любчанин, он же Николай Любчанин, он же Николай Немчин, он же Николай Люев) — на наш взгляд, этот человек являлся первым эмиссаром Ватикана, действовавшим в Московском государстве уже в самые первые десятилетия XVI в. Это были первые годы наступившей эпохи Великих гео-

---

[702] Там же. С. 11–12.

[703] Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века // ЖМНП. № 9. С. 130.

[704] Повествование о Димитрии Самозванце, собранное Бареццо Барецци // ЧИОИДР. 1847. № 5. Отдел III. 1848. С. 2–3.

графических открытий, когда от одного упоминания о сказочно богатых заморских землях у Европы кружилась голова, когда на Московию уже начинали поглядывать как на возможную хозяйку альтернативных торговых путей в богатые страны Востока и когда в европейских столицах Московию уже включали в перечни своих геополитических (соответственно и разведывательных) интересов.

Известно о Николае Булеве очень мало. До приезда в Москву он окончил медицинский факультет Падуанского университета, служил врачом при папском дворе, в Ватикане, одновременно увлекался модной в то время астрологией. Перед выездом на царскую службу в Москву Николай Булев имел аудиенцию у папы Римского Юлия II (1503–1513), по словам С.Г. Лозинского, «дипломата и воина, мечтавшего о сильном и независимом папском государстве и ни перед чем не останавливавшегося для осуществления своей мечты. Его идеалом была не столько "богиня любви" Венера, которой так увлекался Александр VI, сколько "бог войны" Марс»[705]. На этой аудиенции Юлий II дал Николаю Булеву ответственное поручение — в период служебной командировки активно пропагандировать в Московии идею соединения Римской католической и Русской православной Церквей при главенстве папы Римского[706]. Учитывая, что в Риме о Московии того времени знали мало, можно полагать, что на Николая Булева был возложен и сбор сведений о Московском государстве и Сибири.

Прибыв в Москву в 1508 г., Николай Булев некоторое время работал в Новгороде, а затем оказался в Москве и стал придворным врачом великого князя Московского Василия III Ивановича до самой его кончины 4 декабря 1533 г. Правда, Н.Н. Бантыш-Каменский считает, что «Врач Николай Немчин прибыл в 1494 г. в Москву с послом импер. Максимилиана де-Латором (фон Турном). Хлопотал об унии. Писал в Москве сочинения в пользу католичества. Умер около 1525 г.»[707]. Однако записи в Новгородской четвертой летописи значительно отодвигают дату смерти Н. Булева: «И призвал тогда князя Михаила Глинского, да Михаила Юрьевича, и докторов своих Николая Люева да Фефила, чтоб прикладывать к болячке масть»[708]. Летопись даже сохранила краткий разговор между доктором и великим князем. Запись относится ко дню смерти Василия III Ивановича в Москве, следовательно, в декабре 1533 г. Н. Булев был еще в добром здравии и работал придворным врачом.

Содержанием такой длительной загранкомандировки (более 25 лет) являлась не только медицинская практика, но и, как мы увидим, деятельность по подрыву Русской православной церкви и православия, сбору интересующих Рим сведений о Московии и Сибири, оказание информационной поддержки приезжающим в Москву дипломатам Рима и Священной Римской империи германской нации.

В эти годы стольный град Москву довольно часто посещали дипломаты из Рима и Вены, например, Георг фон Шнитценпаумер (1514), Франческо да Колло и Антонио де Конти (1518–1519), Паоло Чентурионе (1520–1521, 1525), Сигизмунд Гер-

[705] *Лозинский С.Г.* История папства. С. 217–218.

[706] *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 89–90.

[707] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Часть вторая. С. 268.

[708] Полное Собрание Русских Летописей. Т. 4. Часть 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 3. Л., 1929. С. 558.

берштейн (1517), Антонио де Конти (1524), Леонид де Нугарола и Сигизмунд Герберштейн (1526), Иоанн Франциск де Потенциа (1526) и другие. Кроме того, Москву посещали также дипломаты из других государств с поручениями Рима — посол из Венгрии Сигизмунд Сантай (1503), посол магистра Прусского (Тевтонского) Ордена Дитрих Шонберг (1517, 1518, 1519) и другие. Приезжали в эти годы в Москву и греческие православные священнослужители, в их числе в 1518 г. и знаменитый Максим Грек (до пострижения в монахи Михаил Триволис, ок. 1480–1556), с которым Николай Булев неоднократно сталкивался на религиозной полемической почве. Совсем не исключено, что Николай Булев имел какое-либо отношение к осуждению Максима Грека в 1525 и 1531 гг.

В документах Посольского приказа о приеме посольства Священной Римской империи германской нации Франческо да Колло и Антонио де Конти сохранилась запись выступления Ф. да Колло 24 сентября 1518 г. в Москве на подворье для послов перед российскими участниками переговоров Юрием Малым, Петром Головиным, Федором Карповым и другими. Иностранный дипломат сказал, что император ходатайствует «о деле некоего Магистра Николая Любчанина, которой некогда приехал в се страны с честным и любимым его Величества послом с Юрьем с Делатором, нам бы о том потружатися, занеже уже пришел во старость и чтоб Наяснейший Началник изволил его отпустити, чтоб ему кости свои донести до своего родства…»[709]. Ответ дан не был, и 30 сентября того же года вопрос о Н. Булеве вновь был обращен к российскому руководству: «И послы о том в писание ответа просили, отпустит ли Князь Великий Николая? Да о том поговорили немало, чтоб им тому ответ дали; и Федор им то отговорил»[710]. Мы выше говорили, что Н. Булев не вернулся до своего «родства», а остался в Москве, по крайней мере, до декабря 1533 г. (Наяснейший Началник — это Василий III Иванович, Федор — боярин Федор Карпов).

Николай Булев не только имел возможность, но и общался с приезжавшими в Москву дипломатами. Вот что писал о таком общении в своем донесении Франческо да Колло: «И еще обладает сей князь двумя обширными областями на Севере, Югра и Карелия… Имеются в этой области разные горы огромнейшей высоты, среди которых чаще всего называют… Югорскую… насколько мне говорили и заверяли люди, достойные доверия, в особенности маэстро Николай Любчанин, профессор медицины и астрологии и всех ученых наук — на сей вершине вечный свет»[711]. Надо сказать, что Франческо да Колло знал, кому можно доверять в Москве…

Историк Русской церкви А.В. Карташев полагает, что Н. Булев появился в Москве в 1491 г. Он писал: «Еще с 1491 г. при княжеском дворе появился лейб-медик, немец из Любека, по тому времени довольно серъезный ученый, прозывавшийся в Москве Николаем Немчином. Наблюдая у русских остро-греческое оттолкновение от римлян как от еретиков, он считал своим долгом проповедовать, что римская церковь сохранила от древности учение апостолов неизменным и что она тоже

[709] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I. Стб. 416.

[710] Там же. С. 424.

[711] Итальянец в России XVI в. Франческо да Колло. Донесение о Московии. С. 62–63.

православна»[712]. По А.В. Карташеву получается, что Н. Булев проповедовал в Москве в защиту Римской католической церкви потому, что русские считали римлян еретиками. Осторожно скажем, что, на наш взгляд, мнение это не очень убедительно, и мотив действий Н. Булева также неубедителен. Зачем придворному врачу вмешиваться в церковно-религиозные споры, да еще в такой публичной форме и в чужой для себя стране, подвергая себя реальной опасности? Но если мы скажем, что он был не просто врач, а еще имел ответственное поручение от папы Юлия II, что он был эмиссаром Ватикана, тогда сразу все станет на свои места, и истинный мотив действий Н. Булева будет ясен.

Исследователь жизни и деятельности митрополита Московского Даниила историк В. Жмакин писал: «Во время святительства Даниила главным пропагандистом католичества в России был Николай Булев или Люев, врач великаго князя Василия Иоанновича, пользовавшийся за свое искусство особенным его благоволением. Николай Булев жил в России довольно долгое время и хорошо изучил русский язык. Знание русского языка открыло ему возможность пропаганды. Он писал послания, наприм., к псковскому наместнику Михаилу Мунехину, в которых проводил мысль о соединении церквей, и, кроме того, распространял в России астрологическия знания, являвшияся у него одним из побочных средств для привлечения симпатий русских к католичеству, выработавшему такия великия научныя истины. Против Николая Булева, по прозванию Немчина, много полемизировал Максим Грек и Филофей, старец псковскаго монастыря. Около 1519 года прибыл в Россию папский посол Николай Шонберг, который и сделался соучастником и помощником Николая Немчина. Главная цель, к которой стремились оба католическия пропагандиста, была соединение церквей русской и католической с подчинением конечно первой последней. Действительно, в царствование Василия Иоанновича со стороны папы и его приверженцев — западноевропейских государей — неоднократно делались предложения в этом смысле. Полные результаты католической пропаганды Николая Немчина неизвестны, но что она не прошла безследно для русских, это видно из того, что он все-таки успел склонить на свою сторону боярина Феодора Карпова и еще одного неизвестного по имени игумена. Но, конечно, никак нельзя ограничивать кружок сочувствовавших идеям Николая двумя лицами. Их было несравненно более...».[713] (Даниил был поставлен митрополитом Московским и всея Руси 27 февраля 1522 г., а 2 февраля 1539 г. «сведен» с митрополии и сослан в Иосифов-Волоколамский монастырь, где и умер 22 мая 1547 г. Николай Шонберг, монах-доминиканец, дипломат и политический эмиссар Рима, никогда в Москву не приезжал, хотя собирался это сделать в 1517 г. Вместо него с поручениями папы Римского (в том числе и по вопросу заключения унии Церквей) в 1517, 1518 и 1519 гг. приезжал его брат Дитрих Шонберг, советник и посланник магистра Прусского Ордена Альбрехта. В 1519 г. Дитрих Шонберг находился в Москве с 9 по 27 марта. Его брат Николай Шонберг в 1520 г. стал архиепископом в Капуе, 21 мая 1535 г. избран кардиналом, умер 7 сентября 1537 г. в Риме).

Историк П.О. Пирлинг согласился с мнением В. Жмакина. По его словам, «...в самом очаге фанатизма (т.е. в Москве. — *прим. авт.*), вопреки всем помехам, раз-

[712] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 1. С. 574.

[713] *Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения // ЧИОИДР. Книга 1. М., 1881. С. 253–254.

горалась католическая пропаганда. Душою этого движения был немецкий лекарь, Николай Люев или Булев… человек большого таланта… Итак, этот почтенный эскулап заботился о спасении душ не меньше, чем об исцелении телес, и отдавал свои досуги догматическим прениям. Люев увлекался идеей Унии и мечтал о воссоединении церквей. Из-под его пера вышло немало посланий в этом духе. Он обращался с ними и к Вассиану, архиепископу Ростовскому, и к Максиму Греку, и к дьяку Мунехину, и ко многим другим. Все его писания, к сожалению, для нас утрачены. Судя по ответам на них, Люев не скрывал своих взглядов… Скромные успехи доктора-богослова не могли остаться незамеченными. На него ополчилась вся воинствующая православная церковь… Известие о католической пропаганде глубоко его (Максима Грека. — *прим. авт.*) встревожило. Чтобы поддержать колеблющихся, он пишет и об искажении догматов, и о единении церквей, и особенно нападает на лекаря Николая. Так как этот последний однажды сравнил св. Троицу с треугольником, он обвиняет его в профанации священных тайн посредством геометрии…»[714]. П.О. Пирлинг высказал осторожное мнение, что общение в Москве с Н. Булевым и полученные от него сведения дали основания Паоло Чентурионе в благоприятном виде доложить в Риме папе Льву Х прогнозную оценку о возможности унии и рекомендовать направить в Москву специальное посольство по этому вопросу. П.О. Пирлинг обошел стороной такой щепетильный вопрос, как занимался ли Н. Булев «католической пропагандой» в Москве по заданию Рима или же по собственной инициативе. Может быть, П.О. Пирлинг хотел представить дело таким образом, что Н. Булев действовал в Москве по второму варианту?

Макарий в своей «Истории русской церкви» также уделил Николаю Булеву внимание: «…Пользуясь своим положением и репутациею, он распространял в нашем высшем обществе астрологическия идеи и вместе учение папизма, и даже написал сочинение о соединении русских и латинян…»[715]. Но далее он высказал мнение, что под влиянием переписки с Максимом Греком Н. Булев стал склоняться к принятию православной веры. Макарий даже предположил, что действия Н. Булева по распространению в Москве католичества и унии являются его частным делом. Конечно, предположение есть предположение, но, как нам представляется, Н. Булев в Москве решал задачу, поставленную Римом, и принимать православие вовсе не собирался.

Максим Грек называл в своих сочинениях Н. Булева Николаем-немчином. Против этого-то «Николая-немчина и по поводу его сочинений Максим и написал почти все свои сочинения на латинян: одно в виде обличительнаго слова на писание Николая о соединении православных и латинян, два в виде посланий к боярину Федору Карпову и три в виде посланий к самому Николаю-немчину. В слове на писание Николая-немчина о соединении православных и латинян Максим доказывает, — 1) что Николай неправ, утверждая, будто римская церковь неизменно сохраняет православную веру от времен св. апостолов и св. отцев, — так как она изменила член веры о Св. Духе в самом символе веры, вопреки учению Спасителя и вселенских соборов, — и что потому латиняне «достойны нарицатися не точию расколь-

[714] *Пирлинг П.О.* Россия и папский престол. Книга первая. Русские и Флорентийский собор. С. 320-321.

[715] Макарий, архиепископ Литовский и Виленский. История русской церкви в период разделения ее на две митрополии. Т. VIII. Книга 3. С. 382.

ники, но отчасти еретики»; 2) что хотя крещение у православных и латинян действительно одно, но отступления латинян от веры, каковы — учение о происхождении Св. Духа и от Сына, учение о чистилище и употребление опресноков в таинстве Евхаристии, делают для православных невозможным общение с латинянами, а потому последние должны прежде устранить эти препятствия, отречься от своих заблуждений, если искренно желают соединиться с православными»[716]. В посланиях к Федору Карпову Максим Грек комментирует по его просьбе присланное ему, т.е. Ф. Карпову, Н. Булевым письмо на религиозную тему. Максим Грек «подробно доказывает ту мысль, что в исповедании христианской веры непозволительно ничего изменять, ни прибавлять, ни убавлять… Во втором послании опровергает одно за другим доказательства Николая-немчина в подтверждение римскаго лжедогмата об исхождении Св. Духа и от Сына… Надобно заметить, что эти два послания Максима — самыя основательныя из всех его сочинений против латинян»[717]. Непосредственно к Н. Булеву обращался Максим Грек в ответ на его вызовы. Тематика этих писем Максима Грека соответствовала тематике приведенных выше его посланий.

Николай Булев хорошо понимал роль и значение Максима Грека в духовной жизни Москвы и Русской православной церкви того времени, поэтому и направил свои основные усилия в вопросе соединения церквей именно против Максима Грека.

Выше мы уже упоминали, что Н. Булев был не только врачом, но еще и астрологом, и его беседы на астрологические темы, астрологические прогнозы были достаточно распространены в Москве. Максим Грек в меру своих сил и возможностей боролся с астрологической деятельностью придворного врача. «Николай Немчин сам был автором нескольких книжек астрологического характера и с гордостью на титульных листах их подписывался как professore di medicina e di astrologia. Н. Немчин убежденно преподавал свою астрологическую “науку” разным любопытствующим москвичам… Через Николая Немчина в 1521 г. получен был в Москве астрологический Альманах с предсказанием, что в 1524 г. мир пострадает от нового потопа… Только Максим в Москве с полной смелостью и просвещенным сознанием мог написать отрезвляющее возражение»[718].

Но главным для Н. Булева, было, конечно, не написание книжек астрологического характера, а пропаганда необходимости соединения Церквей, пропаганда унии. Поэтому он и писал в Москве сочинения в пользу унии, которые разоблачал Максим Грек. «Обличения против латин писаны по поводу “писаний Николая Немчина” о соединении церквей. Они имеют обычный догматический характер такого рода сочинений»[719]. К этому предложению Н.И. Костомаров сделал следующее примечание: «Существует мнение, что этот Николай Немчин есть папский легат Николай Шомберг, но г. Иконников в своем исследовании о Максиме Греке приводит довольно убедительные доводы, что под этим именем следует разуметь Люева, иначе Булева, иноземного врача и любимца великого князя Василия.

[716] Макарий, архиепископ Литовский и Виленский. История русской церкви в период разделения ея на две митрополии. Т. VII. Книга II. С. 279.

[717] Там же. С. 279–280.

[718] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 1. С. 574–575.

[719] *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. Ростов-на Дону, 1995. С. 385.

Это мнение подтверждается и старинной припиской на рукописи сочинения Максима Грека, в которой объясняется, что Николай Немчин есть никто иной, как Николай Булев»[720].

Какие же задачи удалось решить Ватикану с помощью своего эмиссара в Москве Николая Булева почти 500 лет назад? Отметим, на наш взгляд, основное.

Во-первых, Ватикану на конкретном примере Николая Булева удалось изучить, насколько безопасно длительное пребывание, да и выживание, иностранца католика в православном Московском государстве, в условиях действия жестких административных режимов, наличия проблемы языкового барьера на первом этапе, и в целом в принципиально иных условиях жизни по сравнению с Римом.

Во-вторых, испытать возможность эффективного использования в Москве своего эмиссара «под крышей» великокняжеского (царского) врача и с таким продолжительным сроком «загранкомандировки» — более 25 лет.

В-третьих, проверить на практике, как отнесется великий князь к иностранцу католику в своем ближайшем окружении.

В-четвертых, проверить на практике, как отнесутся митрополит и архиереи Русской православной церкви, православные великокняжеские сановники, бояре, воеводы и купцы к пребыванию в окружении великого князя иностранца-иноверца.

В-пятых, изучить возможность и условия распространения католичества в Москве и Московском государстве, в том числе степень безопасности и эффективности этой деятельности.

В-шестых, изучить возможность направления в такие «загранкомандировки» эмиссаров для сбора разведывательных сведений, а также оказания практической помощи иностранным дипломатам, приезжающим в Москву.

На начальном этапе организации разведывательно-подрывной деятельности в Московском государстве Ватикану очень важно было иметь информацию о результатах решения названных выше (и других) задач. От этого в определенной степени зависел выбор направления, форм и методов дальнейшей деятельности.

Значительную роль в организации Ватиканом и Орденом иезуитов подрывных акций против Русской православной церкви и православия сыграл **Антонио Поссевино**, о котором мы в предыдущей главе уже говорили. Решить задачу обращения Ивана Грозного в католичество (а затем и католизации всего населения Московского государства) Антонио Поссевино одним ударом в ходе диспутов не удалось. Нужно было искать принципиально иные беспроигрышные пути и способы. Для этого обязательно нужно было найти те уязвимые, слабые и не защищенные точки, те проблемные факторы, на которые и должны быть нацелены основные удары. И эти удары нужно было наносить целенаправленно и настойчиво.

В результате изучения обстановки в Московии и Русской православной церкви, Поссевино выделил группу факторов, которые, по его мнению, могли затруднить или даже воспрепятствовать распространению католицизма в России. Их нуж-

[720] Там же. С. 385, прим. 1.

но было хорошо знать, чтобы выработать способы эффективного противодействия. К этим факторам Антонио Поссевино отнес следующие.

Во-первых, жесткий, если не сказать жестокий, самодержавный политический режим в стране и подавление всяческого инакомыслия. Полная зависимость принятия важных государственных и церковных решений от мнения царя. По словам Поссевино, «...без уведомления и разрешения великого князя они не делают ничего, что могло бы иметь хоть какое-нибудь значение...»[721]. Они — это митрополит, епископы и другие священнослужители. Посланец папы Римского распространил этот вывод также и на царских сановников, чиновников, купцов и все слои населения. Он говорил, что Иван Грозный «...хочет быть полным господином имущества, тела, души и даже как бы мыслей подданных. И так как он хочет знать, что они между собой говорят, получается, что никто не смеет рта раскрыть...»[722]. И по этой причине какое-либо активное и целенаправленное воздействие извне на православных священнослужителей практически бесперспективно.

Во-вторых, православное вероисповедание большинства населения государства, включая царя и вельмож. Резко отрицательное отношение царя и православных верующих к католической религии. Все это привело Поссевино к неутешительному для него выводу, что в реальных условиях Московии проповедническая деятельность не только не даст желаемого результата, но практически невозможна и крайне опасна. Он с горечью писал папе Григорию XIII: «...Здесь очень жестоко наказывают того, кто осмеливается сказать что-нибудь против русских религиозных обрядов и догматов. Всякая возможность произносить проповеди исключается, а это почти единственный путь внесения евангельского света, присущий божественной мудрости. Если бы кто-нибудь попытался сделать что-нибудь подобное, это оказалось бы для него чрезвычайно опасным и встретило бы большие трудности, разве только он действовал по обету...»[723]. В этих словах мы можем увидеть горькое сожаление Поссевино, что методы распространения католичества, апробированные Римом в других странах и территориях, в Московском государстве непригодны.

В-третьих, подозрительное, настороженное отношение населения к иностранцам, принадлежность иностранцев к неправославной церкви, большие отличия во внутреннем содержании, во внешнем виде, одежде и обуви, манерах поведения, образовании и др. Мы знаем, что вся предшествующая история сформировала у русских устойчивое мнение, что ждать что-либо хорошее от иностранцев не приходилось. В одном из донесений в Рим Поссевино жаловался папе Григорию XIII: «...Московиты очень бранят короткую итальянскую, французскую, испанскую и германскую одежду...»[724]. От иностранцев пахло далеко не «русским духом», а чужеземным. И этот «запах», внутренний и внешний, отталкивал православных русских от иностранцев, усиливал подозрительность и недоверие.

В-четвертых, языковый барьер. Речь здесь шла не о бытовом содержании этого барьера. Речь шла о том языковом барьере, который являлся серьезным препятстви-

[721] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 21.

[722] Там же. С. 24.

[723] Там же. С. 31.

[724] Там же. С. 73.

ем для распространения католичества, ведь богослужения в Русской православной церкви велись на русском языке. Поссевино с огорчением докладывал: «...Важно, по-видимому, и то обстоятельство, что было бы очень трудно заставить их отказаться от богослужения на славянском языке и заменить его богослужением на латинском или добиться разрешения для нас вести его на греческом языке...»[725]. Поссевино отчетливо понимал, что заставить всех русских сразу же, как по мановению волшебной палочки, выучить латынь или греческий язык нереально. И это его очень огорчало.

В-пятых, к весьма существенным факторам, затрудняющим католизацию московитов, Поссевино относил и такие, как недостаточную грамотность православных священнослужителей и населения, отсутствие школ и других учебных заведений, практику рукописного изготовления церковных книг, отсутствие типографий. По его мнению, «...что же касается богослужения и исполнения церковных обрядов, то все это делается на славянском или, скорее, на русском языке, а он почти таков, как язык, принятый у русских подданных польского короля. Все книги они сами переписывают, но не печатают, исключая то, что печатается на станке для самого князя в городке, который называется Александровской слободой, где у государя есть типография... »[726]. И далее: «... раз они знают только русский язык, а греческий язык им недоступен, то нет никакой пользы от свода Флорентийского собора, изданного на греческом языке, который я передал в крепости Старице на реке Волге от имени вашего святейшества этому государю.... Поэтому даже сама булла, или так называемый диплом, о единении, составленная Евгением IV и переданная нам в оригинале светлейшим кардиналом Сан-Северино, не могла быть полезна, хотя она была написана по-латыни, по-гречески и по-русски...»[727]. Сказано прямо и откровенно.

В-шестых, посланец Ватикана с удивлением убедился, что Русская православная церковь имеет своих святых, которых чтят не только священнослужители, но и все православные верующие. По его мнению, «...значительная трудность, которая удерживает московитов в схизме, заключается в том, что (хотя это совершенный вымысел) мощи некоторых схизматиков прославлены тем, что они остаются нетленными, и с их помощью часто совершаются чудеса: по уверению московитов, слепые прозревают, больные излечиваются...»[728]. Для Рима это было очень и очень важно: нужно было думать, как поступить с текстами богослужений, и вообще со святыми Русской православной церкви, в случае, если вдруг представится благоприятная возможность распространять на Руси католичество.

Изучая русских людей, Поссевино выделил один немаловажный фактор, который, по его мнению, мог способствовать распространению католицизма на Руси. Он писал: «...существует нечто общее, что роднит наших людей, уже с давних времен искушенных в делах католической церкви, с ними: я имею в виду простоту, воздержание, покорность, отвращение к богохульству, а это дает большую надежду, что они смогут быть еще более постоянными в благочестии католической религии...»[729].

---

[725] Там же. С. 33.

[726] Там же. С. 27.

[727] Там же. С. 27.

[728] Там же. С. 32.

[729] Там же. С. 35.

Потерпев неудачу в попытке обращения Ивана Грозного в католическую веру, осмыслив и оценив реальную ситуацию в стране, Поссевино разработал самую настоящую программу католизации России. Главными пунктами этой программы были, во-первых, устройство семинарий, коллегий и других учебных заведений для обучения и подготовки из русских проводников католицизма. Во-вторых, Поссевино считал исключительно важным перевод церковных католических книг на русский язык, размножение их в типографиях и последующее распространение на территории Московского государства. В-третьих, немаловажная роль отводилась пропаганде унии Русской православной и Римской католической церквей при главенствующей роли Ватикана. В-четвертых, работу по распространению католичества в России Поссевино рекомендовал начинать с православного населения Польши и Литвы, при этом опорными пунктами должны стать Вильно, Варшава, Краков, Киев, Полоцк, и отвоеванные у России города Ливонии. «Московия по традиции чрезвычайно зависит в делах религии от Руси, находящейся под властью польского народа… Поэтому будет очень важно для обращения Московии, если епископы или владыки королевской Руси присоединятся к католической церкви…»[730]. В одной из докладных в Рим он писал: «Есть надежда, что, при помощи Божьей, оказанной католичнейшему королю, вся Ливония скоро отойдет к Польше и тогда не должно упускать случая к восстановлению здесь католической религии при короле, который, среди забот военных, не оставляет святых мыслей о поддержании и распространении истинной веры. Кроме того, на Руси, в Подоле, Волыни, Литве и Самогитии, жители упорно держатся греческого вероисповедания, хотя имеют господ католиков. Сенат и особенно король, подозревающий их верность, желает обратить их в католиков, ибо найдено, что жители этих областей, по приверженности к своим единоверцам-москвичам, публично молятся о даровании им победы над поляками...»[731].

Прочитаем несколько выдержек из того, что писал Поссевино более 400 лет назад. Его очень беспокоило то, что на огромной территории, равной «четвертой части мира», еще не господствует католическая вера. «Божественное провидение указало, что для истинной веры может открыться широкий доступ, если это дело будет проводиться с долготерпеливым усердием теми способами, с помощью которых так много других государств приняло на себя иго христово… для распространения евангелия существует единственное средство — семинарии…»[732]. Причем эти семинарии не должны повторять те, которые уже действуют в других странах. Процесс обучения должен был соответствовать тем специфическим условиям, в которых пришлось бы работать выпускникам.

«Если к тому времени, которое отводится на беглое изучение теологии, философии и некоторых языков, которые едва ли когда-нибудь пригодятся, прибавить два года на изучение более полезных языков, на которых можно перечитать живые книги и узнать настроения людей, в этом никогда не придется раскаиваться. То же самое можно будет сделать и на московской земле, где при помощи обучения скромностью жизни и святостью богослужений будут уничтожены вымыслы ере-

730 Там же. С. 39.

731 Цит. по: *Воейков Н.Н.* Церковь, Русь и Рим. С. 308.

732 *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 33.

тиков и принятые о католиках дурные мнения...»[733]. И далее: «...меньше трудностей для дела могли бы доставить семинарии, прежде всего в Вильне или Полоцке для русских из королевства польского и для тех, которые были взяты в плен в Московии за последние три года. А тех, кого можно было бы вывезти из Москвы, можно послать в Оломуц или Прагу в папские семинарии, где благодаря родству тамошнего языка с русским они гораздо легче могли бы усвоить в достаточной мере науки. Если это произойдет, нужно... стараться через них передавать всюду к их соотечественникам письма и книги, а после достаточного их обучения рассылать их в разные места как бы для работы на ниве господней, но на их место ставить других из всего этого северного и восточного края... У них не должно быть недостатка в средствах на жилье и питание...»[734].

30 марта 1583 г. Поссевино докладывал папе Григорию XIII: «...Что касается типографии, то ее нужно основать либо в Вильне, либо в Кракове, чтобы там издавать книги на самых различных языках и рассылать оттуда в Венгрию, Трансильванию, Литву, Россию, Ливонию и Московию, а также на часто происходящие в польском государстве ярмарки, а ваша милость снабдит [типографии] деньгами или в виде дара, или заимообразно. Это окажется чрезвычайно полезным и совершенно необходимым во всех отношениях: никакими пушками, **никаким другим самым большим арсеналом север и восток не будут завоеваны быстрее**. Если сейчас в Кракове и есть некоторые типографы, они обычно еретики, которые все заполняют бранью, причем они очень деятельны... Привозить книги из Кельна, Венеции и Франции очень дорого (я уже не говорю о реках и прочих опасностях пути), так что невозможно порой за 1000 злотых купить и трех сотен книг... Если впоследствии дело изменится, московитам, которые по необходимости приезжают в Ливонию и Литву для торговли мехами, можно будет помочь книгами, а тем русским и другим столь же многочисленным молодым людям, лишенным знания книг и истинного благочестия, будет дано в руки оружие, с помощью которого они повсюду будут обращать своих родителей и родственников...»[735]. Обратите внимание, какое значение придавал Антонио Поссевино печатанию церковных католических книг и распространению их в Московии. Именно с помощью книг, по его мнению, север и восток будут завоеваны быстрее, чем пушками. И книги — это оружие. Да, более четырехсот лет назад Антонио Поссевино понимал, каким исключительно эффективным идеологическим оружием являются книги.

В разработанной им программе мы найдем и развернутые предложения по активному использованию приезжающих в Россию иностранных купцов, дипломатических миссий, других категорий иностранцев, и даже русских военнопленных. Вот как, например, он предлагал использовать купцов: «Нужно, чтобы венецианцы послали одного-двух купцов, пусть и частных лиц, но людей честных, чтобы те старались воспользоваться любым случаем и способствовали тому, чтобы католические священнослужители смогли стать твердой ногой в этой стране. Если эти последние будут достаточно искусны, они смогут добиться многого для провозгла-

---

733 Там же. С. 36.

734 Там же. С. 37.

735 Там же. С. 230–231.

шения славы божьей на столь обширном пространстве»[736]. Не правда ли, сказано очень откровенно?

Скорее всего, программа католизации Московии в том виде, в котором она была представлена ее автором Поссевино папе Григорию XIII, была первой комплексной и широкомасштабной программой такого рода, основанной не только на огромном желании Ватикана, но и на анализе реальной обстановки в Российском государстве.

Безусловно, Поссевино не знал и не мог знать всего, что-то он просто не понимал в русской специфике, в чем-то ошибался, и поэтому программа имела изьяны, но эти изьяны были в тактике, в деталях. В целом же его программа не могла не заинтересовать Ватикан. И программа была одобрена и приведена в действие.

Историки высоко оценивают личность Антонио Поссевино как политика и дипломата. Ю.Ф. Самарин писал: «план кампании, составленный Поссевином для отклонения Юго-западной России от естественнаго ея тяготения к Москве и Византии, для систематическаго подкупа высшаго православнаго духовенства и для введения латинства, не касаясь на первых порах обрядовой стороны православия — этот совет и этот план, по широте и смелости замысла, по необыкновенной дальновидности и по истинно сатанинской злонамеренности в выборе средств, ставят Поссевина на ряду с первоклассными политиками XVI и XVII вв., а нас, Русских, заставляют отнести его к числу самых заклятых врагов России, наиболее ей повредивших. Можно сказать, что вся последующая история введения Унии… все это содержалось как бы в зерне в инструкции Поссевина. Она приводилась в исполнение строго последовательно, в продолжение целых двух веков, и в этот период времени Иезуитская пропаганда при помощи шляхетских сабель достигла едва ли не крайних пределов успеха…»[737]. Слова эти написаны Ю.Ф. Самариным почти полтора века назад, но и сегодня, уже вступив в третье тысячелетие, нужно сказать, что план Поссевино еще действует.

На примере Антонио Поссевино наглядно видно, что Ватикан весьма ответственно относился к выбору своих эмиссаров для направления в Москву, глупцов среди них не было. Все они действовали в Российском государстве исключительно настойчиво, напористо и изобретательно, шли к цели, не считаясь с трудностями и опасностями.

Охота за царской библиотекой и книгами. Петр Аркудий. На рубеже XVI–XVII столетий произошло событие, представляющее исключительно яркий пример использования Ватиканом дипломатической службы третьего государства, в нашем случае Польши, для решения разведывательной задачи (в интересах подрывной деятельности) в Москве, столице Российского государства.

21 сентября 1600 г. из Варшавы в Москву выехало посольство, которое возглавляли воевода Виленский и канцлер великого княжества Литовского Лев Иванович Сапега (1557–1633) и каштелян Варшавский Станислав Варшевицкий, секретарем

[736] Там же. С. 38.

[737] *Самарин Ю.Ф.* Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову. Изд. 3-е. М., 1870. С. 302.

посольства являлся писарь великого княжества Литовского Илья Пелгржимовский. Целью посольства являлось продление 15-летнего перемирия, заключенного в Варшаве 25 августа 1587 г., заодно и поздравление Бориса Годунова с восшествием на царский престол.

Численность посольства была беспрецедентно велика. Даже после ее сокращения на территории Московского государства, когда возникли сложности с ежедневным обеспечением посольства продовольствием, кормом лошадей, водой и дровами, в состав свиты послов входили 140 чиновников, 300 слуг и 440 конюхов и кучеров. (Целый кавалерийский полк!). Ежедневно за счет царской казны посольству отпускалось: «15 быков, 30 овец, 20 половинок свиннаго сала, 1 живую жирную свинью, 10 зайцев, 4 тетерева, 10 гусей, 18 уток, 67 кур, а в постные дни, вместо того, необыкновенное множество отличных рыб; далее 550 пшеничных хлебов, 1000 ржаных хлебов, пуд коровьяго масла, 1,5 меду, столько же соли, 520 яиц, 4 ведра сливок, 2 ведра уксусу, 2 кадки круп, 2 кадки гороху, 2 кадки пшеничной муки, 50 восковых свечей, 100 сальных свечей, пряныя коренья, дрова (75 возов) и проч. Напитков получали два посла, каждый только на свою особу ежедневно: 1 штоф водки, 1 штоф роммеи, 1 штоф рейнвейну, 1 штоф вишневаго меду, 1 штоф малиноваго меду, 1 штоф сераго, 1 штоф белаго, 1 штоф сладкаго, 1 штоф кисловатаго меду, одно ведро сладкаго пива, 2 ведра обыкновеннаго пива. Секретарь получал для себя половину этой порции, а служители относительно значительное количество водки, пива и меду. Кроме того, на лошадей ежедневно отпускалось 130 кадок овса, 130 возов сена, 75 возов соломы»[738]. Вот такое посольство прибыло в Москву 16 октября 1600 г., и сразу начались дипломатические будни.

Но задолго до отъезда посольства в Москву, еще с середины XV в., после падения Константинополя (Византии) в 1453 г., Рим и Европу волновали слухи о судьбе богатейшей библиотеки Византийских императоров. По словам кардинала Виссариона, одного из идеологов Флорентийского Собора и воспитателя будущей жены Ивана III Васильевича Зои Палеолог, во время взятия турецкими войсками Константинополя погибло около 120 000 томов из этой библиотеки. Исследователи при этом считают, что значительная часть библиотеки была спасена и вывезена в Европу. Греческие книги и рукописи собирали Рим, Венеция, Париж, Мадрид, Вена и др. Пришло время, и в поисках исчезнувшей библиотеки Ватикан обратил внимание на Москву. «В Риме ходил слух, что Кремль обладает драгоценными греческими рукописями; говорили, что император Иоанн прислал их туда накануне падения Византии, чтобы спасти их от невежественнаго хищничества турок. Кардинал Сан-Джорджо хотел очистить совесть по этому вопросу и поручил одному умному греку сопровождать Сапегу и навести справки в Москве»[739]. (Кардиналом Сан-Джорджо, видимо, являлся Джан Франческо Биандрате ди Сан Джорджо Альдобрандини, 7.04.1545–16.07.1605, кардинал с 5.06.1696 г., родственник папы Климента VIII).

Поэтому в состав посольства был включен Петр Аркудий (1562 или 1563-1633, похоронен в Риме в церкви Греческой коллегии св. Афанасия), грек, уро-

---

[738] *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел IV. С. 2.

[739] *Белокуров С.А.* О библиотеке Московских государей в XVI столетии // Сборник Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранных Дел. Вып. 6. М., 1899. С. 305.

женец острова Корфу, униат, выпускник Греческой коллегии св. Афанасия в Риме, доктор богословия, автор ряда полемических сочинений против православия и в защиту унии, эмиссар Ватикана. В Варшаву Петр Аркудий был привезен из Рима епископом Владимирским и Брестским Ипатием Львовичем Потеем (епископ в 1593–1599 гг., в Рим выезжал в 1595–1596 гг, с 1599 г. — униатский митрополит).

Петру Аркудию было поручено использовать «крышу» польского дипломата и пребывание в Москве для выяснения, есть ли в Москве царская библиотека и где она находится, хранятся ли в ней редкие греческие книги и рукописи, сколько и какие. Дело было спешное, в Риме нервничали, поэтому доложить в Ватикан кардиналу Сан-Джорджо о результатах он должен был прямо из Москвы, не дожидаясь возвращения в Польшу. Вторым исполнителем ватиканского поручения был назначен сам главный посол, канцлер великого княжества Литовского Лев Иванович Сапега. Он также должен был доложить о результатах прямо из Москвы, но не в Рим, а папскому нунцию в Варшаве Клаудио Рангони, который, судя по всему, был извещен о поручении кардиналом Сан-Джорджо. Л.И. Сапега также имел «крышу» польского дипломата, но не менее этой «крыши» его защищала должность канцлера великого княжества Литовского.

11 марта 1601 г. в Москве был подписан договор о российско-польском перемирии сроком на 20 лет, начиная с 15 августа 1602 г. Польские дипломаты освободились, и через несколько дней, 16 марта того же года, в Можайске, П. Аркудий подписал свое донесение в Рим кардиналу Сан-Джорджо. В этот же день и в этом же Можайске Л.И. Сапега подписал свое донесение нунцию К. Рангони.

Вот что писал П. Аркудий: «О греческой библиотеке, о которой некоторые ученые люди подозревают, что она находится в Москве, при всем нашем великом старании, а также с помощью авторитета г. канцлера, не было никак возможно узнать, чтоб она находилась когда-нибудь здесь. Ибо когда г. канцлер спросил первых сенаторов их, есть ли у них большое количество книг, то москвичи, имея обычай обо всем отвечать, что у них великое его изобилие, и здесь сказали, что у них много книг у патриарха; а когда спросил: какия книги, сказали: псалтыри, послания, евангелия, минеи и вообще церковныя служебныя книги; когда же г. канцлер настаивал, есть ли у их великаго князя действительно греческая библиотека, они определенно отрицали существование таковой. Я также в доме спрашивал не малое число из стражи (свиты) своей, через переводчика, а также многие греки по происхождению, служащие князю, мне говорили, что, по правде, нет такой библиотеки. И я считаю это весьма правдоподобным, ибо если московиты и исповедают сохранение греческой религии, то тѐм не менее они во многом отличаются от них, а в нравах расходятся со всем светом.

Не могу поверить, чтобы император греческий, миновав латин, образованность и светскость которых была отлично засвидетельствована, пожелал бы прибегнуть почти к варвару... Далее, в то время в. кн. Московский не был в таком величии, как можно ясно видеть из истории, но был данником татарскаго хана... Так как же правдоподобно, чтобы император греческий вверил драгоценныя вещи или библиотеки подобному государю (Duca), который жил в столь великом и почти постоянном страхе? Отсюда я думаю, что добрая часть греческих книг в то время была пе-

ренесена в Италию...»[740]. (В «доме» — это означает по месту размещения польского посольства в Москве).

Л.И. Сапега доносил папскому нунцию практически то же самое: «В деле светлейшаго кардинала Сан-Джорджо, возложенном на достопочтеннаго Петра Аркудия, — справиться у москвичей о некоей греческой библиотеке, — я приложил в этом деле крайнее старание, но, как слышал от самих главных сенаторов, никакой такого рода библиотеки в Москве никогда не было... Ибо в Москве нет никаких общественных школ и академий, а знающих как следует греческий язык не находится совсем, или очень мало, да и то перебежчики...»[741].

П. Аркудий и Л.И. Сапега в донесениях указывают на то, что их главными источниками информации являлись русские сенаторы. Скорее всего, это те царские сановники, которым было поручено вести переговоры с польскими дипломатами. В их числе князь Федор Михайлович Трубецкой; князь и боярин Федор Иванович Мстиславский; князь Федор Андреевич Наготков-Оболенский; боярин Михаил Глебович Кривой Салтыков-Морозов; боярин Степан Васильевич Годунов; думный дворянин Игнатий Петрович Татищев; Иван Васильевич Годунов; думный дьяк Посольского приказа Василий Яковлевич Щелкалов; думный дьяк Посольского приказа Афанасий Иванович Власьев; думный дьяк Поместного приказа Елизар Данилович Вылузгин. Русским сенаторам скрывать было нечего, что они знали, то они рассказали польским дипломатам.

В августе 1601 г. польское посольство возвратилось в Варшаву, донесения П. Аркудия и Л.И. Сапеги уже, видимо, были в Риме, но какой-либо ясности в интересующий Ватикан вопрос о царской библиотеке они не внесли.

Следует добавить, что Петр Аркудий пользовался большим покровительством униатского митрополита Ипатия Львовича Потея. Именно от него король Польши Сигизмунд III узнал о прибывшем в его королевство униатском докторе богословия и писателе из Рима. Для короля Польши и только что образованной Униатской церкви это было большим подарком в деле борьбы с православием. Видимо, по представлению Ипатия Потея, 23 августа 1599 г. Сигизмунд III подписал «Жалованную королевскую грамоту Римскому выходцу Петру Аркудию, Греческому священнику и доктору богословия, о предоставлении ему в пожизненное владение монастырскаго села Торокани, на содержание, во время отправления учительской должности в Брестской школе»[742]. А 4 мая 1601 г., когда Петр Аркудий еще находился в служебной командировке, Сигизмунд III подписал еще одну «Жалованную королевскую грамоту Греческому священнику Петру Аркудию, на Лавришевскую архимандрию, с отчинными людьми, угодьями и доходами»[743]. В Польше, однако, Петр Аркудий не задержался. Примерно в 1613 г. он вернулся в Рим и до конца дней своих работал в Ватиканской библиотеке. (Не исключено, что отъезд П. Аркудия связан со смертью его покровителя Ипатия Львовича Потея, последовавшей

[740] Сборник Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранных Дел. Вып. 7. М., 1900. С. 521–523.

[741] Там же. С. 524.

[742] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею. Т. 4. СПб., 1848. С. 195–196.

[743] Там же. С. 241.

18 июля 1613 г. Заметим, что по оценке авторов комментариев к VI книге Истории Русской Церкви митрополита Макария М.В. Дмитриева и В.С. Шульгина, «Петр Аркудий играл видную роль при заключении Брестской унии и в первые послеунионные годы»[744]).

Может сложиться представление, что в нашем примере шла речь всего лишь о безобидной попытке, о прихоти какого-то высокопоставленного книголюба из Ватикана выяснить, находятся ли ценнейшие греческие книги и рукописи из Византийской библиотеки в Москве, в царской библиотеке. И что только ради этого кардинал Сан-Джорджо давал такое специфическое задание канцлеру великого княжества Литовского Льву Ивановичу Сапеге и доктору богословия Петру Аркудию, и только ради этого Петр Аркудий был включен в состав польского посольства в Москву, и только ради этого был задействован папский нунций в Польше Клаудио Рангони. Такое представление, на наш взгляд, не просто наивно, оно ошибочно. Все было далеко не так просто, как казалось…

Роль греческих книг и рукописей как древних, так и XVI–XVII столетий, в развитии и укреплении православия, развитии и укреплении Русской православной церкви и в ее же расколе, в формировании концепции «Москва – Третий Рим» — все эти вопросы крайне важны для правильного понимания взаимоотношений в треугольнике Московская патриархия – Восточные патриархии – Римская католическая церковь в XVI–XVII вв. В треугольнике кинжально остром и опасном. Греческие книги и рукописи, переводы с них на русский язык ложились в основу канонов православия, русских богослужебных книг и обрядов, всей русской церковной, в том числе полемической, литературы, по этим книгам велись богослужения и совершались обряды во всех храмах и монастырях Российского государства, по ним учились в церковных учебных заведениях. С учетом положений этих книг выстраивались отношения между царской властью и Русской православной церковью, готовились законодательные акты, строилось Российское государство, гражданское общество и семья, армия, экономика и образование; с учетом положений этих книг Русская православная церковь противостояла католицизму и униатству, защищая православие.

В Риме хорошо понимали значение греческих книг и рукописей и их переводов на русский язык в борьбе с православием. Эти книги и рукописи (и их переводы) нужно было хорошо знать, чтобы превратить их из противника в союзника или своевременной полемической статьей уменьшить их боевой заряд. Поэтому греческие книги и рукописи (и их переводы) собирались, их изучали, затем принимались решения.

30 октября 1579 г. папский нунций в Польше Джованни Андреа Калигари сообщал в своей депеше из Варшавы в Рим государственному секретарю кардиналу Комо: «В числе добычи, попавшей в руки поляков, большое количество книг на славянском языке (*Прим. Шмурло Е.Ф.* — нунций обещает прислать их каталог)… »[745] Мы видим, что захвату книг на славянском языке было придано столь большое значение, что папский нунций специально уведомил о нем государственного секре-

---

[744] Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга 6. М., 1996. С. 190, комм. 76*.

[745] Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. 2. Вып. 1. С. 101.

таря Ватикана. По минованию надобности депеша была помещена в Ватиканский Архив, где и была обнаружена в начале XX в. русским историком Е.Ф. Шмурло.

Через несколько лет после депеши Д.А. Калигари папский легат А. Поссевино высказал свое мнение об исключительной важности книг в деле пропаганды католицизма и борьбы с православием, сравнив книги с оружием, с помощью которого север и восток будут завоеваны быстрее, чем пушками. Выше мы об этом говорили.

В этой же главе, ниже, мы расскажем о деятельности в России эмиссара Ватикана Георгия Крижанича. Здесь только упомянем, что в первый свой приезд в Москву в 1647 г. он приобрел там несколько книг, содержащих, по его словам, ересь против католицизма. Он вывез их в Польшу с намерением перевести на латинский язык, внимательно изучить, затем написать солидное опровержение и перевести его на русский язык, чтобы его могли прочитать православные русские. В донесении в конгрегацию «Пропаганда Веры» Георгий Крижанич детально изложил ситуацию и свои предложения. Он считал, что это очень благоприятный случай для борьбы с православием и распространения католицизма. Предложения были рассмотрены, одобрены и даже об этом доложено папе Иннокентию X, который распорядился выслать в Рим наиболее подходящую, по мнению Г. Крижанича, для опровержения книгу «Собрание от свв. Отец вещей необходимых для веры против богоненавистных латин и прочих еретиков».

Попытки разыскать в Москве царскую библиотеку не ограничились приведенным примером с исполнителями П. Аркудием и Л.И. Сапегой в 1600–1601 гг. Еще один пример связан с масштабной подрывной деятельностью эмиссара Ватикана Паисия Лигарида, прибывшего в Москву в 1662 г., о котором также подробно расскажем ниже. Здесь же мы остановимся только на его попытках найти царскую библиотеку. Прибыв в Москву, Паисий Лигарид 18 мая 1662 г. подал царю письмо с просьбой разрешить ему заниматься греческими рукописями. В письме, в частности, говорилось: «...давно уже известно о собрании вашим величеством из разных книгохранилищ многих превосходных книг; почему нижайше и прошу дозволить мне свободный вход в ваши книгохранилища для разсмотрения и чтения греческих и латинских сочинений»[746]. С.А. Белокуров писал, что у исследователей, изучавших письмо Паисия Лигарида, сложилось мнение, что речь в нем шла «не об иноязычных рукописях царской библиотеки, а о рукописях и книгах, собранных патриархом Никоном, привезенных при Никоне с Востока Арсением Сухановым и другими»[747]. Т.е. говоря о «книгохранилищах» во множественном числе, Паисий Лигарид имел в виду и патриаршую библиотеку. Доступ в книгохранилища он не получил, но по царскому указу запрошенные книги ему доставлялись по месту его жительства. В их числе четыре книги на латинском языке: «две книги Козмография... книга Анастасия о костельных вещех и о житии пап римских... книга польская писана против веры благочестивыя»[748]. Уезжая из Москвы в Грецию, архимандрит Дионисий по прозвищу Святогорец (участник Московских Соборов 1666–1667 годов) оста-

[746] *Белокуров С.А.* О библиотеке Московских государей в XVI столетии // Сборник Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранных Дел. Вып. 6. С. 282.

[747] Там же. С. 285.

[748] Там же. С. 286–287.

вил во временное пользование Паисию Лигариду 7 печатных и 9 рукописных греческих книг, в том числе 3 книги Гомера. Заметим, что отправляясь в Киев, Паисий Лигарид возвратил в Посольский приказ на две рукописи меньше и эти две рукописи, скорее всего, прихватил с собой.

Хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Паисий Лигарид интересовался греческими рукописями и книгами, привезенными в 1655 г. Арсением Сухановым (1610–1668) из Восточных патриархий. (Всего А. Суханов привез более 500 различных греческих и славянских рукописей VIII–XVII столетий, в том числе сочинения Гомера и других древнегреческих писателей. В 1655–1660 гг. он являлся келарем Троице-Сергиева монастыря, в 1661–1664 гг. возглавлял Печатный двор). Именно греческие рукописи и книги лежали в основе проходившей в эти годы реформы в Русской православной церкви, той реформы, которая в сочетании с некоторыми другими причинами привела к расколу.

,Поэтому Паисий Лигарид и интересовался этими книгами и рукописями, так как они использовались в исправлении русских богослужебных книг и обрядов, и от их содержания в определенной степени зависело дальнейшее развитие ситуации в Русской православной церкви.

Лжепатриарх Игнатий. Первая попытка низложить действующего патриарха Московского и всея Руси и возвести на патриарший престол в Москве человека, угодного Риму и готового действовать в духе его геополитических интересов, относится к 1605 г. и непосредственно связана с Лжедмитрием I. Когда 20 июня 1605 г. Лжедмитрий I со своим войском вошел в Москву, патриархом Московским и всея Руси был **Иов**, поставленный на патриарший престол еще при царе Федоре Ивановиче, 26 января 1589 г. Патриарх Иов, сын и глава Русской православной церкви, являлся категорическим противником Лжедмитрия I, считал его самозванцем, ставленником Польши и Рима, врагом православия. Со времени объявления в Польше Лжедмитрия I патриарх Иов пытался пресечь его действия, направлял обличительные грамоты в Раду Короны Польской, князю Константину Ивановичу Острожскому, а со времени его вступления с войском на территорию Российского государства —окружные грамоты, прокламации к воеводам, войскам и дворянам по всей России. «В январе 1605 г. патриарх дал инструкции всем епархиальным начальникам, как утишать опасность бунта. Епархиальные начальники должны были припугнуть народ, что дело идет об отнятии у него православной веры, что польский король Сигизмунд пользуется Самозванцем для попрания на Руси православной церкви и обращения народа в латинскую и лютеранскую ересь. Предписано через епископов читать об этом во всех церквах, петь молебны о победе царского войска и анафематствовать Самозванца и всех пристающих к нему русских изменников»[749].

Разве мог Лжедмитрий I, громогласно объявивший себя сыном Ивана Грозного и законным русским царем, оставить на патриаршем престоле Иова, когда впереди предстояла его коронация, перекрещивание Марины Мнишек в православие

[749] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 2. С. 70.

(так требовали православные архиереи), а затем бракосочетание с ней и ее коронация. А еще дальше предстояло выполнять данные Риму обещания по заключению унии между Русской православной и Римской католической Церквами. Да разве пошел бы на такие шаги патриарх Иов? Конечно же нет. Самозванцу нужен был патриарх — единомышленник, готовый и способный действовать в русле указаний Лжедмитрия I и установок Рима. Поэтому уже 24 июня 1605 г. по указанию Лжедмитрия I патриарх Иов был свергнут и отправлен в заточение в Успенский Старицкий монастырь, а вместо него по указанию того же Лжедмитрия I патриархом Московским и всея Руси был избран Игнатий, архиепископ Рязанский. А.В. Карташев отмечает, что «Игнатия не посвящали в патриархи по русскому чину и понятию. Как грек, он этого не требовал, по обычаю своих восточных собратьев»[750]. По словам А.В. Карташева, Игнатием руководил «дух авантюры и выслуги».

Кто такой был Игнатий, и почему на него пал выбор Лжедмитрия I? Игнатий, по национальности грек, ранее занимал архиепископскую кафедру на Кипре (по другим сведениям, он происходил с горы Афонской и был епископом в соседнем городе Эриссо). Турки вынудили его бежать в Рим, где он якобы принял унию, а в 1595 г. прибыл в Москву, и в 1603 г. стал возглавлять Рязанскую епархию. По другим сведениям, он прибыл в Москву как представитель Александрийского патриарха на коронацию царя Федора Ивановича (31 мая 1584 г.), после чего остался в Москве и в 1605 г. возглавил Рязанскую епархию. Внимание Лжедмитрия I он обратил на себя тем, что первым из архиереев Русской православной церкви «в июне 1605 г. выехал в Тулу навстречу Самозванцу, признал его, принес присягу и привел к присяге других. Конечно, через это он стал приближенным лицом к новому властителю. Он вместе с Самозванцем парадно вступил в Москву, и ему, как патриарху, предносили посох и крест»[751].

Сразу же после избрания, 30 июня 1605 г., Игнатий направил по всем епархиям окружное послание о вступлении на престол «царя Дмитрия Ивановича» и о своем возведении на патриарший престол «по его царскому изволению».

Являлся ли новый патриарх униатом? В этой связи заслуживает нашего внимания следующее: 3 декабря 1605 г. «кардинал Боргезе извещал из Рима нунция Ронгони в Польше, что Игнатий готов на унию. Значит, под сурдинку шли какие-то темные переговоры»[752]. Заметим, во-первых, что вопрос об отношении нового патриарха к унии весьма волновал как государственного секретаря Ватикана кардинала Сципиона Боргезе, так и папского нунция в Польше Клаудио Рангони. Понятно, что от этого отношения зависело многое — оно или могло способствовать реализации планов Рима или же могло эту реализацию существенно затруднить. Во-вторых, письмо с такой ценной информацией шло из Рима в Варшаву, а не наоборот. Это свидетельствовало о том, что для ее (информации) получения Рим задействовал некие свои возможности по периоду жизни Игнатия в Греции или в Риме, и поступавшие в Рим из России через нунциатуру в Польше сведения к этой информации никакого отношения не имели. Правда, из приведенного отрывка письма не ясно, являлось ли оно иници-

[750] Там же. С. 76.

[751] Там же. С. 76.

[752] Там же. С. 77.

ативным или же ответом на запрос из Варшавы. В-третьих, между избранием в Москве Игнатия и подписанием в Риме кардиналом С. Боргезе письма в адрес К. Рангони прошло всего 5 месяцев. За это время нужно было доставить информацию об избрании Игнатия патриархом в Варшаву, а оттуда в Рим, там ее рассмотреть, поставить задачу по поиску необходимых сведений о нем на Кипре, в Греции и Риме, выделить время на решение этой задачи, затем получить запрошенные сведения, проанализировать их и оценить, и написать письмо нунцию. И на все это накладывалось то важное обстоятельство, что новый папа Павел V был избран только-только, 16 мая 1605 г., и ему хватало забот и без этого. При тогдашних средствах доставки информации (Москва – Варшава – Рим, Рим – Греция, Рим – Кипр и обратно) это еще раз говорило о срочности и важности информации об отношении Игнатия к унии и заинтересованности Ватикана в скорейшем ее доведении до Лжедмитрия I для практического начала подготовки к заключению унии.

Игнатий занимал патриарший престол 11 месяцев, которые ушли на подготовку и проведение всего нескольких мероприятий. В их числе — коронация Лжедмитрия I на Московский царский трон (21 июля 1605 г.); брачное обручение Лжедмитрия I и Марины Мнишек (8 мая 1606 г.); браковенчание Лжедмитрия I и Марины Мнишек (8 мая 1606 г.); коронация Марины Мнишек в русские царицы (8 мая 1606 г.). Все эти наиважнейшие для Российского государства и Русской православной церкви мероприятия были проведены с грубейшими нарушениями чина, начиная от коронации принявшего католичество Лжедмитрия I в православном Успенском соборе Московского Кремля по православному чину с участием католиков и членов Ордена иезуитов, до всех мероприятий с участием католички Марины Мнишек. Она категорически отказалась креститься в православие, что скрывалось от православных подданных, но тем не менее была браковенчана по православному чину с католиком же Лжедмитрием I, а при коронации на нее, не православную, были возложены царские бармы и корона с миропомазанием.

Проведение этих, как мы говорили, наиважнейших для Российского государства и Русской православной церкви мероприятий вот таким незаконным образом, делало все эти мероприятия и их результаты также незаконными. Незаконный патриарх Игнатий, незаконный царь самодержец Лжедмитрий I, незаконная царица Марина Мнишек. И всеми этими мероприятиями руководил незаконный патриарх Игнатий. Что тут скажешь — Игнатий делал то, что ему велел Лжедмитрий I, стараясь придавать своим действиям некую внешнюю благопристойность, насколько это было возможно.

Архиереи Русской православной церкви прекрасно видели все эти незаконные акции и ухищрения, но сказать открыто свое слово они смогли только 18 мая 1606 г., на следующий день после убийства Лжедмитрия I. В этот день архиерейский Собор низринул Игнатия с патриаршего престола, лишил его святительского сана и отправил в заточение в Чудов монастырь. Современник Игнатия, патриарх Московский и всея Руси Филарет, говорил в 1620 г. на Московском архиерейском Соборе: «Патриарх Игнатий, угожая еретиком латынския веры, в церковь соборную Пресв. Владычицы нашея Богородицы введе еретическия папежския веры Маринку, святым же крещением совершенным христианскаго закона не крестил ю, но токмо единем св. миром помаза, и потом венчал ю с тем розстригою, и обоим сим

врагом Божиим, разстриге и Маринке, подаде Пречистое Тело Христово ясти и Св. Кровь Христову пити. Его же Игнатия за таковую вину священноначальницы великия св. Церкви Российския, яко презревшаго правила св. апостол и св. отец, от престола и от святительства, по правилам святым, изринуша в лето 7114»[753].

Папская нунциатура по мере возможности контролировала обстановку вокруг Игнатия. Нунций Франческо Симонетта с удовлетворением писал из Вильно 23 апреля 1610 г. в Рим кардиналу Сципиону Боргезе, что патриарх Игнатий заявил о своей поддержке Лжедмитрию II, а не царю Василию Шуйскому[754]. В Чудовом монастыре Игнатий пробыл до 1611 г., до занятия польскими войсками Московского Кремля, когда он был освобожден и поляки осуществили его неканоническое восстановление на патриаршестве. Игнатий даже совершил 24 марта 1611 г. (в день Пасхи) в Кремле богослужение, хотя еще в 1606 г. был лишен святительского сана. Дальнейшую жизнь в Москве он посчитал для себя не только опасной, но и вообще невозможной, и поэтому при первом удобном случае бежал в Литву. Около Смоленска его задержали поляки, представили королю Сигизмунду III, и тот разрешил ему поселиться в Троицком монастыре в Вильно. Митрополит Макарий писал: «...Здесь Игнатий, сочувствовавший и прежде унии, открыто принял ее от архимандрита Велямина Рутскаго, вскоре сделавшагося униатским митрополитом...»[755]. Не правда ли, очень интересное соприкосновение судеб бывшего незаконного патриарха Московского и всея Руси Игнатия и будущего видного деятеля Униатской церкви, униатского митрополита с 1613 г., основателя и первого генерала Ордена базилианцев Иосифа-Вельямина Рутского. (О последнем мы более подробно поговорим ниже). С января 1615 г. Игнатий проживал в пожалованном ему Сигизмундом III поместье. Этот факт (пожалование поместья) нужно рассматривать только как все те же 30 серебренников, как оплата Игнатию за предательство. Сохранилось письмо канцлера великого княжества Литовского Льва Ивановича Сапеги от 18 января 1615 г. униатскому архиепископу Полоцкому Гедеону Брольницкому, ранее просившему его похлопотать перед королем Сигизмундом III о передаче Витебской епархии «Папинского дворца с приселками». Л.И. Сапега отвечал в этом письме, что не может удовлетворить просьбы архиепископа, так как король пожаловал этот дворец патриарху Игнатию в награду за его преданность[756].

В 1616 г. его имя было использовано королевичем Владиславом в манифесте по поводу войны с Россией (он тогда претендовал на царский трон в Москве и говорил в манифесте, что идет на Москву, а с ним патриарх Игнатий). Умер Игнатий в 1640 г. в Вильно и похоронен в Троицком монастыре, кстати, в одном склепе с И.В. Рутским.

Низложение Лжедмитрием I патриарха Иова и возведение на патриарший престол угодного Риму Игнатия было далеко не рядовым событием и для Европы. Бо-

[753] Цит. по: Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга 6. С. 586, прим. 85.

[754] Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т. II. СПб., 1842. С. 202.

[755] Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. X. СПб., 1881. С. 158.

[756] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 4. С. 435.

лее чем через 50 лет дипломат Священной Римской империи германской нации барон Августин Майерберг, посетивший Москву с 15 мая 1661 по 26 апреля 1662 г., писал в своем описании поездки: «В 1605 году Димитрий, опозоренный у Москвитян известным именем обманщика Гришки Отрепьева (Griskae Utrepejae), согнав Иова с его Патриаршаго престола, принудил его удалиться в стены его монастыря, и поставил Игнатия (Ignatium), исповедывавшаго, по сказанию Московских летописей, Римскую Веру. Преемник растерзаннаго чернью Димитрия, Василий Шуйский (Basilius Suiski), тоже удалил и Игнатия с Патриаршаго престола в Московский монастырь Чуда Архангела Михаила»[757]. Т.е. в Чудов монастырь.

Небольшие выводы: местом проведения акции низложения действующего патриарха Московского и всея Руси была выбрана Москва, столица Российского государства. Время проведения акции, можно сказать, не выбиралось, оно было продиктовано сложившейся ситуацией на Московском царском троне — Борис Годунов умер, его преемник Федор Борисович был убит, а в Москву вступил объявивший себя законным царем Лжедмитрий I, давший известные обещания и обязательства Варшаве и Риму, прежде всего по приведению России в католичество. Для этого нужен был новый патриарх, способный решить поставленные Римом задачи. Кандидатом в патриархи был подобран грек по происхождению, проживавший ранее в Греции и Риме и около 10 лет в Московском государстве, архиерей из недалекой от Москвы Рязани. В отношении его можно было надеяться, что в расчете на благоволение нового царя и за возведение на патриарший престол он приложит все старания к заключению унии с Римской католической церковью. Совсем не исключено, что предварительные переговоры с Игнатием были проведены еще до прибытия Лжедмитрия I в Тулу, и будущий патриарх ехал в Тулу встречать самозванца в сладостном ожидании предстоящего возведения на престол. Способ низложения действующего патриарха и возведения на престол нового был простым и прямолинейным — царское указание. Результат акции — действующий патриарх Иов был свергнут, вместо него на престол был возведен угодный Ватикану Игнатий, которому, однако, не удалось решить поставленную Римом задачу. На следующий день после убийства Лжедмитрия I, 18 мая 1606 г., патриарх Игнатий архиерейским Собором был низринут с патриаршего престола, лишен святительского сана и отправлен в заточение в Чудов монастырь.

В заключение скажем, что Русская православная церковь не считает Игнатия законным патриархом и не включает его в их списки.

К периоду «Смутного» времени относится и второй факт незаконного и насильственного свержения с патриаршего престола патриарха Московского и всея Руси. Этим патриархом являлся **Гермоген**, российский церковный и государственный деятель, священномученик, прославленный Русской православной церковью, оставивший незабываемый след в истории Российского государства и Русской православной церкви.

---

[757] Путешествие в Московию Барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, Послов Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 году // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел IV. С. 47.

В 1589 г., находясь уже в почтенном возрасте (около 59–60 лет), Гермоген был поставлен митрополитом Казанским и Астраханским, а 3 июня 1606 г., после низложения незаконного патриарха Игнатия, Собором иерархов был поставлен патриархом Московским и всея Руси.

Патриаршество Гермогена пришлось на тяжелейший и трагичнейший период в истории Российского государства и Русской православной церкви, на «Смутное» время. На то время, когда король Польши Сигизмунд III с благословения папы Павла V, осуществил прямую вооруженную интервенцию против России под флагом крестового похода. (Выше мы уже рассказали, что 25 декабря 1609 г. папа Павел V освятил шлем и меч и выслал их королю Сигизмунду III, а немного позднее, 10 августа 1613 г., выделил на военные расходы 40 000 червонцев). О целях крестового похода польский король откровенно написал в своем письме папе Павлу V от 30 октября 1610 г.: «...Мотивы мои таковы. Я намерен содействовать распространению истинной христианской веры. Я стремлюсь к благу моего государства, защищая его исконные земли и охраняя пограничные города, на которые, по-видимому, намерен посягнуть враг, тайно кующий свои козни. Уже Василий Шуйский занес вероломно свою руку на наследственные области польских королей. Наконец, я выступаю против тирании тех обманщиков, которые, в ослеплении своим честолюбием, выдавали себя за потомков князей московских. Подобно разбойникам, вооруженной рукой опустошали они всю страну...»[758]. Как мы видим, цели крестового похода полностью соответствовали планам Ватикана. События развивались быстро.

Крестовый поход был начат 8 августа 1609 г., когда Сигизмунд III выступил из Вильно. В сентябре 1609 г. Сигизмунд III с войском перешел польско-российскую границу (по «Дневнику Самуила Бельского» — 11 сентября по ст.ст.), 21 сентября подошел к Смоленску, и началась его осада. (Заметим, что в свите Сигизмунда III для его духовной поддержки и контроля за ходом действий следовала походная миссия Ордена иезуитов в составе: Фредерик Бартч, Петр Кулеша, Павел Гаевский, Ян Халецкий и Стефан Скавинский. Понятно, что в случае необходимости они могли высказать королю и его сановникам свои замечания и пожелания). В это время уже полным ходом шла осада Троице-Сергиевого монастыря, которая была начата в сентябре 1608 г. и снята в январе 1610 г. Затем произошло очень важное событие — 24 июня 1610 г. польские войска во главе с коронным гетманом С. Жолкевским одержали победу над русскими войсками в сражении у села Клушино. На волне такого успеха 17 июля 1610 г. с царского престола был насильственно низложен Василий Шуйский. Через два дня он был пострижен в монахи, в октябре вывезен в ставку Сигизмунда III под Смоленск, а затем и в Польшу, где 5 сентября 1612 г. умер в Гостынском замке в 120 км от Варшавы. 17 августа 1610 г. бояре в Москве подписали договор об избрании польского королевича Владислава царем Московским. 1 октября 1610 г. польские войска вошли в Москву. Никакие самозванцы польскому королю и Риму уже не были нужны, и 11 декабря 1610 г. Лжедмитрий II был убит князем Петром Арслановичем Урусовым. Смоленск был взят польскими войсками 3 июня 1611 г.

Все эти дни, месяцы и годы патриарх Гермоген самоотверженно боролся против польской интервенции, призывал российский народ к сопротивлению, защите

[758] *Пирлинг П.О.* Дмитрий Самозванец. С. 400.

государства Российского и Русской православной церкви, православия. Российский народ начал подниматься на борьбу с интервентами, обстановка стала накаляться. Попытки польских оккупационных властей и русских бояр-изменников склонить Гермогена к отказу от своей позиции, к согласию на восшествие на русский престол католика Владислава и на унию с Римской католической церковью окончились полным провалом. Возглавлявший польский гарнизон в Кремле Гонсевский Александр Корвин лично беседовал с Гермогеном и говорил ему: «Ты, Гермоген, первый зачинщик измены, ты заводчик всего возмущения; не пройдет тебе это даром; дождешься ты достойной кары; не думай, что охранит тебя твое достоинство»[759]. Изменники боярин Михаил Глебович Салтыков по прозвищу Кривой, князь и боярин Федор Иванович Мстиславский и тушинский думный дворянин, бывший московский купец Федор Андронов в первые дни декабря 1610 г. также настойчиво пытались склонить Гермогена к измене, но, несмотря на угрозы физической расправы, он мужественно ответил отказом. Более того, 6 декабря Гермоген собрал православных в соборной церкви и, несмотря на то, что она была окружена оккупационными войсками и вход в церковь был запрещен, обличал изменников, призывал стоять за православную веру. Поэтому 6 декабря Гермоген был взят под стражу. Пока только под стражу по месту жительства. В Вербное воскресенье, 17 марта 1611 г., патриарх Гермоген был временно освобожден из-под стражи для проведения богослужения в праздник входа Господня в Иерусалим. После праздника, 19 марта 1611 г. (в Великий вторник), в Москве началось восстание против чужеземцев, а затем и сильнейший пожар, которые продолжались около 3 дней.

Такое положение никак не устраивало польские власти. Гермоген не только откровенно мешал им реализовывать планы крестового похода, но стал чрезвычайно опасной для них фигурой общегосударственного масштаба. И 1 мая 1611 г. патриарх Московский и всея Руси Гермоген был незаконно и насильственно низложен поляками с патриаршего престола и заточен в темницу Чудова монастыря. Было ему тогда уже более 80 лет, но немощный телом, он был могуч духом.

Мы приведем две выдержки из исторических документов того далекого времени, документов, написанных современниками Гермогена, которые без лишних слов рассказывают о том, что случилось с патриархом. Царь Михаил Федорович, писал в июне 1613 г. патриарху Константинопольскому: «Польские и Литовские люди и изменник Михайло Салтыков, обманом вошли в Москву, и царь Василий взят и отослан Королю, и царствующий град Москву выжгли и изсекли, и церкви Божии и все монастыри осквернили и святейшаго Гермогена, Патриарха Московскаго и всея Руси с престола свергли и в заточении уморили ...»[760]. В июне 1619 г. было написано «Известие о начале патриаршества в России и о возведении на патриарший престол Ростовскаго митрополита Филарета Никитича, и чин поставления его». В нем говорилось: «Святейшаго же патриарха Ермогена, возбраняюща их начинанию и словесы тех уязвляюща, яко злодея во утвержении блюсти повелеша, помале же и святителского престола отпасти того сотвориша, и во храмине пусте, яко во гробе, затвориша и церковь Божию безлепотну показаша; сей же непрестанно тех шатание

[759] Цит. по: *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. М., 1994. С. 643.

[760] Цит. по: Сношения России с Востоком по делам церковным. Т. 1. СПб., 1838. С. 332–333.

и злобу обличая, и сих ради зело озлоблен в велицем заточении к Богу отъиде, велик образ дерзновению яже о вере другим остави...»[761]. Документам этим 400 лет.

Так было осуществлено второе в истории Русской православной церкви незаконное и насильственное низложение патриарха Московского и всея Руси. Избранное время акции, текущая обстановка в России, возможности Рима и Варшавы в большой степени соответствовали задачам, которые ставились крестовым походом. Заметим, однако, что хотя патриарх Гермоген и был низложен, остальные задачи решены не были.

17 февраля 1612 г. патриарх Московский и всея Руси Гермоген умер в заточении в темнице Чудова монастыря. Впереди было народное ополчение во главе с Кузьмой Мининым и Дмитрием Пожарским, впереди было изгнание интервентов за пределы Российского государства, впереди было восстановление российской государственности и прекращение «вдовства» Русской православной церкви.

Как подчеркнул митрополит Макарий, «Имя патриарха Гермогена должно остаться бессмертным в истории России и Русской Церкви, потому что он ревностнее, мужественнее, непоколебимее всех постоял за ту и другую, он преимущественно спас их в самую критическую минуту их жизни, когда им угрожала крайняя опасность попасть под власть Польши и иезуитов и потерять свою самобытность...»[762].

Очень важной задачей Ватикан считал организацию и проведение акций, направленных против руководства Русской православной церкви, против патриархов Московских, их компрометацию в глазах русских монархов, священнослужителей и народа, нарушение и полное разрушение единства светской и духовной власти в России.

Пример одной такой акции относится к середине XVII в., ко времени царствования Алексея Михайловича «Тишайшего». Россия только-только оправилась после бедствий «Смутного времени», но уже продемонстрировала Европе свою независимую позицию и силу, взяв под царскую руку Малороссию. Войны с Польшей и Швецией, набеги крымских татар, Соляной и Медный бунты — эти и другие события характеризовали политическую и экономическую обстановку в стране как сложную и напряженную. Именно в это время в качестве объекта главного удара Ватикан выбрал в Москве не кого-нибудь, а главу Русской православной церкви, самого патриарха Никона.

В этом разделе мы расскажем о третьей в XVII столетии попытке (с учетом двух попыток Игнатия) взойти на патриарший престол в Москве ставленника Ватикана.

23 июня 1652 г. в Успенском соборе Московского Кремля патриархом Московским и всея Руси был избран Никон, а через два дня, 25 июня, он был поставлен на патриарший престол рукоположением Корнилия, митрополита Казанского и Свияжского. О Никоне и суде над ним написано много, как отечественными, так и зарубежными исследователями, поэтому будем кратки — это была личность, оставив-

[761] Цит. по: Дополнения к Актам Историческим, собранныя и изданныя Археографическою Комиссиею. Т. 2. С. 197.

[762] Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга 6. С. 109.

шая яркий след в истории Российского государства и Русской православной церкви. У него были совершенно особые отношения с царем Алексеем Михайловичем и властные государственные полномочия, каковых и близко не было у его предшественников патриархов Иоасафа I (1634–1640) и Иосифа (1642–1652), а также последующих патриархов Иоасафа II (1667–1672), Питирима (1672–1673), Иоакима (1674–1690) и Адриана (1690–1700). Его государственная деятельность, реформы в Русской православной церкви взбудоражили гражданское общество и духовенство, сформировали, отмобилизовали и привели в действие оппозиционные ему силы среди царских сановников и духовенства. А после переселения Немецкой слободы в новый район города Москвы заставили и постоянно проживавших в Москве иностранцев отслеживать все шаги нового патриарха как внутри, – так и внешнеполитические. Иностранные дипломаты отводили заметное место в своих донесениях как личности Никона, так и мероприятиям, проводившимся по его указам.

В одном из своих донесений в Стокгольм шведский торговый представитель и разведчик Адольф Эберсшильт писал: «...Удивительное зрелище: постановления царя отменяются патриархом, и царь это сносит. Бывали такие случаи, что царь награждает своих подданных землями или домами, а патриарх их отбирает и назначает другим. Если обиженные обращаются к царю с жалобою, он отвечает, что не может идти наперекор воле святаго патриарха; все, что он совершает, хорошо...»[763]. Адольфу Эберсшильту можно верить. Он много лет прожил в России, являлся видным шведским дипломатом и не менее видным разведчиком, на его счету вербовка в агенты и использование в интересах Швеции Григория Карповича Котошихина, бывшего подьячего Посольского приказа. К этому можно добавить, что полковник А. Эберсшильт являлся и первым в истории российско-шведских отношений военным атташе Швеции в Москве.

Совершенно очевидно, что Ватикан, как и другие европейские государства, внимательно и заинтересованно отслеживал происходящие в России события. Государственная и церковная реформы, направленные на усиление Российского государства и церкви, никак не устраивали папский престол, так как отодвигали на неопределенный срок принятие Русской православной церковью унии с последующим обращением населения в католичество. А завершение войны России с Польшей (1653–1655), принесшее воссоединение России с Украиной (Малороссией), присоединение к России (согласно царскому манифесту от 30 декабря 1655 г.) великого княжества Литовского, занятие царскими войсками всей Белоруссии, вызвало в Европе тревогу. Нужно было что-то предпринимать, чтобы предотвратить дальнейшее усиление Российского государства, нарушить отношения между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном и ослабить Русскую православную церковь. Вместе с тем в Риме видели, что кризисная ситуация в отношениях между царем и патриархом, разжигаемая боярской и церковной оппозицией, вот-вот окончательно созреет и заполыхает конфликт. Терять время на ожидание чего-то было некогда.

Уже в 1656–1657 гг. Ватикан подобрал двух опытных, высококвалифицированных эмиссаров для направления в Москву со специальными миссиями. Этими эмиссарами были Паисий Лигарид, митрополит Газский, и Георгий Крижанич, оба

[763] Цит. по: *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648–1700) // ЖМНП. 1898. Февраль. СПб., С. 223.

являлись докторами философии и богословия, оба были выпускниками Греческой коллегии св. Афанасия в Риме, оба были одаренными и разносторонне развитыми людьми. Судьба распорядилась так, что каждому из них пришлось провести в Российском государстве весьма длительное время: Паисий Лигарид — с 1662 по 1678 г. (из них около 5 лет с небольшим перерывом в ссылке в Киеве), а Георгий Крижанич — с 1659 по 1677 г. (из них 15 лет в ссылке в Тобольске). О каждом из них и вкладе каждого в решение поставленной Ватиканом задачи мы поговорим отдельно и подробно ниже.

Итак, **Паисий Лигарид**, по образному выражению историка Н.Н. Воейкова «Троянский конь» Рима. Кто же он был, этот «Троянский конь», которому Ватикан доверил и поручил нанесение удара по патриарху Никону и Русской православной церкви? Паисий Лигарид, до пострижения в монаха Панталеон Иванович Лигарид, грек по национальности, родился в 1610 г. на острове Хиос. В 1623 г., совсем в юном возрасте, он в порядке исключения, по ходатайству хиосского епископа Марко Джустиниани, был принят в Греческую коллегию св. Афанасия в Риме, в которой конгрегация «Пропаганда Веры», как ранее мы уже говорили, готовила специалистов для работы против православной церкви и православия. Он отлично закончил курс обучения, и 27 сентября 1636 г. в церкви св. Афанасия выступил на публичной защите своей докторской диссертации. В 1637 г. он издал «Апологию Петра Аркудия» (автора полемических сочинений в защиту унии. Выше мы рассказывали о его поисках в Москве по заданию Рима царских книгохранилищ) и «Толкование на песнь Богородицы», т.е. начал писать сочинения в русле канонов Униатской церкви. В 1636–1642 гг. Лигарид работал в Греческой коллегии св. Афанасия в Риме преподавателем, и в этот период, можно сказать без всяких сомнений, познакомился с молодым студентом коллегии Георгием Крижаничем. В униатского священника Лигарид был рукоположен в Риме 31 декабря 1639 г., причем, что интересно, не кем-нибудь, а приехавшим сюда по делам из Речи Посполитой униатским митрополитом Рафаилом Евстафьевичем Корсаком. (Ниже мы с ним еще встретимся). Как тесен мир!

Руководители коллегии и студенты были весьма хорошего мнения о Лигариде. В 1636 г., когда решался вопрос об оставлении его на преподавательской работе в коллегии, руководство коллегии представило записку кардиналу-протектору Барберини, в которой говорилось: «...Лигарид одарен всеми качествами, требуемыми от оставляемых при заведении: он кроткаго нрава, добродетелен, послушен, набожен, горячо любит латинскую церковь, отлично владеет греческим языком, который он и преподает около пяти лет к общему удовольствию. Отец Лигарида, Иван, также желает, чтобы его сын вернулся на родину не слишком молодых лет, а бородатый и представительный, ибо он прочит свое чадо в подручники, и пожалуй, в преемники местнаго епископа... Автор записки приходит к тому выводу, что оставлением Лигарида в Риме будут удовлетворены и желание отца и потребности коллегии... Кардинал-протектор без сомнения согласился на эту просьбу...»[764].

Лев Аллаций (1586–1669, земляк Лигарида, профессор Греческой коллегии св. Афанасия в Риме, Ватиканский библиотекарь, автор тенденциозного труда о право-

[764] *Пирлинг П.* Паисий Лигарид. Дополнительныя сведения из римских архивов // Русская Старина. Т. 109. СПб., 1902. С. 339-340.

славной церкви «О непрерывном согласии церкви западной и восточной», изданного в 1648 г.), находившийся с Лигаридом в дружеской переписке, так характеризовал его в 1645 г: «Ум проницательный, характер твердый, начитанность особенно по церковной части, искусный и изящный оратор на греческом языке, новом и древнем, не чуждый классической поэзии, готовый пролить свою кровь за католическую веру»[765]. Прекрасные характеристики, и служебная, и дружеская. В обоих отмечаются высокие нравственные качества и преданность Римской католической церкви.

Ватикан не мог не обратить внимания на «столь ревностного питомца», так как он был очень подходящей фигурой не только для открытой, но и тайной борьбы с православием. Уже в 1642 г. Лигарид был направлен по заданию и на средства конгрегации «Пропаганда Веры» (ежегодное пособие в размере 50 скуди) в командировку в Константинополь. Что это была за командировка, видно из письма Льва Аллация своему корреспонденту Бертольду Нигузию. В этом письме, написанном в 1645 г., говорится: «...Панталеон Лигарид три года назад удалился из Рима в Константинополь, для посещения своего отечества Хиоса, и для распространения в той стране римской веры»[766]. В эти годы он развил такую энергичную деятельность, что конгрегация «Пропаганда Веры» повысила ему жалованье до 60 скуди в год на трехлетний период. Однако затем трудности политической и церковной обстановки в Константинополе и неприятности побудили его с разрешения конгрегации «Пропаганда Веры» перебраться в Валахию, где он стал преподавателем в Ясском училище, т.е. являлся дидаскалом.

В 1651 г. он прибыл в Иерусалим и патриарх (православный!) Иерусалимский Паисий 16 ноября этого года постриг его в монаха, и при пострижении он принял имя Паисий. Примечательно, что восприемным отцом Лигарида при пострижении был Арсений Суханов (1610–1668), русский церковный деятель, келарь Троицкого монастыря, выезжавший по поручению царя Алексея Михайловича и патриарха Московского и всея Руси Иосифа к восточным патриархам за греческими церковными рукописями. Об этом интересном факте Арсений Суханов написал в своем «Проскинитарии». Не прошло и года, как 14 сентября 1652 г. Лигарид был возведен в сан митрополита Газского. Но он предпочел не ездить в Газу, а вернулся в Валахию. В конце 1656 – начале 1657 г. в «земле Волошской» он встретился с патриархом Антиохийским Макарием и его сыном архидиаконом Алеппским Павлом, которые возвращались из поездки в Москву. Конечно, они рассказали Лигариду о своем путешествии, о царе Алексее Михайловиче, о патриархе Никоне, их взаимоотношениях и Русской православной церкви.

Собственно говоря, темы Московского государства и Русской православной церкви, Западной и Южной Руси и Униатской церкви не являлись чем-то новым и необычным для Лигарида. Еще в период учебы и преподавательской работы в Греческой коллегии св. Афанасия в Риме он общался с униатами Гавриилом Яновичем Колендой, Пахомием Война Оранским, Андреем Квашниным Золотым (сыгравшим определенную роль в судьбе Георгия Крижанича), Алексеем Дубовичем, в то время

[765] Цит. по: *Пирлинг П.* Паисий Лигарид. Дополнительныя сведения из римских архивов // Русская Старина. Т. 109. СПб., 1902. С.341.

[766] Цит. по: *Горский А.В.* Несколько сведений о Паисие Лигариде до прибытия его в Россию. М., 1862. С. 3.

студентами, а затем ставшими видными архиереями Униатской церкви и борцами с православием. Рассказы об унии и православии впитывались молодым преподавателем и доктором философии и богословия на лету.

Можно предположить, что в пятидесятые годы Лигариду было предложено подумать и подготовиться к миссии в Москву. Но любая командировка, как мы знаем, требует разрешения от начальства и средств. Видимо, пока вопрос о миссии решался в конгрегации «Пропаганда Веры», Лигарид 8 октября 1657 г. написал из Бухареста письмо царю Алексею Михайловичу, которое вошло в историю как письмо «о замыслах Порты в отношении Малороссии». Подписал он свое письмо как «Архиепископ Газский Паисий»[767]. П. Лигарида можно понять, — как-то же надо было ему обратить на себя внимание в Москве, причем на самом высшем уровне. В это же время Лигарид направил письмо сотруднику патриарха Никона, справщику Московского Печатного двора Арсению Греку, в котором изъявлял желание побывать в Москве, повидать Никона и просил в этом содействия. (Арсений Грек примерно в 1635–1640 гг. учился в Греческой коллегии св. Афанасия в Риме, как раз в то время, когда П. Лигарид там же работал преподавателем. Можно полагать, что они оба знали друг друга достаточно хорошо. Вообще Арсений Грек — это такой исторический персонаж, который заслуживает отдельного рассмотрения, и подробнее о нем мы поговорим ниже).

Паисий Лигарид был известен Москве как православный митрополит Газский, не немец, не поляк или швед, не француз или кто-либо другой, а грек по национальности, к которым и в царском правительстве, и среди священнослужителей Русской православной церкви было особое, уважительное и доброжелательное отношение. Лигарид не являлся рядовым священнослужителем, он имел высший после патриарха сан митрополита, был доктором богословия и философии. Поэтому он вполне обоснованно мог рассчитывать, во-первых, на высший уровень контактов в Москве (царь, бояре, иерархи Русской православной церкви), и во-вторых, на руководящую роль в расследовании дела Никона, оказание нужного влияния на развитие ситуации в Русской православной церкви в интересах Рима. Дополним характеристику Лигарида выдержкой из его письма секретарю конгрегации «Пропаганда Веры» Франческо Инголи в 1643 г., когда он был в Константинопольской епархии. Лигарид писал: «...С моей стороны сделано все для возвеличения и прославления Римской церкви в защиту ее догматов и обрядов...»[768]. Разве тут нужно что-либо добавлять?

Москва отреагировала очень оперативно. 1 декабря 1657 г. патриарх Никон, которому нужны были грамотные православные священнослужители, отправил грамоту Лигариду, в которой ему давалось разрешение на приезд в Москву. Одновременно, в этот же день были направлены грамоты Валахскому воеводе Стефану, воеводе и владетелю Мутьянскому Константину, архиепископу Молдавскому и митрополиту Сочавскому Гедеону, архиепископу и митрополиту Угро-Валахскому Стефану о разрешении Лигариду приехать в Москву и об оказании ему содействия. Разве мог знать патриарх Никон, как обернутся для него и Церкви эти разрешения.

[767] *Лигарид П.* О замыслах Порты в отношении Малороссии // ЧИОИДР, книга 2, отдел V, М., 1884.

[768] Цит. по: *Кутузов Б.П.* Тайная миссия патриарха Никона // Борис Кутузов. М.: Алгоритм, 2007.. С. 209.

Для Лигарида же все было вроде бы хорошо, но, видимо, еще не было разрешения из Рима, и так пришел 1658 год.

По целому ряду причин нарушилось взаимопонимание между патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем, явным стало столкновение самодержавной и духовной властей; резко обострились отношения патриарха с уже не только отмобилизованной, но уже приступившей к активным действиям оппозицией ему в рядах влиятельного и властного боярского окружения царя Алексея Михайловича (в том числе и среди членов царской семьи), среди иерархов и священнослужителей Русской православной церкви. Не за горами был раскол Русской православной церкви.

10 июля 1658 г. патриарх Никон в Успенском соборе Московского Кремля публично обьявил о своем уходе с патриаршего престола и обстановка в гражданском обществе и духовенстве вспыхнула. 17 февраля 1660 г. в Москве по указу царя Алексея Михайловича начал работу Поместный Собор по рассмотрению вопроса об оставлении Никоном патриаршего престола. Эти события, включая оставление Никоном патриаршего престола, и о которых узнал весь православный Восток и Европа, заставляли Ватикан действовать безотлагательно и непосредственно в Москве. Лигарид обманным путем получил подложную рекомендательную грамоту за подписью якобы патриарха Константинопольского Дионисия для участия в расследовании дела патриарха Никона в Москве. Заметим, грамота не просто с обычной просьбой принять какого-либо священнослужителя по делам какого-либо храма или монастыря, т.е. за милостыней, а целевая, для участия в расследовании дела патриарха Московского и всея Руси Никона. С такой грамотой можно было в Россию ехать смело.

В то же время «...По свидетельству П.О. Пирлинга, Лигарид продолжал получать субсидии из Рима для своей тайной работы. Восточные патриархаты в то время бедствовали и кормились преимущественно щедротами, получаемыми из Москвы. Лигарид же свободно разъезжал с Востока на Запад, не стесняясь в средствах. В 1660 г. Паисий проживал в Молдавии, затем в Польше, потворствуя латинству, и служил в костелах...»[769]. И далее Н.Н. Воейков писал: «...Обо всем этом митрополит Молдавский донес Восточным патриархам, но Лигарид сумел выкручиваться. Однако, преемник Паисия I, умершаго в 1661 г., Нектарий Иерусалимский — человек более проницательный, на основании этих жалоб, отлучил Лигарида от Церкви "за многия и великия согрешения"»[770]. То есть еще до поездки в Москву Лигарид был отлучен от православной церкви, но архимандрит Леонтий, не зная видимо этого, изготовил Лигариду подложную рекомендательную грамоту от имени патриарха Константинопольского Дионисия. Для знающего православного священнослужителя грамота являлась грубым нарушением канонических правил, так как, во-первых, дана была отлученному от церкви человеку, и во-вторых, потому что власть Константинопольского патриарха не распространялась на Иерусалимскую епархию. Следовательно, правовая значимость патриаршей грамоты равнялась нулю, но кто в Москве мог тогда об этом знать?

---

[769] *Воейков Н.Н.* Церковь, Русь и Рим. С. 417.

[770] Там же. С. 417.

Дождавшись, видимо, нужного разрешения (точных данных на этот счет нет, хотя Н.Н. Воейков писал о получении Лигаридом соответствующих инструкций, не ссылаясь при этом на источники[771]), митрополит Газский П. Лигарид выехал в Москву, куда прибыл 30 марта 1662 г.[772] Заметим, что историк Н.Ф. Каптерев указывает другую дату прибытия Лигарида в Москву — 12 февраля 1662 г..[773]

Итак, «Троянский конь» Рима, скрытый, по словам Н.Н. Воейкова, под мантией православного митрополита, прибыл в Москву и увидел, что удобный момент для кардинального вмешательства в дела Русской православной церкви и изменения ситуации в пользу Ватикана наступил. И создали его сами русские. Патриарх удалился от своего патриаршего престола в монастырь, в церкви самый настоящий раскол, тяжелые времена наступили и для российской государственности, страна терпела поражения в войнах, казна была пуста, назревало недовольство населения, в воздухе веяло приближающимися губительными бунтами и восстаниями. Да, момент был самый подходящий, почва для вмешательства была уже взрыхлена еще до приезда Лигарида.

Какие же задачи должен был решить в Москве эмиссар Ватикана Паисий Лигарид, митрополит Газский? Сведения о его последующих действиях, сохранившиеся документы той поры, в том числе выдержки из его писем, убедительно говорят как о характере этих задач, так и о целях, которые хотел добиться папский престол в результате акции с его участием.

Сразу же по прибытию в Москву Лигарид должен был уточнить и оценить политическую обстановку и расстановку сил в ближайшем царском окружении, патриархии, отношения между Никоном и царем Алексеем Михайловичем, царским правительством, иерархами Русской православной церкви. Нужно было безошибочно определиться в том, что представляет собой оппозиция Никону во влиятельном боярском окружении царя и среди иерархов церкви, каков ее состав, на чем основано ее противодействие церковной реформе, насколько она сильна, каковы ее возможности и главные фигуры.

Сделать это нужно было обязательно, так как, хотя Лигарид, как мы думаем, и был проинструктирован, и снабжен последней информацией о событиях в Москве, более полную, более точную информацию он мог получить только непосредственно на месте предстоящих действий. Малейшая ошибка из-за незнания каких-либо особенностей обстановки, недоучет личностных характеристик главных действующих лиц мог привести к нежелательным для Лигарида и Ватикана последствиям.

Затем, или почти одновременно с уже сказанным, он должен был установить контакты с теми, от кого зависело последующее развитие событий — с царем Алексеем Михайловичем, Никоном, его сторонниками и противниками из числа бояр, правительственных чиновников и иерархов церкви. Посредством этих контактов нужно было таким образом воздействовать на обстановку в Москве, чтобы обострить имеющиеся противоречия, сформировать и укрепить выгодное Ватикану

---

[771] Там же. С. 418.

[772] *Белокуров С.А.* О библиотеке Московских государей в XVI столетии // Сборник Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранных Дел. Вып. 6. М., 1899. С. 282.

[773] *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. С. 181.

мнение о Никоне и проводимой им реформе церкви, о том, что он якобы хочет добиться главенства власти патриарха над царской властью.

Решив названные выше задачи, Лигарид должен был организовать и осуществить окончательное и официальное отстранение Никона от патриаршего престола, лишение его святительского сана и удаление подальше от Москвы, желательно под строгий надзор. Одновременно он должен был сделать все возможное по компрометации проводившейся Никоном церковной реформы и ее коррекции в том заданном направлении, которое обеспечивало бы дальнейшее ослабление Русской православной церкви, ее раскол, уменьшение влияния на царя и царскую власть, на жизнь государства.

Безусловно, такое ослабление церкви было необходимо Ватикану именно на этом этапе для захвата патриаршего престола, перевода ее (церкви) вначале из православия в униатскую церковь, а затем преобразования в полноценную составную часть Римской католической церкви. После этого уже можно было вновь принимать меры по усилению церкви и ее влияния на царя и жизнь государства, но, разумеется, в интересах Ватикана.

Завершающей частью задачи миссии Лигарида являлось, представьте себе, восшествие на освободившийся патриарший престол в Москве. Да, именно так, ни больше, ни меньше. Естественно, эту задачу можно было решить только через завоевание полного доверия и согласия царя Алексея Михайловича, архиереев Русской православной церкви, царских сановников.

Как мы видим, на Лигарида возлагались очень и очень большие надежды. Несбыточными они в то время не казались, хотя, по существу, он должен был сделать то, что к этому времени безуспешно пытался сделать Ватикан на протяжении уже нескольких веков.

Довольно существенные обстоятельства должны были способствовать Лигариду в решении трудной задачи. Прежде всего, то, что он являлся митрополитом православной церкви и прибыл в Москву якобы по поручению Восточных патриархов, хотя никаких официальных верительных грамот с собой у него не было, да и не могло быть. Разумеется, кроме грамоты, изготовленной обманным путем якобы от патриарха Константинопольского Дионисия. К ним также следует отнести его ученую степень доктора философии и богословия, богатый опыт подрывной деятельности против православной церкви, личные качества и эрудицию, европейские манеры.

Очень важным обстоятельством являлся расширявшийся раскол в Русской православной церкви, потребность в авторитетном религиозном деятеле со стороны, который бы помог разобраться в ситуации. Кроме того, разноречивые оценки Никона и его деятельности, наличие явных и сильных противников у опального патриарха среди высшей знати и иерархов церкви, старообрядцев, неприязненное, а зачастую и враждебное отношение к нему царя Алексея Михайловича.

Не менее важным для Лигарида был учет и тех обстоятельств, которые могли воспрепятствовать ему в решении задачи. Главными из них, пожалуй, были следующие: во-первых, грандиозность и величие фигуры патриарха Никона, который бы никогда не отказался от своих убеждений и которого нужно было побеждать в тяжелой борьбе с применением нечестных приемов, не допуская при этом кого-либо из русских иерархов в число претендентов на патриарший престол. Понятно, что соперники Лигариду были не нужны.

И, наконец, во-вторых, дамокловым мечом над Лигаридом висели его отлучение от православной церкви и утечка информации об этом и его подрывной деятельности по заданию Ватикана. И это было очень и очень тревожно. Дошла ли информация до Москвы или нет? Если дошла, то поверили ли ей русские, будут ли перепроверять и каким образом, сколько времени может занять проверка, насколько опасной может стать ситуация для самого Лигарида при самом неблагоприятном исходе? Согласитесь, что эмиссару Ватикана в таких условиях нужно было иметь исключительное самообладание, изворотливость и быструю реакцию, чтобы действовать хладнокровно без видимых ошибок и не навлечь на себя подозрений.

Лигариду необходимо было также выработать и соответствующую тактику действий, которая бы не только помогала решить задачу, но и в максимальной степени обеспечивала поддержку в Москве со стороны надежных союзников, возможность маневра и личную безопасность при возникновении непредвиденных обстоятельств.

Как же развивались события далее? Историк Н.А. Гиббенет, исследовавший в 80-х годах XIX в. архивные документы по делу патриарха Никона, писал: «...По приезде в Москву Паисий представился к царскому двору, но с Никоном ни свидания, ни сношения не имел; они и не знали лично один другаго; личное знакомство между ними, как мы увидим, последовало не скоро и при самых неблагоприятных обстоятельствах. Как человек сметливый, Паисий сразу понял уединенное положение Никона, ничего не обещавшее Паисию, и потому он не замедлил стать на сторону противников Никона, так как эта сторона была сильнее, и потому надежнее и выгоднее для Паисия, нуждавшагося в помощи для улучшения своего личнаго положения. Поэтому Паисий действовал без всяких стеснений по отношению к Никону; самыя действия его, которыя выражаются в приведенном ниже письме его к царю (от 29 мая 1662 г. — *прим. авт.*), показывают, что он с самаго появления своего в Москве, ни попытки, ни намерения не имел водворить мир в русской церкви, помирить царя с патриархом...»[774]. На наш взгляд, Н.А. Гиббенет в основном правильно здесь оценил поступки Лигарида, их мотивацию и его намерения, только примкнул Лигарид к противникам Никона все-таки не из-за стремления улучшить свое личное положение, а в соответствии с целью приезда в Москву. А как же иначе?

Ознакомившись с обстановкой в Москве, пообщавшись с непримиримыми противниками Никона, Лигарид узнал о нем очень много самых разных мнений и слухов, вплоть до фантастических. Например, что Никон получил взятки от посла Священной Римской империи германской нации Аллегретти де Аллегретто и даже от короля Польши Яна II Казимира за то, чтобы Россия прекратила войну с Польшей и объявила войну Швеции. (Посольство Аллегретти де Аллегретто прибыло в Москву 7 октября 1655 г., выехало из Москвы 7 мая 1656 г. Член посольства Франциск Гундулич, написавший путевые заметки о поездке в Москву, должен был бы описать такое не рядовое событие, как аудиенция посольства у патриарха Никона, если бы она была. Но в заметках Ф. Гундулича об этом нет ни одного слова. Фактически же получилось так, что 25 октября 1656 г. между Россией и Польшей при посредничестве Священной Римской империи германской нации был подписан протокол о Виленском перемирии и прекращении военных действий. В это же время Россия

[774] *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Часть 1. СПб., 1882. С. 126.

объявила войну Швеции и 15 июля 1656 г. царь Алексей Михайлович выступил в Ливонский поход). У историка В.Н. Берха мы можем найти продолжение вышесказанному слуху со ссылкой на шведского военнопленного капитана Филиппа Иоганна Страленберга, после возвращения из плена (1711–1721) в Швецию написавшего книгу, в которой нашлось немного места и Никону. В этой книге Ф.И. Страленберг добавил, что «значительные денежные суммы, полученныя им (Никоном. — *прим. авт.*) от Польскаго Короля, были истинными причинами его желания иметь влияние на дипломатическия дела»[775]. Ни больше ни меньше!

Другой слух был еще невероятнее, еще страшнее: «...Униат Кульчинский говорит, что Никон просил Царя Алексея Михайловича объявить его Папою и что будтобы у него и Папския Регалии уже готовы были. Но когда Царю объяснили желание его и доказали, что ему нельзя уже будет жить в Москве вместе с Папою, то дело сие и умерло...»[776]. Уже после отправления патриарха Никона под надзор в монастырь, 19 ноября 1670 г. в Рижской газете «...появилось известие, что Никон будто бы был низложен за то, что позволил лютеранам, кальвинистам и папистам ходить в русския церкви и что он, собрав большое войско, хочет идти войною против царя...»[777].

Всевозможные слухи будоражили царское окружение, духовенство и гражданское общество, мешали правильной оценке ситуации, создавали угрозу ошибок и заставляли Лигарида все больше и больше уточнять и перепроверять интересующие его сведения.

Перечень лиц, с которыми контактировал Лигарид, на которых он влиял своим авторитетом православного митрополита и посланца Восточных патриархов или использовал в своих интересах, насчитывает многие десятки фамилий. В их числе царские сановники Семен Лукьянович и Родион Матвеевич Стрешневы, Никита Иванович Одоевский, Юрий Алексеевич и Дмитрий Алексеевич Долгорукие, Петр Михайлович Салтыков, Артамон Сергеевич Матвеев, Богдан Матвеевич Хитрово, Алмаз (Иван) Андреевич Иванов, Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин и другие.

Впечатляет и перечень иерархов церкви: патриархи Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий, митрополит Новгородский и Великолукский Питирим, митрополит Сарский и Подонский Павел, митрополит Ростовский и Ярославский Иона, митрополит Казанский и Свияжский Лаврентий, митрополит Никейский Григорий, митрополит Амасийский Косьма, митрополит Трапезундский Филофей; архиепископы Астраханский — Иосиф, Тверской и Кашинский — Иоасаф, Сербский — Гавриил, Рязанский и Муромский — Иларион, Псковский и Изборский — Арсений, Смоленский и Дорогобужский — Филарет; архимандрит Троице-Сергиевого монастыря Иоасаф (будущий патриарх), архимандрит Чудова монастыря Иоаким (будущий патриарх) и другие. Все они являлись очень известными и влиятельными людьми, и среди них было очень много непримиримых противников патриарха Никона.

Обязательно нужно обратить внимание и на то, что практически весь период пребывания Лигарида в Москве его переводчиком с латинского на русский язык и обрат-

[775] *Берх В.Н.* Царствование царя Алексея Михайловича. Часть 1. СПб., 1831. С. 227.

[776] Там же. С. 224.

[777] *Иконников В.С.* Новые материалы и труды о патриархе Никоне. Киев, 1888. С. 43.

но являлся Симеон Полоцкий, прибывший в Москву в 1663 г. Симеон Полоцкий бы рекомендован Лигариду епископом Черниговским Лазарем Барановичем, когда Лига рид останавливался у него по пути в Москву. Отношения между Лигаридом и Полоц ким были уважительными и доверительными, они сообща работали не только над на писанием и переводами документов, но и по делу патриарха Никона. Зная, что дела и что собирался делать в отношении патриарха Никона Лигарид, Полоцкий ни в че дурном его даже не заподозрил. Может быть, Полоцкий поддерживал направленност действий Лигарида? Или он был загипнотизирован высоким саном митрополита Га ского? Более подробно о Симеоне Полоцком мы поговорим в одном из разделов ниже

Из других связей Лигарида также отметим епископа Черниговского Лазаря Ба рановича; сотрудника патриарха Никона, справщика Печатного двора Арсения Гре ка (ниже мы о нем расскажем подробнее как об эмиссаре Ватикана); видного деяте ля Ордена доминиканцев в Польше Людвига Ширецкого; военачальника и дипло мата, выпускника иезуитской коллегии в Дуэ Павла Гавриловича Менезиуса (Пол Мензиса); архимандрита Московского Никольского греческого монастыря Диони сия по прозвищу «Святогорец». (Дионисий «Святогорец» также привлекался к уча стию в работе Московских Соборов 1666 и 1667 годов в качестве переводчика Восточных патриархов Паисия и Макария). Некоторое время переводчиком у Ли гарида являлся Семен Лаврецкий, бывший член Ордена доминиканцев, который 1661 г. прибыл в Москву для трудоустройства на царскую службу и работавший того времени переводчиком в Посольском приказе.

Итак, завоевав доверие и благосклонность царя и его ближайшего окружени Лигарид приступил к решительным действиям.

29 мая 1662 г. он направил письмо царю Алексею Михайловичу, в которо высказывая свое мнение о сложившейся тяжелой ситуации в связи с нерешенно стью вопроса о патриархе, прямо предлагал призвать Никона к суду в связи с остав лением им патриаршего престола. Лигарид писал: «…Слышу с большой жало стию, что патриарх Никон не покидывает владенья церковнаго и не воздерживает ся от дел патриаршеских, но уставы святые творит, гневно грозит, проклинает без всякой пощады, и духовной любви образца не имеючи на себя никакой власти, н прямого владения такие дела творит, когда подлинно не есть пастырь… но что его иные судили должно есть и воззвать его надобно и совершенно спросить дл чего он свой престол оставил и вашего царскаго величества безопасно отбыл…»[778] Этим письмом Лигарид нанес тяжелейший удар Никону, он фактически не тольк задал тональность дальнейшему расследованию дела, но и явился катализатором ускорителем этого расследования.

Узнав об этом письме царю, патриарх Никон в июне 1662 г. доверчиво и откро венно написал письмо Лигариду о событиях 1658–1662 гг.: «…мы нынеча лучшаг ради познания пишем ти, еже како исперва случися, да познаеши истинно еже о на шем неповинном страдании…»[779]. В конце письма Никон пожелал Лигариду, что бы он был здоров и не забывал Никона в своих молитвах. Не знал тогда еще Никон что представлял собой Лигарид…

---

[778] *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Часть 1. С. 221.

[779] Там же. С. 222.

Но вот Лигарид уже хорошо знал, что представляет собой патриарх Никон. Это видно из содержания письма, отправленного 12 июля 1662 г. Лигаридом Никону. Некоторыми историками оно воспринимается как попытка Лигарида примирить патриарха с царем. Но это совсем не так. Зная уже в то время гордый и самолюбивый характер Никона, отрицание им всяческой собственной вины в событии 10 июля 1658 г., Лигарид включил в письмо и осуждение его поступков, и призывы покаяться, смириться, и даже вернуться на патриарший престол: «...Иди и не отказывайся отдать кесарево кесареви, и какому кесарю? Смиренномудрейшему! И тебе смириться подобает...»[780]. Эмиссар Ватикана прекрасно понимал, что его предложения заведомо обречены на категорическое неприятие в силу особенностей конфликта и личностных характеристик его участников, но тем не менее такой ход был сделан. Он должен был продемонстрировать и продемонстрировал царю, противникам и сторонникам Никона якобы имевшую место заинтересованность Лигарида в мирном разрешении конфликта, его сострадание к Русской православной церкви, объективность и мудрость в оценках и поступках. После этого Лигарид открыто перешел в стан противников Никона, поддерживая нужные ему контакты как с царскими сановниками, так и с иерархами церкви, организуя все последующие действия по его официальному отрешению от патриаршего престола.

Выполняя царское распоряжение, боярин Семен Лукъянович Стрешнев подготовил перечень из 30 вопросов — обвинений патриарха Никона в различных поступках, связанных с его государственной деятельностью, церковной реформой, взаимоотношениями с царем Алексеем Михайловичем, царскими сановниками и иерархами Русской православной церкви, и передал его на рассмотрение и оценку (для подготовки ответов) Лигариду. Как мы понимаем, фактически они оба являлись соавторами этого документа. 15 августа 1662 г., то есть практически через месяц после его письма Никону, Лигарид представил подготовленные им ответы С.Л. Стрешневу, сопроводив их обещанием «говорить правду». Этот перечень С.Л. Стрешнева с ответами Лигарида проанализирован не раз, как врагами, так и сторонниками Никона, поэтому еще раз возвращаться к этим документам нет необходимости. Мы только отметим здесь, на наш взгляд, главное: и перечень, и ответы носят ярко выраженный обвинительный характер, не оставляя каких-либо вариантов царю Алексею Михайловичу для примирения с Никоном и возвращения Никона на патриарший престол. Оба автора знали, что их совместный труд будет прочитан царем, и постарались, чтобы у него и мысли не возникло о примирении с Никоном, а дальнейшие события не выходили из рамок официального низложения Никона с патриаршего престола со всеми вытекающими последствиями.

Результатом этих усилий явилось то, что 21 декабря 1662 г. царь Алексей Михайлович повелел созвать в мае или июне 1663 г. Собор для рассмотрения дела Никона, поручив провести за оставшееся время необходимые подготовительные мероприятия, включая приглашение на Собор Вселенских патриархов.

Однако через несколько дней ситуация резко изменилась — 28 декабря 1662 г. Никон без царского разрешения неожиданно прибыл в Москву, остановился на подворье Воскресенского монастыря и через царского духовника Лукиана обратился к

[780] Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 6. С. 245.

царю с просьбой об аудиенции. Узнав о приезде Никона, царь пришел в негодова ние и в аудиенции отказал, после чего Никон сразу же отправился в свой монастырь

По указанию царя Алексея Михайловича сроки открытия Поместного Собора были перенесены, и он начал свою работу на следующий день — 29 декабря 1662 К этому времени Лигарид уже заслужил царское доверие, и председательствоват на вновь открытом Соборе было поручено именно ему. Лигарид получил реаль ную возможность оказать нужное ему воздействие не только на царя и его боярско окружение, но и на архиереев, высшее руководство Русской православной церкви Что он еще мог пожелать! И этой возможностью он воспользовался. Конечно, при этом Лигарид надеялся на поддержку царя Алексея Михайловича.

Очень важным поручением царя Лигариду являлось поручение рассмотреть деятельность Московского Поместного Собора 1660 года и его Деяние (постанов ление) от 14 августа 1660 г. по вопросу о правоспособности царя Алексея Михайло вича совместно с Поместным Собором избрать и поставить нового патриарха Мо сковского и всея Руси. Ясно, что царь использовал Лигарида в качестве авторитет ного зарубежного эксперта для оценки своих собственных действий и постановле ния Поместного Собора во избежание ошибки, которая могла привести к нежела тельным последствиям. Лигарид выполнил царское поручение и 29 декабря 1662 представил «Разсуждение газскаго митрополита Паисия, о действиях собора, со стоявшагося в Москве в 1660 году, и его постановлении, по поводу оставления па триархом Никоном святительскаго престола».

Документ начинается так: «171-го Декабря в 29 день. По указу великаго госуда ря царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Рос сии самодержца, Газской митрополит Паисий, при Рязанском архиепископе Ила рионе да при боярине при Петре Михайловиче Салтыкове да при думном дворяни не Прокофье Кузмиче Елизарове да при дьяке Лукьяне Голосове, слушал в Патри аршей Крестовой Палате соборнаго деяния, что было в прошлом во 168 году о от шествии патриарха Никона...»[781]. Лигарид отметил, что царь имеет полное прав и без патриарха собрать Собор, одобрил ответы архиереев и бояр на вопросы царя подчеркнул достаточность свидетелей. Он указал, что Никон совершил «своевол ное патриаршества отвержение, как и свидетели извествуют, а ныне говорит, будто он отвержения патриаршества не чинил, забыв пророка Михеа словеса, которой на писал, что устам священным отнюдь лгати не должно есть...»[782]. Лигарид в свое «Разсуждении» настойчиво обращал внимание царя на то, что «И то де знатно, что тот, кто то деяние складывал — враг государю царю, и правде, и всему собору»[783] Мы видим, что Лигарид не упустил возможности бросить камень в участников По местного Собора — составителей его постановления, которые через несколько лет примут участие в работе Соборов 1666 и 1667 годов.

10 мая 1663 г. Лигарид вновь председательствует на заседании Поместного Со бора. Он внушил участникам Собора, что «...Никона нужно предать суду. Одно временно, он пустил слух, будто Никон в гордыне своей уподобляет себя римском

[781] *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Часть 2. С. 585.

[782] Там же. С. 587.

[783] Там же. С. 588.

папе, и даже якобы жаловался в Ватикан. С бессовестной ловкостью Лигарид стал внушать царю и боярам, что идея симфонии, верным поборником которой являлся Никон, — в корне неправильна и что ею маскировался патриарх лишь в целях возвеличить себя... Обвинив патриарха в покушении на царскую власть, Лигарид дал, наконец, его врагам повод законно добиваться низложения... Став в позу защитника царской власти от мнимого "папоцезаризма" Никона, Лигарид составил ряд лукавых вопросов, содержавших в себе будущие обвинения против патриарха... Блестящие ответы патриарха, предостерегавшие царя от цезарепапизма, как от духа Антихриста, оказались ловко передернуты Лигаридом, извращены и представлены на суде, как опасные для Церкви и престола...»[784].

Оценив расстановку сил и развитие событий, Лигарид сделал очень выверенный и сильный ход. Он привлек на свою сторону непримиримую оппозицию Никону в лице старообрядцев и совместно с Семеном Лукьяновичем Стрешневым принял участие в составлении ими петиции против Никона и его деятельности по реформе церкви. Фактически Лигарид объединил в борьбе против Никона боярскую и старообрядческую (светскую и церковную) оппозицию. Заметим, что именно в это время, в мае 1662 г., лидер старообрядцев и яростный враг патриарха протопоп Аввакум по царскому решению был отправлен из далекого Забайкалья в Москву для продолжения совместной борьбы против Никона. В Москву он прибыл весной 1664 г.

Протопоп Аввакум люто ненавидел Никона. Вот, например, что он писал в своей челобитной царю Федору Алексеевичу: «...А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во един час. Не осквернил бы рук своих, но и освятил, чаю. Да воевода бы мне крепкой, умной — князь Юрья Алексеевич Долгорукой! Перво бы Никона, собаку, и рассекли начетверо, а потом бы и никониан...»[785].

Доверие царя Алексея Михайловича к Лигариду было настолько велико, что весной 1664 г. он был назначен местоблюстителем патриаршего престола, а 9 апреля того же года царь посетил Лигарида в Николаевском монастыре в Москве и пожаловал ему 70 рублей[786]. Правда, 6 августа 1664 г. местоблюстителем патриаршего престола был назначен архиерей Русской православной церкви, митрополит Ростовский и Ярославский Иона, но Лигарид сохранил за собой ведущее положение в расследовании дела патриарха Никона.

Тут опять произошло неожиданное событие. 18 декабря 1664 г. в Успенский собор Московского Кремля во время богослужения внезапно приехал Никон, и местоблюститель патриаршего престола, т.е. исполняющий обязанности главы Русской православной церкви, митрополит Иона подошел к нему под благословение. Об этом сразу же было доложено царю Алексею Михайловичу, который распорядился срочно вызвать к нему Лигарида, митрополита Сарского и Подонского Павла, митрополита Сербского Феодосия и комнатных бояр для обсуждения ситуации. Затем царь оставил Паисия Лигарида при себе, а остальных отправил беседовать с

[784] *Воейков Н.Н.* Церковь, Русь и Рим. С. 418–419.

[785] Житие протопопа Аввакума. М., 2001. С. 89.

[786] Дела Тайнаго Приказа. Книга третья // Русская Историческая Библиотека. Т. 23. СПб., 1904. С. 486. (Все последующие ссылки о царских пожалованиях Лигариду сделаны по этой книге, а также по изданию: Дела Тайнаго Приказа. Книга первая // Русская Историческая Библиотека. Т. 21. СПб., 1907).

Никоном. Симеон Полоцкий так описывал этот эпизод в своей записной тетради «…лета 1664, декабря 18, в неделю перед Рождеством Христовым, Патриарх Московский Никон, который оставил престол свой, приехал ночью на Москву, взошел на престол, а когда его не приняли, то, взяв посох святаго Петра Митрополита, уехал. Тут я позван был в присутствие его царскаго величества для перевода латин славнейшаго отца Паисия, Митрополита Газскаго. Посылано к патриарху за посохом; отдал его»[787].

В результате было принято решение рассмотреть этот вопрос на Поместном Соборе, что и было начато уже 21 декабря 1664 г., а закрыт вопрос был 22 июля 1665 г. В заседаниях Собора принял активное участие Лигарид, он подписывал соборные определения о вине митрополита Ростовского и Ярославского Ионы, удалении его с звания местоблюстителя патриаршего престола с оставлением в архиерейском сане в своей епархии (заседания Собора от 27 января и 10 февраля 1665 г.).

20 марта 1665 г. царь Алексей Михайлович назначил митрополита Сарского и Подонского Павла местоблюстителем патриаршего престола, о чем царские грамоты были направлены всем архиереям. Чрезвычайная ситуация, возникшая из-за поступка митрополита Ионы (остался ли он после благословения Никона местоблюстителем патриаршего престола, можно ли царю после этого подходить к нему под благословение и т.д.), практически была разрешена, и благодарный царь Алексей Михайлович посетил Лигарида в Чудовом монастыре и пожаловал ему 100 рублей. Через полтора года, 4 октября 1666 г., ему было пожаловано 42 рубля с полтиною.

На рубеже 1665–1666 гг. патриарх Никон сделал попытку обратиться за помощью к Восточным патриархам и послал к ним своего дальнего родственника Федота Марисова, о чем в Москве, конечно, своевременно «проведали». Как пишет С.М. Соловьев, в январе 1666 г. был направлен гонец к гетману запорожскому Ивану Мартыновичу Брюховецкому «...с требованием захватить патриаршего посланца; Марисова поймали и прислали в Москву вместе с грамотами; грамоты эти были прочтены: в них Никон подробно описывал патриархам, что случилось с ним с того времени, как вступил он на патриарший престол...»[788]. Никон не забыл написать и о Лигариде: «...Главный враг мой у царя — это Паисий Лигарид; царь его слушает и как пророка Божия почитает; говорят, что он от Рима и верует по-римски, хиротонисан дьяконом и пресвитером от папы, и когда был в Польше у короля, то служил латинскую обедню...»[789]. Лигарид рассказывал голландскому дипломату Николаасу Витсену, что «…патриарх тайно послал в Грецию человека дурной славы, чтобы оклеветать его там, и как этого человека в Киеве схватили и в оковах привезли сюда, и как патриарх связался с людьми, которые прежде были у митрополита на службе и выгнаны за воровство. Завидуя его (Лигарида. — *прим. авт.*) учености, его обвинили перед царем в ереси и в изучении латыни…»[790].

Как и следовало ожидать, перехваченное письмо еще больше ухудшило отношение царя к Никону и вызвало ярость Лигарида. «...Если и прежде Никон не щадил

---

787 Цит. по: *Татарский И.* Симеон Полоцкий (Его жизнь и деятельность). М., 1886. С. 76.

788 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 6. С. 272–273.

789 Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 6. С. 274.

790 *Николаас Витсен.* Путешествие в Московию. СПб., 1996. С. 162.

жестких выражений относительно Алексея Михайловича, то это было дело свое, домашнее, о котором знали свои, немногие; а теперь Никон решился выставить в черном свете поведение государя относительно себя, относительно церкви и всего народа перед чужими, и именно перед людьми, добрым мнением которых, по религиозности своей, Алексей Михайлович очень дорожил...»[791]. Все это никак не способствовало нормализации отношений между царем и Никоном, что было на руку Лигариду.

Все эти годы в Москве с нетерпением ждали приезда Вселенских патриархов, надеясь, что они своей властью, знаниями и авторитетом помогут разрешить ситуацию, возникшую с уходом Никона с патриаршего престола. И вот 2 ноября 1666 г. в Москву торжественно въехали патриарх Александрийский Паисий и патриарх Антиохийский Макарий. Другие Вселенские патриархи по разным причинам (благодаря усилиям дьякона Мелетия, о чем ниже) не приехали. После предварительных заседаний уже 29 ноября Поместный Собор принял постановление о вызове Никона из Воскресенского монастыря для участия в работе Собора, и в ночь на 1 декабря он прибыл в Москву.

1 декабря 1666 г. состоялось первое заседание Большого Собора, в котором приняли участие царь Алексей Михайлович, Восточные патриархи Паисий и Макарий, Паисий Лигарид, местоблюститель патриаршего престола митрополит Сарский и Подонский Павел, архиереи Русской православной церкви и приглашенные, а также патриарх Никон. Затем 5 декабря заседание было продолжено, а 12 декабря 1666 г. Большой Собор принял решение — «Деяние Московского Собора о низложении патриарха Никона». На греческом языке это решение на Соборе было прочитано Лигаридом, на русском — архиепископом Рязанским и Муромским Иларионом. В «Деянии» говорилось: «...по Святым и Божественным Богопроповедников Апостолов, по вселенских же средних и поместных благочестивых соборов правилом, сотворихом его всякаго священнодейства чюжда: во еже бы ему к тому не действовати Архиерейских. Ибо его совершенно извергохом и низложихом мы Божиею милостию Патриарси с омофори и с епитрахили, со всем поместным Преосвященным собором и со Греческими прилучившимися Архиереи, изъявляюще, еже отныне вменятися именоватися простым монахом Никону, а не к тому Патриархом... место же Никонову пребыванию до кончины жития его назнаменовася в некоем монастыре, во еже бы ему безпрепятно и безмолвно плакатися о своих гресех...»[792]. Указанное выше «Деяние» подписано и Лигаридом. Позднее он написал сочинение о Московском Соборе 1666–1667 гг. и суде над патриархом Никоном, которое было представлено им царю Алексею Михайловичу. «В виду составления этого труда Паисий Лигарид просил царя Алексея Михайловича разрешить ему свободный доступ к царским книгохранилищам для рассмотрения и чтения греческих и латинских сочинений»[793].

Здесь стоит привести слова историка Д.А. Толстого: «...Паисий приехал в 1662 году в Москву, без ставленой грамоты, как-бы духовный самозванец; но, как хитрый и вкрадчивый грек, сумел заслужить расположение царя Алексея Михайло-

[791] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 6. С. 275.

[792] Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897. С. 450.

[793] Там же. С. III–IV.

вича, и сделался сначала следователем по делу патриарха Никона, а потом и судье над ним. Никон явно обвинял его в латынстве, и не ошибался, ибо сохранились тай ныя его сношения с Римом, клонившияся к совращению русских в латынство...»[794] Собственно говоря, стать сначала следователем, а затем и судьей по делу патриар ха Никона, — так и планировал действовать Лигарид еще до приезда в Москву, тог да, когда ему архимандрит Леонтий готовил подложную рекомендательную грамо ту якобы за подписью патриарха Константинопольского Дионисия. Как вырази ся историк И. Татарский, «...Никону довелось испытать злейшую иронию судьбы его жесточайшим противником, наиболее содействовавшим его падению, оказался именно, никто иной, как сам натуральный грек, пришедший к нам с Запада вели чайший латинник того времени, Паисий Лигарид...»[795].

Безусловно, Лигарид был удовлетворен, одна часть задачи выполнена, тепер бы официальным решением утвердить раскол в Русской православной церкви и са мому взойти на патриарший престол, и другого ничего и желать не надо. Но 31 ян варя 1667 г. Большой Собор принял «Деяние 15-е Московского Собора» о выбор из трех кандидатов на патриарший престол архимандрита Троице-Сергиевого мо настыря Иоасафа, который, к большой печали Лигарида, и был избран патриархо Московским и всея Руси 18 февраля 1667 г. Несмотря на это, Лигарид продолжа оставаться в почете у царя Алексея Михайловича, который 20 марта 1667 г. посе тил Лигарида в Чудовом монастыре и пожаловал ему 30 рублей. В мае того же год Лигарид участвовал в составлении и подписании «Настольной грамоты вселенски патриархов и всего освященного Собора, данной избранному всероссийским па триархом, на место Никона, архимандриту Троице-Сергиевой лавры Иоасафу».

Что касается решения еще одной задачи, то 13 мая 1667 г. Большой Собор при нял постановление, фактически утвердившее раскол внутри Русской православно церкви, который значительно ее ослабил. Что и нужно было Лигариду. Еще одн задача была успешно решена. Ну а царь Алексей Михайлович распорядился, что бы дьяк приказа Тайных дел Федор Михайлов отвез Лигариду пожалованные ему 200 рублей, что и было сделано 13 ноября 1667 г. Мы видим, что Российское госу дарство фактически финансировало подрывную деятельность, которую проводил против него и Русской православной церкви Паисий Лигарид.

Хотелось бы привести еще один факт из деятельности Лигарида в Москве. Между 4 и 9 декабря 1667 г. по предложению царя Алексея Михайловича состоялась встреча патриархов Александрийского Паисия и Антиохийского Макария с польскими послами Беневским Станиславом Казимиром и Бростовским Киприаном Павлом. В этой встрече участвовал и Лигарид. Он сделал от имени патриархов и своего имени сенсационное заявление, что все они являются приверженцами унии между Русской православной и Римской католической Церквами. Вот как это происходило. Послы выразили пожелание, чтобы мир между Польшей и Россией «чрез согласие и соединение веры Российскому народу возсиял»[796]. На это «Именем Патриархов отвечал Паисий Лигарид, Митрополит Газский, муж ученый, уве-

[794] *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Т. 1. С. 107–108.

[795] *Татарский И.* Симеон Полоцкий. (Его жизнь и деятельность). С. 196.

[796] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Историческое известие о возникшей в Польше Унии. С. 28.

ряя Послов, что и Патриархи сего единодушно желая, денно-нощно возсылают на небо свои о том моления»[797]. Естественно, послы доложили королю Польши Яну II Казимиру об этом заявлении, чем привели его в восторг. И 28 марта 1668 г. он направил царю Алексею Михайловичу грамоту, в которой писал, что «...поручил он Гнезненскому Архиепископу, дабы сей, призвав Польское духовенство, и выбрав лучших из них, отправил в Москву для договоров о сем с Греческим и Российским духовенством, обещая о том и с папою Климентом IX снестись, дабы и он, разрешив трудности, общий оный съезд согласием и благословением своим отеческим утвердил...»[798]. Такого же содержания грамота была послана 25 марта 1668 г. и патриархам Паисию Александрийскому и Макарию Антиохийскому. В грамотах на усмотрение царя и патриархов предлагалось время и место проведения съезда — июнь 1668 г. в Москве. Царь Алексей Михайлович и бояре приняли решение не реагировать на грамоты польского короля, ответ ему не давать и о пришедшей грамоте патриархов не информировать.

Историку П.О. Пирлингу удалось разыскать в Архиве конгрегации «Пропаганда Веры» некоторые документы, относящиеся к этой интереснейшей ситуации и добавляющие очень важные штрихи в общую картину. Как по обнаруженным документам эта ситуация воспринималась в королевском дворце в Варшаве, папским нунцием в Польше, в Риме? Перед польским королем Яном II Казимиром открылась перспектива не только установления прочного мира между Польшей и Россией, но и заключения унии между Римской католической и Русской православной Церквами, в чем его личная историческая роль являлась бы определяющей. Такая перспектива войти в историю очень его радовала. Как писал П.О. Пирлинг, «Ян Казимир увлекся величием предложеннаго замирения. Перед его глазами блеснула картина единой вселенской церкви, умиротворенной его стараниями. Он поручил епископам и сенаторам переговорить с нунцием, а сам, 28-го марта 1668 года, письменно обратился к восточным патриархам, к Лигариду и к царю Алексею. Вспомнив, что он когда-то принадлежал к духовному званию, он подробно изложил свои богословские соображения в письме к патриархам, Лигариду напомнил пребывание в Риме, а царю предложил созвать в Москве, в июне месяце, русских и польских епископов для всесторонняго обсуждения вопроса. И не теряя времени, он просил примаса собрать подходящий материал, и с своей стороны известил папу Климента IX о своих надеждах...»[799].

Ну а что же думал по этому поводу папский нунций? «Между тем нунций Пиньятелли несколько обиделся. Вероятно, его сначала обошли, не предупредив его вовремя. Ян Казимир как-будто задумывал новый флорентийский собор на русско-польской подкладке. В такой затее инициатива принадлежала папе, а без его ведома не следовало созывать собор. Познакомившись с письмом короля к царю, нунций одобрил только содержание, а не внешнюю форму, и чрез французскаго посланника Пьера де Бонзи, епископа Безьера, сильно жаловался королю. Ян Казимир сдался

---

[797] Там же. С. 28.

[798] Там же. С. 29.

[799] *Пирлинг П.* Паисий Лигарид. Дополнительные сведения из римских архивов // Русская Старина. Т. 109. СПб., 1902. С. 348.

на представления нунция. Немедленно курьер был отправлен, чтоб воротить с до роги уже высланное в Москву письмо. Вместе с тем король заявил кардиналу Ор сини, протектору Польши, что впредь ничего не будет делаться без содействия нун ция, и что папе следует самому осведомляться о московских расположениях...»[800] Письмо кардиналу Вирджинио Орсини (1615–21.08.1676, кардинал с 16 декабр 1641 г.) было направлено 11 апреля 1668 г. Одновременно ушло повторное, но уж в новой редакции, письмо в Москву царю Алексею Михайловичу.

Но Москва почему-то молчала, никак не реагируя на королевские обращения заманчивые предложения о заключении унии между Церквами. В Риме и Варшав не знали, что думать и что делать. Еще раз обращаться к царю совсем уж не годи лось, нужно было найти посредника, который через Лигарида смог бы прояснит ситуацию. Папскому нунцию в Польше, архиепископу Коринфскому Галеаццо Ма рескотти, заменившему на этом посту Антонио дель Растрелло Пиньятелли, тако посредника найти удалось. Им оказался Людвиг Ширецкий, один из видных члено польской провинции Ордена доминиканцев, около 13 лет проведший в плену в Рос сии, находившийся с Лигаридом в дружеских отношениях. По словам П. Пирлинга «20-го июня 1668 года, секретным путем, он выслал письмо Лигариду с запросом ходе дела и с просьбою о добром совете. При этом делались внушительные намек на заслуги перед Богом и перед папою, на деятельное участие нунция, который дей ствительно доносил обо всем кардиналу Роспилиози…»[801]. Не дождавшись ответа нунций Галеаццо Марескотти направил кардиналу Джулио Роспильози письмо просьбой поощрить митрополита Газского, «...который все более и более почитает ся всеми за делание столь священного дела и которому он заставил написать доми никанца о. Ширецкого, хорошо его знавшего». Копия письма о. Ширецкого Лигари ду была приложена к письму, адресованному кардиналу...»[802]. (Д.В. Цветаев в свое исследовании привел пример, когда переводчик Посольского приказа Степан Ши рецкий 24 октября 1662 г. выполнил перевод грамоты герцога Саксонского Христи ана от 23 мая 1662 г., адресованной царю Алексею Михайловичу в отношении сво боды вероисповедания проживавших в России лютеран[803]. Быть может, Степан Ши рецкий это и есть интересующий нас Людвиг Ширецкий, и этот Людвиг Ширецки ориентировочно в 1654–1666 гг. находился в плену в Москве и работал переводчи ком Посольского приказа? А имя Людвиг ему заменили в Москве русским имене Степан? В этом случае Лигарид мог без особых затруднений познакомиться посл своего приезда в Москву с Ширецким и поддерживать с ним дружеские отношени до его отбытия в Польшу в результате очередного обмена пленными).

Лигарид письмо Л. Ширецкого, направленное «секретным путем», получил ответил на него 25 сентября 1668 г. «По его мнению, положение было отчаянно Из двух, якобы склонных к единению, патриархов, один совершенно отступился, другой приготовлялся к отъезду; сам же Алексей Михайлович слишком занят дру

---

[800] Там же. С. 349.

[801] Там же. С. 349.

[802] *Воейков Н.Н.* Церковь, Русь и Рим. С. 426.

[803] *Цветаев Д.В.* Памятники к Истории Протестантства в России. Часть первая // ЧИОИДР. Книга 3 Отдел I. М., 1884. С. 154–158.

тими делами. Вследствие этого Лигарид выдавал себя за единственнаго ревнителя и поборника соединения церкви в Москве. К несчастию, он находился тогда под анафемою иерусалимскаго патриарха, Нектария, без всякой надежды избавиться от нея. Поэтому он сознается, что затеянное дело не только трудно, но даже невозможно... Так, кажется, эта попытка и канула в воду...»[804]. Более подробно о содержании письма рассказал историк Н.Н. Воейков. В середине XIX в. в архиве польской нунциатуры были обнаружены письма Паисия Лигарида. В упомянутом письме от 25 сентября 1668 г., адресованном Л. Ширецкому, он писал: «...Никто здесь не слушает на такие темы (об унии). Я сам — единственное лицо, которое могло бы проводить это дело и который воспламенен самым горячим усердием видеть успех его. Я подавлен несчастьями, преследуем заговорами, окружен клеветами. Пусть Святая Пропаганда рассмотрит внимательно и определит, как вдохновил ее Святой Дух, через милость и благодать нунция, которого я прошу повлиять в этом деле, помня, что патриарх Московский Иоасаф II сделает все, что может, чтобы лишить меня всякого места в рядах духовенства, выталкивая меня и отсекая всякую нить моей надежды быть выбранным в патриархи. Прошу тебя, как отца, не оставить ни одного камня не перевернутым, чтобы сделать что-либо для меня...»[805]. Выделим из этого письма несколько очень важных слов — **«отсекая всякую нить моей надежды быть выбранным в патриархи»**.

Не правда ли, очень красноречивое и откровенное письмо, неоспоримо подтверждающее планы Ватикана по захвату патриаршего престола в Москве, развалу Русской православной церкви и вступлению ее в унию с Римской католической церковью, ведущую роль в реализации плана самого Лигарида, митрополита Газского, «Троянского коня» Ватикана. Да, не письмо, а крик души.

В Варшаве и Риме не совсем четко представляли ситуацию, сложившуюся в Москве в Русской православной церкви и то положение, в котором находился тогда талантливый, надо сказать, эмиссар Ватикана Паисий Лигарид. По мнению Рима, ситуация была исключительно благоприятная для заключения унии. Как отмечал П. Пирлинг, «В Риме долгое время поминали об этом происшествии, и даже высказывалось мнение, что пропущен был удобный случай сближения с русским двором. В таком именно смысле кардинал Альбани говорил однажды в Пропаганде. 26-го февраля 1697 года, в своем докладе о Московии, он утверждал, что впавший в подозрение Лигарид относился однакож с уважением к римской Церкви, и потому Альбани сожалел, что ему не было оказано более предупредительности. В связи с посольством Менезия, он даже предполагал, что, пожалуй, удалось бы установить постоянныя сношения с Москвою и выслать туда папскаго представителя. Никто не противоречил словам кардинала»[806]. (Джованни Франческо Альбани (1649–1721), кардинал с 13 февраля 1690 г., 23 ноября 1700 г. избран папой Римским под именем Климент XI). Нужно сказать, что Лигарида в Риме довольно долго подозревали в том, что он предал католичество и принял православие. Не вдаваясь в подробности,

---

[804] *Пирлинг П.* Паисий Лигарид. Дополнительные сведения из римских архивов // Русская Старина. Т. 109. С. 349–350.

[805] Цит. по: *Воейков Н.Н.* Церковь, Русь, и Рим. С. 426.

[806] *Пирлинг П.* Паисий Лигарид. Дополнительные сведения из римских архивов // Русская Старина. Т. 109. С. 350.

скажем, что в основе подозрений было то, что Риму стало известно о пострижени Лигарида 16 ноября 1651 г. патриархом Иерусалимским Паисием в монаха, а зате и о посвящении его 14 сентября 1652 г. в православного митрополита Газского. Ка Лигарид не выкручивался перед Римом, подозрения эти доставили ему много не приятностей. Кстати, когда через 20 лет после этих событий в Риме находился цар ский посланник Павел Менезиус (с 8 августа до 20 сентября 1673 г.), даже у нег наводили справки в отношении Паисия Лигарида. Как писал П.О. Пирлинг, «Мене зий высказал мнение, что газский митрополит может доставить много пользы ил нанести много вреда католицизму в России, смотря по тому, придерживается ли о истиннаго учения, или же ложнаго?»[807]. Документ об этом П.О. Пирлинг разыска в Архиве конгрегации «Пропаганда Веры».

Лигарид осознавал, что ему удалось значительно ослабить Русскую православ ную церковь. Никон был низвергнут с патриаршего престола, лишен сана и отправ лен в монастырь, а Русская православная церковь на несколько лет лишилась па триарха. Плюс ко всему этому и раскол Церкви, к которому Лигарид также прило жил свою руку. Нетрудно представить, что он тогда чувствовал и как радовался Но тут случилось то, чего больше всего боялся Лигарид. Он был полностью изо бличен как враг православной церкви, действующий по заданию Ватикана. Патри арх Иерусалимский Нектарий, «...услыхав о действиях Лигарида в Москве, край не встревожился такими вестями. Он написал Парфению IV, что митрополит Газ ский, неканонично отсутствующий из своей митрополии, — латинский еретик, ко торого "следовало бы держать взаперти, чтобы он не ушел к своему старому госпо дину — Римскому папе, выдав ему государственные секреты..."»[808]. В 1668 г. па триархи Константинопольский и Иерусалимский торжественно предали Лигари да анафеме как врага Церкви. Нектарий написал царю Алексею Михайловичу: «.. Даем подлинную ведомость, что Паисий Лигарид отнюдь не митрополит, не архие рей, ни учитель, ни владыка, ни пастырь, потому что столько лет, как покинул свою епархию и, по правилам св. Отец, архиерейского чина лишен. Он с православными православен, а латины называют его своим и папа Римский берет от него ежегодно по двести ефимков...»[809].

Чувство меры тут изменило Лигариду, и он вздумал обжаловать это решени перед логофетом Константинопольской церкви. В ответ вновь избранный патри арх Московский и всея Руси Иоасаф II получил от патриарха Иерусалимского До сифея (преемник Нектария) письмо, в котором говорилось, что «Лигарид оконча тельно отлучен от Церкви не только за латинство, но и за противоестественные пороки...»[810]. 13 ноября 1669 г. грамота такого же содержания была доложена царю Алексею Михайловичу. Зная все это, царь не оставлял Лигарида без своего вни мания: 24 февраля 1669 г. ему было пожаловано на ладан и воск 20 рублей; 4 мар та 1669 г. Лигарид участвовал в церемонии погребения царицы Марии Ильиничны в Вознесенском девичьем монастыре; 2 апреля 1670 г. царь пожаловал Лигариду

[807] Там же. С. 337.

[808] *Воейков Н.Н.* Церковь, Русь и Рим. С. 424.

[809] Там же. С. 424–425.

[810] Там же. С. 425.

30 рублей; 15 августа 1671 г. царь Алексей Михайлович направил грамоту Молдавскому господарю Иоанну Дуке с просьбой ходатайствовать через Панагиота (султанского переводчика) перед Восточными патриархами о прощении Лигарида; 13 ноября 1671 г. по царскому указанию Лигариду было пожаловано на воск и ладан 20 рублей и 2 ведра вина церковного; 4 марта 1672 г. Лигариду было пожаловано также на воск и ладан 20 рублей, 2 ведра вина церковного, четь муки.

Исследователи отмечают, что характерной чертой Лигарида являлось его стремление к обогащению. По словам П. Пирлинга, он и в Москве «пользовался своим положением, чтобы выманивать деньги и обогащаться легкою наживою. И к каким только средствам не прибегал этот жалкий "богомолец"! Он не был обыкновенным попрошайкою или дилетантом нищенства, а мастером своего дела. Оно ведется у него сознательно, систематически, с каким-то художеством и как бы без зазрения совести. Он просит для себя и для своих служек, для племянника и для лошадей. Царю приходится выкупать христиан от турок, погашать епархиальные долги, выплачивать султану дань, разменивать медныя деньги на серебряныя, снабжать архиепископа одеждою, саккосом, митрою и домашним обиходом. Поочередно выпрашиваются карета, сани, лошади, корм, дрова и соль. И этого еще мало. Лигарид торгует соболями, узорочным товаром, каменьями, занимается маклерством, берет взятки, делает доносы и насилия, чтобы добыть лишнюю копейку, хотя он и живет на царском содержании в 361 рубль ежегодно… Денежный бес не давал покоя даровитому греку. Очень скоро после приезда в Москву, в 1662 году, он обратился к Пропаганде и к варшавскому нунцию Пиньятелли, который впоследствии был папою под именем Иннокентия XII. Несмотря на царские милости, Лигарид скорбел о потере римскаго пособия… А неизбежным исходом таких речей была убедительная грошевая просьба с обещанием остаться навсегда неизменным приверженцем Рима. Слабая сторона Лигаридовых грамот слишком ярко бросалась в глаза, чтобы пройти незамеченною. Пропаганда подчеркнула их финансовый характер…»[811]. Подчеркнем, что в период пребывания в так называемой служебной командировке в Москве (а затем и в ссылке в Киеве) Лигарид несколько раз обращался к царю с просьбой о повышении ему жалованья. Ничего не скажешь, очень изобретательно. Эмиссар Ватикана, действующий в России против России и Русской православной церкви, просит русского же царя финансировать его подрывную деятельность! И при этом в письме к папскому нунцию в Польше он просил его «выхлопотать ему от "Конгрегации Пропаганды Веры" ежегодную пенсию в размере 200 дукатов»[812]. Ничего не скажешь, стремление к обогащению действительно являлось очень даже характерной чертой Лигарида.

Все это время (после разоблачения) Лигарид стремился выехать из Московского государства, и, наконец, 24 мая 1672 г. царь Алексей Михайлович разрешил ему выезд в Палестину через Киев. Сохранилось «Дело об отпуске из Москвы в Палестину Газскаго митрополита Паисия», содержащее весьма любопытные документы. Приведем выдержку из одного из них. «180, мая в 24 день, указал великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белыя

---

[811] *Пирлинг П.* Паисий Лигарид. Дополнительные сведения из римских архивов // Русская Старина. Т. 109. С. 346–347.

[812] *Воейков Н.Н.* Церковь. Русь и Рим. С. 426.

Росии самодержец, отпустить с Москвы в Палестину Газского митрополита Паи сия, и с людми его, на Киев. А на отпуске дать ему своего великого государя жа лованья триста рублев из Болшого Приходу, двенадцать подвод, полатку в пять ру блев, полуб казенной обит кожею, людем его пяти человеком по сукну Аглинском да по киндяку человеку; да ему ж митрополиту со Дворца четыре ведра две круж ки Ренского, да рыбы два прута белужьих да два прута осетрьих, связка сухих бе лых рыбиц, людем его пяти человеком пять ведр вина да десять полот ветчины; д ему ж митрополиту дать из иконной пять образов окладных. А книги, которые о митрополит писал, на Симоновском подворье хоромы, и сад его, и всякое строены приказать беречь Посолского Приказу переводчику Миколаю Спотариюсу. А про щалную Иерусалимского патриарха грамоту из Посолского Приказу отдать ему ми трополиту с роспискою. Да с ним же митрополитом послать, от Москвы до Киева в приставех сотника Московских стрелцов да Посолского Приказу толмача...»[81 Царский указ был составлен на основании челобитных Лигарида, причем царь ука зал выполнить все его просьбы, в том числе о вине «ренском». Образа же окладны Лигарид намеревался преподнести Вселенским патриархам. Сам документ подго товлен Емельяном Игнатьевичем Украинцевым по приказанию Артемона Серге вича Матвеева. Миколай Спотариус — это известный исторический персонаж Ни колай Гаврилович Спафарий Милеску, дипломат, переводчик Посольского приказ в 1675 г. он возглавил российское посольство в Китай.

Паисий Лигарид даже не успел толком обрадоваться, как в тот же день ука этот был отменен. Прошло несколько месяцев, и 13 февраля 1673 г. царь вновь ра решил ему выезд в Палестину через Киев, пожаловав перед отъездом 20 феврал мукой пшеничной (3 чети с осминою) и мукой ржаной (5 четей с осминою).

Далее события развивались так: 20 мая 1673 г., проезжая через Киев, Лигари был там задержан и помещен в Софийский монастырь под надзор Киевского вое воды. Почему? Дело в том, что в Москве, по словам Ю.В. Арсеньева, перестали до верять политической и религиозной благонадежности Лигарида. Да и султански переводчик Панагиот, на помощь которого в деле прощения Лигарида так надеялс царь Алексей Михайлович, писал царю, «...чтоб не велел Газскаго митрополита Москвы отпускать, чтоб он не учинил в Царьграде и в иных местах какого дела...» Вследствие этого совета Киевским воеводам предписано было царским указом «без особаго государева приказа ниоткуда не отпускать Паисия из Киева, а буде о похочет к кому за Днепр или с гречаны в Царьград писать какия письма, тех писем ни под каким видом не отсылать, а следить за ним и его перепиской накрепко...»[814]

Самым известным и полномочным священнослужителем в Киеве того време ни был Иннокентий Гизель, архимандрит Киево-Печерского монастыря. Как писа историк В.О. Эйнгорн, «...С Паисием Лигаридом, который позволял себе вмеши ваться в дела киевской митрополичьей консистории, хотя сам жил в Киеве под стро гим надзором воеводы, Гизелю приходилось иметь иногда неприятные столкнове ния. С своей стороны Паисий писал в Москву доносы на киевское духовенство и на блюстителя киевской митрополии Барановича; наконец, газский митрополит напи

[813] Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 6 С. 216.

[814] *Арсеньев Ю.* Новыя данныя о службе Николая Спафария в России (1671–1708 гг.). С. 9.

сал в Москву, чтобы ему разрешено было исполнять в Киеве все епископския обязанности, т.е. чтобы ему было передано управление киевскою митрополиею...»[815]. Вмешательство в дела митрополичьей консистории, доносы, откровенное желание и попытка стать митрополитом Киевским (а Киевская митрополия не шла ни в какое сравнение с митрополией Газской, достаточно посмотреть на карту Украины того времени и карту восточного побережья Средиземного моря с городом Газа. Причем не только по размерам территории и численности населения, но и по политическому значению и устройству, экономике, защищенности и т.д.), все эти его действия, как-будто бы он не был отлучен от православной церкви, изрядно потрепали нервы духовенству Киевской митрополии и воеводе Киевскому. Но надежды Лигарида не сбылись.

Неожиданно по царскому указу он был вызван в Москву, куда выехал из Киева 17 сентября 1675 г., в Москву прибыл 6 ноября того же года. В Москве он пробыл недолго, предположительно весной 1676 г. вернулся в Киев, где и умер 24 августа 1678 г. Примерно через год патриарх Московский и всея Руси Иоаким получил грамоты от патриарха Иерусалимского Досифея от 21 и 24 июля 1679 г. с просьбой поручить выслать оставшиеся после смерти Паисия Лигарида его личные вещи.

Как мы видим, несмотря на все старания, не был Паисий Лигарид избран патриархом Московским и всея Руси. Не смог он склонить Русскую православную церковь к вступлению в унию с Римской католической церковью.

Историк Ф. Аделунг писал, что «В Московском Архиве Министерства Иностранных Дел находится переписка Лигаридеса с Восточными Патриархами, а также еще несколько писем от него к Царям, на Латинском языке, и его послания к Кардиналу Барберини и к Архиепископу Келефину Стригонскому»[816]. Тут нужны небольшие пояснения. Письмо в Рим к кардиналу Барберини направлено в 1676 г. по поручению Посольского приказа, в письме рекомендовалось «...признавать царский титул только что вступившаго на престол Федора Алексеевича»[817]. Ничего криминального в этом письме, написанном под контролем Посольского приказа, не было. Письмо архиепископу Грана Георгию Celepsinus также сообщало о восшествии на престол нового царя, но, как считает П. Пирлинг, фамилия этого архиепископа впоследствии была искажена историками.

Как же выглядел Лигарид глазами современника? Архидиакон Павел Алеппский, приезжавший в Москву в 1655–1656 гг. в составе посольства патриарха Антиохийского Макария, и встречавшийся с П. Лигаридом на путях из Средиземноморья в Москву, говорил о нем: «...кир Паисий Хиосец, митрополит Газский, муж ученый и добродетельный...»[818]. Павел Алеппский неоднократно отмечал, что Лигарид собирал редкие книги, дорожил ими, и одну книгу, которую он составил сам

---

[815] *Эйнгорн В.О.* О сношениях Малороссийского духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел IV. М., 1899. С. 998–999.

[816] *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел IV. С. 201.

[817] *Пирлинг П.* Паисий Лигарид. Дополнительные сведения из римских архивов // Русская Старина. Т. 109. С 350.

[818] Путешествие антиохийскаго патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел III. М., 1900. С. 27.

«из многих книг» и назвал «Книга предсказаний», ему еле-еле удалось выпросить для снятия копии. «С большим трудом митрополит дал нам ее для переписки, ибо он, т.е. митрополит Газский, не желал этого, пока я не добился его согласия при помощи подарков и потому, что ему стало совестно перед нами, и он разрешил нам списать ее. Кто прочтет эту превосходную книгу, будет поражен изумлением пред ея пророчествами, изречениями и прочим содержанием»[819]. (К тому, что Лигарид был любителем старых и редких книг, добавим, что 22 февраля 1665 г. по царскому указанию ему были отнесены печатные книги, взятые из приказа Большого Дворца. Выше, в разделе о Петре Аркудии и Льве Ивановиче Сапеге, мы рассказывали о поисках Лигаридом царских книгохранилищ в Москве).

Николаас Витсен, посетивший в 1665 г. Москву в составе голландского посольства и неоднократно встречавшийся с Лигаридом, так рассказывает о нем в своем дневнике в записи от 7 марта 1665 г.: «Я посетил митрополита из Газы, который прислан сюда иерусалимским патриархом, чтобы помочь решить церковные споры. Это старый почтенный человек. Он одет по греческому обычаю, носит очень длинную бороду, белую от старости. На груди у него висит маленькая коробочка, знак его ордена и духовного сана. Когда он выходит, перед ним несут его посох. Он пользуется у царя большим уважением. Это человек большой учености, хорошо говорит по-латыни, а также на древнегреческом языке... Он долгие годы жил в Риме у иезуитов, путешествовал по Германии и другим странам...»[820]. В дневниковой записи от 22 апреля того же года Николаас Витсен добавляет: «...Этот господин, однако, знает жизнь, он не только богослов, но еще и политик, воспитанный в школах иезуитов...»[821]. Это был период, когда Лигарид еще не был разоблачен, когда он был в зените почета, когда в Москве думали, что он прислан Восточными патриархами для расследования дела Никона.

Яков Рейтенфельс, с которым мы уже встречались, писал про Лигарида: «... Между учеными, которые живут в Московии на блестящем царском годовом содержании, по справедливости первое место должен занять Паисий Лигарид с острова Хиоса, некогда митрополит фессалоникский, а теперь — бывший митрополит Газы иерусалимской, не менее почтенный годами, нежели опытностью и ученостью, который в молодости прожил немало годов в Риме, а в бытность мою в Москве составил краткие записки о предметах веры. В 1666 году он же по просьбе некоего шведского посла написал исследование о вере греков и московитов, относительно таинства св. причащения; это рассуждение, так как его далеко не везде можно найти, мы прилагаем в конце настоящего повествования...»[822]. Заметим, что Яков Рейтенфельс настоятельно рекомендовал конгрегации «Пропаганда Веры» раздобыть постановление Московского Собора 1666 года об осуждении патриарха Никона. Он писал: «Стараться добыть некоторыя московския рукописи, некоторыя стихотворения и беседы, а главное, постановления последняго съезда некоторых патриархов в

[819] Там же. С. 29.

[820] *Николаас Витсен*. Путешествие в Московию. С. 128.

[821] Там же. С. 163.

[822] *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. С. 360–361.

Москве, созванных царем с большими издержками»[823]. Эта рекомендация соответствовала намерениям Рима по добыванию важных документов Русской православной церкви (См., например, разделы о Г. Крижаниче, о миссии Ордена иезуитов в Москве и др.).

Голландский посланник Николаас Гейнзиус, находившийся в Москве с 4 октября 1669 по 5 августа 1670 г., после возвращения в Голландию писал своему корреспонденту в марте 1671 г.: «...раз я позвал к себе митрополита газскаго, Паисия Лигарида, родом грека, хорошо образованнаго, так как он лучшие годы своей жизни провел в Риме, старика очень обходительнаго (senecem perhumanum). Но на другой день, по приказанию Афанасия — Лаврентия Нащокина, заведывающаго сношениями с иностранцами, дано было мне знать, что при дворе не понравилось, зачем я, не испросив позволения царскаго величества, пригласил к себе человека, стоящаго так высоко в духовенстве. Посланы были с замечанием и к Паисию, зачем он допустил меня до этого. Таким образом обоим нам положена преграда к сближению. Между тем я не видел человека, который бы своими беседами мог ближе познакомить меня с делами русских...»[824].

Небезинтересно будет взглянуть глазами современников и на патриарха Никона. Прежде всего, скажем, что говорил о Никоне ненавидевший его Лигарид, написавший книгу «О соборе на Никона» и поместивший «в начале ея статью о наружности Никона». Лигарид писал в этой статье: «Прежде, чем пришлось мне увидеть пресловутаго Никона, я чрезвычайно любопытствовал насладиться своими глазами его образом, и искал увидеть его, хотя в обманчивом портрете... И когда увидел портрет его, написанный одним отличным немецким художником, Иоанном, моим приятелем, то онемел, подумав, что вижу исполина или циклопа, и почел счастливыми слепорожденных за то, что они не могут видеть такого зверообразнаго человека. Если бы кто внезапно увидел Никона, ему почудилось бы, что видит дикаго волка... Посмотри, ради граций, на голову Никона: какая она огромная и толстокожая! Кстати было бы надписать: какая голова, а мозгу в ней нет! Посмотри, как чернеются волосы его, словно у ворона или у борова!.. Посмотри, как узко и морщинисто чело его — признак ограниченности и подозрительности!.. Длина его тела свидетельствует о его безрассудности; нависшия брови показывают жестокость; длинныя веки — безстыдство и болтливость; длинные уши — горечь речи...»[825]. Сколько яда в этих словах! Враги патриарха Никона читали их, надо думать, с удовольствием.

Как писал Николаас Витсен, тайно посетивший его в Воскресенском монастыре, Никон «...очень прост в обхождении и любознателен.... У этого человека нехорошие манеры, он опрометчив и тороплив, привык часто делать некрасивые жесты, опираясь на свой крест [крест на посохе]. Он крепкого телосложения, довольно высокого роста, у него красное и прыщавое лицо, ему 64 года. Любит испанское вино. Кстати или нет, часто повторяет слова: "Наши добрые дела". Он редко боле-

[823] *Пирлинг П.О.* Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел III. М., 1906. С. 23.

[824] Цит. по: *Горский А.В.* Несколько сведений о Паисие Лигариде до прибытия его в Россию. М., 1862. С. 13–14.

[825] Цит. по: Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. XII. Патриаршество в России. Книга 3. СПб., 1883. С. 461, прим. 254.

ет, но перед грозой или ливнем чувствует себя вялым, а во время бури или дождя ему лучше. С тех пор как он уехал из Москвы, теперь уже 7–8 лет назад, его головы не касались ни гребенка, ни ножницы. Голова у него как у медузы, вся в густых, тяжелых космах, так же и борода...»[826]. Чувствуется, что Никон совсем не понравился голландскому дипломату.

Вот что рассказывал о патриархе Никоне архидиакон Павел Алеппский, посетивший его в свите патриарха Антиохийского Макария в 1656 г., когда Никон находился в расцвете своей власти. По его словам, «...патриарх Никон, одетый в мантию из зеленого рытого, узорчатого бархата, со скрижалями из красного бархата, на коих в средине изображение херувима из золота и жемчуга, и с источниками из белого галуна с красною полоскою в середине. На голове его был белый клобук из камки, верхушка которого имела вид золотого купола с крестом из жемчуга и драгоценных каменьев. Над его глазами было изображение херувима с жемчугом, вос крылия клобука спускались вниз и также были украшены золотом и драгоценными каменьями. В правой руке он держал посох...»[827]. Выше мы говорили, что Павел Алеппский был лично знаком и с Паисием Лигаридом.

Капеллан посольства Священной Римской империи германской нации в Москву (1661–1662) Себастьян Главинич писал о Никоне: «...Глава Русской Церкви, патриарх Никон, по нашему Никита, сын Протопопа или Архипресвитера, человек тонкий и по природе острого ума, хоть и не знает никакой другой письменности, кроме Греческой, отведанной им в самой скромной доле, и вполне Кирилловской, держит, однако ж, при себе сведущих в обоих языках людей из Греции...»[828]. Напомним, что патриарх Никон скончался 17 августа 1681 г. в Ярославле, возвращаясь из ссылки.

Согласитесь, что от таких разных людей, как протестант Н. Витсен, православный П. Алеппский и католик С. Главинич трудно было ожидать одинакового видения и одинаковой оценки Никона. А вот оценки Лигарида, данные протестантами Н. Витсеном и Н. Гейнзиусом, православным П. Алеппским, а также католиком Я. Рейтенфельсом, оказались похожими.

П.О. Пирлинг высказал такое мнение о деятельности Паисия Лигарида в Москве: «В пользу Рима он также ничего не сделал и сделать не мог»[829]. Мы же считаем, что он мог сделать и сделал многое во вред Русской православной церкви и Российскому государству.

О деятельности Паисия Лигарида и его личности написано достаточно много, его имя встречается в архивных российских государственных документах и документах Русской православной церкви, в архивных документах конгрегации «Пропаганда Веры» и других. В этих документах можно встретить сведения о его деятельности, об отношениях с Римом и Восточными патриархиями, а также характеристики, которые давали Лигариду его современники, а в исторической литерату-

[826] *Николаас Витсен*. Путешествие в Московию. С. 181–182.

[827] Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в середине XVII. Пер. с арабского. СПб.: П.П. Сойкин, 1898. С. 132.

[828] *Севастьян Главинич*. О происшествиях московских // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел IV. М., 1875. С. 6.

[829] *Пирлинг П.* Паисий Лигарид. Дополнительные сведения из римских архивов // Русская Старина. Т. 109. С. 350–351.

ре характеристики, данные ему историками. Его называли «муж ученый и добродетельный» (Павел Алеппский), «двоеженец» (Лазарь Баранович), «правдоглаголевый» (старообрядец Иван Неронов), «ум проницательный, характер твердый... готовый пролить свою кровь за католическую веру» (Лев Аллаций), «кроткого нрава, добродетелен, послушен, набожен, горячо любит латинскую церковь» (из характеристики, данной Греческой коллегией св. Афанасия в Риме протектору кардиналу Барберини), «еретик и волхв» (патриарх Никон), «великий учитель и переводчик наш» (царь Алексей Михайлович), «он, Лигарид, имеет многие великие вины и согрешения» (патриарх Иерусалимский Досифей), «папежник и лукавый человек» (патриарх Константинопольский Дионисий) и т.д. Историк Н.Ф. Каптерев писал о Лигариде: «воспитанник иезуитов, этот бросивший свою епархию архиерей, равнодушный к православию и его интересам... довольно даровитый и образованный архиерей авантюрист...»[830]. П.О. Пирлинг выразился о Лигариде, что он «живая и богато одаренная натура», а о его корыстолюбии сказал так: «он не был обыкновенным попрошайкою или дилетантом нищенства, а мастером своего дела... денежный бес не давал покоя даровитому греку... Лигарид торгует соболями, узорочным товаром, каменьями, занимается маклерством, берет взятки, делает доносы и насилия»[831]. Характеристики Лигариду давали и другие историки, на них мы останавливаться не будем, так как они не противоречат друг другу. Обращает на себя внимание то, что в исторической литературе практически не говорится о связи между Римом и деятельностью Лигарида в Москве.

Может сложиться впечатление, что Паисий Лигарид оказался в Москве совсем случайно, из корыстных побуждений, в поисках заработка и только. И что если бы где-то он нашел лучшие для себя условия, он поехал бы туда, а никак не в Москву. То есть его решениями двигал господин случай и известная ему сложившаяся в XVII в. практика поездок представителей Восточных патриархий в Москву за милостыней. И что он действовал в Москве по собственной инициативе, не будучи связан никакими поручениями и обязательствами перед Римом. Такое впечатление, на наш взгляд, будет являться глубоко ошибочным. Лигарид совсем не авантюрист, не проходимец, не человек, равнодушный к православию и его интересам. Это политик, действовавший целенаправленно и последовательно, бескомпромиссно и жестко, это враг Русской православной церкви и православия. Вот это главное, а его авантюризм, пороки и недостатки являются тем фоном, который сопутствовал его деятельности.

Те сведения, которыми мы располагаем, при их внимательном рассмотрении и сопоставлении ключевых моментов в жизни Лигарида с логикой развития осбытий в Русской православной церкви, прямо или косвенно свидетельствуют о преднамеренном характере поездки Лигарида в Москву, поездки, которую без всяких натяжек можно назвать специальной миссией. Разве можно предлагаемую ниже цепочку взаимосвязанных событий назвать цепочкой случайностей? Говоря о цепочке событий, мы одновременно упомянем и сообщников Лигарида (а как назвать их ина-

[830] *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. С. 182.

[831] *Пирлинг П.* Паисий Лигарид. Дополнительные сведения из римских архивов // Русская Старина. Т. 109. С. 338, 346.

че?), участников этих событий, немало способствовавших ему своими возможностями и усилиями в его деятельности. В эту цепочку событий мы включили (о некоторых событиях мы выше говорили):

– направление в 1657 г. (предположительно из Бухареста) Лигаридом письма в Москву сотруднику патриарха Никона Арсению Греку (выпускнику Греческой коллегии св. Афанасия в Риме, эмиссару Ватикана, о котором подробнее расскажем ниже) с изъявлением желания посетить Москву и повидаться с патриархом Никоном. В этом письме Лигарид просил склонить патриарха Никона к даче ему разрешения на приезд в Москву. Разумеется, Арсений Грек оказал нужное содействие, и патриарх Никон дал такое разрешение, направив 1 декабря 1657 г. соответствующую грамоту Лигариду и грамоты об оказании ему содействия Валахскому воеводе Стефану, воеводе и владетелю Мутьянскому Константину, архиепископу Молдавскому и митрополиту Сочавскому Гедеону, архиепископу и митрополиту Угро-Валахскому Стефану;

– направление Лигаридом 8 октября 1657 г. письма царю Алексею Михайловичу из Бухареста, которым он объявил о себе, своем отношении к Российскому государству и православию. Это письмо известно как письмо «о замыслах Порты в отношении Малороссии». Только-только Малороссия вошла в состав Российского государства, обстановка там была сложная, поэтому тема письма являлась такой животрепещущей, что автор письма неотвратимо попадал в поле зрения царя Алексея Михайловича и царского правительства, что и требовалось;

– получение Лигаридом (предположительно в 1660 г.) изготовленной обманным путем рекомендательной грамоты якобы от патриарха Константинопольского Дионисия для участия в расследовании дела патриарха Никона в Москве. Как он ее получил? В период пребывания в Молдавии Лигарид познакомился с греком Леонтием, архимандритом Предтеченского монастыря в Греции. Именно этот Леонтий и изготовил Лигариду по его просьбе «подложные грамоты», с которыми тот и прибыл в Москву. Об этом сообщил царю Алексею Михайловичу Иерусалимский патриарх Нектарий в своей грамоте, полученной в Москве 29 июля 1668 г. В грамоте говорилось: «...и там писал граматы ложныя с чем прийти к тебе великому государю, а что в тех грамотах писал, мы того не ведаем, а кто те грамоты ему в черкасских городех писал, тот ныне человек у нас, а у него он был архимандритом, имя ему Леонтий...»[832]. Леонтий прибыл в Москву вместе с Лигаридом, и тот ходатайствовал перед царскими властями о пожаловании ему милостыни побогаче. Надо понимать, за заслуги по изготовлению подложных грамот. Собственно говоря, приезды в Москву представителей духовенства из Восточных патриархий за царской милостыней с фиктивными рекомендательными грамотами являлись делом обычным для середины XVII в. Эта практика получила широкое распространение на Востоке. В Москву под видом православных священнослужителей приезжали даже иноверные купцы, покупая за взятки места в свите ехавших в Москву Восточных архиереев. Реакция Москвы на выявленные факты обмана была достаточно сдержанной. Такой канал въезда считался эффективным и безопасным, был хорошо опробован, и Лигарид отдал ему свое предпочтение;

[832] Цит по: *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. С. 195–196.

– в 1664–1665 гг. Лигарид лично инициировал изготовление подложной грамоты о его назначении экзархом Константинопольского патриарха Дионисия (полномочным представителем) для разбора дела патриарха Никона. Эта грамота ему была нужна для того, чтобы укрепить свое положение в Москве на завершающем этапе и добиться желаемого результата. Выяснилось это только в 1666 г., когда царь Алексей Михайлович поручил келарю Чудова монастыря Савве и архимандриту Павловского Афонского монастыря греку Иоанникию тайно выехать к Константинопольскому патриарху Дионисию и проверить подлинность привезенной в Москву греком Стефаном Юрьевым грамоты о назначении Лигарида экзархом. После возвращения в Москву келарь Савва доложил царю Алексею Михайловичу со слов патриарха Дионисия: «...Стефан грек у меня не был, только хартофилаксий докучал мне, чтобы я написал грамоту о бытии газскому экзархом, но я ему этого не позволил, и если такая грамота явилась у царя, то это – плевелы хартофилаксия;... а Лигарид — лоза не константинопольскаго престола; я его за православнаго не признаю, так как слышу от многих, что он папежник и лукавый человек»[833]. Небольшие пояснения — грек Стефан Юрьев вместе с дьяконом Мелетием и подьячим приказа Тайных дел Порфирием Федоровичем Оловяниковым 18 сентября 1664 г. направлялся царем Алексеем Михайловичем к Восточным патриархам с приглашением приехать в Москву на Собор для участия в суде над патриархом Никоном. В Москву царские посланцы вернулись 12 ноября 1665 г. Хартофилаксий — это Александр Маврокордато, секретарь, учитель и ритор Константинопольского патриарха Дионисия, который по просьбе Лигарида и изготовил подложную грамоту о назначении его экзархом с датой ее подписи якобы патриархом Дионисием 10 июля 1665 г. Разве можем мы тут не добавить еще один очень важный штрих к портрету Маврокордато: как пишет английский историк Стивен Рансимэн в своей книге «The Great Church in Captivity», «Маврокордато был учеником иезуитов в коллегии св. Афанасия»[834], т.е. окончил ту же самую Греческую коллегию св. Афанасия в Риме, что и Паисий Лигарид. Согласитесь, что этот штрих делает общую картину полней, колоритней и добавляет пищи для размышлений. Судя по всему, Лигарид прекрасно знал об этом (может быть, они знали друг друга по учебе?), и, как следствие, прекрасно знал, к кому нужно обращаться за подложной грамотой. Привез эту грамоту в Москву, как мы уже сказали, Стефан Юрьев. Об этой грамоте Лигарид узнал еще до прибытия Стефана Юрьева в Москву, и 10 сентября 1665 г. он обратился с письмом к царю Алексею Михайловичу, в котором сообщил о вновь полученных высоких полномочиях. Однако должной и своевременной реакции от царя на обман со стороны Лигарида, к сожалению, не последовало. Конфликт достиг такого накала, в нем было задействовано столько людей, ставки были такие высокие, что остановиться было очень трудно;

– в 1662 и 1664 гг. по предложению Лигарида царь Алексей Михайлович направлял посольства к Восточным патриархам с приглашениями приехать в Москву и принять участие в расследовании дела патриарха Никона. (В рассматриваемый период патриархом Константинопольским являлся Дионисий (в 1660–1665 гг.), в 1665–

[833] *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Часть 2. С. 178.

[834] *Рансимэн С.* Великая Церковь в пленении. URL: http://predanie.ru/

1668 гг. — Парфений; патриархом Александрийским — Паисий; патриархом Иерусалимским — Нектарий; и патриархом Антиохийским — Макарий). В каждом посольстве главным действующим лицом являлся грек Мелетий, дьякон, певчий, друг Паисия Лигарида, за которого перед царем поручились этот же Лигарид и архимандрит Московского Никольского греческого монастыря Дионисий по прозвищу «Святогорец». Перед первым выездом в Константинополь Мелетий получил инструкцию 30 декабря 1662 г. Повторное посольство в Константинополь выехало из Москвы 18 сентября 1664 г. Заметим, что в ходе этих посольств Мелетий писал письма-отчеты не только царю Алексею Михайловичу, но и Лигариду. И теперь о самом главном — дьякон Мелетий сделал все, чтобы в Москву на суд над патриархом Никоном не приехали патриархи Константинопольский Дионисий и Иерусалимский Нектарий, которые, во-первых, не видели никаких оснований для судебного разбирательства над Никоном, и во-вторых, знали об отступлении Лигарида от православия и его приверженности католичеству. По этой причине они отказались назначить его своим представителем на Московском Соборе. Их приезд в Москву повлек бы за собой самые неприятные последствия для Лигарида и срыв его планов.

Наоборот, дьякон Мелетий также сделал все, чтобы в Москву на суд над патриархом Никоном прибыли патриархи Антиохийский Макарий (друг Лигарида) и Александрийский Паисий, который также не относился к сторонникам патриарха Никона. (Добавим к портрету Антиохийского патриарха несколько строк. По словам Стивена Рансимэна, «...Макарий III (1647–1672) не только отправил в 1662 г. признание своего тайного подчинения Риму, но в следующем году публично приветствовал папу как своего святого отца на обеде во французском консульстве Дамаска»[835]. Разве нужны еще комментарии к личности человека, прибывшего в Москву судить православного патриарха Никона? Царь Алексей Михайлович даже не подозревал, что под личиной патриарха Макария прятался высокопоставленный униат, отступник от православия). Оба эти патриарха не решались противоречить царю Алексею Михайловичу и действовали в русле рекомендаций Лигарида, что ему и было нужно. Дьякон Мелетий сопровождал патриархов Паисия и Макария в их дальней поездке в Москву. По царскому повелению он должен был оградить в пути патриархов от всяческих нежелательных контактов с посторонними лицами, прежде всего от возможного посланца к ним от патриарха Никона и даже задержать такового и отправить под стражей в Москву, если он появится. По этому вопросу царь Алексей Михайлович даже подписал грамоту дьякону Мелетию от 5 сентября 1666 г., назвав его за труды на государевой службе «многострадальным»[836].

Более того, в это же время для встречи патриархов Паисия и Макария из Москвы был направлен стольник Петр Саввич Хитрово, в наказе которому, в пункте 11, фактически была изложена инструкция для дьякона Мелетия о вербовке особо доверенных лиц патриархов Паисия и Макария — их архидьяконов. Вот что говорилось в этом пункте: «...Да ему ж поговорить дьякону Мелетию, чтоб он поговорил антиохийскаго патриарха сыну ево архидьякону, чтоб он великому государю послужил и раденье свое показал, проведывал бы накрепко, чтоб к патриархом ни

[835] *Рансимэн С.* Великая Церковь в пленении. URL: http://predanie.ru/

[836] Эту грамоту см.: *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Часть 2. СПб., 1884. С. 931–933.

от ково ни с какими писмами никто не подъезжал, также бы и от патриархов ни к кому никаких писем в посылке не было, а будет про какие писма проведает и ему б тех писем до патриархов не допустить и всякими мерами промышлять, чтоб те письма у тех людей взять ему архидьякону себе и прислать к Москве, а за то ему архидьякону дать государева жалованья 30 золотых, будет от него впрям в том чаять промыслу. А будет ему Мелетию и александрийскаго папы и патриарха кир Паисея племянник архидьякон верен, и ему о том говорить тайным же обычаем и дать ему то ж, будет от него чаять промыслу. А для тех роздач послано с ним Петром сто золотых червонных, а кому сколько тех золотых и денег даст и то велеть писать имянно»[837]. Все есть в этой инструкции — кого и как нужно вербовать, для решения каких задач, какое выплачивать вознаграждение за успешное выполнение задания.

Нужно сказать, что роль дьякона Мелетия в осуществлении Лигаридом своих планов в Москве совсем незаслуженно не освещена должным образом. А ведь он фактически обеспечил эмиссару Ватикана Паисию Лигариду комфортное (безопасное) нахождение в Москве и участие в Московских Соборах 1666 и 1667 годов, а также участие в Соборах именно тех Восточных патриархов, которые вполне устраивали Лигарида. Совсем не исключено, что если бы Мелетию не удалось решить задачи с приездом в Москву нужных Лигариду патриархов и неприездом ненужных (и даже очень опасных) для Лигарида патриархов, то Московские Соборы приняли бы иные решения, как в отношении патриарха Никона, так и в отношении раскола Русской православной церкви. Так что дьякон Мелетий намного более весомая историческая фигура, чем может показаться;

– перехват письма, написанного Лигаридом еще до въезда в Российское государство некому кардиналу в Венецию, с докладом о складывающихся обстоятельствах с поездкой в Москву и просьбой выслать ему деньги. Что это за письмо? Примерно в августе – сентябре 1666 г. в Москву по купеческим делам прибыл грек Венет (по-русски его звали Венедикт Иванов), который 4–5 декабря 1666 г. передал греку Дмитрию Матвееву, работавшему в Воскресенском монастыре «по каменному делу», для последующей передачи патриарху Никону «грамоту митрополита газского Паисия, которую он посылал из-под Чудново в Венецию к кардиналу»[838]. Матвеев вместе с игуменом Феодосием ознакомились с грамотой. Подписана она была по-итальянски, а текст написан на греческом языке. В ней говорилось, «что польские и литовские люди побили русских под Чудновым с сорок тысяч человек и достальные Черкасские городы хотят попленить; а хотел он газской ехать к Москве, но за воинскими людьми пройти не мог, а потому воротился назад в Волоскую землю и чтоб к нему прислать денег»[839].

Игумен Феодосий передал грамоту патриарху Никону, который собирался представить ее царю Алексею Михайловичу в качестве доказательства связей Лигарида с Римской католической церковью. А дальше события развивались еще интереснее. Сразу же после передачи грамоты патриарху Никону грек Дмитрий Матвеев был заключен под стражу. Грека Венета нашли, допросили, и он показал, что

---

[837] Цит. по: *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Часть 2. С. 938.

[838] *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Часть 2. С. 364.

[839] Там же. С. 364.

грамоту Лигарида «получил он в Венеции от грека Беднарта Винараса тому бол ше двух лет, чтобы отвезть к патриарху Никону и кроме его никому отдавать н велел»[840]. Он добавил, что сразу приехать в Москву у него возможностей не было содержание грамоты он не знает. После допроса грек Венет также был посаже под стражу. В это время содержавшийся под стражей Дмитрий Матвеев покончи жизнь самоубийством. Почему? И действительно ли это было самоубийство? Кт был заинтересован в смерти Д. Матвеева, знавшего содержание письма Лигарид кардиналу? Кому нужна была смерть свидетеля? 13 декабря 1666 г. царь Алексе Михайлович приказал освободить грека Венета (не знавшего содержание письма из-под стражи. На некоторое время принятие решения по вопросу о связях Лигари да с Римской католической церковью было приостановлено.

(Небольшая справка: 23 октября 1660 г. командующий русским войском бо рин Василий Борисович Шереметев под городом Чудновым (ныне город Чуднов Житомирской области, Украина) подписал позорный для России акт капитуляци в сражении с польскими войсками, которыми командовал великий коронный ге ман Речи Посполитой Станислав Ревера Потоцкий (1579–1667). На стороне поля ков также была татарская конница и войска изменивших Российскому государств гетмана войска Запорожского Юрия Зиновьевича Хмельницкого (1641–1685) и на казного гетмана Тимофея Ярмолаевича Цецюры).

И еще несколько слов. Как следует из письма, Лигарид сделал попытку про ехать в Москву через территорию Малороссии после поражения русского войск под Чудновым, т.е. после 23 октября 1660 г. Нет сомнения, что при этом он пред ставлял себя православным архиереем, и быть может, даже говорил об имеющейс у него рекомендательной грамоте от патриарха Константинопольского Дионисия. И одновременно, как мы видим, он направил письмо католическому кардиналу в Ве нецию (видимо, папскому нунцию), в котором докладывал о неудавшейся попыт ке проехать в Москву, об обстановке в Малороссии и российско-польских отноше ниях, и просил прислать ему деньги (чтобы компенсировать расходы на первую по пытку?). Заметим, не в Константинополь православному патриарху Дионисию о писал, а в Венецию, архиерею Римской католической церкви, для которого обраще ние Лигарида, судя по всему, не должно было оказаться неожиданным;

– письма Лигарида папскому нунцию в Польше и доминиканцу Людвигу Ши рецкому о результатах своей деятельности в Москве;

– восторженная реакция Ватикана на результаты деятельности Лигарида в Москве

– свидетельства Восточных патриархов в переписке с царем Алексеем Михайлови чем об измене Лигарида православию и отлучении его от православной церкви.

Разве все эти события являются случайными?

Весь характер и результаты деятельности Паисия Лигарида, по нашему мне нию, свидетельствуют о том, что он прибыл в Москву не с какими-то частными це лями, а с конкретным заданием Ватикана. Оно включало в себя окончательное и бесповоротное низложение патриарха Никона, лишение его сана и духовной вла сти, удаление подальше от Москвы, ослабление руководящего звена Русской пра вославной церкви, воспрепятствование примирению внутри Русской православной

[840] Там же. С. 364.

церкви, т.е. закрепление на соборном уровне состоявшегося раскола. При особо удачном развитии событий — продвижение своей кандидатуры на престол патриарха Московского и всея Руси.

Краткие выводы. Местом проведения акции была выбрана Москва, столица Российского государства с резиденциями царя и патриарха Московского и всея Руси. Время проведения акции было выбрано профессионально грамотно: патриарший престол был оставлен патриархом Никоном, Русская православная церковь «вдовствовала»; царь Алексей Михайлович, архиереи Русской православной церкви и Восточные патриархи пока не приняли какого-либо окончательного решения по этому делу; в Русской православной церкви назревал раскол. Приезд эмиссара Ватикана под видом высокоэрудированного и высокопоставленного православного архиерея мог сразу выдвинуть его в главные действующие лица и обеспечить необходимые условия для решения поставленной задачи. В качестве кандидата на патриарший престол был направлен в Москву грек, униат, выпускник Греческой коллегии св. Афанасия в Риме, имевший прекрасное образование, богатый опыт тайной борьбы с православием, и высокий архиерейский сан — митрополита Газского, да еще с рекомендательной грамотой патриарха Константинопольского (кто мог тогда в Москве подумать, что эта грамота подложная?), что сразу выделило его из числа других архиереев. Способом проведения акции было выбрано завоевание полного благорасположения царя Алексея Михайловича и первенствующего положения среди архиереев Русской православной церкви, и использование этого для решения поставленных задач. В результате проведенной акции патриарх Никон был низложен и направлен в монастырь, раскол Русской православной церкви официально утвержден решением Московского Собора 13 мая 1667 г. Вместе с тем, еще одной главной задачи Паисий Лигарид не решил, патриархом Московским и всея Руси он избран не был, а вместо этого отправлен в ссылку в Киев, где и умер.

Ватикан и раскол Русской православной церкви. Исключительно щепетильная и важная тема. Имел ли Ватикан какое-либо отношение к расколу Русской православной церкви?

Раскол, если бы он состоялся, отвечал самым сокровенным геополитическим интересам Ватикана. При определенных условиях он мог кардинально изменить обстановку в Русской православной церкви, внутрицерковная борьба могла значительно ослабить ее, нарушить управляемость на всей огромной территории Российского государства, подорвать доверие к руководству Церкви со стороны рядовых священно – и церковнослужителей, православной паствы, нарушить гармонию во взаимоотношениях двух ветвей власти — духовной и светской. Если бы все это произошло, возникали благоприятные условия не только для продвижения на патриарший престол ставленника Ватикана, но и для реальной попытки заключения унии между Русской православной и Римской католической Церквами. Совершенно иными могли стать отношения между Римом и Москвой.

Как мы знаем, трагический для Русской православной церкви раскол произошел, он был узаконен решениями Московских Соборов от 2 июля 1666 и 13 мая

1667 г. Православное духовенство и мирян на три столетия разделило их отношение к церковной реформе, разделило на ее сторонников и противников.

Участники раскола:

Царь Алексей Михайлович;

Патриарх Никон (за кулисами);

Сторонники церковной реформы — архиереи и духовенство Русской православной церкви, боярство, чиновничество, купечество;

Восточные патриархи — Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий, греческие архиереи и проживавшие в Москве представители Восточных патриархий;

Ватикан в явной форме не участвовал в подготовке и осуществлении раскола, но его тайный эмиссар митрополит Газский Паисий Лигарид в 60-е и 70-е годы XVII столетия находился в Москве, участвовал в Московских Соборах и сделал все, чтобы предотвратить примирение сторон, чтобы наступил раскол.

Противники церковной реформы — сторонники старообрядчества из числа духовенства Русской православной церкви, боярства, чиновничества, купечества, стрельцов, казачества.

Какими реальными силами и возможностями располагали участники раскола?

За царем Алексеем Михайловичем стояла вся неограниченная самодержавная власть, весь государственный аппарат и ресурс карательной политики.

Патриарх Никон не располагал какой-либо реальной властью, но он был одним из инициаторов и организаторов церковной реформы в 50-х годах XVII столетия, он был авторитетен как бывший глава Русской православной церкви, видный церковный и государственный деятель. И хотя он находился вне реальной церковной, государственной и общественной жизни, его имя и его деятельность громко звучали в выступлениях как сторонников, так и противников церковной реформы.

Архиереи и духовенство Русской православной церкви обладали духовной властью и авторитетом; участвуя в работе Московских Соборов и занимаясь повседневной церковной деятельностью, они могли сказать слово как в защиту церковной реформы, так и против ее проведения, могли повести за собой паству.

Восточные патриархи — Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий, греческие архиереи и проживавшие в Москве представители Восточных патриархий обладали духовным авторитетом, который признавал и царь Алексей Михайлович. Прибывшие по приглашению царя для суда над патриархом Никоном и рассмотрения других дел Русской православной церкви, патриархи Паисий и Макарий взяли на себя руководство работой Московского Собора, строго следя при этом за тем, чтобы их решения и рекомендации не противоречили решениям и мнениям царя Алексея Михайловича (они надеялись получить от царя богатую милостыню). Не владея русским языком, патриархи в полной мере зависели от тех, кто оказывал им переводческие услуги — архимандрит Московского Никольского Греческого монастыря Дионисий по прозвищу «Святогорец» (до приезда в Москву в 1655 г. — архимандрит Афонского Иверского монастыря). Но главным действующим лицом, кто не только был неким связующим звеном между царем и патриархами, но и окончательно формировал их мнение и определял их решения на Соборе, являлся митрополит Газский Паисий Лигарид, пользовавшийся полным доверием царя.

Боярство и чиновничество обладали исполнительной государственной властью, в их руках был административный ресурс.

Купечество обладало деньгами, в его руках была возможность оказания финансовой поддержки противоборствующим сторонам.

Противники церковной реформы не обладали реальной силой, в их руках не было ни государственной, ни церковной власти, они не обладали административным ресурсом и финансовой поддержкой, они могли лишь открыто выступить с акциями протеста, не имея при этом надежды на благополучный исход своих действий.

Какие факторы способствовали расколу Русской православной церкви?

Основных факторов несколько. Во-первых, это, на наш взгляд, некий перекос, некое организационно-идеологическое отставание развития Русской православной церкви от развития Российского государства, произошедшее в период между окончанием «Смутного» времени в 1613 г. и началом 50-х годов XVII в., когда на патриарший престол взошел Никон. Причины такого отставания кроются в частой смене царских династий в первые 13 лет XVII в. (Годуновы, Лжедмитрий, Шуйский, Семибоярщина, Романовы), что не позволило выстроить и закрепить гармоничные отношения между царями и патриархами; в «Смутном» времени с царем самозванцем, польско-шведской интервенцией, незаконным свержением с патриаршего престола Иова, возведением на патриарший престол угодного Ватикану Игнатия, мученической смертью в заточении патриарха Гермогена; и длительном «вдовстве» Русской православной церкви. Говоря об отставании, мы имеем в виду следующее.

Что было сделано и делалось государством с ликвидацией «Смутного» времени? Проведена т.н. «чистка» бояр, приближенных сановников, воевод, правительственных чиновников и других представителей царской власти в центре и на территории Российского государства. Сторонники самозванцев и польско-шведских оккупационных властей были выявлены, отстранены от власти и отправлены в места лишения свободы или ссылку в отдаленные регионы страны. Все они были заменены новыми, преданными династии Романовых, лицами, которые заняли командные места в управлении государством. Пересмотрено действующее законодательство, приняты принципиально новые и важные общегосударственные законы — «Соборное уложение» (1649), «Торговый устав» (1653), который ввел в стране единую таможенную систему и пошлинную политику и т.д. Произведены изменения в структуре правительства — образованы новые приказы — Сибирский, Малороссийский, Тайных дел, Сыскной и другие. Проведены две переписи населения — в 1626 и 1646–1647 гг. Начата реорганизация армии, замена оружия, комплектование и обучение личного состава с использованием нанятых на царскую службу иностранных офицеров и специалистов. В более активной форме продолжено создание собственной промышленности — организован поиск руд и других полезных ископаемых, построен чугунолитейный завод (1637) и ряд металлообрабатывающих заводов, стекольный завод и мастерские, бархатные и шелковые мануфактуры. Налажен выпуск новых российских денег. Продолжена государственная политика открытия и освоения Сибири и Севера, русские землепроходцы вышли на берег Тихого океана и поставили Косой острожок (1647), будущий город Охотск, открыли пролив между Америкой и Азией (1648). На всей территории Сибири неумолчно стучали топоры и звенели пилы, строились новые города и остроги с администрацией и воинскими гарнизонами, местное населе-

ние приводилось в царское подданство. Малороссия вошла в состав Российского государства (1654), успешно закончена война с Польшей. Качественно улучшена внешняя торговля, укреплены торговые связи с Англией, Голландией, Данией, германскими княжествами, другими государствами. Активизировалась внешняя политика с акцентом установления дипломатических и торговых отношений с Китаем, Индией и другими странами Востока. Разве этого мало?

Развитие Русской православной церкви проходило в эти же годы совсем не так активно, как развитие государства. Огромным тормозом явились, как мы выше сказали, события «Смутного» времени и частая смена царских династий. Только в 1619 г. ликвидировано «вдовство» Русской православной церкви, патриархом Московским и всея Руси избран Филарет. В 1620 г. было внесено дополнение в структуру Церкви — образована архиепископия Сибирская и Тобольская, первым архиепископом Сибирским и Тобольским стал Киприан (рукоположен 8 сентября 1620 г.), бывший до этого архимандритом Хутынского Спасского монастыря в Новгороде. При патриархе Филарете образованы патриаршие приказы — дворцовый и казенный (упоминаются с 1620 г.), судный приказ на патриаршем дворе (упоминается с 1622 г.), патриарший разряд или разрядный приказ (упоминается с 1628 г.). Сделана попытка образовать школу, но без особого успеха. Было начато исправление богослужебных книг и их печатание, особенно при патриархе Московском и всея Руси Иосифе. Однако А.В. Карташев писал: «...научных знаний для критики текстов книг не хватало, и книги по-прежнему размножали ошибки грамматические и смысловые... В основании ошибок лежал по-прежнему коренной недостаток: ограничение правки только по своим же славянским образцам, без греческого оригинала. Ошибки этим способом только закреплялись и размножались...»[841]. Других каких-либо достижений в этот период Церковь не имела, отставание в развитии было явным. Конечно, негативную роль в этом отставании играли и последствия «Смутного» времени, которые выражались, в том числе, в полной или частичной утрате доверия определенной части населения к центральной и местной власти, падении нравов в обществе, не только среди мирян, но и среди священно- и церковнослужителей.

Небезынтересны будут два примера из периодов святительства патриархов Иоасафа I и Иосифа. «Патриарху Иоасафу сделалось известным от многих, что в Москве и загородных местах, по церквам соборным и приходским, чинятся мятежи, соблазн и нарушение веры. Пение церковное говорят наскоро, голосов в пять, шесть и более, со всякою небрежностию. А миряне стоят в церкви с безстрашием; во время св. пения творят неподобныя беседы со смехом, поучения св. отцев презирают, наставлений от священников не приемлют и самих священников поносят и укоряют. Иные же священники и сами беседуют и безчинствуют в церкви, и, угождая мирянам, не поучают их благочинию и благоговению. Обедни служат без часов, начиная только отпустом; во дни великаго поста совершают церковныя службы весьма скоро, не по правилам, а по своему умышлению; на св. неделе тотчас после обедни отпевают и вечерню, для своих пьянственных нравов; воскресные и праздничные дни заутрени поют очень поздно и с большою поспешностию, а положенных поучений

[841] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 2. С. 161.

и житий святых, в назидание православным, не читают. Пономари по церквам молодые, без жен. Дети поповские и мирских людей, во время церковной службы, безчинствуют в алтаре. Нищие, во время св. пения, ходят по церквам с безстрашием, человек по десятку и больше, и производят смуту и мятеж, иногда бранятся, иногда и дерутся...»[842]. Патриарх Иоасаф I был вынужден 14 августа 1636 г. подготовить инструктивный документ под названием «Память», направленный на устранение имевшихся недостатков, и разослать его в копиях по церквам для исполнения.

Но эти меры не помогли нормализовать обстановку, и через десять лет, в 1646 г., патриарх Иосиф, по этим же самым вопросам направил окружной наказ всему духовному чину и всем православным христианам. В наказе патриарх требовал, «... чтобы соблюдали наступающий св. пост в чистоте, и от пьянства, и от неправды, и от всякаго греха удалялись; приходили к церквам Божиим и стояли в них со страхом и трепетом и с любовию, в молчании, без всяких шепотов, и молились со слезами и сокрушенным сердцем о своих грехах; чтобы протопопы и попы призывали православных к покаянию и поучали, и начинали вечерни и утрени в ризах, а иноков и всяких сборщиков, которые ходят по церквам с образами и с блюдцами и с пеленами и просят подаяний, равно и нищих, просящих милостыни, отнюдь не пущали в церковь во время богослужения: потому что от их крику и писку православным неслышно бывает божественнаго пения и чтения, и в церкви Божии приходят они, как разбойники, с палками, под которыми скрываются небольшия железныя копья, и бывает у них между собою драка до крови и смрадная брань...»[843]. Патриарх приказал всех «протопопов, попов и диаконов, которыя начнут ходить безчинно и пьянствовать, смирять большим смирением и быть им в великом запрещении...»[844]. К моменту издания «Наказа» прошло 27 лет со дня восстановления патриаршества, однако обстановка оставалась сложной.

Перекос в развитии неизбежно должен был вызвать и вызвал нарушение органического единства двух властей — светской и духовной. Попытки исправить положение поспешными, не всегда выверенными и не всегда доходчиво объясняемыми действиями нанесли существенный вред Церкви и сыграли свою отрицательную роль в ее расколе.

Во-вторых, страстное желание царя Алексея Михайловича и патриарха Московского и всея Руси Никона реализовать концепцию «Москва – Третий Рим». Выше мы говорили, что видение этой концепции Москвой не соответствовало ее видению Римом. Та ее часть, которая предусматривала объявление Россией войны Турции за освобождение Константинополя и других православных территорий от турецкой власти, вполне Рим устраивала. Война между Россией и Турцией не только ослабила бы воющие стороны, но и дала бы реальную и длительную передышку Риму, Вене и Венеции в турецком противостоянии. Реализация именно этой части концепции вполне устраивала и Восточных патриархов — Константинопольского, Иерусалимского, Александрийского и Антиохийского, у них появлялся шанс (в

842 Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. XI. Патриаршество в России. Книга 2. СПб., 1882. С. 83–84.

843 Там же. С. 114.

844 Там же. С. 114–115.

случае успеха России) продолжить свою деятельность вне зависимости от Турци Реализация же другой части концепции — превращение Москвы в центр правосл вия для всех православных народов и государств, а патриарха Московского и вс Руси в патриарха Вселенского и первого среди остальных патриархов, была катег рически невыгодна как Ватикану (за ней стояло реальное усиление Православн церкви и православия), так и Восточным патриархам (они теряли свое преимущ ственное положение в церковной иерархии и власть). Реализация этой другой ч сти концепции была невозможна без предварительного упорядочения отношени между Русской православной церковью и Восточными патриархиями, без сверки приведения в единообразие всех канонов, богослужений и обрядов, всей церковн жизни, богословской и учебной литературы и т.д. Разумеется, сначала нужно бы сверить и исправить различия по греческим книгам, а затем уже вводить испра ленные каноны, богослужения и обряды в повседневную жизнь. Именно этот по готовительный этап в определенной степени и являлся содержанием реформы Ру ской православной церкви.

В-третьих, пребывание в Москве, участие в Поместных Соборах и активн подрывная деятельность эмиссара Ватикана, митрополита Газского Паисия Лиг рида. Именно его усилия, как мы считаем, в значительной степени помешали пр дотвратить раскол.

Эти факторы, на наш взгляд, являются основными. Все остальные, от ущем ленного самолюбия до враждебных межличностных отношений, являются прои водными от выше названных факторов.

В то далекое время Российское государство и Русская православная церковь пре ставляли один единый организм. Проблемы, возникавшие в одной составляющей эт го организма, неизбежно вызывали проблемы и в другой составляющей. На это накл дывалась весьма разноплановая обстановка в обществе, которое еще не успело пер жить и отбросить в сторону последствия «Смутного» времени. Сложная была пора д государства Российского и Церкви; Церкви нужно было устранять отставание от гос дарства, нужна была реформа, а у всякой реформы, как мы знаем, всегда есть сторо ники, всегда есть и противники. Впереди были 50-е – 60-е годы XVII столетия, сыгра шие трагическую роль в жизни Русской православной церкви, впереди были кресть ская война под водительством Степана Разина, Медный, Соляной, Соловецкий и Стр лецкие бунты, заговор царевны Софьи и гетмана Мазепы…

Взглянем на ситуацию глазами противника Русской православной церкви. Ч нужно было сделать, чтобы создать благоприятные условия для раскола Русск православной церкви и довести ситуацию до завершения?

Прежде всего, нужно было наметить в духовенстве и обществе те две предп лагаемые противоборствующие стороны, которые из предполагаемых предстоя вскоре сделать реальными противниками. Это было сделано самими русскими з долго до приезда в Москву Паисия Лигарида.

Затем нужно было подобрать для этих, пока еще предполагаемых, противобор ствующих сторон такой один общий и безотказный раздражитель, который был б постоянно действующим и одинаково принципиально важным для каждой из сторо Таким раздражителем стала реформа Русской православной церкви. Это тоже был сделано самими русскими и тоже задолго до приезда Паисия Лигарида в Москву.

После этого нужно было ввести раздражитель в действие, причем так, чтобы каждая из сторон искренне считала именно себя защитницей истинной веры от еретических посягательств противной стороны. Это тоже было сделано самими русскими и задолго до приезда Паисия Лигарида в Москву. Ввод раздражителя в действие вызвал пока теоретические церковно-религиозные споры и дискуссии между представителями сторон и в целом в Церкви и обществе.

Затем нужно было перевести теоретические кулуарные споры и дискуссии в практическую плоскость, вывести их на улицы, площади, на церковные богослужения и даже на рассмотрение царем Алексеем Михайловичем и архиерейскими Соборами, пока еще без непосредственного участия Восточных патриархов — Александрийского Паисия и Антиохийского Макария. Обстановку нужно было разогреть, довести до такой степени накала, когда теоретические рассуждения и аргументы легко подменяются оскорбительными, межличностными и межнациональными, затрудняя понимание сторонами друг друга, но сохраняя некую возможность нахождения компромисса и примирения.

На этой стадии Паисий Лигарид еще не смог довести ситуацию до окончательного и бесповоротного разрыва. Архиереи и духовенство, участники Московских Соборов, были еще настроены на примирение с противниками церковной реформы и сторонниками старых обрядов. Об этом говорят решения Московского Собора 1666 года, принимавшего откровенные усилия, чтобы разъяснить старообрядцам свою позицию и побудить их покаяться и подчиниться. Собор 1666 года «вменил лишь в обязанность всем и каждому подчиняться его постановлениям, а за нарушение таковых и сопротивление церковной власти положил виновных преследовать судом церковным, угрожая строгим наказанием. Клятвы соборной от имени церкви не было произнесено не только на самые обряды и книги, которые с течением времени вошли в употребление в древней Руси, но даже и на тех лиц, которыя их придерживались. Отлучение и проклятие могли ожидать их лишь после привлечения их к церковному суду и только в случае неповиновения соборной власти»[845]. Некоторые сторонники старых обрядов после рассмотрения их на Соборе 1666 года принесли покаяние: Александр, епископ Вятский; Ефрем Потемкин; иеромонах Сергий; старец Серапион, бывший протопоп Смоленский; Григорий (до пострижения в монахи Иван) Неронов, бывший настоятель церкви Казанской Божьей матери в Москве; Феоктист, игумен Златоустовского монастыря; Герасим Фирсов, старец Соловецкого монастыря; Антоний, бывший архимандрит Муромского Спасского монастыря и другие. Лишь несколько человек за сопротивление Церкви были отлучены и преданы проклятию: протопоп Аввакум; Епифаний, бывший инок Соловецкого монастыря; Федор Иванов, диакон Благовещенского собора в Москве; поп Лазарь и другие.

Паисий Лигарид действовал в Москве настолько активно, что сведения о неправильном переводе им патриарших грамот и несклонности его к «умиротворению церкви» дошли даже до далекого Иерусалима. 21 января 1665 г. Иерусалимский архидиакон Досифей направил П. Лигариду письмо из Адрианополя, в котором писал: «...Слава прииде некая хульная, рождение ж воистинно диаволе, яко вы не право грамоты переводите, но иная полагаете, иная от среди изъемлете, иная

[845] *Гейден А.* Из истории возникновения раскола при патриархе Никоне. СПб., 1886. С. 68.

оставляющее; аще придет туды патриарх — будет о том истязовати и в том советуя твоей святыни, буди далече от сего, да будеши волен от сих безчествований, и на явишися истинны помощник и оборонитель, зане несть мала вещь зле переводити Таже елико можеши о належащих к миру церкве стой крепко, зане возвестися нам яко твоя святыня, могий соблазном вредити, не глаголеши о мире...»[846]. Из письм видно, что архидиакон Досифей предостерегал П. Лигарида от неправильных пере водов и прямо убеждал его «стоять крепко» в защиту умиротворения обстановки Русской православной церкви. Но у эмиссара Ватикана были другие планы. Совсе не для этого он делал все, чтобы окончательно низвергнуть Никона с патриарше престола, чем даже заслужил одобрение и почтение старообрядцев; Григорий Не ронов называл П. Лигарида «правдоглаголевым», который доказал, по его словам «законопреступность всех Никоновских затей»[847]. Но когда старообрядцы переста ли быть ему нужны, «...на соборе 1667 г. Лигарид выразился, что Аввакум, Григо рий Неронов и другие расколоучители написали против греков бездну лжи, дале ко превосходящей зловонный навоз Авгия»[848]. Эта фраза была нужна, чтобы сфор мировать и укрепить у участников Собора, сторонников церковной реформы и ис правления русских богослужебных книг по греческим образцам, непримиримое от ношение к старообрядцам, чтобы не допустить примирения.

Но до приезда Восточных патриархов — Александрийского Паисия и Антиохий ского Макария, сил и возможностей для раскола Русской православной церкви у П. Ли гарида было недостаточно. Нужно было ждать их приезда, и вот, наступило 27 нояб 1666 г., Восточные патриархи въехали в Москву. Надо полагать, что он довел до них же лательный для царя Алексея Михайловича вариант исхода дела с церковной реформо и старообрядцами, обрекающий их на суровое осуждение Собором. Этот вариант пря мо вел к расколу и ослаблению Русской православной церкви, и, как мы знаем, был од новременно желателен и эмиссару Ватикана П. Лигариду. Восточные патриархи не со бирались противоречить желаниям царя, у них были причины заслужить его одобре ние своим участием в работе Собора, они очень хотели получить от него богатую мило стыню и царское ходатайство перед Турцией об их восстановлении на патриарших ка федрах. (Оба патриарха, Паисий и Макарий, а также Паисий Лигарид, были в то врем «под запрещением» и лишены своих кафедр и вообще не имели каких-либо правомо чий руководить Собором 1667 года. Понимая ненормальность ситуации, царь Алексе Михайлович позже настойчиво ходатайствовал перед патриархом Константинопол ским и турецкими властями о возвращении им прежних кафедр).

Так что Московским Собором 1667 года руководили уже приехавшие патри архи Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий, их главным советнико и связующим звеном с царем Алексеем Михайловичем являлся Паисий Лигари услуги переводчика оказывал архимандрит Московского Никольского Греческог монастыря Дионисий по прозвищу «Святогорец».

Если Собор 1666 года стремился примирить противоборствующие стороны сохранить Церковь, то Собор 1667 года был откровенно направлен не на прими

---

846 *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Часть 2. С. 779.

847 *Гейден А.* Из истории возникновения раскола при патриархе Никоне. С. 61.

848 Там же. С. 61.

рение, а на утверждение раскола и наказание старообрядцев. 13 мая 1667 г. Собор принял V Деяние, в котором говорилось: «...Сие наше соборное повеление и завещание ко всем вышереченным чином православным предаем, и повелеваем всем неизменно хранити и покарятися святей Восточней церкви. Аще ли же кто не послушает повелеваемых от нас и не покорится святей Восточней церкви и сему освященному собору, или начнет прекословити и противлятися нам: и мы таковаго противника, данною нам властию от всесвятаго и животворящаго Духа, аще будет от освященнаго чина, извергаем и обнажаем его всякаго священнодействия и благодати и проклятию предаем, аще же от мирскаго чина, отлучаем и чужда сотворяем от Отца и Сына и святаго Духа и проклятию и анафеме предаем, яко еретика и непокорника, и от церкве Божия отсекаем, яко гнил и непотребен уд, дондеже вразумится и возвратится в правду покаянием, и пребудет в упрямстве своем до скончания своего: да будет и по смерти отлучен и непрощен...»[849]. В числе других участников Собора это «Деяние» также подписано митрополитом Газским Паисием Лигаридом и архимандритом Московского Никольского Греческого монастыря Дионисием («Святогорцем»).

Как писал А. Гейден, «это соборное проклятие и создало раскол, как нечто отдельное от православной церкви, потому что оно оттолкнуло от нея всех тех, которые, держась старых обрядов и книг, хотели тем не менее жить в мире с нею. Эти люди, искренно убежденные, что они верные сыны православной Христовой церкви, видели, что православная русская церковь отвергала их, как зараженных членов своих... и с этих пор отшатнулись от нея и прекратили общение с ней...»[850].

Московский Собор 1667 года официально утвердил раскол Русской православной церкви на долгие десятилетия и столетия. Его решения были отменены лишь 23 апреля 1929 г. синодом при заместителе местоблюстителя патриаршего престола митрополите Сергии, и затем Поместным Собором Русской православной церкви в 1971 г.

К сказанному нужно добавить, что патриарх Антиохийский Макарий соприкоснулся со старообрядцами еще в 1656 г., когда, уже выехав из Москвы на родину, он был возвращен по приказу царя Алексея Михайловича в Москву и принял участие в работе Архиерейского Собора, судившего старообрядца Григория Неронова (18 мая 1656 г.). Более того, патриарх Макарий 24 февраля 1656 г. публично произнес проклятие на двуперстное крестное знамение, затем изложил это проклятие письменно и передал его патриарху Московскому и всея Руси Никону, «которым прямо уполномочивал его вторично и более торжественно сделать то же самое»[851]. То, что ему было поручено, патриарх Московский и всея Руси Никон выполнил, произнеся на Соборе 23 апреля 1656 г. торжественное проклятие на двуперстное крестное знамение, что, конечно, не способствовало успокоению обстановки.

Ватикан должен был быть весьма удовлетворен расколом Русской православной церкви, ее ослаблением, последующим принижением роли патриархов Мо-

---

[849] Цит. по: Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 5. С. 487.

[850] *Гейден А.* Из истории возникновения раскола при патриархе Никоне. С. 70.

[851] *Голубинский Е.Е.* К нашей полемике с старообрядцами // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел III. М., 1905. С. 65.

сковских и всея Руси при царях. И хотя Ватикан не принимал непосредственног участия в подготовке и осуществлении раскола (такими данными автор не расп лагает), его эмиссар, митрополит Газский Паисий Лигарид, сделал все, чтобы ра кол произошел, чтобы предотвратить примирение в Русской православной церкв Было ли его участие решающим? Он не создавал, не конструировал раскол, это вс сделали русские; его роль в том, что он вместе с действовавшими по его рекоменд циям Восточными патриархами уже на завершающих этапах помешал, как мы сч таем, достичь компромисса и примирения.

Но еще за двенадцать лет до приезда Паисия Лигарида в Москву там уже на ходился молодой, всего-навсего 29-летний, эмиссар Ватикана Арсений по прозви щу Грек. В литературе его так и называют — **Арсений Грек**. Именно его личност и действия в качестве справщика Московского Печатного двора активно способ ствовали росту разногласий и вражды между сторонниками и противниками цер ковной реформы, чем были созданы благоприятные условия Паисию Лигариду дл работы по расколу Русской православной церкви.

Ориентируясь на сведения биографического характера, которые дал Арсени Грек на следствии в Москве в июле 1649 г., можно сказать, что он родился в 1620 г. городе Трикала в семье священника Антония (год рождения достаточно легко пр считывается из представленных сведений). В то время этот город находился на тер ритории Османской империи, сегодня это город в центральной части Греции, в об ласти Фессалия. У него было четыре брата: Андрей и Иван — миряне, Димитрий Афанасий — священнослужители. В 1634 г. Арсений Грек выехал в Венецию, гд в течение года изучал грамматику. В 1635 г. он приехал в Рим и поступил на уче бу в Греческую коллегию св. Афанасия, в которой, как мы уже говорили, готовил специалистов в области подрывной деятельности против православия. Здесь он от ступил от православия и принял униатство. Обучался он в Греческой коллегии д 1640 г. В этот период преподавателем Греческой коллегии являлся Паисий Лигарид в 1640 г. на учебу в коллегию поступил Георгий Крижанич. В Греческой коллеги обучались студенты-униаты из Украины, в 1639 г. приезжал Униатский митропол Рафаил Евстафьевич Корсак, рукоположивший 31 декабря 1639 г. Паисия Лигари да в униатского священника. В 1640–1643 гг. Арсений Грек обучался в городе Па дуя медицине и философии. В 1643 г. он приехал в Константинополь, где по требо ванию своих родных братьев, заподозривших его в отступлении от православия, о проклял католичество, после чего был пострижен в монаха. Имея неплохое образо вание, он через непродолжительное время был рукоположен в диакона, затем в свя щенника, а затем стал игуменом Богородицкого монастыря на острове Скиатос (восточного побережья Греции). Приехав в 1644 г. за книгами в Константинополь он на две недели попал в тюрьму, насильно (по его словам) был обращен в мусуль манство, затем бежал из Константинополя в Валахию и Молдавию, где, по его же словам, митрополит Янинский Иоасаф «исправил» его в вере. Находился он в этих землях до 1647 г. Из Молдавии он приехал во Львов, где, узнав о наличии в Киеве православной школы, выехал в Варшаву, добился аудиенции у короля Польши Вла-

дислава IV, оказал ему «по пути» помощь в лечении «каменной болезни» и получил разрешение на работу в этой школе в качестве учителя. Король дал об этом соответствующую грамоту не только ему, но и митрополиту Киевскому Сильвестру Коссову. Это происходило между днем избрания Сильвестра Коссова в митрополита (25.02.1647) и днем смерти короля Владислава IV (10.05.1648). Заметим, что в это же время в Варшаве находился Георгий Крижанич, совсем-совсем недавно вернувшийся из поездки в Москву. Не исключено, что они встретились в Варшаве и переговорили по взаимно интересующим вопросам. Получив королевские грамоты, Арсений Грек прибыл в Киев, и стал ожидать благоприятного момента для выезда в Москву. И такой момент наступил — в Киеве остановился проездом в Москву патриарх Иерусалимский Паисий.

Последний включил Арсения Грека в состав своей свиты и осенью 1648 г. они выехали из Киева в Москву. 26 января 1649 г. состоялся торжественный въезд в столицу Российского государства. По рекомендации патриарха Паисия, Арсений Грек был оставлен в Москве в качестве учителя риторики в школе Чудовского монастыря. Наступил принципиально новый этап в жизни Арсения Грека, в жизни эмиссара Ватикана.

Но тут произошло неожиданное и страшное для Арсения Грека событие — 1 июля 1649 г. патриарх Паисий направил из Путивля (на обратном пути из Москвы) письмо царю Алексею Михайловичу, в котором сообщил о неблаговидных проступках Арсения Грека, его отступлениях от православной веры. Паисий писал: «...еще да будет ведомо тебе, благочестивый царь, про Арсения, который остался в твоем царстве: испытайте его добре, утвержден ли он в своей благочестивой христианской вере. Прежде был он иноком и священником, и сделался бусурманом; потом бежал к ляхам, и у них обратился в униата, — способен на всякое злое безделие: испытайте его добре, и все это найдете. Мне все подробно рассказали старцы, пришедшие от гетмана: велите расспросить, что мне разсказывали те старцы и люди Матвея воеводы волошскаго, будет ли так, или нет, как я писал к брату и сослужителю моему, патриарху Иосифу. Лучше прекратите эту молву, пока он сам (Арсений) здесь, чтобы не произошло соблазна церковнаго. А если я еще что проведаю подлинно, то напишу к вашему величеству: ибо я должен, что ни услышу, о том извещать. Не подобает на ниве оставлять терние, чтобы она вся не заросла им: нужно удалять и тех, которые держатся ереси и двуличны в вере. Я нашел его в Киеве и взял с собою, а он не мой старец... Я того про него не ведал, а ныне, узнав о том, пишу к вашему величеству, да блюдете себя от таковых, чтобы не оскверняли церкви Христовой такие поганые и злые люди...»[852]. Письмо с подобной информацией царь Алексей Михайлович получил и 23 июля 1649 г. Строитель Троицкого Богоявленского монастыря Арсений Суханов писал: «...июля де во второй день сказывал ему, Арсению, в Путивле иерусалимскаго патриарха Паисия казначей, старец Иоасаф про того старца Арсения, что он родом гречин и был черный поп, и потом де, неведомо каким случаем, был он бусурман, а из бусурманской веры ушел в польскую землю, и был в униатской вере, и пришел де из Польши, жил в Киеве. А как иерусалимский патриарх пришел в Киев, а дидаскала его не стало, и патриарх, вме-

[852] Цит. по: Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. XII. Патриаршество в России. Книга III. СПб., 1883. С. 156.

сто своего дидаскала, взял того старца Арсения с собою к Москве. И ныне патриарх Паисий скорбит о том гораздо, чтоб де тот старец Арсений с Москвы не ушел опять в бусурманскую веру…»[853]. Реакция Москвы на поступившие сведения была немедленной. 25 июля 1649 г. царь Алексей Михайлович указал провести расследование и назначил для этого боярина князя Никиту Ивановича Одоевского и думного дьяка Посольского приказа Михаила Юрьевича Волошенинова.

Расследование было проведено быстро. (Следственное дело об Арсении Греке было обнаружено и в 1881 г. опубликовано историком Н.Ф. Каптеревым). Арсений Грек сообщил о себе некоторые сведения биографического характера, на которые мы выше сослались, но свое отступление от православия и принятие униатства категорически отрицал. Вначале он также категорически отрицал и учебу в Греческой коллегии св. Афанасия в Риме, но, когда ему прямо сказали, что он лжет, эту учебу признал, заявив, тем не менее, что униатства не принимал. Арсений Грек признал только, что «обусурманен де он неволею», когда был посажен турецкими властями в тюрьму в Константинополе. Следователи сказали Арсению Греку, что он обязан был сразу сообщить о себе полную правду царю и патриарху, «а таить было такого злаго дела за собою не довелось. А то знатно, что он своим еретическим вымыслом хотел и в московском государстве свое злое дьявольское учение ввесть и православным христианам во благочестивой вере еретические плевелы сеять; а только б он в московское царство приехал не для такого злаго дела, и ему такое дело за что было таить? А в московском государстве православная вера сияет много лет и от таких зловерных еретиков и от их плевельных учений отвращается и ни в чем согласия их не приемлют, и его злой умысл всесильный Господь Бог свыше узрил и в том его воровстве обличил»[854]. Мы видим, что Арсений Грек фактически был обвинен в умышленном приезде в Московское государство с недобрыми целями. (По нашему мнению, так оно на самом деле и было).

В рамках расследования по царскому указу «описана была вся рухлядь Арсения на ростовском подворье, где он остановился, в том числе были многия греческия печатныя книги, богослужебныя, св. отцев — Кирилла иерусалимскаго, Златоуста, Иоанна Дамаскина, древних писателей — Гомера, Аристотеля, и учебныя — грамматика, лексикон и другия»[855]. Даже из этого перечня книг видно, что Арсений Грек ехал в Москву совсем не на туристическую прогулку, а на работу и на длительный период.

Н.И. Одоевский и М.Ю. Волошенинов доложили царю Алексѣю Михайловичу о результатах расследования, и 27 июля 1649 г. царем было принято решение по делу Арсения Грека: «Лета 7157 г., июля в 27 день, по государеву цареву указу боярину и дворецкому князю Алексею Михайловичу Львову, да дьяком Ивану Федорову, да Давыду Дерябину, да Смирному Богданову указал государь: сослать с Москвы, под начал в Соловецкий монастырь для исправления православныя христи-

[853] Цит. по: Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. XII. Патриаршество в России. Книга III. С. 156.

[854] Цит. по: *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. С. 213.

[855] Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. XII. Патриаршество в России. Книга III. С. 162.

анския веры приезжаго греченина старца Арсенья и велел его в Соловецком монастыре отдати под крепкое начало, а пищу и одежду и обувь велел государь давати ему братцкую»[856]. В царской грамоте игумену Соловецкого монастыря Илье повелевалось отдать Арсения Грека «под крепкий начал уставщику старцу Никодиму, береженье к нему иметь большое (до Соловок Арсения везли скованным) и из монастыря его никуда не отпускать. Другою граматою от 31 июля к соловецкому игумену Илье с братиею повелевается сосланнаго в их монастырь на вечное житье за еретичество греченина чернеца Арсения держать на Соловках в земляной тюрьме, в крепости»[857]. Надо сказать, что наказан был Арсений Грек очень и очень сурово. 3 сентября 1649 г. он прибыл в Соловецкий монастырь и потянулись для него бессрочные дни отбывания наказания.

В монастыре вокруг Арсения Грека была создана такая обстановка, что он сознался на исповеди своему духовнику священноиноку Мартирию о том главном, что категорически отрицал во время расследования его дела в Москве. Он признал, что действительно отступил от православия и принял униатство при поступлении в «латинское училище», т.е. в Греческую коллегию св. Афанасия в Риме, так как иначе на учебу не зачисляли. По его словам, после возвращения с учебы он вернулся в православие, был пострижен в монаха и даже рукоположен в священника. Находясь в Соловецком монастыре, он «успел научиться славянской грамоте и русскому языку», и у монахов сложилось о нем довольно положительное мнение, как об успешно прошедшем испытание.

Так бы и остался Арсений Грек «на вечное житье» в Соловецком монастыре, но в ближайшие два – три года произошел ряд событий, которые кардинально изменили его судьбу. 20 марта 1652 г. Архиерейский Собор в Москве принял решение о переносе мощей митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря в Успенский собор в Москву. Поручено это было сделать будущему патриарху, а тогда еще митрополиту Никону, который в начале апреля 1652 г. выехал из Москвы в Соловецкий монастырь, куда и прибыл 3 июня того же года. За одну неделю Никон решил все вопросы и 10 июня отправился в обратный путь в Москву с мощами митрополита Филиппа, забрав с собой из Соловецкого монастыря и Арсения Грека. 9 июля 1652 г. все они благополучно въехали в Москву, и для Арсения Грека наступил очередной, принципиально новый для него этап жизни.

25 июля 1652 г. Никон был поставлен патриархом Московским и всея Руси, и после этого привезенный им из Соловецкого монастыря Арсений Грек был назначен библиотекарем патриаршей библиотеки. Осенью того же года по поручению патриарха Никона он ездил в Великий Новгород «для покупки находившихся в тамошних библиотеках греческих книг»[858]. В начале 1654 г. Московский Печатный двор был передан в полное подчинение патриарху Никону. Прошло совсем немного времени, и 1 марта 1654 г. Арсений Грек был назначен главным справщиком и переводчиком Московского Печатного двора. Как пишет историк П.С. Смирнов, в

[856] *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. С. 213–214.

[857] Там же. С. 214.

[858] *Смирнов П.С.* История русскаго раскола старообрядства. Изд. 2-е, испр. и дополн. СПб., 1895. С. 41.

это же время патриархом Никоном были назначены семь справщиков: «старец Чудова монастыря Евфимий, старец Новоспасского монастыря Матвей, ученик Ртищевской школы и Киевской академии Иван Озеров, приезжий старец Арсений Грек, Рождественский, что у царицы на сенях, протопоп Адриан, патриарший архидиакон Евфимий и Чудовский старец Иосиф… В конце патриаршества Никона оставалось только четыре справщика. Из них более видное место занимали Чудовский старец Евфимий и старец Арсений Грек»[859].

Что представлял из себя Московский Печатный двор в 1649–1650 гг.? Это было довольно большое для того времени учреждение, во главе которого стоял дьяк Владимир Борзово, назначенный царским указом от 7 декабря 1649 г. Как писал С.А. Белокуров, на Печатном дворе работали: 4 справщика, 1 книжный чтец, 1 книжный писец, 2 подьячих, 24 наборщика, 12 разборщиков, 48 тередорщиков (печатников), 48 батыйщиков (накладчиков краски на буквы), 1 переплетчик, 1 резец, 1 знаменщик (мастер по расчерчиванию заготовок в иконописи), 2 словолитца, 1 пристав, 1 алифленик (специалист по работе с олифой), 1 рудник, 2 столяра, 3 кузнеца, 12 сторожей. Всего служивших на Печатном дворе в 1649–1650 годах было 165 человек. На Печатном дворе имелась «полата правилная», где исправлялись и готовились к печати различные, в том числе и пришедшие в негодное состояние книги. При вступлении дьяка Владимира Борзово в должность была составлена опись всего того, что имелось на Печатном дворе, в том числе и книг в «полате правилной». Таких книг по этой описи оказалось 80 наименований, печатных, письменных (рукописных) и харатейных (изготовленных на пергаменте)[860]. Учитывая предстоящий объем работ по переводу с греческих оригиналов и исправлению церковных и богослужебных книг, а затем и по их печатанию, дремать сотрудникам Печатного двора было некогда.

Восточные патриархи знали, что в Москве приступили к исправлению русских, церковных и богослужебных книг, и нуждаются в греческих церковных и богослужебных книгах для использования их в качестве оригиналов при сравнении с текстами русских книг. И в 50-х годах XVII в. в Москву стали поступать греческие книги из Восточных патриархий. П.С. Смирнов привел некоторые сведения об этих поступлениях. Летом 1654 г. Сербский патриарх Гавриил преподнес патриарху Никону книгу, в которой были напечатаны три литургии. В феврале 1655 г. Антиохийский патриарх Макарий привез несколько богослужебных книг. В это же время известный нам Арсений Суханов привез из своей поездки на Восток 498 книг, среди которых были книги библейские, святоотеческие, канонические и богослужебные. Халкидонский митрополит Гавриил прислал древнюю рукописную Псалтирь. Около 50 книг было доставлено из Афонских монастырей Хиландарского, Павловского и Иверского. Не менее 200 книг поступило от Александрийского, Иерусалимского и других иерархов. Диакон Мелетий, ездивший на Восток для приобретения книг, привез в 1657 г. более 10 наименований богослужебных книг[861]. Предстояла весьма и весьма трудоемкая работа по их переводу и сравнению с русскими текстами.

---

[859] Там же. С. 43.

[860] *Белокуров С.А.* Московский печатный двор в 1649 году // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел IV. М., 1887. С. 1–32.

[861] *Смирнов П.С.* История русскаго раскола старообрядства. Изд. 2-е, испр. и дополн. С. 42.

Являясь главным справщиком и переводчиком Московского Печатного двора, Арсений Грек переводил греческие книги на русский язык, сравнивал перевод с текстами старых русских церковных и богослужебных книг, вносил в русские тексты нужные, по его мнению, изменения (исправления), готовил текст к печати и отдавал затем его в печать. Разумеется, все это он делал не как некий механический аппарат, а как человек, прошедший воспитание и подготовку в Греческой коллегии св. Афанасия в Риме, пропитанный духом «латинства». Все его действия, с одной стороны, полностью соответствовали указаниям патриарха Никона по скорейшему исправлению русских церковных и богослужебных книг, их печатанию и рассылке по епархиям. С другой стороны, эти же его действия, объективно создавали и расширяли трещину внутри российского общества, внутри православного духовенства и мирян, разделяли всех верующих на сторонников церковной реформы и ее противников, выводили тех и других на публичные обсуждения, обостряли и ужесточали отношения между ними. Все это ослабляло Русскую православную церковь, создавало объективные предпосылки к ее расколу. Конечно, патриарх Никон не мог не знать и хорошо знал, какое влияние оказывают на обстановку в Церкви и государстве предпринимаемые им меры, в том числе по исправлению церковных и богослужебных книг. Но он, видимо, надеялся, что со временем все трудности будут успешно преодолены и Церковь выйдет из них обновленной. Получилось, как мы знаем, не так.

Ссылка в Соловецкий монастырь Арсения Грека, человека, отступившего от православия и принявшего униатство, а позднее и мусульманство, а затем его возвращение в Москву и назначение главным справщиком Московского Печатного двора для исправления (редактирования) русских церковных и богослужебных книг, стало хорошо известно не только в самом Соловецком монастыре. Широкие круги православного духовенства и мирян в Москве и других городах также узнали об этом незамедлительно. Реакция противников патриарха Никона и начатого им исправления книг была также незамедлительной, непримиримо жесткой и бескомпромиссной.

Уже 25 августа 1654 г. после богослужения в Московском Успенском соборе верующие («множество народа из разных слобод») собрались около собора и обратились к Московскому воеводе князю Пронскому с суровыми словами и требованиями: «...Во всем виноват патриарх, держит он ведомаго еретика, старца Арсения, дал ему волю, велел ему быть у справки печатных книг, и тот чернец много книг перепортил... ведут нас к конечной гибели, а тот чернец за многие ереси, вместо смерти, сослан был в соловецкий монастырь. Патриарху пристойно было быть в Москве и молиться за православных христиан; а он Москву покинул, и попы, смотря на него, многие от приходских церквей разбежались; православные христиане умирают без покаяния и без причастия. Напишите бояре, к государю царю, к царице и царевичу, чтоб до государева указа патриарх и старец Арсений куда-нибудь не ушли...»[862]. (В это время царь Алексей Михайлович находился на войне; в Москве было моровое поветрие, в связи с чем патриарх Никон вместе с царским семейством из Москвы выехал. Митрополит Макарий отметил, что в августе 1654 г.

[862] Цит. по: Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. XII. Патриаршество в России. Книга III. С. 207–208.

исправление книг на Московском Печатном дворе еще не начиналось, и требования верующих были инспирированы врагами патриарха Никона).

Особую ярость вызывал Арсений Грек у противников исправления книг. 4 января 1657 г. патриарх Никон имел беседу в Крестовой патриаршей палате Кремля с одним из активных деятелей старообрядчества — с монахом Григорием (до пострижения в монахи — Иван Неронов). Григорий гневно сказал патриарху Никону, что он много раз говорил священнослужителям, что греки и малороссы потеряли веру, крепости и добрых нравов нет у них, и благочестия мало. «А ныне у тебя то и святыя люди и закона учители, — порочной чернец Арсеней, о нем же писал ко государю Иерусалимской патриарх Паисея, что он, Арсений, еретик, велел ся его остерегать, многие, де, ереси в себе держит, и в римском костеле, и в ельнинском же зле единонравен тем был, и их во всем. И благочестивый государь царь, по отписке Иерусалимскаго патриарха Пайсея, сослал ево в Соловецкой монастырь... А ты ево взял из Соловецкого монастыря на смуту, и устроил того, яко учителя, паче же к тиснению печатному правителя. Свидетели Арсению многи, что он порочной человек»[863]. Добавим, что по этому же вопросу Иван Неронов письменно обращался к царю Алексею Михайловичу 27 февраля 1654 г.

Хорошо знал Арсения Грека по периоду его нахождения в Соловецком монастыре монах Епифаний, «соузник», друг и духовный отец протопопа Аввакума, яростный защитник старых русских церковных и богослужебных книг и обрядов, казненный в Пустозерске 14 апреля 1682 г. Выйдя из монастыря в 1657 г., он подготовил книгу в защиту старинного вероисповедания и церковных обрядов. В 1667 г. он вместе с другими лидерами старообрядчества был выслан в Пустозерск, где написал «Житие Епифания». Вот что он говорил здесь об Арсении Греке: «...И как грех ради наших попустил бог на престол патриаршеский наскочити Никону, предотече антихристову, он же, окаянный, вскоре посадил на Печатной двор врага божия Арсения, жидовина и грека, еретика, бывшаго у нас в Соловецком монастыре в заточении. И той Арсен, жидовин и грек, быв у нас в Соловках, сам про себя сказал отцу своему духовному Мартирию священноиноку, что он в трех землях был и трою отрекался Христа, ища мудрости бесовския от врагов божиих. И с сим Арсением, отметником и со врагом Христовым, — Никон, враг же Христов; начаша они, враги божии, в печатныя книги сеяти плевелы еретическия, проклятыя, и с теми злами плевелами те книги новыя начаша посылати во всю Рускую землю на плач, и на рыдание церквам божиим, и на погибель душам человеческим...»[864].

14 апреля 1682 г. в Пустозерске был казнен Федор Иванов, бывший дьякон Благовещенского собора в Москве, соратник протопопа Аввакума. В письме к своему сыну Максиму он писал о патриархе Никоне и Арсении Греке: «...И с тех новогреческих печатных книг печатал он (т.е. патриарх Никон. — *прим. авт.*) на Москве новыя нынешния книги: потому оне и не согласны со старыми нашими. Арсений грек, враг Божий, научил его Никона покупать те книги еретическия, он переводил

[863] Цит. по: Записка о жизни Ивана Неронова // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 343–344.

[864] Цит. по: Житие Епифания // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга 2. М., 1989. С. 310–311.

их на наш язык словенский...»[865]. (По мнению Федора Иванова, греческие книги печатались в Риме, Париже и Венеции «латинянами», а в Москве с них делались переводы и по ним исправлялись русские богослужебные книги).

Очень ожесточенно, ругательно отзывался об Арсении Греке и патриархе Никоне лидер старообрядчества протопоп Аввакум. (Мы не будем приводить примеры из сочинений протопопа Аввакума, они известны).

В конце 1657 г. в Соловецкий монастырь, где в свое время, как мы помним, находился на исправлении Арсений Грек, были присланы новоисправленный «Служебник» и некоторые другие церковные книги. Как пишет П.С. Смирнов, «архимандрит Илия, тайно от братии, сложил их в кладовую, в 8 июня 1658 года в присутствии всей братии, нескольких лиц Анзерскаго скита и многих богомольцев был прочитан и подписан приговор, чтобы новоисправленных книг не принимать...»[866]. В середине XVII в. Соловецкий монастырь стал одним из центров раскола, в 1668–1676 гг. здесь происходило известное Соловецкое восстание старообрядцев, отказавшихся подчиниться церковным реформам патриарха Никона.

Очень показательным примером, характеризующим отношение находившихся в Москве греческих архиереев к Арсению Греку, является следующий. 16 февраля 1660 г. начал работу Московский Собор по рассмотрению вопроса о самовольном оставлении патриархом Никоном святительского престола. Для участия в работе Собора были приглашены находившиеся в Москве греческие архиереи: митрополит Фивский Парфений, архиепископ Поганиатский Нектарий и бывший архиепископ Андроский Кирилл. Приглашенные составили «Выписки из правил апостольских и соборных», но указали при этом в документе: «А переводить бы старцу Епифанию, а Арсению бы не переводить»[867]. (Епифаний — это Епифаний Славинецкий, прибывший в Москву из Киева 12 июля 1649 г., иеромонах, некоторое время являлся справщиком книг на Московском Печатном дворе и переводчиком Посольского приказа, автор ряда сочинений, ревнитель православия). Как мы видим, Арсений Грек фактически был отстранен от участия в работе Собора.

С момента возвращения Арсения Грека из соловецкой ссылки в Москву и назначения его справщиком Московского Печатного двора, он сразу же превратился в исключительно острый и постоянный раздражитель для православного духовенства, монашества и православных верующих. Его одиозная личность в качестве справщика церковных и богослужебных книг изначально компрометировала все усилия на этом направлении церковной реформы, подрывала доверие к ней, способствовала формированию двух непримиримых лагерей — ее сторонников и противников (церковной реформы).

Обратим внимание на то, что царское правительство понимало, какую негативную роль сыграли изданные Московским Печатным двором книги в дестабилизации обстановки в Русской православной церкви. 21 декабря 1662 г. царь Алексей Михайлович подписал указ о созыве Собора для рассмотрения дела патриарха Никона.

[865] *Белокуров С.А.* Сильвестра Медведева известие истинное православным и показание светлое о новоправлении книжном и о прочем // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел II. М., 1885. С. 11, прим. 40.

[866] *Смирнов П.С.* История русского раскола старообрядства. Изд. 2-е, испр. и дополн. С. 51.

[867] *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Часть 1. С. 207.

Этим указом предусматривалось: «...А ныне указал великий государь быти к Москв Илариону архиепископу Рязанскому и Муромскому для собрания к тому собору вся ких вин, да у того же дела быти боярину Петру Михайловичу Салтыкову да думном дворянину Прокофью Кузьмичу Елизарову да дьяку Лукьяну Голосову и взяти росписи и сказки за руками:... Книжнаго печатнаго двора у справщиков — сколько при патриархе Никоне было выходов книг печатных и каких, и одне книг выход с выходо во всем ли сходны были, и будет не сходны, в чем рознь и какая, и старые печатные письменные и харатейные книги из греческих присыльных книг переводы, с которы новые книги печатаны на печатном дворе ныне все ль есть, или которых нет и где он ныне?»[868]. Совершенно верное, но очень уж запоздалое распоряжение создать полномочную комиссию и собрать сведения о наименовании и количестве церковных и богослужебных книг, изданных Московским Печатным двором после их сверки с переводами с греческих оригиналов и исправления. (Мы не говорим здесь о сборе сведений о «винах», т.е. прегрешениях патриарха Никона). К сожалению, данными о результатах работы комиссии мы не располагаем.

Но некоторые сведения о книгах, которые переводил, исправлял и готовил изданию Арсений Грек, привел в своем исследовании В. Колосов. Он писал, что 1654 г. патриарх Никон поручил Арсению Греку перевод с греческого языка «Скрижали», высланной ему Константинопольским патриархом. Перевод был оконче к октябрю 1655 г. «Этой книге сам патриарх придавал весьма большое значение предназначал ее для убеждения всех в истинности своего дела, реформы Русско церкви, к чему и было направлено все содержание этой книги»[869]. В 1656 г. Архиерейский Собор в Москве рассмотрел «Скрижали» и нашел эту книгу «не тольк беспорочной, но и достойною всякой похвалы и всякаго удивления». «К октябрю 1656 г. Арсений Грек приготовил «вновь переведенный с древнеписанных греческих книг» Потребник, значительно разнящийся от прежних и восполненный многими новыми церковными чинопоследованиями. И перевод этой книги имел большое значение для реформы патриарха Никона, по обстоятельствам времени принявшей прежде всего церковно-обрядовый характер...»[870]. До этих двух книг Арсений Грек совершил перевод «книги исторической, хронографа преосвященнаго митрополита Монемвасийскаго кир Дорофея». Конечно, кроме переводов и исправлений у Арсения Грека было много и других забот по управлению Московским Печатным двором.

Митрополит Московский Макарий дополнил и уточнил список книг, изданны Московским Печатным двором в период патриаршества Никона. Разумеется, книги эти вначале были переведены с греческих оригиналов, сверены с текстами русских книг, затем эти последние тексты были исправлены в соответствии с переводами, и потом уже отпечатаны. Это такие книги, как «Память» (1653), «Служебник» (август 1655, вторично в июле 1656), «Скрижаль» (октябрь 1655), «Триоды постная» (март 1656), «Ирмологий» (май 1656), «Часослов» (1656), «Псалтырь следованная» (1657), «Евангелие напрестольное» (1657), «Апостол» (1657), «Ирмоло-

[868] Цит. по: *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Часть 1. С. 243–244.

[869] *Колосов В.* Старец Арсений Грек // ЖМНП. Сентябрь–октябрь. 1881. СПб., С. 89.

[870] Там же. С. 89.

гий» (повторно, 1657), «Требник» (1658), «Служебник» (в третий раз, 1658), «Псалтырь следованная» (повторно, 1658)[871].

Какие данные дают нам основание считать Арсения Грека эмиссаром Ватикана? Во-первых, образование, которое он получил в Греческой коллегии св. Афанасия в Риме, центре подготовки эмиссаров для организации и проведения подрывной деятельности против православия. Во-вторых, униатское вероисповедание, которое он принял, отступив от православия. В-третьих, подготовительный маршрут, которым он прошел перед приездом в Москву: Рим – Константинополь – Валахия – Молдавия – Польша – Украина – и затем уже Москва. Этот маршрут проходил по территории, канонически подчиненной Константинопольскому патриарху, давал удобную возможность изнутри изучить обстановку в Константинопольской патриархии, ее отношения с Московским государством и Русской православной церковью, ситуацию в Киевской митрополии, ее отношения с Варшавой и Москвой, т.е. «пропахнуть православным духом», что было весьма важно для безопасного пребывания в Москве. Именно на этом маршруте готовились к въезду в российское государство эмиссары Ватикана Паисий Лигарид и Георгий Крижанич. В-четвертых, квалифицированный способ въезда в Московское государство и Москву. Арсений Грек прибыл не как священнослужитель-одиночка за милостыней, которого в любой момент могли остановить на границе в Путивле и отправить обратно, а в свите патриарха Иерусалимского, что гарантировало комфортный и безопасный приезд в Москву и пребывание там. В-пятых, квалифицированный выбор времени въезда в Московское государство и Москву. Арсений Грек прибыл в Москву в самый разгар начинавшейся церковной реформы, когда Русской православной церкви позарез нужны были образованные священнослужители, учителя, переводчики греческого языка, справщики церковной и богослужебной литературы. (Выше об обстановке в Московском государстве и Русской православной церкви в 40-е и 50-е годы XVII столетия мы уже говорили). Арсений Грек обладал как раз теми специальностями, которые именно в то время пользовались наибольшим спросом в Москве. Он мог обоснованно рассчитывать, что займет нужное ему место. В-шестых, трудоустройство. Арсений Грек не ушел в монастырь и не занял там какой-либо должности, не стал он священнослужителем, не стал он учителем в какой-нибудь монастырской школе, не получил никакой «хлебной» должности. Наоборот. Он занял место в самом центре надвигающихся бурных и опасных событий, в самом центре исправления церковных и богослужебных книг. Должность справщика на Московском Печатном дворе позволяла ему незаметно, потихоньку, малыми дозами вносить в русские книги такие исправления, которые приближали православных к тому восприятию христианства, который был угоден Риму. В-седьмых, деятельность Арсения Грека по переводу греческих книг и исправлению текстов русских церковных и богослужебных книг, о чем мы выше уже говорили. В-восьмых, в 1657 г. Арсений Грек оказал прямое содействие эмиссару Ватикана Паисию Лигариду в получении разрешения на въезд в Московское государство и Москву. В то время Паисий Лигарид из Валахии направил письмо Арсению Греку с просьбой заручиться у патриарха Никона согласием на его приезд в Москву. Арсений Грек эту просьбу выполнил, и 1 декабря 1657 г.

[871] Макарий, митрополит Московский. Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов. М., 1881. С. 40, 78–79, 89–90.

патриарх Никон направил Паисию Лигариду нужную ему грамоту. Разве Арсений Грек не знал Паисия Лигарида по учебе в Греческой коллегии св. Афанасия в Риме как униата и врага православия? Если Арсений Грек приехал в Москву как истинный православный с добрыми целями, пусть когда-то оступившийся, но затем исправившийся, то почему же он, зная Паисия Лигарида как униата и врага православия, не воспрепятствовал его приезду в Москву? Ведь достаточно было одного слова патриарху Никону? Совершенно очевидно, что Арсений Грек и Паисий Лигарид находились в одной команде, действовали согласованно.

Мы видим, что множество исторических персонажей при самых различных обстоятельствах вольно или невольно участвовали в расколе Русской православной церкви. Тем не менее вряд ли будет ошибкой предположить, что эмиссар Ватикана Арсений Грек начал «операцию» по расколу Русской православной церкви (или участвовал в начальной стадии этой «операции»), а эмиссар Ватикана Паисий Лигарид ее завершил (или сыграл существенную роль на завершающей стадии).

Какова судьба Арсения Грека? Основываясь на записях о получении жалованья в приходо-расходных книгах Московского Печатного двора, в частности, что начиная с сентября 1662 г. в этих записях не фигурирует Арсений Грек, а также на том, что в феврале 1666 г. царем Алексеем Михайловичем была рассмотрена его челобитная об освобождении «из-под начала» и определении в монастырь, В. Колосов считает, что в 1662 г. Арсений Грек был вновь сослан в Соловецкий монастырь и освобожден оттуда в 1666 г. Трудно сказать, насколько этот вывод соответствует действительности. Других данных о судьбе Арсения Грека, к сожалению, пока нет.

В следующем разделе мы расскажем о подрывной деятельности эмиссара Ватикана Георгия Крижанича, который также внес некоторый вклад в создание помех достижению примирения в Церкви, написав 21 марта 1675 г. сочинение «Обличение на Соловечскую Челобитну».

Другим тайным эмиссаром, подобранным Ватиканом в одно время с Паисием Лигаридом для направления со специальной миссией в Москву, был **Георгий Каспарович Крижанич**. Споры о нем в научных кругах не утихают и сегодня, спустя 350 лет после его второго приезда в Москву в 1659 г. Точки зрения самые разные — одни считают его славянским патриотом и писателем, другие ученым, третьи папским агентом. Добавим в общий хор голосов и мы свое мнение.

Сделаем небольшое предварительное замечание — в отечественной литературе его называют Юрий Крижанич, но так как он в переписке с конгрегацией «Пропаганда Веры» и другими корреспондентами называл сам себя Георгием, то и мы будем называть его этим именем, данным ему при рождении.

Итак, кто он, и что он. Георгий Каспарович Крижанич, хорват, родился в 1617 г., выходец из древнего, но обедневшего дворянского рода. В 1634 г. он стал сиротой (умер отец Каспар Крижанич) и поступил учиться в Загребскую католическую духовную семинарию. Через 4 года, в 1638 г., он переехал на учебу в хорватскую коллегию в Вене, в 1639–1640 гг. учился в хорватской коллегии в Болонье, а в конце 1640 г. уехал в Рим и поступил там на учебу в Греческую коллегию св. Афанасия

В ту коллегию, в которой в разное время учились и Паисий Лигарид, и многие другие, как выше мы уже говорили, эмиссары Ватикана по борьбе с православием. По словам историка А.И. Маркевича, «...Крижанича, как католика, долго не принимали в эту коллегию; наконец приняли, но только как конвиктора, а не воспитанника. Поступление в униатскую коллегию, в то время когда в Риме была другая коллегия — св. Апполинария для Немцев и Венгров, католиков, в которой воспитывались и многие земляки Крижанича, заставляет предполагать, что уния церквей, внушенная ему еще в Загребе Винковичем, была главною мыслью, которая его тогда занимала...»[872]. (Винкович Бенедикт (Бенко), католический епископ Загребский, сторонник унии Римской католической и православной Церквей, основатель хорватской коллегии в Вене, первый покровитель молодого Георгия Крижанича).

Из стен коллегии Георгий Крижанич вышел квалифицированным специалистом в области подрывной деятельности против православия и Русской православной церкви, ревностным католиком и ярым сторонником унии, одним из тех «Троянских коней», которых Ватикан регулярно направлял в Россию и другие православные страны со специальными миссиями.

О такой миссии мечтал и Крижанич, направляя еще в 1641 г. «Записку о миссии в Москву» префекту конгрегации «Пропаганда Веры» кардиналу Антонио Барберини. «Записка» фактически является развернутой программой, которой, по мнению Крижанича, нужно руководствоваться, чтобы успешно действовать в Москве. Она состоит из трех частей: часть первая включает в себя описание обстановки, в которой придется действовать миссионеру, в том числе об упорстве москвитян в ереси, о чрезвычайной власти великого князя, о религии, о природных качествах, нравах и занятиях москвитян и т.д. Часть вторая посвящена средствам, которые нужно применять против схизмы москвитян, и требуемым качествам миссионера. В третьей части Крижанич говорит о практическом осуществлении программы, в том числе о желательной линии поведения миссионера в Москве, чтобы добиться успеха.

Как он пишет, предварительный этап завоевания доверия у великого князя может растянуться на четыре, или пять, или даже более лет. Но затем, оказав нужное влияние на великого князя и получив его согласие начать войну с Турцией, дать ему понять, что без поддержки католических государей его сил может не хватить, предложить свои услуги для переговоров с этими государями. «...И потому, если он пожелает, то пусть пошлет меня к этим католическим государям, ибо от них он, наверное, получит и мастеров дела, и помощь, и советы. Но для этого (Внимание! — *прим. авт.*) предварительно потребуется религиозная уния с ними, и потому надо просить его разрешить прения (об этом) и расследование истины для заключения унии, необходимой даже и в том случае, если бы он и одолел Турок, ибо ему никогда не достигнуть мира с католическими государями, если он будет разной с ними религии...»[873]. По существу, этой программе Крижанич остался верен всю свою жизнь.

«Записка» Крижанича, так же как и личность ее автора, были своевременно обсуждены на заседаниях конгрегации «Пропаганда Веры»; результаты обсуждения были положительными, и уже в декрете конгрегации от 9 сентября 1641 г. он офи-

[872] *Маркевич А.И.* Юрий Крижанич и его литературная деятельность. Варшава, 1876. С. 4.

[873] Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву. 1641 год. Издание Императорского Общества истории и древностей Российских при Московском Университете. М., 1901. С. 42.

циально назван питомцем священной конгрегации. Тогда же предварительно была рассмотрена и его просьба о повышении его в духовном сане. 20 января 1642 г. конгрегация приняла декрет, в котором говорилось: «...По докладу пр. владыкою кард-м Каэтано прошения Георгия Крижанича, из Загребской епархии, питомца свящ. конгрегации, о грамоте вне очереди, чтобы он мог быть повышен в титул миссионера чрез какого-либо (духовнаго) начальника, а также во все священные степени до священства включительно, — св. конгрегация постановила, если соизволит св-ший (речь идет о папе Урбане VIII. — *прим. авт.*), удовлетворить просьбе просителя. Того же дня св. г. наш одобрил декрет св. конгрегации...»[874]. Через несколько месяцев своим декретом от 12 сентября 1642 г. конгрегация предоставила Крижаничу право получить «докторскую степень по священному богословию» и назначила ему «...миссию к валахам, обитающим в загребской епархии, но под условием подчинения руководству епископа загребскаго...»[875].

Небезинтересно познакомиться с характеристикой, которая была дана Крижаничу 22 сентября 1642 г. ректором Греческой коллегии св. Афанасия иезуитом Тарквинием Галлутием: «...сею грамотою удостоверяем и свидетельствуем, что достопочтенный и честный муж, Георгий Крижанич, хорват, священник епархии загребской, был сожителем в этой Греческой коллегии, в Городе-Матери, и питомцем свящ. конгрегации Пропаганды веры, и занимался там свящ. богословием со тщательным трудом и рвением. А в дедовской вере и религии предков наших, в нравах жизни, в беспорочности священства и в различных благочестивых упражнениях так себя вел, что и нам был всегда дорог и, есть надежда, будет не малой опорой отечеству...»[876].

Крижанич сам выбрал свой путь. В октябре 1642 г. он уже в Загребе, получает от секретаря конгрегации «Пропаганда Веры» Франческо Инголи (с которым переписывался и Паисий Лигарид) письменные полномочия для направления с миссией к валахам, начинается его новая жизнь.

Мы не будем подробно, шаг за шагом, прослеживать его деятельность до 1647 г., скажем только, что все это время он готовил себя именно к миссии в Москву, именно там он считал наиболее полезным приложить свои усилия. Поэтому далее сосредоточим наше внимание на двух миссиях Георгия Крижанича в Москву — в 1647 г., и в 1659–1677 г.

Первая миссия была кратковременной. 15 октября 1647 г. в Москву прибыло польское посольство во главе с Казимиром Пацем и Иеронимом Цехановичем (Техановичем). 9 декабря того же года посольство выехало из Москвы в обратный путь. В составе посольства (в свите послов) в Москву прибыл и миссионер Ватикана Георгий Крижанич, фактически использовавший для решения своих задач дипломатическую «крышу», любезно предоставленную ему польской короной.

Так как Крижанич ранее в Московии никогда не был, миссия имела откровенный ознакомительный характер. Нужно было на месте посмотреть и пощупать, что же это такое Московия, ее царь и ее законы; что такое Русская православная церковь, ее патриарх, иерархи и другие священнослужители; что такое православие

[874] *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России (Приложения) // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел III. С. 129.

[875] Там же. С. 129.

[876] Там же. С. 218.

насколько ревностны к православию рядовые православные верующие, какими церковными книгами пользуются. Как относятся к Римской католической церкви; есть ли пути к склонению Русской православной церкви к унии, и какие. Эта миссия должна была дать Крижаничу пищу для размышлений, основу для конкретной подготовки к последующей, более продолжительной миссии в Московию, характеризовать его как эмиссара перед конгрегацией.

Сразу же по возвращении из Москвы Крижанич написал в конгрегацию «Пропаганда Веры» отчет о результатах миссии — «Повествование о нынешнем положении схизмы в Московии», который в дальнейшем он несколько раз дополнял в письмах к секретарю конгрегации. В этом «Повествовании» Крижанич писал: «...Кроме книг, необходимых для пения в церкви, никаких других до сих пор московитяне не имели печатных. Но нынешний патриарх Иосиф, который стоит во главе уже шестой год, первый стал заботиться о печатании книг свв. отцов и полемических. Между ними особенно заслуживает внимания книга, которая содержит величайшую ложь как фотиан, так и лютеран против престола бож. Петра. Именно в первом трактате делается попытка доказать, что римские первосвященники — предтечи антихриста; второму дано следующее заглавие: Собрание от свв. Отец вещей, необходимых для веры, против богоненавистных латин и прочих еретиков...»[877]. По словам Крижанича, купившего в Москве в числе других и эту книгу, она имеет много авторов, поэтому в ней встречаются противоречия, «осязательное невежество и ереси», представляющие хорошие возможности для ее опровержения. «...Поэтому не следует, кажется, пренебрегать таким случаем для привлечения этого народа в католическую веру. Ибо по многим причинам Апостольский престол имеет теперь право и способ для того, чтобы поймать этого патриарха: зачем он приказал напечатать столько гнуснейших клевет, вымышленных греками на этот престол, хорошо их не проверив. Гнусность их может быть обнаружена перед всем этим народом каким-нибудь легатом так ясно, что они, собрав обыском указанныя книги, сожгут их публично...»[878]. Мы видим, что, по мнению Крижанича, приведенный случай являлся удобным для борьбы с православием, для обращения православных в католичество.

Конгрегация «Пропаганда Веры» не только согласилась с этим мнением, но и доложила об этой книге папе Иннокентию X. В результате 1 сентября 1648 г. конгрегация издала декрет, в котором говорилось: «...По докладу пр-шим владыкою кард-м Сфорца письма господина Георгия Крижанича, миссионера в Московии, об его вступлении туда с послом короля польскаго, об его наблюдениях там и особенно о книге, озаглавленной: Собрание от св. Отец вещей необходимых для веры против богоненавистных латин и прочих еретиков, — его святейшество повелел предложить господину Крижаничу переслать эту книгу при каком-либо удобном случае, который может ему представиться, в Рим, воспользовавшись, если будет нужно, влиянием или рекомендацией польскаго нунция...»[879]. В тот же день письмо с объявлением решения конгрегации было направлено из Рима в Польшу Крижаничу для исполнения.

[877] *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России (Приложения) // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел III. С. 237–238.

[878] Там же. С. 239.

[879] Там же. С. 248.

По мнению М.И. Соколова[880], речь идет об изданной в 1644 г. в Москве так называемой «Кирилловой книге», сборнике из 49 самостоятельных статей, направленных в защиту православной веры. Подготовлен он был по указу царя Михаила Федоровича «от св. писаний учинити на еретики и на раскольники нашея православныя христианския веры, на римляны и латыни, на люторы же и кальвины..., и пустити ю во всю свою русскую землю всякому православному христианину, хотящему ея прочитати...»[881]. Главным составителем сборника являлся протопоп Московского Черниговского собора Михаил Стефанович Рогов. «Кирилловой» эта книга была названа по первой помещенной обширной (из девяти глав) статье «книга иже во святых отца нашего Кирилла, архиепископа иерусалимскаго, на осмый век», написанной Стефаном Зизанием и впервые изданной еще в 1596 г. в Вильно, в которой говорилось, «...что антихрист уже пришел на землю и царствует в лице римскаго папы»[882]. Разумеется, Крижанич не мог не обратить на такую книгу своего профессионального внимания.

Крижанич также обратил внимание, что в Москве много «схизматических» книг издано на русском языке, и что московитяне их читают и перепечатывают. В то же время книги католических авторов, нацеленные против православия, изданы на латинском, или на греческом, или на польском языках, которые московитяне не знают, и поэтому их не читают. При этом Крижанич сетовал и на качество книг: «...Именно все книги, изданныя против схизмы, то написаны без схоластическаго порядка и должных различений, то разсуждают не обо всех спорных пунктах, но или об одних вопросах веры, или об одних обрядах, и то не обо всех. Следовательно, тот, кто хотел бы сделать что-либо достойное труда ради московитян, должен был бы охватить все, сказанное выше, в схоластическом порядке, раздельно, кратко и на славянском языке... Ибо, пока все таким образом не будет исчерпано, никогда схизматики спокойно не согласятся с истиной...»[883]. Крижанич полагал, что пока русские не печатали книг о православной вере, путь к распространению у них католичества был «совершенно непроходимым» и не легче, чем у турок. Теперь же, печатая книги, они сами проложили к себе дорогу католичеству. Несомненно, Крижанич очень внимательно изучил сочинение Антонио Поссевино о Московии, и он хорошо запомнил его слова о важности книг для распространения католичества: «...никакими пушками, никаким другим самым большим арсеналом север и восток не будут завоеваны быстрее...»[884]. (Далее мы увидим, что все последующие годы Крижанич будет писать сочинения, направленные против православия, против «схизмы», утверждающие истинность только католичества, призывающие Русскую православную церковь к унии с Римской католической церковью. Других сочинений он по существу и не писал, разве только «Историю о Сибири» и несколько мелких, вроде «Описание пути от Львова до Москвы».)

---

[880] *Соколов М.И.* Новооткрытое сочинение Крижанича о соединении церквей // ЖМНП. 1891. Март. СПб., С. 255.

[881] Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. XI. Патриаршество в России. Книга 2. С. 122.

[882] Там же. С. 122.

[883] *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России (Приложения) // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел III. С. 240.

[884] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 230.

Как ни удивительно, в очень краткий период пребывания в Москве Крижаничу каким-то образом удалось получить аудиенцию у самого патриарха Московского и всея Руси Иосифа. Был ли он на аудиенции один, или с ним был еще кто-то, или это была аудиенция послов, и он был в свите, — нет на этот счет точных сведений. Известно, что в состав посольства входило около 700 человек (вместе с купцами), а в сохранившихся посольских документах, как говорит С.А. Белокуров, фамилия Крижанича не встречается. Может быть, он был в Москве под другой фамилией? Если это так, то, учитывая его намерение повторно приехать в Москву с миссией, такой вариант был весьма рискованным, как для Крижанича лично, так и для его миссии.

В письме к секретарю конгрегации «Пропаганда Веры» Дионисию Массари от 8 марта 1650 г. Крижанич обратился с просьбой разрешить ему поездку в Рим. Свою просьбу он мотивировал желанием «...представить на разсмотрение ту пагубную книгу и полнее изложить еще многия мои наблюдения и то, что произошло со мной при разсуждении с митрополитом московским, так называемым у них патриархом...»[885]. Что же произошло на встрече с патриархом? О чем говорил посланец Ватикана с главой Русской православной церкви?

В 1678 г., при разборке дел упраздненного приказа Тайных дел, были обнаружены очень интересные документы: «Два письма (зачеркнуто: Польского) езувитских, одно о Словенском народе и о исправлении Словенского языка, другое о ученье граматики и иных философских книг (зачеркнуто: которое он); а то письмо подал он во 156-м году (в 1647 г. — *прим. авт.*) декабря в 5-м числе, а имяни и прозвища ему не написано»... Хотя автором этих двух произведений Крижанич здесь и не назван, но несомненно, что они принадлежат никому иному, как ему: за это говорит тема их — больное место Крижанича. Они поданы 5 декабря 1647 г., а он выехал из Москвы 9 декабря...»[886]. Мы убедимся в справедливости этих слов С.А. Белокурова, когда будем рассматривать вторую миссию Крижанича в Российское государство. И все-таки, — неужели Крижанич решился обсуждать с патриархом Иосифом свои «езувитские письма»?

14 мая 1648 г. конгрегация «Пропаганда Веры», заинтересовавшись докладом Крижанича о поездке в Москву, поручила ему подготовить предложения о способах опровержения православия, и уже 13 июня того же года Крижанич направил в Рим секретарю конгрегации Франческо Инголи свои предложения. Правда, более подробные письма он послал позже, 8 марта и 9 апреля 1650 г., в адрес нового секретаря конгрегации Дионисия Массари. В числе предложений звучало и следующее: Крижанич намеревался сам написать обстоятельное опровержение на упомянутую выше книгу «Собрание от свв. Отец...» и потом лично отвезти его в Москву. «...Этот ответ я вызываюсь потом свезти в Московию и представить его князю и патриарху, если так прикажет священная конгрегация...»[887]. Отношение Крижанича к православию убедительно характеризуют его слова в письме Дионисию Массари: «...Хотя я и все мое время и прошлыя научныя занятия направлял по преиму-

[885] *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России (Приложения) // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел III. С. 256.

[886] *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России (Дополнительные документы) // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел IV. С. 57.

[887] *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России (Приложения) // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел III. С. 244.

честву на борьбу против схизмы, но когда увидел вышеназванную книгу, настолько враждебную католической вере, я тотчас возгорелся новым желанием к опровержению этой лжи столь обильной, вредной, заразительной...»[888].

Два следующих года Крижанич безуспешно пытался получить разрешение на поездку в Рим, но зато 31 октября 1650 г. он в составе посольства Священной Римской империи германской нации выехал из Вены в Константинополь. Как мы видим, он опять действует под дипломатической «крышей», практикуется на дипломатическом поприще. В Константинополь Крижанич прибыл 15 января 1651 г., выехал из Константинополя 13 марта, а 20 мая того же года вернулся в Вену.

Оценив заслуги Крижанича, конгрегáция «Пропаганда Веры» пошла навстречу его желаниям, и в 1652 г. он уже переехал в Рим, где начал готовиться к более важной и более длительной миссии в Москву.

Первая миссия Крижанича в Москву была осуществлена в достаточно безопасном для него лично варианте — под дипломатической «крышей». Выбор именно этого варианта говорит о том, что миссия преследовала, в основном, ознакомительные цели. Учитывая действовавшие в то время в Московии административные режимы, рассчитывать на что-то большее было трудно. Возможности Крижанича были довольно сильно ограничены его положением члена посольства, причем посольства Польши, с которой Российское государство имело весьма сложные отношения. Крижанич не внедрялся в высшие сферы Русской православной церкви (как Лигарид), не становился советником царя Алексея Михайловича (опять же как Лигарид), он не пользовался такой свободой передвижения по Москве, как, например, иностранный купец, специалист, или военный наемник, или греческий православный священнослужитель. Его распорядок дня и круг общения определялись задачами посольства и разрешениями (или запретами) Посольского приказа. В таких условиях он мог смотреть, слушать, интересоваться какими-либо вопросами у очень ограниченного круга лиц, преимущественно у чиновников Посольского приказа. И тем не менее результатами первой поездки в Москву Крижанич мог быть доволен — он получил достаточно пищи для размышлений, для подготовки второй и принципиально иной по целям и механизму исполнения миссии в Москву. Вдобавок он в какой-то степени сформировал положительное о себе мнение в конгрегации «Пропаганда Веры», что обещало ему понимание и поддержку в последующей деятельности. Без малого два месяца он дышал московским воздухом, был на аудиенции у царя Алексея Михайловича, а также на аудиенции у патриарха Московского и всея Руси Иосифа, нашел и купил нужные ему книги, — что еще можно было пожелать?

В римский период своей жизни (1652–1656) Крижанич по поручению папы Александра VII создал известную «Библиотеку схизматиков» — «огромный том полемических сочинений против латинян, переведенных им с древняго и новаго греческаго языка и языка московскаго, то есть, славяно-русскаго. Этот труд Крижанича хранится в Риме в Казанатовской библиотеке Доминиканскаго монастыря Santa Maria sorpa Minerva»[889]. Все эти книги Крижанич собрал, перевел на латынь для того, чтобы написать на них опровержения, то есть фактические опровержения на правосла-

---

[888] Там же. С. 251.

[889] *Соколов М.И.* Новооткрытое сочинение Крижанича о соединении церквей. С. 254.

вие, затем размножить и использовать для борьбы с православием и православной церковью. По мнению Крижанича, «...было бы полезно вразумить славян — схизматиков, то есть, православных, разсеять их заблуждения и предубеждения против римской церкви и привести к соединению с ней... из всех православных славян Крижанич придавал особенное значение русским; он указывал пропаганде на важность опровержения издававшихся в Москве сочинений против латинян с одобрения русскаго митрополита...»[890]. Факт создания «Библиотеки схизматиков» очень важен для оценки Крижанича. По существу, в 50-е годы XVII столетия он инициативно выступил в качестве аналитика, создателя и исполнителя острейшего и опаснейшего оружия, предназначенного для борьбы против православия. На наш взгляд, «Библиотеку схизматиков» нельзя рассматривать иначе как непосредственный вклад Крижанича в борьбу с православием, пусть даже не завершенный, но вклад.

Не правда ли, интересно было бы узнать, как оценивал Ватикан Крижанича накануне его второй поездки в Московию? В одном из документов конгрегации «Пропаганда Веры» от 1 октября 1657 г. (видимо, протокол заседания) мы можем прочитать: «...Уже давно находится здесь Георгий Крижанич, священник из Хорватии, вторично назначенный миссионером в Московию... монсиньор Массари говорит, что это голова сумбурная и экстравагантная (cervello torbido e stravagante) до невозможности извлечь из нея пользу, и это мне представляется очень вероятным. С другой стороны — совершенно верно, что он много писал в защиту католической веры против заблуждений тех стран и занимается этим охотно, и господин кардинал Бранкаччио видел и хвалит его труды...»[891]. Безусловно, характеристика эта заслуживает нашего внимания. (Франческо Мариа Бранкаччио, кардинал с 28 ноября 1633 г., умер 9 января 1675 г. Дионисий Массари — секретарь конгрегации «Пропаганда Веры»).

В другом документе, от 26 января 1658 г. (видимо, это описание аудиенции у папы Александра VII в протоколе заседания конгрегации), рассказывается, как секретарь конгрегации Марио Альберицци докладывал папе Римскому в отношении Крижанича: «...Он уже был миссионером в Московии, но я не думаю, чтобы он в тех миссиях имел большой успех, а также не кажется мне, чтобы он был годен для миссионерскаго дела. Но верно, что этот человек имеет некоторые заслуги, как потративший все свои годы на труды защиты веры и сочинение многих книг против схизматиков, которыя мне очень превозносили Лука Австенио и кардинал Бранкаччио... он назначен был конгрегацией миссионером в Московию, но я опасаюсь, что из этой службы не будет должной пользы и что он будет вырван из своей сферы... Святейший сказал, что он от них кое-что слышал уже о нем, и ему кажется удобнее помочь его бедности какою-либо стипендией, чтобы он мог здесь в Риме докончить начатые уже труды против схизматиков...»[892]. И эта характеристика, как и предыдущая, совсем не предназначалась для сведения царя Алексея Михайловича, патриарха Никона и других иерархов Русской православной церкви, Посольского приказа. Прислушались бы конгрегация и Крижанич к мнению папы Александра VII, и судьба его (Крижанича) могла сложиться по-другому...

[890] Там же. С. 257.

[891] Там же. С. 252.

[892] *Соколов М.И.* Новооткрытое сочинение Крижанича о соединении церквей. С. 253.

Приведем еще один прелюбопытный штрих к характеристике Георгия Крижа-
нича. В середине XVII столетия царское правительство, в целях хоть какого-нибудь
регулирования количества желающих приехать за милостыней в Москву, распоря-
дилось о пропуске через границу только тех, кто имеет с собой рекомендательны
и удостоверяющие личность грамоты от Восточных патриархов. Далеко не кажды
мог раздобыть такие грамоты, а поехать хотелось, тем более что Москва являлас
столицей единственного в мире православного государства, где к приезжим гре
кам относились очень хорошо, да и царская милостыня была довольно привлека
тельной. Сразу же появились всякого рода нечестные люди, проходимцы, которы
разными способами добывали себе подложные грамоты и приезжали по ним в Мо
скву. Другие нечестные люди, проходимцы, такие грамоты изготавливали. (Выш
мы приводили пример о приезде в Москву по подложной грамоте Паисия Лигари
да). Вот что писал сам о себе, как изготовителе подложной грамоты, Георгий Кри
жанич: «...Некто Софроний, называвший себя митрополитом Филипполя и Дра
мы, а в народе известный под именем Македонскаго, понуждал меня, чтоб я сочи
нил ему подложныя грамоты от имени Иоанникия, патриарха, будто бы он был вы
слан от сего последняго вследствие общих церковных нужд. Когда я не захотел это
го исполнить, он, вместе с одним другим митрополитом, хотел меня отстегать и ко
нечно сделал бы это, если бы вырвавшись, я не убежал к городскому писарю. Впро
чем, признаюсь в своей вине: впоследствии я сочинил ему помянутыя грамоты, бо
ясь за свою жизнь...»[893]. Отметим, что в 1661 г. упомянутый митрополит Софрони
со своим архимандритом Лаврентием по этим грамотам, изготовленным Георгие
Крижаничем, приезжали в Москву и получили обычную милостыню. Согласитесь
штрих к характеристике достаточно весомый.

1 октября 1657 г. конгрегация «Пропаганда Веры» издала долгожданный дл
Георгия Крижанича декрет о направлении его с миссией в Москву. Но он исполне
не был, и 26 января 1658 г. конгрегация издала повторный декрет такого же содер
жания. Однако нетерпеливый Крижанич его не дождался и стал действовать само
стоятельно. Он приехал из Венеции, где находился в 1657 г., в Вену, и инициативно
посетил российского посланника Якова Никитича Лихарева, находившегося там по
дипломатическим делам и проживавшего в гостинице «Золотой Бык». Чтобы точ
нее определиться со временем, когда Крижанич посетил Лихарева, скажем, что по
сольство находилось в Вене с 18 сентября до 2 декабря 1658 г.. В беседе с россий
ским посланником Крижанич высказал просьбу принять его на царскую службу, и
Лихарев, имевший задание подыскивать за границей нужных Москве специали
стов, отнесся к этой просьбе положительно.

И наступил этот день, 17 сентября 1659 г., когда Крижанич приехал в Москву
В документах Посольского приказа мы можем прочитать, что в Москву прибыл не
Георгий Крижанич, а выезжий сербенин Юрья Иванов, сын Билиш. Обратите вни
мание на следующее важное замечание — представляясь царским чиновникам, Ге
оргий Крижанич не только скрыл свои истинные имя и фамилию, но и умолчал
что он не только католик, но и католический священнослужитель. Да и объявлен
ная цель приезда никак не соответствовала истинным целям, но легенде (о ней не

[893] Цит. по: *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI
XVII столетиях. С. 225.

много ниже) она соответствовала. В докладе говорилось: «...И ныне де приехал он к Москве бити челом великому государю, чтоб великий государь пожаловал, велел ево устроить, в какой чин он пригодится...»[894]. Встретили его в Москве хорошо. Уже 22 сентября 1659 г. «...государь пожаловал сербина Юрья, велел ему дать своего государева жалованья за выход сукно аглинское доброе, тафту добрую, 40 куниц, денег 10 рублев, да ему ж поденнаго корму по гривне на день, да по 3 чарки вина, по 3 крушки пива на день из Новые чети; а корм и питье давать ему октября с 1-го числа...»[895]. (Формула «за выход» означала — за переезд на жительство и царскую службу в Россию). С трудоустройством вопрос тоже был решен сразу. В выписке Посольского приказа мы читаем: «...выехал де он из Сербские земли на имя великого государя и служит ему, великому государю, в различных языках, и языком греческим книжным, и греческим простым, словенским, латынским, неметцким, италиянским и полским всякие книги переводит, и листы пишет теми же языки; да он же несовершенно говорит русским, французжским и шпанским языки. И ныне де по указу великого государя велено ему делать грамматику словенскую совершенно, и лексикон, и ныне де он Юрьи за тем делом и сидит неотступно...»[896].

Проработал в Москве Крижанич совсем недолго, всего 1 год и 4 месяца. 8 января 1661 г. царь Алексей Михайлович подписал указ о ссылке Крижанича в Тобольск, и 20 января того же года он выехал из Москвы к месту ссылки.

Какова была причина ссылки Крижанича в Сибирь, точно неизвестно. Есть только самые различные предположения. С.А. Белокуров, исследовавший этот вопрос, не смог дать какого-либо однозначного ответа. Но факт остается фактом — Крижанич выехал в ссылку в Сибирь, и 8 марта 1661 г. он прибыл в славный город Тобольск, тогдашнюю столицу Сибири. Сразу же у Тобольского воеводы боярина и князя Ивана Андреевича Хилкова возникли вопросы — что делать с этим ссыльным, на какую должность его назначать и какое давать ему жалованье. Воеводская отписка по этим вопросам была направлена в Москву и получена там 25 сентября 1661 г. Из этой отписки мы можем точно узнать, чем же он занимался в Москве до направления в ссылку (встречаются самые разные суждения на этот счет): «...И иноземец Юрья сербенин бил челом вам, великим государем, нам, холопем вашим, в съезжей избе подал челобитную; а в челобитной, государи, ево написано: как де он был на Москве, и он де Юрья в Посолском приказе переводил греческие и латынские грамоты и книги; а опричь де книжного переводу ни у каких ваших государевых дел не бывал и никакие иные дела ему не за обычай...»[897]. (Отписка была адресована царю Алексею Михайловичу и царевичу Алексею, поэтому вместо слова государь написано было государи). Ответ был отправлен из Москвы 17 декабря. В нем говорилось, чтобы воевода И.А. Хилков по собственному усмотрению назначил, у каких государевых дел Крижаничу быть в Тобольске, а жалованье ему давал в соответствии с царским указом — по 7 рублей с полтиною в месяц, начиная с 1 июля 1661 г.

[894] *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России (Приложения) // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел III. С. 286.

[895] Там же. С. 287.

[896] Там же. С. 288.

[897] *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел III. С. 119.

Фактически ни на какую должность в Тобольске Крижанич не назначался, служилым человеком не был, числился ссыльным и, как писал С.А. Белокуров, все записи о выдаче ему денег велись в «отделе неокладных всяких расходов». По существу, ему была предоставлена исключительная возможность заниматься работой над своими сочинениями за государственный счет, чем он и занимался.

Именно в годы ссылки Крижанич написал все свои основные работы, которые он мог бы назвать главным результатом своей миссии в Москву. В эти же годы он собрал весьма важные и новейшие сведения о Сибири, о движении России на восток, о соседних государствах, о путях через Сибирь в Китай, об открытии русскими пролива между Азией и Америкой, которые были им использованы при написании книги «История о Сибири». Такими сконцентрированными сведениями, основанными не на каких-то сказаниях, мифах и выдумках, а на свидетельствах очевидцев, документальных материалах об открытиях русских землепроходцев, Европа того времени не располагала.

Сочинения Крижанича исследовались многими учеными, как в узкоспециальных работах, например, посвященных анализу языка его сочинений, так и в форме историко-литературных очерков, научных сообщений и т.д. В их числе С.А. Белокуров, П.А. Бессонов, Н.И. Костомаров, А.И. Маркевич, М.И. Соколов, С.М. Соловьев и другие. Назовем некоторые из его сочинений и приведем мнение о них ряда историков.

Политика (Беседы о правлении) — начато это сочинение 15 апреля 1663 г., окончено 22 октября 1664 г. Этот труд Крижанича, судя по всему, предназначался стать настольной книгой русских царей. В нем есть и рассуждения «...о правоте римлян и виновности греков, именно: "Показание, что учение римской церкви не имеет признаков учений еретических"... Полагая, что вероисповедный спор между греками и римлянами может быть разрешен на основании авторитетов только римской церкви, Крижанич, очевидно, не допускает инаго разрешения, как только в пользу римлян. Из всего вышеизложеннаго видно, что точка зрения Крижанича на историю разделения церквей, на роль в ней славян в прошедшем и будущем, ничем не отличается от обычной точки зрения католических писателей и практических деятелей в пользу унии...»[898]. И далее М.И. Соколов писал: «...Стоит еще обратить внимание на одну общую у Крижанича черту с прежними деятелями римской пропаганды в России. Крижанич в достижении своих целей всю надежду возлагает на царя, на его самовластие; к нему преимущественно он и обращает свои убеждения. Такой же тактики держался и Антоний Поссевин и др., и они полагали, что самодержавный царь может приказать своим подданным переменить веру...»[899].

О Промысле (De Providentia Dei) — начато 25 мая 1666 г., окончено 10 октября 1667 г. Историк А.И. Маркевич обращает внимание на то, что «...Основа всего труда богословская: но богословие в нем перемешано с политикой, так что сочинение часто принимает историко-политический характер...»[900]. Сочинение посвящено рассуждениям о причинах благоденствия и бедствий народов, при этом причинами всех бедствий Крижанич называет грехи. Главный грех — «...безобразнейший, гнусней-

[898] *Соколов М.И.* Новооткрытое сочинение Крижанича о соединении церквей (окончание) // ЖМНП. 1891. Май. СПб., С. 9.

[899] Там же. С. 12.

[900] *Маркевич А.И.* Юрий Крижанич и его литературная деятельность. С. 130.

ший и чудовищнейший, есть церковный раздор, Фотиевская схизма между восточною и западною церковью...»[901]. А.И. Маркевич приводит пример из рассуждений Крижанича о грехах: «...Все мы, от мала до велика, совершаем, одобряем, хвалим иконоборство, Донатовское перекрещиванье, осквернение святыни, церковный раздор, проклятие народа и языка римскаго и т.д. Поэтому неудивительно, почему Бог дает перевес польскому оружию над нашим...»[902]. Крижанич убеждает в необходимости начать борьбу с грехами, и тем самым сделать первый шаг к ликвидации раскола между Римской католической и Русской православной Церквами, к их воссоединению, к унии. Вначале Крижанич посвятил свое сочинение царевичу Алексею Алексеевичу, как наследнику престола, но после его смерти (13 января 1667 г.) посвящение переписал, адресовав его боярину и князю Ивану Борисовичу Репнину[903]. В этом сочинении Крижанич довольно резко отозвался о Российском гербе: «...гораздо приличнее за герб принять крест, знамения Господни, а не хищную птицу, знамение нечестивой, проклятой, давно уже разрушенной империи (Римской)...»[904]. В целом сочинение Крижанича «О Промысле» во многом дополняет «Политику» и, судя по первому посвящению, также предназначалось стать настольной книгой русских царей.

О Святом Крещении — окончено в 1667 г., им Крижанич пытался доказать истинность Римской католической церкви. Историк М.И. Соколов так писал об этом сочинении: «...Крижанич старается убедить русских в том, что римляне имеют истинное крещение и, следовательно, истинные христиане; к ним нельзя и не следует относиться как к еретикам. Взгляд на римлян, как на еретиков, и служит причиною вражды к ним со стороны православных, вражды к их учреждениям, обрядам и обычаям... Раз русская церковь признала, что римское крещение истинное, она должна оставить и вражду к римской церкви... Конечная цель сочинения заключается в том, чтобы уничтожить предубеждения против римской церкви, убедить в ея истинности и дискредитировать греков, как лжецов и клеветников...»[905].

Толкование исторических пророчеств — окончено в 1674 г. В этом сочинении Крижанич обосновал необходимость заключения унии между Римской католической и Русской православной Церквами при главенстве папы Римского. По словам С.А. Белокурова, содержание сочинения «...составляет вопрос о соединении церквей и об исхождении Св. Духа от Отца и Сына...»[906]. Это мнение поддерживает М.И. Соколов: «...Главное же значение издаваемаго сочинения состоит в том, что оно положительно решает вопрос о главной цели, которую преследовал Крижанич в России, оно неопровержимо свидетельствует, что главная цель трудов всей жизни Крижанича заключалась в стремлении обратить православных славян во главе с Русскими к унии с Римскою церковью...»[907].

---

[901] *Соколов М.И.* Новооткрытое сочинение Крижанича о соединении церквей (окончание). С. 13.

[902] *Маркевич А.И.* Юрий Крижанич и его литературная деятельность. С. 138.

[903] Там же. С. 129.

[904] Там же. С. 136.

[905] *Соколов М.И.* Новооткрытое сочинение Крижанича о соединении церквей (окончание). С. 14–15.

[906] *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел III. С. 138.

[907] Собрание сочинений Юрия Крижанича. Вып. 2-й: 1674 год. Толкование исторических пророчеств. С предисловием М.И. Соколова // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел II. М., 1891. С. 13.

Обличение на Соловечскую Челобитну — окончено 21 марта 1675 г. М.И. Соколов пишет: «...Содержание этого сочинения состоит не только в опровержении отдельных пунктов раскольнических мнений, изложенных в Соловецкой их челобитной, сколько в разъяснении понятия о единстве церкви и в доказательствах вреда от раздоров... Крижанич как в других своих сочинениях, так и в опровержении Соловецкой челобитной, именно и старается подорвать доверие к церковному авторитету Греков. Крижанич, напротив, думал, был убежден и доказывал, что во всех пунктах различия между восточной и западной церквами правда и древность находится на стороне римской церкви... Крижанич защищает целый ряд обычаев и мнений римской церкви, например, "клецание" вместо преклонения обоих колен, о символах веры, о безбрачии духовенства:..»[908].

Смертный разряд — окончено до 18 июня 1675 г. (в этот день оно с оказией было отправлено из Тобольска в Москву). Как считает С.А. Белокуров, этот труд Крижанича «...направлен против православия (особенно разрабатывается вопрос об опресноках и квасном хлебе, обличаются зимиты, т.е. православные — греки и русские квасники, опровергаются их учения и восхваляются азимиты, т.е. католики и их представители — папы), против русских раскольников, учения Кальвина и др. вообще отступлений от католицизма...»[909].

О других сочинениях Крижанича, как, например, «Описание пути от Львова до Москвы», «Усмотрение о Царском Величестве» или посвященные грамматике славянского языка и других, мы здесь не говорим, так как они не имеют прямого отношения к теме нашего рассказа.

В период проживания в Тобольске Крижанич совсем не был позабыт и заброшен, как могло показаться. Жизнь в Тобольске, тогдашней столице Сибири, кипела; здесь организовывались и отсюда направлялись экспедиции «встречь солнцу» приискивать «новые землицы» для Российского государства, на Лену-реку, на Индигирку и Колыму, на Амур, на Охотское море и к Тихому океану, сюда же они возвращались и здесь обрабатывались результаты. Через Тобольск следовали российские дипломатические миссии и торговые караваны в Китай и обратно; здесь торговали мехами, и тобольская таможня вносила существенный вклад в царскую казну; сюда направляли ссыльных и военнопленных иностранцев, многих из них затем отправляли отсюда в другие города Сибири. Здесь же находилась резиденция архиепископа Тобольского и Сибирского Симеона, а с 24 июля 1664 г. архиепископа Корнилия (прибыл в Тобольск 23 февраля 1665 г. и возглавлял архиепископию, а с 25 мая 1668 г. митрополию, до своей смерти 24 декабря 1678 г.).

Именно в Тобольске состоялась встреча Крижанича с главой российского посольства в Китай посланником Николаем Гавриловичем Спафарием, нуждавшимся в помощи (дополнительных сведениях) при выборе пути в Китай, и Крижанич ему такую помощь оказал. По словам самого Крижанича, Спафарий сразу же после приезда «в первый день есть обо мне спросил; пять недель есть зде постоял, а ни единого обеда, ни вечери без меня не ел»[910]. Здесь же Крижанич виделся и имел

908 *Соколов М.И.* Новооткрытое сочинение Крижанича о соединении церквей (окончание). С. 49–51.

909 *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел III. С. 149.

910 Там же. С. 142.

беседу с протопопом Аввакумом, когда его везли в Москву из ссылки в Даурию. Крижанич был знаком и с другими видными представителями старообрядцев — поддьяком Федором Трофимовым и попом Лазарем, также сосланными в Тобольск (оба они были вызваны из Тобольска в Москву в 1665 г.). Совсем не исключено, что Крижанич познакомился в Тобольске и с захваченными во время российско-польской войны в 1655 г. и сосланными в Тобольск членами Ордена доминиканцев Фабианом Аралским, Езостримом Бицким, Изояшем Уркеевым и Иваном Сурским. (В Тобольск они прибыли 16 октября 1655 г., в начале 1664 г. еще находились в Тобольске, затем они, возможно, были обменены на русских военнопленных в Польше). Большую помощь Крижаничу оказывал проживавший в Тобольске Афанасий Андреевич Осколков, предположительно местный купец. Крижанич имел возможность через своих знакомых заказывать и получать интересующие его книги и даже газеты, встречаться с чиновниками воеводского управления, участниками экспедиций, землепроходцами, членами дипломатических миссий, купцами, военнопленными и ссыльными. Люди это были опытные, образованные, знающие, и, можно думать, общение с ними проходило к обоюдной пользе. Именно в эти годы, в 1667 г., в Тобольске стольником и воеводой Петром Ивановичем Годуновым была изготовлена первая карта Сибири — «Чертеж всей Сибири, збиранный в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича», карта, за которой сразу же была начата охота разведками европейских государств.

Ясно, что Тобольск того времени — не Рим, не Вена и не Москва, но это был стольный град территории, на которой вся Европа со всеми монархиями могла поместиться не один раз; территории, через которую шли торгово-политические пути в сказочно богатые и такие таинственные страны Востока; территории, к которой было обращено внимание многих европейских государств. Это был город, который гордился собой, и которым гордилась Россия. И жили в этом городе землепроходцы, составившие славу Сибири и России. Конечно, ссылка есть ссылка, от нее никуда не денешься, поэтому нужно было терпеть и ждать освобождения. К чести Крижанича он не погряз в безделии, в пьянстве и распутстве, он думал и работал над своими сочинениями, и это спасло его от утраты самоуважения, спасло его как личность. П.О. Пирлинг сказал о Крижаниче, что он «...даже в сибирском изгнании не отрекся от своего идеала...»[911].

30 января 1676 г. скончался царь Алексей Михайлович и на трон взошел Федор Алексеевич. Крижанич был освобожден из ссылки и 5 марта того же года он выехал из Тобольска в Москву. Считают, что в Москву он прибыл 25 мая (или чуть-чуть раньше), этой датой была подписана его челобитная о выдаче ему царской милостыни и выделении жилья в Москве. В этот же день был издан царский указ о выдаче Крижаничу 10 рублей «на прокормление», и он был назначен переводчиком в Посольский приказ. А на следующий день, 26 мая, был издан царский указ о выделении ему в Москве «дворика» для проживания. Начался послессыльный, третий по счету, период проживания Крижанича в Москве.

С.А. Белокуров писал: «15-летнее пребывание в Сибири отрезвило Крижанича: он перестал мечтать о конечной цели своей поездки — о пропаганде в пользу

[911] *Пирлинг П.* Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел III. М., 1906. С. 3.

соединения церквей: пришел ли он к убеждению в несбыточности сего, или же сознавал себя устаревшим для деятельности в этом духе — неизвестно; но он теперь только об одном думает и одного просит — отпустить его за границу Московскаго государства»[912]. На наш взгляд, Г. Крижанич не перестал мечтать о соединении церквей, он перестал об этом говорить вслух.

9 октября 1676 г. Крижанич подал челобитную царю Федору Алексеевичу, в которой говорил: «Призри Государь на мою старость. И что я глух, и немощен, и твоему величеству к службе негоден и ненадобен… Но отпусти Государь на волю: чтобы мне можно было свое… не солгано обещание сполнити»[913]. В выписке Посольского приказа, сделанной в связи с рассмотрением этой челобитной, мы читаем: «И в прошлом де во 184-м году по указу великого государя из ссылки взят, и бил челом он Юрья, чтоб указал великий государь ево отпустить в свою землю, для того, что он был в Крабацкой земле (на полях: под державою цесарскою) римского костела каноником (на полях: поп постриженной); и ныне де он держит тое же римскую веру и свой чин и впредь быть в ней хочет. И по указу де великого государя боярин Артемон Сергеевич Матвеев сказал ему великого государя указ, что отпустить ево Юрья не велено, а велено ему быть в Посольском приказе в переводчиках»[914]. За много прошедших с 1659 г. лет Крижанич в этой челобитной откровенно признал, что он является католическим священнослужителем, рассчитывая, что, узнав об этом, ему сразу же разрешат вернуться за границу. Но ни царь, ни чиновники Посольского приказа, кроме упоминания об этом факте в выписке, на откровенность Крижанича никак больше не отреагировали. Несмотря на отказ, Крижанич продолжал хлопотать о выезде за рубеж. (Крабацкая земля — Хорватия).

11 ноября 1676 г. в Москву прибыло датское посольство во главе с Фридрихом фон Габелем, целью которого было поздравление царя Федора Алексеевича с вступлением на престол, переговоры о вступлении в союз с Данией против Швеции и предложение датского посредничества в подписании мира между Россией и Польшей. Крижанич познакомился с Габелем и со временем перешел на жительство в отведенное для посольства подворье.

27 марта 1677 г. царь Федор Алексеевич издал указ, который так долго ждал Крижанич, — ему разрешалось выехать за рубеж. Уже 1 апреля были подготовлены необходимые документы — о выделении Крижаничу подвод до российской границы, о выдаче ему 10 рублей, подорожная грамота. Но Крижанич не захотел ехать один, ему было уже 60 лет, он был стар и болен, и 4 апреля 1677 г. датский посланник Габель передал в Посольский приказ письмо царю Федору Алексеевичу, в котором просил разрешить Крижаничу выехать за рубеж вместе с его посольством. В письме Габель писал: «…Вашему царскому величеству ведомо, яко оного попа Юрья Сербенина милостивейше пожаловал вытти из государства вашего царского величества к некоторому монастырю во Италии, в которой он обещанием своим сам себе обязал. Но егда тот бедный муж никакого способу на сем свете не имеет от границ вашего царского величества земель далее отъехати, но принужден бу-

[912] *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел III. С. 160.

[913] Цит. по: *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел III. С. 179.

[914] *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел III. С. 180.

дет умреть гладом, — и он Юрьи просил меня, чтоб християнским попечением милостину к нему показать и до двора б цесаря римского привесть. И яз не токмо по должности християнской, но и для того, что он цесаря римского, моего ж государя высочайшего надежного союзника, подданный, в том прошении отказати ему не похотел, но обещал с собою взять в Дацкую землю, где ево вручу тамо пребывающему цесарскому посланнику, который ево до Вены вспоможением провадит...»[915]. (Умереть гладом — умереть от голода). На этот раз Крижанич не получил разрешения на выезд вместе с посольством Габеля, напротив, 5 апреля ему было велено «тотчас» выехать через Смоленск на литовский рубеж, но он это царское повеление не исполнил. Начались хлопотные дни, вызовы в Посольский приказ, допросы о причинах невыезда, об оставшихся долгах в Москве и Сибири (которые пообещал заплатить Габель). И только 9 октября 1677 г. царь Федор Алексеевич разрешил выезд Крижаничу вместе с посольством Габеля. В тот же день датское посольство и Крижанич выехали из Москвы через Великий Новгород и Псков на литовский рубеж. В самом начале 1678 г. Крижанич прибыл в Вильно и начался его послемосковский период жизни.

Уставший от многолетнего утаивания в православной стране своего сана католического священнослужителя, Крижанич в этом же году вступил в Орден доминиканцев (проповедников) и принял в монашестве имя Августин. Процесс приведения себя в нужное ему физическое и духовное состояние он сочетал с обработкой привезенных из Московского государства материалов и написанием сочинения «История о Сибири». Написанную книгу, содержавшую ценнейшие и новейшие сведения о Сибири, он в 1680 г. подарил королю Польши Яну III Собесскому. В этом же году он получил письмо из Парижа от Гильдебранда фон Горна, являвшегося в 1676–1677 гг. секретарем датского посольства Фридриха фон Габеля в Москве и хорошо знавшего Крижанича по этому периоду, с просьбой выслать ему экземпляр сочинения «История о Сибири». Крижанич был преисполнен благодарности к датчанам за оказанную помощь в выезде из Московии, поэтому незамедлительно сделал копию сочинения и отослал ее в Париж. Нет данных о том, что Крижанич собирал сведения и писал «Историю о Сибири» по чьему-либо заданию, — Ватикана, Вены, Варшавы или Копенгагена. Да и если бы он имел такое задание, то скорее всего работа над сочинением была бы им закончена еще в Тобольске, и уже в 1678 г. он отослал бы ее из Вильно заказчику в Рим или по другому адресу. Возникает вопрос — откуда Горн, датский дипломат в Париже, узнал о написании Крижаничем «Истории о Сибири»? Видимо, сведения об этом дошли до Горна из Варшавы, как результат обсуждения там сделанного Крижаничем подарка королю. Поэтому можно предполагать, что работал Крижанич над этим сочинением по собственной инициативе.

Вступление Крижанича в Орден доминиканцев обернулось для него серьезной проблемой — ему нужно было ехать в Рим, чтобы отчитаться о результатах своей многолетней миссии в Московском государстве, а провинциал Ордена доминиканцев в Великом княжестве Литовском, а затем и генерал Ордена, препятствовали этому, настаивали, чтобы Крижанич написал отчет прямо на месте и прекра-

[915] Там же. С. 185.

тил свои литературные занятия. Кроме того, одновременно возник вопрос, имел л Крижанич, как «питомец» конгрегации «Пропаганда Веры», право вступать в Ор ден доминиканцев и постригаться в монахи или нет. Этим вопросам была посвяще на переписка Крижанича и других заинтересованных лиц с конгрегацией «Пропа ганда Веры», папским нунцием в Польше, генералом Ордена доминиканцев в Риме провинциалом Ордена в Вильно.

Из этой переписки мы можем узнать много любопытного, в том числе о це лях миссии Крижанича в Москву, об обстановке в Московии и факторах, способ ствовавших миссионерской деятельности среди московитов, о перспективах дости жения унии с Русской православной церковью, по чьему поручению он создавал Риме «Библиотеку схизматиков» и др.

В 1682 г. Крижанич писал в конгрегацию «Пропаганда Веры»: «...спустя 4 год после моего отъезда из Московии я приобрел эту впервые возможность принест вашим преосвященствам некоторый отчет в том (за 18 лет), что я делал и наблюда среди Московскаго народа. Мое первое нижайшее сообщение следующее: что наше ныне текущее время есть такое, когда открыт, во всяком случае открывается удоб нейший случай вести с наибольшим успехом переговоры с указанным народом, и удачно распространять в нем католическую веру. Основания тому, что я сказал, и способы действия не могут быть раскрыты вкратце. Достаточно бы теперь сказать что я узнал многих лиц разнаго положения – тайных католиков; некоторые из них с большой настоятельностью просили меня, чтобы я издал в свет какой-нибудь труд на их языке, которым они могли бы успокоить свою совесть и (если Богу угодно) открыто исповедать свою веру. Второе – то, что после моего перваго возвращени из Московии, я принес в Рим огромную книгу, наполненную клевет, брани, злоб ных басен и кощунств, до тех пор никогда еще не слыханных католиками. Выслу шав доклад об этой книге, блаж. пам. папа Александр VII, так как не находился ни один католический писатель, который когда-либо написал хоть одно слово на язы ках московском или русском или славянском для опровержения этой и многих дру гих книг такого же рода, напечатанных на упомянутых языках, то для опроверже ния такого обилия кощунств, его святейшество и приказал, чтобы я написал опро вержение на том же московском языке. (Речь здесь идет о «Библиотеке схизмати ков». — *прим. авт.*)... опровержение, порученное мне апостольским престолом, пришло к доброму концу: я начал его в Риме и в меру беднаго разума, даннаго мне от Бога, в Московии счастливо довел до конца, проникнув, если я себя не обманы ваю, почти во все их тайны...»[916]. Он умоляет, чтобы конгрегация отдала распоря жение «о возобновлении и присвоении ему титула миссионера».

В этом же письме Крижанич писал, что когда стали доходить сведения об от крытии в Москве философских школ, он предложил, «чтобы представили папе удобство этого времени для отправления туда посла (которому я предлагал себя в переводчики), с целью принесения жалобы на эти столь несправедливыя клеветы. Но его святейшество ответил, что следует подождать более спокойного времени. Тогда я... без ведома апостольскаго престола и ваших эминенций, отправившись из

[916] *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России (Приложения) // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел III. С. 278–280.

Рима в путь к Московии (чтобы читать в новых школах), заблудился...»[917]. Из этого письма видно, что, во-первых, Крижанич не собирался задерживаться на должности переводчика, его больше интересовали философские школы, возможность предметно работать с русскими учащимися в духе задач миссии. Во-вторых, как мы уже говорили, в Москву он выехал, не дождавшись официального разрешения конгрегации, чем значительно осложнил отношение к себе со стороны Рима после завершения пребывания в Московии.

В письме секретарю конгрегации «Пропаганда Веры» кардиналу Карло Черри от 10 марта 1682 г. Крижанич, высказывая просьбу разрешить ему выехать в Рим, писал: «...Правда, что я достиг уже 64 летнего возраста. Но я, по милости Божией, здоров и легок телом: имей я разрешение, у меня хватило бы духу дойти пешком, чтобы засвидетельствовать почтение преосвященнейшим синьорам, в виду того, что кроме отчета о делах Московии (который настолько обширен, что равняется объемом целой книге), я чувствую еще угрызение совестипо поводу даннаго мною обета, посетить пределы апостолов. Я не имею желания более возвращаться в Московию, так как я уже не принес бы там новаго плода, более того, который принесен мною. Но я желаю, с помощью Божиею, дать венец или успешное окончание тем слабым трудам, в которых я упражнялся более 40-ка лет и на которые совершенно потратил всю свою суетную и плачевную жизнь...»[918]. Обратите внимание на слова Крижанича об объеме его отчета (целая книга, где она, каково ее содержание?), о желании как-то увенчать свои многолетние труды по борьбе с православием (а не на поприще составления грамматики славянского языка, о которой он теперь и не вспоминает). Сравните его оценку своего здоровья в этом письме и в челобитной царю Федору Алексеевичу от 9 октября 1676 г.

Как собирался действовать в Москве Крижанич в 1659 г.? Какая линия поведения (какая легенда) была им подготовлена для объяснения своего прибытия московским властям? Пусть неполный, но все-таки ответ мы находим в письме Крижанича от 1647 г. в Рим своему корреспонденту Рафаилу Леваковичу, хорвату, одному из деятелей Ордена францисканцев-миноритов, впоследствии ставшему архиепископом Охридским, близкому другу Бенедикта Винковича, епископа Загребского. Именно в этом письме Крижанич сообщал, что после прочтения «Записок» Антонио Поссевино решил не только работать над языком, но и заниматься, по его словам, более плодотворным трудом — разрушением схизмы. Крижанич с полной откровенностью писал, что когда он дерзнет направиться с миссией в Москву, он будет себя представлять так: «...что я не униат, ни монах латинскаго обряда, ни житель Польши, ни итальянец, но подданный германских государей, которые вреда москвитянам и до сих пор не причиняли и никогда не могут причинять по дальности разстояния; далее, что я не вступал ни в какия соглашения с поляками, никому не подчинен, ни послан, но по своей воле придя сюда, не замышляю никакого вреда Московии, но напротив, желаю скорее всяких преуспеяний; а что народности я одной с ними и ничего так не желаю, как обработки собственнаго языка и обучения племени... наконец, что хотя я священник римско-католический, но занятый

[917] Там же. С. 279.

[918] Там же. С. 272–273.

своею наукой и будучи один, ничем не могу вредить им…»[919]. Крижанич высказывал надежду, что его поставят учителем в школе, «и те дикия души станут благодаря наукам кротче, способнее к систематическому мышлению и к пониманию тех, которые, может быть, некогда станут вести прения с ними по-латыни об исхождении Св. Духа… Если же не позволят учить в школах, то только попробовать остаться там для изучения языка, и затем, вернувшись в Рим, донести обо всем»[920]. (Дикие души — это московиты, исхождение Св. Духа — это предмет одного из разногласий между католиками и православными).

В этом же письме Крижанич признался (именно так он выразился в письме) Леваковичу, что «принял богословскую степень не с какой другой целью, как с той, чтобы иметь право некогда учить богословию московитян»[921].

Письмо это Крижанич писал за 12 лет до второго приезда в Москву, он хотел, видимо, проверить правильность своих рассуждений мнением более опытного Леваковича. Практически именно этой линии поведения он и придерживался в 1659 и последующие годы ссылки, за исключением только того, что скрыл перед московскими властями, что является католиком и католическим священнослужителем. Да и назначен он был не учителем в школу, а переводчиком Посольского приказа. Крижанич не смог (или не захотел) сориентироваться в соответствии с этим назначением, а ведь он мог бы радоваться — глядишь, со временем, быть может, отправили бы и его, как Спафария, с дипломатической миссией в какую-нибудь страну, и о московских секретах узнал бы побольше, и возможности свои расширил бы.

Конгрегация «Пропаганда Веры» на своем заседании 5 мая 1682 г. рассмотрела обращения Крижанича и приняла решение обратиться к генералу (генеральному магистру) Ордена доминиканцев с просьбой разрешить монаху — доминиканцу Августину приехать в Рим, «дабы можно было получить от него (Крижанича) описание тех стран, тем более что здесь ни одного подобнаго нет»[922]. (Генералом Ордена в 1677–1686 гг. являлся Антонио де Монрой). Заметьте, старый монах не нужен был конгрегации, ей была нужна информация о Московском государстве, а из-за него лично конгрегация совсем не собиралась вступать в тяжбу с Орденом доминиканцев. Неудовлетворенный таким оборотом дела, Крижанич в 1682 г. переехал из Вильно в Варшаву и лично написал в Рим генералу Ордена с просьбой разрешить ему выезд в Рим, но 24 июля 1683 г. ему был направлен отрицательный ответ с одновременным предложением подать отчет о результатах миссии в Москву. Неудовлетворенный и этим ответом, в августе 1683 г. Крижанич переехал в Вену и в ночь на 2 сентября того же года, являясь капелланом польского воинского подразделения, погиб в сражении с турецкими войсками под Веной.

Исходя из характера отношений между Римской католической и Русской православной Церквами, геополитических планов Ватикана, содержания переписки Крижанича с конгрегацией «Пропаганда Веры» и ее декретов можно без особых

919 Там же. С. 182.

920 Там же. С. 175.

921 Там же. С. 176.

922 Там же. С. 285.

погрешностей предположить, какие же цели преследовал Крижанич в Москве, направляясь туда в 1659 г.

Конечно, главной целью своей миссии он считал склонение царя Алексея Михайловича и иерархов Русской православной церкви к заключению унии с Римской католической церковью. В крайнем случае — создание для этого необходимых условий. Для достижения этой цели предполагалось решить несколько важных задач. Во-первых, склонить русского царя начать войну против «общих врагов христиан, турок» и поставить его в такое положение, чтобы для получения во время войны необходимой помощи от католических европейских государств он просто вынужден был согласиться на заключение унии. Во-вторых, приобрести влияние в высших кругах русского общества, среди поклонников западного образа жизни, и затем постараться оторвать Россию, прежде всего царя Алексея Михайловича и его высших сановников, от тех европейских стран, в которых исповедовался не католицизм, а лютеранство и кальвинизм, т.е. от тех стран, Церкви которых находились в состоянии противоборства с Римской католической церковью. А ведь именно из этих стран в России было наибольшее количество иностранных специалистов, от медиков и музыкантов до кораблестроителей и военных — немцы, англичане, голландцы, шведы, датчане и другие. Если бы Крижаничу удалось этого добиться, то Ватикан с его участием решил бы еще одну задачу, в-третьих, оставил бы Россию без таких нужных политических и экономических союзников из числа европейских государств, да и без компетентных специалистов. В-четвертых, скомпрометировать Восточную православную церковь перед царем Алексеем Михайловичем, патриархом и иерархами Русской православной церкви, царским окружением, и тем самым нарушить отношения с Восточной православной церковью, пожалуй, единственным и верным союзником в противоборстве с Ватиканом. И в-пятых, если бы Крижаничу удалось стать учителем в московской школе, он приступил бы к подготовке тех молодых кадров, которым предстояло в будущем непосредственно продвигать идею заключения унии с Римской католической церковью или оказывать этому содействие.

Крижанич не намеревался вести в Москве открытую полемическую деятельность. В условиях того времени это было чрезвычайно опасно. Но он мог готовить «опровержения» по тем или иным вопросам православия, оставляя их до подходящего времени неизданными, и он их готовил, готовил то оружие, которое, по словам Антонио Поссевино, страшнее пушек…

Яков Рейтенфельс. 12 ноября 1674 г. в Риме состоялось заседание конгрегации «Пропаганда Веры», на котором кардинал Чезаре Мария Антонио Распони (1614–1675) доложил участникам заседания, что некий Яков Рейтенфельс просит разрешения представить на рассмотрение свои записки о возможности распространения католичества в Московии. В докладе кардинала говорилось, что Яков Рейтенфельс два года находился в Московии и наблюдал «…отношение правительства и частных лиц к католической вере, вследствие чего и убедился, что в это государство можно проникнуть лишь под видом купца, почему и осмеливается дать Вашим

Высокопреосвященствам совет: в видах примирения и сближения вышеназванног государства с Святейшим Престолом, можно было бы послать туда несколько мо лодых итальянцев — духовного или светского звания — с тем, чтобы они в два год научились бы языку московитов и собрали бы всякого рода сведения… настояще время весьма для сего благоприятно, благодаря прирожденному благодушию ны правящего Царя…»[923]. В этом же вступительном докладе было сказано, что «Оте Кирхер подтверждает, что названный Яков — ревностный католик, ученый, влад ющий шестью языками и пользуется расположением Великого Царя»[924]. (Отец Ки хер — Афанасий Кирхер (1602–1680), член Ордена иезуитов, известный разносто ронний ученый-энциклопедист, математик, философ, физик, астроном, языковед ориенталист, изобретатель ртутного термометра). Конгрегация «Пропаганда Веры рассмотрела четыре записки Якова Рейтенфельса: Краткое наставление к путеше ствию в Московию, подписанное 24 ноября 1674 г.; О том, кто отправится послом Московию; Относительно пропаганды посредством торговых сношений; К выще славе Божьей. Последняя записка, судя по содержанию, написана уже в правлени царя Федора Алексеевича.

Как мы ниже увидим, все эти записки, по существу, представляли собой про грамму разведывательно-подрывного проникновения в Московское государство распространения там католичества. Яков Рейтенфельс понимал, какую высоку профессиональную квалификацию имеют члены конгрегации «Пропаганда Веры» поэтому свои записки написал кратко, конкретно, без эмоций и излишней аргуме тации предлагаемых мер.

Кем являлся автор записок? Яков Рейтенфельс, сын советника и тайного секре таря короля Польши Яна II Казимира, дворянин, проживал в Москве в 1671–1673 г у своего дяди — царского врача Иоганна Костера фон Розенбурга, доктора Кени сбергского университета, бывшего лейб-медика короля Швеции Карла X Густава Интересно, что в своих «Сказаниях светлейшему герцогу Тосканскому Козьме тре тьему о Московии» Я. Рейтенфельс указал, что он также является родственнико Адольфа Эберсшильта: «…когда в 1672 году дворянин Адольф Евершильд, мо родственник, будучи послан шведским королем в Московию…»[925]. Адольф Эберс шильт (в русских документах его называли Адольф Эвершельд, Эберсшильд, Э версон, Эберс, Эберт) — весьма незаурядная личность, более 25 лет (с 1645 г.) о проработал в Московском государстве купцом, торговым и политическим предста вителем шведского короля, дипломатом, резидентом, разведчиком; он был первы в истории российско-шведских отношений шведским военным атташе в Москв в звании полковник; именно он завербовал в агенты шведской разведывательно службы подьячего Посольского приказа Г.К. Котошихина.

Итак, Яков Рейтенфельс, выходец из Курляндии, молодой и хорошо образова ный человек, католик, племянник царского врача и родственник видного шведског разведчика. Он не проводил время в Москве в праздношатании, он собирал нужны

923 *Пирлинг П.О.* Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса // ЧИОИДР. Книга 4 Отдел III. С. 16.

924 Там же. С. 16.

925 *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии. (Паду 1680 г.) // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел II. С. 106.

ему сведения, анализировал их, обдумывал разные варианты разведывательно-подрывного проникновения в Московское государство, и как только из Москвы выехал, сразу оказался в Риме, у дверей конгрегации «Пропаганда Веры». Собирал ли Я. Рейтенфельс сведения и готовил «Записки» по заданию конгрегации или же по собственной инициативе, точных данных нет.

Вместе с тем содержание «Записок», перечень, полнота и направленность рекомендаций, их тематическое соответствие целям и задачам конгрегации «Пропаганда Веры» по отношению к Московскому государству и Русской православной церкви, профессиональный подход к их написанию, квалификация автора, все это позволяет предположить, что Я. Рейтенфельс оказался в Москве совсем не по каким-то причинам родственного характера. Скорее всего, родство с царским врачом, действительное или вымышленное, явилось лишь предлогом для получения разрешения на приезд в Москву и проживание в ней. А истинными причинами приезда Я. Рейтенфельса в Москву являлись детальное изучение здесь обстановки, сбор необходимых сведений для написания рекомендаций (программы) по разведывательно-подрывному проникновению в Московию, их написание и представление в конгрегацию. Заметим, что направленные ранее в Московию эмиссары находились практически вне информационного контакта с Римом — Г. Крижанич отбывал ссылку в далеком сибирском городе Тобольске, а П. Лигарид был разоблачен как архиерей, изменивший православию, и ждал решения своей участи. Судьба Арсения Грека вообще была покрыта густым туманом неизвестности. Их информационная отдача равнялась нулю. Так что приезд Я. Рейтенфельса в Москву в 1671 г. призван был как-то восполнить информационные потери, выявить новые элементы в обстановке и на основе собранных сведений представить конгрегации свои соображения по повышению эффективности разведывательно-подрывной деятельности в Московии.

Для любого мероприятия очень важен выбор исполнителя и его подготовка. Я. Рейтенфельс хорошо это понимал, и поэтому начал свои «Записки» именно с рекомендаций по этому вопросу. По его мнению, в качестве исполнителей нужно использовать итальянцев по национальности (видимо, это результат изучения отношения русских к иностранцам различной национальности), они должны иметь опыт общения с людьми, быть всесторонне образованны, хорошо знать славянский и польский языки. Так как исполнителям нельзя открыто приезжать в Москву в качестве католических священнослужителей, они должны избрать себе «крышу», под которой им придется действовать. А это могут быть такие редкие для России отрасли приложения знаний как архитектура, гидравлика и различные применения законов физики; кроме того, исполнители должны уметь торговать. Я. Рейтенфельс писал о подготовке исполнителей, избравших себе «крышу» купца: «Пусть они по возможности подробнее разузнают от купцов, с которыми им придется совершать свое путешествие, о товарах, привозимых в Московию и вывозимых оттуда, дабы никому не подать повода к заподозрению их, вследствие их невежества по этой части»[926]. Особое внимание Я. Рейтенфельс обращает на то, что следует «для настоящего дела тщательно избрать таких, которые посвятили бы ему все силы ума

[926] *Пирлинг П.О.* Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел III. С. 17.

и сердца своего»[927]. Другим важным условием достижения успеха он считает с
блюдение секретности. «Прежде всего должно им помнить, что лишь одна скры
ность доставит им всюду и всегда полную безопасность. Пусть они, поэтому, вс
чески избегают говорить слишком много о своем деле, как в Италии, так и где б
то ни было, дабы случайным раскрытием плана не погубить всего дела»[928]. По это
же причине Я. Рейтенфельс не советует даже и пытаться брать с собой «священны
облачения и церковную утварь», так как при их обнаружении это может навле
на исполнителей подозрение русских. Он указывает оптимальный, по его мнени
маршрут следования в Москву — Италия, Каринтия, Австрия, Моравия, Силези
Польша, Пруссия и Курляндия, Рига в Ливонии, Псков и Москва.

Затем Я. Рейтенфельс переходит к весьма важному вопросу — он дает рек
мендации по выбору такой линии поведения исполнителей в Московии, использ
вание которой позволило бы, во-первых, успешно решить поставленную задачу,
во-вторых, гарантировало бы им, в определенной степени, безопасные условия де
тельности и возвращение на родину. Я. Рейтенфельс писал: «Пусть они помнят, ч
в Московии, прежде всего, им необходимо должно переменить всякие Европейск
нравы на Азиятские, дабы в противном случае их планы, хотя и прекрасно обд
манные, но, быть может, не согласные с обычаями, не погибли злополучнейшим о
разом. Ибо тут как на войне, нельзя два раза ошибаться. Пусть также они сами
будут скупы на слова, а помыслы их сокрыты, выражение лиц их сурово, даже п
оказании милостей, дабы тамошний, столь раболепствующий и подозрительны
народ не мог заключить чего недоброго по наружности их»[929]. Хочется выдели
эти слова: «**Ибо тут как на войне, нельзя два раза ошибаться**». И далее: «В ра
говорах с Московитами следует всем избегать надменного и презрительного тон
В разговорах ему не должно выказывать желания узнать их тайны, и не слишк
любопытствовать о делах государственных… Пусть он, по временам, предлага
что-либо, вновь изобретенное, из области зодчества, механики и математики, д
сей поры в Московии еще не виденное, или не примененное»[930].

Я. Рейтенфельс не забыл дать рекомендации по вопросам организации связи и
полнителей с Римом, своевременной обработки их донесений и направления отв
тов. Он писал: «В Риме же пусть будет назначено лицо на следующую должност
ему, без всяких околичностей, будут сообщать о происходящем, а оно будет пос
лать ответ в Москву, по возможности скорее, во избежание возможного запоздани
дела, в случае чересчур долгого откладывания ответа. Итак — пусть они неуста
но пишут подробнейшие письма, как касательно политики, так и всего того, что б
дет делаться в Москве, приняв, однако, следующую меру предосторожности, име
но: писать скрытно, пользуясь какой-нибудь торговой, или иной какой, тайнопись
дабы не выдать тайны, если письма, по приказанию Царя, будут вскрываться (что н
редко бывает)»[931]. Обратите внимание на эти рекомендации. Разве это не любопы

[927] Там же. С. 17.

[928] Там же. С. 17.

[929] Там же. С. 17.

[930] Там же. С. 21–22.

[931] Там же. С. 20–21.

но — племянник царского врача, приехавший к нему в гости, не только знает разные способы **тайнописи**, но и то, что в Российском государстве по царскому приказанию «нередко» проводится **перлюстрация** международной корреспонденции…

Подробные рекомендации даны о том, что делать исполнителям сразу после приезда в Москву: немедленно связаться с «выдающимися лицами католического вероисповедания» и строжайше обязать «их молчать о своих намерениях». В числе таких лиц названы полковник Бокговен (возможно Филипп Альберт, тесть Патрика Гордона) и майор Павел Гаврилович Менезиус (Мензис Пол), в 1672–1674 гг. выезжавший с дипломатической миссией к некоторым европейским монархам и к папе Римскому Клементу X. «От них они могут получить более, чем от кого-либо, достоверных сведений»[932]. Я. Рейтенфельс даже не сомневается, что названные им люди станут информаторами исполнителей. Он рекомендует исполнителям преподнести какой-нибудь «замысловатый» подарок царю, расположить к себе подарками Артамона Сергеевича Матвеева, фактического главу царского правительства в те годы, сопроводив последнюю рекомендацию следующей фразой: «В этой стране, давать и брать взятки — явление обычное». По словам Я. Рейтенфельса, нужно свести дружбу с царскими толмачами и переводчиками, в их числе и с Андреем Андреевичем Виниусом (по нашим данным, А.А. Виниус представлял отдельным иностранцам интересующие их сведения о Московии и Сибири). Кроме того, с «Симеоном, родом из Литвы и глубоким знатоком латыни» — речь идет о Симеоне Полоцком, священнослужителе, преподавателе духовной школы, приверженце латинского направления в православии, воспитателе царских детей. Еще одна рекомендация убеждает нас в том, что Яков Рейтенфельс совсем не такой простой племянник простого царского врача. Он рекомендовал подружиться с «Митрополитом Газским, который некогда провел немало лет в коллегии, принадлежащей Пропаганде, если только он еще доселе жив. Это весьма будет способствовать постепенному введению облагораживающих человека наук»[933]. С митрополитом Газским, Паисием Лигаридом, мы только что выше познакомились. А вот то, что Я. Рейтенфельс упоминает коллегию, Пропаганду (то есть Греческую коллегию св. Афанасия в Риме, конгрегацию «Пропаганда Веры») и Паисия Лигарида, может говорить не только о его информированности, но и о заданности его поездки в Москву, ее связи с интересами Ватикана. Кстати, Ф. Аделунг писал: «Рейтенфельс получил несколько статей о Греческом вероисповедании от монаха Паисия Лигаридеса, из Хиоса, который некоторое время прожил в Москве… От него получил Рейтенфельс также разсуждение об учении Православной Церкви о Таинстве Св. причащения»[934].

Давайте прочитаем еще одну рекомендацию Я. Рейтенфельса, высказанную в третьей записке в конгрегацию «Пропаганда Веры». Вот что он предлагает: «…Завести при Пропаганде печатание русских книг, что может быть исполнено весьма легко и с небольшими затратами, так как в типографии Пропаганды уже давно имеется славянский шрифт, к которому придется прибавить еще немного тех букв, ко-

[932] Там же. С. 18.

[933] Там же. С. 19.

[934] *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел IV. С. 213.

торые у Московитов отличаются от имеющихся...»[935]. Обратите внимание: Я. Рейтенфельс знает, что конгрегация «Пропаганда Веры» имеет свою типографию, что в этой типографии имеется славянский шрифт, что этот шрифт имеется уже давно и т.д. Заметьте также, что рекомендация Я. Рейтенфельса в главном совпадает с известной рекомендацией А. Поссевино, высказанной почто за сто лет до этого. Разве сказанное не дополняет наше мнение о том, что Я. Рейтенфельс имеет к конгрегации «Пропаганда Веры» самое прямое отношение, что он не случайный человек между Римом и Москвой, а эмиссар Ватикана?

Несомненный интерес представляет четвертая записка Я. Рейтенфельса, написанная им в период царствования Федора Алексеевича, но еще до вступления его в брак (до 18 июля 1680), и также направленная в конгрегацию «Пропаганда Веры». Этот интерес вполне понятен: вся записка посвящена очень важному для Ватикана вопросу — способам введения католицизма в Московском государстве. Я. Рейтенфельс предложил к рассмотрению три способа решения этой задачи.

Первый способ, по Я. Рейтенфельсу, заключался в использовании посредничества царя. «Средствами к достижению сего могло бы служить следующее: 1) Поднести московскому государю столь желаемый им титул Царя. 2) Утвердить Московского Патриарха в этом звании. 3) Предоставить ему, если только это окажется возможным, более преимуществ и льгот, нежели предоставлено прочим Грекам и Русским, присоединившимся к католической вере и т.д. 4) Предложить Царю брак с какой-нибудь принцессой из императорского дома»[936]. Идея использования русского царя в качестве посредника, в качестве главной фигуры для введения католицизма в России далеко не нова. Такие идеи вынашивались и предлагались к исполнению давным-давно, за несколько столетий до Я. Рейтенфельса. В качестве платы за принятие католичества русским царям предлагали не только титул, но и королевскую корону, славу и признание европейских монархов. Обо всем этом мы выше уже говорили. Говорили мы и об устройстве бракосочетаний русских царей с невестами католического вероисповедания. Рекомендации в отношении использования патриархов Московских и всея Руси говорят о недостаточном понимании Я. Рейтенфельсом характера взаимоотношений русских царей и патриархов в то время. Без согласия и разрешения русского царя не смог бы патриарх осуществить такое желанное Римом соединение церквей — Римской католической и Русской православной.

Второй способ следовало использовать в том случае, если бы не удалось достичь желаемого по первому способу. Он заключался в том, чтобы при содействии находящихся на царской службе иностранцев католического вероисповедания (купцов, военных, художников и других) добиться разрешения на приезд в Московию католических священнослужителей и свободное отправление ими богослужений, как пишет Я. Рейтенфельс, «в некоторых местах Московии». Добиться этого можно было бы, во-первых, учреждением среди подданных императора Священной Римской империи германской нации общества для торговли с Московией. Во-вторых, направлением в Московию специалистов, умеющих «разрабатывать рудники с разными металлами, которых там находят с каждым днем все более и

---

[935] *Пирлинг П.О.* Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел III. С. 23.

[936] Там же. С. 23.

более». В-третьих, заключением более тесного союза между «Московским Царем и другими христианскими государями против Турецкого султана». Эти рекомендации нашли свое частичное исполнение уже в восьмидесятых годах XVII столетия — об этом свидетельствует образование постоянно действующей католической миссии в Москве и строительство католического храма, значительное увеличение числа иностранных специалистов, поступающих на царскую службу, заключение Москвой антитурецкого военно-политического союза с Веной и др. Торговое общество, правда, учреждено не было. Не было введено в России и католичество.

Третий способ заключался в направлении в Московию католических священнослужителей, чтобы «тайно проживая там, помогать находящимся в ней верным. Удобными средствами для сего могло бы быть: 1) Отъезд туда и пребывание там под видом торговцев. 2) Приехать туда в качестве врачей, аптекарей, зодчих, мастеров рудного дела, художников и т.д.»[937]. Я. Рейтенфельс вновь погружает нас в пучину тайной войны. Весь третий способ основан на тайном въезде священнослужителей в Московию, на их тайном проживании, на их тайной деятельности и т.д. Этот способ удивляет своей легковесностью и непродуманностью. Разве могли несколько священнослужителей своей тайной деятельностью под различным прикрытием («крышей») ввести католичество в Московии?

«Записки» Якова Рейтенфельса не произвели большого впечатления на членов конгрегации «Пропаганда Веры». Хотя то, что последняя (четвертая) записка была им подана отдельно, в годы царствования Федора Алексеевича, говорит о том, что в конгрегации еще несколько лет надеялись получить от него заслуживающие внимания рекомендации. Не получилось. Быть может, по этой причине Яков Рейтенфельс не был оставлен в Риме в какой-либо должности. Завершив свои дела, он переехал во Флоренцию к герцогу Тосканскому Козимо III Медичи, которому преподнес перед отъездом в Польшу свой объемный труд «Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии».

Сильвестр Медведев. Выше мы рассказали о насильственном и незаконном низложении ставленником Ватикана Лжедмитрием I патриарха Московского и всея Руси Иова и возведении на патриарший престол Игнатия; о незаконном низложении патриарха Московского и всея Руси Гермогена и его смерти в заточении; а также о попытке эмиссара Ватикана Паисия Лигарида взойти на патриарший престол вместо осужденного Московским поместным Собором и отправленного в ссылку патриарха Никона. В этом разделе мы поговорим о попытке (четвертой в XVII столетии) низложить действующего патриарха (Иоакима) и возвести на Московский патриарший престол Сильвестра Медведева, кандидатура которого, возможно, устроила бы Ватикан. Попытка эта была прямо связана с намерениями и практическими шагами царевны Софьи по восшествию на царский Московский престол в качестве самодержавной царицы. При положительном исходе ее планов, также положительно, в пользу Сильвестра Медведева, мог бы решиться вопрос о

[937] Там же. С. 23–24.

низложении патриарха Иоакима и его замене. Сильвестр Медведев, на наш взгляд, мог бы не только способствовать закреплению положения Софьи на царском троне и среди европейских монархов, но и предпринял бы шаги по соединению Русской православной и Римской католической церквей под эгидой папы Римского в конце восьмидесятых годов XVII столетия.

Повторим, руководство заговором осуществлял некий, хотя официально и не оформленный, но руководящий штаб по подготовке и проведению в жизнь планов и намерений заговорщиков во главе с царевной Софьей.

Игумен Заиконоспасского монастыря Сильвестр Медведев являлся членом этого штаба, и в его функции входило: руководство духовной составляющей заговора; обеспечение духовной поддержки (поддержки церкви, поддержки будущего патриарха) планов, намерений и действий руководителей заговора, начальствующего состава отдельных стрелецких полков; пропагандистское обеспечение восшествия на престол царевны Софьи — участие в изготовлении портрета Софьи в виде полноправной царицы-самодержицы государства Российского, написание текста к нему и стихотворного восхваления Софьи.

Роль Сильвестра Медведева, основную часть которой он должен был сыграть на завершающем этапе, действительно была очень важной, а не какой-то второстепенной, фоновой, от исполнения которой ничего ровным счетом не зависело. Именно Сильвестр Медведев, в соответствии с планами, должен был взойти на патриарший престол вместо свергнутого патриарха Иоакима. Именно он должен был обратиться к папе Римскому с предложением обьединить Церкви, именно он должен был заключить унию от имени Русской православной церкви. Именно он должен был сделать все возможное для признания Церковью и населением страны царевны Софьи и В.В. Голицына законными государями.

В предыдущей главе мы подробно рассказали о заговоре царевны Софьи и о связи с ее заговором изменнических намерений и действий гетмана войска Запорожского и Малороссии Ивана Степановича Мазепы. Поэтому здесь сосредоточим наше внимание на Сильвестре Медведеве, и рассмотрим ряд материалов, прямо или косвенно указывающих на его участие в заговоре и намерениях поставить его патриархом Московским и всея Руси вместо патриарха Иоакима. (Этот раздел желательно читать вместе с разделом о заговоре царевны Софьи и гетмана Мазепы в предыдущей главе).

Прежде всего, прочитаем показания поляка Дмитрия Силина о заговоре царевны Софьи и намерениях Сильвестра Медведева взойти на патриарший престол вместо патриарха Иоакима. Как бы ни оценивали эти показания исследователи, они представляют серьезный интерес и, безусловно, заслуживают, чтобы их учитывали со всей совокупностью известных фактов о заговоре царевны Софьи и роли его участников.

Сразу же после пресечения заговора все, кто чувствовал за собой какую-либо вину или боялся, что его могут за что-нибудь задержать, разъехались из Москвы в надежде отсидеться в тихом месте. Так поступил и Дмитрий Силин, польский лекарь и астролог. Но отсидеться ему не удалось. Уже в сентябре 1689 г. на допросах задержанных по делу о заговоре стрельцов прозвучала его фамилия как человека, жившего у Сильвестра Медведева, лечившего глаза у царя Ивана Алексеевича, занимавшегося астрологией и чародейством, и делавшего различные предсказания. Естественно, Дмитрий Силин был разыскан. «И тот Митка, по посылке из стрелец-

каго приказу из-за полскаго рубежа вызван на Луки Великия заводом, а с Лук Великих привезен к Москве в стрелецкой приказ и распрашиван, и в распросе меж иными делы сказал: тому шесть лет призван был из-за рубежа на Луки Великия и привезен к Москве в Спасский монастырь, что за иконным рядом, к бывшему строителю к Сенке Медведеву, и жил у него в келье три года; и в разговоре де он Митка ему Сенке говорил… что он Митка узнавает в животе болезнь, от кого какая болезнь прилучится… да и в солнце де он смотрит и узнавает в солнце кому что будет… И Сенка де Медведев велел ему Митке посмотрить в солнце, каков де будет князь Василей Голицын, и будет ли он на Москве царем, также и Федка Шакловитой каким чином будет, и будет ли он великим князем, а он Сенка патриархом. А князь Василей де Голицын и Федка Шакловитой ему Сенке говорят: у них де мышлено то, что в московском государстве учинить бунт, великаго государя, царя и вел. князя Петра Алексеевича всея России самодержца и государыню царицу и вел. княгиню Наталью Кириловну и весь род их изгубить, а царь и вел. князь Иоанн Алексеевич им и даром, а царевна де София Алексеевна за князь Василья хотела идтить за муж; а Федке б быть под царем первым князем, а патриархом бы быть ему Сенке, а патриарха б Иоакима сослать в ссылку»[938]. Сногсшибательные показания!

И далее Д. Силин говорил: «И для того де замыслу, у Сенки Медведева князь Василей был дважды, а Федка Шакловитой не много не по всякую ночь, а от Сенки де езживал перед утром; и о том о всем мыслили, и меж себя о том злом умысле говаривали; то он Митка слыхал; а сиживал в то время у Сенки в келье меж чулана и печи, и про государское здоровье как говаривали, о убийстве слышал же… А князь Василей Голицын и Федка Шакловитой и Сенка Медведев все троя хотели московским государством завладеть, и того желали»[939]. Для проведения астрологических опытов и получения ответов на интересующие заговорщиков вопросы Сильвестр Медведев направлял Д. Силина на Ивановскую колокольню, дважды на дом к В.В. Голицыну. Заговорщиков, по словам Д. Силина, интересовало, будет ли удачным первый Крымский поход В.В. Голицына, сбудутся ли их планы в заговоре, станет ли В.В. Голицын на Москве «великим человеком», какова судьба ожидает других руководителей заговора. На все эти вопросы Д. Силин дал отрицательные ответы. Конечно, совсем не исключено, что давая такие ответы в Стрелецком приказе, Д. Силин сориентировался на месте и ответил так, как от него ждали. Но, может быть, он говорил правду. Зачем ему нужно было выдумывать то, чего не было, разве от этого что-то бы изменилось?

Здесь же хочется еще раз обратить внимание на показания архимандрита Исайи об отношении сторонников царевны Софьи к патриарху Иоакиму. Архимандрит Исайя 15 ноября 1691 г. в Посольском приказе сообщил, что в беседе с воеводой севским, бояриным Леонтием Романовичем Неплюевым, последний так отозвался о патриархе Иоакиме: «мы от сего нашего патриарха ни благословения, ни клятвы не ищем (плюнь де на него!)»[940]. Боярин Л.Р. Неплюев являлся единомышленником

---

[938] Цит. по: *Аристов Н.* Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны. Приложение. С. 98.

[939] Там же. С. 99.

[940] Цит. по: *Аристов Н.* Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Примечания. С. XXXV, прим. 112.

князя В.В. Голицына, был к нему близок и хорошо знаком с Сильвестром Медведевым, и этими словами, по существу, он выразил общее отношение сторонников царевны Софьи к патриарху Иоакиму. (Выше, в предыдущей главе, о показаниях архимандрита Исайи мы уже говорили).

Весьма важными являются материалы об участии Сильвестра Медведева в изготовлении портрета Софьи в царском облачении с державой и скипетром, 100 печатных копий с гравюры ее портрета, а также парадного портрета боярина и князя Василия Васильевича Голицына как фаворита будущей царицы Софьи, т.е. фактически в пропагандистской акции в поддержку ее восшествия на престол. В ходе расследования участия Сильвестра Медведева в заговоре, патриарх Иоаким представил к розыскному делу пять «листов печатных», признанных С. Медведевым на допросе 30 сентября 1689 г. своими, «из животов его, Сенкиных».

Было выяснено, что в 1687 г. Ф.Л. Шакловитый передал дьяку Аптечного приказа Андрею Андреевичу Виниусу (1641–1717, бывшему переводчику Посольского приказа и будущему царскому сановнику) оригинал портрета царевны Софьи, изображавшего ее «с царским венцом на голове, с скипетром и державою в руках, в “орле”, или овале с полным царским титулом, на латинском языке: “Sophia Alexiovna, Dei Gratia, Augustissima ac Praepotentissima Magna Domina Carevna ac Magna Kniazna totius Magnae, Parvae atq. Albae Russiae Autocratrix, Moscoviae, Kioviae, Vladimirae, Novogradiae, Carevna Casani, Carevna Astrachani, Carevna Sibiriae, Domina Pscoviae” — и прочее, до конца полнаго титула. Вкруг овала расположены в медальонах семь аллегорических добродетелей: “Prudentia, Pietas, Pudicitia, Liberalitas, Justitia, Magnanimitas, Spes divina”. Внизу же, под овалом, помещена рифмованная на латинском языке надпись. Передавая оригинал, Шакловитый приказал Виниусу, по указу от царевны, отослать оригинал за границу, для воспроизведения по нем гравюры на тот предмет, чтоб царевне “была слава и за морем в иных государствах, такая ж как и в Московском государстве”. По приказанию этому, Виниус отослал оригинал в Голландию к бургомистру Николаю Витсену, который и поручил исполнение заказа амстердамскому граверу Блотелингу. По исполнении гравюры, Витсен отослал к Виниусу в пачке, “за заморскою печатью”, около 100 экземпляров, и Виниус, не распечатав пачки, передал ее Шакловитому, который и раздавал гравюру “всяких чинов людем не втай”. Таким образом два экземпляра оной дошли до Медведева; а затем, в числе других гравюр, они были найдены при обыске в его келье»[941]. (А.А. Виниус познакомился с Николаасом Витсеном в 1665 г., когда тот приезжал в Москву в составе голландского посольства во главе с Яковом Борелем (находился в Москве с 10 января по 8 мая 1665 г.), собирал и пересылал ему различные сведения и картографические материалы о Московском государстве и Сибири, путях к богатым странам Востока).

Еще две гравюры были того же содержания, что и предыдущая, «с тою только разницею, что “полную титлу и вирши” к ней написал по-славянски С. Медведев... Портрет этот гравировал в Москве черкашенин Тарасевич... на загородном дворе Шакловитаго, находившемся за Новодевичьем монастырем, Тарасевич отпечатал с него оттиски. Остающаяся пятая гравюра, или “болшой лист” изображал: вверху,

[941] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. С. 8–9.

Отца и Сына и Святаго Духа; посредине, царей Иоанна и Петра Алексеевичей и царевну Софию Алексеевну "с излиянием над нею седьми даров Духа Святаго"; внизу же были помещены... князь Василий Голицын, верхом на лошади, гетман Иван Самойлович, человек с заступом, и иныя, повидимому, аллегорическия, фигуры... Гравюра эта была вырезана на меди в Ахтырке тем же Тарасевичем, по заказу Шакловитаго, "в похвалу царевне", что и подтвердил Медведев... Гравюра эта была поднесена царевне сыновьями Перекреста в 1688 году, в бытность их с отцом в Москве, где она, на Белгородском подворье, и печаталась на атласе, тафте и бумаге»[942]. (Иван Перекрест — Ахтырский полковник, его сыновья Данила и Яков). Добавим, что Сильвестром Медведевым был также написан стихотворный текст к портрету царевны Софьи и стихотворное же ее восхваление.

Весьма интересной иллюстрацией стремления царевны Софьи стать самодержавною царицею, может также послужить следующий факт, не имеющий, правда, отношения к Сильвестру Медведеву. 18 августа 1689 г., в Тобольске, проездом в Даурию, остановился стольник и полковник Иван Исаевич Скрипицын. По царскому повелению он спросил боярина и воеводу Алексея Петровича Головина о его здоровье и похвалил его службу. Он также передал его сыну, окольничему и воеводе Федору Алексеевичу Головину, за хорошую службу царское жалованье — 8 золотых монет. На каждой монете были изображены: «на одной стороне персоны Великих Государей, Царей и Великих Князей, Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцев; а на другой стороне, Государыни, благоверныя Царицы и Великия Княжны, Софии Алексеевны: да на том же золотом вырезаны слова: Божиею милостию, Мы Великие Государи, Цари и Великие Князи, Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, и Великая Государыня, Благоверная Царевна и Великая Княжна, София Алексеевна, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцы»[943]. Ясно, что такими золотыми монетами награждались царские воеводы не только в Сибири, но и по всему Российскому государству, и изготовлены они были не позже весны 1689 г. (с учетом времени следования от Москвы до Тобольска). Заметим, что заговор царевны Софьи был раскрыт в ночь с 7 на 8 августа 1689 г., и в день приезда стольника И.И. Скрипицына в Тобольск обстановка в Москве уже склонялась в пользу царя Петра I.

Особое значение имеют признательные показания окольничего Федора Леонтьевича Шакловитого, одного из руководителей заговора. В «Статейном списке по изветом и по розыскному делу» мы читаем: «Опять же Федка Шакловитой говорил капитаном Филипу да Василью Сапоговым и умышлял с ними да с старцом Селиверстом Медведевым, да с московскими стрелцами: с Микиткою Гладким, с Оброскою Петровым, с Ондрюшкою Кондратьевым, с Алешкою Стрижевым, чтоб святейшаго патриарха убить. Да на него ж Федку в том говорил Оброска Петров, что он Федка и ему Оброске говорил же, чтоб святейшаго патриарха уходить, или б, оборвав, припрятать к месту — не тот де патриарх... Да на него ж Федку говорил Ивашко Муромцов, что он Федка такия слова про святейшаго патриарха, что не тот де патриарх, ин иной, говорил... На него ж Федку говорил стрелец Мишка Чечот-

[942] Там же. С. 9.

[943] Записки, к Сибирской Истории служащие // Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е. Часть III. М., 1788. С. 273–274.

ка, что он же Федка наперед того призывал его Мишку и иных его братью стрел цов, чтоб его святейшаго патриарха переменить... И говорил он, Федка, будет д они патриарха изо властей не похотят, мочно де и простого старца, и учинить ем такую ж честь, — тот же де будет патриарх... Да на него ж Федку говорил Стрелец кого приказу подьячей Петр Исаков, что он Федка, про святейшаго патриарха гово рил непристойныя слова, называл его посконною бородою и бранил... А в застен ке с пытки он, Федка, говорил... и о патриархе "не тот де патриарх, ин иной", т он Федка, говорил же, и в том во всем винился... Он же Оброска (Петров. — *прим авт.*) с Федкою Шакловитым да со старцом Селиверстком с товарыщи умышляли чтоб святейшаго патриарха убить до смерти»[944]. В те времена составлялись и объяв лялись «Сказки у смертной казни и у наказанья», напоминающие сегодняшние об винительные заключения в уголовном процессе. В таких «Сказках» от 12 сентябр 1689 г. (день казни Ф.Л. Шакловитого, О. Петрова и К. Чермного) говорилось: «.. Федке Шакловитому... Да ты ж вор умышлял смертное ж убивство и на святейшег патриарха... Сказка Оброске Петрову, Куземке Чермнову, какова сказана у смерт ной казни... Да вы ж воры с Федкою Шакловитым, с чернцом Селиверстком с то варыщи, умышляли святейшаго патриарха убить и по многия времена умышляли бунт. А в роспросе и с пытки ты вор в том во всем винился»[945].

Не менее важны для оценки участия в заговоре Сильвестра Медведева призна тельные показания стрельцов и стрелецких начальников. 24 сентября 1689 г. был проведена очная ставка Сильвестра Медведева с капитаном Филиппом Сапоговым «А на очной ставке Филип Сапогов говорил, что он Селиверстко с Федкою Шакло витым святейшаго патриарха убить умышляли. А как де те слова были, и в то врем он, Селиверстко, у себя в келье ему, Филипу, поднес две чарки вина и говорил: не де друга моего Микитки Гладкого. — И Селиверстко, на очной ставке, в том, что убить святейшаго патриарха, запирался ж, а сказал, что таких слов не говаривал; а вино де ему, Филипу, подносил»[946]. На допросе Сильвестр Медведев показывал: «А к Федке Шакловитому он, Селиверстко, приезживал, и в полатке с ним тайно гова ривал о рацеях (поздравлениях. — *прим. авт.*), и что печатал орел на листах, и под писано было именование великой государыни благоверной царевны и седмь добро детелей и вирши... А ему Федка Шакловитой велел подписать именование и вир ши и седмь добродетелей; так же и другия латинския вирши на другом листу, пере водил же на словенской язык... А Левонтей Неплюев знакомец ему давней; а приез жал к нему не почасту... А с Москвы де он, Селиверстко, побежал Августа проти 31-го числа, от страха: опасался того, что святейший патриарх так же бы великому государю на него каких слов не принес»[947]. В приведенной выдержке из показаний Сильвестра Медведева речь идет о его участии в изготовлении портрета царевны Софьи и о воеводе Л.Р. Неплюеве, дававшем задание архимандриту Исайе от име ни царевны Софьи и князя В.В. Голицына, а также о причинах бегства из Москвы.

В статейном списке «по изветом и по розыскному делу» говорится: «Умышлял

---

[944] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. Стб. 209, 213–214, 219, 221.

[945] Там же. Стб. 271, 274–276.

[946] Там же. Стб. 546.

[947] Там же. Стб. 546–548, 551.

де он Сенка с Федкою Шакловитым да с стрелцами: с Микиткою Гладким с товарыщи, великого господина святейшаго кир Иоакима, московского и всеа России и всех северных стран патриарха, убить или переменить. Да к нему ж де Сенке прихаживали Алешка Стрижов с товарыщи и говаривали тайно, и на караул де у него он, Алешка, к келье его ставил стрелцов втай, и сказывал им: как придут от святейшаго патриарха по него, Сенку, чтоб его не отдавать и сказать, что за ним есть государево дело»[948]. Ясно, что не за красивые глаза была устроена стрелецкая охрана Сильвестра Медведева. Руководство заговора берегло его, как человека, которому еще предстояло сыграть свою главную роль после восшествия на престол самодержавной царицы Софьи.

30 сентября 1689 г. на допросе с пыткой Сильвестр Медведев подтвердил свои прежние показания, что такие слова про патриарха, что он «учился мало и богословских речей не знает», он действительно говорил, а вот показания других о его замыслах убийства государей, царицы и патриарха он категорически не подтвердил. С. Медведев прекрасно понимал, что если он по этим вопросам (о намерениях убить государей, царицу и патриарха) даст признательные показания, жить ему останется ровно столько, сколько нужно, чтобы эти показания прочесть. Оставалось одно — все отрицать. Тем более что он не бегал и не собирался бегать по Москве с саблей, не ездил и не собирался ехать в Преображенское к Петру I и его матери-царице с названными намерениями, не его это было дело. Ему нужно было тихо решать поставленные перед ним другими руководителями заговора задачи, и ждать.

Н.Г. Устрялов писал: «Монах Сильвестр Медведев был тайным руководителем, оракулом приверженцев Софии... Отменно уважаемый царем (Федором Алексеевичем. — *прим. авт.*), Медведев, по всей вероятности, тогда же сблизился с Софиею; а по присвоении ею правительства, сделался тайным ея поверенным: он подносил ей, мимо патриарха, разные проекты, между прочим об утверждении духовной академии, основанной царем Феодором Алексеевичем, сочинял в честь ея стихи, описывал дела первых лет ея правления в историческом повествовании, и по ея желанию составлял догматическия разсуждения, из числа которых одно "о манне хлеба животнаго" царевна посылала в Киев, также без ведома патриарха, для разсмотрения тамошней академии... богословския мнения его, отзываясь Римским учением, навлекли на него гнев патриарха Иоакима, и только сильное покровительство царевны спасало его от суда церковнаго. В свою очередь Медведев ревностно и искусно содействовал ея намерениям... внушал приходившим в келью его стрельцам, что патриарх человек неученый и богословских речей не знает, славил добродетели, мудрость, благочестие царевны, чернил ея противников, и явно не одобряя бунта, цареубийства, умел однако ж питать преступные замыслы и надежды коварными намеками и толками... Нет сомнения, что патриарший жезл был тайною целью Медведева»[949].

Несомненный интерес представляют донесения из Москвы и отчеты иностранных дипломатов и членов миссии Ордена иезуитов. Историк Г.В. Форстен приводит в сжатом виде основное содержание донесений шведского резидента Христофора фон Коха в сентябре–октябре 1689 г.: «Сентябрьския и октябрьския письма

[948] Там же. Стб. 671–672.

[949] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великаго. Т. 2. С. 32–33.

Коха полны подробностей о заговоре против Петра сторонников Софии. Передавая о пытке монаха Сильвестра, Кох говорит о его близости к иезуитам и о его чисто папистских интригах с целью ввести в России католицизм; в виду этого царь издал указ о немедленном удалении из России иезуитов. Кох хвалит осторожность и милость царя: "у нас в Швеции подобные заговоры вызвали бы гораздо более жестокия и позорныя наказания"»[950]. (В сентябре–октябре 1689 г. в Москве находилось два члена миссии Ордена иезуитов — Иржи Давид и Тобиаш Тихавский. По представлению патриарха Иоакима, царь Петр I издал указ, и 5 октября того же года оба иезуита были отправлены из Москвы за границу). Последний шведский резидент в Москве в XVII в. Томас Книппер приступил к исполнению своих обязанностей в 1689 г. В донесении от 6 сентября этого года «он говорит о заговоре против Петра. Он с ужасом повествует о том, как заговорщики целыя 5 лет готовились к преступному замыслу, который должен был осуществиться 6-го августа»[951].

Члены миссии Ордена иезуитов хорошо знали Сильвестра Медведева и сообщали о нем провинциалу. Миссионер Франциск Иоанн Эмилиани писал в своем донесении от 23 июня 1699 г.: «Был здесь один прекрасный человек, священник-униат, по имени Сильвестр. Когда заподозрили, что он униат, то обвинили, будто он участник в возмущении и не успокоились до тех пор, пока этому хорошему человеку не отрубили головы, по здешнему обычаю на площади, на плахе»[952]. Как мы видим, Ф.И. Эмилиани прямо указывает в своем донесении, что члены миссии Ордена иезуитов знали Сильвестра Медведева как униата.

А вот другой член миссии, Иржи Давид, выдворенный из Москвы в самый разгар следствия по раскрытию заговора (5 октября 1689 г.), в своем отчете написал так, чтобы никак нельзя было установить наличие связи между миссией и Сильвестром Медведевым: «…бежал из Москвы некий старец — так называются пожилые монахи, — строитель какого-то монастыря. Но в пути он был пойман и подвергнут допросу вместе со многими сообщниками. Его давно уже патриарх держал под арестом за какие-то католические, противоречащие греческим суждения, которых он придерживался и которые распространял. Говорят, Голицын хотел использовать его как средство для сеяния в народе унии и католической религии. Иные говорят, что другой партией он предназначался на патриаршество… Говорят также, что его спрашивали, были ли иезуиты сколько-нибудь осведомлены об этих действиях и не получал ли он от них советов или наставлений, касающихся веры. Он сказал, как и должно было, что они ни о чем не знали, да и в самом деле мы этого человека не видели и не знали и не имели с ним никакой связи»[953]. Строитель монастыря — так называли настоятеля этого монастыря. Речь идет о Сильвестре Медведеве, воспитаннике Симеона Полоцкого и враге патриарха Иоакима, хорошо известном в Киевской митрополии и Польше своей приверженностью к латинскому направлению в православии и обьединению церквей. Иржи Давид, профессиональный миссио-

[950] *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648–1700) // ЖМНП. 1899. Сентябрь. СПб., С. 67–68.

[951] Там же. С.70.

[952] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 25.

[953] *Иржи Давид.* Современное состояние великой России или Московии. С. 128.

нер и разведчик, должен был знать его имя и фамилию, причем еще до приезда в Московское государство. И если он не назвал его в своем опубликованном отчете, на это, видимо, были веские причины. Скорее всего, в официальном отчете фамилия была названа, но при подготовке публикации ее убрали, чтобы не раздражать московское руководство и вновь получить разрешение на функционирование миссии в Москве.

Позднейшие исследователи зачастую довольно критически оценивают содержание публикаций XVI–XVII столетий о тех или иных событиях в Российском государстве, авторами которых являлись иностранные дипломаты, разведчики, современники и даже очевидцы и участники этих событий. В этой связи представляется нужным заметить, что авторами многих таких публикаций являлись не просто иностранцы, случайно или не случайно оказавшиеся в России, а профессиональные разведчики, для которых информация была их хлебом насущным, целью их приезда, эту информацию ждали монархи их государств. И в основе этой информации были совсем не слухи и сплетни, а сведения, переданные разведчикам теми людьми, с которыми они работали. Конечно, были ошибки, были просчеты, были неточности и искажения, но в их основе было плохое знание местной обстановки, или использование некомпетентного источника информации, или какие-то иные причины, но никак не стремление обмануть своего монарха. Это нужно иметь в виду.

В январе 1690 г. в Крестовой палате Московского Кремля патриарх Московский и всея Руси Иоаким собрал архиерейский Собор для рассмотрения дела С. Медведева. В работе Собора участвовали митрополит Казанский и Свияжский Адриан (будущий патриарх), митрополит Сарский и Подонский Егфимий, митрополит Нижегородский и Алатырский Павел, архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий, «пречестные архимандриты и честные игумены, и священнопротопресвитеры, и священный клир». Рассмотрению дела предшествовало посещение С. Медведева в его келье в декабре 1689 г. назначенными патриархом Иоакимом священнослужителями (Новоспасский архимандрит Игнатий, Воздвиженский игумен Ефрем и преподаватель Славяно-греко-латинской академии Софроний Лихуд) для обращения «на путь истинный закоренелаго еретика». В результате этого посещения С. Медведев собственноручно написал «Покаянное исповедание бывшаго монаха Силвестра Медведева», в котором полностью отрекался от ереси, просил прощения и молитвы о нем патриарха, высказывал желание принять эпитимию и призывал на себя проклятие, если он опять будет возмущать церковь. Собор лишил С. Медведева священного сана и присудил к пожизненному заключению в покаянии в монастыре, а его книгу «Манна» к публичному сожжению.

Но это решение было принято задолго до поимки скрывавшихся в бегах активных участников заговора Алексея Стрижова и Андрея Кондратьева 29 января 1691 г. и получения на допросах их показаний. Прежде всего, показаний Алексея Стрижова о польском лекаре и чародее Дмитрии Силине, о котором выше мы говорили и чьи показания приводили. После этих показаний судьба Сильвестра Медведева была решена окончательно — 11 февраля 1691 г. он был казнен. Казнены были также и А. Стрижов с А. Кондратьевым.

После ареста Сильвестра Медведева, как и следовало ожидать, у него был произведен обыск, в результате которого было найдено довольно много книг. В описи

имущества С. Медведева говорится: «...и по счету книг и всяких печатных и письменных на словенском и на иных языках в десть болших и середних и малых 300 книг... Да 37 книг в тетратех... Да 290 книг в полдесть болшую и малую. Да 370 книг, в четверть и в осмушку, и мелких...»[954]. (Десть — это старая русская единица счета писчей бумаги, равная 24 листам). Как отметил С.А. Белокуров, согласно описи поступивших на Печатный двор книг С. Медведева, в их числе было 334 печатных и 4 рукописных латинских книги, 139 польских, 45 греколатинских, 2 французских, 3 немецких и другие[955]. В его библиотеке были обнаружены рукописи Георгия Крижанича и принадлежавшие ему (Г. Крижаничу) книги. Комментируя одну из них, «Политику», А.Л. Гольдберг писал: «...В описи книг, изъятых после ареста Медведева и переданных в библиотеку Печатного двора, Безсонов обнаружил "Книгу о разделах, письменную" — сочинение, носившее именно то название, которое проставлено на рукописи Крижанича. Это первое достоверное свидетельство, относящееся к труду Крижанича, а не к какому-либо другому сочинению, которое современники могли бы назвать "Политикой". В библиотеке Сильвестра Медведева находились и другие труды Крижанича ("О промысле божием", выписки из исторических книг)... Все это позволяет предположить, что Медведев каким-то образом оказался владельцем большого количества материалов, связанных с Крижаничем (его рукописей и книг, вывезенных из Тобольска в Москву). Может быть, материалы эти перешли к Медведеву от самого Крижанича после его возвращения в Москву в 1676 г...»[956]. Выше мы подробно говорили о совершенно определенной направленности сочинений Г. Крижанича, выступавшего ревностным сторонником заключения унии между Русской православной и Римской католической Церквами. Не будет ошибкой предположить, что труды Г. Крижанича, его рассуждения, его мысли были не только восприняты С. Медведевым, но и сыграли определенную роль в формировании его отношения к православию, Русской православной церкви и католицизму, в формировании планов восшествия на патриарший престол и заключения унии.

Нет сомнения, что Ватикан и Орден иезуитов были в курсе намерений царевны Софьи и князя В.В. Голицына, и их вполне устраивало запланированное и фактическое развитие событий. Открытие в Москве католической миссии и школы убеждало их в реальности замыслов, в наличии у царевны Софьи приверженцев, сил и средств для достижения цели. Сильвестр Медведев, если бы он заменил на патриаршем престоле Иоакима, в силу своей приверженности к латинскому направлению в православии был бы очень полезен Ватикану и действительно мог заключить унию с Римской католической церковью.

В подобной ситуации нельзя было допускать ошибок, даже самых мелких, нужно было действовать осмотрительно, принимая во внимание все составляющие политической обстановки в Москве. Учитывая реальное соотношение сил в пользу царевны Софьи и ее приверженцев, каких-либо сомнений в успешной реализации

---

[954] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. Стб. 831.

[955] *Белокуров С.А.* О библиотеке Московских государей в XVI столетии // Сборник Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел. Вып. 6. С. 166.

[956] *Крижанич Ю.* Политика. М., 1997. С. 486–487.

ее планов не возникало. Можно предположить, что именно поэтому находившиеся в Москве миссионеры — иезуиты не проявляли какой-либо бросающейся в глаза активности, они наблюдали за развитием обстановки, ожидая нужного результата — прихода к власти царевны Софьи, избрания Сильвестра Медведева патриархом и заключения унии.

Небольшие выводы. Время проведения акции было выбрано профессионально грамотно, в тот момент, когда претендентка на царский престол царевна Софья уже видела себя на троне и примеряла корону, когда ей для проведения коронации и последующих шагов по ее признанию за рубежом нужен был совсем другой патриарх. Поддержка царевны Софьи во время заговора означала восшествие на патриарший престол после ее прихода к царской власти. Кандидатом на патриарший престол был избран воспитанник Симеона Полоцкого, известный в Москве, Киеве и Польше как сторонник латинствующего направления в православии, противник действующего патриарха Иоакима, лично преданный царевне Софье. В качестве способа достижения результата было избрано участие в заговоре царевны Софьи и ее поддержка в надежде, что она достойно оценит заслуги кандидата и возведет его на патриарший престол вместо Иоакима, которого предполагалось или отправить в ссылку, или убить во время вооруженных столкновений со сторонниками Петра.

Следствием событий августа — сентября 1689 г. явилось то, что полностью провалился заговор царевны Софьи стать самодержавной царицей, к власти в Российском государстве пришел Петр I, началась эпоха реформ, превративших Россию в великую мировую державу. Не удалось низложить патриарха Московского и всея Руси Иоакима, не состоялось возведение на патриарший престол Сильвестра Медведева, и не произошло заключение унии с Римской католической церковью. По просьбе патриарха Иоакима Петр I принял решение об упразднении католической миссии в Москве, и в октябре 1689 г. миссионеры — члены Ордена иезуитов из Москвы были отправлены за границу. Это решение вызвало бурное негодование в европейских католических странах, а император Священной Римской империи германской нации Леопольд I был даже готов разорвать с Россией дипломатические отношения. Но после всего случившегося разве могло это напугать Петра I?

Миссия Ордена иезуитов в Смоленске. Миссионер Михаил Яконович и его попытка стать патриархом Московским и всея Руси. Фантастическая по дерзости попытка иезуита взойти на патриарший престол в Москве была осуществлена в 1690 г., в период после смерти патриарха Иоакима (17 марта 1690 г.) и до поставления на патриарший престол нового патриарха Адриана (24 августа 1690 г.). Время было тяжелое, опасное и беспокойное. В Москве и по всей России еще продолжалось следствие по пресеченной попытке государственного переворота, во главе которого стояли царевна Софья и боярин князь Василий Васильевич Голицын; под следствием же находился Сильвестр Медведев, духовный руководитель переворота и несостоявшийся претендент на патриарший престол. Только-только, 5 октября 1689 г., за деятельность против православия и Русской православной церкви, из Москвы были выдворены иезуиты Иржи Давид и Тобиаш Тихавский, деятельность

миссии Ордена иезуитов была прекращена и запрещена. Совсем юный царь Петр I приступил к формированию своего правительства, которому не раз пришлось столкнуться с последствиями решений, принятых предшествовавшим правительством царевны Софьи.

Рассказывая о деятельности иезуитов в России, русский общественный деятель Ю.Ф. Самарин писал, что один из иезуитов, «Михаил Яковлевич, возымел было даже надежду занять патриаршую кафедру и в частной своей переписке жаловался на Москвичей, как видно, не обнаруживавших особеннаго желания иметь его своим верховным пастырем...»[957]. Что же это была за попытка, и кто был этим иезуитом?

Основным исполнителем попытки был оршанский иезуит Михаил Яконович подданный польского короля, постоянно проживавший в великом княжестве Литовском в непосредственной близости от границ Российского государства, от Смоленска. Достоверных сведений о нем и его действиях в Литве, Смоленске и Москве сохранилось очень мало.

Попытке предшествовал ряд важных событий. 26 апреля 1686 г. в Москве был подписан российско-польский договор о «Вечном мире». Одним из руководителей делегации Речи Посполитой при подписании договора являлся князь Марциан Александр Огинский (1632–1690), великий канцлер Литовский с 15 мая 1684 г. Российскую делегацию возглавлял ближний боярин, князь Василий Васильевич Голицын, царственные большие печати и великих государевых посольских дел оберегатель, наместник Новгородский, фаворит царевны Софьи. За подписание «Вечного мира» М.А. Огинский был награжден российским правительством «...правом купить себе в Смоленске за городом, на посаде, место и строить на нем избы и иные дворовыя здания для приезда его людям с товарами, под условием не держать там заповедных и потаенных товаров, корчемнаго продажнаго вина и табаку. Огинский выхлопотал (летом того же 1686 г.) также освобождение его новаго дома от городских податей и поборов и дозволение приезжать из-за литовского рубежа и останавливаться на время ксендзам с целию совершения богослужения...»[958]. Выглядит все это благопристойно. Пока.

В изложении историка иезуита Станислава Залеского причины и цели приобретения М.А. Огинским дома на территории Российского государства, в Смоленске, выглядят несколько иначе. Во время переговоров с российской делегацией М.А. Огинский, являвшийся патроном и благодетелем литовских иезуитов, по их просьбе выпросил у В.В. Голицына разрешение на открытие и деятельность миссии Ордена иезуитов в Смоленске. С этой целью он за 500 польских злотых купил в предместье смоленском, посаде, дом для размещения миссии, при этом дом миссии должен был выглядеть для непосвященных как постоялый двор. Все административно хозяйственные хлопоты по обустройству миссии он поручил своему управляющему Августину Константиновичу, писарю гродскому мстиславскому. М.А. Огинский назначил по 300 польских злотых ежегодной выплаты каждому миссионеру и обратился к литовскому провинциалу с просьбой направить в Смоленск иезуита для

---

[957] *Самарин Ю.Ф.* Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову. С. 304.

[958] *Цветаев Д.В.* История сооружения первого костела в Москве // Русский Вестник. Т. 180. М., 1885. С. 887–888.

миссионерской деятельности. Эта просьба была удовлетворена немедленно, литовский провинциал Георгий (Юрий, Егор) Тилль (Jerzy Thill, провинциал с 21.03.1686 до 21.08.1689) направил в Смоленск оршанского иезуита Михаила Яконовича, «чтобы с первых часов пребывания в Смоленске и прилегающей земле защищал дело св. веры». М.А. Огинский (zapewne na prośbę Jezuitów litewskich, których był patronem i dobrodziejem, wyjednał u Golicyna pozwolenie na ruchomą misyę jezuicką w Smoleńsku, należącym de facto od 1654 r. do carstwa, i w tym celu kupił na przedmieściu smoleńskiem Pasadzie dom za 500 złp., w którymby Jezuici wyprawiając się na misye dla resztek katolików w Smoleńszczyznie, jakoby gospodę mieć mogli. Właściwą zaś stacyą (dom z kaplicą) dla smoleńskich misyonarzy polecił swemu gubernatorowi (rządcy) Augustynowi Rokoz Konstantynowiczowi, pisarzowi grodzkiemu mścisławskiemu, wystawić w swem miasteczku pogranicznem Kadzyn, w pobliżu Andruszowa traktatem wsławionego, gdzie też konferencye pokojowe się odbywały i naznaczył po 300 złp. rocznie na jednego misyonarza. Niebawem na prośbę jego, wysłał prowincyał litewski Jerzy Thill orszańskiego Jezuitę Michała Jakonowicza «aby w pewnych czasach przebiegając Smoleńsk i przyległe zimie, sprawę wiary św. popierał»[959]). Мы видим, что М.А. Огинский приобретал дом в Смоленске совсем не для использования его в торгово-хозяйственных целях, а для размещения миссии Ордена иезуитов, и что он создал для миссионеров достаточно комфортные бытовые условия.

Иезуит М. Яконович был направлен на очень острый и непростой участок миссионерской деятельности, где, по словам С. Залеского, он подвергался угрозам здоровью и жизни, ему периодически приходилось скрываться и даже на время уезжать из города. Характер отношений между М.А. Огинским и В.В. Голицыным позволяет предположить, что В.В. Голицын знал об истинном предназначении дома в Смоленске, разрешение на покупку которого он дал М.А. Огинскому. Т.е. В.В. Голицын сознательно разрешил открытие и деятельность миссии Ордена иезуитов в Смоленске, на территории Российского государства.

Деятельность миссии Ордена иезуитов в Смоленске и миссионера М. Яконовича продолжалась три года, и, по оценке С. Залеского, не без пользы. Миссию посетили 1000 католиков, много лет не исповедывавшихся, 15 человек крестились, 8 человек отступили от схизмы и приняли веру католическую.

Дом миссии фактически стал опорным пунктом Речи Посполитой в важнейшем пограничном российском городе — крепости Смоленске. Поэтому-то польские власти старались, чтобы сведения об этом доме и о том, что делается внутри него, не доходили до Смоленского воеводы и местных жителей, чтобы даже обслуживающий персонал был не из местных русских, а из подобранных в Литве лиц. «Польский резидент в Москве (с 20 декабря 1687 до 17 февраля 1694 г.) Юрий Доминик Довмонт в 1688 г. добивался, чтобы на этом дворе, "купленном для приезда из-за границы разных людей и духовных римской веры для отправления богомолия", разрешено было держать в дворниках не смоленскаго жителя, а кадинскаго мещанина, из владений канцлера. Ходатайство тогда было удовлетворено...»[960]. Кадин или Кадино — небольшой городок на пограничной в то время с Россией литов-

[959] Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. IV. Część IV. Kraków. 1905. S. 1742–1743.

[960] *Цветаев Д.В.* История сооружения первого костела в Москве // Русский Вестник. Т. 180. С. 888.

ской территории. М.А. Огинский, недавно принявший католичество, был неравнодушен к иезуитам, и по просьбе литовского провинциала Якоба Берента (провинциал с 21.03.1683 до 21.03.1686) включил в 1686 г. иезуитов Бартоломео Меллера, капеллана Доминика Радзивилла, и Николая Нармунта, профессора теологии иезуитской Академии в Вильно, в состав дипломатической миссии, выезжавшей в Москву на переговоры о «Вечном мире». По словам Д.А. Толстого, «...если от римскаго императора приняты два иезуита», рассуждал Огинский, «то пускай получат хотя одного иезуита от короля польскаго»[961]. Именно этот дом стал отправным пунктом М. Яконовичу для его тайной поездки в Москву в 1690 г.. Почему тайной — потому что он ездил в Москву под видом православного священнослужителя (иначе как бы он мог участвовать в выборах патриарха Московского и всея Руси?), только на основании каких полномочий и кем выданных, от какой православной епархии? Скорее всего, и приезжал он в Москву под другой фамилией и именем.

«Проживавший в Литве иезуит Михайло Яконович писал из пограничного Кадина к своему начальнику, иезуиту Павлу Бохану, что он, отъезжая на русский праздник в Смоленск служить для приходящих туда католиков, считает нужным донести ему о своих службах и уведомить, что лист о посылке в Смоленск он получил от него, а ныне принял другой лист от иезуита Терпеловскаго, из Москвы, который пищет ему, что он прибыл в Москву с листами, посланными царям от Китайскаго хана и присланными ему из Персии в Астрахань, для которых он и вынужден был покинуть своего товарища, задержавшагося в Персии частию за болезнью, частию по боязни разбойников на море; но что лучше было бы совсем не брать ему этих листов, привезенных им с такими великими бедами и напастьми: ничего им не пользовали, и кисло приняты, а все потому, что езувит принес»[962]. (Павел Бохан — провинциал литовской провинции Ордена иезуитов с 21 августа 1689 до 26 августа 1692 г.). «В 1689 г., с 9 января по 9 апреля, иезуит Кондратий Терпиловский уже находился в Москве, следуя транзитом в Персию и Китай. Но доехать в тот раз он успел только до Астрахани, здесь ему были передана доставленная из Персии грамота китайского императора Кан-Си, и поручено доставить ее в Москву. Прибыв в Москву из Астрахани 18 марта 1690 г., он сразу же проинформировал об этом М. Яконовича, а тот провинциала Ордена иезуитов в литовской провинции. Примерно в это же время, 19 марта 1690 г., М. Яконович написал польскому резиденту в Москву Ю.Д. Довмонту, что "...в Смоленском доме так долго будет служить службу их религии, пока не получит подлинный о том заказ", и просил помогать ему советами и указаниями»[963]. Говоря о «заказе», М. Яконович имел в виду официальный запрет на его пребывание в Смоленске со стороны местных властей. Но вот что имелось в виду под просьбой к польскому резиденту в Москве помогать ему находящемуся в Смоленске, советами и указаниями? Здесь можно говорить о двух возможных ответах. Во-первых, 25 октября 1689 г. Ю.Д. Довмонт обращался в Посольский приказ с просьбой разрешить приезд в Москву ксендза из Смоленска для отправления богослужений. Не исключено, что в данном случае под ксендзом под

[961] *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Т. 1. С. 113.

[962] *Цветаев Д.В.* История сооружения первого костела в Москве // Русский Вестник. Т. 180. С. 885.

[963] Там же. С. 885.

разумевался именно М. Яконович. И во-вторых, не идет ли здесь речь о тех советах и указаниях резидента, в которых будет нуждаться М. Яконович в период тайного пребывания в Москве? Дальнейшее развитие событий показало, что в письме речь шла именно об оказании резидентом помощи М. Яконовичу в этот самый период.

О том, что М. Яконович действительно совершил в 1690 г. тайную поездку в Москву с целью занять патриарший престол, свидетельствует содержание его писем того же года, перехваченных царским правительством. Письма были написаны уже после избрания патриарха Адриана. «В листу езувита Михайла Яконовича к почтмейстеру Сангале написано: жалуетца ему, что ево Москва в патриархи не приняла, а голосы подала на митрополита Казанскаго, который, покамест того сана доступит, служить станет на Москве в настоящий праздник пред царским величеством. А за вести много челом бьет; одною почтою станет в Кадине на свой праздник и, отпраздновав, думает в Смоленск опять ехать встречать новаго воеводу… »[964]. Подчеркнем фразу — **жалуется, что его Москва в патриархи не приняла**. Второе письмо адресовано царскому доктору Григорию Мартыновичу Карбонари де Бизенег, одному из руководителей католической общины в Москве. Из письма следует, что в период пребывания в Москве он останавливался в доме у Г.М. Карбонари деБизенег, что он знаком с проживающим в Москве итальянским купцом Франческо Гуаскини, также активным членом католической общины. «Того ж езувита к Карбонарию написано: уже другой день стоит в Кадине, ожидаючи Италиан; завтра, даст Бог, далее пойдут… Велит в комнате, где спал он, тщица каменная, держал бы ее, чтоб не пропала. Иного нечего писать, кроме чтоб не забыть оттуду писать, что опомнясь писал с приставом своим о даче в Новый год десяти рублев Саре Маиотиной, ныне то ж повторяет, он у себя те соблюдет или чрез господина Гваскония дать велит…»[965]. Трудно сказать, что это за каменная доска, о которой беспокоился М. Яконович. Сара Майотова — жительница Москвы, известная своими услугами иезуиту Иржи Давиду, который называл ее «вдова Сара Майотова». Эта Сара выступила посредницей в знакомстве И. Давида с «известной девочкой», которая забеременела и тем самым создала для иезуита весьма щекотливую ситуацию, и он также высылал и Саре, и другой своей знакомой по десять рублей. Может быть, и М. Яконович пользовался услугами Сары Майотовой? Упоминание в письме о «приставе своем» может говорить о том, что в Москву он ездил официально, как иностранец, только, видимо, под другой фамилией. Так что М. Яконович действительно приезжал в Москву и некоторое время жил у доктора Г.М. Карбонари де Бизенег.

В томе VIII Древней Российской Вивлиофики опубликован «Чин возведения на Всероссийский престол Патриаршеский Великаго Господина Святейшаго Кир Адриана Московскаго и всея России и всех северных стран Патриарха…». В этом документе указано 54 православных священнослужителя, участвовавших в литургии, но Михаил Яконович в документе не значится.

Вместе с тем, о попытке иностранца, выдававшего себя за русского, стать патриархом Московским и всея Руси, есть упоминание и в русских документах.

---

[964] Там же. С. 890.

[965] *Цветаев Д.В.* История сооружения первого костела в Москве // Русский Вестник. Т. 180. С. 890.

Д.В. Цветаев привел интереснейшую выдержку из публикации «Житие и Завещание святейшаго патриарха Московскаго Иоакима», изданной в 1879 г. Обществом любителей Древней Письменности. Вот что говорилось в этой выдержке: «...Бысть же пред возведением его (Адриана) и некая распря от некоего, иже бяше иноплеменник, притворяшеся же Россиянин, иже не вем, како промчеся, якобы произволяшеся оному и на патриаршество возведену быти, но Божиим предведением, молитвами святейшаго Иоакима, патриарха Московскаго, или посланием прежде сего писанным от святейшаго господина Досифея, патриарха Иерусалимскаго, не повелевающаго в духовном чине в России иноземцов Поляков пастырми поставляти, остережено сие бысть; и самодержавнии наши государи послание оно исполниша и благословение святейшаго Иерусалимскаго патриарха, яко да сохраницы прошения его, сподобишася, и повелением их избран бысть возлюбленный ученик святейшаго Иоакима патриарха вышеименованный великий господин, святейший кир Адриан, патриарх Московский и всея России»[966]. Как мы видим, содержание приведенной выдержки абсолютно безоговорочно согласуется с намерениями и действиями М. Яконовича в Москве в 1690 г.

С кем мог контактировать в Москве претендент в патриархи М. Яконович, на чью помощь он мог рассчитывать в марте – августе 1690 г.? Это уже упоминавшиеся выше польский резидент Юрий Доминик Довмонт, иезуит Кондратий Терпиловский (выдворен из Москвы 12 июля 1690 г.), царский доктор Григорий Мартынович Карбонари де Бизенег, купец Франческо Гуаскини, генерал Патрик Гордон. (В разделе о деятельности миссии Ордена иезуитов в Москве мы с ними еще встретимся). Заслуживает внимания следующее: летом 1690 г. в Москву после учебы должен был возвращаться из Гданьска (Данцига) сын П. Гордона — Джеймс. Патрик Гордон, хлопотавший о направлении иезуитами в Москву учителя для детей иностранцев католического вероисповедания, для обеспечения безопасности его проезда дал поручение Джеймсу сопроводить его, о чем 13 июня 1690 г. уведомил в письме иезуита Иоганна Шмидта, в 1684–1688 гг. члена миссии Ордена иезуитов в Москве. Может быть, хоть это почти невероятно, М. Яконович воспользовался этой ситуацией и приехал в Москву как учитель, вместе с сыном Патрика Гордона?

Нет достаточно полных данных о поездке М. Яконовича в Москву, где, когда, от какой епархии и как он выставлял свою кандидатуру для избрания в патриархи Московские и всея Руси, под какой фамилией он действовал, с кем из архиереев Русской православной церкви он контактировал, участвовал ли в заседаниях Собора и т.д. и т.п. Поэтому возникает ощущение какой-то неправдоподобности попытки М. Яконовича. Вместе с тем, политическая обстановка в России и возникшее временное «вдовство» Русской православной церкви являлись для этой попытки скорее благоприятствующими факторами, чем наоборот. Ликвидация последствий неудавшегося государственного переворота, взятие фактической самодержавной власти в свои руки юным Петром, формирование нового правительства совпало по времени с избирательной компанией по выборам нового патриарха. Православные архиереи и духовенство не имели единого мнения о наиболее достойной кандидатуре в патриархи, и разделились на две основные конкурирующие группы.

966 Цит. по: *Цветаев Д.В.* История сооружения первого костела в Москве // Русский Вестник. Т. 180. С. 889.

Одна группа предлагала избрать патриархом Маркелла, митрополита Псковского и Изборского, известного своей образованностью, знавшего иностранные языки и терпимо относившегося к иностранцам — иноверцам. Другая группа предлагала избрать Адриана, митрополита Казанского и Свияжского, известного своим старорусским благочестием, сподвижника покойного патриарха Иоакима. Кандидатуру Адриана поддерживали царица Наталья Кирилловна, определенная часть духовенства, боярства, дворянства и чиновничества. Католическая община заинтересованно наблюдала за ходом избирательной компании. Католикам было совсем не безразлично, кто будет избран патриархом. Патрик Гордон отмечал в дневнике, «... что Петр желал избрания Псковскаго митрополита Маркелла... Гордон сам, очевидно, желал выбора Маркелла. Он замечает, что даже и большая часть высшаго духовенства ненавидели Маркелла за его ученость и разныя другия добрыя и высокия качества...»[967]. П. Гордон являлся лидером католической общины, к его мнению прислушивались. Не будет ошибкой считать, что избрание патриархом Маркелла больше устроило бы членов общины, чем избрание Адриана, хотя, разумеется, никто из православного духовенства и не собирался наводить справки по этому вопросу у католиков.

Бескомпромиссная борьба между группами продолжалась все лето. В коварнейших и огнеопаснейших хитросплетениях московских дворцово-церковных интриг того времени очень легко можно было сгореть без дыма и пепла. В этих условиях попытка М. Яконовича вклиниться в борьбу и предложить себя в патриархи не имела никакого успеха, но к себе в литовское приграничье он вернулся в добром здравии.

Провалившаяся попытка государственного переворота во главе с царевной Софьей сразу же привела к прекращению деятельности миссий Ордена иезуитов в Москве и Смоленске, а смерть М.А. Огинского (1690) и к закрытию миссии на сопредельной литовской территории в Кадине.

Деятельность М. Яконовича в Смоленске была оценена по заслугам. Когда в 1690 г. решался вопрос об открытии миссии Ордена иезуитов в городе Мстиславле, М. Яконович был назначен супериором этой миссии.

Небольшие выводы. Еще раз подчеркнем очень важное обстоятельство. Фактически с 1686 по 1689 г. в Смоленске, на территории Российского государства, без всякого разрешения царского правительства, действовала тайная миссия Ордена иезуитов, внешне маскировавшаяся под постоялый двор. Если в Москве иезуиты имели сначала устное (1684), а затем и письменное разрешение (1698) на проживание в Москве, то для приезда в Смоленск и проживание там официального разрешения не было. В Смоленск разрешено было приезжать католическим священникам для отправления богослужений, но не иезуитам для миссионерской деятельности. Трудно сказать, являлась ли попытка иезуита М. Яконовича взойти на патриарший престол в Москве спланированной акцией Ватикана, или же это плод его собственной инициативы. Отсутствие полных данных о его миссии в Москву не позволяет сделать однозначный вывод. Поэтому пока более предпочтительным представляется мнение, что эта попытка являлась плодом его собственной инициативы или инициативы литовской провинции Ордена иезуитов. Тем не менее избранное им

[967] *Брикнер А.Г.* Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878. С. 167.

время и особенности обстановки в Российском государстве и Русской православной церкви благоприятствовали его намерениям. Не хватало «малого», известности и авторитета среди православных архиереев и духовенства, в царской семье, среди боярства, дворянства и чиновничества. Это была последняя, пятая в XVII в. попытка захватить патриарший престол, окончившаяся для иезуитов неудачно.

Итак, мы рассмотрели пять очень важных эпизодов в истории Русской православной церкви и Российского государства в XVII в., к которым, на наш взгляд, непосредственное прямое или косвенное отношение имел Ватикан. Первый — свержение с патриаршего престола патриарха Иова и возведение на этот престол Игнатия в период захвата царской власти в Москве Лжедмитрием I. Второй — незаконное и насильственное низложение с патриаршего престола патриарха Гермогена и попытка вновь возвести на патриарший престол Игнатия в период польской интервенции в Москве. Третий — низложение с патриаршего престола патриарха Никона и попытка восшествия на этот престол Паисия Лигарида. Заметим, что этот эпизод теснейшим образом связан и с расколом в Русской православной церкви. Четвертый — попытка свержения с патриаршего престола патриарха Иоакима и возведения на престол Сильвестра Медведева, которая была прямо связана с заговором царевны Софьи. Пятый — попытка восшествия на патриарший престол чужеземца и иноверца, иезуита Михаила Яконовича, в период «вдовства» Русской православной церкви, между смертью патриарха Иоакима и избранием нового патриарха Адриана. Совместно с этим эпизодом следует рассматривать и приведенные интересные факты о деятельности миссии иезуитов в Смоленске.

Восточные патриархии и Рим. Не только на Русскую православную церковь и ее патриархов устремлял свои взоры Ватикан. В сфере его постоянного и неослабного внимания находилась вся Восточная православная церковь и ее патриархи — Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Собственно говоря, еще со времени разделения Христианской церкви на Римскую католическую и Восточную православную в 1054 г., Восточные патриархии стали для Рима постоянной головной болью. Рим очень хотел вернуть их в лоно Римской католической церкви, но все его усилия не приносили ощутимого результата. Конечно, были и некоторые промежуточные достижения, например, решения Флорентийского Собора (1438–1439), но с падением Константинополя в 1453 г. они перестали иметь руководящее значение для православного духовенства и верующих Востока. При этом в каноническом подчинении Восточных патриархов находилась огромная территория от Балтики на западе до Босфора и восточного побережья Средиземного моря (включая Сирию) на востоке, и от границ Российского государства на севере до южного побережья Средиземного моря на юге. Разумеется, эта территория входила в сферу геополитических интересов Рима, и Рим хотел действовать здесь свободно и самовластно. Если с королевством Польским и великим княжеством Литовским особых проблем не возникало, то на территориях, подвластных Турции, положение было другое. Восточные православные патриархи существенно мешали Ватикану проводить свою политику в этом регионе, и поэтому очень остро встал вопрос об устранении этих помех.

Какие цели ставил перед собой Рим в отношении Восточных патриархий? Их было несколько, все они были взаимосвязаны и тесно переплетались с политической обстановкой в Османской империи и Европе.

Во-первых, Рим стремился подчинить себе Восточные патриархии, склонить их к заключению унии с Римской католической церковью. Для этого, в числе других мер, была организована предметная персональная работа с патриархами, митрополитами, другими перспективными представителями духовенства, осуществлялось вмешательство в процесс расстановки руководящих кадров, и даже внедрение эмиссаров, в том числе прошедших подготовку в Греческой коллегии св. Афанасия в Риме, в состав высшего духовенства и на другие ключевые посты. Кроме того, для достижения этой главной цели, Рим стремился подчинить себе действующую систему учебных заведений и подготовки кадров, направляя преподавателей и создавая новые школы и коллегии в соответствии с рекомендациями конгрегации «Пропаганда Веры». Персональная работа приносила плоды. Даже по весьма и весьма приблизительным подсчетам в XVI–XVII вв. явно или тайно отступили от православия или склонялись к отступлению 11 патриархов Константинопольских и 6 патриархов Антиохийских (См.: приложение № 20).

Во-вторых, важной целью Рима являлось создание помех деятельности Восточных патриархий путем оказания целенаправленного воздействия на турецких султанов и их правительства через аккредитованных в Стамбуле дипломатов католических государств — Франции, Священной Римской империи германской нации, Речи Посполитой и других. Мы говорим здесь в том числе о лишении патриархов всяческой возможности действовать в интересах Православной церкви и православия, об их замене другими архиереями, или даже об их физическом устранении. Разумеется, с согласия и при содействии турецкого султана и турецкого правительства.

Как устранялись неугодные Ватикану патриархи Константинопольские, можно наглядно увидеть на примере патриарха Кирилла Лукариса, которого папа Урбан VIII называл «сыном тьмы и адским борцом», известного также в Европе как «Кирилл Александриец». Кирилл Лукарис стал патриархом Константинопольским в 1622 г., до этого он 15 лет являлся патриархом Александрийским. Борьба Ватикана против Кирилла Лукариса велась крупномасштабно и настойчиво, с активным использованием дипломатических представителей Франции и Священной Римской империи германской нации в Стамбуле, чиновников турецкого правительства. Папа Урбан VIII даже направлял к нему своего личного представителя Каначчио Росси, кстати, выпускника Греческой коллегии св. Афанасия в Риме, для склонения к принятию униатства, но попытка эта желаемых для Ватикана результатов не принесла. Многие приемы были применены, чтобы решить задачу, в их числе насилие, угрозы, шантаж, клевета в отступничестве от православия, подкуп, обвинения в шпионаже против Турции. Четыре раза Кирилл Лукарис был низвергнут с патриаршего престола, но усилиями православной паствы и клира, а также его союзников, дипломатических представителей Англии и Голландии в Стамбуле, он вновь возвращался на престол. Тем не менее, в 1638 г. он был заточен в крепость, там убит и тело его брошено в море. Историк А.М. Иванцов-Платонов писал: «...Подобным же образом, и после Кирилла Лукариса, иезуиты старались разделываться с теми из патриархов константинопольских, в которых видели наиболее ревностных противников их замыслам. Так, в 1650 году патриарх константинопольский Парфений II, по проискам иезуитов обвиненный в сношениях с русским правительством, отправлен в заточение, на пути убит и брошен в море. В 1657 году один из иезуитских аб-

батов представил визирю письмо патриарха Парфения III к валахскому господарю, в котором патриарх просил господаря прислать денег на уплату патриаршаго долга, присовокупляя в увещание ему такия слова: "прийдет царствие Божие, в котором милостивые получат воздаяние". Иезуит объяснил турецкому правительству, что под именем царствия Божия здесь высказывается надежда на русское царство. Вследствие этого приказано было уважаемаго народом патриарха Парфения повесить на воротах Константинополя; опозоренный труп его три дня оставался на глазах народа и затем брошен в море…»[968]. Нужны ли комментарии?

Интересный пример, рассказывающий о воздействии Ватикана на патриархов Антиохийских и относящийся к концу XVI в., приводит историк Ф.И. Успенский: «Епископ ди Сидония послан был на Восток, чтобы всецело присоединить патриарха Антиохийскаго к Римскому престолу. Для этой цели его святейшество держал в Риме другаго патриарха для Антиохии, брата перваго, котораго осыпал ласками и которому доставлял содержание»[969]. (Антиохия — один из древнейших городов восточного побережья Средиземного моря, основан еще в дохристианские времена, ранее являлся крупным центром Сирии и всего Востока. В настоящее время это город Антакья на юге Турции. В рассматриваемый нами период под Антиохией иногда также подразумевали Сирию со столицей в Дамаске, где и располагался патриарший престол).

Еще один пример. В нашем рассказе мы неоднократно встречались с патриархом Антиохийским Макарием, тайным униатом, участником судебного разбирательства в Москве по делу патриарха Никона. И вот информация для размышления: в 1672 г. он был отравлен в Дамаске какими-то недоброжелателями. Трудно сказать, было ли это убийство организовано Римом или нет. Или, быть может, соперниками-претендентами на патриарший престол? Но то, что сегодня это убийство назвали бы заказным, сомнений не вызывает.

В-третьих, Рим стремился использовать Восточные патриархии в качестве кадровой базы и прикрытия для подготовки и проведения разведывательно-подрывной деятельности против Православных Церквей и православия, в том числе и Русской православной церкви. Выше мы уже рассказывали о таких исторических персонажах, как Петр Аркудий, Арсений Грек, Георгий Крижанич, Паисий Лигарид, Александр Маврокордато, патриарх Антиохийский Макарий и др.

Отношения Ватикана с Восточными патриархами и Восточной православной церковью в XVI–XVII столетиях не являются предметом нашего рассмотрения. Мы кратко остановились на характеристике этих отношений лишь для того, чтобы показать их разноплановость, прицельность и опасность для православия.

Униатская церковь и Орден базилианцев. Многовековые попытки Рима склонить Русскую православную церковь к заключению унии с Римской католической церковью не дали желанного результата. Не помогла и Флорентийская уния, подписанная в 1439 г. митрополитом Исидором, главой делегации Русской право-

[968] *Иванцов-Платонов А.М.* О римском католицизме, и его отношениях к православию. С. 130–131.

[969] *Успенский Ф.И.* Сношения Рима с Москвой // ЖМНП. 1884. Октябрь. СПб., С. 320.

славной церкви на Флорентийском Соборе. Не помогла и попытка решить вопрос путем женитьбы в 1472 г. великого князя Московского Ивана III Васильевича на воспитаннице кардинала Виссариона Зое Фоминичне Палеолог, принявшей при венчании в Успенском соборе Московского Кремля имя Софья. Не помогли и не раз сделанные по дипломатическим каналам предложения русским царям принять унию или католичество в обмен за признание европейскими монархами и королевскую корону. Такое положение не отвечало геополитическим устремлениям Рима. Ведь папский престол рассматривал объединение церквей под эгидой папы Римского как необходимый шаг или необходимое условие для последующего полного обращения населения России в католичество, в качестве важнейшего инструмента для достижения своих не только церковно-религиозных, но и политических целей. Но при этом ни русские цари, ни Русская православная церковь, ни народ русский категорически не хотели принимать католичество или унию.

Понимание этого пришло в Рим в конце XVI в. Для решения задачи униатизации (или католизации) России в новых условиях нужно было и придумывать что-то новое. И это новое было придумано. Зная, как в последующем развивались события, сегодня мы без каких-либо натяжек можем сказать следующее: во-первых, заключение унии, как разового акта о соединении церквей, было признано явно недостаточным; во-вторых, для обеспечения нужной действенности унии было признано необходимым на канонической территории Православной церкви образовать новую церковь, Униатскую, а Православную церковь — запретить; в-третьих, создать новое униатское вероисповедание; и в-четвертых, было решено считать вновь образованную Униатскую церковь важным инструментом (оружием) в борьбе с православием вообще и с Русской православной церковью в частности; для чего испытать ее эффективность на территории, подвластной королям Польши, а заодно и пригодность использования в условиях России.

Об унии и ее предистории, Брестском Соборе, положении Православной церкви и православных в Польше в разное время писали как участники тех событий XVI–XVII столетий, так и различные историки, приверженцы и противники унии, католицизма и православия. В их числе протестант Х. Броневский; иезуит Б. Гербест; православный архимандрит И. Гизель; униатский архимандрит Я. Дубович; православный митрополит С. Коссов; униатский архимандрит Л. Креуза; иезуит Я.А. Кулеша; православный протопоп А. Мужиловский; дипломат иезуит А. Поссевино; униатский митрополит И.Л. Потей; иезуит Ф. Рутка; королевский духовник, полемист иезуит П.М. Скарга; нотариус униат К. Скупинский; бывший православный священнослужитель, выступавший как против унии, так и за нее, М.Г. Смотрицкий и многие другие. Историки В.Б. Антонович, Н.Н. Бантыш-Каменский, П.А. Гильтебрандт, П.Н. Жукович, Н.Д. Иванишев, Н.И. Костомаров, М.О. Коялович, Ю.Ф. Крачковский, О.И. Левицкий, С.М. Соловьев, М.И. Соколов, М.Я. Стельмашенко, Ф.И. Титов и многие другие также внесли существенный вклад в изучение этого вопроса.

Поэтому об унии и Брестском Соборе мы скажем кратко, а основное внимание уделим Униатской церкви и Ордену базилианцев, оружию, направленному и примененному против православия, а также об испытаниях его на пригодность использования в условиях России.

5 ноября 1582 г. известный нам Антонио Поссевино, убедившись в том, чт «московиты непоколебимы в вере», писал папе Григорию XIII: «...Московия п традиции чрезвычайно зависит в делах религии от Руси, находящейся под власть польского народа... Поэтому будет очень важно для обращения Московии, есл епископы или владыки королевской Руси присоединятся к католической церкви.. »[970]. Ватикан с одобрением воспринял предложение Поссевино о поэтапном подхо де к решению задачи, концентрации усилий на первом этапе на обращении в като личество православного населения Речи Посполитой, включая территорию Украи ны с Киевом, в сочетании с организационной работой по подписанию унии. Но пр этом нужно заметить, что работа в этом направлении была активизирована еще з несколько лет до упомянутого письма. Достаточно вспомнить, что в 1577 г. в Вил но вышла в свет книга видного иезуита Петра Михайловича Скарги «О единств церкви Божией под единым пастырем и о греческом от этого единства отступлени с предостережением и увещанием к русским народам, стоящим при греках».

Через 13 лет, в 1590 г., в Кракове вышло переработанное второе издание это книги, но под несколько измененным названием «Об управлении и единстве церк ви Божией под одним папой и о греческом и русском от этого единства отступле нии». Повторное издание книги с измененным названием было вызвано далеко н формальными причинами или авторскими причудами. Причина была настолько су щественна, настолько оглушительна, что вызвала, как мы предполагаем, гнев пап Римского, всего Ватикана. И это вполне понятно — в 1589 г. в России было учреж дено патриаршество, 26 января 1589 г. в Успенском соборе Московского Кремл при участии патриарха Константинопольского Иеремии II на патриарший престо поставлен не приезжий грек, а свой митрополит Иов, ставший первым патриар хом Московским и всея Руси. Русская православная церковь де-юре стала автоке фальной, независимой от Константинопольского патриарха, чем существенно был ограничены возможности оказания на нее влияния извне.

Конечно, организационное укрепление Русской православной церкви нанесл удар по интересам Ватикана, возникла реальная угроза вмешательства Московско патриархии в события в Польше и взятия православного населения под защиту. Ре шение задачи заключения унии могло быть крайне затруднено и отодвинуто по вре мени. Нужно было торопиться. Скорее всего, именно поэтому и была издана во вто рой раз книга П. Скарги, призванная идеологически и организационно подготовит и ускорить объединение Церквей.

Рим, 23 декабря 1595 г. В этот день в Константиновском зале Ватиканско дворца произошло событие, круто изменившее жизнь государств, Церквей и наро дов на огромной территории от Балтики до Днепра, и от переходившего в то врем из рук в руки Смоленска до Буга. На территории, граничившей с Московским госу дарством. В этот день в обстановке торжественности папа Климент VIII дал ауди енцию еще в ноябре того же года приехавшим в Рим православным архиереям Ипа тию Львовичу Потею, прототронию, епископу Владимирскому и Брестскому, и Ки риллу Семеновичу Терлецкому, экзарху патриарха Константинопольского, еписко пу Луцкому и Острожскому. Если бы это была простая аудиенция, то о ней и не сто

[970] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. С. 39.

ило так уж распространяться, но эта аудиенция была совсем не простая — в глазах папы Климента VIII, коллегии кардиналов, послов иностранных государств и других присутствовавших лиц, она знаменовала результат более чем полуторавековых усилий Ватикана решить исключительно важную задачу — привести православную церковь в лоно церкви католической.

Именно в этот день два православных архиерея, выступив полномочными представителями православного духовенства и даже митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси Михаила Васильевича Рогозы, совершили акт предательства православию, зачитав исповедание веры католической и принеся присягу на верность папе Римскому, оговорив этот акт целым перечнем льгот и привилегий им лично. Фактически они заявили о вступлении Православной церкви (Киевской митрополии) в унию с Римской католической церковью при главенстве папы Римского. Как отмечает Макарий, «Это исповедание веры не было какое-либо новое, составленное самими послами, а написано было по готовой форме, установленной папою для всех вообще греков, т.е. православных, желавших соединения с римскою церковию»[971].

В этой присяге, которую принесли 23 декабря 1595 г. И.Л. Потей и К.С. Терлецкий, а также в привезенном ими «Соборном послании», кроме них были названы следующие архиереи, якобы согласившиеся предать православие:

Михаил Васильевич Рогоза, митрополит Киевский и Галицкий и всея Руси;

Григорий Иванович Загоровский (в миру Герман), нареченный архиепископ Полоцкий и Витебский;

Иона Гоголь, с 22 сентября 1595 г. епископ Пинский и Туровский, до этого архимандрит Кобринский;

Михаил Копыстенский, епископ Перемышльский и Самборский;

Гедеон Болобан, епископ Львовский и Галицкий;

Дионисий Збируйский, епископ Холмский и Бельский;

Леонтий Зиновьевич Пельчицкий, епископ Пинский и Туровский, архимандрит Лещинский (умер в августе 1595 г.).

Очень важный штрих к портрету М.В. Рогозы — всего за полгода до этого события, 22 июня 1595 г., он устами своего архидиакона Григория заверял российских дипломатов Михаила Ивановича Вельяминова и Афанасия Ивановича Власьева, сделавших остановку в Минске на пути в Прагу, в своей верности православию, русскому царю и царице, одновременно прося о милостыне. Дипломаты отметили в своем Статейном списке: «И того ж дни присылал к Михайлу и к Офонасью Митрополит Новгородцкой Михайла Рагоза Архидиякона Григорья; и Архидиякон Михайлу и Офонасью говорил, что хотел было Митрополит с Михайлом и с Офонасьем видетись, да не смеет Поляков, для того что ныне он и все люди, которые были с ним Греческие веры, по грехом во изгнанье от Поляков: один за него стоял воевода Новгородцкой Федор Скумин, и ныне деи и тот ему отказал и за него стояти не хочет, для того что на него пришли все паны рада Полские и Литовские, что он держит Митрополита Греческие веры, а не Римские; а присылал деи о том к Королю и к паном радам папа Римской с великим запрещением, чтоб в их земле одна

[971] Макарий, архиепископ Литовский и Виленский. История русской церкви. Т. IX. Книга 4. С. 625.

была церковь Римская, и Митрополит деи Михайло хочет им место здати и митр полью оставити, а сам хочет быти в монастыре, а на его место папа хочет тот ч прислати бискупа своее Римские веры; и ныне деи митрополит прислал к вам би челом: преж сего к нему Царская милость была, присылывана милостыня для и убожества, и Михайло б и Офонасей дали ему на милостыню, а он за Государя и государыню и за все Хрестьянство Бога молит и вперед рад Бога молить»[972]. Дипло маты ответили, что митрополит должен стоять на защите православия «хотя и д смерти», что в отношении милостыни для него у них от царя никаких распоряж ний нет. Тем не менее на следующий день они отправили ему с посыльным Андр ем Алябьевым «пять золотых Угорских».

И еще одно существенное примечание — епископы Г. Болобан и М. Копысте ский во время Брестского Собора 6–9 октября 1596 г. остались верны Правосла ной церкви.

Климент VIII, курия, католическое духовенство были в восторге. По расп ряжению папы в честь этого события была даже изготовлена памятная медал И.Л. Потей и К.С. Терлецкий были обласка́ны, их заверили в благосклонном отн шении папы и курии, пообещали исполнить все их просьбы и пожелания о прив легиях. Еще бы!

И.Л. Потей и К.С. Терлецкий бросили под ноги папству в лице Климента VI огромную территорию — Малую Русь (Киев), Белую Русь (Минск, Могилев Черную Русь (Гродно, по Неману), Червонную Русь (Львов), Подолье (Камене Подольский, по Днестру и Южному Бугу), Волынь и Галицию (Владими Волынский, Галич по Днестру), Полесье (Пинск, Туров, по Припяти), Берестейску землю (Брест, по Бугу). Если говорить понятнее, то только великое княжество Л товское в конце XVI в. включало в себя следующие губернии по административн территориальному делению Российской империи на рубеже XIX–XX столетий: В ленская, Ковенская, Смоленская, Витебская, Минская, Гродненская, Могилевск Черниговская, Киевская, Волынская и Подольская. Повторим, это была огромн территория.

Но аудиенции у папы Римского и принесения ему присяги верности было сове шенно недостаточно. Абсолютное большинство православного духовенства и мон шествующих, вся без исключения православная паства даже не подозревали о сл чившемся. Об унии нужно было сказать открыто, публично, на Поместном Собо Православной церкви с участием представителей католического духовенства, кор ля Польши Сигизмунда III, его правительства и местной администрации. Предпол галось, что сторонники унии при поддержке короля Сигизмунда III (сегодня бы ск зали — с использованием административного ресурса) несомненно одержат верх н Соборе над православными. Началась подготовка к Брестскому Собору.

Брестский Собор состоялся 6–9 октября 1596 г. в городе Бресте. (Через 300 небольшим лет этот город стал известен Брестским миром, заключенным 3 мар 1918 г. Известен он и героической обороной Брестской крепости с 22 июня по 2 июля 1941 г.). В работе Брестского Собора принимали участие уже названные выш М.В. Рогоза, И.Л. Потей, К.С. Терлецкий, Г.И. Загоровский, И. Гоголь и Д. Збиру

[972] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. II. Ст 305–306.

ский, бывшие православные архиереи, отступившие от православия и ставшие униатами. Папа Климент VIII в своем письме к митрополиту М.В. Рогозе информировал его, что «Мы написали и к латинским епископам — Львовскому, Луцкому и Холмскому, чтобы они присутствовали на вашем соборе в знак братской любви и общения»[973]. Согласно этому указанию папы Климента VIII в работе Собора от католических архиереев участвовали — Ян Димитрий Соликовский, епископ Львовский; Бернард Мацеевский, епископ Луцкий, будущий кардинал, двоюродный брат Юрия Мнишека (тестя Лжедмитрия I), один из организаторов Брестской унии и событий Смутного времени; Станислав Гомолинский, епископ Хелмский. Кроме того, 4 члена Ордена иезуитов: Петр Михайлович Скарга (1536–1612), духовник короля Сигизмунда III, идеолог унии; Мартин Латерна (1553–1598), ближайший сподвижник П.М. Скарги, бывший духовник короля Стефана Батория, теолог; Каспар Нагай, теолог; и Раб Юстус (1543–1612), профессор теологии и риторики. В работе Собора в качестве представителей Сигизмунда III участвовали и некоторые влиятельные сановники: Николай Христофор Радзивилл, воевода Троцкий; Лев Иванович Сапега, канцлер великого княжества Литовского; Дмитрий Халецкий, подскарбий земский великого княжества Литовского, староста Брестский и Могилевский.

От православных участников Брестского Собора сразу же отделились те, которые были за унию и против православия; заседания проходили раздельно, защитниками православия и сторонниками унии были приняты разные решения.

Защитники православия единогласно приняли Соборные постановления, в которых говорилось: «...высшее духовенство, присутствовавшее на Брестском соборе, считает себя вправе, не без сердечной жалости, лишить заблудших, клятвопреступных пастырей духовнаго сана, юрисдикции и всей духовной власти, постановив вместе с тем отобрать у них и церковныя имения... Вменено в обязанность светским лицам, присутствовавшим на соборе, отправить к королю депутатов и униженно просить, чтобы его королевская милость... не делал насилия народу Русскому в исповедании веры и в отправлении церковных обрядов, но отлучил бы преступных пастырей от хлеба духовнаго, не принадлежащаго им, и на место их избрал бы других епископов и митрополита, исповедующих истинную Православную веру. Собор постановил разослать листы на все ближайшие поветовые сеймы, прося православное дворянство ходатайствовать на Варшавском генеральном сейме об исполнении решений, постановленных собором... все присутствовавшие на соборе единогласно дали обет, за себя и потомков своих, не подчиняться митрополиту и епископам, отступившим от Православия...»[974].

Одновременно с этим, Брестский униатский Собор также принял свое Соборное постановление: «Собравшись в Бресте в соборной церкви св. Николая 8 октября с.с. 1596 года, епископы и другия духовныя лица, склонныя к унии, утвердили свою покорность папе Клименту VIII и его "наследникам". В соборном постановлении разсказана "история послушенства" христианской Церкви римскому престолу, упомянуто посольство к папе епископов Ипатия Поцея и Кирилла Терлецкаго. Упомянуты "послы" папские, бывшие на соборе... королевские послы... Поста-

[973] Цит. по: *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 1. С. 823.

[974] *Иванишев Н.Д.* Предисловие // Архив Югозападной России. Часть 1. Акты, относящиеся к истории православной церкви в Югозападной России. Т. 1. Киев., 1859. С. 83–84.

новление подписали: митрополит Михаил Рогоза, епископ владимирский и брест ский Ипатий Поцей, епископ луцкий и острожский Кирилл Терлецкий, архиепи скоп полоцкий Григорий Герман, епископ холмский и белзский Дионисий Збиру ский, епископ пинский и туровский Иона Гоголь, Богдан Годкинский-Климент ар химандрит браславский, архимандрит лаврышевский Гедеон Брольницкий, архи мандрит минский Паисий. Подлинник, как сказано в документе, отдан на руки па ским представителям, бывшим на соборе...»[975]. (Небольшое пояснение: с.с. — озна чает по старому стилю).

10 октября 1596 г. Брестский униатский Собор принял грамоту «...о низложе нии православных духовных лиц, не принявших постановлений униатскаго собор и составивших особый собор в Бресте — православный. Грамота низлагает: епи скопа перемышльскаго и самборскаго Михаила Копыстенскаго; епископа львовска го и каменецкаго Гедеона Болобана; киевопечерскаго "нареченнаго" архимандри та Никифора Тура; архимандрита жидичинскаго Григория Болобана; архимандри та "лесчинскаго" (лещинскаго) пинскаго Елисея Плетенецкаго; игумена мелецка го Нестора Кузминича; пинскаго дмитровскаго протопопа Феодора "зо всими попа ми замковыми"; священника пинскаго михайловскаго Гавриила; брестскаго брат скаго священника Павла; протопопа луцкаго Иоанна Вацуту; луцкаго спасскаго священника Стефана Добрынскаго; спасскаго Дубенскаго игумена Василия; пин скаго никольскаго священника Ивана и прочих, с "еретиками на сонмищи лукав советовавших..."»[976]. Экзарх Константинопольского патриарха на Брестском Собо ре Никифор за свою деятельность против унии был по приказу Сигизмунда III схва чен как бунтарь и шпион и умер в Мариенбургской крепости[977].

15 октября 1596 г. король Польши Сигизмунд III своим универсалом утверди решения униатского Брестского Собора, в том числе и об отлучении православны епископов Г. Болобана и М. Копыстенского.

Именно в этот день на территории Речи Посполитой официально возникл Униатская церковь и новая религия униатство, а также запрещено, объявлено вн закона православие. (Считаем излишним здесь говорить о различиях в догматах обрядах между Униатской и Православной Церквами. За истекшие 400 с лишни лет по этому вопросу написано много, и мы не считаем возможным вдаваться в эт тему на непрофессиональном уровне, оставляя ее ученым богословам и церко ным деятелям. Мы только предлагаем ознакомиться с несколькими документам XVI–XVIII вв., включенными в приложение к книге и в определенной степени ил люстрирующими сказанное выше).

Мы уже говорили, с каким воодушевлением и радостью реагировали в Рим на принесение в декабре 1595 г. присяги на верность папе Римскому двумя пра вославными архиереями, обманно выступившими полномочными представител ми православного духовенства и заявившими о вступлении Православной церк

[975] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. 1470–1700. Т. 1. СПб 1897. С. 90–91.

[976] Там же. С. 91–92.

[977] Тексты упомянутых выше постановлений Брестского униатского Собора приведены в издани «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическо Комиссиею», т. 4, СПб., 1848. Документы №№ 103, 107, 108, 109.

ви (Киевской митрополии) в унию с Римской католической церковью при главенстве папы Римского. Решения униатского Брестского Собора, официально утвердившего унию, также были восприняты положительно. Папский нунций Джерманико Маласпина докладывал в донесении в Рим от 27 октября 1596 г., «что унионный Собор прошел успешно, не уделяя много внимания противникам унии. Папский легат кардинал Каэтани подчеркивал, что обстоятельства на Соборе сложились лучше, чем могли бы сложиться. Каэтани выражал уверенность, что торжество унии будет окончательным и бесповоротным после смерти Острожского. Плодом унии будет искоренение всех ересей и ошибочных учений в Польском государстве и победоносное распространение католицизма на новых территориях... Обращает на себя внимание то, что папские представители не рассматривали унию как нечто отличное и отдельное от католицизма... Главной целью внешней политики Рима в это время было создание широкой антитурецкой лиги. В этом направлении должны были действовать и Маласпина, и Каэтани. Брестская уния была важным звеном этой политики и создавала в Римской курии иллюзии возможного перехода под власть Рима и других православных Церквей, в первую очередь Московского патриархата»[978]. (Энрико Каэтани, титулярный патриарх Александрийский, кардинал с 18 декабря 1585 г., умер 13 декабря 1599 г. Князь Острожский Константин Константинович (1526–1608), видный королевский вельможа, деятельный сторонник и защитник православия).

В сложные послесоборные дни октября 1596 г. униатские архиереи находились в поле постоянного внимания папской нунциатуры и польского правительства. 27 октября униатские епископы и митрополит М. Рогоза были приняты кардиналом Э. Каэтани. «Униатские иерархи сказали в частности о своем страхе перед перспективой преследований со стороны противников унии и просили посредничества в поиске защиты у папы и у короля. Каэтани обещал...»[979]. Конечно, страх униатов нужно было погасить как можно скорее. И 28 октября они приняли участие в католическом богослужении в Варшаве, в следующий день они участвовали вместе с католическими епископами в похоронах польской королевы Анны, а 30 октября они были на званом обеде у кардинала Э. Каэтани. «На обеде речь шла о грозящих унии опасностях, что свидетельствует о неуверенности и беспокойстве перешедших под власть Рима иерархов о будущем унии... Во время встречи обсуждался вопрос о положении православной Церкви в Московской Руси, в чем выразился, по всей видимости, интерес легата и Римской курии вообще к шансам распространения унии на русские территории...»[980]. Эти сведения очень важны для нас, так как еще раз подтверждают наличие в то время у Рима далеко идущих целей относительно Русской православной церкви.

К чему привели события октября 1596 г. в Бресте? Возникла принципиально новая политическая и церковно-религиозная обстановка на территории, непосредственно граничащей с Московским государством. В непосредственное острейшее

[978] Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга 6. С. 148, комм. 31*.

[979] Там же. С. 149, комм. 32*.

[980] Там же. С. 149, комм. 32*.

и бескомпромиссное соприкосновение вошли, с одной стороны, Римская католическая и Униатская Церкви, с другой — православная Киевская митрополия (при поддержке православной Константинопольской патриархии), и немного позднее — Русская православная церковь. Церковно-религиозные отношения вошли полноправной составляющей частью в межгосударственные военно-политические отношения Московии с католическими государствами Европы, прежде всего с Речью Посполитой и Священной Римской империей германской нации. События 1596 г. наряду с некоторыми другими факторами привели к полномасштабной гражданской войне. Перестала существовать (легально) православная Киевская митрополия (до 1633 г.). На бывшем каноническом пространстве Православной церкви возникла новая, Униатская, церковь. (На территории Украины она сегодня называется Украинская Греко-Католическая церковь). Рядом с католичеством и православием возникла новая религия — униатство. Все это означало следующее:

Лишение Православной церкви духовной власти на прежнем своем каноническом пространстве.

Раскол Православной церкви, священнослужителей и мирян, на тех, кто признал образование Униатской церкви, и тех, кто остался верен православию.

Лишение православных архиереев, других священнослужителей и монашествующих их духовного сана.

Лишение Православной церкви ее паствы на всей ее бывшей канонической территории.

Лишение Православной церкви ее храмов, монастырей, учебных заведений, типографий, других зданий и сооружений, деревень и имений, земель, угодий, скота, пасек, бобровых гонов, рыбных ловель, церковного и иного имущества и др. Присвоение всего перечисленного Униатской церковью в собственность.

Упразднение всех православных приходов, выселение приходских священников из жилищ вместе с семьями и изгнание из городов, сел, деревень.

Лишение православной части населения права и возможностей отправлять православные обряды в церкви, удовлетворять свои духовные потребности, включая крещение, бракосочетание, отпевание, требы, праздничные богослужения и др.

Огромная территория была преподнесена папе Клименту VIII и королю Польши Сигизмунду III как послушно вошедшая в унию с Римской католической церковью с полным подчинением папе Римскому.

Православию, Русской православной церкви (и остаткам Киевской православной митрополии) теперь противостояли не отдельные разрозненные приверженцы унии и католицизма из числа священнослужителей и мирян, а вновь образованная Униатская церковь и с 1617 г. ее Орден базилианцев.

Униатская церковь вывела Римскую католическую церковь непосредственно к границам Московского государства, к прямому соприкосновению и противоборству с Русской православной церковью, Московской патриархией.

Католицизм и униатство получили исключительную возможность прямого, длительного и безопасного воздействия (под защитой королевской власти) на славянское православное население Речи Посполитой.

На территории распространения униатства Ватикан практически получил опытный полигон для отработки и внедрения новых форм и методов борьбы с православи-

ем. Здесь испытывались те формы и методы, которые предполагалось позднее, в благоприятных условиях, применить на территории Московского государства.

Риму стало технологически намного легче проникать в Русскую православную церковь, внедрять своих эмиссаров с использованием униатов. Все-таки к славянам на Руси издавна относились не так настороженно и подозрительно, как к другим чужеземцам. Использование в качестве организаторов и исполнителей разведывательно-подрывной деятельности униатов и католиков славянской национальности давало Риму бесспорные преимущества в сравнении с использованием других иностранцев. Рассматривая иностранцев — славян как «своих», Московское государство и Русская православная церковь могли ошибиться, могли быть обмануты, могли проиграть в конкретном эпизоде противоборства с Римом и униатами.

После образования Униатской церкви приезды в Московское государство православных церковных деятелей с территорий, захваченных ею в свое каноническое подчинение, стали представлять реальную опасность для Русской православной церкви. Причина понятна — в их числе под личиной православных деятелей приезжали не только лица, зараженные «латинством», но и тайные униаты и католики, прошедшие обучение в учебных заведениях Ватикана, Ордена иезуитов и Ордена базилианцев, Униатской церкви. Возник реальный канал внедрения Римом своих эмиссаров в Русскую православную церковь. Фактически Рим создал себе принципиально иные (лучшие) возможности для проведения разведывательно-подрывной деятельности против Московии и Русской православной церкви.

В Униатской церкви и Ордене базилианцев Рим получил новый инструмент для борьбы с православием и Русской православной церковью, причем непосредственно на территории Московского государства и канонически подчиненной патриарху Московскому и всея Руси.

Учебные заведения Ватикана, Ордена иезуитов и других католических орденов получили на новых для себя территориях Униатской церкви кадровую базу для отбора молодых лиц славянской национальности с последующим направлением на учебу и подготовку из них профессиональных эмиссаров.

Рим создал между Римской католической и Русской православной Церквами, между Европой и Московией некий своеобразный «буфер» — Униатскую церковь: пусть славяне воюют со славянами. И этот «буфер» не только решал задачи в интересах Рима на территории Речи Посполитой, но и готовился к последующей работе в Московии. При этом Рим задействовал «буфер» не только для решения церковно-религиозных задач, но и задач, связанных с насильственным насаждением канонов и догматов Униатской церкви на канонической территории запрещенной Православной церкви.

Образование Униатской церкви серьезно затруднило проникновение влияния Вселенских патриархов и Русской православной церкви на униатские территории. Причем не только церковного влияния, но и влияния русской (славянской) культуры, обычаев, языка. Униатская церковь серьезно затруднила и оказание помощи со стороны Московской патриархии православному духовенству и православным на сопредельных славянских территориях Западной и Южной Руси. Существенно ограничились возможности для поддержания связей между Русской православной церковью и Восточными патриархами. Оставшееся на этой территории православ-

ное духовенство и православные миряне практически были поставлены в положение полной изоляции от Восточных патриархов и Московской патриархии.

Но мало было объявить вслух об образовании Униатской церкви. Нужно было сделать еще очень многое, нужно было принять целый ряд неотложных мер, чтобы слова не остались пустым звуком. В их числе представлялось необходимым:

Создание структуры церковного управления — разделение территории на епархии архиепископские и епископские, разделение епархий на приходы, выделение монастырям подведомственной им территории с деревнями и селами; подбор и назначение митрополита, архиепископов, епископов, священников, архимандритов, игуменов и других священнослужителей.

Вступление в права собственности отнятыми у Православной церкви храмами, монастырями, типографиями, учебными заведениями, зданиями и сооружениями, деревнями и селами, землями, лесами и полями, угодьями, мельницами, скотом, рыбными ловлями, бобровыми гонами, и другим имуществом. Распределение собственности по епархиям и приходам.

Разработка канонических правил практической жизни Униатской церкви, доведение этих правил как до священников, так и до рядовых униатов — мирян, введение их в действие. Налаживание работы Униатской церкви во всех епархиях и приходах.

Разработка, издание и введение в действие правовых основ и других необходимых документов, регламентирующих все стороны деятельности Униатской церкви, в том числе Ордена базилианцев, включая буллы и бреве пап Римских, декреты конгрегации «Пропаганда Веры», указы, универсалы и манифесты королей Польши, руководящие документы униатских митрополитов и архиереев, протоархимандритов (генералов) Ордена базилианцев.

Образование униатских учебных заведений, подбор и назначение преподавательских кадров, подготовка учебных программ, пособий и литературы, отбор контингента учащихся, решение вопросов финансового и материально-технического обеспечения учебных заведений. Распределение некоторого числа учащихся по учебным заведениям Ватикана (например, Греческая коллегия св. Афанасия в Риме), Ордена иезуитов и других католических орденов.

Подбор, обучение, подготовка и расстановка кадрового состава Униатской церкви и Ордена базилианцев по епархиям и монастырям.

Выстраивание церковно-религиозных, административно-правовых и финансово-хозяйственных отношений между Униатской церковью и Орденом базилианцев, Римской католической церковью — Ватиканом, папской нунциатурой и католическими епархиями в Польше, с Орденом иезуитов и другими католическими орденами (их провинциалами), с королем Польши и его правительством, органами королевской власти на местах, сеймами и сеймиками, шляхетством. Разрешение взаимных территориальных, имущественных, финансово-хозяйственных вопросов и споров, возникших в процессе вступления Униатской церкви в права собственности.

Практически все названные меры, полностью или частично, были приняты в XVII в. Униатской церковью. Об этом говорят документы того времени, опубликованные Археографической Комиссией в сборниках «Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси, издаваемый при

Управлении Виленскаго учебнаго округа», «Архив Юго-западной России, издаваемый временною коммиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском Военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе» и др.

Ватикан, проводя униатизацию населения на территории Западной и Южной Руси, на практике испытал (опробовал) следующие масштабные мероприятия, одновременно имея в виду применение их в будущем на территории Российского государства:

Полное запрещение Православной церкви (до диплома короля Польши Владислава IV от 14 марта 1633 г. о восстановлении прав православной религии).

Одновременное существование Римской католической, Униатской и Православной церквей после 14 марта 1633 г. на одной территории Западной и Южной Руси.

Насильственные действия по отношению к православному духовенству, монашествующим, мирянам, храмам и монастырям, собственности Православной церкви и православных.

Механизм и принципы взаимодействия центральной (королевской) и местной власти, папской нунциатуры, католических архиереев и шляхетства с Униатской церковью; организация контроля за развитием обстановки со стороны короля и канцлера.

Масштабные акции влияния, в основном устрашающего характера, направленные на понуждение православных к принятию ими униатства.

Масштабные акции влияния на православное духовенство как устрашающего, запретительного характера, так и предоставление привилегий и льгот, подкупы, проведение диспутов, издание полемических сочинений и др., направленные на побуждение духовенства к отказу от православия и переходу в униатство. Проведение по отношению к духовенству политики кнута и пряника.

Меры дипломатического (т.е. государственного) характера по ограничению, а затем и запрещению въезда на территорию Западной и Южной Руси представителей Восточных православных патриархий и Московской патриархии, включая транзит.

Государственные меры военного, полицейского и судебного характера по жестокому подавлению недовольств, бунтов и восстаний на территории Западной и Южной Руси в связи с запрещением Православной церкви и введением униатства.

Организационные мероприятия по распространению католической религии на территории Западной и Южной Руси, приближению католичества непосредственно к границам Российского государства (Например, учреждение в 1612 г. русской провинции Ордена доминиканцев на территории Северо-Западной и Юго-Западной Руси, а в 1647 г. — и литовской; разделение в 1608 г. польской провинции Ордена иезуитов на две — польскую и литовскую, и др.).

Оценивая эффективность названных мер и пригодность их использования в условиях Российского государства, можно сказать следующее: во-первых, принятые меры, несмотря на создание Униатской церкви и насильственную униатизацию значительной части Западной и Южной Руси, ожидаемого Ватиканом результата не дали. Да и тех результатов, которые были достигнуты, не было бы, если бы не королевская власть, не королевская армия, не шляхта. И во-вторых, говоря об оценке пригодности этих мер для использования в России, следует учитывать наследственный, самодержавный характер царской власти; большую масштабность, мощность, властность и влиятельность Русской православной церкви в России по сравнению

с Православной церковью Западной и Южной Руси в Речи Посполитой; одно и то же православное вероисповедание у царей Московских, патриархов Московских и всея Руси и абсолютно большей части народа царства Российского. Да и для того, чтобы начать использовать эти меры в России, нужно было сначала Россией овладеть, что никогда и никому не удавалось. Поэтому пригодность этих мер для практического использования в России можно признать практически нулевой.

Объединяющее, консолидирующее воздействие на проживающих в Речи Посполитой православных (духовенство и мирян) в их противоборстве с врагами православия оказывали:

– действия Униатской церкви, короля Польши и правительства, местных властей, Римской католической церкви, шляхты по распространению унии, уничтожению Православной церкви, изгнанию православного духовенства и мирян с их епархий, приходов, храмов, монастырей, насильственное изъятие у них имущества, лишение (или ограничение) их гражданских прав на получение образования, занятие общественных и государственных должностей и т.д. Небольшой пример. 19 января 1602 г. король Польши Сигизмунд III подписал окружную королевскую грамоту об изгнании из государства архимандрита Супрасльского православного монастыря Иллариона Масальского за его отказ повиноваться униатскому митрополиту Киевскому и Галицкому Ипатию Львовичу Потею. В постановляющей части грамоты говорилось: «Мы тогды не терпячи в панствах наших таковогo свovоленства и заховуючися водлуг права духовного и теж права посполитого светского, преречоного Ларыона Масальского, яко бунтовника старшому преложоному пастыру и зверхности нашой господарской непослушного и противного, зо всих земель и панств наших выволать есмо велели, и сим листом нашим выволанцом его чиним... Писан у Вильни, лета Божого нароженья 1602, месяца Генваря 19 дня»[981]. (Выволать — изгнать, выволанец — изгнанник; старший преложоный пастырь — это униатский митрополит И.Л. Потей; зверхности нашой господарской — верховной государственной власти). Безусловно, этот государственный акт не добавил королю Польши Сигизмунду III сторонников из числа православного духовенства и мирян;

– жестокие набеги крымских татар на территорию Южной и Юго-Западной Руси, населенной в то время преимущественно православными; при этом бросается в глаза совершенно неэффективное противодействие этим набегам со стороны польского правительства и воевод. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на периодичность этих набегов: 1605–1607 гг., 1612 г., 1615 г., 1617 г., 1618 г., 1626 г., 1639 г. и т.д. Быть может, польские власти не особенно противодействовали набегам крымских татар, чтобы отвлечь православное население от борьбы с униатством, т.е. перевести стрелки народного гнева на крымских татар, с одной беды на другую?

Руководство Польши, униатское и католическое духовенство, шляхта не предвидели, что попустительская политика Польши по отношению к набегам крымских татар приведет к увеличению численности Запорожского казачества, возрастанию его роли и значения в политической жизни Польши, в защите Православной церкви и православных от униатства и католичества.

[981] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4. С. 242–243.

Руководство Польши, униатское и католическое духовенство, шляхта не предвидели, что, создавая Униатскую церковь и организуя борьбу с Православной церковью и православием, они не только не добьются успокоения обстановки в Польше, объединения населения всех вероисповеданий для борьбы с крымскими татарами и турками, но наоборот, приведут страну к кровавой гражданской войне против унии и католичества, королевской власти и шляхетства. Войне, итогом которой станет вхождение в 1654 г. части Украины в состав Российского государства, а затем Белоруссии и части великого княжества Литовского, а также, согласно решению патриарха, Константинопольского Дионисия от 9 мая 1686 г., переход Киевской православной митрополии в каноническое подчинение патриарху Московскому и всея Руси. Насильственное лишение многомиллионного православного народа его Православной церкви, православия и веры, и насильственное же навязывание ему другой, Униатской, церкви, другой религии — униатства и другой веры, не могло не привести к названным выше последствиям, и неизбежно привело к ним.

Брестская уния — это детище предательства, лжи и корысти. Действия архиереев Православной церкви М.В. Рогозы, И.Л. Потея, К.С. Терлецкого, И. Гоголя, Л.З. Пельчицкого, Г.И. Загоровского, Д. Збируйского без всяких оговорок являются вероотступничеством, предательством Православной церкви и православия.

Скорее всего, папа Климент VIII и не подозревал, что И.Л. Потей и К.С. Терлецкий просто обманули его, выдав свой приезд в Рим за дипломатическую миссию от Православной церкви Южной и Западной Руси. Прямым обманом являлось и то, что представленные ими документы, подписанные М.В. Рогозой, И.Л. Потеем, К.С. Терлецким, Г.И. Загоровским, И. Гоголем, Д. Збируйским, Л.З. Пельчицким, Г. Болобаном и М. Копыстенским, были выданы за Соборное решение, за мнение всей Православной церкви, включая мирян. И сама эта поездка была преподнесена так, как будто Православная церковь страстно желает прийти в лоно Римской католической церкви и видит себя только под властью папы Римского, а не Вселенских патриархов.

Не было никакого Соборного решения, подписи под предъявленными в Риме документами собирались от каждого архиерея отдельно, в опросном порядке, в разное время, причем эти подписи ставились не под документами, а под чистыми листами бумаги, на которых К.С. Терлецкий должен был написать предложения королю Сигизмунду III о защите (!) православия и Православной церкви. В момент сбора подписей никаких разговоров о предполагаемой поездке в Рим также не было. Поездка И.Л. Потея и К.С. Терлецкого не являлась дипломатической миссией Православной церкви в Рим; никаких официальных решений по этому вопросу соборно не принималось, и этот вопрос ни на каких Соборах не обсуждался. Поездка совершалась за личные средства И.Л. Потея и К.С. Терлецкого. Частное мнение ряда архиереев было поддержано нунциатурой в Польше (нунцием в это время являлся епископ Сан-Северский Джерманико Маласпина), польской провинцией Ордена иезуитов, королем Польши Сигизмундом III и некоторыми высшими сановниками королевства.

Решение ряда архиереев Православной церкви совершить вероотступничество и вступить в унию с Римской католической церковью не было вызвано какими бы то ни было церковно-религиозными причинами. В документах, представленных в Риме, об этих причинах не говорилось ни слова. А вот о сохранении за

архиереями-отступниками сана и власти, общественного положения, богатства, поместий и имущества, сохранении имевшихся и получении новых дополнительных льгот и привилегий говорилось много и подробно.

Представленная И.Л. Потеем и К.С. Терлецким в Риме позиция как якобы позиция всей Православной церкви Западной и Южной Руси была не только обманом, но и незаконной с канонически-юридической точки зрения.

Архиереями-отступниками был нарушен основной принцип православия — принцип соборности. До поездки указанных епископов в Рим вопрос об унии с Римской католической церковью ни на каком Соборе не обсуждался и никаких решений не принималось; все готовилось тайно, священнослужители и миряне даже не подозревали о закулисной деятельности своих архиереев против православия за своей спиной.

Вопрос о заключении унии Православной церковью Западной и Южной Руси с Римской католической церковью не был согласован с патриархом Константинопольским, в каноническом подчинении которого находилась Православная церковь. Другие патриархи Восточной православной церкви также были в неведении, они также не рассматривали вопрос об унии и также не давали на это никакого согласия. В данном случае архиереями-отступниками был нарушен другой принцип православия — принцип канонической подчиненности, обязательность предварительного согласования и получения разрешения на такой важный акт в жизни Церкви, как выход из канонического подчинения у Константинопольского патриарха и переход в подчинение папе Римскому. Восточные патриархи даже не были официально поставлены об этом в известность митрополитом Киевским, Галицким и всея Руси М.В. Рогозой.Да и другие архиереи об этом стыдливо промолчали. При этом оба т.н. «представителя» были облечены доверием Константинопольского патриарха — К.С. Терлецкий являлся его экзархом, а И.Л. Потей — его прототронием.

Вопрос о заключении унии не был обсужден в приходах и епархиях Православной церкви Западной и Южной Руси, в православных братствах, монастырях, общинах. Это также являлось нарушением как принципа соборности, так и правил жизни Православной церкви.

События последних десятилетий XVI в. являются взаимосвязанными элементами (звеньями) ранее разработанного и затем сработавшего механизма подчинения относительно самостоятельной Православной церкви Западной и Южной Руси (канонически подчиненной Константинопольскому патриарху) Риму. Учитывая, что Рим на практике отрабатывал его с перспективной целью использования в будущем против Русской православной церкви, разумеется, при создании благоприятных для этого условий, для нас было бы очень важно взглянуть на этот механизм поближе. Итак, из чего же складывался этот механизм?

Выбор папской нунциатурой в Польше и польской провинцией Ордена иезуитов, главами католических епархий, королевским правительством и шляхтой тех православных архиереев, которые могли пойти на отступничество от православия ради сохранения власти, сана, общественного положения, богатства, земель и имущества, льгот и привилегий. Выбор тех архиереев, которые давно уже служили не церкви и православию, а только себе, своим корыстным интересам.

Богословско-церковная, идеологическая, административно-правовая подготовка заключения унии, разработка и создание необходимых условий и программы

подчинения Православной церкви Римской католической церкви, издание и распространение полемической литературы в защиту унии, проведение диспутов, образование учебных заведений, в том числе коллегий Ордена иезуитов, подготовка священнослужителей, приверженцев унии. Привлечение к проведению указанных мероприятий католического шляхетства.

Проведение обработки (психологической, богословско-церковной, административно-правовой) отобранных кандидатов, доведение их до готовности совершить отступничество от православия в нужное время и в нужной форме. Участие в обработке кандидатов короля Польши Сигизмунда III, папского нунция Джерманико Маласпины, епископа Луцкого Бернарда Мацеевского; королевского духовника, члена Ордена иезуитов и автора полемических сочинений в защиту унии Петра Михайловича Скарги; провинциалов Ордена иезуитов в Польше и Литве (члена миссии Антонио Поссевино в Москву Паоло Кампани; Людовика Мазелли; Бернарда Конфалонери); автора полемических сочинений в защиту унии, члена Ордена иезуитов и участника миссии Антонио Поссевино в Москву Василия Замесского; члена Ордена иезуитов Станислава Варшевицкого и др. Привлечение к обработке православных архиереев уже готовых к отступничеству епископов И.Л. Потея и К.С. Терлецкого.

Подготовка необходимых документов от имени согласившихся на предательство архиереев для доклада папе Римскому — присяги на верность, Символа католической веры, коллективного акта об условиях подписания унии, перечня властных и имущественных условий, льгот и привилегий, которые нужно рассматривать только как цена предательства.

Издание королем Польши Сигизмундом III государственных актов поддержки епископов — отступников: грамоты к епископам И.Л. Потею и К.С. Терлецкому, одобряющей их решение принять унию от 18 февраля 1595 г.; постановление о приостановлении всех судебных дел и исков в отношении епископов И.Л. Потея и К.С. Терлецкого в связи с их отъездом в Рим по делам унии от 28 июля 1595 г. Объявление этого постановления во всех воеводствах и поветах земель Волынской, Русской и Подольской. Проведение 22 сентября 1595 г. королем Сигизмундом III в Кракове секретного совещания по вопросам принятия унии с участием папского нунция Джерманико Маласпины, министров правительства, ряда влиятельных сенаторов, епископов И.Л. Потея и К.С. Терлецкого. Подписание 24 сентября 1595 г. королем Сигизмундом III манифеста о соединении церквей, унии. Издание Сигизмундом III манифеста такого же содержания 5 декабря 1595 г. Подписание Сигизмундом III 21 мая 1596 г. подтвердительной жалованной грамоты К.С. Терлецкому на епископию Луцкую и Острожскую, как акт взятия его под королевскую защиту от православных и др.

Согласование с папой Римским и Ватиканом организационно-технических вопросов приема в Риме архиереев — отступников.

Издание 4 марта 1595 г. папой Климентом VIII бреве, устанавливающего права митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси М.В. Рогозы на владение Киево-Печерской Лаврой в случае принятия им унии с Римской католической церковью. Откровенный акт, побуждающий к унии. Утверждение папой Климентом VIII 21 января 1596 г. особой «конституции» о приезде И.Л. Потея и К.С. Терлецкого в Рим и порядке заключения унии.

Направление епископов И.Л. Потея и К.С. Терлецкого в Рим для доклада пап Клименту VIII о «готовности» Православной церкви Западной и Южной Руси к за ключению унии. Мероприятия в Риме.

Возвращение архиереев-отступников в Польшу, информирование единомыш ленников об аудиенции у папы Климента VIII и принятых решениях, распростра нение среди православных священнослужителей мнения о необходимости заклю чения унии.

Подготовка Собора в Бресте.

Проведение Брестского Собора, образование Униатской церкви, запрещени Православной церкви.

По такой, или примерно по такой схеме, раз уж она удалась, и намечалось дей ствовать в Московском государстве, на канонической территории Русской православ ной церкви, при наличии для этого возможностей и соответствующих условий. Об одном из главных условий мы выше говорили — это овладение Московским государ ством. Безусловно, в XVII столетии не забывались и другие схемы, такие как склоне ние к принятию униатства (католичества) царей всея Руси; или возведение на патри арший престол архиерея, склонного к униатству или даже католичеству, и др.

Развитие дальнейших событий после Брестского Собора происходило не по сценарию короля Сигизмунда III, Римской католической и Униатской церквей. Го сударственная насильственная политика по отношению к православным и Пра вославной церкви, социальный и национально-религиозный гнет взорвали ситу ацию в Западной и Южной Руси, вызвали многочисленные казацко-крестьянские бунты и восстания. В их числе восстания под руководством Северина Наливайко (1595–1596), Тараса Федоровича (1630), Ивана Михайловича Сулимы (1635), Пав ло Михновича Бута-Павлюка (1637), Якова Острянина и Дмитро Томашевича-Гуни (1638), которые переросли в гражданскую войну под руководством гетмана Богда на Хмельницкого (1648–1654). Добавим, что в эти же годы Польша организовала вооруженную интервенцию в Московию, т.н. «Смутное время» (1604–1613), при няла участие в Тридцатилетней войне (1618–1648), войнах с Россией в 1616–1618, 1632–1634, 1653–1655, 1658–1666 гг. и др. Вспомним и набеги крымских татар, о которых мы говорили выше. Грохот пушек, конский топот и свист сабель, огонь и пепел пожарищ, кровь и страдания, плач детей — именно это характеризовало об становку на территории Западной и Южной Руси в то время.

Рим очень хотел с максимальной эффективностью использовать сложившуюся накануне и после Брестского Собора ситуацию не только в Польше, но и в Московии, особенно наступившее «Смутное время». В эти годы Ватикан не раз направлял своих послов в Москву (Александр Комулей, 1595 и 1597; Александр Рангони, 1606); 25 де кабря 1609 г. папа Павел V, желая подтолкнуть Сигизмунда III к более активным дей ствиям, торжественно освятил меч и шлем, отослал их Сигизмунду III и благословил его на войну с Российским государством. Правда, вместо запрошенных королем де нег пообещал ему свои молитвы. Тем не менее 10 августа 1613 г. Павел V все-таки выделил (пожертвовал) Сигизмунду III целых 40 000 червонцев для той же войны, переведя эту сумму на имя кардинала Андреа Барони Перетти Монтальто (государственный секретарь Ватикана с 17.01.1587 по 8.12.1590), — получайте и используйте. Но уже кончилось «Смутное время», Россия приступила к восстановлению госу-

дарственности, обороноспособности и экономики, порядка и покоя в стране. Недалек был уже и 1619 г., когда Русская православная церковь перестанет «вдовствовать» и на патриарший престол взойдет патриарх Московский и всея Руси Филарет.

Патриарх Иерусалимский Феофан, возвращаясь из поездки в Москву, где он участвовал в церемонии возведения на патриарший престол митрополита Филарета, посетил Киев. Он имел полномочия от патриарха Константинопольского на тайное разрешение организационных вопросов в отношении Православной церкви, а от польского правительства — разрешение посетить православные монастыри, церкви и братства. 15 августа 1620 г., ночью, под охраной казаков, в нижней подвальной церкви Киево-Печерской Лавры, в тревожно-торжественной обстановке, при свечах, патриарх Феофан восстановил иерархию Православной церкви. Православным митрополитом Киевским был избран и хиротонисован Иов Матвеевич Борецкий, бывший игумен Киево-Михайловского монастыря. Патриарх Феофан совершил также еще хиротонию 6 архиепископов, назначенных в православные епархии (архиепископом Полоцким стал Мелетий Герасимович Смотрицкий, Владимирским — Иосиф Курцевич, Луцким — Исаакий Черницкий, Перемышльским — Исайя Копинский, Холмским — Паисий Ипполитович Пузына, Пинским — Авраамий Стагонский). Повторим, что все это происходило тайно, однако вскоре обо всем стало известно тем, от кого, собственно говоря, и скрывалось.

Известие о восстановлении иерархии Православной церкви привело короля Польши Сигизмунда III в ярость. Он «объявил патриарха Феофана, уже вывезенного казаками за границу, незаконным, самозванцем и турецким шпионом. Поставленных им православных иерархов — незаконными и подлежащими аресту и суду. Со своей стороны митрополит-униат И. Рутский анафематствовал новопоставленных православных иерархов, как лжеепископов. Униатские епископы, сидевшие на их кафедрах, объявили, что не пустят их в свои города. Сам папа из Рима прислал королю указания, чтобы тот подверг русских лжеепископов, возбуждающих мятежи, заслуженной каре»[982]. 22 марта 1621 г. Сигизмунд III, обращаясь к «высокоблагородным воеводам, каштелянам, старостам, державцам, властям земским и городским, а также бурмистрам, советникам» и «иным всем чинам», подписал Универсал о репрессиях против православных епископов, посвященных патриархом Феофаном. Король приказал, «...чтобы вы любезно нам верные, разведали, где эти подозрительные люди находятся и чтобы они, как шпионы и возмутители республики, не только не были вписываемы в города и местечки, вместе с их сотоварищами, но и чтобы были пойманы, посажены в темницы, и по мере своей вины были наказаны...»[983]. Заметим, что король Сигизмунд III и ранее стремился ограничить возможности Восточных патриархов по поддержанию канонической связи с Православной церковью Западной и Южной Руси. 28 июня 1595 г. он подписал приказ «украинским старостам задерживать посланцев от православных патриархов к православным епископам и другим лицам западной России. Король Сигизмунд III, предусматривая опасности, могущия возникнуть от посещения государства чужеземцами, особенно людьми "грече-

[982] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 2. С. 388.

[983] Универсал короля Сигизмунда III о репрессиях против православных епископов, посвященных Иерусалимским патриархом Феофаном вместо перешедших в унию (1621 г.) // Уния в документах. № 48. Минск, 1997. С. 190.

скаго закона" из земель турецких, выражает свою волю всем, а особливо старостам украинским, зорко следить, чтобы никакия особы от греческих патриархов с письмами или чем иным, ни к православным епископам, ни к кому другому в польском государстве не были допускаемы, а были бы задерживаемы, с отсылкою имеющихся при них документов королю. Приказ подписан в Кракове...»[984]. Подобное отношение поддерживалось и преемниками Сигизмунда III на протяжении всего XVII в. «На сейме 1676 года было постановлено, чтобы ставропигиальныя братства не сносились впредь с Константинопольскими патриархами по делам, касающимся веры, и все такия дела предоставляемы были местным епископам, на содействие которых (как уже в душе продавших православие) правительство могло рассчитывать...»[985]. (Как раз в эти годы Униатская церковь заканчивала подготовку ко второму этапу распространения унии на территории Западной и Южной Руси, и поддержка короля Яна III Собеского, правительства и сейма была поддержкой не стороннего наблюдателя, а заинтересованного участника).

Да, далеко не так просто, как могло показаться, происходила борьба Церквей... В этой связи весьма интересно познакомиться с выдержкой из выступления в ноябре 1620 г. на Варшавском сейме депутата от земли Волынской, члена Львовского ставропигиального братства Лаврентия Древинского. Он говорил: «Уже в больших городах церкви запечатаны, имения церковныя расхищены, в монастырях, вместо монахов, скот запирают, Священники разогнаны... Вследствие сего дети без крещения от сего света отходят; тела умерших без церковнаго обряда из городов вывозятся, народ без благословения браков в непотребстве живет, без исповеди, без приобщения Св. Тайн умирает»[986]. Это мнение очевидца.

Регулярно получая донесения из Польши от самых различных источников, Ватикан трезво оценивал обстановку в Западной и Южной Руси, связанную с распространением унии и католицизма. Например, папский нунций в Польше Козимо де Торрес докладывал в 1621 г. в Рим о состоянии Униатской церкви: «Киевское архиепископство приносит до шести тысяч злотых разного дохода и имеет шесть клясторов базилианских: в Киеве, Новогрудке, Гродне и в трех иных местах, а кроме того в Вильне. Полоцкое архиепископство приносит до 4000 злотых и имеет три клястора базилиан: в Могилеве, Полоцке и в ином месте. Владимирское епископство — до 4000 злотых доходу и один только клястор базилиан в Кременце. Луцкое — до 8000 злотых и один только клястор в Жидичине. Перемышльское — до 5000 злотых и не имеет ни одного клястора. Пинское — до 3000 злотых и два клястора: в Супрасле и ином месте; тут же один клястор базилианок. Холмское — до 3000 злотых и ни одного клястора. Львовское — до 4000 злотых доходу. Есть в тех архиепископствах и епископствах многие и другие клясторы, но они, по недостатку монахов, замкнуты, а во всех вышеупомянутых монастырях не более двухсот монахов. Дезуниты же (т.е. православные) имеют гораздо большее число монастырей и более населенных; в самом Киеве есть у них монастырь, считающий

984 Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. 1470–1700. Т. 1. С. 80–81.

985 Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссиею для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Часть 1. Т. XI. Киев, 1904. С. 93.

986 Петр Могила Митрополит Киевский // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел I. М., 1877. С. 15–16.

до 800 монахов...»[987]. Перед нами выдержка из донесения папского нунция в Рим. Мы видим, что он в своем донесении нарисовал не такую уж радостную картину состояния Униатской церкви через 25 лет после ее образования — и доходы епархий не впечатляли, и число базилианских монастырей равнялось всего 15, и очень низкая численность монахов — базилианцев, из-за чего закрыты и не действуют целый ряд монастырей. Конечно, такое положение дел весьма беспокоило Ватикан.

В инструкции нунцию в Польше Иоанну Баптисту Ланчелотти папская курия писала 14 декабря 1622 г.: «...Во времена папы Климента VIII их епископы и владыки, следуя по стопам Ипатия Потея, который раньше был епископом Владимирским, а потом митрополитом Киевским, объединились в 1595 г. с римской церковью... и признали папу главой церкви... Но из-за этого возникли большие разногласия. Вельможи-схизматики, поддерживаемые еретиками, так настойчиво высказывались... против унии, что едва не дошло до больших волнений в стране. Ибо ввиду того, что только небольшое количество лиц из духовенства и еще меньше из народа выражало желание присоединиться к унии, считалось, что она была введена без их согласия, ради удовлетворения личных интересов и тщеславия небольшого круга лиц. Фактически существуют епископы и пастыри-униаты, но они почти без паствы и к тому же они опасаются, чтобы их не изгнали из их епархий и чтобы они не были лишены церквей, отобранных у православных и им переданных... нет никакой надежды, что эти гордые и упрямые люди когда-либо массово перейдут в унию. Несмотря на все это, следует из ряда соображений оказывать унии предпочтение перед другими вероисповеданиями, защищать ее на будущем сейме и всегда, когда в этом возникнет надобность...»[988].

Папа Урбан VIII, избранный на папский престол 6 августа 1623 г., в письме королю Польши Сигизмунду III от 10 февраля 1624 г. настойчиво рекомендовал ужесточить борьбу с православием и Православной церковью. «...Непримиримый враг католической религии, ересь схизматическая, чудовище нечестивых догматов, вторгается в соседние провинции и, хитро прокравшись в совещания козацкие, вооружившись силами храбрейших воинов, осмеливается защищать дело сатаны и грозить гибелью православной истине. Восстань, о царь, знаменитый поражениями турок и ненавистью нечестивых! Прими оружие и щит и, если общее благо требует, мечом и огнем истребляй эту язву. Дошла до нас весть, что там устраиваются схизматические братства, издаются новые законы против униатов; пусть королевская власть, долженствующая быть защитою веры, сдержит такое святотатственное буйство... да постарается твое величество, чтоб лжеепископы русские, стремящиеся возбуждать волнения и господствовать в козацких кругах, достойное такого дерзкого поступка понесли наказание. Да испытает силу королевского гнева факел мятежа и вождь злодеев, патриарх иерусалимский, и своим бедствием сдержит дерзость остальных... Вследствие этого просим твое величество, защищай это дело всею своею ревностию и властию, и прежде всего позволь униатским епископам иметь свободный доступ ко дворцу и в советы королевские, и чтоб они ни в

987 Цит. по: Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга 6. С. 524, прим. 395.

988 Цит. по: Из инструкции Папской курии нунцию в Польше Ланчелотти // Уния в документах. № 49. Минск, 1997. С. 191–193.

чем не были ниже остальных епископов... Итак, могущественнейший король! Ты не должен удерживаться от меча и огня. Да почувствует ересь, что за преступлениями следуют наказания. При таких отвратительных преступлениях милосердие есть жестокость...»[989]. Какие-либо комментарии к этому письму не нужны.

Обстановка на территории Западной и Южной Руси продолжала обостряться, и Сигизмунд III попытался как-то если не примирить, то смягчить отношения между православными и униатами, для чего своим универсалом от 16 февраля 1629 г. назначил проведение съезда представителей Униатской и Православной церквей в Львове. Ничего конструктивного из этого не вышло. И только после смерти Сигизмунда III избирательный сейм по выборам нового короля восстановил права Православной церкви в Польше и разрешил православным иметь 1 митрополита и 4 епископов (во Львове, Перемышле, Луцке и Мстиславле). Уже 10 ноября 1632 г. был подготовлен список городов и местечек, в которых должно быть предоставлено православным известное количество церквей и монастырей «для успокоения православной религии»[990]. 14 марта 1633 г. новый король Владислав IV подписал диплом православному народу о восстановлении прав православной религии. А через два года, 14 марта 1635 г., Владислав IV своей грамотой установил епархии, монастыри и имущество Униатской церкви. В грамоте говорилось: «...мы людям, находящимся в унии с римскою церквию, сохраняем на вечныя времена, вместе с митрополиею и принадлежащими ей имуществами, архиепископства Полотское, Владимирское, Пинское, Холмское, Смоленское, с монастырями, церквами и принадлежащими им имуществами, которыя должны оставаться навсегда при униатах... В Витебске же, в Полотске и в Новогородке не-униаты никогда не должны будут иметь никакой церкви...»[991]. Но, как писал А.В. Карташев, «между писаным правом и бытовым беззаконием, произволом и анархией в Польше издавна была пропасть»[992]. С одной стороны, государство восстановило права Православной церкви и православия, разграничило территории деятельности между Униатской и Православной церквами, распределило церкви, монастыри и имущество, сделало попытку нормализовать отношения между униатами и православными. Но с другой стороны, это же государство не приняло мер по исполнению принятых собственных государственных решений, и обстановка не только не нормализовалась, но продолжала обостряться.

Усмиряя казацко-народные бунты и восстания, «...польские власти пускали в ход жестокие казни и формулировали новые ограничения православной жизни. В виде наказаний опять отдельные церкви отнимались и обращались в костелы или сдавались арендаторам... Чуя анархическую безнаказанность, банды пьяных шляхтичей делали набеги на православные церкви, избивали духовенство, захватывали

---

989 Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 5. С. 466.

990 Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Часть 1. Т. VI. Киев, 1883. С. 656.

991 Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северозападной Руси, издаваемый при Управлении Виленскаго учебнаго округа. Т. 2. Вильна, 1867. С. 60–61.

992 *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 2. С. 393.

священные сосуды, сдирали оклады с икон и демонстративно пропивали их...»[993]. Документы, собранные Археографической комиссией в своих Сборниках, убедительно иллюстрируют действительность того времени, только мотивация жестоких событий заключалась все-таки не столько в бытовом беззаконии (произволе и анархии), как писал А.В. Карташев, — его всегда хватало, и раньше, и позже, — сколько в стремлении запугать и уничтожить Православную церковь и православие, опираясь на молчаливое выжидание власти.

Заслуживает внимания, что «...Урбан VIII, желая как-нибудь помочь Латинянам и Униятам, стремившимся уничтожить в Польской Державе Православие, и не зная, что бы предпринять для этого, решился на самое неверное средство. Отправивши 3-го Ноября, 1643 года, несколько писем (всех 24) к Королю, духовенству и знатным особам в Польше о присоединении к Римской Церкви, он, в числе других писем, послал письмо и к Петру Могиле. В этом письме Папа имел смелость, в самых лестных выражениях, прямо убеждать Православнаго Митрополита Киевскаго к принятию Унии. Не известно, отвечал ли на это Урбану VIII Петр Могила...»[994]. Петр Симеонович Могила — православный митрополит Киевский в 1633–1646 г. Перед нами наглядный пример непосредственного участия папы Римского в оказании нужного Ватикану воздействия на главу Православной церкви. Ниже мы к этому письму еще вернемся.

Наступила вторая половина XVII столетия, уже состоялась Переяславская Рада, закончились и вновь начались войны между Россией и Польшей. Было видно, что Униатская церковь не в полной мере оправдала надежды Ватикана, королей Польши и польской шляхты, местных католических епископов. Это обстоятельство должно было вызвать и вызвало изменение форм и методов борьбы с православием. Возросла жестокость этой борьбы. Интересно привести выдержку из письма православного архиепископа Черниговского Лазаря Барановича в Москву от 16 января 1671 г. Л. Баранович писал: «В Белоруссии лютые насильства униаты благочестивым церквам чинят, принуждая к унии»[995]. Униатский митрополит Гавриил Янович Коленда писал 18 декабря 1671 г. в Рим, в конгрегацию «Пропаганда Веры», что «Андрусовский договор стал триумфом унии над схизмой в Литве и на Белой Руси, где едва 70 церквей и несколько монастырей принадлежат дизунитам (противникам унии), а 10.000 церквей признают унию»[996]. Писал он эти строки, надо думать, с удовольствием.

Историк униатства В.Б. Антонович отмечал: «От Андрусовскаго договора мы замечаем резкую перемену в характере польскаго законодательства относительно свободы православнаго вероисповедания: постановления сеймов, гарантировавшия в начале столетия эту свободу, уклонявшияся от решения вопроса в его середине, теперь высказываются резко в пользу унии, при каждом возможном случае издают постановления все более и более враждебныя для православия. Первое постановление,

[993] Там же. С. 393.

[994] Петр Могила Митрополит Киевский // ЧИОИДР. С. 39–40.

[995] *Эйнгорн В.О.* О сношениях малороссийскаго духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел III. М., 1898. С. 744.

[996] Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. III. Część I. Lwów. 1902. S. 119.

направленное в пользу унии, издано сеймом 1667 года, т.е. одновременно с заклю-чением Андрусовскаго договора; в силу этого постановления духовенство “религи Греческой, пребывающей в единении”, было освобождено на вечныя времена от все военных повинностей: “постоя, выдачи провианта, добавочных квартирных взносов дневок, подвод и всех вообще военных тягостей и взысканий”. Право это, предостав-ленное униятскому духовенству, составляло в то время важную льготу; уравнивая одной стороны его права с католическим духовенством и дворянством, оно оставля-ло православное духовенство на уровне податных сословий — мещан и крестьян; другой стороны он было сопряжено с важными материальными и нравственным выгодами…»[997]. В текст присяги, которую давали вновь избранные короли, была вне-сена статья, определяющая их отношение к православию в духе постановления сей-ма 1667 г. В 1669 г. эту статью подтвердил вновь избранный король Польши Михаи Вишневецкий. Подтверждена она была и сеймом 1678 г.

За два года до этого, в 1676 г., был нанесен удар по последнему оплоту правосла-вия — по православным ставропигиальным братствам (подчиняющимся непосред-ственно патриарху). На сейме было принято постановление, по которому ставропи-гиальным братствам «воспрещалось сноситься с патриархом и предоставлять на ег решение дела, касавшияся веры… запрещено было православным всех сословий по опасением смертной казни и конфискации имуществ отлучаться за границу… ил приезжать из-за границы… воспрещение выезда за границу не только прекращал возможность сообщений церковных братств с патриархом, оно направлено было разрушению православной иерархии… сейм воспрещением выезда православных з границу и приезда их оттуда обеспечивал расстройство не только православной ие-рархии, но и вообще упразднение всего клира»[998]. На сейме рассудили, что при изо-лировании православия в границах Речи Посполитой оно рано или поздно останет-ся без епископов, некому будет рукополагать священников, в распоряжении право-славия останутся только ставленники униатских епископов. «Таким образом мирян останутся без духовенства и церквей и, волею неволею, перейдут в унию»[999]. Так оце-нивали ситуацию в 1676 г., и эта оценка легла в основу программы распространени униатства в последние десятилетия XVII – первые десятилетия XVIII в.

Если Брестский Собор знаменовал образование Униатской церкви и первы этап распространения униатства на территории Западной и Южной Руси, то в 1676-1680 гг., можно сказать, начался второй этап, организаторами и идеологами которо-го выступили православный епископ Львовский, Галицкий и Каменец-Подольски Иосиф Шумлянский и униатский митрополит Киприан Александрович Жоховски Разумеется, при полной поддержке Рима, короля Польши Яна III Собесского и ег правительства, папской нунциатуры, Униатской церкви и шляхетства. По сравне-нию с полемическими и научными работами о Брестском Соборе, его организато-рах и идеологах, об этом этапе униатизации и его деятелях, к сожалению, написан не так уж много, хотя этот этап также заслуживает внимания.

[997] Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних акто высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Часть 1. Т. I Киев, 1871. С. 11–12.

[998] Там же. С. 14–15.

[999] Там же. С. 15.

Подготовленная программа второго этапа униатизации, под названием «modi concordiae ecclesiarum» (средства к примирению церквей), существенно отличалась от тех мер, которые были приняты ранее, во время и после Брестского Собора. Безусловно, на выбор именно такой программы повлиял целый ряд факторов, наиболее важные из которых — изменение политической обстановки в Польше, образование Униатской церкви и Ордена базилианцев, Переяславская Рада и вступление левобережной Украины с Киевом в состав Российского государства, уроки первого этапа, понижение эффективности униатизации православного духовенства и населения в Польше. Очень важным являлось стремление Русской православной церкви к выведению Киевской православной митрополии из канонического подчинения Константинопольскому патриарху и передаче ее в каноническое подчинение патриарху Московскому и всея Руси. Да и Варшаву очень нервировало то, что совсем рядом, только пограничный рубеж перейти, находилось Российское государство и Русская православная церковь, оплот и защита православия.

Судя по сохранившимся документам и последующим событиям конца XVII – начала XVIII в., в программу второго этапа входили следующие мероприятия:

– сохранение в полной тайне от православного духовенства и мирян программы и содержания проводившихся мероприятий по распространению униатства. Соблюдение в полной тайне от православного духовенства и мирян сведений о тех православных священнослужителях, которые тайно приняли униатство и продолжали служить в своих прежних православных священно-церковно-служительских степенях и духовных званиях;

– установление государственными мерами полной изоляции Православной церкви и православных от Восточных патриархов, Киевской православной митрополии и Русской православной церкви. Лишение Православной церкви всяческой помощи и поддержки, в том числе церковно-богословской, организационной, кадровой, материальной, финансовой и психологической;

– официальное, гласное уравнение униатского духовенства по правам, общественному положению, привилегиям и льготам к духовенству католическому. Назначение и проведение частых сборов и съездов для униатского духовенства с обязательным приглашением и не менее обязательной явкой на них православных священнослужителей, демонстрация равенства в действии;

– обработка православных дворян и видных мещан (особенно членов православных братств) в униатском духе, склонение к принятию униатства обещаниями льгот, привилегий, титулов и должностей, привлечение их к обработке в униатском духе приходских священников и клира;

– ликвидация последних оплотов православия в Польше – Львовского, Луцкого и других братств путем лишения их всяческих средств и возможностей к существованию в православии и вынуждения принять униатство;

– целенаправленная индивидуальная и тайная обработка православных архиереев, склонение к принятию униатства взамен дополнительных льгот и привилегий, сохранения или улучшения общественного и имущественного положения;

– преследование государственными мерами православных духовных лиц за отказ принять униатство. Оставление православных епархий и приходов без епископов и священнослужителей, мирян без православных церквей и духовенства. Разрушение православной иерархии. Разобщение православного духовенства и мирян;

– оказание шляхетством, собственниками и главами местной власти в населенных пунктах, колляторами (патронами) силового давления на приходских священников с целью склонения их к принятию униатства. Изгнание отказавшихся от униатства православных священников вместе с их семьями, замена православных священнослужителей униатскими. Сочетание угроз с реальным насилием;

– раздача королем Польши Яном III Собесским церковных должностей, т.н. бенефиций, священнослужителям униатам;

– проведение политики индивидуальной и разнесенной во времени работы с православными священнослужителями и мирянами, что разобщало православных, значительно уменьшало их возможности по объединению и осуществлению всеобщих акций противодействия и протеста. Превращение всеобщего противодействия в частные, единичные, не представляющие большой опасности случаи недовольства;

– проведение польским правительством законодательной деятельности, направленной на поддержку Униатской церкви. Поддержка правительством решений принимаемых православными епископами — тайными униатами.

Каковы были результаты всех проведенных мероприятий? Историк В.Б. Антонович дал им такую оценку: «В течение двадцати лет, последовавших за неудавшимся Люблинским съездом (1680 год. — *прим. авт.*), уния распространилась более, чем в продолжении почти целаго предшествовавшаго столетия. Негласное принятие унии епископами, продолжавшими выдавать себя за православных, разрыв прямых сношений с Киевскою митрополиею, гонение, направленное шляхтичами на сельское духовенство, захват монастырей или отнятие у них средств к существованию, раздор, поселенный в дворянских православных семействах, отклонение от братств более влиятельных членов приманкою награды их дворянскими правами и при всем этом отсутствие ясно высказанной программы, неопределенность положения, среди котораго невозможно было точно указать лица, принадлежавшия к унии или отвергавшия ее — все эти обстоятельства парализовали реакцию со стороны православных, не дали ей возможности сосредоточиться и проявиться общими мерами и низвели ее до размеров частной борьбы в отдельных единичных случаях»[1000]. Мы видим, что программа И. Шумлянского и К. Жоховского оказалась достаточно эффективной. Высоко оценил ее и один из авторов: «После двадцатилетних усилий сам Шумлянский нашел предложенныя им меры до того успешными и плоды, принесенныя ими, до того полными в некоторых, по крайней мере, областях Речи Посполитой, что решился снять маску… он объявил о присоединении своем к унии и перечислил в нее епархии, прямо ему подведомственные: Львовскую, Галицкую и Каменец-Подольскую. В полной уверенности, что меры, принятыя им, окончательно разслабили в них православное общество… он решился изгнать сразу из этих епархий и последние остатки православия»[1001].

Реализация программы продолжалась и после смерти И. Шумлянского, последовавшей в 1708 г.: «…разрушив православную иерархию, они отложили в сторону осторожность, рекомендованную им вначале Иосифом Шумлянским, и ре-

[1000] Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Часть 1. Т. IV. С. 49–50.

[1001] Там же. С. 50.

шились употребить в дело силу для того, чтобы решительно покончить спорный религиозный вопрос. В 1720 г. униятский митрополит Лев Кишка созвал собор в Замостье, на котором уния провозглашена была торжественно единственною законною церковью греческаго обряда в речипосполитой; все захваченныя униятами епископства объявлены были добровольно принявшими унию и навсегда к ней присоединенными...»[1002]. Добавим, что постановления этого Собора были утверждены папой Бенедиктом XIII, опубликованы конгрегацией «Пропаганда Веры», и, по словам В.Б. Антоновича, вызвали против православия «своеобразный крестовый поход, совершаемый под благословением папы и под знаменем унии... путем насилия над совершенно безоружными, представлявшими одно лишь пассивное сопротивление, духовными и крестьянами»[1003]. Исследователи подсчитали, что в тридцатых годах XVIII столетия в западной Малороссии насчитывалось 150 униатских приходов. Но уже в 1747 г. таких приходов было около 800, а в 1764 г. их число приближалось к 2000. В середине XVIII в. западную Малороссию (город Радомысль) была перенесена и униатская митрополичья кафедра[1004]. Вот так и проводилась насильственная униатизация православного населения в Речи Посполитой в конце XVII – начале XVIII столетия в рамках программы И. Шумлянского и К. Жоховского.

Могли ли Рим и Униатская церковь рассчитывать на то, что, во-первых, вдруг появится возможность применить эту программу, разумеется, с учетом необходимых исправлений и дополнений по итогам реализации второго этапа, на территории Российского государства, против Русской православной церкви, православия и православных, и во-вторых, что ее применение окажется эффективным? Представляется, что на оба этих вопроса должен последовать только отрицательный ответ. Представляется, что в период реализации программы И. Шумлянского и К. Жоховского, над этими вопросами как в Риме, так и в Польше особенно не задумывались, потому что утопичность желанных для Рима и Варшавы ожиданий была ясна.

Несколько слов об Иосифе Шумлянском (до пострижения в монахи Иван). До избрания в 1666 г. православным епископом Львовским он был, как писал С. Залеский, бравым ротмистром панцырной гетманской хоругви. События того времени побудили его изменить род деятельности и стать православным епископом. Правда, одновременно на эту же должность был избран и Евстафий Свистельницкий, который фактически и являлся епископом до своей смерти в 1676 г. 9 лет они спорили из-за права занимать епископскую кафедру. Только после смерти Е. Свистельницкого Львовская епархия признала И. Шумлянского своим епископом. В эти годы он довольно часто находился при короле Яне III Собесском, сопровождал его в походах. И такая благоприятная возможность для оказания на него воздействия не была упущена иезуитами. По словам С. Залеского, с И. Шумлянским «работал многолетний капеллан обозный гетмана Яблоновского иезуит Богумил Рутка, апостол унии на Руси, гуманист и теолог...»[1005]. («Pracował też nad nim wieloletni kapelan obozowy

[1002] Там же. С. 72–73.

[1003] Там же. С. 73.

[1004] *Коялович М.О.* История воссоединения западнорусских униатов старых времен. СПб., 1873. С. 6.

[1005] Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. III. Część I. Lwów. 1902. S. 303.

hetmana Jabłonowskiego Jezuita Bogumił Rutka, apostoł unii na Rusi, tęgi humanis i teolog…»). В результате совместных усилий митрополита К. Жоховского, иез ита Б. Рутки, влияния короля Яна III Собесского и воздействия иных факторо И. Шумлянский решил отступить от православия и принять униатство. По слова того же С. Залеского, «1 марта 1677 года в Варшаве он вручил митрополиту Жохо скому исповедание унии Флорентийской в присутствии короля и «при участии н скольких иезуитов»[1006]. («W ręce więc metropolity Żochowckiego złożil 1 marca 167 wyznanie unii florenskiej w obecności króla i «przy udziale kilku Jezuitów»). Росси ские источники подтверждают этот факт: «в 1677 году, Марта 7 он отрекся от пр вославия в Варшаве, в присутствии короля и папскаго нунция»[1007]. 1 или 7 ма та принял И. Шумлянский униатство, для нас здесь важен сам факт. В этот де И. Шумлянский совершил акт отступничества от православия, о чем узнали и чем записали в своей летописи в Львовском православном братстве. Заметим, чт к совершению отступничества он морально был уже готов задолго до этого. Внача ле принятие униатства И. Шумлянским сохранялось в тайне, о причинах чего м выше уже говорили. Но время шло, нужно было принимать унию официально, и 2 сентября 1680 г. И. Шумлянский написал письмо униатскому митрополиту К. Жо ховскому, в котором зондировал вопрос о целесообразности официального прин тия унии. И уже на следующий день, 21 сентября, он вновь написал письмо К. Жо ховскому с изъявлением согласия на такое принятие унии. Через полгода, 18 ма та 1681 г., И. Шумлянский подготовил перечень прав и льгот, которые предполага лось предоставить униатам, и в этом же месяце вместе с К. Жоховским были разра ботаны условия и требования для принятия унии, а также программа дальнейши действий, о которой выше мы говорили. Единомышленниками И. Шумлянского я лялись нареченный епископ Перемышльский Иннокентий Винницкий (с которы также «работал» иезуит Богумил Рутка), игумен Лиснянского монастыря Сил вестр Тваровский, архимандрит Уневского монастыря Варлаам Шептицкий, чл ны православных братств Керендович, Жураковский, Мокрицкий, Кручкевич, Те навские, которые соглашались отступить от православия и принять униатство в о мен на новые церковные должности, а члены братств — за дипломы на дворянств

Программа, условия и требования были доложены королю Яну III Собесско польскому правительству и папскому нунцию Франческо Мартелли, и получили од брение. И. Шумлянский, И. Винницкий, В. Шептицкий и С. Тваровский приехали Варшаву и 21 марта 1681 г., в присутствии папского нунция Опицио Паллавичини, см нившего на этом посту осенью 1680 г. Франческо Мартелли, официально приняли ун атство, сохранив до времени этот акт отступничества от православия в полной тайне о православного духовенства и мирян. Заметим, что в отличие от исповедания веры, пр изнесенного И.Л. Потеем, К.С. Терлецким и другими отступниками при принятии ун атства, И. Шумлянский и его единомышленники произнесли исповедание веры с д бавлением в его текст положения, что Святой Дух исходит и от Отца, и от Сына.

В Архиве Западнорусских униатских митрополитов сохранился текст прис ги, которая включала в себя: «1) символ веры с латинскою прибавкой; 2–11) пр

[1006] Там же. S. 304.

[1007] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическо комиссиею. Т. 5. 1633–1699. СПб., 1853. С. 5, прим. 18 к документу № 167.

знание соборов 7 вселенских, собора, осудившаго "распныйся за ны" в трисвятом, "8-го вселенскаго" (4-го константинопольского), всех "остальных вселенских соборов", утвержденных папою, и "в частности", флорентинскаго собора; 12) признание определения флорентинскаго собора о Св. Духе; 16) признание Рима апостолическим престолом и папы преемником св. апостола Петра, главою всей церкви и отцом и учителем всех христиан и пр., всего 28 пунктов; печать нунция и подписи... Из свидетельствовавших впоследствии копию присяжнаго листа означены: Георгий Малеевский, консультор базилианскаго ордена, архимандрит черейский, супериор жидичинский; нунций папы Иннокентия XII, его domesticus praelatus, архиепископ фиванский Иоанн Антоний Девия (8 марта 1697 года)...»[1008]. (Папский нунций — титулярный архиепископ Фиванский Джанантонио Давиа). Свидетелями этой присяги также являлись: униатский митрополит Киприан Александрович Жоховский, униатский епископ Холмский и Белзский Яков Суша, униатский епископ Владимирский и Брестский, прототроний Киевской митрополии Лев Шлюбич Заленский, униатский епископ Перемышльский и Самборский Иоанн Малаховский, протоархимандрит Ордена базилианцев Стефан Мартышкевич Бузанский. Такую присягу приносили православные архиереи, отступившие от православия и принимавшие униатство.

Как действовал И. Шумлянский, видно из нижеследующего: «Здесь (т.е. во Львове. — *прим. авт.*) и в епархии Шумлянский стал многия православныя церкви обращать в униатския и силою заставлял православных принимать унию; для большаго успеха в распространении единения коронный гетман Яблоновский дал Шумлянскому отряд солдат, с которым Шумлянский разъезжал по епархии и привлекал (т.е. принуждал) к этому единению. Не желавших принять унию поляки заключали в тюрьмы, держали на цепях и били плетьми; издевались над ними; оскверняли их святыни; профанировали православие и его обряды в глазах народа; срывали кресты с церквей и топтали их ногами; священников и монахов били в алтаре во время службы и наказывали публично плетьми, угрожали им даже казнить смертию...»[1009]. (Ян-Станислав Яблоновский — в 1688–1697 гг. великий коронный гетман, воевода Львовский, каштелян Краковский). Обратите внимание: все это совершали не какие-то пришлые чужеземцы, а сограждане, и во главе их стоял бывший православный пастырь, владыка Львовский Иосиф Шумлянский. Он не боялся ответственности за свои действия перед польскими властями, сам король Ян III Собесский подавал ему в этом пример. Ян III Собесский говорил, что ему «желательно, чтобы все могилевцы были униатами и к унии приступали бы добровольно, в противном случае будут привлекать к ней поневоле». (В примере приведена выдержка из высказывания короля относительно православных жителей Могилева, но она равным образом могла быть отнесена к православным жителям любого другого города Западной и Южной Руси, входивших в состав Речи Посполитой. На наш взгляд, Могилеву оказано такое королевское внимание потому, что он и подведомственная ему территория граничили с Российским государством. Совсем рядом на-

---

[1008] Описание документов Архива Западнорусских униатских митрополитов. 1470–1700. Т. 1. С. 398–399.

[1009] Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссиею для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Часть 1. Т. XI. С. 100.

ходился город-крепость Смоленск). Известна даже и такая резолюция этого короля: «дабы они впредь об унии упорства не чинили, казнить смертию»[1010].

И еще несколько строк к портрету И. Шумлянского: он так стремился уничтожить Львовское православное братство, он так показал себя врагом православия, что братство даже построило в 1701 г. в своем монастыре Св. Онуфрия часовню во имя Св. Троицы «в память избавления от преследований епископа Иосифа Шумлянскаго»[1011]. Ранее, в семидесятых годах XVII в., И. Шумлянский активно использовался королями Польши Михаилом Вишневецким и Яном III Собесским для склонения гетмана правобережной Украины Дорошенко Петра Дорофеевича и непризнанного Москвой митрополита Иосифа Нелюбович-Тукальского к верности польской короне, закреплению правобережной Украины в составе Польши. Варшавский сейм 13 апреля 1673 г. постановил «к успокоению Украины и к приведению Дорошенка к послушанию и верности употребить велебного о. Иосифа Шумлянскаго, львовскаго владыку, его же верность королю, его милости весьма есть похвалена». Шумлянскому поручалось уверить «не токмо самого уроженого Дорошенка, но и превелебнаго в Бозе о. Тукальскаго», что если они подчинятся королю, то получат все, чего желают, между прочим, «булава его милости гетману, митрополия же о. Тукальскому до живота его привилеями отдана будет»[1012]. Через два дня, 15 апреля того же года, на основании принятого постановления И. Шумлянскому была вручена инструкция, в соответствии с которой он и вел последующие переговоры (с участием названного выше Сильвестра Тваровского) с П.Д. Дорошенкои И. Нелюбович-Тукальским. Положительного результата для Польши эти переговоры не принесли.

Но И. Шумлянский действовал не только на территории Польши, но и незаконно распространил свои действия за ее пределы, на территорию Российского государства, на левобережную Украину с Киевом. Цари Иван и Петр Алексеевичи писали 11 декабря 1684 г. патриарху Константинопольскому Иакову: «...А отступник святыя соборныя церкве епископ Шумлянской, которой пребывает в Полской стороне и недавно, от святыя соборныя церкве греческаго закона отступя, пристал к римскому костелу, видя того богоспасаемаго нашего града Киева митрополий престол без пастыря, пишется непристойно блюстителем Киевской митрополии и всех тамошних жителей приводит, и призывает, и прельщает к своей проклятой ереси – в унию, и к повиновению папежскому...»[1013]. Главным содержанием этого письма была просьба к патриарху о даче согласия на передачу Киевской митрополии в каноническое подчинение патриарху Московскому и всея Руси. А приведенный пример с отступником И. Шумлянским был аргументом, призванным убедить патриарха Иакова дать Москве нужное согласие. В этот раз согласие дано не было, и в ноя-

---

[1010] Там же. С. 96.

[1011] Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссиею для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Часть 1. Т. XII. С. 21–22.

[1012] *Эйнгорн В.О.* О сношениях малороссийского духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел IV. М., 1899. С. 910–911.

[1013] Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волынской генерал-губернаторе. Часть 1. Т. V. Киев, 1872. С. 48.

бре 1685 г. в адрес патриарха Константинопольского Иакова было направлено письмо аналогичного содержания.

Несмотря на подписание 26 апреля 1686 г. трактата «О вечном мире» между Польшей и Россией, несмотря на переход Киевской православной митрополии в каноническое подчинение патриарху Московскому и всея Руси, согласно грамоте патриарха Константинопольского Дионисия от 9 мая 1686 г., И. Шумлянский продолжал свою подрывную деятельность против Российского государства и Русской православной церкви. В этой связи, 22 октября 1690 г. королю Польши Яну III Собесскому была направлена царская грамота с требованием наказать епископа Шумлянского, подговаривающего малороссиян перейти в польское подданство через чернеца Соломона, и выслать этого Соломона в Смоленск. Как квалифицировать деятельность И. Шумлянского? Разве это не деятельность по подрыву Российского государства? А его деятельность по склонению малороссиян, царских подданных, принять униатство — разве это не деятельность по подрыву Русской православной церкви? 6 апреля 1691 г. Ян III Собесский в ответной грамоте пообещал выслать чернеца Соломона. Но обещание повисло в воздухе, и 5 ноября 1691 г. из Москвы пошла повторная грамота к королю Польши. И только 22 марта 1692 г. из Могилева в Москву был прислан чернец Соломон, который после снятия чина и проведения следствия в октябре того же года был признан виновным и казнен. В разделе о заговоре царевны Софьи и гетмана Мазепы мы уже об этом рассказывали.

Идеологи и организаторы второго этапа униатизации отступник от православия Иосиф Шумлянский умер в 1708 г., а униатский митрополит Киприан Жоховский намного раньше — в октябре 1693 г. Так что все дальнейшие мероприятия по униатизации православного населения Польши проводились уже без их участия.

(Любопытные известия о еще одном проекте распространения униатства относятся к XIX столетию. Его автором являлся некто Ипполит Терлецкий (более чем вероятно, что родственник одного из авторов унии Кирилла Семеновича Терлецкого), бежавший из России после неудачного польского восстания в 1831 г. В 1846 г. он, являясь униатским священником, представил в Риме папе Пию IX «новый проект распространения Унии на Востоке». По мнению И. Терлецкого, основным условием распространения униатства являлось предоставление равноправия в обрядах между восточными христианскими Церквами и Римской католической церковью. Для этого, по предложению И. Терлецкого, в июне 1847 г. был образован Комитет, членами которого стали все епископы восточных униатских церквей, и начата работа по образованию коллегии для подготовки миссионеров. Революция 1848 г. помешала реализации планов И. Терлецкого, и он перебрался в Париж. Сначала здесь «...дело Терлецкаго пошло довольно успешно и ему удалось открыть в Париже свою коллегию, и новый комитет для соединения Церквей, состоящий большею частию из проживающих в Париже польских эмигрантов»[1014]. Затем деньги у И. Терлецкого кончились, и его дальнейшие усилия ни к чему не привели. Да, такой вот своеобразный мост между XVI и XIX столетиями).

Униатская церковь не стала бы самодостаточным управляющим и одновременно управляемым организмом, если бы сразу после образования не была бы установ-

[1014] *Иванцов-Платонов А.М.* О римском католицизме, и его отношениях к православию. Часть 1. С. 152.

лена ее структура и иерархическая лестница с полномочиями и обязанностями каждого, кто стоял на ее ступеньках. Да, высшее руководство Униатской церковью осуществляли митрополит и епископы, но они одни ничего бы не смогли сделать без аппарата, без тех церковных чинов, без рядовых священнослужителей и церковнослужителей, которые на практике и проводили в жизнь решения высшего руководства.

Какова была структура Униатской церкви? Прежде чем ответить на этот вопрос, вспомним, что XVII век был насыщен польско-российскими войнами, вхождением левобережной Украины в состав Московского государства, запретом Православной церкви и восстановлением ее прав (14 марта 1633 г.), другими событиями, которые существенно влияли на структуру. Обратимся к исследователю истории Униатской церкви Ю.Ф. Крачковскому, который дает следующую структуру Униатской церкви в конце XVII – начале XVIII в.:

– архиепископия митрополитская — избираемые из епископов митрополиты продолжали носить названия Киевских и Галицких, но эти названия уже являлись титулярными, так как Киев входил в состав Российского государства. Поэтому униатские митрополиты не жили в Киеве, а зачастую сохраняли за собою те епархии, которыми они руководили до избрания, и продолжали оттуда руководить и епархией, и всей Униатской церковью. Викарии митрополита зачастую проживали в Вильно или Новогородке.

– архиепископия Полоцкая — в ее состав входили области Полоцкая, Витебская и Мстиславская, а также Оршанский и Могилевский округа.

– прототрония Владимирская — включала в себя Волынский, Брестский и Подляский округа.

– епископия Луцкая и Острожская — включала в себя большую часть Волыни.

– епископия Львовская, Галицкая и Каменецкая — включала в себя Червонную Русь и Подол.

– архиепископия Смоленская — в зависимости от обстановки то переходила в состав Униатской церкви, то возвращалась в лоно Православной церкви.

– епископия Холмская и Белзская — включала в себя Холмский и Белзский округа, а также часть Подляхии.

– епископия Перемышльская — в нее входили земли Самборская, Саноцкая, Перемышльская, Ярославская и многие города на Покутье.

– епископия Туровская и Пинская — включала в себя Полесье.

По словам Ю.Ф. Крачковского, «Все эти Епархии, каждая во главе с своим самостоятельным Епископом, в общей жизни Униятской Церкви составляли одно целое, под верховным надзором и управлением Римскаго Первосвященника»[1015].

Вновь обратимся к исследованию Ю.Ф. Крачковского и расскажем об иерархической лестнице Униатской церкви. Итак, кто же располагался на ее ступенях ниже митрополита и епископов?

Официал — избирался из белого духовенства или из числа членов Ордена базилианцев, при этом он давал присягу с произнесением исповедания веры. В обязанности официала входило управление епархией (по тем вопросам, которые были отведены ему епископом), наблюдение за духовенством и его деятельностью п

[1015] *Крачковский Ю.Ф.* Очерки Униятской Церкви // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел I. М., 1871. С. 225.

просвещению народа в духе униатства; по поручению епископа разрешал греховные случаи, освящал церковные сосуды; утверждал свидетельства о пригодности кандидатов на вступление в духовное звание и получение священно-церковнослужительской степени, представлял в степени священства достойных кандидатов; назначал викариев и администраторов; проверял епархиальную семинарию, ее доходы и расходы. По поручению епископа рассматривал поступавшие на его имя письма от духовных и светских лиц и давал ответы и др.

Наместник епархиальный — назначался епископом в тех случаях, когда в епархии не было официала. Обязанности наместника были те же, что и у официала, но обладал он меньшей властью, и на него можно было подавать жалобы епископу, в то время как на официала жаловаться епископу было нельзя.

Богослов (теолог) — ближайший советник епископа, который должен был обладать высоким образованием, благочестием и благоразумием.

Экзаменатор — в его обязанности входило проведение испытаний тех, кто желал получить священно-церковную степень. Экзаменаторами должны были назначаться люди мудрые, опытные в Законе Божием и каноническом праве.

Канцлер (писарь) — секретарь епископской канцелярии, в обязанности которого также входил контроль за ходом судебных, уголовных и гражданских дел, ведение епархиального архива, выдача различных справок, учет произнесших исповедание веры и посвящающихся на церковные степени, пастырских милостей и т.д.

Визитатор (осмотрщик) — назначался епископом для инспекторских проверок церквей, часовен, монастырей, братств на всей территории епархии. В ходе инспекции визитатор проверял наличие у священнослужителей необходимых ставленых грамот, качество богослужений и насколько прихожане к ним внимательны, проповеднической деятельности и совершения Таинств. Визитатор также проверял поведение священнослужителей, состояние обучения в школах, соблюдение финансовой дисциплины, доходы и расходы, осматривал церковные книги, сосуды, одежды, а также мощи с предъявлением доказательств их истинности, собирал сведения об отъявленных грешниках и т.д. От визитатора требовалось образование, благочестие, опытность в каноническом праве.

Архипресвитер (декан, благочинный) — в каждой епархии на небольшое число церквей назначался старший священник — декан или благочинный, который был неким посредником между епархиальной властью и приходскими церквами. Все епископские распоряжения писались на его имя, а он уже организовывал их исполнение через приходских священников. Декан организовывал и контролировал работу приходских священников, следил и периодически докладывал епископу о состоянии веры и нравственности в своем деканате (благочинии).

Священник — его основными обязанностями являлись богослужебная и проповедническая деятельность, совершение св. Таинств для своих прихожан, надзирание за нравственностью народа, исполнением им церковных канонических предписаний. Священник отвечал за целость и чистоту церкви, церковного имущества, вел общий учет прихожан, крестившихся, вступивших в брак и умерших, а также книгу с характеризующими данными на каждого прихожанина и др.

Аспирант — лицо, ищущее посвящения в священный сан, т.е. в священника. За два месяца до посвящения аспирант представлял соответствующее заявление дека-

ну, после чего решением епископа или официала назначалась проверка аспиранта специально назначенными комиссарами. Проверка включала сбор сведений о его происхождении, звании, состоянии, образовании, когда был крещен, миропомазан и кем, каковы причины поступления в священника, холост или женат, если холост, то намерен ли вступить в брак, не был ли под судом, как характеризуется прихожанами по месту жительства, достаточно ли богат для своего содержания и т.д. В положительном случае сведения об аспиранте согласовывались с коллятором, и после этого согласования епископ обязывал его шесть недель жить при епископской кафедре и под руководством так называемого директора изучать все то, что относилось к священнослужению и совершать духовные упражнения. Затем директор выдавал ему свидетельство о прохождении обучения, и он в присутствии епископа и официала проходил испытания по предметам церковной науки, которые проводил экзаменатор. Только после этого епископ посвящал его в священный сан и выдавал ему ставленую грамоту.

Коллятор (патрон) — частное лицо, как правило из прихожан, которое на свои (или наследственные) средства построил костел, униатскую церковь или монастырь, сделал крупные денежные приношения, на которые в последующем костел или церковь, или монастырь могли существовать. После этого коллятор получал у епископа подтвердительную грамоту (о факте колляции) и уже не мог вмешиваться в управление костелом, церковью или монастырем, и их доходы. Коллятору только предоставлялось право предлагать кандидатуру священника на вакантное место, а также следить за правильностью использования священником церковного имущества. Коллятором мог быть и король Польши.

Парох — приходский священник, прошедший путь проверок, обучения и испытаний от аспиранта до посвящения в священный сан.

Плебан — приходский (в городе) священник в католической церкви, также прошедший путь проверок, обучения и испытаний, настоятель храма.

Коадъютор (викарий) пароха — помощник пароха, назначавшийся епископом с согласия пароха в больших приходах. При этом требовалось, чтобы церковь располагала средствами для одновременного содержания пароха и коадъютора.

Администратор — кандидат для назначения на вакантное место пароха, зачастую из числа коадъюторов (викариев). Администратор назначался епископом на срок не более 6 месяцев, ему выдавалась соответствующая грамота на право администрации, за что он обязывался выплатить около 2 рублей серебром. Администратор пользовался всеми правами пароха.

Капеллан — священник в домовой церкви какого-либо богатого человека. В его обязанности входило совершение богослужений только в этой домовой церкви и по распоряжению нанявшего его человека. Он не имел права совершать требы для прихожан прихода. В случае конфликта с хозяином он мог быть удален с занимаемого им места.

Провиз — бывший капеллан, потерявший место в домовой церкви у какого-либо человека и ищущий нового места. С разрешения епископа ему за плату (апробата) и на определенный срок (до занятия места капеллана) предоставлялось право совершать требы для прихожан. Если он в назначенный срок не успевал найти себе новое место капеллана, то терял право на совершение треб.

Диакон — помощник пароха (плебана), особенно в многочисленном приходе. Во время богослужений и проповедей оказывал помощь иерею, смотрел за бедными, в отсутствие пароха (плебана) совершал крещение, причащение и погребение.

Иподиакон — готовил иерею священные сосуды для совершения литургии, при богослужении одевал в священные одежды епископа, священника.

Екзорцист — в его обязанности входило изгнание бесов из людей, ими одержимых.

Свеченосец — готовил для литургии хлеб и вино, зажигал свечи на престоле в церкви, подавал кадило.

Чтец и певец — читали Псалтырь, учили оглашенных вере, пели в церкви священные песни.

Вратарь — следил за тем, чтобы в церковь не входили люди проклятые, еретики, звонил к богослужению, смотрел за целостью одежды священнослужителей, открывал и закрывал дверь в церковь.

Такова была иерархическая лестница Униатской церкви[1016].

Кто же возглавлял Униатскую церковь со дня ее образования в XVI–XVII столетиях, кто насаждал униатство на территории Западной и Южной Руси, кто организовывал борьбу с православием и Православной церковью, кто по этим вопросам поддерживал контакты с папами Римскими, курией и папской нунциатурой в Польше, с королями Польши, с главами католических епархий? Итак, униатскими митрополитами являлись:

Михаил Васильевич Рогоза, бывший православный митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси, 6 октября 1596 г. на Брестском Соборе избран униатским митрополитом, и в этом сане находился до своей смерти 26 сентября 1599 г.

Ипатий Львович Потей, в 1599–1613 гг. Воспитанник Краковской иезуитской коллегии, один из организаторов и идеологов Брестского Собора 1596 г., один из создателей Униатской церкви.

Иосиф-Вельямин Рутский, в 1613–1637 гг. Он же в 1617–1626 гг. являлся протоархимандритом Ордена базилианцев. В 1590–1603 гг. проходил обучение в Несвижской иезуитской коллегии, Пражском иезуитском университете, в Греческой коллегии св. Афанасия в Риме. «Потом он в течение всей своей жизни столь ревновал о св. унии, что папа Урбан VIII в письме к Сигизмунду III, королю польскому, называл его атласом унии, столпом церкви, Русским Афанасием»[1017]. В 1605–1606 гг. выезжал в Москву в составе посольства папского легата графа Александра Рангони в качестве переводчика (посольство выехало из Кракова 2 октября 1605 г., в феврале 1606 г. находилось в Москве, вернулось в Краков 2 мая 1606 г.). Умер 5 февраля 1637 г.

Рафаил Евстафьевич Корсак, в 1637–1640 гг. Он же в 1626–1640 гг. являлся протоархимандритом Ордена базилианцев. Проходил обучение в Несвижской иезуитской коллегии в одно время с И.В. Рутским, и иезуитской коллегии в Браунсберге, обучался в иезуитском университете в Праге. Выпускник Греческой коллегии св.

[1016] О церковных чинах и их обязанностях см.: Крачковский Ю.Ф. Очерки Униятской Церкви // ЧИОИДР. Книга 2. М., 1871. С. 237–257.

[1017] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси, издаваемый при Управлении Виленскаго учебнаго округа. Т. 9. Вильна, 1870. С. 159.

Афанасия в Риме. Интересно, что будучи в Риме, 31 декабря 1639 г., Р.Е. Корсак ру кopоложил в униатского священника Паисия Лигарида, сыгравшего впоследстви как мы уже выше рассказывали, существенную негативную роль в жизни Русско православной церкви.

Антоний Александрович Селява, в 1643–1655 гг. Он же в 1642–1661 гг. яв лялся протоархимандритом Ордена базилианцев. Выпускник Греческой коллеги св. Афанасия в Риме.

В 1655–1666 гг. митрополита униатского не было, администратором униатско митрополии являлся Гавриил Янович Коленда.

Гавриил Янович Коленда, в 1666–1674 гг. Он же в 1665–1675 гг. являлся про тоархимандритом Ордена базилианцев. Выпускник Греческой коллегии св. Афана сия в Риме.

Киприан Александрович Жоховский, в 1674–1693 гг. Он же дважды, в 168 и 1684 гг., избирался протоархимандритом Ордена базилианцев, но оба раза эт избрания отменялись папой Иннокентием XI. Выпускник Греческой коллегии св Афанасия в Риме. Один из идеологов и организаторов второго этапа распростране ния унии в конце XVII в. Доктор теологии.

Лев (Леон) Шлюбич-Заленский, в 1693–1695 гг. по распоряжению папско го нунция в Польше архиепископа Селевкийского Андреа Сантакроче от 11 ноябр 1693 г. являлся администратором униатской митрополии. 11 апреля 1695 г. папо Иннокентием XII утвержден униатским митрополитом, которым являлся в 1695-1708 гг. Продолжал после смерти К. Жоховского руководство мероприятиями вто рого этапа распространения униатства (вместе с И. Шумлянским).

Униатские митрополиты давали присягу. Обратите внимание на ее содержани Вот что, например, говорилось в присяге Антония Александровича Селявы при на речении его Киевским митрополитом 14 марта 1642 г.: «Нареченный митрополи обещает: всегда быть верным и послушным св. Петру, римской Церкви, папе Ур бану VIII и его преемникам; не злоумышлять против пап и не причинять им каких либо оскорблений; сохранять в тайне все секретныя поручения, делаемыя апосто лическою столицей; защищать папство; почитать папскаго нунция и обращаться нему за советом в случаях нужды; сохранять и защищать права, почести, привиле гии, авторитет римской Церкви и пап; соблюдать во всей силе (и заставлять делат это и своих подчиненных) все постановления и предписания пап и римской Церк ви; присутствовать на Соборах; визитовать киевскую архиепископию; преследо вать еретиков, схизматиков и противников пап; давать во всем своем управлени отчет папе; управлять делами архиепископии во всех отношениях согласно поста новлениям римской Церкви и временным предписаниям конгрегации распростра нения веры; пользоваться всем достоянием киевской архиепископии законно и со хранять все в целости, под угрозою законных наказаний»[1018]. Направленность при сяги видна из ее содержания и комментариев не требует. Скажем только, что в тек сте не говорится о мирянах и посполитых (кроме преследования еретиков, схизма тиков и противников пап), об их защите митрополитом и Униатской церковью.

[1018] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. 1470–1700. Т. 1. С. 265-266.

Вернемся на несколько десятилетий назад. Оценив трудности распространения униатства, желая создать боевой инструмент для повышения эффективности деятельности Униатской церкви, униатский митрополит Рутский Иосиф-Вельямин в самый разгар войны между Польшей и Россией, 20–26 июля 1617 г., образовал униатский **Орден св. Василия Великого, Орден базилианцев**. В указанные выше дни была созвана и проходила первая организационная Новогородокская (в Новогородке) конгрегация Ордена; 21 июля 1617 г. первым генералом (протоархимандритом) Ордена был избран инициатор его образования униатский митрополит Рутский Иосиф-Вельямин. Разумеется, образование Ордена было согласовано с королем Польши Сигизмундом III, с папской нунциатурой в Польше и папой Павлом V. Решения Новогородокской конгрегации были утверждены в 1624 г. декретом конгрегации «Пропаганда Веры» и специальным бреве папы Урбана VIII от 20 августа 1631 г.[1019]

Об этом Ордене написано весьма мало, хотя он сыграл существенную роль в жизни Униатской церкви, в борьбе с православием и Православной церковью. Пожалуй, наиболее полно Орден и его деятельность нашли свое отражение в «Археографических Сборниках документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси», т.т. 12 и 13, изданных в Вильно соответственно в 1900 и 1902 гг. со вступительными статьями Ю.Ф. Крачковского, его же труде «Очерки Униатской Церкви» (ЧИОИДР, книги первая и вторая за 1871 год). Конечно, и некоторые другие историки в своих работах обращались к Ордену, но, к сожалению, фрагментарно.

Протоархимандритами (генералами) Ордена базилианцев со дня его образования в XVII в. являлись:

Иосиф-Вельямин Рутский, избран протоархимандритом на Новогородокской конгрегации 21 июля 1617 г. Конгрегация проходила 20–26 июля 1617 г. Он же в 1613–1637 гг. являлся униатским митрополитом.

Рафаил Евстафьевич Корсак, избран на Лавришевской конгрегации 10 августа 1626 г. До избрания — старший (игумен) униатского Виленского Свято-Троицкого монастыря. Он же в 1637–1640 гг. являлся униатским митрополитом.

Антоний Александрович Селява, избран на Виленской конгрегации 14 июля 1642 г. Он же в 1643–1655 гг. являлся униатским митрополитом.

В 1655–1661 гг. должность протоархимандрита оставалась вакантной, его обязанности исполнял провинциал Ордена Бенедикт Терлецкий.

Яков Суша, избран на Жировицкой конгрегации 21 декабря 1661 г. Конгрегация проходила 19–27 декабря 1661 г. До избрания — униатский епископ Холмский и Белзский.

Гавриил Янович Коленда, избран на Супрасльской конгрегации 23 августа 1665 г. Он же в 1655–1664 гг. являлся администратором униатской митрополии. Председательствовал на конгрегации папский нунций в Польше, архиепископ Ларисский Антонио Пиньятелли (будущий папа Римский Иннокентий XII в 1691–1700 гг.).

Гавриил Янович Коленда, избран на Брестской конгрегации 5 марта 1666 г. Конгрегация проходила 3–5 марта 1666 г. В 1666–1674 гг. он же являлся униатским

[1019] Текст бреве приведен в Археографическом Сборнике документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемом при Управлении Виленскаго учебнаго округа. Т. XII. Вильна, 1900.

митрополитом. Председательствовал на конгрегации тот же папский нунций Антонио Пиньятелли.

Пахомий Огилевич, иеромонах, избран на Жировицкой конгрегации 14 мая 1675 г. Конгрегация проходила 12–15 мая 1675 г. До избрания — генеральный викарий Ордена.

Стефан Мартышкевич-Бузанский, иеромонах, избран на Жировицкой конгрегации 29 июля 1679 г. Конгрегация проходила 20–31 июля 1679 г.

Киприан Александрович Жоховский, доктор теологии, избран на Минской конгрегации 27 июля 1683 г. Его избрание отменено бреве папы Иннокентия XI от 30 октября 1683 г. В 1674–1693 гг. он же униатский митрополит.

Киприан Александрович Жоховский, избран на Новогородокской конгрегации 19 марта 1684 г. Это избрание также отменено папой Иннокентием XI.

Иосиф Петкевич, избран на Новогородокской конгрегации 8 августа 1686 г. Конгрегация проходила 1–8 августа 1686 г. под председательством члена Ордена иезуитов, пробоща и професса Виленского профессского дома Томаша Вейского (по поручению папского нунция в Польше, архиепископа Эфесского Опития Паллавичини). До избрания — секретарь Ордена.

Симеон Янович Огурцевич, доктор теологии, избран на Минской конгрегации 5 августа 1690 г. Конгрегация проходила 1–5 августа 1690 г. До избрания — протосекретарь Ордена.

Симеон Янович Огурцевич, избран на Жировицкой конгрегации 5 августа 1694 г. Конгрегация проходила 1–5 августа 1694 г.

Иоахим Кушелич, доктор теологии, избран на Бытенской конгрегации 30 августа 1698 г. Конгрегация проходила 25–31 августа 1698 г. До избрания — протоконсультор Ордена.

Лев Георгиевич (Лукас) Кишка, избран на Новогородокской конгрегации 7 сентября 1703 г. До избрания — секретарь Ордена. Конгрегация проходила 26 августа – 8 сентября 1703 г.

Лев Георгиевич (Лукас) Кишка, избран на Бельской конгрегации 5 сентября 1709 г. Конгрегация проходила 26 августа – 5 сентября 1709 г.

Всего в XVII в. конгрегаций Ордена было больше. Приведем их все, чтобы показать эту сторону организационной деятельности базилианцев.

В 1617 г. — Новогородокская, в 1621 г. — Лавришевская, в 1623 г. — Рутская, в 1626 г. — Лавришевская, в 1629 г. — Жировицкая, в 1636 г. — Виленская, в 1642 г. — Виленская, в 1646 г. — Виленская, в 1650 г. — Виленская, в 1652 г. — Минская, в 1656 г. — Тороканская, в 1657 г. — Бытенская, в 1658 г. — Жировицкая, в 1659 г. — Жировицкая, в 1660 г. — Тороканская, в 1661 г. — Жировицкая, в 1665 г. — Супрасльская, в 1666 г. — Брестская, в 1667 г. — Виленская, в 1671 г. — Новогородокская, в 1675 г. — Жировицкая, в 1679 г. — Жировицкая, в 1686 г. — Новогородокская, в 1690 г. — Минская, в 1694 г. — Жировицкая, в 1698 г. — Бытенская, в 1703 г. — Новогородокская и в 1709 г. — Бельская.

Какие цели преследовали руководители Униатской церкви, создавая Орден базилианцев при поддержке польского правительства и папской нунциатуры? Еще до официального утверждения Ордена базилианцев Ватикан питал надежды по использованию его в будущем для борьбы с Русской православной церковью. Государственный секретарь Ватикана кардинал Сципион Каффарелли Боргезе писал

папскому нунцию в Польше Франческо Симонетта: «О делах московских теперь нечего много говорить, потому что надежда обратить это государство к Престолу Апостольскому исчезла со смертью Димитрия, хотя и говорят теперь, что он жив. Итак, мне остается сказать вам только то, что, когда введется реформа в орден монашеский св. Василия между греками (попытка ввести "восточный обряд"), тогда можно будет со временем воспитать много добрых растений, которые, посредством сношений своих с Москвой, могут сообщить свет истины ее народу»[1020].

Орден базилианцев, по оценке Ю.Ф. Крачковского, «был основан для истребления схизмы в России и отдаленнейших провинциях... При помощи ордена, по мнению базилиан, должна была уничтожиться схизма не только в России, но и в других землях, как то: Валахии, Молдавии, Болгарии, Сербии, в некоторых частях Угрии, Седмиградии»[1021]. Заметим, что в те годы в Европе Российское государство называли Московией, а под Россией понимали территории Западной и Южной Руси, входившие в состав Польши. И в этой связи представляется возможным несколько дополнить точку зрения Ю.Ф. Крачковского — Орден базилианцев был образован и для достижения таких целей, как, во-первых, обеспечение жизнеспособности (выживаемости) Униатской церкви, и во-вторых, для борьбы с православием не только в названных выше странах, но и в Московском государстве.

В основу административно-иерархической структуры Ордена базилианцев были положены структуры католических монашеских орденов, в особенности Ордена иезуитов, принимавшего самое непосредственное участие как в создании базилианского Ордена, так и в его деятельности в XVII столетии. В трудные первые годы иезуиты участвовали в проведении конгрегаций Ордена, оказывали помощь (организационную, консультационную и др.), заботились о духовном воспитании базилианцев. По просьбе первого протоархимандрита Ордена И.В. Рутского, иезуиты предоставили в своих учебных заведениях 22 места для молодых базилианцев, для подготовки из них профессиональных руководящих кадров, отвечавших требованиям Ватикана.

В 1617 г. вновь образованный Орден объединил все униатские монастыри на территории Польши. (Вспомним, что с 1596 г. Православная церковь Западной и Южной Руси была запрещена). Монастыри были разные по численности — до 20, до 50 и более 50 монахов, разные по входившим в собственность монастыря населенным пунктам, типографиям, учебным заведениям, землям, угодьям, мельницам, иным имущественным владениям. В зависимости от политической обстановки в Польше, в состав Ордена дополнительно вводились новые монастыри, в том числе и без православных монахов, не желавших монашествовать в униатских монастырях, или же наоборот, отдельные монастыри возвращались в лоно Православной церкви.

Орден базилианцев действовал на той территории Польши, которую Униатская церковь стала считать своей канонической территорией после запрещения Православной церкви Западной и Южной Руси в 1596 г. После возвращения прав Православной церкви в 1633 г. Орден продолжал действовать на той же территории, но теперь здесь к униатским и католическим епархиям добавились и православные

[1020] Цит. по: *Воейков Н.Н.* Церковь, Русь и Рим. С. 340.

[1021] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленскаго учебнаго округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 6.

епархии, и часть монастырей была возвращена Православной церкви. В опред ленной степени это не только ограничило возможности униатов и Ордена, но и д бавило им работы, добавило им целей и объектов для непосредственной борьбы православием.

Базилианцы имели свой «Устав» («Конституцию»), «Наставление для желаю щих вступить в Орден», «Правила при избрании протоархимандрита, а также пр совершении избирательной и генеральной капитулы (конгрегации)», «Обязанност протоархимандрита и его отношение к Ордену», «Правила епископов».

Протоархимандрит — генерал, глава Ордена, которого еще называли «прот Избирался общим голосованием на заседании генеральной конгрегации. В голос вании участвовали: униатский митрополит (он имел два голоса), выборные пре ставители от всех входящих в состав Ордена монастырей (в зависимости ои чи ленности монахов число выборных колебалось от 1 до 4), генеральные советни или консульторы, секретари, протосекретарь, архимандриты и игумены, нотариу в некоторых случаях представители папского нунция в Польше, члены Ордена и зуитов. Срок, на который избирался протоархимандрит, постоянно менялся, от п жизненного до 4 лет во второй половине XVII в. После избрания протоархима дрит на этом же заседании конгрегации приводился к присяге. Протоархимандри обязан был организовывать распространение униатства и борьбу с православие поддерживать контакты с Ватиканом (через прокуратора), папским нунцием, уни атским митрополитом и униатскими епископами, главами и старшими входящих Орден монастырей, обеспечивать работу учебных заведений и типографий Орден заботиться об увеличении доходов и расширении имений, и др.

Монитор (напоминатель) — в его обязанности входило напоминание протоар химандриту о тех или иных важных и неотложных делах и решениях, на что нуж но обратить особое внимание; он оказывал помощь протоархимандриту в ведени дел, принимал письма от настоятелей монастырей и частных лиц, докладывал и п поручению протоархимандрита давал ответы. «От него требовалась полная предан ность пользам ордена, трудолюбие, ученость, почтенная осанка, степенность в бе седе и с старшими, и с младшими, верность доверенным тайнам»[1022]. Избирался н генеральной конгрегации Ордена.

Секретарь, протосекретарь — вел протоколы заседаний конгрегаций. Во из бежание разглашения сведений о содержании и решениях конгрегаций, с 1623 должность эта становится выборной и постоянной, при избрании секретарь бы обязан дать присягу.

Провинциал, генеральный викарий — в его обязанности входило проведени по распоряжению протоархимандрита ежегодных проверок каждого монастыр прежде всего, по соблюдению им конституции и правил Ордена, а также доходо и расходов. Кроме того, он собирал контрибуцию на содержание орденских чинов ников, в том числе прокуратора и его канцелярии, на командировочные расходы Провинциал проверял соблюдение распорядка дня, качество питания, осматрива монастырские библиотеки, при наличии вакантных должностей своими распоря жениями замещал их, при отсутствии в монастыре карцера давал указание о ег

[1022] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси издаваемый при Управлении Виленскаго учебнаго округа. Т. 12. С. 17.

постройке, контролировал совершение церковных обрядов, наблюдал за однообразием монашеской базилианской одежды. Должность провинциала была введена в 1621 г., чтобы разгрузить протоархимандрита от обременительных по затратам труда и времени проверок монастырей. Провинциалы избирались на генеральной конгрегации сроком на 4 года. Его же еще называли генеральным визитатором.

Консультор (советник), протоконсультор — четыре консультора составляли постоянный совет при протоархимандрите. Один из них, который постоянно находился при протоархимандрите, назывался протоконсультором. Остальные три консультора большею частью являлись настоятелями ближайших к месту жительства протоархимандрита монастырей. Консульторы и протоконсультор избирались пожизненно на генеральной конгрегации. «Без их совета протоархимандрит не должен был предпринимать ни одного важнаго дела. Требовалось, чтобы раз в год он делал с ними свою частную конгрегацию, на которой, в небольшом интимном кружке, они ясно могли обрисовывать положение всего ордена, составляли проекты, взаимно сдавали отчет, насколько приводятся в исполнение постановления генеральных конгрегаций, предлагали протоархимандриту свои советы»[1023].

Прокуратор — постоянный представитель протоархимандрита в Риме (поверенный в делах), имел свою канцелярию, являлся связующим звеном в отношениях Ордена с Ватиканом.

Архимандрит — настоятель большого и богатого мужского монастыря.

Игумен — настоятель мужского монастыря с небольшой численностью монахов.

Старший монастыря — помощник протоархимандрита в конкретном монастыре, назначался им по совету с консульторами на 4 года. «Старшие самым подробным образом должны были извещать протоархимандрита о ходе монастырских дел, подлежащих их ведению. В свою очередь сами они должны были знать всю подноготную своего монастыря»[1024].

Зелятор — назначался провинциалом (генеральным викарием) в ходе инспекционной проверки конкретного монастыря для побуждения «старшаго монастыря к справедливости, благочестивым подвигам»[1025]. На практике являлся духовным наставником старшего монастыря.

Наместник — исполнял обязанности старшего монастыря в случае его отсутствия или болезни. В обычное время в его ведение входил надзор за состоянием хозяйственной деятельности монастыря, поддержанием режима, дисциплины и порядка в монастыре, питанием монахов, обеспеченностью их верхней одеждой и бельем и т.д.

Проповедник — должность проповедника имелась в каждом базилианском монастыре. Он должен был хорошо знать богословскую литературу, быть лично знакомым с лучшими проповедниками и их проповедями, тщательно готовиться к каждой проповеди. «От проповеди требовалось, чтобы своим содержанием она возбуждала в людях покаяние, желание делать добро, удаляться от зла... присутствовать при богослужении, исповедываться, приобщаться Св. Тайн, родителей побуждала бы к хорошему воспитанию своих детей, хозяев к Христианскому устройству

[1023] Там же. С. 18.

[1024] Там же. С. 21.

[1025] Там же. С. 19–20.

домашнего быта, всех к послушанию своим старшим, духовным и светским... Про поведнику не позволялось говорить больше часу. Высокия нравственныя качеств составляли необходимое условие хорошаго проповедника...»[1026].

Духовник — в 1621 г. на Лавришевской конгрегации было принято решени чтобы в каждом базилианском монастыре был духовник, один для всех, у которо го должна была исповедываться вся монастырская братия. Он должен был хорош знать все постановления Ордена, быть ревностным к увеличению его богатств, ве сти степенную и примерную жизнь. Он должен был наставлять братию на правед ный путь, «возбуждать к этому постоянное, неослабное стремление, указывать раз личныя духовныя занятия для большаго единения с Богом. В беседах с братией о расспрашивал, каким способом кто молится Богу, как испытывает свою совесть, на блюдают ли за своими недостатками, противодействуют ли им, как успевают в до бродетелях, предписываемых постановлениями Ордена, бывают ли послушны, ис полняют ли назначенныя епитимии и службы. Наставлял братию с глубоким бла гоговением и сыновним страхом приступать к Святым Тайнам, внимательно пре этим и после прочитавши молитвы. Должен был утешать сокрушенных сердцем ленивым назначал наказания, сообразуясь с душевною болезнию каждаго... Духов ник должен был сам очень хорошо изучать произведения духовнаго содержания и соответственно потребности каждаго брата, выбирал и назначал для прочтения т или другое место, или же целую книгу»[1027].

Эконом — в его ведении находились все доходы и расходы монастыря, а такж деньги, приносимые вновь принятыми в монастырь. Он контролировал состояни всех строений и другого недвижимого имущества, о необходимости ремонта докла дывал старшему монастыря. У него хранились грамоты о привилегиях монастыр фундушевые записи. Эконом вел все судебные тяжбы, касавшиеся монастыря; че тыре раза в год он докладывал о состоянии дел старшему монастыря.

Келарь — непосредственно ведал монастырское хозяйство, заботился о пра вильном расходе монастырских запасов, руководил работой монастырской челяди О состоянии порученных дел ежедневно докладывал наместнику.

Вестиарий — в ведении вестиария находилось вся верхняя одежда и бель монахов-базилианцев. Для этого у него были особые вешалки, шкафы, сундуки. О вел учет всех подконтрольных ему вещей, заботился о чистоте одежды, ее исправ ности и ремонте в случае необходимости. По его указанию производилась заку ка зимней и летней одежды для монахов. Раз в неделю он отдавал в стирку мона шеское белье, по субботам выдавал монахам чистое белье на следующую неделю

Вратарь — он не только распоряжался воротами и калиткой монастыря, но ве повседневный учет всех монахов, вошедших в монастырь или вышедших из него Контроль за его работой осуществлял наместник.

Трапезарь — должен был заботиться о чистоте столовой, два раза в неделю вы метал ее, вытирал столы, стулья и стены, чистил ножи, вилки и другие столовы приборы. Зимой заботился о своевременной топке печей, расставлял на столах све чи, звонил к обеду, во время обеда наблюдал за порядком, вел учет отсутствова

[1026] *Крачковский Ю.Ф.* Очерки Униятской Церкви // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел I. М., 1871. С. 94–95.

[1027] Там же. С. 95–96.

ших или опоздавших по уважительным или неуважительным причинам, давал распоряжения повару о количестве обедающих за общим столом, сколько порций нужно оставить для отсутствующих и сколько отнести в кельи больным. В ведении трапезаря также находилась умывальная комната, он ежедневно менял воду, сушил и менял полотенца, отдавал их в стирку.

Повар — готовил пищу согласно росписи блюд на неделю, утвержденной старшим монастыря, и чинно подавал ее братии. Пищу на столы он должен был подавать во время, утвержденное монастырским уставом. В его обязанности также входила забота о чистоте поварни (кухни) и всех поварских принадлежностей.

Носоком — в его обязанности входило оказание помощи монастырским больным: он смотрел за чистотой келий больных, их постельных принадлежностей, с разрешения старшего монастыря приглашал к больному врача и находился в келье у больного при его посещении врачом. Носокомы были в каждом базилианском монастыре.

Книгохранитель — был ответственным за соблюдение чистоты в монастырской библиотеке (практически в каждом базилианском монастыре имелась своя большая библиотека). Два раза в месяц он очищал пыль с книг и шкафов, в хорошую погоду открывал окна и проветривал помещения и книги, ремонтировал переплеты книг, дописывал тексты вырванных страниц. Имел список монахов и ежедневно отмечал, кто и какую взял книгу. Он же обязан был иметь список запрещенных книг и не допускать их выдачи (если таковые имелись в библиотеке) монахам.

Библиотекарь — вел учет всех книг, имевшихся в библиотеке, причем духовные книги и светские учитывались раздельно. Кроме того, особо учитывались книги греческие, особо латинские; отдельно велся учет книг «учительных», философских, ораторских и т.д.

Лаик — монах базилианского монастыря, не являвшийся клириком и дававший обет не добиваться получения сана клирика. Он не имел тяги к познаниям и духовной жизни, поэтому использовался руководством монастыря на физических работах, выполняя при этом все требования монастырского устава и посещая богослужения.

Монастыри Ордена базилианцев. В те далекие времена монастыри являлись важнейшими церковно-богословскими центрами укрепления и распространения униатства. И не только. Именно в монастырях готовились и воспитывались архиереи, будущие руководители Униатской церкви и Ордена базилианцев. Монастыри являлись и центрами культуры и образования, уже тогда во многих монастырях имелись библиотеки, архивы, учебные заведения, типографии. В лихое время вражеских нашествий крепкие стены монастырей служили защитой жителям близлежащих населенных пунктов. Да и в обычной жизни монастыри притягивали к себе людей, как в XX в. дворцы культуры и клубы. Кроме того, монастыри являлись собственниками обширных земельных угодий, пастбищ и лесов, рыбных ловель, бобровых гонов, медовых сборов, скота и домашней птицы, сел и деревень, мельниц, другой недвижимости и обиходного имущества.

XVII в. был очень богат различными крупномасштабными событиями: бунтами, восстаниями, гражданской войной во главе с Богданом Хмельницким, войнами между Российским государством и Речью Посполитой, переходом значительных территорий от одного государства в состав другого и обратно. Как правило, имевшиеся на этих территориях монастыри, в случае победы Речи Посполитой, преоб-

разовывались из православных в униатские, а в случае победы Российского госу дарства — из униатских монастырей преобразовывались в православные. Сложна и опасная была жизнь, и многие монастыри за столетие не раз становились то пра вославными, то униатскими, а то и католическими (иезуитскими, доминиканск ми), а Каменецкий Троицкий мужской монастырь в городе Каменец-Подольско в 1672 г. после взятия города турецкими войсками был даже обращен в мечеть, только в 1699 г. перешел в состав Ордена базилианцев. Границы государств посто янно передвигались, и подсчитать количество униатских монастырей можно толь ко с привязкой к конкретному положению границы в конкретный год, с обязатель ным учетом исполненных и неисполненных королевских и судебных решений о пе редаче тех или иных монастырей и их собственности в ведение Униатской или Пра вославной церквей. (В то далекое время не всегда королевские и судебные решени исполнялись в указанные сроки).

Всего в разные годы XVII в. на территории Речи Посполитой находилось бо лее 50 униатских (с 1617 г. базилианских) монастырей. Наиболее значимыми явля лись: Виленский Свято-Троицкий мужской монастырь (Вильно), в нем имелись но вициат, типография, в 1636, 1642, 1646, 1650 и 1667 гг. здесь проводились конгре гации Ордена базилианцев; Бытенский мужской монастырь (Бытень), в нем имел ся новициат, в 1657 и 1698 гг. здесь проводились конгрегации Ордена базилианце Супрасльский Благовещенский мужской монастырь (Супрасль), в нем имелась ти пография для печатания богослужебных и духовно-нравственных книг, в 1665 г здесь проводилась конгрегация Ордена базилианцев; Жировицкий Успенский муж ской монастырь (Жировицы), обладавший богатой собственностью, в 1629, 165 1659, 1661, 1675, 1679 и 1694 гг. здесь проводились конгрегации Ордена базили анцев. Первым униатским настоятелем монастыря был Иосафат Кунцевич. Это монастырь посещали короли Польши Владислав IV, Ян II Казимир, Ян III Собе ский. В нем имелся новициат. Папы Римские хорошо знали о монастыре, 23 июл 1647 г. Иннокентий X подписал индульгенцию об освобождении от чистилища те кто будут упомянуты в Жировицком базилианском монастыре. В этом докуме те Жировицкий монастырь громко назван oppidum vilnens. Dioces, то есть «крепо стью вильненского диоцеза»; Жидичинский Свято-Николаевский мужской мона стырь (Жидичин); Лавришевский мужской монастырь (недалеко от Новогрудок), 1621 и 1626 гг. здесь проводились конгрегации Ордена базилианцев; Кобринск Свято-Спасский мужской монастырь (Кобрин), в 1626 г. здесь проводился Собо Униатской церкви; Дерманский Свято-Троицкий мужской монастырь (Дермань), нем имелась школа и типография. Интересно, что с начала марта 1575 до сентябр 1576 г. по указанию князя Константина Константиновича Острожского для налажи вания книгопечатного дела монастырем управлял (был «справцей») бежавший и Москвы первопечатник Иван Федоров[1028].

Базилианские монастыри являлись настоящей кузницей кадров для Униатско церкви и Ордена базилианцев. Из иеромонахов и настоятелей различных базилиан ских монастырей в разное время выросли митрополиты, архиепископы, епископы коадъюторы и администраторы Униатской церкви, а также протоархимандриты

[1028] *Малышевский И.И.* Новые данные для биографии Ивана Федорова, русскаго первопечатника Чтения в Историческом Обществе Нестора летописца. Книга 7. Отдел II. Киев, 1893. С. 95.

провинциалы, консульторы и секретари Ордена базилианцев. В их числе Иосиф-Вельямин Рутский, Рафаил Евстафьевич Корсак, Антоний Александрович Селява, Гавриил Янович Коленда, Киприан Александрович Жоховский, Яков Суша, Стефан Мартышкевич Бузанский, Симеон Янович Огурцевич, Иосиф Гуторович, Лев Креуза, Иосафат Кунцевич, Ян Дубович, Бенедикт Глинский, Пахомий Война Оранский, Николай Никифор Лозовский, Марциан Белозор, Константин Витопольский, Афанасий Пакоста и другие.

Папы Римские и Ватикан, польские короли, руководители Униатской церкви прекрасно понимали роль и значение монастырей, в связи с чем принимали самое непосредственное и деятельное участие в их жизни. Папы Римские и Ватикан контролировали деятельность Ордена базилианцев, давая разрешения и утверждая назначение тех или иных базилианцев на руководящие должности в монастырях; конгрегация «Пропаганда Веры» и суд при папских нунциях в Польше довольно часто рассматривал тяжбы и споры базилианских монастырей. Рим старался поднять престиж как конкретных, так и всех вместе базилианских монастырей, для чего использовал и подписание различных индульгенций. В частности, 1 июня 1630 г. папа Урбан VIII подписал индульгенцию сроком на 15 лет всем, которые посетят семь алтарей Св. Троицы в Вильно и будут молиться об умиротворении церквей. Через год, 13 августа 1631 г., папа Урбан VIII подписал еще одну индульгенцию всем, кто в течение десяти лет посетят Троицкую церковь Виленского Свято-Троицкого монастыря и будут молиться об унии. Он же 5 мая 1634 г. подписал индульгенцию об отпущении грехов всем униатам и католикам, которые совершат в одном из базилианских монастырей сорокачасовую молитву об искоренении схизмы. Он же 29 апреля 1637 г. подписал индульгенцию всем, кто с молитвенными целями и с соблюдением определенных молитвенных условий посетят Виленскую кафедральную церковь в дни провинциального собора. Папа Иннокентий X 17 ноября 1644 г. подписал индульгенцию об отпущении грехов душам тех умерших, о которых будут совершены поминовения в определенные дни на алтаре Св. Девы в Троицкой церкви Виленского Свято-Троицкого монастыря.

Все базилианские иеромонахи, назначавшиеся на должности архимандритов базилианских монастырей, давали присягу на верность папе Римскому, как и униатские архиереи.

Польские короли своими универсалами (декретами, грамотами и др.) давали привилегии тем или иным базилианцам на их назначение архимандритами, а затем и утверждали такие назначения, утверждали перемещения архимандритов, выделяли базилианским монастырям дополнительные деревни, села, земельные угодья и другую собственность, давали разрешения на образование новых монастырей, освобождали монастыри от тех или иных повинностей. В рассмотрении территориальных и имущественных тяжб и споров задействовалась вся многоуровневая судебная и судебно-исполнительная система Речи Посполитой того времени.

Короли и польское правительство, сеймы, шляхта, видя отношение пап Римских и Ватикана к Ордену базилианцев, стали рассматривать его как олицетворение Униатской церкви, раздавая базилианцам различные милости и льготы. Конечно, в зависимости от обстановки в стране, результатов подавления бунтов и восстаний, войн с Российским государством, наступали периоды некоторого охлаждения

в отношениях с Орденом, но затем эти отношения вновь приходили в соответстви с политикой Рима. «Очень естественно теперь было явиться следующему поста новлению: “Отступников от Унии наказывать так же, как и отступников от Латин ства, т.е., изгнанием из отечества”; так как главным представителем Унии считал Базилиянский Орден, то к нему и относились все эти права. К тому времени успе ло даже сложиться целое убеждение, самую Унию отождествлявшее с Орденом, та что, по словам Якова Суши, “благо одного было вместе и благом другой, и зло Ор дена вело к погибели Унии”. Папы очень хорошо понимали это и, как мы видим, да рили Базилиян очень и очень немалыми милостями»[1029].

Взаимоотношения Ордена базилианцев с Ватиканом в XVII в. Со дня свое го учреждения в 1617 г. Орден базилианцев находился в ведении конгрегации «Пр паганда Веры», имел в Риме своего полномочного постоянного представителя в Ва тикане (прокуратора) с канцелярией. Контакты поддерживались постоянно, и не толь ко по стратегическим или тактическим вопросам практической деятельности Ордена Конгрегации и папам Римским не раз приходилось разбирать и улаживать конфликт ные ситуации между Орденом и руководством Униатской церкви, принимая сторон Ордена. Конгрегация «Пропаганда Веры» рассматривала и утверждала решения гене ральных конгрегаций базилианцев об избрании протоархимандритов, издавала декре ты по каким-либо неясным или спорным вопросам. По мнению Ватикана, «базилиан ский орден в греческом обряде представлялся единственным средством к распростра нению унии»[1030]. Папа Урбан VIII высоко оценивал деятельность Ордена базилианце Посредством базилианцев, как он думал, можно было обратить к Риму весь Восток. О этом он писал в письме к униатскому епископу Холмскому и Белзскому Мефодию Тер лецкому, родственнику одного из идеологов Брестского Собора Кирилла Семенович Терлецкого: «O, mei Rutheni, per vos ego spero omnem Orientem ad me convertendum»[103 (О, мои Русины, через вас-то надеюсь я достигнуть Востока).

Вообще папы Римские и Ватикан не забывали Орден и довольно часто о не или о его деятелях писали. Разрешали, запрещали, отменяли, поправляли, согласо вывали, утверждали, хвалили, награждали и т.д. 10 февраля 1624 г. папа Урбан VII направил письмо королю Польши Сигизмунду III, в котором выражал скорбь в свя зи со смертью архиепископа Полоцкого Иосафата Кунцевича и требовал ужесточе ния борьбы с православием и православными. Он же 20 августа 1631 г. издал брев о начальном устройстве базилианского Ордена. В 1639 г. Урбан VIII подарил Орде ну базилианцев церковь Вакха и Сергия в Риме, а его брат, кардинал Барберини, н только за свой счет осуществил ремонт церкви, но и купил для базилианцев соседн ний с церковью дом, и выделил ежегодное финансирование на их нужды в разме ре 100 скуди. Здесь располагался прокуратор Ордена базилианцев. «Для Пап было очень важно дать постоянное пристанище в Риме базилианам. Через них они могли узнавать все, что делалось на Руси и в Польше»[1032]. Добавим, что в 1624 и 1627 гг

[1029] *Крачковский Ю.Ф.* Очерки Униятской Церкви // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел I. С. 148–149.

[1030] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси издаваемый при Управлении Виленскаго учебнаго округа. Т. 12. С. 6.

[1031] Там же.

[1032] *Крачковский Ю.Ф.* Очерки Униятской Церкви // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел I. С. 145–146.

папа Урбан VIII значительно расширил права и льготы членов Ордена базилианцев, практически приравняв их к правам и льготам католических монахов и клириков. Особенно это касалось самых различных индульгенций. Папы Александр VII и Климент XII еще более расширили возможности базилианцев для получения полной индульгенции. Кроме того, папа Александр VII издал 23 июля 1657 г. бреве о размерах бюджета в ультрамонтанских семинариях, а 30 мая 1665 г. бреве об отмене Супрасльской конгрегации Ордена с предписанием созвать новую конгрегацию для решения текущих вопросов. По его же указанию на Супрасльской (1665) и Брестской (1666) конгрегациях председательствовал папский нунций Антонио Пиньятелли дель Растрелло (напомним, будущий папа Иннокентий XII). Папа Климент IX своим бреве от 21 июня 1667 г. утвердил бюджет ультрамонтанских семинарий. Папа Иннокентий XI издал 30 октября 1683 г. бреве в поддержку базилианцев и отмене избрания протоархимандритом Киприана Жоховского, униатского митрополита. Бреве аналогичного содержания было издано Иннокентием XI и в 1684 г. В этом же 1684 г., 17 июля, конгрегация «Пропаганда Веры» издала декрет, отменяющий все решения Минской конгрегации Ордена базилианцев 1683 г. 9 октября 1694 г. папа Иннокентий XII подписал буллу об утверждении консультора Ордена базилианцев Симеона Киприановича архимандритом Супрасльского монастыря, отменив этим решением попытки К. Жоховского назначить на этот пост своего родственника. Повторим, — отношения между папами Римскими и Ватиканом с одной стороны, и Орденом базилианцев с другой, совсем не заключались в каких-либо случайных контактах. Наоборот, они были постоянными, деловыми, насыщенными и двухсторонними.

Историк Ю.Ф. Крачковский приводит мнения пап Римских об Ордене: «Орден базилианский, по словам пап, в высшей степени знаменитый; он отлично зарекомендовал себя не только своею древностию, но и глубоким благочестием, святою ученостию, монашескою дисциплиною. “Его несравненныя заслуги (слова пап) всегда побуждали пап украшать орден многими доказательствами апостольскаго авторитета и благословения”… Все деяния ордена дышат, по словам пап, особенным усердием (к пользам Рима, конечно), редким благоразумием, любовию, ревностию к вере... Примерныя заслуги базилиан для апостольскаго престола так велики и постоянны, по заявлению пап, что память о них никогда не изгладится и должна сохраняться вечно. В виду этого, папы с особенным удовольствием принимали все представления базилиан, охотно, по их сознанию, увлекались ими, и при такой отеческой сердечно-страстной любви к ордену, в увлечении им, подтверждали все конституции литовских базилиан, немедленно приводили в исполнение все заявления литовскаго прокуратора… Этим папы очень справедливо выражали ордену свое особое благоволение и дарили его все большими и большими своеобразными милостями. Базилианам были даны всевозможныя привилегии, привилегированные алтари, индульгенции, которыми мог воспользоваться всякий верующий, но только под непременным условием духовнаго общения с базилианами, посещая, напр., их церкви, монастыри, присутствуя при миссиях и т.п. Некоторым из внешних деяний базилиан, их, наприм., генеральные капитулы или конгрегации, вследствие утверждения Рима, получают священное как бы значение, и посетившие, во время их совершения, Петропавловскую в Бресте церковь получали

полную индульгенцию»[1033]. Вышесказанное дает полное представление о том, как высоко оценивали папы Римские и Ватикан Орден базилианцев, как относились к нему, какой характер носили их взаимоотношения.

В свою очередь, Орден базилианцев относился к папе Римскому как к самой высшей власти. Его решения и рекомендации воспринимались в Ордене беспрекословно. «В 1661 году на конгрегации Жировицкой в знак полнаго послушания римской столице и в благодарность за те милости и заступничества пред королем и речью посполитою, которыя постоянно выказывал Ватикан к базилианам со времени образования ордена, и особенно во время последних войн с козаками, и только благодаря которым они до сих пор сохранили свое существование, базилиане постановили во всех епархиях униатских, во время церковных служб, возносить имя папы прежде имени митрополита и местнаго епископа. Митрополит Коленда и его преемники стали также писаться: милостию Божиею и святой столицы апостольской митрополит или епископ… К началу XVIII века власть папы достигла в униатской церкви огромных размеров. В униатских книгах мы встречаем для него обычное название "святейший вселенский архиерей, папа Римский"»[1034].

Благосклонное отношение Рима к Ордену базилианцев позволило в XVII в. протоархимандритам удержать в своих руках и огромные богатства, и огромную власть в Униатской церкви. Без согласия протоархимандрита униатский митрополит не мог возводить на архиерейские должности, да и эти должности все чаще занимались базилианцами. К концу XVII в. роль и влияние Ордена базилианцев в делах Униатской церкви значительно возросли, в то время как роль и значение униатских митрополитов существенно понизились.

Взаимоотношения Ордена базилианцев с Орденом иезуитов. Начавшись с горячей любви, взаимопонимания и всяческой поддержки и помощи, о чем выше мы говорили, эти отношения уже к концу XVII в. превратились в отношения соперников, соперников в борьбе за власть, собственность и богатство.

Прошло всего несколько десятилетий со дня образования Ордена базилианцев, как иезуиты стали демонстрировать базилианцам, «…что уния, для поддержания которой они заключили союз с базилианами, не может и не должна существовать, как отдельное самостоятельное вероисповедание, а непременно должна слиться с латинством. Такой поворот иезуитской политики в отношении к базилианам начался со второй половины XVII столетия. С этого времени они открыто стали совращать в латинство не только мирян-униятов, но и самих базилиан, которыми наполнены были в это время иезуитския школы и папские алюмнаты, также находившиеся в ведении иезуитов. Меры к совращению были следующия: прежде всего иезуиты старались внушать базилианским воспитанникам презрение и отвращение к обрядам униятской церкви. С этою целию они всегда старались отыскать какую-нибудь комическую сторону в униатском богослужении, которую тотчас же выводили на сцену своих религиозно-театральных представлений; не позволяли базилианским воспитанникам ходить в униятския церкви, заставляли их исповедываться и причащаться у латинских патеров. Если и эти гуманныя, по мне-

[1033] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленскаго учебнаго округа. Т. 12. С. 6–7.

[1034] Там же. С. 39–40.

нию иезуитов, меры не имели желаннаго успеха, то прибегали к другим, более суровым мерам, — к насилию и нравственному унижению. Так, например, отводили базилианским воспитанникам самыя худшия помещения, давали им самую скверную пищу или даже морили голодом, одевали их в лохмотья и заставляли исполнять самыя низкия в школе должности, например, чистку отхожих мест, прислуживание светским иезуитским воспитанникам из благородных польских фамилий и проч. и проч., и что всего хуже, иезуиты так поступали не только с светскими базилианскими воспитанниками, но и с монахами, имевшими священный сан...»[1035]. Вдобавок ко всему этому, 20 июля 1660 г. конгрегация «Пропаганда Веры» издала декрет о том, чтобы базилианцы, поступающие в высшие иезуитские учебные заведения, давали присягу на вечную верность папскому престолу, а тех, кто присягу не даст, в высшие учебные заведения не принимались. М.О. Коялович разъяснил, что в 1660 г. «...папа Александр VII издал буллу, по которой все воспитанники папских алюмнатов, к какому бы народу, званию и состоянию они не принадлежали, обязывались давать клятву до конца своей жизни служить апостольскому престолу и, как папские миссионеры, должны во всем зависеть от одной только Конгрегации Распространения Веры»[1036]. Т.е. декрет конгрегации «Пропаганда Веры» был издан во исполнение папской буллы.

Все это вызвало энергичный протест со стороны руководства и рядовых членов Ордена базилианцев. Папскому нунцию Антонио Пиньятелли и папе Александру VII были направлены жалобы, в которых также говорилось, что «иезуиты препятствуют распространению базилианскаго ордена, не только отклоняют светскую молодежь от поступления в базилианский орден, но даже и самих базилиан, особенно новициушов, стараются заманить в свое общество»[1037]. Какой-либо серьезной реакции со стороны Ватикана на эти жалобы в XVII столетии не последовало.

Конец XVII – начало XVIII столетия наполнены судебными процессами между Орденами базилианцев и иезуитов, яблоком раздора в которых являлась недвижимая собственность — храмы, монастыри, другие здания и сооружения, земельные угодья, пашни и пастбища, леса, деревни, рыбные ловли, бобровые гоны и другое имущество. Собственность обеспечивала богатство, богатство — положение не только среди духовенства, но и в светском обществе, давало власть, которая, в свою очередь, увеличивала богатство. Наиболее широкий размах судебные процессы имели место в Полоцке.

Наряду с этим, иезуиты продолжали участвовать в практической деятельности по распространению унии, причем не только на территории Речи Посполитой, но даже и на самой территории Московского государства. Приведем пример, когда известный иезуит, профессор теологии, писатель-полемист в защиту унии Кулеша Петр Ян Алоизий (1660–1706), на протяжении 8 лет, в 1695–1703 гг., переодевшись в священника, отправлялся из Бобруйска или Орши (в то время это была территория великого княжества Литовского) на территорию Московского государства и распро-

---

[1035] *Коялович М.О.* История базилианскаго ордена // Христианское чтение. 1864, часть 1. СПб., С. 446–447.

[1036] Там же. С. 448, прим. 1.

[1037] Там же. С. 448–449.

странял унию в том негостеприимном краю. («…Przebrany za popa, apostołował uni w Moskwie przez lat 8, z Bobrujska i Orszy wyprawiając się 1695–1703 w te niegościnn kraje…»[1038]). И он не просто так взял и пришел. Как писал Станислав Залеский, дополнение к своему хорошему владению греческим и старославянским языками Кулеша изменил внешность: отпустил бороду и усы, отрастил волосы, переоделс в наряд православного священника. После этой подготовки он отправился в даль ний путь и дошел до самой Москвы. Здесь, представьте себе, он принял участие небольшом Соборе московского духовенства, где доказывал истинность римской Церкви. Будучи разоблачен, что не является православным священником, был окру жен шпионами и чуть не арестован. Однако ему удалось найти безопасное убежище и затем благополучно вернуться в Вильно, где он и умер 13 января 1706 г. в возрас те 46 лет. («Zapragnął apostolować i Moskalom. Więc zapuściwszy brodę, wąsy i włosy przywdział strój popa, dotarł w swoich wycieczkach misyjnych aż do Moskwy, wzią nawet w soborczyku moskiewskiego kleru, gdzie dowodził prawdziwości rzymskieg Kościoła. Zrozumiano, że to nie pop, otoczono szpiegami, kazano uwięzić. On jednak znalazł bezpieczne schronienie i szczęśliwie wrócił do Wilna, gdzie 13 stycznia 1706 r żywota dokonał, licząc zaledwie 46 lat wieku...»[1039]). Согласитесь, действовал он неве роятно авантюрно, дерзко и рискованно до безрассудства. Очень легко можно было остаться если не без головы, то оказаться в далекой Сибири, в каком-либо остроге на берегу какой-либо таежной реки. И это совсем не эпизод из какой-нибудь коме дии с переодеванием. Это эпизод борьбы, тайной борьбы с православием и Русской православной церковью непосредственно на территории Российского государства на канонической территории Русской православной церкви.

Станислав Залеский рассказал и о нереализованной попытке иезуитов при нять участие в распространении унии непосредственно на территории Москов ского государства в конце XVII в. «Wnet po śmierci króla Jana wyłonił się plan wielce oryginalny, świadczący dobrze o poświęceniu się Jezuitów dla unii. Oto kilku Ojców kolegium Owruckiego oświadczyło gotowność przyjęcia obrządku greckiego w celu apostołowania unii w carstwie moskiewskiem, poczynając od pogranicza. Dla myśli tej pozyskali metropolitę Rusi Leona Slubicz Załęskiego przez brata jego Jezuitę O. Tomasza. Metropolita wystosował prośbę do Ojca św., aby myśl tę urzeczywistnić pozwolił, a Jezuita O. Bartłomiej Baranowski listem z dnia 6 maja 1697 r. błagał jenerała Tyrsa Gonzales, aby i sam się do projektu przychylił i prośbę metropolity u papieża popar skutecznie. W tym sensie pisał listy w sierpniu t.r. do prowincyała Quecka. Skończyło się na projekcie…»[1040]. (Сразу после смерти короля Яна родился большой оригиналь ный план, хорошо свидетельствовавший о самопожертвовании иезуитов для унии Несколько Отцов Овруцкого коллегиума засвидетельствовали готовность принять греческий обряд с целью распространения унии в царстве московском, начиная от пограничья. К этой идее склонили митрополита Руси Леона Шлюбич Заленско го через брата его иезуита О. Томаша. Митрополит обратился с просьбой до Отца св., чтобы он позволил осуществить эту идею, а иезуит О. Бартломей Барановский

[1038] Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. III. Część II. Lwów. 1902. S. 1105.

[1039] Там же. S. 913–914.

[1040] Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. III. Część I. Lwów. 1902. S. 317–318.

письмом от 6 мая 1697 г. умолял генерала Тирса Гонсалеса, чтобы и он сам прислушался к проекту и просьбу митрополита успешно поддержал у папы. В этом смысле написаны письма в августе этого же года провинциалу Квеку. Окончилось все на проекте...). Небольшое примечание: король Польши Ян III Собесский умер 7 июня 1696 г. (по ст. ст.), так что описываемые события происходили во второй половине 1696 г. – в 1697 г., как раз в то время, когда иезуит Кулеша Петр Ян Алоизий с этой же целью проникал на территорию Московского государства. Валентин Квек — польский провинциал Ордена иезуитов с 6 декабря 1695 до августа 1700 г. Леон Шлюбич Заленский — униатский митрополит в 1693–1708 гг.

Последние два весьма колоритных примера наглядно рассказывают о некоторых формах и методах борьбы иезуитов и униатов с православием и Русской православной церковью непосредственно на территории Московского государства.

Взаимоотношения Ордена базилианцев с Униатской церковью. Несмотря на то, что Орден был создан Униатской церковью, взаимоотношения между ними уже спустя несколько десятилетий ухудшились и осложнились. Основные причины такого положения заключались в том, что ни Орден, ни Униатская церковь не хотели расстаться, во-первых, с собственностью — с селами и деревнями, монастырями и храмами, недвижимым и движимым имуществом, землями, угодьями и всем тем, что составляло богатство; во-вторых, с положением в обществе, которое во многом зависело от собственности и богатства; и в-третьих, с властью униатской церковной на территории Западной и Южной Руси. Как мы уже говорили, богатство давало власть и положение в обществе, а власть и положение в обществе, в свою очередь, давали богатство. Поэтому так просто расстаться с этими тремя составляющими никто не хотел.

Конституцией Ордена предусматривалось, что протоархимандритом Ордена мог быть избран простой иеромонах, но не епархиальный епископ, не викарий, ни тем более митрополит. Однако первые протоархимандриты, как мы выше уже говорили, от И.В. Рутского до Г.Я. Коленды, одновременно являлись и униатскими митрополитами, за исключением Я. Суши, униатского епископа Холмского и Белзского. Последние в XVII в. две попытки униатского митрополита избраться в протоархимандриты связаны с именем К.А. Жоховского; обе они были отменены бреве папы Иннокентия XI и до конца века униатские митрополиты в протоархимандриты не избирались. Но противостояние между униатскими митрополитами и базилианцами, отказавшимися избрать их в протоархимандриты, было не просто сильным. Оно доходило до того, что «оскорбленный в лучших чувствах» претендент на пост протоархимандрита официально, в церкви, предавал анафеме своих противников — базилианцев со всеми вытекающими последствиями (Г.Я. Коленда) или отказывался выполнять бреве папы Иннокентия XI об отмене его избрания в протоархимандриты (К.А. Жоховский).

Во второй половине XVII в. сложилось такое положение, когда Орден базилианцев, используя свое представительство в Риме, все чаще стремился решать не только неотложные, но и текущие вопросы через папу Римского, игнорируя при этом униатского митрополита. Тем самым Орден показывал, «...что не Митрополит, как требовали первыя условия Унии, главный начальник Униатской Церкви, а Папа; он ея хранитель, покровитель. Базилиане поставили вопрос еще более резко:

они задумали покончить совсем с Митрополитами и иметь дело непосредствен с Папой; должность базилиянскаго Прокуратора in urbe, который должен был сле дить в Риме за делами базилиян, давать им выгодное направление, получает тепер особенное значение, делается предметом многих дум, Конгрегационных совеща ний. Таким образом, Базилияне во главе уже с Папой, делаются средоточием Уния ской церкви, к которому теперь начинает тяготеть все. Их воля, их слово, постоянн утверждаемыя Римом, делались законом, пред которым должны были замолкну все другия желания Униятов не Базилиян…»[1041]. В дополнение к сказанному можн привести слова Макария, митрополита Московского и Коломенского: «Все униат ские епископы должны быть избираемы только из членов базилианского ордена, сам митрополит не вправе назначить себе викарного, как будущего преемника, бе согласия базилианского протоархимандрита и его советников. При каждом епар хиальном архиерее должен находиться один из базилиан по назначению протоар химандрита. Все это показывает, что базилианский орден основан был с целию н только служить своими собственными интересами, т.е. укреплению и возвышени униатского монашества чрез его образование и улучшение его жизни, но служит вместе интересам всей униатской Церкви, ее распространению, укреплению и воз вышению, в особенности возвышению ее иерархии чрез образование и воспитани приходского духовенства и народа и чрез замещение архиерейских кафедр достой нейшими членами ордена…»[1042].

Уже в середине XVII в. в Униатской церкви четко обозначились два напра ления. Ю.Ф. Крачковский называет их православно-униатским (опирающимся н народ, белое униатское духовенство и митрополитов) и латинско-базилианским опирающимся на католическое духовенство, короля, королевское правительств и сейм, базилианцев. В основе такого разделения было, во-первых, стремлени православно-униатского направления сохранить хотя бы некоторые остатки пр вославия в униатстве, чтобы успокоить рядовых верующих и уменьшить социал ное напряжение, и во-вторых, стремление каждого направления сохранить за собо имевшуюся власть и собственность.

К концу XVII в. Орден базилианцев занимал определяющее положение в Уни атской церкви, хотя тайная и явная борьба между униатскими митрополитами Орденом, т.е. между двумя направлениями, не стихала, а наоборот, приобрела по стоянный характер. При этом благодаря поддержке Рима, Орден имел в этой бор бе подавляющее преимущество.

Подготовка кадров. Руководство Униатской церкви и Ордена базилианцев хо рошо понимало, что без налаженной системы подготовки и распределения кадров и не удастся сохранить Церковь и Орден, сохранить духовную власть, положение в об ществе и богатства, оправдать те надежды, которые возлагал на них Ватикан. В окт бре 1596 г., в момент образования Униатской церкви, униаты не имели ни своих уче ных заведений, ни преподавателей, ни учебных пособий и программ, ни учащихс Так как Православная церковь была запрещена (универсал короля Сигизмунда III 15 октября 1596 г.), униаты рассчитывали в первое время использовать учебные зав

[1041] *Крачковский Ю.Ф.* Очерки Униятской Церкви // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел I. С.149–150.

[1042] Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга С. 233.

дения запрещенной Православной церкви и тот преподавательский состав, который согласился бы продолжить в них работу уже в составе Униатской церкви. При этом за образцы структуры учебных заведений и учебных программ, системы обучения и воспитания были приняты учебные заведения Ордена иезуитов.

Конечно, сразу же возникли трудности, организационные и кадровые. И.В. Рутскому пришлось обращаться за помощью к королю Сигизмунду III, и тот своей грамотой от 31 марта 1613 г. разрешил униатам «завести школы в Новогрудке, Минске и по другим местам, где найдут удобнее, и обучать в школах по возможности всем наукам и языкам греческому, латинскому, славянскому, польскому и русскому. Эти униатские школы получали те же самыя права и привилегии, какие имели уже школы латинские; освобождались от всякого подчинения светским властям и отдавались в полное распоряжение своих учредителей и их духовных начальников»[1043]. Но этого было мало, и 3 декабря 1615 г. И.В. Рутский после настойчивых просьб получил «грамоту на учреждение униатских школ и от папы, который предоставил им те же самые права, какие даны были прежде школам иезуитским. Таким образом, как все католическое образование в крае отдано было обществу иезуитов, так теперь униатское поручено обществу иноков по чину святого Василия; как во главе всех католических школ находилась Виленская иезуитская Академия, так во главе униатских поставлена теперь виленская Троицкая семинария; как целию латинских школ было распространение и утверждение католичества, так целию униатских сделалось распространение и утверждение унии»[1044]. (Общество иноков по чину святого Василия через два года войдет во вновь образованный Орден базилианцев).

Налаживание системы подготовки кадров пошло значительно быстрее после образования в 1617 г. Ордена базилианцев. Напомним, что по просьбе униатского митрополита и первого протоархимандрита Ордена базилианцев И.В. Рутского, иезуиты сразу предоставили в своих учебных заведениях 22 места молодым базилианцам, для подготовки из них профессиональных руководящих кадров.

«Обучение в духе Базилиянском считалось с их стороны главным разсадником самой Веры. “Так как мы, по мере сил, должны сохранять и распространять ортодоксию (т.е. Унию), говорили Базилияне, то особенно нужно стараться, чтобы в нашей конгрегации ширилось преподавание изящных, свободных, наук”, и, в силу Базилиянских постановлений, они обязывались, во славу Божию и для общей пользы отечества, тщательно заниматься обучением детей светских лиц. Это считалось единственным средством (unicus modus) распространения Ордена. Все школы потому, которыя во многих местах были открыты для светских юношей, или готовились к открытию, поставлялись в зависимость от Базилиян. Сами Базилияне, намереваясь открывать свои школы, старались делать это в местах более видных, многолюдных, чтобы по возможности привлечь к себе большую толпу, и еще самому Рутскому удалось видеть великие успехи своего, так сказать, произведения. В 1624 г. он писал в Рим, что “Базилияне содержат школы, занимаясь обучением юношества, своими публичными спорами назидают светских Униятов, народу проповедуют слово Божие, преподают Таинства и проч. Светский клир, продолжает Рут-

1043 Там же. С. 232.

1044 Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга 6. С. 232.

ский, увлеченный их примером, при своей простоте, следует за своими Еписко пами, бывает на Синодах, которые ежегодно отправляются Епископами, принима ет посвящение, берет миро”. За такой успех своих действий Базилияне много об заны своему, вполне самостоятельному, внутреннему самоуправлению»[1045]. Заме тим, что 23 мая 1623 г. папа Григорий XV дал разрешение Униатской церкви на правлять на учебу в Греческую коллегию св. Афанасия в Риме своих светских вос питанников; 30 марта 1624 г. в это разрешение были внесены уточнения и изда декрет конгрегации «Пропаганда Веры»[1046]. И.В. Рутский мечтал о реформе всег униатского образования, которая должна была стать частью задуманных им ново введений в Униатской церкви, например, введения безбрачия в униатском духовен стве по примеру католических священников. Для этого он решил образовать осо бую семинарию в Минске и получил одобрение своих планов от префекта конгре гации «Пропаганда Веры» кардинала Оттавио Бандини и папы Урбана VIII. По сло вам И.В. Рутского, «Из предполагаемой семинарии будут выходить семинаристы светские клирики-холостяки. Правда, в нашем исповедании это дело неслыханно и мы не найдем там ничего подобнаго не только несколько лет назад, но и нескольк веков; но многие при этом его желают. Во время унии нами сделано очень много такое, что вначале сильно охуждалось противниками и чему они теперь сами под ражают; то же самое может повториться и относительно благочестивых клирико Образованные, безженные, они будут помещаться нами во всех епископских епар хиях, по городам, при церквах кафедральных, коллегиатских, которыя дают лучши средства содержания и большия выгоды, чем другие приходы. Из них будут посту пать на должность визитаторов деревенских церквей и даже на места священнико в эти последния, и для св. унии приготовится таким образом великая опора и укра шение. В разныя места Руси они будут посылаться наставниками школ для обуче ния юношества, для укрепления благочестия, веры, и по своему положению, ка холостые, охотно и с удовольствием будут выполнять свое назначение. Где буду приходскими священниками, там удобнее поведут они дело с панами об улучше нии фундаций; эти последние сейчас увидят, что имеют дело с гораздо достойней шими людьми, чем их предшественники. Из воспитанников такой семинарии мо настыри будут пополняться хорошими иноками и много может разлиться добра п всем частям Руси из того учреждения. Смело можем обещать себе, что в коротко время этим средством во всем королевстве подавлен будет раскол...»[1047]. Мечтани ям И.В. Рутского сбыться не удалось, начавшаяся гражданская война спутала вс карты, собранные на эти цели деньги были потрачены на военные нужды.

После смерти И.В. Рутского (5 февраля 1637 г.) и с учетом осложнившейся по литической обстановки на территории Украины, развитие системы образования подготовки кадров в Униатской церкви явно замедлилось. Отступник от правосла вия, ставший униатом, а затем и католиком, Кассиан Сакович с горечью писал своем сочинении, изданном в Кракове в 1642 г., обращаясь к униатским епископам

[1045] *Крачковский Ю.Ф.* Очерки Униятской Церкви // ЧИОИДР. Книга первая. Отдел I. С. 79–80.

[1046] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. 1470–1700. Т. 1. С. 189.

[1047] Цит. по: *Стрельбицкий И.* Униатские церковные соборы с конца XVI века до воссоединени униатов с православною церковью. Изд. 2-е. Одесса., 1891. С. 73–74.

«Вы скажете, что у вас есть училища при соборных церквах, как-то: во Владимире, в Новогородке, в Минске и ныне вновь устроенное в Холме. Отвечаю, что те училища маленькия, а не большия. Во Владимире менее двадцати человек учеников; в Новогородке и Минске также не слишком много. Училище Холмское, как недавно основано, так недолго и будет стоять. Что ваши училища? Они ничего не значат, не только пред Латинскими, но и пред училищами отца Могилы...»[1048]. В этих словах К. Саковича дана оценка тогдашней, на 1640–1642 гг., униатской системы образования, действовавшей в белом духовенстве Униатской церкви; сюда не входили учебные заведения Ордена базилианцев, действовавшие в базилианских монастырях.

В 1633 г. вновь избранный король Польши Владислав IV был вынужден восстановить права Православной церкви; он указал, где быть православным епархиям, какие храмы, монастыри и другая недвижимая собственность должны вернуться в лоно Православной церкви. Начали восстанавливаться и прежде закрытые православные учебные заведения, а действовавшая при Киево-Печерской лавре школа преобразовываться в высшее учебное заведение. Для Униатской церкви и Ордена базилианцев православные учебные заведения были не просто конкурентом в сфере образования, это был непримиримый идейный враг, который мешал распространению униатства. С ним нужно было не просто бороться, его нужно было уничтожить.

Борьба была начата с попытки компрометации славянского языка. Эта попытка относится к 1577 г., еще задолго до образования Униатской церкви, и сделал ее известный нам иезуит Петр Михайлович Скарга. В своем сочинении «О единстве церкви Божией под единым пастырем и о греческом от этого единства отступлении...», он писал: «Еще не было на свете академии, где бы философия, богословие, логика и другия свободныя науки преподавались по-славянски. С таким языком нельзя сделаться ученым. Да и что это за язык, когда теперь никто не понимает писаннаго на нем? На этом языке нет ни грамматики, ни риторики, да и быть не может. Сами священники православные не понимают теперь этого языка, и спрашивают объяснений по-польски. Благодаря славянскому языку, у православных нет других школ, кроме самых элементарных, для обучения чтению. Этим и ограничивается вся их наука. Отсюда — общее невежество и заблуждения. Да и естественно: с славянским языком выходит — слепец слепца водит»[1049]. Отношение к славянскому языку было задано, причем на очень высоком уровне — ведь П.М. Скарга был духовником самого короля Стефана Батория. И это отношение позднее самым непосредственным образом трансформировалось в королевский запрет преподавать в православных учебных заведениях латинский язык, в запрет православным иметь свои высшие учебные заведения.

Любопытно в этой связи познакомиться с письмом короля Владислава IV митрополиту Киевскому Петру Могиле от 29 октября 1634 г., в котором король требовал немедленно закрыть православную школу в Виннице и преобразовать Киево-Могилянскую коллегию в начальное учебное заведение. Король писал: «Напоминали твоей велебности, и напоминали строго, чтобы более не позволял себе превышения прав, а дарованными пользовался скромно. Таково однако велебности тво-

[1048] Цит. по: Петр Могила Митрополит Киевский // ЧИОИДР. С. 86–87.

[1049] Цит. по: *Архангельский А.С.* Очерки из истории западно-русской литературы XVI–XVII вв. Борьба с католичеством и западно-русская литература конца XVI – перв. пол. XVII в. М., 1888. С. 9.

ей послушание, что доселе воли и приказания нашего, к великому прискорбию н шему, не выполнил. Посему приказываем велебности твоей, чтобы, не дожидая другого письма и, не обращаясь к нам ни за каким разъяснением, тотчас же и л тинскую типографию и школы латинския уничтожил (sniosl): чтобы их ни в Ки ве, ни в Виннице и ни в каком ином месте не было. И если это без всякаго проме ления, тотчас же, на самом деле не будет исполнено, и школы с типографиею не б дут уничтожены, знай о том, велебность твоя, что мы прикажем инстигатору н шему выдать мандаты, и непослушание велебности твоей, — вследствие котора по наущениям чернцев, бунты и своеволия в Виннице происходят, — строго буде карать…»[1050]. Нужно ли комментировать? Владислав IV не очень верил в послуш ние митрополита П. Могилы, поэтому подобные указания направил Винницко старосте (от 29 октября 1634 г.) и Киевскому воеводе (от 27 ноября 1634 г.), стро обязав их проконтролировать действия П. Могилы и принять все меры для испо нения королевского указания.

С. Голубев отметил: «Подобныя распоряжения от имени короля, по-видимом шедшия вразрез с его благосклонностью к православным, могут быть объясня мы, с одной стороны, неопределенностью сеймоваго постановления относител но православных школ, а с другой — усиленною агитациею латино-униатской па тии против могилянских коллегий, в коих она, не без основания, видела сильне шее против себя оружие»[1051].

Интересно привести выдержку из письма П. Могилы Минскому братству 1640 г. о репрессивном воздействии на Киево-Могилянскую коллегию со сторон Киевского воеводы Яна Тышкевича. П. Могила писал: «Я терплю великое пресл дование от пана воеводы киевского, тут, в Киеве, вновь начали чинить над нами т ранство и проливать кровь. Досадуя, что в моем коллегиуме обучается великое мн жество (громада) молодежи русской, и опасаясь, что юноши эти, изучив науки, м гут показать правду всему свету и могущественно оборонять св. Церковь, воево приказал своему замковому наместнику взвести клевету на какого-либо студента важном преступлении, чтобы студенты, устрашившись, все разбежались по други училищам, в которых прежде учились. И вот в первый понедельник Великого п ста, когда студент Федор Гоголевский шел через площадь, его схватили и повлек в замок. Там слуга наместника Сепач удостоверял, будто ночью, когда он с друг ми находился в корчме, студенты сделали нападение на дом и кого-то ранили. Н местник, вместо того, чтобы произвесть расследование, приказал тотчас студен обезглавить…»[1052]. Да, нужно было иметь мужество, чтобы учиться в те годы в пр вославных учебных заведениях.

Не только королевская власть была мобилизована для закрытия православны школ. Примерно в середине тридцатых годов XVII столетия было издано сочинени направленное против православных Киевского и Винницкого учебных заведений, автором которого, по мнению С. Голубева, являлся униатский митрополит И.В. Ру

[1050] Цит. по: *Голубев С.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Т. 2. Киев, 189 С. 92–93.

[1051] Там же. С. 94.

[1052] Цит. по: Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церк Книга 6. С. 518.

ский. Сочинение должно было их скомпрометировать, отвратить учащихся от учебы или поступления в них. «Основных мыслей в сочинении было две: первая, что в школах, открытых П. Могилою в Киеве и Виннице, преподается учение еретическое (лютеран, кальвинистов и социан), — доказательством чего служит то обстоятельство, что наставники означенных школ получили образование в заграничных еретических школах, да в настоящее время и сам глава "схизматической" (т.е. православной) церкви константинопольский патриарх Кирилл Лукарис — кальвинист; вторая, — что в своих школах православные, как подведомые греческому патриарху, могут производить обучение, кроме русскаго языка, только на греческом, ибо польские короли никогда не позволяли православным заведения школ с расширенным кругом преподавания, обучения на латинском языке...»[1053]. Не осталось в стороне и Киевское католическое духовенство — 13 августа 1633 г. в Киевское воеводство им была подана «протестация» против преобразований Петром Могилой православных духовных училищ и основания Академии. Но обстановка была такой неспокойной, что король Владислав IV своим указом (дипломом) от 14 марта 1635 г. разрешил православным обучать греческому и латинскому языку в Киевских и Виленских школах[1054].

Униаты использовали для подготовки кадров не только имевшиеся учебные заведения Униатской церкви и Ордена базилианцев, но и учебные заведения Ордена иезуитов, Греческую коллегию св. Афанасия в Риме. Обучение в Греческой коллегии св. Афанасия в Риме прошли униатские митрополиты, протоархимандриты Ордена базилианцев и архиереи Униатской церкви Иосиф-Вельямин Рутский, Рафаил Евстафьевич Корсак, Гавриил Янович Коленда, Антоний Александрович Селява, Киприан Александрович Жоховский, Симеон Янович Огурцевич, Иоахим Кушелич, Лев Креуза, Андрей Квашнин Золотой, Пахомий Война Оранский и другие. Еще «2 декабря 1615 г. папа постановил, чтобы на будущее время принимались в Греческую коллегию в Риме по четыре юноши — униата»[1055]. Речь идет о папе Павле V. В иезуитской коллегии в городе Несвиже учились Иосиф-Вельямин Рутский и Рафаил Евстафьевич Корсак. В своем завещании от 18 августа 1640 г. Р.Е. Корсак отметил, что И.В. Рутский оказывал ему покровительство с раннего возраста, «...им он был причислен к ордену базилиан, им был послан в Браунсберг и Прагу для изучения философии и богословия...»[1056]. В Браунсберге, как мы знаем, в те годы находилась иезуитская коллегия, в Праге — иезуитский университет. Униатский митрополит Ипатий Львович Потей прошел обучение в Краковской иезуитской коллегии. Многие выпускники высших учебных заведений защищали диссертации и становились докторами философии и теологии. Например, известные нам Киприан Александрович Жоховский, Симеон Янович Огурцевич, Иоахим Кушелич, Бенедикт Терлецкий (в 1694 г. рекомендовался к назначению игуменом базилианского Дубенского монастыря), Антонин Жолкевский (миссионер Ордена базилианцев «в Руси и в Литве» в 1654 г.) и другие.

[1053] *Голубев С.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. С. 248.

[1054] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. 1470–1700. Том 1. С. 242.

[1055] Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга 6. С. 232, прим. 326.

[1056] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. 1470–1700. Том 1. С. 260.

Мы говорили, что униаты стремились выстроить свою систему образования п образцу и подобию системы образования Ордена иезуитов. Для того времени э была удивительная, не имевшая себе равных в Европе система, в создании которо большая заслуга принадлежит генералу Ордена Клавдию Аквавиве (1543–1615 Именно под его руководством было разработано педагогическое наставление п организации учебных занятий в учебных заведениях Ордена иезуитов «Ratio atqu institutio studiorum Societatis Jesu». Ни одно европейское государство не могло п хвалиться чем-либо подобным. Независимо от страны пребывания, все учебные за ведения Ордена иезуитов имели одну и ту же цель обучения и подготовки учащи ся. Однотипные учебные заведения имели одинаковую структуру, программы и м тодики обучения и воспитания, требования к учащимся и уровню их знаний, пр должительность обучения, одни и те же учебники и учебные пособия, одинаковы ми были распорядок дня, меры поощрения и наказания. Основным языком, на к тором велось обучение, во всех учебных заведениях являлся латинский. Выпускни иезуитского учебного заведения был обучен и подготовлен к работе в любой стр не и в любых условиях. Добиться такого же масштаба и качества подготовки кадр униатам, несмотря на все их усилия, в XVII в. не удалось.

Для проверки и подготовки кандидатов к поступлению в Орден базилианц были образованы, по подобию иезуитских, новициаты. Каждый поступающий Орден подвергался проверке искушением — он помещался в отдельное помещ ние, с ним прекращались какие-либо контакты, в том числе и родственников. Н стоятель базилианского монастыря закреплял за кандидатом специальных лиц и н ставника, которые вели его повседневное изучение. «Наставник внимательно ра спрашивал, способен ли он к жизни Ордена; если оказывался способным, дава ему общия правила (в них рассуждалось о цели и образе общежития по чину С Василия Великаго, и о трех главных обетах Базилиан: нищете, целомудрии, посл шании), чтобы на свободе он мог прочитать их и обдумать. С большим внимани ем и осторожностию требовалось вести это дело, никак не позволялось торопи новопоступающаго в изучении общих правил... Требовалось при этом указыва им те трудности, с которыми сопряжена жизнь в Ордене... Наставник наблюда к чему более способен новопоступавший, к наукам, или к практическим занят ям. Наставник увещевал своего птенца, чтобы тот во всем говорил чистую правд так как от этого очень много зависит и его собственная польза и Ордена; требова обещания, чрез год по вступлении в Орден, отказаться в пользу последняго от св его имения...»[1057]. Такая предварительная работа с кандидатом продолжалась око десяти дней, в зависимости от его личности. Затем он уже подвергался непосре ственно искушению. «Ему теперь постоянно читались поучения о сохранении пр вил Ордена, об искоренении злых наклонностей, о средствах к тому и другому, о з рождении в себе добродетелей и умерщвлении страстей... В извлечении предлага лось учение о Вере Христианской, об огромной душевной пользе чистой исповед приобщения Св. Тайн, присутствия при богослужении, молитвы, назидательн размышлений, чтения духовных книг... В своей беседе с новопринятыми Наста ник спрашивал их, какой способ они употребляют против искушений, страстей, н

[1057] *Крачковский Ю.Ф.* Очерки Униятской Церкви // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел I. С. 109–110.

достатков, каким путем стремятся к добродетели, и следуют ли во всем этом его наставлениям… В продолжение всего искуса Наставник должен был внимательно следить, может ли новопринятый быть полезен Ордену, или нет…»[1058]. Если после проверки, продолжительность которой зависела от личности кандидата, делался вывод, что он пригоден и готов к поступлению в Орден, старший базилианского монастыря докладывал протоархимандриту и с его разрешения кандидат в торжественной обстановке произносил четыре базилианских обета — добровольной нищеты, целомудрия, послушания, и недомогательства иерархических степеней, церковных должностей. «Теперь новициуш делался действительным членом Ордена, настоящим профессом, профессом четырех обетов. Эти профессы составляли господствующий разряд в Ордене. Из них избирались Протоархимандрит, Провинциалы, Консульторы, и другия должностныя лица в Ордене. В каждом монастыре только они могли составлять совет Настоятеля и по выбору имели решительный голос на генеральных конгрегациях…»[1059]. В среднем продолжительность новициата составляла один год и шесть недель.

В середине XVII в. униаты имели один новициат в Бытенском мужском монастыре в городке Бытень. Униатский митрополит и одновременно протоархимандрит Ордена базилианцев Антоний Александрович Селява, «видя также, что один новициат не в состоянии снабдить орден достаточным количеством монахов, побуждаемый благочестивою ревностью, чтобы по примеру Бытенскаго был устроен другой новициат в Вильне»[1060], задумал образовать его на базе Виленского Свято-Троицкого монастыря, для чего выделил в 1653 г. 25 000 польских злотых наличными. Интересно познакомиться с теми условиями, при исполнении которых, как потребовал А.А. Селява, выделенные деньги могли быть использованы. Вот эти условия: «1) чтобы никто не осмеливался, под угрозою страшнаго суда Божия, обращать эту сумму на что-нибудь другое, кроме воспитания новициушов; 2) чтобы проценты (видеркауф) от этой суммы были обращаемы на содержание десяти юношей новициушов, имеющих вступить в орден, и двух старших над ними иеромонахов; 3) чтобы те же новициуши еженедельно совершали по одной коронке Божией Матери, ежедневно отчитывали по пяти молитв и по пяти “Богородице Дево, радуйся!” за его душу; 4) чтобы в часовне новициатской каждую четверть года была совершаема заупокойная служба; 5) а чтобы все это было в точности исполнено, тот же блаж. памяти фундатор протекторами этой суммы назначил митрополитов, архиепископов полоцких, протоархимандритов нашего ордена, архимандритов виленских и тех же отцов старших новициата, пребывающих в св. унии, чтобы с их ведома, где бы эта сумма не обращалась, всегда это исполнялось, а проценты от этой суммы поступали в распоряжение старшаго новициата…»[1061]. (Фундатор — даритель, жертвователь, в нашем случае А.А. Селява; фундуш — дар, пожертвование). Приведенная выдержка сделана из следующего документа: «Мемориал, или собра-

[1058] Там же. С. 110–111.

[1059] Там же. С. 112.

[1060] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 10. Вильна, 1874. С. 67.

[1061] Там же. С. 68.

ние сведений о Виленском монастыре церкви Пресвятой Тройцы, составленный одним из монахов ордена Св. Василия В., живущим в Виленском монастыре, на основании дел архива этого монастыря, в 1701 г., для памяти и для предосторожности будущим начальникам этого места: прокураторам, хозяевам и экономам». Автор «Мемориала» — монах, впоследствии прокуратор и консультор Ордена базилианцев Ян Ольшевский. Во второй половине XVII столетия новициаты также были образованы в Жировицах и Хелме.

В XVII в. униаты смогли образовать свои учебные заведения при многих крупных соборных храмах и монастырях на всей территории Западной и Южной Руси, но обучение, воспитание и подготовка кадров по-прежнему осуществлялись с использованием, в случае необходимости, учебных заведений Ордена иезуитов, Греческой коллегии св. Афанасия в Риме.

Направление эмиссаров в Московское государство для борьбы с православием и распространения униатства. Изучение событий XVII в. дает нам возможность отчетливо проследить интересную череду событий, которую можно выразить следующей схемой. Православный архиерей (или священнослужитель саном пониже) спокойно работает где-нибудь в своей епархии на территории входившей в состав Польши Украины, затем принимает униатство, работает некоторое время уже как священнослужитель Униатской церкви, а потом вдруг неожиданно перебирается в православное Московское государство. В Москве он обращается к патриарху Московскому и всея Руси с нижайшей покаянной просьбой простить его отступление, дать ему возможность искупить свой грех и вернуть в православие. Искупив свой грех и получив прощение, он направляется в назначенное место священнослужительства, но через некоторое время оказывается перед судом архиерейского Собора в Москве за проуниатскую деятельность, или за иные действия, несовместимые с саном православного священнослужителя. Предыдущее раскаяние оказывается абсолютно пустым звуком, и вполне естественно, что этот человек отправляется к месту отбытия длительного и сурового наказания или, что тоже бывало, выдворяется за пределы Московского государства.

Если бы по этой схеме прошли один — два человека, то можно было и не акцентировать на них внимание, посчитав случившееся с ними просто эпизодом, не имеющим никакого значения. Но когда таких «эпизодов» больше, это уже закономерность, имеющая свое явное и тайное содержание, имеющая конкретную цель. Конечно, схема — это не механизм с раз и навсегда соединенными деталями, в схеме могли быть и в отдельных случаях были некоторые изменения, например, направление в качестве эмиссаров священнослужителей, принявших униатство в период учебы в зарубежных учебных заведениях, и возвращавшихся после завершения учебы в Московское государство. Но в целом схема работала.

По нашему мнению, эта схема представляла собой реально действовавший механизм направления Униатской церковью (и Орденом базилианцев) своих эмиссаров в Русскую православную церковь. Схема была разработана в недрах Униатской церкви. Она учитывала ряд особенностей — что в Московском государстве более благожелательно и с большим доверием относятся к приезжающим из-за границы славянам, чем к другим иностранцам; что Русская православная церковь испытывает потребность в священнослужителях, имеющих хорошее богословское образование; что

русские верят в искренность раскаяния и более склонны прощать, чем отказывать в прощении. Конечно, один–два таких эмиссара не могли сыграть определяющую роль в склонении Русской православной церкви к унии. Но когда таких эмиссаров много, и они заняли решающие места на иерархической лестнице, и они принимают участие в архиерейских Соборах, и их голоса весомы и слышны, и они известны и близки царям, в этом случае они могли доставить Русской православной церкви и православию определенные неприятности. Направляя эмиссаров, руководство Униатской церкви и Ордена базилианцев понимало, что если с покаянием все пройдет нормально, если в Москве им поверят и простят, их, в зависимости от сана, могут направить в какую-либо епархию, может быть, даже архиереем, или в монастырь, может быть даже игуменом или архимандритом. Не совершая явных ошибок и не возбуждая подозрений у клира и мирян, эмиссар сможет некоторое время распространять противоречащие православию каноны униатства и католичества, но так как он работает среди людей, рано или поздно он будет разоблачен, затем архиерейский Собор и наказание. Вряд ли эмиссаров устраивали такие завершающие элементы схемы, но что тут поделаешь, Русская православная церковь не собиралась терпеть и не терпела врагов православия на своей канонической территории.

Трудно сказать, сколько эмиссаров было направлено в Московское государство в XVII столетии (напомним, Униатская церковь была образована в 1596 г., а Орден базилианцев — в 1617 г.), расскажем о некоторых.

В октябре 1625 г. в Москву прибыл архиепископ Владимирский и Брестский **Иосиф Курцевич**, которому там так понравилось, что он остался в Москве и в августе 1626 г. был поставлен на архиепископию Суздальскую. (Заметим, что это тот самый Иосиф Курцевич, который был рукоположен на архиепископию Владимирскую и Брестскую патриархом Иерусалимским Феофаном 15 августа 1620 г., т.е. в тех сложных и опасных условиях был выделен как наиболее подготовленный и стойкий в православной вере. 15 марта 1621 г. Сигизмунд III подписал универсал «ко всем начальственным лицам в Польше и Литве о поимке и арестовании Иоиля Курцевича, осмелившагося без ведома и позволения короля принять посвящение от рук подданнаго Турецкаго, Иерусалимскаго патриарха, в сан епископа Владимирскаго...»[1062]). Но еще до приезда в Москву, «в начале 1623 г., по воле князя Жеславскаго, получил в управление дерманьский монастырь со званием его архимандрита, и здесь старался будто бы склонять монахов к унии, а непреклонных преследовал и грабил...»[1063]. Быть может, он принял униатство из-за боязни преследования со стороны польских властей? Да нет, бояться ему было нечего, уния была прекрасным средством защиты от преследования. (Князь Александр Острожский-Заславский нам известен. Это в его замке униатский митрополит И.В. Рутский посвящал в униатство отступников от православия Мелетия Смотрицкого и Кассиана Саковича, давая им взамен архимандритство в каком-либо монастыре. О них — ниже). Архиепископ Владимирский и Брестский И. Курцевич стал архимандри-

[1062] Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Часть 1. Т. VI. С. 497.

[1063] Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. XI. Патриаршество в России. Книга 2. С. 79.

том богатого Дерманского монастыря (недалеко от города Дубно) именно за тайное принятие униатства, и в Москву приехал совсем не преследуемый православный архиерей, а тайный униат и эмиссар.

Став архиепископом Суздальским, И. Курцевич окружил себя выходцами из Украины, входившей в те годы в состав Польского государства, и с их участием ввел в практику в своей епархии грабежи, насилия и поборы с православных мирян, допускал нарушения в богослужениях и личном поведении. Фактически И. Курцевич своими действиями компрометировал сан православного архиерея перед клиром и мирянами. Обращения с жалобами к царю Михаилу Федоровичу привели к тому, что согласно царской грамоте от 21 марта 1634 г. он был сослан в тот самый Антониев Сийский монастырь (недалеко от Холмогор, куда через 19 лет будет сослан А. Сатановский). Сопровождал И. Курцевича в монастырь голова стрелецкий Ларион Лопухин с командой из 20 стрельцов. В Антониев Сийский монастырь они прибыли 5 мая 1634 г. «В монастыре приказано было: приставить к Иосифу иеромонаха строгой жизни, который бы держал его под крепким началом; не давать в келью архиепископа ни бумаги, ни чернил; неусыпно сторожить, чтобы он не ушел из обители и к нему не приходили никакие сторонние люди; ежедневно совершать в келье его правило по монастырскому обычаю… да и сам игумен, по временам, приходил бы в келью архиепископа и “на истину архиепископа приводил, чтоб его в чувство привести”»[1064],[1065]. Но на этом еще ничего не кончилось.

В этом же году дело Иосифа Курцевича было рассмотрено в Москве на архиерейском Соборе. Прибывшие с ним из Киева и служившие при нем люди показали, «что он постоянно ел мясное вместе с блудницею, которую имел у себя, и не дозволял им вновь креститься в православную веру, хотя они были только обливанцы, а между тем позволял им жениться на православных христианках, ходить в православные храмы, приступать к св. христовым тайнам, и разсказали про многия другия его злыя дела, которыя он не только сам творил, но “разбойническим обычаем” научал творить и своих скверных слуг и о которых не подобает и говорить во избежание соблазна. Выслушав все эти показания и взяв во внимание, что Иосиф и сам доселе некрещен (т.е. чрез троекратное погружение), как и прочие еретики веры папежской или люторской, отцы собора постановили снять с него святительский сан и панагию, и признали, что Иосиф недостоин не только носить святительский сан, но и быть в общении с верными, а должен быть «в чину плачущихся и рыдающих: не менши бо и он здесь (в России) восхотел содеяти Исидора треклятаго и Игнатия патриарха, их же церкви соборная проклинает»[1066]. Изложив все это в своей грамоте от 14 сентября 1634 г., патриарх Иоасаф указал руководству монастыря публично объявить И. Курцевичу решение Собора, исполнить его, после чего отправить бывшего архиепископа уже в «чернеческом» платье в Соловецкий монастырь.

Обратите внимание: архиерейский Собор в Москве по опасности для православия приравнял И. Курцевича с «треклятым» митрополитом Исидором, подписав-

[1064] Там же. С. 80–81.

[1065] Полностью царская грамота от 21 марта 1634 г. напечатана в «Актах, собранных в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою Экспедициею Императорской Академии Наук». Т. 3. СПб., 1836. С. 380–381».

[1066] Там же. С. 81–82.

шим в 1439 г. решения Флорентийского Собора, и незаконным патриархом Игнатием (выше мы о нем говорили). В 1640 г. И. Курцевич был переведен в Казанский Зилантов монастырь, где и скончался 15 июля 1642 г.

В 1628 г. православный митрополит Киевский Иов в Киево-Печерском монастыре рукоположил в иеромонаха **Афиногена Крыжановского**. Но совсем недолго привелось ему быть в этом сане в своем Мозырском Свято-Духовском монастыре. Уже в следующем 1629 г. он отправился к униатскому митрополиту И.В. Рутскому, который отнесся к нему исключительно доброжелательно, посвятил в униатство и в награду за такой шаг поставил его униатским архиепископом в городе Владимире-Волынском, на что дал ему «ставленную архиерейскую грамоту». Заметьте, какую головокружительную карьеру сделал А. Крыжановский всего за один год, и ведь ничто ему не мешало жить так и дальше. Однако, прослужив архиепископом около полугода, он 24 июня 1630 г. явился в пограничный город Путивль и объявил царским воеводам, что хочет покаяться в совершенном отступлении от православия и просил сообщить о нем в Москву.

Царь Михаил Федорович «велел пропустить Афиногена в столицу, а патриарх, после предварительнаго испытания Афиногена, велел присоединить его к православной церкви чрез крещение, определил в угрешский монастырь и вскоре сделал его там даже келарем. Но Афиноген, воспользовавшись монастырскими доходами, задумал воротить себе архиерейское достоинство и чрез посредство какого-то князя далматскаго Ивана Алберта, находившагося в Москве, решился послать письмо да четыре сорока соболей турецкому паше, чтобы тот заставил цареградскаго патриарха Кирилла Лукариса написать грамоту прощальную ему Афиногену и разрешил ему быть, по-прежнему, архиепископом, а другие четыре сорока соболей и несколько денег назначил послать самому Кириллу Лукарису»[1067]. (В прощальной грамоте должна была идти речь о прощении А. Крыжановского за отступление от православия и принятие униатства).

Конечно, подобные действия не остались незамеченными и дошли до патриарха Московского и всея Руси Филарета. 17 июня 1632 г. разгневанный донельзя патриарх Филарет направил А. Крыжановского в Нижегородский Печерский монастырь и «велел держать этого чернеца-вора в хлебне на цепи скованнаго и потом допросить на правеже об его замыслах и о деньгах, что он воровски собрал с вотчин николо-угрешскаго монастыря. Афиноген сознался во всем, и найденныя у него деньги были отобраны...»[1068]. Не захотел Афиноген Крыжановский ждать естественного развития событий (быть может, со временем его и рукоположили бы в архиерейский сан), поторопился, был разоблачен и понес наказание.

В этом примере события развивались калейдоскопически быстро. В 1628 г. Афиноген Крыжановский — православный иеромонах, в 1629 г. — униатский архиепископ, в 1630 г. — келарь православного Угрешского монастыря, в 1632 г. — узник Нижегородского Печерского монастыря. Бросаются в глаза некая нелогичность и авантюрность в его действиях, значительное превышение допустимого уровня риска. На наш взгляд, поездкой в Москву он отрабатывал свое посвящение

1067 Там же. С. 34–35.

1068 Там же. С. 35.

в униатство и в сан униатского архиепископа, и он должен был здесь работать н благо Униатской церкви и Рима, против православия и Русской православной церк ви. (Может быть, он имел разовое поручение зондажного характера?). Но вряд л кто рекомендовал ему (или поручал) заниматься в Московском государстве нез конными поборами с монастырских вотчин и давать взятки турецкому паше и па триарху Константинопольскому, все это он делал по собственной инициативе и п собственной вине был разоблачен, и по вине наказан. Так что если учесть сказан ное, все становится на свои места.

Политическая обстановка в России и Польше, характер межгосударственны отношений сыграли некую регулирующую роль в направлении Униатской церк вью эмиссаров в Русскую православную церковь. Можно полагать, что рост ак тивности в этой деятельности относился к последним десятилетиям XVII столе тия, особенно после принятия Киевской митрополии в каноническое подчинени патриарху Московскому и всея Руси и заключения «Вечного мира» между Россие и Польшей (1686). Приведем несколько примеров, в которых роль эмиссара отв дилась русским священнослужителям, отступившим от православия и принявши униатство в период учебы в зарубежных учебных заведениях.

Палладий Роговский. В Москве, в Заиконоспасском монастыре, «в трапезе перваго окна» на стене вырезана надпись: «Лета 1703, Ианнуария месяца 23 дн в 15 час под утро преставися сея обители Игумен Палладий Роговский, и положе зде телесне, правил обитель сию лета 3, пекийся о создании Святые трапезы си жив лет от рождения своего 48, его ж душе милостив буди Творче в Троице слав мый, аминь»[1069]. Кто он, и почему он нас интересует?

Палладий Роговский (до пострижения в монахи Михаил, 1654–1703), первы русский доктор философии и богословия, выпускник Греческой коллегии св. Афан сия в Риме, игумен Заиконоспасского монастыря и ректор Славяно-Греко-Латинско академии в Москве, безусловно, заслуживает самого пристального нашего внимани

Уже в зрелом возрасте, будучи иеродиаконом Московского Богоявленского м настыря, Палладий Роговский поступил в образованную братьями Иоанникием Софронием Лихудами при этом монастыре школу (Братья Лихуды прибыли на пр подавательскую работу в Москву в 1685 г.). Жажда знаний вырвала его из моско ской жизни и отправила в дальний и долгий путь по странам Европы, в корне изм нив его судьбу. Вначале он отучился один год в иезуитской коллегии в Вильно, з тем еще один год — в иезуитской коллегии в Нейссе (Нейссе, Ницца, Нисса — с годня это город Ныса в Польше), и потом опять же в иезуитской коллегии в Оломо уце (Чехия). Но этого оказалось мало, и он отправился в Рим, где поступил в Гр ческую коллегию св. Афанасия, которая, как мы уже говорили, готовила в то врем специалистов — эмиссаров для работы в православных странах. Так просто пр вославных студентов в эти учебные заведения не принимали. В качестве главно условия для поступления от Палладия Роговского потребовали отступить от прав славия и принять униатство, на что он согласился и что сделал.

Завершив семилетнюю учебу в Риме и став доктором философии и бого ловия, Палладий Роговский при содействии князя Петра Алексеевича Голицы

[1069] Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е. Часть XVIII. С. 198.

(1660–1722), обучавшегося мореходному делу в Венеции, вернулся в Москву и уже 10 февраля 1699 г. обратился к патриарху Адриану с челобитной о покаянии и прощении за отступничество от православия.

В этой челобитной к патриарху Адриану он так объяснял свой поступок: «...и хотя (т.е. желая. — *прим. авт.*) доступить на Философию и на Богословию, присягал на Унию в Римскую веру, для того, Государь, что тамо никого до тех высоких наук без присяги в их Римскую веру учитися не допускают, и по той присяге пошел я Богомолец твой в Рим, ради совершеннаго учения, и свидетельства тех высоких наук...»[1070].

Патриарх указал ему написать «исповедание веры, по мудрованию восточныя церкве Святыя, и како он тамо был, и отступил от православия, и принял Священство, и служил во Унии, и за отступление православные веры (аще мнимое якобы ради дела) по Богословскому учению, противу Бога грех, како судится? Аще что и мало ведевый волю Божию и церковное отступство согрешил, и ересь Римскую, что они противно восточной нашей церкви делают, и ныне содержат, и в науках своих школьных непрестанно твердят и отступство сотворили, проклят, и еже церковнаго нашего благочестия хощет он быти истинный сын, и поборник во всем, яко она содержит, известити совершенно, и то письмо пред всем Собором и народом прочести, и по том каноном исправитися в покаянии, аще истинно каятися хощет, чтобы в людех нашего Христианскаго благочестия подмнения о нем не было, и в правде бы церковной хранился, и на развращение никому о Римской вере, в противность церкве нашея ничего не говорил, и по таком исправлении его, о священнодействе указ по том будет»[1071]. Палладий Роговский исполнил все, что указал патриарх Адриан — он назначенное время находился под началом в монастыре и выполнил епитимию, написал исповедание веры, и 2 июня 1699 г. был вновь к «Святыя восточныя церкве причтен».

Написав исповедание православной веры, Палладий Роговский дополнительно, как и потребовал патриарх Адриан, письменно изложил отличия католического вероучения от православного, те отличия, которые фактически составляют исповедание католической веры, произнесенное им при поступлении в учебное заведение. Палладий Роговский указал всего 25 отличий, назвав их «новыми и смертоносными ересьми». Приведем некоторые из них, так как они дают определенное представление о тех требованиях, которые предъявлялись в то далекое время православным кандидатам в студенты, например, Греческой коллегии св. Афанасия в Риме или иезуитской коллегии в Оломоуце. Для нашего рассказа это важно, потому что указанные выше «требования» характеризуют не только отношение католической системы образования и Римской католической церкви к православию и Русской православной церкви, но и метод непосредственного воздействия на православных кандидатов в студенты, метод изменения вероисповедания, метод формирования вероотступничества. Ведь ценой за обучение являлись не деньги, а отступление от веры. Итак, что же обязан был признать православный кандидат в студенты? Что:

Во-первых, папа Римский есть глава всей христианской Церкви, преемник апостола Петра и наместник Иисуса Христа на земле, глава над царями, судия Все-

---

1070 Там же. С. 149.

1071 Там же. С. 150–151.

ленной. Во-вторых, Святой Дух исходит не только от Отца, как считает правосла вие, но и от Сына. В-третьих, совершение таинства евхаристии (причащения) с ис пользованием опресноков (пресного хлеба), а не квасного хлеба, как в православии В-четвертых, наличие чистилища, что отрицается православием. В-пятых, креще ние младенцев без троекратного погружения в воду и миропомазания. В-шестых бритье бороды священниками и монахами. В-седьмых, введение нового календаря В-восьмых, безбрачие священников. В-девятых, сокращение продолжительност литургий. В-десятых, возможность проведения многих богослужений в один ден в одной и той же церкви на едином престоле. В-одиннадцатых, что папа Римски дает верующему для поцелуя свою правую ногу с вышитым золотом на ней Кре стом, чтобы этот верующий своим поцелуем воздавал честь не папе, а Кресту, и т.д

В заключение Палладий Роговский написал: «Аз же вся сия вышеписанная и учения, мудрствования и догматы и толкования, яко от Святыя Православнокафо лическия восточныя церкве чуждая, и Святым Отцем противная и Богу мерзская ереси вся купно, без всякаго усумнения, или злаго намерения, но яко искренни Святыя Кафолическия восточныя церкве сын и поборник, с их купно Флорентин ским Соборищем, осуждаю, отметаю, проклинаю и анафеме предаю. И аще аз си Латинским ересям кого буду учити, и веру их хвалити, на развращение Святыя Пра вославнокафолическия восточныя церкве, такожде да буду осужден, проклят и ана феме предан...»[1072].

Патриарх Адриан поверил Палладию Роговскому, и 3 июня 1699 г. назначил ег игуменом Заиконоспасского монастыря и ректором Славяно-греко-латинской ака демии.

Историки Русской православной церкви высоко оценивают Палладия Рогов ского. А.В. Карташев говорит, что он совершил подвиг заграничного образова ния, прошел серьезное искушение латинством и после возвращения в Москву «от крылся в своей православной искренности... настолько убедительно, что и патр Адриан и другие представительные церковные лица предложили Палладию напи сать свое православное исповедание с мотивированным отвержением всей систе мы латинства, что он и сделал в своем “Исповедании Веры”. Получился прекрас ный и для нашего даже времени курс антилатинского полемического богословия, обоснованными формулировками и доказательствами православной формы тех ж догматов...»[1073]. Митрополит Черниговский Филарет отметил, что «Более, чем вс эти споры диалектики, полезно было для русскаго православия сочинение Палла дия Роговскаго... его исповедание веры содержит краткое изложение римскаго уче ния и сильныя доказательства чистоты учения русской Церкви...»[1074]. Положитель но отозвался о Палладии Роговском и С. Смирнов в книге «История Московско славяно-греко-латинской академии».

Но вот что очень и очень интересно: с 26 августа по 8 сентября 1703 г. в Но вогородке состоялась двадцать пятая Новогородокская третья конгрегация Орден базилианцев. В протоколе пятой сессии от 29 августа говорилось о том, что в Мо

[1072] Древняя Российская Вивлиофика. Издание второе. Часть XVIII. С. 196–197.

[1073] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 2. С. 369.

[1074] Филарет. История русской церкви. Четвертый период: период патриаршества 1588–1720. С. 189.

скве умер член Ордена базилианцев Палладий Роговский, находившийся с миссией в Москве. Предлагалось каждому за душу умершего Палладия Роговского провести по три службы[1075]. Всего несколько строк, и сразу возникло множество вопросов.

Прежде чем отвечать, приведем еще несколько выдержек из донесений членов миссии Ордена иезуитов в Москве своему руководству. Франциск Иоанн Эмилиани писал в донесении от 23 июня 1699 г.: «В настоящее время возвратился из Рима, из греческой коллегии, отец Палладий, который мог бы принести здесь большую пользу; но другой монах донес на него патриарху, что он униат, и патриарх посадил его в тюрьму св. Спасителя, где Палладий и теперь находится. Недавно у одного русского я совершенно неожиданно нашел прошение, поданное Палладием теперешнему патриарху, которое и прилагаю здесь в переводе на латинский язык...»[1076]. (Тюрьма св. Спасителя — это Заиконоспасский монастырь). Через полгода, 15 декабря 1699 г., Франциск Иоанн Эмилиани сообщал, что Палладий Роговский «освобожден из темницы, но ему еще не позволено совершать литургии. Он теперь обучает нескольких князей, но ему не совсем доверяют»[1077]. Прошло почти два года, и 15 ноября 1701 г. иезуит Иоанн Берула докладывал провинциалу Ордена иезуитов в Праге Фердинанду Вальтгаузеру: «Отец Палладий Рогойский (Роговский), некогда бывший в Ницце клиентом вашего преподобия, теперь в Москве игуменом, иначе сказать, начальником монастыря, в котором живут киевские ученые монахи. Это отличный и искренний человек, и я уже несколько раз виделся с ним. Он кланяется вам и поручает себя вашему вниманию»[1078]. И последняя выдержка: 28 февраля 1703 г. Франциск Иоанн Эмилиани писал: «Жаль, что не продал нам хотя несколько своих книг тот монах, Палладий Рогойский (Роговский), который учился в Ниссе, Оломуце и наконец в Риме в греческой коллегии, и который на средства прежде всего святой конгрегации и сиятельнейшаго герцога Флоренции составил и привез сюда с собою библиотеку, состоящую по меньшей мере из пяти сот избранных сочинений, большая часть из которых состояла из творений св. отцев, соборных постановлений и полемических сочинений. Теперь все эти книги в руках наших противников, так как, после смерти Роговскаго, в прошедшем январе месяце, все его вещи забрал к себе вышеупомянутый митрополит (Стефан Яворский. — *прим. авт.*). Добрый монах вступил в Московию с богатыми надеждами, но ближайший его друг обвинил его перед покойным патриархом Адрианом в том, что он тайный униат... Наконец он был позван на синедрион, и ему приказано было в присутствии патриарха Адриана объяснить причины, по которым он присоединился к римлянам. Когда он прочитал по бумаге эти хорошо и довольно умно изложенныя причины, то патриарх воскликнул: «разве не видите, разве не поражены вы достаточно изумлением, как софистически, как хитро составлены у римлян аргументы, так что всякий, недостаточно утвердившийся в вере, легко может быть ими совращен!»[1079].

[1075] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленскаго учебнаго округа. Т. 12. С. 149.

[1076] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 25–26.

[1077] Там же. С. 49.

[1078] Там же. С. 76.

[1079] Там же. С. 111–112.

(Упомянутая выше святая конгрегация — это конгрегация «Пропаганда Веры», деятельностью которой мы уже не раз выше встречались).

Совершенно очевидно, что ни А.В. Карташев, ни митрополит Черниговски Филарет, ни С. Смирнов не смогли в свое время ознакомиться с приведенным выше документами. Если бы это им удалось, то их оценки Палладия Роговског были бы, как мы считаем, иными. Да и патриарх Адриан со своими помощникам не до конца разобрались в ситуации с отступничеством от православия, посчитали видимо, его вынужденным и временным, согласились с просьбой простить и про стили. Не смогли поверить, что вероотступничество, временное и вынужденное самом начале, затем, на наш взгляд, стало постоянным и осознанным. И вернулся Москву не оступившийся и жаждущий прощения православный священнослужи тель, а профессионально подготовленный и прошедший всю Европу эмиссар Вати кана Палладий Роговский.

Любопытно, что некоторое участие в жизни академии и Палладия Роговско го принял прибыльщик Алексей Александрович Курбатов (1659–1721), написа ший 16 октября 1700 г. письмо Петру I с изложением трудностей и недостатков ее работе — о необходимости ремонта, отсутствии денег и нужде во всем. Любо пытно потому, что А.А. Курбатов в 1697–1699 гг. участвовал в дипломатическо миссии боярина Бориса Петровича Шереметева в Рим к папе Римскому в качеств маршалка посольства, и там, как бы не показалось это невероятным, был обраще в католичество. Выше мы приводили выдержку из донесения главы миссии Орд на иезуитов в Москве Ф.И. Эмилиани от 23 июня 1699 г.: «...Дворовый его чел век Корбатов (Курбатов), обращенный в латинство или в унию в Риме одним вес ма уважаемым нашим отцом, как показывают его письменные удостоверения, при шел к нам, говорил с нами, как с отцами ордена, и сказал, что привез нам покло от отца генерала и от отца секретаря, в жилище котораго он произнес исповедани веры...»[1080]. (Посольство Б.П. Шереметева вернулось в Москву 10 февраля 1699 г. Приход А.А. Курбатова в миссию оказался для иезуитов настолько неожиданны что они ему не поверили, несмотря на предъявленные «удостоверения» и переда ные приветы от руководства Ордена. Так случаен ли был интерес А.А. Курбатова Палладию Роговскому или нет?

Еще раз обратим внимание на следующее: Палладий Роговский не просто учил ся в Греческой коллегии св. Афанасия в Риме, сидел на занятиях, учил уроки и отв чал на вопросы преподавателей. Униатским митрополитом Македонским Онуфри ем, «живущим и служившим под Папежским благословением», он был поставле в священника, разумеется, Униатской церкви, и несколько лет служил в униатско церкви при коллегии, выполняя все священнические обязанности по отношени к учащимся и другим священно — и церковнослужителям. Несколько лет он про ращивал и укреплял ростки униатства среди слушателей, верно служа на этом по прище Ватикану. Его усердие и заслуги были оценены — конгрегация «Пропаганд Веры» выделила ему необходимые средства для приобретения «по меньшей ме пяти сот» избранных сочинений, по тем временам огромную библиотеку, котор заслужила высокую оценку членов миссии Ордена иезуитов в Москве, и вызва

[1080] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 41.

их сожаление, что после смерти Палладия Роговского попала в распоряжение Русской православной церкви. (Разумеется, профинансировав приобретение библиотеки, конгрегация «Пропаганда Веры» была абсолютно уверена, что затраты не пропадут даром и книги будут использованы в интересах Ватикана). Только-только вернувшись в Москву, Палладий Роговский устанавливает контакт с миссией Ордена иезуитов в Москве, передает приветы провинциалу Ордена в Праге Фердинанду Вальтгаузеру и поручает себя его вниманию, поддерживает с членами миссии регулярные отношения, обсуждает с ними вопросы, представляющие обоюдный интерес. Руководство Ордена базилианцев показывает свою информированность о том, что Палладий Роговский находился в Москве «с миссией», объявляет о его смерти и конгрегация Ордена принимает постановление о проведении в каждом униатском храме трех служб в его память. Отметим, что со времени вступления Палладия Роговского в должность ректора Академии, латинский язык «сделался в московской школе господствующим, придав ей окончательно латинский характер»[1081].

Разве все сказанное является набором каких-то подвернувшихся под руку фактов? Напротив, это убедительное доказательство того, что Палладий Роговский вернулся на родину после учебы не формальным, а фактическим отступником от православия, эмиссаром Униатской церкви, врагом православия и Русской православной церкви.

В период обучения в Риме он полностью «потерял» греческий язык, которому научился у преподавателей братьев Лихудов, теперь его рабочим языком стал латинский. Убедив патриарха Адриана в своей приверженности православию и получив прощение, он получает назначение игуменом Заиконоспасского монастыря и ректором Славяно-Греко-Латинской Академии, где он и вел занятия на латинском языке. Должность игумена в сочетании с таким блестящим образованием давала шанс подняться по иерархической лестнице и расширить возможности для проведения той деятельности, которой он был обучен в Риме и иезуитских коллегиях. Должность ректора Академии позволяла ему сразу приступить к работе с учащимися, подготовке из них кадров для будущего, для занятия руководящего положения в Русской православной церкви и создания условий для заключения унии с Римской католической церковью.

Палладий Роговский не был жертвой обстоятельств, свой путь он выбрал сам, тот путь, который привел его к отступничеству от православия и возвращению на родину уже в качестве профессионально подготовленного эмиссара Ватикана. На наш взгляд, такой вывод является объективным, он основан на объективных фактах из его жизни. По словам А.В. Карташева Палладий Роговский совершил «подвиг заграничного образования», но после всего сказанного соглашаться с известным историком Русской православной церкви как-то не хочется.

Петр Артемьев. Палладий Роговский был не одинок в своей судьбе. Ее повторил, правда, с другим исходом, сын священника из Суздаля, бывший учащийся Славяно-Греко-Латинской Академии в Москве Петр Артемьев. Его учителем был иеромонах Иоанникий Лихуд. Выезжая в Венецию, он взял с собой своего ученика Петра Артемьева, который очень хотел расширить за рубежом свое образова-

[1081] *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. С. 506.

ние. 13 февраля 1688 г. они выехали из Москвы, имея с собой рекомендательную грамоту к дожу Марку Антонио Юстиниану от царей Ивана и Петра Алексеевичей от того же числа. Уже 24 мая 1688 г. в Венеции была подписана ответная грамота к царям о приезде Иоанникия Лихуда и Петра Артемьева (в Москву поступила 20 июня 1688 г.).

Как же произошло отступление Петра Артемьева от православия? Исследователь его жизни и деятельности, историк М. Никольский писал, что по пути из Москвы в Венецию они (Петр Артемьев и Иоанникий Лихуд) проезжали через чешский город Оломоуц, где с Артемьевым познакомился некий иезуит: «видев мя, пишет о нем в дневнике Петр, и возлюби и быв ему в раба, он же ми в отца»[1082]. Этим иезуитом, видимо, был Тобиаш Тихавский, который вскоре, 11 февраля 1689 г., прибудет в Москву и станет членом миссии иезуитов. Это был первый насыщенный контакт Петра Артемьева с иезуитом. Затем, приехав в Венецию, «Артемьев учился в тамошних школах, но, благодаря слабому надзору своего руководителя Лихуда, свел еще знакомство с одним униатом, который неоднократно заводил с Петром речь "о порядках папина величества и о всяком благочестии". Следствием этого знакомства и этих бесед было то, что Артемьев возымел сильное желание быть в Риме, чтобы поклониться мощам первоверховных апостолов Петра и Павла, а потом, говоря словами Артемьева, "видети и наследника Петрова, отца отцем, вселенскаго папу". Вследствие того же знакомства Петр начал ходить к униатам на исповедь и отцу духовному говорил, как он "прежде римляны мерзился, ныне же преклоняется любити их". Когда Петр в последний раз пошел в римско-католическую церковь приобщиться св. Тайн, то на него нашло сильное сомнение. Но отцы духовные успели победить это сомнение юноши и заглушить в нем голос совести... Во время трехлетняго пребывания за границею Артемьев, кажется, не столько успел в науках, сколько иезуиты и латинские священники успели расположить его в пользу римской церкви и посеять в нем неуважение к церкви православной»[1083].

В Москву Петр Артемьев вернулся в 1691 г. в Сыропустную неделю, т.е. в воскресенье накануне первого дня Великого поста, которое приходилось в том году на 22 февраля[1084]. Через непродолжительное время он обратился с просьбой к патриарху Адриану о посвящении его в священный сан и предоставлении ему места в приходской церкви. Патриарх Адриан удовлетворил просьбу Петра Артемьева и назначил его диаконом Петропавловской церкви в Новомещанской слободе в Москве. Что еще можно было пожелать бывшему студенту и новоиспеченному диакону? Но его жизнь и деятельность пошли по другому сценарию. Предоставим слово священнику Петропавловской церкви в Новомещанской слободе Петру, тезке Артемьева. 2 мая 1692 г. он направил челобитную патриарху Адриану, в которой обвинял Петра Артемьева в латинстве. «Главные пункты обвинения были: прибавления к литургии католических молитв, обрядов ("прикляканье"), прибавление "и от Сына" в Символе Веры, несоблюдение постов и — главное — "еще пуще заво-

---

[1082] *Никольский М.* Русские выходцы из заграничных школ в XVII столетии: Петр Артемьев // Православное Обозрение, 1863, Т. 10, март. С. 248.

[1083] Там же. С. 248- 249.

[1084] *Климишин И.А.* Календарь и хронология. М., 1990. С. 134, 460–461.

нять" и в хулении православных отцов Церкви»[1085]. Челобитная написана на трудном для восприятия языке, поэтому вместо выдержек из подлинника приведем пример в изложении А.В. Карташева: «...После евангелия он читал поучение, похвалял в вере поляков, лях, литву, прочитал молитву Отче наш на амвоне по-римски, приклякнув на колена, и иные некие молитвы прилагая римская. Носит он на себе вместо животворящего креста мошонку, а в ней образок латынина Антония Падвиянина, еретика суща. Глаголет исхождение Духа Св. от Отца и Сына. Исповедовался и приобщался у иезуитов. И с иными иезуитами, из Москвы изгнанными, зело слезно разлучался. Освященный собор называет забором, который перескочить хвалится. Патриархов называет потеряхами, потому что истинную православную веру потеряли...»[1086]. В заключение приведем все-таки несколько слов из челобитной: «Он же пишет к лицу святейшаго патриарха, гля: извещаю, яко коему ж до рекше всем паствы твоея именоватися римляном, папежником, и униатом, и сим той враг Божий желает не един погибнути, но всем хощет от веры православныя и имене отступити, и к папе подчинитися и соединитися»[1087]. В этих словах священник Петропавловской церкви прямо указал на цель деятельности Петра Артемьева — склонить паству к отступлению от православия и обращению в униатство с подчинением папе Римскому. Обратите внимание — цель деятельности Петра Артемьева (по словам такого далекого от Рима священника Петропавловской церкви) полностью соответствовала целям деятельности Ватикана.

Проживая в Москве, Петр Артемьев периодически посещал находившихся в Москве членов миссии иезуитов или других католических миссионеров, обсуждал с ними религиозные вопросы, получал духовную поддержку своих мыслей и действий, информировал по интересующим их вопросам. Он принес миссионерам сочинение Софрония Лихуда «Мечец Духовный, или Диалоги Грека — учителя к некоему иисуиту», говоря, «что эта книжица вся исполнена обличений на учение римской церкви»[1088]. А.В. Карташев назвал эту книгу «систематическим руководством к обличению всего латинского богословия».

Патриарх Адриан надеялся, что Петр Артемьев рано или поздно одумается, и поэтому в мае 1698 г. направил его под строгий надзор в Новоспасский монастырь в Москве. Настоятель этого монастыря архимандрит Исайя получил указание «наблюдать за Артемьевым, увещевать и наставлять его к раскаянию. В непродолжительное время своего заключения Артемьев написал несколько тетрадей, в которых с замечательною откровенностию описал судьбу свою несчастнаго воспитания, изложил все, что он делал и проповедывал по возвращении из-за границы; с ожесточением повторил все свои заблуждения, которыми одолжен был постоянному знакомству с иезуитами; наконец изрыгнул хулы на православную церковь, ея пастырей, своих учителей Лихудов и других защитников православия, находивших-

[1085] *Перетц В.Н.* Совращение диакона в латинство (1692 года) // Чтения в Историческом Обществе Нестора – летописца. Книга 15, вып. II. Отдел V. Киев, 1901. С. 51–52.

[1086] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 2. С. 368.

[1087] *Перетц В.Н.* Совращение диакона в латинство (1692 года) // Чтения в Историческом Обществе Нестора – летописца. Книга 15, вып. II. Отдел V. Киев, 1901. С. 56.

[10‹] *Никольский М.* Русские выходцы из заграничных школ в XVII столетии: Петр Артемьев // Православное Обозрение, 1863, Т. 10, март. С. 265.

ся в Москве. Сии тетради, которыя Артемьев представил патриарху, и послужил к окончательному осуждению его на соборе»[1089]. Наступил день, еще раз изменивший судьбу Петра Артемьева.

13 июня 1698 г. патриарх Адриан созвал в патриаршей крестовой палате архиерейский Собор, в работе которого участвовали митрополит Сарский и Подонски Тихон, митрополит Нижегородский и Алатырский Трифиллий, архиепископ Вологодский Гавриил, архимандриты, игумены, несколько греческих архиереев и клирики (для пения). В соборном постановлении были перечислены все «заблуждения, вины и предосудительные поступки» Петра Артемьева: «Вольнодумец обвиняется в том, что развратил чин и обычай церкви несвоевременным сказывание проповедей, причем оказывал непослушание священнику своему; в поучениях сво их проповедывал лжеучения латинян об исхождении Св. Духа и от Сына, о време ни пресуществления св. Даров, об опресноках и некоторых обрядах и нововведени ях римской церкви; не соблюдал постов, установленных православною Церковию постился же в субботу, по уставу римской церкви, свел и продолжал знакомство иезуитами, исповедывался и приобщался у них неоднократно. В вину Артемьев поставлено между прочим и то, что он без разрешения патриарха ездил за границу в западныя школы… Осуждается за то, что в тетрадях своих написал о праздновании преображения Господня прежде шести дней Пасхи и о зачатии Присно девы Богоматери не по разуму восточныя Церкви; флорентинский "разбойничи съезд" называл вселенским собором; защитника православия Марка Ефесскаго называл раскольником, а патриарха Фотия виновником схизмы и разделения Церкви папу именовал главою всех, отцем отцев; патриаршество же в лице Адриана унижал во время самаго посвящения своего в диакона». Последняя вина Артемьева соборном осуждении пишется та, что он «соединився с латины носил на себе вместо животворящаго креста мошонку, а в ней образок латинянина Антония, некоего падуанина, еретика суща, жившаго в лете 1100, по отсечении латин от восточно Церкви»[1090]. Участники Собора, надеясь на исправление Петра Артемьева, не ст ли осуждать его на чересчур суровое наказание. В приговоре говорилось: «…за в твоя деяния и словеса, яже вышеписана и яже за множества оставлена, не восхоте хом сотворити по достоинству деяний твоих развратных, за яже достоин еси смер ной казни: но мы ревнующе небесному Архипастырю всех Христу и хотящи возвратити тя, яко овча заблудшее, к покаянию, вместо смерти живот даровахом ти. Чин же и знамение священства, его же недостойне приял и содержал еси, вземле от тебе»[1091].

Архиерейский Собор приговорил расстричь Петра Артемьева и отправить по начало в Важский монастырь в Холмогоры к архиепископу Холмогорскому Афана сию (1641–1702). Его приказано было держать под строгой охраной, «вход к заклю ченному посторонним лицам был воспрещен; самому узнику предписано быть молитве и посте, а наипаче в обуздании языка и молчании;… Даже и в этом случа предписано было не слишком доверяться вольнодумцу и не давать ему свободы и

[1089] Там же. С. 257–258.

[1090] Там же. С. 262–263.

[1091] Там же. С. 263.

опасения, чтобы он не ушел из места ссылки за границу, особенно в Рим, куда прежде всячески стремился; чернил и бумаги Артемьеву, как и другим, подобным ему заключенным, отнюдь не велено давать»[1092].

В Холмогоры Петр Артемьев был привезен 5 июля 1698 г. Принятые в Важском монастыре воспитательные меры положительного результата не дали, о чем архиепископ Афанасий доложил патриарху Адриану в записке от 11 сентября 1698 г. «Поелику Артемьев слишком дерзко и решительно говорил о правоте римской церкви, предсказывал скорое соединение православной русской Церкви с римскою и объявил себя ревностным защитником сей последней даже до смерти своей, то преосв. Афанасию ничего не оставалось более, как, по данному от патриарха наказу, препроводить упорнаго вольнодумца в Соловецкий монастырь с предписанием "содержать его там в твердом узилище"»[1093]. (Кстати, архиепископ Холмогорский Афанасий рассматривался патриархом Адрианом в качестве своего преемника). Одновременно в Москве, на основании этой записки архиепископа Афанасия, «Артемьев еще раз подвергнут был соборному осуждению и окончательно анафематствован...»[1094]. В Соловецком монастыре Петр Артемьев и умер в 1700 г.

Проживавшие в Москве иезуиты и другие католические миссионеры не оставили без своего внимания события, главным участником которых был Петр Артемьев. Католический миссионер Геральд писал из Москвы 23 сентября 1698 г. иезуиту Франциску Дубскому: «Когда мы прибыли, то нашли здесь некоего Петра, поистине мученика. Он был русским диаконом, и, неизвестно где, тайно принял унию с св. римской церковью. Он принес большую пользу народу, ревностно заботясь о правильном понимании формы таинств, чтобы таким образом этот народ, больше всего преданный внешней стороне схизмы, не был устранен от пути к спасению. Он произнес проповедь (потому что теперь русские и в своих храмах начинают говорить проповеди). Из нея кое-что выхватили и донесли патриарху, который потребовал диакона на публичное заседание синода, где тот открыто исповедал главенство папы, исхождение Св. Духа от Отца и Сына и проч. За это его высекли, заковали в цепи, отняли дом и имущество и отправили в ссылку. Одни говорят, что он уже умер от постигших его бедствий, другие же утверждают, что он сожжен. Если это правда, то да вспомянет он обо мне пред божеским милосердием! Это была святая и невинная душа! Еще прежде, чем его повели в синод, я виделся с ним, и когда он просил меня благословить его, я помолился... И действительно, он так был смел в своих доказательствах и ответах (как сами признавали и некоторые бояре), что привел в смущение весь собор. Копии соборного деяния я не мог достать, несмотря на то, что обещал хорошую плату, потому что это дело всеми мерами скрывают. Была попытка взвести на нас обвинение, что он в последнее время у нас принимал таинства, но этого нельзя было доказать, напротив, наши противники были пристыжены сильными аргументами с нашей стороны...»[1095]. (Католический миссионер Геральд прибыл в Москву 19 апреля 1698 г. в составе посольства Священной Римской

[1092] Там же. С. 264.

[1093] Там же. С. 269.

[1094] Там же. С. 269–270.

[1095] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 5–6.

империи германской нации во главе с Игнатием Христофором Гвариентом. Вмест с этим посольством в Москву прибыли члены миссии Ордена иезуитов Иоанн Беру ла и Франциск Иоанн Эмилиани. До их прибытия в Москве находились члены Ор дена францисканцев Франциск Ксаверий Лефлер и Павел Иосиф Ярош, выехали и Москвы 7 октября 1698 г.).

Заслуживает внимания, что автор донесения пытался за деньги раздобыть со борное постановление по делу Петра Артемьева (!), т.е. не какой-то секретный го сударственный документ, а документ Русской православной церкви, но ему это н удалось. Мотивы такой попытки понятны — членам миссии очень нужно был знать, в какой мере соборное постановление связывает вину и противоправосла ную деятельность Петра Артемьева с деятельностью миссии, и чем все это може им грозить. Другими словами, копия соборного постановления могла пролить све на степень безопасности миссии в связи с указанным выше делом. Для них эт было очень и очень важно.

Через девять месяцев, 23 июня 1699 г., уже Франциск Иоанн Эмилиани докла дывал, что «...диакон по имени Петр был здесь мучим тоже за униатство, а пото лишен всего и отправлен в ссылку. Этот диакон возбудил большое удивление, когд явился на собор и своими ответами привел всех в смущение. Накануне своего пле нения он тайно приходил ко мне, вел беседу о некоторых недоуменных вопросах, и павши на колени в нашем храме, со слезами вверил себя заступничеству Пресвято Девы и св. Иоанна Непомука»[1096].

15 декабря 1699 г. Франциск Иоанн Эмилиани дополнил свое донесение: «Наш мученик, диакон Петр, о котором я писал в другом письме, поистине живой муче ник и остается твердым, хотя и находится в ссылке, в монастыре, именно у бере гов моря, у Архангельска. Он заключен в подземную темницу и питается черствы хлебом и малым количеством воды. Он совершил много подвигов твердости, впол не достойных истории...»[1097]. Интересно, кто информировал членов миссии Орде на иезуитов о положении Петра Артемьева в ссылке?

Кем же был склонен к отступничеству от православия и принятию униатств Петр Артемьев? Ответ мы можем получить из «Краткого донесения о миссии в Мо скве». В разделе за 1698 г. говорится: «...В этом году умер славною смертию рус ский диакон по имени Петр, некогда обращенный в унию с нашей церковью бла женной памяти отцом Тихавским ...»[1098]. Из этого донесения следует, что Петр Ар темьев был обращен в унию Тобиашем Тихавским. Но где и когда? Петр Артемье 13 февраля 1688 г. уже выехал из Москвы в Венецию, а Тобиаш Тихавский прибы в Москву через год, 11 февраля 1689 г., и выехал из Москвы 5 октября 1689 г. Сле довательно, никак не могли пересечься в Москве пути Петра Артемьева и Тобиа ша Тихавского. Поэтому, наиболее вероятно, что их контакты имели место на тер ритории Польши или Священной Римской империи германской нации, или по пути в Венецию, или на обратном пути в Москву. Как выше мы говорили, такая встреча достаточно продолжительная и насыщенная, произошла в чешском городе Оломо

[1096] Там же. С. 25.

[1097] Там же. С. 49.

[1098] Там же. С. 179–180.

уце, на пути в Венецию. Именно здесь, по нашему мнению, иезуит Тобиаш Тихавский посеял в Петре Артемьеве те зерна, которые буйно произросли после возвращения его на родину.

Со дня возвращения в Москву (22 февраля 1691 г.) и до помещения в Новоспасский монастырь (май 1698 г.) Петр Артемьев контактировал в Москве со следующими иезуитами и другими католическими миссионерами:

Людовик Коблиц, доминиканец, в Москве с 13.04.1691 до 23.12.1692 г.

Франциск Ксаверий Лефлер, францисканец, в Москве с 18.11.1692 до 7.10.1698 г.

Павел Иосиф Ярош, францисканец, в Москве с 18.11.1692 до 7.10.1698 г.

Игнатий Запольский, иезуит, в Москве с 20.02.1696 г., выбыл через несколько дней.

Лаврентий Дугуне, иезуит, в Москве с 1697 г., других данных нет.

Кондрат Терпиловский, иезуит, в Москве находился до 28 января 1698 г. проездом из Персии в Польшу. Петр Артемьев был настолько восхищен его деятельностью, что назвал его «апостолом из Персиды»; по словам М. Никольского, судя по свидетельству самого Артемьева, «у него же был он в сыновстве и причащался»[1099].

Иоанн Берула, иезуит, супериор миссии, в Москве с 19.04.1698 г.

Франциск Иоанн Эмилиани, иезуит, в Москве с 19.04.1698 г.

Иоанн Казагранде, католический миссионер, в Москве с 19.04.1698 г.

Геральд, католический миссионер, в Москве с 19.04.1698 г.

Совершенно очевидно, что все эти контакты Петра Артемьева с искушенными миссионерами активно укрепляли его веру в католичество и не менее активно разрушали остатки его веры в православие, и, судя по его поведению, направляли на борьбу с православием.

А.В. Карташев писал: «Как ни странна эта истерика латинизма у природного русского поповича, но она является предшественницей будущих политических крайностей русской полуинтеллигенции XIX века... Углубленный татарщиной и чрезмерно затянувшийся отрыв наш от остальной христианской Европы породил эту духовную болезнь национального самоотрицания, которая и после устаревших чаадаевских парадоксов продолжает еще давить на русское культурное и даже церковно-историческое сознание. Словом, Артемьев — это наша карикатура, но не лишенная для нас некоторой поучительности»[1100]. Оценивая людей и их поступки с позиции интеллигентности, высокой духовности и порядочности, А.В. Карташев даже и не думал, что Петр Артемьев не просто истеричная личность, а еще и продукт подрывной деятельности Ватикана против Русской православной церкви. И это, по нашему мнению, именно так. В этом примере встретились две направленные прямо навстречу друг другу силы: одна, это тяга Петра Артемьева к новым знаниям, сконцентрированным в европейских учебных заведениях, и вторая, это целенаправленное стремление Ватикана использовать нахождение объекта заинтересованности (П. Артемьева) в состоянии временной или даже постоянной зависимости, для склонения его к отступничеству от православия и обращению в униатство. «Как ловко велось дело при этом обращении, видно из рассказов Артемьева: ког-

[1099] *Никольский М.* Русские выходцы из заграничных школ в XVII столетии: Петр Артемьев // Православное Обозрение, 1863, Т. 10, март. С. 250.

[1100] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 2. С. 368–369.

да он спрашивал у латынян, чем их римская церковь лучше греческой, ему отвеч ли, что ничем, римская и греческая церковь равны, только разве в римской цер ви люди ученейшие. Молодой человек успокаивался, что все равно, и стремился ученейшим людям, к книгам, написанным ученейшими людьми; восторженност страстность и мистицизм некоторых католических писателей как нельзя боль пришлись по душе Артемьеву»[1101].

Нет прямых доказательств того, что Петр Артемьев после окончания учебы Венеции получил специальное задание Ватикана и был направлен в Российское г сударство в качестве эмиссара. Таких данных нет, и по большому счету называ его эмиссаром не приходится. Но прибыл он на родину уже не таким, каким вые жал. На родину вернулся убежденный враг православия и Русской православн церкви, которого не смогли вернуть к православной вере ни отец, ни приходск священники, ни патриарх, ни архиерейский Собор, ни монастыри, куда он напра лялся на перевоспитание. Он стал врагом, дерзким и решительным. Поэтому мы включили раздел о нем в нашу книгу. Конечно, не так уж много мог сделать од такой человек, как Петр Артемьев, однако многие десятки таких Артемьевых мог принести православию и Русской православной церкви очень большую беду. Раз меется, если своевременно их не остановить.

Георгий Скибинский. Известия об открытии в Москве Славяно-Грек Латинской Академии распространились среди малороссийского духовенства и вы звали приезд представителей этого духовенства в Москву с намерениями занять р ководящие и преподавательские места в академии. Одним из таких был и Георги Скибинский. Он, как и Палладий Роговский, для получения образования отправи ся в 1688 г. в Рим и 8 лет обучался там в Греческой коллегии св. Афанасия, став п сле ее окончания доктором философии и богословия. При поступлении в коллеги он, как того требовали условия приема, произнес исповедание веры, которым фа тически отступил от православия и принял униатство. Такое же исповедание вер произносил Палладий Роговский и другие студенты.

В Москве Георгий Скибинский обратился к патриарху Адриану с покаянны прошением простить его за отступление от православной веры. В прошении указал те вероисповедные положения, которые он торжественно произнес при п ступлении в коллегию. В частности: «1) Все Патриархи, Митрополиты и весь прич восточной Церкви не священны, потому что не имеют благословения от папы и покорны ему; 2) Патриархи восточные не имеют власти свидетельствовать свята хотя бы и чудеса творил; 3) после флорентинскаго и триденскаго соборов, в восто ной Церкви нет святых, а только в западной; 4) кто вне римской Церкви, тот не м жет спастись, хотя бы стяжал добродетели; 5) кто не признает папы за главу Цер ви, тот еретик и отступник и кто не верит тому, что папа есть преемник апосто Петра и наместник Христов, тот не может спастись; 6) тела греческих святых, кот рыя остаются целы, не суть тела святых, а стяжавших клятву папы, и оттого не ис левают; 7) необходимо верить в чистительный огнь; Дух святый исходит от От и Сына...»[1102]. Как мы видим, произнесенное Г. Скибинским исповедание веры

[1101] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 7. С. 679.

[1102] Филарет. История русской церкви. Четвертый период: период патриаршества 1588–1720. С. 182

главном соответствует тому, которое произносил П. Роговский, хотя в прошении к патриарху он указал 10 положений, а П. Роговский — 25.

Георгию Скибинскому не поверили, его заподозрили в том, что он прибыл в Москву для распространения ереси, и в приеме в академию ему было отказано.

Написание, издание и распространение богословской полемической литературы, нацеленной на защиту униатства и борьбу с православием. О значении книг в пропаганде католичества и униатства, в борьбе с православием и Православной церковью, мы выше говорили и приводили слова Антонио Поссевино о том, что никакими пушками север и восток не будут завоеваны быстрее, чем книгами. То, что печатное слово это оружие, знали и хорошо понимали и другие католические и униатские религиозные деятели и писатели-полемисты, борцы с православием. Они хорошо понимали, что прицельность и действенность издаваемых книг значительно возрастет, если книги будут печататься на русском языке, что советовал сделать еще Антонио Поссевино. И уже в самом начале восьмидесятых годов XVI столетия в иезуитской академии в городе Вильно «была заведена типография с славянским шрифтом для распространения католических книг в русском переводе»[1103].

Издание полемической литературы стало более целенаправленным и активным после образования Униатской церкви (1596) и Ордена базилианцев (1617). Книги печатались в городах Варшаве, Кракове, Вильно, Львове, Люблине. Авторами полемических сочинений являлись иезуиты Петр Михайлович Скарга, Бенедикт Гербест, Феофил Рутка, Альберт Коялович, Ян Алоизий Кулеша, Николай Циховский, Павел Бойма; униаты Ипатий Львович Потей, Иоаким Мороховский, Леон (Лев) Креуза, Каспар Скупинский, Ян Дубович; отступники от православия, бывшие православные архиереи, принявшие униатство Мелетий Герасимович Смотрицкий, Кассиан Сакович и другие. В числе авторов не только профессиональные писатели-полемисты, но и штатные священнослужители (например, духовник королей Польши Стефана Батория и Сигизмунда III иезуит Петр Михайлович Скарга, униатский митрополит Ипатий Львович Потей, униатский епископ Владимирский и Брестский Иоаким Мороховский, униатский архимандрит Дерманского монастыря Ян Дубович и другие).

Тематика, активность и накал полемических изданий прямо зависели и соотносились с политической обстановкой на территории с православным населением, входившей в состав королевства Польского и великого княжества Литовского. Иначе и не могло быть.

Например, основной темой полемических книг, изданных до 1596 г., являлось обоснование необходимости заключения унии между Римской католической и Православной Церквами. В этот период авторы старались держаться в рамках благопристойности и вежливости в выражениях, ведь сторонников унии нужно было приобретать разъяснениями, уговорами и добрым словом. К полемическим изданиям этого периода следует отнести книгу П.М. Скарги «О единстве церкви Божией под единым пастырем и о греческом от этого единства отступлении, с предостережением и увещанием к русским народам, стоящим при греках», его же другие книги (1582 и 1590), Б. Гербеста (1586) и другие. Но некая благопристойность

[1103] *Архангельский А.С.* Очерки из истории западно-русской литературы XVI–XVII вв. Борьба с католичеством и западно-русская литература конца XVI – перв. пол. XVII в. С. 23, прим. 36.

и вежливость присутствовали в содержании книг, в то время как практические контакты проходили бескомпромиссно и жестко. «Главный патрон виленских иезуитов бискуп Юрий Радзивил как только прибыл из Рима на свою епархию (1581 г.) приказал силою забрать из всех книжных магазинов Вильны иноверческие книги и сжечь; равно и старший брат его, воевода виленский Николай Сиротка не только отбирал, но и скупал подобныя книги и предавал огню, и, в частности, пожертвовал 5000 дукатов, чтобы скупить, по возможности, экземпляры калвинской библии, изданной некогда его отцом, и также сжечь. Сожжение этих книг совершилось торжественно пред иезуитским костелом св. Иоанна...»[1104].

После Брестского собора и запрещения Православной церкви (1596) и до тайного восстановления православной иерархии (1620) тон полемики был достаточно спокойный — уния свершилась, уния законна, унию нужно защищать от нападок, православным нужно принимать униатство. Но сразу после 1620 г., когда патриарх Иерусалимский Феофан тайно от королевских властей восстановил иерархию Киевской православной митрополии, характер полемических сочинений резко изменился — в них появились ожесточение и озлобленность, добавились личные мотивы (католические и униатские священнослужители и полемисты хорошо знали священнослужителей и полемистов православных, и наоборот) — вражда, ненависть и непримиримость.

С восшествием на королевский престол Владислава IV (коронационный сейм состоялся в Кракове 6 февраля 1633 г.) тональность полемических сочинений вновь меняется, их накал ослабевает, да и число их уменьшается. Как писал С.Т. Голубев, в этот период «за редкими исключениями усматриваются только слабые и робкие следы ея»[1105], т.е. полемики. Причиной таких изменений являлся принятый на коронационном сейме документ Puncta uspokojenia religiey Greckiey, т.е. о мерах по успокоению религии Греческой. Статьи этого документа, «под угрозой законной кары ослушникам, определяли: “обе стороны должны: жить в мире и согласии, не наступая одна на другую; письменныя и словесныя состязания между собою прекратить, и на будущее время никаких сочинений, которыми привыкли оскорблять друг друга, не издавать; наукою и добрыми примерами поддерживать взаимное согласие и единение”»[1106]. Добиться абсолютного исполнения сеймового постановления, конечно же, не удалось, полемические сочинения продолжали появляться, правда, в меньшем количестве. В их числе особо следует выделить сочинения отступника от православия, бывшего ректора Киевской братской школы Кассиана Саковича (1640, Вильно; 1642, Краков; 1644, Краков), униатов Каспара Скупинского (1634) и Яна Дубовича (1644).

В своем сочинении «Перспектива», изданном в 1642 г. в Кракове, тенденциозно отобразив состояние и дальнейшее развитие православия и Православной церкви, К. Сакович указал способ спасения Православной церкви только в заключении унии. Иначе Православной церкви грозит неминуемая гибель. «“Если Русь, — го-

[1104] Макарий, архиепископ Литовский и Виленский. История русской церкви. Т. IX. Книга 4. С. 426–427.

[1105] *Голубев С.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. С. 244.

[1106] Цит. по: *Голубев С.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. С. 244.

ворит он, — теперь раздвоенная в себе, не примирится прежде всего сама с собою, и потом не соединится с Католическою Церковию, то с каждым шагом она будет идти все к большему невежеству, еретическим заблуждениям, и придет в совершенный упадок". Вот последнее слово о Православной Церкви, произнесенное вслух всего мира отщепенцем Православия, Саковичем. Оно, по-видимому, доставляло полное торжество Латинству и, как-будто с знанием дела, предсказывало явную гибель Православию»[1107]. Это сочинение вызвало живейшие отклики не только православных священнослужителей («Лифос», автор — митрополит Киевский Петр Могила), но и униатов, и католиков, и иезуитов.

Кассиан Сакович выступал не только против православия, но и против сторонников старого календаря, не желавших принять новый календарь, введенный папой Григорием XIII. «Ожесточеннее всех нападал на старый календарь перешедший в латинство монах, известный Кассиян Сакович, ругаясь и насмехаясь над обрядами русской церкви, в своих брошюрах: Kalendarz stary, Wilno 1640, и особенно в памфлете: Okulary kalendarzowi staremu, Kraków 1644, а также ксендз Яков Гават, из Львова, написавший статью: Supplement dwom tractacikom o kalendarzu starym omylnym i niepewnym, Lwów, 1645. Этот ксендз своею безчестностию и злобою превзошел и Кассияна Саковича»[1108].

После смерти Владислава IV и вступления на королевский трон его брата, члена Ордена иезуитов Яна II Казимира (коронационный сейм состоялся 17 января 1649 г. в Кракове), давшего при коронации обет — не предоставлять ни одного места в сенате, ни одной государственной должности не католику, полемические страсти начали было разгораться. Появились сочинения иезуитов Альберта Кояловича (1650), Николая Циховского (1658), но гражданская война, Переяславская Рада и вхождение Малороссии в состав Российского государства (1654), польско-российские войны (1653–1655, 1658–1666) значительно погасили страсти в отношениях полемизирующих сторон. Современник и участник тех событий Гавриил Домецкий (ниже мы с ним встретимся) писал в 1706 г. митрополиту Новгородскому Иову: «...недавно было наступление на нашу восточную Церковь от западной, письмами укорными и погаными, под титлом двух иезуитов — Николая Циховича и Венедикта Боймы и Митр. Киприана Жоховского, нарицающе нашу православную веру новою верою и схизматическою и укоряющее Флоренским собором и пр. И от малороссийския Церкви православныя на то были избраны известные богословы: Архиепископ черниговский Лазарь да Архимандрит Иоанникий Голятовский, которые и учинили им, чином философским и богословским, ответ подобающий...»[1109]. Кстати, сочинение иезуита Николая Циховского называлось «Трибунал» («Суд св. Отцев об исхождении св. Духа». Варшава, 1658.), и написано было как суд католичества над православием. По словам Ф.И. Титова, «В нем содержался неправедный суд над православною верою русскаго народа, как грубым невежеством и заблуж-

[1107] *Крачковский Ю.Ф.* Очерки Униятской Церкви // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел I. С. 172.

[1108] *Г-кий Я.* Попытки и старания римской курии ввести грегорианский календарь у Славян православных и униатов // ЖМНП. Сентябрь. 1877. СПб., С. 9.

[1109] Цит. по: Филарет. История русской церкви. Четвертый период: период патриаршества 1588–1720. С. 141–142.

дением, с высоты гордаго и самообольщеннаго католичества»[1110]. Николай Цихо ский не был рядовым иезуитом. В 1645 г. он вместе с другим иезуитом Станиславо Сметка приезжал в Киев для организации здесь иезуитского коллегиума, в 1646 провел диспут по богословским вопросам с Иннокентием Гизелем.

До заключения Андрусовского договора (20 января 1667 г.) о перемирии ме ду Польшей и Россией обстановка на полемическом фронте оставалась относител но спокойной. Но в 1667 г. характер полемических сочинений вновь изменилс они наполнены не стремлением разрешить богословские споры, а ожесточенн стью и злобой. На территории Украины началась подготовка к проведению втор го этапа обращения в унию православного населения. В 1668 г. в Вильно было и дано сочинение иезуита Павла Боймы «Старая вера, или ясное показание, что т которые остаются дизунитами, старой веры не имеют». (Дизуниты — это те, кот рые не приняли унию и остались православными). В этом сочинении П. Бойма ст рается доказать, что «православные русские не имеют истинной веры, что они и казили ее своими измышлениями и потому пребывают в ереси, и что только лати ская вера и именно в том виде, в каком она существовала после разделения вселе ской церкви, есть точное выражение вероучения древних отцев и учителей церкв С особенным вниманием Бойма останавливается на двух вопросах: учении о дост инстве апостола Петра и его преемников, т.е. римских пап, и учении об исхождени Св. Духа от Отца. Доказательства (мнимыя) для своих выводов и обвинений прот православной церкви Бойма берет из святоотеческих свидетельств, объясняя их п своему. Неудавшаяся попытка католиков устроить в Люблине в 1680 году обращ ние православных в унию вызвала очень многия другия сочинения, наполненн самыми резкими и несправедливыми обвинениями против православия и русск народности»[1111]. Примерно в это же время (в 1678 г.) для побуждения православн к принятию унии «во Львове были напечатаны тетради на латинском языке о то чтобы люди греческаго закона делали все так, как было напечатано в тех тетрад противно преданию святых апостол и святых отец, как содержит святая восточн церковь и преданно хранит христианам греческаго закона»[1112].

На рубеже восьмидесятых годов XVII столетия вышли в свет два безымянн иезуитских сочинения, которые распространялись среди православных и произв дили между ними большой «соблазн». Как пишет Ф.И. Титов, в этих сочинени «иезуиты старались доказать, что восточная православная церковь в своем учени ничем не отличается от западной латинской церкви. Путем всевозможных натяж и извращенных исторических свидетельств они усиливались показать именно т что восточная православная церковь, как и западная латинская, исповедывала исх ждение Св. Духа не только от Отца, но также и от Сына Божия, равно как призна ла главенство апостола Петра над другими апостолами и римских пап над други епископами церкви Христовой. Все это настолько искусно доказывалось измы ленными или извращенными, доводами, что книги производили сильный собла

1110 *Титов Ф.И.* Русская православная церковь в польско-литовском государстве в XVII–XVIII вв. Т. Киев, 1905. С. 39.

1111 Там же. С. 39–40.

1112 Там же. С. 70.

среди православных»[1113]. Преподаватель Киево-Могилянской Академии Зосима Согнекевич написал опровержение на эти сочинения под названием «Предостережение правоверным». В нем он красочно выразился, что сочинения «были подобны цветку, под ростком котораго скрыта змея, подобны содомскому яблоку, сверху прекрасному, внутри полному золы и пепла, яду, подслащенному сахаром, камню, покрытому водою, о который разбивается корабль неосторожных пловцов»[1114].

Повторим — полемическая борьба с православием и Православной церковью не шла сама по себе и независимо от церковно-политических событий. Полемическая борьба являлась неотъемлемой составной частью всего того комплекса мер, который был направлен на уничтожение православия и Православной церкви, и укрепление униатства и католичества. И в этой борьбе активно участвовали не только униаты, но и католики, и иезуиты при поддержке короля, правительства и шляхты.

Организация и осуществление борьбы с Православной церковью и православием. Выше мы не раз говорили об участниках (от руководителей и организаторов до рядовых исполнителей) этой борьбы, применявшихся формах и методах, приводили многочисленные примеры, рассказывали о событиях, происходивших на огромной территории — от Рима до Варшавы, Киева и Москвы. В сборниках «Архив Юго-Западной России», «Археографический сборник документов Северо-Западной Руси» и других опубликовано значительное количество документальных материалов, рассказывающих о борьбе с Православной церковью и православием. Назовем некоторые из включенных в сборники документов, что дополнит наш рассказ.

1598 г., 12 октября. «Судебное прение пана Миколая Добринского с епископом Кириллом Терлецким по делу об убийстве и утоплении последним священника Чернчицкого монастыря Стефана Добринского и кузнеца Павла»[1115]. Униатский епископ Луцкий и Острожский Кирилл Семенович Терлецкий нам уже хорошо знаком как один из организаторов Брестского Собора 1596 г.

1601 г., 9 января. «Жалоба панов Андрея и Александра Загоровских о том, что униатский митрополит Ипатий Потей, прислав вооруженных своих слуг в церковь св. Василия в г. Владимире, велел им схватить и привести к нему служившего там священника Мартина, после чего он нанес последнему побои и подверг его расстрижению, а затем насильно ворвался в означенную церковь и унес оттуда св. дары и антиминс»[1116]. (Антиминс — платок с зашитыми в него частицами мощей, на котором совершается литургия. Дары Святые — это причастие, освященные вино и хлеб, которые во время таинства евхаристии были преосуществлены в кровь и плоть Христову[1117]).

1605 г. 22 февраля. «Грамота короля Сигизмунда III о предоставлении митрополиту униатскому Ипатию Потею и его преемникам всех прав относительно юрис-

[1113] Там же. С. 85.

[1114] Там же. С. 85–86.

[1115] Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Часть 1. Т. VI. С. 231.

[1116] Там же. С. 311.

[1117] См.: Православная энциклопедия / [сост. Е.Л. Исаева]. М.: РИПОЛ классик, 2010.

дикции над всеми церквами и духовенством русских, дарованных королем Сигизмундом I православным митрополитам»[1118].

1621 г., 14 июня. «Жалоба монахинь на архимандрита Жидичинского Никодима Шибинского об изгнании их из обиталища, которое они себе устроили при церкви Св. Духа в Жидичине, нанесении им побоев и разных оскорблений и грабеже имущества»[1119]. Заметим, что незадолго перед этим, 10 марта 1621 г., король Сигизмунд III утвердил униата Н. Шибинского Жидичинским архимандритом.

1622 г. 15 сентября. «Жалоба игумена православного братства Луцкого Герасима о насильственном вторжении шляхтича Балцера Раецкого в братский монастырь и нанесении тяжких ран сироте мальчику, призираемому и обучаемому в братской школе»[1120].

1630 г. 16 февраля. «Лист князя Владислава Доминика Заславского о подчинении находящихся в его имениях православных священников униатскому митрополиту и епископам»[1121].

1634 г. 21 августа. «Жалоба от имени православных обывателей воеводства Волынского о двукратном нападении студентов Луцкого иезуитского коллегиума на православный братский монастырь и состоящие при нем шпиталь и школу, а равно и на частные дома православных обывателей Луцка, и о произведенных ими при этом побоях, грабежах, разорениях и убийствах»[1122].

1647 г. 5 июля. «Декрет королевского асессорского суда по делу о разного рода насилиях, совершаемых униатами над православными жителями г. Кобрина: отнятии православной церкви Рождества Богородицы, воспрещении совершать православные требы и таинства, поругании над телами умерших православных»[1123].

1684 г. 29 декабря. «Письмо Львовского, Галицкого и Каменец-Подольского униатского епископа Иосифа Шумлянского к дворянам Овруцкого повета, заключающее в себе просьбу о том, чтобы помещики принудили приходских священников, живущих в их селах, признать над собою епископскую власть Шумлянского»[1124]. Епископ Иосиф Шумлянский тоже нам известен, это идеолог и организатор второго этапа распространения униатства по Западной и Южной Руси.

Даже в этих примерах мы видим непосредственное участие в борьбе с Православной церковью и православием королей Польши и правительственных учреждений, униатских митрополитов, епископов и архимандритов, шляхетства. В числе форм и методов этой борьбы мы видим убийства православных священников и нанесение побоев представителям православного духовенства и православным верующим, нападения на православные церкви и монастыри, изгнание из монастырей

[1118] Там же. С. 352–357.

[1119] Там же. С. 503.

[1120] Там же. С. 521.

[1121] Там же. С. 611.

[1122] Там же. С. 685.

[1123] Там же. С. 804.

[1124] Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Часть 1. Т. IV. С. 74.

православных монахов, оскорбления, грабежи и разбои, насильное принуждение православных приходских священников к подчинению униатскому епископу и т.д.

Теперь познакомимся с двумя документами того времени, идеологически и практически определявшими меры по борьбе с православием путем заключения унии или даже его уничтожения.

Проект унии начала XVII в. Весьма интересно познакомиться с одним из проектов унии, подготовленным, судя по его содержанию, в тот период, когда Марина Мнишек считалась в Польше царицей Московской. Т.е. в период, видимо, с 29 ноября 1605 г., со дня ее торжественного обручения с Лжедмитрием I в Кракове (вместо него в церемонии участвовал его представитель, думный дьяк Афанасий Иванович Власьев), и до 19 мая 1606 г. — дня восшествия на царский престол нового царя Василия Ивановича Шуйского. Н.И. Костомаров в монографии «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия» привел текст проекта, сохранившегося, к сожалению, только частично.

Вот несколько любопытных выдержек из этого документа: шестой пункт говорит о том, «...что московский царь не имеет права на цесарский титул, но подает ему надежду приобрести с условием принятия унии титул королевский, а впоследствии даже имперский. Внушается предложение, что, по поводу распространения ереси в Немечине, австрийский дом может потерять цесарское достоинство, и можно передать его тому, кто отличится в ревности к защите римской церкви. Седьмой — чтобы государственные должности в Московском государстве давались не по роду, а по вниманию к заслугам, с целью таким образом проводить унию и так устроить, чтобы, как государь свой королевский титул, так думные люди сенаторский титул получали по вниманию к унии... надлежало обещать туземцам всякие преимущества в постановленных судах, советах и пр., лишь бы склонялись к унии... В телохранители и комнатные служители выбирать должно католиков, если, как надеемся, введется уния; из москвитян же можно допускать только склонных к унии, которые бы, после бесед с нашими людьми, хотели слушать наше богослужение и проповеди. Пусть от подданных, а не от государя начнется речь об унии... надобно, чтобы находящиеся при царе и царице католики не навлекали укора святой вере и унии.

Полякам следует раздать самые ближайшие придворные должности, а москвитянам почетнейшие... Тринадцатый параграф говорит коротко о том, что следует делать тайный розыск о тайных заговорщиках и соучастниках, наблюдать за приближенными, чтобы знать, что кому можно доверить... В двадцать первом предлагается перенести, хотя на время, столицу из Москвы поблизости к границе польской, в следующих видах: 1) удобнее пригласить чужеземное войско и получить помощь от союзников; 2) в случае переворота, царице удобнее убежать в Польшу с сокровищами; 3) мир московский лучше будет уважать царя, когда он в отдалении; 4) об унии легче вести переговоры, также строить семинарии для обучения московского юношества и отправлять молодых людей в Вильно или куда-нибудь в другое место, ради изменения веры и нравов...»[1125].

Не правда ли, очень откровенный и красноречивый документ. Но это еще не все. Н.И. Костомаров пишет, что в конце проекта говорилось о способах, «как вести дело унии». Вот что там предлагалось:

[1125] *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. С. 391–392.

«Запретить еретикам приезжать в Московское государство, выгнать скитальцев чернецов, прибывающих из Константинополя с турецкими переводчиками, заградить путь к козням польской Руси, ибо от этой Руси сталось кровопролитие, так что сам царь едва ушел, и возникла большая, чем прежде, ненависть к унии; надобно знать, с кем говорить и уметь молчать, когда требует этого дело; держать при царе очень мало католических духовных, а письма о предметах веры писать и посылать осторожно; не заговаривать самим об унии с ними, а стараться, чтобы сами схизматики стали делать предложения первые не об унии, а о разных преобразованиях в религии...

Следует возбудить вопрос, справедливо ли им зависеть от царьградского патриарха... Нужно бы им... ввести преобразования веры и нравов, завести семинарии, коллегии, следует для примера приводить в сравнение порядок римско-католической церкви... и чтобы устройством занимались люди, расположенные к унии, а таким путем нападут они и на утаенные доводы о первенстве римского первосвященника, о чем теперь они противное утверждают...

По этому поводу начнутся у них споры; пошлют они депутатов к государю, а государь собор назначит, а там, при Господней помощи, и к унии можно будет приступить... На высшие духовные должности надлежит поставить людей, расположенных к унии... Следует отправить под каким-либо иным предлогом молодых людей учиться в Вильно или же туда, где вовсе нет схизматиков, напр. в Италию, в Рим, в греческую семинарию; а равно хорошо было бы, если б господа поляки набрали с собой здешней молодежи и отдали в Польше учиться отцам иезуитам... Немедленно надобно построить костел или монастырь в Москве... Но паче всего надлежит следить за ходом настоящего предприятия возвратить царю потерянное государство; если та же сила, которая возвратит ему государство, будет охранять его особу, то вот и готово основание для унии, особенно, когда государю необходимо будет утвердить свою власть, а на это потребна уния...»[1126].

Как мы видим, проект унии и способы ее введения нам уже хорошо знакомы и выше мы о них говорили; они достаточно предметно задействовались в самом конце XVI – самом начале XVII в. на территории Западной и Южной Руси, а теперь рекомендовались для использования на территории Российского государства. Т.е. автор проекта считал, что способы униатизации православных прошли необходимые практические испытания, показали себя с хорошей стороны, и теперь можно их применить и в Российском государстве. Заметим, что в этот момент на московском троне находился самозванец Лжедмитрий I и рядом с ним Марина Мнишек или, после смерти Лжедмитрия I, царь Василий Шуйский. Другой самозванец, Лжедмитрий II, находился под Москвой, и рядом с ним была та же Марина Мнишек. А за ней стоял король Польши Сигизмунд III, католическое духовенство и шляхта. Конечно, говорить о захвате Польшей Российского государства было никак нельзя, но некоторые, пусть и весьма сомнительные, шаги к захвату власти и введению католичества были сделаны. Эти шаги, видимо, и явились толчком для подготовки проекта. Заметим, что проект унии и способы ее введения были подготовлены в духе того времени, с учетом особенностей политической обстановки в России; документ отвечал тем целям и задачам, которые ставили перед собой Рим и Варшава по отно-

[1126] Там же. С. 392–393.

шению к Москве и Русской православной церкви, основывался на опыте униатизации Западной и Южной Руси.

Согласно проекту, большое значение в деле заключения унии отводилось созданию в Москве католических семинарий и школ с преподавателями из числа миссионеров католических орденов, главным образом иезуитов. Обучаться в этих семинариях и школах должны были преимущественно дети царских вельмож, т.е. те, которые через несколько лет сами будут стоять у подножия царского трона, те, от которых будет зависеть будущее Российского государства. Именно они, выпускники католических школ, ставшие вельможами, по мнению Ватикана, могли сыграть определяющую и решающую роль в заключении унии с Римской католической церковью. И такая школа, как выше мы уже говорили, в конце XVII в. в Москве была образована. Посещали эту школу, как и планировалось, дети царских вельмож.

Мнение, что использование католических школ в качестве одного из инструментов для склонения Русской православной церкви к унии не может быть эффективным, не соответствует действительности. Приведем небольшой пример. На рубеже XVI–XVII столетий в Польше активно действовали лютеранская и кальвинистская церкви, которые доставляли немало хлопот католикам. Ватикану нужно было что-то предпринимать, чтобы упрочить положение католической церкви в Польше и ослабить протестантов. И выход был найден. Как пишет историк Ордена иезуитов Генрих Бемер, «...Чтобы завоевать Польшу, нужно было, прежде всего, покорить дворянство. Эту проблему разрешили иезуитские школы; благодаря своей бесплатности, они получили в Польше, как и везде, самую широкую славу. В 1600 году пултусская коллегия насчитывала 400 учеников исключительно дворянского происхождения, виленская коллегия — 800 учеников, большею частью из среды литовского дворянства, калишская коллегия — 500...»[1127]. И постепенно задача была решена. Дворянские дети, получив образование в учебных заведениях католических орденов, их родители и другие родственники, обладая государственной или выборной властью в сеймах, сеймиках, городах, а в городках, селах и деревнях еще и властью собственника, начали осуществлять на практике политику вытеснения протестантов за пределы своих территорий. И уже в XVII в. протестантизм в Польше значительно ослабел и не играл прежней роли. В то же время Римская католическая церковь не только значительно укрепила свое положение, но и стала играть главенствующую роль. Так что планы Ватикана по использованию католических школ в Москве для решения задачи заключения унии совсем не являлись какими-то легкомысленными, они основывались на польском опыте.

В 1862 г. в книге четвертой ЧИОИДР были напечатаны «**Проекты об уничтожении Греко-Российскаго вероисповедания в отторженных Польшей от России областях**». Из названия одного из проектов, о котором мы будем ниже говорить, следует, что подготовлен он был неизвестным иезуитом в XVI в., обнаружен и опубликован в 1717 г. Высказывались предположения, что автором проекта, возможно, являлся иезуит Ян Алоизий Кулеша, но какие-либо убедительные аргументы при этом не приводились, и историк О.М. Бодянский выразил сомнение в авторстве Я.А. Кулеша. Проект не являлся каким-то из ряда вон выходящим событием.

[1127] *Бемер Г.* История ордена иезуитов. Смоленск, 2002. С. 261.

По мнению исследователей, проекты подобной направленности готовились и раньше, и позже. Вспомнив о деятельности Униатской церкви, Ватикана и польского правительства в XVI–XVII столетиях, мы увидим, что многие мероприятия проекта учитывались и реализовывались в процессе практической деятельности по распространению униатства и борьбе с православием на территории Западной и Южной Руси.

Рассматриваемый нами проект содержит всего 13 пунктов, которые мы вмест рассмотрим.

Пункт первый — главным условием для «совершения столь спасительного вожделенного предприятия» автор считал сохранение мирных отношений межд Польшей и Российским государством. «Россия, будучи с нами в дружбе, не буде наблюдать наших дружеских действий, к чему оне клонятся, и дела без помехи пойдут своим порядком, чем с большею для нас пользою, тем с значительнейшим дл России вредом»[1128]. Ответственным за исполнение этого пункта могли быть корол Польши и сейм, то есть королевская и законодательная власть.

Пункт второй — обеспечение полной изоляции православного дворянства н территории Польши, недопущение его представителей к государственным и выборным должностям, организация бойкота по местам жительства. «После сего я почт могу уверить, что всякий лучше захочет переменить вероисповедание и совершенно отказаться, что он был когда-либо Русским, нежели во всю жизнь терпеть столько досад и огорчений»[1129]. Ответственными за исполнение этого пункта могли быт король Польши, сейм, сеймики, шляхта.

Пункт третий — недопущение православных на территории Польши к получению образования, «разве только в том случае, когда можно надеяться, что они от кажутся от своего вероисповедания. Ибо таким образом, пребывая в невежестве они впадут в крайнюю нищету и останутся в самом презренном уничижении, следственно, принуждены будут, или совершенно пасть от своей бедности, или переменить вероисповедание»[1130]. Ответственными за исполнение этого пункта могл быть король Польши (запрет на поступление в государственные высшие учебны заведения, запрет на выезд за границу для получения образования) и католическо духовенство, включая руководство провинций католических орденов в Польше, ведении которых находились учебные заведения.

Пункт четвертый — доведение зажиточных православных людей до нищеты невежества. Автор приводит разные способы решения этой задачи, в числе которы и такой: «удалить Русских от правления и всякаго в городе начальства, доставляющаго какия-либо выгоды, удержав при должностях только Римских Католиков»[113 Кроме того, автор предлагает издавать юридические и деловые документы на польском языке, что существенно ограничит доступ православных к информации, « никто из них не будет иметь в городах ни силы, ни важности». Основную роль

[1128] Проекты об уничтожении Греко-Российскаго вероисповедания в отторженных Польшей от Росси областях // ЧИОИДР. Октябрь–декабрь. Книга 4. Отдел III. М., 1862. С. 14.

[1129] Там же. С. 14.

[1130] Там же. С. 14.

[1131] Там же. С. 15.

исполнении этого пункта должны были сыграть польское правительство, местная власть и шляхта.

Пункт пятый — по мнению автора проекта, это «самый трудный к разрешению узел в сем благодетельном начертании», так как касается он православных архиереев и священников. Главное в этом пункте, это сделать так, чтобы одна часть священнослужителей не все могла видеть, а других так обременить различными тяготами, чтобы они не могли делать то, что им хотелось бы. Архиереи должны быть из шляхты. «Сверх того, мы и преемники наши никогда не должны допущать Русских Епископов к заседанию в Сенате, чтобы они не доставляли своему вероисповеданию никаких важных преимуществ, не старались о возвышении своих единоплеменников...»[1132]. Как мы видим, в этом пункте речь идет об ограничении прав и возможностей православных священнослужителей к осуществлению своей деятельности на территории отторженных Польшей от России областей. Основную роль в исполнении этого пункта должны были сыграть сейм, сеймики, шляхта.

Пункт шестой — ограничение прав и возможностей православных священнослужителей занимать епископские кафедры, предоставление им не более чем титулов викариев, чтобы они оставались в зависимости и подчинении, чтобы они подвергались ревизиям со стороны католического духовенства и за всякие недостатки публично наказывались. «Ибо таким образом Архиереи не будут иметь довольно силы противиться всему, и народ, будучи понуждаем Римским начальством, удобнее со временем склонится к тому, чтобы отступить от существеннейших своих обрядов»[1133]. Из содержания пункта видно, что организатором его исполнения должно было стать католическое духовенство.

Пункт седьмой — недопущение православных священников к получению образования, оставление их неучами, невеждами. В этом случае «они не в состоянии будут ни знать начала своих обрядов, как и когда оные установлены, ни постигать причин, по которым введены в Российскую Церковь, ни внушать народу, что обряды сии подлинно заимствованы от Греческой Церкви, ни ясно и убедительно доказывать, что они ни в чем не изменены и не суеверны, ни, наконец, основательно противиться уничтожению оных»[1134]. Главное средство недопущения православных священников к образованию — оставление их в бедности, ограничение их возможностей для получения какого-либо дохода. Одновременно с этим предполагалось возбудить у мирян ненависть к своим священникам, обвиняя их в незаконном обогащении за счет мирян путем получения от них платы за совершение различных треб. Все это в совокупности вынудит православных священников и мирян сначала принять униатство, а затем и католичество. Исполнителями этого пункта также должны были стать католическое духовенство и шляхта.

Пункт восьмой — обеспечение полной зависимости православных священников и их семейств от местного «господского начальства», использование практики их унижения, наказания за малейшие проступки или неповиновение. Ограничение прав детей священников на получение образования и занятие должностей, при-

[1132] Там же. С. 15–16.

[1133] Там же. С. 16.

[1134] Там же. С. 16.

нуждение их к занятию крестьянским трудом и переход в крепостную зависимос от собственников деревень и земли. Основную роль при исполнении этого пунк должна была сыграть шляхта.

Пункт девятый — уговаривать тех православных, которые получили образов ние и хотят остаться в духовном звании, не вступать в брак. Безбрачные рано ил поздно умрут, не оставив после себя детей (поповичей), после этого предоставл ние их мест приходским священникам католического вероисповедания. Исполн ние этого пункта могло быть возложено на католическое духовенство и шляхту.

Пункт десятый — сломить непреклонность всего «простого народа Русског в православной вере, устранить причины его упорства, для чего каждый шляхти собственник деревень, должен запретить детям своих крестьян обучение в школ при церквях. «Почему экономам и управителям нужно бы внушить в их инстру циях, дабы они строго смотрели за тем, чтобы крестьянския дети приучаемы бы не к книгам, но к плугу, сохе, ралу»[1135]. Основную роль в исполнении этого пунк должна была сыграть шляхта.

Пункт одиннадцатый — предусматривал заведение особой книги для запис случающихся в православных богослужениях и обрядах «неблагопристойносте срамных слов и поступков» против католичества, католического духовенства и к толиков. Использование этих записей в качестве «основательных причин» для п буждения католического населения против православных. Автор также писал: «.. еще полезнее будет, сообразуясь с обстоятельствами времени, тайно подбрас вать, под именем Священников, и того лучше самих Архиереев, Русские сочин ния, вредныя Республике, вредныя имени Польскому, вредныя вере Католическо Это бы служило в свое время немаловажным к уничтожению в Польше Греческо религии поводом»[1136]. Как мы видим, речь идет об откровенных провокациях. Су по всему, исполнение этого пункта должно было возлагаться на католическое дух венство и шляхту.

Пункт двенадцатый — реализацию проекта предполагалось начинать на т территориях, где больше католиков, чем православных. По мнению автора прое та, причины могли быть разные — недостойный образ жизни православных св щенников, их неграмотность, нерадение, небрежность в совершении св. Таинст «Таким образом, постепенно, с осмотрительностью и благоразумием, когда успе в некоторых местах, то поощрением, то обманом, то угрозою, перевесть Русск на Римлян, то все останутся в той мысли, что, при помощи Божией, во всей стра Русской, к общему всех желанию, будет процветать Римское вероисповедание»[11

Пункт тринадцатый — он заслуживает того, чтобы привести полностью: «Н поелику народ Украинский, Подольский и Волынский, держась своего вероисп ведания, готов произвесть мятеж, то в таком случае, ежели трудно будет предава смерти, или, по малочисленности Польских войск, удержать мятежников, Рес блика не должна жалеть о том пожертвовании, если всех таковых ревнителей о даст в услуги Татарам. Они скоро приберут их в свои руки, а оставшийся после н

[1135] Там же. С. 20.

[1136] Там же. С. 20.

[1137] Там же. С. 20.

край заселит народом Польским и Мазовецким»[1138]. Автор проекта, считавший себя подданным польского короля, готов отдать таких же подданных, но православного вероисповедания, в рабство крымским татарам, лишь бы освободить территорию от бунтовщиков против насильственного обращения в католичество. Нужно ли комментировать?

Автор выражал надежду, что реализация предложенного им проекта позволит утвердить в польском королевстве «взаимную любовь, согласие и единение», что Польша заслужит всеобщее уважение, взойдет «на высочайшую степень могущества» и заставит «трепетать пред собою все прочие народы», и что дальнейшее распространение получит «религия Римско-Католическая».

Какие можно сделать выводы? Во-первых, рассмотренный нами проект действительно имел целью уничтожение на территории Польши Православной церкви, православия и мятежных православных. Во-вторых, в проекте нет ни одного пункта, говорящего о проведении каких-либо богословских прений, диспутов между католиками и православными, издании полемических сочинений и т.д. В-третьих, в проекте нет ни одного пункта, предлагающего проведение каких-либо переговоров между католическим и православным духовенством, между двумя Церквами, об урегулировании взаимных отношений. Подчеркнем, не о заключении унии, а именно об урегулировании отношений. В-четвертых, все пункты проекта носят только ограничительный, запретительный или даже насильственный характер по отношению к православному духовенству и православным мирянам, а пункт тринадцатый вообще является особым по своей жестокости и цинизму. Следовательно, о каком-либо мирном характере борьбы против православия, Православной церкви и православных не шло и речи, проект этого не предусматривал. В-пятых, основными организаторами и исполнителями проекта должны были стать король Польши и польское правительство, сейм и сеймики, католическое духовенство, местная власть и шляхта. И в-шестых, проект никак нельзя отнести к фантастике. Он реалистичен, практически все приведенные пункты проекта были полностью или частично задействованы Униатской церковью и польским правительством в борьбе с православием и Православной церковью в конце XVI–XVII столетии. Не исключено, что и набеги крымских татар на Южную Русь, о чем выше мы говорили, были использованы (или даже организованы) польским правительством в интересах борьбы с бунтами и восстаниями православных.

Соборы Униатской церкви в XVI–XVII столетиях. Униатские митрополиты, использовав в качестве образца Римскую католическую церковь, католические ордена и даже Православную церковь Западной и Южной Руси, создали со временем для себя некий набор инструментов, предназначенный для управления Церковью. Конечно, им хотелось управлять эффективно, но получалось так, как мы уже рассказывали. Этот набор инструментов не был очень уж большим, скорее наоборот, но при желании и сильной воле митрополита мог существенно помочь ему в управлении Униатской церковью.

В этот набор входили, во-первых, отбор, обучение, подготовка, расстановка и ротация униатских кадров — архиереев, архимандритов и игуменов, священнослу-

---

[1138] Там же. С. 21.

жителей. Во-вторых, обеспечение всех архиереев, архимандритов и игуменов, свя щеннослужителей методической и богослужебной литературой, закрепляющей сознании униатского духовенства основы и теорию униатства, характер отноше ний между униатством и католицизмом, между униатством и православием, меж ду униатством и другими религиями. В числе других результатов использование та кой литературы позволяло установить во всех униатских епархиях некое обязатель ное единообразие в богослужебной и иной церковной деятельности. В-третьих очень необходимым инструментом являлось установление и обеспечение постоян ного контроля за отношением униатского духовенства к исполнению церковных ка нонов, указаний и распоряжений митрополита и архиереев, церковных обязанно стей, за расходованием финансовых средств и сохранностью церковных владени и имущества, а также поведением в быту. Такой контроль осуществлялся не тольк через официальные возможности, но и с помощью заблаговременно подобранны «глаз и ушей» в окружении униатских священнослужителей. Под официальным возможностями мы понимаем направление митрополитом в проблемную епархи (монастырь) специальных уполномоченных для изучения истинного состояния де и проведения ревизии или вызов проблемных архиереев (архимандритов, игуме нов) для отчета в резиденцию митрополита. В-четвертых, личные выезды митропо лита в проблемные епархии (монастыри) с инспекторскими целями.

Для эффективного руководства Униатской церковью митрополит должен бы знать, и знать достоверно, политическую и экономическую обстановку на террито рии Речи Посполитой, характер ее отношений с Римом и Веной, с православны Российским государством, исламской Османской империей и Крымским ханством протестантской Швецией и другими европейскими странами. Униатский митропо лит должен был хорошо знать требования Ватикана и папской нунциатуры к орга низации и осуществлению деятельности Униатской церкви, обеспечению взаимо действия с католическими епархиями.

Чтобы все это знать, организовывать и исполнять, униатские митрополиты архиереи регулярно посещали королей и правительство, участвовали в работе сей мов и сеймиков, поддерживали тесные контакты с представителями королевско администрации на местах (воеводами, старостами, инстигаторами, судьями и т.д. членами знатных и влиятельных шляхетских родов, с папскими нунциями и като лическими архиереями.

Но одним из самых важных и действенных инструментов в руках митрополит должен был стать Собор Униатской церкви, как высший коллективный совещатель ный, распорядительный и законодательный орган. Должен был стать, но не стал хотя Соборам придавалось большое значение: разрешение на подготовку и прове дение Соборов давал король, он же устанавливал дату, а постановления Собора утверждали папы Римские с одобрения конгрегации «Пропаганда Веры». В работ Соборов участвовали представители короля, видные вельможи и сановники, дру гие светские лица, а также представители католического духовенства и члены Ор дена иезуитов.

В XVI–XVII столетиях было проведено всего четыре Собора Униатской церк ви: Брестский (учредительный), в городе Бресте, с 6 по 9 октября 1596 г.; Новогo родокский (на котором был учрежден Орден базилианцев), в городе Новогородо

с 20 по 26 июля 1617 г.; Кобринский, в городе Кобрин, 6 сентября 1626 г.; и Львовский, в городе Львове, с 28 октября по 2 ноября 1629 г. Следующий Собор, Замойский, состоялся лишь 26 августа 1720 г. в городе Замостье (очередные заседания состоялись 1 и 17 сентября 1720 г.). Как мы видим, более 70 лет из XVII столетия Соборы не проводились. О Соборах в Бресте и Новогородке мы уже рассказывали, остановимся на Кобринском и Львовском.

Итак, Кобринский Собор. 31 марта 1626 г. король Сигизмунд III дал разрешение на открытие Собора в городе Кобрине, назначив днем его проведения 6 сентября 1626 г. В своей грамоте король предупредил, «чтобы собор совершился правильно и спокойно, как если бы он сам на нем присутствовал и чтоб для блага церкви приложено было как можно более старания»[1139]. В назначенный день Собор был торжественно открыт униатским митрополитом И.В. Рутским. В его работе приняли участие униатские архиереи: епископ Владимирский и Брестский Иоаким Мороховский; епископ Луцкий и Острожский Иеремия Почаповский; архиепископ Полоцкий, Витебский и Мстиславский Антоний Александрович Селява; епископ Пинский и Туровский Григорий Михайлович; архиепископ Смоленский и Черниговский Лев Креуза, а также значительное количество архимандритов, игуменов и протопопов. С разрешения короля на Соборе присутствовали и светские лица.

Собор рассмотрел несколько вопросов, из которых главным являлся вопрос об открытии семинарии для подготовки кадров и сборе пожертвований на ее строительство. В постановлении Собора говорилось, что его участники «единодушно, по общему глубокому сознанию, постановили и определили, чтоб в каком-нибудь месте киевской митрополии было выстроено училище, в которое бы из всех частей России, родители знатнаго рода, греческаго исповедания, посылали для воспитания своих детей с хорошими способностями, пока они не достигнут более совершеннаго возраста. Более богатые пусть воспитываются на свой счет, а из бедных, кого наставники этого училища признают способными к учению и распространению, во славу Божию, нашего греческаго исповедания, пусть воспитываются на средства училища… С этою целью, каждый из нас архиепископским своим словом обещает сумму денег из собственных своих доходов…»[1140]. И.В. Рутский обязался внести 10 000 польских злотых; И. Мороховский — 2000 и по 100 польских злотых ежегодно; И. Почаповский — 2000 в течение 4 лет и в течение другого четырехлетия еще 1200 польских злотых; А.А. Селява — 1000 и т.д. Игумены всех монастырей должны были в течение 4 лет вносить одну восьмую часть своих доходов. Если бы кто-то вдруг нарушил свое обязательство, должен был внести двойную сумму, а при повторном нарушении лишался должности. (Всего наличными было собрано 18,5 тысяч польских злотых, но обстановка в стране сложилась так, что деньги были направлены не на строительство семинарии, а на финансовое обеспечение польского войска, сражавшегося с казаками). Каждый архиерей обязывался подобрать и направить на учебу в семинарию такое количество воспитанников, сколько он сможет, с выплатой каждому по сто злотых на одежду и пищу. Все остальные воспитанни-

[1139] *Стрельбицкий И.* Униатские церковные соборы с конца XVI века до возсоединения униатов с православною церковью. Изд. 2-е. С. 74–75.

[1140] Цит. по: *Стрельбицкий И.* Униатские церковные соборы с конца XVI века до возсоединения униатов с православною церковью. Изд. 2-е. С. 74–76.

ки должны были поступать в семинарию с согласия митрополита и размещаться по его усмотрению. И.В. Рутский намеревался построить семинарию в Минске, причем он хотел, чтобы она никак не была чем-то хуже ставшей широко известной в то время академии в Вильно. Конечно, семинария лишила бы учебные заведения Ордена базилианцев значительной части учащихся, но светский клир нужно было обучать и воспитывать именно в такой семинарии.

Об остальных рассмотренных вопросах в постановлении Собора говорилось: «Должно избегать как можно тщательнее так называемой симонии, как при посвящении в епископы, так и при совершении епископами таинства. Пусть помнят, что должно воздержаться решительно от всякаго побора, под страхом наказания симонистов, налагаемаго священными канонами... Епископы и протоархимандриты пусть позаботятся о том, чтобы ежегодно сноситься с митрополитом посредством послания, в котором должно быть обозначено положение церковных дел; митрополит в свою очередь должен сноситься с апостольским престолом. Нет надобности посвящать двух священников к одной церкви, исключая те случаи, когда приход велик и разделен на части с давняго времени. Для того, чтоб удержать однообразие при совершении священнодействия литургии, никому из имеющих получить посвящение (ставленников) не должно избегать своего епископа... Монашествующие ни в каком случае не должны брать на себя обязанностей мирских священников; они не имеют на это никакого права и никакой власти; точно также и наоборот: мирские священники не должны вмешиваться в круг обязанностей монахов... В течение четырехлетия в определенное время и в назначенном месте должен быть собран митрополитом заранее объявленный собор; о месте же и времени должно предупреждать за четверть года вперед»[1141].

Постановление Кобринского Собора было утверждено папой Урбаном VIII 6 декабря 1626 г. «Похваляя высокое благочестие и ревность к религии митр. Рутскаго и всех участвовавших в соборе, папа, после того как представленныя постановления были тщательно просмотрены и признаны годными комиссией кардиналов de propaganda fide, утвердил их, чтоб "постановленное было непоколебимо и сохранялось неизменно"»[1142].

Очень важно, что, несмотря на утверждение постановления Собора, Рим изначально был против его проведения. Папский нунций Джованни Баттиста Ланчелотти своевременно доложил о намерениях короля Сигизмунда III и униатского митрополита И.В. Рутского провести в городе Кобрине Собор. Вскоре последовали инструктивные указания. В письме от 6 июня 1626 г. секретарь конгрегации «Пропаганда Веры» Франческо Инголи довел до нунция мнение папы Урбана VIII и конгрегации. В частности, что «общий Собор принесет больше вреда, чем пользы, потому что между униатами и православными не может быть ничего общего, как между лучом света и тьмой... Нунцию предписывалось всеми силами и всем его авторитетом противодействовать замыслу объединительного Собора и вместе с королем, митрополитом и государственными сановниками сделать все необходи-

---

[1141] *Стрельбицкий И.* Униатские церковные соборы с конца XVI века до возсоединения униатов с православною церковью. Изд. 2-е. С. 77–78.

[1142] Там же. С. 80.

мое для его предотвращения»[1143]. Почему? На наш взгляд, предшествовавшие Собору события первых десятилетий XVII в. довольно сильно обеспокоили Рим, и там опасались, как бы в случае объединения православные, образно говоря, не задушили униатов в своих объятиях и с ними было бы покончено. Униатскому митрополиту И.В. Рутскому был дан важный урок послушания. 12 мая 1627 г. он писал в конгрегацию «Пропаганда Веры», «что во всех контактах с православными будет руководствоваться теми принципами, какие определены папой и Конгрегацией, то есть условием, что православные с самого начала примут католическое исповедание веры»[1144].

Львовский Собор. 16 февраля 1629 г. король Сигизмунд III подписал универсал, разрешающий открыть и провести совместный Собор униатов и православных 28 октября того же года в Львове, а 31 мая 1629 г. он направил магистрату города Львова грамоту с уведомлением о назначении названного выше Собора. Его целью являлось примирение униатов с православными и, если все сложится хорошо, то и решение вопроса о подписании православными унии. В работе Собора должны были участвовать представители униатского и православного духовенства. Кроме того, королевский универсал разрешал присутствовать на Соборе и светским лицам, в качестве королевского комиссара для обеспечения на Соборе спокойствия во Львов был направлен князь Александр Острожский-Заславский, воевода Киевский.

От Униатский церкви в работе Собора участвовали: митрополит Иосиф-Вельямин Рутский; епископ Владимирский и Брестский Иоаким Мороховский; епископ Луцкий и Острожский Иеремия Почаповский; архиепископ Полоцкий, Витебский и Мстиславский Антоний Александрович Селява; епископ Пинский и Туровский Григорий Михайлович; епископ Перемышльский и Самборский Афанасий Крупецкий; архиепископ Смоленский и Черниговский Лев Креуза; протоархимандрит Ордена базилианцев Рафаил Евстафьевич Корсак; отступник от православия, бывший архиепископ Полоцкий Мелетий Герасимович Смотрицкий, архимандриты и игумены. Участником Собора был и королевский проповедник, иезуит Матвей Бембус.

От Православной церкви участвовали: епископ Львовский Иеремия Тиссаровский; представитель Виленского православного братства, чашник Волынский Лаврентий Древинский; представители Львовского ставропигиального братства Роман и Гавриил Гангиши, Николай Добрянский и Стефан Лясковский, иноки Виленского Свято-Духовского монастыря, а также православный князь Пузына.

Работа Собора не была начата в назначенное королем время, т.е. 28 октября 1629 г., так как представители Православной церкви прибыли только 30 октября того же года. Да и после этого какие-либо совместные заседания представителей униатского и православного духовенства не проводились. И. Стрельбицкий привел в своей книге дневник работы Собора (или его сокращенное изложение?), написанный неизвестным участником. Точнее его можно назвать дневником не работы Собора.

Из дневника следует, что 28 октября, после богослужения, иезуит Матвей Бембус выступил с длинной проповедью о необходимости соединения церквей, приглашая православных принять унию. В этой же проповеди он утверждал, что патриарх

[1143] Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга 6. С. 435, комм. 185*.

[1144] Там же. С. 435, комм. 185*.

Константинопольский является еретиком, «убеждал поляков оказывать почтение униатам и настаивал на том, чтоб им оставлен был славянский язык, богослужения и таинства»[1145]. При произнесении проповеди присутствовал митрополит И.В. Рутский, некоторые униатские архиереи, три архимандрита, много монахов и певцов и немало народу. На следующий день, 29 октября, униаты пожаловались местному воеводе на русских и армянских кухарок, которые посылали им вслед проклятия и обзывали нечестивцами. За эти действия несколько кухарок были арестованы. В день приезда во Львов православной делегации, 30 октября, И. Мороховский отслужил литургию в храме у членов Ордена доминиканцев. На другой день, 31 октября митрополит И.В. Рутский провел богослужение в храме у членов Ордена кармелитов, а затем вместе с униатскими архиереями, монахами и певчими посетил только что выстроенную (но еще не освященную) православную церковь, побеседовал с чашником Л. Древинским и князем Пузыной. Выйдя из церкви, митрополит и все униаты, как сказано в дневнике, повернувшись к востоку, громко пропели: «Подаждь утешение рабом Твоим, Всенепорочная!». Присутствовавшие при этом поляки закричали: «Слава Богу! Согласие, согласие! Уния, Уния!»[1146]. Православный священник этой церкви Боярский пригласил митрополита, униатских архиереев и членов православной делегации в свой дом «и чествовал их вином. В беседе за столом Смотрицкий, между прочим, сказал: «хорошо было бы, отцы, если бы вы стали нами, а мы вами и пошли вместе нашей торной дорогой». На это Древинский возразил: «мы желаем держаться того, что постановлено для нас на седьми вселенских соборах, а не теперешних нововведений»[1147]. Это было первое непосредственное соприкосновение на Соборе униатов и православных, некое прощупывание позиции, результаты которого оптимизма униатам не внушали. 1 ноября И.В. Рутский провел службу в храме у членов Ордена бернардинцев (в галицком предместье Львова), а И. Мороховский в женском монастыре Всех Святых (краковское предместье Львова). И. Мороховский попытался получить разрешение у Львовского православного братства на проведение литургии в православной братской церкви, но получил отказ. 2 ноября представители делегации Православной церкви посетили униатов и обратились к ним с просьбой походатайствовать перед королем Сигизмундом III, чтобы он разрешил патриарху Константинопольскому приехать во Львов для участия в Соборе. При этом они сказали, что по вопросу заключения унии согласятся с тем решением, которое примет патриарх. Униаты категорически отказались обращаться к Сигизмунду III и ходатайствовать перед ним о патриархе Константинопольском. «Если вы уж теперь, — говорили они, — не желаете принять унию, то пусть каждый делает, что хочет и держится своего, как может; мы слушаемся папы, а не патриарха»[1148].

Больше никаких официальных встреч между делегациями униатов и православных не было, и на этом Собор, так по-настоящему и не начавшись, прекратил

[1145] *Стрельбицкий И.* Униатские церковные соборы с конца XVI века до воссоединения униатов с православною церковью. Изд. 2-е. С. 86.

[1146] Там же. С. 88.

[1147] Там же. С. 88.

[1148] Там же. С. 89.

работу, никакие соборные постановления, естественно, не принимались. Цели, поставленные Ватиканом, Униатской церковью и королем Сигизмундом III перед Собором, достигнуты не были: примирение между униатами и православными не наступило, уния подписана не была. Митрополит И.В. Рутский и остальные униатские архиереи разъехались из Львова 5–6 ноября 1629 г.

Отметим, что проведение Львовского Собора 1629 г. было также категорически запрещено конгрегацией «Пропаганда Веры». Против Собора был и папский нунций в Польше, титулярный архиепископ Селевкийский (будущий кардинал с 19 ноября 1629 г.) Антонио Сантакроче. «В Конгрегации пропаганды веры в Риме была создана специальная комиссия для обсуждения этого вопроса. На выгодах от проведения Собора настаивал секретарь Конгрегации Фр. Инголи. Но ему удалось только убедить других членов не откладывать рассмотрения вопроса о съезде. В выработанной для нунция инструкции предлагалось уговорить короля не разрешать съезд и в случае необходимости использовать все средства давления на короля, чтобы отменить съезд. Нунций должен был запретить униатам участие в съезде. Обсуждение каких-либо догматических вопросов с православными запрещалось. Единственное, что считалось приемлемым со стороны православных, — предварительное выражение послушания папе и испрошение у него санкции на Собор, где это послушание было бы публично и официально выражено»[1149]. Как и следовало ожидать, в соответствии с решением конгрегации «Пропаганда Веры», нунций Антонио Сантакроче «под угрозой отлучения запретил Рутскому проводить совместный с православными Собор. Рутский заявил в ответе нунцию о своем подчинении. И тем не менее Собор был созван, что говорит о попытке Рутского противиться даже авторитету папской курии»[1150]. На наш взгляд, И.В. Рутский не противился решениям курии. Его действия можно объяснить избыточным стремлением решить задачу распространения унии и, в этой связи, избыточной инициативой в расчете на известное правило — победителей не судят.

Как мы уже говорили, больше в XVII в. Соборы Униатской церкви не проводились. Почему? Конечно, главной причиной можно назвать сложную внутриполитическую обстановку в Речи Посполитой (восстания казаков и посполитых, гражданская война) и весьма тяжелое внешнеполитическое положение — участие в Тридцатилетней войне, набеги Крымских татар, войны с Российским государством и другие. Все это так, все это имело большое значение и играло свою роль, но, вместе с тем, Орден базилианцев в эти же годы свои конгрегации проводил, и проводил достаточно регулярно. Так что главная причина заключается, на наш взгляд, не в этом, а в том, что с середины XVII в. управление Униатской церковью фактически было взято в свои руки Орденом базилианцев.

Миссия Ордена иезуитов в Москве. На наш взгляд, вопрос о деятельности в Москве миссии Ордена иезуитов в XVII столетии достаточным образом не иссле-

1149 Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга 6. С. 455, комм. 214*.

1150 Там же. С. 457, комм. 218*.

дован. Из научных работ, посвященных этому вопросу, можно назвать две: «Цвета-ев Д.В. История сооружения перваго костела в Москве» и «Письма и донесения ие-зуитов о России конца XVII и начала XVIII века». При этом в первой работе, к со-жалению, рассматривается лишь вопрос о сооружении католического храма в Мо-скве и его судьбе в последующие годы. Вторая работа содержит весьма интерес-ные письма и донесения иезуитов за период с 1698 по 1720 гг., но они, по объектив-ным причинам, не прокомментированы. Может быть, этому вопросу в XIX–XX вв в России не придавалось сколько-нибудь важного значения?

Какое государство не хотело бы иметь в другом, интересующем его государ-стве, некий неофициальный (то есть не государственный) форпост, некий центр который, выполняя какие-то официальные задачи, заявленные при получении раз-решения на организацию и деятельность, одновременно решал бы и задачи тайные и даже опасные, в интересах собственного государства. Почему неофициальный? Чтобы в случае каких-либо непредвиденных ситуаций этот форпост не мог послу-жить причиной для категорического осложнения или ухудшения межгосударствен-ных отношений. Такой форпост впервые в истории Российского государства и Рус-ской православной церкви был образован в Москве Римом в восьмидесятые годы XVII столетия. Этим форпостом являлась миссия Ордена иезуитов. Его создание и функционирование было для Рима очень важным шагом на пути распространения католичества в Российском государстве, на поприще борьбы с православием и Рус-ской православной церковью.

Предшественниками миссии в XVI–XVII столетиях являлись следующие чле-ны Ордена иезуитов:

Антонио Поссевино, известный исторический персонаж, прибыл в Старицу (место нахождения царя Ивана IV Васильевича) 18 августа 1581 г., выбыл 15 мар-та 1582 г.

Паоло Джованни Кампани, член дипломатической миссии А. Поссевино, про-винциал польско-литовской провинции Ордена иезуитов, автор отчета о поездке в Московию. Прибыл в Старицу 18 августа 1581 г., по поручению А. Поссевино вы-был из Старицы в Рим с докладом о текущих результатах миссии 29 сентября 1581 г.

Василий Замесский, член дипломатической миссии А. Поссевино в каче-стве переводчика, писатель полемист. Прибыл в Старицу 18 августа 1581 г., выбыл 15 марта 1582 г.

Микель Мориено, член дипломатической миссии А. Поссевино. Прибыл в Старицу 18 августа 1581 г., выбыл 15 марта 1582 г.

Андрей Модестин, член дипломатической миссии А. Поссевино. Прибыл в Старицу 18 августа 1581 г., выбыл 15 марта 1582 г.

Стефан Дреноцкий, член дипломатической миссии А. Поссевино. Прибыл в Старицу 18 августа 1581 г., выбыл 15 марта 1582 г.

Франческо де Коста, миссионер, дипломатический агент папы Климента VIII в Персии, куда следовал транзитом через Москву. Прибыл в Москву 20 мая 1601 г., выбыл из Москвы в направлении Астрахани 6 августа 1601 г.

Дидак Генрих де Миранда, дипломатический агент папы Климента VIII в Персии, куда следовал транзитом через Москву. Прибыл в Москву 20 мая 1601 г., выбыл из Москвы в направлении Астрахани 6 августа 1601 г.

Андрей Лавицкий, член миссии Ордена иезуитов при Лжедмитрии I и его советник. Прибыл в Москву 20 июня 1604 г. Отправлен Лжедмитрием I в Рим с дипломатической миссией (инструкция подписана 18 декабря 1605 г.), из Москвы выбыл в январе 1606 г.

Николай Чировский (Cyrowski), супериор миссии Ордена иезуитов при Лжедмитрии I и его советник. Прибыл в Москву 20 июня 1604 г. После гибели Лжедмитрия I и воцарения Василия Ивановича Шуйского находился в русском плену, выбыл в Польшу в январе 1609 г.

Франческо де Коста, миссионер, дипломатический агент папы Климента VIII в Персии. Возвращаясь из Персии в Европу транзитом через Москву, из Астрахани следовал в группе восставших во главе с неким самозванцем Августом. В 1608 г. находился в Калуге. Автор записок о событиях в Московии.

Новина Каспар Савицкий, видный член польско-литовской провинции Ордена иезуитов, препозит дома профессов св. Барбары в Кракове в 1604–1607 гг., в 1589–1594 гг. супериор и магистр краковского дома новициатов. Духовный отец Лжедмитрия I и Марины Мнишек. Прибыл в Москву 3 мая 1606 г. в свадебном поезде Марины Мнишек. После гибели Лжедмитрия I и воцарения Василия Ивановича Шуйского находился в русском плену, выбыл в Польшу в январе 1609 г.

Вернемся теперь к миссии Ордена иезуитов в Москве. Выше мы говорили, что она была образована в 1684 г. с устного разрешения правительницы государства царевны Софьи и фактического главы ее правительства боярина и князя Василия Васильевича Голицына. Фактически миссия являлась ватиканским штабом по проведению разведывательно-подрывной деятельности против Русской православной церкви и Российского государства, расположенным непосредственно в сердце Российского государства и Русской православной церкви, в Москве. В XVII в. миссия в Москве действовала около 8 лет (с учетом ее запрещения с октября 1689 по апрель 1698 г.), и это обязательно нужно иметь в виду, оценивая эффективность ее деятельности.

В эти годы политическая обстановка в Москве и России менялась так разительно, что пребывание миссии в Москве вполне оправданно нужно разделить на два этапа. Первый, 1684–1689 гг., от начала деятельности миссии до ее закрытия и выдворения ее членов за пределы Российского государства. Этот период прошел при покровительственном внимании к миссии фаворита царевны Софьи, фактического главы правительства, боярина и князя В.В. Голицына. В этот период осуществлялась активная подготовка государственного переворота (заговор царевны Софьи) и была совершена неудачная попытка его реализации, что привело к известным кардинальным изменениям политической обстановки. Второй, 1698–1700 гг., от разрешения миссии возобновить свою деятельность до конца XVII в. (согласно хронологическим границам книги). Фактическая власть в Российском государстве уже полностью находилась в руках Петра I, и в правительстве давно не было такого всесильного покровителя миссии, каким раньше являлся отправленный в 1689 г. в студеную северную ссылку В.В. Голицын.

Основными факторами, влиявшими на положение миссии в Москве и ее деятельность, являлись следующие. Затруднявшие — резко отрицательное отношение к миссии Русской православной церкви, ее патриархов Иоакима и Адриана, духовенства, их требования к царям о запрете миссии. Энергичное противодействие миссии

со стороны московской общины протестантов — лютеран и кальвинистов, лидером которых являлся голландский резидент Иоанн Виллем фан Келлер (после событий 1689 г. вторым лидером стал любимец Петра I швейцарец Франц Яковлевич Лефорт). В 1684–1689 гг. миссия действовала без официального царского разрешения, на т.н. «птичьих правах», на основании устного разрешения царевны Софьи и В.В. Голицына. К другим затруднявшим факторам относились языковый барьер, незнание или плохое знание православия, обычаев и нравов русского народа и другие.

Благоприятствовавшие — в восьмидесятых и девяностых годах XVII столетия Россия была крайне заинтересована в поддержании добросоюзнических отношений со Священной Римской империей германской нации (при одновременном охлаждении отношений с Англией после казни английского короля Карла II 30 января 1649 г.). России были нужны офицеры и генералы, военные инженеры, корабелстроители, морские капитаны и штурманы, парусных дел мастера, рудознатцы и металлурги, врачи, самые различные специалисты, и русские цари постоянно обращались к европейским монархам с соответствующими просьбами. Рим и Вена быстро оценили складывающуюся обстановку, признали ее благоприятной и стали направлять в Россию все больше требуемых специалистов, преимущественно католического вероисповедания. С теми, которые уже были на царской службе, вновь прибывавшие составили католическую общину, в составе которой находились влиятельные лица. В их числе царский доктор Григорий Мартынович Карбонари де Бизенег, купец Франческо Гуаскини, генерал Патрик Гордон, полковник Джеймс (Яков) Гордон, генерал Пол Мензис (Павел Гаврилович Менезиус), вице-адмирал Юрий Степанович Лима, полковник артиллерии Казимир де Граге, генерал граф Давид Вильгельм фон Граам, полковник Георг фон Менгден и другие. Конечно, они явно и неявно воздействовали на царей, царевну Софью, боярина В.В. Голицына и других сановников в пользу миссии и строительства католического храма в Москве. Взять и отмахнуться от их просьб было нельзя, можно было остаться и без специалистов католического вероисповедания (а кем их заменять?), и без поддержки Священной Римской империи германской нации. Существенным фактором также являлись межгосударственные отношения Москвы с Веной и Варшавой. В восьмидесятых и девяностых годах XVII столетия редко какие дипломатические переговоры и переписка между монархами обходились без настойчивого подталкивания Москвы к тому, чтобы она разрешила открыть миссию со всеми сопутствующими решениями. Москва прекрасно понимала, что в этих вопросах за спиной Вены и Варшавы стоял Рим. Оказываемое на Москву давление — не решите вопрос с миссией и ее деятельностью, со строительством храма, мы не пойдем навстречу в политических вопросах — заставляло Москву очень осторожно говорить «нет» и с большей готовностью отвечать «да», особенно в годы правления царевны Софьи. Реорганизация армии и флота в связи с подготовкой Петром I азовских походов, пресечением стрелецких бунтов и надвигающейся Северной войной, стремление привести вооруженные силы на некий европейский уровень, объективно вынуждали Петра I считаться с желаниями иностранцев католического вероисповедания на царской службе. И это хорошо видели и в Вене, и в Варшаве, и в Риме. Еще одним благоприятствующим фактором являлось то, что именно поэтому с 1698 г. деятельность миссии была вновь разрешена, и она уже действовала не на «птичьих

правах», а на основании прямого разрешения царя Петра I. (В 1691–1698 гг. в Москве с разрешения Петра I для удовлетворения духовных потребностей католиков находились один член Ордена доминиканцев и два члена Ордена францисканцев. О них расскажем ниже).

Как происходил процесс образования миссии Ордена иезуитов в Москве? Конечно, мысль о необходимости иметь в Москве форпост для решения как насущных, так и долговременных задач, витала уже давно. Но к постановке этой задачи на практические рельсы и ее решению в Риме (и по поручению Рима в Вене и Варшаве) приступили, на наш взгляд, после смерти царя Федора Алексеевича и провозглашения царевны Софьи правительницей государства. Именно такой выбор точки отсчета для начала действий был сделан не случайно. Уже в 1682–1683 гг. Запад увидел, что царевна Софья и фактический глава правительства В.В. Голицын не только внимательно прислушиваются к предложениям Варшавы, Вены и Рима, но и стараются создать о себе благоприятное впечатление за рубежом. Это обнадеживало, и в результате Рим сформулировал задачу перед императором Священной Римской империи германской нации Леопольдом I и королем Польши Яном III Собеским, соответствующие инструкции были даны папским нунциям в Вене и Варшаве, а также генералом Ордена иезуитов своим провинциалам. Были выбраны время и способ решения задачи, назначены исполнители и те, кто должен был их контролировать и помогать. Рим, Вена и Варшава замерли в трепетном ожидании.

14 мая 1684 г. в Москву въехало посольство Священной Римской империи германской нации во главе с бароном Иоганном Христофором Жировским и бароном Себастианом Блюмбергом. На их плечи было возложено поручение добиться у царевны Софьи и В.В. Голицына разрешения на оставление в Москве на постоянной основе иезуита **Иоганна Шмидта**, прибывшего в составе этого же посольства, согласно поданной росписи, в качестве дворянина в свите барона С. Блюмберга. Но уже в росписи состава посольства, поданной в Посольский приказ 1 июня 1684 г., Иоганн Шмидт значился как пастор. Почему такая разница в записях? Скорее всего, потому, что в первые дни пребывания посольства в Москве у И.Х. Жировского и С. Блюмберга еще не было никакой уверенности в успешном решении задачи, и И. Шмидт значился для российской стороны обычным дворянином. Но вот в конце мая – начале июня, когда уверенность такая появилась, уже не нужно было скрывать (или не указывать), что И. Шмидт являлся католическим священнослужителем. Ведь при положительном решении вопроса он должен был остаться в Москве именно как священнослужитель, и вводить в данном случае Посольский приказ в заблуждение было никак нельзя, можно было разрушить все планы. Только почему пастор? Иезуит Иоганн Шмидт являлся основным исполнителем задуманной акции. Но в составе посольства были и другие интересные лица. Например, дворянин Либерт из свиты посла И.Х. Жировского, которому было поручено независимо от руководителей посольства письменно информировать папского нунция в Польше архиепископа Эфесского Опицио Паллавичини о ходе переговоров в Москве по этому вопросу. Еще одним интересным лицом являлся маршал посольства Игнатий Христофор де Гвариент. В 1698 г. он вновь посетил Москву, но уже в качестве чрезвычайного посла. Тогда в составе его посольства прибыли миссионеры Иоанн Берула (иезуит), Франциск Иоанн Эмилиани (иезуит), Иоанн Казагранде и Геральд.

Так как с этим посольством в Вену должны были вернуться находившиеся в Мо скве францисканцы Франциск Ксаверий Лефлер и Павел Иосиф Ярош, то, образн говоря, И.Х. де Гвариент провел в Москве «смену караула». А пока что, в 1684 г И.Х. де Гвариент проходил в Москве своеобразную стажировку.

В Риме могли только предполагать, как удастся полномочным послам И.Х. Жи ровскому и С. Блюмбергу решить поставленную задачу. Да и удастся ли? Скоре всего, для того, чтобы как-то их подстраховать и отвлечь внимание дьяков Посоль ского приказа на другой вопрос, в Москву 14 июня 1684 г., т.е. когда вопрос практи чески был решен, прибыл член Ордена иезуитов **Карло Маурицио Вота** (**Вотта**) секретарь и советник императора Леопольда I. В предыдущей главе мы с ним уж встречались. Это был весьма известный человек не только в церковных, но и в выс ших политических кругах Европы. Дважды доктор наук — философии и теологи професс. При поступлении в 1645 г. в иезуитский новициат отказался от графског титула, замка и поместья. Он поддерживал переписку с папами Римскими и карди налами — государственными секретарями Ватикана, генералами Ордена иезуито кардиналом протектором Польши, папскими нунциями в Варшаве и Вене, европей скими монархами и даже с немецким математиком и философом Готфридом Виль гельмом Лейбницем и другими. В конце пятидесятых годов он преподавал в рим ской и германской иезуитских коллегиях в Риме. В 1660–1677 гг. работал в Вене ции, сначала полномочным комиссаром генерала Ордена иезуитов, а затем советни ком папского нунция и теологом-проповедником, основал космографическую ака демию, где преподавал ряд дисциплин. (Именно тогда он познакомился с россий ским дипломатическим посланником к папе Римскому Павлом Гавриловичем Ме незиусом (Полом Мензисом). С 1683 г. он в Вене, при дворе императора Священ ной Римской империи германской нации Леопольда I.

О том, что поездка К.М. Вота в Москву была предрешена заранее, задолго д приезда посольства, свидетельствует дата подписи Леопольдом I грамоты к царю Иоанну Алексеевичу — 24 марта 1684 г. Эта грамота содержала поздравления и добрые пожелания Иоанну Алексеевичу в связи с его вступлением в брак (сваdь ба состоялась 9 января 1684 г.). Больше в этой грамоте ничего не было. Неотраз имый предлог для направления в Москву еще одного участника акции (для оказа ния исполнителям возможно необходимой им помощи) нашелся сразу — поздрав ление с бракосочетанием. На тот случай, если новому посланцу придется непо средственно самому вмешиваться в процесс получения разрешения на открытие и функционирование в Москве миссии, король Польши Ян III Собесский дал ему гра моту к царям Иоанну и Петру Алексеевичам от 15 мая 1684 г., в которой очень ту манно было написано: «Стал на дворе нас В. Г-ря, нашего Кор. Вел-ва, урожден ной Кароль Маврикий Вотта, секретарь и советник пресветлейшего Цес. Вел-ва христианского. А нам, В. Г-рю, нашему Кор. Вел-ву, по достоинстве и науке и по иным имянным приметам своим, зело люб Цес. Вел-ва секретарь и воспочтен тео лог и истории описец, которой по се время и для великих заходящих недосугов име ет с великими того ж пресветлейшаго Цес. Вел-ва послы к вам В. Г-рем, к вашему Цар. Вел-ву, в недавном времяни посланными, в ту ж не могучи выбраться доро гу ныне к ним с некоторыми потребными тому посольству дел едет, и с иными, ко торые вам В. Г-рем, вашему Цар. Вел. Вел-ву, от того ж помянутого урожденног

секретаря предложены будут; яко убо благожелательным сердцем желаем, дабы те дела всему християнству потребны, за которым благословение Божие последует, и которые пресветлейшее Цес. Вел-во договаривать приказал, желаемый свой конец и совершенно приняли и охотно помянутого урожденного секретаря и советника к вам В. Г-рем, к вашему Цар. Вел-ву, со всякою честию немедленно отсылаем...»[1151]. К.М. Вота не пришлось вмешиваться в ход переговоров; как мы уже сказали, интересующие Рим, Вену и Варшаву вопросы были разрешены до его приезда. Ему осталось только 19 июня 1684 г. вручить императорскую и королевскую грамоты боярину и князю В.В. Голицыну и на следующий день побывать на царской аудиенции, а 23 июня того же года он отправился в обратный путь.

Для Посольского приказа так и осталось непонятным, что за «дела» К.М. Вота должен был еще сделать в Москве, в связи с чем в ответной грамоте царей королю Яну III Собесскому от 21 июня 1684 г. говорилось: «А кроме донесенных, Е. Цес. Вел-ва и вашего Кор. Вел-ва, вышепомянутых любителных грамот ни о каких делех от Цес. Вел-ва вручения тот секретарь не имел, и чрез наших, Цар. Вел-ва, ближних бояр и думных людей не доносил...»[1152].

24 июня 1684 г. посольство И.Х. Жировского и С. Блюмберга выбыло из Москвы. Главная задача была успешно решена, оставаться в Москве не было никаких убедительных причин. Достигнутый успех выплеснулся на страницы радостных донесений и не менее радостных поздравлений.

Еще до отъезда посольства, 15 июня 1684 г., незаметный дворянин из свиты И.Х. Жировского, некто Либерт, докладывал папскому нунцию в Польше Опицию Паллавичини: «...В моем предшедшем доношении от 20 числа (по старому стилю 10 июня. — *прим. авт.*) текущаго месяца (которое ваше преосвященство получите вместе с настоящим) я подробно изложил все, что говорят католики о той легкости, с которою, по их уверению, можно и вводить и отсылать отсюда священников; я также писал, что они имеют словесное позволение перваго министра совершать свое богослужение, и что господа послы получили то же самое позволение: итак, не остается никакого другаго затруднения, кроме приискания средств для содержания священников. Теперь я не имею ничего сказать новаго вашему преосвященству, кроме того, что господин барон Жировский обещал просить у перваго министра его духовнику, иезуиту, остаться здесь, доколе не прибудут сюда два другие, и что отец Шмидт с удовольствием остается здесь, лишь бы получить позволение и иметь средства существования, без этого же условия он решительно отказывается оставаться... католики, которые обыкновенно собирались к обедне в количестве приблизительно двадцати человек, ныне пришли свыше тридцати, и выражали сильное желание, чтобы Шмидт остался, лишь бы он им ничего не стоил, или стоил очень немного...»[1153]. Первый министр — боярин и князь В.В. Голицын. Заметим, что если Либерт направлял свои донесения папскому нунцию через каждые 5 дней (или примерно через 5 дней), то его активность в этом отношении наглядно указы-

---

[1151] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. VI. Стб. 836.

[1152] Там же. Стб. 853–854.

[1153] Цит. по: *Цветаев Д.В.* История сооружения первого костела в Москве // Русский Вестник, 1885, Октябрь, Т. 179. С. 770–771.

вает на исключительную заинтересованность папского нунция и других участнико акции в успешном решении задачи и быстрейшем получении информации. Из донесения мы также видим, что фактически уже в середине июня российская сторон дала устное согласие И.Х. Жировскому и С. Блюмбергу на удовлетворение духовных потребностей проживающих в Москве католиков путем оставления в Москв на постоянной основе иезуита И. Шмидта.

Не один Либерт писал донесения. Барон Себастиан Блюмберг торжественн докладывал 22 июня 1684 г. в своем письме непосредственно папе Иннокентию XI «...Из этих последних пределов Европы дерзаю подойти к священнейшим стопам вашего святейшества с приветствием, что наконец получено от царских величест право постояннаго жительства обществу Иисуса в столице Московии, где святейшия таинства свободно будут совершать священники того же ордена, и обещан сверх того особое покровительство царей...»[1154]. С. Блюмберг высоко оценил не только свои заслуги, но и усилия К.М. Вота, снискавшего, по словам посла, расположение первого министра боярина князя В.В. Голицына и благосклонность царей Иоанна и Петра Алексеевичей, о чем в скором времени он сам должен направит соответствующее донесение.

Конечно, и папа Иннокентий XI, и государственный секретарь Ватикана кардинал Альдерано Чибо были очень обрадованы положительным результатом акции «Великую поистине радость, писал (16 сентября) папа Иннокентий к барону Блюмбергу, принесло нам письмо твое, которым ты извещаешь нас о праве, данном царями Московии отцам ордена Иисуса основаться в Москве и совершать там церковныя службы для верных. Ибо хорошо поняли мы, как много пользы может произойти для католической церкви от деятельности таких трудолюбивых и старательны работников. Воздавая благодарение благости Божией за успех такого рода, мы особенно хвалим твою ревность в проведении дела, желая тебя уверить, что мы не опустим ни одного случая ясно доказать тебе нашу признательность. А доколе посылаем тебе, любезный сын, со всякою любовью апостольское благословение...»[1155]. П старому стилю письмо папы Иннокентия XI подписано 6 сентября 1684 г. Это письмо также свидетельствует о том важном значении, какое придавал Ватикан образованию миссии Ордена иезуитов в Москве.

Любопытные подробности об открытии миссии в Москве и реагировании Рим и Вены привел в своем исследовании «Иезуиты в Польше» историк иезуит Станислав Залеский. На основании сведений, почерпнутых в государственном венско тайном архиве, он писал, что как только литовский иезуит Иоганн Шмидт остался Москве в качестве миссионера и открыл школу, тотчас же, 19 сентября 1684 г., префект конгрегации «Пропаганда Веры» кардинал Палуццо Палуцци Альтьери дельи Альбертони назначил его апостольским миссионером в Москве сроком на лет. Руководить его деятельностью должен был папский нунций в Вене кардинал Франческо Буонвизи, от которого Альтьери получил расчет возможных потребностей миссии. И.Х Жировский, вернувшись в Вену, представил 6 октября 1684 г. императору Леопольду I в Линце потребности церкви в Москве и второго миссионе

[1154] Там же. С. 767.

[1155] Там же. С. 771.

ра, но с чешской провинции, «чтобы снять у Москвы всякие подозрения в польской агитации», и рекомендовал О. Войтеха де Бойе, владеющего шестью языками, в то время бывшего капелланом княгини Баварской. На обустройство и нужды этих двух миссионеров император выделил 100 талеров и дал указание назначить им ежегодную пенсию. В докладе императору было отмечено, что канцлер В.В. Голицын разрешил миссионерам сноситься по делам миссии с папой Римским. С учетом этого, 13 ноября 1684 г. Леопольд I постановил, чтобы надворная камера тайно выплачивала апостольским миссионерам в Москве 500 талеров ежегодно на их проживание и другие расходы. Тогда же, 13 ноября 1684 г., Леопольд I через чрезвычайного гонца Иоганна Игнатия Курца поблагодарил царей за их разрешение на пребывание и работу католических священнослужителей в Москве. Уведомленный об открытии миссии в Москве, генерал Ордена иезуитов Шарль де Нойель поблагодарил 23 декабря 1684 г. Леопольда I, добавив, что уже дал поручение провинциалам Чехии и Польши, чтобы они исполняли всяческие пожелания миссии. По словам С. Залеского, напрасно литовский провинциал Якоб Берент в письме от 25 августа 1685 г. из Вильно И.Х. Жировскому, бывшему в то время уже императорским резидентом в Варшаве, привел целых 6 причин, по которым московская миссия должна была подчиняться литовской провинции. При этом Я. Берент добавил, что он уже послал на помощь Иоганну Шмидту иезуита Бартоломео Меллера, капеллана литовского канцлера Доминика Радзивилла. (Pozostał tylko wspomniany wyżej spowiednik Zierowskiego, litewski Jezuita Schmid w Moskwie, jako misyonarz, i otworzył tymczasową szkołę. Niebawem 19 września 1684 r. prefekt propagandy kard. Altieri zamianował go na lat 5 misyonarzem apostolskim w Moskwie pod zwierzchnictwem wiedeńskiego nuncyusza Buonvisi, od którego też otrzymać miał potrzebne facultates. Zierowski, powróciwszy do Wiednia, przedstawił 6 paźdz. 1684 r. cesarzowi w Lincu potrzebę kościoła w Moskwie i drugiego misyonarza, ale z czeskiej prowincyi, «aby Moskwie odjąć wszelkie podejrzenia» agitacyi polskiej, i proponował O. Wojciecha de Boie, władającego sześciu językami, kapelana podtenczas księżnej bawarskiej. Na utrzymanie dwóch ojców dał tymczasowo 100 talarów, ale należy im wyznaczyć roczną pensyę. Kancler Golicyn pozwolił im znosić się w sprawie misyj z papieżem. W odpowiedzi na to cesarz Leopold postanowił 13 listop. 1684, aby nadworna kamera wypłacała po cichu (im gecheimen) 500 talarów rocznie dwom misyonarzom apostolskim w Moskwie na ich utrzymanie, carom zaś przez nadzwyczajnego kursora Kurtza dziękował (13 listopada 1684 r.) za pozwolenie na kult katolicki prywatny... Uwiadomiony o niej jenerał zakonu de Noyelles dziękował 23 grudnia 1684 r. cesarzowi, dodając, że już wydał polecenie prowincyałom Czech i Polski (Litwy), aby się do życzeń jego we wszystkiem zastosowali... Napróżno litewski prowincyał O. Berent w liście z 25 sierpnia 1685 r. z Wilna do Zierowskiego, rezydenta podówczas cesarskiego w Warszawie, podawał aż 6 powodów dla których misya moskiewska przy litewskiej prowincyi pozostać powinna; tem bardziej, że O. Schmidowi posłał już na pomoc O. Bartłomieja Moehlera, kapelana Dominika Radziwiłła, kanclerza w. litewskiego... »[1156]). Открытие миссии Ордена иезуитов в Москве вызвало в Риме, Вене, Варшаве и Вильно прямо-таки праздничное оживление, причем такое, что литовский про-

[1156] Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. III. Część I. Lwów. 1902. S. 238–240.

винциал Якоб Берент даже усомнился в правильности решения Рима о подчинени московской миссии папскому нунцию в Вене. Мы видим, что Ватикан непосред ственно участвовал в подготовке и реализации планов открытия миссии в Москве

Весьма интересно познакомиться с тем, что докладывал о своей деятельност иезуит Карло Маурицио Вота. Еще только прибыв в Смоленск, он писал 5 июн 1684 г. папе Иннокентию XI: «...Смоленских бояр я нашел большими ревнителям христианства и мечтающими о добрых успехах в деле против общаго врага. Мен также уверяли, что не может быть делом нестаточным единение душ, а может та же и военных сил, особенно после прибытия цесарских послов... Полковник М незиус, католик, который при священной памяти Клименте X был царским посло в Риме и со мною познакомился в Венеции, пришедши посетить меня, засвид тельствовал почтительнейшую покорность вашему святейшеству и живейшую ре ность в отношении общаго дела. Он уверяет, что если ваше святейшество напи шет царям, можно будет ожидать плодотворнаго результата... Через неделю над юсь приехать в Москву, и... приложу все силы к служению душам и святой цер ви... готовый пожертвовать кровь и жизнь для этого столь праваго дела...»[1157]. О новременно он отправил донесение и государственному секретарю Ватикана ка диналу Альдерано Чибо.

Важные сведения мы находим в письме К.М. Вота папскому нунцию в Пол ше Опицио Паллавичини от 22 июня 1684 г. из Москвы. Он рассказал о визите В.В. Голицыну и беседе с ним, об аудиенции у царей Ивана и Петра Алексееви чей, подчеркивая их благосклонное отношение к нему. Затем он писал: «...Госп да послы делали последния усилия, и Господь осуществил благословения, посла ныя мне его святейшеством и благожелания и инструкции, данныя мне вами, п тому что вчера (т.е. 21 июня. — *прим. авт.*), наконец, господа послы, сверх всяк надежды, добились определеннаго постояннаго пребывания ордена в этом царст и здесь остается отец Шмидт. Господа послы считали необходимым, чтоб я отпр вился известить короля и вас о различных обстоятельствах, не только для этого пр бывания, но и выгодах, гораздо больших для религии католической... Отец Шми может открыть школу и будет иметь собственный дом... Мы получили от царей дар отцам коллегии в Орше 3600 дерев для постройки коллегии и церкви... Ес отец Шмидт сумеет действовать (а он человек очень хороший), и начальство буд поступать осмотрительно и искусно, то сильно подвинется вперед слава Господн Я утешал этих католиков, между которыми многие полковники и офицеры, и ра давал им сокровища отпущения грехов (индульгенции)... С нетерпением жду м нуты увидеть вас снова и представить устный отчет, более полный о многом сове шенном во славу Божию и святаго престола, прося вас написать его святейшест и кардиналу Чибо, что я не упускал и не премину до последняго издыхания жер вовать всем и прилагать всевозможныя старания для распространения служени Господня...»[1158]. Из этого письма мы узнаем, что окончательное решение о постоя ном пребывании миссии Ордена иезуитов в Москве было принято 21 июня 1684 за три дня до отъезда посольства из Москвы, и что на Иоганна Шмидта возлаг

[1157] *Цветаев Д.В.* История сооружения первого костела в Москве // Русский Вестник, 1885, Октяб Т. 179. С. 768–769.

[1158] Там же. С. 769–770.

лись очень большие надежды. Вообще И.Х. Жировский и С. Блюмберг действовали в Москве достаточно напористо, если не сказать лихо. Им удалось даже получить в дар 3600 бревен для строительства иезуитской коллегии и церкви в Орше, на территории совсем другого государства, в Речи Посполитой.

Роль К.М. Вота в решении задачи оценивалась в Риме и Варшаве по-разному. Государственный секретарь Ватикана кардинал Альдерано Чибо прислал папскому нунцию Опицио Паллавичини письмо для передачи его Карло Маурицио Вота. Письмо содержало такие высокохвалебные оценки заслуг иезуита, что нунций не стал передавать ему это письмо, а 8 октября 1684 г. направил свое особое мнение по этому вопросу кардиналу А. Чибо. Нунций писал из Львова: «Ваше высокопреосвященство прислали мне письмо для отца Воты иезуита в ответ на его, писанное вам из Москвы, где вы говорите об его подвигах, как они вам представляются. И так как в этом ответе воздается хвала этому отцу за его старания побудить царей к дозволению свободнаго богослужения католикам и к открытию школ отцов иезуитов, то я счел лучше не передавать этого письма. Вместо него я указал этому отцу на благоволение нашего господина за труды, понесенные им в Московии для блага религии и союза. Это я сделал в силу некотораго сомнения, что этот отец, видя исполнение поручения касательно религии в Московии и потрудившись, по мере сил и разумения, для этого дела, мог вообразить, что он тому причиной и что он подвинул царей на данную милость, а это не согласуется с действительностью, так как милость дана, судя по прилагаемому здесь французскому письму (от Либерта из Москвы), раньше прибытия сюда этого отца. То же самое отмечает и отец-провинциал Литвы, который хорошо осведомлен о всем от отца Шмидта, оставленнаго в этом случае миссионером в Москве. Посылаю и это письмо; из него видно, что кладется доброе основание этой церкви, а равно и то, каков принцип, даваемый школам, дозволенным для католиков. Со временем можно побудить их к привлечению сюда и природных (Русских), в каковом случае необходимо будет однако действовать с большим благоразумием и осмотрительностию. Я охотно промолчал бы об этом деле, потому что оно некоторым образом касается меня, так как шла работа чрез одно близкое мне лицо, отправленное вместе с царскими послами в Москву; но мне казалось более благопристойным не позволять распространяться той ошибке, в которую, по моему мнению, впадает этот отец, который, впрочем, заслуживает большой похвалы за свою ревность и за труды...»[1159]. Что в этом письме — стремление нунция дать объективную оценку заслугам К.М. Вота или же напоминание Риму о своих собственных заслугах? (Опицио Паллавичини являлся папским нунцием до 2 сентября 1686 г. В этот же день он стал кардиналом. Умер 11 февраля 1700 г.).

Повторим, что решение об открытии миссии было устным, не зафиксированным в каких-либо документах Посольского приказа. Через несколько лет, в 1691 г., когда посланник Священной Римской империи германской нации Иоганн Игнатий Курц (прибыл в Москву 15 апреля 1691 г., отпускная аудиенция 14 сентября того же года) поднял вопрос о возобновлении деятельности миссии в Москве, Посольский приказ подготовил для царей выписку, в которой говорилось: «И о езувитах выписано: при предках их государских блаженныя памяти при В. Г-рех, Царех и

[1159] Цит. по: *Цветаев Д.В.* История сооружения первого костела в Москве // Русский Вестник, 1885, Октябрь, Т. 179. С. 771–772.

В. Князех изстари, никогда в Московском государстве езувиты Цесарей Римски до 192-го году ни малого времяни не живали; а во 192-м году остался на Москве от цесарских послов езувит Яган Шмит в немецкой слободе, а по какому указу, того неведомо...»[1160]. Да, «по какому указу, того неведомо». Конечно, и царям, и дьякам Посольского приказа было хорошо «ведомо», от кого исходил этот устный «указ» но наводить у них дополнительные справки не стали. В 1691 г. автор этого разрешения царевна Софья уже давно находилась в Новодевичьем монастыре, а ее бывший фаворит Василий Васильевич Голицын пребывал в далекой северной ссылке.

После отъезда посольства из Москвы (24 июня 1684 г.) Иоганн Шмидт остался в арендованном помещении в Немецкой слободе (отдельный дом для миссии будет куплен через год, в 1685 г., о чем расскажем ниже) и приступил к исполнению своих обязанностей. Проблем было много. Провинциал Ордена иезуитов в великом княжестве Литовском (с 21 марта 1683 до 21 марта 1686) Якоб Берент писал 24 сентября 1684 г. папскому нунцию Опицио Паллавичини: «Прежде всего я забочусь о содержании отца Шмидта. Если нельзя будет помочь ему подаяниями (которыя в этом царстве по затруднительности обстоятельств очень скудны), то я должен буду просить помощи у бедной провинции. О посылке ему товарища я уже писал ему; но он от 2 июля (нов. ст.) так ответил мне: "Это неудобно, пока наша миссия не укрепится прочнее, иначе, стремясь к большему, нам не потерять бы всего. Между тем я надеюсь приобрести здесь покровительство, так как славнейший князь и канцлер Голицын, равно и господа комиссары и пристава просили меня навещать их. Резиденты голландский и датский обещали мне свое покровительство". Итак, как только этот ласковый и добрый отец войдет в милость выше названных господ, тогда получит возможность, при дальнейшем расположении, хлопотать о прибавке ему товарища. Я буду ждать его указаний на счет того, когда нужно будет послать ему помощника. В письме от 18 июля (нов. ст.) он мне сообщает следующее: «Католическую службу по мере сил стараюсь уставлять и улучшать здесь. По воскресеньям и праздникам утром поется обедня и говорится проповедь, после обеда вечерню совершаю также с проповедью. В пятое воскресенье, которое лютеране и кальвинисты празднуют службой и проповедью в девятом часу утра, я по просьбе самих католиков установил такую же службу по римско-католическому обряду и продолжаю ее. Я положил основание школе, побуждаемый к этому как призванием и службой ордена, так и гнетущею нас здесь крайнею необходимостью: с самаго отъезда цесарских послов я не имел служителя при священнодействии. Начатки эти конечно ничтожны, но я надеюсь, что станут присылать в школу детей католики из Киева, Смоленска и других областей и городов, и уже два мальчика (коих я начал учить читать и писать латинския буквы; из них один родился в Америке и там имеет значительное законное наследство) в четыре дня научились порядку прислуживания при святом служении мессы; их услугами я пользуюсь ежедневно. Священные песни и вечерни поют сами господа главные немецкие офицеры и купцы с большим увлечением...»[1161] Голландский резидент — Иоанн Виллем фан Келлер, датский резидент — Генрих

[1160] Цит. по: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. VII. Стб. 813.

[1161] Цит. по: *Цветаев Д.В.* История сооружения первого костела в Москве // Русский Вестник, 1885. Октябрь, Т. 179. С. 773–774.

Бутенант (в 1688 г. стал дворянином и получил дополнение к фамилии — де Розенбуш). Очень важно, что практически сразу после основания миссии, не прошло еще и месяца, а И. Шмидт приступил к организации школы при миссии.

О том, что в Москве действительно была организована и действовала миссия Ордена иезуитов, а не просто проживали католические священнослужители, прибывшие для удовлетворения духовных потребностей верующих, говорят задачи, характер и содержание этой деятельности. Более того, историк иезуит Станислав Залеский сослался в своей книге на письмо ректора Острожской коллегии Ордена иезуитов в 1706–1709 гг. Томаша Перковича иезуиту миссионеру Иоанну Беруле, в котором он назвал получателя супериором миссии в Москве: «...rector Perkowicz... napisał do czeskiego Jezuity Beruli, superiora misyi w Moskwie...»[1162]. Супериором миссии являлся также и Тобиаш Тихавский, действовавший в Москве с 11 февраля до выдворения 5 октября 1689 г.

По донесениям находившихся в Москве иезуитов в конце XVII и начале XVIII столетия, а также иным документам того времени, можно с достаточной точностью судить о том, какие задачи имела миссия Ордена:

Закрепление в Москве, поиск, приобретение и использование покровителей в лице царствующих особ, сановников в царском окружении, среди занимавших высокое положение иностранцев католического вероисповедания. Использование в качестве фактора-гаранта поддержки императора Священной Римской империи германской нации и короля Польши, их дипломатических служб. Обеспечение миссии постоянным помещением для проживания (резиденция), осуществления католических богослужений (костел) и для деятельности школы; решение вопроса с источниками финансирования и материально-технического обеспечения деятельности миссии.

Удовлетворение духовных потребностей проживающих в Москве и других городах иностранцев католического вероисповедания (военные наемники, различные специалисты и купцы).

Миссионерская деятельность среди проживающих в России иностранцев других вероисповеданий (прежде всего бывших католиков, принявших православие или протестантство), обращение их в католичество. Распространение в Москве пропагандистских материалов в пользу Римской католической церкви и против лютеран и кальвинистов. Борьба с протестантами всех видов. Формирование нужного миссии позитивного имиджа католичества и Ордена иезуитов в царском окружении, среди чиновников правительственных учреждений, купечества, в армии и флоте. Привлечение к работе миссии иностранцев католического вероисповедания.

Изучение обстановки в Москве и Российском государстве, в ближайшем царском окружении, обеспечение, по возможности, контроля за ее развитием. Выделение из общей массы царских сановников лиц, представляющих интерес для Ордена, организация их изучения с дальнейшим использованием (по возможности) в решении стоящих перед миссией задач. Изучение внешнеполитической деятельности Российского государства, в том числе отношений с Китаем, а также хода реализации политики освоения Сибири. Создание условий для непосредственного уча-

[1162] Ksiądz Stanisław Załęski. Jezuici w Polsce. T. IV. Część III. Kraków, 1905. S. 1280–1281, 1290.

стия миссии в тех или иных внешнеполитических мероприятиях Российского правительства. Информирование руководства Ордена.

Изучение Русской православной церкви на предмет выявления в православии деятельности Церкви уязвимых мест для осуществления в будущем внешнего подрывного воздействия. Выделение из числа архиереев тех из них, которые представляют опасность для функционирования миссии, принятие в случае необходимост мер предосторожности.

Поиск среди молодых православных священнослужителей и учащихс Славяно-греко-латинской академии в Москве тех, которые склонны к переходу униатство или даже католичество, организация их изучения и предметной индивидуальной работы с ними, побуждение их к выезду за границу для обучения в учебных заведениях Римской католической и Униатской Церквей.

Организация в Москве школы для детей царских вельмож и чиновников правительственных учреждений, ее реклама, набор учащихся, руководство школой преподавание в ней, подготовка из учащихся резерва для занятия высших государственных должностей, уже воспитанного в духе католицизма. Индивидуальная работа с родителями учащихся.

Обеспечение безопасности функционирования миссии и использования каналов связи с руководством за рубежом. Проведение политики врастания в российскую действительность.

Сбор сведений по всем разведывательным информационным направлениям.

Выбор и апробирование форм и методов подрывной деятельности в условия Российского государства.

Масштабность, разноплановость и важность задач бросается в глаза. Но есл не забывать, что содержание задачи или задач совсем не одно и то же, что результа или результаты, все становится на свои места. Конечно, хотелось всего побольше, что вышло, мы уже видели или увидим. При этом нужно помнить и о том, что миссия работала в Москве всего около 8 лет, да еще в таких сложных условиях. О том как решались разведывательные задачи, во всех предыдущих главах мы уже рассказывали. Ниже мы этот рассказ дополним тем, как решались задачи подрывного характера против Русской православной церкви.

Как была организована работа миссии в Москве? Численность миссии был незначительной, в среднем два человека. Но иногда, на непродолжительное время численность возрастала за счет останавливавшихся в Москве проездом из стра Востока в Европу или из Европы в страны Востока иезуитов, или же членов находившихся в Москве дипломатических миссий. Управлять таким небольшим коллективом было несложно. Размещалась миссия в отдельном доме в Немецкой слободе, купленном в 1685 г. посланником Священной Римской империи германской нации Иоганном Игнатием Курцем на деньги императора Леопольда I на имя итальянского купца Франческо Гуаскини. (И.И. Курц находился в Москве с 15 апрел по 16 июня 1685 г.).

Общее руководство деятельностью миссии осуществлялось Ватиканом и Орденом иезуитов. Непосредственное руководство осуществлялось провинциалами Ордена иезуитов в Священной Римской империи германской нации и великом княжестве Литовском. К ним адресовались доклады и просьбы миссии, от них же посту-

пали инструкции и указания, они же осуществляли контроль за ее деятельностью. Финансирование осуществлялось из Вены, из императорской казны, а также путем сбора пожертвований необходимых средств от членов католической общины в Москве. Материально-техническое обеспечение миссии (резиденции, школы, костела, миссионеров) осуществлялось как из Вены через приезжавших в Москву дипломатов, специалистов, так и за счет собранных пожертвований. Связь миссии с зарубежным руководством осуществлялась по почте, через курьеров и нарочных, представившуюся оказию, с использованием приезжавших в Москву или выезжавших из Москвы иностранцев. Миссия и ее руководители стремились обеспечить максимальную секретность в переписке, для чего использовались шифры и коды, подставные адреса. Для организации нормальной работы миссии нужно было дать ей хотя бы минимум гарантий безопасности, другими словами, обеспечить ей хотя бы некоторое покровительство царя и влиятельных царских вельмож. На разных этапах этот вопрос старались решить В.В. Голицын, П. Гордон, П. Мензис (Менезиус), Ф. Гуаскини, Г.М. Карбонари де Бизенег и другие. Чтобы постоянно ощущать пульс политической обстановки в Москве, миссионеры регулярно общались с находившимися на царской службе иностранцами католического вероисповедания, с царскими вельможами и правительственными чиновниками — родителями обучающихся в иезуитской школе детей; периодически под благовидными предлогами посещали Посольский приказ, встречались с членами приезжавших в Москву дипломатических миссий из Вены и Варшавы, стремились участвовать в различных государственных и общественных мероприятиях с участием царя (встречи и приемы иностранных посольств, парады и смотры войск, званые обеды, похороны и др.).

Всего с 1684 г. до конца XVII столетия в Москве находились еще следующие члены Ордена иезуитов — миссионеры:

Альберт де Бойе, прибыл 14 мая 1685 г., в самом начале 1686 г. он умер и был захоронен на кладбище в Немецкой слободе, затем тело было вывезено в Польшу.

Иржи (Георгий) Давид (20.07.1647–1713), прибыл вместо умершего Альберта де Бойе 16 августа 1686 г., выдворен из Москвы 5 октября 1689 г., после раскрытия и пресечения заговора царевны Софьи.

Тобиаш (Товия) Тихавский (Тихановский), прибыл 11 февраля 1689 г., выдворен из Москвы вместе с Давидом Иржи 5 октября 1689 г. С этого дня до 19 апреля 1698 г. в Москве миссия Ордена иезуитов официально не функционировала. Супериор миссии.

Франциск Иоанн Эмилиани, прибыл 19 апреля 1698 г. в составе посольства Священной Римской империи германской нации во главе с И.Х. Гвариентом, находился в Москве и в начале XVIII в.

Иоанн Берула, прибыл 19 апреля 1698 г. в составе посольства Священной Римской империи германской нации во главе с И.Х. Гвариентом, находился в Москве вместе с Ф.И. Эмилиани и в начале XVIII в. Супериор миссии.

Обязательно нужно добавить, что в 1684–1700 гг. в Москву (и на территорию Российского государства) приезжали и другие члены Ордена иезуитов, которые по мере своих сил и возможностей участвовали в работе миссии, и об их вкладе в общее дело также упоминается в приводимых ниже донесениях и других документах. Напомним их фамилии:

Карло Маурицио Вота (16.02.1629–9.12.1715), прибыл в Москву 14 июн 1684 г. в качестве дипломатического представителя императора Священной Рим ской империи германской нации Леопольда I, выбыл из Москвы 23 июня 1684 г.

Бартоломео Меллер, капеллан литовского канцлера Доминика Радзивилла прибыл в Москву 9 февраля 1686 г. в составе польского посольства в свите посла князя Марциана-Александра Огинского, великого канцлера Литовского. Выбыл и Москвы 6 мая 1686 г.

Николай Нармунт, профессор теологии Виленской академии, прибыл Москву 9 февраля 1686 г. в составе польского посольства в свите посла, княз Марциана-Александра Огинского, великого канцлера Литовского. Выбыл из Мо сквы 6 мая 1686 г. Одной из задач Н. Нармунта являлась разведка пути в Китай.

Михаил Яконович, в 1686–1689 гг. осуществлял тайную миссионерскую дея тельность в российском городе Смоленске.

Филипп Авриль (1655–1698), предпринял попытку проехать сухопутным пу тем через Москву и Сибирь в Китай (т.е. разведать этот путь), в чем ему было отка зано. Прибыл в Москву в январе 1687 г., выбыл из Москвы в конце февраля 1687 г

Луи Барнабе, спутник Филиппа Авриля, преследовал те же цели. Прибыл Москву в январе 1687 г., выбыл из Москвы в конце февраля 1687 г.

Филипп Авриль предпринял повторную попытку проехать сухопутным путем через Москву и Сибирь в Китай, в чем ему было отказано. Прибыл в Москву 11 ян варя 1689 г., выбыл из Москвы 31 января 1689 г.

Антуан де Боволье (3.06.1657–20.01.1708), спутник Филиппа Авриля, пресле довал те же цели. Прибыл в Москву 11 января 1689 г., выбыл из Москвы 31 янва ря 1689 г.

Кондратий Терпиловский следовал транзитом из Европы через Москву Персию и Китай с дипломатическими и миссионерскими целями. Прибыл в Мо скву 9 января 1689 г., выбыл из Москвы в Астрахань 9 апреля 1689 г.

Игнатий Запольский следовал транзитом из Европы через Москву в Персию и Китай с дипломатическими и миссионерскими целями. Впоследствии — глава миссии Ордена иезуитов в Персии. Прибыл в Москву 9 января 1689 г., выбыл из Москвы 9 апреля 1689 г.

Жан Франсуа Жербийон (1654–1707), член миссии Ордена иезуитов в Ки тае, участник дипломатических китайско-российских переговоров в Нерчинске 1689 г. Прибыл в составе китайской делегации в Нерчинск 21.07.1689 г., выбыл из Нерчинска 30.08.1689 г.

Томас Перейра (1645–1708), член миссии Ордена иезуитов в Китае, участник дипломатических китайско-российских переговоров в Нерчинске в 1689 г. При был в составе китайской делегации в Нерчинск 21.07. 1689 г., выбыл из Нерчин ска 30.08.1689 г.

Кондратий Терпиловский прибыл из Астрахани с грамотой китайского им ператора Кан-Си к русским царям в Москву 18 марта 1690 г. (Он не успел дое хать из Москвы через Астрахань до Персии, как в Астрахани получил приказ вер нуться в Москву). В связи с тем, что члены миссии И. Давид и Т. Тихавский были выдворены 5 октября 1689 г. и деятельность миссии была запрещена, инициатив но приступил к исполнению миссионерских обязанностей, на указания властей

(7 мая, 31 мая, 2 июля) о выезде из России не реагировал, и поэтому 12 июля 1690 г. был официально выдворен.

Михаил Яконович, бывший тайный миссионер Ордена иезуитов в российском Смоленске, летом 1690 г. приезжал в Москву и пытался добиться избрания в патриарха Московского и всея Руси.

Петр Ян Алоизий Кулеша (1660–13.01.1706), в 1695–1703 гг., переодевшись в одежду священника, переходил тайно из Орши или Бобруйска через границу на территорию Российского государства и проповедовал унию.

Игнатий Запольский, глава миссии Ордена иезуитов в Персии, следовал транзитом через Москву в Европу. Прибыл в Москву 20 февраля 1696 г., в том же феврале из Москвы выбыл.

Лаврентий фон Дугуне (Дуин), достаточно полных данных о нем нет. Прибыл в Москву в 1697 г., представился математиком и часовых дел мастером.

Кондратий Терпиловский следовал транзитом из Персии через Москву в Польшу. Прибыл в Москву в январе 1698 г., в том же месяце из Москвы выбыл.

Карл де Лос следовал транзитом из Европы через Москву в Персию. Прибыл в Москву 11 сентября 1700 г. Выбыл из Москвы 10 января 1701 г.

Обратим внимание на то, что за 70 лет, с 1613 по 1683 гг., в Москве (Российском государстве) по разным причинам побывали всего 4 иезуита (всего 4 не потому, что их было только 4, а потому, что других мы пока не можем назвать из-за отсутствия на них достаточных сведений): **Вацлав Еленевич**, взятый в плен во время российско-польской войны в Вильно в доме новициатов в 1655 г. и сосланный в Астрахань, где умер около 1662 г.; **Андрей Кавечинский**, ксендз, взятый в плен во время российско-польской войны в Новогородке Литовском 7 сентября 1655 г. и сосланный из Москвы через Тобольск в Нарым в 1659 г. Станислав Залеский приводит данные, что в 1655–1661 гг. в Вильно, входившем тогда в состав Российского государства, находился член Ордена иезуитов **Киприан Богуш**, ксендз, который вместе с 13 другими иезуитами (к сожалению, данных на них нет) благодаря разрешению воеводы Шаховского отреставрировал костел св. Яна и фактически открыл здесь резиденцию[1163]. (Царским воеводой в г. Вильно с 11 сентября 1655 г. по май 1659 г. являлся князь Шаховской Михайло Семенович[1164]. Во время российско-польской войны были взяты в плен и некоторые другие члены Ордена иезуитов, но данных на них, к сожалению, также нет). В 1675 г. в Москву в составе посольства Священной Римской империи германской нации приезжал иезуит **Франциск Шлегель**. За значительно меньший период времени, за 16 лет, с 1684 по 1700 гг., в Москву и Российское государство приезжало 20 иезуитов. Всего приездов было 25, для сравнения: в 1580–1600 гг. — 6, в 1601–1612 гг. — 6. Продолжительность пребывания составляла от нескольких дней до нескольких лет. Некоторые приезжали по 2–3 раза. Есть сведения, что в этот же период в Москву в составе дипломатических миссий приезжали и другие иезуиты, но, к сожалению, их фамилии неизвестны. (Мы не включили в список тех иезуитов и братьев (светских коадьюторов), которые посещали территорию Российского государства в составе польских войск, откры-

[1163] Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. III. Część I. Lwów, 1902. C. 32.

[1164] *Барсуков А.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 44.

то, не таясь, являясь членами походных миссий Ордена иезуитов при короле Сигизмунде III (1609–1611), при гетмане Яне Ходкевиче (1611–1612, 1617–1618), при королевиче Владиславе (1617), при короле Владиславе IV (1633–1634), в войске полковника Буттлера (1613–1617, 1634). Они известны, их фамилии приводит историк Станислав Залеский во втором томе своего уже не раз цитировавшегося труда на с. 545–546. Всего таких членов миссий было 18 иезуитов и 3 брата. Не исключено, что их было больше).

В тот период, когда деятельность миссии Ордена иезуитов в Москве была запрещена, то есть с 5 октября 1689 года до 19 апреля 1698 г., часть функций миссионеров, прежде всего по оказанию духовных услуг иностранцам католического вероисповедания, исполняли представители других католических орденов. Такое положение было разрешено царским указом от 4 декабря 1690 г.: «Великие Государи на конференции пятой с присланным от Цесаря Иоганом Курцом указали, для братския дружбы с Его Цесарским Величеством, быть на Москве при одном Ксендзе и другому, только б те Ксендзы живучи на Москве ни в какия ненадлежащия и не в свои дела не вступались и вере Грекороссийской никакой противности не чинили и Русских людей не отвращали, и в домы к Русским людям не ходили, а службу отправляли в домех Римской веры у начальных людей, также бы и чрез почты как вестовых, так и затейных никаких писем в иныя государства отнюдь не писали, и не посылали, и под именем тех Ксендзов в их Ксендзовском платье не жили б на Москве Езуиты...»[1165]. Далее говорилось о мерах наказания тех иностранцев, которые нарушат указ.

После его подписания духовные услуги иностранцам католического вероисповедания в Москве оказывали следующие лица:

Людовик Коблиц, член Ордена доминиканцев, находился в Москве с 13 апреля 1691 г. до 23 декабря 1692 г.

Франциск Ксаверий Лефлер, член Ордена францисканцев, прибыл в Москву 18 ноября 1692 г., выехал из Москвы 7 октября 1698 г.

Павел Иосиф Ярош, член Ордена францисканцев, прибыл в Москву вместе с Ф.К. Лефлером. 18 ноября 1692 г., выехал из Москвы 7 октября 1698 г.

В отношении двух последних миссионеров, Ф.К. Лефлера и П.И. Яроша, приходилось встречаться с мнением, что они оба являлись членами Ордена иезуитов. Историк Д.В. Цветаев со ссылкой на М.Ф. Поссельта опроверг это мнение: «В документе, находящемся в Венском дворцовом и государственном архиве, значится: «Die am 5 August 1692 auf Allerhöchsten Befehl nach Moskau abgeschickten zwei Missionarien waren Franciscaner: Xaveri Löffler, Dechant und Pfarrer zu Künstatt, und Paul Joseph Jaross, Pfarrer zu Brunno»[1166]. В переводе на русский язык это означает, что «5 августа 1692 г. по Высочайшему Указу были отправлены в Москву два миссионера францисканца: Ксаверий Лефлер, декан и священник из Кюнштадта, и Пауль Иозеф Ярош, священник из Брунна».

В последние годы XVII в. вместе с иезуитами-миссионерами в Москве также работали:

[1165] Законоположения и правительственныя распоряжения до римско-католической церкви в России относящияся со времени царствования царей Петра и Иоанна Алексеевичей с 1689 по 1867 год включительно. Вильно, 1868. С. 3.

[1166] *Цветаев Д.В.* История сооружения первого костела в Москве // Русский Вестник, Т. 180. С. 908.

Иоанн Казагранде, католический миссионер, прибыл в Москву 19 апреля 1698 г., умер в Воронеже, куда выезжал для оказания духовных услуг специалистам кораблестроителям и офицерам католического вероисповедания, похоронен в Москве 5 мая 1699 г.

Геральд, католический миссионер, прибыл в Москву 19 апреля 1698 г., находился в Москве до конца XVII в. и далее.

Говоря об основных итогах деятельности миссии в 1684–1700 гг., нужно отметить следующие результаты. Во-первых, миссия приобрела опыт адаптации к сложным и незнакомым для европейцев условиям жизни в Москве и Российском государстве. Этот опыт не возник сам по себе. В его основе — тщательное изучение иезуитами политической обстановки (впервые на постоянной и непрерывной основе), действовавших административных (и в том числе оперативных) режимов, распространение воздействия на влиятельные придворные круги и чиновничество. Полученный опыт взаимодействия с правительственными учреждениями, решения правовых, хозяйственных и финансовых вопросов имел для миссии весьма важное значение.

Во-вторых, миссия сделала решительный шаг вперед к созданию резерва замещения командных государственных должностей за счет выходцев из влиятельных боярских и княжеских родов, детей крупных правительственных чиновников, получивших воспитание и обучение в иезуитской школе в Москве. Обратим внимание, что этот результат также достигнут впервые в истории отношений Рима с Москвой. Ниже мы назовем некоторые фамилии. Что докладывали миссионеры о своей деятельности в этом направлении?

Миссионер Геральд писал 23 сентября 1698 г. иезуиту Франциску Дубскому: «...Между тем мы теперь хлопочем, как бы обучить музыке некоторых детей из числа тех, которых мы воспитываем на свой счет, чтобы когда господин посол уедет и когда посторонние музыканты не станут являться, разве в более торжественные случаи, у нас была для славы св. церкви в обыкновенныя воскресныя и другие меньшие праздники хоть какая-нибудь музыка...»[1167]. (Посол — Игнатий Христофор де Гвариент, прибыл в Москву 19 апреля 1698 г., выбыл — 12 июля 1699 г.). В этом же донесении Геральд писал о ценном подарке, сделанном миссии генералом Патриком Гордоном: «...в наш дом привезли библиотеку, подаренную нам господином генералом Гордоном и оцененную в 600 ваших флоринов. Она состоит из самых избранных сочинений для наших потребностей...»[1168]. Он же писал о требованиях к преподавателю школы: «...Кроме того необходимо, чтобы это был человек превосходной и выдающейся добродетели, в особенности он должен обладать смирением, терпением и чистотою нравов, потому что он будет подвергаться тысяче опасностей... Учитель должен знать музыку, по крайней мере, уметь играть правильно на органе и быть искусным в пении, потому что без этих знаний он не принесет никакой пользы. Кроме того, он должен хорошо знать, если не оба языка (русский и немецкий), то, по крайней мере, немецкий, и притом среди этого изменчиваго народа он должен быть готов на всякую случайность, — на смерть, на бедствия...»[1169].

[1167] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 9–10.

[1168] Там же. С. 14.

[1169] Там же. С. 22.

Из донесения Франциска Иоанна Эмилиани от 23 июня 1699 г.: «...Отец Иоанн взял на себя труд обучать латинскому языку и уже несколько русских детей с хорошими способностями собрано для этого. Мы нисколько не мешаем им держаться их религии, — в определенные дни посылаем в их церкви, в положенное время даем им постную пищу и проч. Видя это, и другие, весьма многие обещали присылать своих детей, потому что сначала попы были против этого и говорили, что дети непременно будут нами совращены; но для нас пока достаточно и того, что дети учатся и становятся способными читать наших авторов, чего больше всего и домогался некогда наш Поссевин. Я надеюсь, что с течением времени некоторые извлекут из этого обильную пользу... Кроме сына господина генерала Гордона я имею много и других русских учеников... О, если бы Бог дал, чтобы здесь когда-нибудь появились училища; потому-то в Киеве и в окружающей его местности весьма много униатов, что там процветают даже высшия училища, и просвещенному уму легко находить истину...»[1170]. Отец Иоанн — это иезуит, супериор миссии в Москве Иоанн Берула.

Из донесения супериора Иоанна Берулы провинциалу в Праге Фердинанду Вальтгаузеру от 15 ноября 1701 г.: «...Недавно он произвел сильное нападение на мою школу и советовал светлейшему царю закрыть ее и перевести всех русских учеников в городскую гимназию... Киевлян сильно огорчает, когда они видят, что весьма многие княжеские и боярские сыновья посещают мою школу, которых они старались и теперь стараются различными способами перетянуть к себе... Касательно средств на проезд сюда и на содержание вышеназванных отцев благоволите, ваше преподобие, посоветоваться с его преосвященством кардиналом Коллоничем, которому мы тоже посылаем сведения об этом деле и предоставляем на его распоряжение...»[1171]. Он — это Стефан Яворский (1658–1722), выходец из Малороссии, выпускник Киево-Могилянской Академии, после смерти патриарха Московского и всея Руси Адриана местоблюститель патриаршего престола. Леопольд Карл фон Коллонич (1631–1707), один из организаторов обороны Вены от турецких войск в 1683 г., кардинал с 2 сентября 1686 г., способствовал деятельности миссии Ордена иезуитов в Москве. Говоря о «вышеназванных отцах», И. Берула имел в виду приезд в Москву дополнительного числа иезуитов для усиления миссии, в том числе и для расширения преподавательского состава в школе.

10 марта 1702 г. Франциск Иоанн Эмилиани докладывал: «...Мы сделали много расходов на постройку нескольких более обширных спален для помещения князей и дворян, учащихся у нас. В числе этих юношей есть и близкие друзья светлейшаго царя, как Нарышкины и Апраксины. Им нельзя было отказать, а нужно было устроить все, что было возможно, чтобы они могли жить у нас. Мы должны устроить еще одну комнату для имеющих прибыть к нам князей Головкиных, отец которых есть, так сказать, зрачок в глазу светлейшаго царя... да еще мы тратим на содержание пяти юношей, детей наших католиков, которых необходимо держать для услужения в церкви, для выходов, а также и для того, чтобы они помогали настав-

---

[1170] Там же. С. 32–33.

[1171] Там же. С. 75–76.

нику в музыке...»[1172]. Петр I принадлежал по матери к роду Нарышкиных, и его представители занимали высокое положение при дворе, а дядя царя — Лев Кириллович Нарышкин в 1698–1702 годах возглавлял Посольский приказ. Федор Матвеевич Апраксин — ближайший сподвижник Петра I, руководил строительством российского военно-морского флота. Его брат — Петр Матвеевич Апраксин, ближайший сподвижник Петра I. Гавриил Иванович Головкин — будущий российский государственный канцлер, президент Коллегии иностранных дел. Заполучив представителей этих влиятельнейших родов в ряды учащихся своей школы, иезуиты могли расценивать это как несомненный успех.

В 1709 г. Франциск Иоанн Эмилиани подготовил (видимо, для провинциала) «Краткое донесение о миссии в Москве. 1698–1709 гг.». В этом обобщенном документе Ф.И. Эмилиани в разделе за 1699 г. отметил: «...Многие русские вельможи просили обучать их сыновей латинскому языку. Этим положено начало училищу и с каждым днем более и более возрастает число учеников. На постройку деревянной школы дал средства господин императорский посол...»[1173]. Посол — это известный уже нам Игнатий Христофор де Гвариент. В разделе за 1700 г. появились хвалебные интонации: «...В этом году училище очень увеличилось, так что дети почти всего высшаго дворянства были в нашем училище. Каждую неделю говорилось для них небольшое поучение о доброй жизни христианина. Представлены были небольшия драмы при большом стечении народа...»[1174]. Из раздела за 1701 г.: «...В этом году продолжалось учение в училище и еще больше поступило в него учеников из знати. Выстроено несколько деревянных комнат для интернов, дано несколько более торжественных представлений при необычайно большом стечении русских...»[1175]. В разделах за последующие несколько лет о функционировании школы говорилось примерно одно и то же. Но в разделе за 1705 г. было сказано, что занятия в школе прекращены в связи с направлением части учащихся дворян в действующую армию, а другой части «в иноземные страны».

К чему привели усилия миссии Ордена иезуитов в Москве? Историк М. Мороshкин писал в XIX в.: «...иезуитская пропаганда в России, начавшаяся со времен Императора Петра I-го, производит и до настоящаго времени свои опустошительныя действия среди известной части русскаго общества; цифра совращенных иезуитами в латинство из благородных русских фамилий, начиная с русскаго дворянина петровских времен, Ладыженскаго, идет crescendo в последующия царствования, особенно с эпохи царствования Императора Павла I-го; лучшия русския фамилии переходят в латинство, уловленныя в сети иезуитов; тут встречаются имена Бутурлиных, Голицыных, Волконских, Гагариных, Шуваловых, Балабиных, Растопчиных, Толстых, Кологривовых и других. Проказа совращения, коснувшись одного члена семейства, иногда заражает целое семейство, даже родственников этого семейства... Петербург, Москва, Вена, Рим, Париж и Флоренция делаются главными мастерскими, где перерабатывались мастерами-иезуитами православные люди из

[1172] Там же. С. 99–100.

[1173] Там же. С. 181.

[1174] Там же. С. 182.

[1175] Там же. С. 183.

лучших русских фамилий в самых злых врагов русской церкви и русской народности… Иезуитские заведения в Риме, Вене, а особенно в Париже наполняются русскими ренегатами православия. Наконец, бывшие русские православные, но перешедшие в латинство, не только делаются членами общества Лойолы, но и основывают в Париже Кирилло-Мефодиевское общество, состоящее преимущественно из иезуитов, русских по происхождению, и с единственною целию уловлять в сети латинства русских…»[1176]. (Дворянин Алексей Юрьевич Ладыженский прошел обучение и воспитание в иезуитской школе в Москве, в 1710 г. выехал в «европейския христианския государства для обучения всяких наук» (проезжая грамота была ему выдана 27 июня 1710 г.)[1177]; прибыв в Рим, он вступил там в Орден иезуитов, после чего до 1736 г. проживал в Польше).

В-третьих, миссия была весьма заинтересована в распространении своего воздействия на высшие властные круги Российского государства. Эту задачу можно было решить путем приобщения к обучению и родителей учащихся детей, то есть самих влиятельных вельмож из царского окружения и правительственных чиновников. Это еще больше приближало миссию к власти, расширяло возможности, в том числе для покровительства и защиты. При этом речь шла не только об обучении вельмож всяческим наукам, но и иностранным языкам. Как писал в донесении Франциск Иоанн Эмилиани 23 июня 1699 г., «…В настоящее время пробивается уже некоторая надежда. Из бояр по латыне уже говорит вышеупомянутый Борис Голицын. Его обучил этому некий наш отец, родом поляк, котораго Московитяне привели сюда пленником из Литвы около 1649 года и котораго этот самый князь удивительно как хвалит за добродетель. Кроме этого князя говорят по латыне двое других бояр, именно: боярин Артамонович, и боярин Глебов. По-итальянски говорят оба другие Голицыны Дмитрий и Федор, а также боярин Лопухин, брат царицы. Хотя последний из них сильно добивается иметь с нами сношения, но мы нашли нужным деликатно отклониться от этого. Так как царица заключена в монастырь и отвергнута, то мы не знаем, какое положение он после того будет занимать у царя, и как бы не возникло у царя какое-либо подозрение. По-итальянски говорят и многие другие, и по приказанию царя итальянскому языку публично обучают здесь два монаха…»[1178]. В приведенной выдержке из донесения упомянуты боярин Василий Михайлович Глебов; боярин и князь Борис Алексеевич Голицын; князья Дмитрий Михайлович и Федор Алексеевич Голицыны; бояре Абрам Федорович Лопухин и Андрей Артамонович Матвеев. И такой не очень ощутимый результат имел для миссии (и Ватикана) определенное значение. Относительно регулярное общение даже с ограниченным числом царских сановников и чиновников давало членам миссии возможность предметно изучать на нескольких моделях практически все сановничество и чиновничество, его жизненные установки и взгляды, отношение к царской власти, Русской православной церкви и православию, к Западу и католичеству. В определенных условиях эти люди могли оказаться весьма полезными для

[1176] *Морошкин М.* Иезуиты в России, с царствования Екатерины II-й и до нашего времени. Часть первая, обнимающая историю иезуитов в царствование Екатерины Великой и Павла I-го. СПб., 1867. С. 7–9.

[1177] Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. Донского монастыря. Т. 1. (1542–1721). СПб., 1868. С. 8.

[1178] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 32.

миссии; такие люди были нужны, их необходимо было исподволь готовить для использования в будущем.

В-четвертых, миссия, а в ее лице Ватикан, получили опыт постоянного и непрерывного пребывания и деятельности непосредственно на канонической территории Русской православной церкви в самодержавном православном государстве. Когда светская царская власть действовала заодно с духовной властью патриархов Московских и всея Руси. Такого опыта католическое духовенство ранее не имело (опыт Западной и Южной Руси на территории Речи Посполитой был иным). Чего только стоил опыт запрещения миссии и выдворения иезуитов Иржи Давида и Тобиаша Тихавского из Москвы 5 октября 1689 г. Цари Иван и Петр Алексеевичи не хотели по такому поводу ссориться со Священной Римской империей германской нации, и поэтому 30 сентября 1689 г. указали: «...езувитов ныне отпустить к Цес. Вел-ву во всякой своей государской милости, и велели им дать своего В. Г-рей жалованья на отпуске собольми по сту рублев человеку, и подводы и пристава и провожатых до Литовского рубежа, и допровадить их до рубежа с честью и с бережением...»[1179]. И их отпустили милостиво, дали жалованье по сто рублей соболями каждому и подводы, а 11 декабря 1689 г. цари направили об этом соответствующую грамоту императору Леопольду I.

В-пятых, приобретенный опыт позволил в какой-то степени определиться с целесообразными формами и методами подрывной деятельности на этом этапе. Франциск Иоанн Эмилиани давал по этому вопросу следующие рекомендации провинциалу в своем донесении от 23 июня 1699 г.: «По крайней мере, здесь можно безопасно собирать плоды, если мы будем внушать простым людям только то, что крайне нужно этой среде и что приготовляло бы душу к полному повиновению истинной церкви. Больше ни о чем нельзя разсуждать с такими людьми, потому что они собственно скоты, совершенно такие же, как любой из диких американских народов; общия же разсуждения не идут в разрез с их религией и они весьма охотно слушают их. Конечно, достойно слез, что этот народ должен погибнуть от духовнаго голода»[1180]. Очень важная рекомендация, устанавливающая информационные границы и тактику действий в общении с простыми православными русскими. За этой рекомендацией стоял многолетний опыт работы миссии.

А вот как ощутили проводившуюся против них иезуитами деятельность проживавшие в Москве протестанты. Она была настолько активной, что даже рассудительный голландский резидент Иоанн Виллем фан Келлер доложил об этом своему правительству 5 февраля 1686 г.: «...Много шуму наделали здесь опасныя и широкия интриги, которыя повсюду направляют католики против протестантов. За несколько дней начали они распространять при Дворе свое худое мнение о протестантах и ложно обвинять как лютеран, так и реформатов в том, что в обоих вероисповеданиях Дева Мария оскорбляется и поносится. Рассказывают, будто эти обвинения, написанныя на славянском языке, были принесены во Двор и там были читаны»[1181].

[1179] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. VII. Стб. 572.

[1180] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 29.

[1181] Цит. по: *Цветаев Д.В.* История сооружения первого костела в Москве // Русский Вестник, 1885, Октябрь, Т. 179. С. 793.

Такую активность в январе — феврале 1686 г. проявляли члены миссии Иоганн Шмидт и Альберт де Бойе, именно они в это время проживали в Москве. В борьбе против протестантов иезуиты не ограничивались устными и письменными выступлениями. В одной из предыдущих глав мы рассказали, что в 1689 г. члены миссии Иржи Давид и Тобиаш Тихавский были привлечены государственной комиссией к следствию по делу о еретической деятельности Квирина Кульмана и Конрада Нордермана в качестве экспертов. По итогам работы комиссии оба иностранца были казнены, и экспертные заключения иезуитов определенную роль в этом сыграли.

Через три года, в 1689 г., патриарх Иоаким (1620–1690) так писал в своей челобитной царям Ивану и Петру Алексеевичам о подрывной деятельности иезуитских миссионеров: «...езувиты живут на Москве многое время без дела; а прежде де сего изстари, при предках их государских, римские езувиты в Московском государстве никогда не бывали и не живали, хотя о том и многожды Папы Римские и Цесари домогались; и живучи они езувиты ныне на Москве чинят многую святой, соборной Апостольской церкви и догматом ея противность печатными писмами, и образами на полотнах и на роговой кости, так же и иными прелестьми... и чтоб они В. Г-ри болши сего им езувитом, за такими вышепомянутыми препятствиями, в Московском государстве жить не поволили...»[1182]. Обратим внимание на авторитетное и заинтересованное мнение патриарха Иоакима — иезуиты чинят Русской православной церкви и ее догматам противность и печатными письмами, и образами, и иными прелестями. Речь идет о том периоде, когда правительницей государства была царевна Софья, главой правительства боярин В.В. Голицын, и тогда миссионеры могли чувствовать себя более или менее уверенно.

Иржи Давид отметил в отчете, что 12 октября 1689 г. (по старому стилю 2 октября) чиновник Посольского приказа объявил им: «Теперь же их царскому величеству угодно снова вас отослать к вашему августейшему цесарю... Единственная причина — наш благочестивый патриарх, который вместе со всем своим духовенством просил их царское величество, и они постановили на своем церковном соборе, что вас нельзя здесь терпеть, так как ваша вера нашей православной церкви не подходит и даже противна и враждебна...»[1183]. Получив такое неприятное известие, иезуиты сразу же стали предпринимать меры по отмене этого решения или же его отсрочке. По словам Иржи Давида, они из Посольского приказа пошли к польскому резиденту в Москве с просьбой, чтобы он «хотя бы одного из нас оставил у себя»[1184]. После этого, «в тот же день мы отправили двух гонцов в Троицу, одного к господину генералу Гордону, чтобы он за нас вступился, другого уже ночью к светлейшему царю с прошением, в котором содержались уже указанные прежде просьбы»[1185]. Иезуиты провели выяснение обстоятельств принятия такого решения, что дало повод Иржи Давиду обвинить в этом проживавших в Москве лютеран и кальвинистов. По его словам, «Хотя мы не причиняли им никакого вреда, они

[1182] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. VII. Стб. 571-572.

[1183] Иржи Давид. Современное состояние великой России или Московии. С. 128–129.

[1184] Там же. С. 129.

[1185] Там же. С. 129.

воспользовались удобным случаем действовать у разъяренного патриарха, у разозленного духовенства, когда никто нас не опекает и не защищает, когда Голицын в изгнании и вынужден молчать, когда отстранена от власти царевна, единственная наша защита. Все затевалось постоянно в Троице, тайно, без ведома даже живущих там нескольких католиков, в том числе и генерала Гордона»[1186].

Чем же закончилось ходатайство Патрика Гордона? Обратимся вновь к отчету Иржи Давида. Он писал: «К вечеру мы получили письмо от генерала Гордона, который сообщил, что он хлопотал перед всеми боярами и даже перед его светлостью, чтобы удовлетворили нашу просьбу, но ничего не мог добиться, так как патриарх и духовенство сильно настаивали на своем, и поэтому решили нас отправить, но с почетом, снабдив всем необходимым на дорогу. Он писал также, что получил отсрочку на несколько дней...»[1187].

Свою работу в Москве миссия Ордена иезуитов возобновила только 19 апреля 1698 г., когда с посольством Священной Римской империи германской нации во главе с Игнатием Христофором Гвариентом прибыли иезуиты Иоанн Берула и Иоанн Франциск Эмилиани. Но действовала миссия недолго, 18 апреля 1719 года Петр I своим указом запретил ее деятельность и иезуиты были вновь выдворены из Российского государства.

Малороссийское духовенство и его представители в Москве. Их роль в ослаблении Русской православной церкви в XVII столетии. Почему этот раздел написан и включен в книгу? Разве представители малороссийского духовенства приезжали в Москву и действовали в Москве по заданию Ватикана? Прежде чем отвечать на эти вопросы и говорить о малороссийском духовенстве, нужно сказать несколько слов о митрополитах Киевских, которые возглавляли духовенство, в значительной степени определяли (и формировали) позицию духовенства и мирян по отношению к Российскому государству и Русской православной церкви.

Киевские православные митрополиты и их отношение к Москве и РПЦ. Рассматривая отношение митрополитов Киевских к Российскому государству и Русской православной церкви, необходимо в обязательном порядке учитывать следующее:

Во-первых, нельзя ставить знак равенства между православным вероисповеданием митрополитов и их отношением к Москве. В период с 1633 по 1685 г. все митрополиты Киевские не желали быть подданными русского царя и подчиняться патриарху Московскому и всея Руси, однако все они при этом оставались ревнителями православия.

Во-вторых, состояние российско-польских отношений, победы русского оружия, особенно во второй половине XVII столетия, являлись хорошим стимулятором улучшения отношений митрополитов к Москве; поражения же русского оружия, наоборот, стимулировали ухудшение этих отношений.

1186 Там же. С. 129.

1187 Там же. С. 130.

В-третьих, позиция митрополитов Киевских по отношению к Российскому государству и Русской православной церкви во многом влияла и даже формировала подобное отношение со стороны малороссийского духовенства, генеральной и войсковой старшины, казачества и посполитых. Поэтому она была весьма важна, причем не только для православных, но и для католиков, и для униатов, и для правительства Польши.

Митрополитам приходилось управлять Киевской митрополией в принципиально отличающейся политической обстановке, в принципиально разных условиях и под воздействием самых разных факторов.

Напомним, что после запрещения Православной церкви в 1596 г. Киевская митрополия была восстановлена только 15 августа 1620 г., когда королевский запрет был тайно нарушен и православная иерархия восстановлена патриархом Иерусалимским Феофаном, проезжавшим из Москвы через Киев в свою епархию. До 1633 г. она действовала нелегально. В 1633 г. королевским декретом Православная церковь была разрешена.

До 1654 г. все православные митрополиты, священно- и церковнослужители проживали на территории Польского государства и являлись подданными короля Польши.

В 1654 г. Переяславская Рада и российско-польская война разделили Украину и Киевскую митрополию на две части — на Малороссию, вошедшую в состав Российского государства, и правобережную Украину, оставшуюся в составе Польши. Управлять из Киева епархиями, монастырями, собственностью, расположенными на территории двух государств стало крайне тяжело, а в условиях военного времени и невозможно, примером чему является период с 1657 по 1685 г., когда Москва категорически не признавала митрополитов Д. Балабана и И. Нелюбовича-Тукальского и пыталась управлять митрополией через блюстителей Л. Барановича и М. Филимоновича. Одна часть митрополии находилась в подданстве русского царя, другая — короля Польши.

С 1620 по 1685 г. Киевская митрополия находилась в каноническом подчинении у патриарха Константинопольского, и только в 1686 г. была передана в каноническое подчинение патриарху Московскому и всея Руси. При этом митрополиты Киевские посвящались в сан в Москве и подчинялись патриарху Московскому и всея Руси уже с 1685 г.

Мы кратко вспомним о тех митрополитах Киевских, которые возглавляли митрополию в период с 1633 г., т.е. со времени отмены королем запрета на деятельность Православной церкви.

Петр Симеонович Могила (1597–31.12.1646), поставлен митрополитом 28 апреля 1633 г. Экзарх патриарха Константинопольского. Аристократ. Очень сложное время восстановления и укрепления православной иерархии переживала в эти годы Киевская митрополия. Да и всей Украине было тогда не легче. Поступающая в Рим информация об обстановке в Православной церкви стала обращать на себя внимание тем, что православный митрополит Киевский Петр Симеонович Могила в силу своей образованности (учился в Перудже, в университете, основанном в 1303 г. согласно папской булле) и добродетельности якобы склонен к унии и одновременно чуть ли не обдумывает вопрос, как стать самостоятельным патриар-

хом, независимым от Вселенских патриархов и патриарха Московского и всея Руси. Естественно, такая многообещающая информация была рассмотрена в конгрегации «Пропаганда Веры» и доложена папе Урбану VIII. В результате, 3 ноября 1643 г. Урбан VIII подписал письмо, адресованное митрополиту П.С. Могиле с прямым и откровенным предложением отступить от православия и заключить унию с Римской католической церковью. В письме говорилось: «...апостольская заботливость обращает к тебе взоры, желая привлечь тебя во святилище католической веры... Позаботься о собственном спасении и о спасении других, которые шествуют по твоим стопам и легко воспоследуют по дороге, которую ты указал бы им своим примером. О сем первостепенной важности деле тебе пришлет подробное письмо священная конгрегация кардиналов, которая содействует распространению католической веры; если же что потребует более определеннаго разъяснения и обширнейшаго разсмотрения, ты можешь прислать к нам двух искуснейших монахов, которых мы примем дружественно и благосклонно. Они, без сомнения, распознают, сколь чисто, верно себе и богато всевозможными добродетелями учение, которое исповедует достопочтенная кафедра св. Петра. Тогда, мы надеемся, они, просвещенные спасительными познаниями, возвратятся к вам, проповедуя свидетельства Господни, при помощи которых души твоих людей, будучи исхищены из пастей адских волков, приведутся в правдивую овчарню Христову...»[1188]. Митрополит П. Могила не стал отвечать на эти письма. Конечно, подобные слухи доходили и до Москвы, формируя неблагоприятное мнение о П. Могиле у царя и патриарха Московского и всея Руси. И хотя впоследствии слухи опровергались, неприятный осадок оставался. Каких-либо отношений с патриархами Московскими и всея Руси П. Могила практически не имел, да и отношения с царями носили, в основном, эпизодический характер.

П. Могила являлся автором ряда сочинений, некоторые из которых — «Лифос» (1644), «Большой Требник» (1646) и «Служебник» (1629, 1639) — были запрещены на Московском Соборе в 1690 г. как неправославные. Например, о «Большом Требнике» было сказано, что «...эта книга преисполнена латинского зломудренного учения...»[1189]. Как выразился историк А. Прозоровский, в этой книге «латинское учение о времени пресуществления св. даров развито с особенной полнотой и обстоятельностью»[1190]. Такую же оценку А. Прозоровский дал и «Лифосу», и еще одной книге П. Могилы «Собрание короткой науки о артикулах веры православной, кафолической, христианской» (1645).

Сильвестр Коссов, избран митрополитом 25 февраля 1647 г., умер 13 апреля 1657 г. Воспитанник Петра Симеоновича Могилы, аристократ. Прошел обучение в католической академии, куда был направлен в 1628 г. еще П.С. Могилою. Период его святительства выпал на бунты, восстания и гражданскую войну на территории Украины, Переяславскую Раду, вхождение Малороссии в состав Российского государства, территориальное разделение митрополии на две части, левобережную

[1188] Цит. по: *Голубев С.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. С. 204–205.

[1189] *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1995. С. 496.

[1190] *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев. (Его жизнь и деятельность). Опыт церковно-историческаго изследования // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел IV. С. 225.

и правобережную. Возникла необходимость митрополиту ехать в Москву к царю и патриарху. Однако вместо митрополита 26 июля 1654 г. в ставку царя Алексея Михайловича под Смоленском прибыло посольство, направленное С. Коссовым, в главе которого был поставлен Иннокентий Гизель, в то время игумен Киевског Братского монастыря и ректор школы. На аудиенции 28 июля того же года И. Гизель подал царю грамоту митрополита С. Коссова с требованиями, только исполнение которых могло как-то примирить высшее малороссийское духовенство с выходом Малороссии из Польши и вхождением ее в состав Российского государства (Нужно отметить, что С. Коссов не прислал с И. Гизелем никаких даров царю, что для того времени являлось грубейшим протокольным нарушением).

Грамота содержала следующие требования: «1) о ненарушении волностей и привилеев, данных великими князьями русскими и потом королями польскими; 2) о дозволении оставаться "под послушенством" константинопольскаго патриарха; 3) о том, чтобы нынешний митрополит, подчиненные ему епископы, архимандриты и игумены оставались до смерти в своих должностях, а по смерти их чтобы вакансии замещались "через волное обирание"; а московских духовных на разсмотрение и на всякия начальства, чтоб его царское величество не присылал; 4) о том, чтобы суд митрополита киевскаго был высшей инстанцией для малороссийских церковных судов, и чтобы не было апелляции в Москву; 5) о том, чтобы православное духовенство Литвы и Волыни было подчинено, как и до сих пор это было, киевскому митрополиту; 6) о вознаграждении монастырей за потери по случаю подчинения Малороссии царю; 7) о том, чтобы никого из малороссийскаго духовенства "до Великия России насилием не затегали"»[1191]. В дополнение к грамоте И. Гизель подал от себя «именем преосвященнаго митрополита» еще и челобитную, чтобы малороссийское духовенство и впредь оставалось в каноническом подчинении у Константинопольского патриарха. Настойчивость митрополита в этом вопросе И. Гизель сначала объяснил боязнью преступить канонические правила, но затем назвал и истинную причину: «...подчинение константинопольскому патриарху для них номинальное, оно их «волность», которая составляет «всем волностям корень и правам». Это последнее выражение дважды повторено в челобитной и ясно показывает, почему митрополит так боялся выйти из подчинения константинопольскому патриарху: тогда пришлось бы испытать над собой не номинальное, а настоящее подчинение московскому патриарху... это подчинение было весьма нежелательно для митрополита не потому только, что лишало бы его полной свободы и независимости, но потому еще, что получивший образование в Польше Сильвестр считал себя гораздо выше, образованнее московскаго патриарха, «гнушался» им, как это можно заключить из слов Гизеля, который спешит уверить московское правительство, что митрополит киевский отнюдь «не гнушается послушание творити патриарху московскому и всея России»[1192]. И. Гизель этим не ограничился. Он прямо и откровенно пригрозил Москве, что если она не выполнит требования и патриарх подчинит Киевскую митрополию себе, то митрополит Киевский и малороссийское духовенство могут изменить Российскому государству, или пророчил «малодуше

[1191] *Эйнгорн В.О.* О сношениях малороссийскаго духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел IV. М., 1893. С. 78.

[1192] Там же. С. 79.

ство» тех духовных лиц, «иже под крепкою рукою вашего царскаго величества не суть, но быти усердно желают»[1193].

Угрозы делегации малороссийского духовенства не произвели на царя Алексея Михайловича, бояр и думных дьяков никакого впечатления. В.О. Эйнгорн справедливо отметил, что в тех условиях они могли показаться только смешными. Требования митрополита С. Коссова практически выполнены не были. При этом заметим, что Москва не стремилась прямо вот так, сходу, забрать Киевскую митрополию из канонического подчинения Константинопольскому патриарху и передать в каноническое подчинение патриарху Московскому и всея Руси. Москва понимала, что нужны переговоры и согласие всех заинтересованных сторон, поэтому во время встреч с делегацией И. Гизеля ограничилась выснением позиции митрополита и малороссийского духовенства по этому вопросу. 11 августа 1654 г. состоялась отпускная аудиенция, и затем делегация с полученными подарками двинулась в обратный путь.

Была еще одна причина, вызывавшая негативное отношение митрополита и высшего малороссийского духовенства к переходу в подданство русского царя и в каноническое подчинение патриарху Московскому и всея Руси. Этой причиной была угроза полностью или частично лишиться маетностей и всей другой собственности, оставшейся на территории Польши после перехода Малороссии в состав Российского государства. Да и на маетности в Малороссии нужно было еще брать у царя жалованные грамоты, а если не даст? Это была очень даже важная причина, ведь за ней находились личные интересы, личные богатства, терять которые никому не хотелось.

Характерными чертами, определявшими деятельность и сущность митрополита С. Коссова в последние 10 лет, являлись политическая близорукость, стремление к личной власти и неограниченной самостоятельности, чрезмерная забота о своем благополучии, о собственности и материальных выгодах. Они не только никак не способствовали его сближению с Российским государством и Московской патриархией, но и оказывали соответствующее воздействие на представителей малороссийского духовенства, являли некий пример для подражания. Показательно, что С. Коссов не обращался к царю Алексею Михайловичу с просьбой принять Малороссию под свою руку, отказался ехать к царю на поклон и не стал отправлять грамоту патриарху Никону. С. Коссов написал несколько сочинений, в их числе «Дидаскалия, альбо наука о седми сакраментах» (издана в 1637 и 1653), которая, по выражению А.В. Карташева, пропитана «латинским истолкованием таинств». Решением Московского Собора 1690 г. эта книга была запрещена для распространения в Москве и Российском государстве. Дополним, что «Латинское мнение по тому же самому вопросу о времени пресуществления св. даров находится в «Экзегезисе» С. Коссова (1635)»[1194].

После смерти Сильвестра Коссова наступил почти 30-летний период (до 1685 г.), когда митрополиты Киевские не признавались царским правительством и патриархами Московскими и всея Руси из-за их откровенной пропольской ори-

[1193] Там же. С. 79.

[1194] *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев. (Его жизнь и деятельность). Опыт церковно-историческаго изследования // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел IV. С. 225.

ентации и деятельности, направленной против Российского государства и Русской православной церкви. Они не только не признавались Москвой, но им был запрещен въезд в Киев и на территорию Малороссии. В этот период патриархи Московские и всея Руси назначали блюстителей Киевской митрополии: с апреля 1657 г. по январь 1658 г. им являлся епископ Черниговский Лазарь Баранович; с июля 1661 г. по июль 1670 г. — Мефодий Филимонович, епископ Мстиславский и Оршанский; 13 июля 1670 г. блюстителем Киевской митрополии был вновь назначен епископ Черниговский Лазарь Баранович, каковым он и являлся до избрания митрополита Киевского в 1685 г.

Кратко расскажем о двух митрополитах, действовавших на территории правобережной Украины одновременно с блюстителями Киевской митрополии.

Балабан Дионисий, избран митрополитом 6 декабря 1657 г., поставлен митрополитом 28 февраля 1658 г., умер 10 мая 1663 г. в Корсуне. Экзарх патриарха Константинопольского. В качестве митрополита Киевского царским правительством признан не был, проживал на территории Польши. Заслуживает внимания, что Дионисий Балабан настроен был пропольски. Польский дипломат Станислав Казимир Беневский докладывал королю Яну II Казимиру в феврале 1658 г.: «...от киевскаго митрополита, т.е. отца Балабана, который из Луцка поступил на киевскую митрополию, имею послание, полное надежды. Этот человек, поступив на митрополию, может принести величайшую пользу, и я надеюсь, что он будет полезен отечеству. Я убедил его занять это место, а без того он не хотел и отказывался. Я видел, что он, сделавшись митрополитом в Киеве, может содействовать нам свободнее. Вообще он обещает в письме своем самое скорое исполнение надежды на присоединение Малороссии к Польше...»[1195]. Сказано прямо и откровенно, сказано именно то, что так хотелось услышать польскому королю.

22 мая 1659 г. Дионисий Балабан приводил казацкую старшину гетмана Юрия Хмельницкого к присяге на верность королю Польши Яну II Казимиру. В Москве об этом узнали и сделали соответствующие выводы. Летом 1660 г. Юрий Хмельницкий в письме предложил Дионисию Балабану вернуться на митрополичью кафедру и довериться милости царя; о себе добавил, что твердо решил остаться верным царю. В ответ Дионисий Балабан развил бурную деятельность по склонению гетмана к измене царю и к союзу с Польшей. Он сам приезжал в место дислокации казачьего войска, чтобы «прельстить» казаков, присылал своего проповедника Тарасия Бузского («лютого кобеля и только под клобуком, а истинного езувита»), чтобы склонить гетмана к измене. Советы митрополита понравились гетману и казацкой старшине, «через несколько месяцев Юрий, действительно, изменил в октябре 1660 г. у Чуднова и сгубил царское войско»[1196]. В Риме так радовались этой победе, что папа Александр VII лично отслужил благодарственный молебен. Ясно, что ничего хорошего от Дионисия Балабана Российское государство и Русская православная церковь ожидать не могли.

Иосиф Нелюбович-Тукальский, поставлен митрополитом в 1663 г. Экзарх патриарха Константинопольского. 28 июня 1664 г. польским правительством за-

[1195] Цит. по: Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. XII. Патриаршество в России. Книга 3. СПб., 1883. С. 546.

[1196] *Эйнгорн В.О.* О сношениях малороссийскаго духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел IV. М., 1893. С. 154.

ключен в Мариенбургскую крепость, освобожден в феврале 1666 г. Царским правительством в качестве митрополита Киевского признан не был, ему был запрещен въезд в Киев и Малороссию. Он всю жизнь метался из стороны в сторону, то склонялся к Варшаве, то к Москве, но так и не понял, что нельзя сразу сидеть на двух стульях. Уже почти решив принять царское подданство, он испугался приближения царских войск к городу Каневу, в котором в то время находился, бежал в Чигирин, где вскоре ослеп и умер 26 июля 1675 г.

Гедеон Святополк-Четвертинский, князь, поставлен митрополитом 8 ноября 1685 г. в Успенском соборе Московского Кремля, умер 6 апреля 1690 г.

Варлаам Ясинский, поставлен митрополитом 28 сентября 1690 г. (избран 1 июня 1690 г.), экзарх патриарха Московского и всея Руси, умер 22 августа 1707 г.

Конечно, малороссийское духовенство, не только высшее и монашествующее, но и белое, сыграло огромную роль, отстояв совместно с православными мирянами православие и Православную церковь на территории Западной и Южной Руси. Но, как мы уже видели в предыдущих разделах, в составе духовенства были и отступники от православия, и прямые агенты Ватикана и Униатской церкви, которые всевозможными способами вели борьбу с православием или затрудняли деятельность Православной церкви.

В последующем рассказе мы будем говорить преимущественно о тех представителях малороссийского духовенства, которых в те далекие времена называли «латинствующими», и их умышленных и неумышленных действиях против православия и Русской православной церкви.

Представители малороссийского духовенства приезжали в Москву за «милостыней», т.е. с просьбами об оказании финансовой и материальной помощи в строительстве, ремонте, благоустройстве храмов и монастырей, приобретении священнических облачений и церковной утвари, в содержании священнослужителей; на «государево имя», т.е. для поступления на царскую службу или доклада о выполнении царских поручений; по приглашению царя; по приглашению патриарха Московского и всея Руси; с дипломатическими и служебными миссиями от Киевской митрополии или гетманов.

Число приездов в Москву представителей малороссийского духовенства резко увеличилось сразу после Переяславской Рады (8 января 1654 г.), когда левобережная Украина и Киев по решению Рады и с согласия царя Алексея Михайловича, патриарха Никона и Московской патриархии, Боярской Думы и царского правительства вошла в состав Российского государства. Они приезжали в Москву и раньше, но намного реже и меньше. Тогда им приходилось считаться с тем, что несколько десятилетий Православная церковь на территории Польши была запрещена (с 1596 до 1633 г.), а вдобавок межгосударственные российско-польские отношения были такими сложными, настолько пропахшими порохом, что поездки православных малороссийских священнослужителей были весьма затруднительными и опасными. Но в результате военно-политических событий второй половины XVII столетия ситуация изменилась в пользу расширения и закрепления отношений между Православной церковью (Киевской православной митрополией) и Русской православной церковью.

Представителей высшего малороссийского духовенства по отношению к Московскому государству историк В.О. Эйнгорн условно разделил на три группы. Он

писал: «Одни (например, Дионисий Балабан, Феодосий Василевич, Виктор Загоровский, Виктор Бублицевич) полагали, что Малороссия может процветать и под властью короля польскаго; притворяясь сначала верными подданными его царскаго величества, эти представители высшаго малороссийскаго духовенства при первом удобном случае изменили Москве, деятельно помогали польскому правительству в гетманство Выговскаго, а потом настраивали враждебно к московскому правительству Юрия Хмельницкаго... Представители другой партии высшаго духовенства во главе которой стоял Иннокентий Гизель с некоторыми из киевских игуменов, не относились так враждебно к Москве, были там почти на хорошем счету, считались верными, оказывали даже иногда услуги московскому правительству, но открыто противились тем мероприятиям, которые могли стеснить права и вольности духовенства... но так как киевские монастыри владели маетностями и за литовским рубежом, то игумены не прерывали сношений и с польским правительством, сообщали иногда в Польшу «вести» о положении дел в московском государстве, о передвижениях русских войск; некоторые из игуменов киевских переселялись даже на время в Польшу... К третьей партии следует отнести Лазаря Барановича и большинство игуменов его обширной епархии; хотя они далеко не были полонофобами, однако, в открытыя сношения с польским правительством не вступали; в сношениях с Москвой представители даже этой партии не выказывали желания содействовать московскому правительству в деле ограничения прав малороссийской церкви»[1197]. Все эти группы представителей малороссийского духовенства объединяло категорическое нежелание переходить из канонического подчинения Константинопольскому патриарху в каноническое подчинение патриарху Московскому и всея Руси, т.е. они не хотели потерять относительную самостоятельность и войти в состав Русской православной церкви. Константинополь, все-таки, очень далеко, и возможностей оказывать какое-либо предметное воздействие на малороссийское духовенство у Константинопольского патриарха архимало. А Москва совсем рядом, и возможностей у нее неизмеримо больше. Кроме того, все три группы не признавали Униатскую церковь и вели с ней борьбу.

Несколько слов о названных выше персонажах. Феодосий Василевич — игумен Киевского Выдубицкого Михайловского монастыря, затем архимандрит Слуцкий, с 1669 г. епископ Могилевский, Мстиславский и Оршанский, наместник митрополита И. Нелюбовича-Тукальского в великом княжестве Литовском. Виктор Загоровский — игумен Лубенского Мгарского монастыря. В 1663 г. он был арестован, доставлен в Москву, а оттуда сослан в Соловецкий монастырь. Освобожден в 1670 г., и Лазарь Баранович сразу же возвратил ему игуменство Мгарского монастыря. Виктор Бублицевич — игумен Макошинского монастыря. Иннокентий Гизель — архимандрит Киевского Печерского монастыря. Лазарь Баранович — епископ, а затем архиепископ Черниговский. С некоторыми из них мы еще встретимся.

Начиная с 1654 г. информация об обстановке среди малороссийского духовенства, в том числе о действиях конкретных лиц в пользу короля Польши и против подданства русскому царю, шла в Москву довольно густым потоком. Писали все: царские воеводы в Киеве и других малороссийских городах, гетманы и войсковая

[1197] *Эйнгорн В.О.* О сношениях малороссийскаго духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел IV. С. 229–230.

старшина с казацкими полковниками, митрополиты Киевские и блюстители Киевской митрополии, представители малороссийского духовенства и другие. Информации было много. Она включала в себя как достоверные и важные факты, так и факты непроверенные, иногда и не соответствовавшие действительности, иногда и умышленную клевету. Некоторая информация доходила до Москвы очень долго, с большим трудом. Разбираться в ней было не так просто. Из множества примеров кратко расскажем об одном.

Весной 1665 г. гетман Иван Мартынович Брюховецкий направил в Москву иеромонаха Киевского Межигорского монастыря Анатолия с компрометирующими материалами на блюстителя Киевской митрополии, епископа Мстиславского и Оршанского Мефодия Филимоновича и некоторых представителей малороссийского духовенства. Прибыв в Москву в июне 1665 г., иеромонах Анатолий застал там епископа Мефодия, который сразу понял причину и цель его приезда, и объяснил в Малороссийском приказе, что «...Анатолий приехал в Москву для лазучества; поэтому доносчик сослан был в Кириллов-Белозерский монастырь...»[1198]. Как мы видим, авторитет епископа перевесил, и иеромонаху Анатолию в Москве не поверили. Но он не сдался. Отбывая ссылку в указанном монастыре, он узнал, что некий такой же ссыльный иеродиакон Варфоломей ждет освобождения, и тогда он проинформировал его о тех сведениях, с которыми сам приехал в Москву, и упросил его зайти в Москве в приказ Тайных дел и эти сведения там передать, что Варфоломей и сделал 28 марта 1666 г.

В его извете (со слов Анатолия) говорилось: «...1) В 1663 г. король польский пришел с войском в Малороссию "по ссылке киевскаго духовенства", которое всегда желало и желает "за королем быть"; поэтому в Малороссии не будет спокойствия до тех пор, пока не будет обнаружена измена духовных, так как они побудили Выговскаго и Юрия Хмельницкаго подчиниться королю. В измене Выговскаго отчасти виновен и Мефодий, склонявший его к предосудительным поступкам. 2) Когда пришел в Малороссию король польский, то Иннокентий Гизель послал к нему дары на тридцати возах, а некоторые игумены выправляли себе у короля грамоты; наместник же братскаго монастыря (Варлаам Ясинский) и после ухода короля из Малороссии ездит беспрестанно в маетность братскаго монастыря, находящуюся за рубежом и бывает часто в Белой Церкви. 3) Феодосия Углицкаго, который пред королем говорил непристойныя речи про государя, Мефодий не только простил за взятку в 200 золотых, но даже назначил игуменом. 4) Игумен михайловский Сафонович содействовал бегству из Киева поляка Чаплинскаго...»[1199]. Сведения о Варламе Ясинском заинтересовали приказ Тайных дел, и от иеромонаха Анатолия потребовали дополнительных сведений, но время шло, а в Москву его не вызывали.

И в январе 1669 г. Анатолий направил царю Алексею Михайловичу довольно большую челобитную «на разных духовных лиц, изменивших государю». В челобитной называлось довольно много светских и духовных лиц, при этом далеко не все они обвинялись автором челобитной (со слов гетмана И.М. Брюховецкого) в измене царю. Чтобы иметь представление о содержании челобитной, скажем, что в

[1198] Там же. С. 345.

[1199] *Эйнгорн В.О.* О сношениях малороссийскаго духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел IV. С. 345–346.

ней звучали такие имена, как воевода Киевский, боярин и наместник Белозерский Василий Борисович Шереметев; воевода Киевский, думный дворянин и стольник Иван Иванович Чаадаев; командующий царскими войсками, воевода, князь и боярин, наместник Белгородский Григорий Григорьевич Ромодановский; гетманы Иван Евстафьевич (Остапович) Выговский, Юрий Богданович Хмельницкий, Иван Мартынович Брюховецкий, Тимофей Ермолаевич Цецюра, Павел Иванович Тетеря, Яким Семенович Самко, казачий полковник Киевский Василий Федорович Дворецкий. Из представителей малороссийского духовенства в челобитной говорилось о митрополитах Киевских Дионисии Балабане и Иосифе Нелюбовиче-Тукальском; блюстителе Киевской митрополии, епископе Мстиславском и Оршанском Мефодии Филимоновиче; об архимандрите Киевского Печерского монастыря Иннокентии Гизеле, игумене Киевского Кирилловского монастыря Мелетии Дзике, игумене Киевского Михайловского монастыря Феодосии Сафоновиче, игуменах Киевского Межигорского монастыря Варнаве Лебедевиче и Иове Станиславском (преемнике В. Лебедевича), игумене Киевского Никольского монастыря Алексее Туре, наместнике Киевского Братского монастыря Варлааме Ясинском, игумене Киевского Выдубицкого Михайловского монастыря Феодосии Углицком, и о других представителях монашествующего духовенства. Это были хорошо известные не только в Киеве и Малороссии, но и в Москве, и в Варшаве лица.

Иеродиакон Варфоломей в своем извете верно изложил существо той информации, с которой иеромонах Анатолий приехал в Москву для передачи царскому правительству. Поэтому мы приведем лишь небольшую выдержку из челобитной: «...Первый изменник игумен Михайловский Феодосий, другий игумен Кирилский Мелетий; сии два з митрополитом побравши казну вбежали до Выговского и там збунтовали народ простий. Третий игумен Феодосий Углицкий, который до короля послом ходил и до патриархи, и тот в Киеви. Четвертый, наместник митрополичий Софийский; пятый конов Пахнотий митрополичий: сии два и митрополита с казною выпровадили з города, и животин изо всех отчин монастырских повганяли в Литву, и сами вбежали в Литву и так все годы попечение имели на королевскую руку, и тыи в Киеви живут... А которыи в Киеви живучи, архимандрит Печерский и з соборними, игумен Николский Алексей, игумен Межигорский Сергий, наместник Брацкий и прочии советники их, которых посилали в Литву до короля и до гетманов з грамотами, с казною, з дарами, сии в Киеви живучи о всем извещали в Литву через грамоты; тут на Москву прииздят по милостину, и проведуют, и разсмотревают, и о том пишут в Литву и до Черкасов, чтобы не сдавалися тобе великому государю и чтобы крепко стояли при королю; и на том все годы стояли и крепилися, чтобы при королю жити; от них вся измена была; они всех гетманов позводили, котории изменили. И тех зменников бунтовщиков заводчиков епископ Мефодий покрывает, заступает, жалованье им выправует в тебе великого государя за труды и промысл, что трудилися и промышляли все годы с Татары и с прочими зменники на твою государеву державу; а тии зменники епископу дары, честь, славу воздают, что их покрывает; а тих, котории не изминяли, в ссылки ссылают...»[1200]. Для себя иеромонах Анатолий в своей челобитной ничего не просил, закончив текст стандартной фор-

[1200] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 8. СПб., 1875. С. 19–20.

мулой: «Великий государь, смилуйся, пожалуй». С некоторыми из названных персонажей мы еще в нашем рассказе встретимся.

Вторая половина XVII в. была весьма богата на различные события политического, военно-политического и церковно-религиозного характера в истории Речи Посполитой и Московского государства, Малороссии, Униатской, Православной (Западной и Южной Руси) и Русской православной церквей. К целому ряду этих очень важных событий прямое или косвенное отношение имело и малороссийское духовенство. Назовем некоторые из этих событий.

Суд над патриархом Московским и всея Руси Никоном с участием Симеона Полоцкого, Лазаря Барановича и некоторых других представителей малороссийского духовенства. Раскол Русской православной церкви, официально подтвержденный Московскими Соборами 1666–1667 гг.

Попытка свержения законных царей Ивана и Петра Алексеевичей и возведения на царский престол царевны Софьи, воспитанницы иеромонаха Симеона Полоцкого, с участием другого его воспитанника, Сильвестра Медведева. Попытка свержения патриарха Московского и всея Руси Иоакима и возведения на патриарший престол Сильвестра Медведева.

Возникновение в конце восьмидесятых годов XVII в. кризисной ситуации в Русской православной церкви, предвестницы второго раскола. В основе ситуации — направление малороссийским духовенством в Москву и распространение богословских сочинений, богослужебных книг, не отвечающих по своему содержанию канонам и догматам православия, содержащих «латинство»; проведение в Москве представителями малороссийского духовенства публичных проповедей и полемических диспутов, объективно склонявших слушателей к признанию дополнений или даже изменений в православии в сторону униатства или католицизма.

Более чем тридцатилетнее, с 1654 по 1685 г., воспрепятствование малороссийским духовенством усилиям Русской православной церкви и Московского государства по переходу Киевской митрополии из канонического подчинения Константинопольскому патриарху в каноническое подчинение патриарху Московскому и всея Руси.

Нет прямых данных, которые бы свидетельствовали о целевом и плановом направлении Ватиканом малороссийских священнослужителей в Москву с заданиями ослаблять, расшатывать, раскалывать православие и Русскую православную церковь, разрушать отношения между Московским государством и Малороссией. Вместе с тем, многие приезжавшие в Москву малороссийские священнослужители (или поддерживавшие письменные контакты с Москвой) прошли обучение и воспитание в униатских или иезуитских учебных заведениях, откуда они, даже оставшись верными православию, вышли неизбежно и необратимо впитавшими в себя каноны и догматы «латинства» и униатства. Эти западные убеждения не просто растворились в их православных убеждениях, они постепенно подменили или исказили отдельные православные каноны и догматы, стали для них нормой. Поэтому прямое общение в Москве представителей малороссийского духовенства с русским православным духовенством зачастую вызывало острые и болезненные столкновения двух православий — малороссийского и русского, фактически оказывало вредное для здоровья Русской православной церкви воздействие. Это были не просто столкновения более образованных священнослужителей с менее образованны-

ми, это было столкновение разных убеждений, одного, воспитанного униатами и иезуитами, и другого, воспитанного в Русской православной церкви. На деле происходило то, что Ватикан и Запад через представителей малороссийского духовенства оказывали самое непосредственное подрывное воздействие на православие и Русскую православную церковь. В основе этого воздействия было то воспитание и образование, которое получили и впитали в себя многие представители малороссийского духовенства. Хотели они, или не хотели, но отдельные противоречия в понимании и исповедании православия заставляли представителей малороссийского духовенства вступать в столкновения с духовенством Русской православной церкви и доказывать свою правоту.

Каналы проникновения «латинства» в православие и Русскую православную церковь через малороссийское духовенство были разные. В их числе:

Переписка митрополитов и архиереев малороссийского духовенства с царями и патриархами Московскими и всея Руси.

Устройство на должности преподавателей, учителей, дидаскалов в Славяно-Греко-Латинской академии и других учебных заведениях, в том числе прошедших ранее учебу в униатских и иезуитских учебных заведениях, Греческой коллегии св. Афанасия в Риме;

Устройство на должности «справщиков» (исправителей, редакторов) церковных книг, переводчиков с греческого языка на русский;

Устройство на должности воспитателей и учителей царских детей, детей вельмож и правительственных чиновников;

Распространение (в том числе и свободная продажа) в Москве малороссийской и другой переводной западной церковной литературы, в том числе с «латино-польским» духом; полемическая деятельность;

Написание прямо в Москве богословских сочинений на злобу дня, в том числе также пропитанных «латино-польским» духом и распространение их среди русских православных священнослужителей;

Проведение в Москве публичных диспутов на богословские темы; введение в богослужебную практику проповедей, проповедническая деятельность;

Написание царю и членам его семьи различного рода торжественных праздничных и траурных сочинений в стихотворной форме, завоевание высокого положения среди царского окружения;

Переезд в Москву представителей малороссийского духовенства на постоянное жительство, распределение их по русским православным монастырям, рукоположение на епархии и приходы, вольное или невольное оказание ими воздействия на русских православных священнослужителей в духе «латинства».

Повторим: хотя нет прямых свидетельств о направлении Ватиканом представителей малороссийского духовенства с подрывными заданиями в Москву, но подрывное воздействие, воспитанное и подготовленное в униатских и иезуитских учебных заведениях, оказывалось на Русскую православную церковь уже как само собой разумеющееся, как неизбежная составляющая общения с русским православным духовенством.

Это воздействие выражалось, прежде всего, в расшатывании устоев веры в каноны и догматы православия; в нарушении веры в правильность исправления бо

гослужебных и церковных книг; в постепенном внесении в исправляемые церковные и богослужебные книги «латинства», незаметном приближении тем самым православия к униатству и католичеству; во внесении противоречий и разрушении единства между белым и черным православным духовенством; в создании условий для раскола Русской православной церкви.

Издание в Малороссии книг и распространение их в Москве. По сравнению с Москвой, Киевская митрополия располагала значительно большими возможностями, авторскими и организационно-техническими, для написания и издания книг по церковным и богословским вопросам. Уже в первой половине XVII столетия на Украине действовал целый ряд типографий при православных братствах и монастырях. В Киеве — типография Киевского Печерского монастыря, в 1669 г. при нем была дополнительно устроена типография для печатания книг на польском языке. В Львове — действовали три типографии: ставропигиального братства; типография Михаила Слёзки и типография епископа Львовского Арсения Желиборского. В Вильно — действовали две типографии, в Вильно и Евее, в которых трудились иноки Свято-Духова монастыря. В Луцке — действовала типография Луцкого братского монастыря. Типография также действовала в Кутеинском монастыре (с 1630 г. типография Спиридона Соболя), в 1635 г. она была перенесена в Буйничи, а в 1637 г. она же была перенесена в Могилев. Король Польши Владислав IV грамотой от 18 мая 1633 г. разрешил образовать в городе Кременце Богоявленский монастырь с братством, школой, типографией и госпиталем. В следующем году, 18 марта 1634 г., Владислав IV разрешил создать в Минске Петропавловское братство с монастырем, училищем, типографией и богадельней. Были и частные типографии: Тимофея Александровича Вербицкого в Киеве, а также иеромонаха Павла Домжива-Лютковича в Угорцах под Минском, переехавшего затем на Волынь в село Четвертю. В 1674 г. архиепископ Лазарь Баранович образовал типографию в Новгороде Северском, а в 1679 г. перенес ее в Чернигов. Были и другие типографии. Так что печатать было где, было бы что и была бы бумага.

Все авторы были очень даже известными в свое время людьми, причем не только в Киевской митрополии. Многих из них хорошо знали в Риме, в Варшаве, в Москве, среди Восточных патриархов. В их числе представители высшего малороссийского духовенства, митрополиты Киевские, архиепископы и епископы, архимандриты и игумены православных монастырей, иеромонахи. Значительная часть авторов в свое время прошла обучение в католических и униатских учебных заведениях, а некоторые из авторов, не устояв перед совокупным давлением со стороны польского правительства, шляхетства, католических и униатских священнослужителей, предали православие и приняли униатство. О некоторых авторах, митрополитах Киевских П.С. Могиле и С. Коссове, выше мы уже говорили. Дополним наш рассказ еще несколькими историческими персонажами.

Лазарь Баранович (1620–3.09.1693), архиепископ Черниговский и Новгород-Северский. (Хиротонисан в епископы в Яссах 8 марта 1657 г. митрополитом Сочавским Гедеоном и епископами Романским Анастасием и Хушским Феофаном. Сан архиепископа и саккос получил в 1668 г. от Восточных патриархов, приезжавших в Москву по делу патриарха Никона). Воспитанник Калишской и Виленской католических академий, прошел обучение также в православной Киевской академии, ректо-

ром которой он являлся в 1650–1658 гг. Москва с доверием относилась к Л. Барановичу: в очень сложные исторические периоды, с апреля 1657 г. по январь 1658 г. и с 13 июля 1670 г. до избрания митрополита Киевского в 1685 г. он назначался блюстителем Киевской митрополии. С именем Л. Барановича связаны имена весьма известных в то время исторических персонажей — гетманов войска Запорожского и Малороссии от Богдана Хмельницкого до Ивана Степановича Мазепы, митрополитов Киевских, митрополита Газского Паисия Лигарида, Симеона Полоцкого, Иоанникия Галятовского, Иннокентия Гизеля и других. О.Л. Барановиче хорошо знали в Варшаве и Риме, знали его не только православные, но также униатские и католические священнослужители. Среди малороссийского духовенства, гетманов, войсковой старшины и царских воевод он пользовался авторитетом, Москва знала это и учитывала.

В письмах в Москву Л. Баранович представлял себя «нищим и убогим», хотя на самом деле был очень даже богат. По состоянию на 1667 г. ему принадлежали 12 сел, 29 деревень, 4 слободки, 3 озера с рыбными ловлями, множество мельниц и угодий, собственником которых он стал, по словам историка В.О. Эйнгорна, благодаря расположению к себе знатного казачества.

Л. Баранович не относился к сторонникам канонического переподчинения Киевской митрополии от патриарха Константинопольского патриарху Московскому и всея Руси. Он также был категорическим противником установленного московским правительством в мае 1658 г. воеводского управления в мирное время в Малороссии. Он хорошо понимал и признавал значение Российского государства и Русской православной церкви для сохранения православия в Малороссии, в борьбе православия с католичеством и униатством. Но душа его была в Киеве, который он называл «русским Парижем».

Наиболее известны его произведения «Меч Духовный» (1667) и «Трубы словес проповедных» (1674); оба они были на Соборе в Москве в 1690 г. (т.е. при жизни Л. Барановича) признаны неправославными и запрещены. Отметим, что книга «Меч Духовный» была рассмотрена и подвергнута резкой критике еще патриархом Никоном: «...что же касается Барановича, то патриарх Никон прямо объявил его еретиком. Дело в том, что Никону, вскоре после приезда в Москву черниговского епископа (Л. Баранович прибыл в Москву 12 октября 1666 г.. — *прим. авт.*), доставлен был экземпляр “Меча Духовнаго”. Ознакомившись с его содержанием, патриарх Никон написал целый “Свиток”, в котором обвинял автора “Меча” в латинской ереси... Никон доказывал, что книга “Меч Духовный” вся “непотребна, везде привожено римских учителей речи и ереси в ней во многих местах явны!”»[1201] На мнение патриарха Никона никакого внимания не обратили, но когда Л. Баранович стал испрашивать разрешения продавать свою книгу в Москве, она была рассмотрена на московском Соборе (1666–1667) и одобрена. Более того. «Когда книга одобрена была на соборе, правительство не только разрешило ея продажу, но даже приняло на себя разсылку отдельных экземпляров по епархиям, причем за каждый экземпляр указано было внести по три рубля»[1202]. Но, как выше мы говорили, через 23 года книга «Меч Духовный» была запрещена.

[1201] *Эйнгорн В.О.* О сношениях малороссийскаго духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел III. М., 1894. С. 383.

[1202] Там же. С. 383.

Иоанникий Галятовский, воспитанник Киевской коллегии, единомышленник Лазаря Барановича, учитель Юрия Богдановича Хмельницкого (будущего гетмана) в детские годы последнего, автор целого ряда сочинений: «Небо новое с новыми звездами сотворенное» (1665), «Лебедь с перием своим» (1683), «Боги поганские» (1696) и других. Наиболее известны его сборники проповедей «Ключ разумения» (1659) и «Мессия Правдивый» (1669), которые были запрещены на Соборе в Москве в 1690 г., так как содержали католический догмат о таинстве евхаристии, что не осталось без внимания православных архиереев и богословов.

Представляет интерес краткая биография И. Галятовского: в 1657–1663 гг. он ректор Киевской коллегии; в 1663 г. — игумен Киевского Богоявленского Братского монастыря и ректор братских школ. В этом же году он уехал из Киева на польскую территорию Украины, мотивируя свой отъезд недоброжелательным отношением к себе со стороны блюстителя Киевской митрополии епископа Мстиславского и Оршанского Мефодия Филимоновича. В 1664–1668 гг. он проживал в Львове, а затем в Слуцке у Феодосия Василевича (архимандрита Слуцкого и наместника непризнанного Москвой митрополита И. Тукальского в великом княжестве Литовском, врага Московского государства), вел себя лояльно по отношению к польскому правительству. После отъезда епископа М. Филимоновича в Москву (октябрь 1668), он вернулся в Киев и стал демонстрировать свою верность Москве. Затем, 6 августа 1669 г., он получил от Л. Барановича грамоту на архимандрию Елецкого монастыря. (Подтверждена царской грамотой от 10 августа 1669 г.). В сентябре–октябре 1670 г. он выехал в Москву, царь Алексей Михайлович и патриарх Московский и всея Руси Иоасаф II дали ему аудиенции, 9 октября 1670 г. выступил перед царем с поучительной проповедью в церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Москве и произвел положительное впечатление.

Как писал В.О. Эйнгорн, «Иоанникий Галятовский был славнейшим проповедником малороссийским своего времени; сборник его проповедей, соединенный с руководством гомилетики, был уже известен в Москве в то время, когда Галятовский туда приехал. Неудивительно, если те проповеди этого светила киевской учености, которыя были написаны специально для Москвы, произвели в столице приятное впечатление; поднесенную государю тетрадь с текстом этих двух речей указано было роскошно переплести; списки с этой рукописи распространились в Москве...»[1203]. Архиепископ Черниговский Лазарь Баранович «в своей благословенной грамоте 1669 г. Иоаннику, новому архимандриту елецкому черниговскаго монастыря, называет его человеком “отличным и способным к Божией службе, в науке св. Писания искусным и в житии иноческом достойным”»[1204]. По словам Филарета, сочинения И. Галятовского были написаны «душею пылкою и правдивою, сочинения, которыя с жаром читали не только православные, но и униаты. Езуиты не видали еще между православными, кто бы так ловко отражал нападения их, так сильно обличал неправду их и с такою славою оканчивал дело с ними, как разделался Голятовский»[1205]. Умер И. Галятовский в 1688 г.

[1203] *Эйнгорн В.О.* Речи, произнесенные Иоанникием Галятовским в Москве в 1670 г. // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел II. М., 1895. С. 3.

[1204] Филарет. История русской церкви. Четвертый период: период патриаршества 1588–1720. С. 142.

[1205] Там же. С. 142.

Иннокентий Гизель (1600–1683), архимандрит Киевского Печерского монасты ря, весьма известный и авторитетный в Киеве и Москве архиерей Киевской митро полии. Автор сочинения «Мир с Богом человеку» (1669), которое содержало католи ческие догматы о таинстве евхаристии и св. крещении, и было запрещено на Собо ре в Москве в 1690 г. Еще в 1673 г., когда печатник Киевского Печерского монастыр Тимофей Кушва привез из Киева в Москву очередную партию книг для продажи, п распоряжению Малороссийского приказа по одной книге каждого названия было на правлено на рассмотрение к цензору, в то время главе Печатного Двора митрополи ту Сарскому и Подонскому Павлу. «Относясь с некоторою терпимостью к сочинени ям Барановича и Галятовскаго, митрополит Павел не счел возможным промолчать сочинении Гизеля “Мир с Богом человеку”. Хотя эта книга уже в 1669 г. была “похва лена” Симеоном Полоцким и потому свободно продавалась в Москве, однако в 167 г. цензор Великорусс дал о “Мире” отзыв вполне неблагоприятный. “В той книге” писал митрополит Павел: «о св. крещении напечатано погружение со обливанием з едино и иные подобные тому сомнительные дела есть”»[1206].

Очень важно при оценке И. Гизеля иметь в виду и следующее: он являлся ка тегорическим противником передачи Киевской митрополии из канонического под чинения Константинопольскому патриарху в каноническое подчинение патриар ху Московскому и всея Руси, т.е. вхождения Киевской митрополии в состав Рус ской православной церкви. Он противился этому всеми способами до своей смер ти 13 ноября 1683 г. Несмотря на то, что он проживал на территории Российског государства и являлся царским подданным, его отношение к Российскому государ ству носило двойственный характер. Гетман войска Запорожского в 1668–1672 г Демьян Игнатьевич Многогрешный писал царю Алексею Михайловичу, что «...н только живущие в Польше духовные боятся мести со стороны Поляков, но и Ги зель, опасаясь, что Киев опять перейдет во власть Польскаго короля, просит, что бы не были объявлены те его листы, в которых он сообщает о гонениях. Не скры Многогрешный и другой причины опасений Гизеля: архимандрит печерский боит ся за маетности, которыми владеет в державе короля Польскаго и потому просит чтобы в представлениях польскому правительству по поводу гонений не было упо мянуто его имя»[1207]. В письме гетмана шла речь о сообщениях И. Гизеля в Москв о гонениях на православных на территории правобережной Украины. И. Гизель бо ялся, что в случае захвата польскими войсками Киева или предания огласке в Поль ше его сообщений в Москву, ему придется совсем плохо, так как он уже был приго ворен польскими властями к баннициии, т.е. изгнанию.

Гавриил Домецкий, выходец и воспитанник малороссийского духовенства Переселившись в Москву, он в 1679 г. уже был игуменом Московского Данило ва монастыря, и не позднее чем с 4 февраля 1682 г. являлся архимандритом Мо сковского Симонова монастыря[1208]. Единомышленник Сильвестра Медведева, вхо дил в круг его ближайших соратников. Он написал следующие сочинения: «Уче

1206 *Эйнгорн В.О.* О сношениях малороссийского духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел IV. М., 1899. С. 873–874.

1207 *Эйнгорн В.О.* О сношениях малороссийского духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел III. М., 1898. С. 774.

1208 Дополнения к Актам Историческим. Т. 10. СПб., 1867. С. 84, 461 и прим. 41.

ние всегдашнее Монастырское, каково Монах должен поучатися в Святом Монашеском чину» (1683); «Киновион, или изображение Евангельского и иноческаго общаго жития от Святых Отец» (1683); «Чин общежительныя Обители Симонова Монастыря» (1690); «Ответы на защищение книги Иоакима Патриарха, называемой Остен» (1704); «Сад или Вертоград Духовный, украшенный многоразличными нравоучения цветами» (1685); «Путь к вечности, священными писании изъявленный, и Святыми Отцы, во двоюнадесяти степенех изображенный» (1784)[1209]. Его сочинение «Киновион...» вызвало резкую критику и неприятие православных архиереев и богословов: «Что это за монашество, — говорили про этот устав великороссияне, — когда в монастыре ставят ушаты с пивом и медом, а монахи между собою в шахарду играют. Латинския штуки! Польский закон!»[1210]. На Соборе в Москве в 1690 г. Г. Домецкий за такие книги был лишен монашеского чина архимандрита Симонова монастыря и соответствующей должности.

Тем не менее образованность и опыт сыграли свою роль, и в 1694 г. митрополит Новгородский Иов пригласил его в Великий Новгород и дал в управление Юрьевский монастырь. Почувствовав твердую почву под ногами, Г. Домецкий сразу выступил на защиту авторов из числа малороссийского духовенства и написал опровержение против книги «Остен» инока Чудовского монастыря Евфимия, которая, в свою очередь, опровергала латинскую доктрину, проникшую в киевские издания. В своем опровержении Г. Домецкий утверждал, что «...Несправедлив “Остен” к ученым киевским: они первые и лучшие защитники православной церкви. Патриарх Никон хорошо сознавал это, когда вызывал их из Киева, и все делал при их помощи. Затем Домецкий снова доказывал, что латинская церковь всегда была согласна с греческой по вопросу о пресуществлении, и подтверждал свою мысль свидетельством многих отцов церкви, особенно Златоуста...»[1211]. Полемическое сражение окончилось тем, что митрополит Новгородский Иов в 1709 г. удалил Г. Домецкого из Новгородского Юрьевского монастыря, и тот вернулся на постоянное жительство в Киев, где и умер.

Иннокентий Монастырский. Игумен Киевского Кирилловского монастыря, приверженец Сильвестра Медведева, близкий ему по духу человек, сторонник пролатинского направления в православии, высокой учености, некоторое время являвшийся профессором во Львове. В постановлении Собора в Москве в 1690 г. так говорилось о И. Монастырском и его книге: «...Подобне судихом же и книгу, всякаго злословия полную, списанную от некоего игумена Киевскаго Иннокентия, нарицаемаго Монастырскаго, любомятежна суща, Евреина родом, явленно яко и верою, христианина же православна не суща, но токмо притворно зовуща себе христианина...»[1212]. Речь идет о сочинении И. Монастырского в поддержку книги С. Медведева «Манна хлеба животного».

[1209] *Болховитинов Е.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовнаго чина Греко-Российской церкви. Т. 1. Изд. 2-е. СПб., 1827. С. 76–77.

[1210] *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1995. С. 497.

[1211] Там же. С. 497–498.

[1212] Цит. по: *Козловский И.* Сильвестр Медведев. Очерк из истории русскаго просвещения и общественной жизни в конце XVII века. Киев, 1895. С. 40–41.

Сделаем небольшое отступление. В 1685 г. в Москве была издана книга Фео-досия Сафоновича «Сказание о церкви святей и о церковных делах, о литургии Бо-жественной и о вечери от Симеона, архиепископа Селунскаго, и от иных учителей церковных собранное», содержавшая латинский догмат о евхаристии. (В Малорос-сии эта книга была издана под названием «Выклад о церкви святей, и о церковных речах, и о службе Божией и о вечерни»). Сразу же в Москве (1687) в противовес со-чинению Ф. Сафоновича была издана книга инока Чудовского монастыря Евфимия «Опровержение латинскаго учения». По указу правительницы царевны Софьи, в ноябре 1687 г. Сильвестр Медведев написал названную выше книгу «Манна хлеба животного», направленную против сочинения Евфимия и в защиту Ф. Сафонови-ча. Инок Евфимий не остался в долгу и в ответ написал «Показания на подверг ла-тинскаго мудрования». А по повелению царей Петра и Ивана Алексеевичей грече-ские преподаватели братья Иоанникий и Софроний Лихуды написали книгу «Акос или врачевание, противополагаемое угрызениям змиевым», которая также была на-правлена против сочинений С. Медведева и Ф. Сафоновича.

И теперь мы подошли к упомянутому выше сочинению Иннокентия Мона-стырского. Оно известно под двумя названиями. Первое: «Книжица сия о Боже-ственной литургии, в которой воспоминаются дела Христа Сына Божия Откупи-теля нашего, пред веки утаенная, в последок же дней миру явленная». И второе: «Книга о пресуществлении словесы Христовыми с действием Св. Духа соверша-ющемся, Иннокентия Монастырскаго, игумена Кирилловского Киевскаго, проти-ву Лихудиевых, словеса Христовы бездельны творящих, написанная в лето от во-площения Бога Слова 1689, в пост великий»[1213]. Книга была написана по прямому указанию митрополита Киевского Гедеона Святополк-Четвертинского в связи с не-обходимостью исполнения поручения патриарха Иоакима о представлении отзыва на книгу С. Медведева «Манна хлеба животного». В 1689 г. И. Монастырский был направлен в Москву в качестве представителя малороссийского духовенства и при личном свидании с С. Медведевым передал ему свое сочинение. Оценку его «Кни-жицы» постановлением православного Собора в Москве в 1690 г. мы уже привели.

И. Монастырский «по своей учености оставлял далеко позади себя патр. Иоа-кима и инока Евфимия… игумен Иннокентий, как можно предполагать с большею или меньшею степенью вероятности, не раз одерживал верх над Иоакимом и о. Ев-фимием в своих беседах с ними по спорному вопросу о времени пресуществления св. даров… в то время Иннокентий, родом жидовин, к раздору церковному прило-жил еще св. Иоакима патриарха безчестити и безсудно укоряти, — таковыя ради вины, яко гнил уд, проклят был и отослан из Москвы в конце сентября 1689 года по интригам о. Евфимия или, по выражению Гавриила Домецкаго, Иннокентий "тай-но вскоре с Москвы промыслом Евфимиевым сослан"»[1214]. Так и закончилась по-ездка в Москву Иннокентия Монастырского — проклятием, запретом на книгу и ее сожжением вместе с книгой С. Медведева «Манна хлеба животного» и высыл-кой обратно в Киев. Добавим, что С. Медведев предполагал назначить И. Мона-стырского, как своего единомышленника, преподавателем создаваемой в Москве

[1213] *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев. (Его жизнь и деятельность). Опыт церковно-историческаго исследования // ЧИОИДР. Книга 3. С. 316.

[1214] Там же. С. 318–319.

Славяно-Греко-Латинской Академии, говоря, что он «зело велий православия от ересей защититель, иже за веру и страдания даже до смерти страдаше»[1215]. Умер И. Монастырский 17 января 1697 г.

Симеон Полоцкий (16.12.1628–25.08.1680). В Заиконоспасском монастыре в Москве, в трапезе у средних дверей по левую сторону имеется надпись: «Лета 7188 (1680) Августа в 25 день преставися Иеромонах честный Симеон Петровский Ситианович Полоцкий жития своего 51 лета в 9 месяц»[1216]. Заметьте, — этой надписи уже больше 330 лет. В 1650 г. С. Полоцкий окончил учебу в Киево-Могилянской коллегии, воспитанник Лазаря Барановича, в 1656 г. принял монашество в Полоцком Богоявленском монастыре и назначен дидаскалом братского училища названного монастыря. (Как полагает Татарский И., в период 1650–1656 гг. он учился в польских католических академиях, вероятно, и в иезуитской академии в Вильно). Царю Алексею Михайловичу С. Полоцкий был представлен в июле 1656 г., когда царь находился в Полоцке и С. Полоцкий со своими учениками выступил перед ним и приветствовал его стихами. С января по 20 сентября 1660 г. С. Полоцкий находился в Москве в свите архимандрита Полоцкого Богоявленского монастыря Игнатия Иевлевича, прибывшего для участия в работе Собора по делу патриарха Никона. С июля 1663 г. С. Полоцкий уже постоянно проживал и работал в Москве, местом его жительства был определен Заиконоспасский монастырь. В последующие 17 лет жизни в Москве С. Полоцкий проявил себя как учитель и ректор школы при Заиконоспасском монастыре, автор устава Славяно-Греко-Латинской Академии; учитель и воспитатель царских детей Алексея, Софьи и Федора; писатель (и даже драматург) и полемист; проповедник; придворный стихотворец; создатель Верхней типографии и издатель.

С. Полоцкий оказался не только в самом сердце Русской православной церкви, но и в сердце российской государственности, став учителем и воспитателем царских детей, наследников самодержавного трона всея Руси.

В числе архиереев Русской православной церкви, с которыми С. Полоцкий поддерживал очень близкие отношения, мы видим патриархов Московских и всея Руси Иоасафа II и Питирима; митрополитов Белгородского и Обоянского (до 1667 г. — Сербского) Феодосия, Новгородского Питирима (будущего патриарха), Казанского и Свияжского Лаврентия, Сарского и Подонского Павла, Сибирского и Тобольского Корнилия; архиепископов Рязанского Иллариона, Коломенского Иосифа, архимандрита Богоявленского монастыря Амвросия, царского духовника Андрея Саввиновича Постникова. Из высших духовных лиц Восточной церкви сюда же следует отнести патриарха Антиохийского Макария, митрополита Газского Паисия Лигарида. Кроме того, С. Полоцкий до самой своей смерти поддерживал очень близкие отношения с уже названными выше архиереями малороссийского духовенства Лазарем Барановичем, Иннокентием Гизелем, Иоанникием Галятовским и другими. У С. Полоцкого были и светские покровители, очень влиятельные в свое время царские сановники: боярин Федор Михайлович Ртищев, окольничий Богдан Матвеевич Хитрово, боярин и князь Григорий Алексеевич Долгорукий, боярин Иван Ми-

---

[1215] Там же. С. 205.

[1216] Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е. Часть XVIII. С. 198.

хайлович Милославский, боярин Артамон Сергеевич Матвеев, боярин и князь Фе дор Юрьевич Ромодановский, окольничий Михаил Тимофеевич Лихачев, комнат ный стольник Алексей Тимофеевич Лихачев, боярин и князь Григорий Григорье вич Ромодановский, боярин и князь Михаил Григорьевич Ромодановский, боярин князь Юрий Михайлович Одоевский, а также дьяк Протасий Иванович Никифоров (Конечно, были у С. Полоцкого и недоброжелатели. В их числе патриарх Иоаким ученик Епифания Славинецкого, инок Чудова монастыря Евфимий, известный пе реводчик и книжный справщик; расколоучители).

С. Полоцкий достаточно эффективно использовал названные выше и други связи при царском дворе и среди архиереев Русской православной церкви как в сво их личных интересах, так и в интересах авторов из числа представителей малорос сийского духовенства, рекомендуя их книги царям и патриархам, готовя похвал ные отзывы и рецензии, способствуя их изданию и распространению в Москве.

Содействуя распространению (продаже и печатанию) в Москве книг малорос сийского происхождения, содержащих догматы католичества, С. Полоцкий объек тивно способствовал возникновению в Русской православной церкви кризисно ситуации, реально угрожавшей вторым расколом. Кризисная ситуация была устра нена только через 10 лет после смерти С. Полоцкого, поместным Собором в Мо скве в 1690 г. «Латинское направление, в продолжение всего царствования Алек сея Михайловича проникавшее в Москву, между прочим, благодаря распростране нию в столице сочинений малороссийских духовных писателей, приобрело особу силу благодаря литературным трудам Симеона Полоцкаго, который создал нову литературную школу в Москве, где появились подражатели его литературных при емов и последователи его мнений...»[1217]. Именно С. Полоцкий являлся учителем наставником Сильвестра Медведева, ставшего через несколько лет духовным руко водителем заговора царевны Софьи и кандидатом на патриарший престол. (Выш мы об этом уже говорили).

В «Слове поучательном» в книге «Остен» находится характеристика, котору дал патриарх Иоаким С. Полоцкому: «Он, Симеон, — говорит здесь патриарх, – аще бяше человек учен и добронравен, обаче предъувещан от иезуитов, папежни ков сущих, и прельщен бысть от них; к тому и книги их латинския чтяше, гречески же книг чтению не бяше искусен, того ради мудрствоваше латинская новомышле ния права быти: у иезуитов бо кому учившуся, наипаче токмо латински без грече скаго, невозможно быти православну весьма, восточные церкве искреннему сыну подвлагают бо они, иезуиты, учащыяся у них под страшныя клятвы, еже быти им послушным папе, отцу их, и последователем во всем и униатом и защитником за паднаго костела»[1218]. По словам патриарха, С. Полоцкий является человеком уче ным и добронравным, однако он обучен и прельщен иезуитами, а тот, кто учился у иезуитов, не может быть православным, искренним сыном восточной церкви, та как давал иезуитам страшную клятву быть послушным папе. Патриарх здесь так же крайне отрицательно отозвался о сочинениях С. Полоцкого: «И во всех тех сво их писаниях написа латинскаго зломудрствования некия ереси: аще от неискусств

[1217] *Эйнгорн В.О.* О сношениях Малороссийского духовенства с Московским правительством царствование Алексея Михайловича // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел IV. С. 1019.

[1218] Цит. по: *Татарский И.* Симеон Полоцкий. (Его жизнь и деятельность). М., 1886. С. 298.

аще ухищренно, совесть его весть, обаче овыя прикровенно и неудопознанно лежаще суть в писаниях его»[1219]. Т.е. в свои сочинения С. Полоцкий, то ли от неумения, то ли умышленно, включил ереси «латинского зломудрствования», и они лежат в его сочинениях замаскированными и трудно обнаруживаемыми.

С. Полоцкий явился в XVII столетии одним из очень немногих представителей малороссийского духовенства, обосновавшихся в Москве и достигших такого яркого положения при царском дворе и среди архиереев Русской православной церкви. По словам И. Татарского, «...стоя на страже интересов просвещения, Симеон Полоцкий решительнее всех современников своих стремился к утверждению его на Руси, именно, на началах западно-европейской образованности. Этим прямым и резким направлением своим к западу Европы, Симеон стал в противоречие не только с фанатическими поклонниками старины, но и с теми замечательными современниками своими, которые, принимая участие в просветительном движении, желали, однако же, совершить оное на началах византийскаго образования...»[1220]. В 1690 г. на Соборе в Москве все сочинения С. Полоцкого были запрещены.

Антоний Радивиловский, игумен Киевского Пустынно-Никольского монастыря, в те годы самостоятельного, не входившего в состав Киевского Печерского монастыря, воспитанник Л. Барановича, церковный писатель и популярный проповедник. В 1656 г. Иннокентий Гизель пригласил А. Радивиловского в Киевский Печерский монастырь и назначил проповедником. Наиболее известны два его сборника вероучительных проповедей: «Огородок Марии Богородицы», проповедующий латинский догмат непорочного зачатия (1676), и «Венец Христов», посвященный прославлению Господа (1688). Если «Огородок Марии Богородицы» А. Радивиловский посвятил И. Гизелю, то «Венец Христов» был им посвящен царям Ивану и Петру Алексеевичам и царевне Софье. В посвящении он просил их принять его книгу под свою защиту. Но эта просьба не была выполнена. При издании книги А. Радивиловский и архимандрит Киевского Печерского монастыря Варлаам Ясинский проигнорировали запрет патриарха Иоакима на печатание книг в типографии Киевского Печерского монастыря без предварительного рассмотрения в Москве. Патриарх Иоаким «...жаловался на малорусское духовенство константинопольскому патриарху Дионисию и просил его списаться с другими патриархами и обличить малорусов «и запретить и тяжко осудить, да не имут волю и власть... ниже книги какия печатати, ниже ино что творити без нашего соборнаго разсмотрения...»[1221] Однако, издание книги «Венец Христов» с патриархом Иоакимом не только не было согласовано, но на титульном листе было сказано, что книга издается по благословению «великаго господина Кир Иоакима Московскаго и всея России и всех северных стран патриарха»[1222]. А это уже являлось умышленной неправдой. Завязалась переписка, патриарх слал в Киев сердитые и неумолимые письма, а Варлаам Ясинский и гетман Мазепа, послав экземпляр «Венца Христова» боярину и князю

[1219] Там же. С. 298.

[1220] Там же. С. 24.

[1221] *Сумцов Н.Ф.* К истории южнорусской литературы семнадцатаго столетия. Вып. I. Лазарь Баранович. Харьков, 1885. С. 174.

[1222] *Марковский М.* Антоний Радивиловский, южно-русский проповедник XVII в. Киев, 1894. С. 12.

В.В. Голицыну, просили его покровительства и защиты. Им это не помогло. Патриарх Иоаким нашел в книгах А. Радивиловского «еретические учения», они были на Соборе в Москве в 1690 г. признаны неправославными и запрещены. Умер А. Радивиловский 10 декабря 1688 г.

Кассиан Сакович, сын православного священника, получил высшее образование в Краковской и Замойской католических академиях, после чего некоторое время служил домашним учителем у известного Адама Киселя, а затем поступил в Киевский Братский Богоявленский монастырь, где и постригся в монахи (около 1620). В 1621–1624 гг. он уже ректор братской школы в названном выше монастыре. Воевода Брацлавский, князь Александр Острожский Заславский, ревностный католик, приняв во внимание образованность К. Саковича, дал ему игуменство над двумя православными монастырями в Дубне. Однако униатский митрополит Иосиф Вельямин Рутский стал убеждать князя отдать монастыри только тем, кто согласится отступить от православия и принять унию. Состоялось несколько бесед К. Саковича с И.В. Рутским. В результате К. Сакович, «не желая разстаться с дубенскими монастырями, которыми уже владел, согласился изменить православию, и тут же, в доме князя Заславскаго, присоединен был к униатской церкви самим митрополитом, а вслед за тем возведен и в сан дубенскаго архимандрита… По принятии унии Сакович сделался открытым врагом православной церкви, много и злобно писал против нея, хотя под конец своей жизни изменил и унии и резко порицал униатов, приняв латинство»[1223]. Напомним, что за несколько лет до этого Иосиф-Вельямин Рутский посвятил в униатство непризнанного патриарха Игнатия, о чем мы выше уже рассказали, а ниже мы расскажем, как он же и здесь же посвятил в униатство архиепископа Мелетия Смотрицкого. Продолжая рассказ об отступнике от православия К. Саковиче, добавим, что он вначале принял униатство, затем принял католичество и стал монахом — членом Ордена августинцев (См.: Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. Tom III. Część I. Lwów. 1902. С. 317).

В 1642 г. в Кракове на польском языке была издана книга К. Саковича «Перспектива» (название книги на польском языке очень длинное, и мы его не приводим), которая вызвала обострение отношений между православными, с одной стороны, и униатами и католиками, с другой. Главной целью книги являлось склонение православных к принятию католичества: «Не для иного чего сложена и напечатана сия книжица (писал он), как для того, чтобы Католики-Римляне из жалости к народу Русскому восхотели отводить его от заблуждений и приводить к совершенному соединению с Костелом Римским»[1224]. По мнению К. Саковича, «Если Русь, — говорит он, — теперь раздвоенная в себе, не примирится прежде всего сама с собою, и потом не соединится с Католическою Церковию, то с каждым шагом она будет идти все к большему и большему невежеству, еретическим заблуждениям, и придет в совершенный упадок»[1225]. Этими словами К. Сакович фактически обнажил свое желание гибели православия. Он же ожесточенно нападал на употребля-

[1223] Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. XI. Патриаршество в России. Книга 2. С. 337–338.

[1224] Цит. по: Петр Могила Митрополит Киевский // ЧИОИДР. С. 44.

[1225] Цит. по: *Крачковский Ю.Ф.* Очерки Униятской Церкви // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел I. С. 172.

емый православными календарь в своих брошюрах «Kalendarz stary, Wilno 1640», и «Okulary kalendarzowi staremu, Kraków 1644»[1226]. Как и следовало ожидать, православные архиереи и богословы резко выступили против К. Саковича и его книг, прежде всего митрополит П.С. Могила, но отступник от православной веры так до конца дней своих и остался врагом православия.

Кассиан Сакович боролся с православием не только личным примером, устным и печатным словом, но и делом. Вот один пример. В марте 1637 г. инок православного Жидичинского монастыря Бенедикт Гриневицкий возвращался из Киева в свой монастырь и вез с собой письма православного митрополита Киевского Петра Симеоновича Могилы для передачи православному епископу Луцкому и Острожскому Афанасию Пузыне. Когда он проезжал через город Дубно, «игумен тамошняго униатскаго монастыря Кассиан Сакович пригласил его к себе и стал убеждать его перейти в унию. Когда же Гриневицкий отказался изменить православию, то Сакович приказал подвергнуть его заключению и грозил муками принудить к унии; но Гриневицкий тайно бежал из заключения...»[1227]. Сразу после побега, 16 марта 1637 г., Б. Гриневицкий подал жалобу на незаконные действия К. Саковича, приложив к жалобе перечень всего того, что было у него отобрано и не возвращено. Мало того, что ему пришлось несколько дней просидеть в мрачной монастырской тюрьме, он в дополнение к этому был еще и ограблен униатским священнослужителем К. Саковичем в его антиправославном рвении.

Феодосий Сафонович, игумен Киевского Михайловского Златоверхого монастыря. Автор ряда сочинений, из которых более известны «Синопсис, или краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-российскаго народа и о первоначальных князьях богоспасаемаго града Киева» (книга выдержала 25 изданий в XVII–XIX вв.), а также «Выклад о церкви святей, и о церковных речах, и о службе Божией и о вечерни» (1667, 1668, 1670 и 1674). В Москве книга была издана в 1685 г. под немного другим названием: «Сказание о церкви святей и о церковных делах, о литургии Божественной и о вечери от Симеона, архиепископа Селунскаго, и от иных учителей церковных собранное». Нужно сказать, что еще в XII в. у католиков и православных сформировались два противоположных мнения о таинстве евхаристии или о пресуществлении св. Даров. Не вдаваясь в богословские рассуждения, скажем, что со временем эти два мнения стали догматами и явились причиной не только ожесточенных полемических схваток, но и не менее ожесточенных разбирательств на архиерейских Соборах. На Руси, в Русской православной церкви, католический догмат евхаристии получил название хлебопоклонной ереси. Распространению именно этой хлебопоклонной ереси и была посвящена книга Ф. Сафоновича «Выклад о церкви...», в которой «латинское мнение нашло наиболее ясное и точное выражение»[1228].

[1226] *Г-кий Я.* Попытки и старания римской курии ввести грегорианский календарь у Славян православных и униатов // ЖМНП. 1877. Сентябрь. СПб. С. 9.

[1227] Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Часть 1. Т. VI. С. 729.

[1228] *Козловский И.* Сильвестр Медведев. Очерк из истории русскаго просвещения и общественной жизни в конце XVII века. С. 21.

По указу царевны Софьи игумен Заиконоспасского монастыря в Москве Сильвестр Медведев написал в защиту этой книги Ф. Сафоновича сочинение «Манна хлеба животного». Митрополит Московский и Коломенский Филарет, рассматривавший в 1856 г. в Синодальной библиотеке ряд ранее запрещенных книг и рукописей, высказал мнение, что в книге Ф. Сафоновича «излагалось римско-католическое учение о времени пресуществления св. Тайн»[1229]. Относительно сочинения С. Медведева «Манна хлеба животного» он подчеркнул, что это сочинение «есть усилие опровергнуть учение православное о времени пресуществления св. даров, и доказать мнение западное, — но усилие безсильное. Сочинитель и из соломы думает сделать оружие...»[1230]. Мнение митрополита Филарета, автора «Истории русской церкви», конечно же, заслуживает нашего внимания.

В сентябре 1688 г. патриарх Иоаким предложил митрополиту Киевскому Гедеону Святополк-Четвертинскому, архиепископу Черниговскому Лазарю Барановичу и архимандриту Киево-Печерской Лавры Варлааму Ясинскому высказать свое мнение о времени пресуществления св. Даров. При этом патриарх «послал им обличение "Выклада о церкви" Феодосия Сафоновича, где изложено латинское учение о времени пресуществления евхаристии. Высказав в начале обличения удивление, что автору Выклада "не стыдно не токмо иных человек, но и своея совести сице нагло лжесловити", составитель обличения опровергает доводы автора...»[1231].

Книги Ф. Сафоновича и С. Медведева, с одной стороны, и книги инока Чудовского монастыря Евфимия «Опровержение латинскаго учения» и братьев Иоанникия и Софрония Лихудов «Акос или врачевание, противополагаемое угрызениям змиевым», с другой, необычайно возбудили обстановку не только среди архиереев и священнослужителей Русской православной церкви, но и в целом в гражданском обществе в Москве. Н.И. Костомаров писал: «Толки о времени пресуществления из монашеских келий перешли в мирские дома и даже на улицы. Люди, мало понимавшие суть богословских тонкостей, увлекались этим вопросом; торгаши, ремесленники и даже женщины стали спорить о времени пресуществления. Церкви грозил новый раскол»[1232]. И все это происходило на пике заговора царевны Софьи, одним из руководителей которого, по нашему мнению, являлся С. Медведев. Если бы книга представителя малороссийского духовенства Ф. Сафоновича «Выклад о церкви...» распространялась в Москве по каким-либо тайным планам Рима, то лучшей реакции ему и желать было не нужно.

Книга Ф. Сафоновича «Выклад о церкви...» на Соборе в Москве 1690 г. была признана неправославной и запрещена. Умер Ф. Сафонович в 1688 г.

Мелетий Герасимович Смотрицкий (1578–27.12.1633), сын православного священника Герасима Даниловича Смотрицкого; до перехода в унию православный архиепископ Полоцкий, был хиротонисан в 1620 г. патриархом Иерусалимским Феофаном. В 1601 г. он поступил на учебу в иезуитский университет в Вильно, ко-

[1229] *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев. (Его жизнь и деятельность). Опыт церковно-историческаго изследования // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел III. С. 469.

[1230] Там же. С. 469.

[1231] *Сумцов Н.Ф.* К истории южнорусской литературы семнадцатого столетия. С. 173–174.

[1232] *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1995. С. 495.

торый успешно окончил. В молодости он также слушал лекции в протестантских университетах в Лейпциге, Нюрнберге, Виттемберге. Его произведения в защиту православия знали не только в Киеве, но и в Варшаве. Его деятельность как православного архиерея и писателя была достаточно успешной до смерти униатского архиепископа Полоцкого и Витебского Иосафата Кунцевича (12 ноября 1623). Расследование польскими властями убийства И. Кунцевича, требования короля Сигизмунда III привлечь к суровой ответственности виновных напугали М.Г. Смотрицкого, и он выехал в Киев, затем совершил поездку на Восток к Восточным патриархам. Возвращаться в Вильно, в Свято-Духов монастырь, он не решился и стал искать возможность обосноваться игуменом в Дерманском монастыре, во владениях брацлавского воеводы, князя Александра Острожского Заславского, ярого католика. В результате переговоров была достигнута договоренность, что он получит Дерманский монастырь, но взамен отречется от православия и примет унию. И 6 июля 1627 г. в замке князя А. Острожского Заславского в городе Дубны этот акт был совершен, униатский митрополит Иосиф-Вельямин Рутский посвятил его в униатство: «Здесь Смотрицкий произнес перед униатским митрополитом исповедание веры по обычной формуле, установленной для обращающихся к латинству греков, сам переписал свое исповедание и укрепил собственноручною подписью, и Рутский разрешил его от анафемы и принял в лоно своей церкви. Тотчас об этом отправлены были письма в Рим к папе и к кардиналу Бандину, как от самого Смотрицкаго, так и от Рутскаго и от князя Александра»[1233]. (Кардинал Оттавио Бандини до своей смерти в 1629 г. являлся префектом конгрегации «Пропаганда Веры»).

Безусловно, отступление М.Г. Смотрицкого от православия и переход в униатство имело большой резонанс: «...Урбан VIII удостоил его своим посланием (от 7 окт. 1628), в котором, приветствуя его с обращением из схизмы к католической церкви, выражал желание, чтобы он старался обратить и других схизматиков. Все сочинения Смотрицкаго, начиная с Апологии, написанныя в защиту унии и латинства против православия, вызывали между католиками неумеренныя похвалы... Сам папа пожелал иметь эти сочинения в латинском переводе: Мелетий перевел свои сочинения и переслал папе, а папа приказал положить манускрипт Мелетиев в своей избранной апостолической библиотеке, в замке св. Ангела...»[1234]. В дальнейшем М.Г. Смотрицкий до своей смерти старался отработать свое игуменство в Дерманском монастыре, при поддержке короля предпринимая усилия по организации и проведению собора с участием православных и униатских архиереев для заключения унии. Деятельность его в эти годы была направлена против православия и сыграла в этом свою негативную роль, добавив Москве еще одну причину для отрицательной оценки представителей малороссийского духовенства и их книг.

Кирилл Транквиллион-Ставровецкий, иеромонах и воспитанник Львовского православного братства, предположительно в марте 1626 г. принял униатство, в награду за что король Польши Сигизмунд III своей грамотой от 25 марта того же года назначил его архимандритом Черниговским. Им написаны «Зерцало Богословия» (1618), «Евангелие Учительное» (1619), «Перло Многоценное» (1646). Еще

[1233] Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. XI. Патриаршество в России. Книга 2. С. 336.

[1234] Там же. С. 364.

в 1618–1619 гг. Транквиллион-Ставровецкий К. получил отрицательные отзывы о своих сочинениях «Зерцало Богословия» и «Евангелие Учительное» от православных богословов и архипастырей, ему рекомендовалось исправить выявленные догматические погрешности и неточности и только потом их издавать. Рекомендации вызвали у него крайнее раздражение и неприятие, и книги он все-таки напечатал. После этого «Евангелие Учительное» было рассмотрено и осуждено на Соборе в Киеве. На этом он не успокоился. В 1627 г. К. Транквиллион-Ставровецкий приехал в Москву с целью издания «Евангелия Учительного». (Может быть, по рекомендации униатов?). Но ему не повезло: знавший его и его сочинения «игумен переяславскаго Никитскаго монастыря Афанасий Китайчич, сам киевлянин, заявил патриарху, что Учительное Евангелие Транквиллиона уже осуждено в Киеве собором архипастырей за содержащияся в нем многия ереси»[1235].

Сразу же по указу царя Михаила Федоровича и патриарха Московского и всея Руси Филарета было назначено «разыскание и указание ересей» в этой книге. «Разыскание» завершилось направлением 1 декабря 1627 г. ко всем воеводам Московского государства совместной грамоты царя и патриарха, в которой говорилось: «Велели мы и отец наш, в.г. святейш. патр. Филарет Никитич Московский и всея Руссии, сыскать и досмотрити литовския печати в книгах в Учительных Евангилеех архимандрита Кирила Транквилиона Ставровецкаго его слогу… и в тех Кириловых книгах в его слоге сыскались многии ереси и супротивства древним Учительным Евангельям и иным св. отец божественным книгам. И мы… указали: на Москве и во всех городех, литовския печати Учительныя Евангилья архим. Кирила Транквилиона Ставровецкаго и иныя книги его Кирилова слогу собрати и на пожарех сжечь, чтоб та ересь и смута в мире не была. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б велели по торгам кликати биричам по многие дни: у которых людей такия литовския Учительныя Евангилья или иныя книги его Кирилова слогу есть, и те б люди тотчас несли безменно к вам в съезжую избу; а кто именем какия книги литовския печати Кирилова слогу Транквилиона Ставровецкаго принесут, и вы б тех людей имена велели писати на роспися поименно. А собрав… те литовския печатныя Учительныя Евангильи и иныя книги Кирилова слогу, велели на пожаре сжечь, чтобы та ересь и смута однолично (в мире) не была; да о том о всем отписали…»[1236]. Одновременно приказывалось, «чтоб однолично литовския печати никаких книг Кирилова слогу никто у себя не держали и вперед никаких книг литовския печати и письменных литовских не покупали; а кто ныне такия книги литовския печати Кирилова слогу у себя утаит, или кто впредь учнет литовския книги какия покупати — тем людям от нас быти в великом градском наказании, а от отца нашего в.г. Филарета Никитича святейш. Патриарха — в великом духовном наказании и в проклятии»[1237]. Как и указывалось в совместной грамоте царя и патриарха, 4 декабря 1627 г. в Москве на Пожаре пристав Григорий Иванович Горизонтов (откуда такая фамилия у русского пристава?) публично сжег 60 экземпляров книги «Евангелие Учительное» Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого. Доба-

[1235] *Каптерев Н.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Вып. 1. Время патриаршества Иосифа. М., 1887. С. 6.

[1236] Цит. по: *Архангельский А.С.* Очерки из истории западно-русской литературы XVI–XVII вв. Борьба с католичеством и западно-русская литература конца XVI – перв. пол. XVII в. С. 135.

[1237] Там же. С. 135.

вим, что через несколько десятилетий, на Соборе в Москве в 1690 г., было запрещено и его сочинение «Перло Многоценное» (1646). Умер К. Транквиллион-Ставровецкий в 1646 г.

Малороссийские книги распространялись в Москве не поштучно, не редкими экземплярами, как может показаться, а сотнями и сотнями книг. Благо, Киевская митрополия располагала типографиями. Схема распространения была достаточно проста и хорошо отработана в 70-е и 80-е годы XVII столетия. Автор, как правило, влиятельное лицо в малороссийской иерархии, давал поручение своему доверенному подчиненному доставить в Москву книги, добиться аудиенции у царя, вручить там ему и его детям подарочные экземпляры с соответствующими посвящениями, получить разрешение на продажу и содействие в этом со стороны Малороссийского приказа и затем приступить к продаже. Этот же доверенный автора испрашивал аудиенцию у патриарха Московского и всея Руси, вручал ему подарочный экземпляр и также старался получить разрешение (согласие) патриарха на продажу привезенных книг в Москве. Подарочные экземпляры вручались также и другим влиятельным правительственным чиновникам и архиереям Русской православной церкви (в зависимости от ситуации). Масштабы ввоза малороссийских книг в стольный град Москву можно охарактеризовать следующими примерами:

– в марте 1672 г. мещане Печерского местечка в Киеве Супрунов и Васильев привезли в Москву 113 книг киевской печати (58 часословов, 12 библий, 31 азбуку, 7 книг польских, 1 книгу Л. Барановича «Меч Духовный» и др.);

– в марте 1672 г. И. Гизель прислал в Москву слугу Печерского монастыря Матвея Федорова с поручением продать 427 книг из книжного склада Печерской типографии, в их числе 50 польских букварей и 50 русских грамматик. В этот раз книги цензуре не подвергались, и торговля шла успешно;

– примерно в июне 1672 г. И. Гизель прислал в Москву мастеров печатного двора Киево-Печерского монастыря Тимофея Кушву и Алексея Мушича с поручением продать несколько сотен книг (точное количество неизвестно, но В.О. Эйнгорн приводит сведения, что торговля шла не очень бойко, и в июле не проданными оставалось 23 наименования книг в количестве около 300 экземпляров). Для продажи книг киевляне сняли в Москве лавку, и, что очень интересно, видимо, это был первый в Москве и на Руси специализированный книжный магазин. До этого книги продавались в казенной лавке при Московском печатном дворе;

– в начале 1673 г. И. Гизель вновь прислал в Москву Тимофея Кушву для продажи книг киевской, львовской и кременецкой печати. Всего было привезено около 800 экземпляров книг 35 наименований, из них 31 наименование книг духовного содержания;

– в январе 1675 г. Л. Баранович направил в Москву протопопа Нежинского Симеона Адамовича с поручением преподнести царю Алексею Михайловичу, царице Наталье Кирилловне, царевичам Федору, Ивану и Петру роскошно переплетенные экземпляры книги «Трубы словес проповедных» и свыше 350 экземпляров этой книги продать в Москве;

– в марте 1681 г. Л. Баранович направил в Москву игумена Крупецкого Батуринского монастыря Феодосия Гугуревича с поручением просить царя Федора Алексеевича принять в царскую казну книги, напечатанные в черниговской типогра-

фии: 100 псалтырей, 100 часословов, 100 грамматик и другие. Историк Н.Ф. Сумцов объясняет это попыткой Л. Барановича «сбыть залежавшиеся экземпляры богослужебных книг в Москву»[1238].

Мы выбрали примеры за 10 лет, с 1672 по 1681 г., но книги из Малороссии привозили в Москву как раньше, так и позже.

Повторим перечень некоторых малороссийских книг, запрещенных в Москве:

Баранович Л., «Меч Духовный» (1667), «Трубы словес проповедных» (1674), запрещены на Соборе в Москве в 1690 г.

Галятовский И., «Ключ разумения» (сборник проповедей, 1659), «Мессия Правдивый» (1669), запрещены на Соборе в Москве в 1690 г.

Гизель И., «Мир с Богом человеку» (1669), запрещена цензором митрополитом Сарским и Подонским Павлом в 1673 г. и на Соборе в Москве в 1690 г.

Коссов С., «Дидаскалия, альбо наука о седми сакраментах» (1637, 1653), запрещена на Соборе в Москве в 1690 г.

Могила П., «Лифос» (1644), «Большой Требник» (1646), «Служебник» (1629, 1639) запрещены на Соборе в Москве в 1690 г.

Монастырский И. Его сочинение (название книги приведено выше) в поддержку книги С. Медведева «Манна хлеба животного» было запрещено на Соборе в Москве в 1690 г. и сожжено вместе с названной книгой С. Медведева.

Полоцкий С., все его сочинения запрещены на Соборе в Москве в 1690 г.

Радивиловский А., сборники проповедей «Венец Христов» (1688) и «Огородок Марии Богородицы» (1676), запрещены на Соборе в Москве в 1690 г.

Сафонович Ф., «Выклад о церкви святей и о церковных речах» (1667, 1668, 1670, 1674), сочинение это запрещено на Соборе в Москве в 1690 г.

Транквиллион Ставровецкий К., «Евангелие Учительное» (1619) и все другие сочинения запрещены 1 декабря 1627 г. патриархом Московским и всея Руси Филаретом. 4 декабря того же года 60 экземпляров книги «Евангелие Учительное» были публично сожжены в Москве на Пожаре. На Соборе в Москве в 1690 г. было запрещено и сочинение «Перло Многоценное» (1646).

Представители малороссийского духовенства — справщики церковных и богослужебных книг. Во второй половине XVII столетия Русская православная церковь весьма нуждалась в грамотных, квалифицированных справщиках (редакторах) церковных и богослужебных книг. Нужны были и переводчики с греческого и латинского языков. Основная причина заключалась в необходимости проверки и приведения в соответствие текстов, используемых на Руси в церквях и монастырях книг текстам греческих основополагающих оригиналов. Справщики и переводчики приезжали не только из Греции (вообще, из Восточных патриархий), но и из Киевской митрополии, из Малороссии. При этом малороссийские авторы считали свои книги не менее основополагающими, чем греческие.

На первый взгляд, функции справщика сводились к чисто техническому сравнению текстов русских богослужебных книг с некими эталонными текстами, выявлению ошибок, неточностей и пропусков, осуществлению в нужных случаях переводов с иностранных оригиналов, внесению необходимых изменений или допол-

[1238] *Сумцов Н.Ф.* К истории южнорусской литературы семнадцатого столетия. С. 29.

нений. Далее исправленный текст русской богослужебной книги в зависимости от ее важности мог быть по поручению патриарха Московского и всея Руси рассмотрен группой архиереев Русской православной церкви, или самим патриархом Московским и всея Руси, или на архиерейском Соборе. В менее важных или очевидных случаях глава Печатного двора, как правило, архиерей Русской православной церкви, сам давал разрешение или запрет на печатание книги.

Но только на первый взгляд функция справщика была технической. Справщик, получивший образование в Малороссии или зарубежных (католических или униатских) учебных заведениях, прибывал в Москву уже как носитель догматов католичества, которые вошли в его исповедание веры еще в процессе учебы. Естественно, что он воспринимал эти догматы как единственно правильные. Редактируя книгу, он мог, руководствуясь только собственными убеждениями, без всяких поручений извне, внести такие явные, неявные или даже замаскированные изменения и дополнения в текст, которые после издания книги и рассылки ее по монастырям, храмам и учебным заведениям становились руководством в богослужении для многих священно- и церковнослужителей Русской православной церкви. И не только для них, но и для православных мирян, от самодержавного царя до крестьянина. За каждым исправлением текста могло стоять изменение канонов православия, изменение православных богослужений, обрядов и т.д.

Подобная практика, не пресеченная в зародыше, могла со временем сформировать у духовенства и мирян, разумеется, наряду с распространением малороссийских книг, проповедничеством, педагогической и воспитательной деятельностью, нейтральное или даже одобрительное отношение к заключению унии между Русской православной и Римской католической церквами. Т.е. могли быть созданы те условия, к созданию которых Рим стремился не одно столетие. Для Руси и Русской православной церкви это было жизненно опасно. Причем эта опасность, повторим, могла реально возникнуть даже без какого-либо специального участия Рима.

Справщиков, представителей малороссийского духовенства приезжало в Москву не так уж много, ну а тех, которые оставили сколь-либо заметный след, еще меньше. В их числе прежде всего нужно назвать Симеона Полоцкого (выше мы о нем говорили), который не только редактировал книги малороссийских авторов по их просьбам, но фактически одновременно являлся и их цензором, независимым от патриарха Московского и всея Руси и Печатного двора. Из других справщиков нельзя не назвать Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского. Все они достаточно известные исторические персонажи.

Е. Славинецкий прибыл в Москву 12 июля 1649 г. вместе с А. Сатановским по просьбе царя Алексея Михайловича именно для деятельности в качестве справщиков и перевода иностранных книг на русский язык. Сначала они были устроены в Спасо-Преображенской пустыне близ Москвы, а затем Е. Славинецкий был размещен в Чудовом монастыре, а А. Сатановский — в Богоявленском монастыре. Е. Славинецкий показал себя яркой личностью, не только квалифицированным справщиком и переводчиком, но и знатоком и приверженцем православия, проповедником и автором проповедей, преподавателем. Он один из немногих участников Московского Собора 1666–1667 годов, который открыто выступил в защиту патриарха Никона в процессе разбирательства его дела. Он твердо противостоял проник-

новению догматов католичества в православие, открыто дискутировал по этому во
просу с С. Полоцким. Накал был большой. В 1673 г. в Крестовой палате Кремля
присутствии патриарха Московского и всея Руси Питирима состоялось «прение
между С. Полоцким и Е. Славинецким по такому важному вопросу, как о таинств
евхаристии. Победу в этом диспуте одержал Е. Славинецкий, который отстаива
точку зрения православия. Умер Е. Славинецкий 19 ноября 1675 г. и погребен в Чу
довом монастыре в Москве.

Судьба А. Сатановского сложилась иначе. Сначала все было вроде бы хорош
В 1650 г. вместе с Е. Славинецким он составил латинско-славянский словарь. Но
Москву он был приглашен все-таки для другой деятельности, и как раз к ней ока
зался непригоден. Историк Н.Ф. Каптерев писал: «Арсений, долженствовавший пе
реводить Библию на славянский язык с греческаго, оказался совсем не знающи
последняго»[1239]. Согласитесь, что в то время для Русской православной церкви пе
ревод Библии являлся необходимой и ответственнейшей задачей. Невозможность е
решения А. Сатановским, и возникшие в связи с этим проблемы так осложнили ег
жизнь, что уже в марте 1650 г. он обратился с челобитной с просьбой отпустить ег
в Киев. Он писал в ней: «...зде аз уже мало потребный к исправлению Библии, поне
же аз призван по сугубой твоего царскаго пресветлаго величества грамоте, уже ини
старцы разсмотряют и труждаются, аз бо по-гречески не умею...»[1240]. В удовлетво
рении челобитья ему было отказано, и он вновь занимался переводами с латинског
языка, на этот раз, в 1652 г., книги «Оград царский» (или описание Константинопо
ля), хрестоматии, содержавшей сведения по истории. В 1653 г. московская жизнь ег
окончилась, он был сослан «под начал» в необщежительный мужской Антониев Сий
ский монастырь. Историк Л.И. Денисов указал, что этот монастырь был основан
1520 г., расположен на севере, в 90 верстах от Холмогор, недалеко от места впадени
реки Сия в Северную Двину[1241]. Трудно сказать, как долго пробыл А. Сатановский
этом северном монастыре и чем закончилась его командировка в Россию.

Прибывшие в Москву из Малороссии справщики книг проживали на полно
государственном обеспечении, они получали жалованье, поденный корм и питье
дрова, при наличии лошадей получали корм и для них. Каково было жалованье?
Вот, например, в докладной записке Посольского приказа от 14 июня 1672 г. бы
указан такой размер жалованья Епифанию Славинецкому: «Киевленину старц
Епифанию по 8 алтын по 2 денги на день»[1242]. Из-за близости к царю Алексею Ми
хайловичу и членам его семьи Симеон Полоцкий получал больше, но остальны
духовные лица из Малороссии находились примерно в равных условиях, достаточ
ных для проживания в Москве.

Общеизвестно, какой ожесточенной критике было подвергнуто «исправление»
книг и сами справщики со стороны противников «исправления», сторонников стары
обрядов в православии. Документы Московских Соборов 1666–1667 годов, рассмотрев

[1239] *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Вып. 1
Время патриаршества Иосифа. М., 1887. С. 21.

[1240] Там же. С. 21.

[1241] *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 31.

[1242] Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 6
С. 191.

ших и фактически утвердивших раскол Русской православной церкви, говорят о том, что главной причиной раскола старообрядцы считали реформу церкви, начатую патриархом Никоном, и являвшееся составной частью реформы «исправление» книг и обрядов. Раскол значительно ослабил Русскую православную церковь, и это ослабление соответствовало интересам Рима. Нет прямых данных, указывающих на инспирирование Римом реформы Русской православной церкви в середине XVII в. Но реформа — это реальность, раскол — тоже реальность, ослабление православия и церкви — тоже реальность. Кому они были выгодны? Конечно, возлагать всю вину на патриарха Никона было бы неверно. Пахнущая порохом и интригами совокупность целого ряда факторов определяла в то тревожное и очень сложное время политическую обстановку в Российском государстве и Русской православной церкви. Многие из этих факторов непосредственно влияли на интересы и деятельность европейских государств и Рима в России. Поэтому такой вопрос, как возможное участие (или неучастие) Рима в расколе Русской православной церкви заслуживает, на наш взгляд, дополнительного и детального изучения. Кстати, в работе Московских Соборов 1666–1667 годов участвовали известный уже нам эмиссар Ватикана митрополит Газский Паисий Лигарид, а также в качестве его переводчика, консультанта и советника иеромонах Симеон Полоцкий, архиепископ Черниговский Лазарь Баранович и другие. Заметим также, что раскол Церкви — это не перебранка двух архиереев. Событие такого огромного масштаба нужно было готовить и, прежде всего, создавать церковно-светскую оппозицию как реформе Русской православной церкви, так и самому патриарху Никону. Кто создавал и готовил оппозицию? Кто руководил оппозицией и работой Соборов? Раскол был выгоден не Москве, а Риму. И Соборы, вместо нормализации обстановки в Русской православной церкви и предотвращения раскола, что нужно было Москве, этот самый раскол утвердили, что было уже выгодно Риму. Случайно ли это?[1243]

Проповедническая деятельность представителей малороссийского духовенства. Наиболее весомо в качестве проповедников проявили себя известные уже нам видные представители малороссийского духовенства Лазарь Баранович, Иоанникий Галятовский, Иннокентий Гизель, Симеон Полоцкий, Антоний Радивиловский и Епифаний Славинецкий. Сделал попытку выступать с проповедями и прибывший в 1670 г. в Москву Иван Андреевич Шматковский, до приезда — Глуховский протопоп, поставленный в Москве священником церкви св. Иоанна Богослова, но эта попытка продолжения не получила. Историк В.О. Эйнгорн писал: «Иоанникий Галятовский, Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий не только подавали пример, произнося лично проповеди в Москве, но даже сочиняли проповеди по заказу великороссийских иерархов... Автор исследования о проповедях Симеона Полоцкаго говорит (Попов, Симеон Полоцкий как проповедник, стр. 9), что Славинецкий и Симеон Полоцкий возобновили в Москве живое проповедническое слово. Симеон Полоцкий произносил свои проповеди в разных церквах Москвы и ея окрестностей... Баранович во время пребывания своего в Москве также произносил проповеди при Дворе...»[1244].

[1243] Не вдаваясь более в эту тему, скажем только, что документы Соборов опубликованы в издании «Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 5. СПб., 1853.», с. 439–510.

[1244] *Эйнгорн В.О.* О сношениях малороссийского духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел III. С. 789.

Для того времени можно выделить следующие два основных вида проповеднической деятельности: первый — издание сборников проповедей и распространение их в Москве среди духовенства Русской православной церкви, а также среди членов царской семьи, вельмож, других финансово обеспеченных и грамотных граждан. Второй — выступления в Москве с устными проповедями в храмах, монастырях, на каких-либо государственных мероприятиях (восшествие на престол, царское бракосочетание, рождение царских детей, объявление наследника престола и другие), в дни церковных праздников и т.д.

У этих двух видов были общие черты и особенности. К общим чертам можно отнести следующие: во-первых, как правило, одни и те же лица писали сборники проповедей для распространения в Москве, и они же выступали с устными проповедями перед православными верующими. Во-вторых, одни и те же тематика и содержание проповедей как в сборниках, так и в устных выступлениях. В-третьих, нацеленность проповедей практически на одну и ту же аудиторию — царское семейство, вельможи, архиереи, другие священно- и церковнослужители Русской православной церкви, преподаватели, справщики, переводчики и другие. В-четвертых, совпадение мест распространения сборников проповедей и устных проповеднических выступлений. В-пятых, зачастую, совпадение во времени распространения сборников проповедей и устных проповеднических выступлений.

К основным особенностям этих проповедей можно отнести, во-первых, доступность устной проповеди для каждого православного верующего, пришедшего в храм послушать выступление проповедника. При этом он совсем не обязательно должен был быть богатым и грамотным. В то же время сборник проповедей мог приобрести человек, имевший для этого финансовые средства, умевший читать, и, может быть, знавший польский, греческий или латинский языки. Во-вторых, человек, читающий сборник проповедей, находится один на один с текстом, на него воздействует только печатное слово (мы не говорим здесь о его образовании, настроении, состоянии здоровья, отношениях с окружающими и т.д.). Человек, слушающий устную проповедь, находится среди множества таких же как он; он слушает те же слова, что и другие люди рядом с ним. Его индивидуальное восприятие совпадает, подчиняется, сливается с общим восприятием массы верующих, и это общее воздействует на каждого гораздо сильнее, чем если бы он в одиночестве у себя дома читал ту же проповедь в сборнике. Сила воздействия устной проповеди на отдельно взятого верующего или массу верующих намного выше, чем проповеди, прочитанной в сборнике. В-третьих, во время устных проповедей опасность распространения догматов «латинской церкви» среди верующих возрастала многократно из-за массовости аудитории (которую не соберешь около одной книги), ее сконцентрированности в одном месте и заряженности на внимание и доверие к словам проповедника.

Насколько эффективными могли быть проповеди в русских условиях, в условиях Москвы того времени? Приведем мнение компетентного специалиста, члена миссии Ордена иезуитов в Москве Франциска Иоанна Эмилиани. В донесении провинциалу Ордена от 23 июня 1699 г. он без всяких оговорок высказал мнение о высокой эффективности проповедей: «Народ весьма охотно слушает проповеди и, когда приходит в нашу церковь, то вслушиваются внимательно, разинув рот, хотя ничего не понимают. Я слышал, что многие желают, чтобы нам позволено было го-

ворить проповеди по-русски, но нет никакой надежды, чтобы это было нам разрешено. Россия или Московия не есть несокрушимый орех, и если бы всеблагой Бо̃г сжалился, то только нужно было бы получить царское разрешение, и невозможно исчислить, какое огромное количество народа перешло бы на нашу сторону»[1245]. Конечно, это мнение заслуживало внимания, его нужно было учитывать и царскому правительству, и православному духовенству.

Выше мы говорили, что нет каких-либо данных, указывающих на то, что приезды в Москву малороссийских проповедников были связаны с выполнением ими специальных поручений от представителей Ватикана или Униатской церкви. Тем не менее, через представителей малороссийского духовенства, в том числе и проповедников, на православие и Русскую православную церковь оказывалось самое непосредственное подрывное воздействие. В его основе было то воспитание и то образование, которое получили и впитали в себя многие представители малороссийского духовенства. Хотели они или не хотели, но своими проповедями они реально распространяли среди православных верующих отдельные догматы «латинской церкви», нанося этим вполне ощутимый ущерб православию и Русской православной церкви.

Об угрозе проникновения «латинства» в православие. Нужно подчеркнуть, что XVII в. был намного сложнее предыдущего по остроте и эффективности воздействия Рима на православие, Киевскую митрополию и Русскую православную церковь. «...Латиняне, распространяя свое Исповедание между Православными Юго-Западной Руси, покушались во всех вообще богослужебных книгах их изглаждать все то, что было не согласно с воззрениями Римской Церкви, и даже вносить в эти книги прямо Латинские верования...»[1246]. Совсем не зря в 1686 г. патриарх Иерусалимский Досифей предостерегал патриарха Московского и всея Руси Иоакима об опасности проникновения в православие и Русскую православную церковь «латинских» догматов через священнослужителей (в том числе и из малороссиян), прошедших обучение в католических и униатских учебных заведениях. Он писал: «В той стране, глаголемая казацкая земля, суть неции, иже в Риме и Польше от латинов научени и бяху архимандриты, игумены и прочитают неподобныя мудрования в монастырях и носят иезуитския ожерелья. Да попечется преосв. митрополит во еже бы отложити ожерелья. Да будет повелено, дабы по смерти предреченных архимандритов, игуменов и священников, уже от сих, иже ходят учиться в папежския места, архимандритов, игуменов и епископов не поставлять; довольна бо есть православная вера ко спасению и не подобает верным прельщатися чрез философию и суетную прелесть»[1247].

Патриархи Московские и всея Руси и другие архиереи Русской православной церкви начали реально ощущать эту опасность еще в самые первые десятилетия XVII столетия, со времени патриаршества Филарета (1619–1633). Но возможности и права для эффективного противодействия стали появляться намного позже. Сначала в 1654 г., со времени вхождения Малороссии с Киевом в состав Российского государства; правда, нужно было считаться с тем, что Киевская митрополия находилась тог-

---

[1245] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. С. 30.

[1246] Петр Могила Митрополит Киевский // ЧИОИДР. С. 91.

[1247] *Сумцов Н.Ф.* К истории южнорусской литературы семнадцатого столетия. С. 170.

да в каноническом подчинении у патриарха Константинопольского, и представител малороссийского духовенства совсем не были обязаны выполнять требования патри архов Московских и всея Руси. Это обстоятельство значительно ограничивало во можности и права Москвы. Но прошло 40 лет и наступил 1686 год, когда Киевска митрополия вошла в каноническое подчинение патриарху Московскому и всея Руси и после этого все ограничения оказались на обочине большой дороги вперед. Как пи сал Н.Ф. Сумцов, «Подчинение Малороссии в духовном отношении московскому па триарху дало последнему возможность прямо и решительно вмешаться в малору ския духовныя дела»[1248]. Но с другой стороны, и малороссийское духовенство полу чило возможность и право жить одной жизнью с духовенством Русской правосла ной церкви, обращаться к царям и патриархам, приезжать и останавливаться в Мо скве, участвовать в церковной жизни, решать церковные и богословские вопросы. это, в свою очередь, создавало дополнительные возможности для проникновения православие латинских догматов с малороссийскими книгами, проповедями, в про цессе редактирования и издания книг малороссийскими справщиками, во время за нятий малороссийских учителей с учениками в школах и т.д.

Меры противодействия угрозам и фактам проникновения «латинства» в Русску православную церковь были оборонительными, вынужденными и необходимыми. их особенностям можно отнести коллегиальность, гласность и публичность приня тия и исполнения. Конечно, сначала нужно было выявить в том или ином сочинени отклонения от православия, оценить степень их опасности и возможность исправле ния, а затем уже решать, что делать. Итак, какие же это были меры?

– выступление патриархов Московских и всея Руси в качестве цензоро церковно-богословских книг малороссийских авторов;

– привлечение Восточных патриархов в качестве экспертов для оценки рассма триваемых церковно-богословских книг;

– образование при Печатном дворе в Москве цензуры. Выдача патриархам Московскими и всея Руси разрешения на печатание книг только после положител ного заключения цензора;

– проведение в Москве архиерейских Соборов для рассмотрения тех или ины сочинений и выявления в них отклонений от православия;

– осуждение архиерейскими Соборами авторов книг, содержащих догматы «ла тинства»;

– запрещение печатать в Москве книги с отклонениями от православия;

– запрещение ввозить и распространять в Москве книги с отклонениями о православия;

– запрещение частным лицам иметь и хранить дома для личного пользовани книги с отклонениями от православия;

– запрещение использовать книги с отклонениями от православия в учебно процессе в учебных заведениях;

– публичное сжигание книг с отклонениями от православия;

– временный отказ в 80-е годы XVII столетия от приглашения в Москву пред ставителей малороссийского духовенства на должности справщиков, переводчико

[1248] Там же. С. 171–172.

и даже школьных преподавателей. Временное возвращение к практике приглашения на эти же должности греков.

Обо всех названных мерах выше мы уже говорили. Дополнительно скажем, что о принятии мер противодействия проникновению угроз и фактов «латинства» в Русскую православную церковь на самом высшем, государственном уровне, может рассказать подписанная царем Федором Алексеевичем в 1682 г. «Привилегия» на устроение в Москве Академии при Заиконоспасском монастыре. В связи с кончиной (27 апреля 1682) царь не успел предпринять конкретные шаги по устроению Академии, и 21 января 1685 г. «Привилегия» была вручена Сильвестром Медведевым правительнице царевне Софье.

Приведем несколько выдержек из «Привилегии»: «Из разных вер и ересей, к нашей православной восточной вере приходящих, и ону приемлющих, всех вписати в книги, и отдати Блюстителю училищ со Учительми, дабы они их в хранении нашея православныя веры и церковных преданий наблюдали, и кто из них како житие свое в ней препровождает, и крепко ли и цело ону и церковная предания содержит, известие имели. Аще же кто из новопросвещенных, не цело храняй православную нашу веру и церковная предания явится, и таковаго в дальные наши грады, на Терек и в Сибирь ссылати. Аще же кто явится в держании своея прежния веры, или ереси, из нея же пришел есть к православной вере, а нашея веры в хулении, и таковый да сожжется без всякаго милосердия… И о сем им Блюстителю со Учительми тщатися крепце, еже бы всякаго чина духовным и мирским людем, волшебных и чародейных и гадательных, и всяких от церкви возбраняемых богохульных и богоненавистных книг и писаний у себя никому весьма не держати, и по оным не действовати, и иных тому не учити. А у них же таковыя книги, или писания ныне суть, и оным таковыя книги и писания сожигати, и никаких бы волхвований и чародеяний и гаданий впредь не держати. Такожде и неученым людем свободных учений никому Польских, и Латинских, и Немецких, и Лютерских, и Калвинских, и прочих еретических книг у себе в домех не держати, и их за неимением довольнаго разсуждения и ради в вере нашей усумнения не читати, и нигде никому из оных еретических книг, и их восточной нашей православной вере, и церковным преданиям противных толкований, состязаний не имети, и подлогов не подлагати: зане обычай есть прелестником, яко они таковые подлоги подлагая, глаголют, еже они то творят не ради в вере и церковных преданиях усумнения, но чином наукотворнаго состязания. И таковыя книги еретическия сожигати, или к Блюстителю училищ и Учителем приносити. Аще же кто сему нашему царскому повелению явится противен, и отныне начнет кто от духовных, и мирских всякаго чина людей, волшебныя и чародейныя и гадательныя и всякия от церкви возбраняемыя богохульныя и богоненавистныя книги и писания у себе коим ни буди образом держати, и по оным действовати, и иных тому учити, или и без писания таковая богоненавистныя делеса творити, или таковыми злыми делами хвалитися, яко мощен он таковая творити; и таковый человек за достоверным свидетельством без всякаго милосердия да сожжется. Аще же кто свободных учений неискусный, имать Польския, и Латинския, и Немецкия, Лютерския, и Калвинския, и иныя еретическия книги в доме своем, имети, и их читати, и из них состязание имети, и подлоги на усумнения нашея восточныя веры и церковных преданий подлагати; и таковыя предаяти казни, смотря по их вине, нещадно»[1249].

[1249] Привилегия Московской Академии // Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е. Часть VI. С. 415–417.

Конечно, приведенная выдержка несколько пространна, но она дает полное представление о позиции в этом важном вопросе царя Федора Алексеевича и патриарха Московского и всея Руси Иоакима, без участия которого такое событие, разумеется, не обошлось. Из «Привилегии» видно, какое значение придавали цари и патриархи Московские и всея Руси книгам и улучшению образования в Российском государстве. Видно также, что цари и патриархи отчетливо понимали, какую огромную опасность для государства, православия и Русской православной церкви несут в себе книги и проповеди, содержащие «латинские ереси», отклонения от православия. Отсюда и такая суровость наказания нарушителям запретов, включая ссылки на Терек и в Сибирь, а также смертную казнь путем сожжения. Совершенно очевидно, что Российское государство и Русская православная церковь выстроили и использовали систему запретов и наказаний как вынужденную ответную меру защиты от вредоносного влияния извне.

Давайте познакомимся с несколькими примерами наказания в XVII столетии малороссийских духовных лиц.

О ссылке в 1653 г. в Антониев Сийский монастырь Арсения Сатановского, высылке из Москвы в 1689 г. игумена Киевского Кирилловского монастыря Иннокентия Монастырского и сожжении его книг, об освобождении в 1690 г. от должности архимандрита Московского Симонова монастыря Гавриила Домецкого и сожжении его книг мы выше уже говорили.

В 1663 г. был арестован, отправлен в Москву и оттуда отослан в ссылку в Соловецкий монастырь Виктор Загоровский, игумен Лубенского Мгарского монастыря. Он враждебно относился к Московскому государству, сотрудничал с польским правительством. По ходатайству Лазаря Барановича, Малороссийский приказ 2[…] июля 1670 г. распорядился освободить его из ссылки. Он был привезен в Москву и 13 октября того же года выехал в Малороссию, где Л. Баранович сразу же возвратил ему Мгарское игуменство. За какие заслуги?

В 1668 г. был арестован, доставлен в Москву и судим архиерейским Собором епископ Мстиславский и Оршанский Мефодий Филимонович. С июля 1670 г. до своей смерти в 1690 г. он находился «под началом» в Московском Новоспасском монастыре.

В 1677 г. в Батурине был арестован и осужден протопоп Нежинский и бывший политический агент царского правительства в Малороссии Симеон Адамович. (Лазарь Баранович завидовал его авторитету в Москве и поэтому относился к нему крайне враждебно). 11 августа 1678 г. С. Адамович был доставлен в Москву и 12 августа того же года отправлен в ссылку в Сибирь (в Иркутск), где вскоре умер.

В 1712 г. был арестован, осужден и отправлен в ссылку в Соловецкий монастырь за изменническую деятельность Гедеон Одорский, тайный униат, архимандрит Батуринского Николаевского монастыря, пособник гетмана И.С. Мазепы.

Приведенные примеры достаточно наглядно иллюстрируют практику применения Российским государством и Московской патриархией мер защиты от проникновения в православие «латинства» в XVII столетии.

Польская нунциатура. Напомним, что в основе задач польской нунциатуры лежали геополитические интересы Рима в этом регионе. Задач было много, одни относились непосредственно к самой Польше и великому княжеству Литовскому, другие к северным соседям Швеции и Ливонии; очень важные задачи относились к противоборству европейских государств с Турцией и Крымским ханством. Особо стояли задачи, которые Рим надеялся решить с участием польской нунциатуры относительно Московии, Русской православной церкви и православия.

Выше, в главах, посвященных разведке и подрывной деятельности против Московского государства, Русской православной церкви и православия, мы уже говорили о тех задачах, какие ставил Рим на этих направлениях взаимоотношений с Москвой. Все эти задачи имели самое непосредственное прямое или косвенное отношение к деятельности польской нунциатуры, которая, выполняя установки Рима, выступала в роли то руководителя или организатора и вдохновителя, то исполнителя или соисполнителя, то консультанта или советника. При всем при этом нунциатура должна была постоянно помнить, что является политическим и дипломатическим представительством Ватикана, официальным учреждением с определенным статусом и что любая грубая ошибка как по отношению к Варшаве (Кракову), так и по отношению к Москве, может привести к нежелательным последствиям.

В XVI–XVII столетиях папскую нунциатуру в Польше возглавляли следующие исторические персонажи:

Луиджи (Алоизий) Липпомано (1497–15.08.1559), епископ Веронский, первый папский нунций в Польше, назначен на эту должность 13 января 1555 г. папой Юлием III. Однако смерть Юлия III 23 марта 1555 г. помешала Липпомано приступить к исполнению обязанностей нунция. 6 июля 1555 г. папа Павел IV подтвердил решение Юлия III и 14 августа того же года известил об этом назначении короля Польши Сигизмунда II Августа, королеву, примаса архиепископа Гнезненского и всех польских епископов. Нунций с 13 января 1555 г. по 22 сентября 1556 г. 8 октября этого года он уже был в Вероне, а в 1557 г. представил курии свою реляцию о Польше. Участник Тридентского собора[1250].

Затем до 1558 г. нунции в Польшу не назначались.

Камилл Ментоватти (?–1560), епископ Сатрианский; 8 августа 1558 г. папа Павел IV своим бреве известил короля Польши Сигизмунда II Августа о направлении в Польшу нунция. Нунций с 8 августа 1558 г. по апрель 1560 г. Участник Тридентского собора.

Бернард Бонджованни (?–12.09.1574), епископ Камеринский; назначен нунцием в Польшу папой Пием IV 23 апреля 1560 г., о чем в тот же день направлено бреве королю Польши Сигизмунду II Августу. Нунций с 23 апреля 1560 г. по 28 апреля 1563 г. Первую депешу послал в Рим из Кракова 15 августа 1560 г. Своим письмом от 22 апреля 1563 г. Сигизмунд II Август высказал просьбу папе Пию IV об отзыве нунция. В Ватиканском Архиве сохранилась переписка Государственного секретариата Ватикана с Бонджованни за период с 30 августа 1560 г. по 19 марта 1563 г. Участник Тридентского собора.

[1250] Сведения об участии папских нунциев в Польше в работе Тридентского собора взяты из издания: «Jstoria del Concilio di Trento scritta dal padre Sforza Pallavicini della Compagnia di Gesu, oi cardinal drilla Santa Romana Chiesa. Ora illustrate con annotazione da Francesco Antonio Zaccaria. T. XIV. Venezia. 1803.».

Джованни Франческо Коммендоне (17.03.1523–26.12.1584), кардинал с 12 марта 1565 г. В период с 24 декабря 1560 г. по 31 марта 1562 г. возглавлял нунциатуру в Германии. Нунций в Польше с 19 октября 1563 г. по 9 декабря 1565 г. В 1571–1573 гг. являлся легатом в Польше (в период нунциатуры Портико). Как легат заменен после восшествия на польский престол француза Генриха Валуа. Сохранились донесения Коммендоне в Рим. Участник Тридентского собора. Участником этого же собора являлся и секретарь Коммендоне — Грациани Антонио Мария.

Джулио Руджиери, аббат, протонотарий; возглавлял нунциатуру в Польше с 2 марта 1566 г. по 18 февраля 1568 г. Автор «Донесения о состоянии Польши» папе Пию IV от 1568 г.

Винченцо дель Портико (?–1590), протонотарий; назначен нунцием в Польшу 18 февраля 1568 г. В Краков прибыл в начале июля того же года, возглавлял нунциатуру до 1 июня 1573 г., хотя замена фактически прибыла в январе 1574 г. Папа Пий V намеревался направить в 1570 г. Портико с дипломатической миссией в Москву (инструкция подписана 9 августа 1570 г.), но в связи с поступившими сведениями о жестокости Ивана Грозного миссия была отложена. Сведения эти были основаны на докладе бежавшего осенью 1570 г. из Московии бывшего пленного Альберта Шлихтинга «Новости из Московии, сообщенные дворянином Альбертом Шлихтингом о жизни и тирании государя Ивана».

Винченцо Лаурео (28.03.1523–17.12.1592), епископ Мендовийский; назначен нунцием в Польшу бреве папы Григория XIII 1 июня 1573 г., но фактически приехал в Польшу в январе 1574 г. Свои обязанности исполнял до 1 сентября 1578 г., из Кракова выехал 30 августа этого года. С 12 декабря 1583 г. — кардинал, с 1588 г. проживал в Риме. Сохранились донесения Лауреo в Рим. Участник Тридентского собора.

Джованни Андреа Калигари (14.10.1527–19.01.1613), епископ Бертинорский с 14 октября 1579 г. Являлся нунцием в Польше с 9 апреля 1578 г. по 12 апреля 1581 г., но фактически до начала сентября 1581 г., так как последнюю депешу в Рим отправил 8 сентября этого года. Папское бреве об отзыве подписано в Риме 8 июля того же года. По поручению папы Григория XIII намеревался в 1579 г. выехать с дипломатической миссией в Московию, но король Польши Стефан Баторий этому воспрепятствовал.

Альберто Болоньетти (8.07.1538–17.05.1585), епископ Масский, с 12 декабря 1583 г. кардинал. В период с 4 июля 1579 г. по 31 декабря 1580 г. являлся папским нунцием в Венеции. Папским нунцием в Польше был с 12 апреля 1581 г. по 5 апреля 1585 г. В постоянную резиденцию в Варшаве прибыл 22 июля 1581 г., но первую депешу в Рим отправил из Кракова уже 19 июля того же года. Из Польши в Италию выехал 8 апреля 1585 г.

Иероним (Джироламо) ди Бовио (Буойя, Buoi) (1542–26.01.1596), епископ Камеринский; являлся папским нунцием в Польше с 27 октября 1585 г. по 15 ноября 1586 г. Первую депешу в Рим отправил 16 апреля 1585 г. Сохранились донесения Бовио И. в Рим.

Аннибале да Капуа (1544–2.09.1595), архиепископ Неаполитанский; назначен нунцием в Польшу 15 ноября 1586 г., но в Польшу прибыл не позднее февраля 1587 г. Возглавлял нунциатуру с 15 ноября 1586 г. по 30 апреля 1591 г.; в этот период (в 1588–1589 гг.) в качестве специального легата в Польшу приезжал кардинал

Ипполито Альдобрандини, будущий папа Климент VIII. В Ватиканском Архиве сохранились его донесения за период с 23 марта 1587 г. по 16 января 1590 г.

Джерманико Маласпина (1550–9.10.1603), епископ Сан-Северский; папский нунций в Польше с 10 июля 1592 г. по 9 марта 1598 г. До этого, с сентября 1580 г. по ноябрь 1584 г. — нунций в Граце при дворе эрцгерцога Карла, а с ноября 1584 г. по апрель 1585 г. — нунций в Вене при императоре Священной Римской империи германской нации. Один из организаторов принятия в 1596 г. Брестской унии, создания Униатской церкви и ликвидации Православной церкви на территории Польши.

Клаудио Рангони (26.09.1559–2.09.1621), епископ Реджио с 1593 г.; нунций в Польше с 20 октября 1598 по 16 сентября 1606 г.. Еще 3 июня 1606 г. кардинал Каффарелли-Боргезе Сципион известил его об отзыве с поста нунция, и он выехал к прежнему месту работы в качестве епископа Реджио в герцогстве Феррара. Активный организатор и участник незаконного возведения на Московский престол Лжедмитрия I, один из организаторов политического брака самозванца с Мариной Мнишек, незаконного свержения с патриаршего престола патриарха Московского и всея Руси Иова и незаконного возведения на этот престол Игнатия. Сохранились его донесения в Рим.

Франческо Симонетта (? – 19.01.1612), епископ Фолиньо; назначен нунцием в Польшу 3 июня 1606 г. и возглавлял нунциатуру до своей смерти в Варшаве. На этот период выпало, как мы знаем, «Смутное» время в Московии, и Симонетта сыграл свою роль в решении поставленных Ватиканом задач.

Лелио Руини (? – 30.12.1621), епископ Бальнеарский с 22 октября 1612 г., назначен нунцием в Польшу после смерти Франческо Симонетты и исполнял свои обязанности с 13 сентября 1612 по июнь 1614 г.

Лелио Бисчиа (15.06.1575–19.11.1638), епископ Бальнеарский, кардинал с 19 января 1626 г. Нунций в Польше с 18 июня 1614 г. по июль того же года. В римский период жизни некоторое время являлся протектором Греческой коллегии св. Афанасия, поддерживал контакты с Л. Аллацием.

Франческо Диоталлеви (1565–05.1622), епископ Сан-Анджело. Нунций в Польше с 21 июля 1614 по 9 июля 1621 г.

Козимо де Торрес (1584–1.05.1642), титулярный архиепископ Адрианопольский, нунций в Польше с 21 мая 1621 г. по 2 декабря 1622 г. Кардинал с 5 сентября 1622 г.

Джованни Баттиста Ланчелотти (1576–23.07.1656), епископ Ноланский, нунций в Польше с 10 декабря 1622 г. по 12 мая 1627 г.

Антонио Сантакроче (1598–25.11.1641), титулярный архиепископ Селевкийский. Нунций в Польше с 16 апреля 1627 г. по 19 ноября 1629 г. Кардинал с 19 ноября 1629 г.

Гонорат Висконти (? – 1645), архиепископ Ларисский, виконт. Нунций в Польше с 1630 г. по март 1636 г. (прибыл в Польшу 4.10.1630 г., выехал из Польши в июле 1636 г.). Король Польши Владислав IV просил для него у папы Урбана VIII кардинальскую шапку, но положительного решения по этой просьбе не последовало, так как Г. Висконти являлся подданным испанской короны. В годы его нунциатуры умер король Сигизмунд III, на трон взошел Владислав IV. Участник событий, вызванных отменой запрета на Православную церковь и возвращением некоторых прав (и имущества) Православной церкви и православным.

Марио Филонарди (? – 19.08.1644), епископ Авиньонский, домовой папский прелат. Являлся папским нунцием с 15 марта 1636 по 2 октября 1643 г., когда был отозван папой Урбаном VIII по просьбе короля Польши Владислава IV. Причина отзыва — принципиальное несовпадение позиций короля и нунция по отношению к Православной церкви, православным священнослужителям и православным.

С октября 1643 г. по сентябрь 1644 г. папского нунция в Польше не было.

Иоанн де (Джованни де)Торрес (? – 1663), титулярный архиепископ Адрианопольский, сын Козимо де Торреса. Нунций в Польше с 16 февраля 1645 г. по 10 апреля 1651 г. (в Варшаву из Рима выехал в марте 1645 г.). В этот период, после смерти Владислава IV, королем Польши избран его брат Ян II Казимир (17.11.1648, иезуит, кардинал с 28 мая 1646 г.).

Пиетро Видони (8.11.1610–5.01.1681), епископ Лодийский, нунций в Польше с 28 мая 1652 по 5 апреля 1660 г. Кардинал с 5 апреля 1660 г. В этот период Малороссия по решению Переяславской рады вошла в состав Российского государства (1654), произошли войны между Россией и Польшей (1653–1655, 1658–1666).

Антонио дель Растрелло Пиньятелли (13.05.1615–27.09.1700), архиепископ Ларисский, нунций с 21 мая 1660 г. по 10 марта 1668 г. Кардинал с 1 сентября 1681 г. Избран папой под именем Иннокентий XII 12 июля 1691 г. Председательствовал на Супрасльской конгрегации Ордена базилианцев 23 августа 1665 г., на которой протоархимандритом Ордена был избран Коленда Гавриил Янович. Через полгода, 3–5 марта 1666 г., Антонио Пиньятелли председательствовал на Брестской конгрегации Ордена базилианцев, на которой протоархимандритом вновь был избран Г.Я. Коленда.

Галеаццо Марескотти (1.10.1627–3.07.1726), архиепископ Коринфский, нунций в Польше с 10 марта 1668 г. по 13 августа 1670 г. Кардинал с 27 мая 1675 г. В этот период король Польши Ян II Казимир отрекся от престола (6.09.1668), королем избран Михаил Вишневецкий (9.06.1669).

Франческо Нерли (12.06.1636–8.04.1708), архиепископ Флорентийский, нунций в Польше с 27 июня 1670 г. по 22 декабря 1670 г. Кардинал с 12 июня 1673 г.

Анджело Мария Ренуцци (19.05.1626–27.09.1689), архиепископ Дамиетский, нунций в Польше с 13 мая 1671 г. по 3 ноября 1672 г. Кардинал с 2 сентября 1686 г.

Франческо Буонвизи (16.05.1625–25.08.1700), титулярный архиепископ Фессалоникский, нунций в Польше с 3 ноября 1672 по 28 июля 1675 г. Кардинал с 1 сентября 1681 г. В этот период королем Польши избран Ян III Собесский (8.05.1674).

Франческо Мартелли (1633–28.09.1717), титулярный архиепископ Коринфский, нунций в Польше с 20 сентября 1675 г. по 30 сентября 1680 г. Кардинал с 17 мая 1706 г.

Опицио Паллавичини (15.10.1632–11.02.1700), титулярный архиепископ Эфесский, нунций в Польше с 30 сентября 1680 по 2 сентября 1686 г. Кардинал с 2 сентября 1686 г.

Джакомо Кантельми (13.06.1645–11.12.1702), титулярный архиепископ Цессареи, нунций в Польше с 23 октября 1688 г. по 15 октября 1689 г. Кардинал с 13 февраля 1690 г. На период его нунциатуры выпал пик попытки государственного переворота в Москве, во главе которой стояла царевна Софья Алексеевна.

Андреа Сантакроче (22.11.1655–10.05.1712), титулярный архиепископ Селевкийский, домовой прелат папы Иннокентия XII, нунций в Польше с 7 января 1690 г.

по февраль 1696 г. Это был период становления Петра I как самодержавного монарха Российского государства. Кардинал с 14 ноября 1699 г.

Джанантонио Давиа (23.10.1660–11.01.1740), титулярный архиепископ Фиванский, домовой прелат папы Иннокентия XII, нунций в Польше с 12 февраля 1696 г. по 10 марта 1698 г. Кардинал с 18 мая 1712 г. В этот период королем Польши избран курфюрст Саксонский Фридрих-Август II Сильный (17.06.1697), союзник Петра I в Северной войне.

Микеланджело Конти (13.05.1655–7.03.1724), титулярный архиепископ Тарса, нунций в Польше с 24 марта 1698 г. по 20 марта 1700 г. Кардинал с 7 июня 1706 г. Избран папой под именем Иннокентий XIII 8 мая 1721 г.

Франческо Пиньятелли (6.02.1652–5.12.1734), архиепископ, нунций в Польше с 20 марта 1700 г. по 19 февраля 1703 г. Кардинал с 17 декабря 1703 г. При Ф. Пиньятелли Россия официально вступила в Северную войну (август 1700) за выход к Балтийскому морю и возврат утраченных по Столбовскому договору территорий.

Всего в XVI–XVII столетиях в Польше папскую нунциатуру возглавляли 37 нунциев, 19 из них стали кардиналами, а 2 из этих 19 были избраны папами Римскими (Иннокентий XII и Иннокентий XIII). К этому следует добавить, что в 20-х годах XVII столетия аудитором при нунции Ланчелотти являлся Эмилио Альтьери (1590–1676), который позднее, 29 ноября 1669 г., стал кардиналом, а 29 апреля 1670 г. избран папой под именем Климент X.

Не будет ошибкой сказать, что папские нунции осуществляли постоянное воздействие на польских королей, высших сановников, местное католическое и униатское духовенство Польши в нужном Ватикану направлении. Это воздействие находило свое выражение в принятии королями государственных политических решений. Работа в Польше была не только превосходной школой, но и достаточно весомой рекомендацией для передвижения на вышестоящую ступеньку иерархической лестницы. На весьма непростую политическую и оперативную обстановку в Польше и сопредельных с ней странах, прежде всего в Московии, накладывалась необходимость поддерживать с польскими королями рабочие отношения в режиме взаимопонимания, а иногда и в режиме послушания папскому престолу. Получалось это не всегда. Не всегда и Рим шел навстречу королевским желаниям. Известны настойчивые и безуспешные просьбы короля Сигизмунда III о возведении нунция Клаудио Рангони в сан кардинала; одновременно он же обращался в Рим с жалобами на нунция Франческо Симонетта. В 1642 г. по настоятельной даже не просьбе, а требованию короля Владислава IV был отозван нунций Марио Филонарди; король Сигизмунд II Август ходатайствовал перед Римом об отзыве нунция Бернарда Бонджованни. Не все было гладко в отношениях между нунциями и королями, большое значение имели условия и обстановка в стране, особенности характеров, их позиции и другие факторы, но в целом они отвечали рекомендациям Ватикана.

Множество приведенных в предшествующих главах примеров наглядно рассказывают об участии и роли польской нунциатуры в разведывательной и подрывной деятельности. Мы не будем повторяться, а только назовем некоторые события в истории Московии и Русской православной церкви и православия и конкретных участников этих событий из числа папских нунциев и их секретарей.

Нунций Джерманико Маласпина принимал непосредственное участие в организации и проведении ряда мероприятий, направленных на подписание Православной церковью Западной и Южной Руси унии с Римской католической церковью. В частности, в согласовании условий подписания унии; в организации поездки Ипатия Львовича Потея и Кирилла Семеновича Терлецкого в Рим; в созыве и проведении Брестского Собора; в запрещении Православной церкви Западной и Южной Руси и православия; в образовании Униатской церкви и новой религии униатства на канонической территории Православной церкви Западной и Южной Руси. В частности, накануне поездки в Рим И.Л. Потей и К.С. Терлецкий выделили из общих условий для заключения унии те, которые, по их мнению, подлежали рассмотрению папы Римского, и передали их на согласование папскому нунцию Джерманико Маласпине. Ответ был дан 1 августа 1595 г.: «В ответе нунций удостоверял, что просьбы русских владык, которыя касаются догматов, как выраженныя согласно с католическою верою и определениями флорентийскаго собора, папа, без сомнения, примет и одобрит, и что он наверно уступит и по остальным просьбам, относящимся к праву человеческому, если найдет их не противоречащими католической вере и согласными с здравым разумом…»[1251]. Все остальные условия были переданы на рассмотрение королю Польши Сигизмунду III, который дал положительный ответ 2 августа 1595 г.

Нунций Клаудио Рангони непосредственно участвовал в склонении короля Польши Сигизмунда III к признанию самозванца Лжедмитрия I сыном царя Ивана Грозного и законным претендентом на царский Московский трон. Его роль есть и в организации вооруженного вторжения собранного Юрием Мнишеком и Лжедмитрием I войска в Московию, в организации свержения законного царя Федора Годунова и возведения на царский престол Лжедмитрия I. Он также участвовал в организации политического брака между католичкой Мариной Мнишек и Лжедмитрием I. Кроме того, его участие есть в организации свержения с патриаршего престола законного патриарха Иова и возведения на патриарший престол в Москве Игнатия. Клаудио Рангони настойчиво настраивал Лжедмитрия I на заключение унии между Русской православной церковью и Римской католической церковью. Вот что он писал ему из Кракова 25 февраля 1606 г.: «…А зделал бы есе с обеих дел одно, чтоб святое соединение веры, как еси обещал, так и соверши. А как то станешь делати, и ты так теми делы промышляй всякими силами неоплошно, и мудро и бережно, чтоб страху и убытка какого ясности твоей, от чего Боже сохрани, не было. А думаю тебе, чтоб совокупивши думы свои с святейшим нашим господином Павлом 5-м, которого яз отцевскую любовь твоей преже сего объявлял, ибо тем соединением укрепленную веру свою Богу отдашь, и царства своего основания глубочайшее и крепкое утвердишь, и славу имени своему оставишь…»[1252]. Лжедмитрий I не просто созрел для выполнения рекомендаций нунция, он был готов совершить ради этого еще одно чудовищное преступление. Как показали на допросе после восшествия на престол В.И. Шуйского бывшие советники самозванца Ян и Станислав Бучинские, 16 мая 1606 г. в их присутствии состоялся разговор между Лжедмитрием I и князем Константином Константиновичем Вишневецким (1564–1641, магнат, зять

[1251] Макарий, архиепископ Литовский и Виленский. История русской церкви. Т. IX. Книга 4. С. 598.

[1252] Цит. по: Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 137. С. 210.

Юрия Мнишека, участник похода на Москву). На допросе выяснилось, что Лжедмитрий I собирался устроить показательные стрельбы, пригласить на них московскую политическую и военную элиту с их сторонниками и там всех уничтожить, а затем… Прочитаем выдержку из документа: «…И говорил де туто розстрига Гришка с клятвою, что одноличио в неделю маия в 18 день на стрельбе бояр Мстиславского, и Шуйских, и иных бояр, и дворян лутчих, и детей боярских, и голов, и сотников, и стрельцов и черных людей, которые за них любо станут, побити всех; а совершив то, тотчас велю костелы римские ставити, а в церквах руских пети не велю. И то де все совершу, на чом де есми присягал папе, и кардиналом, и арцыбискупом, и бискупом, и как де есми воеводе под клятвою в письме своем написал…»[1253]. Намерения были выражены откровенно и четко; московский мятеж 17 мая 1606 г. предотвратил готовившееся преступление. (Неделя — это воскресенье).

Нунций Франческо Симонетта участвовал в организации крестового похода на Московию, закончившегося вооруженной польской интервенцией и разграблением Кремля. В наступившем «Смутном» времени есть и его доля «заслуг». В инструкции нунцию, подписанной 11 ноября 1606 г. государственным секретарем Ватикана кардиналом Сципионом Каффарелли-Боргезе, наряду с другими вопросами, говорилось об оценке Римом ситуации в Москве, и в числе одной из задач указывалась задача заключения унии с Римской католической церковью. «…O sprawie moskiewskiej mało mam do powiedzenia, gdy nadzieja przyprowadzenia tego w. xięstwa do posłuszeństwa stolicy apostolskiej znikła ze śmiercią Dymitra, chociaż słychać znowu że żyje. Nie mogę jednak przemilczeć, że gdyby myśl Rutskiego była rozwinięta i poparta, gdyby, jak on doradza, zaprowadzona była reforma reguły Ś. Bazylego pomiędzy unitami, możnaby się ztąd doczekać wiele pięknych owoców, bo unici przez swe stosunki z narodem moskiewskim rozszerzyliby w nim światło prawdziwej wiary bez podejrzenia że go chcą gwałtem pociągać do uległości prawdziwemu namiestnikowi Chrystusa…»[1254]. (…О делах московских мало имеем сведений, надежда приведения того великого княжества в подчинение столице апостольской пропала со смертью Димитрия, хотя снова слышно, что жив. Не можем однако умолчать, что если бы идея Рутского была развернута и поддержана, если бы он ввел реформу устава С. Василия между униатами, здесь можно было бы собрать много прекрасных плодов, так как униаты через свои связи с народом московским распространили бы в нем свет истинной веры, не вызывая подозрений, что хотят насильно привести к покорности истинному наместнику Христа…). Руководствуясь инструкцией, Ф. Симонетта стремился решить и эту поставленную перед ним задачу. Выше о И.В. Рутском и его деятельности по укреплению Униатской церкви и созданию Ордена базилианцев мы говорили.

Антонио Мария Грациани, секретарь нунция Джованни Франческо Коммендоне, а также нунции Винченцо Лаурео и Альберто Болоньетти лично склоняли королей Польши к войне с Московским государством.

Нунции Джованни Андреа Калигари и Альберто Болоньетти участвовали в организационном обеспечении дипломатической, и одновременно разведывательно-подрывной, миссии Антонио Поссевино в Москву.

[1253] Цит. по: там же. С. 237.

[1254] Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690. S. 107–108.

Нунций Антонио дель Растрелло Пиньятелли непосредственно участвовал в налаживании деятельности Ордена базилианцев и снятии напряженности во взаимоотношениях между униатским духовенством и базилианцами.

Нунций Галеаццо Марескотти принимал участие в развитии акции по соединению церквей, затеянной эмиссаром Ватикана Паисием Лигаридом, направлял в Рим представление о его поощрении. Он контролировал деятельность католических орденов в Речи Посполитой, что в то время было довольно сложно по объективным причинам — из-за изменений в политической обстановке, в прохождении меняющейся линии государственной границы и т.д. В своем донесении он писал папе Клименту X: «Jezuici mają w prowincyi polskiej 25 kollegiów, jeden dom professów i jeden nowicyat; w litewskiej 16 kollegiów, dwa domy professów i jeden nowicyat oprócz niektórych innych rezydencyj...»[1255]. Это означало, что иезуиты имеют в польской провинции 25 коллегий, один дом профессов и один новициат. В литовской же провинции у них было 16 коллегий, 2 дома профессов и один новициат, кроме некоторых резиденций. (Ниже, в приложении, мы привели список коллегий Ордена иезуитов, действовавших в XVI–XVII столетиях на территории Речи Посполитой). В этом донесении Галеаццо Марескотти сообщил также о наличии провинций, монастырей и новициатов у доминиканцев, францисканцев, францисканцев-обсервантов, августинцев, кармелитов, кармелитов босых и др.

Папские нунции самым активнейшим образом участвовали в оказании воздействия на российских дипломатов, приезжавших в Варшаву, или следовавших через Варшаву в Вену. Целью воздействия являлось склонение их к вступлению России в военно-политический союз против Турции. 21 мая 1680 г. нунций Франческо Мартелли на нейтральной территории, в саду подскарбия коронного Андрея Морштена в Варшаве, провел по названному выше вопросу встречу с дьяком Посольского приказа Емельяном Игнатьевичем Украинцевым. Папский нунций Опицио Паллавичини действовал более открыто. 9 марта 1681 г. он посетил российских дипломатов думного дворянина Ивана Афанасьевича Желябужского и дьяка Семена Михайловича Протопопова непосредственно в их резиденции в Варшаве, обещая склонить к этому союзу и короля Яна III Собесского[1256]. Если говорить прямо, то шло откровенное втягивание Российского государства в войну с Турцией, в войну, которая была России совсем не нужна.

Об этих и других примерах участия папских нунциев в разведывательно-подрывной деятельности мы подробно говорили выше. Нужно сказать, что с окончанием «Смутного» времени по известным нам причинам непосредственные дипломатические контакты Рима с Москвой ощутимо сократились, и решение интересовавших Рим вопросов в отношении Москвы было возложено на дипломатические службы Священной Римской империи германской нации и Речи Посполитой.

[1255] Там же. S. 408.

[1256] *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей в царствование Феодора Алексеевича // ЖМНП. Март. СПб. 1888. С. 176, 193–194.

Заключение

Огромный пласт времени, два столетия, наполнен подрывными и разведывательными акциями, заговорами и организацией вооруженных вторжений иностранных войск на территорию России, попытками уничтожить Российское государство и Русскую православную церковь, обратить православное население страны в католичество. Все это готовилось и осуществлялось с использованием того набора форм и методов, которые находились на вооружении разведывательных служб того времени.

Борьба в духовной сфере уже давно неразрывно связана с борьбой политической и идеологической, военной и экономической. Эта борьба непримирима и бескомпромиссна, наступательна и активна. И целью этой борьбы являлась не просто замена православия на католичество, замена православных храмов и обрядов на католические. Ватикану была нужна территория России с ее богатствами, российский народ с результатами его труда, духовная власть над Российским государством, которая бы упрочила положение Ватикана на мировой политической арене и позволила уничтожить православие в оставшихся странах. Жажда власти, власти политической, духовной и экономической, вот что двигало Ватиканом в его борьбе с Россией и Русской православной церковью. Приведенные примеры из истории этой борьбы в XVI и XVII вв. очень показательны и убедительно подтверждают сказанное.

Великие географические открытия, первый раздел мира между Испанией и Португалией, проведенный при посредничестве Ватикана, вынудили Рим и европейские государства искать альтернативные пути к богатым странам Востока и вывели их на Московию, как на хозяйку этих путей. Московское государство, как и многие другие территории мира, стало объектом геополитических интересов и разведывательных устремлений Рима и других европейских государств. Именно в этот период, в XVI–XVII столетиях, Ватиканом была создана уникальная «Система» разведывательного обеспечения реализации геополитических интересов, позволившая намного опередить европейские государства в организации и проведении разведывательной деятельности, сборе разведывательной информации, в оценке политической обстановки в отдельно взятых странах или регионах Европы (мира). Разумеется, не только ради России создавалась «Система». Ее объектом являлся

весь мир, но составляющие «Систему» структурные элементы были в необходимой мере задействованы также в организации и осуществлении разведывательно-подрывной деятельности против Российского государства и Русской православной церкви в XVI–XVII столетиях.

Говоря об основных результатах этой деятельности, нужно подчеркнуть, что главная цель достигнута не была. Ватикану не удалось обратить народ Московского государства в униатство и католичество, превратить Московское государство из православного в униатское или католическое, уничтожить Русскую православную церковь, превратив ее в Униатскую с подчинением Риму.

Вместе с тем Рим приобрел организационный и практический опыт осуществления совместно с европейскими государствами-союзниками масштабной и целенаправленной разведывательно-подрывной деятельности против Московского государства, Русской православной церкви и православия. Приобретен практический опыт деятельности в православной стране с жестким административным режимом (самодержавное царство) в условиях сложной политической и оперативной обстановки и языкового барьера. На практике отработаны формы и методы разведывательно-подрывной деятельности как непосредственно на территории Московии, так и с территории сопредельных государств для использования в последующие годы.

Проведено разведывательное изучение Московского государства, Сибири, транзитных транспортных путей через Московию и Сибирь в Персию, Индию, Китай, другие страны Востока. Опробованы пути из Европы через Москву и Астрахань по Каспийскому морю в Персию и дальше в Индию, Китай и другие страны, и обратно.

Проведено разведывательное изучение Русской православной церкви и православия.

Осуществлены четыре попытки низложить неугодных патриархов Московских и всея Руси (Иов, Гермоген, Никон, Иоаким), и четыре попытки возвести на патриарший престол угодных Ватикану лиц (Игнатий, повторно Игнатий, Паисий Лигарид, Сильвестр Медведев). Правда, в 1690 г. была осуществлена еще одна (пятая) попытка взойти на патриарший престол, главным участником которой являлся иезуит Михаил Яконович. В этой попытке много неясного, исторических свидетельств явно недостаточно, поэтому однозначно приписывать ее действиям Ватикана было бы некорректным.

При поддержке Ватикана (не всегда открыто выраженной) осуществлены три попытки свергнуть с царского трона неугодных монархов (Федор Борисович Годунов, Василий Иванович Шуйский, Петр I Алексеевич), и три попытки возвести на царский трон угодных Ватикану лиц (Лжедмитрий I, Владислав IV, Софья Алексеевна).

Проведена «проверка боем» стойкости русского царя в православной вере и знания им канонов христианства. Осуществлена прямая попытка обратить русского царя Ивана Грозного из православия в католичество в ходе религиозного диспута. Противником Ивана Грозного в диспуте выступал папский легат, иезуит Антонио Поссевино (1582).

Осуществлены два политических брака — ставленницы Ватикана Зои Палеолог с Иваном III Васильевичем (1472), и ставленницы Варшавы Марины Мнишек

с Лжедмитрием I (1606) с согласия и при поддержке Ватикана с целью использования их в мероприятиях по обращению Московского государства в католичество.

Организована польская интервенция в Московии с целью возведения на Московский царский трон ставленника Ватикана и Польши. В XVI–XVII столетиях папы Римские трижды организовывали крестовые походы против Российского государства, Русской православной церкви и православия. Они трижды благословляли королей Польши на войну с Московским государством, передавая им освященные в Рождество Христово шлемы и мечи, и в нужных случаях оказывая финансовую поддержку для оплаты расходов в польско-российских войнах. (1513 г. — папа Лев X и король Сигизмунд I; 1579 г. — папа Григорий XIII и король Стефан Баторий; 1609 г. — папа Павел V и король Сигизмунд III).

Ватикан принял участие в расколе Русской православной церкви через своих эмиссаров Паисия Лигарида, Арсения Грека и Георгия Крижанича. Паисий Лигарид, участвуя в работе Московских Соборов 1666–1667 годов, мешал принять решение по недопущению раскола, по примирению Русской православной церкви и старообрядцев. Арсений Грек своей деятельностью на Московском Печатном дворе обострял отношения между сторонниками и противниками церковной реформы, доводя их до непримиримых. Георгий Крижанич своей работой «Обличение на Соловечскую Челобитну» (1675) также мешал каким-либо намерениям примирить стороны. Кстати, Паисий Лигарид также написал сочинение, опровергающее Соловецкую челобитную и направленное против старообрядцев.

На канонической территории Киевской православной митрополии образована Униатская церковь (1596) и новая униатская религия. Опробовано запрещение Православной церкви и православия на этой территории (1596–1633) со всеми сопутствующими мерами борьбы с Православной церковью и православием. Приобретен опыт создания иерархии Униатской церкви, епархий, учебных заведений, разработки канонов, обрядов, богослужебной и полемической литературы и т.д. Образован Орден св. Василия Великого (Орден базилианцев) как боевой орган защиты, пропаганды и распространения униатства, борьбы с православием и Православной церковью (1617). Приобретен опыт взаимодействия Ордена базилианцев с Ватиканом, польским правительством и шляхтой, Орденом иезуитов. После 1633 г. опробована одновременная деятельность на одной и той же территории Православной, Униатской и Римской католической церквей. Испытана пригодность указанных выше приемов для возможного применения на территории Московского государства.

Приобретен некоторый практический опыт направления в Москву эмиссаров для проведения разведывательно-подрывной деятельности.

Образованы и действовали миссии Ордена иезуитов в Москве (1684–1689, 1698–1719) и Смоленске (1686–1689), приобретен опыт деятельности в сложных условиях российского административного режима, противодействия Русской православной церкви, языкового барьера. (Кроме того, в 1692–1698 гг. в Москве действовала католическая миссия в составе двух членов Ордена францисканцев). Осуществлено строительство в Москве католического храма, создана католическая школа для детей царских сановников и правительственных чиновников с целью подготовки из них будущих командных кадров для российской политики, дипломатии, армии, экономики и образования, воспитанных в соответствии с рекомен-

дациями Рима. На практике отработаны способы обеспечения безопасности деятельности миссии и ее каналов связи с руководством за рубежом. Заложены основы для будущего расширения численности не только миссии, но и католической колонии в Москве и других городах Российского государства. Подготовлены условия для изменения отношения царя, правительства, гражданского общества к католикам и католичеству в выгодную для Рима сторону, что найдет свое выражение уже в XVIII в.

Приобретен опыт использования иезуитами российско-китайских дипломатических контактов в интересах Ордена иезуитов. Иезуиты на практике применили метод оказания дипломатических услуг русскому царю в период Северной войны в интересах демонстрации своих возможностей, желания сотрудничать с российским правительством и формирования у царя и правительства доверия к Ордену.

Члены Ордена иезуитов приняли непосредственное участие в разработке католическими европейскими государствами (Священная Римская империя германской нации, Испания) планов установления владычества Габсбургов на Балтийском море в ущерб политическим и торговым интересам Московского государства, включая установление морской блокады и даже уничтожение порта Архангельск, перенос российской внешней торговли из Архангельска на Балтику в контролируемые Габсбургами порты.

Подводя итог, нужно сказать, что события двух столетий, XVI и XVII, не прошли бесследно как для Ватикана, так и для Российского государства и Русской православной церкви. В эти столетия были заложены основы будущего противоборства и сотрудничества Москвы и Рима.

Пояснительный словарь

Аббат — настоятель католического монастыря.

Аббревиатор — секретарь.

Агент — лицо, иностранец или подданный русского царя, тайно уполномоченное или привлеченное разведывательной службой иностранного государства для проведения тайной разведывательной деятельности на территории Российского государства. (Мы не говорим здесь о политическом и торговом агентах).

Административный режим — (в части, касающейся иностранцев) установленный в Российском государстве порядок въезда, передвижения, проживания и выезда иностранцев, их трудоустройства и занятий профессиональным видом деятельности. Фактически это была действующая система разрешений, ограничений и запретов, которая изменялась в зависимости от политической обстановки в стране, государственной принадлежности и категории иностранцев (дипломаты, купцы, специалисты и другие). Административный режим способствовал или затруднял иностранному разведчику (агенту) выполнение поставленной перед ним задачи.

Архиепископ — одно из высших званий в христианской церковной иерархии.

Архиерей — священнослужитель в православной церкви высшей степени священства из состава черного духовенства (епископ, архиепископ, митрополит), управляющий епархией, возводящий в сан священников и назначающий их на должности.

Архимандрит — старший монашествующий сан, настоятель большого мужского монастыря в православной церкви, наместник лавры, ректор духовной семинарии.

Банниция — изгнание из отечества как мера наказания в Польше XV–XVII вв.

Бреве — указ папы Римского, но более краткий, чем булла.

Булла — заявление или послание папы Римского церковным или государственным деятелям. Историк Е.Ф. Шмурло, работавший в начале XX в. в Ватиканском Архиве, указывает на наличие в Архиве трех видов булл: litterae curiales — буллы, содержавшие законодательные акты в интересах светской и духовной власти пап; постановления о канонизации; мирные трактаты; отправления по-

сольств; о делах церкви вообще и т.п.; litterae communes — буллы о внутренних вопросах католической церкви: раздаче церковных бенефиций; возведении в духовный сан; разрешении на вступление в брак; выдаче привилегий; отпущении грехов и т.п.; litterae secretae — буллы о сношениях с иноземными государями, дела церкви международного характера[1257].

Велебность — преосвященство.

Визитатор — должностное лицо, осуществляющее проверку (инспекцию) деятельности той или иной епархии, деканата, прихода католической или униатской церкви, монастырей, учебных заведений и т.д.

Визитация — периодическое инспектирование должностным лицом (визитатором) епархии, деканата, прихода католической или униатской церкви, монастырей, учебных заведений и т.д.

Викарий — заместитель архиепископа, епископа, священника.

Вульгата — название латинского перевода Библии, сделанного в IV в.

Гвардиан — настоятель францисканского монастыря.

Голдовник — в рассматриваемые времена так называли вассалов.

Датария — канцелярия, учреждение римской курии для рассмотрения и решения дел о прошениях и милостях (диспенсациях).

Деканат — в католической церкви церковно-административная единица, содержащая несколько приходов и управляемая деканом. Соответствует благочинию в православной церкви.

Диоцез — церковно-административная единица в католической церкви, управляемая епископом.

Дьякон — в православной церкви священнослужитель низшего чина.

Евхаристия — в христианской церкви таинство причащения. В православной церкви при совершении евхаристии хлеб и вино преосуществляются в плоть и кровь Иисуса Христа.

Епархия — церковно-административная единица, управляемая архиереем. В православной церкви епархия разделена на несколько благочиний (во главе с благочинным), которые, в свою очередь, состоят из нескольких приходов. В католической церкви епархия разделена на несколько деканатов (во главе с деканами), которые также состоят из нескольких приходов.

Епископ — в христианской церкви — глава епархии, священнослужитель высшей степени священства, архиерей.

Жолнер — солдат польской пехоты в XVI–XVII вв.

Иерарх — священнослужитель из состава высшего духовенства.

Иерей — православный священник.

Игумен — настоятель православного монастыря, храма, старший священник церкви, если он является монахом.

Инстигатор — прокурор, стряпчий. В обязанности инстигатора входило наблюдение за соблюдением правосудия на конкретной территории.

Интернунций — дипломатический представитель следующего за нунцием (послом) класса, посланник.

[1257] Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Издание Императорской Академии Наук. Т. I. Вып. I. СПб., 1907. С. 63–64.

Инфамия — лишение шляхетской чести, которым сопровождался приговор о баннициии. Наказанный человек лишался всех гражданских прав и покровительства закона.

Капеллан — в католической церкви священник при часовне (капелле) или домашней церкви, а также помощник приходского священника.

Кардинал — второй после папы Римского титул в Римской католической церкви.

Келарь — в православной церкви инок, управляющий хозяйством монастыря.

Кляштор — монастырь, обитель.

Конвиктор — в переводе с латинского языка сотрапезник, собеседник. (Применительно к Георгию Крижаничу можно употребить слово слушатель).

Конгрегация — 1) постоянно действующая комиссия кардиналов, структурное подразделение курии (министерство). 2) Съезды (Соборы) некоторых орденов, например, Ордена базилианцев, Ордена иезуитов и др. 3) в Римской католической церкви религиозная организация, связанная с монашеским орденом, имеющая свой устав и в состав которой входят как священнослужители, так и миряне. (Последнее см.: Словарь русского языка в 4-х томах. Академия наук СССР Институт Русского языка. Издание третье. М.: «Русский язык», 1986).

Конклав — собрание кардиналов для избрания папы Римского.

Конкордат — договор между папой Римским и правительствами государств, определяет положение и привилегии католической церкви в государстве и взаимоотношения этого государства с папским престолом.

Консистория — назначение новых кардиналов.

Консультор — советник протоархимандрита.

«Крыша» дипломатическая — форма разведывательной деятельности, заключающаяся в использовании разведчиком (агентом) статуса иностранного дипломата или члена иностранной дипломатической миссии для официального въезда, передвижения и проживания на территории Российского государства с целью проведения разведывательной деятельности и ее маскировки. Такая «крыша», с одной стороны, повышала уровень собственной безопасности разведчика (агента) в случае разоблачения, и несколько расширяла его оперативные возможности за счет более высокого уровня информационных контактов. С другой стороны, она же обеспечивала постоянное и повышенное внимание к нему со стороны царских властей и могла затруднить решение разведывательных задач.

«Крыша» торговой компании, купеческого дома, купца — форма разведывательной деятельности, заключающаяся в использовании иностранной разведывательной службой торговых компаний, купеческих домов и купцов для проведения разведывательной деятельности и ее маскировки. При этом учитывалось, что иностранные купцы пользовались в российском государстве большей свободой проживания и передвижения по сравнению с дипломатами, имели возможность устанавливать и поддерживать информационные контакты с широким кругом людей — от высших царских сановников до русских купцов, военных и землепроходцев.

«Крыша» военного наемника или специалиста — форма разведывательной деятельности, заключающаяся в использовании иностранным разведчиком (агентом) статуса военного наемника или специалиста (астролога, аптекаря или вра-

ча, художника или ювелира, литейных, оружейных, пушечных или корабельных дел мастера, рудознатца и других) для проведения и маскировки разведывательной работы в Российском государстве. При этом учитывалось, что военные наемники зачастую назначались на командные посты в российской армии и имели неплохие возможности для сбора разведывательной информации политического, военного и экономического характера.

Курия — административный аппарат управления Римской католической церковью, правительство.

Лавра — большой мужской православный монастырь. В дореволюционной России было 4 Лавры — Киево-Печерская (г. Киев), Троице-Сергиева (г. Сергиев Посад), Александро-Невская (г. Санкт-Петербург), Почаевская Успенская (г. Почаев).

Легат — посол, дипломатический представитель папы Римского.

Миссионер — полномочный представитель церкви, занимающийся распространением религиозного учения.

Митрополит — второй после патриарха сан в православной церкви.

Нунций — высший дипломатический представитель папы Римского, посол.

Нунциатура — постоянное дипломатическое представительство Ватикана в какой-либо стране.

Омофор — принадлежность богослужебного облачения архиерея.

Оперативная обстановка — совокупность факторов, характеризующих наличие (или отсутствие) разведывательных устремлений иностранных монархий к Российскому государству, реальные возможности Российского государства и его действия по собственной защите и защите царской власти, своевременному выявлению, предупреждению и пресечению разведывательной деятельности иного государства на его территории. К этим факторам можно отнести: наличие (или отсутствие) государственного специализированного ведомства по борьбе со шпионажем и другими государственными преступлениями; наличие (или отсутствие) законодательных актов, определяющих составы государственных преступлений и меры наказания; наличие (или отсутствие) системы государственных мер по борьбе с разведывательной и подрывной деятельностью, реализуемых правительственными учреждениями в столице и на территории Российского государства; степень надежности защиты сведений и документов государственной важности, порядок их хранения, изготовления и доступа к ним; степень эффективности борьбы с разведывательной деятельностью и, соответственно, степень вероятности и опасности разоблачения и наказания иностранного разведчика (агента), провала разведывательного мероприятия; наличие факторов, способствующих или затрудняющих проведение разведывательной и подрывной деятельности на территории России.

Орден — католическая монашеская организация с уставом. (Духовно-рыцарские ордена мы опускаем).

Осьмина — мера объема сыпучих веществ в Московском государстве в XVI-XVII вв., равнялась 104,96 л.[1258]

[1258] *Шостьин Н.А.* Очерки истории русской метрологии XI–XIX века. М.: Изд-во Стандартов, 1975. С. 18.

Отпуст — краткое молитвословие, которое произносит священник в самом конце богослужения[1259].

Официал — помощник митрополита Униатской церкви в XVII–XVIII вв. по управлению униатскими делами и, в частности, униатскими братствами.

Паллиум — принадлежность архиерейского облачения в католической и униатской Церквах, выдавалась папами Римскими вновь назначенным митрополитам, архиепископам и епископам.

Папа Римский — глава Римской католической церкви и верховный правитель государства — города Ватикана. Титул папы Римского — епископ Рима, наместник Иисуса Христа, преемник князя апостолов, верховный понтифик вселенской Церкви, патриарх Запада, примас Италии, архиепископ и митрополит Римской провинции, монарх государства — города Ватикана, раб рабов Божьих.

Парафия — церковный приход.

Парох — униатский сельский приходский священник, настоятель храма. (Стрельбицкий И. Униатские церковные соборы с конца XVI в. до воссоединения униатов с православною церковью. Изд. 2-е. Одесса., 1891. С. 120).

Патриарх — высший церковный титул в православных и некоторых других христианских Церквах. Титул главы Русской православной церкви – патриарх Московский и всея Руси.

Плебан — католический приходский священник, настоятель храма.

Подскарбий — казначей.

«Под чужим флагом» — форма разведывательной деятельности, заключающаяся в использовании иностранным разведчиком подданства иного государства, в расчете на то, что к представителю именно этого государства отношение в России будет не такое строгое и внимательное со стороны царских властей. Иногда использовалось сочетание форм «под чужим флагом» и дипломатической «крыши».

Политическая обстановка — совокупность факторов, характеризующих политическое состояние Российского государства. В частности, его международное положение, участие (неучастие) в войнах и военных конфликтах, союзах и блоках с другими государствами. Устойчивость и законность царской и исполнительной власти, характер взаимоотношений царя с боярской думой и влиятельными боярскими родами, патриархом Московским и всея Руси и Русской православной церковью, служилым дворянством и купечеством, армией и населением. Наличие и сила оппозиции, ее состав, взаимоотношения с иностранными государствами. Уровень свободы слова и дела, соотношение разрешений и запретов, жестокость или либеральность карательной политики. Репрессии. Наличие (отсутствие) заговоров, крестьянских бунтов и восстаний, кризисных ситуаций — эпидемий, неурожаев и голода, крупномасштабных пожаров, других социальных или стихийных бедствий.

Политический агент — полномочный представитель иностранного монарха, выполнявший в Москве весьма важные и, как правило, конфиденциальные поручения, прежде всего к русским царям.

[1259] Православная энциклопедия. М., 2010. С. 190.

Понтификат — в католической церкви период правления папы Римского.
Понтифик великий — с V в. титул Римских пап.
Пресвитер — священнослужитель.
Примас — в XVI–XVII столетиях главный епископ в каком-либо государстве, иногда, в период между смертью короля и избранием нового, исполнял обязанности главы государства.
Пробощ — протоиерей, настоятель в католичестве. Другое название — препозит.
Провинциал — глава провинции Ордена иезуитов или другого католического ордена.
Прокуратор — поверенный в делах.
Протоархимандрит — генерал Ордена св. Василия Великого (Ордена базилианцев).
Протоиерей — в православной церкви старший священник, настоятель храма.
Протоконсультор — старший советник протоархимандрита.
Протопресвитер — высшее звание священнослужителя из состава белого духовенства.
Протопоп — в православной церкви старший священник, настоятель храма.
Протодьякон — в православной церкви старший дьякон.
Професс — в структуре Ордена иезуитов исповедник четырех обетов, занимающий высшую ступень в Ордене и пользующийся полным доверием генерала Ордена, допущенный к высшим тайнам Ордена, участвующий в избрании генерала. Профессы направлялись в качестве миссионеров в отдаленные территории, назначались духовниками у монархов, ассистентами генерала, провинциалами, использовались на дипломатической службе в качестве папских легатов, были ректорами коллегий и руководителями професских обителей и т.д.
Разведчик — сотрудник разведывательной службы.
Региментарь — польский военачальник в XVI–XVII вв., полковник.
Резидент — иностранный дипломатический представитель, постоянно находившийся в Российском государстве, когда в Москве еще не было постоянных дипломатических представительств (посольств) иностранных государств. Он же организовывал и осуществлял разведывательную работу в Москве в интересах своего государства.
Священнослужители — лица, имеющие благодать совершать св. Таинства или непосредственно участвовать в их совершении: дьяконы, священники и архиереи. Поставляются через рукоположение.
Символ веры — краткое догматическое изложение основы христианского вероучения.
Симония — практика продажи и покупки церковных должностей.
Синедрион — в древние времена верховный суд Иудеи, заседавший в Иерусалимском храме.
Субститор — наместник униатского митрополита на той или иной территории.
Супериор — старший монастыря; старший резиденции или миссии Ордена иезуитов.
Уния — обьединение православной и католической Церквей.
Утраквисты – то же что и чашники – требовали причащения верующих не только хлебом, но и вином из чаши.

Фундуш — дар, пожертвование.

Фундатор — даритель, жертвователь.

Харатейная книга — это книга, изготовленная на пергаменте.

Хоругвь — 1) Знамя. 2) Воинское подразделение в польской армии XVI–XVII вв. со своим знаменем, численностью в кавалерии до 100 человек, в пехоте — от 100 до 200 человек.

Четь (четверть) — мера объема сыпучих веществ в Московском государстве в XVI–XVII вв., равнялась 209,92 л.[1260] Как мера веса равнялась 6 пудам (96 кг).

Четверик — мера объема сыпучих веществ в Московском государстве в XVI–XVII вв., равнялась 26,24 л.[1261]

Церковнослужители — лица, участвующие в общественном богослужении — алтарники, чтецы, певцы, канонархи и другие, но не имеющие благодати совершать св. Таинства или непосредственно участвовать в их совершении. Поставляются через посвящение.

Экзарх — титул главы самостоятельной православной церкви в государстве или епископа, управляющего большой церковной областью до восстановления там патриаршества.

Элекционный сейм — на этом сейме происходило избрание короля Польши.

Эмиссар — лицо, направленное в Московское государство с тайной и важной миссией, не совпадающей с официально заявленной причиной приезда.

Энциклика — окружное послание папы Римского всем католикам, носит программный характер и имеет для верующих значение директивы. Называется по первым словам текста, который обычно пишется по-латыни.

[1260] *Шостьин Н.А.* Очерки истории русской метрологии XI–XIX века. М.: Изд-во Стандартов, 1975. С. 18, 260.

[1261] *Шостьин Н.А.* Очерки истории русской метрологии XI–XIX века. М.: Изд-во Стандартов, 1975. С. 18, 260.

Приложения

Приложение № 1. Список пап Римских в XVI–XVII вв.

Александр VI (Родриго Ленцуоли Борджиа), 11 августа 1492 – 18 августа 1502.
Пий III (Франческо Пикколомини), 22 сентября 1503 – 18 октября 1503.
Юлий II (Джулиано делла Ровере), 1 ноября 1503 – 21 февраля 1513.
Лев X (Джованни де Медичи), 9 марта 1513 – 2 декабря 1521.
Адриан VI (Адриаан Флоренсзоон Дедель), 9 января 1522 – 14 сентября 1523.
Климент VII (Джулио де Медичи), 19 ноября 1523 – 25 сентября 1534.
Павел III (Алессандро Фарнезе), 13 октября 1534 – 10 ноября 1549.
Юлий III (Джованни Мария Чокки дель Монте), 23 марта 1550 – 23 марта 1555.
Марчелл II (Марчелло Червини), 9 апреля 1555 – 30 апреля 1555.
Павел IV (Джанпьетро Карафа), 23 мая 1555 – 18 августа 1559.
Пий IV (Джованни Анжело де Медичи), 26 декабря 1559 – 9 декабря 1565.
Пий V (Антонио Микеле Гизлиери, 7 января 1566 – 1 мая 1572.
Григорий XIII (Уго Бонкомпаньи), 13 мая 1572 – 10 апреля 1585.
Сикст V (Феличе Перетти), 24 апреля 1585 – 27 августа 1580.
Урбан VII (Джамбаттиста Кастанья), 15 сентября 1590 – 27 сентября 1590.
Григорий XIV (Никколо Сфондрати), 5 декабря 1590 – 16 октября 1591.
Иннокентий IX (Джованни Антонио Факкинетти де Нуче), 29 октября 1591 – 30 декабря 1591.
Климент VIII (Ипполито Альдобрандини), 30 января 1592 – 5 марта 1605.
Лев XI (Александр Медичи), 11 апреля 1605 – 27 апреля 1605.
Павел V (Камилл Боргезе), 16 мая 1605 – 28 января 1621.
Григорий XV (Алессандро Людовизи), 9 февраля 1621 – 8 июля 1623.
Урбан VIII (Мафео Барберини), 6 августа 1623 – 29 июля 1644.
Иннокентий X (Джамбаттиста Памфили), 15 сентября 1644 – 7 января 1655.
Александр VII (Фабио Киджи), 7 апреля 1655 – 22 мая 1667.
Климент IX (Джулио Роспильози), 20 июня 1667 – 9 декабря 1669.
Климент X (Эмилио Бонавентура Альтьери), 29 апреля 1670 22 июля 1676.
Иннокентий XI (Бенедикт Одескальчи), 21 сентября 1676 – 12 августа 1689.
Александр VIII (Пьетро Вито Оттобони), 6 октября 1689 – 1 февраля 1691.
Иннокентий XII (Антонио Пиньятелли дель Растрелло), 12 июля 1691 – 27 сентября 1700.
Климент XI (Джованни Франческо Альбани), 23 ноября 1700 – 19 марта 1721.

Приложение № 2. Список генералов Ордена иезуитов в XVI–XVII вв.

Лойола Игнатий (Иньиго) Лопес де, испанец, избран генералом 22 апреля 1541 г. Умер 31 июля 1556 г.

Лайнес Иаков (Диего), испанец, избран генералом 2 июля 1558 г. Умер 19 января 1565 г.

Борджиа Франсиско, герцог де Гандия, испанец, избран генералом 2 июля 1565 г. Умер 1 октября 1572 г.

Меркуриан Эбергард, бельгиец, избран генералом 23 апреля 1573 г. Умер 1 августа 1580 г.

Аквавива Клавдий, неаполитанец, избран генералом 19 апреля 1581 г. Умер 31 января 1615 г.

Вителески Муций, римлянин, избран генералом 15 ноября 1615 г. Умер 9 февраля 1645 г.

Караффа Винценцио, неаполитанец, избран генералом 7 января 1646 г. Умер 8 июня 1649 г.

Пикколомини Франческо, флорентиец, избран генералом 21 декабря 1649 г. Умер 17 января 1651 г.

Готтифредо Алессандро, римлянин, избран генералом 21 января 1652 г. Умер 12 марта того же года.

Никкель Госвин, немец, избран генералом 17 марта 1652 г. Умер 31 июля 1664 г.

Олива Джованни Паоло, генуэзец, избран генералом 31 июля 1664 г. Умер 26 ноября 1681 г.

Нойель Шарль де, бельгиец, избран генералом 9 июля 1682 г. Умер 12 декабря 1686 г.

Гонсалес Тирс, испанец, избран генералом 6 июля 1687 г. Умер 27 октября 1705 г.

Приложение № 3. Список патриархов Русской православной церкви в XVI–XVII вв.

Иов, поставлен на патриарший престол 26 января 1589 г., незаконно свергнут с патриаршего престола 24 июня 1605 г. Лжедмитрием I. Умер 19 июня 1607 г.

Игнатий, возведен на патриарший престол 24 июня 1605 г. вошедшим в Москву Лжедмитрием I. Низринут с патриаршего престола 18 мая 1606 г. сразу же после смерти Лжедмитрия I и заключен в Чудов монастырь. В 1611 г. он был освобожден польскими войсками и бежал в Литву, где отступил от православия и принял униатство. Умер в 1640 г. в Вильно. Русская православная церковь не признает Игнатия законным патриархом Московским и всея Руси.

Гермоген, поставлен на патриарший престол 3 июня 1606 г. Умер 17 января 1612 г., находясь в заключении в темнице Чудова монастыря.

В период с 17 января 1612 г. по 24 июля 1619 г. патриарх не избирался, Русская православная церковь была «вдовой».

Филарет, поставлен на патриарший престол 24 июля 1619 г. Умер 1 октября 1633 г.

Иоасаф I, поставлен на патриарший престол 6 февраля 1634 г. Умер 28 ноября 1640 г.

Иосиф, поставлен на патриарший престол 27 марта 1642 г. Умер 15 апреля 1652 г.

Никон, поставлен на патриарший престол 25 июля 1652 г. Покинул патриарший престол 10 июля 1658 г. Низложен Московским Собором 12 декабря 1667 г. Умер в Ярославле во время возвращения из ссылки 17 августа 1681 г.

Иоасаф II, поставлен на патриарший престол 10 февраля 1667 г. Умер 17 февраля 1672 г.

Питирим, поставлен на патриарший престол 7 июля 1672 г. Умер 19 апреля 1673 г.
Иоаким, поставлен на патриарший престол 26 июля 1674 г. Умер 17 марта 1690 г.
Адриан, поставлен на патриарший престол 24 августа 1690 г. Умер 16 октября 1700 г.

Приложение № 4. Список православных митрополитов Киевских в XVI–XVII вв.

Титул — митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси.
Иосиф I Болгаринович, в 1497–1501 гг.
Иона II, в 1503–1507 гг.
Иосиф II Солтан, в 1507–1522 гг.
Иосиф III, в 1522–1534 гг.
Макарий II, в 1534–1555 гг.
Белькевич Сильвестр, в 1556–1567 гг.
Протасевич-Островский Иона III, в 1568–1576 гг.
Куча Илия Иоакимович, в 1576–1579 гг.
Девочка Онисифор Петрович, в 1579–1589 гг.
Рогоза Михаил Васильевич, поставлен митрополитом 1 августа 1589 г., 6 октября 1596 г. отступил от православия, принял унию и стал униатским митрополитом.
В октябре 1596 г. православная церковь была запрещена, и православные митрополиты не избирались до 15 августа 1620 г., когда королевский запрет был тайно нарушен и православная иерархия восстановлена патриархом Иерусалимским Феофаном, проезжавшим из Москвы через Киев в свою епархию.
Борецкий Иов Матвеевич, поставлен митрополитом 15 августа 1620 г., умер 2 марта 1631 г.
Копинский Исаия, поставлен митрополитом в 1631 г., в 1632 г. сложил с себя сан митрополита и ушел в монастырь. Умер в 1640 г.
Могила Петр Симеонович, поставлен митрополитом 28 апреля 1633 г., умер 31 декабря 1646 г. Экзарх патриарха Константинопольского.
Коссов Сильвестр, поставлен митрополитом в 1648 г., умер 13 апреля 1657 г.
До избрания нового митрополита блюстителем митрополии с апреля 1657 г. по январь 1658 г. являлся епископ Черниговский Лазарь Баранович.
Балабан Дионисий, поставлен митрополитом 19 января 1658 г., умер 10 мая 1663 г. Экзарх патриарха Константинопольского. Царским правительством в качестве митрополита Киевского признан не был, проживал на территории Польши.
С июля 1661 г. по июль 1670 г. блюстителем Киевской митрополии являлся Мефодий Филимонович, епископ Мстиславский и Оршанский.
Нелюбович-Тукальский Иосиф, поставлен митрополитом в 1663 г., умер 26 июля 1675 г. Экзарх патриарха Константинопольского. 28 июня 1664 г. польским правительством заключен в Мариенбургскую крепость, освобожден в феврале 1666 г. Царским правительством в качестве митрополита Киевского признан не был, ему был запрещен въезд в Киев и Малороссию.
В связи со сложной политической обстановкой на территории Левобережной и Правобережной Украины, с 13 июля 1670 г. блюстителем Киевской митрополии был назначен архиепископ Черниговский Лазарь Баранович, каковым он и являлся до избрания митрополита Киевского в 1685 г.
Святополк Четвертинский Гедеон, князь, поставлен митрополитом 8 ноября 1685 г. в Успенском соборе Московского Кремля, умер 6 апреля 1690 г.

Ясинский Варлаам, поставлен митрополитом 28 сентября 1690 г. (избран 1 июня 1690 г.), экзарх патриарха Московского и всея Руси, умер 22 августа 1707 г.

Кроковский Иоасаф, поставлен митрополитом в 1708 г. (избран в 1707 г.), умер 1 июля 1718 г.

Приложение № 5. Список протоархимандритов (генералов) Ордена св. Василия Великого (Ордена базилианцев) в XVII в.

Рутский Иосиф-Вельямин (1574 – 5.02.1637), избран протоархимандритом на Новогородокской конгрегации 21 июля 1617 г. Конгрегация проходила 20–26 июля 1617 г. Он же в 1613–1637 гг. являлся униатским митрополитом.

Корсак Рафаил Евстафьевич (ок. 1595 – 28.08.1640), избран на Лавришевской конгрегации 10 августа 1626 г. До избрания — старший униатского Виленского монастыря. Он же в 1637–1640 гг. являлся униатским митрополитом.

Селява Антоний Александрович (ок. 1583 – 6.02.1655), избран на Виленской конгрегации 14 июля 1642 г. Он же в 1640–1655 гг. являлся униатским митрополитом.

В 1655–1661 г. должность протоархимандрита оставалась вакантной, его обязанности исполнял провинциал Ордена Бенедикт Терлецкий.

Суша Яков (1610–1683), избран на Жировицкой конгрегации 21 декабря 1661 г. Конгрегация проходила 19–27 декабря 1661 г. До избрания — униатский епископ Холмский и Белзский.

Коленда Гавриил Янович (ок. 1606 – 11.02.1674), избран на Супрасльской конгрегации 23 августа 1665 г. Он же в 1664–1666 гг. являлся администратором униатской митрополии. Председательствовал на конгрегации папский нунций в Польше, архиепископ Ларисский Антонио Пиньятелли дель Растрелло (будущий папа Римский Иннокентий XII в 1691–1700).

Коленда Гавриил Янович, избран на Брестской конгрегации 5 марта 1666 г. Конгрегация проходила 3–5 марта 1666 г. В 1666–1674 гг. он же являлся униатским митрополитом. Председательствовал на конгрегации тот же папский нунций Антонио Пиньятелли.

Огилевич Пахомий (1624 – ок. 1690), иеромонах, избран на Жировицкой конгрегации 14 мая 1675 г. Конгрегация проходила 12–15 мая 1675 г. До избрания — генеральный викарий Ордена.

Мартышкевич-Бузанский Стефан, иеромонах, избран на Жировицкой конгрегации 29 июля 1679 г. Конгрегация проходила 20–31 июля 1679 г.

Жоховский Киприан Александрович (1635 – 26.10.1693), доктор теологии, избран на Минской конгрегации 27 июля 1683 г. Его избрание отменено бреве папы Иннокентия XI от 30 октября 1683 г. В 1674–1693 гг. он же униатский митрополит.

Жоховский Киприан Александрович, избран на Новогородокской конгрегации 19 марта 1684 г. Это избрание также отменено папой Иннокентием XI и декретами конгрегации «Пропаганда Веры» от 17 сентября и 11 ноября 1684 г.

Петкевич Иосиф (1646–1708), избран на Новогородокской конгрегации 8 августа 1686 г. Конгрегация проходила 1–8 августа 1686 г. под председательством члена Ордена иезуитов, пробоща и професса Виленского профессского дома Томаша Вейского (по поручению папского нунция в Польше, архиепископа Эфесского Опицио Паллавиччини). До избрания — секретарь Ордена.

Огурцевич Симеон Янович, доктор теологии, избран на Минской конгрегации 5 августа 1690 г. Конгрегация проходила 1–5 августа 1690 г. До избрания — протосекретарь Ордена. Выпускник Греческой коллегии св. Афанасия в Риме.

Огурцевич Симеон Янович, избран на Жировицкой конгрегации 5 августа 1694 г. Конгрегация проходила 1–5 августа 1694 г.

Кушелич Иоахим, доктор теологии, избран на Бытенской конгрегации 30 августа 1698 г. Конгрегация проходила 25–31 августа 1698 г. До избрания — протоконсультор Ордена. Выпускник Греческой коллегии св. Афанасия в Риме.

Кишка Лев Георгиевич (Лукас) (1668–1728), избран на Новогородокской конгрегации 7 сентября 1703 г. До избрания — секретарь Ордена. Конгрегация проходила 26 августа – 8 сентября 1703 г.

Кишка Лев Георгиевич (Лукас), избран на Бельской конгрегации 5 сентября 1709 г. Конгрегация проходила 26 августа – 5 сентября 1709 г.

Приложение № 6. Список митрополитов Униатской церкви в XVI–XVII вв. Титул — митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси

Рогоза Михаил Васильевич 1540 – 26.09.1599), бывший православный митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси, 6 октября 1596 г. на Брестском Соборе избран униатским митрополитом, и в этом сане находился до своей смерти.

Потей Ипатий Львович (12.04.1541 – 18.07.1613), униатский митрополит в 1599–1613 гг. Воспитанник Краковской иезуитской коллегии, один из организаторов и идеологов Брестского Собора 1596 г., один из создателей Униатской церкви.

Рутский Иосиф-Вельямин (1574 – 5.02.1637), в 1613–1637 гг. Он же в 1617–1626 гг. являлся протоархимандритом Ордена базилианцев. Проходил обучение в Несвижской иезуитской коллегии, выпускник Греческой коллегии св. Афанасия в Риме. «Потом он в течение всей своей жизни столь ревновал о св. унии, что папа Урбан VIII в письме к Сигизмунду III, королю польскому, называл его атласом унии, столпом церкви, Русским Афанасием»[1].

Корсак Рафаил Евстафьевич (ок. 1595 – 28.08.1640), в 1637–1640 гг. Он же в 1626-1640 гг. являлся протоархимандритом Ордена базилианцев. Проходил обучение в Несвижской иезуитской коллегии в одно время с Рутским И.В., а также в иезуитских учебных заведениях в Браунсберге и Праге. Выпускник Греческой коллегии св. Афанасия в Риме.

Селява Антоний Александрович (ок. 1583 – 6.02.1655), в 1640–1655 гг. Он же в 1642-1661 гг. являлся протоархимандритом Ордена базилианцев. Выпускник Греческой коллегии св. Афанасия в Риме.

В 1655–1666 гг. митрополита униатского не было; в 1664–1666 гг. администратором униатской митрополии являлся Гавриил Янович Коленда.

Коленда Гавриил Янович (ок. 1606 – 11.02.1674), в 1666–1674 гг. Он же в 1665–1675 гг. являлся протоархимандритом Ордена базилианцев. Выпускник Греческой коллегии св. Афанасия в Риме.

Жоховский Киприан Александрович (1635 – 26.10.1693), в 1674–1693 гг. Он же дважды, в 1683 и 1684 гг., избирался протоархимандритом Ордена базилианцев, но оба раза эти избрания отменялись папой Иннокентием XI. Выпускник Греческой коллегии св. Афанасия в Риме. Один из идеологов и организаторов второго этапа распространения унии в конце XVII в. Доктор теологии. Автор сочинения «Colloquium Lubielske. Leopoli. 1680».

[1] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 9. С. 159.

Шлюбич Заленский Лев (Леон) (1638 – 21.07.1708), 11 ноября 1693 г. папским нунцием в Польше титулярным архиепископом Селевкийским Андреа Сантакроче назначен администратором униатской митрополии до утверждения папой Иннокентием XII. Это распоряжение было продлено 6 октября 1694 г. 11 апреля 1695 г. папа Иннокентий XII утвердил Л. Шлюбич-Заленского униатским митрополитом, которым он и являлся в 1695–1708 гг. Продолжал после смерти К.А. Жоховского руководство мероприятиями второго этапа распространения униатства (вместе с И. Шумлянским).

Приложение № 7. Список королей Польши в XVI–XVII вв.

Иоанн Альберт (Ян Ольбрахт), на троне в 1459–1501 гг.

Александр I Ягеллон, на троне в 1501–1506 гг. С 1492 г. одновременно являлся великим князем Литовским.

Сигизмунд I Старый Ягеллон, прозванный Великим, на троне в 1506–1548 гг. Одновременно являлся и великим князем Литовским.

Сигизмунд II Август Ягеллон, на троне в 1548–1572 гг. Одновременно являлся и великим князем Литовским.

Генрих Валуа, на троне в 1573–1574 гг.

Стефан Баторий. На троне в 1576–1586 гг.

Сигизмунд III Ваза, на троне в 1587–1632 гг. В 1592–1599 гг. одновременно являлся королем Швеции.

Владислав IV Ваза, на троне в 1632–1648 гг.

Ян II Казимир Ваза, на троне в 1648–1668 гг.

Михаил Вишневецкий, на троне в 1669–1673 гг.

Ян III Собесский, на троне в 1674–1696 гг.

Август II Сильный, на троне в 1697–1733 гг., одновременно с 1694 г. курфюрст Саксонский.

Приложение № 8. Список русских царей в XVI–XVII вв.

Иван III Васильевич, на троне в 1462–1505 гг.

Василий III Иванович, на троне в 1505–1533 гг.

В 1533–1538 гг. правление регента Елены Васильевны Глинской.

Иван IV Васильевич по прозвищу Грозный, на троне в 1538–1584 гг. (На царство венчан 16 января 1547 г.).

Федор Иванович, на троне в 1584–1598 гг.

Борис Федорович, на троне в 1598–1605 гг.

Федор Борисович, на троне в 1605 г.

Лжедмитрий I, на троне в 1605–1606 гг.

Василий IV Иванович, на троне в 1606–1610 гг.

В 1610–1613 гг. Семибоярщина.

Михаил Федорович, на троне в 1613–1645 гг.

Алексей Михайлович по прозвищу Тишайший, на троне в 1645–1676 гг.

Федор Алексеевич, на троне в 1676–1682 гг.

Петр I и Иван Алексеевичи, на троне в 1682–1696 гг. (при правительнице — регентше Софье Алексеевне в 1682–1689 гг.).

Петр I, самодержавно на троне в 1696–1725 гг.

Приложение № 9. Список государственных секретарей Ватикана в XVI–XVII вв.

Дандини Джироламо (1509 – 4.12.1559), государственный секретарь в 1551–1555 гг. Кардинал с 20.11.1551 г.

Карафа Карло (29.03.1517 – 6.03.1561), государственный секретарь в 1555–1559 годах. Кардинал с 7.06.1555 г.

Борромео Карло (2.10.1538 – 3.11.1584), государственный секретарь с 31.01.1560 по 1565 г. Кардинал с 31 января 1560 г., племянник папы Пия IV.

Галлио Толомео (Птолемей Галлий, кардинал Комо), (25.09.1527 – 3.02.1607), государственный секретарь в 1565–1566 гг. Кардинал с 12 марта 1565 г.

Бонелли Карло Микеле (25.11.1541 – 28.03.1598), государственный секретарь с 5.08.1566 по 18.06.1571 г. Кардинал с 6.03.1566 г.

Рустикуччи Джироламо (01.1537 – 14.06.1603), государственный секретарь в 1566–1572 гг. Кардинал с 17 мая 1570 г.

Галлио Толомео (Птолемей Галлий, кардинал Комо) (25.09.1527 – 3.02.1607), государственный секретарь в 1572–1585 гг. Кардинал с 12 марта 1565 г.

Рустикуччи Джироламо (01.1537 – 14.06.1603), государственный секретарь в 1585–1587 гг. Кардинал с 17 мая 1570 г.

Аццолино Дечио ст. (1.07.1549 – 9.10.1587), государственный секретарь с 7.01.1586 по 17.01.1587 г. Кардинал с 18 декабря 1585 г.

Перетти Монтальто Андреа Барони (29.11.1572 – 4.08.1629), государственный секретарь с 17.01.1587 по 8.12.1590 г. Кардинал с 5 июня 1596 г.

Сфондрати Паоло Емилио (13.09.1560 – 16.02.1618), государственный секретарь с 5.12.1590 по 16.10.1591 г. Кардинал с 19 декабря 1590 г.

Факкинетти Джованни Антонио де Нуче (20.07.1519 – 30.12.1591), государственный секретарь в октябре 1591 г. Кардинал с 12.12.1583 г. Папа Иннокентий IX с 29.10.1591 г.

Перетти Пьербенедетто (? – 21.01.1611), государственный секретарь в 1592–1593 гг. Кардинал с 20.12.1589 г.

Альдобрандини Пьетро (31.03.1571 – 10.02.1621), государственный секретарь в 1593–1605 гг. Кардинал с 17 сентября 1593 г.

Пассери Альдобрандини Чинцио (1551 – 1.01.1610), государственный секретарь в 1593–1605 гг. Кардинал с 17 сентября 1593 г.

Убальдини Роберто (1581 – 22.04.1635), государственный секретарь в 1605 г. Кардинал с 2.12. 1615 г.

Валенти Ерминио (1564 – 22.08.1618), государственный секретарь с 4.06.1605 по 3.09.1605 г. Кардинал с 9 июня 1604 г.

Каффарелли-Боргезе Сципион (1576 – 2.10.1633), государственный секретарь с 3.09.1605 по 25.06.1609 г. Кардинал с 18 июля 1605 г.

Марготти Ланфранко (1558 – 28.11.1611), государственный секретарь с 1605 по 28.11.1611 г. Кардинал с 24.11.1608 г.

Феличиани Порфирио (1562 – 2.10.1634), государственный секретарь в 1611–1621 гг. Епископ Фолиньо с 2.04.1612 г.

Лудовизи Лудовик (27.10.1595 – 18.11.1632), государственный секретарь с 15.02. 1621 по 8.07.1623 г. Племянник папы Григория XV. Кардинал с 15 февраля 1621 г.

Магалотти Лоренцо (1584 – 19.09.1637), государственный секретарь в 1623–1628 гг. Кардинал с 7.10.1624 г.

Аццолини Лоренцо (1583 – 11.1633), государственный секретарь в 1628–1632 гг. Кардинал с 28.11.1633 г., но смерть настигла его ранее оглашения назначения кардиналом.

Бенесса Пьетро, государственный секретарь в 1632–1634 гг.

Чева Франческо Адриано (1580 – 12.10.1655), государственный секретарь в 1634–1644 гг. Кардинал с 13. 07.1643 г.

Спада Джамбаттиста (28.08.1597 – 23.01.1675), государственный секретарь в 1643–1644 гг. Кардинал с 2.03.1654 г.

Панчироли Джованни Джакомо (1587 – 3.09.1651), государственный секретарь с апреля 1644 по 3.09.1651 г. Кардинал с 13 июля 1643 г.

Аццолини Дечио мл. (11.04.1623 – 8.06.1689), государственный секретарь с 09.1651 по 12.1651 г. Кардинал с 2.03.1654 г.

Киджи Фабио (13.02.1599 – 22.05.1667), государственный секретарь с 1651 по 7.01.1655 г. Кардинал с 19 февраля 1652 г. С 7 апреля 1655 г. — папа Александр VII.

Роспильози Джулио (28.01.1600 – 9.12.1669), государственный секретарь с апреля 1655 по 22.05.1667 г. Кардинал с 9 апреля 1657 г. С 20 июня 1667 г. — папа Климент IX.

Аццолини Дечио мл. (11.04.1623 – 8.06.1689), государственный секретарь с 25.06.1667 по 9.12.1669 г. Кардинал с 2.03.1654 г.

Борромео Федерико мл. (29.05.1617 – 18.02.1673), государственный секретарь с 05.1670 по 12.02.1673 г. Кардинал с 22 декабря 1673 г.

Нерли Франческо (12.06.1636 – 8.04.1708), государственный секретарь с 08.1673 по 22.07.1676 г. Кардинал с 12.06.1673 г.

Чибо Альдерано (16.07.1613 – 22.07.1700), государственный секретарь с 23.09.1676 по 12.08.1689 г. Кардинал с 6 марта 1645 г.

Рубини Джамбаттиста (1642 – 17.02.1707), государственный секретарь с 10.1689 по 1.02.1691 г. Кардинал с 13.02.1690 г.

Спада Фабрицио (17.03.1643 – 15.06.1717), государственный секретарь с 14.07.1691 по 27.09.1700 г. Кардинал с 27.05.1675 г.

Паолуччи Фабрицио (2.04.1651 – 12.06.1726), государственный секретарь с 3.12.1700 по 19.03.1721 и с 6.06.1724 по 12.06.1726 г. Кардинал с 22 июля 1697 г.

Приложение № 10. Список российских дипломатических миссий в Ватикан в XVI–XVII вв.

1525–1526. Посольство от великого князя Московского Василия III Ивановича к папе Клименту VII. Посланник — толмач Дмитрий Данилович Герасимов.

1526–1528. Посольство от великого князя Московского Василия III Ивановича к папе Клименту VII. Послы — дьяк Тимофей Семенович Лодыгин (Шарап) и ближний человек Еремей Матвеевич Трусов.

1580–1581. Посольство от царя Ивана Грозного к папе Григорию XIII. Посланник — Истома Леонтий Шевригин.

1582–1583. Посольство от царя Ивана Грозного к папе Григорию XIII. Посланники — Яков Семенович Молвянинов, и подъячий Тишина Васильев.

1672–1674. Посольство от царя Алексея Михайловича к папе Клименту X. Посланник — Павел Гаврилович Менезиус (Пол Мензис), шотландец, католик, майор на царской службе.

1697–1699. Посольство от царя Петра I к папе Иннокентию XII. Посол — боярин и военачальник Борис Петрович Шереметев.

Приложение № 11. Список городов, в которых находились коллегии Ордена иезуитов, открытые и действовавшие в Речи Посполитой (на территории польской и литовской провинций Ордена) в XVI–XVII столетиях.

При рассмотрении списка нужно иметь в виду, что на протяжении этих столетий территориальные границы в результате войн менялись довольно часто и значительно, и некоторые коллегии упразднялись, потом восстанавливались и т.д. На продолжительность деятельности коллегий и других заведений Ордена влияли также набеги крымских татар, бунты и восстания казаков и посполитых на территории Украины, массовые эпидемии и другие факторы. При составлении списка использован целый ряд источников, но, главным образом, многотомное сочинение историка и иезуита Станислава Залеского «Jezuici w Polsce». В списке указан год образования коллегии, а в некоторых случаях (при непродолжительном сроке) и годы ее деятельности.

Бар — 1646–1648 гг.
Браунсберг (ныне Бранево, Польша) — 1565 г.
Брест Литовский — 1633 г.
Быдгощ — 1647 г.
Варшава — 1608 г.
Вильно — 1569 г.
Винница — 1642–1648 гг.
Витебск — 1670 г.
Гданьск — 1615 г.
Гродно — 1664 г.
Грудзёндз — 1648 г.
Дерпт (Дорпат) — 1619–1625 гг.
Калиш — 1583 г.
Каменец-Подольский — 1612–1672 гг.
Киев — 1647–1648 гг.
Ковно — 1653 г.
Краков — 1623 г.
Крожы — 1618 г.
Кросно — 1647 г.
Ксаверов — 1636–1648 гг.
Ломжа — 1616 г.
Луцк — 1608 г.
Львов — 1609 г.
Люблин — 1582 г.
Мышь — 1666–1678, 1679–1683, 1686–1688, 1692–1693, 1700 гг.
Несвиж — 1582 г.
Новгород-Северский — 1646–1648 гг.
Овруч — 1636–1648 гг.
Орша — 1616 г.
Острог — 1626 г.
Переяслав — 1645–1648 гг.
Пинск — 1638 г.
Плоцк — 1626 г.
Познань — 1572 г.

Полоцк — 1574 г.
Пошавшы (Poszawsze) — 1654–1655, 1658–1660 гг.
Премышль — в 1649 г.
Пултуск — 1566 г.
Рава — 1622 г.
Решель — 1649 г.
Рига — 1582 г.
Сандомир — 1602 г.
Смоленск — 1620–1654 гг.
Торунь — 1597 г.
Ярослав — две коллегии, образованы соответственно в 1587 и 1662 гг.

Кроме того, на территории Речи Посполитой в XVI и XVII столетий действовали 34 резиденции Ордена иезуитов, из которых 26 в разные годы были преобразованы в коллегии.

Приложение № 12. Перечень государств, существовавших на Апеннинском полуострове в XVI–XVII вв.

Папская область — Рим.
Герцогство Пьемонт — Турин.
Герцогство Милан — Милан.
Герцогство Модена — Модена.
Герцогство Тоскана (с 1531 г.) — Флоренция.
Герцогство Урбино — Урбино.
Герцогство Мантуя — Мантуя.
Герцогство Феррара — Феррара.
Герцогство Парма — Парма.
Республика Генуэзская — Генуя.
Республика Венецианская — Венеция.
Республика Лукка — Лукка.
Королевство обеих Сицилий — Неаполь.
Маркграфство Монферрат.

Приложение № 13. Сведения о переписке между папами Римскими и государями Российскими в XVI–XVII вв.

1503. Грамота папы Александра VI к великому князю Московскому Ивану III Васильевичу, передана венгерским послом Сигизмундом Сантаем 1 января 1503 г. Александр VI ходатайствовал о прекращении войны с Польшей и великим княжеством Литовским, склонял к вступлению в антитурецкий союз.

1518, 4 июня. Грамота папы Льва X к великому князю Московскому Василию III Ивановичу, передана послом Прусского ордена Дитрихом Шонбергом в марте 1519 г. Лев X склонял Василия III Ивановича к заключению унии между Русской православной и Римской католической Церквами в обмен на королевский титул и корону.

1519, 26 сентября. Грамота папы Льва X к великому князю Московскому Василию III Ивановичу, передана папским послом Захарием, епископом Гардиенским. Лев X

склонял Василия III Ивановича к заключению унии между Русской православной и Римской католической Церквами в обмен на королевский титул и корону.

1520. Грамота папы Льва X к великому князю Московскому Василию III Ивановичу, передана папским послом Паоло Чентурионе в 1521 г.

1521. Рекомендательное письмо папы Льва X к великому князю Московскому Василию III Ивановичу по вопросам торговли с использованием территории Московского государства, передано папским послом Паоло Чентурионе в 1521 г.

1524, 25 мая. Грамота папы Климента VII к великому князю Московскому Василию III Ивановичу, передана папским послом Паоло Чентурионе в 1525 г. Климент VII предлагал Василию III Ивановичу «вступить в союз единомыслия и дружества с апостольским престолом».

1525, апрель. Грамота великого князя Московского Василия III Ивановича к папе Клименту VII о приеме папского посла Паоло Чентурионе и отправлении к папе посланника Герасимова Дмитрия Даниловича, а также о согласии действовать сообща против «неверных».

1525, 14 октября. Грамота папы Климента VII к великому князю Московскому Василию III Ивановичу, передана папским послом Иоанном Франциском де Потенциа, епископом Скаренским, в июле 1526 г.

1526, декабрь. Грамота великого князя Московского Василия III Ивановича к папе Клименту VII об отправлении к нему посольства дьяка Лодыгина Тимофея Семеновича (Шарапа) и ближнего человека Трусова Еремея Матвеевича.

1550, 1 августа. Грамота папы Юлия III к царю Ивану Грозному о соединении с Латинскою церковью. Грамоту планировалось передать с послами графом Филиппом Еберштейном и Иоанном Штембергом.

1561, 13 апреля. Грамота папы Пия IV к царю Ивану Грозному с папским послом Франческо Джованни Мацца Канобио. Посольство не было пропущено в Московское государство королем Польши Сигизмундом II Августом.

1561, 29 сентября. Грамота папы Пия IV к царю Ивану Грозному с папским послом Жан Джиральдо Маринелла. Посольство не было пропущено в Московское государство королем Польши Сигизмундом II Августом.

1570, 9 августа. Грамота папы Пия V к царю Ивану Грозному с предложением вступить в антитурецкую лигу и направлении в Москву посольства Виченцо дель Портико. Посольство не состоялось, так как в связи с поступившими сведениями о жестокости Ивана Грозного оно было отменено.

1576. Письмо кардинала Джованни Мороне (по поручению папы Григория XIII) к царю Ивану Грозному о направлении папского посла Рудольфа Кленхена. Посольство не состоялось в связи с тем, что император Священной Римской империи германской нации изменил свои планы.

1580. Грамота царя Ивана Грозного к папе Григорию XIII об оказании помощи в заключении мира с Польшей, передана посланником Шевригиным Истомой Леонтием.

1581, 15 марта. Грамота папы Григория XIII к царю Ивану Грозному.

1581, 15 марта. Грамота папы Григория XIII к старшему сыну царя Ивана Грозного Ивану.

1581, 15 марта. Грамота папы Григория XIII к младшему сыну царя Ивана Грозного Федору.

1581, 15 марта. Грамота папы Григория XIII к жене царя Ивана Грозного царице Анастасии.

1582, 10 марта. Грамота царя Ивана Грозного к папе Григорию XIII.

1582, 1 октября. Грамота папы Григория XIII к царю Ивану Грозному.

1584, 30 июля. Письмо папы Григория XIII к царю Федору Ивановичу.
1584, 11 августа. Грамота папы Григория XIII к царю Федору Ивановичу.
1585, 21 декабря. Письмо папы Сикста V к царю Федору Ивановичу.
1586, ноябрь. Письмо папы Сикста V к царю Федору Ивановичу.
1594, 22 января. Грамота папы Климента VIII к царю Федору Ивановичу, направлена с послом Александром Комулеем.
1595, 28 марта. Письмо папского посла Александра Комулея главе Посольского приказа Щелкалову Василию Яковлевичу. (Из Москвы).
1595, май. Грамота папского посла Александра Комулея из Можайска боярину конюшему Борису Федоровичу Годунову.
1596, 12 апреля. Грамота папы Климента VIII к царю Федору Ивановичу с приглашением принять участие в войне против Турции и вручении царю изумрудного креста в золотой оправе.
1596, 12 апреля. Грамота папы Климента VIII к правителю Борису Годунову о благосклонном принятии папского посла Александра Комулея.
1596, 12 апреля. Грамота папы Климента VIII к правителю Борису Годунову с поручением ему папского посла Александра Комулея.
1597, 20 марта. Грамота папского посла Александра Комулея из Орши к царю Федору Ивановичу.
1597, апрель. Грамота папского посла Александра Комулея из Смоленска к царю Федору Ивановичу.
1601, 28 апреля. Грамота папы Климента VIII к царю Борису Годунову с просьбой оказать покровительство и помощь папским послам, направляемым через Москву в Персию.
1604, 30 июня. Грамота папы Климента VIII к царю Борису Годунову с просьбой разрешить проезд через Московское государство миссионеров — членов Ордена кармелитов.
1604, 5 июля. Письмо государственного секретаря Ватикана кардинала Альдобрандини к царю Борису Годунову с просьбой разрешить проезд через Московское государство миссионеров — членов Ордена кармелитов.
1672, 11 октября. Грамота царя Алексея Михайловича к папе Клименту X о необходимости его содействия в заключении антитурецкого союза и направлении к нему посланника Менезиуса Павла Гавриловича.
1684, 5 августа. Грамота папы Иннокентия XI к царям Ивану и Петру Алексеевичам, передана посланником Священной Римской империи германской нации Иоанном Игнатием Курцем.
1685, 11 июня. Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей к папе Иннокентию XI — ответ на папскую грамоту от 5 августа 1684 г. В связи с тем, что в папской грамоте были допущены нарушения в написании царского титула, царская грамота отправлена не была.
1685, 13 июня. Письмо «за дьячьею приписью» к папе Иннокентию XI. Отправлено вместо ранее подготовленной царской грамоты от 11 июня того же года.
1688, 6 марта. Письмо папского нунция в Польше архиепископа Цессареи Джакомо Кантельми боярину князю Голицыну Василию Васильевичу.
1688, 23 марта. Письмо боярина князя Голицына Василия Васильевича папскому нунцию в Польше архиепископу Цессареи Джакомо Кантельми.
1697, 30 апреля. Грамота царя Петра I к папе Иннокентию XII о направлении к нему посольства боярина и военачальника Шереметева Бориса Петровича.
1698, 14 июня. Грамота папы Иннокентия XII к царю Петру I, доставленная и переданная царю боярином Шереметевым Борисом Петровичем.

Приложение № 14. Исповедание веры и присяга отступников от православия И.Л. Потея и К.С. Терлецкого от имени Православной церкви на верность папе Римскому Клименту VIII, произнесенные 23 декабря 1595 г. в Константиновском зале Ватиканского дворца в Риме.

«Святейший и блаженнейший отец! Я, смиренный Ипатий Потей (во втором экземпляре имя Кирилла Терлецкого), Божиею милостию прототроний, епископ Владимирский и Брестский (в др. экземпляре: экзарх, епископ Луцкий и Острожский), родом русский, один из послов досточтимых во Христе отцов прелатов той же нации, а именно: Михаила Рогозы, архиепископа, митрополита Киевского и Галицкого и всея Руси, Григория, нареченного архиепископа Полоцкого и Витебского, Ионы Гоголя, избранного во епископа Пинского и Туровского, Михаила Копыстенского, епископа Перемышльского и Самборского, Гедеона Болобана, епископа Львовского, и Дионисия Збируйского, епископа Холмского, нарочито избранный ими и посланный, вместе с досточтимым в Христе отцем Кириллом Терлецким, экзархом, епископом Луцким и Острожским (в др. экземпляре – Ипатием Потеем, прототронием, еп. Владимирским и Брестским), той же нации, другим послом тех же господ прелатов и товарищем моим, с той целью, чтобы заключить и принять унию с Вашим Святейшеством и св. церковию римской и от имени всех их, всего их духовенства и всех вверенных им овец, принести должное повиновение св. престолу блаженного Петра и Вашему Святейшеству, как верховному пастырю вселенской церкви. Находясь у ног Вашего Святейшества и намереваясь произнесть нижеследующее исповедание св. православной веры по форме, предписанной для греков, возвращающихся к единству римской церкви, как от имени названных выше господ – архиепископов и епископов русских, так и моего собственного, вместе с товарищем моим, обещаюсь и ручаюсь, что сами господа архиепископы и епископы с готовностью одобрят это исповедание, примут его, утвердят и вновь изложат по данной форме от слова до слова и, подписав своими руками, с приложением своих печатей, пришлют к Вашему Святейшеству в следующем виде:

"Твердо верую и исповедую все, что содержится в Символе Веры, который употребляется в римской церкви"». Далее приводится весь текст символа со вставкой «и Сына» — филиокве. «Еще верую, принимаю и исповедую все то, что определил св. вселенский Флорентийский собор об унии Западной и Восточной церкви. А именно: Дух Святый имеет личное свое бытие от Отца вместе и от Сына, и от обоих вечно исходит, как от одного источника… И если все, что имеет Отец, он дал и Своему Единородному Сыну, кроме отчества, то Сын вечно имеет от Отца и то, что от него исходит Дух Святый. Выражение "и от Сына" внесено в символ законно и разумно для уяснения истины и по настоятельной нужде.

Таинство Тела Христова истинно совершается как на пресном, так и на кислом пшеничном хлебе. И священники могут совершать это таинство на том и другом хлебе, каждый по обычаю своей церкви.

Души тех, которые умерли с покаянием в любви Божией, но не успели удовлетворить за свои грехи плодами, достойными покаяния, очищаются по смерти наказаниями в чистилище. А для облегчения этих наказаний им полезны пособия еще живущих христиан, каковы: литургия, молитвы, милостыни и другие дела благочестия, какие обыкновенно совершают верующие за других верующих по установлению церкви. Души тех, которые после крещения не осквернились никаким грехом, а равно и тех, которые по осквернении себя грехом очистились еще в теле или по смерти, тотчас принимаются на небо и

ясно видят Самого Бога, Единого в Трех Ипостасях, однако по различию своих заслуг один другого совершеннее. А души тех, которые умерли в смертном грехе или только в первородном, тотчас низводятся в ад и подвергаются, хотя и не одинаковым, наказаниям.

Св. апостольский престол и римский первосвященник имеет первенство на всю вселенную. Римский папа есть преемник блаж. Петра, князя апостолов, истинный наместник Христов, глава всей церкви, отец и учитель всех христиан. И ему в лице блаж. Петра передана Господом нашим Иисусом Христом полная власть пасти всю церковь и управлять ею, как говорится в деяниях всел. соборов и в свящ. канонах.

Кроме того, исповедую и принимаю все, что св. апостольская римская церковь предлагает исповедовать и принимать по определениям св. вселенского Тридентского собора, сверх содержащегося в вышеизложенном Символе Веры. В частности, вполне приемлю апостольские и церковные предания и прочие постановления той же церкви. Приемлю также Священное Писание по тому смыслу, какой содержала и содержит св. мать церковь, которой одной принадлежит власть рассуждать об истинном смысле и толковании Св. Писания, и никогда не буду понимать и толковать его иначе, как только по единодушному согласию отцов.

И исповедую, что семь в истинном и собственном смысле таинств Нового Завета, которые установлены Господом нашим Иисусом Христом и необходимы для спасения рода человеческого, хотя не все необходимы каждому человеку, именно: крещение, миропомазание, евхаристия, покаяние, елеосвящение, священство и брак. Все они сообщают благодать; из них крещение, миропомазание и священство не могут быть повторяемы без святотатства. Приемлю и установленные католической церковью обряды при совершении всех названных таинств. Приемлю все, что определено и обнародовано на св. Тридентском соборе о первородном грехе и оправдании.

Исповедую, что в литургии приносится Богу истинная, действительная и умилостивительная жертва за живых и умерших, и что в святейшем таинстве евхаристии истинно, действительно и существенно находится тело и кровь вместе с душой и божеством Господа нашего Иисуса Христа, и бывает преложение всего существа хлеба в тело и всего существа вина в кровь, каковое преложение католическая церковь называет пресуществлением. Признаю, что и под одним только видом принимается весь Христос и истинное таинство.

Твердо содержу, что чистилище есть и что находящиеся там души получают облегчение и от пособия верующих. Равно и то, что святых, царствующих вместе со Христом, должно почитать и призывать, что они молятся за нас Богу и что мощи их должны быть чтимы.

Непоколебимо признаю, что иконы Христа, Приснодевы Богородицы и др. святых должно содержать и воздавать им надлежащую честь и почитание.

Утверждаю, что власть индульгенций дана церкви Христом и что употребление их весьма полезно для христианского народа.

Признаю св. католическую и апостольскую церковь римскую матерью и учительницей всех церквей. А римскому папе, преемнику блаж. Петра, князя апостолов, и наместнику Иисуса Христа, обещаю и клятвой подтверждаю истинное повиновение.

Принимаю также и исповедую и все прочее, что предано, определено и обнародовано св. канонами и вселенскими соборами, в особенности же св. собором Тридентским. А все противное, всякие схизмы и ереси, осужденные, отвергнутые и анафематствованные церковью, и я осуждаю, отвергаю и анафематствую. А что сию истинную католическую веру, без которой никто не может спастись и которую я здесь добровольно исповедую и истинно содержу, я буду стараться, при помощи Божией, всеми моими силами содержать и исповедовать целой и неповрежденной до последнего моего дыха-

ния, а также проповедовать ее и моим подчиненным или тем, которые будут вверены моему пастырскому попечению.

В этом я, тот же Ипатий Потей, прототроний, еп. Владимирский и Брестский (соответственно Кирилл Терлецкий, экзарх, еп. Луцкий и Острожский), посол вышеуказанных господ — архиепископа и епископов русских, как от их имени, по их доверенности, так от моего собственного (о доверенности от народа нет упоминания), торжественно обещаюсь и клянусь. В том да поможет мне Бог и это св. Его евангелие»[2].

Приложение № 15. Выдержка из жалобы архимандрита Свято-Троицкого Виленского монастыря Самойло Сенчилло и других представителей Виленского духовенства на униатского митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси Ипатия Львовича Потея за «латинские нововведения» в церковные догматы и обряды от 29 декабря 1608 г. (Свято-Троицкий Виленский монастырь был обращен в униатский в 1609 г).

В жалобе говорится, что И.Л. Потей издал книгу, содержащую 12 нововведений (артикулов) в церковные догматы и обряды, и обязал духовенство ими руководствоваться. Вот эти нововведения (артикулы):

«...первый — о похоженю Духа Святого от Отца и от Сына;

Вторий — собор Флорентейский и Триденский папежский держати;

Третий — в пресном хлебе под одною особою яко в квасном хлебе под двима особами заровно сакрамент приймовать и вызнавать;

Четвертый — чистец огневый по смерти душам грешным вызнавать;

Пятый — папежа бискупа римского всего света старшим княжатем и намесником Христовым и головою церкви вызнавати;

Шостый — Писмо Светое водлуг выкладов папежских держати и проповедати;

Семый — церковных Святостей семь в костеле римском, а не в церкви соборной вызнавати;

Осмый — свята урочистые водле постановеня костела римского светити и держати;

Девятый — вси поданя костела римского и каждую речь зособная, што папеж розказует, приймовать;

Десятый — Литургию нашу церковную и мшу папежскую заровно приймовать;

Первыйнадцать — отпусты з милостивым летом от папежа на збавене свое приймовать;

Дванадцатый — римский костел всих церквей маткою и научителькою вызнавать, без котораго никто збавен быти не может.

А хотечи тую звирхность папежскую досконале впровадити, неякоесь братство новое, противное братству першому, там же в манастыру Святое Тройцы заложил, што все чинечи, хочет и з самого фундаменту веру нашу старожитную, семи соборами вселенскими умоцненную, внивечь обернуть и права наши духовные и свецкие затлумити и до присеги нас свещеников на всем том, яко се выше поменило, приводить...»[3].

---

[2] Цит. по: *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 1. С. 816–820.

[3] Цит. по: Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 6. Вильна. 1869. С. 126.

(о похоженю — об исхождении; затлумити — подавить; вызнавати — признавать; збавен — спасен; чистец — чистилище; сакрамент — таинство; мша — месса; старожитный — стародавний, древний; отпуст — краткое молитвословие в конце богослужения; водлуг — в соответствии, согласно).

Приложение № 16. Выдержка из исповедания веры, которое произносил Георгий Скибинский при поступлении в Греческую коллегию св. Афанасия в Риме в 1688 г. (Из челобитной, написанной в 1696 г. на имя патриарха Московского и всея Руси Адриана).

«...1) Все Патриархи, Митрополиты и весь причт восточной Церкви не священны, потому что не имеют благословения от папы и непокорны ему; 2) Патриархи восточные не имеют власти свидетельствовать святаго, хотя бы и чудеса творил; 3) после флорентинскаго и триденскаго соборов, в восточной Церкви нет святых, а только в западной; 4) кто вне римской Церкви, тот не может спастись, хотя бы стяжал добродетели; 5) кто не признает папы за главу Церкви, тот еретик и отступник и кто не верит тому, что папа есть преемник апостола Петра и наместник Христов, тот не может спастись; 6) тела греческих Святых, которые остаются целы, не суть тела святых, а стяжавших клятву папы, и оттого не истлевают; 7) необходимо верить в чистительный огнь; Дух святый исходит от Отца и Сына»[4]. (Как выше мы уже говорили, если поступающий отказывался принять это исповедание веры, в Греческую коллегию им. св. Афанасия в Риме он не принимался).

Приложение № 17. Выдержка из челобитной игумена Московского Заиконоспасского монастыря Палладия Роговского на имя патриарха Московского и всея Руси Адриана от 1 апреля 1699 г. Символ веры православной.

«Верую во единаго Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единаго Господа Иисуса Христа, сына Божия единороднаго, иже от Отца рожденнаго прежде всех век. Света от света, Бога истинна, от Бога истинна, рожденна, не сотворена, единосущна Отцу, им же вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения, сшедшего с небес, и воплотившагося от Духа Свята, и Марии Девы, и вочеловечшася. Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребена, и воскресшаго в третий день по Писанием. И возшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца, и паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, его же царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа, животворящаго, иже от Отца исходящаго, иже со Отцем и Сыном спокланяемся, и славима, глаголавшаго Пророки. Во едину Святую Соборную Апостольскую церковь. Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века. Аминь»[5]. (ны — нас; одесную — справа; чаю — ожидаю).

[4] Цит. по: Филарет. История русской церкви. Четвертый период: период патриаршества 1588–1720. С. 182.

[5] Цит. по: Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е. Часть XVIII. С. 154.

Приложение № 18. Выдержка из челобитной игумена Московского Заиконоспасского монастыря Палладия Роговского на имя патриарха Московского и всея Руси Адриана от 1 апреля 1699 г.

О различиях в догматах и обрядах между Униатской и Православной Церквами. Эти различия Палладий Роговский называет новыми и смертоносными ересями.

«Из них же первая есть: глаголют Духу Святому от Отца и Сына исходити… Второе, на опресноках служат… Третие, мудрствуют чистец, или огнь, иже души по смерти очищает… Четвертое, мудрствуют, совершенное уже наслаждение Святым получити прежде последняго суда. Сие глаголют блаженство, или наслаждение Святых совершенное, ничто же иное есть, разве лицем к лицу самаго Бога зрети… Пятое, под единым видом хлеба простолюдины причащают, глаголюще, причастию неопределенному быти, но двема образы может быти на едине под единым видом… Шестое мудрование их, есть всему злу главизна, Папу называют главою видимою церкве, и что он от веры не может заблудити ни по какому образу, и аще бы он от веры заблудил, то бы (глаголют) и Бог не был Богом. И сего ради (глаголют), что есть глава Вселенским Собором, и их же может собирати, и яко ему подобает, и паки разрушати. Но еще власть имети над Царями вся вселенная, и их же может поставляти, и паки с царств их низвергати. Такожде уставы, узаконения и обычаи Святые церкве, егда ему подобает, может пременити… Еще и сие глаголют: церковь есть стадо, стадо же подобает быти едино, яко и Христос глаголет, да будет едино стадо и един пастырь…Но едина вера, глаголют, не может быти, аще не будет един крайний Архиерей и судия, ему же бы все покарялися. Сие же единоначальство дано (глаголют) от Христа, единому Петру Апостолу и по нем его восприемником… Седьмое: среду оставя, в субботу постятся… Осьмое: Епископи и Иноки мясо едят… Девятое: от удавленины и от крови не воздерживаются… Десятое: Святую литургию превратиша и иную вкратце сложиша… Первоенадесять: глаголют, хлебу в тело, а вину в кровь Господню прелагатися едиными токмо словами Христовыми, си есть: приимите ядите, сие есть тело мое, и прочая. И пийте от нея вси, сия есть кровь моя, и прочая. А о том так мудрствуют, что в неких литургиях, яко в литургии Амвросия Медиоланскаго, Иустина Мученика, не обретаются сия слова: сотвори убо хлеб сей и прочая. Второе глаголют: форма или печать Евхаристии подобает быти уставлена от Христа. Но слова: сотвори убо хлеб сей и проч. не суть уставлена от Христа… Второенадесять: глаголют, Пресвятей Богородице зачатися без первороднаго греха… Третиенадесять: младенцов не крестят треми погруженьми… Четвертоенадесять: абие по крещении младенцов Святым миром не помазывают… Пятоенадесять: Попы холостые… Шестоенадесять: посты растлиша, глаголюще, сие от Апостольских времен прията, дабы един токмо пост четыредесятницы постилися… Седьмоенадесять, новый календарь учиниша, глаголюще, что на всякий год дванадесять минут прирастает… Осьмоенадесять, свет Преображения тварь быти учат, глаголюще, или тогда была тварь, или Божество. Между сими двема не дается, глаголют, творение; но Божества никто же от человек видети может, по Евангелисту Иоанну, глаголющу, Бога никто же виде. Тем же глаголют, оный свет тварь бе, понеже Апостоли его видеша. Девятоенадесять, Священницы Латинские, многия службы, на едином престоле, во един день, един по единому совершают, глаголюще, каждую службу быти особливую, и престолу от того не осквернятися. Двадесятое, Монахи и весь Священный чин, брады голят, глаголюще, от сего ни греха, ни спасения быти, но подражати в благолепии Ангелов, яко безбрадни суть. Двадесять первое, Папа на правой ноге, вышитый златом Крест носит, глаголя в том себе смиряти, дабы народ по древнему обычаю честь воздавал, целую-

щи его ногу, Кресту, а не ему смертному человеку. Двадесять второе, Папа на престоле, идеже тело и кровь Господня стоят, сидит на том же Святом престоле, егда в Папы ставится, зане мудрствует, равную себе имети власть на земли со Христом. Двадесять третие, Папа, егда причащается, из чаши не пиет, по обычаю прочих Архиереев, но кровь Господню златою цевкою ссет, и то не у престола, но на своем обычном месте... Двадесять четвертое, в Рождество Христово, Священницы трижды литургисают, глаголюще, себе подражати волхвов, принесших дары новорожденному Иисусу Христу, злато, смирну и ливан. Они же вместо сих, глаголют, три жертвы приносити. Двадесять пятое, Епископы и Священницы служат Диаконами, глаголюще, аще кто приимает Епископство, или Священство, Диаконство от того не отступает, сего ради, глаголют, можем служити Диаконом, или Иподиаконом...»[6]. (абие — тотчас, немедленно; зане — ибо, потому что; понеже — потому что; смирна — благовонное вещество; ливан — ладан; литургисати — совершать литургию; тварь — создание).

Приложение № 19. Выдержки из постановлений Замойского Собора Униатской церкви, принятые согласно исповеданию веры папы Урбана VIII (заседания Собора состоялись 26 августа, 1 и 17 сентября 1720 г., постановления утверждены папой Бенедиктом XIII бреве от 19 июля 1724 г.).

Выдержки даются в изложении историка И. Стрельбицкого.

«...предписывается, чтобы митрополит, епископы, архимандриты, опаты, лица, имеющия академическую степень, монашество обоих полов, – все вообще, ищущие известной должности, при посвящении приняли это исповедание (речь идет об исповедании веры папы Урбана VIII. — прим. авт.) не позже трех месяцев со дня обнародования соборных актов. Отказавшиеся принять или принявшие исповедание, но нарушившие его, будут лишаемы сана и должности, строго наказываемы...

Переходя затем к каждому таинству в отдельности, постановления касаются прежде всего таинства крещения (de Babtismo). Собор запрещает употреблять при крещении практиковавшуюся в униатской церкви православную его форму, а повелевает совершать это таинство по формуле папы Евгения IV (крещается раб Божий во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь). Обряды восточной церкви могут быть допущены при крещении только те, какие указаны будут в новоизданном требнике, остальные же, как ненужные, собор определил вывести из употребления...

В предписаниях относительно таинства миропомазания (de Confirmatione), собор, указав символическое значение элементов материи его, определяет совершение этого таинства по обряду восточной церкви с произнесением слов: "печать Дара Духа Святаго", а не "печать и Дар Духа Святаго", как это значится в требниках, изданных во Львове...

Говоря о таинстве причащения (de Eucharystia), собор повелевает совершать его, согласно практике восточной церкви, на квасном хлебе и виноградном вине... Согласно постановлению флорентийскаго собора, формою таинства признаются слова: "сие есть Тело Мое" и "сия есть Кровь Моя". Далее собор определяет освящать частицы, вынимаемыя на проскомидии в честь Пресвятой Богородицы и святых и причащать ими, указывая при этом на несоблюдение сего православными, как это видно из их служеб-

[6] Цит. по: Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е. Часть XVIII. С. 166–196.

ников... После определений о таинстве причащения, собор делает некоторыя постановления касательно совершения литургии (de celebration missarum). Признавая правильным совершение евхаристии на квасном хлебе и опресноках, согласно обычаю каждой (униатской и латинской) церкви, собор запрещает униатским священникам посылать в латинские костелы частицы для омочения их в божественную кровь с тем, чтобы потом причащать ими...

Относительно таинства покаяния (de Poenitentia) собор определил следующее: оно должно быть совершаемо по обряду восточной церкви, возможно чаще (по крайней мере три раза в год: пред Пасхой, Успением и Рождеством Христовым), причем тридневный пост пред исповедью не всегда обязателен, а эпитимию священники должны налагать на кающихся не (непременно) по Номоканону, но сообразуясь с своим личным мнением...

Говоря о таинстве елеосвящения (de Exrema unctione), которое должно быть совершаемо согласно обряду восточной церкви...

Указав в таинстве священства (de sacris ordinationibus) отступления от древняго обычая восточной церкви и воспретив употреблять молитвы, введенныя в требник Петра Могилы, собор постановляет совершать рукоположение по древним архиерейским требникам...

Оставляя совершение таинства брака (de Martimonio) по обычаю восточной церкви, собор воспретил совершать это таинство в частных домах, без разрешения епископа, над лицами, не знающими основных догматов своего вероучения, несовершеннолетних, находящимися в родстве кровном или духовном...»[7].

Приложение № 20. Предварительный и неполный список патриархов Восточных патриархий, которые явно или тайно отступили в XVI или XVII вв. от православия или обоснованно подозревались в этом современниками.

Список составлен по книге: Рансимэн С. Великая Церковь в пленении. Источник: http://predanie.ru/

- патриарх Константинопольский Дионисий II (1545–1555).
- патриарх Константинопольский Митрофан III (1565–1572).
- патриарх Константинопольский Иеремия II (1572–1579, 1580–1584, 1586–1595).
- патриарх Константинопольский Рафаил II (1603–1607).
- патриарх Константинопольский Неофит II (1607–1612 или 1614).
- патриарх Константинопольский Тимофей I (1614–1622).
- патриарх Константинопольский Григорий IV (3 месяца в 1623 г.).
- патриарх Константинопольский Кирилл II (1634, 1635–1636, 1638–1639).
- патриарх Константинопольский Афанасий III (1634, 1652).
- патриарх Константинопольский Парфений II (1644–1645, 1648–1651).
- патриарх Константинопольский Иоанникий II (1646–1648, 1651–1652, 1653–1654; 1655–1656).
- патриарх Антиохийский Игнатий III (1619–1633 или 1634).
- патриарх Антиохийский Евфимий II (1634–1635).

[7] *Стрельбицкий И.* Униатские церковные соборы с конца XVI века до возсоединения униатов с православною церковью. Изд. 2-е. С. 109–117.

– патриарх Антиохийский Евфимий III (1635–1647).
– патриарх Антиохийский Макарий III (1647–1672).
– патриарх Антиохийский Афанасий III (1686–1694, 1720–1724).
– патриарх Антиохийский Кирилл V (1672–1720).

Приложение № 21. Краткая хроника некоторых событий, оказавших прямое или косвенное влияние на содержание отношений между Римом и Москвой в XVI–XVII столетиях.

1492 г.

12 октября — Христофор Колумб со своей флотилией пересек Атлантический океан и открыл неизвестную европейцам Америку.

1493 г.

15 марта 1493 г. — Христофор Колумб, вернувшись из своего первого плавания, доложил о долгожданном открытии католическим королям Испании — Фердинанду и Изабелле.

25 сентября – Христофор Колумб с флотилией из 3 судов (не считая грузовых и легких экспедиционных) отправился из Испании в свое второе плавание к берегам Америки.

1496 г.

11 мая — Христофор Колумб вернулся в испанский порт Кадис со своего второго плавания.

1497 г.

8 июня — флотилия Васко да Гамы из четырех кораблей снялась с якорей в предместье Лиссабона и отправилась на поиски морского пути вокруг Африки в Индию.

1498 г.

20 мая — флотилия Васко да Гамы бросила якоря у Каликута, богатого города Малабарского побережья Индии. Открыт морской путь из Европы в Индию.

23 мая — во Флоренции на площади делла Синьория сожжены Джироламо Савонарола и двое его учеников.

30 мая — Христофор Колумб во главе 6 кораблей вышел из гавани Сан Лукар де Баррамеда в свое третье плавание к берегам Нового Света.

30 августа — флотилия Васко да Гамы отплыла из Каликута в обратный путь.

1499 г.

18 сентября — Васко да Гама торжественно въехал в Лиссабон и доложил об успешном завершении экспедиции и открытии морского пути в Индию королю Португалии Мануэлу I.

1500 г.

22 апреля — португальский мореплаватель Педру Алвариш Кабрал открыл Бразилию. 1 мая на вновь открытой земле, которая сначала была названа островом «Истинного Креста», был установлен деревянный крест в ознаменование присоединения этой земли к владениям Португалии.[8]

Апрель — начало войны между Московским государством и великим княжеством Литовским.[9]

---

[8] *Слезкин Л.Ю.* Земля Святого Креста. М., Изд-во «Наука», 1970. С. 21–26.

[9] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Книга 1. М., 1995. С. 363.

Октябрь — Христофор Колумб вернулся в испанский порт Кадис со своего третьего плавания к берегам Америки.

Иоанн Сакран, католический богослов из Кракова, издал сочинение о православии и его отличиях от католичества.[10]

XVI в.

1501 г.

28 апреля — папа Александр VI направил письмо католическому епископу Виленскому Альберту (Адальберту) Войтеху Табору, в котором поставил разведывательную задачу по сбору сведений о православии.[11]

8 июля – папа Александр VI направил грамоту великому князю Литовскому Александру I, в которой обязал его склонить православных к принятию католичества.[12]

8 июля — папа Александр VI направил грамоту католическому епископу Виленскому Альберту Войтеху Табору с требованием убедить великую княгиню Литовскую Елену отступить от православия и принять католичество.[13]

9 июля — папа Александр VI по просьбе великого князя Литовского Александра I разрешил основать в Вильно доминиканский монастырь, и он был основан при церкви Св. Духа.[14]

23 августа — папа Александр VI подписал буллу «О крещении русских».[15]

26 ноября — папа Александр VI направил грамоту кардиналу Фридриху Ягеллончику, краковскому администратору, с указанием принудить великую княгиню Литовскую Елену отступить от православия и принять католичество вплоть до отдачи ее под церковный суд.[16]

Александр I Ягеллон стал королем Польши (в 1492–1506 гг. он одновременно являлся великим князем Литовским).

1502 г.

9 (или 11) мая — Христофор Колумб во главе флотилии из 4 судов отправился из испанского порта Кадис в четвертое плавание к берегам Америки.

1503 г.

1 января — в Москву прибыл венгерский посол Сигизмунд Сантай с грамотой папы Александра VI великому князю Московскому Ивану III Васильевичу.

25 марта — в Москве подписан договор о завершении войны между Московским государством и великим княжеством Литовским.[17]

1504 г.

7 ноября — Христофор Колумб вернулся в Испанию (гавань Сан Лукар де Баррамеда) из своего четвертого плавания.

1506 г.

8 декабря — Сигизмунд I Старый Ягеллон избран королем Польши.

---

[10] *Рущинский Л.П.* Религиозный быт Русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел I. М., 1871. С. 8, 205–206, 296; Макарий, архиепископ Литовский и Виленский. История русской церкви. Т. IX. СПб., 1879. С. 140–148.

[11] Макарий, архиепископ Литовский и Виленский. История русской церкви. Т. IX. СПб., 1879. С. 103–105.

[12] Там же. С. 107–108.

[13] Там же. С. 107–108.

[14] Там же. С. 108–109.

[15] Россия и Италия. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1908. С. 241–242.

[16] Макарий, архиепископ Литовский и Виленский. История русской церкви. Т. IX. СПб., 1879. С. 108.

[17] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Книга 1. М., 1995. С. 366.

1507 г.

Начало войны между Московским государством и великим княжеством Литовским.[18]

1508 г.

8 октября — в Москве подписан «Вечный мир» между Московским государством и великим княжеством Литовским.[19]

В Московию прибыл эмиссар Ватикана Николай Булев (Люев, Немчин, Любчанин), которому перед выездом в Московию папа Юлий II дал поручение активно пропагандировать идею унии Русской православной церкви с Римской католической церковью. Вскоре он был назначен придворным врачом великого князя Московского Василия III Ивановича, и использовал представившиеся возможности для выполнения полученного поручения. (О времени приезда Николая Булева в Московию и о его личности существуют и другие точки зрения). Последнее упоминание о Николае Булеве относится к 3 декабря 1533 г., когда он присутствовал при смерти Василия III Ивановича.

1511 г.

2 июля — король Польши Сигизмунд I подписал грамоту о праве православных митрополитов и епископов на церковный суд.[20]

Голландцы укрепились в Малакке, взяли под свой контроль морские пути в Индонезию и другие территории Юго-Восточной Азии, а также внешнюю торговлю в этом регионе.[21]

1512 г.

10 мая — в Риме открылся Пятый Латеранский Собор Римской католической церкви, который завершил свою работу 16 марта 1517 г.

Осень — начало войны между Московским государством и великим княжеством Литовским.[22]

1513 г.

25 сентября — испанский конкистадор Васко Нуньес де Бальбоа с отрядом солдат пересек Панамский перешеек и ступил на берег Тихого океана.

Папа Лев X передал королю Польши Сигизмунду I шлем и меч и благословил его на крестовый поход против Московского государства. Перед этим, в Рождество Христово в 1512 г., эти шлем и меч были освящены папой Юлием II, и он сам собирался передать их королю, но не успел это сделать из-за смерти 21 февраля 1513 г.[23]

1514 г.

5 апреля — примас Польши, архиепископ Гнезненский Иоанн Лаский выступил на V Латеранском Соборе с докладом, посвященным резкой критике православных богослужений и обрядов.[24]

29 июля — войска великого князя Московского Василия III Ивановича взяли Смоленск.

---

[18] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Книга 1. М., 1995. С. 367.

[19] Там же. С. 368.

[20] Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга 6. М., 1996. С. 192.

[21] Новая история стран Азии и Африки. М.: Изд-во «Наука», 1975. С. 25.

[22] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Книга 1. М., 1995. С. 371.

[23] *Пирлинг П.О.* Россия и папский престол. Книга 1. М., 1912. С. 295.

[24] *Тумасов Н.С.* Дворянство Западной России в XVI веке // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел I. М., 1868. С. 29, прим. 25.

1516 г.

Ученый инок Псковского Елеазарова монастыря Филофей направил письмо великому князю Московскому Василию III Ивановичу, в котором высказал утверждение, что Москва — это Третий Рим, а Четвертого Рима не будет.[25]

1518 г.

1 октября — папа Лев X подписал наказ своему легату Николаю Шонбергу, в котором поставил задачу склонять великого князя Московского Василия III Ивановича к унии с Римской католической церковью.[26]

1519 г.

21 апреля — Эрнан (Фернандо) Кортес высадился на полуострове Юкатан и в 1519-1521 годах завоевал государство ацтеков (Мексику).

20 сентября — флотилия Фернандо Магеллана вышла из гавани Сан Лукар де Баррамеда. Началось первое в истории кругосветное плавание.

26 сентября — папа Лев X подписал грамоту великому князю Московскому Василию III Ивановичу с предложением заключить унию между Римской католической и Русской православной Церквами, а также союз против Турции в обмен на королевский титул.[27]

1520 г.

Начало Реформации. Мартин Лютер публикует ряд полемических и реформаторских сочинений с призывом к реформе Римской католической церкви.[28]

1521 г.

3 января — папа Лев X отлучил Мартина Лютера от Римской католической церкви.

27 апреля — Фернандо Магеллан погиб в схватке с туземцами острова Мактан Филиппинского архипелага.

8 ноября — экспедиция погибшего Фернандо Магеллана достигла Островов Пряностей (Молуккских островов).

1522 г.

6 сентября — корабль «Виктория» (из экспедиции погибшего Фернандо Магеллана) под командой Хуана-Себастьяна де Эль-Кано вернулся из первого в истории кругосветного плавания и вошел в гавань Сан Лукар де Баррамеда.[29]

25 декабря — в Москве подписан мир между Московским государством и великим княжеством Литовским.[30]

1524 г.

Папа Климент VII образовал Орден театинцев для подготовки руководящих кадров для Римской католической церкви.

25 мая — папа Климент VII подписал грамоту великому князю Василию III Ивановичу, в которой настойчиво склонял его к унии с Римской католической церковью.[31]

---

[25] *Воейков Н.Н.* Церковь, Русь, и Рим. США: Джорданвилль, Свято-Троицкий Монастырь, 1983. С. 284–285.

[26] Переписка пап с российскими государями в XVI веке, найденная между рукописями в Римской Барбериниевой библиотеке. СПб., 1834. С. 3, прим. 1.

[27] Там же. С. 5, прим. 4.

[28] Хроника христианства / Пер. с нем. В. Годфрида. М.: ТЕРРА, 1999. С. 232–237.

[29] *Митчелл М. Эль-Кано.* Первый кругосветный мореплаватель. Пер. с англ. И.Г. Гуровой. М.: Изд-во «Мысль», 1977.

[30] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Книга 1. М., 1995. С. 375.

[31] Переписка пап с российскими государями в XVI веке, найденная между рукописями в Римской Барбериниевой библиотеке. СПб., 1834. С. 7–15.

Ноябрь — начало первой экспедиции Франсиско Писарро, направленной на разведку и завоевание Перу. Он продолжал свою деятельность до самой смерти 26 июня 1541 г.

1525 г.

Сотрудник Ватикана Паоло Джовио по заданию папы Климента VII и архиепископа Консентийского Иоанна Руфа опросил в Риме российского дипломата Дмитрия Даниловича Герасимова. По результатам опроса он издал сочинение «Книга о посольстве Василия, великого государя московского, к папе Клименту VII, в которой с особой достоверностью описаны положение страны, неизвестное древним, религия и обычаи народа и причины посольства. Кроме того, указуется заблуждение Страбона, Птолемея и других, писавших о географии, там, где они упоминают про Рифейские горы, которые, как положительно известно в настоящее время, нигде не существуют».

Знаменитый венецианский картограф Баттиста Аньезе издал карту Московии, изготовленную по результатам опроса российского дипломата Дмитрия Даниловича Герасимова, проведенного в Риме сотрудником Ватикана Паоло Джовио.[32]

Апостолический протонотарий, советник и исповедник эрцгерцога Австрийского Фердинанда, коадъютор Венского епископа и член Ордена доминиканцев Иоганн Фабри по поручению эрцгерцога опросил в Тюбингене возвращавшихся из Испании на родину российских дипломатов князя Ивана Ивановича Засекина-Ярославского и дьяка Семена Борисовича Трофимова при посредничестве толмача посольства Власа Игнатьева о Московском государстве, православии и Русской православной церкви, о народе, его обычаях и нравах.[33]

1527 г.

Май — войска императора Римской империи Карла V захватили Рим, грабежи.

1529 г.

В Сарагосе при посредничестве папы Климента VII подписан договор между Испанией и Португалией о разделе сфер влияния в восточном полушарии. (В западном полушарии сферы влияния между этими же государствами были разделены в 1494 г. в Тордесильясе при посредничестве папы Александра VI).

1534 г.

Август — начало войны между Московским государством и великим княжеством Литовским.[34]

1537 г.

25 марта — в Москве подписан мирный договор между Московским государством и великим княжеством Литовским.[35]

1540 г.

27 сентября — папа Павел III буллой «Regimini militantis ecclesi» утвердил образование Ордена иезуитов.

1542 г.

21 июня — папа Павел III образовал Комиссию кардиналов для осуществления контроля за чистотой католического вероучения.

---

[32] *Багров Лео.* История русской картографии / Пер. с англ. Е.В. Ламановой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С. 92–96.

[33] Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов» // Россия и Германия. Вып. 1. Изд-во РАН ИВИ, 1998.

[34] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Книга 1. М., 1995. С. 378.

[35] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Книга 1. М., 1995. С. 379.

1545 г.

13 декабря — открылся Тридентский Собор Римской католической церкви, который завершил свою работу 4 декабря 1563 г.

1547 г.

16 января — Иван IV Васильевич венчан в Москве на царство.

1548 г.

Апрель — Сигизмунд II Август Ягеллон избран королем Польши.

1549 г.

15 августа — один из основателей Ордена иезуитов Франциск Ксавье высадился со своими спутниками в Японии.

1550 г.

23 марта — папой Римским избран Юлий III.

1551 г.

22 февраля — папа Юлий III открыл в Риме Римский коллегиум.

1552 г.

31 августа — папа Юлий III открыл в Риме Германский коллегиум.

Папа Юлий III открыл в Риме Грегорианский университет.

2 октября — войсками Ивана Грозного взята столица Казанского ханства – Казань.

3 декабря — на одном из китайских островов близ Макао во время попытки прибыть в Китай умер Франциск Ксавье, один из основателей Ордена иезуитов.

1554 г.

2 июля — войсками Ивана Грозного взята столица Астраханского ханства — Астрахань. Открыт свободный путь по Волге-реке в Каспийское море и далее в Персию и другие богатые страны таинственного Востока.

1555 г.

В Польше образована постоянная папская нунциатура. 13 января 1555 г. папа Юлий III особым бреве назначил нунцием в Польшу епископа Веронского Луиджи (Алоизия) Липпомано. 6 июля того же года папа Павел IV своим бреве подтвердил решение Юлия III.

9 апреля — папой Римским избран Марцелл II.

23 мая — папой Римским избран Павел IV.

25 сентября — в Германии заключен Аугсбургский религиозный мир между католиками и протестантами.

1558 г.

8 августа — папа Павел IV своим бреве известил короля Польши Сигизмунда II Августа о назначении папским нунцием епископа Сатрианского Камилла Ментоватти.

1559 г.

26 декабря — папой Римским избран Пий IV.

1560 г.

23 апреля — папа Пий IV своим бреве назначил епископа Камеринского Бернарда Бонджованни папским нунцием в Польшу.

1561 г..

Начало войны за Ливонию между Московским государством и великим княжеством Литовским.[36]

1563 г.

---

[36] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Книга 1. М., 1995. С. 384.

22 апреля — король Польши Сигизмунд II Август направил папе Пию IV письмо с просьбой отозвать Бернарда Бонджованни с поста папского нунция.

19 октября — в Польшу прибыл новый папский нунций — Джованни Франческо Коммендоне.

1564 г.

3 января — папский нунций в Польше Джованни Франческо Коммендоне направил донесение государственному секретарю Ватикана кардиналу Карло Борромео о неудачной попытке папского легата Джованни Джиральдо Маринелла проехать через территорию Польши в Москву.[37]

Составлен первый «Индекс запрещенных книг» («Jndex librarum prohibitorum»).

31 октября — в г. Гейльсберг (ныне — г. Лидзбарк-Варминский в Польше), в центр Вармийской епархии в Восточной Пруссии, прибыла первая группа иезуитов в количестве 5 человек для основания коллегии в г. Браунсберге и борьбы с Реформацией.[38]

1566 г.

7 января — папой Римским избран Пий V.

2 марта — папа Пий V своим бреве назначил папским нунцием в Польшу Джулио Руджиери.

В г. Пултуске открыта иезуитская коллегия.[39]

Папа Пий V образовал специальную секретную службу Священный Альянс для розыска и физического устранения противников папства.[40]

1567 г.

В г. Браунсберге открыта иезуитская коллегия.

1568 г.

18 февраля — папским нунцием в Польшу назначен Виченцо дель Портико, о чем папа Пий V в тот же день направил бреве королю Польши Сигизмунду II Августу.

В г. Вильно открыта иезуитская коллегия.

1569 г.

25 мая — король Польши Сигизмунд II Август подписал универсал о присоединении к Польше Южной Руси (Украины).

1 июля — принята Люблинская уния и образована Речь Посполитая. Уния утверждена раздельными решениями Польского и Литовского сеймов.

После принятия Люблинской унии завершена начатая в 1561 г. война между Московским государством и великим княжеством Литовским.[41]

1570 г.

В городах Познани и Ярославе открыты иезуитские коллегии.[42]

1571 г.

Папа Пий V образовал конгрегацию «Индекс».

24 мая — Москва разорена войсками Крымского хана Девлет Гирея.

---

[37] Известия о России, извлеченные из писем кардинала Коммендоне к кардиналу Борромео // Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные К.М. Оболенским. ИОИДР. М., 1847. С. 7.

[38] *Жукович П.Н.* Кардинал Гозий и Польская Церковь его времени. СПб., 1882. С. 370.

[39] Там же. С. 385.

[40] Фраттини Э. Священный Альянс. Палачи и шпионы Ватикана [пер. с исп. В. Штаерман]. М.: Эксмо, 2007.

[41] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Книга 1. М., 1995. С. 368–369.

[42] *Жукович П.Н.* Кардинал Гозий и Польская Церковь его времени. СПб., 1882. С. 404.

19 сентября — папский нунций в Польше Виченцо дель Портико направил донесение государственному секретарю Ватикана Джироламо Рустикуччи об обстановке в Московии и жестокости царя Ивана Грозного, основанное на сообщении Альберта Шлихтинга «Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича» с приложением этого сообщения.[43]

7 октября — объединенные войска Испании и Венеции одержали в морском сражении под Лепанто победу над турецкими войсками.

1572 г.

13 мая — папой Римским избран Григорий XIII.

24–25 августа — Варфоломеевская ночь в Париже, расправа над гугенотами во Франции.

1573 г.

28 января — Варшавская конфедерация приняла решение об избрании епископами православной церкви лиц православного исповедания.

20 апреля — дипломат Священной Римской империи германской нации Даниил Принц направил из Польши в Прагу донесение о Московском народе.[44]

1 июня — папа Григорий XIII своим бреве назначил папским нунцием в Польшу епископа Мендовийского Винченцо Лаурео.

1574 г.

18 февраля — в Кракове Генрих Валуа коронован на польский королевский престол.

18 февраля — Антонио Мария Грациани, секретарь папского нунция в Польше Джованни Франческо Коммендоне, представил королю Польши Генриху Валуа записку с обоснованием необходимости войны с Московским государством и призывом эту войну начать.[45]

21 апреля — папский нунций в Польше Винченцо Лаурео писал в донесении из Кракова государственному секретарю Ватикана кардиналу Комо в Рим о своих усилиях склонить короля Польши Генриха Валуа к войне с Московским государством.[46]

18 июня — Генрих Валуа оставил польский королевский трон и выбыл из Кракова в Париж, чтобы наследовать королевскую корону Франции.

3 августа — папский нунций в Польше Винченцо Лаурео направил донесение государственному секретарю Ватикана кардиналу Комо в Рим в отношении царя Ивана Грозного. Донесения на эту же тему он направлял также 16 августа и 10 октября 1575 г., 21 октября 1577 г.[47]

1575 г.

По решению генерала Ордена иезуитов Эбергарда Меркуриана образована самостоятельная провинция Ордена иезуитов для Речи Посполитой. Первым провинциалом назначен Франциск Суниер (Зуннер).

1576 г.

1 мая — Стефан Баторий коронован на польский королевский престол.

---

[43] Новое известие о времени Ивана Грозного. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 27.

[44] Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т. 2. СПб., 1842. С. 244–247.

[45] Россия и Италия. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1908. С. 52–53.

[46] *Вержбовский Ф.* Отношения России и Польши в 1574–1578 годах по донесениям папского нунция В. Лаурео // ЖМНП. Август. СПб., 1882. С. 212.

[47] Там же. С. 218, 219, 230–231.

1577 г.

13 января — папа Григорий XIII буллой «In apostolicae sedix» объявил о создании в Риме Греческой коллегии св. Афанасия.[48]

20 мая — Петроковский синод, открытый папским нунцием Винченцо Лауреео, провозгласил реставрацию католицизма в Польше, и без всяких исключений принял определения Тридентского Собора.[49]

15 ноября — флотилия Френсиса Дрейка из пяти кораблей вышла из Плимута во второе в истории кругосветное плавание, которое было успешно завершено 3 ноября 1580 г.

Иезуит Петр Михайлович Скарга издал в Вильно книгу «О единстве церкви Божией под единым пастырем и о греческом от этого единства отступлении, с предостережением и увещанием к русским народам, стоящим при греках. Вильно. 1577 г.».

1578 г.

9 апреля — с этого дня папским нунцием в Польше являлся Джованни Андреа Калигари, с 14 октября 1579 г. епископ Бертинорский.

15 апреля — папский нунций Винченцо Лауреео (еще не выбывший из Польши) направил донесение государственному секретарю Ватикана кардиналу Комо в Рим о воинственных намерениях короля Польши Стефана Батория по отношению к Московскому государству.[50]

1579 г.

Начало июля — начало войны между Московским государством и Речью Посполитой.[51]

30 октября — папский нунций в Польше Джованни Андреа Калигари направил донесение в Рим о захвате книг на славянском языке во время военных действий между Московским государством и Речью Посполитой.[52] Рейнгольд Гейденштейн, секретарь короля Польши Стефана Батория, так писал о захваченных книгах: «Найденная там (в Полоцке, после его взятия Баторием) библиотека имела, в глазах ученых, такую же ценность, как и прочая добыча. В ней оказалось, кроме летописей, много сочинений ученых отцов Греческой церкви, между ними и Дионисия Ареопагита о небесной и церковной иерархии, — все на Славянском языке. По словам их летописей, многия из этих книг переведены с Греческаго языка на Славянский Мефодием и Константином...»[53]

В ночь на Рождество Христово папа Григорий XIII освятил шлем и меч, передал королю Польши Стефану Баторию и благословил его на крестовый поход против Московского государства.[54]

15 декабря — король Польши Стефан Баторий подписал указ о запрещении православному духовенству вмешиваться в церковные дела католиков.

1580 г.

В г. Остроге издана Библия, получившая название Острожской.[55]

---

[48] *Вержбовский Ф.* Отношения России и Польши в 1574–1578 годах, по донесениям папского нунция В. Лауреео // ЖМНП. Август. СПб., 1882.

[49] *Жукович П.Н.* Кардинал Гозий и Польская Церковь его времени. СПб., 1882. С. 495–496, 502.

[50] *Вержбовский Ф.* Отношения России и Польши в 1574–1578 годах по донесениям папского нунция В. Лауреео // ЖМНП. Август. СПб., 1882. С. 234–235.

[51] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Книга 1. М., 1995. С. 395.

[52] Россия и Италия. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1908. С. 101.

[53] Цит. по: *Сапунов А.* Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке. Витебск, 1890. С. 3, прим. 7.

[54] *Пирлинг П.О.* Россия и папский престол. Книга 1. М., 1912. С. 445.

[55] Карташев А.В. История Русской Церкви. Т. 1. М., 2006. С. 743.

1581 г.

12 апреля — с этого дня папским нунцием в Польше являлся епископ Масский Альберто Болоньетти, с 12 декабря 1583 г. кардинал.

12 августа — в г. Остроге осуществлено второе издание Библии.[56]

18 августа — в Старицу к Ивану Грозному прибыло папское посольство во главе с иезуитом Антонио Поссевино. В составе посольства прибыли иезуиты: Паоло Джованни Кампани, провинциал польской провинции Ордена иезуитов, выбыл 29 сентября 1581 г.; Василий Замасский, писатель-полемист, переводчик; Микель Мориено, Андрей Модестин и Стефан Дреноцкий, все выбыли за пределы Московского государства 15 марта 1582 г.

18 августа — католический епископ Виленский Юрий Николаевич Радзивилл направил королю Польши Стефану Баторию письмо о мерах по борьбе с ересью в Виленской епархии.[57]

В Вильно иезуитами издан перевод с греческого на русский язык сочинений патриарха Схолария, одного из творцов унии на Флорентийском Соборе, «О Св. Духе» и «История и апология Флорентийского собора». Автор перевода — иезуит Василий Замасский, писатель и полемист, участвовавший в посольстве Антонио Поссевино в Москву в качестве переводчика.[58]

В Вильно католический епископ Виленский Юрий Николаевич Радзивилл организовал и осуществил публичное сожжение иноверческих книг перед иезуитским костелом.[59]

1582 г.

6 января — в Яме Запольном подписан мир между Московским государством и Речью Посполитой.[60]

13 февраля — папа Григорий XIII подписал буллу о введении нового календаря.[61]

21 и 23 февраля, 4 марта — Антонио Поссевино с разрешения Ивана Грозного провел с ним диспуты о вере. Сделана безуспешная попытка обращения русского царя в католичество.

15 марта — посольство Антонио Поссевино выехало на родину.

Издана книга иезуита Петра Михайловича Скарги «Appendix de Russorum erroribus et de causis, propter quas Graeci a Romana ecclesia defecerunt. 1582».[62]

1 октября — папа Григорий XIII направил бреве царю Ивану Грозному.[63]

В Риме на русском языке издан «Катехизис», автором которого являлся иезуит Петр Канизий.[64]

1583 г.

14 марта — атаман Ермак Тимофеевич со своим войском завоевал столицу Сибирского ханства Искер.

---

[56] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 1. М., 2006. С. 743.

[57] Россия и Италия. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1913. С. 535.

[58] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 1. М., 2006. С. 753.

[59] Макарий, архиепископ Литовский и Виленский. История русской церкви. Т. IX. СПб., 1879. С. 426–427.

[60] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Книга 1. М., 1995. С. 398–401.

[61] Макарий, архиепископ Литовский и Виленский. История русской церкви. Т. IX. СПб., 1879. С. 427.

[62] Летопись занятий Археографической комиссии. 1876–1877 гг. Вып. VII. Отдел IV. СПб., 1884 г. С. 88.

[63] Россия и Италия. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1908. С. 84.

[64] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 1. М., 2006. С. 753.

14 октября — папский нунций в Польше Альберто Болоньетти писал в донесении в Рим о своих усилиях по склонению великого княжества Литовского и шляхты идти войной на Московское государство. Повторное донесение по этому вопросу он направил в Рим 31 октября 1584 г.[65]

1584 г.

18 марта — в Москве умер царь Иван IV Васильевич Грозный.

21 апреля — Николай Христофор Радзивилл (по прозвищу «Сиротка») направил папе Григорию XIII письмо из Венеции об учреждении в г. Несвиже иезуитской коллегии.[66]

31 мая — Федор Иванович коронован в Москве на царство.

10 июня — польский дипломат Лев Иванович Сапега направил из Москвы донесение папскому нунцию в Польше кардиналу Альберто Болоньетти с характеристикой нового царя Федора Ивановича.[67]

24 августа — папский нунций в Польше кардинал Альберто Болоньетти направил донесение государственному секретарю Ватикана кардиналу Комо о новом царе Федоре Ивановиче.[68]

1585 г.

19 февраля — примас Польши, архиепископ Гнезненский Станислав Карнковский опросил следовавшего через Польшу в Прагу российского дипломата Лукьяна Захарьевича Новосильцева о царе Федоре Ивановиче и Борисе Федоровиче Годунове.[69]

15 марта — Даниил Принц, дипломат Священной Римской империи германской нации, опросил в Праге российского дипломата Лукьяна Захарьевича Новосильцева о Сибири и путях в страны Востока через Московское государство.[70]

15 марта – 16 апреля — папский нунций при дворе императора Священной Римской империи германской нации в Праге Джерманико Маласпина пригласил к себе российского посланника Лукьяна Захарьевича Новосильцева и опросил его о русском царе Федоре Ивановиче. В опросе участвовал дипломат Даниил Принц, ранее посещавший Москву.[71]

24 апреля — папой Римским избран Сикст V.

Апрель — в Польшу прибыл папский нунций епископ Камеринский Иероним (Джироламо) ди Бовио (Буойя).

13 октября — папский нунций в Польше Иероним ди Бовио направил донесение государственному секретарю Ватикана кардиналу Джироламо Рустикуччи о прибытии в Москву турецкого посланника.[72]

1586 г.

22 июля — началось третье в истории кругосветное плавание английского мореплавателя Томаса Кавендиша, завершившееся 9 сентября 1588 г.

---

[65] Россия и Италия. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1908. С. 147, 149.

[66] Россия и Италия. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1913. С. 536.

[67] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 4. М.: Изд-во «Голос». 1994. С. 220.

[68] Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т. 2. СПб., 1842. С. 2, 7.

[69] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. Стб. 933–934.

[70] Там же.

[71] Там же. Стб. 956.

[72] Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т. 2. СПб., 1842. С. 7.

15 ноября — папским нунцием в Польшу назначен архиепископ Неаполитанский Аннибале да Капуа.

В Кракове на польском языке издана книга иезуита, ректора Ярославской иезуитской коллегии Бенедикта Гербеста о Флорентийской унии «Wiary kościóła Rzymskiego wywody, y Greckiego niewolstwa historia: dla jednośći» («Выводы веры церкви Римской и история греческой неволи ради единства»).[73]

Основан город Тюмень.

1587 г.

9 декабря — Сигизмунд III Ваза коронован на польский королевский престол.

На реке Тобол основана будущая столица Сибири город Тобольск.

1588 г.

22 января папа Сикст V преобразовал созданную папой Павлом III в 1542 г. Комиссию кардиналов в конгрегацию «Святой римской и вселенской инквизиции».

В г. Остроге издана книга православного священника Василия Острожского «О единой истинной православной вере и о святой соборной апостолской церкви, откуду начало приняла, и како повсюду распростреся».[74]

В г. Остроге против книг иезуита Василия Замасского изданы православные сочинения «Исповедание об исхождении Св. Духа» и «История о листрийском (разбойничьем) или Флорентийском соборе, вкратце, но справедливо написанная».[75]

1589 г.

26 января — на Руси установлено патриаршество. Русская православная церковь стала канонически независимой от Восточных патриархов. Константинопольский патриарх Иеремия II посвятил митрополита Иова в патриарха Московского и всея Руси.

Константинопольский патриарх Иеремия II провел церковный Собор в г. Бресте по вопросам защиты православной церкви от католической.

6 августа — Константинопольский патриарх возвел епископа Луцкого и Острожского Кирилла Семеновича Терлецкого в сан экзарха и подписал соответствующую грамоту. Позднее, 5 февраля 1595 г., король Польши Сигизмунд III своей грамотой подтвердил правомочность грамоты патриарха.

1590 г.

В Кракове переиздана книга иезуита Петра Михайловича Скарги «O rządzie y jednośći Kośćióła Bożego».[76]

24–28 июня — состоялся православный Брестский Собор, на котором принято соборное постановление (от 28 июня) о защите православной церкви от католической.

15 сентября — папой Римским избран Урбан VII.

5 декабря — папой Римским избран Григорий XIV.

1591 г.

29 октября — папой Римским избран Иннокентий IX.

1592 г.

30 января — папой Римским избран Климент VIII.

10 июля — с этого дня папским нунцием в Польше являлся епископ Сан-Северский Джерманико Маласпина.

---

[73] Летопись занятий Археографической комиссии. 1876–1877 гг. Вып. VII. Отдел IV. СПб., 1884. С. 92.

[74] Летопись занятий Археографической комиссии. 1876–1877 гг. Вып. VII. Отдел IV. СПб., 1884. С. 92.

[75] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 1. М., 2006. С. 754.

[76] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 5. М., 1995. С. 739.

1593 г.

21 июня — князь Константин Константинович Острожский направил письмо епископу Владимирскому и Брестскому Ипатию Львовичу Потею о защите православия.

На реке Обь основан город Березов.

1594 г.

22 января — папа Климент VIII подписал грамоту царю Федору Ивановичу о направлении в Москву легата Александра Комулея.[77]

27 января — папа Климент VIII подписал наказ легату Александру Комулею с заданием склонять царя Федора Ивановича к унии, скомпрометировать перед ним патриарха Константинопольского и направить царя на реализацию концепции «Москва – Третий Рим».[78]

21 мая — епископ Луцкий и Острожский Кирилл Семенович Терлецкий в г. Луцке публично объявил о уже состоявшемся соединении Восточной и Западной церквей под главенством папы Римского.

5 июня — первая голландская экспедиция в составе четырех кораблей (с участием Виллема Баренца) отплыла из Голландии и направилась на поиски Северо-Восточного морского прохода в Китай. В Голландию экспедиция вернулась 10 сентября 1594 г.

24 июня — состоялся Брестский Собор.[79]

27 июня — состоялся съезд сторонников унии в г. Сокале.[80]

2 декабря — в г. Сокале епископы Кирилл Семенович Терлецкий и Ипатий Львович Потей составили предварительный акт о подписании унии.[81]

Декабрь — в г. Сокале епископами Луцким и Острожским Кириллом Семеновичем Терлецким, Холмским и Бельским Дионисием Збируйским, Перемышльским и Самборским Михаилом Копыстенским, Львовским и Галицким Гедеоном Марковичем Балабаном подписаны «деловые» условия заключения унии.[82]

На реке Обь основан город Сургут.

1595 г.

20 января — митрополит Киевский Михаил Васильевич Рогоза направил письмо воеводе Новогородокскому Федору Скумину-Тышкевичу об отношении к унии.

28 января — епископ Львовский и Галицкий Гедеон Маркович Балабан созвал и провел в г. Львове церковный Собор.

18 февраля — король Польши Сигизмунд III подписал грамоту епископам Владимирскому и Брестскому Ипатию Львовичу Потею и Луцкому и Острожскому Кириллу Семеновичу Терлецкому с одобрением их решения принять унию с Римской католической церковью.

4 марта — папа Климент VIII подписал бреве, устанавливавшее права митрополита Киевского Михаила Васильевича Рогозы на владение Киево-Печерской Лаврой в случае принятия им унии с Римской католической церковью.[83]

---

[77] Переписка пап с российскими государями в XVI веке, найденная между рукописями в Римской Барбериниевой библиотеке. СПб., 1834. С. 77.

[78] Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е. Часть XII. М., 1789. С. 457–458; Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России. Часть 2. М., 1896. С. 236.

[79] Архив Юго-Западной России. Часть 1. Т. 1. Киев, 1859. С. 35.

[80] Там же. С. LVIII.

[81] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 1. М., 2006. С. 785.

[82] Там же. С. 786–787.

[83] Там же. С. 793.

25 марта — епископ Владимирский и Брестский Ипатий Львович Потей направил письмо князю Константину Константиновичу Острожскому с объяснением своего отношения к унии.
28 марта — в Москву прибыл легат папы Климента VIII Александр Комулей.[84]
1 июня — митрополит Киевский Михаил Васильевич Рогоза, епископы Луцкий и Острожский Кирилл Семенович Терлецкий, Пинский и Туровский Леонтий Пельчинский, и архимандрит Кобринский Иона Гоголь подписали коллективный акт об условиях принятия унии.[85]
12 июня — епископы-униаты направили папе Клименту VIII т.н. соборное послание об условиях принятия унии.[86]
22 июня — митрополит Киевский Михаил Васильевич Рогоза посетил проезжавших через Минск к императору Священной Римской империи германской нации Рудольфу II российских послов Михаила Ивановича Вельяминова и Афанасия Ивановича Власьева, и в беседе с ними заверял их в своей верности Московскому государству и православию.[87]
25 июня — князь Константин Константинович Острожский направил окружное послание против унии ко всем православным людям Литвы и Польши.[88]
1 июля — епископ Львовский и Галицкий Гедеон Маркович Балабан подал протест против унии и вписал его в гродскую книгу в г. Владимире.[89]
2 июля — вторая голландская экспедиция в составе семи кораблей (с участием Виллема Баренца) отплыла из Голландии и направилась на поиск Северо-Восточного морского пути в Китай. В Голландию экспедиция вернулась 18 ноября 1595 г.
28 июля — король Польши Сигизмунд III подписал постановление о приостановлении всех судебных дел и исков в отношении епископов Владимирского и Брестского Ипатия Львовича Потея и Луцкого и Острожского Кирилла Семеновича Терлецкого в связи с их отъездом в Рим к папе Клименту VIII по делам унии. Постановление было объявлено во всех воеводствах и поветах земель Волынской, Русской и Подольской.
27 августа — епископы-униаты сделали заявление о принятии унии.[90]
22 сентября — король Польши Сигизмунд III провел в Кракове секретное совещание с участием папского нунция Джерманико Маласпины, министров, ряда сенаторов, епископов Луцкого и Острожского Кирилла Семеновича Терлецкого и Владимирского и Брестского Ипатия Львовича Потея по принятию унии.[91]
24 сентября — король Польши Сигизмунд III подписал манифест о соединении Церквей.
15 ноября — приезд в Рим епископов Луцкого и Острожского Кирилла Семеновича Терлецкого и Владимирского и Брестского Ипатия Львовича Потея.
18 ноября — частная аудиенция у папы Климента VIII епископов Луцкого и Острожского Кирилла Семеновича Терлецкого и Владимирского и Брестского Ипатия Львовича Потея.

---

[84] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России. Часть 2. М., 1896. С. 269.

[85] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 1. М., 2006. С. 793–794.

[86] Там же. С. 795–796.

[87] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 2. СПб., 1852. С. 305–307.

[88] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 1. М., 2006. С. 798.

[89] Там же. С. 800.

[90] Там же. С. 806.

[91] Там же. С. 808.

5 декабря — король Польши Сигизмунд III подписал манифест об унии Церквей.
23 декабря — официальная аудиенция у папы Климента VIII епископов Владимирского и Брестского Ипатия Львовича Потея и Луцкого и Острожского Кирилла Семеновича Терлецкого. Принятие ими присяги на верность Римской католической церкви. Выступление папского секретаря Сильвия Антония. Составление протокола о церемонии, изготовление медали в честь принятия унии.[92]
29 декабря — епископы Владимирский и Брестский Ипатий Львович Потей и Луцкий и Острожский Кирилл Семенович Терлецкий направили из Рима письмо епископу Львовскому и Галицкому Гедеону Марковичу Балабану об аудиенции у папы Климента VIII. (Письмо доставлено во Львов племяннику епископа — Григорию Балабану 3 марта 1596 г.).
На реке Оби основан город Обдорск (нынешний Салехард).

1596 г.

21 января — папа Климент VIII утвердил особую «конституцию» о приезде в Рим епископов Владимирского и Брестского Ипатия Львовича Потея и Луцкого и Острожского Кирилла Семеновича Терлецкого и порядке заключения унии.[93]
7 февраля — папа Климент VIII подписал буллу «Булла унии» («Bulla unionis»), посвященную приезду епископов Владимирского и Брестского Ипатия Львовича Потея и Луцкого и Острожского Кирилла Семеновича Терлецкого и принятию унии.[94]
7 февраля — папа Климент VIII направил послание католическому епископу Куявскому Иерониму о принятии унии и необходимости оказывать униатам всяческое содействие.[95]
24 февраля — король Польши Сигизмунд III направил письмо папе Клименту VIII («Postulatum») о целесообразности проведения церковного Собора для принятия унии.[96]
10 мая — третья голландская экспедиция в составе двух кораблей (с участием Виллема Баренца) отплыла из Амстердама и направилась на поиск Северо-Восточного морского прохода в Китай. Остатки экспедиции вернулись в Амстердам 1 ноября 1597 г.
21 мая — король Польши Сигизмунд III подписал подтвердительную жалованную грамоту Кириллу Семеновичу Терлецкому на епископию Луцкую и Острожскую, как акт взятия его под королевскую защиту от обвинений православных.[97]
22 мая — король Польши Сигизмунд III подписал универсал митрополиту Киевскому Михаилу Васильевичу Рогозе о проведении суда над православным Виленским братством и изгнании их из Виленского Свято-Троицкого монастыря.[98]
29 мая — король Польши Сигизмунд III подписал манифест о назначении церковного Собора в Бресте для соединения Православной и Римской католической Церквей.[99]
6–9 октября — в Бресте состоялся церковный Собор.
6 октября — униатским митрополитом на Брестском Соборе избран Рогоза Михаил Васильевич.

[92] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т.1. М., 2006. С. 814, 820.

[93] Там же. С. 820.

[94] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 85.

[95] Там же.

[96] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 1. М., 2006. С. 811.

[97] Архив Юго-Западной России. Часть 1. Т. 1. Киев. 1859 г. С. 499.

[98] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 1. М., 2006. С. 824.

[99] Архив Юго-Западной России. Часть 1. Т. 1. Киев, 1859. С. 501.

8 октября — униатская часть Брестского Собора приняла соборное постановление о принятии унии.[100]

9 октября — православная часть Брестского Собора приняла «Синодальный универсал» и протест против унии.

9–10 октября — униатская часть Брестского Собора приняла постановление о низложении православных духовных лиц и предала анафеме православных епископов, отказавшихся принять унию.[101]

15 октября — король Польши Сигизмунд III подписал универсал об утверждении решений Брестского униатского Собора и отлучении православных епископов Львовского и Галицкого Гедеона Марковича Балабана и Перемышльского и Самборского Михаила Копыстенского.[102]

27 октября — папский нунций в Польше Джерманико Маласпина направил в Рим донесение о ходе и результатах Брестского Собора, а также о действиях папского легата в Польше кардинала Энрико Каэтани.[103]

27 и 30 октября — папский легат в Польше кардинал Энрико Каэтани устроил в Варшаве приемы для униатского митрополита Михаила Васильевича Рогозы и униатских митрополитов, чтобы отметить подписание унии, образование Униатской церкви и развеять их неуверенность и страхи в развитии дальнейших событий.[104]

Октябрь — на территории Речи Посполитой, находившейся до Брестского Собора 1596 года в каноническом подчинении у патриарха Константинопольского, образована новая Униатская церковь и новая религия — униатство.

2 ноября — православная часть Брестского Собора заявила официальный протест против принятия унии.

На территории Северо-Западной и Юго-Западной Руси в Речи Посполитой учреждена русская провинция Ордена доминиканцев.[105]

24 декабря — король Польши Сигизмунд III дал указание старосте Луцкому Александру Семашку об отобрании Жидичинского монастыря от епископа Львовского и Галицкого Гедеона Марковича Балабана и его племянника Григория Балабана, проклятых на униатском Брестском Соборе.[106]

В Вильно издано сочинение Стефана Зизания «Казанье св. Кирилла, патриарха иерусалимского, об антихристе и знаках его с расширением науки против ересей разных», направленное против унии.[107]

В Вильно католиками издано сочинение «Plewy Stephanka Zyzaniej heretyka z cerkwie Ruskiey wykletego. Wilno. 1596», направленное против сочинения Стефана Зизания и за унию.[108]

---

[100] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 90-91.

[101] Архив Юго-Западной России. Часть 1. Т. 1. Киев, 1859. С. 518–532; Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 91–92.

[102] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 1. М., 2006. С. 835.

[103] Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Книга 6. М., 1996. С. 148, комм. 31*.

[104] Там же, комм. 32*.

[105] *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Т. 2. Приложения. СПб., 1876. С. 91.

[106] Архив Юго-Западной России. Часть 1. Т. 6. Киев, 1883. С. 116.

[107] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 5. М., 1995. С. 444.

[108] Там же.

1597 г.

В Вильно иезуит Петр Михайлович Скарга издал сочинение «Берестейский собор и оборона его».[109]

22 мая — в Москву прибыл легат папы Климента VIII Александр Комулей.

2 июня — легат Александр Комулей отбыл из Москвы на родину.

5 июня — папа Климент VIII подписал бреве о признании не имеющими силы постановлений Восточных патриархов в отношении перешедшего в унию духовенства.[110]

1598 г.

27 июня — голландская экспедиция в составе кораблей «Гелоф» («Вера»), «Блейде Бодскап» («Благовещенье»), «Троу» («Обет»), «Хоп» («Надежда») и «Лифде» («Милосердие» вышла из Роттердама и направилась в дальнее плавание с целью открытия богатых земель на востоке. 19 апреля 1600 г. корабль «Лифде» первым из голландских кораблей достиг берегов Японии, бросив якорь у северо-восточного побережья острова Кюсю. Штурманом этого корабля был англичанин Уильям Адамс, первым из англичан добравшийся до Японии, ставший прототипом главного героя романа американского писателя Джемса Клейвела «Сёгун» и одноименного телефильма.[111]

2 июля — голландская флотилия из четырех кораблей во главе с Оливером Ван-Ноортом вышла из Амстердама в кругосветное плавание (четвертое в истории), которое успешно завершилось 26 августа 1601 г. Из четырех кораблей в голландский город Роттердам вернулся лишь один корабль.

1 сентября — Борис Фёдорович Годунов венчан в Москве на царство.

Папа Климент VIII назначил папским нунцием в Польшу епископа Реджио Клаудио Рангони.

1599 г.

23 августа — король Польши Сигизмунд III подписал жалованную грамоту эмиссару Ватикана Петру Аркудию о предоставлении ему в пожизненное владение монастырского села Торокани.[112]

После смерти Рогозы Михаила Васильевича (26.09.1599) униатским митрополитом избран Ипатий Львович Потей.

В Москву транзитом из Персии в Европу прибыл миссионер, член Ордена августинцев, португалец Николай де Мело. В Москве он был арестован и отправлен в Соловецкий монастырь. Николай де Мело являлся участником и очевидцем многих событий «Смутного» времени, был захвачен царскими войсками в 1614 г. вместе с Мариной Мнишек.

1600 г.

17 февраля — в Риме сожжен Джордано Бруно, агент английской разведывательной службы под псевдонимом «Фагот».[113]

16 октября — в Москву въехало польское посольство во главе со Станиславом Варшевицким, каштеляном Варшавским, Львом Ивановичем Сапегой, канцлером вели-

[109] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 5. М., 1995. С. 445.

[110] Макарий, митрополит Московский и Коломенский. Книга 6. М., 1996. С. 648; С. 150, комм. 33*.

[111] Ф.Дж. Роджерс. Первый англичанин в Японии. История Уильяма Адамса. Пер. с англ. Н.В. Зониной и А.М. Кабанова. М.: Изд-во «Наука», 1987.

[112] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1848. С. 195–196.

[113] *Фраттини Э.* Священный Альянс. Палачи и шпионы Ватикана [пер. с исп. В. Штаерман]. М.: Эксмо, 2007. С. 69–70.

кого княжества Литовского, и Ильей Пелгржимовским в качестве секретаря посольства. В составе посольства в Москву прибыл эмиссар Ватикана Петр Аркудий, имевший задание от кардинала Сан-Джорджо собрать в Москве сведения о царской библиотеке, есть ли она в действительности и где, о номенклатуре и количестве книг, имеются ли в ней книги из бывшей Византийской библиотеки. Подобное задание имел и Лев Иванович Сапега.

На притоке Оби реке Таз основан город Мангазея, форпост Российского государства на севере и северо-востоке.

XVII в.

1601 г.

16 марта — Петр Аркудий направил из Можайска в Рим кардиналу Сан-Джорджо отчет о результатах поиска в Москве царской библиотеки.[114]

16 марта — Лев Иванович Сапега направил из Можайска отчет папскому нунцию в Польше Клаудио Рангони о результатах поиска в Москве царской библиотеки.[115]

4 мая — король Польши Сигизмунд III подписал жалованную грамоту эмиссару Ватикана Петру Аркудию «на Лавришевскую архимандрию, с отчинными людьми, угодьями и доходами».[116]

20 мая — в Москву транзитом из Европы в Персию прибыли члены Ордена иезуитов, дипломатические агенты папы Климента VIII в Персии португальцы Франческо Коста и Дидак Генрих де Миранда. Выбыли из Москвы 6 августа 1601 г. Франческо Коста вторично посетил Московское государство в 1607–1608 гг., когда, возвращаясь из Персии в Европу транзитом через Москву, прибыл под Москву с отрядом самозванца Августа, в 1608 г. находился в Калуге.

Август — польское посольство Станислава Варшевицкого, Льва Ивановича Сапеги и Ильи Пелгржимовского, и в его составе Петр Аркудий, выбыло из Москвы.

1602 г.

В Голландии образована голландская Ост-Индская компания.

1603 г.

19 июля — папа Климент VIII подписал бреве об отмене папской буллы в отношении передачи Киево-Печерской Лавры Униатской церкви.

9 августа — папа Климент VIII направил бреве нунцию в Польше Клаудио Рангони об отмене папской буллы в отношении передачи Киево-Печерской Лавры Униатской церкви.

1604 г.

1604 г., август – 1613 г., февраль — польская интервенция в Российском государстве, «Смутное» время.

20 июня — в свите Лжедмитрия I в Москву прибыли его советники иезуиты: Андрей Лавицкий, направлен из Москвы с дипломатической миссией в Рим, инструкция подписана 18 декабря 1605 г., выехал из Москвы в январе 1606 г.; Николай Чировский (Cyrowski), после смерти Лжедмитрия I и воцарения Василия Ивановича Шуйского находился в Москве в плену, выбыл из Москвы в январе 1609 г.

Основан город Томск.

---

114 Сборник Московскаго Главного Архива Министерства Иностранных Дел. Вып. 7. М., 1900. С. 519–523.

115 Там же. С. 523–524.

116 Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1848. С. 241–242.

1605 г.

22 февраля — король Польши Сигизмунд III подписал грамоту о предоставлении униатскому митрополиту Ипатию Львовичу Потею полной юрисдикции над православными церквями и духовенством.[117]

11 апреля — папой Римским избран Лев XI.

16 мая — папой Римским избран Павел V.

10 июня — в Московском Кремле сторонниками Лжедмитрия I убит царь Федор Борисович Годунов.

20 июня — Лжедмитрий I с войсками вошел в Москву.

24 июня — на патриарший престол в Москве Лжедмитрием I возведен патриарх Игнатий вместо свергнутого патриарха Иова.

21 июля — Лжедмитрий I венчан в Москве на царство.

Государственный секретарь Ватикана кардинал Ерминио Валенти направил папскому нунцию в Польше Клаудио Рангони письменное указание, содержавшее разведывательное задание в отношении Московии.[118]

1606 г.

Февраль — в Москву прибыл иезуит, духовный отец Лжедмитрия I Каспар Савицкий. После смерти Лжедмитрия I и воцарения Василия Ивановича Шуйского находился в Москве в плену, выбыл из Москвы в январе 1609 г.

3 мая — прибытие в Москву Марины Мнишек со свадебной свитой.

8 мая — венчание и коронация в Москве Марины Мнишек.

17 мая — Лжедмитрий I свергнут в Москве с престола и убит.

18 мая — патриарх Московский и всея Руси Игнатий свергнут с патриаршего престола и заключен в Чудов монастырь.

1 июня — Василий Иванович Шуйский венчан в Москве на царство.

3 июня — патриархом Московским и всея Руси избран Гермоген.

3 июня — папским нунцием в Польшу назначен епископ Фолиньо Франческо Симонетта, который исполнял обязанности нунция до своей смерти в Кракове 19.01.1612 г.

Государственный секретарь Ватикана кардинал Сципион Каффарелли Боргезе писал папскому нунцию в Польше Франческо Симонетта об утрате в Риме надежды обратить Московию в католичество в связи со смертью Лжедмитрия I.[119]

Июнь — голландский мореплаватель на службе в голландской Ост-Индской компании Виллем Янсзон (Янц) открыл Австралию, высадившись на полуострове Кейп-Йорк в заливе Карпентария.[120]

1607 г.

В месте впадения реки Турухан в Енисей основан город Туруханск (Новая Мангазея).

1608 г.

Польская провинция Ордена иезуитов разделена на две — польскую и литовскую.[121]

Август — государственный секретарь Ватикана кардинал Сципион Каффарелли Боргезе дважды писал папскому нунцию в Польше Франческо Симонетта в отношении самозванца на российский царский престол.[122]

---

[117] Архив Юго-Западной России. Часть 1. Т. 6. Киев, 1883. С. 352–357.

[118] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 4. М., 1994. С. 471.

[119] Там же. С. 530.

[120] Гацунаев Н.К. Географы и путешественники. М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 2000. С. 568–569.

[121] Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. Tom I. Część II. 1587–1608. Lwów, 1900. S. 704–708.

[122] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 4. М.: 1994. С. 530–531.

1609 г.

25 декабря — в Рождество Христово папа Павел V освятил меч и шлем, отослал их королю Польши Сигизмунду III и благословил его на войну с Российским государством.[123]

1610 г.

23 апреля — папский нунций в Польше Франческо Симонетта направил донесение кардиналу Сципиону Каффарелли Боргезе в Рим в отношении бывшего патриарха Игнатия и о его поддержке Лжедмитрия II.[124]

17 июля — царь Василий Иванович Шуйский свергнут с царского престола в Москве.

1611 г.

1 мая — патриарх Московский и всея Руси Гермоген незаконно и насильственно низложен поляками с патриаршего престола и заточен в темницу Чудова монастыря.

16 декабря — папа Павел V подписал бреве униатскому митрополиту Ипатию Львовичу Потею с разрешением вывезти из Рима священные реликвии.[125]

1612 г.

17 января — скончался патриарх Московский и всея Руси Гермоген. До 24 июля 1619 г. Русская православная церковь была без патриарха, в состоянии «вдовства».

1613 г.

11 мая — Михаил Федорович Романов венчан в Москве на царство.

15 июля — папа Павел V подписал бреве, разрешающее католикам переходить в униатство, но только в монашество.[126]

После смерти Ипатия Львовича Потея (18.06.1613) униатским митрополитом избран Иосиф Вельямин Рутский.

10 августа — папа Павел V выделил королю Польши Сигизмунду III 40 000 червонцев на войну с Российским государством и перевел эту сумму в государственный секретариат Ватикана на имя кардинала Андреа Барони Перетти Монтальто.[127]

Эмиссар Ватикана Петр Аркудий возвратился из Польши на жительство в Рим, где был принят на работу в Ватиканскую библиотеку.[128]

1614 г.

18 июня — униатский митрополит Иосиф-Вельямин Рутский принял присягу на верность римскому престолу. Текст присяги был прислан из Рима нунцию в Польше епископу Бальнеарскому Лелио Бисчиа, и он присутствовал при принятии присяги.[129]

1615 г.

31 октября — папский церемониймейстер Павел Алалий выслал униатскому митрополиту Иосифу-Вельямину Рутскому извещение об избрании его членом Сикстинской капеллы.[130]

---

[123] *Пирлинг П.О.* Дмитрий Самозванец. Ростов-на-Дону, 1998. С. 401–402.

[124] Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т. 2. СПб., 1842. С.202.

[125] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 138.

[126] *Крачковский Ю.Ф.* Очерки Униатской Церкви // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел I. М., 1871. С. 75.

[127] *Пирлинг П.О.* Дмитрий Самозванец. Ростов-на-Дону, 1998. С. 407.

[128] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1848. С. 141, прим. 95.

[129] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 150.

[130] Там же. С. 156–157.

2 декабря — папа Павел V дал разрешение, чтобы в Греческую коллегию св. Афанасия в Риме принимали по 4 юноши — униата.[131]

Папа Павел V направил униатскому митрополиту Иосифу-Вельямину Рутскому грамоту с разрешением учредить униатские школы, которую тот получил 3 декабря 1615 г.[132]

10 декабря — папа Павел V подписал буллу о разрешении посвящать униатских епископов в присутствии епископов католических и наоборот.[133]

1616 г.

15 января — генерал Ордена иезуитов Муций Вителески дал предписание об оказании иезуитами помощи униатскому митрополиту Иосифу-Вельямину Рутскому.[134]

28 февраля 1616 – 1 декабря 1618 г. — война между Польшей и Россией.[135]

1617 г.

20–26 июля — в Новогородке состоялся Собор Униатской церкви и Новогородокская конгрегация, на которой образован Орден базилианцев (Орден св. Василия Великого). 21 июля на этой конгрегации протоархимандритом (генералом) Ордена базилианцев избран униатский митрополит Иосиф-Вельямин Рутский.[136]

1618 г.

В устье реки Кондомы основан город Кузнецк.

1619 г.

24 июля — патриарх Иерусалимский Феофан посвятил митрополита Филарета в патриарха Московского и всея Руси. Восстановление на Руси патриаршества.

На реке Енисей основан город Енисейск.

1620 г.

15 августа — патриарх Иерусалимский Феофан на обратном пути из Москвы восстановил в Киеве православную иерархию. Митрополитом Киевским тайно избран Иов Борецкий, также совершена хиротония еще 6 православных епископов.[137]

26 августа — папа Павел V с советом кардиналов рассмотрел вопрос о первенстве между униатским митрополитом и католическим епископом. Принято решение о первенстве униатского митрополита.[138]

8 сентября — в архиепископа Сибирского и Тобольского рукоположен Киприан. В Тобольск прибыл 30 мая 1621 г.

1621 г.

9 февраля — папой Римским избран Григорий XV.

27 апреля — православный митрополит Киевский Иов Борецкий и православные архиереи заявили протест против гонений на Православную церковь.

---

[131] Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Книга 6. М., 1996. С. 232, прим. 326.

[132] Там же. С. 232.

[133] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 157.

[134] Там же. С. 158.

[135] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах IX–XX вв. Вып. II. Книга 1. М.: Изд-во «Международные отношения», 1995. С. 432–436.

[136] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 7–16.

[137] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 2. М., 2006. С. 388.

[138] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 190.

21 мая — папским нунцием в Польше назначен титулярный архиепископ Адрианопольский Козимо де Торрес, который состоял в этой должности до 2 декабря 1622 г. Кардинал с 5 сентября 1622 г.

30 июня — состоялась Лавришевская конгрегация Ордена базилианцев.[139]

Папский нунций в Польше Козимо де Торрес направил в Рим донесение о состоянии Униатской церкви в Речи Посполитой.[140]

1622 г.

2 апреля — папа Григорий XV подписал бреве униатскому митрополиту Иосифу-Вельямину Рутскому с одобрением его деятельности и деятельности униатских епископов.[141]

2 апреля — папа Григорий XV подписал бреве униатскому митрополиту Иосифу-Вельямину Рутскому по поводу его неприезда в Рим.[142]

Папа Григорий XV образовал конгрегацию «Пропаганда Веры».

10 декабря — папа Григорий XV направил униатскому митрополиту Иосифу-Вельямину Рутскому бреве с благопожеланиями.[143]

10 декабря — папским нунцием в Польше назначен епископ Ноланский Джованни Баттиста Ланчелотти.

14 декабря — государственный секретарь Ватикана направил папскому нунцию в Польше Джованни Баттисту Ланчелотти инструкцию о мерах распространения унии и католицизма в Речи Посполитой.[144]

1623 г.

28 января — папа Григорий XV подписал бреве епископу Луцкому о противодействии казакам, выступавшим против унии.[145]

28 января — папа Григорий XV подписал бреве епископу Краковскому с поручением ходатайствовать перед сенаторами и сановниками о борьбе с казаками.[146]

23 мая — постановление папы Григория XV о разрешении униатским митрополитам направлять на учебу в Рим в Греческую коллегию св. Афанасия светских воспитанников.[147]

28 июля — 5 августа — состоялась Рутская конгрегация Ордена базилианцев.[148]

6 августа — папой Римским избран Урбан VIII.

12 ноября — в Витебске взбунтовавшимися православными мещанами убит униатский архиепископ Полоцкий и Витебский Иосафат Кунцевич.

---

[139] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 17–27.

[140] Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Книга 6. М., 1996. С. 524, прим. 395.

[141] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 182.

[142] Там же.

[143] Там же. С. 184.

[144] Уния в документах. № 49. Минск, 1997. С. 191–193.

[145] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 185.

[146] Там же.

[147] Там же. С. 189.

[148] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 27–29.

1624 г.

10 февраля — папа Урбан VIII направил королю Польши Сигизмунду III письмо в отношении Иосафата Кунцевича и необходимости ужесточения борьбы с православными и православием.

30 апреля — конгрегация «Пропаганда Веры» издала декрет о разрешении униатским митрополитам направлять в Рим в Греческую коллегию св. Афанасия светских воспитанников.[149]

11 мая — папа Урбан VIII направил письмо королю Польши Сигизмунду III с одобрением его действий по наказанию виновных в смерти Иосафата Кунцевича.[150]

16 мая — совет кардиналов в Риме рассмотрел дело о первенстве между униатским митрополитом и католическим епископом. Принято решение о первенстве униатского митрополита.[151]

31 мая — конгрегация «Пропаганда Веры» издала декрет о причислении Иосафата Кунцевича к исповедникам.[152]

19 декабря — в архиепископа Сибирского и Тобольского рукоположен Макарий. В Тобольск прибыл 1 апреля 1625 г.

1625 г.

28 февраля — папский нунций в Польше Иоанн Баптист Ланчелотти объявил о внесении им в польские государственные акты буллы папы Климента VIII от 1595 г. о подчинении Киево-Печерского монастыря униатскому митрополиту.[153]

1626 г.

6 июня — конгрегация «Пропаганда Веры» приняла решение о нежелательности проведения Кобринского Собора Униатской церкви.[154]

10 августа — состоялась Лавришевская конгрегация Ордена базилианцев, на которой протоархимандритом (генералом) Ордена избран Рафаил Евстафьевич Корсак-Голубицкий.[155]

6 сентября — в Кобрине состоялся Собор Униатской церкви.

6 декабря — папа Урбан VIII утвердил постановления Собора Униатской церкви в Кобрине.[156]

1627 г.

7 февраля — конгрегация «Пропаганда Веры» издала декрет о запрете приема членов Ордена базилианцев в католичество без особого разрешения и о запрете перехода в католичество униатов.[157]

16 апреля — папским нунцием в Польше назначен титулярный архиепископ Селевкийский Антонио Сантакроче. Кардинал с 19 ноября 1629 г.

---

149 Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 189.

150 Дополнения к Актам историческим, относящимся к России. Собраны в иностранных архивах и библиотеках и изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1848. С. 483.

151 Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 190.

152 Там же.

153 Там же. С. 194.

154 Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Книга 6. М., 1996. С. 435, комм. 185*.

155 Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 30–32.

156 *Стрельбицкий И.* Униатские церковные соборы с конца XVI в. до воссоединения униатов с православною церковью. Изд. 2-е. Одесса, 1891. С. 80.

157 Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 200.

12 мая — папский нунций в Польше Джованни Баттиста Ланчеллотти направил донесение государственному секретарю Ватикана кардиналу Антонио Барберини в Рим об изменениях в отношениях между Россией и Швецией.[158]

6 июля — архиепископ Полоцкий Мелетий Герасимович Смотрицкий в замке князя Александра Острожского-Заславского в г. Дубны отступил от православия и принял униатство. Посвящал его в униатство униатский митрополит Иосиф-Вельямин Рутский.

7 июля — папа Урбан VIII подписал буллу о даровании индульгенции униатам.[159]

1 декабря — царь Михаил Федорович и патриарх Московский и всея Руси Филарет подписали совместное указание о проведении «розыска» (расследования) по книге малороссийского автора, отступника от православия Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого «Евангелие Учительное».[160]

1628 г.

Бывший православный архиепископ Полоцкий Мелетий Герасимович Смотрицкий на Соборе Православной церкви в Киеве отлучен от православия.

14 октября — папа Урбан VIII направил бреве бывшему архиепископу Полоцкому Мелетию Герасимовичу Смотрицкому с изъявлением удовольствия в связи с принятием им унии.[161]

Папа Урбан VIII открыл Ирландский коллегиум.

Русскими землепроходцами на реке Енисей основан город Красноярск.

1629 г.

Конгрегация «Пропаганда Веры» создала комиссию для рассмотрения вопроса о целесообразности проведения Собора Униатской церкви с участием православного духовенства.[162]

16 февраля — король Польши Сигизмунд III подписал универсал об открытии съезда униатов и православных с целью успокоения обстановки и соединения Церквей.

29 марта — король Польши Сигизмунд III направил письмо униатскому митрополиту Иосифу-Вельямину Рутскому о назначении Собора для принятия соглашения между униатами и православными.[163]

31 мая — король Польши Сигизмунд III подписал грамоту магистрату г. Львова о назначении в Львове общего съезда для униатов и православных.[164]

20 сентября — состоялась Жировицкая конгрегация Ордена базилианцев.[165]

28 октября — в Львове открылся Собор Униатской церкви с приглашением православного духовенства с целью примирения Церквей и склонения православных к унии. Собор закрылся 2 ноября 1629 г., по существу и не начав свою работу.[166]

---

[158] Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т. 2. СПб., 1842. С. 208.

[159] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 202.

[160] *Архангельский А.С.* Очерки из истории западнорусской литературы XVI–XVII вв. М., 1888. С. 134, прим. 195.

[161] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 208.

[162] Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Книга 6. М., 1996. С. 455, комм. 214*.

[163] *Голубев С.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Т. 1. Киев, 1883. С. 353–355.

[164] Дополнения к Актам историческим, относящимся к России. Собраны в иностранных архивах и библиотеках и изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1848. С. 485.

[165] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 33–34.

[166] *Стрельбицкий И.* Униатские церковные соборы с конца XVI века до воссоединения униатов с православною церковью. Изд. 2-е. Одесса, 1891. С. 84.

Архимандрит Киево-Печерского монастыря Петр Симеонович Могила издал «Служебник».

1630 г.

16 февраля — конгрегация «Пропаганда Веры» издала декрет о старшинстве католических и униатских епископов.[167]

16 февраля — князь Владислав-Доминик Заславский подписал указание о подчинении находящихся в его имениях православных священников униатскому митрополиту и униатским епископам.[168]

1 июня — папа Урбан VIII подписал индульгенцию всем, кто посетит в Вильно храм Св. Троицы и будет молиться о соединении церквей.[169]

В месте впадения реки Илим в Ангару основан город Илимск (нынешний Усть-Илимск в Иркутской области).

1631 г.

13 августа — папа Урбан VIII подписал индульгенцию тем, кто будет молиться о соединении церквей.[170]

20 августа — папа Урбан VIII подписал бреве о начальном устройстве Ордена базилианцев.

Умер митрополит Киевский Иов Матвеевич Борецкий.

Митрополитом Киевским избран Исайя Копинский.

На реке Ангара русские землепроходцы основали город Братск.

1632 г.

17 июня — патриарх Филарет своим указом направил отступника от православия Афиногена Крыжановского в Нижегородский Печерский монастырь и повелел держать его там на цепи.[171]

9 августа — начало т.н. «Смоленской» войны между Российским государством и Речью Посполитой.[172]

10 ноября — подготовлен список городов и местечек, в которых, согласно постановлению избирательного сейма, православным должно быть предоставлено известное количество церквей и монастырей «для успокоения православной религии».[173]

На реке Лена енисейским сотником Петром Бекетовым основан Ленский острог, ныне город Якутск.

1633 г.

1 января — папа Урбан VIII направил письмо королю Польши Владиславу IV с просьбой поддержать и защитить униатов.[174]

8 февраля — Владислав IV Ваза в Кракове коронован на польский королевский престол.

---

[167] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 212.

[168] Архив Юго-Западной России. Часть 1. Т. 6. Киев, 1883. С. 611.

[169] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 213.

[170] Там же. С. 220.

[171] Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. XI. СПб., 1882. С. 35.

[172] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Книга 1. М., 1995. С. 437.

[173] Архив Юго-Западной России. Часть 1. Т. 6. Киев, 1883. С. 656.

[174] Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Книга 6. М., 1996. С. 493, комм. 237*.

Избирательный сейм по выборам короля Польши восстановил права Православной церкви в Польше. Сейм разрешил Православной церкви иметь 1 митрополита и 4 епископов — в Львове, Перемышле, Луцке и Мстиславле.[175]

14 марта — король Польши Владислав IV подписал диплом православному народу о восстановлении прав православной религии.[176]

14 марта — король Польши Владислав IV подписал универсал о передаче православным двух церквей в Бельске и Клещелях.[177]

18 марта — король Польши Владислав IV подписал грамоту Александру Пузыне на епископию Луцкую в связи с его избранием православными жителями воеводства Волынского.[178]

5 декабря — конгрегация «Пропаганда Веры» издала декрет о положении униатов в Польше и успокоении православных.[179]

22 декабря — конгрегация «Пропаганда Веры» издала декрет по этому же вопросу.[180]

30 декабря — конгрегация «Пропаганда Веры» издала декрет по этому же вопросу.[181]

Могила Петр Симеонович избран митрополитом Киевским.

1634 г.

27 января — конгрегация «Пропаганда Веры» издала декрет по этому же вопросу.[182]

2, 4 и 5 февраля — конгрегация «Пропаганда Веры» издавала декреты о положении униатов в Польше и успокоении православных.[183]

6 февраля — патриархом Московским и всея Руси поставлен Иоасаф I.

21 марта — царь Михаил Федорович на основании решения архиерейского Собора в Москве подписал указ о ссылке отступника от православия Иосифа Курцевича в Антониев Сийский монастырь.[184]

5 мая — папа Урбан VIII подписал индульгенцию всем униатам, которые совершат в базилианском монастыре 40-часовую молитву об искоренении схизмы.[185]

4 июня — завершена т.н. «Смоленская» война и в с. Поляново заключен договор о мире между Российским государством и Речью Посполитой.[186]

На реке Вилюй основан город Вилюйск.

1635 г.

Митрополит Киевский Сильвестр Коссов издал книгу «Exegesis», направленную против «латинства».

---

175 *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 2. М., 2006. С. 393.

176 Архив Юго-Западной России. Часть 2. Т. 1. Киев, 1861. С 223.

177 Архив Юго-Западной России. Часть 1. Т. 6. Киев, 1883. С. 658.

178 Там же. С. 662.

179 *Голубев С.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Т. 2. Киев, 1898. С.110, прим. 83.

180 Там же.

181 Там же.

182 Там же.

183 Там же

184 Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. XI.СПб., 1882. С. 80–81.

185 Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 236.

186 *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Книга 1. М., 1995. С. 441–443.

14 марта — король Польши Владислав IV подписал грамоту о взаимных отношениях униатов и православных.[187]

14 марта — король Польши Владислав IV подписал грамоту, которая передает униатам епископии, церкви и монастыри в Западной России.[188]

4 ноября — папа Урбан VIII подписал индульгенцию униатскому митрополиту Иосифу-Вельямину Рутскому за совершение им раз в месяц праздничной мессы.[189]

Енисейским сотником Петром Бекетовым основан Олекминский острог.

1636 г.

4 февраля — в архиепископа Сибирского и Тобольского поставлен Нектарий. Прибыл в Тобольск 1 апреля 1636 г.

8 апреля — король Польши Владислав IV дал наказ своим комиссарам, назначенным для разбора церквей православных и униатских в королевстве и великом княжестве Литовском.[190]

21 июля – 3 августа — состоялась Виленская конгрегация Ордена базилианцев.[191]

5 сентября — король Польши Владислав IV подписал окружную грамоту о приглашении православных жителей Руси и Литвы вступить в союз с униатами и избрать, по примеру Москвитян, особого патриарха.[192]

1637 г.

19 февраля — царь Михаил Федорович подписал указ об образовании Сибирского приказа. С 1 апреля 1637 г. Сибирский приказ уже функционировал, во главе его был поставлен князь Борис Михайлович Лыков.[193]

После смерти Иосифа-Вельямина Рутского (5.02.1637) униатским митрополитом избран Рафаил Евстафьевич Корсак-Голубицкий.

29 апреля — папа Урбан VIII подписал индульгенцию всем, кто посетит с молитвенными целями кафедральную церковь в Вильно в дни Виленского Собора.[194]

10 мая — в Пинске православными мещанами убит униат Андрей Бобола.

1638 г.

Апрель — предположительно с этого месяца папским нунцием в Польше являлся епископ Авиньонский Марио Филонарди, который отозван с этого поста 14 марта 1642 г. папой Урбаном VIII по настоятельной просьбе короля Польши Владислава IV.

На реке Яна основан город Верхоянск.

1639 г.

Папа Урбан VIII подарил Ордену базилианцев церковь Вакха и Сергия в Риме.

31 декабря — Панталеон Лигарид (после пострижения в 1651 г. в монаха — Паисий) рукоположен в Риме в униатского священника униатским митрополитом Рафаилом Евстафьевичем Корсаком-Голубицким.

---

[187] Архив Юго-Западной России. Часть 1. Т. 6. Киев, 1883. С. 694.

[188] Там же. С. 691.

[189] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 244.

[190] Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. XXXIII. Акты, относящиеся к истории Западно-русской церкви. Вильна, 1908. С. 295.

[191] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 34–46.

[192] Дополнения к Актам историческим, относящимся к России. Собраны в иностранных архивах и библиотеках и изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1848. С. 174.

[193] История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Л.: Изд-во «Наука», 1968. С.124.

[194] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 249.

1640 г.

31 мая — в архиепископа Сибирского и Тобольского поставлен Герасим. Прибыл в Тобольск 31 декабря 1640 г.

25 августа — папа Урбан VIII направил письмо королю Польши Владиславу IV о запрете проведения Собора униатов и православных по вопросу примирения.[195]

31 декабря — канцелярия папского нунция в Польше Марио Филонарди выдала постановление о назначении униата Нафанаила Лозовского (архимандрита Жировичского монастыря) настоятелем Жидичинского монастыря, коадъютором Полоцкого епископа и епископом Витебским.[196]

В Киеве состоялся Собор Православной церкви, посвященный вопросам восстановления православного вероучения, богослужений, братств.

1641 г.

Георгий Крижанич направил префекту конгрегации «Пропаганда Веры» кардиналу Антонио Барберини «Записку о миссии в Москву», в которой доложил о своей готовности ехать в Московское государство с миссией и сообщил свои соображения о способах решения этой задачи.

Генрих Киспеннигий издал сборник «латино-польских» проповедей «Wody zywotne. 1641.» в защиту католицизма.[197]

Конгрегация «Пропаганда Веры» издает декрет о присвоении Георгию Крижаничу титула «питомца священной конгрегации».

1642 г.

14 марта — Антоний Александрович Селява принес присягу на верность римскому престолу при наречении его униатским митрополитом.[198]

27 марта — патриархом Московским и всея Руси избран Иосиф.

14 июля — состоялась Виленская конгрегация Ордена базилианцев, на которой протоархимандритом (генералом) Ордена избран Антоний Александрович Селява.[199]

24 ноября — голландский мореплаватель Абель Янсзон Тасман открыл большой остров, позднее названный Тасмания.

14 декабря — конгрегация «Пропаганда Веры» издала декрет об Иосафате Кунцевиче.[200]

1643 г.

16 мая — папа Урбан VIII своей буллой признал Иосафата Кунцевича «благословенным».

Униатским митрополитом избран Антоний Александрович Селява.

27 июля — конгрегация «Пропаганда Веры» издала декрет об утверждении избрания униатского митрополита Антония Александровича Селявы протоархимандритом (генералом) Ордена базилианцев.[201]

---

[195] *Голубев С.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Т. 2. Киев, 1898. С. 200.

[196] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 263.

[197] *Петров Н.И.* Краткое обозрение рукописей Киево-Софийской библиотеки // ЧИОНЛ. Книга XV. Отдел V. Киев, 1901. С. 34э

[198] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 265.

[199] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 46.

[200] *Коялович М.О.* Литовская церковная уния. Т. 2. СПб., 1861. С. 224, прим. 314 на С. 412–413.

[201] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 12. Вильна, 1900. С. 46.

3 ноября — папа Урбан VIII направил письмо православному митрополиту Киевскому Петру Симеоновичу Могиле с предложением принять унию.[202]

9 ноября — конгрегация «Пропаганда Веры» направила письмо православному митрополиту Киевскому Петру Симеоновичу Могиле с призывом и убеждениями принять унию.[203]

17 ноября — папа Иннокентий X подписал индульгенцию тем, кто будет молиться в Свято-Троицкой церкви Виленского базилианского монастыря.[204]

1644 г.

Архимандрит униатского Дерманского монастыря Ян (Иоанн) Дубович издал сочинение «Hierarchia abo o zwierzchnośći w cerkwi Bożey».[205]

15 сентября — папой Римским избран Иннокентий X.

Сентябрь — папским нунцием в Польшу назначен титулярный архиепископ Адрианопольский Джованни де Торрес.

Генеральным капитулом Ордена доминиканцев образована особая Литовская провинция Ордена, в которую в то время входило 12 монастырей со 155 монахами. Провинциалом Литовской провинции Ордена был назначен Петроний Каминский.[206]

1645 г.

15 марта — в Риме состоялось заседание конгрегации «Пропаганда Веры» под председательством кардинала Антонио Барберини по вопросу о способах привлечения в унию всех русских, проживавших на территории Польши.[207]

12 июля — в Москве на царский престол коронован Алексей Михайлович Романов.

1646 г.

3 августа — конгрегация «Пропаганда Веры» издала декрет о направлении Георгия Крижанича с миссией в Московию.

Состоялась Виленская конгрегация Ордена базилианцев.[208]

31 декабря — умер митрополит Киевский Петр Симеонович Могила.

1647 г.

25 февраля — епископ Мстиславский, Оршанский и Могилевский Сильвестр Коссов избран в Киеве православным митрополитом Киевским.[209]

8 июня — униатский митрополит Антоний Александрович Селява направил окружное послание о созыве Собора Униатской церкви в Успенской соборной церкви в Вильно на 8 сентября 1647 г. «для устройства дел униатской церкви». Проведение Собора предварительно было согласовано с папой Иннокентием X.[210]

5 июля — королевский асессорский суд принял декрет по делу о насилиях, совершенных униатами над православными жителями города Кобрина: отнятии православ-

---

[202] *Голубев С.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Т. 2. Киев, 1898. С. 204–205.

[203] Там же. С. 285–287.

[204] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб, 1897. С. 274.

[205] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 9. Вильна, 1870. С. IV.

[206] *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел III. М., 1903. С. 197.

[207] *Голубев С.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Т. 2. Киев, 1898. С. 210.

[208] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 46.

[209] Архив Юго-Западной России. Часть 2. Т. 1. Киев, 1861. С. 343.

[210] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 10. Вильна, 1874. С. 287.

ной церкви Рождества Богородицы, воспрещении совершать православные требы и таинства, поругании над телами умерших православных.[211]

23 июля — папа Иннокентий X подписал индульгенцию тем, кто будет упомянут во время богослужений в униатском Жировицком монастыре.[212]

15 октября — 9 декабря — Георгий Крижанич находился в Москве в составе польского посольства во главе с Казимиром Пацем и Иеронимом Цехановичем.

5 декабря — Георгий Крижанич подал в Москве (видимо, патриарху Иосифу) два письма «езувитских», которые обнаружены в 1678 г. при разборке дел приказа Тайных дел.

По результатам своей миссии в Москву Георгий Крижанич подготовил и направил в Рим в конгрегацию «Пропаганда Веры» отчет о положении православия в Московском государстве.

Русские землепроходцы вышли на берег Охотского моря и основали город Охотск.

1648 г.

14 мая — конгрегация «Пропаганда Веры» поручила Георгию Крижаничу подготовить и прислать в Рим свои соображения о способах опровержения православия.

13 июня — Георгий Крижанич направил из Гродно в Рим секретарю конгрегации «Пропаганда Веры» Франческо Инголи письмо со своими соображениями о способах опровержения православия.

1 сентября — папа Иннокентий X, присутствуя на заседании конгрегации «Пропаганда Веры», одобрил приобретение Георгием Крижаничем в Москве книги о православии и повелел выслать ее в Рим в конгрегацию «Пропаганда Веры».[213]

17 ноября — Ян II Казимир Ваза коронован на польский королевский престол.

Русские землепроходцы во главе с Семеном Ивановичем Дежневым открыли пролив, разделяющий Азию от Америки. Позднее этот пролив назван Беринговым.

Русские землепроходцы на реке Анадырь основали Анадырский острог.

1649 г.

26 января — в Москву в составе свиты Иерусалимского патриарха Паисия прибыл эмиссар Ватикана Арсений Грек.

29 января — Земский собор в Москве принял «Уложение» царя Алексея Михайловича — кодекс законов России в XVII–XVIII столетиях.

Патриарх Иерусалимский Паисий в период своего пребывания в Москве склонял царя Алексея Михайловича напасть на Турцию.[214]

1 июля — патриарх Иерусалимский Паисий направил из Путивля в Москву письмо царю Алексею Михайловичу от неблаговидных поступках Арсения Грека и его отступлении от православной веры.

27 июля — Арсений Грек по царскому указу направлен на исправление и «вечное житье» в Соловецкий монастырь.

1650 г.

12 января — король Польши Ян II Казимир подписал диплом на права, предоставленные русскому народу самим королем и Варшавским сеймом на основании Зборовского договора.[215]

---

[211] Архив Юго-Западной России. Часть 1. Т. 6. Киев, 1883. С. 804.

[212] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 286.

[213] *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России (Приложения) // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел III. М., 1903. С. 249.

[214] *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 2. М., 2006. С. 170.

[215] Архив Юго-Западной России. Часть 2. Т. 1. Киев, 1861. С. 370.

12–19 июня — состоялась Виленская конгрегация Ордена базилианцев.[216]

Иезуит Альберт Коялович издал в Вильно сочинение «Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticarum in Magno Ducatu Litvaniae pertinentium. Wilna. 1650» в защиту унии.[217]

1651 г.

16 ноября — патриарх Иерусалимский Паисий в Иерусалиме постриг в монаха Панталеона Лигарида, который принял имя Паисий. Восприемником при пострижении был иеромонах Арсений Суханов, совершавший поездку к Восточным патриархам по указу царя Алексея Михайловича и патриарха Московского и всея Руси Иосифа.

1652 г.

9 марта — архиепископом Сибирским и Тобольским поставлен Симеон. Прибыл в Тобольск 17 апреля 1652 г.

28 мая — папским нунцием в Польшу назначен епископ Лодийский Пиетро Видони. Кардинал с 5 апреля 1660 г.

3 июля — король Польши Ян II Казимир подписал грамоту с распоряжением распечатать православные церкви в г. Дрогичине.[218]

9 июля — В свите митрополита Новгородского Никона в Москву из Соловецкого монастыря вернулся Арсений Грек.

25 июля — патриархом Московским и всея Руси избран Никон.

Июль — царское правительство направило экспедицию во главе с Иваном Неплюевым для исследования архипелага Новая Земля.[219]

14 сентября — Паисий Лигарид патриархом Иерусалимским Паисием поставлен митрополитом Газским.

1–5 октября — состоялась Минская конгрегация Ордена базилианцев.[220]

В 1652–1656 гг. Георгий Крижанич по поручению папы Александра VII создал в Риме «Библиотеку схизматиков».[221]

1653 г.

Начало войны за Украину и Литву между Российским государством и Речью Посполитой.[222]

Бывший патриарх Константинопольский Афанасий Пателар, находясь в Москве, склонял царя Алексея Михайловича и патриарха Московского и всея Руси Никона к войне с Турцией.[223]

1654 г.

8 января — Переяславская Рада провозгласила присоединение Украины к Российскому государству.

---

216 Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 46–49.

217 *Жукович П.Н.* Кардинал Гозий и Польская Церковь его времени. СПб., 1882. С. 16.

218 Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. XXXIII. Акты, относящиеся к истории Западно-русской церкви. Вильна, 1908. С. 378.

219 *Пасецкий В.М.* Первооткрыватели Новой Земли. М.: Изд-во «Наука», 1980. С. 39.

220 Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 49–52.

221 *Соколов М.И.* Новооткрытое сочинение Крижанича о соединении церквей // ЖМНП. Март. СПб., 1891. С. 254, 257.

222 *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Книга 1. М., 1995. С. 446–453.

223 *Карташев А.В.* История Русской Церкви. Т. 2. М., 2006. С. 170.

1 марта — Арсений Грек назначен переводчиком и главным справщиком Московского Печатного двора.

6 июня — по распоряжению царя Алексея Михайловича в Москве образован Приказ тайных дел.

26 июля — в царскую ставку под Смоленском, где находился царь Алексей Михайлович, прибыла делегация во главе с архимандритом Киевского Никольского монастыря Иннокентием Гизелем с прошением от имени Малороссийского духовенства об оставлении Киевской митрополии в каноническом подчинении у патриарха Константинопольского.[224] Во время нахождения в Смоленске Иннокентий Гизель направил царю Алексею Михайловичу челобитную с аналогичным требованием, сопроводив его угрозой измены митрополита Киевского и всего Малороссийского духовенства Российскому государству, если это требование не будет удовлетворено. Делегация выбыла из-под Смоленска 11 августа 1654 г.[225]

10 августа — русскими войсками взят г. Вильно.

В Забайкалье основан город Нерчинск.

1655 г.

7 апреля — папой Римским избран Александр VII.

30 декабря — царь Алексей Михайлович подписал манифест о присоединении великого княжества Литовского к Российскому государству.

В 1655–1666 гг. униатского митрополита не было, администратором митрополии являлся Гавриил Янович Коленда.

1656 г.

6 февраля — состоялась Тороканская конгрегация Ордена базилианцев.[226]

1657 г.

13 апреля — умер митрополит Киевский Сильвестр Коссов.

21–23 июня — состоялась Бытенская конгрегация Ордена базилианцев.[227]

23 июля — папа Александр VII подписал бреве о размере бюджета ультрамонтанских семинарий.

2 августа — Иван Остапович Выговский избран гетманом Запорожского войска.[228]

1 октября — конгрегация «Пропаганда Веры» издала декрет о направлении Георгия Крижанича с миссией в Москву.

8 октября — Паисий Лигарид направил письмо из Бухареста в Москву царю Алексею Михайловичу.

1 декабря — патриарх Московский и всея Руси Никон подписал грамоту Паисию Лигариду с разрешением ему приехать в Москву.

6 декабря — митрополитом Киевским избран Дионисий Балабан. Московская патриархия и царское правительство его не признали.

1658 г.

Январь — начало войны за Украину между Российским государством и Речью Посполитой.[229]

---

[224] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 5. М., 1995. С. 649.

[225] *Эйнгорн В.О.* О сношениях малороссийскаго духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел IV. М., 1893. С. 78–79.

[226] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 52–53.

[227] Там же. С. 53–55.

[228] Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. XII. СПб., 1883. С. 540.

[229] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Книга 1. М., 1995. С. 456–469.

26 января — конгрегация «Пропаганда Веры» издала повторный декрет о направлении Георгия Крижанича с миссией в Москву. Предложение в отношении Георгия Крижанича папе Александру VII докладывал секретарь конгрегации «Пропаганда Веры» Марио Альберицци.[230]

6–10 февраля — состоялась Жировицкая конгрегация Ордена базилианцев.[231]

10 июля — патриарх Никон публично после богослужения в Успенском соборе Кремля объявил об оставлении им патриаршего престола.

6 сентября — гетман Малороссийский и Запорожского войска Иван Остапович (Евстафьевич) Выговский подписал в Гадяче изменнический по отношению к Российскому государству Гадячский договор с Речью Посполитой.

В промежутке с 18 сентября до 2 декабря (в этот период российское посольство находилось в Вене) Георгий Крижанич посетил в венской гостинице «Золотой Бык» российского посланника Якова Никитича Лихарева с просьбой принять его на царскую службу.

1659 г.

9 июня — король Польши Ян II Казимир подтвердил грамоту митрополита Дионисия Балабана об основании при Троицкой церкви в г. Дрогичине женского базилианского монастыря.[232]

8–11 июля — состоялась Жировицкая конгрегация Ордена базилианцев.[233]

17 сентября — эмиссар Ватикана Георгий Крижанич прибыл в Москву под другим именем.

26 сентября — Иван Остапович Выговский направил письмо королю Польши Яну II Казимиру о своем отречении от гетманства.[234]

17 октября — Юрий Богданович Хмельницкий избран гетманом Запорожского войска.[235]

Во время войны между Российским государством и Речью Посполитой был взят в плен иезуит Андрей Кавечинский и направлен в ссылку в Сибирь. 11 декабря 1659 г. он прибыл в Тобольск, а затем отправлен в Нарым.

1660 г.

6–9 февраля — состоялась Тороканская конгрегация Ордена базилианцев.[236]

21 мая — папским нунцием в Польше назначен архиепископ Ларисский Антонио дель Растрелло Пиньятелли. Кардинал с 1 сентября 1681 г. Избран папой Римским 12 июля 1691 г. и принял имя Иннокентий XII.

20 июля — конгрегация «Пропаганда Веры» издала декрет о том, чтобы члены Ордена базилианцев, поступающие в высшие иезуитские учебные заведения, приносили присягу на верность папе Римскому.[237]

---

[230] *Соколов М.И.* Новооткрытое сочинение Крижанича о соединении церквей // ЖМНП. Март. СПб., 1891. С. 253.

[231] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 56–59.

[232] Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. XXXIII. Акты, относящиеся к истории Западно-русской церкви. Вильна, 1908. С. 399.

[233] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 60.

[234] Памятники, изданные Киевскою Комиссиею для разбора древних актов. Т. 3. Издание второе, с дополнениями. Киев, 1898. С. 370.

[235] Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. XII. СПб., 1883. С. 554.

[236] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 61–63.

[237] *Коялович М.О.* История базилианского ордена // Христианское чтение, 1864. Апрель. С. 448, прим. 1.

1661 г.

8 января — царь Алексей Михайлович подписал указ об отправке Георгия Крижанича в Тобольск.

20 января — Георгий Крижанич выехал из Москвы в Тобольск, куда прибыл 8 марта того же года.

2 сентября — на царскую службу в Москву прибыли Патрик (Петр Иванович) Гордон и Пол Мензис (Павел Гаврилович Менезиус).[238]

19–27 декабря — состоялась Жировицкая конгрегация Ордена базилианцев, на которой 21 декабря протоархимандритом (генералом) Ордена избран Яков Суша.[239]

В Москву прибыл член Ордена доминиканцев Семен Лаврецкий, который был принят на царскую службу в качестве переводчика в Посольский приказ.

На реке Ангаре основан город Иркутск.

1662 г.

30 марта — в Москву прибыл эмиссар Ватикана митрополит Газский Паисий Лигарид.[240]

26 апреля — из Москвы с посольством Священной Римской империи германской нации во главе с Августином Майербергом и по его ходатайству освобожденный из плена выехал видный член Ордена августинцев Александр Войский.[241]

29 мая — Паисий Лигарид пишет письмо царю Алексею Михайловичу о необходимости привлечения патриарха Никона к суду.

12 июля — Паисий Лигарид пишет письмо патриарху Никону и призывает его покаяться и смириться.

15 августа — Паисий Лигарид передал написанные им ответы на 30 вопросов в отношении государственной и церковной деятельности патриарха Никона боярину Семену Лукъяновичу Стрешневу. Подготовленный Паисием Лигаридом документ носил откровенно обвинительный характер в адрес патриарха Никона.

21 декабря — царь Алексей Михайлович повелел созвать в Москве Собор для рассмотрения дела патриарха Никона.

29 декабря — Паисий Лигарид председательствовал на заседании открывшегося в этот день в Москве Поместного Собора по делу патриарха Никона.

1663 г.

15 апреля — Георгий Крижанич в Тобольске приступил к работе над сочинением «Политика».

10 мая — Паисий Лигарид председательствовал на заседании Поместного Собора в Москве по делу патриарха Никона.

Ноябрь — митрополитом Киевским избран Иосиф Нелюбович-Тукальский. Московской патриархией и царским правительством признан не был.

1664 г.

Весной царь Алексей Михайлович назначил Паисия Лигарида местоблюстителем патриаршего престола.[242]

---

[238] Патрик Гордон. Дневник 1659–1667. М.: Изд-во «Наука», 2002. С. 104.

[239] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 63–77.

[240] *Белокуров С.А.* О библиотеке Московских государей в XVI столетии // Сборник Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел. Вып. 6. М.: 1899. С. 282, прим. 1.

[241] Путешествие в Московию Барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, Послов Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, в 1661 году // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел IV. М.: 1874. С. 202.

[242] *Воейков Н.Н.* Церковь, Русь, и Рим. США, Джорданвилль, Свято-Троицкий Монастырь. 1983. С. 420.

24 июля — в архиепископа Сибирского и Тобольского поставлен Корнилий. Прибыл в Тобольск 23 февраля 1665 г.

24 июля — император Священной Римской империи германской нации Леопольд I подписал грамоту царю Алексею Михайловичу с просьбой пропустить транзитом через Российское государство в Китай иезуитов Иоганна Грубера, Генриха Ротта и Филиппа Цеферина. Грамота пришла в Москву по почте.[243]

6 августа — царь Алексей Михайлович назначил митрополита Ростовского и Ярославского Иону местоблюстителем патриаршего престола.[244]

21 декабря — 22 июля 1665 г. — в Москве состоялся архиерейский суд над местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Ионою, подошедшего 18 декабря под благословение к приехавшему в Успенский собор патриарху Никону.[245]

22 декабря — Паисий Лигарид участвовал в заседании Поместного Собора по делу местоблюстителя патриаршего престола митрополита Ионы и подписал соборное определение.

23 декабря — Паисий Лигарид участвовал в заседании Поместного Собора по делу местоблюстителя патриаршего престола митрополита Ростовского и Ярославского Ионы и подписал соборное определение, разрешавшее царю Алексею Михайловичу принимать от него благословение.

1665 г.

27 января — Паисий Лигарид участвовал в заседании Поместного Собора и подписал соборное определение о вине митрополиты Ионы и отстранении его со звания местоблюстителя патриаршего престола с оставлением в архиерейском сане и в своей епархии до окончательного решения Собора.[246]

28 февраля — Паисий Лигарид участвовал в заседании Поместного Собора и подписал соборное определение о снятии отлучения с протопопа Успенского собора Михаила и ключарей этого же собора Иова и Феодора за принятие благословения от патриарха Никона 18 декабря 1664 г.

7 марта — Паисия Лигарида в Москве посетил голландский дипломат и разведчик Николаас Витсен (прибыл в Москву 10 января 1665 г., выехал из Москвы 8 мая этого же года).

20 марта — царь Алексей Михайлович назначил местоблюстителем патриаршего престола митрополита Сарского и Подонского Павла.[247]

22 марта — царь Алексей Михайлович посетил Паисия Лигарида в Чудовом монастыре и пожаловал ему 100 рублей.

23 августа — состоялась Супрасльская конгрегация Ордена базилианцев, на которой протоархимандритом (генералом) Ордена избран Гавриил Янович Коленда.[248]

13 сентября — Гавриил Янович Коленда принес присягу на верность римскому престолу в присутствии папского нунция в Польше Антонио дель Растрелло Пиньятелли.[249]

В Москве проведена перепись населения, проживавшего в «Московской новоиноземской слободе», в которую были переселены иностранцы в 1652 г.[250]

---

[243] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России. Часть 1. М., 1894.

[244] *Быков А.А.* Патриарх Никон. Ангарск, 1994. С. 85.

[245] Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897. С. 147 и далее.

[246] *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Часть 1. СПб., 1882. С. 173.

[247] Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897. С. 178.

[248] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 78–82.

[249] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 311.

[250] *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев в Московское государство. СПб., 1909. С 106.

Русские землепроходцы на реке Амур основали острог Албазин и на реке Селенга Селенгинский острог.

1666 г.

Униатским митрополитом избран Гавриил Янович Коленда.

3–5 марта — состоялась Брестская конгрегация Ордена базилианцев, на которой протоархимандритом (генералом) Ордена вновь избран Гавриил Янович Коленда.[251]

1 июня — Поместный Собор в Москве рассмотрел дело старообрядца Ивана Неронова и принял решение об отправлении его в ссылку.

27 ноября — в Москву для участия в рассмотрении дела патриарха Никона прибыли патриарх Александрийский Паисий и патриарх Антиохийский Макарий. Торжественная встреча.

1 декабря — в Москве открылся Большой Собор для суда над патриархом Никоном с участием царя Алексея Михайловича, прибывших патриархов Паисия и Макария, архиереев Русской православной церкви и Восточных патриархий, в том числе и Паисия Лигарида.

12 декабря — Большой Собор на своем заседании принял решение о вине патриарха Никона и его низложении. На греческом языке это решение было зачитано Паисием Лигаридом, на русском языке — архиепископом Рязанским Иларионом. Паисий Лигарид подписал «Деяние Московского Собора о низложении патриарха Никона».[252]

1667 г.

31 января — Большой Собор принял «Деяние 15-е Московского Собора» об избрании из трех кандидатов архимандрита Троице-Сергиева монастыря Иоасафа патриархом Московским и всея Руси. В работе Собора участвовал Паисий Лигарид.

18 февраля — патриархом Московским и всея Руси избран Иоасаф II.

Май — Паисий Лигарид участвовал в составлении и подписании «настольной грамоты вселенских патриархов и всего освященного собора, данной избранному всероссийским патриархом, на место Никона, архимандриту Троице-Сергиевой лавры Иоасафу».[253]

13 мая — Большой Собор на своем заседании своим решением (V Деяние) фактически утвердил раскол Русской православной церкви. В заседании участвовал и решение подписал Паисий Лигарид.

20 июня — папой Римским избран Климент IX.

21 июня — папа Климент IX подписал бреве, утверждавшее бюджет ультрамонтанских семинарий.

Георгий Крижанич в Тобольске закончил работу над сочинением «О Святом Крещении» (об истинности Римской католической церкви).

8 сентября начала работу Виленская конгрегация Ордена базилианцев.[254]

13 ноября — по царскому указанию дьяк приказа Тайных дел Федор Михайлов отвез Паисию Лигариду 200 рублей.

Между 4 и 9 декабря — по предложению царя Алексея Михайловича в Москве состоялась встреча между патриархами Александрийским Паисием и Антиохийским Ма-

---

[251] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 83–92.

[252] *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Часть 2. СПб., 1884. С. 438.

[253] Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897. С. 322–325.

[254] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 92–102.

карием и польскими послами Станиславом Казимиром Беневским и Киприаном Павлом Бростовским. Участник встречи Паисий Лигарид от имени патриархов и своего имени в своем выступлении сделал заявление, что все они являются приверженцами унии Русской православной церкви с Римской католической церковью. Это заявление, доложенное послами королю Польши Яну II Казимиру, вызвало восторг короля и папского нунция в Польше Антонио дель Растрелло Пиньятелли, после чего 25 марта 1668 г. король направил письмо в Москву Восточным патриархам (см. ниже).

1668 г.

10 марта — папским нунцием в Польшу назначен архиепископ Коринфский Галеаццо Марескотти. Кардинал с 27 мая 1675 г.

25 марта — король Польши Ян II Казимир направил в Москву письмо патриархам Александрийскому Паисию и Антиохийскому Макарию с предложением собрать в июне в Москве Собор для соединения Римской католической и Русской православной Церквей.[255] Письмо аналогичного содержания было направлено 28 марта 1668 г. царю Алексею Михайловичу.[256]

25 мая — Сибирским митрополитом поставлен Корнилий, до этого архиепископ Сибирский и Тобольский. Прибыл в Тобольск 20 декабря 1668 г.

20 июня — доминиканец Людвиг Ширецкий направил из Речи Посполитой тайное письмо Паисию Лигариду в Москву.

Июль — папский нунций в Польше Галеаццо Марескотти направил письмо в Рим с просьбой поощрить Паисия Лигарида за его деятельность в Москве.[257]

6 сентября — Ян II Казамир Ваза отрекся от польского королевского престола.

25 сентября — Паисий Лигарид направил письмо доминиканцу Людвигу Ширецкому в Польшу с отчетом о своей деятельности в Москве по склонению иерархов Русской православной церкви к унии с Римской католической церковью, и о несбывшихся желаниях стать патриархом Московским и всея Руси.

Патриархи Константинопольский Парфений и Иерусалимский Нектарий предали Паисия Лигарида анафеме как врага православной церкви.[258]

1669 г.

9 июня — Михаил Иеремиевич Вишневецкий коронован на польский королевский престол.

11 ноября — царю Алексею Михайловичу доложена грамота патриарха Иерусалимского Досифея о прощении Паисия Лигарида.

13 ноября — царю Алексею Михайловичу доложена грамота патриарха Мерусалимского Досифея об отлучении Паисия Лигарида от православной церкви.

1670 г.

29 апреля — папой Римским избран Климент X.

24 июня — восстание Степана Тимофеевича Разина. Взятие Астрахани.

27 июня — папским нунцием в Польшу назначен Франческо Нерли. Находился в этой должности до 22 декабря 1670 г. Кардинал с 12 июня 1673 г.

---

[255] *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Часть 2. СПб., 1884. С. 1110.

[256] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Историческое известие о возникшей в Польше унии с показанием начала и важнейших, в продолжение оной чрез два века, приключений, паче же о бывшем от Римлян и Униятов на благочестивых тамошних жителей гонении. М., 1805. С. 28–29.

[257] *Воейков Н.Н.* Церковь, Русь, и Рим. США, Джорданвилль, Свято-Троицкий Монастырь, 1983. С. 426.

[258] Там же. С. 424.

Аббат Стефан Гради Рагузнин подготовил и передал кардиналу Чезаре Мария Антонио Распони свое сочинение «Рассуждение Аббата Стефана Гради Рагузнина о народах языка Славянского».[259]

1671 г.

11–16 мая — состоялась Новогородокская конгрегация Ордена базилианцев.[260]

13 мая — папским нунцием в Польшу назначен Анжело Мария Рануцци. Кардинал с 2 сентября 1686 г.

6 июня — публичная казнь Степана Тимофеевича Разина в Москве.

14 августа — царь Алексей Михайлович обратился к Молдавскому господарю Иоанну Дуке с просьбой ходатайствовать через султанского переводчика Панагиота перед Восточными патриархами о прощении Паисия Лигарида.

Декабрь — аббат Скарлати дал папе Клименту X рекомендации предоставить царю Алексею Михайловичу титул царя.[261]

1672 г.

24 мая — по указу царя Алексея Михайловича Паисию Лигариду разрешен выезд в Палестину через Киев. В этот же день царь свой указ отменил.

7 июля — патриархом Московским и всея Руси избран Питирим.

20 июля — папским нунцием в Польшу назначен титулярный архиепископ Фессалоникский Франческо Буонвизи. Кардинал с 1 сентября 1681 г.

Неизвестный подготовил для государственного секретаря Ватикана Палуццо Палуцци Альтьери делли Альбертони географическое описание Московского государства.[262]

В Москву прибыл эмиссар Ватикана Яков Рейтенфельс, представившийся племянником царского врача Иоганна Костера фон Розенбурга.

1673 г.

13 февраля — по указу царя Алексея Михайловича Паисию Лигариду разрешен выезд в Палестину через Киев.

20 мая — при проезде через Киев Паисий Лигарид был здесь задержан и помещен в Софийский монастырь под надзор Киевского воеводы.

1674 г.

Униатским митрополитом избран Киприан Жоховский.

8 мая — королем Польши избран Ян III Собесский.

26 июля — патриархом Московским и всея Руси избран Иоаким.

Георгий Крижанич в Тобольске закончил работу над сочинением «Толкование исторических пророчеств», в котором обосновал необходимость унии между Римской католической и Русской православной Церквами при главенстве папы Римского.

Эмиссар Ватикана Яков Рейтенфельс выехал из Москвы за границу.

12 ноября — Яков Рейтенфельс после своего возвращения из Москвы представил в Риме конгрегации «Пропаганда Веры» свои предложения о формах и методах разведывательно-подрывной деятельности в Московском государстве. Доклады-

[259] Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т. 2. СПб., 1842. С. 236–249.

[260] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 102–108.

[261] Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т. 2. СПб., 1842. С. 232.

[262] Там же. С. 249.

вал о предложениях Якова Рейтенфельса секретарь конгрегации кардинал Чезаре Мария Антонио Распони.[263]

1675 г.

21 марта — Георгий Крижанич в Тобольске закончил работу над сочинением «Обличение на Соловецкую Челобитную».

12–15 мая — состоялась Жировицкая конгрегация Ордена базилианцев, на которой протоархимандритом (генералом) Ордена избран Пахомий Огилевич.[264]

18 июня — Георгий Крижанич в Тобольске закончил работу над еще одним сочинением «Смертный разряд», направленным против православия, и отправил его в Москву.

26 июля — умер митрополит Киевский Иосиф Нелюбович-Тукальский, не признанный Москвой.

25 августа — в Москву в составе посольства Священной Римской империи германской нации во главе с Аннибалом Франциском де Боттони и Иоганном Карлом Терлингером де Гусман прибыл иезуит Франциск Шлегель. Выбыл из Москвы 28 октября 1675 г.

17 сентября — по указу царя Алексея Михайловича Паисий Лигарид выехал из Киева в Москву, куда прибыл 6 ноября этого же года.

20 сентября — папским нунцием в Польшу назначен титулярный архиепископ Коринфский Франческо Мартелли. Кардинал с 17 мая 1706 г.

1676 г.

30 января — кончина царя Алексея Михайловича, на царский престол в Москве взошел Федор Алексеевич.

2 февраля — Ян III Собесский в Кракове коронован на польский королевский престол.

5 марта — на основании царского разрешения Георгий Крижанич выехал из Тобольска в Москву, куда прибыл 25 мая этого же года и назначен переводчиком Посольского приказа.

Весной Паисий Лигарид вернулся из Москвы в Киев.

9 августа — глава миссии Ордена иезуитов в Китае Фердинанд Вербист передал в Пекине российскому посланнику Николаю Гавриловичу Спафарию письмо на имя царя Алексея Михайловича с заверениями в своей верности и просьбой принять на царскую службу в качестве переводчика.[265]

21 сентября — папой Римским избран Иннокентий XI.

9 октября — Георгий Крижанич подал челобитную царю Федору Алексеевичу, в которой сообщил, что является католическим священником и просит отпустить его за рубеж.

По поручению царского правительства Паисий Лигарид направил письмо кардиналу Барберини в Рим с известием о вступлении на царский престол Федора Алексеевича.[266]

Сейм Речи Посполитой принял постановление о запрете православным ставропигиальным братствам поддерживать какие-либо сношения с Константинопольскими патриархами.[267]

---

[263] *Пирлинг П.* Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел III. М., 1906. С. 16.

[264] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 109–113.

[265] *Арсеньев Ю.* Новыя данныя о службе Николая Спафария в России (1671–1708 гг.) // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел I. М., 1900. С. 45–48.

[266] *Пирлинг П.* Паисий Лигарид. Дополнительныя сведения из римских архивов // Русская Старина. Январь. Февраль. Март. СПб., 1902. С. 350.

[267] Архив Юго-Западной России. Часть 1. Т. 11. Киев, 1904. С. 93.

1677 г.

27 марта — царь Федор Алексеевич подписал указ об отпуске Георгия Крижанича за рубеж.

9 октября — после завершения ссылки в Тобольске эмиссар Ватикана Георгий Крижанич выехал из Москвы в Вильно в составе датского посольства Фридриха фон Габеля.

1678 г.

В начале года Георгий Крижанич прибыл из Москвы в Вильно и вступил в Орден доминиканцев, приняв в монашестве имя «Августин».

5 мая — в Москву в составе посольства Речи Посполитой во главе с Михаилом Георгиевичем Чарторыйским и Казимиром Яном Сапегой прибыл член Ордена доминиканцев Томас Шван. Выбыл из Москвы 14 августа 1678 г. В составе этого посольства находились также 2 члена Ордена иезуитов, но данных на них нет.[268]

21 июля — в митрополита Тобольского и Сибирского поставлен Павел. Прибыл в Тобольск 25 марта 1679 г.

24 августа — Паисий Лигарид скончался в Киеве.

1679 г.

20–31 июля — состоялась Жировицкая конгрегация Ордена базилианцев, на которой протоархимандритом (генералом) Ордена избран Стефан Мартышкевич-Бузанский.[269]

9 октября — король Польши Ян III Собесский подписал универсал о проведении в Люблине Собора («Colloquium») по примерению Церквей.

1680 г.

25 августа — в Москве умер Симеон Полоцкий. Главой сторонников «латинства» в православии стал его ученик Сильвестр Медведев.

20 сентября — епископ Львовский, Галицкий и Каменецкий, администратор Киевской митрополии Иосиф Шумлянский направил письмо зондажного характера униатскому митрополиту Киприану Жоховскому о принятии унии.

21 сентября — епископ Львовский и Галицкий, администратор Киевской митрополии Иосиф Шумлянский направил письмо униатскому митрополиту Киприану Жоховскому с изъявлением согласия принять унию.

30 сентября — папским нунцием в Польшу назначен титулярный архиепископ Эфесский Опицио Паллавичини. Кардинал с 2 сентября 1686 г.

Георгий Крижанич написал в Вильно сочинение «История о Сибири», и подарил его королю Польши Яну III Собесскому. В этом же году по просьбе датского посланника в Париже Гильдебранда фон Горна направил ему второй экземпляр этого сочинения.

1681 г.

18 марта — епископом Львовским, Галицким и Каменецким, администратором Киевской митрополии Иосифом Шумлянским совместно с униатским митрополитом Киприаном Жоховским подготовлен перечень прав и льгот для униатов, разработана программа дальнейшей униатизации населения Западной и Южной Руси.

21 марта — епископ Львовский, Галицкий и Каменецкий, администратор Киевской митрополии Иосиф Шумлянский, епископ Перемышльский и Самборский Ин-

[268] Бернгард Таннер. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел III. М., 1891. С. 17, 30.

[269] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 113–120.

нокентий Винницкий и архимандрит Уневский Варлаам Шептицкий в Варшаве в присутствии папского нунция в Польше Франческо Мартелли приняли присягу на верность римскому престолу по установленной еще папой Урбаном VIII форме.[270]

25 марта — с разрешения папы Иннокентия XI папским нунцием в Польше Опицио Паллавичини подписаны индульгенции тем, кто будет молиться о благоденствии папы Римского.[271]

10 апреля — папа Иннокентий XI подписал бреве о продлении на 7 лет полномочий униатскому митрополиту Киприану Жоховскому.[272]

22 июля — папский нунций в Польше Франческо Мартелли направил письмо провинциалу Ордена доминиканцев в Литве с просьбой разрешить Георгию Крижаничу выехать в Варшаву для обсуждения способов направления апостолических миссионеров в Московию.

17 августа — патриарх Никон скончался в Ярославле.

В Венеции издано сочинение Николая Булгара «Катехизис святый или божественныя литургии толкование и экзамен рукополагающихся», направленное в защиту православия.[273]

1682 г.

16 марта — Георгий Крижанич направил в Рим секретарю конгрегации «Пропаганда Веры» кардиналу Карло Черри краткий отчет о своей деятельности в Московском государстве, в котором просил для подробного доклада вызвать его в Рим.

27 апреля — Петр I Алексеевич избран в Москве царем всея Руси.

15 мая — начало стрелецкого бунта в Москве.

23 мая — Иван V Алексеевич и Петр I Алексеевич провозглашены в Москве царями всея Руси.

29 мая — царевна Софья Алексеевна провозглашена правительницей Российского государства.

20 сентября — неизвестный направил из Москвы донесение папскому нунцию в Польше Франческо Мартелли о стрелецком бунте в Москве и последовавших за ним событиях.[274]

1683 г.

27 июля – протоархимандритом (генералом) Ордена базилианцев на Минской конгрегации избран Киприан Жоховский, но это избрание было отменено бреве папы Иннокентия XI от 30 октября 1683 г.[275]

2 сентября — Георгий Крижанич, являясь капелланом польского военного подразделения, погиб в сражении с турецкими войсками под Веной.

30 октября — папа Иннокентий XI подписал бреве в поддержку Ордена базилианцев.[276]

---

[270] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 398–399.

[271] Там же. С. 353.

[272] Там же. С. 354.

[273] *Петров Н.И.* Краткое обозрение рукописей Киево-Софийской библиотеки // ЧИОНЛ. Книга XV. Отдел V. Киев, 1901. С. 33.

[274] Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича // ЖМНП. Май. СПб., 1835. С. 79–82.

[275] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 12. Вильна, 1900. С.35–36.

[276] Там же. С. 36.

1684 г.

6 февраля — король Польши Ян III Собесский подписал диплом униатскому епископу Львовскому, Галицкому и Каменецкому Иосифу Шумлянскому на сан архимандрита Киево-Печерской Лавры.[277]

19 марта — протоархимандритом (генералом) Ордена базилианцев на Новогородокской конгрегации избран Киприан Жоховский, но и это избрание было отменено бреве папы Иннокентия XI от 1684 г.

14 мая — в Москву в составе посольства Священной Римской империи германской нации во главе с Иоганном Христофором Жировским и Себастианом Блюмбергом прибыл иезуит Иоганн Шмидт, ставший первым членом миссии Ордена иезуитов в Москве. Выбыл из Москвы 11 августа 1688 г.

15 мая — король Польши Ян III Собесский подписал грамоту иезуиту Карло Маурицио Вота для обеспечения проезда в Москву и предъявления царям Ивану и Петру Алексеевичам.[278]

14 июня — в Москву прибыл иезуит Карло Маурицио Вота, дипломат, советник императора Священной Римской империи германской нации Леопольда I. Фактической целью приезда являлось оказание содействия дипломатической миссии Священной Римской империи германской нации в открытии в Москве миссии Ордена иезуитов. Выбыл из Москвы 23 июня 1684 г.

15 июня — член посольства Священной Римской империи германской нации Либерт направил из Москвы донесение папскому нунцию в Польше Опицио Паллавичини об открытии в Москве миссии Ордена иезуитов.[279]

23 июня — дипломат Священной Римской империи германской нации барон Себастиан Блюмберг направил папе Иннокентию XI письмо с докладом о положительном решении вопроса об образовании в Москве миссии Ордена иезуитов.[280] ().

24 июня — посольство Священной Римской империи германской нации во главе с Иоганном Христофором Жировским и Себастианом Блюмбергом выбыло из Москвы, оставив в Москве иезуита Иоганна Шмидта. Этот день можно считать первым днем деятельности миссии Ордена иезуитов в Москве (в 1684 г. в составе иезуита Иоганна Шмидта).

17 июля — конгрегация «Пропаганда Веры» издала декрет, отменяющий решения Минской конгрегации Ордена базилианцев 1683 г.

5 августа — папа Иннокентий XI направил в Москву грамоту царям Ивану и Петру Алексеевичам и царевне Софье Алексеевне с предложением возобновить дипломатические отношения и переписку.

19 августа — префект конгрегации «Пропаганда Веры» кардинал Палуццо Палуцци Альтьери делли Альбертони назначил иезуита Иоганна Шмидта апостольским миссионером в Москве сроком на 5 лет.[281]

16 сентября — папа Иннокентий XI направил благодарственное письмо дипломату Священной Римской империи германской нации барону Себастиану Блюмбергу за его усилия по открытию в Москве миссии Ордена иезуитов.[282]

---

[277] Архив Юго-Западной России. Часть 1. Т. 4. Киев, 1871. С. 72.

[278] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 6. СПб., 1862. С. 836.

[279] *Цветаев Д.В.* История сооружения перваго костела в Москве // Русский Вестник. Октябрь. Т. 179. М., 1885. С. 770–771.

[280] Там же. С. 767–768.

[281] Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. III. Część I. Lwów. 1902. S. 238.

[282] Цветаев Д.В. История сооружения первого костела в Москве // Русский Вестник. Октябрь. Т. 179. М., 1885. С. 771.

8 октября — папский нунций в Польше Опицио Паллавичини направил письмо государственному секретарю Ватикана кардиналу Альдерано Чибо, в котором дал оценку миссии иезуита Карло Маурицио Вота в Москву.[283]

13 ноября — император Священной Римской империи германской нации Леопольд I подписал постановление о ежегодной тайной выплате 500 талеров двум апостольским миссионерам иезуитам в Москве.[284]

11 декабря — цари Иван и Петр Алексеевичи подписали послание патриарху Константинопольскому Иакову с просьбой уступить патриарху Московскому и всея Руси право рукополагать митрополитов Киевских.[285]

29 декабря — униатский епископ Львовский, Галицкий и Каменецкий Иосиф Шумлянский направил окружное письмо дворянам с указанием принять меры по принуждению православных приходских священников к принятию унии, а также признанию над собой епископской власти Иосифа Шумлянского.[286]

1685 г.

В период с 15 апреля по 16 июня в Москве находился дипломатический гонец от императора Священной Римской империи германской нации Леопольда I Иоганн Игнатий Курц, который купил в Москве дом на имя купца Гуаскини, а фактически для размещения миссии Ордена иезуитов, использовав на эти цели 500 талеров, выданных миссии Леопольдом I.[287]

12 мая — в Москву для укомплектования миссии Ордена иезуитов прибыл иезуит Альберт де Бойе. В первой половине 1686 г. он умер, сначала был похоронен на кладбище в Немецкой слободе в Москве, затем тело вывезено в Польшу.

8 ноября — Гедеон Святополк Четвертинский посвящен в Москве в митрополита Киевского.

В г. Фрейштадте издано антитринитарское сочинение Станислава Любенецкого «Historia Reformationis Polonicae», посвященное истории антитринитаризма в Польше.[288]

1686 г.

30 января — шведский резидент в Москве и разведчик Христофор фон Кох дал в своем донесении характеристику боярину князю Василию Васильевичу Голицыну, фавориту царевны Софьи.[289]

5 февраля — голландский резидент в Москве Иоанн Виллем фан Келлер направил донесение своему правительству об активности иезуитов в Москве.[290]

9 февраля — в Москву в составе свиты посла Речи Посполитой князя Марциана Александра Огинского прибыл иезуит Бартоломео Меллер. Выбыл из Москвы 6 мая 1686 г.[291]

---

[283] *Цветаев Д.В.* История сооружения первого костела в Москве // Русский Вестник. Октябрь. Т. 179. М., 1885. С. 771–772.

[284] Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. III. Część I. Lwów. 1902. S. 239.

[285] Архив Юго-Западной России. Часть 1. Т. 5. Киев, 1873. С. 46.

[286] Там же. С. 74.

[287] Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. III. Część I. Lwów. 1902. S. 239.

[288] *Жукович П.Н.* Кардинал Гозий и Польская Церковь его времени. СПб., 1882. С. 10.

[289] *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648–1700) // ЖМНП. Сентябрь. СПб., 1899. С. 64.

[290] *Цветаев Д.В.* История сооружения первого костела в Москве // Русский Вестник. Октябрь. Т. 179. М., 1885. С. 793.

[291] *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Т. 1. СПб., 1876. С. 113; Бантыш Каменский Н.Н.

9 февраля — в Москву в составе свиты посла Речи Посполитой князя Марциана Александра Огинского прибыл иезуит Николай Нармунт. Выбыл из Москвы 6 мая 1686 г.[292]

20 апреля — король Польши Ян III Собесский направил грамоту униатскому епископу Львовскому, Галицкому и Каменецкому Иосифу Шумлянскому.

26 апреля — в Москве подписан трактат «О вечном мире» между Речью Посполитой и Российским государством.[293]

9 мая — Киевская православная митрополия перешла в каноническое подчинение патриарху Московскому и всея Руси. Константинопольский патриарх Дионисий направил об этом грамоты в адрес царей Ивана и Петра Алексеевичей, царевны Софьи Алексеевны, патриарха Московского и всея Руси Иоакима и гетмана Малороссийского Ивана Самойловича.

Май — в Смоленске начала тайно действовать миссия Ордена иезуитов в лице миссионера Михаила Яконовича. Миссия прекратила свою деятельность после пресечения попытки государственного переворота в Москве во главе с царевной Софьей осенью 1689 г.

19 июля — король Польши Ян III Собесский подписал универсал о повсеместном освобождении православного духовенства от повинностей, поборов и военных постоев наравне с католическим духовенством.[294]

1–8 августа — состоялась Новогородокская конгрегация Ордена базилианцев, на которой протоархимандритом (генералом) Ордена избран Иосиф Петкевич. По поручению папского нунция в Польше Опицио Паллавичини на конгрегации председательствовал иезуит Томаш Вейский, пробощ и професс Виленский.[295]

16 августа — в Москву для участия в работе миссии прибыл иезуит Иржи Давид. Выдворен из Москвы 5 октября 1689 г.

1687 г.

Январь — в Москву из Астрахани прибыли иезуиты Филипп Авриль и Луи Барнабе, имевшие целью получить разрешение на транзитный проезд через Российское государство в Китай. Активно собирали сведения о транспортных путях через Российское государство в страны Востока. В разрешении на проезд им было отказано, в конце февраля они выбыли из Москвы.

25 июля — гетманом Малороссийским и войска Запорожского избран Иван Степанович Мазепа.

1688 г.

Бывший патриарх Константинопольский Дионисий направил письмо патриарху Московскому и всея Руси Иоакиму с извещением, что он лишен патриаршества за уступку Киевской митрополии Московскому патриархату.

12 мая — папа Иннокентий XI продлил на 7 лет полномочия униатского митрополита Киприана Жоховского.[296]

Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Часть 3. М., 1897. С. 156, 158.

[292] Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. III. Część II. Kraków. 1905. S. 924–925.

[293] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Книга 1. М., 1995. С. 476–482.

[294] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 5. СПб., 1853. С. 195.

[295] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 120–126.

[296] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 365.

23 октября — папским нунцием в Польшу назначен титулярный архиепископ Цессареи Джакомо Кантельми. Кардинал с 13 февраля 1690 г.

1689 г.

9 января — в Москву прибыли, следуя транзитом из Польши в Персию, иезуиты Кондратий Терпиловский и Игнатий Запольский. 9 апреля 1689 г. они выбыли из Москвы в Астрахань.

11 января — в Москву в составе посольства Речи Посполитой во главе с Иосифом Лядинским прибыли иезуиты Филипп Авриль и Антуан де Боволье, намереваясь получить разрешение на транзитный проезд через Российское государство в Китай или Персию и совершить эту поездку, в чем им было отказано. 31 января они из Москвы выбыли в Польшу.

Патриарх Московский и всея Руси Иоаким направил письмо царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу с просьбой выдворить из России иезуитов.[297]

11 февраля — в Москву для участия в работе миссии прибыл иезуит Тобиаш (Товия) Тихавский. Выдворен из Москвы 5 октября 1689 г.

11 февраля — император Священной Римской империи германской нации Леопольд I прислал боярину князю Василию Васильевичу Голицыну благодарственную грамоту за его заботу о католиках в Москве.[298]

28 мая — цари Иван Алексеевич и Петр Алексеевич подписали указ о проведении расследования по делу Квирина Кульмана и Конрада Нордермана.[299]

7–8 августа — начало попытки государственного переворота в Москве (начало реализации заговора царевны Софьи и гетмана Ивана Степановича Мазепы).

8 августа — Петр I бежал с Преображенского и в 6 часов утра прибыл в Троице-Сергиеву Лавру.

10 августа — гетман Иван Степанович Мазепа с большой свитой прибыл в Москву.

11 августа — аудиенция гетмана Ивана Степановича Мазепы у царя Ивана, царевны Софьи, патриарха Московского и всея Руси Иоакима, встреча с боярином князем Василием Васильевичем Голицыным.

27 августа — подписан Нерчинский договор между Россией и Китаем.

31 августа — бегство Сильвестра Медведева из Москвы.

Сентябрь – октябрь — шведский резидент в Москве и разведчик Христофор фон Кох доносил в Стокгольм о заговоре царевны Софьи и его участнике Сильвестре Медведеве.[300]

6 сентября — шведский резидент в Москве и разведчик Томас Книппер сообщал в своем донесении в Стокгольм о заговоре царевны Софьи.[301]

7 сентября — один из руководителей государственного переворота Федор Леонтьевич Шакловитый выдан царю Петру I и следствию.

9 сентября — руководителю государственного переворота Василию Васильевичу Голицыну и его сыну Алексею Васильевичу Голицыну объявлен приговор, и они отправлены в ссылку.

---

297 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. VII. СПб., 1864. С. 571–572.

298 Там же. С. 390.

299 *Цветаев Д.В.* Памятники к Истории Протестантства в России. Часть 1 // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел I. М., 1883. С. 126.

300 *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648–1700) // ЖМНП. Сентябрь. СПб., 1899. С. 67–68.

301 Там же. С. 70.

9 сентября — гетман Иван Степанович Мазепа прибыл к Троице-Сергиевой Лавре и попросил аудиенции у царя Петра I, но аудиенция была дана 10 сентября, и И.С. Мазепа тут же написал донос на Василия Васильевича Голицына.
12 сентября — Федору Леонтьевичу Шакловитому объявлен приговор и он казнен.
12 сентября — в результате провала попытки государственного переворота царевна Софья Алексеевна свергнута с поста правительницы.
12 сентября — указом Петра I имя царевны Софьи исключено из царских титулов и подписей.
13 сентября — отпускная аудиенция гетмана Ивана Степановича Мазепы у царя Петра I, отъезд 22 сентября из Москвы в Киев и прибытие туда 10 октября.
13 сентября — арест Сильвестра Медведева в Бизюкове монастыре.
28 сентября — руководительница государственного переворота царевна Софья удалена в Новодевичий монастырь.
20 ноября — король Польши Ян III Собесский направил письмо своему эмиссару по связи с гетманом Иваном Степановичем Мазепой полковнику Василию Михайловичу Искрицкому. Подобные письма были также направлены 6 мая 1690 г. и 20 июля 1690 г. Целью писем являлось отработка единой линии поведения в отношениях с Москвой, чтобы развеять подозрения царского правительства, вызванные имевшимися в Москве материалами об изменнических контактах Ивана Степановича Мазепы с Яном III. Собесским.[302]

1690 г.

7 января — папским нунцием в Польшу назначен титулярный архиепископ Селевкийский Андреа Сантакроче. Кардинал с 14 ноября 1699 г.
Январь — патриарх Московский и всея Руси Иоаким созвал в Патриаршей Крестовой палате архиерейский Собор для суда над Сильвестром Медведевым, а также рассмотрения и осуждения книг, содержавших антиправославную ересь, и их авторов.
16 марта — император Священной Римской империи германской нации Леопольд I ходатайствовал перед царями Иваном Алексеевичем и Петром Алексеевичем о пропуске транзитом через Российское государство в Китай члена миссии Ордена иезуитов в Китае Клавдия Филиппа Гримальди. Иезуит выехал в Китай другим путем, грамота доставлена почтой в Москву 22 июля 1690 г.[303]
18 марта — в Москву прибыл из Астрахани иезуит Кондратий Терпиловский, доставивший грамоту китайского императора Кан-Си царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу. (Грамота китайского императора от 12 октября 1686 г. была доставлена из Пекина в Персию иезуитом Клавдием Филиппом Гримальди, из Персии в Астрахань — неизвестным лицом, где была вручена Кондратию Терпиловскому для доставки в Москву). Так как после выполнения поручения покидать Москву он не собирался, то был выдворен из Москвы 12 июля 1690 г.[304]
6 апреля — умер митрополит Киевский Гедеон Святополк Четвертинский.
Весной в Смоленск из Литвы приехал иезуит Михаил Яконович, который затем прибыл в Москву и безуспешно пытался добиться его избрания патриархом Московским и всея Руси. Об этом он сам писал почтмейстеру Сангале и царскому врачу

[302] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 2. СПб., 1858. С. 369–370, 483–485.

[303] Некоторые маньчжурские документы из истории русско-китайских сношений в XVII веке // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XXI. СПб., 1912. С. 69–72; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882. С. 44.

[304] Там же.

Григорию Мартыновичу Карбонари де Бизенег, но письма были перехвачены царским правительством.[305]

1 июня — митрополитом Киевским избран Варлаам Ясинский (поставлен 28 сентября того же года).

24 июля — патриархом Московским и всея Руси избран Адриан.

1–5 августа — состоялась Минская конгрегация Ордена базилианцев, на которой протоархимандритом (генералом) Ордена избран Симеон Янович Огурцевич.[306]

4 декабря — цари Иван и Петр Алексеевичи подписали указ, разрешающий быть одновременно в Москве двум католическим ксендзам.[307]

1691 г.

11 февраля — казнен Сильвестр Медведев.

3 апреля — в митрополита Тобольского и Сибирского поставлен Игнатий. Прибыл в Тобольск 12 февраля 1693 г.

13 апреля — в составе посольства Священной Римской империи германской нации во главе с Иоганном Игнатием Курцем прибыл член Ордена доминиканцев, миссионер Людовик Коблиц, который с разрешения царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича от 14 сентября 1691 г. выполнял духовные функции в Москве до своего отъезда в Европу 23 декабря 1692 г.

12 июля — папой Римским избран Иннокентий XII.

15 августа — в Москву прибыл польский посланник Ян Окраса, который, наряду с другими задачами, имел задачу развеять подозрения царского правительства относительно изменнических контактов гетмана Ивана Степановича Мазепы и Яна III Собесского. 27 сентября 1691 г. Ян Окраса из Москвы выбыл.

1692 г.

В Москву прибыли члены Ордена францисканцев, миссионеры Франциск Ксаверий Лефлер и Павел Иосиф Ярош, которые выполняли возложенные на них функции до отъезда в Европу 7 октября 1698 г. В этот период они фактически заменили выдворенных из Москвы 5 октября 1689 г. членов миссии Ордена иезуитов Иржи Давида и Тобиаша Тихавского.

1693 г.

11 ноября — папский нунций в Польше Андреа Сантакроче подписал распоряжение о назначении администратором униатской митрополии Льва Шлюбич-Заленского.[308]

1694 г.

1–5 августа — состоялась Жировицкая конгрегация Ордена базилианцев, на которой 5 августа протоархимандритом (генералом) Ордена избран Симеон Янович Огурцевич.[309]

6 октября — папский нунций в Польше Андреа Сантакроче дал оповещение о повиновении униатов администратору униатской митрополии Льву Шлюбич-Заленскому.

---

[305] *Цветаев Д.В.* История сооружения первого костела в Москве // Русский Вестник. Т. 180. М., 1885. С. 885–886, 888–892.

[306] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 127–130.

[307] Законоположения и правительственные распоряжения, до римско-католической церкви в России относящиеся, со времени царствования царей Петра и Иоанна Алексеевичей с 1689 по 1867 год включительно. Вильно, 1868. С. 3.

[308] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб., 1897. С. 379.

[309] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 131–135.

9 октября — папа Иннокентий XII утвердил своей буллой консультора Ордена базилианцев Симеона Киприановича архимандритом Супрасльского монастыря.

1695 г.

11 апреля — Лев Шлюбич-Заленский посвящен в униатского митрополита в присутствии и с участием папского нунция в Польше Андреа Сантакроче.

В 1695–1703 гг. член Ордена иезуитов Петр Ян Алоизий Кулеша, переодевшись в одежду священника, тайно проникал на территорию Российского государства из Орши или Бобруйска и проповедовал унию.[310]

1696 г.

12 февраля — папским нунцием в Польшу назначен титулярный архиепископ Фиванский Джанантонио Давиа. Кардинал с 18 мая 1712 г.

20 февраля — в Москву транзитом из Персии в Польшу прибыл иезуит, глава миссии Ордена иезуитов в Персии, Игнатий Запольский. В том же месяце из Москвы выбыл.

26 апреля — папа Иннокентий XII направил бреве послу Священной Римской империи германской нации Игнатию Христофору Гвариенту с добрыми пожеланиями по случаю его дипломатической миссии в Москву.

26 мая — папа Иннокентий XII подписал грамоту униатскому митрополиту Льву Шлюбичу-Заленскому с благословением.[311]

18 июля — турецкая крепость Азов взята войсками Петра I.

1697 г.

15 сентября — Фридрих-Август II Сильный коронован на польский королевский престол (одновременно с 1694 г. он являлся курфюрстом Саксонским).

На полуострове Камчатка основан город Верхне-Камчатск.

В Москву прибыл иезуит Лаврентий фон Дугуне как химик, математик и часовых дел мастер.[312]

1698 г.

Январь — в Москву транзитом из Персии в Польшу приезжал иезуит Кондратий Терпиловский. Ему разрешено выехать в Польшу, с ним отправлена царская грамота королю Польши Фридриху-Августу II Сильному.[313]

24 марта — папским нунцием в Польшу назначен Микеланджело Конти. Кардинал с 7 июня 1706 г. Избран 8 мая 1721 г. папой Римским, приняв имя Иннокентий XIII.

19 апреля — в Москву вместе с посольством Священной Римской империи германской нации во главе с Игнатием Христофором Гвариентом для возобновления работы миссии Ордена иезуитов прибыли иезуиты Иоанн Франциск Эмилиани и Иоанн Берула, а также католические миссионеры Иоанн Казагранде и Геральд.

13 июня — архиерейский Собор в Москве осудил диакона Петра Артемьева за отступничество от православия и направил на исправление в Важский монастырь Холмогорский епархии, откуда он был переведен в Соловецкий монастырь, где и умер.[314]

26 июня — в Москву транзитом из Европы в Персию прибыл Апостольский викарий в «царствах великого Могола, Голгонде и Идалькане», член Ордена кармелитов Петр Павел Пальма д` Артуа, который выбыл из Москвы 17 июля 1698 г.

---

[310] Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. III. Część II. Lwów. 1902. S. 1105.

[311] Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. СПб. 1897 г. С. 395.

[312] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904. С. 6, 39.

[313] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. VIII. СПб., 1867. С. 1180.

[314] *Никольский М.* Русские выходцы из заграничных школ в XVII столетии: Петр Артемьев // Православное Обозрение. 1863 г. Март. С. 262–264.

25–31 августа — состоялась Бытенская конгрегация Ордена базилианцев, на которой 30 августа протоархимандритом (генералом) Ордена избран Иоахим Кушелич.[315]

С остановкой в Москве транзитом из Персии в Европу проследовал член Ордена доминиканцев, миссионер Вильгельм Фель.

1699 г.

7 февраля — в Москву транзитом из Европы в Китай прибыли члены Ордена францисканцев, миссионеры Иоанн Баптист Селицет, Габриэль Антоний Иоганн де Санто, Карл Костарани и Викентий Ароате, которые с разрешения царя Петра I выбыли из Москвы 12 мая 1699 г. в Персию.

1700 г.

20 марта — папским нунцием в Польшу назначен Франческо Пиньятелли. Кардинал с 17 декабря 1703 г.

3 июля — заключение Константинопольского мирного договора, завершившего российско-турецкую войну 1686–1700 гг. Переход к России Азова и Запорожья.

8 августа — Россия объявила войну Швеции. Начало Северной войны.

11 сентября — в Москву транзитом из Европы в Персию прибыл иезуит Карл де Лос. Выбыл из Москвы 19 января 1701 г.[316]

23 ноября — папой Римским избран Климент XI.

На полуострове Камчатка основан город Большерецк.

1703 г.

26 августа — 8 сентября — состоялась Новогородокская конгрегация Ордена базилианцев, на которой 7 сентября протоархимандритом (генералом) Ордена избран Лео Лукас Кишка.[317]

29 августа — на пятом заседании Новогородокской конгрегации Ордена базилианцев было объявлено о смерти направленного с миссией в Москву члена Ордена базилианцев Палладия Роговского, и поручено в каждом монастыре отслужить по три службы за душу умершего.[318]

1705 г.

4 октября — Станислав Лещинский в Варшаве коронован на польский королевский престол.

1707 г.

22 августа — умер митрополит Киевский Варлаам Ясинский.

1709 г.

27 июня — российские войска во главе с царем Петром I разгромили под Полтавой шведскую армию во главе с королем Карлом XII.

26 августа — 5 сентября — состоялась Бельская конгрегация Ордена базилианцев, на которой протоархимандритом (генералом) Ордена избран Лео Лукас Кишка.[319]

1718 г.

25 ноября — французский комиссар в Петербурге де Лави сообщил в своем донесении в Париж государственному министру архиепископу Гийому Дюбуа об аресте по царскому распоряжению в Гамбурге Андрея Яновича Войнаровского, племянника бывшего гетмана Малороссии и войска Запорожского Ивана Степановича Мазепы.[320]

---

[315] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 136–143.

[316] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904. С. 60.

[317] Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900. С. 143–156.

[318] Там же. С. 149.

[319] Там же. С. 157–170.

[320] Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 34. СПб., 1881. С. 390.

Указатель источников

Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России. Пер. с нем. А.С. Клеванова // ЧИОИДР. 1847 год. Книга 03-9. Отдел III. М., 1848.

Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России. Пер. с нем. А.С. Клеванова // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел IV. М., 1863.

Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России. Пер. с нем. А.С. Клеванова // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел IV. М., 1864.

Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т. II. СПб., 1842.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Том пятый. 1676–1700. СПб., 1842.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1848.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 5. 1633–1699. СПб., 1853.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 8. СПб., 1875.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск: Иркутское областное изд-во, 1941.

Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Изд-во «Наука», 1991.

Андриевич В.К. История Сибири. Часть 2. СПб., 1889.

Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. Киев, 1885.

Аристов Н. Московския смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Примечания. Варшава, 1871.

Арсеньев Ю. Новые данные о службе Николая Спафария в России (1671–1708 гг.) // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел I. М., 1900.

Архангельский А.С. Очерки из истории западно-русской литературы XVI–XVII вв. Борьба с католичеством и западно-русская литература конца XVI – перв. пол. XVII в. М., 1888.

Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северозападной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 2. Вильна, 1867.

Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебнаого округа. Т. 6. Вильна, 1869.

Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 9. Вильна, 1870.
Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 10. Вильна, 1874.
Археографический Сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Т. 12. Вильна, 1900.
Архив князя Ф.А. Куракина. Книга 3. СПб., 1892.
Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Часть первая. Т. IV. Киев, 1871.
Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Часть первая. Т. V. Киев, 1872.
Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Часть первая. Т. VI. Киев, 1883.
Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссиею для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Часть первая. Т. XI. Киев, 1904.
Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссиею для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Часть первая. Т. XII. Киев, 1904.
Багров Лео. История русской картографии / Пер. с англ. Е.В. Ламановой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005.
Багров Лео. История картографии / Пер. с англ. Н.И. Лисовой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004.
Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Часть 2. М., 1896.
Бантыш-Каменский Н.Н. Историческое известие о возникшей в Польше Унии. М., 1805.
Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. Введение, пер. и прим. А.И. Малеина. СПб., 1908.
Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902.
Беловодье или Приключения августинцев в России. По материалам книги Накамуры Ёсикадзу «Японец в Московии». Источник http://japanesedolls.ru/
Белокуров С.А. Сильвестра Медведева известие истинное православным и показание светлое о новоправлении книжном и о прочем // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел II. М., 1885.
Белокуров С.А. Юрий Крижанич в России // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел III. М., 1903.
Белокуров С.А. Юрий Крижанич в России (Приложения) // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел III. М., 1903.
Белокуров С.А. Юрий Крижанич в России (Дополнительные документы) // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел IV. М., 1907.
Белокуров С.А. Материалы для русской истории. М., 1888.
Белокуров С.А. О библиотеке Московских государей в XVI столетии // Сборник Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел. Вып. 6. М., 1899.

Белокуров С.А. Московский печатный двор в 1649 году // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел IV. М., 1887.
Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в. Хабаровск: Книжное изд-во, 1986.
Бёмер Г. История ордена иезуитов. Перевод с нем. Смоленск: изд-во «Русич», 2002.
Берх В.Н. Хронологическая история всех путешествий в северныя полярныя страны, с присовокуплением обозрения физических свойств того края. Часть 1. СПб., 1821.
Берх В.Н. Царствование царя Алексея Михайловича. Часть первая. СПб., 1831.
Богуславский В.В. Правители России: Биографический словарь / В.В. Богуславский. М.: ОЛМА-ПРЕСС Гранд, 2006.
Болховитинов Е. Словарь исторический о бывших в России писателях духовнаго чина Греко-Российской церкви. Т. 1. Изд. 2-е. СПб., 1827.
Борша Станислав. Поход московского царя Димитрия в Москву с сендомирским воеводой Юрием Мнишком и другими лицами из рыцарства 1604 года // Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб., 1872. URL: www.vostlit.narod.ru/
Брикнер А.Г. Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878.
Буганов В.И. Разин и разинцы. М.: изд-во «Наука», 1995.
Буссов К. «Московская хроника» Конрада Буссова // «Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников». М.: изд-во «Современник», 1989.
Вержбовский Ф. Отношения России и Польши в 1574–1578 годах, по донесениям папского нунция В. Лаурео // ЖМНП. Август. СПб., 1882.
Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: изд-во «Наука», 1975.
Вильям Парри. Проезд чрез Россию персидского посольства в 1599–1600 гг. // ЧИОИДР. Книга четвертая. Отдел III. М., 1899.
Винтер Э. Политика Ватикана в отношении СССР. Часть 3. Перевод с нем. М.: изд-во «Прогресс», 1977.
Воейков Н.Н. Церковь, Русь и Рим. Джорданвилль: издание Свято-Троицкого монастыря, 1983.
Все народы едино суть. История отечества в романах, повестях, документах. Век XV–XVI. М.: изд-во «Молодая гвардия», 1987.
Гамель Ю. Англичане в России // Записки Академии наук. Т.VIII. СПб., 1865.
Гейден А. Из истории возникновения раскола при патриархе Никоне. СПб., 1886.
Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 1. М.: Госюриздат, 1960.
Геттэ. История иезуитского ордена, составленная по подлинным, отчасти неизданным, документам аббатом Геттэ, автором Истории Церкви во Франции и многих других исторических сочинений. Т. I. Книги 1–3. 1491–1598. Пер. О.А. Циклинской. М., 1912.
Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Часть 1. СПб., 1882.
Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Часть 2. СПб., 1884.
Г-кий Я. Попытки и старания римской курии ввести грегорианский календарь у Славян православных и униатов // ЖМНП. Сентябрь. СПб., 1877.
Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Т. 2. Киев., 1898.
Голубинский Е.Е. К нашей полемике с старообрядцами // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел III. М., 1905.
Горский А.В. Несколько сведений о Паисие Лигариде до прибытия его в Россию. М., 1862.
Гризингер Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени. Пер. с нем. СПб.: изд-во «Лань», 1999.

Губер Ж. Иезуиты, их история, учение, организация и практическая деятельность в сфере общественной жизни, политики и религии. Пер. с 6-го издания В.И. Писаревой. СПб., 1898.
Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии. М.: ИОИДР, 1877. URL: www.vostlit.narod.ru/
Де ла Невилль. Записки о Московии. М.: Аллегро-пресс, 1996. URL: www.vostlit.narod.ru/
Дела Тайного Приказа. Книга первая // Русская Историческая Библиотека. Т. 21. СПб., 1907.
Дела Тайного Приказа. Книга третья // Русская Историческая Библиотека. Т. 23. СПб., 1904.
Дело о патриархе Никоне. Издание Археографической Коммиссии по документам Московской Синодальной (бывшей Патриаршей) Библиотеки. СПб., 1897.
Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908.
Де Ту. Сказания // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Пер. Н.Г. Устрялова. Т. 2. СПб., 1859. URL: www.vostlit.narod.ru/
Джовио П. Книга о московитском посольстве // «Все народы едино суть». М.: изд-во «Молодая гвардия», 1987.
Дневник Иоанна Георга Корба во время посольства Императора Леопольда I в Московское Государство в 1698 г. и проч. Перевод с Латинскаго Б. Женева и М. Семевскаго // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел IV. М., 1866.
Дневник Иоанна Георга Корба во время посольства Императора Леопольда I в Московское Государство в 1698 г. и проч. Перевод с Латинского Б. Женева и М. Семевскаго // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел IV. М., 1867.
Дневник Марины Мнишек. М.: Дмитрий Буланин, 1995. URL: http://hrono.ru/
Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Перевод с польского. Псков, 1882. URL: www.vostlit.narod.ru/
Донесение австрийского посла о поездке в Москву в 1589 году // Вопросы истории. № 6. 1978. URL: www.vostlit.narod.ru/
Донесение о Московии второй половины 16 века. Пер. В.И. Огородникова. М.: ИОИДР, 1913.
Донесение о поездке в Москву придворного римского императора Михаила Шиля в 1598 году // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел IV. Перевод с нем. А.Н. Шемякина. М., 1875.
Дополнения к Актам Историческим, относящимся к России. Собраны в иностранных архивах и библиотеках и изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1848.
Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 2. СПб., 1846.
Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 5. СПб., 1853.
Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 6. СПб., 1857.
Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. 10. СПб., 1867 г.
Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданныяе Археографическою Комиссиею. Т. 12. СПб., 1872.
Достоверная и правдивая реляция Петра Петрея // «Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников». М.: изд-во «Современник», 1989.
Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии Российския касающихся; изданная Николаем

Новиковым, членом Вольнаго Российскаго Собрания при Императорском Московском Университете. Издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок Хронологической по возможности приведенное. Часть VI. М., 1788.

Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии Российския касающихся; изданная Николаем Новиковым, членом Вольнаго Российскаго Собрания при Императорском Московском Университете. Издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок Хронологической по возможности приведенное. Часть XII. М., 1789.

Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии Российския касающихся; изданная Николаем Новиковым, членом Вольнаго Российскаго Собрания при Императорском Московском Университете. Издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок Хронологической по возможности приведенное. Часть XVIII. М., 1791.

Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. М.: изд-во Крафт+ИВ РАН, 2001.

Житие Епифания // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга 2. М.: изд-во «Художественная литература», 1989.

Житие протопопа Аввакума. М.: изд-во Терра – Книжный клуб, 2001.

Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения // ЧИОИДР. Книга 1. М., 1881.

Загоскин Н.П. Врачи и врачебное дело в старинной России. Казань, 1891.

Законоположения и правительственныя распоряжения до римско-католической церкви в России относящияся со времени царствования царей Петра и Иоанна Алексеевичей с 1689 по 1867 год включительно. Вильно, 1868.

Замысловский Е.Е. Сношения России с Польшей в царствование Феодора Алексеевича // ЖМНП. Март. СПб., 1888.

Записка о жизни Ивана Неронова // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М.: изд-во «Художественная литература», 1989.

Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву. 1641 год. Издание Императорского Общества истории и древностей Российских при Московском Университете. Пер. с лат. П.О. Пирлинга. М., 1901.

Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева // Записки русских людей. События времен Петра Великаго. СПб., 1841.

Записки Ивана Афанасьевича Желябужского // Россию поднял на дыбы… в 2-х т. Т. 1. М.: изд-во «Молодая гвардия», 1987.

Записки, к Сибирской Истории служащие // Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии Российския касающихся, изданная Николаем Новиковым, Членом Вольнаго Российскаго Собрания при Императорском Московском Университете. Издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок Хронологической по возможности приведенное. Часть III. М., 1788.

Иванишев Н.Д. Предисловие // Архив Югозападной России. Часть первая. Акты, относящиеся к истории православной церкви в Югозападной России. Том 1. Киев, 1859.

Иванцов-Платонов А.М. О римском католицизме, и его отношениях к православию. Часть первая. М., 1869.

Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о посольстве в Китай. М.: Глав. Ред. Вост. Лит, 1967. URL: www.vostlit.narod.ru/

Известия Джиованни Тедальди о России времен Иоанна Грозного // ЖМНП. № 5–6. 1891. URL: www.vostlit.narod.ru/

Известия о России, извлеченныя из писем кардинала Коммендоне к кардиналу Борромео // Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные К.М. Оболенским. М.: Издание ИОИДР, 1847.

Из инструкции Папской курии нунцию в Польше Ланчелотти // Уния в документах. № 49. Минск, 1997. URL: www.sedmitza.ru
Иконников В.С. Новые материалы и труды о патриархе Никоне. Киев. 1888 г.
Иржи Давид. Современное состояние великой России или Московии // Вопросы истории, №№ 1, 3, 4. 1968. URL: www.vostlit.narod.ru/
История Африки. Хрестоматия. М.: Изд-во «Наука», 1979.
История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Л.: изд-во «Наука», 1968.
История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Л.: изд-во «Наука», 1968.
Источники Малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышем-Каменским и изданные О. Бодянским. Часть II. 1691–1722 гг. // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел II. М., 1859.
Итальянец в России XVI в. Франческо да Колло. Донесение о Московии. М.: изд-во Наследие, 1996.
Jstoria del Concilio di Trento scritta dal padre Sforza Pallavicini della Compagnia di Gesu, oi cardinal drilla Santa Romana Chiesa. Ora illustrate con annotazione da Francesco Antonio Zaccaria. T. XIV. Venezia. 1803.
Кампензе А. Письмо Альберта Кампензе к Его Святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836. URL: www.vostlit.narod.ru/
Каплан А.Б. Путешествие в историю. Французы в Индии. Изд. 2-е, доп. М.: Изд-во Наука, 1979.
Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Выпуск 1. Время патриаршества Иосифа. М., 1887.
Каптерев Н. Сношения иерусалимскаго патриарха Досифея с русским правительством. (1669–1707 г.). М.: 1891.
Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885.
Карамзин Н.М. Предания веков. М.: изд-во «Правда», 1987.
Карташев А.В. История Русской Церкви. Т. 1. М.: Изд-во Эксмо, 2006.
Карташев А.В. История Русской Церкви. Т. 2. М.: Изд-во Эксмо, 2006.
Климишин И.А. Календарь и хронология. 3-е изд. М.: Изд-во Наука, 1990.
Книга, глаголемая козмография сложена от древних философов, преведена с Римскаго языка // Временник Императорского Московского Общества Истории и Древностей Российских. Книга 16. Отдел III. М., 1853.
Козловский И. Сильвестр Медведев. Очерк из истории русскаго просвещения и общественной жизни в конце XVII века. Киев, 1895.
Колосов В. Старец Арсений Грек // ЖМНП. Сентябрь – октябрь. СПб., 1881 .
Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). Пер. с нем. СПб.: изд-во А.С. Суворина, 1906.
Korytkowski J. Katalog arcybiskupów Gnieźnieńskich. Poznań. 1881.
Корсак А.К. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857.
Костомаров Н.И. Историческия монографии и исследования. Том 16. СПб., 1885.
Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т.т. 1, 2, 3. Ростов-на-Дону: изд-во «Феникс», 1995.
Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. М.: изд-во «Чарли», 1994.
Костомаров Н.И. Руина // Вестник Европы. Т. 85. СПб., 1880.
Коялович М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен. СПб. 1873.

Коялович М.О. История базилианскаго ордена // Христианское чтение. 1864 год, часть 1. СПб., 1864.
Крачковский Ю.Ф. Очерки Униятской Церкви // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел I. М., 1871.
Крачковский Ю.Ф. Очерки Униятской Церкви // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел I. М., 1871.
Крижанич Ю. История о Сибири // Титов А. «Сибирь в XVII веке». М., 1890.
Крижанич Ю. Политика. М.: изд-во «Новый Свет», 1997.
Ks. Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. I. Część I. Lwów. 1900.
Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. I. Część II. Lwów. 1900.
Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. II. Lwów. 1901.
Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. III. Część I. Lwów. 1902.
Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. III. Część II. Lwów. 1902.
Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. IV. Część I. Kraków. 1905.
Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. IV. Część II. Kraków. 1905.
Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. IV. Część III. Kraków. 1905.
Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. T. IV. Część IV. Kraków. 1905.
Ksiądz Stanisław Załęski T.J. Jezuici w Polsce. W skroceniu, 5 tomow w jednym, z dwoma mapami. Kraków. 1908.
Лебедев А.П. История запрещенных книг на Западе. Итальянское духовенство в одну из средневековых эпох: Исследования по истории Церкви Средних веков и Нового времени. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. URL: http://ec-dejavu.ru/
Лебедев А.П. История Греко-Восточной Церкви под властью турок. Изд-во Олега Абышко. СПб., 2004. URL: http://predanie.ru/
Лекарев С. Покушение на Папу Римского – инсценировка ЦРУ // Аргументы недели. 2009. 19 февраля.
Лозинский С.Г. История папства. 3-е изд. М.: Политиздат, 1986.
Макарий, архиепископ Литовский и Виленский. История русской церкви в период разделения ея на две митрополии. Т. VII. Книга 2. СПб., 1874.
Макарий, архиепископ Литовский и Виленский. История русской церкви в период разделения ея на две митрополии. Т. VIII. Книга 3. СПб., 1877.
Макарий, архиепископ Литовский и Виленский. История русской церкви. Т. IX. Книга 4. СПб., 1879.
Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. X. СПб., 1881.
Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. XI. Патриаршество в России. Книга 2. СПб., 1882.
Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Т. XII. Патриаршество в России. Книга 3. СПб., 1883.
Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга 6. Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М., 1996.
Макарий, митрополит Московский. Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов. М., 1881.
Малышевский И.И. Новыя данныя для биографии Ивана Федорова, русскаго первопечатника // Чтения в Историческом Обществе Нестора летописца. Книга 7. Отдел II. Киев., 1893.
Маржерет Ж. Состояние Российской империи и великого княжества Московии. // «Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев». Л.: Лениздат, 1986.
Маркевич А.И. Юрий Крижанич и его литературная деятельность. Варшава, 1876.
Марковский М. Антоний Радивиловский, южно-русский проповедник XVII в. Киев, 1894.

Мартин Бер. Летопись московская с 1584 года по 1612 // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 2. Перевод Н.Г. Устрялова. СПб., 1859.
Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М.: изд-во «Наука», 1996.
Моно Г. Об истории Общества Иисуса // Орден иезуитов: правда и вымысел: [сб.] / сост. А. Лактионов. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007.
Моравский З. Ватикан издали и вблизи. Пер. с польского О. Давтяна и Е. Соколова. М.: Изд-во «Прогресс», 1981.
Морошкин М. Иезуиты в России, с царствования Екатерины II-й и до нашего времени. Часть первая, обнимающая историю иезуитов в царствование Екатерины Великой и Павла I-го. СПб., 1867.
Московия Джона Мильтона. Пер. с английского. М.: ИОИДР, 1875.URL: www.vostlit.narod.ru/
Мулюкин А.С. Приезд иностранцев в Московское государство. СПб., 1909.
Начало и возвышение Московии. Сочинение Даниила Принца из Бухова. Пер. с латинского И.А. Тихомирова // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел IV. М., 1876.
Невилль де ла. Любопытные и новые известия о Московии // «Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев». Л.: Лениздат, 1986.
Николаас Витсен. Путешествие в Московию. СПб.: Symposium, 1996.
Никольский М. Русские выходцы из заграничных школ в XVII столетии: Петр Артемьев // Православное Обозрение. 1863. Т. 10, март.
Никольский Н.М. История русской церкви. М.: Политиздат, 1985.
Новое известие о времени Ивана Грозного. Пер. А.И. Малеин. Л.: изд-во АН СССР, 1934.
Новости разведки и контрразведки. № 15, 1996.
О нынешнем состоянии государственного управления в Московии. Донесение Оттона Плейера в 1710 году // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел IV. М., 1874.
Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. 1470–1700. Т. 1. СПб., 1897.
Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. Донского монастыря. Т. 1. (1542–1721). СПб., 1868.
Павленко Н.И. Петр Первый. М.: изд-во «Молодая гвардия», 1975.
Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I. СПб., 1851.
Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. II. СПб., 1852.
Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. III. СПб., 1854.
Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. IV. СПб., 1856.
Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. VI. СПб., 1862.
Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. VII. СПб., 1864.
Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. X. СПб., 1871.
Патрик Гордон. Дневник 1659–1667. Пер. Федосова Д.Г. М.: Изд-во «Наука», 2002.
Первыя сорок лет сношений между Россиею и Англиею. 1553–1593. Грамоты, собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. СПб, MDCCCLXXV.
Переписка Николая Вольскаго с Римом // Пирлинг П. Из Смутнаго времени. Статьи и заметки. СПб., 1902.

Переписка пап с российскими государями в XVI веке, найденная между рукописями в Римской Барбериниевой библиотеке. Составитель и перевод с лат. И. Григорович. СПб., 1834.

Перетц В.Н. Совращение диакона в латинство (1692 года) // Чтения в Историческом Обществе Нестора – летописца. Книга 15, вып. II. Отдел V. Киев, 1901.

Петр Могила Митрополит Киевский // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел I. М., 1877.

Пирлинг П. Французский иезуит в Москве в XVII столетии // Русская Старина. Т. 111. СПб., 1902.

Пирлинг П. Из Смутного времени. Статьи и заметки. СПб., 1902.

Пирлинг П. Россия и папский престол. Книга 1. Русские и Флорентийский собор. Перевод с франц. В.П. Потемкина. М., 1912.

Пирлинг П.О. Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел III. Перевод Станкевича А.И. М., 1906.

Пирлинг П.О. Дмитрий Самозванец. Ростов-на-Дону: изд-во «Феникс», 1998.

Пирлинг П. Паисий Лигарид. Дополнительныя сведения из римских архивов // Русская Старина. Т. 109. СПб., 1902.

Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904.

Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века // ЖМНП. № 9. 1842.URL: www.vostlit.narod.ru/

Повествование о Димитрии Самозванце, собранное Бареццо Барецци // ЧИОИДР. Год третий. № 5. Отдел III. Пер. М.А. Оболенского. М., 1848.

Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича // ЖМНП. Май. СПб., 1835.

Полное Собрание Русских Летописей. Т. 4. Часть первая. Новгородская четвертая летопись. Вып. третий. Ленинград: изд-во АН СССР, 1929.

Послание папы Иннокентия IV князю Александру Ярославичу от 23.01.1248 // Крестоносцы и Русь. Конец XII–1270 г. Перевод В.И. Матузовой, Е.Л. Назаровой. М.: изд-во «Индрик», 2002.

После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. М.: изд-во «Наука», 1968.URL: www.vostlit.narod.ru/

Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М.: изд-во МГУ, 1983.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. I. Ведомства внешней политики и их руководители. М.: изд-во «Международные отношения», 1995.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. II. Книга 1. Войны и мирные договоры. М.: изд-во «Международные отношения», 1995.

Православная энциклопедия / [сост. Е.Л. Исаева]. М.: РИПОЛ классик, 2010.

Привилегия Московской Академии // Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е. Часть VI. М., 1788.

Проекты об уничтожении Греко-Российскаго вероисповедания в отторженных Польшей от России областях // ЧИОИДР. Октябрь – декабрь. Книга 4. Отдел III. М., 1862.

Прозоровский А. Сильвестр Медведев. (Его жизнь и деятельность). Опыт церковно-историческаго изследования // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел IV. М., 1896.

Прозоровский А. Сильвестр Медведев. (Его жизнь и деятельность). Опыт церковно-историческаго изследования // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел III. М., 1896.

Проскинитарий Арсения Суханова // «Записки русских путешественников XVI–XVII вв.». М.: изд-во «Советская Россия», 1988.

Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. Перевод В. Любич-Романович // Сын отечества. № 6. 1842.URL: www.vostlit.info

Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году. Перевод В. Любич-Романович // Сын отечества. № 7. 1842. URL: www.vostlit.info

Путешествие в Московию Барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, Послов Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 году. Перевод с латинскаго А.Н. Шемякина с предисловием О.М. Бодянскаго // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел IV. М., 1873.

Путешествие в Московию Барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, Послов Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 году. Перевод с латинскаго А.Н. Шемякина с предисловием О.М. Бодянскаго // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел IV. М., 1874.

Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг. // «Проезжая по Московии». (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М.: изд-во «Международные отношения», 1991.

Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в середине XVII в. Пер. с арабского Г. Муркоса. СПб.: П.П. Сойкин. 1898. URL: www.vostlit.narod.ru/

Путешествие антиохийскаго патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод с арабскаго Г.А. Муркоса // ЧИОИДР. Книга вторая. Отдел III. М., 1900.

Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии. Т. X. Вып. 1. СПб., 1882.

Рансимэн Стивен. Великая Церковь в пленении. URL: http://predanie.ru/

Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии //Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. URL: www.vostlit.narod.ru/

Relacye nuncyuszów apostolskich i innich osób o Polsce od roku 1548 do 1690. T. I. Berlin, Poznań. 1864 r.

Relacye nuncyuszów apostolskich i innich osób o Polsce od roku 1548 do 1690. T. II. Berlin, Poznań. 1864 r.

Роджерс Ф. Дж. Первый англичанин в Японии. История Уильяма Адамса. Перевод с англ. М.: изд-во «Наука», 1987.

Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Издание Археографической Комиссии. Т. 1. СПб., 1884.

Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Издание Археографической Комиссии. Т. 3. СПб., 1888.

Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Издание Императорской Академии Наук. Т. I. Вып. I. СПб., 1907.

Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Издание Императорской Академии Наук. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1908.

Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Издание Императорской Академии Наук. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1913.

Руджиери Ф. Донесение папе римскому в 1568 г. // Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков). М.: Столица, 1991. URL: www.vostlit.info

Русско-индийские отношения в XVII веке. М.: Издательство восточной литературы, 1958.

Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683. М.: изд-во «Наука», 1969.
Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. 2. 1686–1691. М.: изд-во «Наука», 1972.
Рущинский Л.П. Религиозный быт Русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков // ЧИОИДР. Книга третья. Отдел I. М., 1871.
Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М.: изд-во «Наука», 1974.
Самарин Ю.Ф. Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову. Издание 3-е. М., 1870.
Сапунов А. Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке. Витебск, 1890.
Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. Пер. с англ. Панафидина С.А. и Кублицкого Ф.А. М.: Изд-во Института Международных отношений, 1961. С. 32–33. URL: http://scilib.narod.ru/index.html
Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 34. СПб., 1881.
Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 39. СПб., 1884.
Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 53. СПб., 1887.
Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 137. М., 1912.
Сборник Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранных Дел. Вып. 1. М., 1880.
Сборник Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранных Дел. Вып. 6. М., 1899.
Сборник Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранных Дел. Вып. 7. М., 1900.
Сведения о России конца XVI в. Паоло Кампани. Перевод Л.Н. Годовиковой // Вестник МГУ. Серия IX. История. № 6. 1969.
Севастиан Главинич о происшествиях Московских 1661 г. Пер. с лат. А.Н. Шемякина // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел IV. М., 1875.
Семенов В.Ф. История средних веков. М.: изд-во «Просвещение», 1975.
Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М.: изд-во «Наука», 1978.
Смирнов П.С. История русскаго раскола старообрядства. Издание второе, исправленное и дополненное. СПб., 1895.
Сношения России с Востоком по делам церковным. Т. 1. СПб., 1838.
Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. Издание Историко-Филологического Факультета Императорского Московского Университета. М., 1907.
Соколов М.И. Новооткрытое сочинение Крижанича о соединении церквей // ЖМНП. Март. СПб., 1891.
Соколов М.И. Новооткрытое сочинение Крижанича о соединении церквей (окончание) // ЖМНП. Май. СПб., 1891.
Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 3. М.: изд-во «Голос», 1993.
Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 4. М.: изд-во «Голос», 1994.
Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 5. М.: изд-во «Голос», 1995.
Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 6. М.: изд-во «Голос», 1995.
Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 7. М.: изд-во «Голос-Колокол-Пресс», 1997.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 8. М.: изд-во «Голос-Колокол-Пресс», 1997.
Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. № 5. М., 1963.
Статейный список посольства Избранта Идеса // Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о посольстве в Китай. М.: Глав. Ред. Вост. Лит, 1967.URL: www.vostlit.narod.ru/
Статистическо-географическое описание российского государства в начале XVII столетия. Адольф Лизек. Донесение о посольстве // ЖМНП. № 11. СПб., 1837.
Стрельбицкий И. Униатские церковные соборы с конца XVI века до возсоединения униатов с православною церковью. Изд. 2-е. Одесса, 1891.
Сумцов Н.Ф. К истории южнорусской литературы семнадцатаго столетия. Вып. I. Лазарь Баранович. Харьков, 1885.
Татарский И. Симеон Полоцкий. (Его жизнь и деятельность). М., 1886.
Титов А. Сибирь в XVII веке. М., 1890.
Титов Ф.И. Русская православная церковь в польско-литовском государстве в XVII-XVIII вв. Т. 1. Киев, 1905.
Толстой Д.А. Римский католицизм в России. Т. 1. СПб., 1876.
Три письма о событиях Смуты // Архивы русской истории. № 3. 1993. URL: www.vostlit.narod.ru/
Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов» // Россия и Германия. Вып.1. М.: Издание РАН ИВИ, 1998. URL: www.vostlit.narod.ru/
Тумасов Н. Дворянство Западной России в XVI веке // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел I. М., 1868.
Уинсор Д. Христофор Колумб и открытие Америки. Пер. с англ. Ф.И. Булгакова. СПб., 1893.
Универсал короля Сигизмунда III о репрессиях против православных епископов, посвященных Иерусалимским патриархом Феофаном вместо перешедших в унию (1621 г.) // Уния в документах. № 48. Пер. с польского. Минск, 1997. URL: www.sedmitza.ru
Успенский Ф.И. Сношения Рима с Москвой // ЖМНП. Август. СПб., 1884.
Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великаго. Т. 2. СПб., 1858.
Фернан Мендес Пинто. Странствия. Пер. И. Лихачева. М.: изд-во «Художественная литература», 1972.
Филарет. История русской церкви. Четвертый период: период патриаршества 1588–1720. Харьков, 1853.
Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI–начале XVII в. М.: изд-во «Наука», 1973.
Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. (1544–1648). Том II: Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом (30-летняя война). СПб., 1894.
Форстен Г.В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648–1700) // ЖМНП. Февраль. СПб., 1898.
Форстен Г.В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648–1700) // ЖМНП. Сентябрь. СПб., 1899.
Фраттини Э. Священный Альянс. Палачи и шпионы Ватикана / Эрик Фраттини; [пер. с исп. В. Штаерман]. М.: Эксмо, 2007.
Хенниг Р. Неведомые земли. Перевод с нем. Т. 3. М.: изд-во «Иностранная литература», 1962.
Хенниг Р. Неведомые земли. Перевод с нем. Т. 4. М.: изд-во «Иностранная литература», 1963.

Хождение на Флорентийский собор // «Все народы едино суть». М.: изд-во «Молодая гвардия», 1987.
Хроника христианства / Пер. с нем. В. Годфрида. М.: ТЕРРА, 1999.
Цветаев Д.В. Памятники к Истории Протестантства в России. Часть первая // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел I. М., 1883.
Цветаев Д.В. История сооружения перваго костела в Москве // Русский Вестник. Т. 179. М., 1885.
Цветаев Д.В. История сооружения перваго костела в Москве // Русский Вестник. Т. 180. М., 1885.
Черняк Е.Б. Времен минувших заговоры. М.: изд-во «Международные отношения», 1994.
Черняк Е.Б. Интриги старины глубокой. М.: РИПОЛ классик, 2003.
Шафоростов В. Ровесница города // Экономика. Право. Менеджмент. № 27.2004.
Эйнгорн В.О. О сношениях малороссийского духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел IV. М., 1893.
Эйнгорн В.О. О сношениях малороссийского духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел III. М., 1894.
Эйнгорн В.О. О сношениях малороссийского духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел III. М., 1898.
Эйнгорн В.О. О сношениях малороссийского духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧИОИДР. Книга 1. Отдел IV. М., 1899.
Эйнгорн В.О. О сношениях малороссийского духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧИОИДР. Книга 2. Отдел IV. М., 1899.
Эйнгорн В.О. Речи, произнесенные Иоанникием Галятовским в Москве в 1670 г. // ЧИОИДР. Книга 4. Отдел II. М., 1895.
Яков Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии (Падуя, 1680 г.) // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел II. М., 1905.
Яков Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии (Падуя, 1680 г.) // ЧИОИДР. Книга 3. Отдел III. М., 1906.

МАРЧЕНКО Владимир Павлович
Ватикан – Московия – Сибирь:
XVI – XVII века

М.: Товарищество научных изданий КМК. 2018. 748 с.
при участии ИП Михайлова К.Г.

Редактор издательства К.Г. Михайлов
Верстка: М.В. Скороходова

Для заявок:
123100, Москва, а/я 16, Издательство КМК
электронный адрес mikhailov2000@gmail.com
http://avtor-kmk.ru

Подписано в печать 10.10.2018. Тираж 500 экз. Заказ № 9712.
Формат 70×100/16. Объём 47 п.л. Усл.печ.л. 61,1. Бумага офсетная.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

